ИМПЕРАТОРЪ

ПАВЕЛЪ ПЕРВЫЙ

ИСТОРИКО-БІОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ

Н. К. ШИЛЬДЕРА

СЪ ПОРТРЕТАМИ, ВИДАМИ, ПЛАНАМИ И АВТОГРАФАМИ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
1901

ИМПЕРАТОРЪ

ПАВЕЛЪ ПЕРВЫЙ

ИМПЕРАТОРЪ

ПАВЕЛЪ ПЕРВЫЙ

ИСТОРИКО-БІОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ

Н. К. ШИЛЬДЕРА

СЪ ПОРТРЕТАМИ, ВИДАМИ, ПЛАНАМИ И АВТОГРАФАМИ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ИЗДАНІЕ А. С. СУВОРИНА
1901

Рисунки дозволены цензурою 23-го марта 1901 г. С.-Петербургъ

 Типографія А. С. Суворина, Эртелевъ пер., д. 13

ПАМЯТИ

КНЯЗЯ АЛЕКСѢЯ БОРИСОВИЧА

ЛОБАНОВА-РОСТОВСКАГО

ПОСВЯЩАЕТЪ СВОЙ ТРУДЪ

Н. ШИЛЬДЕРЪ.

Рисунки дозволены цензурою 23-го марта 1901 г. С.-Петербургъ

 Типографія А. С. Суворина. Эртелевъ пер., д. 13

Въ настоящемъ трудѣ я не задавался цѣлью изложить исторію царствованія императора Павла Перваго. Въ виду наступающаго столѣтія кончины этого государя я желалъ лишь набросать краткій очеркъ его жизни, отличавшейся такими трагическими и, можно сказать, гамлетовскими чертами, подобныхъ которымъ не встрѣчается въ жизни ни одного изъ вѣнценосцевъ, не только въ русской, но и во всемірной исторіи.

12-го марта
1901 года.

Императоръ Павелъ I.
Съ гравированнаго, въ 1799 году, портрета Карделли.

А. И. Вильборгъ, СПБ. Мѣщ. 2.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

I.

Въ 1744 году, 9-го (20-го) февраля, прибыла въ Москву принцесса Софія-Фредерика Ангальтъ-Цербстская, вызванная въ Россію императрицею Елисаветою Петровною. Эта принцесса предназначалась въ супруги наслѣднику русскаго престола, великому князю Петру Ѳеодоровичу.

Самое смѣлое воображеніе, самый проницательный умъ того времени, конечно, не могли себѣ представить, какое громадное вліяніе на будущія судьбы Россіи должно было имѣть это скромное появленіе въ первопрестольной столицѣ невѣдомой дотолѣ нѣмецкой принцессы. Между тѣмъ оказалось, что въ Москву прибыла представительница будущей славы Россіи, державное воплощеніе забытаго послѣ Петра Великаго русскаго государственнаго эгоизма. Постепенно знакомясь съ новою обстановкой, усвоивая себѣ все значеніе предстоявшей ей въ Россіи исторической роли, принцесса Софія пришла къ заключенію, что она не можетъ относиться къ русскому престолу съ тѣмъ же чувствомъ полнаго равнодушія, которое вызывалъ въ ней великій князь Петръ Ѳеодоровичъ. Представлявшійся ей сначала неясно образъ получалъ въ ея умѣ съ теченіемъ времени все болѣе точный и осязательный обликъ, и можно сказать, что съ той минуты, какъ эта мысль созрѣла въ умѣ будущей императрицы, она уже никогда болѣе не разставалась съ нею.

28-го іюня (9-го іюля) 1744 года совершено было въ Москвѣ миропомазаніе принцессы Софіи-Фредерики—она стала русскою великою княжною Екатериною Алексѣевною, а на другой день, 29-го іюня (10-го іюля), послѣдовало обрученіе ея съ наслѣдникомъ русскаго престола. Бракосочетаніе торжественно отпраздновано было лишь въ слѣдующемъ году, 21-го августа (1-го сентября) 1745 года, въ Петербургѣ. Затѣмъ прошло девять лѣтъ томительнаго ожиданія, и только 20-го сентября (1-го октября)

1754 года великая княгиня разрѣшилась отъ бремени сыномъ, нареченнымъ Павломъ. Событіе это, нетерпѣливо поджидавшееся, тщательно подготовленное и радостно встрѣченное дворомъ и всѣмъ русскимъ обществомъ, совершилось въ Лѣтнемъ дворцѣ въ Петербургѣ. Явился, наконецъ, видимый залогъ упроченія новаго порядка вещей, начавшагося съ воцаренія императрицы Елисаветы Петровны; дѣйствительно, могло казаться, что отнынѣ позволительно разсчитывать на нѣкоторое обезпеченіе правильнаго наслѣдованія престола и на прекращеніе дворцовыхъ переворотовъ, омрачавшихъ собою русскую исторію со времени кончины великаго преобразователя. Поэтому неудивительно, что надежды русскихъ людей того времени на лучшее будущее сосредоточились съ 1754 года на колыбели великаго князя Павла Петровича.

Историкъ Екатерины II, останавливаясь на разсматриваемомъ нами событіи, справедливо замѣчаетъ: «Въ данномъ случаѣ это не была семейная радость—это было политическое событіе, полное государственнаго значенія. Елисавета Петровна могла теперь спать спокойнѣе: образъ-дитяти-императора Ивана III заслонялся колыбелью новорожденнаго великаго князя; младенецъ, покоившійся въ этой колыбели, являлся опорою трона, не только ограждавшею его отъ случайностей, но, въ случаѣ крайности, представлявшею угрозу своему отцу. Этими соображеніями вполнѣ объясняется восторгъ, возбужденный рожденіемъ первенца у великой княгини» [1].

По существу, событіе 20-го сентября подверглось впослѣдствіи въ русской исторіографіи различнымъ толкованіямъ; мы же удовольствуемся здѣсь замѣтить: явился сынъ Минервы, и предадимъ забвенію печальную память о его отцѣ. Но въ 1754 году никто или, можетъ быть, весьма немногіе изъ современниковъ могли подозрѣвать, что матерью новорожденнаго великаго князя была Минерва, которой вскорѣ было суждено стать русскою самодержавною императрицей. Одно не подлежитъ сомнѣнію, что появленіе Павла Петровича сразу создало между Екатериною и Россіею новую связь, съ которою черезъ нѣсколько лѣтъ приходилось уже считаться государственнымъ дѣльцамъ того времени, а затѣмъ, подъ вліяніемъ понятнаго нерасположенія къ наслѣднику престола, зародилась екатерининская партія, не лишенная ко времени кончины Елисаветы Петровны нѣкотораго значенія.

Событіе 20-го сентября сопровождалось лично для Екатерины большимъ горемъ, а именно—полнымъ отчужденіемъ новорожденнаго великаго князя отъ матери. Императрица Елисавета Петровна, какъ только прочтены были духовникомъ ея установленныя молитвы, взяла къ себѣ маленькаго Павла, ревниво оберегая съ этой минуты свои попеченія о немъ

[1] В. А. Бильбасовъ: «Исторія Екатерины Второй». Спб., 1890 г., т. 1-й, стр. 275.

отъ всякаго вмѣшательства или даже участія со стороны матери. Екатерина брошена была одна безъ всякой помощи и малѣйшаго призрѣнія, и все это совершилось въ то время, когда дворъ утопалъ въ радости, а за нимъ собиралась ликовать и вся Россія; новорожденный младенецъ всецѣло овладѣлъ вниманіемъ двора, что же касается матери, то она сдѣлала свое дѣло, и всѣ о ней позабыли. Это грубое пренебреженіе къ ней глубоко огорчило Екатерину и никогда не изгладилось изъ ея памяти.

25-го сентября происходили крестины великаго князя Павла Петровича въ придворной церкви Лѣтняго дворца [1]. По окончаніи церемоніи императрица посѣтила великую княгиню и принесла ей на золотой тарелкѣ указъ кабинету о пожалованіи 100.000 рублей. Деньги очень обрадовали Екатерину, такъ какъ, по собственному ея признанію, она имѣла пропасть долговъ и ни копейки денегъ. Но радость ея была непродолжительна: черезъ нѣсколько дней по полученіи ею денегъ, баронъ Черкасовъ сталъ умолять великую княгиню возвратить 100.000 рублей кабинету, потому что императрица требуетъ денегъ, а въ кабинетѣ нѣтъ ни копейки. Екатерина не замедлила отослать деньги и объясняетъ въ своихъ запискахъ загадку слѣдующимъ образомъ: «Великій князь, узнавъ, что я получила отъ императрицы подарокъ, ужасно разгнѣвался, отчего ему ничего не дали. Онъ съ горячностію говорилъ объ этомъ графу Александру Шувалову; тотъ пересказалъ императрицѣ, которая немедленно повелѣла выдать великому князю такую же сумму, какую я получила; для этого и заняли у меня деньги» [2].

[1] Въ описаніи торжества, бывшаго при дворѣ по случаю рожденія и крещенія великаго князя Павла Петровича, читаемъ, что 21-го сентября «поутру отправляемо было всѣмъ духовенствомъ торжественное благодарное молебствіе, а къ вечеру паки приносимы были отъ всѣхъ его императорскому высочеству великому князю нижайшія поздравленія, и того же дня обрѣтающемуся здѣсь римско-императорскому послу графу Эстергазію сдѣлано о семъ формальное увѣдомленіе чрезъ оберъ-церемоніймейстера графа Сантія, съ такимъ присовокупленіемъ, что ея императорское величество, наша августѣйшая самодержица, всевысочайше намѣрена обоихъ римско-императорскихъ величествъ пригласить быть обще съ ея величествомъ воспріемниками новорожденному великому князю»... А 25-го сентября «священнодѣйствіе святаго крещенія отправлялъ ея императорскаго величества духовникъ, протопресвитеръ Дубянскій, а высочайшею воспріемницею ея императорское величество быть изволила, представляя при томъ же и ихъ величества римскаго императора и императрицу-королеву».

Записки Порошина. С.-Петербургъ. 1881 (изд. 2-е). Стр. 597 и 599.

[2] По свидѣтельству Екатерины, деньги были ей возвращены въ январѣ слѣдующаго 1755 года. Между тѣмъ въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» 1754 года напечатано было, что императрица подарила на крестинахъ великому князю Петру Ѳеодоровичу 100.000 рублей, а великой княгинѣ 100.000 рублей и сверхъ того бриліантовый уборъ на шею и серьги. По поводу послѣднихъ драгоцѣнностей Екатерина пишетъ, что онѣ были такъ плохи, что она постыдилась бы подарить ихъ своей камерфрау.

*

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Послѣ крестинъ Павла Петровича до великаго поста безпрерывно слѣдовали празднества: обѣды, балы, маскарады, фейерверки. Они имѣли мѣсто при дворѣ, а также въ домахъ знатнѣйшихъ особъ. Особенно выдѣлился костюмированный балъ у Ивана Ивановича Шувалова, продолжавшійся 48 часовъ [1].

Скажемъ здѣсь также нѣсколько словъ о великолѣпномъ фейерверкѣ, который былъ сожженъ въ день крестинъ великаго князя.

Россія была представлена на колѣняхъ передъ жертвенникомъ съ надписью внизу: «Единаго еще желаю». Потомъ явилось съ высоты на легкомъ облакѣ окруженное великимъ сіяніемъ Божіе Провидѣніе съ новорожденнымъ принцемъ на пурпуровой бархатной подушкѣ, съ надписью: «Тако исполнилось твое желаніе». Надпись, обращенная къ Елисаветѣ, гласила:

«И такъ ужъ Божія десница увѣнчала,
Богиня, все, чего толь долго ты желала».

Только на сороковой день послѣ родовъ Екатерина впервые увидѣла своего сына и пишетъ: «Je le trouvai fort beau, et sa vue me réjouit un peu». Но по совершеніи очистительной молитвы государыня велѣла тотчасъ снова унести младенца къ себѣ.

Императрица помѣстила новорожденнаго въ своихъ покояхъ и, какъ замѣчаетъ Екатерина въ запискахъ, «прибѣгала къ нему на каждый крикъ его; излишними заботами ребенка буквально душили (à force de soins on l'étouffait à la lettre). Его помѣстили въ чрезвычайно жаркой комнатѣ, въ фланелевыхъ пеленкахъ, въ колыбели, обитой мѣхомъ черныхъ лисицъ; покрывали его стеганымъ на ватѣ атласнымъ одѣяломъ, сверхъ котораго постилали другое одѣяло изъ розоваго бархата, подбитаго мѣхомъ черныхъ лисицъ. Впослѣдствіи я сама много разъ видала его такимъ образомъ уложеннаго; потъ выступалъ у него на лицѣ и по всему тѣлу, вслѣдствіе чего, когда онъ нѣсколько подросъ, то малѣйшее дуновеніе воздуха причиняло ему простуду и дѣлало его больнымъ. Кромѣ того, онъ окруженъ былъ множествомъ старушекъ, лишенныхъ всякаго смысла, которыя своимъ неумѣстнымъ усердіемъ причиняли ему несравненно болѣе физическаго и нравственнаго зла, нежели добра».

[1] Графъ А. Р. Воронцовъ въ своей автобіографической запискѣ пишетъ: «Il y eut entre autres un bal masqué dont je me souviens chez le chambellan Шуваловъ, favori de l'Impératrice, qui dura 48 heures et les masques se changeaient. Il y eut aussi alors chez lui une illumination de glaces qu'on admira extrêmement». Къ этимъ воспоминаніямъ графъ Александръ Романовичъ прибавилъ слѣдующія разсужденія: «Leibnitz a eu bien raison de dire que le présent est gros de l'avenir. Qui est ce qui aurait crû alors, en se réjouissant de la naissance de Paul, que c'est un tyran qui naissait pour la Russie». Архивъ князя Воронцова, книга 5-я, стр. 18.

Итакъ императрица Елисавета Петровна, окруживъ Павла своею неразумною заботливостью, испортила съ первыхъ дней его жизни физическое здоровье ребенка. Поправить причиненное зло оказалось впослѣдствiи невозможнымъ; у Павла появились нервность, чрезмѣрная раздражительность, принесшiя со временемъ горькiе плоды.

На Екатерину въ этомъ отношенiи не падаетъ никакой отвѣтственности; мѣры, принятыя со стороны императрицы, препятствовали ей быть матерью и руководить первыми шагами своего первенца, при чемъ ничего не было упущено, чтобы довести взаимное отчужденiе до степени какъ бы нормальной привычки. Екатерина могла только украдкою узнавать о положенiи своего ребенка, потому что всякiе вопросы о немъ могли быть истолкованы въ смыслѣ сомнѣнiя въ заботливости императрицы. Наконецъ, для полной характеристики этой безотрадной семейной картины достаточно упомянуть, что только въ концѣ царствованiя императрицы Елисаветы Петровны Екатерина получила дозволенiе видѣть сына разъ въ недѣлю. А ранѣе того было еще хуже. Когда весною 1755 года великокняжескiй дворъ собирался переѣхать въ Ораніенбаумъ, императрица разрѣшила Екатеринѣ передъ отъѣздомъ взглянуть на сына; по счету это было въ третiй разъ послѣ его рожденiя. Великая княгиня нашла несчастнаго ребенка попрежнему въ удушливой жарѣ и при извѣстной уже намъ обстановкѣ.

Припомнимъ здѣсь еще одинъ характерный фактъ изъ той же области попранныхъ материнскихъ чувствъ. Когда разыгралась Бестужевская исторiя, и Екатерина, опечаленная гнѣвомъ императрицы, выразила желанiе удалиться въ Германiю, то вице-канцлеръ графъ М. Л. Воронцовъ заговорилъ о ея дѣтяхъ [1]; великая княгиня возразила графу, что она лишена утѣшенiя бывать съ дѣтьми и не можетъ ихъ видѣть безъ особаго разрѣшенiя императрицы, поэтому для нея безразлично —жить ли отъ нихъ въ разстоянiи ста шаговъ или ста верстъ [2].

Отчужденiе отъ дѣтей побудило пытливый умъ Екатерины все болѣе критически относиться къ окружавшей ее обстановкѣ, о чемъ встрѣчается признанiе въ ея запискахъ уже во время, непосредственно слѣдовавшее за рожденiемъ Павла Петровича. «Я начала видѣть многое въ

[1] 9-го декабря 1757 года Екатерина разрѣшилась отъ бремени дочерью Анною; ею такъ же, какъ и Павломъ Петровичемъ, завладѣла императрица.

Великая княжна Анна Петровна умерла 7-го марта 1759 года и была похоронена въ Невской лаврѣ.

[2] «Je lui dis que je ne les voyais pas, et que depuis mes relevailles je n'avais pas encore vu la cadette, et ne pouvais la voir sans un ordre exprès de l'Impératrice, à deux chambres de laquelle ils étaient logés, leur appartement faisant partie du sien; que je ne doutais point qu'elle n'en eût grand soin, mais qu'étant privée de la satisfaction de les voir, il était indifférent pour moi d'être à cent pas ou à cent lieues d'eux». «Mémoires», p. 348.

черномъ свѣтѣ,—пишетъ Екатерина,—и отыскивать въ предметахъ, представлявшихся моему взору, причины болѣе глубокія, отражающія въ себѣ разнообразные интересы»[1].

Такимъ образомъ, печальная семейная обстановка широко раскрывала передъ Екатериною политическое поприще, на которомъ ей предстояло пріобрѣсти въ будущемъ неувядаемые лавры. Теперь начались подготовительныя къ тому работы; Екатерина путемъ чтенія старалась усвоить себѣ недостающія знанія и опытъ, чтобы всецѣло познать свое новое отечество, съ которымъ она, въ противоположность мужу, вполнѣ сроднилась.

Для вѣрной оцѣнки отношеній Екатерины къ великому князю Павлу Петровичу всѣ эти обстоятельства требуютъ особеннаго вниманія со стороны историческаго изслѣдователя. Между тѣмъ потомство въ лицѣ добродѣтельныхъ историковъ нерѣдко склоняется къ обвиненію Екатерины въ безсердечіи и отсутствіи нѣжныхъ материнскихъ чувствъ къ сыну. Справедлива ли подобная точка зрѣнія? Спрашивается, напротивъ того, откуда же имъ было взяться, этимъ нѣжнымъ чувствамъ, если ко всѣмъ горестямъ супружеской жизни Екатерины присоединилось впослѣдствіи еще неотразимое вліяніе трагическихъ событій 1762 года? По воцареніи Екатерины, съ ея стороны дѣлались несомнѣнныя попытки къ сближенію, какъ это мы увидимъ ниже, но неумолимый рокъ приводилъ ея старанія ко все болѣе непоправимому разладу. Пропасть между матерью и сыномъ въ продолженіе 34-хъ лѣтъ раздвигается все шире, и порою въ этой непрерывающейся трагедіи являются моменты, поражающіе своимъ высокимъ драматизмомъ.

Есть чѣмъ вдохновиться будущему русскому Шекспиру. Художественная кисть его нарисуетъ намъ эти потрясающія картины нашего прошлаго и раскроетъ передъ зрителями внутренній смыслъ событій; тогда станетъ понятнымъ таинственное звено, связывающее между собою самыя, повидимому, разнородныя явленія, логически вытекающія одно изъ другого. Но до этого еще далеко! Пока приходится довольствоваться однимъ туманнымъ очеркомъ этого далекаго прошлаго, въ которомъ лишь мимолетно проглядываетъ едва уловимый проблескъ солнца. Мы, съ своей стороны, можемъ только подходить къ истинѣ, и не намъ суждено вступить въ обѣтованную землю полной исторической правды.

[1] «Je commençais à voir plus de choses en noir et à chercher des causes plus profondes et plus calquées sur les intérêts divers dans les choses qui se présentaient à ma vue». «Mémoires», p. 226.

До тѣхъ поръ Екатерина въ своемъ политическомъ поведеніи, можетъ быть, невольно придерживалась «Pro memoria» своего отца. Въ этомъ произведеніи встрѣчается между прочимъ слѣдующая прелестная статья: «Insonderheit in keine Regierungs Sachen zu entriren um den Senat nicht zu aigriren».

II.

Первые годы дѣтства великій князь Павелъ Петровичъ, лишенный всякой родительской ласки, провелъ, какъ выше замѣчено, окруженный нянюшками и мамушками, дѣйствовавшими въ духѣ старозавѣтныхъ русскихъ традицій. Вѣроятно, обезпокоенныя частымъ появленіемъ императрицы, приставницы добились того, что Павелъ, при одномъ взглядѣ на нее, приходилъ въ испугъ и трясся всѣмъ тѣломъ, вслѣдствіе чего Елисавета Петровна стала лишь изрѣдка посѣщать внука. Надзоръ за ребенкомъ отъ этого, конечно, не выигралъ, да и вообще онъ оставлялъ желать многаго. Достаточно слѣдующаго примѣра: однажды Павелъ выпалъ изъ колыбели, и никто не замѣтилъ этого; только утромъ увидѣли, что великій князь лежитъ на полу и крѣпко почиваетъ.

Для вѣрной оцѣнки послѣдующей жизни Павла Петровича нельзя упускать изъ виду, что младенческіе годы его въ изобиліи преисполнены были болѣзненными припадками, которые настоятельно требовали разумнаго и просвѣщеннаго ухода, а таковой именно блисталъ своимъ отсутствіемъ. Вслѣдствіе этого нервы мальчика разстроились до того, что онъ прятался отъ страха подъ столъ, когда сильно прихлопнутъ дверьми.

Отсюда видно, что медицинскій надзоръ былъ не лучше прочаго, а между тѣмъ, въ виду частаго разстройства пищеварительныхъ органовъ, которымъ страдалъ Павелъ Петровичъ съ малыхъ лѣтъ, было надъ чѣмъ поработать разумному врачу; эти явленія, какъ дознано наукою, приводятъ къ разстройству воображенія и къ неестественной напряженности, что и оправдалось въ достаточной мѣрѣ послѣдующей жизнью великаго князя. Въ дѣйствительности для поправленія замѣченныхъ недостатковъ не было ничего сдѣлано, а, напротивъ того, продолжали даже, по неразумію, разстраивать здоровье маленькаго Павла несоблюденіемъ самыхъ основныхъ діэтическихъ правилъ [1]. На бумагѣ же все обстояло болѣе чѣмъ благополучно, и лейбъ-медикъ Павелъ Захаровичъ Кондоиди безпрепятственно упражнялся въ писаніи донесеній императрицѣ, въ родѣ нижеслѣдующаго: «Благовѣрнаго государя великаго князя Павла Петровича вседражайшее здоровье, Господу споспѣшествующему за молитвами вашего императорскаго величества, продолжается саможелательно и во всемъ благополучно».

[1] Въ дѣтствѣ великаго князя наказывали тѣмъ, что кормили его молочнымъ, вредно дѣйствовавшимъ на его желудокъ; затѣмъ принялись за другую крайность, заставляя его есть много мяса, отъ чего у него дѣлалась рвота.

Когда великому князю Павлу Петровичу минуло четыре года, императрица ввѣрила его воспитаніе Θеодору Дмитріевичу Бехтѣеву, бывшему повѣренному въ дѣлахъ при версальскомъ дворѣ [1]. По свидѣтельству Порошина, записавшаго разсказы Павла о его дѣтствѣ, великій князь въ ожиданіи прибытія Бехтѣева «очень боялся, думалъ, что наказывать будетъ». Опасенія его не оправдались: женское царство, окружавшее Павла, удержалось и при Бехтѣевѣ, который никого не тронулъ. Съ великимъ княземъ попрежнему обѣдали бѣдные дворяне, жившіе при дворѣ: Иванъ Ивановичъ Ахлебининъ, Савелій Даниловичъ Титовъ и мамушка Анна Даниловна Титова; нянюшки прислуживали.

Въ первый же день по принятіи должности Бехтѣевъ посадилъ своего воспитанника учиться грамотѣ. Для облегченія дѣла за столъ сѣли также Иванъ Ивановичъ, Савелій Даниловичъ и Анна Даниловна и притворились, что не умѣютъ грамотѣ. Благодаря этой уловкѣ, трудные шаги первоначальнаго обученія обошлись, повидимому, безъ плача и рыданій.

При Бехтѣевѣ послѣдовало, однако, одно нововведеніе: Павелъ Петровичъ пересталъ носить дѣтское платье и впервые надѣлъ парикъ; новый же кафтанъ няня предварительно окропила святой водой.

Нельзя также умолчать о слѣдующемъ воспитательномъ пріемѣ Бехтѣева: о поведеніи и всѣхъ поступкахъ великаго князя нарочно печатали особыя вѣдомости и давали ему для прочтенія, увѣряя его, что ихъ разсылаютъ по Европѣ.

Императрица Елисавета Петровна не удовольствовалась, однако, назначеніемъ Бехтѣева и въ 1760 году выбрала для воспитанія внука новаго руководителя, Никиту Ивановича Панина, генералъ-поручика и дѣйствительнаго камергера. 29-го іюня 1760 года Никита Ивановичъ назначенъ былъ оберъ-гофмейстеромъ при великомъ князѣ Павлѣ Петровичѣ, и съ той поры водворились новые порядки. Женскій персоналъ вполнѣ восчувствовалъ приближавшуюся грозу и постарался заблаговременно порядкомъ напугать впечатлительнаго великаго князя и вооружить его противъ Панина.

«Плакивалъ прежде за мѣсяцъ еще до опредѣленія его, по разсказамъ мамъ», пишетъ Порошинъ. «Потомъ, какъ у государыни Никита Ивановичъ обѣдалъ, (его высочество) подсылалъ подсмотрѣть его; сказали, что парикъ съ узлами и старикъ угрюмый [2]. Поѣхали въ Петергофъ. 2-го іюня великій князь былъ у государыни и самъ-другъ съ нею стоялъ на галереѣ, что въ Петергофѣ, между дворцомъ и церковью

[1] 19-го октября 1758 года Бехтѣевъ былъ назначенъ церемоніймейстеромъ. Онъ умеръ въ 1761 году.

[2] Н. И. Панину въ это время было только 42 года. Онъ родился въ 1718 году, 15-го сентября.

Вдругъ увидѣлъ (великій князь), что идетъ старикъ въ парикѣ, въ голубомъ кафтанѣ, съ обшлагами желтыми, бархатными, и заключилъ, что это Никита Ивановичъ, и неописанно струсилъ, для того, что уже разсказано было, что какъ скоро онъ опредѣлится, то не будетъ допускать ни Матрену Константиновну, ни другихъ женщинъ, и всѣ веселости отнимутъ»[1].

Послѣ этого весьма естественно, что появленіе Панина у великаго князя сопровождалось нескончаемымъ плачемъ испуганнаго мальчика. Первое свиданіе произошло слѣдующимъ образомъ: великій князь сидѣлъ за столомъ и съ нимъ, по обыкновенію, Матрена Константиновна, Анна Даниловна, Савелій Даниловичъ, Иванъ Ивановичъ и проч. Вдругъ растворились двери. Вошелъ Иванъ Ивановичъ Шуваловъ, а за нимъ графъ Михайло Ларіоновичъ Воронцовъ и Никита Ивановичъ Панинъ. Шуваловъ и Воронцовъ объявили, что Никита Ивановичъ пожалованъ къ его высочеству оберъ-гофмейстеромъ. «C'était un coup de foudre pour son altesse», пишетъ Порошинъ. «Покатились въ три ручья слезы, и ничего не кушалъ». Панинъ удалился, а великій князь «отрапортовался больнымъ». Черезъ полчаса опять всталъ. Слезы нѣсколько унялись. Вошелъ опять Никита Ивановичъ и заставилъ играть великаго князя въ воланъ. Онъ нѣсколько успокоился, когда увидѣлъ, что Матрена Константиновна и прочіе еще не удалены. «Поутру повелъ его Никита Ивановичъ гулять. Сѣли обѣдать опять съ Матреной Константиновной. Никита Ивановичъ и Павелъ Захарьевичъ Condoidi, médecin, стояли у окошка и тихонько разговаривали. Великій князь все косился и похныкивалъ. Какъ всталъ, то въ первый разъ сегодня Никита Ивановичъ приказалъ, чтобы его высочество во рту пополоскалъ у себя: взявши воды въ ротъ, проглотилъ великій князь, потомъ кой-какъ научился и полоскалъ». Когда Панинъ посадилъ великаго князя писать, опять возобновились слезы. Послѣ прогулки въ линейкѣ, сѣли ужинать съ его высочествомъ Никита Ивановичъ, Кондоиди, Фузадье[2] и Ѳ. Д. Бехтѣевъ. «Вотъ уже другая кампанія. Его высочество полилъ опять горькія слезы; переплакавшись, спросилъ его высочество у Никиты Ивановича: «Для чего Ивана Ивановича и Савелія Даниловича нѣтъ тутъ за столомъ попрежнему?». Никита Ивановичъ отвѣтствовалъ только, что «не должно». Опять его высочество заплакалъ. Великій князь, увидя въ дверь Мавру Ивановну, приказалъ было для нея подать приборъ, но Никита Ивановичъ запретилъ. Слезы пошли; со слезами изъ-за стола

[1] Записки Порошина. С.-Петербургъ. 1881. (Изданіе 2-е, дополненное, безъ пропусковъ перваго изданія, появившагося въ 1844 году). Стр. 607: «воспоминанія великаго князя Павла Петровича о жизни его съ 1755 по 1761 годъ, записанныя съ его словъ С. А. Порошинымъ въ 1764 и 1765 годахъ».

[2] Вилимъ Вилимовичъ, лейбъ-хирургъ.

всталъ, со слезами и въ постелю легъ». На третій день повелъ Никита Ивановичъ гулять великаго князя по саду. «Тамъ встрѣтилъ его высочество многихъ придворныхъ дамъ и кавалеровъ и гулялъ долго; поразвеселился было нѣсколько. Но какъ пришелъ домой, увидѣлъ, что большой столъ накрытъ, и многіе изъ гулявшихъ съ нимъ по саду кавалеровъ у стола поставлены, то взвылъ почти во весь голосъ; не привыкъ (онъ) въ такой кампаніи кушать. Послѣ стола гулялъ съ оными кавалерами, не могли они развеселить его» [1].

Педагогическая дѣятельность Панина подверглась со временемъ многообразной оцѣнкѣ. Однако, нельзя не признать, что выборъ, сдѣланный императрицей, былъ наилучшій, который она могла только сдѣлать въ то время. Панинъ безспорно принадлежалъ къ числу достойнѣйшихъ и образованнѣйшихъ русскихъ людей Елисаветинскаго царствованія; онъ много путешествовалъ, занималъ мѣсто посланника въ Копенгагенѣ, а затѣмъ полномочнаго министра въ Стокгольмѣ, но послѣ паденія Бестужева онъ, какъ ставленникъ канцлера, былъ отозванъ въ Петербургъ. Елисавета Петровна давно знала Панина и когда-то была даже къ нему неравнодушна; поэтому она вновь приблизила Панина ко двору и довѣрила ему воспитаніе внука.

Въ одной исторической рукописи встрѣчается слѣдующая характеристика Панина:

«Это былъ красивый, статный царедворецъ; 23-хъ лѣтъ онъ былъ сдѣланъ камеръюнкеромъ, 29-ти—камергеромъ. Всю свою жизнь, отъ юныхъ лѣтъ до самой смерти, онъ провелъ въ придворной атмосферѣ, при чемъ около тринадцати лѣтъ состоялъ по дипломатической части. Всегда привѣтливый и любезный со всѣми, мягкій по манерамъ, вѣжливый въ обращеніи, онъ легко снискивалъ себѣ уваженіе придворныхъ сферъ, своихъ и чужихъ. Ни рѣзкое слово, ни грубое движеніе никогда не обличало его. По образованію онъ стоялъ выше многихъ современниковъ; многолѣтнее пребываніе за границей и служба среди иноземныхъ людей, къ тому же, дипломатовъ, обогатили его многими познаніями, особенно драгоцѣнными для русскаго человѣка того времени... Придворная сфера, какъ извѣстно, не вырабатываетъ характеровъ, а Никита Ивановичъ и по природѣ своей былъ скорѣе податливаго, чѣмъ твердаго права... Какъ царедворецъ, предпочиталъ плыть по теченію и примиряться съ fait accompli. Иниціативой онъ не отличался, великихъ идей не провозглашалъ и оставилъ по себѣ добрую память высокообразованнаго совѣтника и безукоризненно честнаго человѣка».

По вступленіи въ должность, Панинъ представилъ императрицѣ записку подъ заглавіемъ: «Всеподданнѣйшее предъявленіе сла-

[1] Порошинъ. Стр. 607—609.

баго понятія и мнѣнія о воспитаніи великаго князя Павла Петровича». Въ отвѣтъ на эту записку императрица прислала Инструкцію, помѣченную 1761 годомъ, въ которой мысли, высказанныя Панинымъ въ запискѣ, одобрялись, и вмѣстѣ съ тѣмъ утверждались испрашиваемыя имъ полномочія [1].

Назначеніе Панина было послѣднимъ распоряженіемъ императрицы Елисаветы Петровны въ дѣлѣ воспитанія великаго князя Павла Петровича.

Припоминая впослѣдствіи свои младенческіе годы въ разговорахъ съ Порошинымъ, великій князь съ особенною любовью отзывался объ императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ, хотя въ послѣдніе годы ея царствованія онъ встрѣчался съ нею рѣдко; императрица посѣщала внука въ годъ разъ или два [2].

Въ концѣ 1760 года въ одинъ изъ праздниковъ былъ балъ, на которомъ великій князь Павелъ Петровичъ танцовалъ въ присутствіи императрицы; затѣмъ государыня разговаривала съ нимъ съ четверть часа, что̀, какъ пишетъ Порошинъ, «его высочество за особливую почелъ милость и очень радъ тому былъ, для того, что сіе рѣдко случалось» [3].

Нельзя не упомянуть здѣсь также о случаяхъ, свидѣтельствующихъ о необычайной остротѣ ума шестилѣтняго Павла; нѣкоторые изъ нихъ прямо поразительны. Такъ, напримѣръ, когда 20-го сентября 1760 года великому князю откланивался Александръ Борисовичъ Бутурлинъ, отправлявшійся въ армію, Павелъ Петровичъ сказалъ: «Петръ Семеновичъ Салтыковъ поѣхалъ миръ сдѣлать и миру не сдѣлалъ, а этотъ теперь, конечно, ни миру, ни войны не сдѣлаетъ». Однажды во время урока разбирались событія древней исторіи, при чемъ оказалось, что изъ тридцати государей того времени ни одного не было хорошаго. Въ это время отъ императрицы принесли пять арбузовъ. Стали ихъ разрѣзывать: четыре были негодны, одинъ только годенъ. Великій князь сказалъ: «Вотъ изъ тридцати государей не было ни одного хорошаго, а изъ пяти арбузовъ хотя одинъ сыскался хорошій». На вопросъ, сдѣлан-

[1] См. въ приложеніяхъ записку Н. И. Панина 1760 года и Инструкцію, данную ему въ 1761 году; послѣдняя, вѣроятно, была сочинена Бехтѣевымъ, потому что была найдена въ его бумагахъ.

[2] Порошинъ въ этомъ мѣстѣ записокъ (стр. 613) прибавляетъ: «Нынѣшняя государыня ѣзжать къ нему изволила довольно часто». Эти строки написаны имъ въ 1764—1765 гг.

[3] Графъ Мерси Аржанто въ депешѣ отъ 11-го октября 1761 года упоминаетъ о поразившей всѣхъ нѣжности, которую императрица Елисавета Петровна выказала однажды явно въ театрѣ великому князю Павлу Петровичу. Вниманіе императрицы къ внуку должно было, вѣроятно, служить предостереженіемъ отцу. (Historische Zeitschrift, 1876, Heft 4).

ный великому князю нѣкоторыми изъ придворныхъ о другихъ двухъ придворныхъ кавалерахъ (въ ихъ присутствіи), который изъ нихъ ему больше нравится, Павелъ Петровичъ отвѣчалъ, что онъ обоими очень доволенъ; несмотря на всѣ старанія нескромныхъ вопрошателей, они другого отвѣта не добились. Когда же они удалились, великій князь замѣтилъ: «Что это имъ сдѣлалось, что при нихъ спрашиваютъ меня, чтобы я сказалъ настоящее свое о нихъ мнѣніе? Либо вопросители глупы, либо меня они за дурака почитаютъ» [1].

Появленіе Панина положило конецъ одной забавѣ Павла Петровича: нерѣдко для развлеченія его собирали лакеевъ, и великій князь заставлялъ ихъ по комнатѣ маршировать. Очевидно, отцовскія наклонности заявили о себѣ довольно рано и находили удовлетвореніе въ неумѣстной игрѣ, кончавшейся иной разъ тѣмъ, что лакеи строемъ торжественно направлялись въ кухню за кушаньемъ. Къ сожалѣнію, дальнѣйшая борьба дипломата-воспитателя съ наслѣдственною «militaire marotte» [2] была менѣе успѣшна и уподобилась толченію воды. Панину не удалось искоренить, а развѣ только временно умѣрить порывы своего воспитанника къ этимъ занятіямъ, да и то, благодаря обстановкѣ, водворившейся уже въ царствованіе Екатерины и нисколько отъ Никиты Ивановича не зависѣвшей; когда же, со временемъ, цесаревичъ пріобрѣлъ нѣкоторую самостоятельность въ дѣйствіяхъ, то сдержанныя нѣкогда экзерцирмейстерскія увлеченія расцвѣли пышнымъ цвѣтомъ, который привелъ бы въ восторгъ самого Петра Θеодоровича.

Екатерина, по свидѣтельству ея историка, обрадовалась назначенію Панина воспитателемъ сына. «Пустота, образовавшаяся по изгнаніи Бестужева, теперь заполнена; Панинъ—Бестужевъ № 2-й; онъ уменъ, сообразителенъ, остороженъ; съ нимъ можно говорить о государственныхъ дѣлахъ; онъ не введетъ въ бѣду, напротивъ — остережетъ при случаѣ. Разговоры Екатерины съ Панинымъ касались, конечно, и будущаго, при чемъ выяснилось, что Панинъ противъ Петра Θеодоровича, но не за Екатерину, а за Павла Петровича» [3].

III.

Съ 1761 года здоровье императрицы Елисаветы Петровны сильно пошатнулось; болѣзненные припадки все учащались, повергая царедворцевъ въ уныніе и страхъ. Печальная развязка послѣдовала скорѣе, чѣмъ

[1] Порошинъ, стр. 172—173 и 610.

[2] Такъ называетъ Штелинъ въ своихъ запискахъ о Петрѣ III страсть ко всему военному, проявившуюся съ малыхъ лѣтъ у родителя Павла Петровича.

[3] Бильбасовъ, т. 1-й, стр. 403.

ожидали: 25-го декабря 1761 года (5-го января 1762 года), въ половинѣ четвертаго часа по полудни, «Богу угодная ея душа отъ тѣла разлучилась»,—въ такихъ выраженіяхъ возвѣщено было о кончинѣ императрицы Елисаветы Петровны въ особомъ прибавленіи къ «С.-Петербургскимъ Вѣдомостямъ». «Весь дворъ наполнился плачемъ и стенаніемъ» [1].

Французскій посланникъ Бретэль писалъ, что Елисавета Петровна, умирая, умоляла своего племянника жить въ согласіи со своею супругой и заботиться о малолѣтнемъ Павлѣ. Петръ не исполнилъ предсмертнаго наставленія императрицы, хотя и обѣщалъ, какъ говорятъ, поступать согласно волѣ своей благодѣтельницы [2].

О царственномъ узникѣ, несчастномъ Іоаннѣ Антоновичѣ, конечно, никто изъ современниковъ кончины Елисаветы Петровны не упоминаетъ; возможно, однако, предположеніе, что воспоминаніе о приснопамятной ночи 25-го ноября 1741 года не разъ тревожило духъ умиравшей императрицы; подобныя мысли становились еще болѣе тягостными и по другимъ причинамъ: Елисавета Петровна отлично сознавала, въ какія руки, послѣ ея кончины, должна была перейти Россійская держава. Императрица давно уже успѣла оцѣнить по достоинству своего племянника, окончательно потеряла всякую надежду на измѣненіе его къ лучшему и питала къ нему искреннюю ненависть.

По этому поводу Екатерина оставила намъ въ своихъ запискахъ замѣтку, правдивость которой не подлежитъ сомнѣнію.

«Насчетъ племянника своего она была совершенно одинаковыхъ со мною мыслей,—пишетъ Екатерина,—она такъ хорошо знала его, что нигдѣ не могла провести съ нимъ четверти часа безъ отвращенія или гнѣва или огорченія. У себя въ комнатѣ, когда заходила о немъ рѣчь, она, говоря о немъ, заливалась слезами по поводу несчастія имѣть такого наслѣдника, либо, отзываясь о немъ, обнаруживала свое презрѣніе

[1] Прибавленіе къ № 104 «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей» 1761 года, пятница 28-го декабря: «Краткое описаніе болѣзни и кончины ея величества государыни императрицы Елисаветы Петровны, вѣчныя славы достойныя памяти, и благополучнаго на престолъ восшествія его величества государя императора Петра III».—Статья написана Дмитріемъ Васильевичемъ Волковымъ, тайнымъ секретаремъ Петра III.

[2] «L'Impératrice fit appeler le grand duc et la grande duchesse. Elle recommanda au premier de la bonté pour ses sujets et la recherche de leur amour. Elle le conjura de vivre en bonne intelligence et en union avec sa femme et finit par s'étendre beaucoup sur sa tendresse pour le jeune duc et dit au père, qu'elle lui demandait comme la marque la plus sensible et la plus sûre de sa reconnaissance pour elle de chérir son enfant. M. le duc, dit-on, promit tout cela». Изъ депеши отъ 11-го января 1762 года: «La Cour de Russie il y a cent ans». Berlin, 1860, p. 178.

Въ позднѣйшей депешѣ, отъ 15-го февраля 1762 года, Бретэль пишетъ: «L'Empereur n'a vu son fils qu'une fois depuis qu'il est sur le trône» (p. 191).

къ нему и часто надѣляла его эпитетами, которыхъ онъ вполнѣ заслуживалъ» [1].

Въ особой собственноручной запискѣ Екатерины, служащей дополненіемъ къ ея воспоминаніямъ, читаемъ еще слѣдующее:

«Послѣднія мысли покойной императрицы Елисаветы Петровны о наслѣдствѣ точно сказать не можно, ибо твердыхъ не было. То не сумнительно, что она не любила Петра III, и что она его почитала за неспособнаго къ правленію, что она знала, что онъ русскихъ не любилъ, что она съ трепетомъ смотрѣла на смертный часъ и на то, что послѣ ея происходить можетъ; но какъ она во всемъ имѣла рѣшимости весьма медлительныя, особливо въ послѣдніе годы ея жизни, то догадываться можно, что и въ пунктѣ наслѣдства мысли болѣе колебались, нежели что нибудь опредѣлительное было въ ея мысляхъ. Фаворитъ же Иванъ Ивановичъ Шуваловъ... бывъ убѣжденъ воплемъ множествомъ людей, кои не любили и опасалися Петра III, за нѣсколько времени до кончины ея императорскаго величества мыслилъ... перемѣнить наслѣдство, въ чемъ адресовался къ Никитѣ Ивановичу Панину, спрося, что онъ о томъ думаетъ, и какъ бы то дѣлать, говоря, что мысли иныя клонятся, отказавъ и высылая изъ Россіи великаго князя съ супругою, сдѣлать правленіе именемъ царевича, которому былъ тогда седьмой годъ; что другіе хотятъ лишь выслать отца и оставить мать съ сыномъ, и что всѣ въ томъ единодушно думаютъ, что великій князь Петръ Ѳеодоровичъ не способенъ, и что, кромѣ бѣдства, покоряяся ему, Россія не имѣетъ ожидать. На сіе Никита Ивановичъ Панинъ отвѣтствовалъ, что всѣ сіи проекты суть способы къ междоусобной погибели, что... перемѣнить безъ мятежа и бѣдственныхъ средствъ не можно, что двадцать лѣтъ всѣми клятвами утверждено. Никита Ивановичъ о семъ мнѣ тотчасъ далъ знать, сказавъ мнѣ при томъ, что больной императрицѣ еслибъ представили, чтобъ мать съ сыномъ оставить, а отца выслать, то большая въ томъ вѣроятность, что она на то склониться можетъ [2]. Но къ

[1] Sur le compte de son neveu l'impératrice pensait tout comme moi, et elle le connaissait si bien, qu'elle ne pouvait se trouver nulle part avec lui un quart d'heure sans ressentir du dégoût, ou de la colère, ou du chagrin, et que dans sa chambre, quand il s'agissait de lui, elle en parlait ou en fondant en larmes sur le malheur d'avoir un pareil héritier, ou bien aussi elle n'en parlait qu'en faisant paraître son mépris pour lui, et lui donnait souvent des épithètes qu'il ne méritait que trop». «Mémoires», p. 328.

Екатерина приводитъ въ Запискахъ изъ переписки Елисаветы два выраженія насчетъ Петра, достаточно свидѣтельствующія о степени ея нѣжныхъ чувствъ. Напримѣръ: «проклятый мой племянникъ мнѣ досадилъ, какъ нельзя болѣе», или «племянникъ мой—уродъ, чортъ его возьми».

[2] По поводу этого эпизода В. А. Бильбасовъ («Исторія Екатерины II», т. I, стр. 403) пишетъ: «Потерялъ ли бывалый Шуваловъ настолько голову въ моментъ

сему, благодаря Богу, фавориты не приступили, но, оборотя всѣ мысли свои къ собственной ихъ безопасности, стали дворовыми мыслями и происками стараться входить въ милости Петра III, въ коемъ отчасти и предуспѣли.

«А онъ о сей грозящей ему тучѣ и никогда и не свѣдалъ, ибо онъ не молчаливъ былъ и, конечно, тѣ, кои бы захотѣли его остерегать въ томъ или въ другомъ изъ вѣрности къ нему, были бы жертвою его нескромности, коя наипаче тогда опасна была, когда онъ изъ-за стола вставалъ; по пословицѣ русской: у пьянаго на языкѣ, что у трезваго на умѣ» [1].

При отсутствіи всякихъ повелѣній со стороны императрицы Елисаветы Петровны, всѣ недоумѣнія должны были разрѣшиться на законномъ основаніи, хотя несомнѣнно, что никогда еще наслѣдникъ престола не пользовался менѣе народною любовью. Петръ III былъ провозглашенъ императоромъ, и ему безпрепятственно присягнули; начался кратковременный, но оригинальный періодъ шестимѣсячнаго его правленія.

С. М. Соловьевъ въ «Исторіи Россіи», по поводу воцаренія Петра III, пишетъ: «Большинство встрѣтило мрачно новое царствованіе: знали характеръ новаго государя и не ждали ничего хорошаго. Меньшинство людей, обѣщавшихъ себѣ важное значеніе въ царствованіи Петра III, разумѣется, должно было стараться разсѣять грустное расположеніе большинства, доказывать, что оно обманывается въ своихъ черныхъ предчувствіяхъ» [2].

Великая княгиня Екатерина Алексѣевна, хотя и сдѣлалась императрицей, но положеніе ея среди новаго двора стало еще хуже, чѣмъ при Елисаветѣ Петровнѣ. Что же касается великаго князя Павла Петровича, то съ перваго же дня правленія Петра III болѣе чѣмъ равнодушное къ нему отношеніе отца могло наводить на печальныя размышленія. Имя великаго князя Павла, какъ законнаго наслѣдника, не было включено въ форму клятвеннаго обѣщанія, въ которомъ сказано было: «Клянусь... его императорскому величеству... и по немъ по самодержавной его величества императорской власти и по высочайшей его волѣ избираемымъ и опредѣляемымъ наслѣдникамъ... вѣрнымъ подданнымъ быть». Очевидно, что Петръ III не желалъ себѣ связывать рукъ и потому предпочелъ дѣйствовать въ духѣ дѣдовской «правды воли монаршей». Но, по свой-

болѣзни Елисаветы Петровны, чтобъ такъ легкомысленно откровенничать съ своимъ врагомъ, Панинымъ, зная напередъ, что получитъ отъ него въ отвѣтъ категорическій отказъ съ указаніемъ на долгъ присяги, или осторожный Панинъ вложилъ въ уста всесильнаго фаворита свое личное мнѣніе,—все равно: остается несомнѣннымъ, что еще при жизни Елисаветы Петровны Екатерина обсуждала уже съ Панинымъ вопросъ о своемъ будущемъ положеніи».

[1] «Русскій Архивъ» 1863 года, стр. 383 (изданіе 2-е).

[2] «Исторія Россіи», т. 25, стр. 5.

ственной Петру Θеодоровичу непослѣдовательности, рядомъ съ этимъ преднамѣреннымъ умолчаніемъ о законномъ наслѣдникѣ, съ 27-го же декабря въ церквахъ на эктеніяхъ молились «о благочестивѣйшей великой государынѣ нашей императрицѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ и о благовѣрномъ государѣ цесаревичѣ и великомъ князѣ Павлѣ Петровичѣ» [1].

Разъ этотъ шагъ былъ сдѣланъ, то и въ упомянутую выше офиціальную статью «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей», отъ 28-го декабря, включено было соотвѣтствующее разсужденіе. Оно заключалось въ слѣдующемъ:

«Но того никогда прямо изобразить невозможно, коль велико всеобщее сожалѣніе о кончинѣ ея величества государыни императрицы Елисаветы Петровны, вѣчной славы достойныя памяти, каково искренно усердіе всѣхъ вѣрноподданныхъ къ его императорскому величеству, нынѣ благополучно государствующему, и къ ея величеству государынѣ императрицѣ, также и къ его императорскому высочеству государю цесаревичу и великому князю, и какъ ихъ величества, раздѣляя общую печаль и изливая на всѣхъ щедроты и благодѣянія, плѣненныя уже сердца ободряютъ» [2].

Подобный оборотъ дѣла долженъ былъ временно нѣсколько успокоить Екатерину, нисколько не обезпечивая въ будущемъ императрицу и цесаревича отъ какихъ либо новыхъ козней.

Прошли уже давно тѣ времена, когда въ случаѣ какихъ либо затрудненій Петръ Θеодоровичъ поспѣшно прибѣгалъ за совѣтомъ къ великой княгинѣ; не даромъ онъ въ ту пору называлъ Екатерину madame la Ressource. Съ своей стороны, Екатерина долгое время старалась, по возможности, скрыть и сгладить неумѣстныя выходки и предосудитель-

[1] «Полное собраніе законовъ», № 11.394, декабря 27-го 1761 года: форма церковнымъ возношеніямъ. Такимъ образомъ оказывается, что титулъ цесаревича былъ пожалованъ Павлу его отцемъ въ довольно оригинальной формѣ; особаго указа объ этомъ не существуетъ; однако, наслѣдникомъ Павелъ Петровичъ не названъ даже и въ церковномъ возношеніи.

[2] Не меньшаго вниманія заслуживаетъ дипломатическое заключеніе статьи, въ которой предусмотрительный Д. В. Волковъ не поскупился на щедрыя похвалы обѣимъ враждовавшимъ въ то время сторонамъ:

«Безконечна будетъ на вѣки память въ Бозѣ опочивающей нашей государыни императрицы. Безконечно и наше къ Подателю всѣхъ благъ благодареніе, когда видимъ, что его императорское величество, вступя на прародительскій престолъ, милосердіе и щедроты на всѣхъ изливаетъ, какъ милосердая Елисавета, и къ трудамъ въ государственномъ правленіи спѣшитъ и прилежитъ, какъ неутомимый Великій Петръ; а ея величество государыня императрица, непрестанно посѣщая тѣло любезнѣйшія своея тетки и смѣшивая свои слезы со слезами приходящихъ для прощенія, самое то бремя на себя снимать является, которое налагаетъ на насъ естество и усердная любовь къ имени и крови Петра Великаго».

Императоръ Петръ III.
Съ гравюры Штенглина, сдѣланной съ портрета, писаннаго Гротомъ.

А. И. Вильборгъ, СПБ. Мнщ. 2

ное поведеніе великаго князя. Отнынѣ же каждый дѣйствовалъ уже самъ по себѣ, преслѣдуя свои личныя цѣли, и соглашеніе на какихъ бы то ни было основаніяхъ сдѣлалось окончательно невозможнымъ. Семейная драма, длившаяся уже много лѣтъ, приняла теперь трагическій оборотъ и, благодаря невмѣняемости главнаго дѣйствующаго лица, стала быстро приближаться къ печальной для него развязкѣ.

Что же сдѣлалъ Петръ III по вступленіи на престолъ? Въ этомъ отношеніи онъ вполнѣ оправдалъ мнѣніе о немъ своихъ недоброжелателей и привелъ въ трепетъ друзей. Дѣйствительно, съ перваго же дня царствованія Петръ III началъ усердно работать въ пользу Екатерины, нисколько не подозрѣвая, какой подвигъ онъ совершаетъ для будущаго блага Русской земли. Обратимся прежде всего къ автобіографической запискѣ Екатерины, относящейся къ событіямъ первыхъ недѣль Петровскаго правленія, въ которой собрано множество драгоцѣнныхъ чертъ для уясненія полной политической несостоятельности ея державнаго супруга [1].

Во время перваго же молебна въ придворной церкви и присяги поведеніе Петра III превзошло всякое вѣроятіе. По словамъ Екатерины, «сей былъ внѣ себя отъ радости и оной нимало не скрывалъ и имѣлъ совершенно позорное поведеніе, кривляясь всячески и не произнося, окромѣ вздорныхъ рѣчей, не соотвѣтствующихъ ни сану, ни обстоятельствамъ, представляя болѣе смѣшного арлекина, нежели иного чего, требуя, однако, всякаго почтенія». Въ тотъ же вечеръ состоялся веселый ужинъ «въ куртажной галереѣ персонъ на полтораста». Этотъ ужинъ послужилъ началомъ нескончаемыхъ пирушекъ либо во дворцѣ, либо у знатныхъ особъ. Какъ и слѣдовало ожидать, генералъ-прокуроръ князь Шаховской былъ отставленъ по его прошенію и замѣненъ А. И. Глѣбовымъ; перемѣна совершилась, едва только императрица Елисавета Петровна скончалась. По этому поводу Екатерина пришла къ слѣдующему заключенію: «Ежели въ первомъ часу царствованія отставили честнаго человѣка, а не постыдились на его мѣсто возвести бездѣльника, чего ждать? Говорила я себѣ: твоей инфлюенціи опасаются, удались отъ всего; ты знаешь, съ кѣмъ дѣло имѣешь; по твоимъ мыслямъ и правиламъ дѣла не поведутъ; слѣдовательно, ни чести, ни славы тутъ не будетъ: пусть ихъ дѣлаютъ, что хотятъ. Взявъ сіе за правило своего поведенія, во всѣ шесть мѣсяцевъ царствованія Петра III я ни во что не вступилась, окромѣ похоронъ покойной государыни, по которымъ траурной комиссіи велѣно было мнѣ докладываться, что я и исполнила со всякимъ радѣніемъ, въ чемъ я и заслужила похвалу отъ всѣхъ».

[1] Собственноручная записка Екатерины II о первыхъ подвигахъ Петра III была впервые напечатана Е. С. Шумигорскимъ въ «Русской Старинѣ» 1899 года (апрѣль), стр. 30—37.

Насталъ день похоронъ императрицы Елисаветы Петровны: 5-е февраля 1762 года. Разсказъ Екатерины объ этой печальной церемоніи составляетъ любопытную страницу изъ ея воспоминаній о томъ времени; безразсудное поведеніе Петра III въ этотъ день является вѣнцомъ всѣхъ чудачествъ, которыми онъ ознаменовалъ себя. За гробомъ шли пѣшкомъ императоръ, Екатерина, Скавронскіе, Нарышкины и прочіе чины по рангамъ. «Императоръ въ сей день былъ чрезмѣрно веселъ», пишетъ Екатерина, «и посреди церемоніи сей траурной сдѣлалъ себѣ забаву: нарочно отстанетъ отъ везущаго тѣло одра, пустя онаго впередъ саженъ тридцать, потомъ изо всей силы добѣжитъ; старшіе камергеры, носящіе шлейфъ епанчи его черной, паче же оберъ-камергеръ Шереметевъ, носящій конецъ епанчи, не могши бѣжать за нимъ, принуждены были епанчу пустить, и какъ вѣтромъ ее раздувало, то сіе Петру III пуще забавно стало. Онъ повторялъ нѣсколько разъ сію шутку, отъ чего сдѣлалось, что я и всѣ за мною идущіе отстали отъ гроба и наконецъ принуждены были послать остановить всю церемонію, дондеже отставшіе дошли. О непристойномъ поведеніи семъ произошли многіе разговоры не въ пользу особѣ императора, и толки пошли о безразсудныхъ его во многихъ случаяхъ поступкахъ».

Воцареніе ознаменовалось рядомъ милостей: возвращены были изъ ссылки Биронъ, Минихъ, Лестокъ, но для Бестужева не было ничего сдѣлано. Затѣмъ начались реформы, но въ задуманныхъ преобразованіяхъ на каждомъ шагу бросались въ глаза поспѣшность, неполнота, необдуманность. Поэтому нельзя не согласиться съ объясненіемъ, которое С. М. Соловьевъ даетъ происхожденію новыхъ законоположеній: «Люди приближенные, желавшіе удержать за собою важное значеніе въ новое царствованіе и естественно желавшіе сообщить этому царствованію блескъ, популярность и разсѣять мрачныя мысли тѣхъ, которые знали, въ чьихъ рукахъ теперь судьбы Россіи, — люди, приближенные къ Петру, постарались внушить ему о необходимости принять нѣкоторыя мѣры, которыя облегчатъ, обрадуютъ народъ; въ числѣ этихъ мѣръ было и желаемое многими освобожденіе дворянъ отъ обязательной службы» [1].

Манифестъ о вольности дворянской обнародованъ былъ 18-го февраля 1762 года; это было необдуманное, скороспѣлое произведеніе пера Д. В. Волкова, написанное въ одну ночь [2]. «У всѣхъ дворянъ,—разсказываетъ Екатерина,—велика была радость о данномъ дозволеніи служить и не служить, и на тотъ часъ совершенно позабыли, что предки ихъ

[1] Достовѣрность разсказа князя Щербатова (въ сочиненіи «О поврежденіи нравовъ въ Россіи») объ обстоятельствахъ, сопровождавшихъ составленіе этого манифеста Волковымъ, нерѣдко оспаривалась. Послѣ критическаго разбора С. М. Соловьевымъ этого разсказа нельзя, кажется, болѣе сомнѣваться въ истинѣ толкованія князя Щербатова.

[2] Исторія Россіи, т. 25-й, стр. 13.

службой пріобрѣли почести и имѣнія, которыми пользуются». Къ этому разсужденію нужно присовокупить другое, болѣе существенное замѣчаніе, а именно, что манифестъ 18-го февраля вовсе не освобождалъ дворянства отъ тѣлеснаго наказанія, а между тѣмъ уже въ проектѣ фундаментальныхъ законовъ Ив. Ив. Шувалова, относящемся къ царствованію Елисаветы Петровны, прямо сказано: «отъ безчестной политической казни дворянство свободить»[1].

Большее право на признательность потомства Петръ III пріобрѣлъ изданіемъ манифеста отъ 21-го февраля 1762 года «о небытіи» впредь тайной канцеляріи; всего важнѣе было то, что вмѣстѣ съ тѣмъ уничтожалось страшное «слово и дѣло», столько лѣтъ тяготѣвшее надъ Россіею. Такимъ образомъ явилась невѣдомая дотолѣ въ имперіи, хотя и слабая, гарантія личности каждаго гражданина.

Существенная сторона этого манифеста заключалась въ трехъ статьяхъ:

1) «Тайная розыскныхъ дѣлъ канцелярія уничтожается навсегда, а дѣла оной имѣютъ быть взяты въ сенатъ; но за печатью къ вѣчному забвенію въ архиву положатся.

2) «Ненавистное израженіе, а именно: слово и дѣло, не долженствуетъ значить отнынѣ ничего, и мы запрещаемъ не употреблять онаго никому.

3) «Дѣла, буде иногда такія случатся, кои до сей концеляріи принадлежали бъ, смотря по важности, разсматриваемы и рѣшены будутъ въ сенатѣ»[2].

Настоящимъ манифестомъ возлагалась также на сенатъ обязанность «снабдить всѣ судебныя, а паче отдаленныхъ городовъ мѣста» таковыми инструкціями, на основаніи которыхъ допросъ, какъ доносителей, такъ и ихъ свидѣтелей и обличаемыхъ ими лицъ, обходился бы «сколько можно безъ пытки».

[1] «Русскій Архивъ» 1867 года, стр. 85.

По мнѣнію одного изъ панегиристовъ Петра III, манифестъ 18-го февраля «освобождалъ передовое сословіе русскаго народа отъ зависимости, совершенно равной крѣпостному состоянію». М. И. Семевскій: «Шесть мѣсяцевъ изъ русской исторіи XVIII вѣка. Очеркъ царствованія императора Петра III». («Отечественныя Записки» 1866 года).

[2] Екатерина II именнымъ указомъ, 19-го октября 1762 года даннымъ въ Москвѣ, повторила почти дословно распоряженіе «бывшаго императора» относительно тайной канцеляріи, но вмѣстѣ съ тѣмъ ни слова не было сказано, что это именно повтореніе; напротивъ того, можно думать, что мы имѣемъ дѣло съ новымъ правительственнымъ распоряженіемъ. Вскорѣ, однако, фениксъ благополучно возродился изъ пепла, по крайней мѣрѣ, до нѣкоторой степени. Безъ всякаго указа, при сенатѣ была учреждена тайная экспедиція, которою стали завѣдывать отнынѣ генералъ-прокуроры. Такой порядокъ продолжался и при Павлѣ I до воцаренія Александра. При Екатеринѣ съ 80-хъ годовъ Степанъ Ивановичъ Шешковскій, несмотря на зависимость и подчиненность генералъ-прокурору, сталъ какъ бы главнымъ распорядителемъ дѣлъ тайной экспедиціи.

Манифестъ о вольности дворянской привелъ сенаторовъ въ такой восторгъ, что сенатъ просилъ разрѣшенія соорудить государю золотую статую. Петръ Ѳеодоровичъ имѣлъ счастливое вдохновеніе отказаться отъ этой почести. За лучшее же дѣло царствованія, за уничтоженіе «слова и дѣла» со всѣмъ сопряженнымъ съ ними ужасомъ, кажется, никто и спасибо не сказалъ; оно вызвало скорѣе какъ бы недоумѣніе, чѣмъ повсемѣстный восторгъ: до такой степени свыклись съ многолѣтнимъ, укоренившимся зломъ [1].

Слѣдовавшія затѣмъ другія правительственныя распоряженія вызвали уже прямой ропотъ [2]; къ числу такихъ указовъ принадлежитъ рѣшеніе по дѣлу объ управленіи архіерейскихъ и монастырскихъ вотчинъ, возбудившее сильное неудовольствіе духовенства; это неудовольствіе пріобрѣтало важное значеніе въ виду давней привычки Петра Ѳеодоровича преднамѣренно оскорблять религіозное чувство православнаго народа. Еще будучи наслѣдникомъ, онъ, не стѣсняясь, выражалъ свое нерасположеніе къ духовенству высовываніемъ языка священникамъ и діаконамъ во время богослуженія. Сдѣлавшись императоромъ, онъ уже ничѣмъ не стѣснялся и далъ полную волю своимъ прихотямъ; поведеніе его въ иныхъ случаяхъ становилось прямо возмутительнымъ; онъ былъ рабомъ своихъ страстей. Вскорѣ послѣдовало распоряженіе о закрытіи домовыхъ церквей, а затѣмъ, призвавъ къ себѣ архіепископа новгородскаго Димитрія Сѣченова, первенствующаго члена синода, императоръ лично приказалъ ему, чтобы всѣ образа, кромѣ образовъ Спасителя и Богоматери, были вынесены изъ церквей, и чтобы священникамъ предписано было брить бороды и поповскія рясы замѣнить пасторскими сюртуками! Въ народныя массы стало проникать сознаніе, что императоръ не русскій, а престолъ занимаетъ «нѣмецъ» и «люторъ». По замѣчанію В. А. Бильбасова, «русскіе люди не только въ столицѣ, но и въ провинціи потеряли всякое довѣріе къ правительству. Не было такой нелѣпости, такой лжи, которая не принималась бы на вѣру и не повторялась всѣми».

Лишивъ себя поддержки духовенства, Петръ III озаботился также, чтобы въ одинаковой степени возбудить противъ себя войско.

Еще въ царствованіе Елисаветы Петровны въ Ораніенбаумѣ появились голштинскія войска. Слабость императрицы и низкопоклонство царедворцевъ, желавшихъ задобрить въ свою пользу наслѣдника, дозволили

[1] По словамъ Шлёцера, страшная тайная канцелярія должна была притупить націю; тому, кто долго былъ оглушенъ ужасомъ, нужно время для отдыха еще послѣ того, какъ вся опасность миновала. (A. L. Schlözer's öffentliches und privat Leben, p. 300).

[2] Екатерина въ запискѣ о переворотѣ 1762 года пишетъ: «le mécontentement se glisse partout et la mauvaise opinion qu'on avait de lui, alla jusqu'à faire expliquer en mal le peu qu'il faisait d'utile».

пребываніе на Русской землѣ иноплеменныхъ войскъ. Такимъ образомъ Петру Ѳеодоровичу предоставлена была полная возможность проявлять свои экзерцирмейстерскія дарованія, а вмѣстѣ съ тѣмъ ему открывалось средство подготовить образецъ для преобразованія русской арміи въ будущемъ на прусскій ладъ. Съ кончиною императрицы настало это вожделѣнное время, и новый государь принялся за дѣло со свойственнымъ ему неразумнымъ увлеченіемъ.

Лейбъ-кампанія была распущена, въ гвардіи же прежняя, данная Петромъ Великимъ, форма была перемѣнена на прусскую, и введены прусскія экзерциціи, которымъ войска обучались съ утра до вечера. Начались ежедневные вахтпарады въ присутствіи императора. Чтобы избѣжать публичнаго выговора, русскіе фельдмаршалы и генералы держали у себя въ домѣ молодого офицера и брали у него уроки въ новой экзерциціи. Послѣдовалъ указъ военной коллегіи о переименованіи конныхъ и пѣхотныхъ полковъ по именамъ шефовъ; такимъ образомъ уничтоженъ былъ исторически установившійся обычай присвоивать имъ наименованія провинцій и губерній. Появился въ Петербургѣ, въ числѣ другихъ голштинскихъ родственниковъ, дядя государя, принцъ Георгъ; онъ пріобрѣлъ въ гвардіи первенствующее значеніе, былъ сдѣланъ фельдмаршаломъ и, не имѣя за собою никакихъ заслугъ и дарованій, возбудилъ противъ себя только общую ненависть. Предпочтеніе, оказываемое вообще голштинскимъ офицерамъ и солдатамъ, оскорбляло всю русскую армію: унижена была не только гвардія, но въ лицѣ ея попрано было чувство народной гордости.

Какъ бы для того, чтобы окончательно возбудить противъ себя русское общественное мнѣніе, Петръ III, съ свойственной ему проницательностью, придумалъ еще одно средство: внѣшнюю политику Россіи сдѣлать антинаціональною. Ко времени кончины императрицы Елисаветы Петровны Пруссія изнемогала въ начатой ею неравной борьбѣ; Фридрихъ Великій долженъ былъ уже готовиться къ полному неизбѣжному крушенію своихъ честолюбивыхъ замысловъ. Что же сдѣлалъ Петръ III? Пренебрегая союзниками Россіи и существовавшими договорами, онъ заключилъ миръ съ Пруссіею, возвратилъ ей безъ всякаго вознагражденія всѣ завоеванія, добытыя русскою кровью, а заграничную армію отдалъ въ распоряженіе Фридриха Великаго. Но этого было еще мало; Петръ началъ усиленно готовиться къ войнѣ съ Даніею, чтобы отвоевать у нея Шлезвигъ для своей возлюбленной Голштиніи. Такимъ образомъ Россіи угрожала новая война, не обѣщавшая имперіи никакихъ выгодъ. Напрасно Фридрихъ Великій предостерегалъ своего друга отъ пагубныхъ увлеченій и указывалъ ему на необходимость короноваться; императоръ отвѣчалъ, что онъ своимъ недоброжелателямъ задалъ столько работы, что имъ нѣкогда заняться заговоромъ, и что онъ совершенно спокоенъ. Хотя Петръ го-

ворилъ, что для него «воля Фридриха — воля Божья», но на этотъ разъ онъ не внялъ дружескому предостереженію [1].

Одно непредвидѣнное событіе ускорило развязку.

9-го іюня Петръ III праздновалъ въ Зимнемъ дворцѣ заключеніе мира съ Пруссіею, и въ этотъ день состоялся обѣденный столъ на 400 персонъ; приглашены были особы первыхъ трехъ классовъ и иностранные министры. Императоръ ознаменовалъ этотъ торжественный пиръ тѣмъ, что оскорбилъ Екатерину, назвавъ ее громогласно «дурой»; затѣмъ онъ приказалъ арестовать императрицу, но заступничество принца Георга спасло на этотъ разъ Екатерину [2].

Съ этого дня Екатерина начала склоняться на предложенія, которыя были ей дѣлаемы со времени кончины императрицы Елисаветы Петровны. Екатерина, оскорбленная какъ женщина, и тревожимая за будущность имперіи, отъ которой она не отдѣляла себя, рѣшилась стать во главѣ движенія, направленнаго противъ Петра III. Силою обстоятельствъ императрица была поставлена въ положеніе не только законной самозащиты по отношенію къ себѣ лично, но и въ положеніе защитницы своего сына.

Послѣ трехдневныхъ торжествъ, ознаменовавшихъ собою заключеніе мира съ Пруссіею, Петръ III съ большимъ дворомъ переселился 12-го іюня въ Ораніенбаумъ. Екатерина провела нѣсколько дней одна въ городѣ и только 17-го іюня отправилась въ Петергофъ, оставивъ цесаревича Павла Петровича съ гофмейстеромъ Панинымъ въ Петербургѣ въ Лѣтнемъ дворцѣ.

Замѣтимъ здѣсь, что Петръ III и послѣ воцаренія продолжалъ выказывать къ сыну обычное презрительное нерасположеніе и не обращалъ на него никакого вниманія, почти не встрѣчаясь съ нимъ [3]. По свидѣ-

[1] Изъ современниковъ этой эпохи даже нѣмецкіе писатели, какъ, напримѣръ, Шлёцеръ, признаютъ, что Петръ III выводилъ русскихъ изъ терпѣнія (warlich Peter III hatte es zu arg gemacht). «Уже одно презрѣніе, оказываемое русскому духовенству и богослуженію въ сравненіи съ приличіемъ, съ какимъ онъ присутствовалъ при лютеранскомъ богослуженіи, должно было раздражить всю націю. А эта игра съ голштинцами, которая была болѣе, чѣмъ игра (кто въ обществѣ могъ слушать безъ злости, какъ 22-хъ-лѣтнихъ нѣмецкихъ господчиковъ величали майорами, а русскихъ сѣдыхъ офицеровъ поручиками?), лишила его преданности арміи. Онъ потерялъ уваженіе даже у необразованной части публики (beim rohen Publico), которой такъ часто являлся на балконахъ своихъ вельможъ съ трубкою въ зубахъ, пьяный, шатаясь, послѣ обѣда у нихъ». A. L. Schlözer's öffentliches und privat Leben, von ihm selbst beschrieben. Göttingen, 1802, p. 107.

Автобіографію Шлецера перевелъ на русскій языкъ В. Кеневичъ (С.-Петербургъ, 1875) подъ заглавіемъ: «Общественная и частная жизнь Августа Людвига Шлецера, имъ самимъ описанная. Пребываніе и служба въ Россіи отъ 1761 до 1765 года».

[2] В. А. Бильбасовъ: Исторія Екатерины II, т. 1-й, стр. 431—432.

[3] Въ депешѣ австрійскаго посланника графа Мерси Аржанто отъ 1-го февраля 1762 года сказано, что Петръ III, со времени воцаренія, почти не встрѣчался къ сыномъ

тельству княгини Дашковой, императоръ выказывалъ полное равнодушіе (la plus grande indifférence) къ Павлу, и Панину стоило большого труда, чтобы, при содѣйствіи Сальдерна и принцевъ голштинскихъ, добиться присутствія императора при одномъ экзаменѣ, сдѣланномъ цесаревичу. Уходя, государь громко сказалъ своимъ дядямъ: «Je crois, ma foi, que ce polisson en sait plus que nous». Петръ намѣренъ былъ пожаловать сына капраломъ гвардіи (bas-officier des gardes), но Панину удалось, однако, отклонить эту награду подъ предлогомъ, что она возбудитъ тщеславіе великаго князя и дастъ ему поводъ подумать, что онъ уже взрослый человѣкъ. Взамѣнъ сына, императоръ вздумалъ наградить воспитателя и пожаловать ему чинъ полнаго генерала; Панинъ имѣлъ храбрость и съ своей стороны отказаться отъ столь высокаго военнаго отличія. Послѣ этого императоръ замѣтилъ какъ-то: «Меня увѣряли, что Панинъ умный человѣкъ: могу ли я теперь этому вѣрить?» (L'on m'assurait qu'il avait de l'esprit; comment pourrais-je y croire après cela?). Тѣмъ не менѣе Никита Ивановичъ не остался безъ награды и сразу получилъ чинъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника и андреевскую ленту [1].

Изъ современниковъ этого царствованія одинъ Штелинъ упоминаетъ о нѣкоторомъ вниманіи Петра III къ цесаревичу. Навѣстивъ однажды великаго князя и поцѣловавъ его, государь сказалъ окружавшимъ: «Изъ него со временемъ выйдетъ добрый малый; пусть пока онъ остается подъ прежнимъ надзоромъ; но я скоро сдѣлаю другое распоряженіе и постараюсь, чтобы онъ получилъ иное, лучшее воспитаніе, военное, вмѣсто женскаго» [2]. Разсказъ, приводимый Штелиномъ,

«den der Kaiser seit seiner Thronbesteigung kaum noch angesehen und gegen welchen er auch zu allen Zeiten einen jeder männiglich in die Augen fallende verächtliche Abneigung bezeiget hat».

Сборникъ И. Р. И. О., т. 18-й, стр. 83.

[1] Архивъ князя Воронцова, книга 21-я, стр. 42 и 43.

Княгиня Е. Р. Дашкова пишетъ, что Н. И. Панинъ имѣлъ видъ царедворца временъ Людовика XIV: «haïssant le caporalisme et le ton des corps de garde». Этого было достаточно, чтобы возбудить въ Петрѣ III нерасположеніе къ Панину. Чувства Петра Ѳеодоровича, когда онъ былъ еще наслѣдникомъ, нашли себѣ выраженіе даже у изголовья умиравшей императрицы Елисаветы Петровны. Великій князь сообщилъ медику императрицы, какъ онъ расправится съ датчанами, какъ только совершится его воцареніе, и обратился къ Панину: «А ты какъ думаешь о томъ, что я сейчасъ сказалъ?»—«Я не дослышалъ, ваше высочество, о чемъ шла рѣчь: я думалъ о печальномъ положеніи государыни».—«А вотъ погоди немного, скоро я тебѣ оттокну уши и научу получше слышать». (Assebnrg: Denkwürdigkeiten. Berlin, 1842, p. 316. (В. А. Бильбасовъ, т. 1-й, стр. 402).

[2] Записки Штелина въ Чт. О. И. и Д. 1866 года, IV, стр. 102 и въ сборникѣ М. Погодина «Утро», Москва, 1868, стр. 346.

Гельбигъ въ біографіи Петра III повторяетъ разсказъ Штелина, очевидно, почерпнутый изъ этого же источника, но вмѣстѣ съ тѣмъ прибавляетъ, что слова о Павлѣ были сказаны государемъ съ искреннимъ добросердечіемъ (mit inniger Gutmüthigkeit)

стоитъ одинокимъ среди множества противорѣчащихъ ему другихъ свидѣтельствъ. О степени нѣжныхъ чувствъ родителя къ сыну можно судить съ достаточнымъ основаніемъ по слѣдующему распоряженію Петра III, послѣдовавшему немедленно по воцареніи. Императрица Елисавета Петровна назначила великому князю Павлу Петровичу содержаніе по 30.000 рублей въ годъ; изъ этихъ денегъ накопилось ко времени кончины императрицы 120.000 рублей. Петръ III немедленно наложилъ на нихъ руку. Уже 4-го января 1762 года генералъ-прокуроръ Глѣбовъ объявилъ высочайшее повелѣніе эти деньги немедленно передать въ комнату его величества. Подобное распоряженіе для надлежащей его оцѣнки не нуждается въ толкованіяхъ.

Переселившись, какъ выше упомянуто, въ Ораніенбаумъ, Петръ III продолжалъ тамъ прежнюю петербургскую разгульную жизнь. По утрамъ происходили вахтпарады голштинскихъ войскъ и всякія экзерциціи и смотры, прерываемые вспышками неразумнаго гнѣва, а затѣмъ начинались шумные обѣды, пьяные ужины, невоздержныя рѣчи, невозможныя распоряженія [1]. Во время этихъ попоекъ императоръ, по своему обыкновенію думать вслухъ, не стѣсняясь, говорилъ о томъ, что рѣшился освободиться отъ Екатерины. «C'est le règne de la folie; tout notre temps se passe à manger, boire et faire des folies», сказалъ одинъ изъ любимцевъ Петра III, шталмейстеръ Левъ Александровичъ Нарышкинъ. Не менѣе краснорѣчиво выразился англійскій министръ Кейтъ въ разговорѣ съ графиней Брюсъ: «Знаете ли вы, что вашъ императоръ совсѣмъ сумасшедшій; по крайней мѣрѣ, не будучи таковымъ, нельзя поступать такъ, какъ онъ поступаетъ». (Savez-vous bien que votre empereur est fou à lier et qu'à moins de l'être on ne peut pas faire ce qu'il fait) [2].

Екатерина въ своихъ запискахъ справедливо замѣчаетъ, что во всей имперіи самымъ злѣйшимъ врагомъ Петра III былъ онъ самъ (dans l'Empire il n'avait pas de plus violent ennemi que lui-même!) [3]. «Человѣку въ здравомъ умѣ и твердой памяти невозможно даже понять то

кромѣ того, по словамъ Гельбига, императоръ выказывалъ сыну много нѣжности (viel Zärtlichkeit). Затѣмъ Гельбигъ впадаетъ въ крупную ошибку, утверждая, что Павелъ находился тогда еще въ женскихъ рукахъ; между тѣмъ онъ уже имѣлъ при себѣ оберъ-гофмейстеромъ Панина, назначеннаго на эту должность еще императрицею Елисаветою и удалившаго, при вступленіи въ должность, женскій элементъ, окружавшій прежде великаго князя (Biographie Peter des Dritten, Tübingen, 1808—1809, Band 2, p. 75).

[1] В. А. Бильбасовъ, т. 1-й, стр. 436.

[2] Дневникъ Храповицкаго, стр. 482. (Замѣчанія Екатерины II къ біографіи Фридриха Великаго Денина).

[3] Почти въ одинаковыхъ выраженіяхъ Екатерина высказываетъ эту же мысль въ замѣчаніяхъ на сочиненіе Денина: «Pierre III n'avait point de plus grand ennemi que lui-même, toutes ses actions étaient frappées au coin de la folie». (Дневникъ Храповицкаго, стр. 481).

самодурное ослѣпленіе, въ которомъ жилъ голштинскій герцогъ, ставъ русскимъ императоромъ», пишетъ историкъ Екатерины II. «Объяснять это частымъ опьяненіемъ Петра III нельзя: онъ бывалъ пьянъ только по вечерамъ, послѣ ужина, и то не всякій день; его невѣжество, само по себѣ, не можетъ еще служить ни оправданіемъ, ни даже объясненіемъ его поступковъ. Ихъ, кажется, придется всецѣло отнести къ несчастному сочетанію личныхъ свойствъ Петра III съ неограниченною властью, доставшеюся ему по наслѣдству. Тупой, упрямый, невоздержный, онъ, ставъ самодержцемъ, искренно былъ убѣжденъ, что весь міръ существуетъ единственно для удовлетворенія его желаній, капризовъ, прихотей; онъ потерялъ способность правильно мыслить, сталъ дѣйствовать, какъ самодуръ, и до послѣдней минуты былъ ослѣпленъ своею властью, ей только довѣрялъ, на нее только опирался» [1].

Въ Петербургѣ всѣ сознавали въ ту пору, что живутъ наканунѣ какого-то переворота. И въ Москвѣ чувствовали также нѣчто подобное. Достаточно припомнить, что пишетъ въ своихъ запискахъ князь Шаховской, бывшій генералъ-прокуроръ, удалившійся въ Москву послѣ увольненія отъ должности:

«А хотя иногда происходящіе тогда многіе въ публикѣ о славномъ управленіи и произведеніи государемъ императоромъ Петромъ III государственныхъ дѣлъ переговоры, также и отъ моихъ пріятелей изъ Петербурга о малослыханныхъ прежде и удивленія достойныхъ его поведеніяхъ увѣдомленія, по истинной моей къ отечеству любви, производили въ духѣ моемъ сожалительныя и печальныя восчувствованія, но я скоро тѣ прогонялъ, несомнѣнно вѣруя, что такія дѣла по волѣ и учрежденію Всевышняго и предвидящаго все Правдосудца происходить будутъ до опредѣленнаго имъ времени, а не навсегда» [2].

Однажды императрица Елисавета Петровна въ минуту неудовольствія сказала Екатеринѣ: «ты воображаешь, что нѣтъ человѣка умнѣе тебя». Теперь Екатеринѣ представился случай доказать на дѣлѣ, что она дѣйствительно умнѣе другихъ; съ рѣдкимъ искусствомъ она принялась направлять всѣ нити подготовлявшагося неизбѣжнаго переворота, выслушивала всѣхъ, не связывая себя никакими обѣщаніями, и окончательно дала всему желательную ей развязку.

[1] В. А. Бильбасовъ: Исторія Екатерины II, т. 1-й, стр. 429.

См. въ приложеніяхъ отзывы современниковъ о Петрѣ III: графа А. Р. Воронцова, княгини Е. Р. Дашковой, князя Щербатова, А. Т. Болотова, графа Миниха, Бюшинга, Гакстгаузена. Свидѣтельства эти драгоцѣнны еще и въ другомъ отношеніи, потому что многія черты характера Петра Θеодоровича воскресли впослѣдствіи въ сынѣ его, цесаревичѣ Павлѣ Петровичѣ, и проявились съ неудержимою силой послѣ 6-го ноября 1796 г.

[2] Записки князя Якова Петровича Шаховскаго. С.-Петербургъ, 1872 г., стр. 185.

Между тѣмъ въ Петербургѣ получались изъ Ораніенбаума разныя распоряженія, продолжавшія волновать населеніе и возбуждавшія, по меньшей мѣрѣ, изумленіе; что же касается слуховъ, то всякая нелѣпость принималась на вѣру и ставилась на счетъ Петру III [1]. Наконецъ, 25-го іюня синодъ получилъ высочайшій указъ, по которому всѣ исповѣданія объявлялись равноправными съ государственною религіею, обряды православной церкви отмѣнялись, церковныя имущества отбирались въ казну, а въ заключеніе сказано было, «чтобъ дать волю во всякихъ моихъ мѣрностяхъ, и что ни будетъ отъ насъ впредь представлено, не препятствовать» [2].

Стараніями Петра III общее неудовольствіе созрѣло наконецъ настолько, что наступило время для неудержимаго ничѣмъ проявленія общественнаго мнѣнія. «Большая ошибка думать, что въ Россіи нѣтъ общественнаго мнѣнія», пишетъ историкъ Екатерины II. «Вслѣдствіе того, что въ Россіи нѣтъ правильныхъ формъ для его выраженія, оно проявляется неправильно, скачками, урывками, только въ важные историческіе моменты, но проявляется тѣмъ съ большею силою и въ формахъ тѣмъ болѣе своеобразныхъ. Петръ III презиралъ русское общественное мнѣніе, глумился надъ нимъ и имѣлъ несчастіе испытать на себѣ его страшную силу со всѣми его роковыми послѣдствіями» [3].

[1] В. А. Бильбасовъ, т. 2-й, стр. 12.

[2] «Русскій Архивъ» 1871 года, стр. 2055.

Не менѣе замѣчателенъ приказъ Петра III о томъ, чтобы больные матросы вылѣчились.

[3] В. А. Бильбасовъ, т. 1-й, стр. 437.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

I.

28-го іюня 1762 года, въ часъ пополудни, Петръ III съ многочисленною свитой, въ которой находилось семнадцать дамъ, отправился изъ Ораніенбаума въ Петергофъ, намѣреваясь обѣдать у императрицы въ Монплезирѣ. Но никто не встрѣтилъ гостей: оказалось, что Екатерина въ 5 часовъ утра уѣхала въ Петербургъ.

Между тѣмъ въ столицѣ совершилось событіе великой важности: Екатерина провозглашена была самодержавною императрицею, и въ это время она успѣла уже принять въ Зимнемъ дворцѣ присягу своихъ вѣрноподданныхъ, съ восторгомъ стекавшихся къ ней со всѣхъ сторонъ [1]. Екатерина немедленно вызвала къ себѣ изъ Лѣтняго дворца цесаревича Павла Петровича. Тогда-то блистательно оправдалась предусмотрительность императрицы, оставившей цесаревича въ Петербургѣ послѣ своего отъѣзда 17-го іюня въ Петергофъ, чтобы имѣть его подъ рукою, когда того потребуютъ обстоятельства, и удалить его изъ сферы вліянія Петра III [2].

Очевидецъ переворота, пасторъ Бюшингъ, видѣлъ изъ своего дома, какъ цесаревичъ съ Панинымъ проскакалъ по Невскому въ плохой коляскѣ, запряженной парою лошадей. Павелъ Петровичъ былъ въ ноч-

[1] Въ собственноручной запискѣ Екатерины II сказано: «28-го іюня (1744) въ Москвѣ, въ Головинскомъ деревянномъ дворцѣ, который сгорѣлъ въ 1753 году, я приняла Грекороссійскій православный законъ. Въ 1762 году 28-го іюня въ С.-Петербургѣ я приняла всероссійскій престолъ въ пятницу на четвертой недѣлѣ послѣ Троицына дня». («Библіографическія Записки» 1858 года, стр. 589).

[2] Въ запискѣ «Похожденіе извѣстныхъ петербургскихъ дѣйствъ» («Осьмнадцатый Вѣкъ», II, стр. 631—633) встрѣчается указаніе на это обстоятельство: «Государь крѣпко подосадовалъ, что его высочество въ Петербургѣ остался».

номъ костюмѣ (im Nachtzeuge); очевидно, ребенка второпяхъ перенесли прямо изъ постели въ экипажъ; лошади такъ мчались, пишетъ Бюшингъ, что, казалось, летѣли. По прибытіи цесаревича во дворецъ, Екатерина тотчасъ же вынесла его на балконъ и показала народу и войску, встрѣтившимъ его восторженными кликами [1].

Затѣмъ, въ тотъ же день, 28-го іюня, вечеромъ, императрица Екатерина выступила во главѣ войскъ въ Петергофъ, чтобы окончательно укрѣпить за собою престолъ. Покидая Петербургъ, она ввѣрила охрану сына и столицы сенату, оставивъ слѣдующій указъ: «Господа сенаторы, я теперь выхожу съ войскомъ, чтобы утвердить и обнадежить престолъ, оставляя вамъ, яко верховному моему правительству, съ полною довѣренностію, подъ стражу: отечество, народъ и сына своего». Сенатъ долженъ былъ засѣдать безпрерывно день и ночь, возможно чаще донося императрицѣ о положеніи дѣлъ. Засѣданія происходили въ старомъ деревянномъ Елисаветинскомъ зимнемъ дворцѣ; здѣсь же помѣщенъ былъ цесаревичъ Павелъ Петровичъ, въ комнатѣ, смежной съ залою, въ которой находились сенаторы.

Никита Ивановичъ Панинъ долженъ былъ покинуть своего воспитанника и присоединился въ Красномъ Кабачкѣ къ императрицѣ, участвуя и далѣе въ предпринятомъ ею походномъ движеніи въ Петергофъ.

Воинственное шествіе Екатерины окончилось безкровною побѣдою. Петръ III, по словамъ Фридриха Великаго, допустилъ свергнуть себя съ престола, какъ ребенокъ, котораго отсылаютъ спать [2]. Императоръ въ Ораніенбаумѣ отказался отъ престола и, по прибытіи въ Петергофъ, былъ отвезенъ въ Ропшу, «maison de plaisance très agréable et pas le moins fortifiée», какъ пишетъ Екатерина въ запискахъ о событіяхъ 1762 года. Голштинскія войска были обезоружены.

30-го іюня императрица, во главѣ войскъ, торжественно вступила въ Петербургъ и прямо направилась въ Лѣтній дворецъ, гдѣ ее ожидали цесаревичъ [3] и многочисленное собраніе: сенатъ, синодъ и всѣ имѣющіе входъ ко двору. Павелъ Петровичъ вышелъ на встрѣчу къ ма-

[1] Послѣ проѣзда императрицы Екатерины изъ Казанской церкви въ Зимній дворецъ, Бюшингъ навѣстилъ датскаго посланника Гакстгаузена, жившаго по близости, и возвратившись домой, увидѣлъ «eine gemeine Kutsche mit zwei Pferden bespannet», которая такъ быстро пронеслась, «als ob die Pferde flüchtig geworden wären, und in welcher der Oberhofmeister von Panin mit dem Grossfürsten sass, der noch im Nachtzeuge war». A. F. Büsching. Eigene Lebensgeschichte, Halle, 1789, p. 466.

[2] «Il s'est laissé détrôner comme un enfant qu'on envoie coucher». Ségur: Mémoires, Paris, 1826, t. 2, p. 138.

[3] По рапорту сената, отъ 30-го іюня, отъ 9 часовъ утра: «Цесаревичъ изъ Зимняго въ Лѣтній домъ благополучно прибыть соизволилъ, и обѣдня началась, а по окончаніи оной весь сенатъ и синодъ для начатія молебна имѣютъ ожидать высочайшаго вашего императорскаго величества прибытія». Бильбасовъ, т. 2, стр. 71.

тери; какъ только она его увидѣла, императрица тотчасъ сошла съ лошади и, поцѣловавъ великаго князя, прослѣдовала въ придворную церковь къ молебну [1].

«N'est-ce pas une grande affaire, et bien conduite?» — съ этими словами Тепловъ, послѣ совершившагося переворота, обратился съ гордостью и самодовольствомъ къ исторiографу Миллеру, въ присутствiи Шлёцера [2].

Екатерина, съ своей стороны, заявила въ особомъ «обстоятельномъ» манифестѣ по поводу событiй 28-го и 29-го iюня 1762 года, что она не имѣла «никогда ни намѣренiя, ни желанiя такимъ образомъ воцариться, каковымъ Богъ по невѣдомымъ Его судьбамъ промысломъ своимъ намъ опредѣлилъ престолъ отечества россiйскаго воспрiять...... Таковымъ, Богу благодаренiе, дѣйствiемъ престолъ самодержавный нашего любезнаго отечества приняли мы на себя безъ всякаго кровопролитiя, но Богъ единъ и любезное наше отечество чрезъ избранныхъ своихъ намъ помогали» [3].

Въ одномъ изъ позднѣйшихъ манифестовъ, отъ 18-го iюля 1762 года, Екатерина снова возвращается къ событiямъ воцаренiя и пишетъ:

«Не снисканiе высокаго имени обладательницы россiйской; не прiобрѣтенiе сокровищъ, которыми паче всѣхъ земныхъ намъ можно обогатиться; не властолюбiе и не иная какая корысть, но истинная любовь къ отечеству и всего народа, какъ мы видѣли, желанiе насъ побудили принять сiе бремя правительства. Почему мы не токмо все, что имѣемъ или имѣть можемъ, но и самую нашу жизнь на отечество любезное опредѣлили, не полагая ничего себѣ въ собственное, ниже служа себѣ самимъ, но всѣ труды и попеченiе подъемлемъ для славы и обогащенiя народа нашего».

По справедливому замѣчанiю историка екатерининскаго царствованiя, не фальшивою нотою, не пустою фразою звучитъ высказанное императрицею въ приведенныхъ здѣсь словахъ всенародное исповѣданiе. Екатерина сдержала свое слово, и Россiя, дѣйствительно, многимъ ей обязана [4].

Теперь только, съ воцаренiемъ Екатерины II, права великаго князя Павла Петровича на престолъ закрѣплены были клятвеннымъ обѣща-

[1] См. въ приложенiяхъ неизданныя собственноручныя: 1) Записку императрицы Екатерины II о ея воцаренiи и 2) отдѣльныя замѣтки ея о томъ же событiи. При печатанiи этого драгоцѣннаго историческаго матерiала мы пользовались копiею, сдѣланною рукою князя А. Б. Лобанова-Ростовскаго.

[2] Schlözer's Leben, p. 108.

[3] Манифестъ 6-го iюля 1762 года, впослѣдствiи повсемѣстно уничтоженный по повелѣнiю императора Павла I отъ 26-го января 1797 года.

[4] В. А. Бильбасовъ: «Памяти императрицы Екатерины II», «Русская Старина» 1896 года, т. 87-й, стр. 242.

ніемъ, въ которомъ сказано: «Обѣщаюсь и клянуся.... и ея императорскаго величества любезнѣйшему сыну, государю цесаревичу и великому князю Павлу Петровичу, законному всероссійскаго престола наслѣднику, вѣрно и нелицемѣрно служить».

Такимъ образомъ, съ юридической точки зрѣнія, переворотъ отъ 28-го іюня, по отношенію къ цесаревичу, вовсе не сопровождался какимъ бы то ни было правонарушеніемъ: права его на непосредственное наслѣдованіе отцу не были установлены законнымъ актомъ, такъ какъ Петръ III, конечно, съ предвзятою цѣлью оставилъ этотъ вопросъ открытымъ. Что же случилось 28-го іюня? Ничего болѣе, какъ простая замѣна лицъ: мѣсто самодержавнаго отца заняла самодержавная мать, которая немедленно провозгласила сына наслѣдникомъ.

Нѣкоторые изъ современниковъ событій 1762 года смотрѣли, однако, нѣсколько иначе на воцареніе Екатерины. Изъ нихъ самый вліятельный, Никита Ивановичъ Панинъ, высказывалъ убѣжденіе, что, по устраненіи Петра III, всѣ права на русскій престолъ должны перейти прямо къ цесаревичу Павлу Петровичу, а Екатерина, какъ его мать, можетъ быть признана только правительницею до совершеннолѣтія сына. Предположенія Панина безслѣдно улетучились, не встрѣтивъ ни въ комъ поддержки, и оберъ-гофмейстеру Павла Петровича пришлось, по крайней мѣрѣ, внѣшнимъ образомъ примириться съ совершившимся фактомъ; но свои мысли и взгляды Панинъ постарался внушить своему воспитаннику, и это, если можно такъ выразиться, своего рода тайное предательство принесло со временемъ горькіе плоды.

Что же касается императрицы Екатерины, то, обладая совершенно исключительными свойствами ума и хавактера и чувствуя въ себѣ врожденный даръ властвовать и повелѣвать, она, конечно, не могла добровольно снизойти до жалкой роли правительницы, въ родѣ Анны Леопольдовны. Ей предстоялъ одинъ исходъ: сдѣлаться самодержавною императрицей или же погибнуть въ борьбѣ съ недостойнымъ противникомъ [1]. Екатерина побѣдила! По собственному ея признанію, «счастіе не такъ слѣпо, какъ обыкновенно думаютъ. Часто оно есть ни что иное, какъ слѣдствіе вѣрныхъ и твердыхъ мѣръ, не замѣченныхъ толпою, но, тѣмъ не менѣе, подготовившихъ извѣстное событіе. Въ частности, оно бываетъ также результатомъ личныхъ качествъ, характера и поведенія» [2].

[1] Въ запискахъ Екатерины о переворотѣ 1762 года встрѣчается слѣдующее замѣчаніе: «Elle (Catherine) avait été **obligée** de faire tout ce qui venait de se passer, ce qui réellement était vrai, car si elle avait refusé, elle aurait couru risque de partager le sort de Pierre III; ainsi il n'y avait pas de choix».

[2] «La fortune n'est pas aussi aveugle qu'on se l'imagine. Elle est souvent le résultat de mesures justes er précises, non aperçues par le vulgaire, qui ont précédé l'événement. Elle est encore, plus particulièrement, un résultat des qualités, du caractère et de la conduite personnelle». Mémoires, p. 1.

Казалось, что теперь наступило затишье послѣ бури, но спокойствіе было непродолжительно. 6-го іюля вечеромъ Екатерина получила извѣстіе о внезапной кончинѣ бывшаго императора Петра III, послѣдовавшей въ Ропшѣ. Неожиданность событія и подробности самаго происшествія причинили императрицѣ немало заботъ и тревогъ, какъ въ то время, такъ и въ будущемъ.

7-го іюля поспѣшили обнародовать манифестъ, въ которомъ читаемъ:

«Въ седьмой день послѣ принятія нашего престола всероссійскаго получили мы извѣстіе, что бывшій императоръ Петръ Третій, обыкновеннымъ и прежде часто случавшимся ему припадкомъ гемороидическимъ, впалъ въ прежестокую колику. Чего ради, не презирая долгу нашего христіанскаго и заповѣди святой, которою мы одолжены къ соблюденію жизни ближняго своего, тотъ часъ повелѣли отправить къ нему все, что потребно было къ предупрежденію слѣдствъ, изъ того приключенія опасныхъ въ здравіи его, и къ скорому вспоможенію врачеваніемъ. Но, къ крайнему нашему прискорбію и смущенію сердца, вчерашняго вечера получили мы другое, что онъ волею Всевышняго Бога скончался. Чего ради мы повелѣли тѣло его привезти въ монастырь Невскій, для погребенія въ томъ же монастырѣ, а между тѣмъ всѣхъ вѣрноподданныхъ возбуждаемъ и увѣщеваемъ нашимъ императорскимъ и матернимъ словомъ, дабы, безъ злопамятствія всего прешедшаго, съ тѣломъ его послѣднее учинили прощаніе и о спасеніи души его усердныя къ Богу приносили молитвы. Сіе же бы нечаянное въ смерти его Божіе опредѣленіе принимали за промыслъ Его Божественный, который Онъ судьбами своими неисповѣдимыми намъ, престолу нашему и всему отечеству строитъ путемъ, Его только святой волѣ извѣстнымъ».

По доставленіи тѣла бывшаго императора въ Невскій монастырь, оно было выставлено для поклоненія въ покояхъ, служившихъ ранѣе для той же цѣли при похоронахъ правительницы Анны Леопольдовны и великой княжны Анны Петровны, дочери Екатерины. Покойный Петръ Ѳеодоровичъ одѣтъ былъ въ мундиръ голштинскихъ драгунъ, свѣтло голубой съ бѣлыми отворотами; вокругъ гроба не сочли нужнымъ размѣстить ордена бывшаго императора. 10-го іюля происходило отпѣваніе въ Благовѣщенской церкви, гдѣ тѣло было предано землѣ въ самомъ храмѣ, противъ царскихъ дверей, тотчасъ позади могилы Анны Леопольдовны [1].

[1] Выборъ могилы для Петра III далъ поводъ къ разнымъ неосновательнымъ толкамъ. Такъ, напримѣръ, датскій посланникъ Гакстгаузенъ въ депешѣ отъ 12-го (23-го) іюля пишетъ: «On l'a déposé à Newsky à côté de la malheureuse princesse Anne avec cette distinction encore qu'il a été mis plus bas, prés de la porte, pour être d'autant plus éloigné du sanctuaire». Все приведенное нами разсужденіе датскаго дипломата оказывается совершенно несправедливымъ и требуетъ поправки. Въ выборѣ мѣста

Императрица Екатерина намѣревалась присутствовать при печальной церемоніи, но, по предложенію Н. И. Панина, сенатъ, «раболѣпнѣйше просилъ, дабы ея величество шествіе свое въ Невской монастырь, къ тѣлу бывшаго императора Петра Третьяго, отложить соизволила, представляя многіе и весьма важные резоны къ сохраненію для всѣхъ вѣрныхъ сыновъ отечества ея императорскаго величества дражайшаго здравія, и хотя ея величество долго къ тому согласія своего и не оказывала, но на послѣдокъ, видя неотступное всего сената рабское и всеусерднѣйшее прошеніе, ко удовольствію всѣхъ ея вѣрныхъ рабовъ, намѣреніе свое отложить благоволила» [1].

Событіе 6-го іюля можно разсматривать, какъ заключительный актъ трагедіи, прологомъ которой послужила ночь 25-го ноября 1741 года, когда невинный ребенокъ во всеоружіи своихъ правъ лишенъ былъ престола и осужденъ на мучительную жизнь затворника. Теперь на очереди стояла новая трагедія, которая длилась 34 года. Дѣйствующими лицами въ этой семейной драмѣ являются: мать и сынъ.

II.

Что же дѣлалъ въ это время цесаревичъ Павелъ Петровичъ? Какое вліяніе имѣли на него событія, сопровождавшія воцареніе Екатерины изъ которыхъ нѣкоторыя совершились передъ его глазами?

Къ сожалѣнію, до насъ не дошли точныя и обстоятельныя свѣдѣнія, могущія вполнѣ разъяснить затронутый вопросъ. Можно только догадываться, какое потрясающее впечатлѣніе должна была произвести уличная обстановка 28-го іюня на нервнаго ребенка, одареннаго къ тому же болѣзненнымъ воображеніемъ; разсказываютъ, что въ этотъ день Павла Петровича напугали еще тѣмъ, что его жизни угрожаетъ опасность [2].

для могилы Петра III не могло быть никакого особеннаго умысла; онъ обусловливался тѣмъ, что ближайшія къ алтарю мѣста (за исключеніемъ бокового мѣста у южныхъ дверей) уже были заняты.

Другое замѣчаніе Гакстгаузена заслуживаетъ большаго вниманія; послѣ кончины бывшаго императора онъ замѣтилъ среди населенія поворотъ въ мысляхъ въ пользу Петра III и пишетъ въ депешѣ отъ 8-го (19-го) іюля: «Toute la haine et mépris que la nation porte à Pierre III se convertit en compassion pour lui». Смерть, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, сопровождается подобнымъ явленіемъ, и, точно молнія, преображаетъ то, что она поражаетъ. «Der Tod ist wie ein Blitzstrahl der verklärt, was er verzehrt», пишетъ Грильпарцеръ (Grillparzer).

[1] Протоколъ сената отъ 8-го іюля 1762 года. Бильбасовъ, т. 2-й, стр. 120—121.

[2] Sabathier de Cabres пишетъ въ депешѣ отъ 19-го августа 1772 года:

«On vous aura sans doute mandé dans le temps du détrônement de Pierre III, que le jeune grand duc, à qui l'on vint annoncer imprudemment que son père voulait le faire

Императрица Екатерина II.

Съ гравированнаго портрета Ланте.

А. Н. Вильборгъ, СПБ. Мыц. 2.

Хотя воцареніе Екатерины II совершилось мирно, безъ всякаго кровопролитія, и не сопровождалось междоусобною войною, но затѣмъ, въ видѣ эпилога, послѣдовало злое дѣло, которое, хотя и въ скрашенномъ видѣ, не могло быть сокрыто отъ сына внезапно скончавшагося императора и должно было усугубить тяжелое впечатлѣніе, произведенное предшествовавшими тревожными днями; оно было настолько велико, что оставило слѣды на всю послѣдующую жизнь Павла Петровича.

Но, сверхъ всего сказаннаго, къ этимъ личнымъ дѣтскимъ воспоминаніямъ нужно еще присоединить вліяніе услужливыхъ или же опрометчивыхъ нашептываній со стороны разныхъ лицъ, отъ которыхъ, даже при идеальномъ надзорѣ, трудно было уберечь цесаревича.

Весьма естественно поэтому, что отнынѣ въ умѣ маленькаго Павла прочно засѣло предубѣжденіе противъ матери. Оно выразилось въ непреоборимомъ ничѣмъ чувствѣ подозрительнаго страха, сознательнаго недоброжелательства къ лицу, вдобавокъ яко бы похитившему что-то, безспорно ему одному принадлежавшее по праву рожденія. Неумолимая послѣдовательность въ развитіи психическихъ явленій должна была сдѣлать свое дѣло и въ разсматриваемомъ случаѣ, а между тѣмъ доказано, до какой степени жестоко работаетъ, при извѣстной обстановкѣ, логика дѣтей; приговоръ этой логики, въ большинствѣ случаевъ,—безпощадный; когда же наконецъ разсудокъ вступаетъ въ свои права, онъ оказывается безсильнымъ въ борьбѣ съ разыгравшимися страстями и установившимися предубѣжденіями.

Екатерина въ перепискѣ съ Гриммомъ однажды замѣтила: «Не всегда знаютъ, что думаютъ дѣти, и трудно узнать дѣтей, особливо когда доброе воспитаніе пріучило ихъ слушать съ покорностію». Павелъ именно повиновался съ покорностію и, конечно, объ извѣстныхъ вещахъ научился своевременно молчать, но отъ этого, разумѣется, нисколько не выигрывали его сыновнія чувства по отношенію къ матери. Послѣ 6-го же іюля взаимныя отношенія получили еще новый, отсутствовавшій дотолѣ, непріязненный оттѣнокъ. Между матерью и сыномъ появилась тѣнь, хотя и не грозная, но наложившая, однако, неизгладимую печать на отношенія императрицы къ своему первому вѣрноподданному. Между ними окончательно создалась отнынѣ глубокая пропасть, надъ которою цесаревичъ много лѣтъ предавался пагубнымъ размышленіямъ. Къ чему привели эти размышленія,—отвѣтомъ послужило впослѣдствіи четырехлѣтнее правленіе Павла Перваго.

mourir, fut saisi d'un effroi si violent, que sa constitution en fut dès lors altérée. Il s'opéra dans cet enfant une révolution si prodigieuse, qu'elle lui a laissé une incommodité qui paraissait indiquer le mal caduc».

III.

Обратимся теперь къ разсмотрѣнію вопроса, въ какомъ положеніи застаемъ мы царственнаго отрока по воцареніи Екатерины, когда она сдѣлалась самодержавною императрицей?

Послѣ переворота 1762 года правительство Екатерины II не могло сразу пріобрѣсти ту прочность и устойчивость, которыми оно отличалось въ послѣдующее время. Революціонная атмосфера продолжала еще окружать престолъ воцарившейся императрицы. При такомъ положеніи дѣлъ Екатерина, по достиженіи высшей власти, вынуждена была силою обстоятельствъ помышлять прежде всего объ укрѣпленіи за собою занятаго положенія. Наименьшею свободою она пользовалась тогда въ отношеніи къ сыну; поэтому воспитательное значеніе Никиты Ивановича Панина должно было остаться неприкосновеннымъ, еслибы даже въ умѣ Екатерины и существовали основательныя соображенія или желаніе видѣть сына переданнымъ въ другія руки. Не даромъ императрица признавалась Храповицкому въ 1793 году, вспоминая давно прошедшія событія: «Тамъ не было мнѣ воли сначала, а послѣ, по политическимъ причинамъ, не брала отъ Панина. Всѣ думали, что, ежели не у Панина, такъ онъ пропалъ» [1].

Существуетъ другое, не менѣе характерное свидѣтельство о томъ, насколько Екатерина стѣснена была въ своихъ сношеніяхъ съ Панинымъ во всемъ, касавшемся цесаревича. Это было въ маѣ 1768 года; Екатерина находилась въ Царскомъ Селѣ, а Панинъ оставался съ цесаревичемъ въ Петербургѣ. Въ это время смертельно заболѣваетъ оспою невѣста Никиты Ивановича, графиня Анна Петровна Шереметева. Тогда императрица, обращаясь къ посредничеству Ивана Перфильевича Елагина, пишетъ ему 5-го мая изъ Царскаго Села:

«Я въ превеликомъ амбара по причинѣ оспы Анны Петровны; естьли-бъ я слѣдовала своей склонности, я-бъ тотчасъ великаго князя сюда привезла, а Никита Ивановичъ дня черезъ два за нимъ бы пріѣхалъ, но я думаю, что Никитѣ Ивановичу сіе тягостно покажется. Вы знаете, какъ онъ не любитъ мѣсто перемѣнять, сверхъ того, то его съ невѣстою разлучить; оставить же сына моего въ городѣ опять и потому опасаюсь, чтобъ частыя пересылки не приключили бы и сыну моему какой опасности. Знаю и то, что пріѣздъ сюда мнѣ причинитъ непріязни; ибо конференціи съ министрами, слѣдовательно, ихъ пріѣздъ сюда мнѣ будетъ женированъ. Однако, лишь бы великій князь былъ цѣлъ, то на то не посмотрю; Никитѣ Ивановичу же о семъ писать не

[1] Дневникъ Храповицкаго, стр. 434.

могу, чтобъ не умножить и его безъ того уже непріятныя обстоятельства; ибо (отъ чего Боже сохрани), естьли великому князю сдѣлается оспа въ сіи минуты, то отъ публики не будетъ же безъ попреканій. Сдѣлай милости, хотя отъ себя уважай все сіе съ Никитой Ивановичемъ, и что вы положите въ разговорѣ за основательнѣе, какъ быть о томъ мнѣ, увѣдоми. Я очень безпокойна, не могши утвердить мысли на лучшее; ибо все въ семъ критическомъ положеніи дурно. Пронесетъ Богъ и сію тучу, какъ много другихъ... Я отдаю на ваше разсужденіе, какое хотите сдѣлать изъ сего письма употребленіе» [1].

Въ отзывѣ Екатерины къ Храповицкому и въ письмѣ ея къ Елагину таится ключъ къ пониманію стѣсненій, которымъ подвергалась императрица въ дѣлѣ воспитанія цесаревича даже послѣ 1762 года; соображенія, съ которыми ей приходилось считаться, не имѣли ничего общаго съ педагогическими. Поэтому, для должной и справедливой оцѣнки отношеній матери къ подроставшему наслѣднику, нельзя терять изъ виду рѣшающее значеніе, которое выпадаетъ на долю именно всѣхъ этихъ безотрадныхъ политическихъ соображеній, жертвой которыхъ суждено было сдѣлаться несчастному цесаревичу съ самаго рожденія.

Несмотря на существованіе многоразличныхъ стѣсненій и соображеній, ограничивавшихъ свободу дѣйствій Екатерины по отношенію къ сыну, она прежде всего обратила вниманіе на состояніе здоровья наслѣдника и властною рукою вмѣшалась въ это дѣло. Императрица поручила доктору Крузе изслѣдованіе вопроса, имѣвшаго въ то время первостепенное династическое значеніе; въ августѣ 1762 года Крузе представилъ созванному консиліуму подробное описаніе болѣзненныхъ припадковъ великаго князя и способовъ для излѣченія его. Въ запискѣ Крузе сказано, что цесаревичъ съ самаго рожденія страдалъ припадками, происходившими отъ накопленія кислотъ въ желудкѣ и пищепріемныхъ путяхъ; позже его стали безпокоить опухоли желѣзъ (des tumeurs dans les parties glanduleuses), переходившія иногда въ нагноеніе; иногда онъ страдалъ отъ рвоты, чаще отъ поноса; затѣмъ Крузе переходилъ къ изложенію спеціальнаго медицинскаго опредѣ-

[1] Сборникъ И. Р. И. О., т. 10-й, стр. 291. За этимъ письмомъ слѣдуетъ еще другое, все по поводу «амбара»:

«Иванъ Перфильевичъ. Я здѣсь все велю приготовить къ пріѣзду великаго князя. Только мнѣ кажется, что доктора весьма долгій срокъ положили Никитѣ Ивановичу; ибо онъ, кой часъ пятна показались, выѣхалъ изъ дома Шереметевыхъ, а они велятъ его двѣ недѣли на карантинѣ держать; однако, я вижу, что и на нихъ такъ, какъ и на меня, напала трусость. И такъ, хотя я то почитаю за излишнюю осторожность, однако осудить ихъ не могу, бывъ вчера въ томъ же положеніи. Пожалуй, поклонись гр. Никитѣ Ивановичу и скажи ему, что я думаю, что мы оба не согрѣшимъ, естьли онъ на будущей недѣлѣ сюда пожалуетъ; ибо двадцать пять верстъ воздуха можетъ служить чистецомъ. Увѣрь же его, что великаго князя ни вѣдь какъ пачкать стану».

ленія болѣзни великаго князя и способовъ для систематическаго его лѣченія. Записка оканчивается словами: «Да благословитъ всемогущій Богъ сохранить здравымъ и невредимымъ князя, который составляетъ радость августѣйшей императрицы (le prince qui fait les délices de l'auguste Impératrice), имперіи и всѣхъ насъ» [1].

Методъ лѣченія и рецепты, предложенные Крузе, были одобрены остальными медиками, и ему же поручено было привести въ исполненіе прописанное лѣченіе.

Еще 7-го іюля Екатерина издала манифестъ «о бытіи коронаціи въ сентябрѣ», а затѣмъ началось переселеніе лицъ и учрежденій изъ Петербурга въ Москву.

Цесаревичъ Павелъ Петровичъ выѣхалъ въ Москву 27-го августа въ сопровожденіи Н. И. Панина и придворнаго штата. Но едва успѣли отъѣхать нѣсколько станцій, какъ наслѣдникъ подвергся лихорадочному припадку; хотя путешествіе его замедлилось, но, тѣмъ не менѣе, въ четвергъ 11-го сентября, еще до въѣзда императрицы въ Москву, цесаревичъ все-таки прибылъ въ Петровское, подмосковное село гетмана Разумовскаго.

Торжественный въѣздъ въ Москву императрицы Екатерины происходилъ 13-го сентября; цесаревичъ участвовалъ въ этой церемоніи.

Коронація Екатерины II состоялась 22-го сентября; едва кончились придворныя торжества, какъ съ 1-го октября цесаревичъ снова заболѣлъ. Въ теченіе недѣли благополучный исходъ болѣзни великаго князя представлялся крайне сомнительнымъ; Екатерина не выходила изъ кремлевскаго дворца, въ которомъ лежалъ ея больной сынъ. Наконецъ, опасность миновала, и 13-го октября цесаревичъ всталъ съ постели. Страшный вопросъ о престолонаслѣдіи, грозившій поставить Екатерину въ крайне затруднительное положеніе, благополучно миновалъ; но, тѣмъ не менѣе, московскій недугъ оставилъ надолго неизгладимые слѣды въ нѣжномъ организмѣ цесаревича.

Болѣзнь Павла Петровича доставила ему случай проявить свое доброе сердце; когда цесаревичъ сталъ оправляться, онъ просилъ императрицу устроить въ Москвѣ больницу для бѣдныхъ, о чемъ и послѣдовалъ указъ 11-го іюня 1763 года. Больница эта названа была Павловскою, и въ память событія, послужившаго поводомъ къ ея основанію, была выбита медаль съ изображеніемъ Павла Петровича и надписью: «С в о б о ж д а я с я с а м ъ о т ъ б о л ѣ з н и о б о л ь н ы х ъ п р о м ы ш л я е т ъ» [2].

[1] Сборникъ И. Р. И. О., т. 7-й, стр. 144—149.

[2] Вспоминая впослѣдствіи, въ разговорѣ съ Порошинымъ, время своего выздоровленія, цесаревичъ назвалъ его «благополучнѣйшимъ и пріятнѣйшимъ въ своей жизни». (Записки Порошина, стр. 554).

Во время пребыванія императрицы Екатерины въ Москвѣ, вскорѣ послѣ выздоровленія Павла Петровича, сдѣлана была попытка привлечь къ дѣлу воспитанія цесаревича европейскую знаменитость—Даламбера [1]. 13-го ноября 1762 года императрица лично писала о томъ философу; въ переговорахъ по этому предмету участвовалъ также Н. И. Панинъ. Но Даламберъ не внялъ обращеннымъ къ нему просьбамъ и отклонилъ полученное имъ почетное предложеніе. Въ дружескомъ письмѣ къ Вольтеру онъ, намекая на недавнія событія, придалъ своему отказу шутливую, ироническую форму: «Я очень подверженъ геморою, а онъ слишкомъ опасенъ въ этой странѣ». Императрицѣ же Даламберъ писалъ, еще годъ спустя, что не признаетъ въ себѣ дарованій для предназначенной ему воспитательной роли. «Еслибы дѣло шло о томъ, чтобы изъ принца, о которомъ вы заботитесь, сдѣлать довольно хорошаго математика, порядочнаго литератора, можетъ быть, посредственнаго философа, то тогда бы я не отчаивался въ успѣхѣ; но велико разстояніе между геометромъ, литераторомъ, даже философомъ, отъ великаго государя, и никто не знаетъ и не доказываетъ этого лучше васъ» [2].

Послѣ этого эпизода Панинъ остался уже, до совершеннолѣтія Павла Петровича, единственнымъ полноправнымъ распорядителемъ воспитанія цесаревича. Задача, возложенная на Панина, была не изъ легкихъ и усложнялась еще тѣмъ, что съ 27-го октября 1763 года довѣріе императрицы возложило на Никиту Ивановича управленіе иностранною коллегіею.

Дворъ провелъ въ Москвѣ и часть 1763 года. Послѣ богомолья, предпринятаго императрицею Екатериною въ Ростовъ для поклоненія мощамъ св. Димитрія ростовскаго, и посѣщенія Ярославля, государыня возвратилась въ Москву 31-го мая; затѣмъ Екатерина выѣхала въ Петербургъ 14-го іюня и 21-го числа прибыла въ Царское Село.

1 «J'avoue que l'éducation de ce fils me tient si fort à coeur, et vous m'êtes si nécessaire que peut-être je vous presse trop; pardonnez mon indiscretion en faveur de la cause», писала Екатерина Даламберу. Сборникъ И. Р. И. О., т. 7-й, стр. 178—182.

Недоброжелатели Екатерины и донынѣ склонны усматривать въ переговорахъ ея съ Даламберомъ одну политическую комедію, въ которой благополучіе наслѣдника играло послѣднюю роль; для Екатерины призывъ Даламбера въ Россію имѣлъ яко бы только цѣлью пріобрѣсти расположеніе и сочувствіе со стороны тогдашнихъ передовыхъ людей европейской мысли. При разборѣ этого вопроса нельзя терять изъ виду, что впослѣдствіи императрица выбрала же въ наставники къ великому князю Александру Павловичу Лагарпа; поэтому нѣтъ основанія предполагать, что въ 1762 г. Екатерина руководствовалась однимъ желаніемъ заслужить похвалу со стороны французскихъ писателей и ничѣмъ другимъ.

2 Изъ этого письма Даламбера отъ 17-го октября 1763 года видно, что переговоры не прерывались послѣ перваго отказа философа быть воспитателемъ цесаревича.

28-го іюня императрица, сопровождаемая цесаревичемъ, имѣла торжественный въѣздъ въ Петербургъ и прослѣдовала въ Лѣтній дворецъ. 29-го іюня, въ день тезоименитства наслѣдника, Екатерина слушала литургію въ Петропавловскомъ соборѣ въ крѣпости и въ этотъ день пожаловала ему кейзеръ-флагъ [1]. Замѣтимъ здѣсь, что на основаніи указа 20-го декабря 1762 года цесаревичъ носилъ званіе генералъ-адмирала [2].

Князь П. А. Вяземскій высказываетъ слѣдующій взглядъ на воспитательную среду, окружавшую цесаревича послѣ воцаренія Екатерины:

«Воспитатель молодого великаго князя, Панинъ, всецѣло оставаясь, какъ онъ былъ, дипломатомъ и министромъ иностранныхъ дѣлъ, не только руководился въ области политики русскими стремленіями и началами, но онъ былъ чисто русскій, съ ногъ до головы. Умъ его напитанъ былъ народными, историческими и литературными преданіями. Ничто, касавшееся Россіи, не оставалось для него чуждымъ или безразличнымъ. Поэтому-то онъ любилъ свою страну не тою тепловатою любовью, не тѣмъ корыстнымъ и эгоистическимъ инстинктомъ человѣка, занимающаго видное мѣсто и любящаго свое отечество, потому что онъ любитъ власть, но онъ любилъ Россію съ той пламенною и животворною пре-

1 18-го іюля 1763 года Екатерина совмѣстно съ цесаревичемъ посѣтила Кронштадтъ и 20-го іюля возвратилась въ Петергофъ.

2 Приведемъ здѣсь содержаніе указа 20-го декабря 1762 года:

«Ревностное и неутомленное попеченіе ея императорскаго величества о пользѣ государственной, по принадлежащимъ къ ней, между прочимъ, цвѣтущемъ состояніи флота ея императорскаго величества, желая, купно съ достойнымъ въ томъ подражаніемъ блаженныя и безсмертныя памяти дѣду ея императорскаго величества государю императору Петру Великому, вперить еще при нѣжныхъ младенческихъ лѣтахъ во вселюбезнѣйшаго сына и наслѣдника ея императорскаго величества цесаревича и великаго князя Павла Петровича, всемилостивѣйше опредѣляетъ ея императорское величество его императорское высочество въ генералъ-адмиралы и повелѣваетъ изъ сената послать, и послано куда надлежитъ указы».

Замѣтимъ здѣсь, что немедленно по вступленіи на престолъ Екатерина пожаловала цесаревича, 4-го іюля 1762 года, полковникомъ въ лейбъ-кирасирскій полкъ, которому велѣно было именоваться кирасирскимъ наслѣдниковымъ полкомъ. Затѣмъ 10-го іюля 1762 года Екатерина назначила цесаревичу содержаніе по 120.000 рублей въ годъ, а въ 1763 году подарила ему Каменный островъ.

Ко всѣмъ почетнымъ назначеніямъ, выпавшимъ на долю цесаревича, исторіографы относятся иной разъ довольно оригинально. Если Екатерина оставляетъ наслѣдника въ сторонѣ отъ суетъ міра, раздается вопль негодованія: Павелъ забытъ, Павломъ пренебрегаютъ. Если же Екатерина даетъ наслѣднику какое либо назначеніе, выдвигаетъ его—новая бѣда: императрица этимъ вниманіемъ развиваетъ непомѣрную суетность и тщеславіе въ ребенкѣ. Однимъ словомъ, для Екатерины дѣло обстоитъ, какъ въ сказкѣ о Иванѣ-царевичѣ и найденныхъ имъ трехъ дорогахъ: вездѣ грозитъ бѣда, одна хуже другой.

данностью, которая возможна лишь тогда, когда человѣкъ привязанъ къ своей родинѣ всѣми узами, всѣмъ сродствомъ, порождающими общность интересовъ и симпатій, общность, въ которой выливаются, въ одной и той же любви, прошедшее, настоящее и будущее отечества. Только тогда можно любить и хорошо служить своей странѣ и своему народу, сознавая въ то же время ихъ недостатки, странности и пороки и борясь противъ нихъ всѣми своими силами и всѣми имѣющимися въ распоряженіи средствами. Всякая другая любовь—любовь слѣпая, безплодная, безразсудная и даже пагубная [1].

«Что касается до воспитанія молодого князя, то можно и должно замѣтить, что:

1) «Онъ былъ воспитанъ въ средѣ общественной и умственной, быть можетъ, немного не по возрасту для него, но во всякомъ случаѣ въ средѣ, способной развить его умъ, просвѣтить его душу и дать ему серіозное практическое и вполнѣ національное направленіе, знакомившей его съ лучшими людьми страны, ставившей въ соприкосновеніе со всѣми дарованіями и выдающимися талантами эпохи,—однимъ словомъ, въ средѣ, способной привязать его ко всѣмъ нравственнымъ силамъ страны, въ которой онъ будетъ нѣкогда государемъ.

«Разговоры, которые велись у него за столомъ и въ его присутствіи, быть можетъ, неумѣстные и черезчуръ эксцентричные, были, однако, вообще поучительны и привлекательны. Они отличались большою свободою ума и откровенностью мнѣній, что должно было возбуждать и укрѣплять сужденія молодого великаго князя и пріучать его выслушивать и уважать правду. Это общество — нужно принять это особенно во вниманіе—не состояло изъ недовольныхъ и лицъ оппозиціи, а напротивъ того, состояло изъ людей, горячо преданныхъ своей государынѣ и своему отечеству. Поэтому-то они и позволяли себѣ свободно выражаться, и не боялись скомпрометировать себя и повредить дѣлу монархіи,

[1] «Le gouverneur du jeune grand duc, le comte Panine, tout diplomate, tout ministre des affaires étrangères qu'il était, avait non seulement des tendances et des principes russes en politique, mais il était complètement russe de pied en cap. Son esprit s'était nourri de traditions nationales, historiques et littéraires. Rien de ce qui tenait à la Russie ne lui était ni étranger, ni indifférent. Aussi, aimait-il son pays, non de cet amour tiède, de cet instinct intéressé et égoiste d'un homme en place qui aime son pays, parce qu'il aime le pouvoir, mais il l'aimait avec ce dévouement ardent et vivifiant, qui ne peut exister que lorsque l'on est attaché à son pays par tous les liens, toutes les affinités que font naître une communauté d'intérêts et de sympathie, communauté où se résument dans le même amour le passé, le présent et l'avenir de la patrie. Ce n'est qu'alors que l'on peut aimer et bien servir son pays et sa nation tout en reconnaissant leurs défauts, leurs travers et leurs vices, et en les combattant de toute sa puissance et de tous ses moyens d'action. Tout autre amour est un amour aveugle, stérile, inintelligent et même funeste».

порицая то, что имъ казалось достойнымъ порицанія и противнымъ истиннымъ пользамъ родины, которую они любили прежде всего.

2) «Военный элементъ не преобладалъ въ воспитаніи и среди лицъ, окружавшихъ юнаго великаго князя. Военныя упражненія не отвлекали его отъ занятій. Его не пріучали быть прежде всего военнымъ. Конечно, будущій монархъ такого великаго государства, какъ Россія, не могъ оставаться чуждымъ того, что должно отчасти составлять силу и безопасность государства, но его обучали военному дѣлу съ высшей точки зрѣнія, а не погружали въ мельчайшія практическія подробности, которыя только могли бы сбить и ложно направить умъ ребенка. Ему отнюдь не вмѣняли въ важнѣйшія и первѣйшія обязанности то, что на самомъ дѣлѣ для него было бы не чѣмъ инымъ, какъ забавою, и неизбѣжно должно было бы отвлечь его отъ занятій болѣе серіозныхъ и помѣшало бы приготовиться къ исполненію несравненно болѣе суровыхъ и священныхъ обязанностей.

3) «Религіозное воспитаніе великаго князя было особенно тщательно. Кромѣ своихъ уроковъ, архимандритъ Платонъ, бывшій впослѣдствіи украшеніемъ нашей церкви, занимался каждое воскресенье и каждый праздникъ благочестивымъ чтеніемъ съ ученикомъ своимъ. Онъ былъ допущенъ въ его общество и часто обѣдалъ у него, вслѣдствіе чего отношенія великаго князя къ своему законоучителю и духовнику были не только въ извѣстныхъ случаяхъ духовныя, а въ другихъ офиціальныя, но постоянно и внѣ духовно-служебныхъ обязанностей имѣли характеръ задушевный. Платонъ говорилъ проповѣди при дворѣ. Истины, которыя онъ высказывалъ во имя слова Божія, имѣли самое лучшее и благотворное вліяніе на умъ юнаго великаго князя и на весь дворъ» [1].

Картина, которую рисуетъ намъ блестящее перо князя Вяземскаго, довольно привлекательна, и къ ней можно было бы примѣнить излюбленное выраженіе одного русскаго дипломата: «C'est prudemment rédigé et suffisamment près de la vérité». Относительно Н. И. Панина слѣдуетъ замѣтить, что въ характеристикѣ его опущена одна весьма важная черта, на которую справедливо указываетъ историкъ Екатерины II: «Панинъ не обладалъ ни энергіей замысла, ни рѣшительностью воли, такъ что ему никогда не могла бы прійти мысль воспользоваться своимъ питомцемъ для произведенія переворота.... Брату Панина, Петру Ивановичу, императрица никогда не довѣрила бы своего сына». Затѣмъ, въ характеристикѣ Н. И. Панина, сдѣланной княземъ Вяземскимъ, отсутствуетъ еще одинъ оттѣнокъ, касающійся непосредственно воспитательной дѣятельности Никиты Ивановича Панина и выше названный нами предатель-

[1] Князь П. А. Вяземскій: Полное собраніе сочиненій, т. 7-й, стр. 69—77 (статья о запискахъ Порошина).

скимъ. Безъ всякаго сомнѣнія, никто изъ современниковъ 1762 года не зналъ и не понималъ лучше его всѣхъ прелестей кратковременнаго правленія Петра III, и что же сдѣлалъ Панинъ? Будучи самъ однимъ изъ выдающихся дѣятелей въ дѣлѣ сверженія Петра III, Панинъ тѣмъ не менѣе не призналъ нужнымъ выяснить своему воспитаннику истинный мыслъ переворота 1762 года и историческое значеніе воцаренія Екатерины, сравнительно съ правленіемъ ея предшественниковъ. Напротивъ того, восхваляя отца и вселяя въ сына снисходительное отношеніе къ его заблужденіямъ и увлеченіямъ, онъ ни слова не сказалъ о томъ, чѣмъ Россія обязана Екатеринѣ, а подобное слово, услышанное изъ устъ Панина, имѣло бы громадное значеніе для Павла и не прошло бы для него безслѣдно. Это одно только и могло бы побудить наслѣдника быть продолжателемъ дѣлъ своей матери на пользу Россіи [1]. Справедливо замѣчено было, что Екатерина понимала и цѣнила Панина, но нельзя того же сказать о воспитателѣ цесаревича по отношенію къ императрицѣ.

Дѣйствительно, откуда же могъ почерпнуть великій князь начертанную имъ впослѣдствіи нижеслѣдующую оцѣнку правленія своего отца, какъ не изъ бесѣдъ своего главнаго наставника? По мнѣнію Павла Петровича, Петръ III вступилъ на престолъ и «принялся заводить порядокъ; но стремительное его желаніе завести новое помѣшало ему благоразумнымъ образомъ приняться за оное. Прибавить къ сему должно, что неосторожность, можетъ быть, была у него въ характерѣ, и отъ нея дѣлалъ многія вещи, наводящія дурныя импрессіи, которыя, соединившись съ интригами противъ персоны его, а не самой вещи, и погубили его, и заведеніямъ порочный видъ старались дать. Чего интриги не въ состояніи навести, естьли благоразуміе, осторожность и твердость духа не противостоятъ имъ?» [2].

Изъ этихъ строкъ видно, что оскорбленное самолюбіе Панина не устояло противъ искушенія подготовить себѣ въ наслѣдникѣ мстителя за непризнаніе со стороны Екатерины его, панинской, политической мудрости; расходясь во взглядахъ съ императрицею, онъ задумалъ создать себѣ въ лицѣ своего воспитанника болѣе покорнаго слушателя и

[1] П. Лебедевъ. Графы Никита и Петръ Панины. С.-Петербургъ. 1863. Стр. 38.

[2] «Русская Старина», т. 33-й, стр. 748. (Переписка цесаревича Павла Петровича съ графомъ Петромъ Ивановичемъ Панинымъ въ 1778—1779 гг.).

Замѣчательно, что еще въ недавнее время высказывались иной разъ мнѣнія, что Петръ III былъ чуть ли не передовой либеральный дѣятель, стоявшій въ своемъ развитіи выше окружавшей его среды. Стоитъ указать, напримѣръ, на статью М. И. Семевскаго: «Шесть мѣсяцевъ изъ русской исторіи XVIII вѣка. Очеркъ царствованія императора Петра III» (Отечественныя Записки 1866 года). Панегирикъ этотъ не былъ оконченъ авторомъ.

послѣдователя. Очевидно, что Павлу разсказали исторію его отца, какъ человѣка, желавшаго добра Россіи и ею непонятаго, неоцѣненнаго; отсюда явилось въ цесаревичѣ желаніе подражать отцу. Объ одномъ только можно пожалѣть, что Панинъ не вкусилъ плодовъ своихъ внушеній! Смерть лишила его счастія быть свидѣтелемъ 6-го ноября 1796 года, а вмѣстѣ съ тѣмъ избавила его отъ огорченія жестоко разочароваться въ своихъ неправедныхъ надеждахъ.

Всматриваясь ближе въ личный составъ наставниковъ Павла Петровича, легко впасть въ критику; но справедливѣе будетъ признать, что Панинъ все-таки собралъ вокругъ цесаревича все, что можно было, по тѣмъ временамъ, найти лучшаго. Среди педагогическаго персонала выдающимся значеніемъ пользовался бывшій флигель-адъютантъ Петра III, Семенъ Андреевичъ Порошинъ, который состоялъ при цесаревичѣ съ 28-го іюня 1762 года. Порошинъ впервые увидѣлъ великаго князя Павла Петровича 30-го ноября 1761 года на торжественномъ обѣдѣ; великій князь произвелъ на него настолько благопріятное впечатлѣніе, что онъ тогда же пожелалъ со временемъ попасть къ нему. Желаніе Порошина исполнилось [1]. Хотя Порошинъ преподавалъ цесаревичу математическіе предметы, но его бесѣды касались также исторіи и литературы; бесѣды эти имѣли несомнѣнно глубокое воспитательное значеніе. Профессоръ В. Иконниковъ пишетъ: «Весьма много говорятъ въ пользу Порошина замѣчательныя для его лѣтъ начитанность и способность пользоваться въ живой бесѣдѣ извѣстнымъ ему матеріаломъ [2]. «Трудно было найти человѣка, который бы до такой степени привязался къ своему питомцу, до такой степени усердно пользовался малѣйшимъ случаемъ, чтобы внѣдрить впечатлительному и пылкому отроку благородныя мысли и чувства, какъ это дѣлалъ Порошинъ. Всѣ совѣты, какіе онъ давалъ великому князю, всѣ его замѣчанія и наставленія исполнены ума и высокаго благородства» [3].

Порошинъ оставилъ дневникъ, въ который вносилъ все, что, по его мнѣнію, заслуживало вниманія изъ ежедневныхъ событій жизни цесаревича. Этотъ безцѣнный историческій матеріалъ обнимаетъ время съ 20-го сентября 1764 года и кончается 13-мъ январемъ 1766 года. «Записки эти, хотя и неполныя, составляютъ несомнѣнно весьма цѣнный документъ во многихъ отношеніяхъ», пишетъ князь Вяземскій.

[1] В. Иконниковъ: Разборъ сочиненія «Цесаревичъ Павелъ Петровичъ» (Отчетъ о двадцать седьмомъ присужденіи наградъ графа Уварова), стр. 85.

[2] С. А. Порошинъ, будучи еще капраломъ сухопутнаго шляхетнаго корпуса, участвовалъ въ академическомъ изданіи «Ежемѣсячныя сочиненія», редактированномъ академикомъ Миллеромъ.

[3] М. Семевскій: Семенъ Андреевичъ Порошинъ, 1741—1769. «Русскій Вѣстникъ» 1866 года.

«Кромѣ главной цѣли, поставленной себѣ авторомъ, - вести изо дня въ день отчетъ объ умственномъ и нравственномъ развитіи своего августѣйшаго воспитанника,—записки эти, за неимѣніемъ другихъ, воспроизводятъ въ легкихъ очеркахъ, въ отдѣльныхъ чертахъ, вѣрную и живую картину того времени, тогдашнихъ нравовъ, стремленій и личностей, которыя, болѣе или менѣе, всѣ носили своеобразную печать, чего напрасно искать въ наши дни» [1].

Но «невѣжество и зависть, противъ всѣхъ добрыхъ дѣлъ искони воюющія», ополчились противъ Порошина и вынудили его удалиться отъ двора. Преобладающее значеніе, которымъ онъ пользовался среди прочихъ педагоговъ, съ ихъ стороны ему не прощалось. Интрига облегчалась, благодаря непостоянству нрава и непрочности привязанностей, которыя цесаревичъ проявлялъ уже въ ту пору. Однажды (13-го октября 1764 года) цесаревичъ въ порывѣ дружескихъ чувствъ къ Порошину сказалъ ему: «Не тужи, голубчикъ! Ты ѣшь теперь у себя на оловѣ, будешь ѣсть и на серебрѣ». Черезъ годъ всѣ эти чувства начали уже улетучиваться. Порошинъ былъ однимъ изъ первыхъ приближенныхъ, испытавшихъ послѣдствія этого печальнаго недостатка Павла Петровича. Князь Вяземскій по этому поводу замѣчаетъ: «Изъ чтенія записокъ Порошина можно вывести еще одинъ важный урокъ, убѣждающій, какъ во всѣ времена трудно было благородному и добросовѣстному человѣку удержаться на придворной почвѣ; для этого недостаточно располагать довѣріемъ и покровительствомъ высшей власти. Второстепенныя, но всесильныя вліянія, тайныя, незримыя и неуловимыя, господствуютъ въ этихъ возвышенныхъ сферахъ, ведутъ глухую борьбу противъ оказываемаго довѣрія и покровительства и кончаютъ очень часто, чтобы не сказать всегда, побѣдою и подкопомъ подъ положеніе честнаго человѣка. Порошинъ былъ несомнѣнно таковымъ: онъ всѣмъ сердцемъ любилъ свои обязанности, понималъ ихъ святость, считалъ порученіе, ему данное, священнодѣйствіемъ; питалъ къ воспитаннику своему обожаніе, но не слѣпое и низкое, а высоко благородное, и что же? Мы замѣчаемъ, что отчаяніе и грусть проникаютъ въ его душу и приводятъ его къ удаленію отъ занимаемаго имъ мѣста. Было бы очень смѣло вывести заключеніе, когда возможны лишь одни предположенія, но нельзя не пожалѣть, что этотъ благородный человѣкъ не остался во главѣ воспитанія великаго князя до самаго конца. Хотѣлось бы вѣрить, что благотворное вліяніе его выказалось бы впослѣдствіи, когда юноша сталъ императоромъ» [2].

Въ интригахъ, которыя привели къ удаленію достойнаго Порошина отъ наслѣдника, немаловажную роль играли его записки. Порошинъ

[1] Князь П. А. Вяземскій, т. 7-й, стр. 69.
[2] Тамъ же, т. 7-й, стр. 72.

имѣлъ неосторожность читать ихъ своему воспитаннику; и хотя Павелъ Петровичъ слушалъ ихъ со вниманіемъ и обѣщалъ никому о томъ не сказывать, но въ одинъ прекрасный день онъ предалъ Порошина и разсказалъ даже Панину о существованіи записокъ. Никита Петровичъ потребовалъ одну тетрадь для прочтенія; едва ли, по ознакомленіи съ рукописью, ему представилось желательнымъ удержать при великокняжескомъ дворѣ такого зоркаго наблюдателя всего происходившаго вокругъ цесаревича. Затѣмъ недоброжелатели Порошина увѣрили Павла Петровича, что записки со временемъ будутъ служить только «къ его стыду и посрамленію».

Хотя Порошинъ отмѣчаетъ въ своемъ дневникѣ, что цесаревичъ слушалъ чтеніе записокъ «съ превеликимъ вниманіемъ и пріятностію» и просилъ, чтобы Порошинъ продолжалъ ихъ, что этимъ онъ ему сдѣлаетъ «несказанное удовольствіе», но случалось, однако, что по окончаніи чтенія великій князь просилъ кое-что вычеркнуть.

Такъ, напримѣръ, 17-го декабря 1764 года Порошинъ пишетъ: «читалъ я ему сіи свои записки прошлой недѣли. Изволилъ слушать съ великимъ вниманіемъ и наконецъ сказалъ: «все точнешенько такъ; только иныя мѣста желалъ бы я, чтобъ выскребены были».— «Ежели все такъ», отвѣчалъ я, «зачѣмъ же выскребать? Исторія должна быть справедлива и безпристрастна. Какъ хорошее похулить, и какъ похвалить худое?»

То же самое повторилось 6-го августа 1765 года. Цесаревичъ просилъ Порошина прочесть ему кое-что изъ его записокъ. «Читалъ я,—записалъ Порошинъ,—съ 13-го іюля по сіе число, и государь несказанно былъ доволенъ и съ крайнимъ вниманіемъ изволилъ слушать. Говорилъ только о нѣкоторыхъ касающихся до него правдахъ, нельзя ли ихъ выпустить. На то смѣючись отвѣтствовалъ я его высочеству, что пословица есть: «изъ пѣсни слова не выкинешь!» [1].

Едва ли возраженія Порошина удовлетворили самолюбиваго цесаревича, о чемъ при удобномъ случаѣ онъ впослѣдствіи и вспомнилъ.

Къ довершенію всѣхъ несчастій, испытанныхъ Порошинымъ, онъ имѣлъ еще дерзость страстно влюбиться въ графиню Анну Петровну Шереметеву, которая сдѣлалась потомъ невѣстою Н. И. Панина. Неудивительно, что сочетаніе столькихъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ привело къ отлученію Порошина отъ двора. Тщетно несчастная жертва интриги обращалась къ заступничеству графа Григорія Григорьевича Орлова; но и вліятельный фаворитъ оказался безсильнымъ помочь горю и удержать на мѣстѣ этого добраго генія Павла.

Въ 1768 году Порошинъ назначенъ былъ командиромъ Старо-Оскольскаго пѣхотнаго полка, а 12-го сентября 1769 года онъ скончался

[1] Записки Порошина, стр. 188 и 378.

на двадцать девятомъ году жизни близъ Елисаветграда, узнавъ во время болѣзни, что, при открытіи турецкой кампаніи, ему предстоитъ поступить подъ начальство Петра Ивановича Панина. По поводу смерти Порошина С. М. Соловьевъ написалъ: «исчезъ одинъ изъ самыхъ свѣтлыхъ русскихъ образовъ второй половины XVIII вѣка; начато было хорошее слово, хорошее дѣло и порвано въ самомъ началѣ» [1].

IV.

Біографы Павла Петровича охотно останавливаются на полномъ и рѣзкомъ осужденіи Екатерины II въ отношеніяхъ ея къ наслѣднику престола—пріемъ, можно сказать, по меньшей мѣрѣ, избитый; для подтвержденія выводовъ въ подобномъ смыслѣ обыкновенно прибѣгаютъ къ одностороннему подбору фактовъ. Между тѣмъ правильнѣе было бы искать ключъ къ этой загадкѣ въ психологическихъ мотивахъ, созданныхъ роковыми событіями 1762 года, отстранить или смягчить которые не было во власти и самаго мудрѣйшаго изъ смертныхъ. Къ этому слѣдуетъ присовокупить личныя, наслѣдственныя особенности характера цесаревича, съ годами получившія наконецъ оттѣнокъ, который не могъ согласоваться съ государственнымъ умомъ императрицы и съ ея взглядами на управленіе и политику Россійской имперіи. Началась глухая борьба двухъ противоположныхъ міровоззрѣній, прерываемая временнымъ затишьемъ, носящимъ отпечатокъ мимолетнаго перемирія. Когда же въ умѣ Екатерины окончательно созрѣло печальное убѣжденіе въ непригодности сына, какъ наслѣдника престола, участь Павла Петровича была безповоротно рѣшена; Екатерина, чуждая всякой сентиментальности, начала хладнокровно обдумывать способы для отстраненія цесаревича отъ престола, но объ этомъ послѣднемъ актѣ трагедіи, разыгравшейся между матерью и сыномъ, еще рѣчь впереди. Здѣсь же скажемъ, что, несмотря на всѣ старанія панегиристовъ цесаревича возвеличить его въ ущербъ Екатеринѣ, для будущаго историка Павла Петровича, при разборѣ отношеній, установившихся между матерью и сыномъ, все-таки остается еще открытымъ вопросъ: нерасположеніе ли матери развило въ сынѣ его характеръ, или, наоборотъ, характеръ его, по мѣрѣ того какъ онъ развивался, возбуждалъ нерасположеніе матери?

По поводу приведеннаго здѣсь вопроса князь Лобановъ высказалъ въ рукописной замѣткѣ слѣдующее мнѣніе:

«Въ этомъ отношеніи драгоцѣннымъ матеріаломъ служатъ записки Порошина. Къ сожалѣнію, онѣ обнимаютъ всего 15 мѣсяцевъ, съ 20-го сен-

[1] Соловьевъ, Исторія Россіи, т. 26-й, стр. 258.

тября 1764 года по 13-е января 1766 года. Павелъ былъ тогда мальчикомъ десяти, одиннадцати лѣтъ. Обращеніе Екатерины съ нимъ было самое нѣжное. Онъ жилъ при ней; былъ возлѣ нея не только на большихъ, но и на малыхъ собраніяхъ при дворѣ; сопровождалъ ее всюду, на маневрахъ, на охоту; она присутствовала при его экзаменахъ, радовалась его успѣхамъ и говорила ему, что, «когда его высочество возмужаетъ, то она изволитъ тогда по утрамъ призывать его къ себѣ для слушанія дѣлъ, дабы къ тому привыкнуть» [1]. Самыя приближенныя къ ней лица (Орловы, Чернышевы) постоянно бывали у него и оказывали ему почтительное вниманіе. Пріѣзжіе иностранцы, губернаторы, генералы, всѣ сколько нибудь замѣчательные люди тотчасъ являлись къ нему и были приглашаемы къ его столу. Словомъ, Екатерина видимо старалась подготовить достойнаго себѣ преемника. Въ этомъ ребенкѣ, на котораго всѣ смотрѣли, какъ на единственную надежду государства, мы однако можемъ, при всей сдержанности Порошина [2], подмѣтить холодность и недовѣрчивость къ матери, скуку и нетерпѣніе въ ея присутствіи и, вообще, зародыши тѣхъ свойствъ, которыя онъ обнаружилъ, какъ императоръ.

«Порошинъ, привязанный къ нему всею душою, былъ однажды вынужденъ ему сказать: «Avec les meilleures intentions du monde, vous vous ferez haïr, Monseigneur (при самыхъ наилучшихъ намѣреніяхъ, вы заставите себя ненавидѣть)» [3].

«Другой наставникъ Павла, профессоръ Эпинусъ, говорилъ о немъ: «Голова у него умная, но въ ней есть какая-то машинка, которая держится на ниточкѣ: порвется эта нитка, машинка завертится,— и тутъ конецъ и уму и разсудку» [4].

[1] Записки Порошина, стр. 422. Екатерина обратилась съ этими словами къ цесаревичу 9-го сентября 1765 года.

[2] Князь Лобановъ вполнѣ правъ, ссылаясь на сдержанность Порошина.

Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно сравнить запись 24-го и 25-го марта 1765 года (стр. 294) съ сохранившеюся краткою черновою замѣткой того же числа (стр. 616—617). Въ послѣдней читаемъ между прочимъ: «Крикъ—камеръ-лакея разжаловалъ.—Брань со мною.—За столомъ по большой части тихо». Въ запискахъ все это сглажено, а нѣкоторые штрихи совсѣмъ исчезли. Остается сожалѣть, что не уцѣлѣли другіе подобные же черновые отрывки; картина, рисуемая Порошинымъ, вышла бы полнѣе.

Кое-что, относящееся къ рѣзкостямъ первоначальной записи, сохранилось и въ запискахъ, какъ, напримѣръ, 28-го марта 1765 года читаемъ лаконическое изреченіе: «Лѣнтяй» (стр. 297).

[3] Порошинъ, Записки, стр. 302.

[4] Записки о моей жизни, Н. И. Греча. Спб. 1886, стр. 241. Порошинъ сохранилъ намъ другой отзывъ Эпинуса о цесаревичѣ, по которому онъ подмѣтилъ въ немъ: «esprit géométrique» и «justesse d'esprit». Порошинъ къ этому отзыву прибавляетъ: «И подлинно, когда его высочество не залѣнится, то провождаемые съ нимъ въ ученіи часы неописанное приносятъ услажденіе: съ такою остротою и основательностью вни-

Приведемъ здѣсь изъ записокъ Порошина нѣкоторыя выдержки, могущія служить подтвержденіемъ мыслей, высказанныхъ княземъ Лобановымъ.

24-го сентября 1764 года. «Его высочество, будучи живаго сложенія и имѣя наичеловѣколюбивѣйшее сердце, вдругъ влюбляется почти въ человѣка, который ему понравится; но какъ ни какія усильныя движенія долго продолжаться не могутъ, есть ли побуждающей какой силы при томъ не будетъ, то и въ семъ случаѣ оная крутая прилипчивость должна утверждена и сохранена быть прямо любви достойными свойствами того, который имѣлъ счастье полюбиться. Словомъ сказать, гораздо легче его высочеству вдругъ весьма понравиться, нежели на всегда соблюсти посредственную, не токмо великую и горячую отъ него дружбу и милость. Но нѣтъ же отнюдь въ семъ дѣлѣ и невозможности; прямыя достоинства и чистое проницательное разсужденіе тысячьми средствъ и орудій обращаютъ».

7-го октября. «Въ шесть часовъ изволилъ его высочество пойтить на комедію. Комедія была французская: «l'école des femmes»; балетъ «les chasseurs»; маленькая піеса «la fête de l'amour». Ея величество присутствовать не изволила въ комедіи. Въ маленькой піесѣ и въ балетѣ изволилъ его высочество аплодировать многократно, особливо въ балетѣ танцовщику Тимоѳею, Парадису и Меркуршѣ. Два раза партеръ безъ него захлопалъ, что ему весьма было непріятно. Пришедши къ себѣ, долго ропталъ о томъ. Графъ Александръ Сергѣевичъ Строгановъ пришедъ говорилъ его высочеству, что въ послѣдній разъ на комедіи и государыня дозволила при себѣ аплодировать, хотя она и не изволитъ зачать. Великій князь на сіе изволилъ отвѣчать ему: «да объ этомъ я не слыхалъ, чтобы государыня приказывать изволила, чтобы при мнѣ аплодировали, когда я не зачну. Впередъ я выпрошу, чтобъ тѣхъ можно было высылать вонъ, которые начнутъ при мнѣ хлопать, когда я не хлопаю. Это противъ благопристойности». За ужиной и послѣ все время его высочество посерживался».

13-го октября. «Камердинеръ спрашивалъ у меня, какой кафтанъ приготовить для его высочества, и какъ я сказалъ, какой онъ самъ изволитъ, то великій князь приказалъ приготовить зеленой бархатной. Камердинеръ докладывалъ, что этотъ кафтанъ уже старъ, замылся, не прикажетъ ли другой принесть. Но его высочество, выславъ его, съ сердцемъ приказывалъ, чтобы тотъ принесъ, о которомъ онъ приказалъ

мать изволитъ». (Записки Порошина, стр. 488). Математическія занятія съ цесаревичемъ привели Порошина къ слѣдующему заключенію: «Еслибы его высочество былъ человѣкъ партикулярный и могъ совсѣмъ предаться одному только математическому ученію, то-бъ по остротѣ своей весьма удобно быть могъ нашимъ россійскимъ Паскалемъ» (стр. 20).

ему. Тутъ говорилъ я великому князю: «а вить Карла двѣнадцатаго за упрямство мы не любимъ. Хорошо ли это, не принимать резону. Вы приказали прежде не вспомня, что кафтанъ старъ; а теперь, когда правильно представляютъ, для чего не перемѣнить своего мнѣнія и не согласиться?» Его высочество тотчасъ приказалъ кликнуть камердинера и изволилъ сказать ему, чтобъ уже того кафтана не носилъ, а принесъ бы другой, который поновѣе. Изъ сей поступки и изъ другихъ сдѣлалъ я наблюденіе, что очень возможно исправлять въ его высочествѣ случающіяся иногда за нимъ погрѣшности и склонить его къ познанію добраго; надобно знать только, какъ за то браться».

29-го октября. «Часто на его высочество имѣютъ великое дѣйствіе разговоры, касающіеся до кого нибудь отсутствующаго, которые ему услышать случится. Неоднократно наблюдалъ я, что, когда при немъ говорятъ что въ пользу или въ похвалу какого нибудь человѣка, такого человѣка послѣ увидя, его высочество особливо склоненъ къ нему является; когда жъ, напротивъ того, говорятъ о комъ невыгодно и хулительно, а особливо не прямо къ его высочеству съ рѣчью адресуясь, но будто въ разговоръ мимоходомъ, то такого государь великій князь послѣ увидя, холоденъ къ нему кажется».

24-го ноября. «Въ десятомъ часу (во время бала) великое появилось нетерпѣніе, что государыня (долго) за столъ иттить не изволитъ. Я, примѣтя сіе, подходилъ неоднократно къ государю и, сколько въ публикѣ благопристойность дозволяла, уговаривалъ его, чтобъ преодолѣлъ себя; что хотя и успѣвало нѣсколько, однако не совсѣмъ. Пошли наконецъ за столъ. Съ государынею въ парѣ сидѣлъ аглинской посолъ, лордъ Букингамъ. Съ его высочествомъ сидѣла оберъ-гофмейстерина Алена Александровна Нарышкина. Между ими сидѣлъ Никита Ивановичъ и раскладывалъ его высочеству кушанье. У ея величества былъ десятой номеръ, а у его высочества одинадцатой.—Въ окончаніи стола государю опять скучилось, и слезки почти начали показываться, что мнѣ весьма прискорбно было. Возвращаясь во внутренніе его высочества покои, говорилъ я о семъ его превосходительству Никитѣ Ивановичу. Онъ также скорбѣлъ о томъ немало. Пошедъ къ себѣ, приказалъ и просилъ, чтобъ я съ господиномъ Остервальдомъ гораздо выговорилъ о томъ государю, покамѣсть онъ раздѣваться изволитъ. Говорили мы ему о томъ довольно; старался я употребить все свое велерѣчіе, чтобы представить ему, какое отъ таковыхъ неодумчивыхъ въ публикѣ поступокъ для него произойтить можетъ безславіе, и какъ народныя сердца тѣмъ отвратить отъ себя можетъ. Признаться должно, что его высочество слушалъ о семъ съ прискорбностію и сожалѣніемъ, и закаивался, чтобъ никогда того болѣе не дѣлать. Въ постелю государь изволилъ лечь, былъ одинадцатой часъ въ исходѣ».

Великій князь Павелъ Петровичъ.

Съ гравированнаго въ 1763 году портрета Грекова.

А. И. Вильборгъ, СПБ. Мыц. 2

7-го декабря. «Великій князь весьма жалуетъ разговаривать о партикулярномъ домоводствѣ и восхищается, входя въ подробности онаго и представляя себя въ партикулярномъ состояніи; забавляется тѣмъ по своему нѣжному еще младенчеству и имѣя наиживѣйшее воображеніе, какое натура только произвесть можетъ. Его высочество все себѣ можетъ такъ ясно и живо представлять, какъ бы предъ нимъ то уже дѣйствительно происходило: веселится тогда, подпрыгиваетъ и откидываетъ, по привычкѣ своей, руки назадъ безпрестанно. За ужиною разговорились о работникахъ и о купцахъ. Его высочество завидовалъ имъ, что они рано спать ложатся и рано встаютъ. У его высочества ужасная привычка, чтобъ спѣшить во всемъ: спѣшить вставать, спѣшить кушать, спѣшить опочивать ложиться. Передъ обѣдомъ за часъ еще времени или болѣе до того, какъ за столъ обыкновенно у насъ садятся (т. е. въ началѣ втораго часу), засылаетъ тайно къ Никитѣ Ивановичу гоффурьера, чтобъ спроситься, не прикажетъ ли за кушаньемъ послать, и всѣ хитрости употребляетъ, чтобъ хотя нѣсколько минутъ выгадать, чтобъ за столъ сѣсть поранѣе. О ужинѣ такія же заботы. Послѣ ужины камердинерамъ повторительные наказы, чтобъ какъ возможно они скоряй ужинали съ тѣмъ намѣреніемъ, что, какъ камердинеры отужинаютъ скоряе, такъ авось и опочивать положатъ нѣсколько поранѣе. Ложась заботится, чтобъ по утру не проспать долго. И сіе всякой день почти бываетъ, какъ ни стараемся его высочество отъ того отвадить».

16-го января 1765 года. «Пошли мы на куртагъ. Ея величество изволила тамъ присутствовать и играть въ пикетъ съ чужестранными министрами и съ нѣкоторыми изъ здѣшнихъ знатныхъ. Его высочество изволилъ стоять тутъ же въ кругу. Сперва веселъ былъ: разговаривалъ съ министрами. Изъ нашихъ—съ княземъ Петромъ Ивановичемъ Рѣпнинымъ, съ вице-канцлеромъ, съ графами Петромъ и Иваномъ Григорьевичемъ Чернышевыми. Наконецъ скучилось ему. Началъ подзывать Никиту Ивановича домой. Его превосходительству хотѣлось дождаться того, какъ государыня изволитъ ретироваться, и для того отказывалъ ему. Началъ великій князь съ ножки на ножку переступать, помигивать и смотрѣть на плафонъ, чтобы скрыть свое нетерпѣніе. Между тѣмъ очень оно видно было, и сбирающіяся на глазахъ тучки еще болѣе то показывали. Никита Ивановичъ принужденъ былъ пійтить съ его высочествомъ. Какъ скоро добрались мы до своихъ предѣловъ и вошли въ желтую комнату, остановились всѣ. Никита Ивановичъ приказалъ съ великаго князя снять тутъ шпагу, и чтобъ онъ далѣе никуды не ходилъ. Давъ ему наижесточайшій выговоръ, оборотился къ намъ и сказалъ, чтобъ мы на сей вечеръ великаго князя всѣ оставили, и никто не говорилъ бы съ нимъ ни слова. Сказавъ сіе, пошелъ его превосходительство къ себѣ, оставивъ у насъ по себѣ тишину неописанную. Ве-

ликій князь выговоромъ весьма огорченъ былъ и, стоя у печи, разными знаками показывалъ свое неудовольствіе. По предписанію, никто не говорилъ ему ничего. Разговаривали мы между собою, показывая, будто совсѣмъ на него не примѣчаемъ. Были у меня при семъ случаѣ кое-какія разсужденія, которыя отчасти сообщалъ я тѣмъ, на кого поболѣе полагался, отчасти обращалъ только въ головѣ своей. Оныя разсужденія пусть при мнѣ останутся. По приказанію его превосходительства Никиты Ивановича, ужинать сѣлъ его высочество уже въ десятомъ часу, опочивать легъ въ одиннадцатомъ, что для него было школою терпѣнія. Весь вечеръ происходилъ въ тихости».

17-го января. «Его высочество проснуться изволилъ въ седьмомъ часу. Очень сожалѣлъ и раскаивался о вчерашнемъ приключеніи. Одѣвшись изволилъ учиться, какъ обыкновенно. Послѣ ученья попрыгивалъ въ желтой комнатѣ, и никто съ нимъ по вчерашнему заказу не вступалъ еще ни въ какіе (почти) разговоры. Сѣли за столъ. И тамъ очень тихо было. Изъ стороннихъ никто не обѣдалъ. Его превосходительство Никита Ивановичъ по большой части сидѣлъ задумавшись. Послѣ обѣда, въ четвертомъ часу, изволилъ его высочество сѣсть за ученія. У меня очень хорошо учился. Окончивъ свое дѣло, изволилъ говорить мнѣ о вчерашнемъ своемъ поступкѣ, что онъ весьма сожалѣетъ, что оное сдѣлалось, что показалось ему поздно и скучно; не могъ преодолѣть себя, изволилъ просить у меня наигорячнѣйшимъ и новѣрннѣйшимъ образомъ совѣту, какъ бы сдѣлать, чтобъ таковыхъ, какъ самъ онъ выговаривать изволилъ, проказъ впередъ не было... Выслушавши проповѣдь со вниманіемъ, бросился ко мнѣ его высочество и цѣлуя изволилъ увѣрять меня, что онъ не преминетъ предложенныя отъ меня наставленія при первомъ случаѣ произвести въ дѣйство и употребить въ свою пользу».

21-го января. «За чаемъ изволилъ онъ открывать мнѣ, что какъ вчерась былъ у государыни, то ея величество изволила спросить его, подозвавъ къ себѣ тихонько: отъ чево Никита Ивановичъ такъ не веселъ? и что какъ онъ отвѣтствовалъ, что не изволитъ знать, то государыня сказать ему изволила: «n'est-ce pas vous qui l'avez chagriné? Si c'est vous, je vous prie de ne le point faire à l'avenir». Его высочество признаваться мнѣ изволилъ, что оное увѣщаніе такъ его тронуло, что у него слезы навернулись. На сіе говорилъ я, что надобно себя вести такъ, чтобы ея величеству причины никогда не было подумать, чтобъ его высочество Никиту Ивановича когда-нибудь чѣмъ могъ опечалить».

24-го февраля. «Ввечеру назначено ему было видѣть ея императорское величество. Его высочество изволилъ открываться мнѣ, что онъ опасается, чтобъ не удержали его долго за тѣмъ у государыни, какъ

ити туда изволитъ; что быть тамъ ему скучно и принужденно, и что принужденіе такое ему несносно. Въ семъ не оставилъ я, чтобъ не дать государю надлежащаго увѣщанія».

28-го февраля. «Хотѣли было изъ-за стола уже вставать, какъ не помню кто-то изъ насъ попросилъ масла и сыру. Великій князь, осердясь тутъ на тафельдекера, сказалъ: для чево прежде не ставите? и потомъ, оборотясь къ намъ: это они все для себя воруютъ. Вооружились мы всѣ на его высочество и говорили ему по-французски, какъ дурно оскорблять такимъ словомъ человѣка, о которомъ онъ, конечно, заподлинно знать не можетъ, виноватъ ли онъ или нѣтъ. Вставши изъ-за стола, продолжалась сія проповѣдь. Господинъ Остервальдъ и я говорили его высочеству весьма сильно, какъ дуренъ оной поступокъ былъ, и какъ онъ тѣмъ у людей въ ненависть привести себя можетъ. Признавался онъ въ томъ и раскаивался».

24-го марта. «Съ нѣкотораго времени примѣчаю я, что его высочество началъ становиться слишкомъ рѣзовъ и нѣсколько своенравенъ. Вѣдаю тому и причину; да пусть я только одинъ ее вѣдаю».

11-го іюля. «Побранилъ Никита Ивановичъ гораздо великаго князя за его бѣшенство и кривлянье. Все головою внизъ мотаетъ».

14-го іюля. «Послѣ обѣда учился его высочество не весьма охотно. Не могу изобразить я, какъ внутренно терзаюсь, когда въ немъ такую легкость и отвращеніе отъ полезныхъ знаній примѣчаю. Сверхъ того, и то непріятно, когда человѣкъ, съ усердіемъ и съ неусыпными трудами наилучшее и наисущественнѣйшее изъ нужныхъ ученій выбирая, предложить старается, а учащійся, нимало къ тому не прилѣпляясь, совсѣмъ въ дѣло не входитъ и о мельчайшихъ бездѣлкахъ между тѣмъ помышляетъ. Но чего въ такихъ нѣжныхъ лѣтахъ перемѣнить или, по крайней мѣрѣ, поправить нельзя? Я самъ передъ собою извиняюсь, что отступилъ въ краткой сей рефлекціи, разгорячась нѣсколько».

21-го сентября. «За столомъ особливое сдѣлалось приключеніе: его высочество попросилъ съ одного блюда себѣ кушать; Никита Ивановичъ отказалъ ему. Досадно то показалось великому князю: разсердился онъ и, положа ложку, отворотился отъ Никиты Ивановича. Его превосходительство въ наказаніе за сію неучтивость и за сіе упрямство вывелъ великаго князя тотчасъ изъ-за стола во внутренніе его покои и приказалъ, чтобъ онъ остался тамъ съ дежурными кавалерами. Пожуря за то его высочество, пошелъ Никита Ивановичъ опять за столъ, и тамъ нѣсколько еще времени сидѣли. Государь цесаревичъ между тѣмъ плакалъ и негодовалъ. Пришедъ изъ-за стола, его превосходительство Никита Ивановичъ взялъ съ собою великаго князя одного въ другую (учительную) комнату и тамъ говорилъ ему съ четверть часа о непристойности его поступка, которую, конечно, никто не похвалитъ. Г. Сал-

*

дернъ также недоволенъ былъ симъ его высочества поведеніемъ, какъ и всѣ; сказалъ мнѣ про него съ сердцемъ: c'est une tête de fer. Когда бъ не такой былъ случай, и его высочество не столько бъ виноватъ былъ, то бъ я присовѣтовалъ ему, чтобъ выраженіе сыскалъ онъ другое, нѣсколько помягче. Переплакался наконецъ его высочество».

«Въ послѣдующіе года», по словамъ князя Лобанова, «за отсутствіемъ подобнаго же матеріала, невозможно прослѣдить изо дня въ день отношенія Екатерины къ Павлу. Отрывочныя свѣдѣнія, которыя находятся преимущественно въ депешахъ иностранныхъ дипломатовъ, позволяютъ опредѣлить однѣ только главныя эпохи этихъ отношеній. Онѣ совпадаютъ: 1) съ первою женитьбою великаго князя въ 1773 году; 2) со второю его женитьбою въ 1776 году и 3) съ возвращеніемъ его изъ заграничнаго путешествія, со смертью графа Никиты Ивановича Панина и съ пожалованіемъ ему Гатчины въ собственность (въ 1783 году).

«Въ каждомъ изъ этихъ періодовъ замѣтно все большее и большее охлажденіе между сыномъ и матерью, хотя оно и прикрывалось наружнымъ видомъ благопристойности. Въ послѣднюю же эпоху великій князь, уже достигшій тридцатилѣтняго возраста, зажилъ совершенно самостоятельною жизнью. Уединившись въ Гатчинѣ и Павловскѣ, онъ пріѣзжалъ въ мѣстопребываніе императрицы только тогда, когда иначе не могъ дѣлать; окружилъ себя своими любимцами, людьми, по меньшей мѣрѣ, посредственными (изъ коихъ впослѣдствіи, за исключеніемъ развѣ Ростопчина, ни одинъ не ознаменовалъ себя доблестными дѣлами); завелъ у себя войска, свою дисциплину, свои порядки; дворъ его сдѣлался во всемъ какъ бы живою критикою двора его матери. Несмотря на это, Екатерина продолжала относиться къ Павлу, какъ къ наслѣднику ея престола. Нельзя сказать, чтобы она держала его въ совершенномъ невѣдѣніи о дѣлахъ управленія; напротивъ того, изъ дневника Храповицкаго (1782—1793 гг.) видно, что по ея приказанію ему докладывались дѣла какъ внѣшнія, такъ и внутреннія [1], и что лица служащія попрежнему считали своею обязанностью являться къ нему при каждой служебной перемѣнѣ.

«Такимъ образомъ протекли послѣднія 13 лѣтъ царствованія Екатерины. А между тѣмъ въ продолженіе этого времени подростали дѣти Павла,—и Екатерина, вполнѣ разочарованная насчетъ своего сына, перенесла всѣ свои надежды и ожиданія на внука своего, великаго князя Александра Павловича».

[1] Дневникъ Храповицкаго, стр. 8, 80, 295, 319, 322.

V.

Лѣтомъ 1764 года императрица Екатерина задумала совершить путешествіе въ Прибалтійскій край, посѣтить Ревель, Балтійскій портъ и Ригу. 20-го іюня государыня выѣхала изъ Петербурга, а на время ея отсутствія цесаревичъ съ Панинымъ поселились въ Царскомъ Селѣ. На сенатора Ивана Ивановича Неплюева возложено было «главное попеченіе о сохраненіи добраго порядка и совершенной тишины» въ столицѣ. Замѣчательно, что еще до отъѣзда императрицы стали распространяться въ Петербургѣ неясные толки о какой-то ожидаемой катастрофѣ, и появились подметныя письма съ упоминаніемъ о Шлиссельбургѣ и Іоаннѣ III. Сначала все обстояло благополучно, но когда императрица прибыла 9-го іюля въ Ригу, она нашла тамъ курьера, присланнаго Панинымъ съ крайне тревожными извѣстіями [1]. Оказалось, что ночью, съ 4-го на 5-е іюля, разыгралась кровавая «Шлюссельбургская нелѣпа» [2], состоявшая въ томъ, что подпоручикъ Смоленскаго пѣхотнаго полка Мировичъ затѣялъ въ крѣпости бунтъ съ цѣлью освобожденія содержавшагося въ ней «безъименнаго колодника». Но Екатерина давно уже предусмотрѣла возможность такой «нелѣпы», и въ инструкціи, данной приставленнымъ къ царственному узнику капитану Власьеву и поручику Чекину, за подписью Н. И. Панина, сказано было, что, если силою кто-либо пожелаетъ его отнять, «то арестанта умертвить, а живого никому его въ руки не отдавать». Когда же во время бунта Власьевъ и Чекинъ убѣдились въ безвыходности своего положенія, они въ точности исполнили данную имъ инструкцію, и ворвавшемуся въ казематъ Мировичу суждено было увидѣть одинъ бездыханный трупъ. Убитый «безъименный колодникъ» былъ бывшій императоръ Іоаннъ III. Такимъ образомъ, кровавая развязка завершила собою беззаконіе 1741 года! Невольно припоминаются слова великаго поэта, имѣющія столь вѣрный, глубокій смыслъ: «Въ томъ именно проклятіе злого дѣла, что оно безпрерывно рождаетъ новое зло» [3].

Екатерина выказала въ эту критическую минуту свойственныя ей необычайную силу духа и самообладаніе. Празднества и пріемы, намѣченные въ Ригѣ, продолжались безпрерывно въ продолженіе семи дней; императрица повсюду являлась съ веселымъ лицемъ, ласково отвѣчая на привѣтствія и очаровывая всѣхъ милостивымъ обращеніемъ. Екатерина нашла даже возможнымъ посѣтить 13-го іюля тогда еще чу-

[1] Съ 10-го декабря 1763 года Н. И. Панину поручены были тайныя дѣла.

[2] Императрица Екатерина въ письмѣ къ Неплюеву отъ 11-го іюля изъ Риги весьма мѣтко назвала бунтъ Мировича «Шлюссельбургской нелѣпой».

[3] «Das eben ist der Fluch der bösen That,
Dass sie, fortzeugend, immer Böses muss gebären».
Schiller: Die Piccolomini.
Aufzug 5, Auftritt 1.

жестранную для насъ Митаву, гдѣ царствовалъ въ то время поставленный ею герцогъ Биронъ. Пріемъ былъ пышный, и нѣкогда грозный фаворитъ, надменный регентъ, привѣтствуя свою новую благодѣтельницу, хотѣлъ даже смиренно пасть на колѣни, но былъ удержанъ императрицею [1]. Никто изъ толпившихся въ эти дни вокругъ государыни вѣрноподданныхъ не могъ, конечно, подозрѣвать, какія тяжкія мысли и заботы волновали въ ту пору ея душу.

Исчезновеніе несчастно рожденнаго Іоанна III упрощало, безъ сомнѣнія, многое въ политическихъ соображеніяхъ того времени, и Екатерина имѣла полное основаніе писать Панину 9-го іюля:

«Я съ великимъ удивленіемъ читала ваши репорты и всѣ дивы, происшедшія въ Шлюссельбурхѣ: руководствіе Божіе чудное и неиспытанное есть».

Въ свою очередь, Панинъ также видѣлъ въ исчезновеніи царственнаго узника «чудный Божій промыслъ».

Но затѣмъ на долю императрицы выпало еще немало заботъ. Необходимо было скорѣе окончить дѣло Мировича, чтобы, успокоивъ умы, заставить тѣмъ позабыть шлюссельбургскія дивы и пресѣчь, какъ выразилась Екатерина, дальнѣйшія дурацкія разглашенія [2], но для этого требовалось личное присутствіе императрицы въ столицѣ. Насколько возможно было, Екатерина поспѣшила отъѣздомъ и 25-го іюля возвратилась въ Петербургъ. 17-го августа, по окончаніи слѣдствія, появился манифестъ о кончинѣ принца Іоанна Антоновича и о назначеніи верховнаго суда надъ бунтовщиками. Въ семнадцать дней собраніе окончило порученное ему дѣло, и 15-го сентября совершилась казнь Мировича на Петербургской сторонѣ; мятежнику была отсѣчена голова, и тѣло его сожжено «купно съ эшафотомъ».

На цесаревича Павла Петровича шлюссельбургская гисторія и послѣдствія ея, какъ и слѣдовало ожидать, произвели сильное впечатлѣніе. По свидѣтельству Порошина, «всякое незапное или чрезвычайное происшествіе весьма трогаетъ его высочество. Въ такомъ случаѣ живое воображеніе и ночью не даетъ ему покою. Когда о совершившейся 15-го числа сего мѣсяца надъ бунтовщикомъ Мировичемъ казни изволилъ его высочество услышать, также опочивалъ ночью весьма худо» [3].

---

[1] Въ первый и въ послѣдній разъ Екатерина, со времени пріѣзда въ Россію въ 1744 году, переступила границу имперіи.

[2] Въ письмѣ къ Панину отъ 10-го іюля 1764 года изъ Риги Екатерина писала: «La Providence m'a donné un signe bien évident de sa grâce en tournant cette entreprise de la façon dont elle est finie... Не думайте, чтобы я страху предалась. Я сіе дѣло не болѣе уважаю, какъ оно въ самомъ существѣ есть, сирѣчь дешперадной и безразсудной сопр, однакожъ, надобно до фундамента знать, сколь далеко дурачество распространилось, дабы, естьли возможно, разомъ пресѣчь и тѣмъ избавить отъ нещастія невинныхъ простяковъ». (Государственный архивъ. Р. VI).

[3] Записки Порошина, стр. 14.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

I.

Когда цесаревичъ Павелъ Петровичъ достигъ въ 1768 году четырнадцати-лѣтняго возраста, то согласно воспитательному плану Н. И. Панина наступило время, когда оказалось полезнымъ «учинить особливое разсужденіе, какимъ способнѣйшимъ образомъ приступить къ прямой государственной наукѣ, то-есть: къ познанію коммерціи, казенныхъ дѣлъ, политики внутренней и внѣшней, войны морской и сухопутной, учрежденій мануфактуръ и фабрикъ и прочихъ частей, составляющихъ правленіе государства его, силу и славу монаршу».

Прослѣдить, какимъ образомъ эта программа была осуществлена, представляется довольно труднымъ, потому что съ удаленіемъ Порошина и съ прекращеніемъ его дневника русская исторіографія лишилась главнаго и лучшаго своего источника, чтобы слѣдить за дальнѣйшими занятіями цесаревича и за развитіемъ его столь своеобразнаго характера. Отнынѣ въ біографіи Павла Петровича чувствуется незамѣнимый пробѣлъ, который приходится восполнять одними отрывочными свѣдѣніями; но независимо отъ этой, такъ сказать, исторіографической потери пострадало также и самое преподаваніе. Когда Порошина устранили отъ обязанностей наставника цесаревича, онъ готовилъ для своего ученика сочиненіе подъ заглавіемъ «Государственный механизмъ»; кромѣ того, Порошинъ занимался еще разработкою особаго курса математическихъ наукъ въ связи съ военными [1]. Все это пропало безслѣдно.

Теперь на первый планъ выдвинулся Остервальдъ, давнишній недоброжелатель Порошина, олицетворявшій собою полную педагогическую посредственность. Это былъ человѣкъ честный, но самаго дюжин-

[1] Письмо Порошина къ графу Г. Г. Орлову, отъ 3-го мая 1766 года. (Записки, стр. 622).

наго ума, не имѣвшій основательныхъ свѣдѣній. Великій князь, по свидѣтельству Порошина, не любилъ его. Затѣмъ на сцену явился Григорій Николаевичъ Тепловъ[1]; онъ принялся за дѣло преподаванія неумѣлымъ образомъ и навелъ на цесаревича скуку чтеніемъ безконечныхъ сенатскихъ процессовъ[2].

Изъ числа прочихъ преподавателей выдѣлялись еще Николаи, Лафермьеръ и Левекъ; если не руководствоваться предвзятыми мыслями, то по отношенію къ этимъ тремъ лицамъ нельзя признать сдѣланный Панинымъ выборъ неудовлетворительнымъ.

Обратимся теперь къ разъясненію вопроса, имѣвшаго столь роковое значеніе въ жизни Павла Петровича, а именно: какимъ образомъ проявилась въ цесаревичѣ неудержимая страсть къ экзерцирмейстерству, къ парадоманіи, однимъ словомъ, къ «мелкостямъ» военной службы?

Трудно объяснить это странное явленіе иначе, какъ наслѣдственнымъ даромъ, перешедшимъ отъ отца къ сыну; дѣйствительно, въ цесаревичѣ всецѣло воскресло военное дурачество, «militaire marotte» Петра III. По замѣчанію законоучителя цесаревича, Платона, «великій князь было особо склоненъ къ военной наукѣ»[3]. Конечно, не воспитательная система Никиты Ивановича Панина была тому причиною; словомъ и дѣломъ онъ отклонялъ отъ своего воспитанника соблазнъ подобнаго увлеченія. Печальный опытъ прошлаго царствованія служилъ

[1] Тепловъ состоялъ въ то время у собственныхъ ея величества дѣлъ и у принятія челобитенъ; онъ умеръ сенаторомъ въ 1779 году.

[2] Гельбигъ, недолюбливая вообще Теплова, утверждаетъ, что онъ принялся за дѣло преподаванія съ утонченною злобою (mit studierter Bosheit), чтобы вселить въ цесаревича отвращеніе къ государственнымъ дѣламъ». (Russische Günstlinge, Tübingen, 1809, p. 316). Въ данномъ случаѣ, равно какъ и вообще въ воспитаніи цесаревича, напрасно отыскиваютъ обдуманную злонамѣренность и какой-то сознательный макіавелизмъ; подобное заблужденіе простительно развѣ только иностраннымъ писателямъ въ ихъ сказаніяхъ о Россіи.

[3] Автобіографія Платона, митрополита Московскаго. Москва. 1887 г., стр. 30.

«Великій князь былъ горячаго нрава, понятенъ, но развлекателенъ. Разные придворные обряды и увеселенія немалымъ были препятствіемъ ученію. Графъ Панинъ былъ занятъ министерскими дѣлами, но и къ гуляньямъ былъ склоненъ. Императрица самолично никогда въ сіе не входила. Однако, высокій воспитанникъ, по счастію, всегда былъ къ набожности расположенъ, и разсужденіе ли или разговоръ относительно Бога и вѣры были ему всегда пріятны. Сіе, по примѣчанію, еще ему внѣдрено было со млекомъ покойною императрицею Елисаветою Петровною, которая его горячо любила и воспитывала приставленными отъ нея весьма набожными женскими особами. Но при томъ великій князь былъ особо склоненъ и къ военной наукѣ и часто переходилъ съ одного предмета на другой».

Нѣкоторыя части отзыва Платона о цесаревичѣ нуждаются, конечно, въ подробныхъ коментаріяхъ и поправкахъ, въ особенности, сказанное относительно приставленныхъ императрицею Елисаветою Петровною набожныхъ женскихъ особъ. Но они не у мѣста въ нашемъ краткомъ очеркѣ жизни императора Павла Петровича.

для Панина достаточнымъ побужденіемъ, чтобы относиться съ большою осмотрительностью ко всѣмъ военнымъ упражненіямъ цесаревича, и въ этомъ отношеніи между Никитой Ивановичемъ и Порошинымъ царствовало полное единомысліе. По свидѣтельству Порошина, великій князь «всякій день до Никиты Ивановича, а при Никитѣ Ивановичѣ раза два только училъ ружьемъ и потомъ никогда». Тѣмъ не менѣе, справедливость французской поговорки: «chassez le naturel, il revient au galop», оправдалась и въ разсматриваемомъ случаѣ; военное дурачество (militaire marotte), несмотря на всѣ принятыя мѣры предосторожности, окончательно восторжествовало въ свое время въ умѣ цесаревича.

Порошинъ слѣдующимъ образомъ разъясняетъ свою точку зрѣнія на разсматриваемый нами вопросъ:

«Его императорское высочество пріуготовляется къ наслѣдію престола величайшей въ свѣтѣ имперіи Россійской; многочисленное и преславное воинство ждать будетъ его мановенія, науки и художества просить себѣ проницанія его и покровительства, коммерція и мануфактуры неутомимаго попеченія и вниманія, пространныя рѣки удобнаго соединенія требовать будутъ; словомъ сказать, обширное государство несчетные пути откроетъ, гдѣ можетъ поработать ученіе, остроуміе и глубокомысліе великое, и по которымъ истинная слава во всей вселенной промчится и въ роды родовъ не умолкнетъ. Таковыя ли огромныя дѣла оставляя, пуститься въ офицерскія мелкости? Пренебрежено бъ тѣмъ было великое служеніе, къ коему его императорское высочество призываетъ промыслъ Господній. Я самъ до военнаго дѣла великой охотникъ. Главнѣйшее мое упражненіе всегда было въ немъ и въ тѣхъ наукахъ, кои ему основаніемъ служатъ, кои его освѣщаютъ и приводятъ въ систему. Но въ семъ случаѣ не своей охотѣ слѣдую, а беру въ разсужденіе званіе государя и благополучіе согражданъ своихъ. Я не говорю, чтобъ государю совсѣмъ не упоминать про дѣло военное. Никакъ, въ томъ опять было бы сдѣлано упущеніе; но надобно влагать въ мысли его такія свѣдѣнія, кои составляютъ великаго полководца, а не исправнаго капитана или прапорщика. Естьли-бъ кто сказалъ, что надобно собой показать примѣръ въ повиновеніи и въ исправности офицерской, тому бъ отвѣтствовалъ я, что армія у насъ уже нынѣ не такая, какъ была до первой Нарвской битвы, что порядокъ и подчиненіе въ оной господствуютъ, и что ежели изъ десяти полковъ въ одной ротѣ и сыщется какой прапорщикъ безпорядочный, для того потребно ли великому государю спускаться до неприличной ему низости; капитанъ наказаніемъ или своимъ примѣромъ дастъ таковому наставленіе. Сверхъ сего, въ бездѣлки пускаться весьма опасно. Онѣ и такого человѣка, которой совсѣмъ къ нимъ не склоненъ, притянуть къ себѣ могутъ. Лѣности нашей то весьма угодно, а тще-

славіе не преминетъ уже стараться прикрыть оную видомъ пользы и необходимости. Легче въ бездѣлкахъ упражняться, нежели въ дѣлахъ великихъ. Такимъ образомъ, пораздумавшись, положилъ я въ себѣ твердо, чтобъ государю къ опымъ и тому подобнымъ мелочамъ отнюдь вкусу не давать, а стараться какъ можно пріучить его къ дѣламъ генеральнымъ и государскія величести достойнымъ» [1].

При такомъ взглядѣ на дѣло воспитанія наслѣдника понятно, почему Порошинъ съ такимъ восторгомъ упоминаетъ объ одномъ разговорѣ, происходившемъ въ присутствіи великаго князя:

«Обѣдали у насъ графы Захаръ и Иванъ Григорьевичи Чернышевы, его превосходительство Петръ Ивановичъ Панинъ, вице-канцлеръ князь Александръ Михайловичъ Голицынъ, Михайло Михайловичъ Философовъ, Александръ Өедоровичъ Талызинъ и князь Петръ Васильевичъ Хованской. Говорили по большой части графъ Захаръ Григорьевичъ и Петръ Ивановичъ о военной силѣ Россійскаго государства, о способахъ, которыми войну производить должно въ ту или въ другую сторону предѣловъ нашихъ, о послѣдней войнѣ прусской и о бывшей въ то время экспедиціи на Берлинъ, подъ главнымъ предводительствомъ графа Захара Григорьевича. Всѣ оные разговоры такого роду были, и столь основательными наполнены разсужденіями, что я внутренно несказанно радовался, что въ присутствіи его высочества изъ устъ россійскихъ, на языкѣ россійскомъ, текло остроуміе и обширное знаніе» [2].

Случалось также, что графъ Захаръ Григорьевичъ разсказывалъ «съ насмѣшкою, съ какою точностію покойной король прусской отправлялъ военную службу, тако жъ и о нѣмецкихъ принцахъ, кои, когда въ службѣ, всю по званію своему, которое на себя приняли, должность отправляютъ съ такимъ повиновеніемъ и съ такимъ подобострастіемъ, какъ и партикулярные въ равныхъ съ ними чинахъ по арміи» [3].

Но не всѣ бывавшіе у цесаревича разсуждали подобно графу Чернышеву; Порошинъ замѣчаетъ, что другіе, случалось, говорили иное и находили въ прусскихъ порядкахъ «примѣръ для подражанія его высочеству». Отмѣчая этотъ фактъ, Порошинъ сопровождаетъ его разсужденіемъ:

«Сіе подало мнѣ причину въ себѣ подумать, каково бъ было, естьлибъ въ его высочество вложить охоту къ подражанію онымъ примѣ-

[1] Записки Порошина, стр. 24. (Запись 1-го октября 1764 года).

[2] Записки Порошина, стр. 515.

Случалось, что рѣчи, произносимыя Петромъ Ивановичемъ Панинымъ «твердымъ и необыкновеннымъ голосомъ», приводили даже въ восторгъ Порошина; ему казалось, что онъ видитъ передъ собою «именитаго нѣкоего изъ тѣхъ мужей, коихъ великимъ и отмѣннымъ дарованіямъ, описаннымъ Плутархомъ, толь много мы дивимся» (стр. 363).

[3] Записки Порошина, стр. 23.

рамъ? И вотъ какія разсужденія у меня обращались. Нѣмецкіе принцы имѣютъ по большей части весьма малыя владѣнія; вразсужденіи оныхъ и намѣренія ихъ заключены въ тѣсныхъ предѣлахъ; не представляются мнѣ они иначе, какъ людьми партикулярными, окруженными только государскою пышностію въ уменьшительномъ видѣ; между тѣмъ пышность разжигаетъ славолюбіе; оному куды удобнѣе обратиться, какъ на Марсово поле? Своего войска, которое бы войскомъ назвать было можно, у нихъ нѣтъ; для того служатъ, стараются отличить себя въ трудахъ и подвигахъ военныхъ; таковыя старанія иногда до самыхъ излишнихъ малостей распространяютъ» [1].

Изъ этихъ словъ Порошина можно вывести еще и другое заключеніе, что въ присутствіи цесаревича свободно высказывались мнѣнія, идущія даже совершенно въ разрѣзъ со взглядами на этотъ предметъ Панина. Всего болѣе пользовался этою свободою родной братъ Никиты Ивановича, генералъ Петръ Ивановичъ Панинъ; онъ постоянно посѣщалъ великаго князя до отъѣзда въ армію въ 1769 году и содѣйствовалъ въ немалой степени развитію военныхъ наклонностей въ юномъ наслѣдникѣ. Въ своихъ бесѣдахъ Петръ Ивановичъ охотно касался также современныхъ военныхъ порядковъ и критически, по выраженію Порошина, «нѣсколько сатирически», относился къ военнымъ порядкамъ и мѣропріятіямъ императрицы Екатерины [2]. Подобныя сужденія не прошли для цесаревича безъ послѣдствій и, оставивъ глубокій слѣдъ въ его впечатлительномъ умѣ, несомнѣнно, повліяли на складъ его понятій. Никита Ивановичъ, подъ вліяніемъ ненависти къ Екатерининскому режиму, вѣроятно, не далъ себѣ отчета въ томъ, къ чему могутъ привести со временемъ эти критическія бесѣды, и, конечно, съ своей стороны, еще содѣйствовалъ установленію нѣкоторой близости между братомъ и наслѣдникомъ.

Петръ Ивановичъ Панинъ распространялъ иной разъ свои разсужденія и на другія чуждыя ему сферы, примѣняя къ нимъ свое военное міровоззрѣніе. Такъ, напримѣръ, Порошинъ пишетъ:

1 Записки Порошина, стр. 24.

2 Припомнимъ здѣсь, что Петръ Ивановичъ Панинъ вовсе не былъ сторонникомъ прусскихъ порядковъ, введенныхъ въ русскую армію Петромъ III, о чемъ онъ заявилъ въ свое время самымъ рѣшительнымъ образомъ. По воцареніи Екатерины II, Панинъ, находясь въ заграничной арміи, сдѣлалъ императрицѣ представленіе объ отмѣнѣ въ нашихъ войскахъ прусской экзерциціи и объ употребленіи прежней. Екатерина апробовала представленіе Петра Ивановича въ рескриптѣ отъ 4-го августа 1762 года, данномъ ею на имя фельдмаршала графа Салтыкова. Въ томъ же рескриптѣ повелѣно было, «чтобы всѣ полки, какъ прежде сего было, по губерніямъ и провинціямъ именовались». Съ теченіемъ времени Петръ Ивановичъ Панинъ, увлекаясь своимъ нерасположеніемъ къ Екатеринѣ, позабылъ, отъ какихъ вредныхъ новшествъ императрица избавила русскую армію, и сталъ уже саркастически оцѣнивать ея дѣятельность, внѣдряя такія же мысли наслѣднику.

«Его превосходительство Петръ Ивановичъ разсуждалъ о дисциплинѣ военной и о введенiи ея между протчими чинами въ государствѣ. Сказывалъ при томъ нѣкоторые примѣры оной дисциплины, примѣченные его превосходительствомъ по Германiи, во всѣхъ правительствахъ, между гражданами и между крестьянами. Его превосходительство Никита Ивановичъ разсуждалъ, какiя бы у насъ можно ввести штатскiя учрежденiя, чтобы такой же порядокъ вездѣ господствовалъ» [1].

Бесѣды двухъ сановниковъ оставили слѣдъ въ умѣ ихъ юнаго слушателя; извѣстно, какимъ образомъ Павелъ Петровичъ впослѣдствiи занялся разрѣшенiемъ этой задачи, и съ какимъ рвенiемъ онъ принялся водворять всюду дисциплину, къ общему горю своихъ вѣрноподданныхъ [2].

Къ числу единомышленниковъ Петра Ивановича Панина слѣдуетъ отнести также совершенную бездарность, полковника и командира Московскаго пѣхотнаго полка, Михаила Θедотовича Каменскаго, возведеннаго въ 1797 году Павломъ I въ званiе генералъ-фельдмаршала и оказавшаго Александру I такую печальную услугу въ войну 1806 года. Петръ Ивановичъ представилъ Каменскаго цесаревичу, который пожелалъ его чаще видѣть. Въ августѣ 1765 года Каменскiй былъ посланъ въ лагерь подъ Бреславлемъ, въ которомъ Фридрихъ Великiй собиралъ и обучалъ свои войска. По возвращенiи онъ поднесъ цесаревичу 16-го октября описанiе прусскаго лагеря, имъ сочиненное; этой апологiи прусскихъ военныхъ порядковъ и самого короля Фридриха II предшествовало письмо на имя Павла Петровича, въ которомъ помѣщено было слѣдующее оригинальное заключенiе [3].

«Какую бы помощь, напримѣръ, получила Грецiя при Маратонѣ отъ всей премудрости философовъ своихъ, вольныхъ и другихъ наукъ

[1] Записки Порошина, стр. 543.

[2] По мнѣнiю Порошина, слѣдовало относиться съ крайнею осторожностiю къ тому, что говорилось вокругъ цесаревича, даже въ томъ случаѣ, когда казалось, что великiй князь не слушаетъ разговора и не принимаетъ въ немъ участiя: «Часто случается», записалъ Порошинъ 9-го октября 1764 года, «что великiй князь, стоя въ углу, чѣмъ нибудь своимъ упражненъ и, кажется, совсѣмъ не слушаетъ, что въ другомъ углу говорятъ: со всѣмъ тѣмъ бываетъ, что недѣли черезъ три или болѣе, когда къ рѣчи придетъ, окажется, что онъ все то слышалъ, въ чемъ тогда казалось, что никакого не принималъ участiя. Для того-то я всегда говорилъ и говорю, что въ присутствiи его высочества напередъ подумать надобно самому съ собою, и тогда говорить. Всѣ разговоры, кои онъ слышитъ, мало-по малу, и ему самому нечувствительно, въ основанiе собственныхъ его разсужденiй входятъ, что неоднократно мною примѣчено». (Записки, стр. 50).

[3] «Русскiй Архивъ» 1873 года, книга 2-я, стр. 1552—1570, статья Л. Майкова «М. Θ. Каменскiй у Фридриха II въ 1765 году».

и художествъ, еслибы не было въ ней Мильтіада и десяти тысячъ, напоенныхъ его духомъ? И не долженъ ли всякій признатися, что все ихъ знаніе служило только къ сочиненію либо подлыхъ пѣсенъ для мягченія своихъ побѣдителей, или къ возстановленію позорныхъ для себя же трофеевъ. Но чтобы сократить, то оставлю тьму такихъ примѣровъ и пріобщу только то, что и славный прадѣдъ вашъ, давая подданнымъ своимъ почти во всемъ примѣръ собою, не погнушался быть солдатомъ, ни матросомъ, а не былъ никогда подьячимъ, ни протоколистомъ ни одной коллегіи, ниже сената».

Въ этомъ письмѣ встрѣчаются и другія не менѣе замѣчательныя риторическія красоты, которыя клонились къ прославленію Павла Петровича. Такъ, Каменскій писалъ:

«Хотя правнуку Петра Великаго меньше всѣхъ нужны примѣры иностранныхъ государей, однако оное (т. е. описаніе Бреславльскаго лагеря) напомнитъ, по крайней мѣрѣ, вашему императорскому высочеству недавно прошедшее счастливое время для россійскаго войска, когда оно удостоено было видѣть лицо своего государя послѣ сорока лѣтъ терпѣнія» [1].

Цесаревичу поднесенное Каменскимъ «описаніе», вѣроятно, очень понравилось, Никитѣ же Ивановичу Панину, можетъ быть, въ меньшей степени, а въ Порошинѣ оно должно было вызвать негодованіе. Появилось жестокое, по рѣзкости, рукописное возраженіе на произведеніе Каменскаго, которое не безъ основанія приписываютъ перу Порошина; стоитъ привести изъ него нѣсколько строкъ, чтобы убѣдиться, до какой степени возмутился неизвѣстный возражатель неправдами, высказанными панегиристомъ Фридриха II. Онъ писалъ: «Сколько въ вашемъ приношеніи строкъ, столько мѣстъ, по которымъ падая вашъ разумъ расшибался... Не скоро вы у насъ сыщете такого подьячаго, который бы въ трехъ страницахъ столь много пустоши намололъ».

Остается вернуться нѣсколько назадъ и упомянуть въ немногихъ словахъ о красносельскихъ маневрахъ, состоявшихся въ іюнѣ мѣсяцѣ 1765 года, въ которыхъ принималъ также участіе цесаревичъ, по званію своему, какъ полковникъ Кирасирскаго полка.

[1] Л. Майковъ видитъ въ этихъ строкахъ письма Каменскаго намекъ на недавнее кратковременное царствованіе Петра III. Но едва ли это такъ. Каменскій называетъ цесаревича государемъ и намекаетъ на красносельскіе маневры 1765 года, въ которыхъ принималъ участіе великій князь: со времени кончины Петра Великаго тогда дѣйствительно прошло сорокъ лѣтъ. Это предположеніе тѣмъ болѣе вѣроятно, что вслѣдъ за намекомъ на «счастливое время» Каменскій переходитъ къ прославленію Екатерины II, призывая Европу подъ Дудорово, чтобы видѣть «монархиню нашу, подверженную той же суровости воздуха, какъ и послѣдній солдатъ ея войска, и презирающую всѣ безпокойства въ примѣръ своимъ подданнымъ». Ни въ какомъ случаѣ похвала императрицы не была бы сопоставлена съ припоминаніемъ о Петрѣ III.

18-го іюня послѣдовалъ отъѣздъ въ Красное Село. Цесаревичъ страшно волновался, и, какъ пишетъ Порошинъ: «У него все лагерь въ головѣ былъ. Насилу я уложилъ его, сказавъ, что, ежели все о томъ думать и худо спать будетъ, не выспится, и завтра Никита Ивановичъ и въ армію передъ сорокъ тысячъ не повезетъ. Идучи еще къ постели, жмурился, для того чтобъ поскорѣе заснуть» [1].

19-го іюня одѣлся цесаревичъ въ сапоги и въ колетъ и поѣхалъ къ войскамъ въ лагерь. Армія стояла въ двѣ линіи, а главная квартира находилась на отлогости горы Дудоровской. Великій князь въ кирасѣ и во всемъ уборѣ ожидалъ императрицу на правомъ флангѣ своего полка. «Государыня, поровнявшись противъ его, приказала ему за собою ѣхать», пишетъ Порошинъ. «Пока мимо полку его ѣхала, то онъ за нею ѣхалъ въ кирасѣ и держа палашъ въ рукахъ; какъ же скоро полкъ проѣхали, то палашъ вложилъ онъ въ ножны, и Никита Ивановичъ кирасу велѣлъ съ него снять; и такъ поѣхали за государыней. Тутъ его высочество подалъ рапортъ бригадному своему командиру, Ивану Петровичу Салтыкову... Государыня была верхомъ же въ мундирѣ мужскомъ Конной Гвардіи... Сказывали, какъ всѣ кирасиры обрадованы, что видѣли государя передъ фронтомъ».

На слѣдующій день, 20-го іюня, начались маневры. Одною стороной командовалъ Петръ Ивановичъ Панинъ, другою распоряжалась сама императрица. Солдаты «съ жадною радостію» смотрѣли на цесаревича. 22-го іюня заболѣлъ Никита Ивановичъ и 23-го числа принималъ слабительное; вслѣдствіе этого цесаревичъ выѣзжалъ въ фаэтонѣ, такъ какъ Панинъ не велѣлъ ему безъ себя ѣздить верхомъ. 25-го іюня произошла генеральная баталія. Къ этому дню Никита Ивановичъ оправился отъ болѣзни и выѣзжалъ вмѣстѣ съ наслѣдникомъ. По свидѣтельству Порошина, великій князь очень усталъ. «На мѣстѣ баталіи, верхомъ сидя, покушалъ кренделя. Домой пріѣхавши и не ужиналъ, легъ опочивать; было въ началѣ одиннадцатаго».

28-го іюня императрица праздновала восшествіе свое на престолъ. Былъ парадный обѣдъ и балъ. Цесаревичъ, протанцовавъ пять менуетовъ, занемогъ. «Рвало великаго князя», пишетъ Порошинъ, «напоивши чаемъ, положилъ его Никита Иванычъ спать». На другой день цесаревичъ оправился, и 30-го іюня дворъ возвратился въ Петербургъ.

Красносельскіе маневры, какъ и слѣдовало ожидать, не обошлись безъ неблагопріятныхъ послѣдствій для цесаревича; лагерная жизнь произвела на него чрезвычайное впечатлѣніе; проявилось охлажденіе къ занятіямъ и увлеченіе военными «мелкостями». Записи Порошина позволяютъ прослѣдить эти явленія. 1-го іюля: «учился и такъ и сякъ».

[1] Записки Порошина, стр. 329.

2-го іюля: «Никита Иванычъ морализировалъ о непостоянствѣ и легкомысліи великому князю, и я очень радъ былъ, что то же самое ему говорилъ, что отъ меня прежде неоднократно говорено его высочеству». 9-го іюля: «Все я примѣчаю, что онъ plus dissipé. За убираніемъ волосовъ считалъ, сколько онъ верстъ на своемъ вѣку переѣздилъ. Потомъ заупрямился нѣсколько». 11-го іюля: «Sehr kindisch и dissipé. Послѣ обѣда рѣзвился, со штандартомъ бѣгалъ (къ поясу привязалъ коклюшки)». 14-го іюля: «Во время обуванія былъ у насъ разговоръ, въ какихъ случаяхъ подчиненной можетъ и долженъ не повиноваться своему вышнему. Одѣвшись, забавлялся великій князь, разставливая и катая по столу шашки вмѣсто кавалеріи и инфантеріи». 25-го іюля: «Его превосходительство Никита Ивановичъ сказывалъ между прочимъ за столомъ о наслѣдномъ принцѣ шведскомъ (будущій Густавъ III), что онъ на пятнадцатомъ году своего возраста окончилъ уже всѣ назначенныя для него ученія; что на одиннадцатомъ году экзаменованъ былъ въ математикѣ, въ исторіи и въ географіи; что часа три стоялъ, какъ его спрашивали; что какъ послѣ сѣлъ за столъ кушать самъ-другъ съ своимъ гофмейстеромъ, и сей его спрашивалъ, не прикажетъ ли привесть музыкантовъ, что его высочество утомился, и тѣмъ поразвеселиться можетъ, то принцъ отвѣчалъ ему, что онъ музыки слушать не хочетъ, а чтобъ для увеселенія заставилъ онъ кого въ слухъ читать Вольтерову Генріаду. Нашъ его высочество, государь цесаревичъ, во время сей повѣсти сидѣлъ смирнешенько и, какъ называется, ни кукнулъ. Мнѣ весьма пріятно было, что Никита Ивановичъ сказалъ сію сказочку, которая великому князю весьма послужить можетъ побужденіемъ въ наукахъ. Я не преминулъ послѣ еще повторить ее государю цесаревичу съ своими кое-какими коментаріями. Послѣ обѣда учился у меня его высочество очень хорошо, что я нѣкоторымъ образомъ дѣйствію оной сказочки приписываю».

Для выясненія любопытной черты въ характерѣ Павла Петровича, насколько неустанно работало его пылкое воображеніе, направленное къ тому же съ юныхъ лѣтъ постоянно на воинскія мечтанія, достаточно привести любопытную запись Порошина отъ 5-го сентября 1765 года:

«Во время обуванія изволилъ мнѣ сказывать его высочество, что какъ онъ вчерась крутомъ биліарду бѣгалъ, а я съ г. Остервальдомъ въ биліардъ игралъ, то представлялося ему, будто происходитъ баталія, и онъ съ однимъ шквадрономъ прогналъ цѣлый полкъ: побитыхъ никого не было. Отъ сего взялъ я случай спросить государя великаго князя и о прочихъ временахъ, когда онъ изволитъ кругомъ бѣгать и голосомъ своимъ то пальбу, то барабанной и литаврной бой производить и разныя распоряженія дѣлать, какими тогда играми живое его воображеніе увеселяется. Удовольствовалъ его высочество мое желаніе

и изволилъ мнѣ о томъ разсказывать. Давно уже, давно, т. е. въ 1762 году, представлялося ему, что двѣсти человѣкъ дворянъ набрано, кои всѣ служили на коняхъ. Въ семъ корпусѣ былъ онъ въ воображеніи своемъ сперва ефрейтъ-капраломъ, потомъ вахмистромъ, и оную должность отправлялъ еще въ то время, какъ мы отсюда въ ономъ годѣ въ Москву ѣхали. Вотъ какъ мы издалека взяли исторію воображенія его высочества! Изъ онаго корпуса сдѣлался пѣхотный корпусъ въ шести стахъ, потомъ въ семи стахъ человѣкахъ. Тутъ его высочество былъ будто прапорщикомъ. Сей корпусъ превратился въ цѣлый полкъ дворянъ, изъ 1.200 человѣкъ состоящій. Тутъ его высочество былъ поручикомъ и на ординарціи у генерала князя Александра Михайловича Голицына. Отселѣ попалъ онъ въ гвардію въ Измайловскій полкъ въ сержанты и былъ при турецкомъ посланникѣ. Потомъ очутился въ сухопутномъ кадетскомъ корпусѣ кадетомъ. Оттуда выпущенъ въ Новгородскій карабинерный полкъ поручикомъ; теперь въ томъ же полку ротмистромъ. Такимъ образомъ его высочество, въ воображеніи своемъ переходя изъ состоянія въ состояніе, отправляетъ разныя должности и тѣмъ въ праздное время себя иногда забавляетъ».

Въ связи съ этимъ разсказомъ находятся также и слѣдующіе записанные Порошинымъ случаи.

Разсматривая планы и виды Парижа, великій князь вообразилъ себя полковникомъ, стоящимъ съ Кирасирскимъ полкомъ во французской столицѣ, и назначалъ, гдѣ бы кому жить. «Называлъ себя duc de St.-Cloud и распредѣлялъ, какое бы у него войско было, въ какомъ числѣ и какъ одѣто».—«Изволилъ дѣлать государь цесаревичъ расположеніе объ арміи своей, если онъ въ Иль-де-Франсѣ правительствовалъ и былъ duc de St.-Cloud» [1].

Наконецъ, 16-го декабря 1765 года, Порошинъ отмѣтилъ: «нынѣ также еще обращается въ мысляхъ какой-то corps de chevalerie».

По странной случайности Мальтійскій орденъ также послужилъ предметомъ игры для воображенія будущаго великаго магистра. «Читалъ я», писалъ Порошинъ 28-го февраля 1765 года, «великому князю Вертотову исторію объ орденѣ Мальтійскихъ кавалеровъ. Изволилъ онъ потомъ забавляться и, привязавъ къ кавалеріи свой флагъ адмиральскій, представлять себя кавалеромъ Мальтійскимъ». Черезъ нѣсколько дней, 4-го марта, Порошинъ снова занесъ въ дневникъ указаніе на подобную же забаву: «Представлялъ себя посломъ Мальтійскимъ и говорилъ передъ маленькимъ княземъ Куракинымъ рѣчь».

Изъ немногихъ выписокъ, сдѣланныхъ нами изъ дневника Порошина, съ достаточною ясностью обрисовывается тотъ особенный, создан-

[1] Записки Порошина, стр. 482, 503, 509.

Семенъ Андреевичъ Порошинъ.
Съ гравированнаго портрета Вертонье.

А. И. Вильборгъ, СПБ. Мыщ. 2.

ный воображеніемъ цесаревича военный міръ, въ которомъ безпрерывно витали его мысли. Все это свидѣтельствуетъ вмѣстѣ съ тѣмъ о крайне возбужденномъ, ненормальномъ состояніи духа великаго князя, начиная уже съ десятилѣтняго возраста. Съ годами дѣтскія мечты Павла Петровича должны были обратиться къ мысли, какимъ образомъ провести одолѣвавшія его грезы въ дѣйствительную жизнь. Долго онъ готовился къ роли преобразователя, призваннаго поддержать расшатанное, по его мнѣнію, правительственное зданіе,—роли, къ которой онъ неуклонно стремился, а воображеніе тѣмъ временемъ продолжало работать съ усиленною дѣятельностью, страсти разыгрывались, разсудокъ затемнялся; когда же для Павла насталъ наконецъ этотъ радостный, давно желанный день, то онъ въ самое короткое время привелъ своими дѣйствіями въ изумленіе Россію, а за нею и всю Европу! Насъ же должно спасти отъ удивленія и недоумѣнія внимательное изученіе дневника Порошина.

Къ несчастію для русской исторіографіи, удаленіе Порошина прервало нить его правдиваго, безцѣннаго разсказа. Какъ уже выше было замѣчено, начиная съ 1766 года, мы лишены возможности слѣдить день за днемъ за развитіемъ своеобразнаго характера Павла Петровича. Но, тѣмъ не менѣе, и того, что завѣщало намъ честное перо Порошина, вполнѣ достаточно, чтобы сказать: предъ нашимъ взоромъ, въ лицѣ десяти и одиннадцатилѣтняго мальчика является законченный образъ будущаго императора съ его привлекательными и дурными особенностями характера, съ его увлеченіями и намѣреніями, принимавшими фантастическій оттѣнокъ; предъ нами обрисовывается тотъ «prince adorable, despote implacable», о которомъ высказался впослѣдствіи Суворовъ въ столь мѣткихъ выраженіяхъ. Тѣмъ болѣе приходится сожалѣть о томъ, что злой рокъ вырвалъ изъ рукъ Порошина его перо; еслибы онъ продолжалъ свой дневникъ, для насъ сдѣлались бы вполнѣ понятными неизбѣжныя пагубныя послѣдствія, сопряженныя съ принятіемъ Павломъ Петровичемъ самодержавной власти; вмѣстѣ съ тѣмъ выяснилась бы роковая необходимость, заставившая Екатерину помышлять объ отстраненіи цесаревича отъ престола. Такимъ образомъ стало бы очевидно, что въ этомъ случаѣ ею руководило не слѣпое предубѣжденіе, не отсутствіе материнскихъ чувствъ, но глубокая государственная мудрость и политическая проницательность, служившія отправною точкой ея начинаній и въ вопросѣ: царствовать ли Павлу или нѣтъ?

II.

Въ 1767 году императрица Екатерина предполагала совершить поѣздку по Волгѣ, а въ Москвѣ побывать для важнаго дѣла, упрочившаго славу ея царствованія; оно заключалось въ созывѣ представителей отъ всѣхъ сословій для образованія комиссіи для составленія проекта новаго уложенія. Объ этомъ возвѣщено было манифестомъ отъ 14-го декабря 1766 года.

Цесаревичъ Павелъ Петровичъ долженъ былъ сопровождать императрицу во время задуманнаго ею путешествія, къ которому, какъ видно изъ записокъ Порошина, начали готовиться заблаговременно. 10-го ноября 1765 года онъ занесъ въ свой дневникъ слѣдующія строки: «Графъ Иванъ Григорьевичъ (Чернышевъ) приносилъ къ его высочеству показывать модель той галеры, кою дѣлать будутъ для астраханскаго «походу» государю цесаревичу. Смотрѣлъ ее его высочество съ великимъ удовольствіемъ и изволилъ чертить планъ и совѣтовалъ съ графомъ Иваномъ Григорьевичемъ, какъ расположить каюты» [1].

Лично для цесаревича эти предположенія кончились плачевнымъ образомъ. Павелъ Петровичъ, по прибытіи въ 1767 году въ Москву, снова тяжко заболѣлъ, и императрицѣ пришлось совершить путешествіе безъ наслѣдника [2].

Во время пребыванія двора въ Москвѣ рѣшенъ былъ весьма важный для цесаревича вопросъ относительно его Голштинскаго наслѣдства. Императрица Екатерина именемъ несовершеннолѣтняго сына отказалась отъ правъ на Шлезвигъ и уступила Даніи герцогство Голштинское въ обмѣнъ на графства Ольденбургское и Дельменгорстское, предназначенныя въ пользу младшей линіи Голштейнъ-Готторпскаго дома. За великимъ княземъ и его наслѣдниками долженъ былъ остаться титулъ герцога Шлезвигъ-Голштейнъ-Готторпскаго. Въ этомъ смыслѣ въ апрѣлѣ 1767 года подписанъ былъ въ Копенгагенѣ предварительный договоръ, который долженъ былъ воспріять окончательную силу по достиженіи великимъ княземъ Павломъ Петровичемъ совершеннолѣтія. Императрица Екатерина утвердила договоръ съ Даніею въ Москвѣ, въ сентябрѣ 1767 года [3].

[1] Записки Порошина, стр. 513.

[2] «Походъ» Екатерины II-й по Волгѣ начался 2-го мая въ Твери и окончился 5-го іюня въ Симбирскѣ. 16-го іюня императрица возвратилась въ Москву.

[3] Окончательный договоръ съ Даніею утвержденъ былъ въ Царскомъ Селѣ уже послѣ совершеннолѣтія великаго князя Павла Петровича въ 1773 году.

Всѣ переговоры съ Даніею велись съ вѣдома и при содѣйствіи Никиты Ивановича Панина, который находилъ полезнымъ для Россіи освобожденіе цесаревича отъ Голштинскаго наслѣдства и въ этомъ смыслѣ вліялъ на своего воспитанника задолго до подписанія договора [1].

Въ докладѣ, представленномъ императрицѣ Екатеринѣ по голштинскому вопросу, Панинъ писалъ между прочимъ:

«Составленіе особливой въ сѣверѣ общей системы есть и должно быть первымъ предметомъ настоящей россійской политики. Но пока малое Голстинское княжество пребудетъ въ нынѣшнемъ положеніи своемъ, до тѣхъ поръ не можетъ никогда прочный быть въ сѣверѣ покой, слѣдовательно, ниже состояться въ немъ такая независимая отъ постороннихъ державъ система, которая бы одна все равновѣсіе въ Европѣ содержала... Неприлично державѣ Россійской имѣть въ Германіи такія крохи и въ смущенномъ Германской имперіи корпусѣ то отъ австрійскаго дома ленное господство, поверхность, или же и однѣ придѣпки имперскаго надворнаго суда сносить, то съ сильнѣйшими сосѣдями вступать въ бездѣльныя о границахъ хлопоты и въ соперничество о власти и юрисдикціи. По настоящимъ россійской политики правиламъ, не надобно ей къ истинному ея приращенію ни одной пядени земли въ Германіи. Славнѣе для насъ ничего тамъ не имѣть, а вмѣсто того сильными нашими союзами, особливо же, общимъ сѣвернымъ, дѣлать всегда перевѣсъ, какъ въ Европѣ, такъ наипаче нѣмецкой имперіи при всякомъ томъ случаѣ. Сихъ ради причинъ представленный Даніею обмѣнъ графствъ Ольденбургскаго и Дельменгорстскаго имѣлъ бы для Россійской имперіи къ тому единственно служить, чтобъ обратить оный въ пользу и справедливое удовлетвореніе родственникамъ и леннымъ свойственникамъ его императорскаго высочества великаго князя» [2].

Если такъ разсуждалъ Панинъ, вѣрный защитникъ всѣхъ интересовъ цесаревича и безусловный противникъ малѣйшаго ихъ нарушенія, то спрашивается, какимъ же образомъ можно видѣть въ разсматриваемомъ соглашеніи съ Даніею какое бы то ни было предпамѣренное желаніе Екатерины лишить сына самостоятельности, какъ герцога Голштинскаго, пользуясь къ тому же его несовершеннолѣтіемъ? А между тѣмъ подобное мнѣніе высказывалось въ печати не разъ и не можетъ быть признано исторической критикой.

[1] Порошинъ разсказываетъ въ записи отъ 26-го августа 1765 года, что по случаю кончины римскаго императора Сальдернъ замѣтилъ, что эта потеря должна быть особенно чувствительна цесаревичу, какъ принцу нѣмецкой имперіи. Никита Ивановичъ Панинъ и графъ Захаръ Григорьевичъ Чернышевъ также присоединились къ этой шуткѣ. Цесаревичъ отвѣчалъ: «Что вы ко мнѣ пристали, какой я нѣмецкій принцъ, я великій князь россійскій». (Стр. 405).

[2] Исторія Россіи, т. 27-й, стр. 217—220.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Дѣятельнымъ посредникомъ въ переговорахъ по голштинскимъ дѣламъ служилъ датскій посланникъ Ассебургъ, находившійся съ Панинымъ въ дружескимъ отношеніяхъ еще со времени пребыванія Никиты Ивановича въ Фокгольмѣ. Ассебургъ вмѣстѣ съ прочими дипломатами переселился въ 1767 году въ Москву. Когда послѣдовала ратификація договора съ Даніею, Ассебургъ покинулъ Россію и передъ отъѣздомъ изъ Москвы имѣлъ 4-го февраля 1768 года прощальную аудіенцію у цесаревича, котораго онъ рисуетъ въ самомъ привлекательномъ видѣ:

«Его императорское высочество отвѣтилъ на рѣчь, съ которою я имѣлъ честь обратиться къ нему, не только въ выраженіяхъ, преисполненныхъ вниманія и уваженія къ королю, но онъ коснулся даже предмета договора, недавно заключеннаго къ Копенгагенѣ, сказавъ, что онъ съ удовольствіемъ видитъ, что на сѣверѣ исчезаютъ всякія несогласія, и что мѣры, принятыя императрицею, его августѣйшей матерью, въ цѣляхъ упрочить доброе согласіе, встрѣтятъ съ его стороны полное сочувствіе и ту же готовность привести ихъ въ исполненіе. Великій князь, умѣющій придать пріятность всему, что онъ говоритъ, прибавилъ нѣсколько словъ, крайне лестныхъ для меня, и заставилъ меня очень живо почувствовать печаль отъ разлуки съ нимъ. Нельзя совмѣстить вмѣстѣ бо̀льшаго ума, бо̀льшей мягкости и бо̀льшаго очарованія, чѣмъ ихъ сказывается въ его поступкахъ и на его лицѣ. (Il n'est pas possible de réunir plus d'esprit, plus de douceur et plus de charmes, qu'il n'en fait connaître dans ses actions et dans sa figure)» [1].

30-го іюля 1767 года послѣдовало открытіе собравшейся къ этому времени въ Москвѣ комиссіи объ уложеніи. Императрица выѣхала изъ Головинскаго дворца въ Успенскій соборъ въ парадной каретѣ съ большою торжественностію; государыня облеклась въ императорскую мантію, имѣя на головѣ малую корону. За кавалергардами ѣхалъ, также въ каретѣ, цесаревичъ Павелъ Петровичъ. При открытіи, послѣ обѣдни, комиссіи въ аудіенцъ-залѣ Кремлевскаго дворца, великій князь наслѣдникъ стоялъ по лѣвую сторону трона съ правительственными лицами, придворными и иностранными министрами. По правую сторону императрицы находился столъ, покрытый краснымъ бархатомъ, на которомъ лежали: наказъ комиссіи, обрядъ управленія комиссіею и генералъ-прокурорскій наказъ. Такимъ образомъ цесаревичъ былъ свидѣтелемъ необычайнаго явленія въ русской исторіи, вызваннаго къ жизни геніемъ Екатерины. Къ сожалѣнію, исторія не сохранила никакого свидѣтельства о томъ, какое впечатлѣніе московское торжество произвело на наслѣдника, и какія мысли оно возбудило въ его умѣ.

[1] Asseburg: Denkwürdigkeiten, p. 174.

Празднуя день своей коронацiи, 22-го сентября, въ Москвѣ, императрица Екатерина пожаловала графское достоинство Никитѣ Ивановичу Панину совмѣстно съ братомъ его Петромъ Ивановичемъ. Указъ, возвѣстившiй о томъ публикѣ, былъ слѣдующаго содержанiя:

«Тайный дѣйствительный совѣтникъ Никита Панинъ многимъ попеченiемъ о воспитанiи нашего любезнѣйшаго сына доказалъ намъ ревность и усердiе свое; а притомъ и порученныя сверхъ того многiя государственныя, какъ внутреннiя, такъ и иностранныя дѣла исправлялъ со многимъ искусствомъ и успѣхомъ. Такожъ и братъ его, генералъ Петръ Панинъ, служилъ намъ всегда вѣрно и усердно. Въ разсужденiи чего всемилостивѣйше жалуемъ ихъ и потомство ихъ графами, повелѣвая сенату, заготовя имъ на графское достоинство дипломы, поднести намъ въ подписанiю».

14-го декабря 1767 года состоялось въ Москвѣ послѣднее засѣданiе комиссiи депутатовъ. Маршалъ Александръ Ильичъ Бибиковъ объявилъ депутатамъ высочайшую волю, чтобы работы комиссiи продолжались въ Петербургѣ, съ 18-го февраля слѣдующаго года.

Въ началѣ 1768 года дворъ возвратился въ Петербургъ.

Распространившаяся въ этомъ году оспенная эпидемiя не пощадила и лицъ высшаго петербургскаго общества. Возникъ вопросъ о томъ, чтобы ввести въ Россiи оспопрививанiе. Екатерина рѣшилась собственнымъ примѣромъ доказать пользу этого спасительнаго средства, а затѣмъ воспользоваться имъ также для цесаревича. Съ этою цѣлью императрица пригласила изъ Англiи извѣстнаго доктора Димсдаля.

Немедленно по прибытiи его въ Петербургъ, въ началѣ августа 1768 года, онъ былъ представленъ императрицѣ, и затѣмъ, послѣ почти двухмѣсячныхъ опытовъ и приготовленiй, совершилось событiе, рѣшившее собою участь оспопрививанiя въ Россiи. 12-го октября 1768 года Димсдаль привилъ оспу императрицѣ Екатеринѣ въ Зимнемъ дворцѣ, послѣ чего государыня на другой день переѣхала на время въ Царское Село, во избѣжанiе толковъ и безпокойства между жителями столицы. 1-го ноября Екатерина послѣ молебна по случаю избавленiя отъ оспенной болѣзни возвратилась въ Петербургъ; цесаревичъ встрѣтилъ ее въ Зимнемъ дворцѣ.

Испытавъ на самой себѣ прививтiе оспы, Екатерина побудила и цесаревича обезопасить себя подобнымъ же средствомъ. Прививка оспы наслѣднику была нѣсколько задержана тѣмъ, что Павелъ Петровичъ заболѣлъ 22-го октября летучею оспою. Когда же болѣзнь благополучно миновала, Димсдаль безъ замедленiя привилъ цесаревичу оспу 1-го ноября [1]. Предварительно лейбъ-медикъ Крузе сообщилъ Димсдалю

[1] Подробности о привитiи Димсдалемъ оспы императрицѣ Екатеринѣ и цесаревичу Павлу Петровичу можно найти въ изслѣдованiи барона Бюлера: «Два эпизода изъ царствованiя Екатерины II». (Русскiй Вѣстникъ 1870 и 1871 годовъ).

точныя и основательныя свѣдѣнія о болѣзняхъ, которымъ подвергался прежде великій князь, и о настоящемъ состояніи его здоровья; лейбъ-хирургъ Фуссадье также представилъ записку по этому предмету.

По поводу послѣдней Димсдаль, въ воспоминаніяхъ о своемъ пребываніи въ Россіи [1], пишетъ:

«Никто, я думаю, не прочтетъ этого отчета, не изумившись, какъ неосновательно обращались съ великимъ княземъ во время его дѣтства. Г. Фуссадье увѣрялъ, что тому была причиною чрезмѣрная нѣжность покойной императрицы Елисаветы, которая взяла на свое попеченіе наслѣдника имперіи съ самаго дня его рожденія. Хотя она вообще была государыня весьма осторожная, но, къ несчастію, она имѣла предубѣжденіе въ пользу нѣкоторыхъ старыхъ дамъ, коимъ она ввѣрила вполнѣ попеченіе о воспитаніи великаго князя. Несмотря на всѣ эти непріятныя обстоятельства, я съ радостію убѣдился, что великій князь былъ прекрасно сложенъ, бодръ, силенъ и безъ всякаго природнаго недуга» [2].

Димсдаль посвятилъ великому князю еще слѣдующія строки, могущія служить для характеристики 14-ти-лѣтняго наслѣдника.

«Цесаревичъ и великій герцогъ голштинскій Павелъ Петровичъ, единственный сынъ ея величества, росту средняго, имѣетъ прекрасныя черты лица и очень хорошо сложенъ. Его тѣлосложеніе нѣжное, чт происходитъ, какъ я полагаю, отъ сильной любви къ нему и излишнихъ о немъ попеченій со стороны тѣхъ, которые имѣли надзоръ надъ первыми годами наслѣдника и надежды Россіи. Несмотря на то, онъ очень ловокъ, силенъ и крѣпокъ, привѣтливъ, веселъ и очень разсудителенъ, что не трудно замѣтить изъ его разговоровъ, въ которыхъ

[1] Сборникъ И. Р. И. О., т. 2-й (Записка барона Димсдаля о пребываніи его въ Россіи въ 1768 году), стр. 313.

[2] Ближайшее знакомство съ императрицею навсегда сдѣлало Димсдаля почитателемъ Екатерины. Онъ пишетъ: «Екатерина II росту выше средняго; въ ней много граціи и величія, такъ что даже, еслибы можно было забыть о ея высокомъ санѣ, то и тутъ ее признали бы за одну изъ самыхъ любезныхъ особъ ея пола. Къ природнымъ ея прелестямъ прибавьте вѣжливость, привѣтливость и благодушіе, и все это въ высшей степени; при томъ, въ ней столько разсудительности, что она проявляется на каждомъ шагу, такъ что ей нельзя не удивляться. Ея величество говоритъ по-русски, по-нѣмецки и по-французски въ совершенствѣ, читаетъ также свободно по-итальянски, и хотя она не знаетъ по-англійски столько, чтобы говорить на этомъ языкѣ, но понимаетъ достаточно все, что говорятъ, — это было для меня очень полезно, когда я не могъ довольно ясно выразиться по-французски. Императрица примѣрнымъ образомъ соблюдаетъ обряды греческой церкви; за столомъ она чрезвычайно умѣренна и употребляетъ въ питье только одинъ или два стакана воды съ виномъ. Она встаетъ очень рано и занимается неутомимо государственными дѣлами; поощреніе и преуспѣяніе свободныхъ искусствъ, благо ея подданныхъ — вотъ предметы, на которые въ мирное время постоянно и ежедневно были обращены ея великія дарованія».

очень много остроумія. Что касается до его воспитанія, то едва ли есть принцъ, которому было оказано болѣе заботливаго вниманія (auquel on a rendu plus de justice). Онъ имѣетъ по всѣмъ наукамъ отличныхъ учителей, которые каждый день приходятъ его наставлять, и имъ онъ посвящаетъ большую часть своего времени. Утро проводитъ онъ весьма прилежно съ ними; около полудня онъ отправляется изъявить свое почтеніе императрицѣ; послѣ того онъ проводитъ нѣсколько времени съ дворянами (nobles), которые имѣютъ честь обѣдать за его столомъ. Окончивъ обѣдъ, послѣ кофе, онъ отправляется къ своимъ учебнымъ занятіямъ, въ свои внутренніе покои, до самаго вечера» [1].

Немедленно по выздоровленіи цесаревича щедрыя награды посыпались на Димсдаля; онъ былъ пожалованъ въ лейбъ-медики ея величества, съ чиномъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника и пожизненною пенсіею въ 500 фунт. стерл. въ годъ, а также въ бароны Россійской имперіи. Сверхъ того, ему были обѣщаны миніатюрные портреты императрицы и цесаревича, чтобы они всегда сохранялись въ семействѣ Димсдаля въ память заслугъ, оказанныхъ имъ Россіи. Сопровождавшій Димсдаля сынъ его, служившій отцу помощникомъ, получилъ золотую табакерку съ брильянтами.

20-го ноября послѣдовалъ сенатскій указъ о благополучномъ привитіи оспы императрицѣ и цесаревичу; всѣ вѣрноподданные приглашались принести благодареніе Богу, а депутаты отъ разныхъ вѣдомствъ и члены комиссіи составленія уложенія—поздравить лично императрицу; тутъ же сказано было, что съ ея разрѣшенія, на будущее время, установлено праздновать 21-е ноября во всѣхъ городахъ имперіи, такъ какъ съ этого дня начало распространяться по Россіи цѣлительное оспопрививаніе [2]. Отвѣчая на поздравленіе сената, Екатерина между

[1] Сборникъ И. Р. И. О., т. 2-й, стр. 321.

Графъ Н. И. Панинъ принялъ Димсдаля на другой день послѣ его пріѣзда въ Петербургъ. Относительно цесаревича онъ сказалъ ему, что великій князь рѣшился на операцію, если только Димсдаль ее посовѣтуетъ: «Онъ желаетъ даже», прибавилъ Панинъ, «чтобы она была произведена. Поэтому, прежде чѣмъ будетъ приступлено къ дѣлу толикой важности, я долженъ просить васъ изслѣдовать предварительно его тѣлосложеніе и состояніе его здоровья. Его высочество знаетъ, что вы пріѣхали, хочетъ васъ видѣть и приглашаетъ васъ кушать съ нимъ завтра. Смѣю увѣрить васъ, что его высочество будетъ весьма доступенъ и вполнѣ расположенъ познакомиться съ вами. Будьте съ нимъ сколь возможно больше, наблюдайте за нимъ во время стола и при его забавахъ, изучайте его тѣлосложеніе. Не будемъ торопиться, но, когда каждое обстоятельство будетъ достаточно соображено, представьте ваше донесеніе съ полною свободою». (Стр. 300)

[2] Сенатъ установилъ также и порядокъ празднованія 21-го ноября. Положено было, послѣ благодарственнаго молебна, производить цѣлый день колокольный звонъ, а затѣмъ иллюминовать города; вмѣстѣ съ тѣмъ день 21-го ноября внесенъ былъ въ мѣсяцесловъ, какъ день табельный, съ освобожденіемъ присутственныхъ мѣстъ и училищъ отъ занятій.

прочимъ сказала: «Мой предметъ былъ своимъ примѣромъ спасти отъ смерти многочисленныхъ моихъ вѣрноподданныхъ, кои, не знавъ пользы сего способа, онаго страшась, оставалися въ опасности. Я симъ исполнила часть долга званія моего, ибо, по слову евангельскому, добрый пастырь полагаетъ душу свою за овцы» [1].

Нѣсколько позже, въ 1772 году, сенатъ поднесъ императрицѣ медаль въ память введенія оспопрививанія въ Россіи. На одной сторонѣ медали изображенъ былъ поясной портретъ государыни въ коронѣ и мантіи, а на другой—храмъ Эскулапа, предъ которымъ лежитъ поверженная гидра. Изъ храма выходитъ императрица и ведетъ съ собою наслѣдника; оба исцѣленные путемъ привитія оспы. Навстрѣчу имъ спѣшитъ обрадованная Россія съ младенцами; на верху надпись: «Собою подала примѣръ», а внизу:—«1768 годъ, октября 12-го» (день привитія оспы Екатеринѣ II).

Лѣтомъ 1771 года Екатерина имѣла случай убѣдиться въ справедливости мнѣнія, высказаннаго Димсдалемъ относительно состоянія здоровья цесаревича, а именно, что, несмотря на нѣжное тѣлосложеніе, наслѣдникъ, все-таки, силенъ и крѣпокъ, не страдая при этомъ никакимъ природнымъ недугомъ. Находясь въ городѣ съ графомъ Никитой Ивановичемъ, цесаревичъ въ началѣ іюня мѣсяца внезапно заболѣлъ горячкой, и нѣкоторое время положеніе его внушало окружавшимъ его врачамъ сильнѣйшія опасенія. Екатерина поспѣшила прибыть изъ Петергофа въ городъ и ежедневно навѣщала больного сына. Народъ тревожился не менѣе двора, смотря на это печальное явленіе, какъ на государственное бѣдствіе. По словамъ современника, «слухъ о Павловой болѣзни, еще въ самомъ началѣ ея, подобно пламени лютаго пожара, изъ единаго дома въ другой пронесся мгновенно. Въ единый часъ ощутили всѣ душевное уныніе». Когда опасность миновала, восторгъ во всѣхъ сословіяхъ былъ искренній и неподдѣльный: выздоровленіе наслѣдника дѣйствительно служило залогомъ спокойствія Россіи.

Фонъ-Визинъ написалъ по этому поводу особое «Слово». Впечатлѣніе, произведенное сочиненіемъ Фонъ-Визина, было такъ сильно, что Иванъ Ивановичъ Дмитріевъ, спустя болѣе пятидесяти лѣтъ, помнилъ

[1] 16-го ноября 1768 года Екатерина писала лифляндскому генералъ-губернатору Броуну: «Вы, генералъ, говорите мнѣ, что съ моей стороны при прививкѣ оспы нужна была неустрашимость, слѣдовательно, я должна вѣрить, что это такъ; а между тѣмъ я полагала, что эта неустрашимость встрѣчается въ Англіи у любого уличнаго мальчишки. Честный и искусный докторъ Димсдаль, вашъ землякъ, внушаетъ всѣмъ въ Петербургѣ смѣлость, и нѣтъ знатнаго дома, въ которомъ онъ не имѣлъ бы нѣсколько паціентовъ по своей части. У великаго князя, слава Богу, нынѣ также оспа проходитъ; такимъ образомъ, съ этимъ страхомъ также покончено».

наизусть начало этого «Слова», слышаннаго имъ въ дѣтствѣ на семейномъ чтеніи [1]. Оно заключалось въ слѣдующихъ строкахъ:

«Насталъ конецъ страданію нашему, о россіяне! Исчезъ страхъ, и восхищается духъ веселіемъ. Се Павелъ, отечества надежда, драгоцѣнный и единый залогъ нашего спокойства, является очамъ нашимъ, исшедши изъ опасности жизни своея, ко оживленію нашему. Боже сердцевѣдецъ! Зри слезы, извлеченныя благодарностію за твое къ намъ милосердіе; а ты, великій князь, зри слезы радости, изъ очей нашихъ льющіяся. Любезные сограждане! Кого мы паки зримъ!... Какая грозная туча отвлечена отъ насъ десницею Всевышняго! Единое о ней воображеніе вселяетъ въ сердца ужасъ, ни съ чѣмъ несравненный,—развѣ съ радостію, коею нынѣ объемлется духъ нашъ!»

Не позабылъ Фонъ-Визинъ въ своемъ похвальномъ словѣ также и императрицы и пишетъ:

«Екатерина, великая и въ печали своей, возмутилась нетерпѣніемъ зрѣти сына своего. Спѣшитъ она оставить то пріятное уединеніе, куда нѣкогда Петръ, созидая градъ свой и Россію, приходилъ отъ трудовъ принимать успокоеніе. Сражаясь съ скорбію своею, Павелъ узрѣлъ идущую къ себѣ государыню и мать, и нѣкую новую крѣпость ощутила душа его. Самая болѣзнь укротила въ тотъ часъ свое стремленіе, какъ будто бы, терзая сына, хотѣла пощадити матернее сердце; но судьбы предвѣчнаго восхотѣли на нѣкіе часы поставить Россію при самой бѣдъ пучинѣ».

Относительно Павла Фонъ-Визинъ говоритъ, что «кротость нрава ни на единый мигъ не прерывалась лютостію болѣзни. Каждый знакъ воли его, каждое слово изъявляло доброту его сердца. Да не исходятъ вѣчно изъ памяти россіянъ сіи его слова, исшедшія изъ сердца и прерываемыя скорбію. Мнѣ то мучительно, говорилъ онъ, что народъ безпокоится моею болѣзнію. Таковое къ народу его чувство есть неложное предзнаменованіе блаженства россіянъ и въ позднѣйшія времена» [2].

Пять недѣль цесаревичъ провелъ въ постели, и только 15-го іюля графъ Н. И. Панинъ могъ сообщить графу Румянцеву, что «всѣ критическіе дни уже прошли, и опасность миновала... но представьте, мило-

[1] Князь П. А. Вяземскій: Фонъ-Визинъ. С.-Петербургъ. 1848, стр. 260.

[2] Сочиненія, письма и избранные переводы Дениса Ивановича Фонъ-Визина. С.-Петербургъ. 1866, стр. 180—186: «Слово на выздоровленіе е. и. в. государя цесаревича и великаго князя Павла Петровича въ 1771 году».

Между прочими строками, посвященными въ «словѣ» Н. И. Панину, мы читаемъ: «Я видѣлъ Павлова наставника, сего почтеннаго мужа, умѣющаго толь много владѣть движеніями сердца своего, видѣлъ его стеняща и сокрывающа слезы своя. Когда Панинъ рыдаетъ о Павловой опасности, Россія должна излить источники слезные».

стивый государь мой, то лютое состояніе, въ которомъ я былъ.... Упражняясь всеминутно въ стараніяхъ и хожденіи за больнымъ, отъ коихъ столь много зависитъ совершенное его выздоровленіе, не имѣю я времени ни о чемъ болѣе увѣдомлять ваше сіятельство» [1].

Несмотря на самый тщательный уходъ, выздоровленіе цесаревича было медленное, и слабость замѣчалась еще долго, судя по письму Фонъ-Визина отъ 21-го ноября къ графу Петру Ивановичу Панину, въ которомъ сказано, что здоровье великаго князя «ежечасно идетъ къ своему совершенству, и самая слабость проходитъ очевидно» [2].

Судя по письму императрицы къ г-жѣ Бьельке отъ 29-го августа, цесаревичъ началъ съ этого времени показываться въ публикѣ (il reparait en public). Екатерина прибавляла, что великій князь чрезвычайно выросъ послѣ болѣзни, и что у него начали пробиваться усы [3].

---

1 «Русскій Архивъ», 1882 года. Книга 2-я, стр. 14.

2 Сочиненія Фонъ-Визина, стр. 290.

3 Императрица Екатерина въ двухъ письмахъ къ г-жѣ Бьельке упоминаетъ о болѣзни цесаревича. 30-го іюля 1771 года: «La maladie de mon fils nous a donné de la tablature; c'était une fièvre catarrhale qui a duré près de cinq semaines. Dieu merci, à la faiblesse près, il est retabli; d'autres disent que c'était une fièvre nécessaire pour faire croitre la barbe; je n'ai jamais eu du gout pour les barbes, mais si cela est vrai, je m'en vais les haïr de bon coeur». 29-го августа 1771 года: «Je vous prie de vous tranquilliser sur l'état de mon fils, qui est tout à fait retabli. Ce n'était point une maladie de langueur, mais une fièvre catarrhale dont il était malade; toutes les inquiétudes et toutes les appréhensions sont passées, et il reparait en public. Il a singulièrement grandi pendant cette maladie, et les moustaches commencent à lui paraître. Il y a un proverbe russe qui dit que nulle moustache ne vient sans maladie; je ne sais, si cette maxime est juste, mais au sujet du Grand Duc nous avons eu l'alarme chaude; Dieu merci, tout est passé». Сборникъ И. Р. И. О., т. 13-й, стр. 142 и 148.

Графъ же Сольмсъ сообщилъ Фридриху Великому слѣдующія извѣстія о болѣзни цесаревича: 28-го іюня (9-го іюля) 1771 года: «La maladie de S. A. J. le Grand Duc qui paraissait de peu d'importance au commencement, est devenue dans la suite plus sérieuse parce qu'elle s'est déclarée dans une fièvre biliaire, qui lui a donné huit accès dans cinq jours». 12-го (23-го) іюля: «La nuit du 19 au 20 on a été de nouveau fortement alarmé à son sujet... Les médecins qui regardent sa maladie comme une fièvre catarrhale très obstinée, assurent toujours qu'ils n'y prevoient aucun danger... je crois que s'il y a à craindre ce n'est que de sa longueur qui pourrait épuiser le corps faible du Grand Duc et le faire tomber dans une maladie de langueur». 15-го (26-го) іюля: «Le Grand Duc se remet, mais lentement».

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

I.

Начиная съ исхода 1768 года, императрица Екатерина была озабочена цѣлымъ рядомъ внѣшнихъ и внутреннихъ тревогъ, продолжавшихся семь лѣтъ.

Манифестомъ 18-го ноября 1768 года была объявлена война Оттоманской Портѣ, въ то время, какъ уже началась борьба съ польскими конфедератами; затѣмъ, въ 1770 году, въ Москвѣ появилась моровая язва, вызвавшая въ слѣдующемъ году открытый мятежъ. Въ томъ же 1771 году опасно заболѣлъ цесаревичъ, о чемъ выше уже упомянуто нами. Въ 1772 году совершился первый раздѣлъ Польши, и, въ заключеніе, съ 1773 года на юго-восточной окраинѣ Россіи разыгралась пугачевщина; этотъ грозный бунтъ совпалъ съ бракомъ цесаревича Павла Петровича.

Остановимся нѣсколько на этомъ послѣднемъ событіи и на нѣкоторыхъ явленіяхъ изъ придворнаго міра того времени, отразившихся на жизни и мысляхъ цесаревича.

Несмотря на всѣ внѣшнія и внутреннія политическія осложненія, Екатерина не теряла, однако, изъ виду вопроса огромной династической важности, заключавшагося въ заблаговременномъ подысканіи невѣсты для наслѣдника. Рѣшеніе этого вопроса требовало собранія свѣдѣній о нѣмецкихъ принцессахъ. Императрица избрала въ этомъ дѣлѣ своимъ дипломатическимъ агентомъ бывшаго датскаго посланника въ Петербургѣ Ассебурга, прусскаго подданнаго, сумѣвшаго, во время пребыванія въ Россіи, привлечь къ себѣ довѣріе Екатерины. Съ вѣдома датскаго короля, на него возложено было въ 1768 году это дипломатическое порученіе при нѣмецкихъ дворахъ [1].

[1] Ассебургъ перешелъ въ 1771 году на русскую службу съ чиномъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника, оставаясь прусскимъ подданымъ, а въ 1773 году назначенъ былъ русскимъ полномочнымъ министромъ при регенсбургскомъ имперскомъ сеймѣ.

Получая донесенія отъ Ассебурга, Екатерина съ особенною любовью останавливала свой взоръ на юной принцессѣ виртембергской Софіи-Доротеѣ-Августѣ. Но принцесса, родившаяся въ 1759 году, была еще слишкомъ молода; съ другой стороны, при всемъ желаніи императрицы видѣть ее членомъ своей семьи, приходилось отказаться отъ этой мысли въ виду невозможности отложить бракъ цесаревича до того времени, когда принцесса виртембергская достигла бы соотвѣтствующаго возраста. Необходимость заставляла поэтому предпринять другіе поиски; они привели къ окончательному выбору невѣсты для наслѣдника среди семейства ландграфа Лудвига Гессенъ-Дармштадтскаго. Черезъ посредство Ассебурга императрицѣ удалось убѣдить ландграфиню Гессенъ-Дармштадтскую пріѣхать съ тремя дочерьми въ Россію. Екатерина не признавала тогда возможнымъ отпустить сына въ заграничное путешествіе; при томъ же, «самолюбію ея льстило, что Европа и Россія примутъ за новое проявленіе ея величія и могущества то обстоятельство, что иностранная владѣтельная особа везетъ троихъ дочерей своихъ на показъ и на выборъ наслѣднику всероссійскаго престола. До сихъ поръ на западѣ существовалъ обычай, въ силу котораго одни короли не ѣздили за своими невѣстами, а ихъ привозили къ нимъ, но заочно помолвленными или даже обрученными. А тутъ невѣсты еще не было, и вообще тому, чего великая государыня добилась отъ ландграфини Дармштадтской, не бывало примѣра въ исторіи» [1].

Въ письмѣ своемъ къ императрицѣ Екатеринѣ отъ 3-го (14-го) мая 1773 года изъ Потсдама ландграфиня писала:

«Мой поступокъ доказываетъ вамъ, что я не умѣю колебаться въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло идетъ о томъ, угодить ли вамъ и повиноваться или же слѣдовать предразсудкамъ, дѣлающимъ публику судьею строгимъ и страшнымъ. (Ma démarche vous prouve, madame, que s'il est question de vous plaire, de vous obéir, ou de suivre les préjugés, qui rendent le public un juge sévère et redoutable, je ne sais point balancer)».

Императрица послала особую эскадру въ Любекъ для принятія высокихъ гостей, и 29-го мая 1773 года ландграфиня отплыла въ Ревель, побывавъ предварительно у прусскаго короля въ Потсдамѣ [2].

[1] Баронъ Бюлеръ: Два эпизода. («Русскій Вѣстникъ» 1870 года, стр. 98).

[2] Эскадра состояла изъ фрегата «Св. Маркъ» и пакетботовъ «Быстрый» и «Соколъ». «Быстрымъ» командовалъ другъ цесаревича, капитанъ-лейтенантъ графъ А. К. Разумовскій, о которомъ одинъ изъ кавалеровъ дармштадтской свиты писалъ: «M. de Razoumowski est un jeune homme fort aimable, belle physionomie, beau maintien, faon d'un homme de qualité, propos agréable, sensé, mesuré» (Asseburg, p. 264). Генералъ-майоръ Ребиндеръ назначенъ былъ сопутствовать ландграфинѣ до Ревеля. Императрица снабдила его для этой цѣли собственноручною инструкціею на нѣмецкомъ языкѣ, состоящею изъ 18-ти пунктовъ. Въ этой инструкціи Екатерина, между прочимъ,

Выборъ дармштадтскихъ принцессъ состоялся не безъ вліянія на это дѣло Фридриха Великаго, племянникъ котораго, принцъ прусскій Фридрихъ-Вильгельмъ, женатъ былъ съ 1769 года на одной изъ дочерей ландграфини, принцессѣ Фредерикѣ. Король надѣялся путемъ угоднаго ему брака наслѣдника русскаго престола закрѣпить политическій союзъ съ Россіею. Въ своихъ запискахъ Фридрихъ Великій признается, что при помощи разныхъ происковъ и интригъ онъ остановилъ выборъ императрицы Екатерины на желательныхъ ему особахъ [1].

Между тѣмъ, пока длились переговоры, предшествовавшіе браку цесаревича, при дворѣ интриговали безъ конца; придворная обстановка того времени крайне благопріятствовала подобнымъ подвигамъ. «Ни въ какомъ скаредномъ приказѣ нѣтъ такихъ стряпческихъ интригъ, какія у нашего двора всеминутно происходятъ», восклицаетъ съ негодованіемъ Фонъ-Визинъ въ своей перепискѣ [2].

Въ 1772 году цесаревичу Павлу Петровичу исполнилось 18-ть лѣтъ. Почему-то сторонники его вообразили, что великому князю предстояло отнынѣ дѣятельное участіе въ управленіи государствомъ; что Екатерина, если не сойдетъ съ престола, то поступится частью своей власти въ пользу сына. Довольно странно, что подобныя намѣренія могли приписывать императрицѣ, сказавшей: «Я хочу сама управлять, и пусть знаетъ это Европа!». Какъ и слѣдовало ожидать, мечтанія «усерднѣйшихъ и вѣрнѣйшихъ дѣтей отечества» кончились полнымъ ихъ разочарованіемъ. Къ тому же, не слѣдуетъ забывать, что въ то время не существовало еще закона, опредѣлявшаго срокъ совершеннолѣтія для наслѣдника престола.

Поэтому неудивительно, что день 20-го сентября 1772 года прошелъ безъ особаго торжества, и что никакихъ наградъ и назначеній не послѣдовало. Иначе и не могло быть.

поручала Ребиндеру внушить ландграфинѣ, что вѣрнѣйшее средство понравиться императрицѣ состоитъ въ соблюденіи трехъ пунктовъ: «во-первыхъ, не показывать никакого лицепріятія, но со всѣми сохранять ровное, ласковое обращеніе; во-вторыхъ, имѣть ко мнѣ довѣріе; въ-третьихъ, имѣть уваженіе къ моему сыну и ко всей націи (Hochachtung für meinen Sohn und die ganze Nation»).

Сборникъ И. Р. И. О., т. 13-й, стр. 323.

1 «Pour avoir du crédit en Russie», писалъ Фридрихъ Великій, «il fallait y placer des personnes qui tinssent à la Prusse... Il y avait tout à gagner, si une de ces princesses devenait grande duchesse, parce que les noeuds de la parenté, se joignant à ceux de l'alliance, semblaient annoncer que l'union de la Prusse et de la Russie serait par là plus cimentée que jamais... Ces sortes de mesures peuvent tromper; cependant, il ne faut pas les négliger... Ce ne fut qu'à force de menées et d'intrigues, que le roi parvint à fixer le choix, que l'Impératrice fit d'une belle fille, sur la princesse de Darmstadt, propre soeur de la princesse de Prusse». (Oeuvres historiques. Berlin. 1846. T. 6).

2 Фонъ-Визинъ. Сочиненія, стр. 403.

Тѣмъ не менѣе, безразсудство и дерзость обуяли многихъ, которые желали насильно провести то, о чемъ Екатерина и не помышляла. Даже такое дипломатическое ничтожество, какъ Сальдернъ, мечталъ о какомъ-то переворотѣ и втянулъ въ свои интриги цесаревича, соблазнивъ его планомъ о соучастіи въ управленіи. Сначала это дѣло скрывали отъ Панина, и переговоры велись за спиною Никиты Ивановича, при участіи въ нихъ друга цесаревича, графа Андрея Кирилловича Разумовскаго [1]. Когда же Павелъ Петровичъ посвятилъ Панина въ эту тайну, послѣдній убѣдилъ великаго князя отвергнуть предложенія Сальдерна, который вскорѣ по голштинскимъ дѣламъ отправился въ Данію. Затѣянныя имъ интриги сдѣлались извѣстными императрицѣ въ 1773 г., когда цесаревичъ, опасаясь возвращенія Сальдерна изъ-за границы, признался матери, что онъ склонялъ его къ поступку, не соотвѣтствовавшему его долгу относительно императрицы. Разсказываютъ, что въ порывѣ гнѣва Екатерина будто бы сказала, что велитъ привезти къ себѣ сего злодѣя, связаннаго по рукамъ и по ногамъ, а по другимъ извѣстіямъ—«la corde au cou»; но если до этого и не дошло, то всетаки Сальдерну воспрещено было пользоваться чиномъ, пріобрѣтеннымъ имъ на русской службѣ. Признаніемъ своимъ цесаревичъ выдалъ, однако, головою Панина; императрица разгнѣвалась за то, что графъ Никита Ивановичъ не доложилъ ей своевременно о проискахъ Сальдерна, вслѣдствіе чего она продолжала оказывать довѣріе и милости недостойному политическому интригану [2].

Придворныя интриги усложнились внезапно новыми непредвидѣнными соображеніями. 25-го апрѣля 1772 года, графъ Г. Г. Орловъ отпра-

[1] Изъ писемъ цесаревича къ графу А. К. Разумовскому видно, что Сальдернъ затѣвалъ что-то таинственное, извѣстное и Разумовскому. («Семейство Разумовскихъ» А. А. Васильчикова. С.-Петербургъ, 1882, т. 3-й).

Цесаревичъ называетъ въ своихъ письмахъ Сальдерна: «notre ami commun».

[2] Гуннингъ увѣряетъ, что цесаревичъ выдалъ даже Сальдерну по дѣлу сорегентства полномочіе за своею подписью и печатью; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ писалъ 14-го (25-го) февраля 1774 года, что «Екатерина весьма довольна или притворяется весьма довольной образомъ дѣйствій великаго князя по поводу этого дѣла». (Сборникъ И. Р. И. О., т. 19-й, стр. 399—402).

Д. И. Фонъ-Визинъ въ своей перепискѣ называетъ Сальдерна злодѣемъ и съ негодованіемъ распространяется о его скаредномъ безстыдствѣ. Сальдернъ былъ голштинскій уроженецъ, снискавшій довѣріе Петра III, управляя голштинскою канцеляріею государя; затѣмъ Сальдерну удалось пріобрѣсти довѣріе Никиты Ивановича Панина, вслѣдствіе чего, какъ приближенное къ нему лицо, онъ постоянно приглашался къ обѣденному столу цесаревича, о чемъ свидѣтельствуетъ дневникъ Порошина. Въ 1771 г. Сальдернъ назначенъ былъ русскимъ посломъ въ Варшаву, а въ 1773 году ему, какъ голштинскому министру при датскомъ дворѣ, даны были заграничныя порученія. Въ 1802 году появилось сочиненіе Сальдерна: «Histoire de la vie de Pierre III». По мнѣнію В. А. Бильбасова, вся книга «составлена изъ лжи и фальши» и представляется сплошнымъ панегирикомъ Петру III и грязнымъ памфлетомъ на Екатерину II.

вился на конгрессъ въ Фокшаны; тѣмъ временемъ взошла звѣзда Васильчикова. Графъ Н. И. Панинъ, непримиримый антагонистъ Орловыхъ и ихъ партіи, неустанно боровшійся съ ними съ 1762 года и поддерживавшій въ тѣхъ же мысляхъ цесаревича, крайне возрадовался этой перемѣнѣ.

Указанное обстоятельство отразилось тотчасъ на отношеніяхъ великаго князя къ матери. Достаточно было со стороны графа Панина проявить примирительное настроеніе, чтобы вызвать подобное чудо. Насколько улучшились взаимныя отношенія этихъ лицъ, можно видѣть изъ слѣдующихъ строкъ письма Екатерины къ г-жѣ Бьельке отъ 24-го августа 1772 года. Императрица пишетъ: «Во вторникъ я возвращаюсь въ городъ съ моимъ сыномъ, который не хочетъ уже оставлять меня ни на шагъ, и котораго я имѣю честь такъ хорошо забавлять, что онъ за столомъ иногда перемѣняетъ записки, чтобы сидѣть со мною рядомъ; я думаю, что мало можно найти примѣровъ подобнаго соотвѣтствія въ настроеніи» [1].

Но это «соотвѣтствіе въ настроеніи», которымъ хвасталась Екатерина, продолжалось недолго; перемиріе, водворившееся между враждующими сторонами, скоро прервалось.

Переговоры съ Оттоманскою Портою разстроились, и графъ Орловъ, узнавъ о перемѣнахъ, совершившихся при дворѣ, немедленно поскакалъ въ Петербургъ; но когда онъ прибылъ въ Гатчину, ему повелѣно было выдержать здѣсь карантинъ. Хотя къ концу года Г. Г. Орловъ появился на короткое время при дворѣ, но дѣла его не поправились, и онъ отправился въ отпускъ въ Ревель. Но затѣмъ, въ мартѣ мѣсяцѣ, Орловъ окончательно возвратился въ Петербургъ, и 21-го мая 1773 года ему повелѣно было снова вступить въ отправленіе прежде порученныхъ ему дѣлъ.

Какъ ни были тяжелы для Панина всѣ эти перемѣны, но цесаревичъ остался ими еще болѣе недоволенъ; Никитѣ Ивановичу пришлось даже сдерживать порывы гнѣва великаго князя, питавшаго отвращеніе къ Орлову и называвшаго его въ своей перепискѣ «дуралей Орловъ (le butor d'Orloff)».

Всѣ эти обстоятельства и взаимная между ними связь еще не выяснены и не разработаны въ желаемой степени исторической кри-

[1] «Je retourne mardi en ville avec mon fils, qui ne veut plus me quitter d'un pas et que j'ai l'honneur d'amuser si bien qu'il change quelquefois de billet à table pour se trouver à côté de moi; je crois qu'il y a peu d'exemples d'une conformité d'humeur pareille».

Еще ранѣе, 25-го іюня 1772 года, Екатерина писала о томъ же: «Jamais nous ne nous sommes mieux amusés à Tsarsko-Sélo que ces neuf semaines que j'y ai passées avec mon fils, qui devient joli garçon». (Сборникъ И. Р. И. О., т. 13-й, стр. 259—261 и 265—266).

тикой. Они являются передъ нами только въ тусклыхъ образахъ, безъ всѣхъ присущихъ имъ оттѣнковъ, наложенныхъ политической и придворной обстановкой семидесятыхъ годовъ XVIII столѣтія. Для всѣхъ недовольныхъ правленіемъ Екатерины имя Павла Петровича являлось естественнымъ знаменемъ, вокругъ котораго старались сплотиться люди, жаждавшіе перемѣны; въ нѣкоторыхъ случаяхъ они дѣйствовали съ согласія или съ вѣдома великаго князя, въ другихъ случаяхъ — злоупотребляли его именемъ. Такъ было въ дѣлѣ Гурьева, Хитрова, Арсенія Мацѣевича, Беніовскаго и другихъ. Всѣ эти событія оставляли за собою слѣдъ и налагали особую печать на взаимныя отношенія матери и сына.

Интриги и сопряженныя съ ними нравственныя волненія и огорченія всякаго рода привели къ тому, что разочарованный цесаревичъ еще болѣе сосредоточился въ себя; въ характерѣ его стали проявляться въ ужасающей степени подозрительность и мнительность. Онъ началъ опасаться за свою жизнь, боялся отравы; нѣкоторую долю успокоенія цесаревичъ находилъ въ дружескихъ изліяніяхъ съ близкимъ ему графомъ А. К. Разумовскимъ [1]. Наконецъ Павелъ Петровичъ самъ пришелъ къ убѣжденію, что продолжать итти далѣе по этому пути представляется дѣломъ невозможнымъ; надо было остановиться, одуматься, во избѣжаніе неминуемой катастрофы. «Дружба ваша», признавался великій князь Разумовскому, «произвела во мнѣ чудо: я начинаю отрѣшаться отъ моей прежней подозрительности. Но вы должны продождать быть настойчивыми по отношенію ко мнѣ, потому что вамъ приходится дѣйствовать противъ десятилѣтней привычки и вести борьбу противъ того, что боязливость и обычное стѣсненіе вкоренили во мнѣ» [2]. Готовясь въ скоромъ времени начать новую жизнь, семейную, цесаревичъ пришелъ къ сознанію необходимости измѣнить свой политическій образъ дѣйствій. Сокровенныя мысли свои по этому предмету великій князь выразилъ въ письмѣ къ своему другу, графу А. К. Разумовскому, отъ 27-го мая 1773 года изъ Царскаго Села. Павелъ Петровичъ писалъ:

«Какъ мнѣ было тяжело, дорогой другъ, быть лишеннымъ васъ въ теченіе всего этого времени. Впрочемъ, клянусь вамъ, еще большое

[1] Мрачное настроеніе цесаревича отразилось въ сохранившихся письмахъ его къ графу А. К. Разумовскому. Въ одномъ изъ писемъ 1773 года цесаревичъ признается: «Je ne sais pourquoi j'ai des espèces d'inquiétudes que je tâche de dompter et qui me viennent, à ce que je crois, de mon estomac».

[2] 8-го марта 1773 года цесаревичъ писалъ графу А. К. Разумовскому: «Vous avez déjà opéré un miracle d'amitié sur moi, puisque je commence à me défier de mes anciennes défiances; mais, mon ami, il faut que vous persévériez avec moi, car vous allez contre une habitude de dix années et vous combattez ce que la crainte et la gêne habituelle ont enraciné en moi». Слѣдовательно, судя по этому письму, великій князь относитъ начало своей подозрительности къ 1762 году.

Графъ Никита Ивановичъ Панинъ.

Съ гравированнаго портрета Радига.

А. И. Вильборгъ, СПБ. Мойка 2

счастье, что все идетъ у насъ хорошо, и что рѣшительно не произошло ничего непріятнаго какъ въ нравственномъ, такъ и въ физическомъ отношеніяхъ. Я проводилъ свое время въ величайшемъ согласіи со всѣмъ окружавшимъ меня,—доказательство, что я держалъ себя сдержанно и ровно. Я все время прекрасно чувствовалъ себя, много читалъ и гулялъ, настоятельно помня то, что вы такъ рекомендовали мнѣ; я раздумывалъ лишь о самомъ себѣ, и благодаря этому (по крайней мѣрѣ, я такъ думалъ), мнѣ удалось отдѣлаться отъ безпокойствъ и подозрѣній, сдѣлавшихъ мнѣ жизнь крайне тяжелой. Конечно, я говорю это не хвастаясь, и, несомнѣнно, въ этомъ отношеніи вы найдете меня лучшимъ. Въ подтвержденіе я вамъ приведу маленькій примѣръ. Вы помните, съ какого рода страхомъ или замѣшательствомъ я поджидалъ момента прибытія принцессъ. И вотъ теперь я поджидаю ихъ съ величайшимъ нетерпѣніемъ. Я даже считаю часы... Я составилъ себѣ планъ поведенія на будущее время, который изложилъ вчера графу Панину, и который онъ одобрилъ, — это какъ можно чаще искать возможности сближаться съ матерью, пріобрѣтая ея довѣріе, какъ для того, чтобы по возможности предохранить ее отъ инсинуацій и интригъ, которыя могли бы затѣять противъ нея, такъ и для того, чтобы имѣть своего рода защиту и поддержку въ случаѣ, еслибы захотѣли противодѣйствовать моимъ намѣреніямъ. Таковы мои планы; вы, конечно, одобрите ихъ... Я ожидаю васъ съ большимъ нетерпѣніемъ и точно мессію» [1].

Черезъ нѣсколько дней цесаревичъ продолжалъ изложеніе своей откровенной исповѣди Разумовскому:

[1] «Qu'il m'a été dur, mon cher ami, d'avoir été privé de vous pendant ce temps. Il est encore bien heureux, je vous le jure, que tout va bien au reste chez nous et qu'il ne soit absolument rien passé de désagréable tant à l'égard du physique que du moral. J'ai passé mon temps dans l'accord le plus parfait avec tout ce qui m'environne, marque que je me suis conduit avec égalité et modération. Je me suis toujours très bien porté, beaucoup promené et lu, la tête toujours remplie de ce que vous m'avez tant recommandé; je n'ai fait que des réflexions sur moi-même et par là (du moins le pensais-je) je suis parvenu à chasser ces inquiétudes et ces soupçons qui me rendaient la vie bien dure. C'est assurément sans me vanter que je le dis et vous me retrouverez assurément mieux de ce côté là. Je vous citerai un petit exemple de tout cela. Vous vous souvenez avec quelle espèce de peur ou bien d'embarras j'envisageais le moment de l'arrivée des princesses. Eh bien, c'est avec la plus grande impatience que je les attend présentement. Je compte même les heures... Je me suis fait un plan de conduite pour l'avenir que j'ai exposé hier au comte de Panine et qu'il a approuvé — c'est de chercher le plus qu'il sera possible à me lier avec la mère en gagnant sa confiance, tant pour la garantir le plus possible des insinuations et des intrigues qu'on pourrait faire vis-à-vis d'elle, que pour avoir une espèce de rempart et de soutien en cas qu'on voulut contrecarrer mes intentions. Ce sont mes vues, vous les approuverez assurément... Je vous attend bien impatiemment et comme le Messie». А. А. Васильчиковъ: «Семейство Разумовскихъ», т. 3-й, часть 1-я, стр. 16.

«Разъ уже было принято за принципъ стараться по возможности жить со всѣми въ самыхъ сердечныхъ отношеніяхъ (le plus cordialement possible), все прошло благополучно и спокойно какъ внутри, такъ и извнѣ. Я поступалъ такъ и замѣтилъ, что очень часто наши собственныя ошибки являются первоначальными причинами обратныхъ явленій, что вызывается безпокойствомъ, которое мы допускаемъ проявляться внутри самихъ себя, и которое заставляетъ насъ считать чернымъ если не бѣлое, то сѣрое. Отсутствіе иллюзій, отсутствіе безпокойства, поведеніе ровное и отвѣчающее лишь обстоятельствамъ, которыя могли бы встрѣтиться, — вотъ мой планъ; счастливъ буду, если мнѣ удастся мой или, вѣрнѣе, нашъ общій проектъ. Я обуздываю свою горячность, насколько могу; ежедневно нахожу поводы, чтобы заставлять работать мой умъ и примѣнять къ дѣлу мои мысли... Не переходя въ сплетничаніе, я сообщаю графу Панину обо всемъ, что представляется мнѣ двусмысленнымъ или же сомнительнымъ. Вотъ въ нѣсколькихъ словахъ все то, что происходитъ во мнѣ, и все, что я дѣлаю въ духовномъ отношеніи; что же касается физической стороны, то порядокъ жизни приблизительно почти тотъ же, который вы оставили при отъѣздѣ, то-есть, совершенно однообразный» [1].

Приведенныя нами два письма превосходно освѣщаютъ духовный міръ, въ которомъ жилъ цесаревичъ во время, непосредственно предшествовавшее его первому браку; онъ одушевленъ былъ, какъ видно, наилучшими намѣреніями и, подъ счастливымъ вдохновеніемъ, всегда находилъ хорошія слова для ихъ выраженія. Не разъ Павелъ Петровичъ пользовался въ своей жизни такими хорошими словами, и, читая ихъ, можно даже удивляться, какимъ образомъ благія намѣренія не сопровождались лучшими послѣдствіями. Но для осуществленія этихъ прекрасныхъ намѣреній не въ мірѣ грёзъ, а на дѣлѣ, недоставало у него одного —выдержки. Характера хватало только на мгновеніе, а человѣческая жизнь долга, какъ выразилась Екатерина въ одномъ изъ сво-

[1] «Tout s'est passé heureusement ět tranquillement tant au dedans qu'au dehors, prenant une fois pour principe de tâcher de vivre le plus cordialement possible avec tout le monde. Je l'ai fait et j'ai aperçu que fort souvent c'était notre propre faute qui était la cause première du contraire, par les inquiétudes que nous laissions agir en nous mêmes et qui nous font prendre si ce n'est du blanc du moins du gris pour du noir. Point de chimères, point d'inquiétudes, une conduite égale et affectée seulement aux circonstances qui pourraient se rencontrer, c'est mon plan, heureux si je réussis dans mon projet ou plus tôt dans notre commun. Je dompte ma vivacité tant que je puis, je me fournis journellement de sujets pour faire travailler mon esprit et exploiter mes idées... Sans tomber dans des tracasseries j'instruis le comte de Panine de tout ce qui me paraît équivoque ou douteux. Voilà en peu de mots tout ce qui se passe en moi et tout ce que je fais du côté du moral; quant au physique c'est peu à près le même train de vie, que vous avez laissé en partant, assez uniforme c. à d.». «Семейство Разумовскихъ», т. 3-й, стр. 17.

ихъ писемъ. Являлось непредвидѣнное огорченіе, и оно вызывало тотчасъ неразумную вспышку гнѣва, сопровождаемую иной разъ и сожалѣніемъ, а задуманное хорошее дѣло отодвигалось на недосягаемую даль и оставалось хорошимъ словомъ.

Внѣшнія формы обращенія цесаревича, если онъ того желалъ, отличались привѣтливостью, изысканною вѣжливостью, чарующею любезностью. Проявленіе этихъ сторонъ характера Павла Петровича преимущественно поражало лицъ, мало его знавшихъ, и привлекало къ нему сочувствіе тѣхъ, которыхъ онъ удостоивалъ подобнаго обращенія; отъ вниманія постороннихъ наблюдателей, конечно, ускользали при этомъ непріятныя стороны его характера, а также мрачныя думы, терзавшія подчасъ новаго Гамлета и отравлявшія ему существованіе. Для подтвержденія сказаннаго достаточно привести хвалебную характеристику Павла Петровича, сдѣланную графомъ Сольмсомъ въ 1773 году, въ письмѣ къ своему другу Ассебургу, незадолго до вступленія цесаревича въ бракъ.

«Великому князю есть чѣмъ заставить полюбить себя молодой особою другого пола», пишетъ Сольмсъ. «Не будучи большого роста, онъ красивъ лицемъ, безукоризненно хорошо сложенъ, пріятенъ въ разговорѣ и въ обхожденіи, мягокъ, въ высшей степени вѣжливъ, предупредителенъ и веселаго нрава. Въ этомъ красивомъ тѣлѣ обитаетъ душа прекраснѣйшая, честнѣйшая, великодушнѣйшая и въ то же время чистѣйшая и невиннѣйшая, знающая зло лишь съ дурной стороны, знающая его лишь на столько, чтобы преисполниться рѣшимости избѣгать его для себя самой и чтобы порицать его въ другихъ; однимъ словомъ, нельзя въ достаточной степени нахвалиться великимъ княземъ, и да сохранитъ въ немъ Богъ тѣ же чувства, которыя онъ питаетъ теперь. Еслибы я сказалъ больше, я заподозрѣлъ бы самого себя въ лести» [1].

[1] «Le Grand Duc a de quoi se faire aimer par une jeune personne d'un autre sexe. Sans être grand de taille, il est beau de visage, parfaitement bien fait, agréable dans la conversation et dans ses manières, doux, extrêmement poli, prévenant et d'une humeur gaie. Dans ce beau corps demeure l'âme la plus belle, la plus honnête, la plus généreuse, et en même temps la plus pure et la plus innocente, qui ne connait le mal que du mauvais côté, qui n'en connait que ce qu'il faut pour être résolue de l'éviter pour elle-même, et pour le désapprouver en d'autres; enfin on ne saurait dire assez de bien de ce Grand Duc, et Dieu le conserve dans les sentiments qu'il a actuellement. Si j'en disais davantage, je me soupçonnerai moi-même d'adulation».

Asseburg: Denkwürdigkeiten, p. 266.

II.

Ландграфиня Гессенъ-Дармштадтская прибыла въ Ревель 6-го (17-го) іюня 1773 года въ сопровожденіи трехъ дочерей: принцессъ Амаліи, Вильгельмины и Луизы [1]. Здѣсь высокихъ гостей поджидало заблаговременно высланное къ нимъ на встрѣчу близкое къ императрицѣ довѣренное лицо; это былъ камергеръ баронъ Александръ Ивановичъ Черкасовъ, занимавшій мѣсто президента медицинской коллегіи. Посланный вручилъ ландграфинѣ письменный привѣтъ императрицы [2] и отвезъ гостей въ приготовленный для нихъ Екатериненталь скій дворецъ. 15-го (26-го) іюня ландграфиня съ дочерьми пріѣхала въ Гатчину, имѣніе князя Г. Г. Орлова, гдѣ ихъ встрѣтила императрица Екатерина [3]. Послѣ обѣда двинулись въ путь въ Царское Село, откуда

[1] Принцесса Амалія вышла въ 1774 году замужъ за наслѣднаго принца баденскаго, и одна изъ дочерей ея сдѣлалась русскою императрицею подъ именемъ Елисаветы Алексѣевны. Принцесса Луиза вышла въ 1775 году замужъ за великаго герцога саксенъ-веймарскаго Карла-Августа, сынъ котораго, наслѣдный принцъ Карлъ-Фридрихъ, вступилъ въ 1804 году въ бракъ съ великою княжною Маріею Павловною.

[2] Въ письмѣ Екатерины II къ ландграфинѣ относительно барона Черкасова сказано слѣдующее: «Je l'ai choisi entre bien d'autres aspirants, comme un homme sûr, qui m'est connu depuis longtemps par son attachement pour ma personne et par son sens droit et son esprit dégagé de préjugés».

Замѣтимъ здѣсь, что баронъ Черкасовъ былъ женатъ на дочери герцога Бирона, бывшаго регента.

[3] Переписка императрицы Екатерины съ барономъ Черкасовымъ, продолжавшаяся во время его пребыванія въ Ревелѣ, а затѣмъ переѣзда ландграфини въ Гатчину, напечатана въ статьѣ барона Бюлера: «Два эпизода изъ царствованія Екатерины II». Тамъ же помѣщена инструкція, данная императрицей барону Черкасову при отправленіи его въ Ревель. Въ письмахъ Екатерины встрѣчается любопытное указаніе, что графъ Н. И. Панинъ скрылъ отъ императрицы одно письмо, полученное имъ отъ Ассебурга. По этому поводу Екатерина пишетъ: «Entre autre Asseburg l'assure dans une lettre particulièr que la Landgrave par ses soins à lui, Asseburg, est si bien dréssée qu'elle ne suivera aucun autre conseil que celui du comte Panine et qu'elle l'écoutera et suivera en tout. D'un autre côté, j'ai reçu le même jour l'extrait ci-joint d'une dépêche du roi de Prusse au comte Solms, où dans les lignes par moi soulignées, vous verrez qu'il lui recommande d'instruire la Landgrave. Tout le monde veut mener cette femme. Or, si les choses iront ainsi, elles iront mal. Je crois avoir plus de droit que les autres. Au nom de Dieu, prévenez la Landgrave de n'écouter que moi, et prévenez-la très serieusement que si elle veut avoir de la confiance en moi et que si elle veut que j'en aie en elle, elle aie soin d'exclure tous les concurrents qui voudront la faire agir d'après leurs passions. Les passions et toute conduite passionnée me déplairait supérieurement, je l'avoue, et toute partialité nuirait à la Landgrave dans mon esprit et dans celui de tout le monde. Or, mon désir est qu'elle réunisse les esprits, loin de les diviser. Voilà votre tache. Faites de votre mieux pour réussir».

къ нимъ на встрѣчу выѣхалъ цесаревичъ Павелъ Петровичъ. Первое свиданіе произошло на дорогѣ. «Il est aimable et d'une grande politesse», сообщила ландграфиня о великомъ князѣ Фридриху Великому.

Императрица предоставила сыну полную свободу выбора, но дала ему на размышленіе три дня. По словамъ Екатерины, цесаревичъ съ первой же встрѣчи полюбилъ принцессу Вильгельмину, которая въ скоромъ времени всецѣло овладѣла пылкою душею Павла Петровича. Императрица на четвертый день обратилась съ предложеніемъ къ ландграфинѣ, которая такъ же, какъ и принцесса, не замедлила изъявить свое согласіе [1]. Началось обученіе русскому языку; преподаваніе Закона Божія было поручено архіепископу тверскому Платону, сдѣлавшемуся затѣмъ и духовнымъ отцомъ будущей великой княгини [2].

Ассебургъ, въ письмѣ къ графу Панину отъ 23 апрѣля (4-го мая) 1773 года изъ Дармштадта, оставилъ намъ слѣдующую характеристику принцессы Вильгельмины, на которой остановился выборъ цесаревича.

«Принцесса Вильгельмина», пишетъ Ассебургъ, «до сихъ поръ еще затрудняетъ каждаго, кто бы захотѣлъ изслѣдовать истинные изгибы ея души, тѣмъ заученымъ и повелительнымъ выраженіемъ лица, которое рѣдко ее покидаетъ. Я часто приписывалъ это монотонности двора, необыкновенно однообразнаго, и теперь еще остаюсь при томъ мнѣніи, что принцесса будетъ веселѣе въ иной мѣстности, хотя не могу ручаться, чтобы скука отъ пребыванія въ Дармштадтѣ была единственнымъ и первымъ побужденіемъ къ тому, что есть въ ея поведеніи несвойственнаго молодости. Удовольствія, танцы, наряды, общество подругъ, игры, наконецъ, все, что обыкновенно возбуждаетъ живость страстей, не затро-

Баронъ Черкасовъ по поводу поступка графа Панина отвѣчалъ императрицѣ: «Le comte Panine a grand tort de vouloir conduire vos affaires à sa façon. A peine peut-il se conduire lui-même et cela assez mal, Dieu sait».

[1] Въ письмѣ къ г-жѣ Бьельке, отъ 7-го іюля 1773 года, Екатерина пишетъ: «Monsieur mon fils dès la première entrevue se prit d'affection pour la princesse Wilhelmine; je lui laissais trois jours de temps pour voir s'il ne vacillerait point, et comme réellement cette princesse en tout point surpasse ses soeurs, le quatrième je m'adressais à la Landgrave, que de même que la princesse ne firent pas beaucoup de façons pour y consentir. La princesse apprend la langue et est déterminée à prendre la religion. Nous attendons présentement le consentement du landgrave. Madame son épouse est bonne à connaitre: elle a le coeur et l'esprit élevés; c'est en tout point une femme estimable et de beaucoup de mérite; sa conversation m'amuse, et il parait que ni elle, ni ses filles ne s'ennuient point avec nous. L'ainée est fort douce; la cadette parait avoir beaucoup d'esprit; la seconde a tout ce qui nous convient: sa physionomie est charmante, ses traits réguliers, elle est caressante, a de l'esprit; j'en suis très contente et mon fils très-épris». Сборникъ И. Р. И. О., т. 13-й, стр. 347.

[2] Архіепископъ Платонъ былъ назначенъ законоучителемъ принцессы Вильгельмины по желанію самой ландграфини, читавшей на нѣмецкомъ языкѣ его «православное ученіе».

гиваетъ ея. Среди всѣхъ этихъ удовольствій принцесса остается сосредоточенною въ самой себѣ и, когда принимаетъ въ нихъ участіе, то даетъ понять, что дѣлаетъ это болѣе изъ угожденія, чѣмъ по наклонности. Есть ли это нечувствительность, или руководитъ ею въ этомъ случаѣ боязнь показаться ребенкомъ? Не знаю, что сказать, и простодушно признаюсь, что основныя черты этого характера для меня еще покрыты завѣсой. Никто на нее не жалуется; ей оказываютъ такое же довѣріе, какъ принцессамъ, ея сестрамъ; ландграфиня отличаетъ ее; наставники выхваляютъ способности ея ума и обходительность нрава; она не высказываетъ капризовъ; она хотя холодна, но ровна со всѣми, и ни одинъ изъ ея поступковъ еще не опровергнулъ моего мнѣнія, что сердце ея чисто, сдержанно и добродѣтельно, но что его поработило честолюбіе (l'ambition l'a assujetie). Съ тѣхъ поръ, какъ ей стали говорить о путешествіи въ С.-Петербургъ, она охотнѣе принимаетъ участіе въ разговорахъ, видимо, съ желаніемъ обогатить себя познаніями... Болѣе оживленные предметы, иная среда, иного рода развлеченія дадутъ болѣе простора ея душѣ, которая нѣкоторымъ образомъ заснула отъ излишняго однообразія теперешнихъ ея занятій... Нѣтъ ли сокровенныхъ страстей, которыя овладѣли ея разсудкомъ [1]? Тысячу разъ ставилъ я себѣ этотъ вопросъ и всегда сознавался, что онѣ недосягаемы для моего глаза. Оканчиваю: насколько я знаю принцессу Вильгельмину, сердце у нея гордое, нервное, холодное, быть можетъ, нѣсколько легкомысленное въ своихъ рѣшеніяхъ, но, что еще вѣрнѣе,—открытое и послушное силѣ вѣрнаго сужденія и привлекательности благоразумнаго честолюбія. Ея нравъ и манеры пріобрѣли нѣкоторую небрежность; но они смягчатся, сдѣлаются пріятнѣе и ласковѣе, когда она будетъ жить съ особами, которыя особенно привлекутъ къ себѣ ея сердце. Ожидаю того же отъ направленія ея ума, нынѣ недѣятельнаго и привязаннаго къ небольшому числу мѣстныхъ идей».

Въ концѣ этого письма Ассебурга съ описаніемъ принцессъ Гессенъ-Дармштадтскихъ императрица собственноручно написала:

«Выборъ меня не затрудняетъ, и я уже теперь думаю, что вторая получитъ яблоко. Черкасовъ, хотите держать пари? (Le choix ne m'embarasse pas, et dès cette heure je crois que la seconde emportera la pomme)».

Все было искусно подведено къ тому, чтобы склонить цесаревича къ этому выбору. Подъ вліяніемъ донесеній Ассебурга графъ Панинъ,

[1] Противъ этого мѣста въ извлеченіи, присланномъ барону Черкасову, Екатерина собственноручно написала: «Я увѣрена, я, императрица, что эта всѣхъ честолюбивѣе; кто не интересуется и не веселится ничѣмъ, того заѣло честолюбіе; это неизмѣнная аксіома (je suis persuadée, moi, Impératrice, que celle-ci est la plus ambitieuse; qui ne prend goût et ne s'amuse de rien, est rongé d'ambition; ceci est une règle immanquable)».

желанія котораго совпадали съ намѣреніями Фридриха Великаго, стоявшаго за принцессу Вильгельмину, повелъ дѣло такимъ образомъ, что Павелъ Петровичъ незамѣтно для себя свыкся съ мыслью считать ее своею будущей невѣстой. Слѣдствіемъ этого явилось, что въ рѣшительную минуту цесаревичъ дѣйствительно вручилъ яблоко кому слѣдуетъ; между тѣмъ за кулисами стояли прусскій король и графъ Панинъ [1].

Поэтому, 9-го іюля, ландграфиня могла написать Фридриху Великому: «Никогда не забуду, что я обязана вашему величеству устройствомъ судьбы моей дочери Вильгельмины... Великій князь, сколько можно замѣтить, полюбилъ мою дочь и даже болѣе, чѣмъ я смѣла ожидать. (Le grand duc paraît s'attacher à ma fille, et plus que je n'ai osé l'espérer)». Нѣсколько позже, 20-го августа, ландграфиня могла даже сообщить королю: «Великій князь, дѣйствительно, привязанъ къ моей дочери (Le grand duc est réellement attaché à ma fille)».

15-го августа 1773 года, въ церкви Зимняго дворца совершилось миропомазаніе принцессы Вильгельмины, которая наречена была великой княжной Наталіей Алексѣевной, а на другой день въ церкви Лѣтняго дворца состоялось обрученіе цесаревича.

Императрица Екатерина воспользовалась предстоявшимъ бракомъ наслѣдника, а слѣдовательно окончаніемъ его воспитанія, чтобы уволить графа Никиту Ивановича Панина отъ должности оберъ-гофмейстера великаго князя, оставивъ за нимъ завѣдываніе иностранными дѣлами; 22-го сентября, въ день коронаціи, признательная государыня, можно сказать, осыпала наградами многолѣтняго сотрудника своего правленія.

Перечислимъ здѣсь полученныя графомъ Панинымъ награды:

1) Званіе перваго класса въ рангѣ фельдмаршала съ жалованьемъ и столовыми деньгами по чину канцлера.

2) 4.512 душъ въ Смоленской губерніи.

3) 3.900 душъ въ Псковской губерніи [2].

4) Сто тысячъ рублей на заведеніе дома.

5) Ежегодный пенсіонъ въ 25.000 рублей, сверхъ получаемаго имъ уже ранѣе пенсіона въ 5.000 рублей.

6) Ежегодное жалованье по 14.000 рублей.

7) Повелѣно купить для него въ Петербургѣ домъ, который онъ самъ выберетъ въ городѣ.

[1] «Le choix est fait, Sire, tel que Votre Majesté l'avez prédit», писала ландграфиня Фридриху Великому. Въ то время, когда ландграфиня еще безпокоилась насчетъ исхода переговоровъ, начавшихся съ русскимъ дворомъ, король успокоилъ ее слѣдующими строками: «Soyez sûre, ou que je n'ai aucun crédit, ou qu'une de vos filles épousera le grand duc».

[2] Изъ присоединенныхъ отъ Польши земель, войтовства Пащанское, Лиснянское и Клещинское.—Кол товъ. Дѣянія Екатерины II. С.-Петербургъ. 1811, ч. 2, стр. 102.

8) Серебряный сервизъ въ 50.000 рублей.

9) Провизію и вина на цѣлый годъ.

10) Экипажъ и ливреи придворные.

Сверхъ всѣхъ этихъ наградъ императрица удостоила еще графа Панина, послѣ бракосочетанія цесаревича, слѣдующимъ собственноручнымъ письмомъ:

«Графъ Никита Ивановичъ! Совокупные важные ваши труды въ воспитаніи сына моего и, притомъ, въ отправленіи дѣлъ обширнаго иностраннаго департамента, которые вы несли и отправляете съ равнымъ успѣхомъ толико лѣтъ сряду, часто въ теченіе оныхъ во внутренности сердца моего возбуждали чувства, раздѣляющія съ вами все бремя сихъ, силу человѣку данну, исчерпаемыхъ упражненій; но польза имперіи моей, по горячему всегдашнему моему попеченію о благомъ устройствѣ всего, мнѣ отъ власти Всевышняго врученнаго, воспрещала мыслить прежде времени облегчить васъ въ тягостныхъ упражненіяхъ, довѣренностью моею вамъ порученныхъ. Нынѣ же, когда приспѣла зрѣлость лѣтъ любезнѣйшаго сына моего, и мы, на двадцатомъ году его отъ рожденія, съ вами дождались благополучнаго дня брака его, то, почитая по справедливости и по всесвѣтному обыкновенію воспитаніе великаго князя тѣмъ само собою оконченнымъ, за долгъ ставлю вамъ при семъ случаѣ изъявить мое признаніе и благодарность за всѣ приложенные вами труды и попеченія о здравіи и украшеніи тѣлесныхъ и душевныхъ его природныхъ дарованій, о коихъ, по нѣжности матерней любви и пристрастію, не мнѣ пригоже судить; но желаю и надѣюсь, что будущія времена въ томъ оправданіемъ служить будутъ, о чемъ Всевышняго ежедневно молю усердно. Окончивъ съ толикимъ успѣхомъ, соединеннымъ съ моимъ удовольствіемъ, важную такую должность и пользуясь симъ утѣшеніемъ, отъ нея вамъ происходящимъ, обратите нынѣ съ бодрымъ духомъ всѣ силы ума вашего къ части дѣлъ имперіи, вамъ отъ меня ввѣренной и на сихъ дняхъ вновь подтвержденной, и доставьте трудами своими согражданамъ вашимъ желаемый мною между всѣми добрый миръ и тишину, дабы дни старости вашей увѣнчаны были благословеніемъ Божіимъ благополучія всеобщаго, послѣ безчисленныхъ трудовъ и попеченій. Пребываю вѣчно съ отмѣннымъ доброжелательствомъ».

Щедрыя награды императрицы не успокоили, однако, Панина; онъ все-таки остался недовольнымъ. Власть не перешла, согласно сокровенному желанію Никиты Ивановича, въ руки совершеннолѣтняго цесаревича, который даже не былъ допущенъ къ участію въ государственныхъ дѣлахъ. Панину оставалось только выразить прискорбіе свое осторожнымъ протестомъ; для этой цѣли онъ придумалъ небывалый маневръ: распредѣлить значительную долю пожалованныхъ ему имѣній, въ новопріобрѣтенныхъ польскихъ областяхъ, между тремя секретарями

своими, Фонъ-Визинымъ, Бакунинымъ и Убри, подъ предлогомъ, что они раздѣляли труды его. Дѣйствуя такимъ образомъ, Панинъ, конечно, не руководствовался чувствами благородной признательности за труды помощниковъ; подкладка всего этого была чисто политическая: подобный оборотъ дѣла открывалъ ему возможность, сопряженную съ удовольствіемъ, безнаказанно итти въ разрѣзъ съ намѣреніями Екатерины, желавшей распространить въ бывшихъ польскихъ областяхъ крупное русское землевладѣніе.

Братъ Панина, графъ Петръ Ивановичъ, проживавшій въ то время въ Москвѣ, менѣе стѣснялся, чѣмъ Никита Ивановичъ, въ выраженіи своего неудовольствія противъ императрицы, которая, въ свою очередь, называла его первымъ вралемъ и своимъ персональнымъ оскорбителемъ. Въ письмѣ къ московскому главнокомандующему, князю Михаилу Никитичу Волконскому, отъ 25-го сентября 1773 года, Екатерина писала: «Что же касается до дерзкаго извѣстнаго вамъ болтуна, то я здѣсь коекому внушила, чтобъ до него дошло, что, естьли онъ не уймется, то я принуждена буду его унимать наконецъ. Но какъ богатствомъ я брата его осыпала выше его заслугъ на сихъ дняхъ, то чаю, что и онъ его уйметъ же, а домъ мой очистится отъ каверзы. Чего всего вамъ въ крайней конфиденціи сообщаю для вашего свѣдѣнія, дабы наружностію иногда вы бъ не были обмануты» [1].

Князь Волконскій отвѣчалъ 30-го сентября: «По высочайшему предъ симъ вашего императорскаго величества повелѣнію, я употребилъ надежныхъ людей присматривать за Панинымъ; чрезъ оныхъ извѣстился, что онъ, какъ я и прежде доносилъ, сталъ гораздо въ болтаніяхъ своихъ скромнѣе; а что всего удивительнѣе, когда получилъ извѣстіе о всемилостивѣйшемъ пожалованіи брата его чиномъ, деревнями, деньгами, пансіономъ и другими многими монаршими щедротами, ожидалось было его видѣть восхищенна съ радости, но, напротивъ того, онъ еще больше задумчивѣе сталъ и поздравленія принимаетъ отъ многихъ къ нему пріѣзжающихъ съ нѣкоторою холодностью».

Лично Екатерина была довольна удаленіемъ Никиты Ивановича Панина отъ непосредственной близости къ цесаревичу и писала по этому поводу г-жѣ Бьельке: «Домъ мой очищенъ (ma maison est balayée) или почти что очищенъ; всѣ кривлянья (simagrées) произошли, какъ я и предвидѣла, но, однако жъ, воля Господня совершилась, какъ я также предсказывала» [2].

[1] «Осьмнадцатый Вѣкъ», книга 1-я, стр. 96. Въ томъ же письмѣ Екатерина сообщала князю Волконскому, что она поведеніемъ невѣсты цесаревича и ея матери весьма довольна. «Они оба люди любезные. Мать—человѣкъ души твердой et rien moins qu'une commère», писала императрица.

[2] Сборникъ И. Р. И. О., томъ 13-й, стр. 361.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Бракосочетаніе цесаревича состоялось въ воскресенье 29-го сентября (10-го октября) 1773 года въ Казанской церкви. Въ первый разъ, послѣ достопамятнаго дня 28-го іюня 1762 года, Екатерина снова вступила въ этотъ храмъ при торжественной, хотя и нѣсколько иной обстановкѣ; невольно воспоминанія объ этомъ далекомъ прошломъ должны были волновать душу императрицы и вызывать на размышленія, когда она 29-го сентября дѣлала первый шагъ въ томъ же мѣстѣ для утвержденія на престолѣ уже не себя самой, а своей династіи.

Празднества по случаю бракосочетанія великаго князя продолжались двѣнадцать дней и закончились 11-го октября фейерверкомъ, сожженнымъ на площади возлѣ Лѣтняго дворца.

Екатерина щедро одарила мать и сестеръ новой великой княгини Наталіи Алексѣевны. Ландграфиня получила 100.000 рублей и 20.000 на обратное путешествіе, а обѣ ея дочери по 50.000 рублей каждая, независимо отъ богатыхъ подарковъ [1]. Великой княгинѣ назначено было на булавки по 50.000 рублей ежегодно [2]. Братъ ея, наслѣдный принцъ Лудвигъ, прибывшій въ Петербургъ къ свадьбѣ въ сопровожденіи барона Мельхіора Гримма [3], поступилъ на русскую службу и принялъ участіе въ турецкой войнѣ. 25-го декабря 1774 года, онъ и отецъ великой княгини, ландграфъ Гессенъ-Дармштадтскій, получили Андреевскія ленты.

Едва окончились брачныя торжества, какъ 14-го октября получено было въ Петербургѣ первое извѣстіе о появленіи Пугачева и начавшемся грозномъ мятежѣ. Призракъ Петра III, возставшій тогда неожиданнымъ образомъ въ лицѣ Пугачева, долженъ былъ возбудить во многихъ царедворцахъ непріятное воспоминаніе о переворотѣ 1762 года.

[1] 15-го октября ландграфиня покинула Петербургъ. По прибытіи въ Берлинъ она нашла здѣсь внука; дочь ея, принцесса прусская Фредерика, родила сына: это былъ будущій король Фридрихъ-Вильгельмъ III. По этому поводу Екатерина писала ландграфинѣ: «Je suis fort aise que ce soit un prince. Vous connaissez, madame, mon goût décidé pour les garçons». Ландграфиня скончалась въ мартѣ 1774 года.

[2] «Je n'en avais que trente étant grande duchesse, mais j'avoue que cela ne me suffisait pas», писала Екатерина г-жѣ Бьельке 18-го августа 1773 года. (Сборникъ И. Р. И. О., томъ 13-й, стр. 353).

[3] Со времени этого перваго пріѣзда въ Россію барона Гримма завязалась между нимъ и императрицею Екатериною дружеская переписка, продолжавшаяся двадцать два года. Въ письмѣ къ Вольтеру отъ 15-го сентября 1773 года Екатерина сообщала ему о Гриммѣ: «Sa conversation est un délice pour moi; mais nous avons encore tant de choses à nous dire que nos entretiens ont eu jusqu'ici plus de chaleur que d'ordre. Nous avons beaucoup parlé de vous. Je lui ai dit ce que vous avez oublié peut-être, c'est que ce sont vos ouvrages qui m'ont accoutumée à penser».

Сборникъ И. Р. И. О., томъ 13-й, стр. 358.

На цесаревича же появленіе самозванца и первые успѣхи его несомнѣнно произвели тягостное впечатлѣніе. Въ связи со всѣмъ происходившимъ имя Павла Петровича снова явилось знаменемъ для недовольныхъ.

III.

Событіе 29-го сентября 1773 года вызвало при дворѣ успокоительное настроеніе. Цесаревичъ былъ счастливъ и доволенъ, великая княгиня была почтительна и внимательна къ императрицѣ, явившись въ императорской семьѣ ангеломъ-примирителемъ. Екатерина была довольна наслѣдникомъ и однажды сказала даже: «Я обязана великой княгинѣ возвращеніемъ мнѣ сына и отнынѣ всю жизнь употреблю на то, чтобъ отплатить ей за услугу эту». И въ самомъ дѣлѣ, при каждомъ случаѣ, императрица ласкала свою невѣстку, которая, по умственнымъ способностямъ хотя и стояла ниже своего супруга, но имѣла на него большое вліяніе и съ большимъ успѣхомъ пользовалась мудрыми совѣтами, данными ей, безъ сомнѣнія, матерью ея, ландграфинею [1].

Г-жѣ Бьельке Екатерина писала: «Ландграфиня оставила мнѣ золотую женщину (une femme d'or), свою дочь, великую княгиню; эта молодая принцесса надѣлена прекрасными качествами; я ею крайне довольна; мужъ ее обожаетъ, и всѣ ее любятъ» [2].

Ландграфинѣ Екатерина сообщила не менѣе утѣшительныя извѣстія: «Ваша дочь здорова», писала ей императрица 10-го ноября, «она попрежнему кротка и любезна (douce et aimable), какою вы ее знаете. Мужъ ее обожаетъ и не перестаетъ хвалить ее и рекомендовать; я слушаю его и иной разъ задыхаюсь отъ смѣха, потому что она не нуждается въ рекомендаціи; ея рекомендація въ моемъ сердцѣ, я люблю ее, и она того заслуживаетъ; нужно быть ужасно придирчивой и быть

[1] Донесеніе англійскаго повѣреннаго въ дѣлахъ отъ 29-го апрѣля 1774 года въ сочиненіи Раумера: Europa vom Ende des siebenjährigen bis zum Ende des amerikanischen Krieges (1763—1783).—Leipzig, 1839. Bd. III. p. 43.

[2] Сборникъ И. Р. И. О., томъ 13-й, стр. 388. (Письмо императрицы отъ 9-го февраля 1774 года).

Послѣ свадьбы сына императрица писала г-жѣ Бьельке 6-го октября 1773 года: «Le voilà donc en ménage; il prétend vivre bourgeoisement, il ne quitte pas d'un pas son épouse, et cela fait la plus belle amitié du monde. Dieu veuille qu'elle soit de durée, car comme dit l'autre, la vie de l'homme est longue. Je reçois avec plaisir le souhait que vous me faites d'un petit grand duc au bout de l'an; une petite grande duchesse aussi ne serait pas de refus. L'un ou l'autre me serait égal, pourvu que les choses fussent en train» (стр. 361). Возвращаясь къ тому же предмету въ письмѣ отъ 9-го апрѣля 1774 года и сообщая, что великая княгиня еще не беременна, Екатерина писала: «Je ne suis point impatiente là dessus, ni n'ai le droit de l'être: je n'ai eu d'enfants qu'après neuf ans de mariage; il est vrai que les circonstances étaient différentes» (стр. 400).

хуже какой нибудь кумушки-сплетницы, чтобы не оставаться довольною этой принцессой, какъ я ею довольна. Я говорю это вамъ, потому что это истинная правда. Я просила ее заняться русскимъ языкомъ, что она мнѣ обѣщала. Вообще наше хозяйство идетъ очень хорошо» [1].

Не меньшее удовольствіе Екатерина выражала въ письмѣ къ ландграфинѣ отъ 7-го декабря: «Великая княгиня здорова, мы все болѣе и болѣе другъ друга любимъ и очень хорошо уживаемся вмѣстѣ; ея нравъ мнѣ нравится и подходитъ къ моему. Мы условились, что послѣ новаго года она начнетъ говорить по-русски» [2].

Подъ вліяніемъ такихъ благопріятныхъ впечатлѣній, императрица, по просьбѣ цесаревича, согласилась даже дозволить графу А. К. Разумовскому жить во дворцѣ.

Такимъ образомъ можно было думать, что Гамлетъ нашелъ свою Офелію. Но семейное счастье, сразу улыбнувшееся цесаревичу, было кратковременнымъ. Павлу Петровичу не посчастливилось также и на почвѣ сердечныхъ привязанностей, и, сверхъ того, ему суждено было испытать еще всю горечь, связанную съ предательствомъ самыхъ близкихъ къ нему лицъ. Измѣна не отходила отъ него и должна была сопутствовать ему до гробовой доски—таковъ былъ приговоръ судьбы!

Итакъ, взаимное расположеніе и семейныя радости были не чѣмъ инымъ, какъ временнымъ затишьемъ, предвѣщавшимъ новую бурю. На сколько къ концу года измѣнились взаимныя отношенія между императрицей и великокняжеской четой, можно судить по письму Екатерины къ Гримму, отъ 21-го декабря 1774 года, въ которомъ она съ пол-

[1] «Votre fille se porte bien, elle est toujours douce et aimable, comme vous la connaissez. Son mari l'adore; il ne fait que la louer et la recommander; je l'écoute et j'étouffe de rire quelquefois, parce qu'elle n'a pas besoin de recommandation; sa recommandation est dans mon coeur, je l'aime, elle mérite de l'être et j'en suis extrêmement contente; aussi faudrait-il vouloir chercher prise furieusement et être plus qu'une commère pour n'être pas aussi satisfaite de cette princesse que je le suis, et que je vous dis, madame, parce que cela est vrai. Je l'ai priée de s'appliquer à la langue russe, elle me l'a promis. Enfin notre ménage va joliment. Nos enfants paraissent enchantés d'être venu, hier, à la campagne avec moi. Le prince votre fils y est aussi. Tous les jeunes gens me font faire le soir le diable à quatre, ou si vous voulez, c'est moi qui leur fait cette douce violence». Walther. Briefwechsel der grossen Landgräfin. Wien, 1877. T. I, p. 340.

[2] «La grande duchesse se porte bien, nous nous aimons de plus en plus et nous nous accommodons fort bien; son humeur me plait et me convient. Nous sommes convenues qu'après le nouvel an elle commencera à parler le russe». Walther, t. I, p. 342.

2-го января 1774 года императрица писала ландграфинѣ: «La grande duchesse commence à être sujette à la médisance des courtisans; la semaine passée elle a eu des maux de coeur qui ont donné lieu à des propos dont on n'est pas bien revenu encore, mais sur lesquels, cependant, il n'y a point de preuves réelles jusqu'ici, mais en attendant, monseigneur son époux, prend garde à elle, comme à la prunelle de ses yeux; il ne faut point qu'elle danse, et le moindre indice parait preuve convaincante». T. I, p. 343.

нымъ чистосердечіемъ рисовала своему «souffre-douleur» картину тревожившихъ ее огорченій. Къ этому времени «золотая женщина» успѣла уже исчезнуть, принявъ менѣе привлекательный образъ.

Екатерина писала: «Великая княгиня постоянно больна, да и какъ же ей и не быть больной? Все у этой дамы доведено до крайности. Если она гуляетъ пѣшкомъ, то двадцать верстъ, если танцуетъ, то двадцать контрадансовъ и столько же минуэтовъ, не считая аллемандовъ; чтобы избѣгнуть жары въ комнатахъ, ихъ вовсе не топятъ; если кто нибудь третъ себѣ лицо льдомъ, то все тѣло становится лицемъ: однимъ словомъ, середина во всемъ очень далека отъ насъ. Опасаясь злыхъ, мы не довѣряемъ цѣлой землѣ и не слушаемъ ни хорошихъ, ни худыхъ совѣтовъ; коротко сказать, до сихъ поръ нѣтъ ни добродушія, ни осторожности, ни благоразумія во всемъ этомъ, и Богъ знаетъ, что изъ этого будетъ, такъ какъ никого не слушаютъ и все хотятъ дѣлать по-своему. Вообразите, что, спустя полтора года и болѣе, мы еще не говоримъ ни слова по-русски: мы хотимъ, чтобъ насъ учили, но мы не хотимъ посвятить на это минуту прилежанія въ день; во всемъ одно вертопрахство; мы терпѣть не можемъ ни того, ни этого. Долговъ у насъ вдвое, чѣмъ состоянія, а едва ли кто въ Европѣ столько получаетъ. Но замѣтимъ: никогда не слѣдуетъ отчаиваться въ молодыхъ людяхъ, не надо слишкомъ много ворчать» [1].

Но, независимо отъ перемѣны, совершившейся въ воззрѣніяхъ Екатерины на характеръ великой княгини, сочетаніе разныхъ другихъ условій содѣйствовало нарушенію кратковременнаго семейнаго мира.

Уволивъ графа Н. И. Панина отъ должности оберъ-гофмейстера великаго князя, Екатерина 5-го ноября 1773 года назначила состоять при цесаревичѣ генералъ-аншефа Николая Ивановича Салтыкова. Императрица снабдила его особою инструкціею [2] и по этому случаю написала сыну слѣдующее письмо:

[1] Сборникъ И. Р. И. О., томъ 23-й, стр. 12.

[2] «Русскій Архивъ» 1864 года (изданіе 2-е), стр. 482. Особеннаго вниманія заслуживаютъ первые четыре пункта этой инструкціи, а именно: «1, Tachez de vous rendre agréable à mon fils. 2, Montrez-lui le plus de déférence possible accompagné de beaucoup de respect. 3, Tachez de gagner sa confiance, но не спѣшите всѣмъ и безъ всякой суеты, ибо сначала думать надлежитъ, что, по молодости и по другимъ побочнымъ причинамъ, онъ нѣсколько дичиться станетъ. Но вы на сіе не смотрите и возьмите одинаковое, ровное и почтительное поведеніе». Въ заключеніе Екатерина говоритъ: «Il est ambitieux, vous pourrez le prendre de ce côté-là utilement. Quand la nécessité l'exigera, vous vous appuyerez sur ma volonté pour faire valoir votre opinion».

Замѣтимъ здѣсь, что гофмейстериной великой княгини Наталіи Алексѣевны назначена была статсъ-дама графиня Екатерина Михайловна Румянцова, жена фельдмаршала графа Петра Александровича Румянцова-Задунайскаго.

«Я назначила къ вамъ генерала Салтыкова. Такимъ образомъ при васъ будетъ выдающееся лицо (une personne de marque), и не для того только, чтобы придать важности вашимъ выходамъ, но и для того, чтобы онъ держалъ въ должномъ порядкѣ лицъ, назначенныхъ состоять при васъ соотвѣтственно вашему званію. Онъ будетъ представлять вамъ иностранцевъ и другихъ лицъ, онъ будетъ завѣдывать вашимъ столомъ и прислугою, смотрѣть за порядкомъ и внѣшностью, требующеюся при дворѣ. Это человѣкъ, преисполненный честности и кротости, которымъ были довольны вездѣ, гдѣ онъ былъ употребляемъ, поэтому я не сомнѣваюсь, что вы поладите, и что онъ поведеніемъ своимъ постарается заслужить ваше благорасположеніе, которое прошу васъ ему оказывать.

«Ваши поступки очень невинны, я это знаю и убѣждена въ томъ; но вы очень молоды, общество смотритъ на васъ во всѣ глаза, а оно— судья строгій; чернь во всѣхъ странахъ не дѣлаетъ различія между молодымъ человѣкомъ и принцемъ: поведеніе перваго, къ несчастію, слишкомъ часто служитъ къ помраченію доброй славы второго. Съ женитьбою кончилось ваше воспитаніе; отнынѣ невозможно оставлять васъ долѣе въ положеніи ребенка и въ двадцать лѣтъ держать васъ подъ опекою; общество увидитъ васъ одного и съ жадностью слѣдить будетъ за вашимъ поведеніемъ. Въ свѣтѣ все подвергается критикѣ; не думайте, чтобы пощадили васъ, либо меня. Обо мнѣ скажутъ: она предоставила этого неопытнаго молодого человѣка самому себѣ, на его страхъ; она оставляетъ его окруженнымъ молодыми людьми и льстивыми царедворцами, которые развратятъ его и испортятъ его умъ и сердце; о васъ же будутъ судить, смотря по благоразумію или неосмотрительности вашихъ поступковъ; но подождите немного. Это уже мое дѣло вывести васъ изъ затрудненія и унять это общество и льстивыхъ и болтающихъ царедворцевъ, которые желаютъ, чтобы вы были Катономъ въ двадцать лѣтъ, и которые стали бы негодовать, коль скоро вы бы имъ сдѣлались. Вотъ что я должна сдѣлать; я опредѣлю къ вамъ генерала Салтыкова, который, не имѣя званія гофмаршала вашего двора, будетъ исполнять его обязанности, какъ увидите изъ приложенной записки, въ которой я подробно перечисляю его обязанности. Сверхъ сего приходите ко мнѣ за совѣтомъ такъ часто, какъ вы признаете въ томъ необходимость: я скажу вамъ правду со всею искренностью, къ какой только способна, а вы никогда не оставайтесь недовольнымъ, выслушавъ ее. Понимаете! (et vous ne serez jamais boudeur après l'avoir entendu. Entendez-vous!). Вдобавокъ, чтобы основательнѣе занять васъ, къ удовольствію общества, я назначу часъ или два въ недѣлю, по утрамъ, въ которые вы будете приходить ко мнѣ одинъ для выслушанія бумагъ, чтобы ознакомиться съ положеніемъ дѣлъ, съ зако-

нами страны и моими правительственными началами. Устраиваетъ это васъ?» [1].

Какъ и слѣдовало ожидать, цесаревичъ встрѣтилъ генерала Салтыкова недружелюбно; но постепенно отношенія ихъ измѣнились къ лучшему, и впослѣдствіи негласный гофмаршалъ пріобрѣлъ даже полное довѣріе и расположеніе великаго князя. Но въ первое время нашелся услужливый царедворецъ, камергеръ графъ Дмитрій Михайловичъ Матюшкинъ, который намекнулъ великой княгинѣ, а также и цесаревичу, что Салтыковъ назначенъ императрицею для наблюденія за каждымъ его дѣйствіемъ и для донесенія куда слѣдуетъ о всемъ происходящемъ при маломъ дворѣ. Павелъ Петровичъ разгнѣвался и по свойственной ему стремительности въ дѣйствіяхъ немедленно передалъ слышанное императрицѣ, назвавъ и виновника переполоха. Тогда Екатерина написала оберъ-гофмаршалу князю Николаю Михайловичу Голицыну слѣдующую грозную записку:

«По отъѣздѣ моемъ [2] съѣздите къ Дмитрію Матюшкину и старайтесь, чтобъ мужъ съ женою вмѣстѣ были, и скажите камергеру Матюшкину при женѣ его моимъ словомъ, что онъ, имѣвъ жену и дѣтей, столь дерзокъ, что осмѣлился невѣсткѣ и сыну моему и кое-кому другимъ говорить, опорочивая и осуждая волю мою въ опредѣленіи генерала Салтыкова; что я оставлю на его размышленія, что бы государи, прежде меня царствовавшіе въ Россіи, зато съ нимъ учинили бы; что онъ кладетъ руку между коркою и деревомъ и ищетъ ссорить мать съ сыномъ и государыню свою съ наслѣдникомъ; что и я бы не оставила бы наказать его за сію дерзость, еслибъ я не увѣрена была, что все сіе происходило отъ его глупости и зависти, прося себя на то мѣсто, къ которому ни одной способности не имѣетъ; что въ разсужденіи жены его и дѣтей, кои въ семъ ни малѣйшаго участія не имѣютъ, его сей разъ прощаю, но при томъ запрещаю на глаза ко мнѣ казаться, пока буду въ Царскомъ Селѣ, дабы ему показать, какъ я людей удерживать умѣю отъ прежняго движенія; а съ 25-го ноября онъ можетъ дневать попрежнему. Графинѣ же Аннѣ Алексѣевнѣ скажите, что я совершенно увѣрена, что въ семъ дѣлѣ мужъ ея съ нею не совѣтовался, ибо она умна, а сіе есть дѣло глупости. Скажите еще Матюшкину и то, что онъ изъ того можетъ видѣть, что я его умнѣе, что я выговоръ ему сей велѣла сдѣлать не при дѣтяхъ его, дабы не умалить ихъ почтенія къ отцу, который сіе правило нарушилъ въ разсужденіи меня» [3].

[1] «Русскій Архивъ» 1864 года, стр. 485.

[2] Императрица съ цесаревичемъ и великою княгинею пробыли въ Царскомъ Селѣ съ 9-го по 25-е ноября 1773 года.

[3] «Русскій Архивъ» 1883 года, книга 3-я, стр. 226. Редакторъ ошибочно относитъ эту записку къ концу 1783 года. Свѣдѣнія о немилости, постигшей Матюшкина,

Раздражительность въ соединеніи съ крайнею впечатлительностью и подозрительностью не покидали попрежнему цесаревича. Англійскій посланникъ Гуннингъ (Sir Robert Gunning) въ депешѣ отъ 22-го ноября 1773 года приводитъ въ подтвержденіе сказаннаго разительный примѣръ. «Въ послѣднее время», писалъ Гуннингъ, «нѣсколько ребяческихъ и неосторожныхъ выраженій, употребленныхъ великимъ княземъ, внушили императрицѣ сильнѣйшее безпокойство. Незадолго до отъѣзда въ Царское Село ему подали за ужиномъ блюдо сосисокъ, кушанье, до котораго онъ большой охотникъ, и въ немъ онъ нашелъ множество осколковъ стекла; въ первую минуту гнѣва онъ поспѣшно всталъ изъ-за стола и, взявъ съ собой блюдо, отправился прямо въ комнаты императрицы и съ величайшимъ раздраженіемъ высказалъ ей, что этотъ случай доказываетъ ему намѣреніе отравить его. Императрица была чрезвычайно поражена этимъ подозрѣніемъ, такъ же какъ и небрежностью прислуги, послужившей единственнымъ поводомъ къ тому» [1].

Другое событіе взволновало цесаревича еще въ большей степени. Въ январѣ 1774 года въ Петербургѣ явился Потемкинъ, вызванный Екатериною изъ Дунайской арміи. Въ скоромъ времени онъ былъ назначенъ генералъ-адъютантомъ, подполковникомъ Преображенскаго полка, вице-президентомъ военной коллегіи и членомъ совѣта. Отнынѣ звѣзда князя Г. Г. Орлова померкла уже навсегда. Что же касается до лишеннаго всякаго политическаго значенія фаворита, А. С. Васильчикова, то онъ удаленъ былъ отъ двора, осыпанный милостями [2]. Для цесаревича возвышеніе Потемкина послужило предметомъ все болѣе возраставшаго неудовольствія: это былъ уже не дуралей (butor) Орловъ, а, напротивъ того, въ лицѣ новаго фаворита явился даровитый исполнитель мыслей

помѣщены были въ 19-мъ томѣ Сборника И. Р. И. О., вышедшемъ въ 1876 году, стр. 393. См. также: Біографическій очеркъ графа Владиміра Григорьевича Орлова, С.-Петербургъ, 1878 года, томъ 1-й, стр. 275 и 282. Графъ Матюшкинъ оставилъ службу 7-го января 1774 года.

[1] Сборникъ И. Р. И. О., томъ 19-й, стр. 389.

Гуннингъ приписываетъ этому случаю причину временнаго переселенія двора въ Царское Село, въ чемъ онъ, кажется, ошибается; поѣздка эта была уже ранѣе намѣчена. Гуннингъ пишетъ: «Желаніе разсмотрѣть, явилось ли настоящее подозрѣніе, лишь какъ мимолетная мысль, вызванная этимъ обстоятельствомъ, и не указываетъ ли оно на болѣе укоренившееся недовѣріе, какъ говорятъ, послужило цѣлью путешествія въ Царское Село, гдѣ она будетъ имѣть болѣе частую и постоянную возможность изучить образъ мыслей сына и поближе познакомиться съ характеромъ великой княгини, который, по моему убѣжденію, не въ состояніи вызвать ея опасеній».

[2] По поводу удаленія Васильчикова Екатерина писала Гримму: «Je me suis éloignée de certain excellent, mais très ennuyeux citoyen, qui a été tout de suite remplacé, je ne sais pas trop comment, par un des plus grands, des plus drôles et des plus amusants originaux de ce siècle de fer». Сборникъ И. Р. И. О. Томъ 23-й, стр. 4.

Императоръ Павелъ I.

Съ портрета, принадлежащаго Академіи Наукъ.

А. И. Вильборгъ, СПБ. Мѣщ. 2.

Екатерины, вліяніе котораго вскорѣ почувствовалось въ дѣлахъ, тогда какъ самолюбивый наслѣдникъ оставался въ тѣни и долженъ былъ, подобно тому, какъ говорилъ о себѣ Ростопчинъ, безъ дѣла и безъ скуки сидѣть, поджавши руки. Такія обиды не прощаются, въ особенности, когда обиженный чувствуетъ за собою законное право быть чѣмъ-то другимъ. Къ тому же, цесаревичъ усмотрѣлъ еще въ Потемкинѣ не только врага по убѣжденіямъ, но и соперника, пользовавшагося довѣріемъ императрицы, а это преимущество онъ считалъ своимъ исключительнымъ законнымъ правомъ. Но спрашивается: кто виноватъ?

Лучшимъ отвѣтомъ на этотъ вопросъ можетъ служить записка, представленная цесаревичемъ императрицѣ въ 1774 году подъ заглавіемъ: «Разсужденіе о государствѣ вообще, относительно числа войскъ, потребнаго для защиты онаго, и касательно обороны всѣхъ предѣловъ».

Въ этой запискѣ, которая по существу своему является не чѣмъ инымъ, какъ жестокой критикой царствованія, начавшагося въ 1762 году, нагляднымъ образомъ отразилась политическая и военная мудрость обоихъ Паниныхъ: Никиты и Петра; поэтому Екатеринѣ не трудно было узнать въ «разсужденіи» мысли своихъ двухъ непримиримыхъ недруговъ, а сына признать ихъ послушнымъ послѣдователемъ.

Павелъ начинаетъ свою записку съ объясненія, что Россійской имперіи необходимъ покой, что это истина безспорная, по иной разъ трудно осуществимая и примѣнимая къ политической жизни народовъ [1]. Рисуя картину бѣдственнаго положенія имперіи, цесаревичъ приходилъ къ заключенію, что Россіи слѣдовало отказаться отъ наступательныхъ войнъ и устроить всю военную систему государства для обороны. Съ этою цѣлью великій князь предлагалъ покрыть Россію чѣмъ-то въ родѣ военныхъ поселеній, являясь такимъ образомъ предтечею аракчеевскаго способа облагодѣтельствованія Россіи. Затѣмъ признавалось необходимымъ ввести строгую регламентацію въ военномъ дѣлѣ и для

[1] Читая записку цесаревича, можно думать, что Екатерина начала войну съ Турціею и борьбу съ польскими конфедератами ради единаго удовлетворенія своего славолюбія, а не съ цѣлью защиты жизненныхъ интересовъ и политической будущности Россіи. Всѣ эти воинственныя предпріятія безспорно ложились тяжкимъ бременемъ на государство, на бѣдный русскій народъ. Но можно ли было безъ явнаго ущерба политическому росту Россіи отсрочить вооруженное столкновеніе съ ея врагами,—это другой вопросъ. Всѣ войны Екатерины имѣли исключительною своею цѣлью завоеваніе столь нужныхъ для имперіи береговъ Чернаго моря и обезпеченіе ея западныхъ границъ, покончивъ такъ или иначе съ Польшею. Но можетъ ли исторія то же самое сказать о крестовомъ походѣ, предпринятомъ впослѣдствіи Павломъ I противъ французской республики ради спасенія царей, да еще въ союзѣ съ вѣковымъ врагомъ Россіи—Оттоманскою Портою? Въ послѣднемъ случаѣ, кажется, было бы дѣйствительно полезнѣе предпочесть «покой» воинственнымъ предпріятіямъ.

этого дать войскамъ подробнѣйшіе штаты, уставы, инструкціи и «предписать всѣмъ, начиная отъ фельдмаршала, кончая рядовымъ, все то, что должно имъ дѣлать; тогда можно на нихъ взыскивать, если что-нибудь будетъ упущено». Введеніемъ строжайшей подчиненности, по мнѣнію Павла Петровича, была бы достигнута цѣль, чтобы «никто отъ фельдмаршала до солдата не могъ извиниться недоразумѣніемъ, начиная о мундирныхъ вещахъ, кончая о строѣ». Когда же, благодаря введенію по всему государству строгой централизаціи, вслѣдствіе которой всѣ, и фельдмаршалъ, и солдатъ, должны были бы испрашивать особыя высочайшія разрѣшенія на каждый случай, не предвидѣнный инструкціею, то, какъ писалъ цесаревичъ, «черезъ таковое ограничиваніе всѣ будутъ несравненно довольнѣе и охотнѣе къ службѣ, потому что не будутъ страдать и видѣть себя подчиненными прихотямъ и неистовствамъ частныхъ командировъ, которые всѣмъ симъ сквернятъ службу и вмѣсто пріохочиванія удаляютъ всѣхъ отъ ней».

По поводу этой безпощадной регламентаціи, придуманной цесаревичемъ, было справедливо замѣчено: «Необыкновенное развитіе бюрократіи и формалистики, довольствованіе наружностію, не проникая во внутренность вещей и дѣлъ, а главное тяжелый уровень, наложенный на всякую мысль или желаніе, выходящее изъ принятаго порядка—вотъ что было послѣдствіемъ централизаціи, при столь обширной территоріи, какъ русская. Мысль должна была остановиться, развитіе дѣлалось неумѣстнымъ, частныя улучшенія оказывались невозможными, ихъ замѣняла буква устава или инструкціи, а всякая попытка замѣнить недостаточность устава или инструкціи называлась «умничаньемъ» —словомъ, получившимъ право гражданства въ концѣ прошлаго столѣтія и, къ сожалѣнію, долго тяготѣвшимъ надъ русскою землею и русскою арміею. Всякая способность утрачивала цѣну, если о человѣкѣ прибавляли, что онъ умничаетъ» [1].

«Разсужденіе» свое цесаревичъ окончилъ слѣдующими словами: «Показавъ теперь все то, что къ равновѣсію потребно, и какую военная часть связь и пропорцію имѣть должна въ разсужденіи всего государства,... совершилъ намѣреніе себя сдѣлать полезнымъ государству, писавъ сіе

[1] П. Лебедевъ: Графы Панины, стр. 199.

По прошествіи десяти лѣтъ, еще при жизни императрицы Екатерины, цесаревичу удалось осуществить свои военные идеалы въ созданныхъ имъ гатчинскихъ войскахъ, а затѣмъ, послѣ его воцаренія, русская армія уже безпрепятственно была преобразована по гатчинскому образцу. Только въ 1805 году наглядно обнаружились печальные плоды Павловскихъ новшествъ, которыя привели къ тому, что подъ Аустерлицемъ мы сражались съ Наполеономъ такъ же, какъ мы маневрировали въ Гатчинѣ: для руководства операціями и соображеній штабъ захватилъ даже съ собою планы гатчинскихъ маневровъ.

отъ усердія и любви къ отечеству, а не по пристрастію или корысти, въ такое время, гдѣ, можетъ быть, многіе, забывъ первые два подвига, заставившіе меня писать, слѣдуютъ двумъ послѣднимъ, а что больше еще, и жертвуя всѣмъ тѣмъ, чего святѣе быть не можетъ. А сему я былъ самъ очевидцемъ и узналъ самъ собою вещи и, какъ вѣрный сынъ отечества, молчать не могъ» [1].

Легко себѣ представить, какія чувства возбудило въ Екатеринѣ чтеніе «разсужденія» цесаревича и, въ особенности, заключительныя слова его думы о неустройствахъ въ Россіи. Сочиненіемъ своимъ великій князь, въ глазахъ матери, окончательно уронилъ свою политическую правоспособность. «Екатерина ставила выше всего интересы государства, приносила имъ въ жертву всѣ другія соображенія и чувствованія» [2], и эти начала руководили ею и въ разсматриваемомъ случаѣ. Признавая невозможнымъ переубѣдить сына и полагая, что ближайшее участіе цесаревича въ управленіи государствомъ привело бы только къ безполезному столкновенію его съ разными лицами иного образа мыслей, императрица рѣшилась оставить наслѣдника въ сторонѣ отъ дѣлъ, ограничиваясь только самыми необходимыми сообщеніями; по этой причинѣ цесаревичъ не былъ даже призванъ къ участію въ дѣлахъ Совѣта, учрежденнаго въ 1769 году. Вынужденное бездѣйствіе не могло благотворно повліять на дальнѣйшее развитіе характера Павла Петровича; весьма естественно, что онъ продолжалъ все видѣть въ мрачныхъ краскахъ, внѣшнюю политику правительства не въ меньшей степени, чѣмъ внутреннюю. Все вокругъ него не дѣлалось такъ, какъ ему хотѣлось. Раздражительность и подозрительность усиливались, кроткія мѣры онъ признавалъ слабостью, а минуты просвѣтлѣнія являлись все рѣже. Екатеринѣ оставалось одно утѣшеніе—терпѣливо ждать появленія внука, чтобы воспитать въ немъ преемника своихъ дѣлъ; но и эти надежды, на первый разъ, получили трагическій исходъ, грозившій отдалить столь вожделѣнное событіе на долгій срокъ. Павелъ, съ своей стороны, также пребывалъ въ ожиданіи грядущихъ событій, но нѣсколько иного свойства, чтобы затѣмъ сокрушить ненавистное ему зданіе, воздвигнутое заботами его матери [3].

[1] См. въ приложеніяхъ записку цесаревича Павла Петровича объ уничтоженіи гвардіи. Она составляетъ какъ бы дополненіе къ «разсужденію» и, вѣроятно, написана имъ въ позднѣйшее время. Едва ли императрица читала это произведеніе пера своего сына; можетъ быть, эта записка лежала въ столѣ цесаревича, и онъ ею воспользовался, когда въ 1778 году началась переписка его съ графомъ Петромъ Ивановичемъ Панинымъ по вопросу о преобразованіи русскихъ военныхъ силъ.

[2] В. А. Бильбасовъ: Екатерина II и Гриммъ. (Русская Старина, 1893 года, томъ 77-й, стр. 516).

[3] См. въ приложеніяхъ разсказъ о мнимомъ заговорѣ графа Никиты Ивановича Панина.

Провидѣніе готовило, однако, въ далекомъ будущемъ обѣимъ сторонамъ развязку, въ равной степени не соотвѣтствовавшую ихъ обоюднымъ видамъ и намѣреніямъ.

IV.

Въ исходѣ 1774 года политическій горизонтъ сталъ постепенно разъясняться. Пугачевщина была наконецъ побѣждена [1], и самозванный Петръ III казненъ въ Москвѣ 10-го января 1775 года. Война съ Турціею прекратилась еще ранѣе и была увѣнчана Кучукъ-Кайнарджійскимъ миромъ, упрочившимъ славу Екатерининскаго царствованія. Такимъ образомъ императрица разомъ восторжествовала надъ внутренними и внѣшними врагами; теперь наступилъ апогей ея правленія. Екатерина пожелала отпраздновать заключеніе мира съ Турціею въ Москвѣ и присутствіемъ своимъ оживить первопрестольную столицу, перенесшую за послѣдніе годы столько бѣдствій и печальныхъ тревогъ.

25-го января 1775 года послѣдовалъ торжественный въѣздъ императрицы въ Москву; великокняжеская семья сопровождала государыню.

По донесеніямъ Гуннинга, «во все время церемоніи со стороны народа почти не было возгласовъ или вообще какого бы то ни было выраженія хотя бы малѣйшаго удовольствія» [2]. Такъ пишетъ англичанинъ, но по другимъ свѣдѣніямъ встрѣча, оказанная императрицѣ Екатеринѣ, была блестящая и радушная. «Своею ласковою, чисто русскою рѣчью окончательно обворожила она старыхъ московскихъ тузовъ, которыхъ каждаго умѣла назвать по имени и отчеству. Строгимъ исполненіемъ церковныхъ правилъ, частымъ посѣщеніемъ церквей и монастырей и, наконецъ, походомъ къ Троицѣ стала она любезна народу, который, глядя на нее, поминалъ матушку Елисавету Петровну и провожалъ ее оглушительными криками. Екатерина пустила въ ходъ всѣ дары обаянія, которыми такъ щедро наградило ее Провидѣніе, и была въ восторгѣ отъ успѣха» [3].

«Знаете ли вы, который все знаете?»,—писала императрица изъ Москвы Гримму 30-го января 1775 года,—«я въ восторгѣ, что сюда пріѣхала, и что здѣсь всѣ отъ мала до велика въ восторгѣ, что меня видятъ» [4].

[1] Для усмиренія Пугачевскаго бунта Екатерина назначила сперва генерала А. И. Бибикова, а послѣ его смерти она поручила это дѣло своему персональному оскорбителю графу Петру Ивановичу Панину, во время командованія котораго захваченъ былъ Пугачевъ, и мятежъ прекращенъ.

[2] Сборникъ И. Р. И. О., томъ 19-й, стр. 448.

[3] «Семейство Разумовскихъ», томъ 3-й, стр. 30.

[4] Сборникъ И. Р. И. О., томъ 23-й, стр. 15.

Относительно цесаревича Гуннингъ, въ противоположность яко бы встрѣченному Екатериною въ Москвѣ холодному пріему, пишетъ: «Популярность, которую пріобрѣлъ великій князь въ день, когда онъ ѣздилъ по городу во главѣ своего полка [1], разговаривалъ съ простымъ народомъ и позволялъ ему тѣсниться вокругъ себя такъ, что толпа совершенно отдѣляла его отъ полка, и явное удовольствіе, которое подобное обращеніе доставило народу, какъ полагаютъ, весьма не понравились» [2]. Но тотъ же дипломатъ пишетъ о цесаревичѣ еще и слѣдующее: «Какъ бы сильной ни казалась привязанность къ нему простого народа, поведеніе его въ послѣднее время во многихъ отношеніяхъ до того напомнило дѣйствія его отца, что внушаетъ лицамъ, имѣющимъ возможность судить объ этомъ, непріятныя опасенія относительно того, какимъ образомъ онъ со временемъ станетъ употреблять свою власть. Меня увѣряли, что г. Панинъ не имѣетъ болѣе ни малѣйшаго на него вліянія и съ величайшимъ огорченіемъ узнаетъ о новыхъ доказательствахъ слабости и неосторожности какъ съ его стороны, такъ и со стороны великой княгини» [3].

Вообще, по другимъ свѣдѣніямъ, послѣднее мнѣніе, высказанное Гуннингомъ, оказывается преобладающимъ: цесаревичъ не произвелъ благопріятнаго впечатлѣнія въ первопрестольной столицѣ, а великую княгиню мало полюбили, такъ какъ она сама терпѣть не могла Москвы и москвичей [4].

Пребываніе въ Москвѣ не содѣйствовало улучшенію отношеній Екатерины къ цесаревичу и къ великой княгинѣ; обоюдное неудовольствіе, начавшееся еще въ Петербургѣ, продолжалось. Наталія Алексѣевна, подчинивъ цесаревича своему исключительному вліянію, стала обращаться

[1] Кирасирскій полкъ цесаревича возвратился къ тому времени изъ турецкаго похода

[2] Кастера идетъ еще далѣе и разсказываетъ, что графъ Разумовскій, пораженный сочувствіемъ народа къ цесаревичу, сказалъ ему: «Вы видите, какъ вы любимы, ваше высочество! Ахъ, еслибы вы хотѣли (vous voyez, combien vous êtes aimé, prince. Ah! si vous vouliez)!.. Великій князь ничего не отвѣтилъ, но бросилъ на Разумовскаго взглядъ, который доказывалъ, что онъ умѣлъ быть почтительнымъ сыномъ» и, прибавимъ съ своей стороны, вѣрноподданнымъ. Castéra: Histoire de Catherine II, t. 2 p., 201.

Въ Москвѣ произошло открытое столкновеніе между цесаревичемъ и Потемкинымъ; послѣдній потребовалъ, чтобы ему, какъ вице-президенту военной коллегіи, а не великому князю, представлялись рапорты о состояніи Кирасирскаго полка.

[3] Сборникъ И. Р. И. О., томъ 19-й, стр. 451.

[4] Французскій повѣренный въ дѣлахъ писалъ: «La noblesse de Moscou est peu contente de la naïveté avec laquelle le grand duc et la grande duchesse expriment leur dégout pour une ville immense, mais où tout est épars, où rien ne tient ensemble, dépourvue d'eau à boire, n'ayant que trois petites rivières, souvent à sec, et fourmillant de visages inconnus pour leurs altesses, qui ne peuvent se faire à leurs façons».

«Семейство Разумовскихъ», томъ 3-й, стр. 30.

съ нимъ деспотически; она удаляла его отъ всѣхъ, осуждая его на общеніе съ тѣснымъ кругомъ лицъ, во главѣ которыхъ стоялъ графъ А. К. Разумовскій, не устоявшій, къ тому же, въ довершеніе всѣхъ бѣдствій, противъ искушенія завязать политическія интриги. Дошло до того, что императрица сочла нужнымъ предостеречь сына отъ козней его друга, злоупотреблявшаго оказаннымъ ему безграничнымъ довѣріемъ и въ дѣлахъ, выходившихъ за предѣлы политики. Но все было тщетно. Великая княгиня со слезами убѣдила мужа въ противномъ, и въ результатѣ у цесаревича явился новый поводъ къ гнѣву и неудовольствію противъ матери, будто бы желавшей преднамѣренно разссорить его съ горячо любимой женою. Семейные раздоры, грозившіе принять роковой оборотъ, разрѣшились наконецъ событіемъ, котораго Екатерина поджидала съ нетерпѣніемъ: у великой княгини появились несомнѣнные признаки беременности [1]. Нужно было думать о скорѣйшемъ возвращеніи въ Петербургъ, и 7-го декабря цесаревичъ съ супругою разстались съ Москвою [2]. Императрица же посѣтила еще Тулу и Калугу и къ 24-му декабря также возвратилась въ Петербургъ.

Рѣшительный часъ настала 10-го апрѣля 1776 года. Великая княгиня почувствовала приближеніе родовъ.

«Великій князь», писала Екатерина московскому главнокомандующему, князю М. Н. Волконскому, «въ Ѳоминое воскресенье по утру, въ четвертомъ часу, пришелъ ко мнѣ и объявилъ мнѣ, что великая княгиня мучится съ полуночи; но какъ муки были не сильныя, то мѣшкали меня будить. Я встала и пошла къ ней и нашла ее въ порядочномъ состояніи и пробыла у ней до десяти часовъ утра, и, видя, что она еще имѣетъ не прямыя муки, пошла одѣваться и паки къ ней возвратилась въ 12 часовъ. Къ вечеру мука была такъ сильна, что всякую минуту ожидали ея разрѣшенія. И тутъ при ней, окромѣ самой лучшей въ городѣ бабки, графини Катерины Михаиловны Румянцевой, ея камеръ-фрау, великаго князя и я, никого не было; лѣкарь же и докторъ ея были въ передней. Ночь вся прошла, и боли были перемѣнныя со

[1] 27-го августа 1775 года императрица Екатерина писала Гримму: «Vous souhaitez que mon pélerinage de Troïtsa produise miracle, que le ciel fasse pour une jeune princesse ce qu'il fit jadis pour Sara et la vieille Elisabeth; vos voeux sont exaucés: cette jeune princesse est dans son troisième mois, et sa santé parait raffermie. Cet événement hâte mon retour à Pétersbourg; je m'y rendrai avec les premiers traineaux».

Со времени прибытія великой княгини въ Москву здоровье ея внушало Екатеринѣ большія опасенія; императрица 10-го февраля писала даже Гримму: «Nous mourrons de peur qu'elle ne devienne hétique: elle en a tout plein de symptômes». Сборникъ И. Р. И. О., томъ 23-й, стр. 16 и 33.

[2] Цесаревичъ прибылъ въ Царское Село 20-го декабря, гдѣ и встрѣтилъ императрицу, прибывшую туда изъ Москвы 23-го декабря 1775 года.

сномъ: иногда вставала, иногда ложилась, какъ ей угодно было. Другой день паки проводили мы такимъ же образомъ, но уже призванъ былъ Крузъ и Тоде, коихъ совѣту слѣдовала бабка, но безъ успѣха оставалась наша благая надежда. Во вторникъ доктора требовали Рожерсона и Линдемана, ибо бабка отказалась отъ возможности. Въ середу Тоде допущенъ былъ, но ничто не могъ предуспѣть. Дитя уже былъ мертвъ, но кости оставались въ одинаковомъ положеніи. Въ четвергъ великая княгиня была исповѣдана, пріобщена и масломъ соборована, а въ пятницу предала Богу душу [1]. Я и великой князь всѣ пятеры сутки и день и ночь безвыходно у нея были. По кончинѣ, при открытіи тѣла, оказалось, что великая княгиня съ дѣтства была повреждена, что спинная кость не токмо была такова S, но часть та, коя должна быть выгнута, была вогнута и лежала дитятѣ на затылкѣ; что кости имѣли четыре дюйма въ окружности и не могли раздвинуться, а дитя въ плечахъ имѣлъ до девяти дюймовъ. Къ сему еще соединялись другія обстоятельствы, коихъ, чаю, примѣра нѣту. Однимъ словомъ, стеченіе таковое не позволяло ни матери, ни дитятѣ оставаться въ живыхъ. Скорбь моя была велика, но, предавшись въ волю Божію, теперь надо помышлять о наградѣ потери» [2].

Сообщая Гримму всѣ подробности этого печальнаго происшествія, императрица вошла въ нѣсколько большія подробности относительно испытаннаго ею душевнаго потрясенія, и писала: «Вы не можете себѣ представить, что она должна была выстрадать и мы съ нею. Душа моя растерзана; я не имѣла ни минуты покоя во всѣ эти пять дней и ни днемъ, ни ночью не покидала принцессу, пока она не закрыла глазъ. Она говорила мнѣ: «Какая вы прекрасная сидѣлка!». Представьте себѣ мое положеніе: утѣшать одного, укрѣплять другую и, изнемогая тѣломъ и душою, быть вынужденною ободрять, рѣшать и соображать все, что не должно быть забыто. Признаюсь вамъ, въ жизнь мою я не была въ положеніи болѣе трудномъ, болѣе ужасномъ, болѣе тягостномъ: я забывала пить, ѣсть, спать: силы мои поддерживались сама не знаю какъ.

[1] Архіепископъ Платонъ находился въ это время случайно въ Петербургѣ, для присутствованія въ синодѣ; ему суждено было напутствовать въ эти тягостныя минуты несчастную страдалицу, великую княгиню. При погребеніи ея Платонъ произнесъ надгробное слово.

[2] «Осьмнадцатый Вѣкъ», книга 1-я, стр. 141. Письмо императрицы Екатерины къ московскому главнокомандующему отъ 1-го мая 1776 года. Въ томъ же письмѣ Екатерина еще писала: «Не сомнѣваюсь, что вы и всѣ съ вами раздѣлили справедливую мою печаль. Богу такъ угодно было, что дѣлать! Но то сказать могу, что ничего не было проронено, что только человѣческій умъ и искусство придумать могли къ спасенію ея. Но тутъ было стеченіе различныхъ несчастныхъ обстоятельствъ, кои казусъ сей сдѣлали почти единственнымъ въ свѣтѣ».

Я начинаю думать, что если послѣ этого событія моя нервная система не разстроится, то она несокрушима... Мы едва живы. Были мгновенія, когда мнѣ казалось, что внутренности мои раздираются при видѣ стольких страданій, и что при каждомъ крикѣ я сама чувствую боли. Въ пятницу я точно окаменѣла и даже до сихъ поръ еще не сознаю себя. Часы слабости смѣняются у меня часами силы: это происходитъ отъ перемежающейся лихорадки, которая, однако, болѣе въ духовномъ настроеніи, чѣмъ въ физическомъ. Кто самъ не испыталъ и не видалъ этого, не можетъ составить себѣ понятія объ этомъ. Вообразите, что я, будучи плаксива отъ природы, была свидѣтельницею кончины, не проронивъ ни слезинки. Я говорила себѣ: если ты заплачешь, другіе будутъ рыдать; если ты разрыдаешься, другіе дойдутъ до обморока, и всѣ потеряютъ голову и разсудокъ, и все это будетъ непростительно» [1].

Г-жѣ Бьельке Екатерина сообщила еще слѣдующія подробности объ этомъ печальномъ событіи:

«Никакая человѣческая помощь не могла спасти эту принцессу; ея несчастное сложеніе не позволило ей родить ребенка, которымъ она была беременна; случай съ ней есть, можетъ быть, единственный въ своемъ родѣ. Въ продолженіе трехъ дней ее мучили настоящія родовыя боли, и, когда повивальная бабка объявила, что ничего не можетъ сдѣлать, позвали акушеровъ; но вообразите себѣ, что ни они, ни какіе-либо инструменты не могли помочь ей, parce qu'elle était barrée; послѣ ея смерти, при вскрытіи трупа, оказалось, что тамъ былъ промежутокъ только въ четыре дюйма, а плечи ребенка имѣли восемь. Два года тому

[1] «Vous ne sauriez vous imaginer ce qu'elle a du souffrir, et nous avec elle: j'en ai l'âme déchirée; je n'ai pas eu de moment de repos pendant tous ces cinq jours, et je n'ai quitté ni jour ni nuit cette princesse jusqu'à ce qu'elle ait fermé les yeux. Elle me disait: «Vous êtes une excellente garde-malade». Imaginez-vous ma situation: consoler l'un, raffermir l'autre, n'en pouvant plus de corps et d'âme et étant obligée d'encourager, de décider et d'imaginer tout ce qui ne devait point être oublié. Je vous avoue que de ma vie je ne me suis trouvée dans une situation plus difficile, plus horrible, plus pénible: j'oubliais boire, manger et dormir, et mes forces se soutenaient je ne sais comment. Je commence à croire que si de cette aventure mon système nerveux ne se dérange pas, il est indérangeable...... A peine sommes nous en vie. Il y avait des moments où il me semblait que je sentais des déchirements d'entrailles de tout ce que je voyais souffrir, et qu'à chaque cri je sentais moi-même des douleurs. Le vendredi je devins pierre, et à présent encore je ne me sens pas; j'ai des heures de faiblesse et d'autres de force; cela tient de la fièvre intermittante; mais elle est plutôt dans le moral que dans le physique. Personne n'a d'idée de cela, à moins que de l'avoir vu ou senti. Imaginez-vous que moi, qui suis pleureuse de profession, j'ai vu mourir sans répandre une larme; je me disais: «Si tu pleureras, les autres sangloteront; si tu sangloteras, les autres s'évanouiront, et tout le monde perdra et tête et tramontane, und alles das wird unverantvortlich werden».

Сборникъ И. Р. И. О., томъ 23-й, стр. 45 и 46. (Письма императрицы Екатерины отъ 17-го и 18-го апрѣля 1776 года изъ Царскаго Села).

назадъ покойная разсказывала намъ, что, будучи ребенкомъ, она подвергалась опасности сдѣлаться кривою (ayant de la disposition à devenir contrefaite); поэтому ландграфиня призвала какого-то шарлатана, который выпрямлялъ ее при помощи кулаковъ и колѣнъ. (La landgrave avait fait venir un charlatan, qui l'avait redressée à coups de poing et de genoux). Этимъ-то и объясняется, что спинной хребетъ ея оказался изогнутымъ въ видѣ буквы S, а нижняя часть позвоночника, которая должна быть выгнутою, у нея, была вогнутою. Вотъ еще доказательство тому, что не изъ гордости, но вслѣдствіе невозможности она не могла нагибаться впередъ; кулаки шарлатана, вѣроятно, и отправили ее на тотъ свѣтъ. (Ces coups de poing du charlatan probablement aussi l'ont expédiée dans l'autre monde). Я была очень огорчена потерею этой принцессы и сдѣлала все, чтобы спасти ее; пять дней и пять ночей я не отходила отъ нея; но, въ концѣ концовъ, такъ какъ дознано, что она не могла имѣть живого ребенка или, вѣрнѣе, не могла вовсе рожать, то остается одно—перестать объ этомъ думать»[1].

Великая княгиня Наталія Алексѣевна скончалась 15-го (26-го) апрѣля въ пять часовъ по полудни. Въ пять часовъ двадцать минутъ императрица въ одной каретѣ съ цесаревичемъ отправилась въ Царское Село, дабы отдалить его отъ сего трогательнаго позорища, какъ пишетъ

[1] Сборникъ П. Р. И. О., томъ 27-й, стр. 79. (Письмо императрицы Екатерины отъ 28-го апрѣля 1776 года изъ Царскаго Села).

Ассебургъ былъ чрезвычайно огорченъ и смущенъ кончиною великой княгини Наталіи Алексѣевны. Ему справедливо показалось, что его могутъ обвинить въ недостаткѣ осмотрительности въ переговорахъ, предшествовавшихъ поѣздкѣ ландграфини въ Петербургъ. Безпокойство Ассебурга усилилось еще тѣмъ, что въ нѣмецкихъ газетахъ стали появляться статьи по поводу этого, по выраженію императрицы Екатерины, «казуса», почти единственнаго въ свѣтѣ. Всѣ эти причины побудили Ассебурга написать оправдательное письмо, въ которомъ онъ сообщалъ, что на вопросъ, сдѣланный имъ ландграфинѣ: «si la princesse était bien conformée», она отвѣтила уклончиво: «la constitution (de la princesse Wilhelmine) est telle qu'on peut la désirer». По поводу этого письма Екатерина написала слѣдующую замѣтку: «Je suis très persuadée de l'innocence de M. d'Assebourg, mais il n'est par moins vrai que quatorze médecins chirurgiens et la sage femme ont été convaincus par l'ouverture du corps, qu'il a été trompé et que l'article de la gazette est vrai». Вслѣдствіе приведеннаго заключенія императрицы графъ Панинъ написалъ Ассебургу: «L'Impératrice n'a pas le moindre doute de votre innocence en cela. Laissons là ce qui a été rapporté par les gazettes, comme ne pouvant être justement contredit, et contentez-vous, monsieur, pour votre tranquillité de savoir, que rien ne peut vous être imputé et qu'aussi certainement il ne vous est rien imputé». (Asseburg: Denkwürdigkeiten, p. 270). Вся отвѣтственность падаетъ, слѣдовательно, на ландграфиню, увлекшуюся желаніемъ пристроить блистательнымъ образомъ свою дочь.

князь Өедоръ Николаевичъ Голицынъ въ своихъ запискахъ [1]. Относительно великой княгини Наталіи Алексѣевны князь Голицынъ высказываетъ слѣдующее мнѣніе: «Великая княгиня одарена была рѣдкими достоинствами въ разсужденіи разума и сердца. Меня увѣряли, что она много подходила къ императрицѣ и со временемъ могла бы сдѣлаться достойною помощницею своего августѣйшаго супруга».

16-го апрѣля за императрицей и цесаревичемъ послѣдовалъ принцъ прусскій Генрихъ, прибывшій въ Петербургъ незадолго до несчастныхъ родовъ великой княгини [2].

---

1 «Русскій Архивъ» 1874 года, книга 1-я, стр. 1277—1278.

2 «Vingt quatre heures avant la mort de la grande duchesse j'envoyai prier le prince Henri de s'emparer, pour mon soulagement, du grand duc: il vint et ne le quitta guère; il supporte son profond chagrin avec assez de fermeté, mais aujourd'hui il a pris la fièvre. Dès que son épouse fut morte, je l'enlevai et l'emmenai ici. Sic transit gloria mundi». Императрица Екатерина къ Гримму 17-го апрѣля 1776 года. Сборникъ И. Р. И. О., томъ 23-й, стр. 45.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

I.

Неожиданная кончина великой княгини Наталіи Алексѣевны разстроивала всѣ надежды императрицы Екатерины на продолженіе династіи [1]; дѣло приходилось начать сызнова, «помышлять о наградѣ потери», какъ выразилась государыня въ письмѣ къ князю М. Н. Волконскому Гримму же императрица писала: «Увидѣвъ корабль опрокинутымъ на одинъ бокъ, я, не теряя времени, перетянула его на другой и старалась ковать желѣзо, пока горячо, чтобъ вознаградить потерю, и этимъ мнѣ удалось разсѣять глубокую скорбь, которая угнетала насъ» [2].

Дѣйствительно, такъ и случилось. Императрица немедленно приступила къ разсмотрѣнію бумагъ почившей великой княгини; чтеніе ихъ подало средство къ исцѣленію безутѣшной печали цесаревича [3].

[1] Погребеніе великой княгини Наталіи Алексѣевны послѣдовало въ Невскомъ монастырѣ 26-го апрѣля. Императрица Екатерина присутствовала при печальной церемоніи; она въ этотъ день выѣхала изъ Царскаго Села въ восьмомъ часу утра и возвратилась обратно въ семь часовъ вечера. Цесаревичъ не отдалъ послѣдняго долга великой княгинѣ и не покидалъ Царскаго Села съ самаго пріѣзда туда съ матерью въ печальный день 15-го апрѣля.

[2] «Ayant vu le vaisseau renversé d'un côté, je n'ai pas perdu de temps: je l'ai jeté de l'autre, et tout de suite j'ai mis les fers aux feux pour réparer la perte et par là j'ai réussi à dissiper la profonde douleur qui nous accablait».

Сборникъ И. Р. И. О., т. 23-й, стр. 49. (Письмо императрицы Екатерины отъ 29-го іюня 1776 года).

[3] Въ бумагахъ великой княгини найдены были также политическіе проекты графа Разумовскаго; обнаружились сношенія съ французскимъ посольствомъ, и нашлись указанія на заемъ денегъ для великой княгини. Екатерина, по собственному опыту, сознавала вполнѣ, къ какимъ «дѣйствамъ» можетъ привести подобная переписка, и оцѣ-

Средство было, безъ сомнѣнія, жестокое, но вѣрное, соотвѣтствовавшее обстоятельствамъ. Оказалось, что графъ А. К. Разумовскій недостойнымъ образомъ злоупотребилъ довѣріемъ Павла Петровича.

Разумовскій былъ сперва высланъ въ Ревель, а затѣмъ въ Батуринъ, къ отцу, фельдмаршалу графу Кириллу Григорьевичу, а 1-го января 1777 года графъ Андрей Кирилловичъ назначенъ былъ полномочнымъ министромъ и чрезвычайнымъ посланникомъ въ Неаполь [1].

Рѣшительный образъ дѣйствій императрицы сдѣлалъ открытымъ вопросъ о вторичномъ бракѣ цесаревича. Снова вниманіе Екатерины остановилось на виртембергской принцессѣ Софіи-Доротеѣ, по поводу которой она нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ искренно сокрушалась, что не можетъ призвать ее въ Россію [2]. На этотъ разъ обстоятельства благопріятствовали намѣреніямъ императрицы.

Незадолго до несчастныхъ родовъ великой княгини Наталіи Алексѣевны, 4-го апрѣля, въ Петербургъ прибылъ братъ Фридриха Великаго, принцъ Генрихъ, посѣтившій уже разъ Россію въ 1771 году, когда готовился первый раздѣлъ Польши. Съ этого времени между императрицей и принцемъ установились наилучшія отношенія. То же самое можно сказать относительно цесаревича; на этотъ разъ мысли сына не расходились со взглядами его матери. При содѣйствіи принца Генриха дѣло о вторичномъ бракѣ наслѣдника быстро подвинулось впередъ. Однако къ этому времени принцесса Софія-Доротея успѣла уже сдѣлаться невѣстою; по странной случайности она была помолвлена за брата покойной великой княгини, наслѣднаго принца гессенъ-дармштадтскаго. Фридрихъ II, неизмѣнный сватъ русской императорской семьи, съ предупредительною готовностью взялся устранить возникшее препятствіе, въ

нила ее по достоинству; поэтому политическая сторона дѣятельности Разумовскаго требовала немедленнаго удаленія его отъ двора цесаревича даже въ томъ случаѣ, еслибы не существовали еще и другія къ тому причины.

[1] «Ссылка его основана была болѣе на придворныхъ соображеніяхъ и на той короткости, въ какой онъ находился у ихъ высочествъ. Онъ же велъ себя гордо и не всѣмъ нравился». Записки князя Ѳедора Николаевича Голицына: «Русскій Архивъ» 1874 года, книга 1-я, стр. 1278.

По мнѣнію біографа Разумовскаго, императрица изъ чтенія бумагъ великой княгини убѣдилась, насколько графъ Андрей Кирилловичъ проявилъ тонкости и несомнѣннаго таланта; поэтому она рѣшилась воспользоваться его дарованіями, предоставивъ ему дипломатическое поприще.

[2] Фредерика-Доротея-Софія, мать принцессы Софіи-Доротеи, приходилась племянницей Фридриху Великому, будучи дочерью маркграфа Бранденбургъ-Шведтскаго, мужа родной сестры короля; отецъ же ея, Фридрихъ-Евгеній, былъ третьимъ сыномъ владѣтельнаго герцога виртембергскаго, Карла, и управлялъ въ то время графствомъ Монбельяръ; онъ прежде находился на прусской военной службѣ и былъ раненъ подъ Кунерсдорфомъ.

чемъ, конечно, успѣлъ какъ нельзя лучше. Женихъ возвратилъ данное ему слово и вознагражденъ былъ пенсіею въ 10.000 рублей; принцесса Софія-Доротея сдѣлалась свободною [1].

5-го мая 1776 года цесаревичъ писалъ своему бывшему законоучителю, архіепископу Платону: «За долгъ свой почитаю благодарить васъ за труды ваши въ наставленіи, за дружбу и за все, сдѣланное вами передъ самою кончиною покойницы въ разсужденіи ея. Я имѣлъ всегда причины быть вамъ благодарнымъ и любить васъ по бытности вашей при мнѣ въ младенчествѣ моемъ и по трудамъ и старанію, приложеннымъ вами къ воспитанію моему. Сіи причины возросли по дружбѣ и попеченію вашему, оказаннымъ вами къ женѣ моей, но дошли до вышней степени всѣмъ тѣмъ, что вы сдѣлали при концѣ и послѣ смерти ея. Еще имѣю причину взирать на васъ, какъ на друга своего. Ваше преосвященство были всегда свидѣтелемъ и подкрѣпленіемъ тѣхъ чувствъ сердечныхъ моихъ, которыми я всегда наполненъ. Вы знаете сердце и намѣренія мои. Сколь же пріятно мнѣ знать, что есть на свѣтѣ люди, которые отдаютъ справедливость честности и чистотѣ духа. Вы, зная меня, и я, съ своей стороны, зная васъ, не могу инако почитать, какъ другомъ своимъ. Увѣщаніе ваше продолжать хранить въ непорочности сердце мнѣ свое и призывать во всѣхъ дѣлахъ моихъ помощь небесную принимаю съ благодарностію и на сіе скажу вамъ, что то, что подкрѣпляло меня въ извѣстныя вамъ столь тяжкія для меня минуты, то всегда во всѣхъ путяхъ моихъ служитъ свѣтомъ, покровомъ и подкрѣпленіемъ. Сіе на Бога упованіе отнявъ, истинно немного причинъ будемъ мы всѣ имѣть, для чего въ свѣтѣ жить. При семъ случаѣ за долгъ свой почитаю вамъ сказать (прося оставить подъ глубокимъ секретомъ), что въ сіи горестныя минуты не забылъ помыслить о долгѣ въ разсужденіи отечества своего, полагаясь и въ семъ, какъ въ выборѣ, такъ и въ прочемъ на судьбы Божіи» [2].

Въ этой задушевной исповѣди, написанной въ трудную минуту жизни, отразился возвышенный образъ мыслей, одушевлявшій цесаре-

[1] Въ письмѣ къ г-жѣ Бьельке отъ 28-го апрѣля 1776 года Екатерина слѣдующимъ образомъ выразилась относительно жениха принцессы Софіи-Доротеи: «Je doute qu'il épouse la princesse de Würtemberg; malgré ses fiançailles, il ne l'a mérité nullement. Son altesse royale est une pécore, s'il en fut jamais» (Сборникъ И. Р. И. О., т. 27-й, стр. 81). Нѣсколько ранѣе, 20-го января 1776 года, сужденія Екатерины объ этомъ принцѣ были еще менѣе сочувственны: «C'est une misérable pécore qui s'énivre tous les jours, et qui finira par quelque mauvais esclandre» (стр. 67). Извѣстіе о пенсіи, дарованной принцу, Екатерина сообщила Гримму 29-го іюня 1776 года въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Je vous dirai que votre grand et sot flandrin est allé paitre les oies avec 10.000 roubles de pension, mais à condition que je ne le voie, ni n'entende jamais plus parler de lui» (Сборникъ И. Р. И. О., т. 23-й, стр. 50).

[2] «Русскій Архивъ» 1887 года, кн. 2-я, стр. 9.

вича, когда онъ не дѣйствовалъ подъ впечатлѣніемъ тягостныхъ воспоминаній далекаго прошлаго или же гнѣва, вызваннаго соприкосновеніемъ съ непріятными для него сторонами придворной жизни; въ послѣднемъ случаѣ свѣтлый умъ его затемнялся, и гнѣвныя рѣчи, а порою и злобные поступки отталкивали отъ него лучшихъ друзей и почитателей, вызывая въ немъ самомъ новыя тягостныя разочарованія и позднее раскаяніе. Трагическій исходъ перваго брака цесаревича долженъ былъ неизбѣжно повліять на усиленіе именно дурныхъ сторонъ его характера, впрочемъ, уже вполнѣ сложившагося; оно, дѣйствительно, такъ и случилось. «Цесаревичъ мало-помалу облекся въ тотъ странный образъ, въ которомъ предсталъ онъ Россіи при своемъ воцареніи» [1].

Екатерина въ перепискѣ съ Гриммомъ оставила намъ, въ свою очередь, въ шутливой формѣ оживленный пересказъ придворныхъ событій послѣ 15-го апрѣля.

«Я начала съ того», пишетъ императрица, «что предложила путешествія, перемѣну мѣстъ, а потомъ сказала: мертвыхъ не воскресить, надо думать о живыхъ. Развѣ оттого, что воображали себя счастливымъ, но потеряли эту увѣренность, слѣдуетъ отчаиваться въ возможности снова возвратить ее? И такъ, станемъ искать эту другую.

— «Но кого?

— «О, у меня есть въ карманѣ!...

— «Какъ, уже?

— «Да, да, и еще какая прелесть!

«И вотъ любопытство сразу возбуждено.

— «Кто она, какова она? брюнетка, блондинка, маленькая, большая?

— «Кроткая, хорошенькая, прелестная, однимъ словомъ, сокровище, сокровище: сокровище приноситъ съ собою радость.

«Это вызываетъ улыбку; слово за слово, призывается третье лицо, нѣкій путешественникъ, столь проворный, что за нимъ никто не угоняется, прибывшій недавно, какъ разъ для того, чтобы утѣшать и развлекать; и вотъ онъ дѣлается посредникомъ, начинаетъ переговоры; курьеръ посланъ, курьеръ возвращается, устраивается путешествіе, приготовляется свиданіе, и все это совершается съ неслыханною быстротою. И вотъ удрученныя сердца успокоиваются; грусть еще не отходитъ, но неизбѣжно разсѣивается приготовленіями къ путешествію, которое необходимо для здоровья и для развлеченія.—Дайте намъ пока портретъ, въ этомъ нѣтъ бѣды. Портретъ? Мало такихъ, которые нравятся, живопись не производитъ впечатлѣнія.—Первый курьеръ привозитъ портретъ. На что онъ? Портретъ можетъ произвести неблагопріятное впечатлѣніе. Пусть

[1] «Семейство Разумовскихъ», т. 3-й, стр. 42.

онъ лучше остается въ своемъ ящикѣ. И вотъ портретъ цѣлую недѣлю лежитъ завернутый тамъ, гдѣ его положили, когда онъ былъ привезенъ, на моемъ столѣ, возлѣ моей чернильницы. — Что же, онъ красивъ? — Смотря по вкусу; моему вкусу онъ вполнѣ удовлетворяетъ. Однако, на него посмотрѣли, немедленно положили въ карманъ и снова на него посмотрѣли. Наконецъ, онъ наполнялъ собою и ускорялъ приготовленія къ путешествію, и вотъ они въ дорогѣ... Я не знаю, но съ 1767 года я всегда чувствовала преобладающее влеченіе къ этой дѣвицѣ; разсудокъ, который, какъ вы знаете, часто вводитъ въ заблужденіе инстинктъ, заставилъ меня предпочесть другую, потому что большая молодость не дозволяла устроить дѣло тотчасъ, и вотъ именно въ то время, когда казалось, что я потеряла ее навсегда, самое несчастное событіе возвращаетъ меня къ предмету моей страсти. Что же это такое? Вы станете разсуждать по-своему, вы будете приписывать это случаю; совсѣмъ нѣтъ: я энтузіастка и не довольствуюсь этимъ: мнѣ необходимо нѣчто болѣе необъятное (il me faut du plus vaste à moi)» [1]).

Дѣйствительно, императрицею было рѣшено, что цесаревичъ Павелъ Петровичъ предприметъ поѣздку въ Берлинъ въ сопровожденіи принца Генриха, чтобы сдѣлать предложеніе принцессѣ Софіи-Доротеѣ, которая, съ своей стороны, должна была прибыть изъ Монбельяра въ Берлинъ ко времени пріѣзда туда великаго князя.

13-го (24-го) іюня цесаревичъ отправился въ путь изъ Царскаго Села. Его сопровождали фельдмаршалъ графъ Румянцовъ-Задунайскій, нарочно вызванный для этой цѣли изъ Малороссіи, генералъ Николай Ивановичъ Салтыковъ, камергеръ Нарышкинъ, камеръ-юнкеръ князь Александръ Борисовичъ Куракинъ, секретарь Николаи и докторъ Бекъ. Путешествіе въ Берлинъ могло только радовать великаго князя; наконецъ, ему представился случай увидѣть страну, казавшуюся ему образцомъ для водворенія въ Россіи подобныхъ же порядковъ, затѣмъ ознакомиться съ арміею, слава которой гремѣла по всей Европѣ, и, что всего важнѣе, лично привѣтствовать великаго короля-полководца, служившаго нѣкогда предметомъ обожанія для его отца.

Графъ Никита Ивановичъ Панинъ, хотя и ревностный сторонникъ союза съ Пруссіею, не принималъ никакого участія въ переговорахъ о новомъ бракѣ цесаревича; будучи въ это время боленъ и оставаясь въ Петербургѣ, онъ оставленъ былъ въ совершенномъ невѣдѣніи на счетъ дѣла, считавшагося тогда наисекретнѣйшимъ. Бывшій воспитанникъ графа Панина, къ удивленію друзей Никиты Ивановича, не нашелъ для

[1] Сборникъ И. Р. И. О., т. 23-й, стр. 49—50. (Письмо императрицы отъ 29-го іюня 1776 года изъ Петергофа).

себя возможнымъ навѣстить его во время болѣзни и не могъ даже сообщить ему о своей поѣздкѣ въ Берлинъ [1].

Тѣмъ не менѣе, судя по письму графа Никиты Ивановича къ князю Николаю Васильевичу Репнину, отъ 19-го іюня 1776 года, изъ Петербурга, графъ Панинъ былъ довольно хорошо освѣдомленъ относительно происходившихъ тогда, какъ онъ ихъ называетъ, «дворскихъ кризисовъ».

«Причина же моему такъ долгому молчанію вотъ какая», писалъ Никита Ивановичъ. «Я теперь одиннадцать недѣль лежу и сижу въ своей комнатѣ неподвижно въ рукахъ докторскихъ и лекарскихъ. Начавшаяся пятнадцать лѣтъ назадъ у меня водяная грыжа усилилась съ такою жестокою опухолью, болемъ и лихорадкою, что мнѣ оставалось только помышлять о спасеніи живота моего. Между тѣмъ воду изъ меня выпустили, которой было до трехъ фунтовъ, и я уже трижды былъ подъ ножемъ лекарскимъ. Пожалуй, любезный другъ, не оскорбляйся много обо мнѣ и знай, что я столько же тенасъ и въ моемъ физическомъ сложеніи, сколько и въ моральномъ, перенося все. Теперь болѣзнь моя обратилась совсѣмъ къ лучшему, хотя отъ ранъ и отъ поставленной заволоки нѣсколько претерпѣваю; да и лихорадка время отъ времени оказывается при началѣ новаго загноенія по мѣстамъ, кои тѣмъ очищаемы быть должны.

«Въ откровенность, сердечный другъ, скажу тебѣ, что, по моральному нашему здѣсь положенію, нельзя было болѣзни избрать для моего спокойства удобнѣйшаго времени, ибо симъ однимъ миновали меня всѣ произшедшіе наши дворскіе кризисы. Великая княгиня скончалась. Открывшійся смертію ея внутренній образъ жизни перемѣнилъ чувства ея супруга и подалъ утѣшеніе всему двору о сей потерѣ, а наконецъ теперь и отъѣздъ его императорскаго высочества......, по предреченію у двора въ Царскомъ Селѣ въ Ригу, а по нашимъ въ городѣ извѣстіямъ до самого Берлина, суть такія происшествія, въ которыхъ, конечно, мнѣ бы соучаствовать безвредно было невозможно. Его высочество выѣхалъ изъ Царскаго Села 13-го числа сего мѣсяца послѣ полудня въ 8 часовъ, а принцъ Генрихъ на завтрее въ томъ же часу, чтобы въ Ригѣ догнать

[1] Цесаревичъ писалъ по этому поводу, 4-го (15-го) февраля 1777 года, барону Карлу Ивановичу Сакену (бывшему тогда посланникомъ при датскомъ дворѣ) слѣдующее оправдательное объясненіе: «On m'attribue que j'ai pris peu de part à la maladie du comte Panine et que je n'ai pas eu la confiance de lui parler sur mon voyage de Berlin. Je réponds à cela, que je me suis trouvé l'instant, qu'il est tombé malade à la campagne et malade de la fièvre moi-même et que me trouvant à Zarskoe Sélo je ne pouvais point sans de grands embarras aller en ville, comme vous deviez le savoir aussi bien que moi; le voyage étant un secret je ne pouvais en parler à qui que ce soit et encore moins étant à 27 verstes du comte Panine». Сборникъ И. Р. И. О., т. 20-й, стр. 411.

Великая Княгиня Наталья Алексѣевна.

Съ портрета, находящагося въ Романовской галлереѣ Зимняго дворца.

А. И. Вильборгъ, СПБ. Мѣщ. 2.

и оттуда передъ взять до Мемеля, гдѣ опять его встрѣтить со всѣми отъ берлинскаго двора присланными нарочно для пріема особами, и потомъ уже ѣхать до Берлина вмѣстѣ съ его императорскимъ высочествомъ, гдѣ великій князь самъ увидить принцессу Доротею Виртембергскую. Если ему полюбится, то тамъ и помолвить изволитъ, а пробывъ недѣли двѣ, въ обратный путь вступить. Графиня Екатерина Михайловна Румянцова отправится къ надлежащему времени въ Ригу для принятія той принцессы и привезетъ ее сюда, яко невѣсту великаго князя».

Въ теченіе всего этого путешествія, предпринятаго цесаревичемъ, между нимъ и императрицею происходила самая оживленная переписка, позволяющая слѣдить шагъ за шагомъ за всѣми впечатлѣніями, вынесенными великимъ княземъ на пути къ прусской столицѣ и во время пребыванія его при дворѣ Фридриха Великаго.

Первая болѣе продолжительная остановка цесаревича имѣла мѣсто въ Ригѣ, гдѣ онъ нашелъ въ военномъ вѣдомствѣ «страшные безпорядки (des désordres affreux)», которые, по его мнѣнію, могли бы привести рано или поздно къ весьма дурнымъ послѣдствіямъ. Павелъ Петровичъ, обрадовавшись подобному открытію, не замедлилъ донести о замѣченныхъ неустройствахъ императрицѣ; въ глазахъ великаго князя все это могло только служить подтвержденіемъ взглядовъ, выраженныхъ имъ ранѣе въ знаменитомъ «Разсужденіи». Въ письмѣ къ барону К. И. Сакену цесаревичъ объяснялъ причину высказаннаго имъ тогда открыто неудовольствія соображеніями, имѣющими нѣсколько трагическій характеръ и едва ли вполнѣ умѣстными въ упоминаемомъ случаѣ.

«Еслибы я нуждался въ политической партіи», писалъ цесаревичъ, «я могъ бы умолчать о подобныхъ безпорядкахъ, чтобы пощадить извѣстныхъ лицъ; но будучи тѣмъ, что я есмь, я не могу имѣть ни партіи, ни интересовъ, кромѣ интересовъ государства, а при моемъ характерѣ тяжело видѣть, что дѣла идутъ вкривь и вкось, въ особенности же, что причиною тому являются небрежность и личные виды. Я предпочитаю быть ненавидимымъ за правое дѣло, чѣмъ любимымъ за дѣло неправое» [1].

Екатерина, отвѣчая цесаревичу, старалась успокоить его, обѣщала разслѣдовать замѣченные непорядки, но прибавила не лишенное юмора заключеніе: «Сердцемъ, конечно, жалѣю о подобныхъ нестройностяхъ и давно знаю пословицу, что въ большой семьѣ безъ урода не бываетъ».

[1] «Si j'étais dans le cas d'avoir besoin d'un parti, alors j'aurais pu me taire sur de pareils désordres, pour ménager certaines personnes, mais étant ce que je suis, je ne peux avoir ni parti, ni intérêt, que celui de l'Etat, et il est dur de voir avec mon caractère, que les choses vont de travers et surtout que la négligence et des vues personnelles en sont la cause; j'aime mieux être haï en faisant bien, qu'aimé en faisant mal». Сборникъ И. Р. И. О., т. 20-й, стр. 412. (Письмо цесаревича отъ 4-го (15-го) февраля 1777 года).

Императрица воспользовалась также случаемъ, чтобы кстати заговорить о вредѣ подражанія прусскому королю, при чемъ, по ея мнѣнію, оказывалось, что, «заимствуя у другихъ, не всегда сходственно пользѣ своей поступаемъ». Подобное дружеское предостереженіе казалось, вѣроятно, Екатеринѣ неизлишнимъ въ виду того неизбѣжнаго увлеченія прусскими порядками, котораго она ожидала со стороны великаго князя.

Изъ Риги Павелъ Петровичъ отправился въ дальнѣйшій путь въ Берлинъ черезъ Митаву, Мемель и Кёнигсбергъ [1]. Весь переѣздъ по прусскимъ владѣніямъ являлся сплошнымъ тріумфальнымъ шествіемъ, которое могло вскружить голову и произвести неизгладимое впечатлѣніе и на болѣе хладнокровнаго путешественника, чѣмъ цесаревичъ, не привыкшій служить предметомъ такого вниманія [2].

10-го (21-го) іюля совершился торжественный въѣздъ наслѣдника русскаго престола въ Берлинъ. При встрѣчѣ съ Фридрихомъ Великимъ во дворцѣ цесаревичъ обратился къ нему съ привѣтственною рѣчью, въ которой между прочимъ сказалъ, что онъ достигъ того, чего уже давно желалъ, «видѣть величайшаго героя, удивленіе нашего вѣка и удивленіе потомства». Король отвѣчалъ, что онъ не заслуживаетъ похвалъ, что онъ только бѣдный, хворый, сѣдовласый старецъ, обрадованный пріѣздомъ сына лучшаго своего друга, великой Екатерины [3].

О пребываніи своемъ при прусскомъ дворѣ цесаревичъ писалъ императрицѣ 11-го (22-го) іюля:

«Вчера въ вечеру пріѣхалъ благополучно, гдѣ я и былъ принятъ съ такими почестями, съ какими, какъ сказываютъ, ни одинъ изъ коронованныхъ главъ не былъ принятъ. Королю вручилъ письмо вашего величества и повелѣнія ваши къ нему исполнилъ; онъ мнѣ на сіе отозвался, что ваше величество не можете имѣть человѣка привязаннѣе и благодарнѣе его; послѣ того былъ у королевы и видѣлъ всѣхъ принцессъ, судите о моемъ состояніи. Потомъ былъ куръ и концертъ, на которомъ я игралъ въ пикетъ съ королевою; послѣ сего былъ ужинъ,

[1] Почему-то первое впечатлѣніе, вынесенное цесаревичемъ при видѣ въ Кенигсбергѣ столь прославленныхъ прусскихъ войскъ, было неблагопріятно; онъ писалъ даже по этому поводу императрицѣ: «славны бубны за горами». Но это разочарованіе вскорѣ уступило мѣсто другимъ впечатлѣніямъ. Въ Берлинѣ, подъ окомъ короля, все представилось въ другомъ видѣ, и впечатлѣніе, оставленное въ умѣ великаго князя прусскими войсками и маневрами, никогда не изгладилось. Съ тѣхъ поръ прусскія войска сдѣлались для Павла Петровича идеаломъ, къ достиженію котораго онъ рѣшился неуклонно вести русскія войска.

[2] «Ce fut une fête perpetuelle depuis les frontières jusqu'à Berlin, où le luxe et le goût se disputèrent, lequel des deux honorerait le plus cet illustre étranger», писалъ о путешествіи цесаревича Фридрихъ II. Oeuvres de Frédéric le Grand. Berlin, 1847. T. 6, p. 121.

[3] Friedrich der Grosse. Eine Lebensgeschichte von Preuss. Berlin, 1834. B. 4, p. 55.

гдѣ я сидѣлъ между ею и королемъ. Король со мною много говорилъ и вертѣлъ меня съ разныхъ сторонъ. Историческое описаніе окончивъ, донесу о другомъ. Вчера, какъ скоро, пріѣхавъ, взошелъ къ себѣ въ покои, то пришелъ ко мнѣ будущій мой тесть съ двумя сыновьями своими; я нашелъ его въ такихъ расположеніяхъ, какихъ я описать не могу: мы оба со слезами говорили довольно долго. Вашему величеству извѣстны расположенія сердца моего, съ какими поѣхалъ, но за долгъ считаю вамъ первой открывать всегда самыя скрытныя чувства сердца своего и за первое удовольствіе оное поставляю. Я нашелъ невѣсту свою такову, какову только желать мысленно себѣ могъ: не дурна собою велика, стройна, незастѣнчива, отвѣчаетъ умно и расторопно, и уже извѣстенъ я, что естьли она сдѣлала дѣйство въ сердцѣ моемъ, то не безъ чувства и она съ своей стороны осталась. Сколь счастливъ я, всемилостивѣйшая государыня, естьли, вами будучи руководимъ, заслужу выборомъ своимъ еще болѣе милость вашу. Отецъ и мать не таковы снаружи, каковыми ихъ описывали: первый не хромаетъ, а другая сохраняетъ еще остатки пріятства и даже пригожества. Дайте мнѣ свое благословеніе и будьте увѣрены, что всѣ поступки жизни моей обращены заслужить милость вашу ко мнѣ. Принцъ (Генрихъ) мнѣ столько дружбы и пріязни оказываетъ, что я не знаю, чѣмъ за оное ему воздать: онъ снисходитъ до самыхъ мелочей и забываетъ почти санъ свой. Корнетъ Говенъ, котораго я посылаю, можетъ донести изустно о многомъ, касающемся до путешествія нашего, ибо ни времени не имѣю о семъ вамъ самъ донести, будучи занятъ чувствами различными сердца моего. Препоручаю себя и будущую свою въ милость вашего величества, послушный сынъ и вѣрноподданный».

13-го (24-го) іюля великій князь сообщилъ императрицѣ о сговорѣ своемъ съ принцессою виртембергскою слѣдующимъ письмомъ:

«Богъ благословляетъ всѣ намѣренія ваши, ибо благословляетъ онъ всегда добрыя. Вы желали мнѣ жену, которая бы доставила намъ и утвердила домашнее спокойство и жизнь благополучную. Мой выборъ сдѣланъ, и вчера по рукамъ ударили; припадаю съ симъ къ стопамъ вашимъ и съ тою, которая качествами своими и расположеніями пріобрѣтетъ милость вашу и будетъ новымъ домашнимъ союзомъ. Препоручаю невѣсту свою въ милость вашу и прошу о сохраненіи ея ко мнѣ. Что касается до наружности, то могу сказать, что я выборомъ своимъ не остыжу васъ; мнѣ о семъ дурно теперь говорить, ибо, можетъ быть, пристрастенъ, но сіе гласъ общій. Что же касается до сердца ея, то имѣетъ она его весьма чувствительное и нѣжное, что я видѣлъ изъ разныхъ сценъ между роднею и ею. Умъ солидный ея примѣтилъ и король самъ въ ней, ибо имѣлъ съ ней о должностяхъ ея разговоръ, послѣ котораго мнѣ о семъ отзывался; не пропускаетъ она ни одного

случая, чтобъ не говорить о должности ея къ вашему величеству. Знанія наполненна, и что меня вчера весьма удивило, такъ разговоръ ея со мною о геометріи, отзываясь, что сія наука потребна, чтобъ пріучиться разсуждать основательно. Весьма проста въ обращеніи, любить быть дома и упражняться чтеніемъ или музыкою, жадничаетъ учиться по-русски, зная, сколь сіе нужно и помня примѣръ предмѣстницы ея [1]. Король столь чувствуетъ дружбу вашу къ нему, что говорилъ, что онъ бы кровью и жизнію хотѣлъ вамъ заплатить и со слезами о семъ говоритъ. Сколь прискорбно мнѣ, что ваше величество не можете участвовать и сами и видѣть чувствительность и радость общую, съ правомъ участвовать и дѣлить съ вами чувства свои, и такъ грущу, что теперь онаго не могу. Фамилія невѣсты моей столь вамъ благодарна, что не могутъ безъ слезъ о васъ вспомнить».

Въ письмѣ къ матери отъ 20-го (31-го) іюля цесаревичъ сообщалъ еще слѣдующія дополнительныя свѣдѣнія о пребываніи своемъ въ Берлинѣ:

«Здѣсь приняты всѣ тѣ, которые имя русскаго носятъ, съ таковою отличностію, зачиная съ меня, каковой изъяснить невозможно. Король со мною говорилъ осьмой день о разномъ и щупалъ меня со всѣхъ сторонъ и при всякомъ случаѣ изъяснялся съ слезами почти, говоря о вашемъ величествѣ и о привязанности его къ вамъ. Подарилъ онъ мнѣ перстень отмѣнной величины съ портретомъ своимъ и восемь лошадей. Новая фамилія моя подвергаетъ себя къ стопамъ вашего величества. Невѣста моя ежечасно спрашиваетъ у меня, чѣмъ заслужить можетъ милость вашу къ себѣ, навѣдывается о всѣхъ, касательно до будущаго своего состоянія, и показываетъ отмѣнную жадность къ русскому языку, даже до того, что знаетъ уже азбуку наизусть. Примѣръ покойницы и доброе ея сердце весьма сильно дѣйствуютъ къ ней при семъ случаѣ. Я надѣюсь, что ваше величество сами изволите все сіе найтить, ибо отъ меня въ сію минуту можетъ сіе показаться пристрастнымъ. Имя ваше здѣсь въ такомъ почтеніи, какого изъяснить нельзя, и радость въ сію минуту по причинѣ того, что изволили меня сюда отправить, неописанна, и вы не изволите повѣрить всему тому, что я вамъ о семъ изустно донесу. Министры французскій и австрійскій дуются и распу-

[1] Во время берлинскихъ празднествъ выказалась одна господствующая черта характера будущей великой княгини Маріи Θеодоровны: тщеславіе. Это видно изъ письма ея къ своей подругѣ, баронессѣ Оберкирхъ, въ которомъ принцесса Софія-Доротея, извѣщая о своей помолвкѣ, съ особеннымъ удовольствіемъ оттѣняетъ слѣдующее обстоятельство: «J'ai eu le pas sur toutes les princesses et altesses impériales». Уже послѣ этого важнаго сообщенія принцесса продолжаетъ: «J'ose me flatter d'être très aimée de mon cher promis, ce qui me rend bien, mais bien heureuse». Mémoires de la baronne d'Oberkirch. Paris, 1853. T. 1, p. 74.

стили про насъ слухъ, не будучи въ состояніи про меня много сказать, какъ что я горбатъ, но думаю, что теперь перестали о семъ говорить..... Я ѣду отсюда въ будущій понедѣльникъ чрезъ Рейнсбергъ, невѣста моя послѣдуетъ за мною дней чрезъ пять».

Императрица осталась въ восторгѣ отъ счастливаго исхода путешествія, предприпятаго цесаревичемъ, и отвѣчала ему истинно материнскими прочувствованными строками:

«Спѣшила я раскрыть ваши два письма и ихъ съ необычайнымъ чувствомъ сердечнымъ веселья и нѣжности читала, нашедъ въ нихъ совокупленно съ другимъ извѣстіемъ, о которомъ меня увѣдомляете, множество знаковъ вашей ко мнѣ любви и привязанности, за которые премного вамъ благодарю. Богъ да благословитъ къ вѣчному нашему спокойствію сей новый вашъ союзъ, съ которымъ васъ поздравляю; признаюсь, что радостныхъ движеній до такой степени при первомъ вашемъ бракѣ не чувствовала, нынѣшнія же почитаю, не токмо какъ благопредсказаніе сердца моего, но еще какъ произведенныя отъ исполненія давнишняго моего желанія, имѣвъ отъ 1767 сію принцессу всегда въ умѣ и предметѣ; таковое мое вамъ извѣстное къ невѣстѣ вашей расположеніе не можетъ инако, какъ умножено быть ея драгими качествами, кои вы столь живо мнѣ описываете, и отовсюду слуху моему мнѣ подтверждаются. Наидружественнѣйшіе сентименты короля и всей фамиліи соотвѣтствуютъ совершенно моему желанію и ожиданію взаимности. Сожалѣю съ вами, что не можно мнѣ было на мѣстѣ видѣть и дѣлить чувствительность и радость общую; что же обо мнѣ вспомнили и тутъ, сіе мнѣ есть наивящій знакъ вашей ко мнѣ любви и добросердечной пріязни, за что вамъ премного спасибо и мысленно обнимаю васъ не единожды..... Я сей день пишу къ предмету вашего сердца, и сентименты ея ко мнѣ весьма мнѣ пріятны; каковы же мои къ ней, доказывается и докажу самымъ дѣломъ, о чемъ прошу ея увѣрить.—Бога прошу о благополучномъ обратномъ пути вашемъ..... а вы въ добромъ здоровьи и въ душевномъ совершенномъ спокойствіи совершайте свой путь и къ намъ возвратитеся благополучно съ любезною вашею невѣстою, которая отъ всѣхъ хвалима по слухамъ, до насъ доходящимъ».

Приведемъ здѣсь еще нѣсколько строкъ изъ отвѣта императрицы на письмо цесаревича отъ 20-го (31-го) іюля изъ Берлина.

«Письма ваши меня веселятъ, ибо вижу, что вы въ пути вашемъ здоровы и благополучны, и что я вамъ доставила случай весело и съ удовольствіемъ время проводить; утѣшеніемъ же наипаче сердцу моему есть ваше ласковое ко мнѣ расположеніе, кое при всякомъ случаѣ мнѣ изъявляете съ чувствительностію. Богъ да благословитъ васъ и обратный путь вашъ. Жду тебя нетерпѣливо, любопытно узнать изъ устъ вашихъ всѣ подробности сего путешествія. Признаюсь чистосердечно, что само-

любію моему льститъ безмѣрно честь неупадающаго въ свѣтѣ русскаго имени. Весьма признательна королю за изъявленіе при всякомъ случаѣ его ко мнѣ дружбы... Понеже принцесса выучилась въ Берлинѣ русской азбукѣ, то надѣюсь, что Пастухову убавитъ заботу въ ученіи [1]; все, что объ ней слышу, есть удовольствительно; желаю наскорѣе съ нею ознакомиться; сіе желаніе, какъ знаешь, во мнѣ не снова поселено. Плевелы завистниковъ злодѣевъ сами собою упадутъ, въ томъ числѣ и тѣ, о коихъ вы пишете, что объ васъ разсѣивали; пора бы имъ отстать отъ правилъ de Basile dans le barbier de Séville».

Наконецъ, исчерпаны были всѣ торжества и увеселенія, которыми король ознаменовалъ пребываніе цесаревича въ Берлинѣ. Насталъ часъ разлуки, и въ эту трогательную минуту разыгралась заключительная сцена, во время которой союзъ Россіи съ Пруссіею закрѣпленъ былъ клятвою въ вѣчной дружбѣ между двумя наслѣдниками, русскимъ и прусскимъ, въ присутствіи самого Фридриха Великаго [2]. Впослѣдствіи король Фридрихъ-Вильгельмъ II напомнилъ о клятвѣ императору Павлу I, въ письмѣ отъ 8-го (19-го) декабря 1797 года, въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

«Передъ моимъ взоромъ въ особенности воскресаетъ интересная сцена, во время которой мы поклялись другъ другу въ вѣчной дружбѣ, руководимые совѣтами почтеннаго старца, столь глубоко изучившаго относительное значеніе политическихъ системъ Европы. (J'ai surtout encore présente à mes yeux cette scène intéressante, où guidés par les avis du respectable vieillard, qui avait si bien approfondi la convenance des systèmes de l'Europe, nous nous jurâmes une amitié éternelle»).

Эта клятва, которую благословилъ Фридрихъ Великій, не привела, однако, къ желаемой цѣли. Правда, нельзя не признать, что при жизни императрицы Екатерины, когда она предпочла австрійскій союзъ прусскому, цесаревичъ, не стѣсняясь чувствомъ долга, поддерживалъ тайныя сношенія съ прусскимъ королемъ, дѣйствуя въ этомъ случаѣ наперекоръ матери и подражая отцу. Но затѣмъ, когда Павелъ Петровичъ сдѣлался самодержавнымъ императоромъ, онъ сталъ уже другими глазами смотрѣть на взаимныя отношенія державъ и быстро охладѣлъ къ Пруссіи. Лишь значительно позже сынъ его, Александръ I, воскресилъ забытыя преданія 1776 года и скрѣпилъ новою клятвою вѣчную дружбу съ Пруссіею; на этотъ разъ сцена разыгралась уже надъ

[1] Статскій совѣтникъ Пастуховъ былъ предназначенъ императрицею для занятій съ невѣстою цесаревича русскимъ языкомъ.

[2] «Friedrich der grosse übte den ganzen Zauber seiner Persönlichkeit; mit dem preussischen Thronfolger beschwor der russische unter den Augen des Königs ein ewiges Freundschafts-Bündniss». Hüffer: Der rastatter Congress und die zweite Coalition. Bonn, 1879, t. 2, p. 4.

гробомъ Фридриха Великаго въ Потсдамскомъ склепѣ, и произошла она въ 1805 году. Обѣ клятвы олицетворяютъ двѣ различныя между собою эпохи: одна—время Екатерининской славы, другая—канунъ Аустерлица, завершившійся небывалымъ разгромомъ русской арміи; сопоставленіе этихъ двухъ эпохъ можетъ навести на размышленіе критиковъ екатерининской политики и сторонниковъ военнаго возрожденія Россіи, осуществленнаго Павломъ Петровичемъ!

Намъ остается еще упомянуть, какое впечатлѣніе произвелъ цесаревичъ на Фридриха Великаго, и какое сужденіе высказалъ о немъ король-философъ. Полной истины нельзя искать въ изліяніяхъ утонченной лести, наполняющихъ собою письма, которыми обмѣнивался Фридрихъ II съ Екатериною. Для подтвержденія сказаннаго достаточно привести выдержки изъ двухъ писемъ короля отъ 12-го (23-го) іюля и 24-го іюля (4-го августа) 1776 года.

«Могу васъ завѣрить», писалъ Фридрихъ, «что онъ (великій князь) восхищаетъ сердце всѣхъ, что онъ пожинаетъ должныя ему одобренія, а что касается меня лично, то я причисляю къ величайшимъ одолженіямъ, какими обязанъ вашему величеству, то, что вы доставили мнѣ возможность познакомиться съ принцемъ, преисполненнымъ столькихъ совершенствъ»..... «Его обхожденіе, его чувства, добродѣтели восхитили мое сердце, и, еслибы даже онъ былъ рожденъ въ самой скромной долѣ, онъ все-таки пріобрѣлъ бы мою дружбу и мое уваженіе. Могу безъ преувеличенія увѣрить ваше императорское величество, что этотъ милый принцъ превзошелъ ожиданія всѣхъ тѣхъ, кто имѣлъ счастіе приближаться къ нему. Я смотрѣлъ на него, какъ на священный залогъ, который ваше величество благоволили довѣрить моей вѣрности и ненарушимой преданности къ вашей особѣ» [1].

Въ своихъ историческихъ трудахъ Фридрихъ ближе подошелъ къ истинѣ и начерталъ совершенно иную характеристику своего высокаго гостя, выводы которой можно назвать пророческими. Король писалъ:

«Мы не можемъ пройти молчаніемъ сужденіе, высказанное знатоками относительно характера этого молодого принца. Онъ показался гордымъ, высокомѣрнымъ и рѣзкимъ (altier, haut et violent), что заставило тѣхъ, которые знаютъ Россію, опасаться, чтобы ему не было трудно

[1] «Je peux l'assurer qu'il enlève tous les coeurs, qu'il recueille les applaudissements qui lui sont dus et qu'en mon particulier je range au nombre des plus grandes obligations, que je dois à votre majesté, de m'avoir procuré la connaissance d'un prince aussi accompli».. ...«Ses manières, ses sentiments, ses vertus m'ont ravi le coeur, et quand même il serait né dans la plus humble fortune, il attirerait toutefois mon amitié et mon estime. Je puis assurer sans exagération à votre majesté impériale que ce prince aimable a surpassé l'attente de tous ceux qui ont eu le bonheur de l'approcher. Je l'ai considéré comme un dépôt sacré que votre majesté a daigné confier à ma fidélité et à mon attachement inviolable pour sa personne». Сборникъ И. Р. И. О., т. 20-й, стр. 358 и 361.

удержаться на престолѣ, на которомъ, будучи призванъ управлять народомъ грубымъ и дикимъ (dure et féroce), избалованнымъ къ тому же мягкимъ управленіемъ нѣсколькихъ императрицъ, онъ можетъ подвергнуться участи, одинаковой съ участью его несчастнаго отца»[1].

Очевидецъ берлинскихъ празднествъ, Тьебо, замѣчаетъ въ своихъ запискахъ, что всѣ были поражены манерою великаго князя кланяться. «Вообще высокопоставленные люди наклоняются очень мало, если они отвѣчаютъ на поклонъ другихъ; они предоставляютъ намъ сгибать все тѣло, но, по крайней мѣрѣ, и они немного наклоняютъ голову. Великій же князь поступалъ прямо наоборотъ: онъ взглядывалъ на тѣхъ, которые ему кланялись, и, не наклоняя головы, поднималъ ее еще выше; однимъ словомъ, онъ предоставлялъ себѣ только вторую часть поклона, который, такимъ образомъ, походилъ у него на какое-то проявленіе владычества (qui de cette sorte ressemblait chez lui à un acte de domination). Я скажу еще, что онъ говорилъ очень мало, и нельзя привести ни одного слова, имъ сказаннаго»[2].

Пребываніе цесаревича въ Берлинѣ сопровождалось для него неизгладимыми впечатлѣніями; дремавшія въ немъ думы, неясныя стремленія, оживились и выступили въ его воображеніи уже въ живыхъ образахъ; вмѣстѣ съ тѣмъ усилилось пристрастіе великаго князя къ Пруссіи, усилилась страсть къ милитаризму, съ потсдамскою окраскою.

По словамъ одного изъ очевидцевъ Павловскаго царствованія, «ничто не могло сравняться съ тѣмъ вредомъ, какой причинили Павлу Петровичу прусская дисциплина, выправка, мундиры и т. п., словомъ, все, что напоминало о Фридрихѣ Великомъ».

Между тѣмъ Екатерина всегда называла прусскую военную систему «обрядомъ неудобь-носимымъ». Съ подобнымъ взглядомъ цесаревичъ не могъ мириться, теперь менѣе, чѣмъ когда либо; напротивъ того, со времени поѣздки въ Пруссію, взгляды великаго князя въ извѣстномъ отношеніи еще болѣе обострились и привели къ еще большему разладу между матерью и сыномъ. Дѣйствительно, «въ Пруссіи все шло какъ бы волшебствомъ съ математическою точностью; король изъ своего Санъ-Суси командовалъ государствомъ и арміею, и всѣ второстепенные исполнители были не болѣе, какъ лица придаточныя. Стройность, порядокъ,

[1] «Nous ne devons pas passer sous silence le jugement que les connaisseurs portèrent du caractère de ce jeune prince. Il parut altier, haut et violent, ce qui faisait appréhender à ceux qui connaissent la Russie, qu'il n'eût de la peine à se soutenir sur le trône, où, devant gouverner une nation dure et féroce, et gâtée par le gouvernement mou de quelques impératrices, il aurait à craindre un sort pareil à celui de son malheureux père». Oeuvres de Frédéric le Grand. Berlin. 1847. T. 6. p. 122.

[2] Thiébault: Mes souvenirs de vingt ans de séjour à Berlin. Paris. 1804 (an XII). T. 3, p. 23.

единообразіе, строгая подчиненность производили какое-то обаятельное вліяніе на тѣхъ, кто пристальнѣе не вглядывался въ дѣло; и если вся Европа считала себя счастливою, подражая до послѣднихъ мелочей всѣмъ прусскимъ учрежденіямъ, то можно ли обвинять Павла Петровича за то, что онъ сдѣлался восторженнымъ поклонникомъ Фридриха II и приписывалъ только ненормальному положенію Россіи (гдѣ женщина была на тронѣ), что мы вели свои дѣла путемъ своеобразнымъ, не только не слѣдуя за общимъ потокомъ подражательности пруссакамъ, но даже съ пренебреженіемъ смотрѣли на обезьянство всей Европы» [1].

Такимъ образомъ съ 1776 года въ цесаревичѣ окончательно окрѣпли до того незыблемыя пруссофильскія убѣжденія, что Екатеринѣ предстояло уже считаться съ ними, какъ съ непреоборимымъ препятствіемъ.

Безъ поѣздки въ Берлинъ трудно было обойтись по семейнымъ и политическимъ обстоятельствамъ того времени, но едва ли можно предположить, чтобы Екатерина не предвидѣла сопряженнаго съ нею неизбѣжнаго зла; однако, отстраненіе этихъ дурныхъ послѣдствій, какъ и многое другое, случившееся ранѣе въ жизни Павла Петровича, выходило изъ предѣловъ власти императрицы.

II.

Разставшись съ Берлиномъ, цесаревичъ посѣтилъ еще принца Генриха въ его Рейнсбергскомъ замкѣ. Здѣсь Павелъ Петровичъ провелъ два дня въ обществѣ своей невѣсты. Восхищаясь ею, великій князь не забывалъ, однако, печальнаго опыта, вынесеннаго имъ изъ своего перваго супружества; руководясь этими мыслями, онъ при прощаніи съ невѣстою въ Рейнсбергѣ вручилъ ей письменное наставленіе, состоящее изъ четырнадцати пунктовъ, которому она должна была слѣдовать по прибытіи въ Россію [2]. Впослѣдствіи принцесса, сдѣлавшись уже русскою великою княгинею, написала на этомъ наставленіи слѣдующія строки:

«Благодаря Бога, оно мнѣ не понадобилось, такъ какъ моя привязанность къ нему (великому князю) всегда побуждала и всегда будетъ побуждать меня предупреждать его желанія; мужъ мой сознавъ самъ, что требованія, имъ предъявленныя, были внушены злополучнымъ опытомъ его перваго брака».

Цесаревичъ Павелъ Петровичъ, съ своей стороны, на той же бумагѣ написалъ:

[1] Лебедевъ: «Графы Никита и Петръ Панины», стр. 216—217.

[2] «Instruction que le grand duc avait projeté pour moi avant qu'il m'eut connu».

«Я не стыжусь въ этомъ предъ Богомъ и совершенно отказался отъ мыслей, внушенныхъ мнѣ моимъ злополучнымъ опытомъ. Я обязанъ сдѣлать это признаніе такой супругѣ, какъ моя, которая обладаетъ добродѣтелями и достоинствами, и которую я люблю всѣмъ сердцемъ».

Наставленіе, сочиненное Павломъ Петровичемъ, имѣетъ, безъ сомнѣнія, автобіографическій интересъ первостепенной важности [1]; приведемъ изъ него статьи, касающіяся императрицы Екатерины и поведенія принцессы по отношенію къ ней, а затѣмъ желательнаго обращенія ея съ цесаревичемъ.

«Принцесса, пріѣхавъ одна въ эту мало извѣстную и отдаленную страну», писалъ великій князь, «пойметъ, что ея собственная польза требуетъ, чтобы она сблизилась съ ея величествомъ и снискала ея довѣріе, дабы имѣть въ ней вторую мать и личность, которая будетъ руководить ею во всѣхъ ея поступкахъ безо всякихъ личныхъ видовъ и цѣлей. Въ отношеніи къ императрицѣ принцессѣ слѣдуетъ быть предупредительной и кроткой, не выказывать досады и не жаловаться на нее кому бы то ни было; объясненіе съ глазу на глазъ всегда будетъ наилучшее. Этимъ она избавитъ себя отъ многихъ интригъ и происковъ,

[1] Наставленіе великаго князя Павла Петровича было впервые напечатано въ русскомъ переводѣ Е. С. Шумигорскимъ въ «Русской Старинѣ» 1898 года, т. 93-й, стр. 247. Рукопись начинается перечисленіемъ краткаго содержанія четырнадцати статей наставленія, а затѣмъ уже слѣдуетъ подробное объясненіе каждой статьи.

1-я статья касается религіи, т. е. того, что надобно соблюдать по отношенію церковныхъ обрядовъ, обычаевъ и т. п.

2-я касается императрицы и поведенія принцессы по отношенію къ ней.

3-я касается желательнаго обращенія принцессы съ великимъ княземъ.

4-я касается русской публики, слѣдовательно, косвенно и репутаціи принцессы въ чужихъ краяхъ.

5-я касается русскаго народа, который легко можетъ быть оскорбленъ въ своихъ чувствахъ.

6-я касается русскаго языка и необходимыхъ свѣдѣній о Россіи.

7-я касается личнаго штата и прислуги принцессы.

8-я касается денегъ, гардероба и иныхъ расходовъ.

9-я касается довѣрія, какое принцесса должна имѣть къ супругѣ фельдмаршала (графинѣ Екатеринѣ Михайловнѣ Румянцовой).

10-я касается образа жизни вообще.

11-я касается тѣхъ лицъ, съ коими великій князь и принцесса могли сталкиваться въ обществѣ.

12-я касается образа жизни дома и лицъ, допущенныхъ въ домашній кружокъ.

Слѣдующимъ двумъ статьямъ великій князь придавалъ особо важное значеніе.

13-я. Никогда не вмѣшиваться ни въ какое дѣло, непосредственно не касающееся принцессы, тѣмъ болѣе ни въ какія интриги или пересуды.

14-я. Не принимать ни отъ кого, кромѣ лицъ, спеціально для того приставленныхъ, а тѣмъ болѣе отъ прислуги, никакихъ, хотя бы самыхъ ничтожныхъ совѣтовъ или указаній, не сказавъ предварительно объ этомъ великому князю.

которые не замедлятъ коснуться ея. Такъ какъ принцесса не можетъ имѣть никакихъ личныхъ цѣлей, то ей не придется что либо скрывать отъ ея величества. Поэтому она хорошо поступитъ, говоря ей откровенно все то, что у нея будетъ на душѣ; это (не говоря уже объ интригахъ) будетъ гораздо лучше для ея собственнаго спокойствія».

По поводу желательнаго обращенія съ нимъ принцессы великій князь писалъ:

«Я не буду говорить ни о любви, ни о привязанности, ибо это вполнѣ зависитъ отъ счастливой случайности; но что касается дружбы и довѣрія, пріобрѣсти которыя зависитъ отъ насъ самихъ, то я не сомнѣваюсь, что принцесса пожелаетъ снискать ихъ своимъ поведеніемъ, своей сердечною добротою и иными своими достоинствами, которыми она уже извѣстна. Ей придется прежде всего вооружиться терпѣніемъ и кротостью, чтобы сносить мою горячность и измѣнчивое расположеніе духа, а равно мою нетерпѣливость. Я желалъ бы, чтобы она принимала снисходительно все то, что я могу выразить иногда даже быть можетъ, довольно сухо, хотя и съ добрымъ намѣреніемъ, относительно образа жизни, умѣнья одѣваться и т. п. Я прошу ее принимать благосклонно совѣты, которые мнѣ случится ей давать, потому что изъ десяти совѣтовъ все же можетъ быть и одинъ хорошій, допустивъ даже, что остальные будутъ непригодны. Притомъ, такъ какъ я нѣсколько знаю здѣшнюю сферу, то я могу иной разъ дать ей такой совѣтъ или высказать такое мнѣніе, которое не послужитъ ей во вредъ. Я желаю, чтобы она была со мною совершенно на дружеской ногѣ, не нарушая однако приличія и благопристойности въ обществѣ. Болѣе того, я хочу даже, чтобы она высказывала мнѣ прямо и откровенно все, что ей не понравится во мнѣ; чтобы она никогда не ставила между мною и ею третьяго лица и никогда не допускала, чтобы меня порицали въ разговорѣ съ нею, потому что это не отвѣчаетъ тому разстоянію, которое должно существовать между особою ея сана и моего и подданнымъ».

Заключительнымъ двумъ статьямъ своего наставленія цесаревичъ придавалъ особенно важное значеніе; въ нихъ ясно видны слѣды вынесеннаго недавно горькаго опыта и огорченій, сопряженныхъ съ воспоминаніемъ о почившей великой княгинѣ. Въ подтвержденіе этого достаточно привести слѣдующее разсужденіе: «Необходимо, чтобы принцесса своимъ поведеніемъ сама устранила отъ себя всякія непріятности, снискавъ любовь общества, и никогда не вмѣшивалась ни въ какое дѣло, ея непосредственно не касающееся, тѣмъ болѣе, въ интриги и т. п. Для этого принцессѣ надобно держать себя со всѣми ровно, безъ малѣйшей фамильярности; это не дастъ возможности льстецамъ и людямъ, не въ мѣру угодливымъ, бесѣдовать съ нею, подъ видомъ преданности, о своихъ собственныхъ интригахъ или наговаривать на кого либо. Какъ только

она дозволитъ себѣ, изъ расположенія или хотя бы изъ вѣжливости, малѣйшую фамильярность или намекъ на откровенность, можно быть увѣреннымъ, что всегда найдутся люди, которые захотятъ этимъ воспользоваться и незамѣтнымъ образомъ вовлечь принцессу черезъ эту личность въ какія либо интриги, не говоря уже объ иныхъ опасностяхъ, могущихъ угрожать ей. Поэтому во всѣхъ отношеніяхъ было бы прекрасно, еслибы принцесса съ самаго начала внушила своимъ приближеннымъ уваженіе своимъ безупречнымъ поведеніемъ и тѣмъ упрочила себѣ будущее».

Изъ Рейнсберга цесаревичъ предпринялъ обратное путешествіе въ Россію. 8-го (19-го) августа онъ былъ въ Ригѣ, а 14-го (25-го) августа вечеромъ возвратился въ Царское Село, счастливый и довольный. Вслѣдъ за нимъ направилась въ свое новое отечество и принцесса Софія-Доротея; родители провожали дочь только до Мемеля. Здѣсь принцессу-невѣсту ожидала ея русская свита, посланная къ ней на встрѣчу императрицею. Это были: графиня Екатерина Михайловна Румянцова [1], фрейлины Алымова и Молчанова и статскій совѣтникъ Пастуховъ, бывшій преподаватель Павла Петровича, состоявшій въ то время въ кабинетѣ императрицы у принятія челобитенъ; послѣдній долженъ былъ служить переводчикомъ для принцессы, а также начать съ нею дорогою занятія русскимъ языкомъ.

Цесаревичъ выѣхалъ на встрѣчу къ своей невѣстѣ въ Ямбургъ и вмѣстѣ съ нею прибылъ въ Царское Село 31-го августа.

Наконецъ императрица увидѣла принцессу, которую поджидала съ такимъ нетерпѣніемъ! Появленіемъ своимъ Софія-Доротея совершенно оправдала мнѣніе, которое составила себѣ о ней Екатерина. Это неудивительно, если вспомнить, какими красками рисуетъ портретъ принцессы подруга ея баронесса Оберкирхъ. По ея словамъ, «она была хороша, какъ Божій день; высокаго для женщины роста, созданная для картины, она соединяла съ нѣжною правильностью чертъ лица въ высшей степени благородный и величественный видъ. Она рождена была для короны» [2].

Не менѣе восторженно отозвалась о принцессѣ Софіи-Доротеѣ сама Екатерина, сообщая о пріѣздѣ невѣсты г-жѣ Бьельке. Императрица писала:

[1] 14-го августа 1776 года графиня Румянцова писала мужу, фельдмаршалу Румянцову-Задунайскому, изъ Мемеля:

«Будущая наша великая княгиня обошлась очень ласково со мною и, повидимому, любезна очень, только у нея флюсъ, щека очень распухла и губа отъ безпокойства дороги, и до пятницы здѣсь пробудетъ». Письма графини Е. М. Румянцовой къ ея мужу. С.-Петербургъ, 1888, стр. 207.

[2] «Elle était belle comme le jour, de la grande taille des femmes, faite à peindre, et joignait à la délicate régularité des traits l'air le plus noble et le plus imposant. Elle était née pour le diadème». Mémoires de la baronne d'Oberkirch. Paris. 1853. T. I, p. 73.

«Признаюсь вамъ, что я пристрастилась къ этой очаровательной принцессѣ, пристрастилась въ буквальномъ смыслѣ слова; она именно такая, какую можно было желать: стройна какъ нимфа, цвѣтъ лица— смѣсь лиліи и розы, прелестнѣйшая кожа въ свѣтѣ; высокій ростъ, съ соразмѣрною полнотою, и легкость поступи. Кротость, доброта сердца и искренность выражаются у нея на лицѣ. Всѣ отъ нея въ восторгѣ, и тотъ, кто не полюбитъ ея, будетъ не правъ, такъ какъ она создана для этого и дѣлаетъ все, чтобы быть любимой. Словомъ, моя принцесса представляетъ собою все, чего я желала, и вотъ я довольна. Я всегда хотѣла ее получить; вотъ уже десять лѣтъ, какъ мои взоры устремлены на нее; когда, три года тому назадъ, надо было женить великаго князя, моей принцессѣ было только тринадцать лѣтъ. Въ послѣдніе три года я, какъ и слѣдовало быть, потеряла ее изъ виду. Но какъ только мѣсто очистилось, я потребовала свою принцессу; три дня спустя, я получаю извѣстіе, что она невѣста, и чья? Впродолженіе трехъ лѣтъ, по странной случайности, разстроилось пять предположеній объ ея замужествѣ, и все способствовало тому, чтобы мнѣ получить ее. Свадьба будетъ черезъ восемь дней послѣ того, какъ она приметъ православіе, и я надѣюсь, что сентябрь мѣсяцъ не пройдетъ безъ того, чтобы наши надежды съ этой стороны не сбылись» [1].

Въ письмѣ къ Гримму Екатерина также высказала полное свое удовольствіе и сообщила ему: «Знайте, что моя принцесса пріѣхала

[1] «Mon fils est arrivé en bonne santé et fort épris de sa princesse. Celle-ci l'a suivi, et elle est avec nous depuis mercredi passé; je vous avoue que je suis engouée de cette charmante princesse, mais engouée à la lettre: elle est précisement telle qu'on la voudrait: taille de nymphe, teint de lis et de rose, la plus belle peau du monde, grande et avec de la carrure, elle est légère; la douceur, la bonté de son coeur, la candeur sont répandues sur sa physionomie; tout le monde en est enchanté, et quiconque ne l'aimera pas, aura grand tort, car elle est née et fait tout pour l'être... En un mot, ma princesse est tout ce que je souhaitais, et me voilà contente. J'aurais voulu l'avoir de tout temps; il y en a dix que j'ai les yeux fixés sur elle; lorsqu'il fallut marier le grand duc, il y a trois ans, ma princesse n'en avait que treize. Depuis trois ans je l'avais comme de raison perdue de vue. Mais au moment que la place était vide, j'ai demandé ma princesse; trois jours après je reçois la nouvelle qu'elle est promise, et à qui? Pendant ces trois ans elle a manqué cinq partis par des hazards singuliers, et voilà que le tout a concouru à me la donner.—Dès qu'elle aura fait sa confession de foi, à huit jours de là la noce, et j'espère que le mois de septembre ne se passera pas sans que nos espérances de ce côté-là ne soient remplies». Сборникъ И. Р. И. О., т. 27-й, стр. 117—119.

Бывшаго жениха принцессы Софіи-Доротеи Екатерина преслѣдовала своими насмѣшками, и въ этомъ письмѣ посвящаетъ ему нѣсколько строкъ: «Imaginez-vous que ce vilain flandrin qui est bête comme une épingle qui devait l'épouser, ne la regrette pas; il n'était point sensible à tous ses charmes enchanteurs; il me semble que cela est caractéristique et qu'après ce trait on peut faire, sans se tromper, l'horoscope de ce garnement».

вчера вечеромъ, что съ первой же минуты она завоевываетъ всѣ сердца (elle prend d'emblée tous les coeurs), что она прелестна (charmante)». Въ томъ же письмѣ императрица называла ее столь же прекрасной, какъ Психея (ma princesse aussi jolie que Psyché), и признавалась, вмѣстѣ съ тѣмъ, своему «souffre douleur», что принцесса вскружила ей голову [1].

Всѣ были счастливы и довольны; даже иностранные дипломаты, всегда готовые воспроизводить въ своихъ донесеніяхъ всякое злословіе, должны были признать, что въ императорской семьѣ царствовало согласіе, которое никогда прежде не случалось замѣчать въ столь высокой степени. Объ этомъ внутреннемъ мирѣ можетъ свидѣтельствовать также слѣдующая записочка принцессы Софіи-Доротеи, посланная къ цесаревичу послѣ посѣщенія ея Екатериною:

«Императрица только что вышла отъ меня; Боже мой, какая она чудесная; я обожаю, до безумія люблю ее; это посѣщеніе доставило мнѣ такое большое удовольствіе, что я захотѣла тотчасъ же увѣдомить васъ о томъ, такъ какъ хочу раздѣлить съ моимъ дорогимъ княземъ всѣ мои хорошія мгновенія: маленькое слѣдствіе дружбы, которую я испытываю къ нему» [2].

Цесаревичъ препроводилъ эту записочку императрицѣ, сдѣлавъ на ней приписку: «Я посылаю вашему величеству результатъ посѣщенія, которое вы только что сдѣлали» [3].

Екатерина возвратила записочку сыну, приписавъ, съ своей стороны, на томъ же листѣ слѣдующія строки: «Я тоже сообщу вамъ о результатахъ и посѣщенія и письма—обоихъ васъ я люблю отъ всего сердца» [4].

Наступило счастливое время. Великій князь сіялъ радостью, императрица восхищалась, принцесса восторгалась.

Личныя чувства принцессы-невѣсты выразились въ письмѣ къ цесаревичу, проникнутомъ глубокой, самой сердечной къ нему привязанностью и любовью.

«Я не могу лечь, мой дорогой и обожаемый князь», писала Софія-Доротея, «не сказавши вамъ еще разъ, что я до безумія люблю

[1] Сборникъ И. Р. И. О., т. 23-й, стр. 59. (Письмо императрицы Екатерины отъ 1-го сентября 1776 года). Въ томъ же письмѣ Екатерина снова возвращается къ бывшему жениху принцессы Софіи-Доротеи и пишетъ: «Votre jeune homme ne savait ce qu'il faisait lorsqu'il quittait ma princesse sans regret».

[2] L'Impératrice vient de sortir de chez moi; mon Dieu, qu'elle est adorable, je vous jure que je l'adore, que je l'aime à la folie; cette visite m'a fait si grand plaisir, que j'ai d'abord voulu vous en avertir, puisque je veux partager avec mon cher prince tous mes bons moments: petit effet de l'amitié que j'ai pour lui.

[3] J'envoie à votre majesté le résultat de la visite qu'elle vient de faire.

[4] Je vous dirai aussi le résultat et de la visite et de la lettre, c'est que je vous aime tous les deux de tout mon coeur.

и обожаю васъ: моя дружба къ вамъ, моя любовь, моя привязанность къ вамъ еще болѣе возросли послѣ разговора, который былъ у насъ сегодня вечеромъ. Богу извѣстно, какимъ счастьемъ представляется для меня вскорѣ принадлежать вамъ; вся моя жизнь будетъ служить вамъ доказательствомъ моихъ нѣжныхъ чувствъ; да, дорогой, обожаемый, драгоцѣннѣйшій князь, вся моя жизнь будетъ служить лишь для того, чтобы явить вамъ доказательства той нѣжной привязанности и любви, которыя мое сердце будетъ постоянно питать къ вамъ. Покойной ночи, обожаемый и дорогой князь, спите хорошо, не безпокойтесь призраками (n'ayez pas des fantômes), но вспоминайте немного о той, которая обожаетъ васъ» [1].

На архіепископа Платона снова выпала задача преподавать православный законъ будущей супругѣ цесаревича. Дѣло двинулось впередъ настолько быстро, что 14-го сентября могло состояться мнропомазаніе принцессы Софіи-Доротеи, которая была наречена великой княжною Маріею Θеодоровною, а на другой день, 15-го сентября, совершено было обрученіе ея съ цесаревичемъ.

Великая княжна обратилась тогда къ цесаревичу съ письмомъ, впервые подписаннымъ ея новымъ именемъ «Marie Fedeorowna», слѣдующаго содержанія:

«Клянусь этой бумагой всю мою жизнь любить, обожать васъ и постоянно быть нѣжно привязанной къ вамъ; ничто въ мірѣ не заставитъ меня измѣниться по отношенію къ вамъ. Таковы чувства вашего на вѣки нѣжнаго и вѣрнѣйшаго друга и невѣсты» [2].

[1] Je ne puis me coucher, mon cher et adorable prince, sans vous dire encore une fois que je vous aime et adore à la folie: mon amitié pour vous s'est encore accrue depuis la conversation que nous avons eu ce soir. Dieu sait le bonheur que je me fais de vous appartenir bientôt, toute ma vie vous prouvera mes tendres sentiments: oui, cher, adorable, cherissime prince, toute ma vie ne servira qu'à vous donner des preuves de ce tendre attachement et amour que mon coeur aura toujours pour vous. Bonsoir, adorable et cher prince, dormez bien, n'ayez pas des fantômes, mais rêvez un peu à une personne qui vous adore». «D.»

Обширныя записки или дневники императрицы Маріи Θеодоровны, сожженныя, согласно послѣдней волѣ государыни, императоромъ Николаемъ Павловичемъ по кончинѣ ея въ 1828 году, лишаютъ исторію возможности выяснить, въ чемъ заключалась упомянутая въ письмѣ принцессы Софіи-Доротеи бесѣда, и какого рода были призраки (fantômes), терзавшіе въ ту пору неустанно работавшее воображеніе ея жениха. Вѣроятно, самая бесѣда и все прочее находилось въ связи съ тяжелымъ гамлетовскимъ положеніемъ великаго князя; тѣмъ болѣе приходится сожалѣть, что таинственная завѣса никогда не будетъ приподнята.

[2] Je jure par ce papier de vous aimer, de vous adorer toute ma vie et de vous être toujours tendrement attachée, et rien au monde me fera changer à votre égard. Ce sont là les sentiments de votre à jamais tendre et bien fidèle

amie et promise
Marie Fedeorowna.

Это не были одни мимолетныя слова, и клятва была сдержана въ полномъ ея объемѣ, безъ всякаго уклоненія и среди самыхъ тяжкихъ обстоятельствъ и испытаній, обрушившихся впослѣдствіи на Марію Өеодоровну.

Вполнѣ сознавая всю важность принятыхъ на себя обязательствъ по отношенію къ своему новому отечеству и желая, вмѣстѣ съ тѣмъ, угодить цесаревичу, великая княжна могла уже вскорѣ обрадовать его первымъ русскимъ письмомъ, которое воспроизведемъ здѣсь съ сохраненіемъ орѳографіи подлинника:

«Душа моя

«Я надѣюсь что вы будете мною довольны, когда вамъ сообшу перьвой мой переводъ съ французскаго на русской языкъ. Ето вамъ докажетъ сколько я стараюся вамъ во всемъ угодить, ибо любя русской языкъ, васъ я въ немъ люблю: я очень со жалѣю что не могу изъяснить всего того, что сердзе мое къ вамъ чувствуетъ и съ сожалѣниемъ оканчиваю сказавъ токмо вамъ что вы мнѣ всево дороже на свѣтѣ

«Марія»[1].

26-го сентября 1776 года совершилось бракосочетаніе цесаревича въ церкви Зимняго дворца, и дѣло, начатое при такой исключительной, можно даже сказать, трагической обстановкѣ, доведено было стараніями и умомъ императрицы Екатерины до благополучнаго конца.

Въ одномъ отношеніи, по крайней мѣрѣ, счастіе сопутствовало цесаревичу; семейная жизнь, обезпеченная отъ всякихъ случайностей, улыбнулась ему въ полной мѣрѣ.

Слѣдующая записочка великаго князя можетъ служить свидѣтельствомъ овладѣвшаго имъ счастливаго настроенія:

«Всякое проявленіе твоей дружбы, мой милый другъ, крайне драгоцѣнно для меня, и клянусь тебѣ, что съ каждымъ днемъ все болѣе люблю тебя. Да благословитъ Богъ нашъ союзъ такъ же, какъ Онъ создалъ его.

«П.»

(Tout témoignage de ton amitié, ma chère amie, m'est bien précieux et je te jure, que je t'aime tous les jours davantage. Que Dieu bénisse notre union comme il l'a formé. P.)».

[1] Письмо Маріи Өеодоровны свидѣтельствуетъ о томъ, съ какимъ прилежаніемъ великая княжна занялась изученіемъ русскаго языка. Въ этомъ отношеніи Екатерина не могла уже жаловаться на свою невѣстку, и дурной примѣръ, поданный великой княгиней Наталіей Алексѣевною, болѣе не повторился. Впослѣдствіи Марія Өеодоровна даже во французскихъ письмахъ дѣлала русскія приписки, зная, какое удовольствіе она доставитъ внимательнымъ отношеніемъ къ своимъ обязанностямъ обожаемому ею цесаревичу.

БОЖІЕЮ МИЛОСТІЮ
МЫ ЕКАТЕРИНА ВТОРАЯ,
ИМПЕРАТРИЦА И САМОДЕРЖИЦА
ВСЕРОССІЙСКАЯ,
И ПРОЧАЯ, И ПРОЧАЯ, И ПРОЧАЯ.

Объявляемъ во всенародное извѣстіе.

Всемогущій Богъ посѣтивый печалію домъ НАШЪ Императорскій по причинѣ кончины Государыни Великой Княгини НАТАЛІИ АЛЕКСѢЕВНЫ, нынѣ святымъ своимъ промысломъ отъялъ сѣтованіе отъ сердца НАШЕГО, вновь благословляя Вселюбезнаго НАШЕГО Сына и Наслѣдника Его Императорское Высочество Государя Цесаревича и Великаго Князя ПАВЛА ПЕТРОВИЧА вступить во вторый бракъ по желанію и соизволенію НАШЕМУ съ Свѣтлѣйшею Принцессою Виртембергъ Штутгардскою.

Поспѣшествуя сему благосочетанію, обручили МЫ въ сей день при собраніи особъ духовнаго и мирскаго чина въ придворной НАШЕГО зимняго дворца церькви Его Вселюбезнаго Сына НАШЕГО Государя Цесаревича и Великаго Князя ПАВЛА ПЕТРОВИЧА съ упомянутою Свѣтлѣйшею Принцессою Его Невѣстою воспріявшею сегожъ Сентября 14 числа въ день Воздвиженія честнаго и животворящаго Креста Господня благочестивую вѣру греческаго исповѣданія и нареченною при святомъ міропомазаніи МАРІЕЮ ѲЕОДОРОВНОЮ, при чемъ повелѣли Ея именовать Великою Княжною съ титуломъ Ея Императорскаго Высочества. О чемъ во всей НАШЕЙ Имперіи чрезъ сіе для всенароднаго извѣстія и публикуется.

Подлинный указъ за подписаніемъ ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА собственныя руки Сентября 15 дня 1776 года въ Санктпетербургѣ.

Печатанъ въ Санктпетербургѣ при Сенатѣ Сентября 16 дня 1776 года.

МАНИФЕСТЪ ПО ПОВОДУ ОБРУЧЕНІЯ ЦЕСАРЕВИЧА ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ ПАВЛА ПЕТРОВИЧА СЪ ВЕЛИКОЮ КНЯЖНОЮ МАРІЕЮ ѲЕОДОРОВНОЮ.

III.

Великая княгиня Марія Өеодоровна вообще не вмѣшивалась въ политику; къ тому же, она вовсе не была подготовлена къ подобнаго рода дѣятельности. Великая княгиня была только усердной заступницей за своихъ братьевъ и сестеръ, и, благодаря одушевлявшимъ ее нѣжнымъ родственнымъ чувствамъ, на этой почвѣ она невольно сталкивалась съ политикой [1]. Заботливость свою, на основаніи тѣхъ же родственныхъ чувствъ, она простирала на Пруссію и на высоко чтимаго и любимаго ею Фридриха II, своего благодѣтеля; поэтому Марія Өеодоровна всегда зорко стояла на стражѣ интересовъ Пруссіи и не упускала случая воспользоваться своимъ вліяніемъ на цесаревича, если этой родственной державѣ грозило съ чьей-либо стороны недоброжелательное отношеніе. Единомысліе между ними въ этомъ вопросѣ было полнѣйшее; мечтательный, сентиментальный взглядъ Маріи Өеодоровны на политику нашелъ себѣ сочувственный отзвукъ въ рыцарскихъ мысляхъ ея супруга, воображавшаго, что родственныя чувства могутъ быть переносимы и на политическую почву. Вскорѣ великокняжеской четѣ представился случай дѣйствовать въ такомъ смыслѣ, когда лѣтомъ 1777 года шведскій король Густавъ III посѣтилъ Петербургъ.

Къ величайшему огорченію Павла Петровича, король заговорилъ съ нимъ о Фридрихѣ Великомъ и его политикѣ съ явнымъ намѣреніемъ возстановить противъ него великаго князя. Густавъ III встрѣтилъ со стороны цесаревича рѣзкій отпоръ и сразу убѣдился, что съ этой стороны ему нечего искать сочувствія и поддержки своимъ политическимъ планамъ.

Графъ Никита Ивановичъ Панинъ отдыхалъ въ это время въ своемъ имѣніи Дугино, въ Смоленской губерніи, пожалованномъ ему Ека-

[1] Братья были призваны на службу въ Россію, и старшій изъ нихъ, принцъ Фридрихъ (впослѣдствіи первый виртембергскій король), причинилъ немало огорченій императрицѣ. Такимъ образомъ, примѣръ, данный въ свое время Екатериною, не нашелъ себѣ подражанія со стороны Маріи Өеодоровны; императрица имѣла единственнаго брата, котораго она пережила тремя годами, но она ни разу не допустила его въ Россію. Марія же Өеодоровна прекрасно пристроила двухъ сестеръ своихъ; младшая, Елисавета, какъ увидимъ ниже, вышла замужъ за эрцъ-герцога Франца, а Фредерика сдѣлалась женою принца Петра Голштинскаго. Изъ дѣтей послѣдней, Августъ, былъ впослѣдствіи великимъ герцогомъ Ольденбургскимъ, а Петръ женился въ 1809 году на великой княжнѣ Екатеринѣ Павловнѣ.

Императрица Екатерина не чувствовала особеннаго расположенія къ матери Маріи Өеодоровны, отличавшейся крайнимъ сентиментализмомъ, перешедшимъ отчасти къ дочери. Впослѣдствіи императрица выражалась, что не дастъ гривенника за расположеніе родителей своей невѣстки.

терпною въ 1773 году. Онъ попрежнему пользовался дружбою и довѣріемъ цесаревича, и эти чувства перешли также къ великой княгинѣ, спорившей иной разъ съ супругомъ, кто изъ нихъ больше любитъ графа [1]. Павелъ Петровичъ поспѣшилъ сообщить своему бывшему воспитателю о своемъ разговорѣ съ шведскимъ королемъ. Приведемъ здѣсь это замѣчательное письмо отъ 25-го іюня 1777 года, написанное въ Петергофѣ; въ этомъ письмѣ рыцарскія воззрѣнія цесаревича обрисовались съ полною искренностью, и поэтому оно должно быть признано драгоцѣннымъ матеріаломъ для характеристики Павла Петровича, какъ политическаго дѣятеля. Великій князь писалъ:

«По сіе время не писалъ къ вамъ, разсчитывая время пріѣзда вашего въ Дугино не прежде, какъ къ симъ числамъ. Всѣмъ сердцемъ желаю, чтобъ вы время свое препроводили здоровы и скорѣе къ намъ возвратились. Желанія сіи — слѣдствіе натуральное привязанности и дружбы моей къ вамъ, основанныхъ на благодарности.

«Теперь увѣдомляю васъ о довольно странной и примѣчанія заслуживающей конверсаціи, которую имѣлъ со мною король шведскій въ прошедшій понедѣльникъ. За нѣсколько денъ предъ симъ сдѣлалъ онъ мнѣ приватную визиту, которой я отвѣтствовалъ равномѣрною съ своей стороны. Сію самую здѣсь и буду описывать. Пришедъ къ нему и, послѣ обыкновенныхъ комплиментовъ, началъ говорить про офицеровъ и дворянство. Тутъ ничего примѣчанія достойнаго не замыкалось, кромѣ того, что когда на что-нибудь дѣлалъ свои примѣчанія или дѣлалъ заключенія, то всегда во всемъ приравнивалъ все къ Франціи. Сей разговоръ пресѣкшись, сталъ мнѣ говорить про родство и связь съ нами, говоря, что онъ знаетъ, кто его хотѣлъ съ Россіею поссорить, и кто его непріятель первый. Попрося его, чтобъ онъ мнѣ открылся, онъ мнѣ сказалъ, что то король прусской, и что онъ за вѣрно знаетъ, что инаго не ищетъ, какъ чтобъ отхватить шведскую Померанію. Я ему на сіе отвѣтствовалъ, что если и предполагать оному королю намѣреніе большихъ пріобрѣтеній, то конечно не съ сей стороны, по малости и

[1] Передавая въ одномъ изъ своихъ писемъ къ графу Никитѣ Ивановичу Панину (отъ 24-го іюня 1777 года изъ Петергофа) поклонъ цесаревича, великая княгиня прибавила: «nous nous disputons qui vous est le plus attaché, et je crois presque que c'est celle qui vous prie d'être persuadé des sentiments d'estime distingués avec lesquels je suis, monsieur, votre à jamais bien affectionnée amie». Въ припискѣ къ тому же письму Марія Θеодоровна замѣтила еще по поводу пріѣзда шведскаго короля: «Pensez-vous, cher comte, que le roi de Suède n'a eu que l'intention de brouiller notre cour avec celle de Prusse? Vous en verrez les détails dans la lettre du grand duc qui vient de me dire cet instant qu'il aurait le plaisir de vous écrire cet après midi. Il faut que je vous avoue que l'intention de cette majesté ne m'a pas fait grand plaisir; mais grâces au Ciel j'espère que ces conseils ne feront pas grand effet». («Русскій Архивъ» 1882 года, книга 1-я, стр. 398—399).

дурнотѣ земли въ сравненіи другихъ земель, окружающихъ его. Онъ замолчавъ мнѣ сказалъ, что онъ знаетъ хитрыя намѣренія сего государя и сколько онъ ненавидитъ его и что еслибы до войны дошло, то онъ конечно оную схватитъ. Здѣсь я ему примѣтилъ, что сіе будетъ со всякимъ, и что еслибы онъ, король, съ нами воевалъ, то бы отнялъ у насъ Финляндію, еслибы удалось, а мы у него остатокъ оной. Сказалъ я ему, что, можетъ быть, не ненависть, а нѣкоторая недовѣрка къ нему: ибо, какъ де вы сами мнѣ сознались, вы были въ конекціи съ Франціею. «Нѣтъ де», отвѣтствовалъ онъ мнѣ, «а онъ свои замыслы имѣетъ». На сіе я ему отвѣтствовалъ, что, не отнимая у него замысловъ его, я увѣренъ, что онъ злаго съ умыслу не сдѣлаетъ, и что, можетъ быть, я ошибаюсь по личной привязанности къ его дому и благодарности къ нему персональной, къ дому, какъ натуральному нашему союзнику, а къ персонѣ—по одолженіямъ, которыя я ему имѣю. Тутъ онъ съ жаромъ мнѣ сказалъ и покраснѣвъ: «Какой можетъ быть натуральной сей союзъ, puisque sa puissance est factice et qu'au bout du compte il n'est issu que de margrave de Brandenbourg? (Его сила покоится на искусственномъ основаніи, и, въ сущности, онъ произошелъ только отъ маркграфа Бранденбургскаго)». Je lui répondis à cela (я отвѣчалъ ему на это): «Et vous, sire, n'êtes-vous pas issu d'une famille particulière de Vasa? (Не произошли ли вы и сами, государь, изъ частнаго семейства Ваза)». Тутъ онъ замолчалъ, но спросилъ: «Mais quelles sont ces obligations personnelles que j'avais, sinon l'accueil qu'il m'a fait? (Но что это за личныя одолженія, которыя онъ оказалъ, за исключеніемъ сдѣланнаго мнѣ пріема?)».

— «Sire», lui répondis-je, «l'intérêt particulier que le roi a toujours pris à moi et surtout lors de mes deux mariages. Les souverains et les princes sont hommes, Sire. Malheur à ceux qui oublient les liaisons de sang et de reconnaissance qui les lient entre eux. Au bout du compte c'est mon parent», lui dis-je. (Государь, отвѣчалъ я, они заключаются въ томъ особенномъ участіи, которое принялъ онъ при заключеніи обоихъ моихъ браковъ. Государи и принцы суть тѣ же люди. Горе тѣмъ изъ нихъ, кто забываетъ узы крови и благодарности. Въ концѣ концовъ, это мой родственникъ, сказалъ я ему)».

— «Et mon oncle», me dit-il, «et je ne l'ai pas oublié. (И мой дядя,— сказалъ онъ,—и я этого не забылъ)».

«Тутъ разговоръ, упавъ на другое, кончился. Я разсуждаю о семъ такъ, что хотѣлъ онъ меня пощупать и сентименты мои; но жаръ завелъ его далѣе, нежели онъ и самъ хотѣлъ, что показываетъ великую étourderie (вѣтренность). А можетъ быть, такъ какъ вы сами изъ сего описанія видите, не хотѣлъ ли и понаговорить и чрезъ то меня отъ сего союза отклонить. Но какъ бы оно ни было, все сіе чести гостю

не дѣлаетъ, даже и авантирируясь въ такомъ разговорѣ: ибо онъ все начиналъ и заставлялъ меня непріятные и выпужденные отвѣты себѣ давать» [1].

Мѣсяцъ спустя, цесаревичъ снова писалъ графу Панину 29-го іюля изъ Царскаго Села:

«Съ несказаннымъ удовольствіемъ получилъ письмо ваше отъ 5-го іюля. Повтореніе пріятнаго намъ никогда скучнымъ не бываетъ; и такъ письмо ваше, содержащее знаки дружбы вашей ко мнѣ, которой доказательства столь часто я имѣлъ, мнѣ было весьма пріятно, тѣмъ больше, что продолженіе оной ко мнѣ есть и будетъ всегда мнѣ первымъ аттестатомъ у самаго себя: таковаго существа привязанность моя къ вамъ и притомъ вѣра къ поступкамъ вашимъ.

«Весьма пріятно мнѣ было видѣть, что наслаждаетесь вы, какъ хорошимъ здоровьемъ, такъ и присутствіемъ родни вашей; сожалѣю только, что не могу я быть на мѣстѣ князя Николая Васильевича, который къ вамъ ѣдетъ [2].

«Выше я помянулъ, что дружба ваша ко мнѣ самый лучшій для меня аттестатъ; сіе самое приложу я къ поведенію моему съ королемъ шведскимъ. Признаюсь, что мнѣ не непріятно было видѣть, что поступокъ мой въ разсужденіе его вамъ полюбился. Онъ отъ насъ уѣхалъ въ половинѣ текущаго мѣсяца и уже прибылъ къ себѣ; но не думаю, чтобъ онъ въ насъ и политикѣ нашей сдѣлалъ что-либо, а увидѣлъ, что тонъ французской человѣка не дѣлаетъ и задобрить не всегда можетъ, а особенно, гдѣ дѣло прямое, а не одни jolis mots et belles phrases. Наша братья балуемся отъ того самаго, что некому правды намъ говорить; но при случаѣ таковой визиты, какову онъ намъ сдѣлалъ, будучи ровный съ ровнымъ, правду скорѣе услышишь, а особливо какъ не впопадъ что сдѣлаешь, а исправленія надобно ожидать послѣ; ибо всегда все въ лучшее толковать должно».

Затѣмъ цесаревичъ переходитъ къ осужденію правленія Екатерины; эти строки письма его свидѣтельствуетъ о томъ, какимъ образомъ Павелъ Петровичъ съ графомъ Панинымъ привыкли разсуждать о современномъ положеніи дѣлъ, видя во всемъ одно дурное, достойное порицанія.

«Здѣсь у насъ ничего новаго нѣтъ», писалъ цесаревичъ; «все чего нибудь ждемъ, не имѣя ничего передъ глазами. Опасаемся, не имѣя страха; смѣемся не смѣшному и пр. Такъ судите, какъ могутъ дѣла дѣлаться, когда они зависятъ отъ людей, провождающихъ всю жизнь свою въ таковомъ положеніи, разстроивающемъ все» [3].

1 «Русскій Архивъ» 1882 года, книга 1-я, стр. 383—385.

2 Репнинъ.

3 «Русскій Архивъ» 1882 года, книга 1-я, стр. 385—386.

Такъ разсуждалъ въ 1777 году «вѣрный другъ» графа Никиты Ивановича Панина, встрѣчая въ немъ полную взаимность.

Павелъ Петровичъ простеръ свою дружбу къ Пруссіи до того, что счелъ даже необходимымъ предупредить Фридриха Великаго о разговорѣ съ Густавомъ III. «Я предупредилъ настоящаго героя. (C'est moi, qui ai averti le vrai héros)», написалъ цесаревичъ барону К. И. Сакену [1].

III.

Въ апрѣлѣ 1777 года великая княгиня могла уже сообщить цесаревичу радостное извѣстіе, которое должно было взволновать его до глубины души.

«Мой милѣйшій мужъ», писала великая княгиня, «матушка бранитъ меня за то, что я ничего не говорю ей о своемъ здоровьѣ, и настойчиво желаетъ, чтобы я что-нибудь сказала ей по этому поводу. Позволяете ли вы мнѣ сообщить ей объ имѣющихся подозрѣніяхъ, оговоривъ при этомъ, что это еще не навѣрно. Я боюсь, что если отложить сказать ей объ этомъ, она узнаетъ это отъ другихъ. Прощай, дорогой и обожаемый мужъ, я страстно люблю тебя» [2].

Надежда, высказанная великой княгиней, оправдалась; ожидаемое великое событіе должно было совершиться въ декабрѣ мѣсяцѣ.

«Сообщу вамъ хорошую вѣсть», писалъ цесаревичъ 3-го іюня архіепископу Платону, «услышалъ Господь въ день печали, послалъ помощь отъ Святаго и отъ Сіона заступилъ: я имѣю большую надежду о беременности жены моей. Зная ваши сентименты ко мнѣ и патріотическія ваши расположенія, сообщаю вамъ сіе, дабы вы вмѣстѣ со мною порадовались» [3].

Въ виду приближенія осени великокняжеской четѣ предстояла непріятная необходимость переѣхать изъ Царскаго Села въ Петербургъ и поселиться въ Зимнемъ дворцѣ [4]; городская жизнь сопровождалась нѣ-

[1] Сборникъ И. Р. И. О., т. 20-й, стр. 415 (письмо цесаревича отъ 23-го сентября (3-го октября) 1777 года).

[2] Mon chérissime mari, maman me gronde de ce que je ne lui parle pas de ma santé et veut absolument que je lui en dise quelque chose. Me permettez-vous que je lui fasse part des soupçons qu'on a, mais en lui disant qui cela n'est pas encore sûr. Je crains que si je diffère de lui en parler, elle l'apprendra par d'autres. Adieu, cher et adorable mari, je t'aime à la passion.

[3] «Русскій Архивъ» 1887 года, кн. 2-я, стр. 11.

[4] Лѣтомъ 1777 года Екатерина подарила невѣсткѣ землю по близости Царскаго Села, на которой съ этого года началъ воздвигаться Павловскъ. Даръ императрицы находился, вѣроятно, въ связи съ ожидавшимся въ декабрѣ того же года радостнымъ событіемъ.

которымъ неизбѣжнымъ стѣсненіемъ въ домашней жизни и потому не пользовалась особеннымъ сочувствіемъ ни со стороны цесаревича, ни со стороны его супруги, смотрѣвшихъ на пребываніе въ городѣ, какъ на тюремное заключеніе. Грустное настроеніе Маріи Ѳеодоровны, усугубленное еще ея беременностью, выразилось въ письмѣ ея къ графу Никитѣ Ивановичу Панину, написанномъ въ день выѣзда изъ Царскаго Села, 9-го сентября 1777 года.

«Признаюсь вамъ», писала великая княгиня, «я покидаю Царское Село съ живѣйшимъ чувствомъ сожалѣнія. Воздухъ свободы, которымъ дышатъ тамъ, принесъ мнѣ пользу, которую я не въ состояніи выразить; онъ принесъ также пользу въ физическомъ и нравственномъ отношеніяхъ моему обожаемому мужу. И мы покидаемъ все это, чтобы на восемь мѣсяцевъ запереть себя въ городѣ. Вы знаете, какъ мы тамъ стѣснены; поэтому предоставляю вамъ судить, любезный графъ, могутъ ли предстоящіе намъ восемь мѣсяцевъ стѣсненія не представляться страшными послѣ того, какъ мы дышали съ нѣкоторой долей свободы въ теченіе четырехъ мѣсяцевъ. Конечно, я чрезвычайно люблю нашъ прекрасный городъ Петербургъ, и я также охотно жила бы въ немъ, какъ и здѣсь, еслибы мы могли тамъ хоть нѣсколько болѣе дѣлать то, что намъ хочется; но, увы, вы знаете лучше меня, что это такое.

«Въ особенности, любезный графъ, пожалѣйте обо мнѣ: вы знаете, что ожидаетъ меня въ декабрѣ мѣсяцѣ. Не знаю—отчего, но я крайне опасаюсь этого времени, и я не могла бы объяснить—почему. Вы меня спросите: боюсь ли я умереть? Нѣтъ, такъ какъ я хорошо сложена, я здорова какъ нельзя болѣе, я крѣпка; эти три условія позволяютъ мнѣ надѣяться на самые счастливые роды. Слѣдовательно, я не этого боюсь, но чего же? Шесть недѣль заключенія, наконецъ, вообще вся обстановка наводятъ на меня паническій страхъ. Побраните меня, любезный графъ, я этого заслуживаю; я чувствую, что я смѣшна, но я всегда показываюсь вамъ такою, какова я въ дѣйствительности. Увы, я могу говорить столь откровенно только съ моимъ дорогимъ великимъ княземъ и съ вами; поэтому я вполнѣ подчиняюсь вашему суду. Ахъ, какъ вы будете бранить меня, я заранѣе умираю отъ страха.

«Слава Богу, великій князь совсѣмъ здоровъ и въ самомъ лучшемъ настроеніи духа, но опасается зимы наравнѣ со мною. Это огорчаетъ меня еще болѣе, и когда онъ высказываетъ мнѣ свои опасенія, я стараюсь забывать собственное безпокойство и пытаюсь рисовать ему все въ розовыхъ краскахъ» [1].

[1] «L'attachement que vous témoignez au grand duc et à moi, mon bien cher comte, ne peut que m'être infiniment sensible; mais nous croyons le mériter par les sentiments que nous vous portons et qui sont fondés sur l'estime et sur la reconnaissance. Je vois approcher avec un plaisir que je ne saurai vous dépeindre votre prompt retour, et j'espère

Мрачныя предчувствія, высказанныя Маріею Θеодоровною въ приведенномъ здѣсь письмѣ къ графу Никитѣ Ивановичу Панину, оправдались въ одномъ только отношеніи: едва цесаревичъ съ великой княгиней успѣли прибыть въ Зимній дворецъ, вечеромъ 9-го сентября [1], какъ началось страшное въ лѣтописяхъ Петербурга наводненіе 1777 года, которое на другой день, 10-го сентября, угрожало гибелью населенію столицы.

Въ ожиданіи семейной радости, предстоявшей въ декабрѣ мѣсяцѣ 1777 года, цесаревичъ съ супругою мечтали о новыхъ предстоявшихъ имъ обязанностяхъ. Мысли эти нашли себѣ выраженіе въ письмахъ великаго князя къ архіепископу Платону, свидѣтельствующихъ вмѣстѣ съ тѣмъ, насколько глубоко бывшій ученикъ его проникся святостью своихъ новыхъ обязанностей, какъ будущаго отца семейства.

que dans huit jours nous jouirons de la satisfaction de vous revoir. Vous nous trouverez dans la belle et grande ville de St.-Pétersbourg où nous allons nous cantonner aujourd'hui.

«Il faut que je vous avoue, mon cher comte, que je quitte Czarskoscello avec un bien vif regret. L'air de liberté qu'on y respire m'a fait un bien que je ne saurai exprimer; il en a fait moralement et physiquement à mon adorable mari. Eh bien, nous quittons tout cela pour aller nous enfermer pendant huit mois en ville. Vous savez combien nous y sommes gênés; ainsi je vous laisse à juger vous-même, mon cher comte, si l'aspect de huit mois de gêne n'est pas effrayant après avoir respiré avec assez de liberté pendant quatre mois. Certainement, j'aime infiniment notre bonne ville de Pétersbourg et j'y serai tout aussi volontier qu'ici, si on pouvait y faire un peu plus ce que nous voudrions; mais, hélas, vous savez mieux que moi ce que c'est.

«Surtout, mon cher comte, plaignez-moi: vous savez ce qui m'attend au mois de décembre. Je ne sais d'oú vient, mais je redoute ce temps extrêmement, et je ne saurai vous dire le pourquoi? Vous me demanderez: craignez-vous de mourir? Non, car je suis bien faite, je me porte au mieux, je suis robuste; toutes ces trois choses osent me faire espérer les plus heureuses couches du monde. Ce n'est donc pas cela que je crains, mais quoi donc? Les six semaines d'emprisonnement, enfin le tout ensemble me cause une frayeur panique. Grondez-moi, mon cher comte, je le mérite; je sens que je suis ridicule, mais toujours je me montre à vous telle que je suis. Hélas, je ne puis avoir ce ton de confiance qu'avec mon cher grand duc et avec vous: aussi je me soumets entièrement à votre jugement. Ah, que vous allez me gronder, je meurs de peur d'avance.

«Grâces au bon Dieu, le grand duc se porte au mieux, est de fort belle et bonne humeur, craignant l'hiver tout comme je le crains. Cela augmente ma peine encore, et lorsqu'il me dit ses appréhensions, j'oublie tout de suite les miennes et tâche de lui faire voir couleur de rose.

«Adieu, mon bien cher comte. Nous partons dans une couple d'heures, ce qui m'oblige d'abréger ma lettre ayant tout plein de choses à ranger. Je ne vous répète pas combien je vous estime: cela doit déjà être vieux pour vous».

«Русскій Архивъ» 1882 года. Книга 1-я, стр. 399—400.

[1] Императрица Екатерина также возвратилась 9-го сентября изъ Царскаго Села въ Петербургъ, но пріѣхала въ городъ ранѣе цесаревича, около полудня.

Въ октябрѣ 1777 года Павелъ Петровичъ писалъ Платону:

«Молите теперь Бога о подвигѣ, которымъ счастіе и удовольствіе мое усугубятся удовольствіемъ общимъ. Начало декабря началомъ будетъ отеческаго для меня званія. Сколь велико оное по пространству новыхъ возлагаемыхъ чрезъ сіе отъ Бога на меня должностей! Его рука мнѣ всегда видна была. Грѣшилъ бы, естьли бы при семъ случаѣ усумнился... Мы, слава Богу, здоровы и наслаждаемся взаимною дружбою и спокойствіемъ, происходящимъ отъ чистой совѣсти. Пожелайте и молите Бога, чтобъ Онъ намъ на вѣки ее сохранилъ, безъ чего ни пользы, ни славы быть не можетъ».

Въ письмѣ къ Платону отъ 25-го ноября великій князь еще разъ возвращался къ занимавшему его вопросу и писалъ:

«Благодарю васъ за доброе ваше о мнѣ мнѣніе. Стараться буду его вящще заслужить, а особливо исполненіемъ новыхъ должностей вступленіемъ чрезъ короткое время въ новое званіе, столь важное по отчету, которымъ всякой въ оnомъ долженъ, а особливо каждой, въ моемъ мѣстѣ находящійся. Помолитесь о мнѣ. Богъ, благословлявшій меня въ столь различныхъ случаяхъ, меня и при семъ да не оставитъ» [1].

Судьба готовила, однако, цесаревичу и въ этомъ дѣлѣ глубокое разочарованіе, нанесшее его родительскимъ чувствамъ ничѣмъ неизлѣчимую рану, болѣзненно отозвавшуюся на его душевномъ настроеніи; но пока онъ еще не подозрѣвалъ приближенія новаго горя и радостно ожидалъ приближавшейся развязки, продолжая наслаждаться сердечнымъ счастіемъ и семейнымъ миромъ. «Еслибы все прочее въ жизни моей соотвѣтствовало пріятностямъ внутренней моей, то бъ я былъ совершенно счастливъ», признавался цесаревичъ въ письмѣ къ графу Н. И. Панину [2].

Для подтвержденія справедливости высказаннаго цесаревичемъ признанія достаточно привести восторженное поздравительное письмо Маріи Ѳеодоровны [3], написанное ею 20-го сентября 1777 года.

«Живое, непосредственное чувство не можетъ быть выражено»,— писала великая княгиня:—«таково мое положеніе, мое драгоцѣннѣйшее сердце; въ этотъ день, когда увидѣлъ свѣтъ самый обожаемый, самый любимый изъ мужей, моя душа преисполнена радостью, удовлетвореніемъ, счастіемъ, и, несмотря на всѣ мои усилія, мнѣ не удастся описать вамъ

[1] «Русскій Архивъ» 1887 года, книга 2-я, стр. 12—13.

[2] «Русскій Архивъ» 1882 года, книга 1-я, стр. 386.

[3] Письма Маріи Ѳеодоровны къ цесаревичу вполнѣ согласуются, по восторженности своей, съ письмами ея къ баронессѣ Оберкирхъ. Великая княгиня не отзывается въ нихъ о Павлѣ Петровичѣ иначе, какъ объ очаровательнѣйшемъ изъ мужей, называя его ангеломъ, котораго она любитъ до безумія (ce cher mari est un ange, je l'aime à la folie). Oberkirch: Mémoires, t. 1, p. 81.

эти чувства столь же живо, какъ ихъ чувствуетъ мое сердце. Живите долго, живите счастливый и довольный, живите, если возможно, тысячу лѣтъ, чтобы составить счастіе нѣсколькихъ милліоновъ душъ; вотъ тѣ моленія, которыя я возношу къ небу въ этотъ чудный день. Я присоединяю къ нимъ еще одно—благоволите сохранить мнѣ вашу дружбу, она составляетъ мое счастіе, и я осмѣливаюсь надѣяться, что нѣсколько заслужила ее нѣжной привязанностью, которую питаю къ вамъ, и которая кончится лишь съ моею жизнью. Вашъ нѣжнѣйшій и вѣрнѣйшій другъ и жена.

«Я обожаю васъ, до безумія люблю васъ; вы—мой кумиръ, мое высочайшее благо, и я васъ люблю столько, столько, что не съумѣю выразить вамъ этого» [1].

Великое событіе, съ нетерпѣніемъ ожидавшееся дворомъ и населеніемъ столицы, совершилось 12-го (23-го) декабря 1777 года; въ этотъ памятный день великая княгиня Марія Ѳеодоровна разрѣшилась въ Зимнемъ дворцѣ отъ бремени сыномъ, которому императрица дала имя Александра.

Но вслѣдъ затѣмъ совершилось другое событіе, на которое вовсе не разсчитывали родители новорожденнаго великаго князя. Признавая сына и невѣстку неспособными воспитать будущаго русскаго государя, Екатерина, какъ глава императорскаго дома, считала своимъ правомъ и обязанностью взять на себя заботы по воспитанію внука, въ надеждѣ увидѣть въ немъ впослѣдствіи воплощеніе лучшихъ своихъ думъ и стремленій. Воспитаніе собственнаго сына не удалось Екатеринѣ въ желаемомъ ею смыслѣ по независѣвшимъ отъ ея воли обстоятельствамъ; теперь же передъ императрицею явилась новая задача, и всѣ ея материнскія нѣжныя чувства обратились къ внуку въ надеждѣ достигнуть иного, лучшаго результата. Когда же 27-го апрѣля 1779 года родился великій князь Константинъ Павловичъ, то и онъ, подобно брату, поступилъ также на ближайшее попеченіе бабушки.

Рѣшившись принять на себя это бремя, Екатерина не послѣдовала, однако, примѣру, поданному ей нѣкогда императрицею Елисаветою Пе-

[1] Les sentiments vifs ne sauraient s'exprimer, tel est mon cas, mon bien cher coeur; mon âme est remplie de joie, de satisfaction, de bonheur dans ce jour qui donna l'existence au plus adoré, au plus chéri des maris, et malgré tous mes efforts je ne saurai réussir à vous dépeindre ces sentiments aussi vivement que mon coeur les sent. Vivez longtemps, vivez heureux et content, vivez mille ans, s'il se peut, pour faire le bonheur de plusieurs millions d'âmes; ce sont là les voeux que j'adresse en ce beau jour au ciel. J'y ajoute encore un, daignez me conserver votre amitié, elle fait mon bonheur, et j'ose espérer la mériter un peu par le tendre attachement que j'ai pour vous et qui ne finira qu'avec mon existence. Votre bien tendre et fidèle amie et femme.

Je vous adore, je vous aime à la folie, vous êtes mon idole, mon bien suprême et je vous chérit tant, tant que je ne saurai vous exprimer.

тровною: на этотъ разъ полнаго отчужденія дѣтей отъ родителей не послѣдовало. Но эта уступка, сдѣланная родительскимъ правамъ сына, невыгодно отразилась на характерѣ дѣтей, въ особенности, вредно повліявъ на великаго князя Александра Павловича. Императрица чувствовала это, ясно сознавая всѣ происходившія отъ этого затрудненія и неудобства, но не могла поступить иначе, избѣгая довести дѣло до крайностей. Такимъ образомъ, молодымъ великимъ князьямъ предстояло выростать подъ двойственнымъ вліяніемъ, пагубно отражавшимся на характерѣ и міровоззрѣніи каждаго изъ нихъ; дѣтей должны были сбить съ толку противорѣчивыя между собою требованія, предъявлявшіяся какъ со стороны бабушки, такъ и со стороны родителей. Екатерина пребывала въ убѣжденіи, что родители портятъ дѣтей, а родители, въ свою очередь, находили, что бабушка балуетъ ихъ и берется за дѣло воспитанія не такъ, какъ бы слѣдовало.

Подобная обстановка должна была окончательно разрушить установившійся было, по наружности, семейный миръ. Такъ и случилось. Цесаревичъ посмотрѣлъ на рѣшеніе, принятое императрицею относительно воспитанія внуковъ, какъ на новое нарушеніе его законныхъ правъ. Чаша терпѣнія Павла Петровича переполнилась; сердце прониклось желчью, а душа гнѣвомъ. Послѣ этого нельзя удивляться, что кратковременная идиллія, водворившаяся въ императорской семьѣ при появленіи въ Россіи Маріи Ѳеодоровны, постепенно исчезала; она продолжала существовать въ полной силѣ только при великокняжескомъ дворѣ. Марія Ѳеодоровна попрежнему любила и обожала цесаревича до безумія (jusqu'à la folie). Что же касается Екатерины, то вскорѣ ей пришлось забыть о вскружившей ей голову Психеѣ; послѣднюю постигла одинаковая участь съ восхищавшей нѣкогда императрицу «золотой женщиной». Передъ Екатериной началъ выростать образъ примѣрной супруги и строгой, хотя и безмолвной, порицательницы ея, какъ женщины и матери [1], образъ женщины, служившей твердой опорой мужу, окруженному, по ея убѣжденію, какимъ-то ореоломъ мученичества, и тайно жаждавшей удовлетворенія собственнаго непомѣрнаго тщеславія. О какомъ-либо пониманіи со стороны

[1] Для лучшаго пониманія настроенія великой княгини Маріи Ѳеодоровны относительно императрицы достаточно привести отрывокъ изъ письма принцессы-матери, характеризующій особенность тѣхъ наставленій, которыя получались изъ Монбельяра: они могли только подливать масла въ огонь, но не содѣйствовать къ улучшенію взаимныхъ отношеній. «Вы правы, дорогое дитя, жалуясь на испорченность (égarement) императрицы», писала принцесса-мать 21-го іюля 1778 года. «Въ природѣ нѣтъ ничего болѣе жесткаго, какъ сердце, которое предалось своимъ страстямъ и въ этомъ самозабвеніи не видитъ ничего кругомъ себя. Я понимаю страданія, которыя вы должны испытывать, присутствуя при всѣхъ возмутительныхъ сценахъ». Е. С. Шумигорскій: «Императрица Марія Ѳеодоровна (1759—1828). Ея біографія». С.-Петербургъ, 1892 года, т. I, стр. 112.

великой княгини государственныхъ заслугъ Екатерины, какъ императрицы, конечно, не могло быть и рѣчи. Марія Ѳеодоровна никогда не поднималась выше монбельяровской сентиментальной политической мудрости, съ прусской окраской, и на дѣла въ Россіи смотрѣла глазами предубѣжденнаго мужа. Прямымъ слѣдствіемъ всѣхъ этихъ явленій было то, что въ перепискѣ Екатерины стали появляться нелестныя для прежней любимицы выраженія: «Monsieur et madame Secondat» или «die schwere Bagage», которыми государыня начала награждать великокняжескую чету; съ другой же стороны, императрицу сталъ манить къ себѣ миловидный образъ Александра. Горючаго матеріала для будущаго полнаго разрыва накоплялось вдоволь; добрыя отношенія матери къ сыну испортились въ конецъ, и на этотъ разъ безвозвратно.

Въ то же время въ умѣ Павла воскресали съ новой силой знакомыя уже намъ тяжелыя воспоминанія давно прошедшихъ событій, тѣ терзавшіе его призраки (fantômes), о которыхъ Марія Ѳеодоровна упоминаетъ въ одномъ изъ своихъ писемъ. Изъ него стало вырабатываться своеобразное воплощеніе новаго Гамлета, неумолимый судья за совершившееся нѣкогда злое дѣло и безпощадный противникъ всѣхъ начинаній правительства, установившагося въ 1762 году. Всѣ эти тяжелыя думы преисполненнаго желчи и негодованія цесаревича прикрывались наружнымъ видомъ полной покорности, подъ которымъ, однако, таились безсильная злоба и нетерпѣливое поджиданіе вожделѣннаго часа возмездія.

При такомъ обоюдномъ настроеніи враждовавшихъ между собою сторонъ продолжалось дальнѣйшее развитіе печальной семейной драмы.

V.

Лишенный возможности руководить воспитаніемъ дѣтей, отстраненный отъ непосредственнаго участія въ дѣлахъ имперіи, цесаревичъ снова погрузился въ прежнія свои теоретическія измышленія о настоятельной необходимости исправленія государственнаго строя Россіи. Великая же княгиня Марія Ѳеодоровна обратила свою дѣятельность на созиданіе Павловска среди болотъ и лѣсовъ пожалованной ей земли.

Сначала цесаревичъ вошелъ, по занимавшимъ его военнымъ вопросамъ, въ сношеніе съ княземъ Николаемъ Васильевичемъ Репнинымъ, а затѣмъ и съ доживавшимъ свой вѣкъ въ Москвѣ графомъ Петромъ Ивановичемъ Панинымъ. Между ними установилась переписка, продолжавшаяся въ 1778 и 1779 годахъ.

10-го мая 1778 года цесаревичъ писалъ графу Петру Ивановичу:

*

«Поступокъ мой въ разсужденіи васъ долженъ показаться вамъ чувствительнымъ, ибо намѣреніе мое есть съ вами вступить въ разсужденіе, не предупредивъ васъ ничѣмъ, и, при томъ, о матеріи, о которой мы никогда не говорили. Должностію своею нахожу открыться передъ вами, дабы вы знаніями своими просвѣтили въ ту минуту, въ которую все мракомъ покрывается, и подвигъ мой извиненъ можетъ быть единственно предметомъ предъ вами. Князь Репнинъ писалъ къ вамъ, въ письмѣ своемъ, о магазейнахъ, о расположеніи полковъ по имперіи и о рекрутованіи ихъ и просилъ на то вашего мнѣнія: сіе все сдѣлалъ онъ отчасти по моимъ словамъ. Мнѣ сіе тѣмъ пріятнѣе было, что увидѣлъ симъ случаемъ, что мы одного мнѣнія; и если можно молодому человѣку быть самолюбиву, то признаюсь, что мое самолюбіе было тронуто, видѣвъ, что мои мысли сходятся съ вашими... Извините меня, естьли, пользовавшись первымъ случаемъ, который вы подали мнѣ себѣ открыться, столько индискретенъ былъ и написалъ двѣнадцать страницъ мыслей и гаданій моихъ; но, зная васъ, уповалъ, что вы упустите мнѣ оное ради намѣренія, и, при томъ, по вашему познанію вещей, отдѣлите то, что полезнымъ быть можетъ отъ пустого одного гаданія, или отъ произведеннаго живностію воображенія» [1].

Довѣренность, оказанная цесаревичемъ графу Петру Ивановичу, преисполнила душу «персональнаго оскорбителя» Екатерины наичувствительнѣйшею благодарностію и побудила его, «наипреданнѣйшаго подданнаго» великаго князя, «вознести теплѣйшія молитвы къ Вышнему Существу о соблюденіи столь драгоцѣннѣйшаго для Россіи здравія, о покровительствѣ душевныхъ дарованій и о подкрѣпленіи тѣлесныхъ силъ (цесаревича) до позднѣйшаго вѣка человѣческаго, на пошествія съ благополучнѣйшими всегда успѣхами упражненій, присвоенныхъ божественнымъ устроеніемъ къ порфироносцамъ, установляемымъ вышнею десницею для доставленія истиннаго благосостоянія поручаемымъ подъ скипетръ ихъ областямъ» [2].

Отвѣтъ графа Панина доставилъ цесаревичу «несказанное удовольствіе». «Удовольствіе мое», писалъ Павелъ Петровичъ 14-го сентября 1778,—«соразмѣрно важности предмета взаимной нашей откровенности и, при томъ, согласію мыслей нашихъ. Сіе послѣднее служитъ мнѣ предсказаніемъ, что достанется намъ вмѣстѣ исполнить то, о чемъ разсуждаемъ». Затѣмъ цесаревичъ приступилъ къ дальнѣйшему развитію своихъ мыслей. Въ сущности, онѣ сводятся къ усовершенствованію и дополненію знаменитаго «Разсужденія» 1774 года. Начавшійся

[1] «Русская Старина» 1882 года, т. 33-й, стр. 404 и 409.

[2] Письмо графа Петра Ивановича Панина къ цесаревичу отъ 6-го мая 1778 года изъ Москвы. «Русская Старина» 1882 года, т. 33-й, стр. 410.

такимъ образомъ обмѣнъ мыслей съ княземъ Репнинымъ и съ графомъ Петромъ Ивановичемъ Панинымъ замѣчателенъ еще тѣмъ, что цесаревичъ договорился въ немъ до чудовищнаго предположенія: завести въ Россіи иностранныя войска,—путемъ вербовки за границею!—для усиленія арміи безъ обремененія населенія. По мнѣнію цесаревича, для сего имѣлись два способа: «первый и самый легчайшій,—писалъ цесаревичъ,—Польша, которая снабжаетъ уже своими людьми и другія державы; но не лучшимъ его нахожу по свойству людей сей земли: они не лучшіе солдаты и по характеру націи ненадежны бываютъ. Второй же—наборъ въ Германіи. Домъ, отъ котораго я происхожу, по природѣ даетъ мнѣ равное право съ прочими германскими князьями. Правда, что земли, мнѣ принадлежащія, уступлены мною младшему колѣну нашей фамиліи, но черезъ то не потеряно достоинство князя имперіи, а еще меньше то, что я шефъ голштинскаго дома. Все сіе подтверждено на сеймѣ имперскомъ, и такъ можно бы мнѣ, воспользовавшись именемъ дома голштинскаго, наборъ въ вольныхъ имперскихъ городахъ дѣлать какой надобенъ былъ».

Что же отвѣтилъ безспорно умный и опытный въ военномъ дѣлѣ графъ Петръ Ивановичъ Панинъ на подобное предположеніе? Онъ не только не оспоривалъ сужденій, высказанныхъ цесаревичемъ объ устройствѣ военной части, но подкрѣплялъ заблужденія великаго князя дальнѣйшимъ развитіемъ основныхъ идей его преобразовательныхъ плановъ; вмѣстѣ съ тѣмъ Панинъ возбуждалъ самолюбіе молодого наслѣдника указаніемъ на сходство ихъ воззрѣній и искусно проводилъ въ отвѣтныхъ разсужденіяхъ мысль, что для отечества ничего не можетъ быть счастливѣе, «какъ сознаніе, что природный, высокой наслѣдникъ престола его, возросшій до настоящаго возмуженія, въ нѣдрахъ своего отечества, съ прозорливѣйшимъ проницаніемъ и съ неутомленною прилежностію на приуготовленіе полезнѣйшихъ для имперіи размышленій, признаетъ непремѣнною государскою должностью самолично управлять и во всемъ надзирать надъ государственною обороною, яко надъ единственною, надежнѣйшею подпорою цѣлости и безопасности онаго». «Конечно,—писалъ Панинъ,—несказанно счастливѣе для имперіи, естьли владѣющій государь соизволитъ всего безъ изъятія государственною обороною повелѣвать собственною персоною, безъ всякаго посредства; и, конечно, нѣтъ ничего свойственнѣе, какъ хозяину мужескаго пола распоряжать собственно самому и управлять всѣмъ тѣмъ, что защищаетъ, подкрѣпляетъ и сохраняетъ цѣлость какъ его собственной особы, такъ государства, имъ обладаемаго, и тѣхъ всѣхъ доходовъ и пособій, коими сохраняется всеобщая безвредность,—но что требуетъ неутомленности безпредѣльной» [1].

[1] «Всенижайшее отвѣтное разсужденіе на два полученныхъ повелѣнія, на первое, препровожденное отъ 14-го числа сентября 1778 года». «Русская Старина» 1882 года, т. 33-й, стр. 752 и 755.

Повторяя подобныя мысли на разные лады и присоединяя къ нимъ рѣзкую критику существовавшаго порядка, «вѣрный сынъ отечества» несказанно радовалъ цесаревича. Правдивая отповѣдь, вмѣсто уклончиво-хвалебныхъ восхваленій, понравилась бы, безъ сомнѣнія, менѣе, хотя Павелъ Петровичъ и просилъ своего собесѣдника отвѣчать «ему откровенно и не менажируя», ибо, какъ писалъ цесаревичъ, «въ семъ дѣлѣ не на себя гляжу, но на пользу отечества». Однако, Панинъ избралъ другой путь, который вызвалъ со стороны цесаревича приведенныя уже выше милостивыя строки, что слова Панина служатъ для него предсказаніемъ, что имъ придется исполнять вмѣстѣ то, о чемъ они разсуждали. Подобнаго рода обѣщанія и виды на будущее, открывая широкій путь неудовлетворенному самолюбію графа Панина, должны были, въ свою очередь, доставить несказанное удовольствіе покорителю Бендеръ и усмирителю Пугачева.

Графъ Петръ Ивановичъ Панинъ скончался въ 1789 году и не дожилъ до эпохи реформъ императора Павла.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

I.

Съ 1780 года наступило время для рѣшительнаго измѣненія политической системы, усвоенной императрицей, по необходимости, съ самаго ея вступленія на престолъ. Союзъ съ Пруссіею и «сѣверный аккордъ» Панина отжили свое время. Послѣдняя услуга, оказанная императрицею Фридриху Великому, состояла въ Тешенскомъ договорѣ 1779 года, которымъ была предотвращена возможность новой кровавой распри между Пруссіею и Австріею изъ-за баварскаго наслѣдства, а затѣмъ уже начала подготовляться новая группировка державъ [1]. Для достиженія даль-

[1] Когда новая война готова была вспыхнуть между Австріею и Пруссіею, цесаревичъ подъ вліяніемъ воодушевлявшихъ его родственныхъ чувствъ къ Фридриху Великому мечталъ о томъ, чтобы во главѣ своего полка итти на театръ военныхъ дѣйствій и вмѣстѣ съ братьями Маріи Ѳеодоровны (принцами: Фридрихомъ, Лудвигомъ и Евгеніемъ) сражаться за великаго короля. Пруссофильское настроеніе цесаревича отразилось въ письмѣ его къ барону К. И. Сакену, отъ 10-го (21-го) февраля 1778 года, въ которомъ великій князь замѣчаетъ, что горе тому, кто забываетъ узы крови: онъ забываетъ свои обязанности. (Malheur à l'individu qui les oublie, il oublie son devoir). Затѣмъ великій князь оправдываетъ свою прусскую точку зрѣнія взаимнымъ положеніемъ обоихъ государствъ, нравственнымъ и матеріальнымъ, и пишетъ: «La position des deux états respectif, morale et physique, m'y engagent. Mon union avec la cour de Berlin scellée par mon mariage, rend indispensable la bonne intelligence entre nous sans compter le commun voisinage des esprits turbulents et d'autres raisons, qu'il serait trop long de dire». Сборникъ И. Р. И. О., т. 20-й, стр. 417.

Между тѣмъ русская политика шла тогда по такому реальному пути, что рыцарскія стремленія цесаревича не могли быть примѣнены къ дѣлу. По словамъ великаго князя, ему оставалось только наблюдать за событіями «du haut de son donjon» и жаловаться, что жестоко быть обреченнымъ на подобное бездѣйствіе въ двадцать четыре года. Сборникъ И. Р. И. О., т. 20-й, стр. 418. (Письмо цесаревича К. И. Сакену отъ 22-го апрѣля 1778 года).

нѣйшихъ цѣлей русской политики на Черномъ морѣ и осуществленія греческаго проекта, Екатерина должна была искать точку опоры, болѣе соотвѣтствовавшую новому положенію дѣлъ, созданному Кучукъ-Кайнарджійскимъ миромъ, чѣмъ дружба съ Пруссіею, хотя и сладкой на словахъ, но двоедушной по существу. Такимъ образомъ политическіе вѣсы въ Петербургѣ стали постепенно склоняться на сторону Австріи; личность и характеръ императора Іосифа II въ значительной степени способствовали подобному явленію [1].

Послѣ свиданія съ Екатериною въ Могилевѣ, Іосифъ II рѣшился продолжать начатое путешествіе и подъ именемъ графа Фалькенштейна посѣтилъ Петербургъ лѣтомъ 1780 года. Это былъ весьма важный шагъ, сдѣланный главою габсбургскаго дома для упроченія зарождавшагося союза Россіи съ Австріею [2]. Вмѣстѣ съ тѣмъ Іосифу II необходимо было воспользоваться случаемъ, чтобы привлечь на свою сторону цесаревича и великую княгиню Марію Θеодоровну, продолжавшихъ упорно стоять за Пруссію и за великаго короля ея. Императоръ придумалъ отличное средство для достиженія своихъ политическихъ цѣлей; оно заключалось въ томъ, чтобы женить на младшей сестрѣ Маріи Θеодоровны, принцессѣ Елисаветѣ, эрцъ-герцога Франца, сына брата своего Леопольда и будущаго австрійскаго наслѣдника. Родственный союзъ долженъ былъ закрѣпить политическое сближеніе. Но Іосифъ II не удовольствовался этимъ лестнымъ предложеніемъ; онъ пошелъ еще далѣе, ловко примѣняясь къ взглядамъ и чувствамъ великой княгини.

Марія Θеодоровна произвела вообще на императора Іосифа II настолько выгодное впечатлѣніе, что онъ писалъ матери изъ Петербурга, что еслибы десять лѣтъ тому назадъ онъ встрѣтилъ подобную принцессу, то онъ не колеблясь женился бы на ней [3].

[1] Зидель въ статьѣ: «Katharina II und ihre Denkwürdigkeiten» пишетъ: «Sie zerriss das Gewebe mit dem sie 18 Jahre lang des grossen Friedrichs schlauer Geist und einschmeichelnde Person umsponnen hatte». (Historische Zeitschrift, 1861, V).

[2] Іосифъ II сказалъ въ Могилевѣ Безбородкѣ, что цесаревичъ, по превосходнымъ дарованіямъ своимъ, будетъ служить украшеніемъ нынѣшнему вѣку. «Я люблю въ немъ», говорилъ императоръ, «ту точность съ которою, какъ всѣ меня увѣряютъ, отправляетъ всѣ дѣла, какія онъ на себѣ имѣетъ. Таковая точность есть вещь рѣдкая въ молодыхъ людяхъ, но она нужна и въ особахъ его состоянія тѣмъ полезнѣе, что, безъ сомнѣнія, въ свое время и сдѣланное удержитъ, и недоконченное совершитъ». «Архивъ князя Воронцова», книга 13-я, стр. 21. (Письмо Безбородки къ графу Роману Ларіоновичу Воронцову отъ 3-го іюня 1780 года изъ Смоленска).

[3] «Le grand duc paraît fort à l'aise avec moi, la grande duchesse de même; cette dernière, plus que je l'apprends à connaître, plus j'en fais un cas infini. C'est une princesse d'un caractère et d'un esprit rare, joignant à cela une figure très agréable et une conduite admirable. Si j'avais pu trouver ou imaginer une princesse pareille, il y a dix ans, je l'aurais épousé sans difficulté, et elle aurait convenu à mon état et à ma position: c'est tout dire je crois». Arneth: Maria Theresia und Joseph II. Wien, 1868, t. 3, p. 280.

Императрица Марія Θеодоровна.

Съ портрета Лампи, 1797 г. находящагося въ музеѣ Воспитательнаго Общества Благородныхъ Дѣвицъ.

А. И. Вильборгъ, СПБ. Мѣщ. 2.

«За день до своего отъѣзда, на утренней прогулкѣ», писала Марія Ѳеодоровна своимъ родителямъ 19-го (30-го) іюля 1780 года, «онъ (императоръ) мнѣ сказалъ:

— «Я имѣю большую просьбу къ вашему императорскому высочеству.

— «Какъ, просьбу, графъ?—возразила я. Онъ отвѣтилъ:

— «Осмѣливаюсь просить васъ, если вы полагаете, что я могу оказать какую-либо услугу (un service) принцу, вашему отцу, или вашему дому, то располагайте мною; вы найдете меня всегда готовымъ доказать вамъ, насколько я къ вамъ привязанъ.

«Я ему отвѣтила на это:

— «Я, конечно, никогда не говорила бы съ вами, графъ, о себѣ лично; но такъ какъ вы мнѣ дѣлаете честь, начавъ сами такой разговоръ, то позвольте мнѣ воспользоваться этимъ случаемъ, чтобы рекомендовать вашему вниманію моихъ родителей и мой домъ; вамъ извѣстно, графъ, какъ я люблю свое семейство.

«Тогда онъ прервалъ меня, сказавъ:

— «Испытайте меня и вы увидите, честный ли я человѣкъ (mettez-moi à l'épreuve, madame, vous verrez si je suis un honnête homme)» [1].

Іосифъ II воспользовался самымъ дѣйствительнымъ средствомъ, чтобы пріобрѣсти расположеніе великой княгини; послѣ приведеннаго разговора австрійская дружба показалась Маріи Ѳеодоровнѣ стоящей нѣкотораго вниманія, и симпатіи къ Пруссіи были нѣсколько поколеблены.

Что же касается Екатерины, то со времени пріѣзда Іосифа II въ Россію отношенія его къ императрицѣ принимаютъ характеръ личной дружбы и самаго тѣснаго политическаго союза.

Фридрихъ Великій не замедлилъ употребить соотвѣтствующій контръ-маневръ и прислалъ ко двору Екатерины своего племянника и наслѣдника Фридриха-Вильгельма. Но появленіе прусскаго принца въ Петербургѣ не привело къ желаемой цѣли. Екатерина приняла гостя сухо и держанно, и австрійскій союзъ все-таки восторжествовалъ, несмотря на интимную бесѣду о ненарушимомъ союзѣ Россіи и Пруссіи, которую вели между собою цесаревичъ, Фридрихъ-Вильгельмъ и графъ Никита Ивановичъ Панинъ.

Сближеніе Россіи съ Австріею и возможность брака между сестрою Маріи Ѳеодоровны и австрійскимъ эрцъ-герцогомъ настолько разгнѣвали короля, что онъ, утративъ тонкость свойственнаго ему политическаго чутья, прибѣгъ къ худшему средству и въ порывѣ гнѣва началъ вымещать свою злобу на братьяхъ Маріи Ѳеодоровны, находившихся на прусской службѣ, и

[1] Schlossberger: Prinz Karl von Württemberg (1770—1791), Stuttgart, 1889, p. 103.

всячески притѣснялъ ихъ. Наконецъ, дошло до того, что принцесса-мать стала жаловаться великой княгинѣ на Фридриха Великаго, называла своего прежняго кумира ужаснымъ человѣкомъ, писала, что нельзя терпѣть, чтобы король обращался съ принцами, какъ съ негодяями (traiter en canaille), и умоляла дочь быть заступницею за семью передъ Екатериною и просить покровительства императрицы. Екатерина согласилась быть посредницею въ брачномъ вопросѣ между австрійскимъ дворомъ и родителями принцессы Елисаветы.

Дальнѣйшій ходъ брачныхъ предположеній заключался въ томъ, что 2-го іюня 1781 года Екатерина увѣдомила Іосифа II о согласіи родителей принцессы Елисаветы на бракъ ея съ эрцъ-герцогомъ Францомъ, а въ іюлѣ императоръ, путешествовавшій въ то время по Европѣ, заѣхалъ изъ Парижа въ Монбельяръ, гдѣ и обратился къ принцу Фридриху-Евгенію съ формальнымъ предложеніемъ. На этотъ разъ обычная Фридриху Великому дипломатическая ловкость измѣнила ему: въ данномъ случаѣ онъ не могъ уже упрекнуть Іосифа II въ томъ, что онъ обыкновенно дѣлаетъ второй шагъ, не сдѣлавъ перваго. Король оказался безсильнымъ противодѣйствовать дальнѣйшимъ намѣреніямъ Екатерины и разстроить соглашеніе Россіи съ Австріею.

Когда политическія дѣла стали принимать желательный для императрицы оборотъ, она, имѣя въ виду упроченіе австрійскаго союза, осторожно выдвинула вопросъ о заграничномъ путешествіи цесаревича и его супруги.

Изъ обширныхъ записокъ или дневниковъ великой княгини Маріи Ѳеодоровны уцѣлѣли только двѣ страницы, относящіяся къ 19-му и 26-му мая 1781 года, списанныя княземъ Александромъ Борисовичемъ Куракинымъ; онѣ свидѣтельствуютъ намъ о томъ, какимъ образомъ императрица съ предпамѣренною цѣлью наводила разговоръ на тему о пользѣ путешествій вообще. Содержаніе этихъ бесѣдъ, записанныхъ великою княгинею, слѣдующее:

«19-го мая. Заговорили о жаркомъ вѣтрѣ, обыкновенно дующемъ въ Римѣ въ іюнѣ мѣсяцѣ, и это послужило поводомъ къ общему разговору объ Италіи. Затѣмъ она (императрица) говорила объ императорѣ и о совершенныхъ имъ путешествіяхъ, высказывая, что онъ очень хорошо сдѣлалъ, употребивъ имѣвшееся у него время на путешествія; что это дало ему массу знаній, и что, конечно, онъ не былъ бы такимъ, каковъ онъ есть, если бы не видѣлъ такъ много, потому что, прибавила она, если бы онъ оставался въ тѣсной сферѣ (petite sphère), въ которой находился, то никогда не могъ бы пріобрѣсти столько познаній, такъ какъ, если человѣкъ постоянно остается у себя и сталкивается съ одними и тѣми же условіями, умственный кругозоръ его суживается, тогда какъ, напротивъ того, подъ вліяніемъ путешествій, вслѣдствіе

сравненія различныхъ предметовъ, разсудокъ развивается; нѣтъ ничего лучшаго, какъ судить при помощи сравненій, а это возможно лишь тогда, когда путешествуешь. Мы вполнѣ одобрили все, что она сказала относительно императора, и, въ особенности, все, касавшееся пользы, извлеченной имъ изъ своихъ путешествій, а великій князь прибавилъ, что какъ счастливы тѣ изъ лицъ его положенія, которые могутъ дѣлать то же самое и такимъ же образомъ, какъ онъ; что онъ ввелъ въ моду путешествія. На это она возразила, что шведскій и датскій короли сдѣлали то же самое, что въ Китаѣ всѣ наслѣдники должны объѣзжать различныя провинціи съ тѣми же цѣлями, какъ и императоръ, и что это дѣлается для того, чтобы не дать умственному кругозору сузиться и имѣть болѣе предметовъ для сравненія. На все это мы отвѣчали съ величайшею осторожностью, помня, что не прошло еще пяти или шести недѣль [1], и ограничились тѣмъ, что дали ей почувствовать, что мы цѣнимъ и понимаемъ преимущества, которыя должны представлять путешествія, и при этомъ неизмѣнно ссылались на путешествія императора».

«26-го мая. Послѣ этой бесѣды 19-го числа каждый день только и разговоровъ, что о путешествіи. Она повторила намъ, что, конечно, императоръ не былъ бы такимъ, каковъ онъ есть, если бы онъ не путешествовалъ столько, а постоянно оставался бы въ Вѣнѣ, и что путешествія приносятъ пользу даже здоровью. Говоря это, улыбнулись и посмотрѣли на насъ. Великій князь сказалъ, что, несомнѣнно, было бы любопытно увидѣть императора въ Вѣнѣ монархомъ, послѣ того какъ его видѣли здѣсь въ качествѣ частнаго лица. Она сказала, что, конечно, это любопытно, и улыбнулась. Она прибавила еще, что по собственному опыту знаетъ, какую пользу приноситъ смѣна мѣстъ и предметовъ, что смотришь на вещи иначе, и что это освѣжаетъ мысли (cela rafraîchissait les idées)» [2].

Во время этихъ разговоровъ графъ Никита Ивановичъ Панинъ не былъ уже въ Петербургѣ; онъ уѣхалъ 13-го (24-го) мая въ свою деревню Дугино. Безъ ближайшихъ совѣтовъ Панина и другого, также отсутствовавшаго, приверженца цесаревича, князя Николая Васильевича Репнина, великокняжеская чета не могла обойтись. Поэтому Марія Ѳеодоровна выработала условія (числомъ семь), «которыя нужно соблюсти, чтобы привести въ исполненіе планы о путешествіи», и просила «дорогихъ друзей (nos chers amis)» внимательно прочесть эти пункты и исправить или дополнить составленную ею записку замѣчаніями, которыя съ ихъ стороны признаны будутъ полезными.

[1] Здѣсь Марія Ѳеодоровна подразумѣваетъ пять или шесть недѣль со времени отъѣзда друзей ихъ, графа Панина и князя Репнина. Въ помѣщенной ниже запискѣ великой княгини она выразилась яснѣе.

[2] См. въ приложеніяхъ французскій текстъ этихъ двухъ отрывковъ изъ дневника великой княгини Маріи Ѳеодоровны.

Приведемъ здѣсь содержаніе записки Маріи Ѳеодоровны и замѣчанія, сдѣланныя графомъ Панинымъ:

«I. Слѣдуетъ начать говорить объ этомъ (т. е. о путешествіи), не какъ о формальной просьбѣ, но какъ о желаніи, обнаруживая стремленіе послѣдовать примѣру, который только что подало столько государей, и въ особенности нужно ссылаться на императора, на желаніе просвѣтить себя. Но, чтобы обнаружить это желаніе, нужно выждать удобнаго случая».

Противъ того мѣста, гдѣ великая княгиня упоминаетъ, что слѣдуетъ говорить о путешествіи, не какъ о формальной просьбѣ, но какъ о желаніи (désir), графъ Панинъ написалъ:

«Даже не это, а путемъ разговора и разсужденій по поводу устанавливающагося обычая, что молодые принцы путешествуютъ для пріобрѣтенія познаній. Здѣсь было бы недурно вставить похвалу пользѣ, извлеченной императоромъ. При семъ слѣдуетъ замѣтить, что все это не должно быть высказано разомъ и не выждая отвѣта или возраженія, которые могутъ сдѣлать на каждую отдѣльную мысль, а слѣдуетъ вести разговоръ такимъ образомъ, чтобы не итти дальше прежде, чѣмъ предшествовавшая мысль не будетъ вполнѣ закончена».

«II. Объ этомъ желаніи слѣдуетъ заговорить, по крайней мѣрѣ, шесть недѣль спустя послѣ отъѣзда нашихъ друзей и выбрать благопріятный день. Если не попадутся на эту удочку, нужно оставить затронутую мысль и вернуться къ ней нѣкоторое время спустя, но, опять таки, не какъ къ формальной просьбѣ, но какъ къ личному желанію, повергаемому на благовоззрѣніе императрицы».

Эта статья удостоилась полнаго одобренія графа Панина, и онъ написалъ: «этотъ пунктъ хорошъ».

«III. Путешествіе можетъ быть совершено лишь въ строжайшемъ инкогнито, чтобы имѣть бо̀льшую возможность выполнить цѣль этого путешествія—обогатить себя познаніями».

Графъ Панинъ нашелъ, что «объ этомъ слѣдуетъ говорить лишь тогда, когда будетъ одобрена мысль о путешествіи».

«IV. Выборъ свиты, которая должна сопровождать насъ, предоставляется императрицѣ, но, конечно, несмотря на это, можно и даже должно откровенно и съ полнымъ довѣріемъ высказать ей, что желали бы, чтобы она разрѣшила тому или другому сопровождать насъ, такъ какъ при условіи, что эти лица уже побывали въ иностранныхъ земляхъ, они явились бы неоцѣненнымъ пособіемъ для насъ, но, во всякомъ случаѣ, слѣдуетъ просить объ этомъ, какъ о милости, сумѣть попросить такимъ образомъ, чтобы не могли отказать въ немъ».

«Конечно, какъ о милости», написалъ графъ Панинъ, «но крайне осторожно и не настаивая сразу».

«V. Дѣти. Нужно сказать, что нельзя было бы довѣрить ихъ въ лучшія руки, чѣмъ въ руки ихъ бабушки; что такимъ образомъ мы ввѣряемъ ей наше драгоцѣннѣйшее достояніе, будучи вполнѣ безспорно увѣрены, что они не могли бы быть подъ лучшей охраной; однимъ словомъ, на эту тему слѣдуетъ говорить ей самыя дружественныя и самыя нѣжныя вещи».

Графъ Панинъ написалъ: «Очень хорошо».

«VI. Сначала нужно сказать, что мы начнемъ съ Вѣны; при этомъ случаѣ можно наговорить ей лестныхъ вещей для нея и для императора».

Эта статья также удостоилась одобренія графа Панина; онъ написалъ: «очень хорошо».

«VII. Въ случаѣ, если бы она пожелала сократить время путешествія, повидимому, можно возразить, что хотѣли бы увидѣть побольше странъ и не ограничиваться какимъ-нибудь однимъ государствомъ; впрочемъ, разъ мы выѣдемъ за границу, продолжительность этого путешествія будетъ зависѣть отъ насъ».

На эту статью графъ Панинъ возразилъ: «Какъ не нужно торопиться указывать страны (les pays), которыя именно хочется видѣть, такъ равно не нужно возставать противъ воли, которую выскажутъ во время разсужденій съ вами (il ne faut pas se raidir contre la volonté qu'on témoignera dans les délibérations avec vous), такъ какъ послѣ того, какъ уже уѣдете, можно будетъ съ бо́льшею легкостью избрать одну дорогу вмѣсто другой» [1].

Въ приведенной нами запискѣ Маріи Ѳеодоровны встрѣчается еще восьмой пунктъ слѣдующаго содержанія: «Предосторожности, которыя въ виду возможности различныхъ случайностей слѣдуетъ принять передъ отъѣздомъ (Précautions à prendre avant que de partir pour toute sorte d'événements)». Но въ запискѣ эти строки тщательнымъ образомъ зачеркнуты были графомъ Панинымъ; по свойственной ему благоразумной осторожности, Дугинскій оракулъ не призналъ возможнымъ отвѣчать на щекотливый вопросъ, столь категорически поставленный великою княгинею. Существованіе подобной замѣтки

[1] См. въ приложеніяхъ французскій текстъ записки великой княгини Маріи Ѳеодоровны.

Читая заключительныя строки замѣчаній графа Панина, нельзя не удивляться наивности опытнаго государственнаго дѣльца, который, поработавъ съ Екатериною почти двадцать лѣтъ, до такой степени мало освоился съ характеромъ этой великой женщины, что могъ прельщать себя и другихъ подобными несбыточными надеждами, и, мало того, поддерживать еще заблужденія своей неопытной слушательницы несообразными совѣтами. Подобное проявленіе изумительнаго легкомыслія со стороны опытнаго дипломата представляетъ дѣйствительно поразительное зрѣлище.

въ секретной запискѣ рисуетъ, однако, какъ нельзя лучше, какого рода заботы, тревоги и надежды занимали при каждомъ удобномъ случаѣ помыслы цесаревича и въ той же степени, если не болѣе, тщеславіе великой княгини. Опасеніе, что престолъ можетъ ускользнуть изъ ихъ рукъ, въ особенности, со времени рожденія великаго князя Александра Павловича, не давало имъ покоя, терзало ихъ до безконечности и служило мѣриломъ ихъ добрыхъ отношеній къ Екатеринѣ. По свойственной Павлу Петровичу подозрительности въ его умѣ зародилась даже мысль, что императрица преднамѣренно желаетъ удалить его за границу, для достиженія какихъ-либо сокровенныхъ цѣлей.

Дневникъ и записки Маріи Θеодоровны даютъ нѣкоторое основаніе предполагать, что ранѣе, чѣмъ императрица заговорила о пользѣ путешествій вообще, заграничная поѣздка составляла уже предметъ личнаго желанія цесаревича и его супруги. Великая княгиня стремилась побывать за границею для свиданія съ нѣжно любимыми ею родителями и для устройства ихъ семейныхъ дѣлъ; что же касается цесаревича, изнывавшаго въ ту пору отъ скуки и бездѣйствія, то Маріи Θеодоровнѣ не особенно трудно было расположить его въ пользу заграничной поѣздки. Императрица, конечно, безъ труда проникла въ эту тайну, совпадавшую съ ея собственными желаніями, и поэтому, во время разговоровъ о пользѣ путешествій вообще, нерѣдко улыбалась, смотря на своихъ собесѣдниковъ. Но оказывается, вмѣстѣ съ тѣмъ, что Екатерина затронула этотъ вопросъ ранѣе, чѣмъ это почему-то было желательно для цесаревича и для великой княгини; шестинедѣльный срокъ, назначенный ими для начатія переговоровъ по этому вопросу, избранъ былъ, вѣроятно, съ тою цѣлью, чтобы выраженное съ ихъ стороны желаніе путешествовать не могло показаться императрицѣ результатомъ совѣтовъ Панина или Репнина, «de nos amis», какъ ихъ называетъ великая княгиня; трудно, по крайней мѣрѣ, придумать другое объясненіе для этого страннаго срока, который Павелъ Петровичъ и Марія Θеодоровна установили было для возбужденія вопроса о путешествіи.

Такимъ образомъ обѣ стороны осторожно, точно ощупью, подвигались къ одной и той же заранѣе намѣченной ими цѣли, и наконецъ 4-го (15-го) іюля 1781 года Екатерина могла сообщить Іосифу II, что сынъ ея выразилъ желаніе предпринять заграничное путешествіе.

Императрица писала:

«Позволяю себѣ на этотъ разъ побесѣдовать съ вашимъ императорскимъ величествомъ о предметѣ, особенно близко меня занимающемъ. Таково дѣйствіе великаго примѣра! Нѣсколько времени тому назадъ сынъ мой заявилъ мнѣ о своемъ желаніи посѣтить иностранныя земли и, въ особенности, Италію. Я могла только согласиться на такое желаніе, столь благопріятное для увеличенія его познаній. (Il y a quelque temps

que mon fils m'a témoigné son désir de voir les pays étrangers et particulièrement l'Italie. Je n'ai pu que consentir à un désir si propre à augmenter ses connaissances). Осмѣливаюсь просить ваше императорское величество разрѣшить проѣздъ его черезъ ваши владѣнія и позволить ему и его супругѣ представиться вамъ этою зимою въ Вѣнѣ. Они выѣдутъ отсюда, какъ слѣдуетъ полагать, въ концѣ сентября, такъ какъ привитіе оспы моимъ внукамъ должно предшествовать путешествію. Маршрутомъ отъ Могилева и Кіева до Бродъ для нихъ послужитъ прошлогодній путь графа Фалькенштейна. Съ истиннымъ удовольствіемъ я передаю ихъ въ ваши руки. Преисполненная довѣрія, я не сомнѣваюсь, что они воспользуются у васъ священными правами гостепріимства, и надѣюсь, что дружба ваша доставитъ имъ подобный же пріемъ у его королевскаго высочества великаго герцога Тосканскаго, съ которымъ моимъ путешественникамъ предстоитъ вступить въ столь близкую родственную связь, и который, впрочемъ, въ теченіе двѣнадцати лѣтъ явилъ уже столько доказательствъ своего расположенія къ русскому народу» [1].

Итакъ, замысловатый вопросъ былъ окончательно рѣшенъ. Время отъѣзда цесаревича подъ именемъ графа Сѣвернаго, маршрутъ, деньги, свита—все было опредѣлено и назначено [2]. Императрица согласилась даже расширить первоначально намѣченную программу путешествія и разрѣшила сыну побывать въ Парижѣ; но въ одномъ только отношеніи Екатерина осталась непоколебимою: она воспретила цесаревичу посѣтить Берлинъ и имѣть свиданіе съ Фридрихомъ Великимъ; прусская территорія не вошла въ маршрутъ путешествія [3].

Не довольствуясь совѣтами графа Панина, цесаревичъ велъ еще по предстоявшему путешествію переписку съ княземъ Н. В. Репнинымъ [4]. Изъ этой переписки уцѣлѣли два отвѣтныхъ письма князя Ни-

[1] Arneth: Joseph II und Katharina von Russland. Wien. 1869, p. 96.

[2] Во избѣжаніе, во время путешествія цесаревича, стѣсненій отъ соблюденія требованій этикета и сопряженныхъ съ ними пышныхъ пріемовъ, Екатерина пожелала, чтобы Павелъ Петровичъ и Марія Ѳеодоровна приняли титулъ графа и графини Сѣверныхъ. Въ свиту цесаревича назначены были: Н. И. Салтыковъ и его жена, фрейлины великой княгини Н. С. Борщова и Е. И. Нелидова, камергеры князь Н. В. Юсуповъ и князь А. Б. Куракинъ, камеръ-юнкеръ Вадковскій, подполковникъ Х. И. Бенкендорфъ и его жена (рожденная Шиллингъ фонъ-Канштадтъ, подруга Маріи Ѳеодоровны, извѣстная подъ названіемъ Тилль), капитанъ-лейтенантъ С. И. Плещеевъ, Клингеръ, Лафермьеръ, Николаи, священникъ Самборскій (впослѣдствіи законоучитель великаго князя Александра Павловича) и докторъ Крузе.

[3] Англійскій посолъ Гаррисъ, въ своей депешѣ отъ 21-го октября 1781 года, писалъ, что, когда великая княгиня упомянула о Берлинѣ, она на это получила рѣшительный и даже гнѣвный отказъ императрицы.

[4] Князь Николай Васильевичъ Репнинъ занималъ съ 1780 года мѣсто псковскаго генералъ-губернатора, оставаясь и смоленскимъ генералъ-губернаторомъ. Послѣднее мѣсто

колая Васильевича изъ Дугина отъ 5-го іюля и 8-го августа 1781 года; приведемъ здѣсь нѣкоторыя выдержки изъ нихъ.

«Ваши №№ 4 и 5 я имѣлъ честь получить въ Орлѣ и въ пути, возвращаясь оттуда,—писалъ князь Репнинъ.—Узнавъ изъ № 5-го, что путешествіе вашего императорскаго высочества—вопросъ рѣшенный, я вполнѣ искренно порадовался, находя, что это во всѣхъ отношеніяхъ хорошо для васъ. Вы увидите другія страны, другія правительства, другихъ людей. Если вы постараетесь хорошенько узнать и сравнить ихъ, эти сравненія принесутъ вамъ большую пользу на томъ посту, для котораго вы предназначены. Сдѣлать счастливой страну, управлять которою вамъ придется въ будущемъ,—безспорно, первая изъ обязанностей вашего императорскаго высочества, а это путешествіе само по себѣ облегчитъ вамъ возможность пріобрѣсти познаніе средствъ для достиженія этой цѣли. Что же касается высказываемыхъ вами, государь, соображеній о предупредительности, которую проявляютъ по отношенію къ предположенному путешествію, то я не вижу и не нахожу въ этомъ ничего непріятнаго для васъ (Quant aux réflexions que vous faites, monseigneur, sur l'empressement qu'on témoigne pour ce voyage, je n'y trouve, ni n'y envisage rien de fâcheux pour vous). Когда дѣлаешь что-нибудь хорошее, то, безъ сомнѣнія, нужно дѣлать его безъ торопливости, вредной во всемъ, но затѣмъ, когда не имѣется сильныхъ доводовъ противъ, то лучше сдѣлать его ранѣе, чѣмъ позже. Трудно разсуждать о вещахъ, которыхъ не видишь,—а я какъ разъ въ такомъ именно положеніи,—но ваше высочество, видя ихъ лично, можете судить о нихъ безъ предубѣжденія. Рѣчь идетъ только о томъ, государь, чтобы, размышляя о всѣхъ этихъ предметахъ, хорошенько изучить самого себя, чтобы не подавать повода къ тому предубѣжденію, которое часто внушается намъ безпокойствомъ въ характерѣ, приводящемъ къ тому, что мы дѣлаемся подозрительными (Il s'agit seulement, monseigneur, en réfléchissant à tous ces objets, de se bien examiner soi-même, pour ne pas donner prise à cette prévention, qui nous est souvent suggérée par l'inquiétude du caractère qui nous mène à devenir soupçonneux). Ваша откровенность придаетъ мнѣ смѣлость отвѣчать безграничной откровенностью; вы сами приказали мнѣ быть такимъ. Въ вашемъ письмѣ за № 4 вы даже порицаете меня за одобреніе, которое я высказалъ вамъ,

онъ занималъ съ 1777 года. Для характеристики дружескихъ отношеній цесаревича къ Репнину можетъ служить позднѣйшее письмо Павла Петровича къ князю, отъ 13-го февраля 1795 года, въ которомъ встрѣчаются слѣдующія строки: «Je ne vous parle de ce qui me regarde que pour vous prier d'être persuadé des sentiments, avec lesquels je suis et serai toute ma vie, quand même vous ne voudriez pas de moi, votre sincère ami». Сборникъ И. Р. И. О., томъ 16-й, стр. 137.

но оно искренно, и думать, что постоянно поступаютъ не хорошо, столь же дурно, какъ и воображать, что кто-либо постоянно поступаетъ хорошо. Никогда, государь, не принимайте за лесть то хорошее, что мнѣ случается высказывать о васъ. Я никогда ни самъ не опущусь, ни унижу васъ до того, чтобы прибѣгать къ подобному средству. Когда я говорю или скажу вамъ что-либо хорошее относительно васъ самихъ, то это значитъ, что или вы представитесь мнѣ таковымъ, или что я буду желать, чтобы вы были имъ. Это будетъ воздаяніемъ вамъ должнаго съ цѣлью поощрить васъ всегда быть хорошимъ. Никакія иныя побужденія никогда не проникнутъ мнѣ въ душу. Простите мнѣ, ваше высочество, эти длинныя разсужденія. Я возвращаюсь къ вопросу о путешествіи.

«Безспорно было бы очень хорошо, чтобы вы имѣли при себѣ кого-нибудь, кто былъ бы способенъ обращать ваше вниманіе на интересные предметы, которые вамъ представится возможность видѣть, и для меня было бы крайне лестно сопровождать васъ, какъ вы были добры пожелать этого; но, государь, когда въ теченіе вашихъ путешествій вы очутитесь въ состояніи сообразоваться лишь съ самимъ собою, приложите стараніе развивать свои способности, постарайтесь обойтись своими собственными силами. Это будетъ первымъ испытаніемъ необходимаго свойства. Повторяю еще разъ (и это не лесть), что у васъ есть умъ; примѣняйте его къ дѣлу и присоедините къ этому систематическія и зрѣлыя размышленія, которыя приведутъ къ усвоенію правильнаго взгляда на вещи. Въ продолженіе вашихъ поѣздокъ занимайтесь лишь тѣмъ, на что вы должны обратить вниманіе. Не отвлекайтесь въ сторону, къ предметамъ, не имѣющимъ отношенія къ вашему плану; не тревожьтесь ничѣмъ, что недостойно возбуждать безпокойство, и вамъ удастся просвѣтить себя, потому что вашъ умъ и душа будутъ спокойны и свободны отъ всякихъ мелкихъ заботъ. Побольше бодрости, государь; со временемъ все дастся, и терпѣніе, и прилежаніе.

«Я въ восторгѣ, что вопросъ о бракѣ въ концѣ концовъ уладился. По этому поводу, ваше высочество, приводите мнѣ поговорку о болѣе счастливомъ, чѣмъ умномъ (le proverbe de plus heureux que sage); я согласенъ съ этимъ и нахожу въ этомъ урокъ для будущаго противъ торопливости.

«Черезъ нѣсколько дней отправляюсь отсюда въ Смоленскъ и, быть можетъ, во Псковъ. Я оставлю это письмо г. Панину, чтобы онъ при вѣрномъ случаѣ препроводилъ его вашему императорскому высочеству. Онъ, слава Богу, чувствуетъ себя довольно хорошо.... Это письмо было написано и запечатано, когда пріѣхалъ мой адъютантъ Львовъ, привезшій мнѣ письмо вашего императорскаго высочества за № 6. Изъ него я увидѣлъ, что важное дѣло, о которомъ теперь идетъ рѣчь, вы ведете

какъ нельзя лучше. Ваше письмо я прочелъ вмѣстѣ съ г. Панинымъ, при чемъ мы оба радовались тому, что было тамъ высказано, и испытывали при этомъ чувство удовлетворенія, пропорціональное нашей привязанности къ вамъ... Такъ какъ по вашему маршруту, государь, вамъ приходится быть, такъ сказать, у дверей Голландіи, то мнѣ кажется, что это—страна, представляющая интересъ для обозрѣнія, потому что правительство тамъ существенно иное, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ, образъ мыслей жителей, — какъ равно дурное и хорошее, обусловленное характеромъ ихъ учрежденій,—тоже тамъ другіе, а эти предметы являются богатымъ матеріаломъ для размышленія въ виду того положенія которое предназначается вамъ. Впрочемъ, государь, мнѣ кажется, что вы можете совершить ваше путешествіе приблизительно по тому же плану, который вы намѣтили въ предѣлахъ того времени, на которое разсчитываете. Я не вдаюсь ни въ какія подробности, чтобы избѣгнуть безполезныхъ повтореній. Г. Панинъ напишетъ вашему императорскому высочеству и подробно остановится на всѣхъ предметахъ. Поэтому я полагаюсь на это и заканчиваю увѣреніемъ въ навѣки нерушимой привязанности. Завтра я предпринимаю поѣздку въ Смоленскъ и Псковъ, разсчитывая вернуться сюда только недѣли черезъ четыре. Поэтому только тогда я снова получу возможность наслаждаться счастіемъ получать извѣстія о вашемъ императорскомъ высочествѣ и писать вамъ».

По возвращеніи въ Дугино князь Репнинъ писалъ цесаревичу 8-го августа:

«Я имѣлъ честь получить черезъ г. Чулиханова письмо вашего императорскаго высочества за № 7 по прибытіи сюда изъ Пскова, чтобы видѣть г. Панина до его отъѣзда въ Петербургъ. Я думаю такъ же, какъ и вы, государь, что трудно, чтобы мнѣ выпало счастіе принадлежать къ составу вашей свиты; что же касается Пскова, то, конечно, я буду имѣть счастіе увидѣть васъ тамъ и сопровождать васъ въ предѣлахъ этой губерніи. Я ничего не скажу вашему императорскому высочеству о различныхъ предметахъ, намѣченныхъ вами какъ г. Панину, такъ и мнѣ, ссылаясь въ этомъ отношеніи на то, что онъ будетъ писать вамъ; впрочемъ, вскорѣ онъ будетъ имѣть счастіе увидѣть васъ самихъ, такъ какъ разсчитываетъ отправиться отсюда около 20-го числа этого мѣсяца, такъ что 1-го или 2-го сентября онъ будетъ въ Петербургѣ.

«Да хранитъ васъ Богъ, государь, въ задуманномъ путешествіи, которое можетъ быть столь полезно для васъ и для счастія страны, которая предназначается вамъ. Вы подготовляетесь къ нему со столь вѣрными мыслями, что было бы большимъ несчастіемъ, если бы васъ постигла неудача. Я осмѣливаюсь вѣрить въ противное и прошу васъ, государь, проникнуться тою же мыслью и ввѣриться самому себѣ. Пользуйтесь только способностями, которыми одарилъ васъ Богъ, съ благо-

разумiемъ и мудростью (Faites seulement usage avec prudence et sagesse des facultés que Dieu vous a donné).

«Въ первыхъ числахъ сентября я буду въ Псковѣ и буду ждать тамъ васъ, государь, со всѣмъ рвенiемъ и преданностью, которую, какъ вашему императорскому высочеству извѣстно, я питаю къ вамъ» [1].

Согласно высказанному княземъ Репнинымъ предположенiю, графъ Никита Ивановичъ Панинъ въ началѣ сентября возвратился въ Петербургъ.

Убѣдившись, что рѣшенiе, принятое Екатериною относительно исключенiя Берлина изъ маршрута цесаревича, было безповоротное, Панинъ принялся всякими нашептыванiями тормозить отъѣздъ Павла Петровича; огорченный новыми вѣянiями русской политики, графъ Никита Ивановичъ желалъ даже, если окажется возможнымъ, совершенно отклонить цесаревича отъ заграничной поѣздки [2]. Самоотверженный защитникъ прусскихъ интересовъ не достигъ, однако, желаемой цѣли [3]. Отъѣздъ цесаревича все-таки состоялся 19-го сентября 1781 года, наканунѣ дня его рожденiя; прощаясь съ дѣтьми, Марiя Θеодоровна три раза падала въ обморокъ и подъ руки была отведена въ карету, почти въ безчувственномъ состоянiи,—сцена была раздирающая и разыгралась къ тому же безъ всякой надобности [4]. Проявленiе столь неумѣреннаго горя придало только отъѣзду цесаревича окраску какой-то ссылки, характеръ какъ бы

[1] См. въ приложенiяхъ полный французскiй текстъ двухъ писемъ князя Репнина къ цесаревичу, отъ 5-го iюля (съ припискою отъ 7-го iюля) и 8-го августа 1781 года.

[2] Если вѣрить донесенiю англiйскаго посла Гарриса, то графъ Панинъ, по возвращенiи изъ Дугина, сказалъ прусскому посланнику графу Гёрцу:

«Votre maitre veut que je me sacrifie; eh bien, je le ferai».

(Diaries and correspondence of James Harris first earl of Malmesbury. London. 1845. T. 1, p. 404).

[3] Колебанiя, сопровождавшiя отъѣздъ цесаревича за границу, отразились въ письмахъ его къ архiепископу Платону. 19-го августа 1781 года великiй князь писалъ: «Ожидаю привитiя дѣтямъ оспы, прежде окончанiя котораго не выѣду, ибо хочу видѣть ихъ, перешедшихъ опасности, и ѣхать съ спокойнымъ духомъ». 1-го сентября цесаревичъ отправляетъ «послѣднее письмо» къ Платону, а затѣмъ 10-го сентября снова пишетъ изъ Царскаго Села: «Прививанiе оспы, слава Богу, идетъ благополучно. Оспа налилась и хотя на большомъ и отмѣнно велика, но ничего дурного нѣтъ, и надѣюсь, что отпою предъ отъѣздомъ молебенъ о ихъ выздоровленiи». Марiя Θеодоровна въ особенности волновалась вслѣдствiе застращиванiй графа Панина: «Безпокойствiе души моей я не могу вамъ описать», признавалась Марiя Θеодоровна въ письмѣ отъ 1-го сентября къ Платону и молила Бога, чтобы это «страшное время» прошло поскорѣе. («Русскiй Архивъ» 1887 года).

Для привитiя оспы своимъ внукамъ Екатерина вторично вызвала изъ Англiи барона Димсдаля.

[4] Гаррисъ писалъ 21-го сентября 1781 года: «Нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнiя, что необыкновенная чувствительность ихъ императорскихъ высочествъ вызвана не одной только разлукой съ дѣтьми. Графъ Панинъ наполнилъ ихъ умы опасенiями, и они уѣхали подъ сильнымъ впечатлѣнiемъ ужаса».

вынужденнаго удаленія. Между тѣмъ ничего подобнаго не существовало въ дѣйствительности. Екатерина, глубоко огорченная всѣми этими проявленіями неумѣстной чувствительности, написала путешественникамъ 21-го сентября, черезъ день послѣ ихъ отъѣзда изъ Царскаго Села: «Ваши отвѣты, дорогіе дѣти, которые вручилъ мнѣ Дивовъ, и то, что онъ мнѣ сообщилъ, уменьшили мое безпокойство на счетъ состоянія здоровья моей дорогой дочери. Если бы я могла предвидѣть, что при отъѣздѣ она три раза упадетъ въ обморокъ, и что ее подъ руки отведутъ въ карету, то уже одна мысль о томъ, что ея здоровье придется подвергнуть такимъ тяжкимъ испытаніямъ, помѣшала бы мнѣ согласиться на это путешествіе. Нѣжность, которую вы оба выказываете мнѣ, дорогія дѣти, правда, облегчаетъ скорбь, причиненную мнѣ вашимъ отсутствіемъ; но мое чувство къ вамъ говоритъ и повторяетъ вамъ: возвращайтесь, какъ только это будетъ возможно, будь это изъ Пскова, Полоцка, Могилева, Кіева или изъ Вѣны, потому что вѣдь, въ концѣ концовъ, мы безъ всякой уважительной причины переносимъ печаль такой разлуки. Итакъ, спросивши свое сердце и умъ, я прихожу къ заключенію, что вамъ, если вы не находите никакого удовольствія продолжать путь, слѣдуетъ рѣшиться тотчасъ же возвратиться назадъ, подъ предлогомъ, что я написала вамъ вернуться ко мнѣ. Дѣти ваши, которыхъ я только что видѣла, здоровы» [1].

Полученіе этого письма не остановило, однако, путешественниковъ, и они, не воспользовавшись даннымъ имъ разрѣшеніемъ возвратиться въ Петербургъ, продолжали путь согласно намѣченной императрицею

[1] Vos réponses, mes chers enfants, que Diwof m'a remises et ce qu'il m'a dit, a diminué mes alarmes sur l'état de la santé de ma chère fille. Si j'avais pu prévoir qu'elle s'évanouirait trois fois en partant, et qu'on la menerait sous le bras dans le carosse, la seule considération d'exposer sa santé à d'aussi rudes épreuves m'aurait empêchée de consentir à ce voyage. La tendresse, que vous me témoignez tous les deux, mes chers enfants, adoucit sans doute les peines, que me cause votre absence; mais la mienne vous dit et le répète de revenir le plutôt que vous pourrez, serait ce de Pleskow, de Polotzk, de Mogilef, de Kiev, de Vienne, car, au bout du compte, c'est sans aucune raison valable et de gaieté de coeur que nous souffrons les chagrins d'une telle séparation. Ainsi, en consultant mon coeur et ma raison je conclus, que, si vous n'avez aucun plaisir à le faire, dès l'instant-même vous preniez le parti de revenir sur vos pas en prétextant que c'est moi qui vous ai écrit de revenir me trouver. Vos enfants, que je viens de voir, se portent bien; les boutons d'Alexandre continuent de tomber». (Сборникъ И. Р. И. О., т. 9-й, страница 65).

10-го октября Екатерина повторила свое приглашеніе сократить путешествіе и писала: «Mais puisque votre coeur et vos pensées sont tournés de ce côté-ci, comme vous me le dites, mon très cher fils, et que je n'en doute pas, n'y aurait-il pas moyen d'abréger ce beau voyage et de retourner le plutôt possible, et cela d'où il vous plaira. Et quelle saison vous avez choisi pour voyager! je n'y pense jamais qu'avec effroi» (стр. 71).

программѣ [1]. Продѣлки графа Панина отразились только на немъ лично: онъ окончательно лишился довѣрія Екатерины и былъ съ этого времени, къ немалому его удивленію, совершенно отстраненъ отъ дѣлъ; внѣшняя политика велась уже безъ его участія.

Русская политика вступила на новый путь, который обезпечивалъ ей безкровное пріобрѣтеніе Крыма, при поддержкѣ со стороны Австріи. Это была, какъ выразилась Екатерина, «утренняя заря прекраснаго дня: когда мракъ почти исчезаетъ, тогда является утренняя звѣзда. (C'est l'aurore d'un beau jour. Lorsque l'ombre de la nuit se dissipe, alors l'étoile du matin paraît)» [2]. Панинъ не могъ постигнуть великаго политическаго значенія путешествія цесаревича, подготовленнаго заботами Екатерины, и палъ жертвою своихъ прусскихъ симпатій, вслѣдствіе чего его политическая роль кончилась навсегда.

II.

Въ настоящемъ краткомъ очеркѣ жизни Павла Петровича—не мѣсто входить въ подробности путешествія графа и графини Сѣверныхъ, продолжавшагося годъ и два мѣсяца. Отмѣтимъ здѣсь только главныя черты этой поѣздки, которая, все-таки, внесла новый элементъ въ причудливое міровоззрѣніе цесаревича: къ усвоенному имъ ранѣе Потсдамскому идеалу присоединились съ 1782 года еще версальскія воспоминанія.

Въ Россіи цесаревичъ слѣдовалъ черезъ Псковъ, Полоцкъ, Могилевъ, Черниговъ и Кіевъ. «Проѣздъ черезъ Москву пріятенъ бы былъ», писалъ Павелъ Петровичъ архіепископу Платону, «но не отъ меня зависитъ, и такъ творю волю Пославшаго мя» [3].

Въ Кіевѣ царственные путешественники были встрѣчены фельдмаршаломъ графомъ Румянцовымъ-Задунайскимъ; отпраздновавъ здѣсь 14-е октября, день рожденія великой княгини Маріи Ѳеодоровны, цесаревичъ на другой день отправился въ дальнѣйшій путь и черезъ Васильковъ вступилъ въ Польшу [4].

[1] Императрица Екатерина со внуками переѣхала изъ Царскаго Села въ Петербургъ 25-го сентября. На другой день, въ воскресенье, 26-го сентября, отслуженъ былъ молебенъ по случаю исцѣленія отъ оспы великихъ князей Александра и Константина Павловичей.

[2] Сборникъ И. Р. И. О., т. 9-й, стр. 109.

[3] «Русскій Архивъ» 1887 года, книга 2-я, стр. 24 (письмо цесаревича отъ 5-го августа 1781 года изъ Царскаго Села).

[4] Въ Кіевѣ цесаревича привѣтствовали польскій генералъ Комаржевскій и австрійскій генералъ Ганнахъ.

Въ Вишневцѣ цесаревича поджидалъ польскій король Станиславъ-Августъ, а затѣмъ въ Тропау къ нему выѣхалъ на встрѣчу императоръ Іосифъ II. Въ Вѣну путешественники прибыли 10-го ноября. Здѣсь Марія Ѳеодоровна имѣла счастіе послѣ шестилѣтней разлуки обнять прибывшихъ туда родителей и сестру Елисавету, которой предстояла участь сдѣлаться женою эрцъ-герцога Франца. «Скажу вамъ», писалъ Павелъ Петровичъ барону Сакену, «насчетъ моего здѣсь пребыванія, что мы живемъ какъ нельзя лучше, осыпанные любезностями императора и пользуясь вниманіемъ со стороны прочихъ; вообще это прелестное мѣсто, въ особенности, когда находишься въ кругу своего семейства. Я желалъ бы удвоиться или утроиться, чтобы успѣть все видѣть и сдѣлать»..... «Мы прилагаемъ всѣ усилія, чтобы проявить нашу признательность. Но зато у насъ почти нѣтъ минуты покоя какъ для того, чтобы выполнить обязанности, налагаемыя на насъ оказываемыми намъ вниманіемъ и вѣжливостью, такъ и для того, чтобы не упустить чего-либо замѣчательнаго по части интересныхъ предметовъ; а правду сказать, государственная машина здѣсь слишкомъ хороша и велика, чтобы на каждомъ шагу не представлять чего-либо интереснаго, въ особенности же, въ виду большой аналогіи ея въ общемъ съ нашею. Начиная съ главы, есть что изучить для моего ремесла» [1].

Приведемъ здѣсь одинъ эпизодъ изъ пребыванія Павла Петровича въ Вѣнѣ, который не лишенъ значенія для характеристики самой личности цесаревича, какою именно она представлялась современникамъ.

Предположено было сыграть въ его присутствіи въ придворномъ театрѣ Гамлета, но актеръ Брокманъ (Brokman) отказался исполнить въ трагедіи свою роль, подъ тѣмъ предлогомъ, что въ такомъ случаѣ въ залѣ очутятся два Гамлета. Императоръ Іосифъ пришелъ въ такой восторгъ отъ своевременнаго историческаго предостереженія, сдѣланнаго предусмотрительнымъ актеромъ, что послалъ Брокману 50 дукатовъ въ награду за счастливую мысль. Такимъ образомъ цесаревичъ лишенъ

[1] «Je vous dirai sur mon séjour ici, que nous sommes au mieux, comblés d'amitié de l'Empereur et de politesse de tout le monde; en général, c'est un séjour charmant et surtout en famille comme nous le sommes. Je voudrais me rendre double ou triple pour suffire à ce que je voudrais voir et faire». (Изъ письма отъ 3-го декабря 1781 года изъ Вѣны).

«Nous mettons-nous en quatre pour montrer notre reconnaissance. Aussi n'avons nous presque pas de moments de repos tant pour suffire à ce que la politesse et les égards nous imposent, que pour ne rien laisser échapper de remarquable en fait d'objets intéressants, et en conscience la machine n'est que trop belle et trop grande pour ne pas en offrir à chaque pas et surtout par la grande analogie de la masse avec la nôtre. Il y a de quoi étudier pour mon métier à commencer par le chef». (Изъ письма отъ 17-го декабря 1781 года изъ Вѣны). Сборникъ И. Р. И. О., т. 20-й, стр. 432 и 433.

былъ случая увидѣть на сценѣ безсмертное твореніе англійскаго драматурга, а мы утратили возможность прослѣдить впечатлѣніе, которое оно произвело бы, безъ сомнѣнія, на неустанно работавшее болѣзненное воображеніе Павла; въ Россіи же въ царствованіе императрицы Екатерины Гамлетъ не появлялся на русской сценѣ [1].

Іосифъ II воспользовался пребываніемъ цесаревича въ Вѣнѣ, чтобы сообщить ему секретный союзный договоръ съ Россіею. Екатерина встрѣтила это извѣстіе не съ особеннымъ удовольствіемъ и писала императору: «Смѣю думать, что сынъ мой, въ силу даннаго имъ обѣщанія, сохранитъ все это въ самой строгой тайнѣ, исполняя тѣмъ желанія вашего императорскаго величества, хотя его юные годы мало обезпечиваютъ его отъ происковъ людей, которые дѣлаютъ своимъ промысломъ вывѣдываніе подобныхъ тайнъ» [2].

Недовѣріе Екатерины къ сыну было не напрасное; приводимый нами ниже разговоръ цесаревича съ братомъ императора, во Флоренціи, ясно обрисовываетъ, съ какими чувствами Павелъ Петровичъ относился къ управленію своей матери, ревниво оберегая свою прусскую политическую точку зрѣнія [3].

9-го января 1782 года графъ и графиня Сѣверные разстались съ Вѣною и черезъ Тріестъ прибыли въ Венецію; затѣмъ они продолжали путь черезъ Падую, Болонью, Анкону и Римъ въ Неаполь. Здѣсь ихъ ожидалъ графъ А. К. Разумовскій.

Шесть лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ цесаревичъ разстался при совершенно исключительныхъ обстоятельствахъ со своимъ другомъ.

[1] При императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ труппа Ф. Г. Волкова давала Гамлета въ Сумароковской передѣлкѣ.

[2] «J'ose croire, puisque mon fils l'a promis, qu'il en gardera selon les désirs de V. M. I. le secret le plus strict, quelque peu impénétrable que soit d'ailleurs sa jeunesse pour ceux qui sont accoutumés à faire le métier de scrutateurs de pareils secrets». (Письмо Екатерины къ Іосифу II отъ 3-го января 1782 года изъ Петербурга). Arneth: Ioseph II und Katharina von Russland, p. 117.

Сближеніе Россіи съ Австріею, закрѣпленное путешествіемъ цесаревича, разогорчило до чрезвычайности Фридриха Великаго. Гнѣвъ его немедленно обрушился на старшаго брата великой княгини Маріи Ѳеодоровны, принца Фридриха; король уволилъ его изъ прусской службы. Екатерина, разгнѣванная, въ свою очередь, этимъ поступкомъ своего бывшаго союзника, тотчасъ предложила принцу мѣсто генералъ-губернатора въ русской Финляндіи. «Vous y avez vu ma bonne volonté», писала императрица цесаревичу и великой княгинѣ, обрадовавъ ихъ своимъ рѣшеніемъ. Принцъ Фридрихъ встрѣтился съ цесаревичемъ въ Венеціи и явился ко двору Екатерины незадолго до возвращенія наслѣдника въ Россію.

[3] См. въ приложеніяхъ характеристику цесаревича, великой княгини и ихъ свиты, написанную императоромъ Іосифомъ для своего брата Леопольда, великаго герцога Тосканскаго.

Но страсти еще не улеглись. По семейному преданію цесаревичъ, увидавъ у подъѣзда дома, гдѣ онъ долженъ былъ остановиться, графа Разумовскаго, схватилъ его за руку и повлекъ въ пустую комнату; тамъ, вынувъ изъ ноженъ шпагу, онъ сталъ въ позицію, воскликнувъ: «Flamberge au vent, monsieur le comte!» Сопровождавшіе цесаревича кавалеры лишь съ трудомъ могли успокоить его [1]. Можетъ быть, это анекдотъ, а анекдоты, по мнѣнію князя П. А. Вяземскаго, часто оказываются не безъ лигатуры и лживаго чекана. Но, во всякомъ случаѣ, не подлежитъ уже сомнѣнію, что великій князь обошелся съ Разумовскимъ холодно и сдержанно; тѣнь давно прошедшихъ событій все-таки разлучила бывшихъ друзей навсегда.

Изъ Неаполя великій князь съ супругою возвратились въ Римъ, гдѣ они пробыли три недѣли. «Здѣшнее пребываніе наше пріятно со стороны древностей, художествъ и самой лѣтней погоды», писалъ цесаревичъ къ Платону. Послѣ перваго же осмотра церкви св. Петра онъ въ письмѣ выразилъ желаніе, чтобы его другъ, архіепископъ московскій, «въ таковой въ Москвѣ служилъ». Съ папою Піемъ VI цесаревичъ имѣлъ нѣсколько свиданій.

Послѣ Рима графъ и графиня Сѣверные посѣтили Флоренцію. Пребываніе при дворѣ великаго герцога представляло для Маріи Θеодоровны особенный интересъ; она познакомилась здѣсь съ женихомъ своей сестры, эрцъ-герцогомъ Францомъ. Вообще между великокняжеской четой и тосканскимъ дворомъ установились наилучшія отношенія. Поэтому неудивительно, что въ бесѣдахъ своихъ съ великимъ герцогомъ цесаревичъ нарушилъ соблюдавшуюся имъ до тѣхъ поръ, во время пути, сдержанность въ высказываніи мнѣній относительно отечественныхъ дѣлъ. Онъ, не стѣсняясь, въ рѣзкихъ выраженіяхъ осуждалъ завоевательную политику своей матери, находя, что Россія достаточно велика и не нуждается въ новыхъ пріобрѣтеніяхъ, но требуетъ заботливаго отношенія къ внутреннимъ дѣламъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ великій князь выразилъ величайшее презрѣніе къ ближайшимъ сотрудникамъ императрицы, считая ихъ подкупленными вѣнскимъ дворомъ. Великій герцогъ возразилъ, что ему ничего объ этомъ неизвѣстно. «А я ихъ знаю, и я вамъ назову ихъ»,— отвѣтилъ Павелъ Петровичъ: —«это князь Потемкинъ, секретарь императрицы Безбородко, Бакунинъ, графы Семенъ и Александръ Воронцовы и Морковъ, который теперь посланникомъ въ Голландіи [2]. Я вамъ называю ихъ, потому что я очень радъ, если узнаютъ, что мнѣ извѣстно,

[1] Семейство Разумовскихъ, т. 3-й, стр. 62.

[2] Аркадій Ивановичъ Морковъ назначенъ былъ вторымъ министромъ къ генеральнымъ штатамъ Соединенныхъ Нидерландовъ. Чрезвычайнымъ посломъ былъ князь Дмитрій Алексѣевичъ Голицынъ.

Pawlowsky ce 10 Juillet
1796.

Je viens de recevoir ce matin votre Lettre Mademoiselle, et je m'empresse d'y répondre pour vous assurer que j'ai vu avec plaisir et sensibilité les expressions de vos sentimens, et le cher Grand Duc et moi, nous vous en remercions sincèrement et vous prions d'être persuadée de tout notre Empressement à vous prouver en toute occasion les nôtres. Recevez encore Mademoiselle mes remerciemens des félicitations que vous m'adressez sur mon heureuse délivrance et la Naissance de mon fils, qui comble mes vœux. Dieu veuille me le conserver, je l'espère de sa santé, car il paroît être très fort, robuste et bien constitué; on le trouve beau et je vous avoue qu'il le paroît à mes yeux. Le Grand Duc me charge expressément de vous faire ses complimens, Madame de la Font trouve ici les siens, et vous Mademoiselle recevez les assurances vraies que je suis et serai constamment

Votre bien affectionnée,

Marie.

ПИСЬМО ВЕЛИКОЙ КНЯГИНИ МАРІИ ѲЕОДОРОВНЫ КЪ НЕИЗВѢСТНОЙ ОСОБѢ, НАПИСАННОЕ ПОСЛѢ РОЖДЕНІЯ ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ НИКОЛАЯ ПАВЛОВИЧА.

кто они такіе, и лишь только я буду имѣть власть, я ихъ высѣку, разжалую и выгоню (dès que j'aurai quelque chose à ordonner, je les ferai ausruthen et les casserai et chasserai)» [1].

Кажется, трудно было выразить порицаніе въ болѣе рѣзкой и безпощадной формѣ. Но Павелъ Петровичъ не удовольствовался осужденіемъ существовавшаго въ Россіи порядка и вмѣстѣ съ тѣмъ, въ припадкѣ откровенности, развернулъ передъ своимъ изумленнымъ слушателемъ безотрадную картину порядковъ будущаго царствованія! Права была Екатерина, когда она, нѣсколько позже, въ предчувствіи угрожавшихъ Россіи бѣдъ, сказала: «Вижу, въ какія руки попадетъ имперія послѣ моей смерти».

Изъ Флоренціи цесаревичъ проѣхалъ черезъ Ливорно, Парму [2] и Миланъ въ Туринъ. Здѣсь Марія Θеодоровна очень подружилась съ Маріею-Клотильдою, супругою наслѣдника Сардинскаго короля и сестрою Людовика XVI. Дружескія отношенія, установившіяся тогда съ савойскимъ домомъ, не остались безъ вліянія на будущую русскую политику. Изъ Турина путешественники направились въ Ліонъ, а затѣмъ въ Парижъ, куда прибыли 7-го (18-го) мая. Здѣсь русскихъ путешественниковъ ожидалъ самый сочувственный и предупредительный пріемъ какъ въ Версалѣ, такъ и въ самой столицѣ.

«Вы видите, откуда я вамъ пишу»,—читаемъ мы въ письмѣ Павла Петровича къ барону Сакену отъ 14-го (25-го) мая 1782 года,—«изъ настоящаго водоворота, людей, вещей и событій; молю Бога, чтобы Онъ даровалъ мнѣ силы справиться со всѣмъ. Другъ мой, я вижу здѣсь совершенно иное, чѣмъ то, что мнѣ извѣстно было доселѣ. Я еще не знаю, что я буду дѣлать, я едва помню, что со мной было; вотъ какой я веду образъ жизни въ данный моментъ; но когда немного заботишься о своей репутаціи, то труды и бдѣніе не кажутся страшными. Сѣешь для того, чтобы собирать жатву, и тогда чувствуешь себя вознагражденнымъ за все. Вспоминайте иногда о вашемъ другѣ и молите за него Бога» [3].

[1] Великій герцогъ Леопольдъ не замедлилъ сообщить своему брату, императору, разговоръ цесаревича въ особомъ письмѣ. (См. въ приложеніяхъ). Всего болѣе поражаетъ то обстоятельство, что Павелъ Петровичъ нашелъ возможнымъ поставить на одну доску съ Морковымъ такихъ почтенныхъ лицъ, какими должны быть безспорно признаны графы Семенъ и Александръ Романовичи Воронцовы.

[2] См. въ приложеніяхъ хвалебное привѣтствіе, поднесенное цесаревичу въ Пармѣ типографомъ Джовани Бодони и напечатанное имъ одновременно на русскомъ и латинскомъ языкахъ.

[3] «Vous voyez d'où je vous écris, c'est à dire d'un tourbillon d'hommes, de choses et de faits; que le bon Dieu me donne des forces suffisantes pour suffire à tout. Mon ami, c'est encore tout autre, que ce que j'ai vu jusqu'à cette heure. Je ne sais pas trop ce que je ferai, à peine sais-je ce que j'ai fait; tel est le train de vie du moment, mais quand on

Старанія Павла Петровича, о которыхъ онъ говоритъ въ приведенномъ нами письмѣ, увѣнчались успѣхомъ; цесаревичъ произвелъ благопріятное впечатлѣніе какъ при дворѣ, такъ и въ Парижѣ [1]. Гриммъ въ своей литературной перепискѣ посвятилъ этому обстоятельству нѣсколько строкъ. Онъ пишетъ:

«Въ Версалѣ великій князь производилъ впечатлѣніе, что знаетъ французскій дворъ, какъ свой собственный. Въ мастерскихъ нашихъ художниковъ (въ особенности, онъ осмотрѣлъ съ величайшимъ вниманіемъ мастерскія Грёза и Гудона) онъ обнаружилъ такое знаніе искусствъ, которое могло только сдѣлать его похвалу болѣе цѣнною для художниковъ. Въ нашихъ лицеяхъ, академіяхъ своими похвалами и вопросами онъ доказалъ, что не было ни одного рода таланта и работъ, который не возбуждалъ бы его вниманія, и что онъ давно зналъ всѣхъ людей, знанія или добродѣтели которыхъ дѣлали честь ихъ вѣку и ихъ странѣ. Его бесѣды и всѣ слова, которыя остались въ памяти, обнаружили не только весьма проницательный, весьма образованный умъ, но и утонченное пониманіе всѣхъ оттѣнковъ нашихъ обычаевъ и всѣхъ тонкостей нашего языка» [2].

Въ Парижѣ, подобно тому, какъ и во всѣхъ случаяхъ, когда онъ того желалъ, Павелъ Петровичъ очаровалъ французское общество. Суворовскій «prince adorable» проявилъ себя во всемъ блескѣ; цесаревичъ, согласно его выраженію, сѣялъ и сѣялъ старательно: въ награду

travaille un peu à sa réputation, ni fatigue, ni veille n'effraient. On sème pour recueillir et tout est recompensé. Pensez, mon ami, au vôtre et priez Dieu pour lui». Сборникъ И. Р. И. О., т. 20-й, стр. 435.

[1] Во время придворнаго бала въ Версалѣ цесаревичъ нашелъ счастливое слово, обрадовавшее французовъ. Толпа придворныхъ окружала короля; тутъ же находился цесаревичъ, и на замѣчаніе Людовика XVI, что ихъ тѣснятъ, великій князь сказалъ: «Извините, ваше величество; я въ эту минуту считалъ себя за одного изъ подданныхъ вашихъ и подобно имъ находилъ, что чѣмъ ближе къ вамъ, тѣмъ лучше».—Однимъ словомъ: «aux courtisans jaloux il apprend l'art de plaire».

Однажды въ толпѣ раздались голоса, что цесаревичъ некрасивъ собою. Павелъ Петровичъ на это остроумно замѣтилъ: «Si les français sont aimables, on ne peut pas non plus les accuser de manque de franchise».

[2] «A Versailles il avait l'air de connaître la cour de France aussi bien que la sienne. Dans les ateliers de nos artistes (il a vu surtout avec le plus grand intérêt ceux de M. M. Greuze et Houdon), il décelait toutes les connaissances de l'art qui pouvait leur rendre l'honneur de son suffrage plus précieux. Dans nos lycées, nos académies il prouvait, par ses éloges et par ses questions, qu'il n'y avait aucun genre de talents et de travaux, qui n'eût quelque droit à l'intéresser, et qu'il connaissait depuis longtemps tous les hommes dont les lumières ou les vertus ont honoré leur siècle et leur pays. Sa conversation et tous les mots qu'on en a retenus, annoncent non seulement un esprit très fin, très cultivé, mais encore un sentiment exquis de toutes les convenances de nos usages et de toutes les délicatesses de notre langue». Correspondance littéraire, philosophique et critique de Grimm (nouvelle édition). Paris. 1830. T. II, p. 151.

ему выпала обильная жатва одобренія. «Je me mettrai jusqu'aux oreilles pour leur rendre le séjour d'ici agréable», сказала королева Марія-Антуанета, готовясь встрѣтить русскихъ гостей. Дѣйствительно, старая французская монархія представилась цесаревичу во всемъ блескѣ своего отживавшаго величія. Пріемы, празднества, балы въ Версалѣ, Тріанонѣ, Шантильи, быстро слѣдовали одинъ за другимъ. Старый маршалъ Биронъ угостилъ даже великаго князя смотромъ французскихъ войскъ на Марсовомъ полѣ. Но за веселіемъ послѣдовали и огорченія; нежданная гроза вдругъ разразилась надъ бѣдными путешественниками. Цесаревичъ получилъ отъ императрицы письмо, которое снова вызвало дремавшія въ немъ мрачныя мысли. Екатерина писала 25-го апрѣля изъ Царскаго Села:

«На сихъ дняхъ приказала я арестовать флигель-адъютанта моего Павла Бибикова [1], по причинѣ продерзостныхъ его поступковъ, кои суть примѣръ необузданности, развращающей всѣ обязательства; изъ слога письма его, писаннаго князю Куракину, можете осмотрѣть сіе пространно. Онъ самъ уже признался вралемъ неблагодарнымъ и совершеннымъ невѣждою военныхъ регулъ и дисциплины, которая, однако, есть душа службы. Я увѣрена, что вы, увидя вышереченное письмо, наполненное столь черными выраженіями, будете имѣть къ таковой корреспонденціи должное презрѣніе» [2].

Въ другомъ, позднѣйшемъ, письмѣ, отъ 7-го іюня, императрица снова возвращается къ дѣлу, причинившему цесаревичу немало тревогъ: ему приходилось опасаться отозванія въ Петербургъ близкаго ему человѣка, князя Александра Борисовича Куракина. Екатерина писала:

«О дѣлѣ Бибикова я должна сказать вамъ, что этотъ человѣкъ, осыпанный мною благодѣяніями, какъ и все его семейство, человѣкъ неблагодарный, исполненный самой ѣдкой злобы (aigreur amère) противъ вашей матери. Этотъ разрушительный порокъ всѣхъ обществъ не принадлежитъ къ числу занятій, заслуживающихъ поощренія. Но что такой человѣкъ находитъ льстецовъ, это многое доказываетъ..... Что касается Бибикова, то онъ, изобличенный въ неблагодарности и лжи, рѣшился на единственный остававшійся ему исходъ: онъ раскаялся, просилъ прощенія и выказалъ душу и разумъ ребенка, заслужившаго наказаніе розгами (il a montré l'âme et l'esprit d'un enfant, qui méritait d'avoir la verge). Все это дѣло могло бы послужить трактатомъ нравственности для молодежи. Но какое бы раскаяніе онъ ни обнаружилъ, чего можно

[1] Это былъ сынъ генерала А. И. Бибикова, извѣстнаго Екатерининскаго дѣятеля, умершаго во время усмиренія Пугачевскаго бунта.

[2] Сборникъ И. Р. И. О., т. 9-й, стр. 145.

ожидать отъ головы, наполненной бабьими сплетнями, главнѣйшее и любимѣйшее занятіе которой состоитъ въ повтореніи сплетенъ, составляющемъ главное орудіе клеветы; какъ бы это занятіе ни было вредно для частнаго или общественнаго блага, главное, чтобы занимающіеся этимъ могли собирать и распускать подобнаго рода нравственныя испанскія мушки. Мои принципы за волосы вытащили этого молодого человѣка изъ пропасти, въ которую онъ погрузился, потому что тонъ мой менѣе трагиченъ, чѣмъ тонъ моихъ предшественниковъ (mon ton est moins tragique, que celui de mes prédecesseurs). Говорю вамъ это, мои дорогія дѣти, потому что моя нѣжность къ вамъ желаетъ, чтобы вы извлекли изъ этого пользу для настоящаго и будущаго (ma tendresse pour vous désire que vous en fassiez vos choux gras pour le temps présent et l'avenir). Что касается до большого письма, написаннаго мнѣ по этому поводу княземъ Куракинымъ, то я велю, если онъ того пожелаетъ, положить его въ архивъ рядомъ съ отвѣтомъ Бибикову [1], чтобы оно служило доказательствомъ, какъ онъ отрекается отъ чувствъ неблагодарности своего корреспондента и опровергаетъ то, что тотъ легкомысленно осмѣлился заявить въ своемъ письмѣ, что онъ съ дѣтства не имѣлъ отъ него никакихъ тайныхъ мыслей» [2].

[1] Замѣтимъ здѣсь, что отвѣтное письмо князя Куракина къ Бибикову было также перехвачено. Въ немъ князь Александръ Борисовичъ писалъ, что образъ мыслей Бибикова достоинъ сочувствія всѣхъ честныхъ людей. Этимъ обстоятельствомъ объясняется пренебреженіе, которое императрица проявила относительно оправдательнаго всеподданнѣйшаго письма князя Куракина. Одновременно съ Бибиковымъ писалъ цесаревичу графъ Никита Ивановичъ Панинъ, но это письмо не удалось перехватить.

См. въ приложеніяхъ перехваченное письмо флигель-адъютанта Бибикова отъ 1-го апрѣля 1782 года.

[2] «Sur l'affaire de Bibikoff, j'ai à vous dire, que cet homme comblé de bienfaits par moi, ainsi que toute sa famille, est un ingrat, dont l'esprit était rempli d'une aigreur amère contre votre mère. Ce vice destructeur de toute société n'est pas du nombre des métiers qui méritent l'encouragement. Mais que pareil homme trouve des flatteurs et des adulateurs, cela prouve bien des choses.... Pour Bibikoff convaincu d'ingratitude et de mensonges, il a pris l'unique parti, qui lui restait: il s'est repenti, il a demandé pardon, il a montré l'âme et l'esprit d'un enfant, qui méritait d'avoir la verge. Toute cette affaire pourrait servir de traité de morale pour la jeunesse, mais quelque repentance qu'il ait montré, que peut-on espérer d'un cerveau nourri de propos de commères et dont la principale et la plus chère occupation consiste en dits redits dont la calomnie fait ordinairement le principal ingrédient, quelque nuisible qu'elle soit au bien particulier ou public n'importe, pourvu que ceux qui s'en occupent puissent ramasser et débiter des mouches cantharrides morales de cette force là. Mes principes ont retiré par les cheveux ce jeune homme du gouffre où il s'était plongé, parce que mon ton est moins tragique, que celui de mes prédécesseurs. Je vous mande cela, mes chers enfants, parce que ma tendresse pour vous désire que vous en fassiez vos choux gras pour le temps présent et l'avenir. Quant à la grande lettre que le prince Kourakin m'a faite à ce sujet, s'il le veut, je la ferai déposer dans les archives à côté de la réponse à Bibikoff, pour qu'elle fasse preuve comme quoi

Можетъ быть, подъ впечатлѣніемъ смущенія и неудовольствія, вызваннаго извѣстіями, полученными изъ Петербурга, цесаревичъ на вопросъ, сдѣланный Людовикомъ XVI, правда ли, что въ его свитѣ нѣтъ лица, на которое онъ могъ бы положиться, отвѣчалъ королю: «Я былъ бы очень недоволенъ, если бы возлѣ меня находился какой-нибудь привязанный ко мнѣ пудель: прежде, чѣмъ мы оставили бы Парижъ, мать моя велѣла бы бросить его въ Сену съ камнемъ на шеѣ». Достовѣрность этихъ жестокихъ словъ, произнесенныхъ въ присутствіи довольно большого числа лицъ и оскорблявшихъ Екатерину, какъ императрицу и мать, не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію; она засвидѣтельствована почти въ одинаковыхъ выраженіяхъ двумя очевидцами: королевой Маріей-Антуанетою и госпожею Кампанъ[1].

Марія Θеодоровна была сдержаннѣе въ своихъ отзывахъ объ императрицѣ; искренно или нѣтъ, она сказала священнику церкви св. Сульпиція, восхвалявшему Екатерину: «Да, вы правы, императрица — мать своихъ подданныхъ; она въ одно и то же время и лучшая голова, и лучшее сердце въ Европѣ». Свидѣтельница этого разговора, баронесса Оберкирхъ, замѣчаетъ въ своихъ запискахъ, что она никогда не слышала, чтобы графиня Сѣверная выражалась инымъ образомъ; по ея словамъ, тѣ, которые предполагали обратное, ошибались[2].

Il désavoue les sentiments d'ingratitude de son correspondant et lui donne un démenti sur ce que l'autre a osé avancer dans la sienne, qu'il n'avait aucune pensée secrète pour lui dès son enfance». Сборникъ И. Р. И. О., т. 9-й, стр. 157—159.

[1] «La politique cruelle de la czarine a ressorti singulièrement dans un mot du grand duc au roi qui lui avait demandé, s'il était vrai qu'il n'y avait pas dans toute sa suite une seule personne sur qui il pût compter. «Ah, bien, s'écria-t-il, je serais bien fâché qu'il y eût auprès de moi de moindre caniche fidèle à ma personne dans ma suite; ma mère l'aurait fait jeter à l'eau avant que nous ayons quitté Paris». Ce qu'il y a de singulier, c'est qu'il n'était pas seul avec le roi, quand il a tenu ce propos». (Hunolstein: Correspondance inédite de Marie Antoinette. Paris. 1864, p. 124).

«Le roi demanda un jour au grand duc de Russie s'il était vrai qu'il ne pût compter sur la foi d'aucun de ceux qui l'accompagnent; ce prince lui répondit, sans hésiter et devant un assez grand nombre de personnes, qu'il serait très fâché d'avoir avec lui un caniche qui lui fût très attaché, parce qu'il ne quitterait pas Paris que sa mère ne l'eût fait jeter à la Seine avec une pierre au cou. Cette réponse que j'entendis me fit peur, soit qu elle peignit le caractère de Catherine, soit qu'elle exprimât les préventions de ce prince». (Madame Campan: Mémoires, t. 1, p. 241).

[2] «Vous avez bien raison. L'Impératrice est la mère de ses sujets; c'est à la fois la plus forte tête et le meilleur coeur de l'Europe».—Je n'ai jamais entendu madame la comtesse du Nord tenir un autre langage; ceux qui ont cru à d'autres dispositions, se sont trompés». Mémoires de la baronne d'Oberkirch, t. 1, p. 262.

Письма Маріи Θеодоровны къ императрицѣ, къ ея «adorable et chère maman», относящіяся ко времени путешествія, преисполнены выраженіями самыхъ нѣжныхъ чувствъ любви и преданности. Для примѣра приведемъ здѣсь нѣсколько строкъ изъ письма отъ 5-го (16-го) іюня изъ Версаля:

Разставшись 8-го (19-го) іюня съ Парижемъ, графъ и графиня Сѣверные черезъ Орлеанъ, Туръ и Анжеръ поѣхали въ Брестъ, а затѣмъ, посѣтивъ Руанъ, Аміенъ и Лиль, вступили въ Австрійскіе Нидерланды.

III.

Въ Брюсселѣ цесаревичъ разсказалъ собравшемуся у него вечеромъ обществу одинъ фантастическій эпизодъ изъ своей жизни, который слѣдуетъ привести въ нашемъ повѣствованіи, какъ превосходную характеристику ненормальной, нервной натуры Павла Петровича [1].

29-го іюня (10-го іюля) 1782 года, прослушавъ оперу въ брюссельскомъ театрѣ, путешественники сѣли ужинать; великая княгиня, утомившись переѣздомъ въ тотъ же день изъ Гента, удалилась въ свои покои. Присутствовали цесаревичъ, баронесса Оберкирхъ, князь де-Линь, князь Александръ Алексѣевичъ Куракинъ и нѣсколько другихъ приглашенныхъ лицъ. Разговоръ перешелъ на предчувствія, сны, предзнаменованія; каждый разсказалъ что-либо изъ своей жизни, подкрѣпивъ свое повѣствованіе тѣми или иными доказательствами. Великій князь не сказалъ ни слова; тогда князь де-Линь обратился къ нему съ вопросомъ, развѣ ему нечего разсказать, или въ Россіи нѣтъ ничего чудеснаго. «Les sorciers et les diables vous ont-ils épargné dans leurs maléfices, ainsi que disaient les anciens?».

«La dernière lettre de V. M. I. m'a transportée de joie et sa dernière ligne restera à tout jamais gravée dans mon coeur, comme le plus précieux témoignage de sa tendresse pour nous, qui nous est en vérité plus chère que la vie. Si vous ressentez, mon adorable maman, un serrement de coeur en nous voyant si longtemps éloignés de vous, vous, qui êtes cependant entourée de deux autres nous-mêmes, daignez juger ce que nous devons souffrir d'être éloignés et de vous et d'eux. Ah, madame, le bonheur ne se trouve que chez vous, il émane de vous, et je ne puis être heureuse qu'en me retrouvant à vos pieds, enfin, grâce au ciel, le moment approche à grands pas, et dans cinq mois vous nous verrez à vos pieds. Tous nos moments seront consacrés à vous prouver notre respect et tendresse et à mériter vos bontés».

Упомянутыя въ этомъ письмѣ строки письма императрицы, которыя привели Марію Ѳеодоровну въ восторгъ, заключались въ слѣдующемъ:

«Revenez donc au plus vite—ne serait-ce que pour ôter cet air languissant à Pavlofsky». (Изъ письма Екатерины отъ 2-го мая 1782 года изъ Царскаго Села).

[1] Трудно опредѣлить въ точности, къ какому году относится разсказанный цесаревичемъ случай. Но такъ какъ князь Александръ Борисовичъ Куракинъ возвратился въ Петербургъ изъ-за границы только въ 1772 году, а цесаревичъ женился въ 1773 году, то возможно предположить, что разсказанный здѣсь случай произошелъ въ этотъ промежутокъ времени.

Великій князь покачалъ головою.

— Куракинъ знаетъ,—сказалъ онъ,—что и мнѣ было бы возможно разсказать не менѣе другихъ. Но я стараюсь удалить подобныя мысли: онѣ меня когда-то достаточно мучили.

Никто не возражалъ. Великій князь посмотрѣлъ на своего друга и продолжалъ съ оттѣнкомъ грусти:

— Не правда ли, Куракинъ, что со мною приключилось кое-что очень странное?

— Даже столь странное, государь, что при всемъ уваженіи къ вашимъ словамъ я могу лишь приписать этотъ фактъ игрѣ вашего воображенія.

— Нѣтъ, это правда, сущая правда, и если г-жа Оберкирхъ дастъ слово никогда не говорить объ этомъ моей женѣ, я разскажу вамъ, въ чемъ было дѣло. Но я также попрошу васъ, господа, сохранить эту дипломатическую тайну,—прибавилъ онъ улыбаясь,—потому что я вовсе не желаю, чтобы по Европѣ разошлась исторія о привидѣніи, разсказанная мною, да еще о себѣ.

Всѣ дали слово. Тогда великій князь началъ свой разсказъ.

— Однажды вечеромъ или, скорѣе, ночью я, въ сопровожденіи Куракина и двухъ слугъ, шелъ по улицамъ Петербурга. Мы провели вечеръ у меня, разговаривали и курили, и намъ пришла мысль выйти изъ дворца инкогнито, чтобы прогуляться по городу при лунномъ свѣтѣ. Погода не была холодная, дни удлинялись; это было въ лучшую пору нашей весны, столь блѣдной въ сравненіи съ этимъ временемъ года на югѣ. Мы были веселы; мы вовсе не думали о чемъ-либо религіозномъ или даже серіозномъ, и Куракинъ такъ и сыпалъ шутками насчетъ тѣхъ не многихъ прохожихъ, которые встрѣчались съ нами. Я шелъ впереди, предшествуемый, однако, слугою; за мною, въ нѣсколькихъ шагахъ, слѣдовалъ Куракинъ, а сзади въ нѣкоторомъ разстояніи шелъ другой слуга. Луна свѣтила такъ ярко, что было бы возможно читать тѣни ложились длинныя и густыя. При поворотѣ въ одну изъ улицъ я замѣтилъ въ углубленіи однѣхъ дверей высокаго и худого человѣка, завернутаго въ плащъ, въ родѣ испанскаго, и въ военной, надвинутой на глаза шляпѣ. Онъ, казалось, поджидалъ кого-то, и, какъ только мы миновали его, онъ вышелъ изъ своего убѣжища и подошелъ ко мнѣ съ лѣвой стороны, не говоря ни слова. Невозможно было разглядѣть черты его лица; только шаги его по тротуару издавали странный звукъ, какъ будто камень ударялся о камень. Я былъ сначала изумленъ этой встрѣчей; затѣмъ мнѣ показалось, что я ощущаю охлажденіе въ лѣвомъ боку, къ которому прикасался незнакомецъ. Я почувствовалъ охватившую меня всего дрожь и, обернувшись къ Куракину, сказалъ:

— Мы имѣемъ страннаго спутника!

— Какого спутника?—спросилъ онъ.

— Вотъ того, который идетъ у меня слѣва и который, какъ мнѣ кажется, производитъ достаточный шумъ.

Куракинъ въ изумленіи раскрывалъ глаза и увѣрялъ меня, что никого нѣтъ съ лѣвой стороны.

— Какъ? Ты не видишь человѣка въ плащѣ, идущаго съ лѣвой стороны, вотъ между стѣною и мною.

— Ваше высочество, сами соприкасаетесь со стѣною, и нѣтъ мѣста для другого лица между вами и стѣною.

Я протянулъ руку; дѣйствительно, я почувствовалъ камень. Но все-таки человѣкъ былъ тутъ и продолжалъ итти со мною въ ногу, при чемъ шаги его издавали попрежнему звукъ, подобный удару молота. Тогда я началъ разсматривать его внимательно и замѣтилъ изъ-подъ упомянутой мною шляпы особенной формы такой блестящій взглядъ, какого не видѣлъ ни прежде, ни послѣ. Взглядъ его, обращенный ко мнѣ, очаровывалъ меня; я не могъ избѣгнуть дѣйствія его лучей.

— Ахъ,—сказалъ я Куракину,—я не могу передать, что я чувствую, но что-то странное.

Я дрожалъ не отъ страха, но отъ холода. Какое-то странное чувство постепенно охватывало меня и проникало въ сердце. Кровь застывала въ жилахъ. Вдругъ глухой и грустный голосъ раздался изъ-подъ плаща, закрывавшаго ротъ моего спутника, и назвалъ меня моимъ именемъ:

— Павелъ!

Я невольно отвѣчалъ, подстрекаемый какой-то невѣдомой силой.

— Что тебѣ нужно?

— Павелъ!—повторилъ онъ.

На этотъ разъ голосъ имѣлъ ласковый, но еще болѣе грустный оттѣнокъ. Я ничего не отвѣчалъ и ждалъ; онъ снова назвалъ меня по имени, а затѣмъ вдругъ остановился. Я вынужденъ былъ сдѣлать то же самое.

— Павелъ, бѣдный Павелъ, бѣдный князь!

Я обратился къ Куракину, который также остановился.

— Слышишь?—сказалъ я ему.

— Ничего, государь, рѣшительно ничего. А вы?

Что касается до меня, то я слышалъ; этотъ плачевный голосъ еще раздавался въ моихъ ушахъ. Я сдѣлалъ отчаянное усиліе надъ собою и спросилъ таинственнаго незнакомца, кто онъ, и чего онъ отъ меня желаетъ.

— Бѣдный Павелъ! Кто я? Я тотъ, кто принимаетъ въ тебѣ участіе. Чего я желаю? Я желаю, чтобы ты не особенно привязывался къ этому

міру, потому что ты не останешься въ немъ долго. Живи какъ слѣдуетъ, если желаешь умереть спокойно, и не презирай укоровъ совѣсти: это величайшая мука для великой души. (Je veux que tu ne t'attaches pas trop à ce monde, car tu n'y resteras pas longtemps. Vis en juste, si tu désire mourrir en paix et ne méprise pas les remords: c'est le supplice le plus poignant des grandes âmes).

Онъ пошелъ снова, глядя на меня все тѣмъ же проницательнымъ взоромъ, который какъ бы отдѣлялся отъ его головы. И какъ прежде я былъ долженъ остановиться, слѣдуя его примѣру, такъ и теперь я вынужденъ былъ слѣдовать за нимъ. Онъ перестать говорить, и я не чувствовалъ потребности обратиться къ нему съ рѣчью. Я шелъ за нимъ, потому что теперь онъ давалъ направленіе нашему пути; это продолжалось еще болѣе часу, въ молчаніи, и я не могу вспомнить, по какимъ мѣстамъ мы проходили. Куракинъ и слуги удивлялись.

— Посмотрите на него,—прервалъ свой разсказъ великій князь, указывая на Куракина, — онъ улыбается, онъ все еще воображаетъ, что все это я видѣлъ во снѣ.

— Наконецъ,—продолжалъ далѣе Павелъ Петровичъ,—мы подошли къ большой площади между мостомъ черезъ Неву и зданіемъ сената.

Незнакомецъ прямо подошелъ къ одному мѣсту этой площади, къ которому я, конечно, послѣдовалъ за нимъ, и тамъ онъ снова остановился.

— Павелъ, прощай, ты меня снова увидишь здѣсь и еще въ другомъ мѣстѣ. (Paul, adieu, tu me reverra ici et ailleurs encore).

Затѣмъ его шляпа сама собою приподнялась, какъ будто бы онъ прикоснулся къ ней; тогда мнѣ удалось свободно разглядѣть его лицо. Я невольно отодвинулся, увидѣвъ орлиный взоръ, смуглый лобъ и строгую улыбку моего прадѣда Петра Великаго. Ранѣе чѣмъ я пришелъ въ себя отъ удивленія и страха, онъ уже исчезъ. На этомъ самомъ мѣстѣ императрица сооружаетъ знаменитый памятникъ, который изображаетъ царя Петра на конѣ и вскорѣ сдѣлается удивленіемъ всей Европы. Громадная гранитная скала образуетъ основаніе этого памятника. Не я указалъ моей матери на это мѣсто, предугаданное заранѣе призракомъ. Мнѣ страшно, что я боюсь (j'ai peur d'avoir peur), вопреки князю Куракину, который хочетъ меня увѣрить, что это былъ сонъ, видѣнный мною во время прогулки по улицамъ. Я сохранилъ воспоминаніе о малѣйшей подробности этого видѣнія и продолжаю утверждать, что это было видѣніе. Иной разъ мнѣ кажется, что все это еще совершается передо мною. Я возвратился во дворецъ, изнеможенный, какъ бы послѣ долгаго пути, и съ буквально отмороженнымъ лѣвымъ бокомъ. Потребовалось нѣсколько часовъ времени, чтобы отогрѣть меня въ теплой постели, прикрытаго одѣялами. Надѣюсь, что разсказъ мой обстоятеленъ, и что я не даромъ задержалъ васъ.

— Знаете ли вы, государь, что эта исторія значитъ?—сказалъ князь де-Линь.

— Она значитъ, что я умру въ молодыхъ лѣтахъ (je mourrai jeune)[1].

— Извините, если я не раздѣляю вашего мнѣнія,—возразилъ князь де-Линь.—Она несомнѣнно доказываетъ двѣ вещи: во-первыхъ, что не слѣдуетъ гулять ночью, когда хочется спать, и, во-вторыхъ, не слѣдуетъ прикасаться къ стѣнамъ, едва оттаявшимъ, въ такомъ климатѣ, какъ у васъ, государь. Другого заключенія я изъ этого вывести не могу; что же касается вашего знаменитаго прадѣда, то призракъ его, извините меня, существовалъ лишь въ вашемъ воображеніи. Я увѣренъ, что одежда ваша была запачкана пылью отъ домовыхъ стѣнъ съ лѣвой стороны. Не правда ли, князь?—закончилъ де-Линь, повернувшись къ князю Куракину.

Разсказъ цесаревича произвелъ на слушателей глубокое впечатлѣніе, и мы передали его здѣсь въ томъ видѣ, въ какомъ онъ былъ записанъ въ тотъ же вечеръ баронессою Оберкирхъ и напечатанъ въ ея запискахъ[2].

Во время дальнѣйшаго путешествія цесаревичъ, повидимому, сожалѣлъ объ откровенномъ разсказѣ, сдѣланномъ имъ въ Брюсселѣ; онъ неоднократно старался разувѣрить баронессу Оберкирхъ въ дѣйствительности петербургскаго видѣнія. По его словамъ, это была сказка, придуманная съ цѣлью напугать ее. «C'est un conte à dormir debout, c'est une folie, une extravagance pour m'amuser», повторялъ ей не разъ Павелъ Петровичъ. Однако, ему не удалось разубѣдить проницательную баронессу, которой вскорѣ представился случай убѣдиться въ справедливости своей точки зрѣнія. Когда графъ и графиня Сѣверные находились уже въ Монбельярѣ, у родителей Маріи Ѳеодоровны, получено было письмо изъ Петербурга съ описаніемъ торжественнаго открытія 7-го (18-го) августа памятника Петру Великому[3]. Въ то время, когда читали это письмо, це-

[1] Мысль о ранней кончинѣ постоянно преслѣдовала цесаревича. Объ этомъ встрѣчаются указанія въ запискахъ графини Хотекъ. «За обѣдомъ сидѣла я возлѣ великаго князя», пишетъ графиня. «Рѣчь зашла о жизни и разныхъ возрастахъ ея. Затвердите въ памяти слова мои, сказалъ онъ мнѣ, я не достигну до сорока пяти лѣтъ». Цесаревичъ не многимъ ошибся; онъ скончался 47 лѣтъ.

Графиня Хотекъ сопровождала великокняжескую чету изъ Вѣны въ Венецію; она оставила о своемъ путешествіи записки, которыя князь П. А. Вяземскій читалъ въ рукописи и занесъ изъ нихъ въ свою записную книгу нѣсколько отрывковъ.

[2] Mémoires de la baronne d'Oberkirch, t. 1, p. 356—363. Разсказъ цесаревича Павла Петровича о видѣніи Петра Великаго былъ напечатанъ въ «Русскомъ Архивѣ» 1869 года, стр. 517, но не вполнѣ дословно.

[3] «Le 5 je suis venu en ville avec vos enfants, qui se portent très bien. Le 7 la

саревичъ, смотря на баронессу Оберкирхъ, украдкою приложилъ палецъ къ губамъ; хотя онъ старался улыбаться, но баронесса замѣтила, что Павелъ Петровичъ сильно поблѣднѣлъ. Этотъ случай окончательно убѣдилъ подругу Маріи Ѳеодоровны въ томъ, что цесаревичъ не думалъ вовсе шутить во время ужина въ Брюсселѣ и былъ убѣжденъ, что видѣлъ призракъ Петра Великаго [1].

IV.

Какъ и слѣдовало ожидать, цесаревичъ отнесся весьма нелюбезно къ А. П. Моркову, выѣхавшему къ нему на встрѣчу въ Брюссель. При посѣщеніи Лейденскаго университета раздраженіе великаго князя выразилось новою выходкою. Павелъ Петровичъ поблагодарилъ профессоровъ за то, что трудами своими они сдѣлали многихъ русскихъ способными съ пользою служить отечеству. Милостивыя слова эти вызваны были тѣмъ, что князь Александръ Борисовичъ Куракинъ былъ нѣкогда слушателемъ Лейденскаго университета; неумѣстнымъ отзывомъ своимъ, повтореннымъ газетами, великій князь только повредилъ своему другу, надъ которымъ уже безъ того висѣла опала за Бибиковское дѣло. Въ Петербургѣ слова великаго князя не могли пройти незамѣченными; они были оцѣнены по достоинству императрицею, о чемъ свидѣтельствуетъ сухое письмо Екатерины къ путешественникамъ, отъ 28-го іюля, въ которомъ встрѣчаются лаконическія строки: «les nouvelles publiques m'ont appris votre voyage d'Hollande».

Объѣхавъ Нидерланды, побывавъ въ Спа и Ахенѣ, графъ и графиня Сѣверные прибыли во Франкфуртъ, гдѣ ихъ ожидали собравшіяся въ большомъ числѣ различныя нѣмецкія владѣтельныя особы, «des princes sans fin», какъ писала Марія Ѳеодоровна императрицѣ.

statue de Pierre premier a été découverte pour la première fois; elle est très belle, le même soir je suis revenue ici, à Zarsko Sélo».

Письмо императрицы Екатерины отъ 9-го (20-го) августа 1782 года. Сборникъ И. Р. И. О., т. 9-й, стр. 174.

[1] «M. le comte du Nord, pendant qu'on lisait cette lettre, mit, à la dérobée, un doigt sur sa bouche en me regardant. Bien qu'il affectât de sourire, je remarquai qu'il était fort pâle, ce qui me confirma tout à fait dans mon opinion précédente». Mémoires de la baronne d'Oberkirch, t. 1, p. 405.

Припомнимъ здѣсь, что уже Порошинъ приходилъ въ изумленіе отъ силы воображенія своего воспитанника, который представляемые его фантазіей предметы принималъ за дѣйствительно существующіе. Всѣ эти ненормальныя явленія дѣтства Павла Петровича находились въ связи съ частымъ разстройствомъ пищеварительныхъ органовъ. Великій князь часто страдалъ отъ рвоты и головной боли; они составляли обычный его недугъ. Порошинъ приписывалъ эти явленія тому обстоятельству, что цесаревичъ, желая скорѣе встать изъ-за стола, глоталъ большіе куски, не совсѣмъ разжевывая ихъ.

Между ними находился и бывшій женихъ великой княгини, принцъ Гессенъ-Дармштадтскій (mon ex-promis), котораго, какъ пишетъ Марія Ѳеодоровна, «j'ai vu avec un peu d'embarras, lui en avait aussi, mais la première révérence faite, nous avons été à notre aise» [1].

21-го іюля (1-го августа) великій князь съ супругою достигли наконецъ Этюпа, около Монбельяра, гдѣ пробыли болѣе мѣсяца въ этой безпритязательной резиденціи родителей Маріи Ѳеодоровны. Здѣсь, среди дружески расположенной къ нему семьи, при полномъ отсутствіи придворнаго этикета, цесаревичъ отдохнулъ и позабылъ о политикѣ, наслаждаясь, какъ онъ выразился, «спокойствіемъ духа и тѣла» [2]. Графу Н. П. Румянцову великій князь писалъ: «Мы уже восемь дней живемъ въ семейномъ своемъ кругу. Это совсѣмъ новое для меня чувство, тѣмъ болѣе сладкое, что оно имѣетъ своимъ источникомъ сердце а не умъ». Для Маріи Ѳеодоровны пребываніе въ Этюпѣ было также несомнѣнно пріятнѣйшимъ временемъ изъ всего путешествія. Но и здѣсь, несмотря на всю окружавшую цесаревича атмосферу любви и сердечной привязанности, онъ все-таки нашелъ для себя возможнымъ, при случаѣ, напомнить о непріятныхъ сторонахъ своего характера и свойственныхъ ему деспотическихъ пріемахъ. Это произошло въ Монбельярѣ: онъ схватилъ за руку и выгналъ изъ комнаты офицера, который осмѣлился въ его присутствіи играть въ карты [3].

Побывавъ въ Швейцаріи, графъ и графиня Сѣверные черезъ Штутгартъ [4] возвратились въ Вѣну, гдѣ они вновь встрѣчены были съ полнымъ радушіемъ Іосифомъ II.

[1] Письмо Маріи Ѳеодоровны къ императрицѣ отъ 23-го іюля (3-го августа) 1782 года изъ Этюпа. Въ томъ же письмѣ великая княгиня писала: «Jamais je n'ait trouvé Voltaire plus véridique, que lorsqu'il a dit, en parlant de l'Allemagne, qu'à chaque pas on y rencontrait ou des princes, ou des gueux, ou des demoiselles d'honneur; nous étions je crois une vingtaine à Francfort, dans le nombre il y en avait de très aimables et comme les extrêmités se touchent, le contraire s'y trouvait aussi».

[2] Письмо цесаревича къ архіепископу Платону отъ 1-го (12-го) августа 1782 года изъ Этюпа. «Русскій Архивъ» 1887 года, книга 2-я, стр. 28.

[3] «Paul avait du penchant pour l'étiquette. Etant à Montbéliard, il scandalisa une fois tout le monde, en prenant tout à coup par le bras un jeune officier de sa suite, qui jouait aux cartes, et le mettant à la porte. Il dit à ceux qui jouaient aves l'officier: Messieurs, ce jeune fat n'est pas d'un rang assez haut pour faire cette partie-ci». Masson. Mémoires secrets sur la Russie. Londres, 1802, t. 1, p. 241.

[4] Въ Штутгартѣ цесаревичъ Павелъ Петровичъ посѣтилъ академію, которой незадолго передъ тѣмъ Іосифомъ II были дарованы права университета. Здѣсь онъ встрѣтился съ Парротомъ, которому впослѣдствіи было суждено сыграть видную роль въ жизни императора Александра I.

Павелъ Петровичъ присутствовалъ на лекціяхъ, и профессоръ вызвалъ Паррота, предложивъ ему доказать въ присутствіи высокаго посѣтителя существованіе Бога.

«Я не могу сдѣлать этого»,—смѣло отвѣтилъ пятнадцатилѣтній юноша.

Въ то самое время, какъ совершалось очерченное нами путешествіе, дѣти цесаревича преуспѣвали подъ заботливымъ окомъ императрицы, приложившей все стараніе къ сохраненію оставленнаго ей драгоцѣннаго залога. По крайней мѣрѣ, впродолженіе цѣлаго года дѣти были избавлены отъ двойственнаго вліянія двухъ вѣчно враждовавшихъ между собою теченій, и можно безъ всякаго преувеличенія сказать, что время, проведенное тогда великими князьями Александромъ и Константиномъ, принадлежитъ къ счастливѣйшему времени ихъ жизни. «Весело здѣсь, бабушка», говорили довольные внучата, и слова эти Екатерина съ видимымъ удовольствіемъ не замедлила сообщить отсутствовавшимъ «chers enfants». Императрица, ненавидѣвшая фразу и всякую пустую реторику, не выносила также обмороковъ и проявленія напускной чувствительности. Поэтому, предусматривая время возвращенія «дорогихъ дѣтей» въ Петербургъ и вспоминая тягостныя прощальныя сцены, сопровождавшія ихъ отъѣздъ въ 1781 году, Екатерина, опасавшаяся вреднаго вліянія на дѣтей излишней чувствительности со стороны Маріи Ѳеодоровны, признала полезнымъ сдѣлать ей дружественное предостереженіе и писала:

«Но въ какомъ отношеніи я буду просить васъ быть сдержанною — это въ проявленіи великой радости, которую доставитъ вамъ свиданіе съ вашими дѣтьми; не испугайте мнѣ ихъ выраженіемъ слишкомъ восторженной радости; пусть моя любезная дочь обниметъ ихъ съ умѣренностью, а главное пусть не падаетъ въ обморокъ, ибо въ этомъ мы ничего не понимаемъ, и это внушитъ намъ страхъ и боязнь, которые, особенно послѣ продолжительнаго отсутствія, лишатъ насъ той степени непринужденности, насладиться коею съ первой же минуты представилось бы для васъ особенно пріятнымъ. Я заблаговременно предостерегаю васъ на этотъ счетъ, дабы вы могли подумать объ этомъ, и это послужитъ къ вашему обоюдному удовольствію. То, что я здѣсь говорю вамъ, я высказываю со знаніемъ дѣла и тѣхъ лицъ, ради которыхъ я предлагаю вамъ умѣренность въ проявленіи всякаго восторга, который могъ бы удивить насъ и испортить настроеніе. Если бы вы усомнились, дорогая дочь, въ справедливости моихъ разсужденій, то я повергаю себя на судъ вашей матери, съ которой можете посовѣтоваться, и которая относительно дѣтей должна имѣть обширную опытность» [1].

«Какъ!—гнѣвно воскликнулъ цесаревичъ,—вы отрицаете существованіе Бога?»

«Нѣтъ, ваше высочество,— убѣжденно отвѣтилъ Парротъ,—я чувствую его, а это сильнѣе всякаго логическаго доказательства».

[1] «Mais sur quoi je vous prierai d'aller très fort bride en mains, c'est sur l'extrême joie, que vous aurez, lorsque vous reverrez vos enfants; n'allez pas me les effrayer par de trop grands transports de joie, que ma chère fille les embrasse avec modération et surtout, qu'elle ne s'évanouisse pas, parce que nous n'entendons rien à tout cela, et que cela

Въ перепискѣ за это время Екатерины съ цесаревичемъ и его женою, по поводу маленькихъ великихъ князей, встрѣчаются также и менѣе дидактическія разсужденія. Императрица передавала иногда и нѣсколько игривыя просьбы; такъ, напримѣръ, она писала 19-го января 1782 года:

«Александръ Павловичъ третьяго дня просилъ меня, чтобъ я ему достала еще брата; я его съ просьбою отослала къ вамъ, любезныя дѣти, но онъ весьма просилъ, чтобъ я отписала къ вамъ его просьбу, чтобъ вы ему привезли третьяго брата. Я спросила, на что ему третій братъ. На сіе я получила въ отвѣтъ, что ему необходимо нужно брата одного еще для той важной причины, что онъ, когда сидитъ кучеромъ, тогда у него одинъ ѣздовой, а надобно, чтобъ было два. Видя справедливость его требованія, сообщаю вамъ, съ подкрѣпленіемъ съ моей стороны просьбы друга моего сердечнаго. Il a ajouté encore d'autres raisons de cette force là, trop longues à détailler; il suffit, je pense, que vous sachiez la plus importante de toutes» [1].

7-го (18-го) октября, въ глубокую осень, графъ и графиня Сѣверные выѣхали изъ Вѣны въ Россію, направляясь въ этотъ дорогой Петербургъ (ce cher Pétersbourg), какъ выразилась Марія Ѳеодоровна въ письмѣ къ императрицѣ [2]. Путешественники на обратномъ пути ѣхали

nous inspirerait de la peur et de l'appréhension, qui après une longue absence surtout ne nous mettrait point à ce degré d'aisance, dont vous serez bien aise de jouir vous même sur le champ; je prends dès à présent la précaution de vous avertir sur ce point afin que vous puissiez vous en faire une étude, qui tournera à votre satisfaction réciproque; ce que je vous dis, je vous le dis avec connaissance de cause et des sujets, en faveur desquels je vous propose la modération, au sujet de tout transport, qui pourrait nous étonner et nous tirer de notre assiette, et si vous aviez des doutes, ma chère fille, sur ce morceau de remontrance, je m'en rapporte à madame votre mère, que vous pouvez consulter et qui, en fait d'enfants doit avoir pour elle une vaste expérience». (Изъ письма императрицы Екатерины отъ 5-го мая 1782 года изъ Царскаго Села). Сборникъ И. Р. И. О., т. 9-й, стр. 149—150.

[1] Сборникъ И. Р. И. О., т. 9-й, стр. 113. Въ позднѣйшемъ письмѣ отъ 5-го мая 1782 года Екатерина снова возвращалась къ этому, занимавшему ее, вопросу и писала: «Je suis bien aise de savoir que votre santé, mes chers enfants, continue à être bonne et que mes lettres vous font plaisir. Puisque vous donnez un démenti aux nouvellistes de Suisse, je vois bien, que le désir de monsieur Alexandre ne sera pas rempli de si tôt; comment faire, le proverbe dit, qu'il faut avoir patience avec vous autres jeunes gens» (стр. 147).

[2] Въ одномъ изъ болѣе раннихъ писемъ къ императрицѣ, отъ 5-го (16-го) іюня изъ Гааги, Марія Ѳеодоровна въ слѣдующихъ словахъ выражала Екатеринѣ свою радость и радость мужа по поводу возвращенія въ Петербургъ и удовольствія припасть къ стопамъ императрицы: «Nous commençons à prendre le chemin de ce cher Pétersbourg et à nous rapprocher de plus en plus de mon adorable maman; qu'elle juge avec quelle satisfaction nous prévoyons que dans quatre mois et demi nous serons à vos pieds; ce

черезъ Брюннъ, Троппау и, переѣзавъ прусскую территорію, направились въ Петербургъ черезъ Краковъ, Бѣлостокъ, Гродно, Ковно, Митаву и Ригу. 20-го ноября 1782 года, ихъ высочества прибыли въ Зимній дворецъ [1].

Какой же былъ результатъ путешествія, совершеннаго цесаревичемъ, лично для него? Оно не произвело въ воззрѣніяхъ, усвоенныхъ имъ до поѣздки, никакой перемѣны. Заграничное путешествіе повліяло развѣ только въ одномъ отношеніи, о которомъ было уже выше замѣчено. Къ воспринятому имъ потсдамскому идеалу присоединились еще версальскія воспоминанія; вмѣстѣ съ тѣмъ, цесаревичъ пропитался еще въ высшей степени аристократическими идеями и вкусами какъ разъ тогда, когда они стали отживать свое время въ Европѣ. На этой почвѣ разрослись впослѣдствіи рыцарскія, мальтійскія идеи.

Іосифъ II сообщилъ Екатеринѣ, въ моментъ отъѣзда цесаревича и великой княгини изъ Вѣны, свое мнѣніе о томъ вліяніи, которое произвело на нихъ заграничное путешествіе. Онъ писалъ:

«Мнѣ кажется, что путешествіе, которое только что совершили ихъ императорскія высочества, дѣйствительно, принесло имъ пользу, и, я думаю, не ошибусь, если осмѣлюсь утверждать вашему императорскому величеству, что они возвратятся съ несравненно болѣе пріятнымъ обращеніемъ (sous des formes bien plus agréables), и что недовѣріе, подозрительность и склонность къ всевозможной мелочности исчезнутъ у нихъ, насколько это допустятъ прежнія привычки и окружающія ихъ лица, которыя одни только и вселяли подобные взгляды. Удачный выборъ окружающихъ лицъ и удаленіе людей несоотвѣтствующаго образа мыслей представляются мнѣ существенно необходимыми для спокойствія и для семейнаго и личнаго благополучія трехъ особъ, къ которымъ я питаю искреннюю привязанность» [2].

Императоръ ближе подошелъ къ истинѣ и вѣрнѣе оцѣнилъ свойства цесаревича и окружавшую его обстановку, когда писалъ брату своему Леопольду:

moment sera le plus heureux de ma vie et votre majesté impériale mettra le comble à notre bonheur, si elle daignera nous recevoir avec bonté et tendresse et avec cette grâce qu'elle seule possède».

[1] Путешествіе цесаревича продолжалось 428 дней; проѣхалъ онъ 13.115 верстъ.

[2] «Le voyage que leurs altesses impériales viennent de faire, me parait leur avoir fait vraiment du bien, et je crois ne pas me tromper si j'ose assurer votre majesté impériale qu'elles reviendront sous des formes bien plus agréables, et que méfiance, soupçon et petits moyens quelconques seront bannis de chez elles autant que l'habitude et ceux qui les entoureront et qui seuls les ont fait naitre, le permettront. Le choix de ceux-là et l'éloignement de ceux qui sont dans des principes différents, me paraissent essentiels pour la tranquillité et la satisfaction domestique et privée des trois personnes auxquelles je suis vraiment attaché». Arneth: Joseph II und Katharina von Russland, p. 162.

«По всей вѣроятности, великій князь послѣ возвращенія встрѣтитъ, быть можетъ, болѣе непріятностей, чѣмъ онъ испытывалъ ранѣе, до своего путешествія» [1].

Относительно заключенія, высказаннаго Іосифомъ въ письмѣ къ Екатеринѣ, можно замѣтить, что императоръ горько ошибался, полагая еще возможнымъ повліять на цесаревича и исправить вкоренившееся въ его воззрѣніяхъ зло. Какимъ былъ цесаревичъ, такимъ онъ и возвратился въ Петербургъ, но только еще раздраженный исходомъ Бибиковской исторіи. Такой своеобразный характеръ, созданный подъ вліяніемъ исключительныхъ обстоятельствъ, какимъ отличался Павелъ Петровичъ, не подлежалъ перевоспитанію, и какими человѣческими совершенствами Екатерина ни окружила бы сына, результатъ былъ бы одинаково плачевный. Цесаревичъ жаждалъ одного только, но какъ разъ именно того, чего Екатерина не могла ему даровать: неограниченной власти. А роль наслѣдника, даже при самой благопріятной обстановкѣ, была ему все-таки не по плечу,—развѣ при одномъ условіи онъ могъ бы примириться съ нею, если бы на русскомъ престолѣ возсѣдалъ Фридрихъ Великій.

---

[1] «Il est probable qu'à son retour le grand duc trouvera peut-être plus de désagréments qu'il n'avait autrefois avant son voyage». Arneth: Joseph II und Leopold von Toscana. T. 1, p. 128. (Письмо Іосифа II отъ 7-го августа 1782 года).

БОЖІЕЮ МИЛОСТІЮ

МЫ ПАВЕЛЪ ПЕРВЫЙ

Императоръ и Самодержецъ

ВСЕРОССІЙСКІЙ,

и прочая, и прочая, и прочая.

Объявляемъ всѣмъ вѣрнымъ НАШИМЪ подданнымъ, что по волѣ Всевышняго НАША Любезнѣйшая Государыня, Родительница, Императрица и Самодержица Всероссійская ЕКАТЕРИНА ВТОРАЯ по тридцати-четырехлѣтнемъ Царствованіи въ шестый день Ноября, къ крайнему прискорбію НАШЕМУ и всего ИМПЕРАТОРСКАГО Дома НАШЕГО отъ сея временныя жизни въ вѣчную преставилась. Вступая нынѣ на НАШЪ Прародительскій наслѣдственный ИМПЕРАТОРСКІЙ Всероссійскій Престолъ, и повелѣвая вѣрнымъ НАШИМЪ подданнымъ учинить НАМЪ въ вѣрности присягу, Бога Всемогущаго призываемъ, да поможетъ НАМЪ благодатію Своею Святою, бремя отъ Него на НАСЪ возложенное подъяти на пользу ИМПЕРІИ, и ко благоденствію вѣрноподданныхъ НАШИХЪ. Данъ въ Санктпетербургѣ Ноября 6 дня 1796 года.

Подлинный подписанъ собственною ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА рукою тако:

ПАВЕЛЪ.

Печатанъ въ Санктпетербургѣ при Сенатѣ Ноября 6 дня 1796 года.

МАНИФЕСТЪ О ВОСШЕСТВІИ НА ПРЕСТОЛЪ ИМПЕРАТОРА ПАВЛА ПЕРВАГО.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

I.

Возвращеніе цесаревича и великой княгини въ Петербургъ не сопровождалось проявленіемъ особенно нѣжныхъ чувствъ или радости ни со стороны императрицы, ни со стороны ея «дорогихъ дѣтей» [1]. Конечно легче было заочно расточать нѣжныя чувства въ перепискѣ, продолжавшейся болѣе года, чѣмъ перенести хоть каплю этой нѣжности въ ежедневныя, будничныя сношенія. Первое свиданіе между императрицею и прибывшими цесаревичемъ и великой княгиней произошло безъ посторонних свидѣтелей и продолжалось не болѣе нѣсколькихъ минутъ. На основаніи собранныхъ англійскимъ посланникомъ Гаррисомъ свѣдѣній, онъ пришелъ къ заключенію, «что ихъ высочества такъ же недовольны пріемомъ, имъ оказаннымъ, какъ императрица сожалѣетъ объ ихъ возвращеніи, и что взаимное неудовольствіе, преобладающее съ обѣихъ сторонъ, вѣроятно, вызоветъ непріятныя сцены».

Въ позднѣйшей депешѣ, отъ 6-го декабря 1782 года, Гаррисъ снова возвращается къ отношеніямъ, установившимся тогда между цесаревичемъ и императрицею; картина, которую онъ рисуетъ по этому случаю, выходитъ довольно безотрадной.

«Поведеніе великаго князя и великой княгини съ самаго ихъ возвращенія было гораздо сдержаннѣе, чѣмъ можно было предполагать. Они ведутъ почти уединенный образъ жизни, исключили изъ своего общества всѣхъ своихъ прежнихъ любимцевъ и, повидимому, хотятъ впе-

[1] При свиданіи съ юными великими князьями Марія Θеодоровна, помня наставленіе Екатерины, не падала въ обморокъ; все обошлось, кажется, спокойно, тихо и чинно.

редъ руководиться въ своихъ поступкахъ одной только волей императрицы.

«Трудно опредѣлить, къ чему слѣдуетъ отнести эту неожиданную перемѣну. Мнѣ кажется, она отчасти объясняется тѣмъ, что они нашли графа Панина слишкомъ ослабѣвшимъ для того, чтобы оказать имъ поддержку или подать совѣтъ. Отчасти также это можетъ быть приписано тому, что они убѣдились, что почти всѣ лица, сопровождавшія ихъ во время путешествія, ихъ выдали, и, наконецъ, тѣмъ страннымъ слухамъ, которые дошли до нихъ, будто бы императрица намѣревается, по возвращеніи ихъ, устранить великаго князя отъ наслѣдства и по смерти передать престолъ своему старшему внуку.

«Какими бы причинами оно ни было вызвано, во всякомъ случаѣ ихъ настоящее поведеніе благоразумно и основательно. По, къ несчастію, императрица такъ сильно предубѣждена противъ нихъ, что ихъ поведеніе нисколько не встрѣчаетъ съ ея стороны того одобренія, котораго бы оно заслуживало. Теперь она называетъ ихъ сдержанными, молчаливыми и разсерженными, говоритъ, что ихъ испортили заграничныя связи, и что теперь они уже не могутъ вернуться къ обычаямъ своей страны. Словомъ, она заранѣе рѣшила, что будетъ ими недовольна, а потому угодить ей уже невозможно» [1]. Затѣмъ Гаррисъ еще пишетъ: «Огромный долгъ, сдѣланный ими во время путешествія, который невозможно будетъ долго скрывать отъ императрицы, немало будетъ способствовать усиленію того раздраженія и (если смѣю такъ выразиться) той неестественной вражды, которая существуетъ между ними» [2].

Допуская справедливость всего замѣченнаго Гаррисомъ, нужно, однако, дополнить представленную имъ картину нѣсколькими недостающими въ ней штрихами. Англійскій дипломатъ совершенно не вводитъ въ кругъ своихъ наблюденій Бибиковскую исторію съ ея плачевными послѣдствіями. Между тѣмъ это дѣло не прошло безслѣдно и сильно повліяло какъ на императрицу, такъ и на цесаревича, соотвѣтственно взглядамъ каждаго изъ нихъ. Злополучное дѣло кончилось тѣмъ, что П. А. Бибиковъ сосланъ былъ въ Астрахань, а князь Александръ Борисовичъ Куракинъ удаленъ отъ двора въ свои саратовскія деревни [3]. Вообще

[1] «Русскій Архивъ» 1874 года, книга 2-я, стр. 872—877.

[2] Екатерина щедро оплатила всѣ издержки заграничнаго путешествія цесаревича, а также его расходы по покупкѣ разныхъ вещей. Для какой же цѣли заключенъ былъ заемъ, о которомъ упоминаетъ Гаррисъ? Единственно для удовлетворенія нескончаемыхъ нуждъ Монбельярской семьи, безпрерывно требовавшей денегъ отъ Маріи Ѳеодоровны. Отъ Екатерины, конечно, трудно было ожидать уплаты подобныхъ долговъ; на выраженіе же неудовольствія съ ея стороны можно было разсчитывать навѣрное.

[3] Впослѣдствіи императрица, по просьбѣ цесаревича, разрѣшила князю Куракину черезъ каждые два года пріѣзжать въ загородные дворцы наслѣдника. Удале-

дѣло Бибикова имѣло болѣе важное значеніе, чѣмъ могло казаться съ перваго взгляда. Екатерина, прежде всего ясно увидѣла, въ какой умственной сферѣ вращались мысли цесаревича; затѣмъ для нея уже не подлежало сомнѣнію, что подобному образу мыслей сочувствовали и болѣе вліятельныя лица, чѣмъ опальный флигель-адъютантъ. Поэтому императрица приняла рѣшительныя мѣры противъ тѣхъ «добромыслящихъ», которые печаловались о мнимыхъ страданіяхъ отечества и сходились въ общемъ чувствѣ ненависти къ кривому (le borgne), какъ называлъ Бибиковъ князя Потемкина.

Затѣмъ Гаррисъ умалчиваетъ также о тѣхъ неосторожныхъ, а порою даже неприличныхъ отзывахъ, высказанныхъ цесаревичемъ о правленіи своей матери и даже лично о ней, образчики которыхъ приведены выше въ разговорахъ его съ Леопольдомъ Тосканскимъ и Людовикомъ XVI. Свѣдѣнія о подобныхъ выходкахъ цесаревича должны были дойти и до слуха Екатерины, а порадовать ее они, конечно, не могли. Принимая подобные случаи во вниманіе, слѣдуетъ признать, что явленіе, называемое Гаррисомъ неестественной враждой, получаетъ уже совершенно иную окраску.

По наружности, однако, все шло своимъ нормальнымъ порядкомъ. Такъ, между прочимъ, немедленно по возвращеніи цесаревича, ему былъ пожалованъ орденъ св. Владиміра первой степени, учрежденный императрицею 22-го сентября 1782 года. Однако, все ограничивалось обоюдными внѣшними знаками вниманія, но внутренній, душевный миръ отсутствовалъ. Надежда, выраженная Екатериною въ одномъ изъ своихъ писемъ словами: «Voyagez, voyagez et puis revenez en Russie. Vous la regarderez à tête reposée», не оправдалась; ожидаемая минута успокоенія не наступила вовсе.

1783-й годъ ознаменованъ былъ кончиною двухъ выдающихся дѣятелей Екатерининской эпохи, имя которыхъ тѣсно связано съ воцареніемъ императрицы: 31-го марта скончался въ Петербургѣ графъ Никита Ивановичъ Панинъ, а въ ночь съ 12-го на 13-е апрѣля въ мрачномъ умопомѣшательствѣ скончался въ Москвѣ князь Григорій Григорьевичъ Орловъ.

Екатерина въ письмѣ къ Гримму отъ 20-го апрѣля изъ Царскаго Села посвятила этому событію слѣдующія строки:

«Пріѣхавъ сюда, я узнала прискорбное извѣстіе о смерти князя Орлова, скончавшагося въ Москвѣ ночью съ 12-го на 13-е сего мѣсяца.

ніе князя Куракина объясняется, между прочимъ, еще и тѣмъ, что черезъ него шла переписка Павла Петровича съ прусскимъ посланникомъ въ Петербургѣ; онъ же служилъ посредникомъ въ сношеніяхъ цесаревича съ массонскими обществами, членомъ которыхъ состоялъ великій князь. Всѣ эти обстоятельства не могли быть скрыты отъ вниманія императрицы и повліяли на судьбу Куракина.

*

Хотя я и очень была подготовлена къ этому горестному для меня событію, увѣряю васъ, что я испытываю живѣйшую печаль; я теряю въ немъ друга и человѣка, которому обязана величайшею признательностью, такъ какъ онъ оказалъ мнѣ существенныя услуги. Что бы мнѣ ни говорили, и что бы я сама ни говорила себѣ въ подобномъ случаѣ, одни рыданія мои служатъ отвѣтомъ на все это, и я жестоко страдаю съ той минуты, какъ пришло это роковое извѣстіе; только работа развлекаетъ меня, а такъ какъ со мною нѣтъ еще моихъ бумагъ, то я пишу вамъ, чтобы облегчить себя... Есть что-то странное въ этой смерти князя Орлова: именно, что графъ Панинъ умеръ недѣли двѣ ранѣе его, и что одинъ не зналъ, а другой не могъ знать о смерти другого. Эти два человѣка, постоянно противоположныхъ мнѣній, не любившіе другъ друга, очень удивятся, свидясь на томъ свѣтѣ. Правда, что вода и огонь не столько представляютъ различія, какъ эти люди. Я долгіе годы жила съ этими двумя совѣтниками, напѣвавшими мнѣ съ двухъ сторонъ каждый свое, и, однако, дѣла шли и шли большимъ ходомъ. Зато часто я была вынуждена поступать такъ, какъ Александръ съ Гордіевымъ узломъ, и тогда они приходили къ соглашенію. Смѣлость ума одного и умѣренная осторожность другого и ваша покорная слуга, выступающая курцъ-галопомъ между ними, придавали изящество и мягкость дѣламъ величайшей важности. Вы скажете мнѣ: какъ теперь быть? На это я вамъ отвѣчу: какъ сможемъ. Всякая страна способна доставлять людей, необходимыхъ для дѣла, и такъ какъ все на этомъ свѣтѣ есть дѣло человѣческое, то люди, стало быть, могутъ и съ этимъ управиться. Геній князя Орлова былъ очень обширенъ; его мужество было верхомъ мужества. Въ минуту самую рѣшительную ему приходило въ голову именно то, что могло направить дѣло въ ту сторону, куда онъ хотѣлъ его обратить, и въ эту минуту онъ проявлялъ такую силу краснорѣчія, противъ которой никто не могъ устоять, потому что оно озадачивало умы, и только онъ одинъ никогда не терялся. Но при этихъ великихъ качествахъ ему недоставало послѣдовательности въ томъ, что ему казалось не стоящимъ вниманія, а онъ только немногіе предметы удостоивалъ своего вниманія или, лучше сказать, труда, потому что вниманіе было для него трудомъ; отъ этого онъ часто казался небрежнымъ и презрительнымъ въ гораздо большей степени, чѣмъ было на самомъ дѣлѣ. Природа избаловала его, и на все, что не мгновенно приходило ему въ голову, онъ былъ лѣнивъ. Графъ Панинъ былъ отъ природы лѣнивъ и обладалъ искусствомъ выдавать эту лѣность за обдуманную осторожность; отъ природы онъ не былъ ни такъ добръ, ни такъ прямодушенъ, какъ князь Орловъ; но онъ больше жилъ между людьми и лучше умѣлъ скрывать свои недостатки и свои пороки, а среди нихъ у него были и большіе. (Le comte Panine était naturellement paresseux

et cette paresse il avait l'art de la faire passer pour prudence méditée; son naturel n'était ni aussi bon, ni aussi franc que celui du prince Orlof, mais il avait plus de monde et savait mieux cacher ses défauts et ses vices, et il en avait de grands)» [1].

Смерть графа Никиты Ивановича Панина чрезвычайно опечалила цесаревича. Хотя на другой день послѣ возвращенія изъ заграничнаго путешествія Павелъ Петровичъ навѣстилъ своего бывшаго воспитателя вмѣстѣ съ Маріею Ѳеодоровною, но затѣмъ впродолженіе цѣлыхъ четырехъ мѣсяцевъ не посѣщалъ больного, изнеможеннаго уже графа и даже не навѣдывался о его здоровьѣ, что можетъ быть объяснено только политическими соображеніями, связанными съ Бибиковской исторіей.

Это пренебреженіе къ графу, по мнѣнію современника, князя Ѳ. Н. Голицына, нанесло Панину чувствительный ударъ и едва ли не ускорило его кончину. Всѣхъ же родныхъ графа такое странное поведеніе цесаревича крайне удивило и оскорбило. Лишь за нѣсколько дней до смерти Панина великокняжеская чета почему-то пришла «въ несказанную чувствительность», говоря о немъ, и въ тотъ же вечеръ цесаревичъ съ супругою посѣтилъ графа. «Тутъ было, по словамъ князя Ѳ. Н. Голицына, объясненіе о всемъ предыдущемъ». Черезъ нѣсколько дней послѣ этого свиданія Никита Ивановичъ скончался [2].

Въ письмѣ къ Николаю Ивановичу Салтыкову отъ 5-го апрѣля 1782 года цесаревичъ писалъ ему: «Мы лишились 31-го прошедшаго графа Никиты Ивановича. Судите, любезный другъ, о моемъ чувствѣ за два дни, разговаривая межъ себя о немъ, пришли въ несказанную чувствительность и положили ѣхать къ нему въ тотъ вечеръ; онъ веселъ и свѣжъ былъ такъ, какъ я его уже года съ три не видывалъ; на другой день, сказываютъ, онъ таковъ же былъ и не хотѣлъ итти спать. Я у себя, сидя за картами и будучи веселъ, говорилъ, что я примѣтилъ за собою, что, когда сей родъ веселости на меня найдетъ, всегда передъ печалью, чтобъ они вспомнили мои слова. Въ пятницу, проснувшись, меня тѣмъ встрѣтили, что сказали о болѣзни графа Никиты Ивановича; мы одѣвшись и поѣхали, но уже не нашли его въ памяти: ибо

[1] Сборникъ И. Р. И. О., т. 23-й, стр. 274—275. Гротъ: Екатерина II въ перепискѣ съ Гриммомъ. С.-Петербургъ. 1884, стр. 314—316.

[2] По поводу отношеній цесаревича къ графу Н. И. Панину князь Ѳ. Н. Голицынъ сообщаетъ въ своихъ запискахъ еще слѣдующее: «Меня увѣряли, что при свиданіи въ чужихъ краяхъ съ герцогинею виртембергскою, родительницею императрицы Маріи Ѳеодоровны, много было говорено о графѣ Панинѣ, по нѣкоторымъ сношеніямъ съ нашимъ дворомъ, и что герцогиня, въ угожденіе императрицѣ Екатеринѣ, совѣтовала великому князю не столько уже быть подвластному наставленіямъ графа Панина». («Русскій Архивъ» 1874 года, стр. 1284—1285).

ложась онъ спать въ четвертомъ часу сказалъ, что ему тошно, и уже тотчасъ былъ безъ чувствъ, хотя дыханіе продолжалось при насъ часа съ два; все возможное кругъ него дѣлали, но уже поздно было; оставилъ по себѣ общее сожалѣніе, заставляющее молчать и непріятелей его, стыдящихся не одного быть мнѣнія съ публикою, чему доказательствомъ былъ день похоронъ его, гдѣ, будучи на выносѣ, наѣхалъ я такихъ, которыхъ съ роду у него не видалъ» [1].

Архіепископу же Платону цесаревичъ по тому же поводу писалъ 7-го апрѣля: «Уже извѣстны ваше преосвященство о посѣтившей насъ печали смертію графа Никиты Ивановича. Извѣстны вы и о всемъ томъ, чѣмъ я ему долженъ, слѣдственно, и о обязательствахъ моихъ въ разсужденіи его. Судите, прискорбна ли душа моя? Я привязанъ по долгу и удостовѣренію къ закону и не сумнѣваюсь, что получающему награжденіе въ той жизни за добродѣтели въ сей кончина отрада и покой. Поелику души остающіяся еще съ слабостями тѣла соединены, нельзя имъ не чувствовать печали отъ разлуки. Раздѣлите оную со мною, какъ съ другомъ вашимъ» [2].

Панинъ всегда относился съ особеннымъ сочувствіемъ къ началу законности и стремился связать форму государственнаго управленія съ фундаментальными законами; поэтому, желая оставить своему воспитаннику нѣчто въ родѣ политическаго завѣщанія, онъ, уже больной, началъ диктовать Фонъ-Визину сводъ своихъ мыслей о правительствѣ. Трудъ Панина остался неоконченнымъ. О характерѣ этого произведенія если не пера, то мысли графа Никиты Ивановича можно судить по слѣдующимъ немногимъ приводимымъ здѣсь строкамъ: «Верховная власть ввѣряется государю для единаго блага его подданныхъ», такъ начинаетъ графъ Панинъ свое разсужденіе. «Государь, подобіе Бога, преемникъ на землѣ высшей Его власти, не можетъ равнымъ образомъ ознаменовать ни могущества, ни достоинства своего иначе, какъ постановя въ государствѣ правила непреложныя, основанныя на благѣ общемъ, и которыхъ не могъ бы нарушить самъ, не переставъ быть достойнымъ государемъ... Онъ долженъ знать, что нація, жертвуя частію естественной своей вольности, вручила свое благо его попеченію, его правосудію, его достоинству, что онъ отвѣчаетъ за поведеніе тѣхъ, кому вручаетъ дѣла правленія, и что, слѣдственно, ихъ преступленія, имъ терпимыя, становятся его преступленіями».

Независимо отъ кончины графа Панина цесаревичъ испыталъ въ это же время еще другое огорченіе: императрица объявила сыну, что

[1] П. Свиньинъ: Записки о жизни генералъ-фельдмаршала князя Николая Ивановича Салтыкова. С.-Петербургъ. 1818, стр. 111—112.

[2] «Русскій Архивъ» 1887 года, книга 2-я, стр. 33.

она намѣрена поручить Николаю Ивановичу Салтыкову главное надзираніе за воспитаніемъ ея внуковъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ Екатерина сообщила свою волю объ опредѣленіи къ нему, цесаревичу, вмѣсто Салтыкова, графа Валентина Платоновича Мусина-Пушкина. Несмотря на то, что десять лѣтъ тому назадъ, въ 1773 году, Павелъ Петровичъ очень недружелюбно встрѣтилъ назначеніе къ нему Салтыкова, великій князь настолько же былъ огорченъ предстоявшимъ его уходомъ.

Въ письмѣ къ Салтыкову цесаревичъ, сообщая повелѣнія императрицы, высказалъ ему откровенно свои дружескія чувства и писалъ: «Будучи поутру у государыни, съ большою похвалою о тебѣ, любезный другъ, сказала мнѣ о намѣреніи своемъ васъ приставить къ дѣтямъ. Вы сами можете сказать себѣ, что я на то отвѣчалъ; послѣ чего стала говорить о наполненіи вашего мѣста и вдругъ назвала графа Валентина Платоновича Пушкина; признаюсь, что я сего не ожидалъ. Я съ удивленіемъ, которое она во мнѣ примѣтила, сказалъ, что я его не знаю никакъ, а слышалъ всегда, какъ о честномъ человѣкѣ. Признаюсь, что мнѣ разставаться съ тобою трудно, въ чемъ хотя и утѣшенъ былъ отзывомъ, что сіе не разлука, и что ты всегда въ сношеніи съ нами останешься, но не меньше другой, а не ты у насъ. Чрезъ четыре дни присланъ былъ Пушкинъ къ намъ при запискѣ, на которую я тотчасъ отвѣчалъ, что я отъ нея все принимаю по увѣренію о ея милости, но что примѣчу на то, что естьли ты о семъ не будешь увѣдомленъ, то будетъ тебѣ прискорбно, какъ и мнѣ. Въ семъ получилъ успокоеніе, что къ тебѣ будетъ писано, а Пушкинъ ad interim. Онъ принялъ домъ нашъ и живетъ возлѣ галереи и ведетъ себя, дѣйствительно, къ удовольствію нашему; что Богъ дастъ впередъ. Дружба моя заставила меня тебѣ о семъ писать; теперь узналъ я, что я тебя прямо люблю: ибо первыя двѣ о семъ экспликаціи, да и дни, не безъ слезъ прошли, ты мнѣ позволишь о себѣ сожалѣть... Я твой вѣрный другъ» [1].

Николай Ивановичъ Салтыковъ, по возвращеніи изъ заграничнаго путешествія съ цесаревичемъ, пользовался отпускомъ, и императрица выразила ему письменно желаніе, чтобы онъ поспѣшилъ окончить свои дѣла, такъ, чтобы быть въ Петербургѣ предъ наступленіемъ осени [2].

[1] П. Свиньинъ: Записки о жизни Салтыкова, стр. 112—114. (Письмо цесаревича отъ 5-го апрѣля 1783 года).

[2] Императрица Екатерина еще ранѣе, чѣмъ говорила съ цесаревичемъ, объяснялась по этому предмету, а затѣмъ и писала Н. И. Салтыкову 1-го апрѣля 1783 года: «Въ отсутствіи вашемъ опредѣлила я къ ихъ высочествамъ великому князю и великой княгинѣ графа Валентина Платоновича Мусина-Пушкина. Мнѣ теперь осталося ожидать благополучнаго возвращенія вашего, чтобъ приступить къ дѣйствительнымъ распоряженіямъ, о коихъ я съ вами самолично изъяснялась, по намѣренію моему ввѣрить

II.

Весною 1783 года дѣла въ Крыму съ такимъ успѣхомъ подвигались впередъ къ неизбѣжной окончательной развязкѣ, что могъ быть обнародованъ манифестъ, возвѣщавшій о присоединеніи къ Россіи Крыма и страны Кубанской. Совершившееся великое политическое событіе сопровождалось замѣчательнымъ разговоромъ между императрицею и цесаревичемъ,—разговоромъ, названнымъ имъ довѣренностью многоцѣнною, первою и удивительною.

Вотъ въ какихъ выраженіяхъ Павелъ Петровичъ записалъ эту историческую бесѣду, произошедшую 12-го мая:

«Сего дня, маія 12-го 1783 года, будучи по утру у государыни, по прочтеніи депешей, читанъ былъ объявительный манифестъ о занятіи Крыма. Сей манифестъ будетъ всему свѣту извѣстенъ, то я о немъ ничего и не пишу. Когда сіе чтеніе кончилось, я вставъ сказалъ: должно ожидать, что турки на сіе скажутъ.

«Государыня: Имъ ничего отвѣчать не можно, ибо сами примѣръ подали занятіемъ Тамана и генерально неисполненіемъ Кайнарджицкаго трактата.

«Я: Но что протчія державы станутъ тогда дѣлать?

«Государыня: Франція не можетъ дѣлать, ибо и въ прошлую войну не могла каверзами ничего надѣлать. Швеціи не боюсь. Императоръ, еслибы и не сталъ ничего дѣлать, такъ мѣшать не будетъ.

«Я: Французы могутъ въ Польшѣ насъ тревожить.

«Государыня: Никакъ, ибо и въ прошлую войну ничего же важнаго всѣми конфедераціями не надѣлали и намъ въ главномъ ни въ чемъ не помѣшали.

«Я: Но въ случаѣ бы смерти нынѣшняго польскаго короля, при выборѣ новаго, ибо нынѣшній слабъ здоровьемъ, могутъ насъ безпокоить или выборомъ своимъ, или мѣшая намъ, какъ-то именно Саксонской фамиліи.

«Государыня: Для сего стараться надобно выборъ свой сдѣлать.

вамъ наблюденіе за воспитаніемъ великихъ князей, внуковъ моихъ». 22-го апрѣля императрица снова писала Н. И. Салтыкову: «Я получила ваше письмо въ отвѣтъ на мое, коимъ предувѣдомила я васъ о намѣреніи моемъ поручить вамъ главное надзираніе при воспитаніи внуковъ моихъ. Вы сами знаете, что лѣта ихъ требуютъ уже неотлагательнаго о томъ распоряженія; почему, вѣдая ваше ко мнѣ усердіе и готовность къ исполненію воли моей, не сомнѣваюся, что вы поспѣшите дѣла свои окончить такъ, чтобъ быть здѣсь предъ наступленіемъ осени, чѣмъ и окажете мнѣ большую угодность». «Русскій Архивъ» 1864 года (2-е изданіе), 494 и 496.

«Я: Что ваше величество думаете по сему: лучше ли по связямъ нашимъ съ Польшею желать намъ Піаста или иного дома, имѣющаго по себѣ силу, или, опять Піаста взявъ, сдѣлать корону въ его домѣ наслѣдственною, ибо частые выборы насъ лишь надсажаютъ и другимъ охоту могутъ дать намъ подражать.

«Государыня: Я тебѣ скажу откровенно и какъ императрица россійская, что для блага Россіи, а особливо по силѣ Польши, желать надобно, чтобъ она наслѣдственною не была, дабы силы не имѣла и съ нею перекинуться къ другой державѣ не могла.

«Я: Но чтобъ другія, вмѣсто насъ, того жъ съ Польшею, по нынѣшнему ея состоянію, дѣлать не захотѣли.

«Государыня: Я тебѣ скажу, что для сего надобно попасть на человѣка, пріятнаго націи и не имѣющаго связей (Anhang); въ довѣренности я тебѣ скажу, что для сего у меня на примѣтѣ есть уже племянникъ королевской, князь Станиславъ, котораго качествы и тебѣ и мнѣ извѣстны.

«Я: На сіе не могъ инако отвѣчать, какъ со удовольствіемъ.

«Государыня: Прошу о семъ не говорить. Я и сама никакъ ему даже виду не подаю, чтобъ дѣла прежде времени не испортить.

«Я: Но чтобъ таковое молчаніе, приведя его въ неизвѣстность о будущемъ его состояніи, не заставило перекинуться на другую какую-нибудь сторону?

«Государыня: Всегда время будетъ его поворотить, предоставя таковую перспективу».

Павелъ Петровичъ дополнилъ записанный имъ разговоръ помѣтою: «довѣренность мнѣ многоцѣнна, перьвая и удивительна» [1].

Послѣдующія событія блистательно оправдали политическую предусмотрительность Екатерины. Присоединеніе Крыма не вызвало вооруженнаго вмѣшательства другихъ державъ, и, благодаря содѣйствію австрійскаго союза, императрица достигла желаемой цѣли. Дѣйствительно, 28-го декабря 1783 года, Булгаковъ заключилъ съ турецкими уполномоченными актъ объ уступкѣ Россіи Крымскаго полуострова. Такимъ образомъ первый шагъ къ утвержденію русскаго владычества на Черномъ морѣ былъ сдѣланъ и, къ тому же, безъ пролитія русской крови. Не даромъ Екатерина писала цесаревичу еще 4-го января 1782 года, по поводу союза, заключеннаго съ Іосифомъ II: «C'est l'aurore d'un beau jour. Lorsque l'ombre de la nuit se dissipe, alors l'étoile du matin paraît» [2].

[1] «Русская Старина» 1873 года, томъ 8-й, стр. 652—653.

Спрашивается, кто же виноватъ, если оказанная довѣренность была первою, а, можетъ быть, и послѣднею? Могла ли Екатерина безнаказанно повторить сдѣланный ею опытъ, когда вскорѣ Павелъ Петровичъ обратился какъ бы въ агента Фридриха Великаго?

[2] Сборникъ И. Р. И. О., т. 9-й, стр. 109.

III.

Вскорѣ послѣ разговора императрицы съ цесаревичемъ она отправилась въ Фридрихсгамъ для свиданія съ королемъ шведскимъ, Густавомъ III, въ свою очередь, прибывшимъ въ Финляндію. На этотъ разъ начавшіяся въ то время вооруженія Швеціи не привели къ войнѣ съ Россіею, но, тѣмъ не менѣе, сохраненіе мира на сѣверѣ не могло быть обезпечено надолго; король выжидалъ только удобнаго случая для начатія воинственныхъ предпріятій и пріобрѣтенія военныхъ лавровъ, о которыхъ непрестанно думалъ.

29-го іюля 1783 года, по возвращеніи императрицы изъ Финляндіи, великая княгиня Марія Ѳеодоровна разрѣшилась отъ бремени дочерью, нареченною въ честь старшаго брата Александрой. Императрица ожидала съ нетерпѣніемъ появленія третьяго внука, о которомъ она мечтала еще во время заграничнаго путешествія цесаревича, и потому, извѣщая Гримма о рожденіи великой княжны, прибавила: «По правдѣ сказать, я несравненно болѣе люблю мальчиковъ, чѣмъ дѣвочекъ» [1].

Для цесаревича семейная радость сопровождалась драгоцѣнною для него милостью со стороны императрицы. Въ самый день подписанія манифеста о рожденіи великой княжны, 6-го августа, Екатерина пожаловала сыну «мызу Гатчино съ тамошнимъ домомъ, со всѣми мебелями, мраморными вещами, оружейною, оранжереею и матеріалами, съ двадцатью принадлежащими къ мызѣ деревнями, мызу Ново-Скворицную и мызу Старую-Скворицную съ приписанными къ нимъ деревнями, пустошами и землями». Все это было куплено императрицею у наслѣдниковъ князя Г. Г. Орлова [2].

[1] Сборникъ И. Р. И. О., т. 23-й, стр. 281. Послѣ рожденія великой княжны Александры Павловны Екатеринѣ суждено было еще пять разъ испытывать подобное же разочарованіе: 13-го декабря 1784 года родилась великая княжна Елена, 4-го февраля 1786 года Марія, 10-го мая 1788 года Екатерина, 11-го іюля 1792 года Ольга и 7-го января 1795 года Анна.

[2] Еще въ 1767 году князь Г. Г. Орловъ, владѣя Гатчиной, приглашалъ къ себѣ туда Ж. Ж. Руссо и написалъ ему письмо, въ которомъ, восхваляя свое имѣніе, представилъ женевскому философу прелести гатчинскаго пребыванія въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «J'ai une terre éloignée de 60 verstes de Pétersbourg, ce qui fait près de dix lieues d'Allemagne: l'air y est sain, l'eau admirable; les coteaux qui entourent différents lacs, forment des promenades agréables, très propres à rêver, les habitants n'entendent ni l'anglais, ni le français, encore moins le grec et le latin; le curé ne sait ni disputer, ni prêcher; ses ouailles, en faisant le signe de la croix, croient bonnement que tout est dit». Ж. Ж. Руссо въ собственноручномъ письмѣ поблагодарилъ за оказанное вниманіе, но отклонилъ приглашеніе поселиться въ Гатчинѣ; онъ писалъ, между прочимъ: «Vos offres obligeantes, le ton dont vous me les faites et la description de l'habitation que vous

Цесаревичъ остался очень доволенъ полученнымъ даромъ и писалъ Платону: «Мѣсто само собою весьма пріятно, а милость само по себѣ дорога́». Новый владѣлецъ немедленно, со свойственной ему дѣятельностью, занялся устройствомъ своего новаго помѣстья. Здѣсь, вдали отъ двора, Павелъ Петровичъ создалъ постепенно въ маломъ видѣ ту своеобразную, гатчинскую Россію, которая представлялась ему въ будущемъ единственно достойнымъ образцомъ для всей имперіи. Вмѣстѣ въ тѣмъ съ этого времени съ каждымъ годомъ стало возрастать все болѣе отчужденіе великокняжескаго двора отъ двора императрицы. Такимъ образомъ, со вступленіемъ въ 1783 году цесаревича во владѣніе Гатчиной наступаетъ послѣдній періодъ его жизни, какъ великаго князя, продолжавшійся тринадцать лѣтъ, до 6-го ноября 1796 года. Здѣсь Павелъ Петровичъ провелъ самые тяжелые годы своей жизни, предаваясь пагубнымъ размышленіямъ о прошедшемъ, настоящемъ и будущемъ, ожидая съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ минуты воцаренія и опасаясь ежедневно, чтобы эта власть не ускользнула изъ его рукъ. Это, какъ онъ любилъ выражаться, упражненіе въ терпѣніи, или, лучше сказать, въ нетерпѣніи, могло подточить и исказить даже болѣе крѣпкую натуру, чѣмъ та, которою обладалъ нервный, воспріимчивый Павелъ Петровичъ; при этомъ нужно еще принять во вниманіе, что мысли цесаревича вращались все около одного и того же рокового предмета. Онъ погрузился въ чтеніе Библіи и, въ особенности, книги царствъ, псалмовъ и пророковъ [1]. На какія размышленія наводило цесаревича это чтеніе, можно видѣть изъ записочки Маріи Ѳеодоровны, написанной ею въ отвѣтъ на записочку же великаго князя, въ которой было сказано «vous avez oublié que David même fut obligé de réussir tout en se retirant». Великая княгиня писала: «Давидъ не былъ естественнымъ наслѣдникомъ (l'héritier naturel), тогда какъ вы, дорогой другъ, не только естественный наслѣдникъ, но и наслѣдникъ желанный, къ стопамъ котораго народъ падетъ толпами въ моментъ, когда небо призоветъ васъ на престолъ вашихъ предковъ. Давидъ, такъ сказать, долженъ былъ завоевать свой престолъ, тогда какъ вашъ — выпадаетъ вамъ по праву и потому, что Богъ предназначилъ васъ для него съ самаго вашего рожденія» [2].

me destinez, seraient assurement très capables de m'y attirer, si j'étais moins infirme, plus allant, plus jeune et que vous fussiez plus près du soleil». Біографическій очеркъ графа В. Г. Орлова, т. 1-й, стр. 18—20.

[1] Сохранились: «Indication des lectures journalières du Grand Duc Paul faites dans la sainte écriture». На отдѣльныхъ листочкахъ цесаревичъ собственноручно записывалъ то, что онъ читалъ.

[2] David n'était pas l'héritier naturel, au lieu que vous, mon bon ami, êtes non seulement l'héritier naturel, mais l'héritier désiré, et aux pieds duquel le peuple se jettera

Если въ разговорахъ между цесаревичемъ и великой княгиней шла рѣчь о Давидѣ, то, очевидно, не могъ быть позабытъ не названный здѣсь Саулъ, и не трудно догадаться, чей образъ, хотя бы только мысленно, уподоблялся іудейскому царю! Библейскія разсужденія, конечно, оставались тайною, не выходившею изъ тѣснаго семейнаго круга, но во всемъ прочемъ цесаревичъ не стѣснялся. Онъ продолжалъ попрежнему сокрушаться надъ бѣдствіями отечества и все критиковать, олицетворяя собою живой протестъ противъ величія Россіи, воплощеннаго въ образѣ Екатерины. Достаточно припомнить, какимъ образомъ отнесся цесаревичъ къ возникшему въ 1784 году вопросу о союзѣ нѣмецкихъ князей. Въ этомъ вопросѣ наслѣдникъ всѣми средствами противодѣйствовалъ намѣреніямъ императрицы, не одобрявшей этого союза; онъ не стѣснился даже принять на себя какъ бы роль агента Фридриха Великаго при русскомъ дворѣ, поддерживая съ нимъ тайную переписку; такую же переписку онъ велъ и съ его преемникомъ. Въ этомъ вопросѣ, подобно тому, какъ и вообще въ дѣлѣ австрійскаго союза, цесаревичъ упорно стоялъ на сторонѣ Пруссіи, въ ущербъ явнымъ выгодамъ Россіи. А между тѣмъ тотъ же цесаревичъ писалъ Сакену: «Je ne fais point de politique, je le laisse aux gazetiers» [1]. Воспитанникъ графа Панина такъ и не понялъ историческаго призванія Россіи, столь ясно сознаннаго Екатериною; поэтому узкій кругозоръ продолжалъ вести упорную тайную борьбу съ геніальнымъ пониманіемъ будущихъ судебъ имперіи. Конечно, этотъ узкій, или, вѣрнѣе, прусскій кругозоръ, перенесенный на русскую почву, не восторжествовалъ надъ подавляющей силой естественнаго хода событій; но, тѣмъ не менѣе, представитель подобнаго воззрѣнія не обращался на путь истины и продолжалъ, какъ говорилось, ради единой пользы отечества, тормозить дѣло, выходя нерѣдко изъ предѣловъ дозволеннаго даже усердію перваго вѣрноподданнаго [2].

en foule, au moment que le Ciel vous aura appelé sur le trône de vos pères. David devait pour ainsi dire conquérir son trône, mais le vôtre vous échoit de droit, et parce que Dieu vous y a destiné depuis le moment de votre naissance.

[1] Сборникъ И. Р. И. О., т. 20-й, стр. 441. (Письмо цесаревича отъ 8-го іюня 1783 года).

[2] Цесаревичъ нашолъ даже для себя возможнымъ убѣждать русскаго посланника при нѣмецкихъ дворахъ, графа Н. П. Румянцова, дѣйствовать въ пользу Пруссіи, обѣщая ему въ будущемъ мѣсто министра иностранныхъ дѣлъ. При всемъ томъ наслѣдникъ взывалъ къ Богу: «Je n'ai et n'aurai pour but que Dieu dans tout ce que je fais», писалъ цесаревичъ графу Румянцову 21-го октября 1784 года. Въ другихъ письмахъ Павелъ Петровичъ все ссылается на свою совѣсть, которая, по его словамъ, руководила его поведеніемъ: «Cette même conscience toujours m'indique de faire mon devoir, et je le fais».

IV.

Въ сентябрѣ 1783 года внезапно скончалась Софья Ивановна Бенкендорфъ, на попеченіи которой съ младенчества находился великій князь Александръ Павловичъ [1]. Этотъ печальный случай побудилъ императрицу поспѣшить назначеніемъ генерала Салтыкова, и 4-го сентября Екатерина писала ему: «Вы меня всекрайнѣйше одолжите, буде не мѣшкавъ возвратитеся сюда. Внуки мои лишилися призрѣнія кончиною Софьи Ивановны Бенкендорфши. Время приспѣло, чтобъ отъ нихъ отнять женскій присмотръ».

Николай Ивановичъ Салтыковъ былъ, согласно установившемуся теперь мнѣнію, не что иное, какъ ограниченный царедворецъ, весьма твердо знавшій придворную науку. Отличительною чертою его характера была угодливость. Нельзя предположить, чтобы Екатерина придавала какое-либо особое значеніе воспитательнымъ качествамъ Салтыкова; выборъ ея былъ, вѣроятно, вызванъ тѣмъ обстоятельствомъ, что Салтыковъ находился, какъ выше нами упомянуто, въ милости у великокняжеской четы. Екатерина не могла не замѣтить искусства, съ которымъ пробирался Николай Ивановичъ между подводными камнями, которыми усѣяна была дорога между большимъ и малымъ дворами. Говорятъ, что онъ обладалъ замѣчательнымъ умѣніемъ умѣрять выраженіе неудовольствія императрицы, которое ему, при разныхъ случаяхъ, поручалось передавать, а съ другой стороны находилъ возможнымъ смягчать и отвѣты цесаревича, докладывая о нихъ матери такъ, что обѣ враждовавшія между собою стороны оставались довольны его посредничествомъ. Вообще Салтыкову предназначалась, собственно говоря, только роль ширмы, за которой скрывалась вѣнценосная бабушка. Притомъ, нельзя упускать изъ виду еще и того обстоятельства, что Екатерина могла, до нѣкоторой степени, вполнѣ положиться на эту ширму, а этимъ свойствомъ Салтыкова нельзя было пренебрегать при существовавшей тогда обстановкѣ придворной жизни.

Императрица продолжала попрежнему лично входить во всѣ подробности воспитанія своихъ внуковъ и сохранила за собою постоянный ежедневный надзоръ за ихъ ученіемъ и поведеніемъ; вмѣстѣ съ тѣмъ

[1] Въ архивѣ князя Воронцова, т. 29, стр. 242, въ письмѣ Лафермьера къ графу С. Р. Воронцову, отъ 8-го сентября 1783 года, сказано: «Nous avons perdu à Zarsko madame la générale de Benkendorff, qui a eu une attaque d'apoplexie dans la chambre même de l'Impératrice et en sa présence, d'où on l'a emportée mourante, et elle est morte en effet le lendemain après avoir été presque pendant tout ce temps sans connaissance».

Александръ и Константинъ оставались жить въ покояхъ бабушки. Императрица точно также взяла въ свои руки воспитаніе и внучекъ; она по мѣрѣ увеличенія числа послѣднихъ заботилась о нихъ не менѣе, чѣмъ объ Александрѣ и Константинѣ. Для воспитанія великихъ княженъ приглашена была вдова генералъ-майора Шарлотта Карловна Ливенъ. Выборъ Екатерины былъ превосходенъ и вполнѣ оправдался прекраснымъ воспитаніемъ, полученнымъ великими княжнами. Безбородко былъ правъ, когда писалъ: «жаль, что генеральша Ливенъ не мужчина: она многихъ бы удобнѣе нашлася воспитывать князей молодыхъ» [1].

Съ переходомъ великихъ князей въ мужскія руки, въ ихъ воспитаніи были установлены неизмѣнныя правила, которыя Екатерина въ письмѣ къ Гримму назвала «règles immuables». Они заключались въ подробномъ наставленіи о воспитаніи великихъ князей, написанномъ Екатериною для Салтыкова и врученномъ ему 13-го марта 1784 года при особомъ рескриптѣ.

Въ этомъ рескриптѣ императрица писала: «Богу благодареніе! Неоспоримо, что природное сложеніе ихъ высочествъ, здоровье ихъ и качества души и ума соотвѣтствуютъ въ полной и рѣдкой мѣрѣ принятому объ нихъ попеченію. Старшему приспѣло уже время перейти изъ присмотра, младенчеству сходственнаго, въ руководство, отроку отродія его приличное. Братъ его, по привычкѣ и горячей любви между ними, да будетъ неразлученъ со старшимъ братомъ, котораго примѣръ ему нуженъ и полезенъ». Затѣмъ Екатерина переходитъ къ самому Салтыкову, мотивируя сдѣланный ею выборъ слѣдующимъ образомъ: «Въ главные приставники надъ воспитаніемъ искали мы особу добронравную, поведенія, основаннаго на здравомъ разсудкѣ и честности, и который съ дѣтьми умѣлъ бы обходиться пріятно и ласково. Увѣрены мы, что вы, соединяя въ себѣ сіи качества, ревность вашу къ добру и испытанную вашу честность употребите въ служеніи, въ которомъ по великой его важности будете руководимы единственно нами во всѣхъ случаяхъ».

Назначивъ хотя не даровитаго, но безусловно вѣрнаго человѣка въ лицѣ Николая Ивановича Салтыкова приставникомъ при внукахъ, Екатерина озаботилась въ то же время пріисканіемъ способнаго исполнителя своихъ педагогическихъ предначертаній. Выборъ ея остановился на швейцарскомъ гражданинѣ Фридрихѣ-Цезарѣ Лагарпѣ. Это былъ республиканецъ, преисполненный гуманныхъ идей XVIII вѣка, человѣкъ неподкупной честности и независимаго характера, прибывшій въ

[1] Архивъ князя Воронцова, книга 13-я, стр. 361.

Разсказъ о томъ, какимъ образомъ генеральша Ливенъ опредѣлена была ко двору, можно найти въ сочиненіи: K. L. Blum: Ein russischer Staatsmann. Leipzig. 1857. B. 2, p. 458—459.

Петербургъ въ 1783 году. Сначала онъ обучалъ Александра только французскому языку, но затѣмъ, по представленіи Лагарпомъ императрицѣ обширной записки, касавшейся воспитанія великихъ князей, положеніе его измѣнилось; на этой запискѣ Екатерина собственноручно написала: «Дѣйствительно, кто сочинилъ подобную записку, тотъ, конечно, способенъ преподавать не одинъ только французскій языкъ (celui qui a composé cet écrit paraît assurément capable d'enseigner plus que la seule langue française»). 15-го сентября 1784 года Екатерина могла уже сообщить Гримму, что Лагарпъ опредѣленъ къ Александру [1]. Законоучителемъ внука императрица избрала протоіерея Андрея Аоанасьевича Самборскаго; кромѣ того, къ участію въ дѣлѣ воспитанія великаго князя Александра призванъ былъ еще генералъ-майоръ Александръ Яковлевичъ Протасовъ. Во всѣхъ этихъ назначеніяхъ, какъ и слѣдовало ожидать, цесаревичъ не принималъ никакого участія; онъ долженъ былъ примириться съ совершившимся фактомъ и молчать, такъ какъ, по словамъ одного изъ его писемъ къ барону Сакену, его вліяніе было таково, что стоило ему указать на что-нибудь или на кого-нибудь, чтобы тѣмъ самымъ достигнуть какъ разъ обратнаго (mon influence étant souvent telle, qu'il suffit d'indiquer une chose ou une personne pour en faire avorter le projet) [2].

Насколько приведенный здѣсь отзывъ цесаревича страдаетъ отличавшей его болѣзненной раздражительностью, можно видѣть изъ того, что этотъ же близкій къ нему человѣкъ, баронъ Карлъ Ивановичъ Сакенъ, назначенъ былъ воспитателемъ великаго князя Константина Павловича, хотя императрицѣ, конечно, не могли оставаться безызвѣстными дружескія отношенія, существовавшія между наслѣдникомъ и Сакеномъ [3].

[1] Сборникъ И. Р. И. О., т. 23-й, стр. 320.

Подробности относительно назначенія Лагарпа воспитателемъ къ великому князю Александру Павловичу и его педагогической дѣятельности см. сочиненіе Н. Шильдера: «Императоръ Александръ I. Его жизнь и царствованіе», т. 1-й.

[2] Сборникъ И. Р. И. О., т. 20-й, стр. 444. (Письмо цесаревича отъ 15-го января 1784 года).

Въ томъ же году распространился слухъ о якобы предстоявшемъ новомъ путешествіи цесаревича. На сдѣланный по этому поводу Сакеномъ вопросъ Павелъ Петровичъ отвѣчалъ 24-го апрѣля: «Mon prétendu voyage, mon cher ami, est un voyage in partibus infidelium et en même temps un secret pour moi, de même que pour tous les autres et je n'en prévois guère ni la nécessité, ni la possibilité, à moins que cela ne soit un voyage aux Indes ou aux îles pour ma correction» (стр. 445). И въ этихъ строкахъ звучитъ та же нота, которая встрѣчается и въ другихъ уже знакомыхъ намъ отзывахъ.

[3] Ростопчинъ въ позднѣйшемъ письмѣ къ графу С. Р. Воронцову, отъ 28-го мая 1794 года, не весьма сочувственно отнесся къ барону К. И. Сакену, назвавъ его «homme sot, intrigant et envieux». Архивъ князя Воронцова, книга 8-я, стр. 95.

V.

«Вотъ я тридцать лѣтъ безъ всякаго дѣла (me voilà trente ans sans rien faire)», жаловался цесаревичъ графу Н. П. Румянцову въ письмѣ отъ 10-го іюня 1784 года. Однако, около этого времени вдругъ нашлось дѣло, хотя и въ малыхъ размѣрахъ, но въ томъ духѣ и направленіи, которые отвѣчали взглядамъ Павла Петровича.

Пользуясь уединеннымъ расположеніемъ Гатчины, цесаревичъ задумалъ привести въ исполненіе мысль, уже давно его занимавшую; она заключалась въ томъ, чтобы создать свою особую, собственную, маленькую армію, которая могла бы служить образцомъ для правительственной, екатерининской арміи, начиная отъ одежды и кончая обученіемъ и организаціею.

По какому-то необъяснимому недоразумѣнію, по снисходительности или же упущенію со стороны императрицы Екатерины, она, которая обыкновенно слѣдила столь зоркимъ окомъ за всѣми дѣйствіями цесаревича, она не воспрепятствовала ему постепенно сформировать и усиливать особые отряды войскъ сначала въ Павловскѣ, а затѣмъ и въ Гатчинѣ. На первый разъ званіе генералъ-адмирала, носимое цесаревичемъ, дало возможность приступить къ дѣлу безъ шума и безъ особой огласки. Для намѣченной цѣли взяты были въ 1782 году 60 человѣкъ изъ флотскихъ экипажей, и изъ нихъ были составлены двѣ команды по тридцати человѣкъ каждая: одна для карауловъ на Каменномъ островѣ, а другая— въ Павловскѣ. Послѣ полученія цесаревичемъ въ даръ Гатчины, каждая команда была увеличена до 80-ти человѣкъ, и начальство надъ обѣими было ввѣрено пруссаку, капитану барону Штейнверу, знакомому съ тайнами экзерцирмейстерства Фридриха Великаго. Объ этомъ командирѣ зарождавшихся гатчинскихъ легіоновъ Павелъ Петровичъ выразился: «Этотъ будетъ у меня таковъ, каковъ былъ Лефортъ у Петра Великаго» [1].

Численность гатчинскихъ войскъ съ каждымъ годомъ возрастала; въ 1786 году они составляли уже три роты, а въ 1788 году, ко времени шведской войны, сформированы были пять ротъ, получившія названіе баталіона его императорскаго высочества. Такимъ образомъ, поприще дѣятельности барона Штейнвера все болѣе и болѣе расширялось. Пополненіе войскъ цесаревича происходило при помощи нижнихъ чиновъ, поступавшихъ разными случаями изъ другихъ командъ, и вербовкою, а офицерами—изъ отставныхъ. Организація, обмундиро-

[1] «Русская Старина» 1876 года, т. 16-й, стр. 7: Записки Михаила Гарновскаго.

БОЖІЕЮ МИЛОСТІЮ
МЫ ПАВЕЛЪ ПЕРВЫЙ
Императоръ и Самодержецъ
ВСЕРОССІЙСКІЙ,

и прочая, и прочая, и прочая.

Объявляемъ всѣмъ НАШИМЪ вѣрнымъ подданнымъ.

Законъ Божій въ десятословіи НАМЪ преподанный научаетъ НАСЪ седмый день посвящать ему; почему въ день настоящій торжествомъ вѣры Христіанской прославленный, и въ который МЫ удостоилися воспріять священное міра помазаніе и Царское на Прародительскомъ Престолѣ НАШЕМЪ вѣнчаніе, почитаемъ долгомъ НАШИМЪ предъ Творцомъ и всѣхъ благъ подателемъ подтвердить во всей Имперіи НАШЕЙ о точномъ и непремѣнномъ сего закона исполненіи, повелѣвая всѣмъ и каждому наблюдать, дабы никто и ни подъ какимъ видомъ не дерзалъ въ воскресные дни принуждать крестьянъ къ работамъ, тѣмъ болѣе что для сельскихъ издѣльевъ остающіеся въ недѣлѣ шесть дней по равному числу оныхъ въ обще раздѣляемыя, какъ для крестьянъ собственно, такъ и для работъ ихъ въ пользу помѣщиковъ слѣдующихъ, при добромъ распоряженіи достаточны будутъ наудовлетвореніе всякимъ хозяйственнымъ надобностямъ. Данъ въ Москвѣ въ день Святыя Пасхи 5 е Апрѣля 1797 года.

На подлинномъ подписано собственною ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА рукою тако:

ПАВЕЛЪ.

Печатанъ въ Москвѣ при Сенатѣ Апрѣля дня 1797 года.

МАНИФЕСТЪ ОБЪ УСТАНОВЛЕНІИ ТРЕХЪ-ДНЕВНОЙ БАРЩИНЫ.

ваніе и обученіе гатчинцевъ не имѣли ничего общаго съ порядками, существовавшими въ правительственныхъ россійскихъ войскахъ. Это былъ какъ бы молчаливый протестъ противъ военной системы, установившейся въ царствованіе Екатерины. Среди россійской арміи появились какимъ-то чудомъ, какъ бы съ дозволенія правительства, какія-то обособленныя войска, устроенныя по прусскому образцу и походившія на живую карикатуру уже отжившихъ свое время Фридриховскихъ порядковъ. Однимъ словомъ, по позднѣйшему выраженію Екатерины, «батушкина армія» воскресла во всей красѣ. Дѣйствительно, въ Гатчинѣ всецѣло возродились «обряды неудобьносимые», которые, будучи введены Петромъ III, «не токмо храбрости военной не умножали, но паче растравляли сердца болѣзненныя всѣхъ вѣрноподданныхъ его войскъ» [1].

Въ то самое время, какъ цесаревичъ, помня совѣтъ графа Петра Ивановича Панина, что «ничего нѣтъ свойственнѣе, какъ хозяину мужескаго пола распоряжать собственно самому и управлять всѣмъ тѣмъ, что защищаетъ, подкрѣпляетъ и сохраняетъ цѣлость какъ его собственной особы, такъ и государства», создавалъ уродливыя гатчинскія войска, обратившіяся со временемъ въ грозный бичъ для всей русской арміи, князь Потемкинъ дѣйствовалъ въ совершенно иномъ духѣ. Пожалованный 2-го февраля 1784 года предсѣдателемъ военной коллегіи, екатеринославскимъ и таврическимъ генералъ-губернаторомъ, достигнувъ зенита своего могущества, Потемкинъ занялся улучшеніемъ одежды русскаго войска; онъ велѣлъ отрѣзать косы, бросить пудру, одѣлъ солдата въ куртку, покойныя шаровары, полусапожки и удобную, красивую каску. Но всѣ эти благія начинанія «кривого» оказались, къ сожалѣнію, недолговѣчными благодѣяніями, которыя впослѣдствіи тщательно вырваны были съ корнемъ непримиримымъ гатчинскимъ преобразователемъ.

VI.

Въ концѣ 1786 года старшій братъ великой княгини Маріи Ѳеодоровны, принцъ Фридрихъ, причинилъ цесаревичу большія непріятности. Разссорившись съ Фридрихомъ Великимъ, принцъ, какъ выше упомянуто, принятъ былъ Екатериною на русскую службу и опредѣленъ выборгскимъ генералъ-губернаторомъ [2]; онъ былъ женатъ на Брауншвейгской принцессѣ Августѣ, судьбою которой императрица всегда интере-

[1] Обстоятельный манифестъ императрицы Екатерины II отъ 7-го іюля 1762 года.

[2] Еще до поступленія на русскую службу, принцъ Фридрихъ побывалъ въ первый разъ въ Петербургѣ въ 1779 году; тогда онъ велъ себя настолько сдержанно, что произвелъ даже на Екатерину благопріятное впечатлѣніе и удостоился получить Андреевскую ленту.

совалась, называя ее Зельмирою. Но бракъ былъ не изъ счастливыхъ; они, по выраженію Екатерины, жили, какъ кошка съ собакою; будучи записнымъ капраломъ, принцъ чувствовалъ слабость къ палочной расправѣ [1], онъ билъ свою супругу и таскалъ ее за волосы. Когда они находились въ Выборгѣ, то, по свидѣтельству Екатерины, «къ великому соблазну цѣлаго края, сцены часто бывали за столомъ, въ присутствіи мѣстныхъ чиновниковъ, такъ что отъ приглашеній на ихъ обѣды бѣгали, какъ отъ чумы». Но, и какъ администраторъ, принцъ Фридрихъ не пользовался особенною любовью; «il est haï comme un crapaud dans son gouvernement», писала о немъ императрица [2].

Наконецъ, 17-го декабря 1786 года послѣдовала развязка семейной драмы, длившейся уже много лѣтъ; по окончаніи эрмитажнаго спектакля, когда Екатерина пришла въ свою опочивальню, принцесса Августа бросилась въ ноги императрицѣ и, рыдая, умоляла защитить ее отъ мужа. Екатерина помѣстила Зельмиру у себя во дворцѣ [3], а принцу написала тотчасъ же письмо, въ которомъ, увольняя его въ годовой отпускъ, прибавила совѣтъ воспользоваться имъ какъ можно скорѣе. Принцъ Фридрихъ, или, какъ Екатерина его называла, «Don Féroce de Monbéliard», долженъ былъ тогда же покинуть Россію, къ великому огорченію цесаревича и великой княгини, несмотря на все усердное заступничество съ ихъ стороны. «On me boude»,—сообщила Екатерина Гримму,—«mais on aura la double peine de se fâcher et de se défâcher» [4].

Непріятный случай съ принцессой Августой причинилъ великому князю и его супругѣ большое огорченіе еще и въ другомъ отношеніи: принцесса «много поразсказала всего слышаннаго ею на вечеринкахъ у великаго князя, хотя тамъ большую всегда осторожность въ рѣчахъ употребляли, и великій князь этого чрезвычайно остерегался» [5]. Дѣй-

[1] Такими же качествами отличался другой братъ Маріи Ѳеодоровны, принцъ Людвигъ, который женился на княжнѣ Чарторижской (сестрѣ князя Адама); ей приходилось снимать сапоги у принца и мыть ему бѣлье, иначе онъ ее колотилъ. Семейная война кончилась тѣмъ, что они разъѣхались.

[2] Сборникъ И. Р. И. О., томъ 23-й, стр. 340, 363 и 397.

[3] Императрица готовилась въ это время совершить свое знаменитое таврическое путешествіе, и потому, желая избавить принцессу во время своего отсутствія отъ непріятныхъ для нея встрѣчъ съ великокняжеской четой, рѣшилась отправить Зельмиру въ замокъ Лоде близъ Ревеля. Здѣсь принцесса умерла въ 1788 году.

[4] Сборникъ И. Р. И. О., т. 23-й, стр. 388. Въ письмѣ отъ 1-го января 1787 года къ тому же Гримму (стр. 390) Екатерина написала еще слѣдующія строки по поводу этого дѣла: «J'ai été obligée de donner à cette affaire non une demi-attention, mais une et demie. ...le plus sage et le plus prudent est ce que j'ai fait, et puis c'est tout». Переписка объ удаленіи принца Фридриха изъ Россіи, а затѣмъ и увольненіи его изъ русской службы помѣщена въ Сборникѣ И. Р. И. О., т. 15-й, стр. 25—34.

[5] Записки князя Ѳ. Н. Голицына. «Русскій Архивъ» 1874 года, стр. 1328.

ствительно, когда Зельмира порвала свою связь съ виртембергскимъ семействомъ, она могла сообщить императрицѣ немало любопытнаго изъ интимной жизни въ Монбельярѣ, Павловскѣ и Гатчинѣ; что же касается осторожности цесаревича въ рѣчахъ, о которой говоритъ въ своихъ запискахъ князь Ѳ. Н. Голицынъ, то мы имѣли случай указать, какъ мало онъ ее соблюдалъ даже во время своей заграничной поѣздки.

Но семейные раздоры и вызванныя ими распоряженія императрицы представляли только одну сторону дѣла; гнѣвъ Екатерины проистекалъ еще и отъ другихъ причинъ. Оказалось, что принцъ Фридрихъ, пользуясь своимъ положеніемъ, въ качествѣ выборгскаго генералъ-губернатора, вошелъ въ тайныя сношенія со шведами, помышляя учинить какое-то «дѣйство» въ пользу мужа своей сестры, и вообще вредно вліялъ на великаго князя Павла Петровича [1]. Несомнѣнность преступныхъ замысловъ принца относительно предержащей власти побудила Екатерину сказать Храповицкому 29-го декабря 1786 года, что «заслужилъ онъ кнутъ, ежелибъ не закрыли мерзкихъ дѣлъ его» [2].

Происшествіе, случившееся съ принцемъ Фридрихомъ, сопровождалось двумя замѣчательными бесѣдами цесаревича съ прусскимъ посланникомъ барономъ Келлеромъ, въ которыхъ наслѣдникъ съ полною откровенностью высказалъ дипломату свои личныя политическія воззрѣнія [3]. Бесѣды эти имѣли мѣсто въ началѣ слѣдующаго, 1787 года. Баронъ Келлеръ писалъ королю 3-го (14-го) февраля 1787 года:

«Пользуюсь случаемъ представить вашему величеству подробный отчетъ о двухъ бесѣдахъ, которыя я имѣлъ недавно съ русскимъ великимъ княземъ, и о которыхъ я упоминалъ въ предыдущей депешѣ. Въ первую нашу бесѣду великій князь самъ началъ говорить о принцѣ Фридрихѣ Виртембергскомъ, котораго онъ восхвалялъ за его умъ, познанія и трудолюбіе, но порицалъ при этомъ за надменность и вспыльчивость, вслѣдствіе чего съ самаго вступленія его въ русскую службу можно было уже предвидѣть, что онъ недолго удержится въ ней. Его императорское высочество, сознаваясь, что всегда держался этого взгляда, признался мнѣ, что его глубоко огорчили какъ грубый способъ (la ma-

[1] Прусскій посланникъ баронъ Келлеръ, въ депешѣ отъ 18-го (29-го) декабря 1786 года, доносилъ королю: «L'impératrice haïssait depuis longtemps le prince Frédéric de Würtemberg qu'elle soupçonnait d'inspirer plus de fermeté au grand duc, qu'elle ne lui en croit naturellement».

[2] Дневникъ Храповицкаго, стр. 21.

[3] Кончина Фридриха Великаго, послѣдовавшая въ 1786 году, не повліяла на чувства расположенія цесаревича къ Пруссіи. Напротивъ того, отношенія Павла Петровича къ новому королю сдѣлались еще болѣе дружественными и подкрѣплены были увѣреніями въ неизмѣнной приверженности къ прусской системѣ, соединенными съ обѣщаніемъ согласоваться въ будущемъ съ намѣреніями Фридриха-Вильгельма II.

*

nière brusque) увольненія принца, такъ и особенно побудительныя причины, которыми руководствовалась императрица при высылкѣ его изъ Россіи.

«Какимъ образомъ могли опасаться (это подлинныя слова великаго князя) какихъ-либо начинаній въ мою пользу со стороны иностраннаго принца, не имѣющаго здѣсь друзей? Они должны были быть увѣрены, что я никогда не одобрю чего-либо подобнаго. Не мнѣ судить, насколько было справедливо сдѣланное двадцать четыре года тому назадъ. Весь народъ присягнулъ тогда государынѣ, которая понынѣ царствуетъ надъ нимъ; была ли эта присяга искренняя или нѣтъ—не знаю, но я былъ свидѣтелемъ общей покорности (j'ai été témoin des formalités d'une soumission générale). Это дѣло лежитъ на совѣсти людей, дѣйствовавшихъ въ то время; что же касается меня, то я хочу жить въ ладахъ съ моею совѣстью. Я всегда совѣтуюсь съ нею, ничего не дѣлаю противнаго ей, и это счастіе я предпочитаю той болѣе блестящей роли, которая можетъ предстоять мнѣ въ исторіи... не знаю, будетъ ли ей передано мое имя. Таковы мои чувства; ихъ должны бы знать и не забывать того случая, при которомъ я открыто высказалъ ихъ».

«Я полагалъ, что великій князь говоритъ о томъ сборищѣ и восторженныхъ кликахъ, которые были въ Москвѣ, когда онъ какъ-то появился во главѣ своего полка; однако, онъ сказалъ мнѣ, что каждый разъ, когда онъ выходилъ во время своего пребыванія въ древней столицѣ, онъ видѣлъ себя окруженнымъ народомъ, но что представившійся ему случай успокоить императрицу насчетъ всѣхъ опасеній, которыя она могла питать относительно его, имѣлъ мѣсто въ Петербургѣ, во дворцѣ. Полагая, что этотъ фактъ долженъ быть извѣстенъ вашему величеству, я не полюбопытствовалъ узнать его, опасаясь, что это можетъ не понравиться великому князю, но поздравилъ его высочество съ общею къ нему любовью, выразивъ, что это должно доставлять ему внутреннее удовлетвореніе; на это онъ отвѣчалъ мнѣ:

«Ну, я не знаю еще, насколько народъ желаетъ меня; я въ этомъ отношеніи не дѣлаю себѣ никакихъ иллюзій! Многіе ловятъ рыбу въ мутной водѣ и пользуются безпорядками въ нынѣшней администраціи, принципы которой, какъ многимъ, безъ сомнѣнія, извѣстно, совершенно расходятся съ моими»».

«Необходимость, о которой говорилъ мнѣ великій князь, заставить народъ утратить привычку къ дѣйствамъ, которыя повторялись уже слишкомъ часто въ этомъ столѣтіи, подала мнѣ поводъ вставить нѣсколько космополитическихъ замѣчаній относительно отсутствія въ Россіи закономъ установленнаго порядка наслѣдованія. На это великій князь отвѣчалъ: ««я разсчитываю когда-либо восполнить это; но хотя природа, давъ мнѣ наслѣдниковъ, и указала способъ возстановить порядокъ, суще-

ствовавшій до Петра I, однако, я еще не вполнѣ пришелъ къ убѣжденію, хорошо ли будетъ установить порядокъ, не существующій даже во Франціи, гдѣ, впрочемъ, законы отличаются въ достаточной степени опредѣленностью».

«Это замѣчаніе утверждаетъ меня въ мысли, которая зародилась во мнѣ подъ вліяніемъ другихъ данныхъ, о расположеніи этого принца къ французскому двору и народу. Въ заключеніе его императорское высочество сказалъ мнѣ:

«Мнѣ кажется, я ясно высказался вамъ. Это исповѣдь, являвшаяся для меня долгомъ по отношенію къ представителю государя, къ которому я наиболѣе привязанъ (c'est une confession de foi que je devais au ministre du souverain auquel je suis le plus attaché)».

«Второй разговоръ тоже начался съ принца Фридриха Виртембергскаго, который, по нѣкоторымъ свѣдѣніямъ, тщетно добивался объясненія со своимъ тестемъ въ присутствіи вашего величества. Великій князь, говоря объ этомъ, сказалъ мнѣ:

«Не считайте меня нескромнымъ; со времени нашего знакомства я откровенно говорилъ съ вами и надѣюсь, что постоянно буду въ состояніи говорить такимъ же образомъ. Принцесса Виртембергская безспорно была неправа въ этой досадной размолвкѣ, но я очень хорошо понимаю, что ея родители не найдутъ для себя ничего пріятнаго въ томъ, чтобы говорить по этому поводу съ ея мужемъ. Прошу васъ, не сообщайте по почтѣ ничего, о чемъ мы говорили — нѣтъ надобности, чтобы кто-нибудь зналъ о сообщеніяхъ, сдѣланныхъ мною вамъ; но пользуйтесь всѣми вѣрными случаями, чтобы увѣрить его величество короля въ моей вѣчной привязанности, и скажите ему, что я всегда буду разсчитывать на его помощь, что бы со мною ни случилось. (Saisissez toutes les occasions sûres d'assurer le roi de mon éternel attachement et dites lui que telle chose qui m'arrive, je crois toujours pouvoir compter sur lui)»».

«Это послѣднее выраженіе, въ связи съ нѣкоторыми фразами великаго князя въ первой бесѣдѣ и съ игрою физіономіи (le jeu de physionomie), которою оно сопровождалось, заставляетъ меня предполагать, что, если бы его высочество былъ вынужденъ подумать о собственной безопасности, или же голосъ народа провозгласилъ бы его своимъ избранникомъ, онъ не воспротивился бы желаніямъ народа. (Si ce prince était forcé à pourvoir à sa propre sûreté ou que la nation le reclamât par un cri général, il ne se refuserait pas aux voeux du peuple).

«Обѣ эти бесѣды съ великимъ княземъ происходили на Каменномъ острову» [1].

[1] В. А. Бильбасовъ: «Высылка изъ Россіи принца виртембергскаго Фридриха 1786 г.»—«Русская Старина» 1892 года, т. 73-й, стр. 459—468. См. въ приложеніяхъ полный французскій текстъ депеши барона Келлера.

Гарновскій, довѣренное лицо князя Потемкина, передаетъ въ своихъ донесеніяхъ, посылавшихся изъ Петербурга для свѣдѣнія свѣтлѣйшаго, слѣдующія подробности относительно принца, «впадшаго въ преступленіе государственное». Онъ пишетъ, что «стеченіе разныхъ обстоятельствъ подало поводъ шептать другъ другу въ уши, будто бы принцъ имѣлъ съ шведскимъ дворомъ переписку, о которой г. Спренгтпортенъ преподалъ ея императорскому величеству первое извѣстіе, и какъ графъ Ангальтъ ѣздилъ недавно въ Финляндію, то думаютъ, что и сей посылапъ былъ туда для того только, чтобъ развѣдать обстоятельнѣе о подозрительныхъ дѣяніяхъ принца и о взятіи надлежащихъ противу оныхъ предосторожностей. Говорятъ, яко бы нѣкоторые и въ крѣпости уже по сему дѣлу содержатся . Впрочемъ, какая бы ни была причина внезапнаго принца отъѣзда, нѣтъ въ городѣ ни одного человѣка, не исключая и самыхъ коренныхъ нѣмцевъ, которые бы сожалѣли объ отъѣздѣ его. Великій князь и великая княгиня, обременены бывши по случаю происшествія сего ужасною печалью, до новаго года изъ своихъ покоевъ никуда не выходили; да ихъ императорскія высочества и къ себѣ, кромѣ графа Валентина Платоновича Мусина-Пушкина и г-жи Бенкендорфши, никого не допускали..... Сія половина находится въ великой печали и, Богъ знаетъ, какая тутъ разстройка.

«17-го числа прошедшаго мѣсяца (т. е. декабря 1786 года), какъ графъ Валентинъ Платоновичъ поднесъ ихъ императорскимъ высочествамъ и принцу (что случилось предъ самымъ ужиномъ въ комнатахъ ихъ высочествъ) касательно отъѣзда сего собственноручныя ея императорскаго величества письма, каждому особое [2], то принцъ усильно просилъ великаго князя о показаніи ему полученнаго его высочествомъ письма, къ чему и великая княгиня просьбу свою присовокупить изволила. Однако же, великій князь изволилъ, какъ я слышалъ отъ достовѣрнаго человѣка, отозваться тако: «Я — подданной россійской и сынъ императрицы россійской, что между мною и ею происходитъ, того знать не подобаетъ ни женѣ моей, ни родственникамъ, ниже кому другому». Его высочество, сказавъ сіе, изволилъ удалиться въ свой кабинетъ и приказалъ принца къ себѣ не допускать» [3].

По исключительному положенію, которое занималъ Гарновскій, его слѣдуетъ признать лицемъ, хорошо освѣдомленнымъ; поэтому достовѣр-

[1] «Дежуръ-маіоръ» принца Виртембергскаго, баронъ Герсдорфъ, былъ посаженъ въ Шлиссельбургскую крѣпость. Екатерина называла его «l'âme damnée de Don Féroce» (Сборникъ И. Р. И. О., т. 23-й, стр. 434).

[2] Гарновскій пишетъ, что графъ Мусинъ-Пушкинъ былъ призванъ къ императрицѣ въ такое позднее время, что уже ложился спать. Затѣмъ графъ находился у государыни и у ихъ высочествъ почти до третьяго часу по полуночи.

[3] «Русская Старина» 1876 года, т. 15-й, стр. 18—20. (Записки Михаила Гарновскаго).

ность приводимыхъ имъ словъ цесаревича едва ли подлежитъ сомнѣнію. Если же при оцѣнкѣ этихъ словъ принять въ соображеніе все вышеизложенное нами въ очеркѣ жизни Павла Петровича, то прежде всего читателя должна поражать крайняя непослѣдовательность въ дѣйствіяхъ и въ словахъ великаго князя; въ этомъ отношеніи онъ порою совершенно напоминаетъ Петра III. Стоитъ только вспомнить, какъ часто цесаревичъ выходилъ изъ предѣловъ, какъ мы выразились, дозволеннаго даже усердію перваго вѣрноподданнаго императрицы, а здѣсь, во время происшествія съ принцемъ Виртембергскимъ, мы видимъ, что онъ вдругъ минутно становится на строго легальную точку зрѣнія. Но этотъ порывъ остается, къ сожалѣнію, благородною, мгновенною вспышкою; уже мѣсяцъ спустя, истинные взгляды, помыслы и надежды цесаревича нашли себѣ совершенно иное выраженіе въ разговорѣ съ барономъ Келлеромъ. Передъ нимъ, какъ представителемъ прусскаго короля, къ которому онъ питалъ особенную привязанность, признавая его своимъ естественнымъ защитникомъ въ случаѣ непредвидѣнныхъ событій, великій князь раскрылъ въ чистосердечной исповѣди всю свою душу. На какого рода случайности намекалъ въ своей бесѣдѣ цесаревичъ, излишне распространяться; несомнѣнно, здѣсь имѣлись въ виду намѣренія Екатерины относительно будущей судьбы ея внука Александра. Такимъ образомъ, постепенно готовился зародышъ новой, еще болѣе потрясающей трагедіи, вызванной къ жизни все тѣмъ же «злымъ дѣломъ» 1741 года, которое должно было непрерывно порождать все новое зло.

VII.

Въ то время, какъ въ Петербургѣ разыгралась непріятная исторія съ «Don Féroce de Monbéliard», Екатерина готовилась уже совершить свое знаменитое путешествіе на югъ Россіи, чтобы посѣтить вновь присоединенный къ имперіи Крымскій полуостровъ. Кромѣ многочисленной свиты, государыня намѣрена была взять съ собою и обоихъ внуковъ, Александра и Константина, чтобы познакомить ихъ съ Россіею [1]. Генералу Салтыкову приказано было заняться приготовленіями къ этой поѣздкѣ, при чемъ, однако, ничего не было сообщено о предстоявшемъ пу-

[1] Графъ Безбородко писалъ фельдмаршалу Румянцову-Задунайскому 26-го октября 1786 года: «Отъѣздъ ея величества назначается 3-го января изъ Царскаго Села; что же касается до ихъ императорскихъ высочествъ, молодыхъ великихъ князей, хотя еще нѣтъ донынѣ точнаго положенія о поѣздкѣ ихъ, но и въ семъ случаѣ свита ихъ состоять будетъ въ Николаѣ Ивановичѣ, въ господахъ: тайномъ совѣтникѣ Сакенѣ и генералъ-майорѣ Протасовѣ, да въ четырехъ или пяти кавалерахъ и учителяхъ».

тешествіи родителямъ великихъ князей. Цесаревичъ не менѣе великой княгини Маріи Ѳеодоровны глубоко оскорбился этимъ распоряженіемъ императрицы; въ коллективномъ почтительномъ письмѣ они умоляли государыню оставить ихъ сыновей при нихъ въ Петербургѣ; оно было изложено въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

«Въ живѣйшей печали мы пишемъ сіи строки вашему императорскому величеству, только что узнавъ о вашемъ намѣреніи взять съ собою нашихъ сыновей въ предпринимаемое вами большое путешествіе. Въ первыя минуты волненія и скорби, вызванныхъ въ насъ этимъ извѣстіемъ, и слишкомъ взволнованные, чтобы высказать все на словахъ, мы прибѣгаемъ къ перу, чтобы сказать вамъ, государыня, все, что ощущаемъ по сему случаю. Мысль быть въ разлукѣ съ вашимъ императорскимъ величествомъ въ теченіе шести мѣсяцевъ была уже сама по себѣ тяжела для насъ, но долгъ обязывалъ насъ уважить молчаніе ваше, государыня, по поводу этого путешествія и скрывать горесть нашу; но извѣстіе о приказаніяхъ, данныхъ вами относительно приготовленій къ путешествію сыновей нашихъ, довершило нашу скорбь, ибо мысль, государыня, быть въ разлукѣ съ вами и съ ними слишкомъ тягостна для насъ. Такъ говорить объ этомъ заставляетъ насъ опытъ, а воспоминаніе о томъ, что мы выстрадали во время подобной же разлуки, дѣлаетъ для насъ невыносимою мысль, что мы опять будемъ находиться въ такомъ же положеніи. Благоволите прочесть эти строки съ добротою, со снисхожденіемъ; усмотрите въ нихъ, въ особенности, государыня, то чувство умиленія, съ которымъ мы вамъ ихъ пишемъ; обращаемся къ вашему материнскому сердцу, пусть оно будетъ нашимъ судьею, и тогда намъ нечего опасаться получить отказъ. Осмѣливаемся, государыня, представить вамъ картину нашихъ страданій, нашихъ опасеній, нашихъ безпокойствъ по поводу путешествія дѣтей нашихъ; страданія наши легко представятся взорамъ вашимъ, государыня, если вспомните состояніе, въ которомъ мы находились въ минуту нашего отъѣзда за границу. Минута была такова, государыня, что воспоминаніе о разставаніи съ вами и съ дѣтьми нашими, которые были тогда еще малолѣтними, и теперь еще вызываетъ въ насъ сильнѣйшее волненіе, и мы по истинѣ не чувствуемъ въ себѣ силъ вынести подобное же испытаніе. Опасенія наши, государыня, касаются здоровья дѣтей нашихъ, нѣжный возрастъ которыхъ возбуждаетъ сомнѣнія, вынесутъ ли они утомленіе, сопряженное съ продолжительнымъ путешествіемъ, предпринятымъ среди зимы, и перемѣну климата, тѣмъ болѣе, что наши сыновья не испытывали еще всѣхъ болѣзней, которымъ дѣти обыкновенно подвержены; наше безпокойство основывается еще и на томъ, что путешествіе и развлеченія, которыя будутъ естественнымъ его послѣдствіемъ, могутъ только остановить успѣхи ихъ воспитанія. Вотъ, государыня, вѣрное и

искреннее изображеніе состоянія сердецъ нашихъ, и ваше императорское величество слишкомъ справедливы, слишкомъ добры, имѣете сердце слишкомъ нѣжное, чтобы не принять во вниманіе мольбы отца и матери, которые послѣ уваженія и привязанности, питаемыхъ ими къ вамъ, не знаютъ болѣе сильныхъ чувствъ, чѣмъ любовь, связующая насъ съ дѣтьми нашими. (Voilà, madame, l'exposé fidèle et sincère de nos coeurs, et votre majesté impériale est trop juste, trop bonne, elle a le coeur trop tendre pour ne pas avoir égard aux prières d'un père et d'une mère, qui après le respect et l'attachement, qu'ils vous portent, ne connaissent pas de sentiments plus forts, que celui de la tendresse, qui nous lie à nos enfants)» [1].

Въ отвѣтъ на это письмо цесаревича и великой княгини Екатерина писала:

«Дорогія дѣти мои. Мать, видящая, что дѣти ея огорчены, можетъ только совѣтовать имъ умѣрить свою печаль, не питать черныхъ мыслей, могущихъ вызвать печаль, не поддаваться скорби подъ вліяніемъ разстроеннаго воображенія, а прибѣгать къ доводамъ, могущимъ умѣрить подобнаго рода огорченія и успокоить тревоги. Дѣти ваши принадлежатъ вамъ, но въ то же время они принадлежатъ и мнѣ, принадлежатъ и государству (vos enfants sont à vous, ils sont à moi, ils sont à l'Etat). Съ самаго ранняго дѣтства ихъ я поставила себѣ въ обязанность и удовольствіе окружать ихъ нѣжнѣйшими заботами. Вы говорили мнѣ не разъ, и устно, и письменно, что мои заботы о нихъ вы считаете настоящимъ счастіемъ для своихъ дѣтей, и что не могло случиться для нихъ ничего болѣе счастливаго. Я нѣжно люблю ихъ. Вотъ какъ я разсуждала: вдали отъ васъ для меня будетъ утѣшеніемъ имѣть ихъ при себѣ. Изъ пяти трое остаются съ вами; неужели одна я, на старости лѣтъ, впродолженіе шести мѣсяцевъ, буду лишена удовольствія имѣть возлѣ себя кого-нибудь изъ своего семейства? Что же касается здоровья сыновей вашихъ, то я твердо убѣждена, что путешествіе это укрѣпитъ ихъ и тѣломъ и духомъ. Климатъ кіевскій и здѣшній съ января до апрѣля отличаются лишь тѣмъ, что тамъ нѣсколькими недѣлями раньше начинается весна. Успѣхи воспитанія также не пострадаютъ, ибо учители будутъ сопровождать ихъ. Впрочемъ, я глубоко тронута высказываемыми вами нѣжными чувствами ко мнѣ и обоихъ васъ обнимаю отъ всего сердца».

Цесаревичъ и великая княгиня отвѣчали императрицѣ слѣдующимъ письмомъ:

«Съ живѣйшею благодарностью и чувствами искренней признательности прочли мы отвѣтъ, данный намъ вашимъ императорскимъ вели-

[1] См. въ приложеніяхъ французскій текстъ этого письма, равно какъ и двухъ слѣдующихъ писемъ императрицы и цесаревича съ супругою.

26

чествомъ. Если мысль о разлукѣ и причиняетъ намъ огорченіе, то въ вашей власти смягчить его и замѣнить разлуку мыслями болѣе утѣшительными и пріятными; мы принадлежимъ вамъ, государыня, въ большей степени, чѣмъ дѣти наши, и въ этомъ состоитъ неоцѣненное наше счастіе. Возьмите насъ вмѣстѣ съ ними, государыня, и мы будемъ при васъ и нашихъ сыновьяхъ. Что же касается дочерей нашихъ, то онѣ нуждаются пока въ одномъ физическомъ уходѣ, и присутствіе отца и матери еще не составляетъ для нихъ въ настоящую минуту существенной необходимости; мы могли бы обходиться безъ всего и путешествовать налегкѣ, лишь бы только не быть вдали отъ васъ и сыновей нашихъ. Насъ влекутъ къ вамъ всецѣло чувства сердецъ нашихъ; это чувства, дражайшая матушка, дѣтей вашихъ,

«Павла и Маріи».

Въ расчеты императрицы вовсе не входило имѣть съ собою непрошенныхъ спутниковъ, и потому на просьбу великокняжеской четы послѣдовалъ самый рѣшительный отказъ, въ краткой запискѣ, написанной уже по-русски и ясно выражающей непремѣнную волю Екатерины. Она писала:

«Чистосердечно я вамъ должна сказать, что новое ваше предложеніе есть такого рода, что оно причинило бы во всемъ величайшее разстройство, не упоминая и о томъ, что меньшія ваши дѣти оставались бы безо всякаго призрѣнія; одни они брошены».

Желаніе цесаревича удержать сыновей въ Петербургѣ было настолько велико, что по полученіи послѣдней записки императрицы Павелъ Петровичъ не остановился даже передъ шагомъ, который, съ его стороны, составлялъ величайшую жертву, какъ бы открытое признаніе собственнаго полнаго безсилія; онъ обратился къ заступничеству князя Потемкина, въ надеждѣ черезъ него склонить мать къ уступчивости, и писалъ къ свѣтлѣйшему 16-го декабря 1786 года:

«Положеніе, въ каковомъ мы теперь находимся, князь Григорій Александровичъ, таково, что я разсудилъ открыться вамъ, зная, что вы всегда были расположены оказывать намъ дружбу. Мы узнали уже послѣ вашего отъѣзда, что государыня намѣрена взять съ собою въ дорогу сыновей нашихъ, а свѣдали о семъ не инако, какъ по повелѣніямъ, даннымъ Салтыкову, о приуготовленіяхъ къ пути. Таковое повелѣніе не могло насъ не потревожить. Мы разсудили о семъ писать къ ея величеству, изъясняя, сколь намъ прискорбно будетъ разставаться, и безпокойство наше о здоровьѣ дѣтей нашихъ. Мы получили весьма милостивый отвѣтъ, въ которомъ государыня изволитъ писать, что она утѣшеніемъ почитаетъ, имѣя дѣтей нашихъ съ собою. Сей отвѣтъ былъ въ такихъ милостивыхъ израженіяхъ, что не думали прогнѣвить, просясь

сами съ нею ѣхать; но, къ удивленію нашему, получили не только отзывъ непріятный, но даже и неудовольствіе. Съ тѣхъ поръ ничего рѣшительнаго не послѣдовало, а приуготовленія къ путешествію дѣтей нашихъ продолжаются. Вы изъ сего видите наше положеніе и желаніе наше быть неразлучными съ дѣтьми нашими. Поступокъ нашъ противу васъ доказать вамъ долженъ довѣренность нашу къ вамъ; и такъ ожидаемъ теперь отъ васъ, чтобы вы намъ съ своей стороны помогли, полагаясь на ваше расположеніе и благоразуміе, довольствуясь даже тѣмъ, если насъ хотя въ Кіевѣ оставятъ. При окончаніи сего, позвольте еще разъ увѣрить васъ о расположеніи моемъ къ себѣ, и что я есмь и буду вашимъ благосклоннымъ.

«Павелъ» [1].

Въ тотъ же день Марія Θеодоровна также написала князю Потемкину письмо съ просьбою о заступничествѣ въ дѣлѣ, столь сильно взволновавшемъ ея материнское сердце [2].

Князь Потемкинъ находился въ это время въ Симферополѣ и получилъ письмо цесаревича только 7-го января; поэтому свѣтлѣйшій лишенъ былъ всякой возможности въ какомъ бы то ни было отношеніи оказать воздѣйствіе на императрицу въ вопросѣ, занимавшемъ цесаревича. Неизвѣстно, чѣмъ бы кончился обмѣнъ мыслей между матерью и сыномъ, но на этотъ разъ судьба благопріятствовала желаніямъ цесаревича. Великій князь Константинъ Павловичъ заболѣлъ сыпью, и 7-го января 1787 года Екатерина вынуждена была начать свое путешествіе, не имѣя съ собою внуковъ. Въ это время императрица не могла уже отложить назначенный ею отъѣздъ; всѣ распоряженія были сдѣланы и находились въ связи съ ожидавшимся пріѣздомъ въ Россію Іосифа II. Накануне дня своего отъѣзда, по замѣчанію графа Сегюра, императрица была противъ обыкновенія молчалива и задумчива [3]. Во время путешествія Екатерина писала Гримму изъ Кіева: «Я сама очень огорчена, что Александръ и Константинъ не сопровождали меня въ этой поѣздкѣ, и они сами также были очень опечалены этимъ» [4].

1 «Русская Старина» 1873 года, т. 8-й, стр. 666.

2 Письмо великой княгини Маріи Θеодоровны къ князю Потемкину отъ 16-го декабря 1786 года помѣщено нами въ приложеніяхъ.

3 «Le 6 (17) Janvier 1787, M. Fitz-Herbert, le comte Cobentzel et moi, après avoir dîné à Pétersbourg, chez le consul de l'empereur, nous partîmes pour Czarsko Selo, où nous trouvâmes l'impératrice assez silencieuse et rêveuse, contre sa coutume. Elle était contrariée de ne pouvoir emmener avec elle les grands-ducs Alexandre et Constantin». Ségur: Mémoires, t. 3, p. 4—5.

4 «Je suis bien fâchée moi-même qu'Alexandre et Constantin ne m'aient pas accompagnée pendant ce voyage, et eux-mêmes en ont été bien affligés aussi». Сборникъ И. Р. И. О., т. 23-й, стр. 400 (изъ письма отъ 4-го апрѣля 1787 года).

Императрица передъ отъѣздомъ снова подтвердила генералу Салтыкову ранѣе данныя приказанія. «Чрезъ сіе,—писала она,—подтверждаю я вамъ письменно то, что я уже словесно вамъ приказывала, и что болѣе всего лежитъ у меня на сердцѣ, понеже будущее благо мнѣ отъ Бога порученной имперіи и людей отъ того зависитъ: то есть, чтобъ во время моего отсутствія вы непремѣнно наблюдали, слѣдовали и выполняли данный вамъ отъ меня наказъ о воспитаніи моихъ внуковъ, великихъ князей Александра и Константина Павловича. Вы о семъ именемъ моимъ подтвердите господамъ Протасову и Сакену и вообще всѣмъ, при внукахъ моихъ находящимся: прикажите имъ снова прочесть, для памяти, мною подписанный наказъ, и скажите всѣмъ, что я ожидаю отъ всѣхъ непремѣннаго и усерднаго исполненія предписаннаго, за что въ свое время надѣяться могутъ достойнаго награжденія, по мѣрѣ радѣнія всякаго» [1].

Очевидно, что, покидая Петербургъ, императрица имѣла въ виду предотвратить возможное вмѣшательство цесаревича въ дѣло воспитанія великихъ князей и сопряженное съ нимъ искаженіе предначертаннаго ею плана воспитанія; въ предупрежденіе могущихъ имѣть мѣсто случайностей Екатерина и сочла нужнымъ написать Салтыкову приведенное нами выше внушительное предостереженіе.

Въ продолженіе всего таврическаго путешествія императрицы великая княгиня Марія Ѳеодоровна еженедѣльно писала ей о своихъ дѣтяхъ; кромѣ того, Екатерина поддерживала дѣятельную переписку съ генераломъ Н. И. Салтыковымъ и съ графомъ Я. А. Брюсомъ, не забывая также и дорогихъ ея сердцу внуковъ.

Великій князь Константинъ Павловичъ довольно долго проболѣлъ сыпью, такъ что Екатерина писала Салтыкову: «Константину скажите мое сожалѣніе, что онъ такъ долго страдаетъ скучною сыпью; во всемъ онъ проворенъ, а съ нею раздѣлаться не умѣетъ». Александръ остался здоровымъ. Но затѣмъ Константинъ, едва оправившись отъ одной болѣзни, заболѣлъ корью, которая тотчасъ же перешла къ старшему брату. Но корь оказалась не злокачественной. Марія Ѳеодоровна писала императрицѣ: «Jamais il n'y eut de rougeole plus heureuse». 1-го апрѣля великіе князья считались уже выздоровѣвшими, и 11-го апрѣля они въ первый разъ совершили прогулку въ каретѣ.

Между тѣмъ Екатерина не отказалась отъ мысли путешествовать со своими внуками; весною она повелѣла имъ выѣхать на встрѣчу къ ней въ Москву. Что же касается цесаревича и великой княгини, то

[1] Письмо императрицы Екатерины къ Н. И. Салтыкову, отъ 5-го января 1787 г., изъ Царскаго Села. «Русскій Архивъ» 1864 года (изданіе 2-е), стр. 500—501.

они на этотъ разъ признали за благо подчиниться волѣ матери. 12-го мая генералъ Салтыковъ по поводу путешествія писалъ императрицѣ о великомъ князѣ Александрѣ слѣдующее: «Александръ Павловичъ съ перваго самаго дня, какъ только узналъ приказаніе ваше ѣхать на встрѣчу вамъ, мнѣ говорилъ, что онъ до самаго своего отсюда выѣзда поставитъ себя въ престрогій діэтъ и очень будетъ себя беречь, чтобы не занемочь и чрезъ то не сдѣлать каковаго либо помѣшательства или остановки ѣздѣ своей, совѣтуя весьма прилежно и Константину Павловичу со своей стороны то же дѣлать» [1].

22-го мая великіе князья Александръ и Константинъ выѣхали изъ Царскаго Села и ночевали въ Тоснѣ, направляясь черезъ Новгородъ и Тверь въ Москву. «Великій князь и великая княгиня насъ провожали сюда до Тосны,—доносилъ Салтыковъ императрицѣ,—и здѣсь почти до нашего ужина пробыли; разставаніе было очень короткое, чтобъ не растрогать и себя и дѣтей». Очевидно, не забыты были прежнія наставленія Екатерины; обмороковъ, какъ въ 1781 году, не случилось. «Слышу, большіе равнодушнѣе пріемлютъ сію разлуку, чѣмъ прежнюю», писалъ П. В. Завадовскій графу А. Р. Воронцову [2].

Едва великіе князья успѣли двинуться въ путь, какъ Марія Өеодоровна въ тотъ же день написала генералу Салтыкову письмо, преисполненное разными наставленіями, отличавшимися самой мелочной заботливостью. Содержаніе письма было слѣдующее:

«Уѣзжая, я была слишкомъ растрогана, чтобы быть въ состояніи сказать вамъ что-либо: поэтому я и пишу вамъ эти немногія строки, чтобы умолять васъ, дорогой генералъ, приложить къ моимъ дѣтямъ всѣ заботы, которыя только можно вообразить; заступите для нихъ мѣсто отца и матери, замѣните имъ насъ. Почаще говорите имъ о насъ и пишите намъ обо всемъ, касающемся ихъ, не опуская ни малѣйшаго обстоятельства, ни самой ничтожной мелочи. Мы просимъ васъ передать нашъ привѣтъ г.г. Протасову и Сакену и всѣмъ прочимъ господамъ, попросивъ ихъ отъ нашего имени удвоить свое рвеніе по отношенію къ моимъ сыновьямъ.

«Не было ли бы лучше, вмѣсто того, чтобы отдыхать вамъ въ Твери, сдѣлать это въ Завидовѣ, чтобы избѣгнуть для дѣтей церемоній, связанныхъ съ губернскимъ городомъ? Это—мысль, пришедшая намъ въ голову уже въ каретѣ; я сообщаю вамъ ее, прося васъ высказать мнѣ ваше мнѣніе... Сообщите мнѣ, пожалуйста: что говорили дѣти послѣ нашего отъѣзда, и были ли они растроганы имъ?

[1] Государственный архивъ. Разрядъ II, стр. 120.
[2] Архивъ князя Воронцова, книга 12-я, стр. 43.

«Прощайте, дорогой генералъ, да хранитъ васъ Господь, и да возвратитъ Онъ васъ къ намъ скорѣе: это единственное утѣшеніе искренно расположенной къ вамъ

«Маріи» [1].

Но великая княгиня не удовольствовалась приведеннымъ здѣсь письмомъ; она приложила къ нему еще родъ краткаго наставленія, «la quintessence de toutes les instructions», которое должно было, вѣроятно, дополнить собою знаменитое наставленіе Екатерины.

«Что за забота быть обязаннымъ воспитывать царственную молодежь», писала Марія Ѳеодоровна, «забросить въ эти души, предназначенныя для престола, первыя сѣмена счастья народовъ и государствъ; сызмала уравновѣшивать страсти, которыя не будутъ знать другой узды, какъ власть; предотвращать пороки или вселять добродѣтели, которые, такъ сказать, должны явиться пороками и добродѣтелями общественными; указывать имъ на источникъ ихъ величія среди человѣчества, пріучать ихъ давать къ себѣ доступъ истинѣ, который захватываетъ постоянно въ свою пользу лесть; заставить ихъ чувствовать, что они высокопоставлены, и научить ихъ забывать объ этомъ; воспитывать въ нихъ чувства, смягчая имъ сердца; направлять ихъ къ славѣ по пути умѣренности, обращать въ сторону благочестія наклонности, которымъ все будетъ подготовлять ядъ порока; однимъ словомъ, образовать изъ нихъ государей и отцовъ.

«Я посылаю вамъ, дорогой генералъ Салтыковъ, эту выдержку, которая, по моему мнѣнію, заключаетъ въ себѣ сущность всѣхъ инструк-

[1] «Je vous envoie, mon cher général, deux billets pour mes fils et des cerises que vous leur remettrez en mon nom.—J'étais trop touchée en partant, pour que j'aie pu vous dire un mot: je vous écris donc ce peu de lignes pour vous conjurer, mon cher général, d'avoir tous les soins imaginables de mes enfants; tenez leur lieu de père et de mère; remplacez nous auprès d'eux. Parlez-leur souvent de nous et écrivez nous tout ce qui les regarde, sans omettre la moindre circonstance, la moindre minutie. Nous vous prions de faire nos compliments à M. M. Protassoff et Sacken et à tous ces messieurs, en les priant, en nos noms, de redoubler de zèle pour mes fils.

«Ne vaudrait-il pas mieux, au lieu de faire votre jour de repos à Tver, de le faire à Завидово, pour éviter aux enfants des cérémonies d'une ville de gouvernement? C'est une idée qui nous est venue en voiture, et que je vous marque, en vous priant de me marquer votre sentiment. Comment se porte votre femme et vos enfants, et comment ont-ils soutenu la fatigue d'aujourd'hui? Marquez-moi, je vous prie, ce que les enfants ont dit après notre départ, et s'ils en ont été touchés?

«Adieu, mon cher général; que le bon Dieu vous conduise et vous ramène bientôt chez nous: c'est l'unique consolation de votre bien affectionnée

«Marie».

«Le 22 mai 1787».

цій. Дай Богъ, чтобы, благодаря вашимъ заботамъ, мои сыновья походили на этотъ образецъ» [1].

Великіе князья Александръ и Константинъ встрѣтились съ императрицей въ Знаменскомъ (имѣніи князя Д. Ю. Трубецкого) 23-го іюня; вечеромъ того же дня они пріѣхали въ Коломенское, а 27-го іюня въѣхали въ Москву [2]. Въ день тезоименитства цесаревича, 29-го іюня, въ присутствіи императрицы и ея внуковъ, архіепископъ Платонъ совершалъ божественную литургію въ Успенскомъ соборѣ; послѣ задостойника, служившій вмѣстѣ съ нимъ духовникъ государыни Памфиловъ въ установленной молитвѣ провозгласилъ Платона митрополитомъ московскимъ и то же повторилъ придворный протодіаконъ въ царскихъ дверяхъ. Платонъ, предполагая умыселъ въ этой ошибкѣ, замѣтилъ Памфилову, что «сего не должно дѣлать при совершеніи Святѣйшихъ Таинъ»; но тотъ отвѣчалъ ему, что «такъ велѣно». Увѣрясь въ неожиданной для него милости императрицы, онъ изъ царскихъ дверей благодарилъ ее поклономъ, а послѣ литургіи словомъ. Все это предварительно было такъ распоряжено государыней, чтобы неожиданностью и торжественностью придать наградѣ болѣе важности [3].

[1] «Quel soin que celui d'être chargé de former la jeunesse des souverains; de jeter dans ces âmes destinées au trône, les premières semences du bonheur des peuples et des empires; de régler de bonne heure des passions qui n'auront plus d'autre frein que l'autorité; de prévenir des vices ou d'inspirer des vertus qui doivent être, pour ainsi dire, les vices et les vertus publiques; de leur montrer la source de leur grandeur dans l'humanité; de les accoutumer à laisser auprès d'eux à la vérité l'accès que l'adulation usurpe toujours sur elle; de leur faire sentir qu'il sont grands, et de leur apprendre à l'oublier; de leur élever les sentiments, en leur adoucissant le coeur; de les porter à la gloire par la modération; de tourner à la piété des penchants à qui tout va préparer le poison du vice; en un mot, d'en former des maîtres et des pères!

«Je vous envoie cet extrait, mon cher général Soltykoff, qui, à mon avis, est la quintessence de toutes les instructions. Dieu veuille que par vos soins mes fils resssemblent à ce modèle».

Вѣроятно, Н. И. Салтыковъ не очень былъ обрадованъ полученнымъ посланіемъ, изнемогая и безъ того подъ бременемъ получаемыхъ имъ педагогическихъ наставленій и записокъ. Судя по краткимъ дѣловымъ письмамъ его къ императрицѣ, можно предположить, что отвѣты его великой княгинѣ едва ли удовлетворили требованія, предъявленныя ея материнскою заботливостью.

[2] Дневникъ Храповицкаго, стр. 40.

[3] И. М. Снегиревъ. Жизнь московскаго митрополита Платона, Москва, 1856 (изданіе 2-е), часть 1-я, стр. 83.

Въ тотъ день, когда Платонъ провозглашенъ былъ митрополитомъ, ему минуло 50 лѣтъ.

12-го іюля 1787 года цесаревичъ писалъ Платону: «Съ великимъ нетерпѣніемъ ожидалъ точнаго извѣстія о новомъ титулѣ вашего преосвященства и, получивъ отъ васъ самихъ о семъ увѣдомленіе, спѣшу васъ съ симъ, какъ и жена моя, поздравить».

Посѣщеніе въ 1787 году Москвы Екатериною было послѣднимъ. 11-го іюля императрица возвратилась въ Царское Село, послѣ шестимѣсячнаго отсутствія, и была встрѣчена у дворцоваго крыльца Павломъ Петровичемъ, Маріею Ѳеодоровною и придворными. Великіе князья Александръ и Константинъ прибыли недѣлею позже, 18-го іюля. Они прибыли днемъ раньше, чѣмъ ихъ ожидали. Великіе князья прошли во дворецъ садомъ и явились къ императрицѣ въ то время, когда ея величество, цесаревичъ и великая княгиня играли въ карты.

22-го іюля, по случаю тезоименитства великой княгини Маріи Ѳеодоровны состоялся въ Павловскѣ маскарадъ, иллюминація и небольшой фейерверкъ. Гарновскій пишетъ: «Въ сей день великій князь гораздо не такъ былъ веселъ, какъ въ Петровъ день, и сколько узнать можно было, потому что ея императорское величество на маскарадъ пожаловать не изволила.... Во времени иллюминаціи видны были въ огняхъ разные, нарочно для сего праздника сооруженные предметы, изъ коихъ главнѣйшимъ почесть можно было тотъ, на которомъ стояла надпись: «Храмъ супружной любви».... Въ сіе время содержала при дворцѣ Павловскомъ караулъ рота гренадеръ изъ баталіона морскаго. Одежда и прочій приборъ сихъ солдатъ суть точь въ точь такіе, какъ будто бы оные нарочно сюда изъ Пруссіи выписаны были... Живучи въ Пруссіи долгое время, я весьма довольно на тамошнія войска наглядѣлся, и посему смѣло могу сказать, что помянутый баталіонъ совершенная копія прусскихъ солдатъ. Выписанной изъ прусской службы офицеръ, служащій теперь въ здѣшней капитаномъ [1], командуетъ не только симъ баталіономъ, штабъ-офицеровъ не имѣющимъ, но и ворочаетъ наслѣдниковымъ кирасирскимъ полкомъ, и занимаетъ, какъ по всему видно, первое мѣсто по военнымъ дѣламъ, когда, напротивъ сего, г-нъ Вадковской первенствуетъ по комнатнымъ. Сначала существовала въ вышеписанномъ убранствѣ одна только рота, баталіонъ же воспріялъ свое начало, какъ сказываютъ, въ бытность ея величества въ Кіевѣ».

Въ заключеніе Гарновскій говоритъ, что, благодаря существованію баталіона, сформированнаго наслѣдникомъ, «любители войскъ прусскихъ стараются доказать императрицѣ, что старый мундиръ для солдатъ выгоднѣе, и «ческа волосъ имъ приличнѣе», и потому надѣются, «что нынѣшній покрой мундировъ и нарядъ нашихъ солдатъ отмѣнится, и все будетъ по-старому» [2].

---

[1] Баронъ Штейнверъ.

[2] «Русская Старина» 1876 года, т. 15-й, стр. 31, т. 16-й, стр. 2—3.

Титулъ ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА.

Божіею поспѣшествующею Милостію, МЫ ПАВЕЛЪ ПЕРВЫЙ, ИМПЕРАТОРЪ и Самодержецъ Всероссійскій: Московскій, Кіевскій, Владимирскій, Новгородскій, Царь Казанскій, Царь Астраханскій, Царь Сибирскій, Царь Херсониса-Таврическаго, Государь Псковскій и Великій Князь Смоленскій, Литовскій, Волынскій и Подольскій, Князь Естляндскій, Лифляндскій, Курляндскій и Семигальскій, Самогицкій, Корельскій, Тверскій, Югорскій, Пермскій, Вятскій, Болгарскій и иныхъ; Государь и Великій Князь Нова-города Низовскія земли, Черниговскій, Рязанскій, Полоцкій, Ростовскій, Ярославскій, Бѣлоозерскій, Удорскій, Обдорскій, Кондійскій, Витепскій, Мстиславскій и всея Сѣверныя страны Повелитель и Государь Иверскія земли, Карталинскихъ и Грузинскихъ Царей и Кабардинскія земли, Черкаскихъ и Горскихъ Князей и иныхъ Наслѣдный Государь и Обладатель; Наслѣдникъ Норвежскій, Герцогъ Шлезвигъ-Голстинскій, Стормарнскій, Дитмарсенскій и Ольденбургскій, Государь Еверскій и Великій Магистръ Державнаго Ордена Святаго Іоанна Іерусалимскаго, и прочая, и прочая, и прочая.

НОВЫЙ ТИТУЛЪ ИМПЕРАТОРА ПАВЛА ПЕРВАГО, ПОСЛѢ ПРИНЯТІЯ ЗВАНІЯ ВЕЛИКАГО МАГИСТРА ДЕРЖАВНАГО ОРДЕНА СВЯТАГО ІОАННА ІЕРУСАЛИМСКАГО.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

I.

Едва императрица Екатерина успѣла возвратиться изъ своего знаменитаго таврическаго путешествія, какъ неизбѣжность новой войны съ Турціей становилась съ каждымъ днемъ все болѣе очевидною. Благодаря внушеніямъ враждебныхъ Россіи державъ, въ особенности Англіи и Пруссіи, русскій посолъ Булгаковъ заключенъ былъ въ Семибашенный замокъ. Въ отвѣтъ на это неслыханное насиліе, Екатерина подписала 9-го сентября 1787 года манифестъ о войнѣ съ Оттоманскою Портою; на другой же день она получила слѣдующее письмо отъ цесаревича изъ Гатчины:

«Манифестъ вашего императорскаго величества объ объявленіи войны туркамъ только что полученъ мною. Пріемлю смѣлость просить у васъ того же самаго дозволенія отправиться въ качествѣ волонтера, о которомъ просилъ въ 1783 году, во время тогдашнихъ приготовленій къ войнѣ, и напомнить вамъ о томъ, что тогда произошло. Цѣль моя и намѣренія должны быть вамъ извѣстны, государыня, и къ сему могу только присовокупить увѣренія въ чувствахъ и пр.» [1].

Съ этого времени между матерью и сыномъ началась оживленная переписка по занимавшему цесаревича вопросу.

[1] «Je viens de recevoir le manifeste de votre majesté impériale contenant la déclaration de guerre aux turcs. Je prends la liberté de lui demander la même permission d'aller comme volontaire, que je lui ai demandé en 83 lors des préparatifs de guerre qui se faisaient à cette époque et de lui rappeler ce qui s'est passé alors. Mon but et mes intentions doivent vous être connus, madame, et je ne puis rien ajouter à ceci que les assurances des sentiments avec lesquels je suis à jamais» etc. «Русская Старина» 1873 года, т. 8-й (Историческіе матеріалы, хранящіеся въ библіотекѣ дворца города Павловска), стр. 856.

Императрица, признававшая пребываніе великаго князя въ арміи несвоевременнымъ и вообще нежелательнымъ, отказала ему въ удовлетвореніи его просьбы. Павелъ Петровичъ не согласился съ доводами своей матери и 11-го сентября повторилъ свою просьбу. Императрица отвѣчала въ тотъ же день новымъ отказомъ и писала: «Въ отвѣтъ, дорогой сынъ мой, на ваше сегодняшнее письмо могу только повторить сказанное мною вчера и вслѣдствіе этого могу только отговаривать васъ въ нынѣшнемъ году ѣхать въ армію въ качествѣ волонтера, будучи увѣрена, по настоящему положенію вещей, что причины, выраженныя въ моемъ предыдущемъ письмѣ, достаточно важны и вѣски, чтобы отклонить васъ отъ вашего намѣренія» [1].

Нѣсколько позже, 24-го сентября, Екатерина, считавшая дѣло конченнымъ, писала князю Потемкину-Таврическому [2]:

«По изданіи манифеста о объявленіи войны, великій князь и великая княгиня писали ко мнѣ, просясь: онъ въ армію волонтеромъ, по примѣру 1783 года, а она, чтобъ съ нимъ ѣхать; я имъ отвѣтствовала отклонительно: къ ней, ссылаясь на письмо къ нему, а къ нему, описывая затруднительное и оборонительное настоящее состояніе позднной осенью и заботы, въ коихъ оба фельдмаршала находятся, и коихъ умножаютъ еще болѣзни и дороговизна и неурожаи въ пропитаніи, хваля впрочемъ его намѣреніе. На сіе письмо я получила еще письмо отъ него съ вторительною просьбою, на которое я отвѣчала, что превосходныя причины, описанныя въ первомъ моемъ письмѣ, принуждаютъ меня ему отсовѣтовать нынѣшній годъ отъѣздъ волонтеромъ въ армію. Послѣ сего письма оба были весьма довольны остаться, разславляя только, что ѣхать хотѣли».

Императрица, однако, ошиблась. Великій князь и не думалъ отказываться отъ своихъ требованій; вскорѣ онъ снова началъ настаивать на своемъ прежнемъ желаніи. Наконецъ, Екатерина уступила и согласилась на просьбу сына; но затѣмъ семейный споръ усложнился тѣмъ, что 29-го ноября великая княгиня стала вторично просить о разрѣшеніи сопровождать мужа, желая поселиться гдѣ-нибудь поближе къ арміи. Екатерина немедленно отвѣчала въ тотъ же день Маріи Ѳеодоровнѣ слѣдующимъ письмомъ:

[1] «En réponse, mon cher fils, à votre lettre d'aujourd'hui, je ne puis que vous réitérer ce que je vous ai dit hier et, en conséquence de quoi, je ne puis que vous déconseiller cette année-ci d'aller à l'armée comme volontaire, étant persuadée, selon l'état présent des choses, que les raisons que contient ma précédente sont d'une conséquence assez majeure et prépondérante pour vous en détourner. Je salue ma chère fille et je vous embrasse». «Русская Старина» 1873 года, т. 8-й, стр. 860.

[2] Сборникъ И. Р. И. О., т. 27-й, стр. 428.

«Отдавая полную справедливость вашимъ чувствамъ, прошу позволенія сказать вамъ, что мужу вашему нѣтъ никакой необходимости, ни обязанности ѣхать въ армію; что онъ самъ добровольно заявилъ о своемъ желаніи отправиться въ качествѣ волонтера, на что я и согласилась, хотя въ томъ не предстоитъ никакой надобности или обязанности, но единственно изъ снисходительности (uniquement par complaisance), и если бы онъ не ѣхалъ, или же не выражалъ своего желанія ѣхать, то поступилъ бы такъ, какъ поступаютъ тысячи лицъ одинаковаго съ нимъ происхожденія, а противъ турокъ и татаръ даже не бывало тому и примѣровъ» [1].

По полученіи этого письма, Марія Ѳеодоровна тѣмъ не менѣе еще разъ повторила свою просьбу насчетъ совмѣстнаго отъѣзда съ мужемъ; тогда императрица, вѣроятно, потерявъ терпѣніе, отвѣтила:

«Дѣло въ томъ, что слѣдуетъ слушаться разсудка и повиноваться ему; я вамъ совѣтовала не думать объ этомъ путешествіи, уже сказала это и повторяю; могу только прибавить къ этому, что если вамъ такъ трудно разстаться и быть другъ безъ друга, то вмѣсто безконечныхъ стенаній (des lamentations sans fin) всего лучше вамъ обоимъ остаться въ Петербургѣ—вамъ и моему дорогому сыну: тогда исполнятся желанія и ваши, и мои, и имперіи; къ тому же, я не вижу никакой надобности въ путешествіи моего дорогого сына, находя въ томъ болѣе опасности, нежели существенной пользы. Такъ какъ, во всякомъ случаѣ, порицанію подвергнусь я одна, то весьма охотно принимаю его на себя и буду сама говорить, что не пустила васъ обоихъ» [2].

[1] «J'ai reçu vos lettres de cet après dîner. Mon cher fils sait très bien que les cas des particuliers ne sont pas toujours ceux qu'il convient de citer pour la place qu'il occupe parce que dans un cas devient impossible et impraticable ce qui ne l'est pas dans un autre. Pour vous, ma chère fille, en rendant justice à vos sentiments, vous me permettrez de vous dire, qu'il n'y avait aucune obligation ni devoir pour votre cher époux d'aller à l'armée, qu'il s'est offert de bon gré d'y aller comme volontaire, que j'ai consenti qu'il y aille sans aucune nécessité ni devoir, et uniquement par complaisance, et que s'il n'y allait pas, ou ne s'était pas offert d'y aller, il n'aurait fait que ce que mille autres personnes de sa naissance ont fait en pareils cas, et même contre les turcs et les tartares il n'y a guère d'exemples du contraire. N'ayant au reste rien à ajouter à mes précédentes, je m'y réfère et finis en vous embrassant».—«Русская Старина» 1873 года, т. 8-й, стр. 863.

[2] «Il ne s'agit point là, ma chère fille, de générosité, ou d'autres sentiments, ni de passion, ni de plaidoyer, mais il s'agit d'écouter, et de se soumettre à la raison; je vous ai déconseillé de penser à ce voyage, je vous l'ai déjà dit, et je vous le répète; tout ce que je puis y ajouter, c'est, que si vous avez tant de peine à vous séparer et à être l'un sans l'autre, et plutôt que de vous livrer à des lamentations sans fin, vous ferez fort bien de rester ici à Pétersbourg tous les deux et vous et mon cher fils: alors vos voeux, les miens et ceux de l'Empire seront remplis; aussi bien ne vois-je aucune nécessité au voyage de mon cher fils, et beaucoup plus de risque que d'utilité réelle. Comme le blâme dans tous les cas retombera sur moi, celui-ci sera un de ceux duquel je me chargerai volon-

Марія Өеодоровна была очень опечалена отвѣтомъ императрицы. Гарновскій писалъ даже, что «великая княгиня находится отъ печали внѣ себя. Недѣля уже тому, какъ ея высочество никакой почти пищи вкушать не изволитъ» [1].

Гримму императрица сообщила объ этихъ семейныхъ пререканіяхъ въ тотъ же день, 29-го ноября, въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

«Въ теченіе трехъ сутокъ я страннымъ образомъ осаждена и получаю по два и по три письма отъ monsieur et madame de Secondat, которые во что бы то ни стало желаютъ ѣхать въ армію. Ему я позволяю это, но ей —какъ на это согласиться? Это невозможно, а милая женщина (la bonne dame), сказать правду, обладаетъ головой, не подчиняющейся разсудку и очень неудобной» [2].

21-го декабря, по случаю отправленія цесаревича въ армію, императрица дала соотвѣтственные указы оберъ-гофмаршалу и придворной конюшенной конторѣ. Великій князь назначилъ даже днемъ своего отъѣзда 7-е февраля 1788 года. Непредвидѣнное обстоятельство разстроило, однако, всѣ воинственные планы Павла Петровича. Императрица изъ городскихъ слуховъ узнала о беременности великой княгини Маріи Өеодоровны. Это обстоятельство снова вызвало непріятную для цесаревича переписку съ матерью. Екатерина справедливо замѣтила сыну въ письмѣ отъ 17-го января 1788 года: «Полагаю, что имѣю множество правъ на то, чтобы узнавать о беременности великой княгини не изъ разспросовъ, не изъ городскихъ слуховъ и не послѣ всѣхъ». Затѣмъ, въ заключеніи своего письма отъ 7-го января 1788 года, императрица убѣдительно просила цесаревича отложить свою поѣздку въ армію до разрѣшенія отъ бремени великой княгини [3].

tiers, en disant moi-même, que c'est moi qui ne vous ai pas laissé partir tous les deux. Adieu».—«Русская Старина» 1873 года, т. 8-й, стр. 864. (Письмо Екатерины отъ 29-го ноября 1787 года).

[1] «Русская Старина» 1876 года, т. 15-й, стр. 495.

[2] «Depuis trois fois vingt-quatre heures je suis étrangement assaillie; je reçois deux et trois lettres par jour de monsieur et de madame de Secondat, qui à toute force veulent aller à l'armée; à lui je le permets, mais à elle comment y consentir? cela est impossible et la bonne dame a une tête inflexible à la raison et très incommode à dire vrai». (Письмо Екатерины отъ 29-го ноября вечеромъ 1787 года). Сборникъ И. Р. И. О., т. 23-й, стр. 429.

[3] «Je me crois, mon cher fils, plus d'un droit, à n'apprendre pas les grossesses de la grande duchesse, ni par des demandes, ni par des bruits de ville, ni la dernière. L'année passée, quand de Kief je vous envoyais la gazette d'Hambourg, vous m'avez répondu que lorsque le cas existerait, j'en serais la première instruite; au commencement de décembre, lorsque ma chère fille avait la fièvre, vous convenez que vous m'avez donné une réponse négative. D'où date donc cette grossesse? Je vous prie de m'en faire part. Pour juger une cause avec équité il faut peser avec réflexion les raisons pour et contre. Les raisons pour sont le désir que vous avez témoigné d'aller à l'armée comme volon-

Въ своемъ отвѣтѣ цесаревичъ поставилъ вопросъ, на кого онъ будетъ похожъ въ глазахъ Европы, если онъ отсрочитъ свою поѣздку въ армію? Недоумѣніе великаго князя императрица разрѣшила слѣдующимъ отвѣтомъ:

«Касательно отсрочки поѣздки вашей и предлагаемаго мнѣ вопроса, именно: на кого вы похожи въ глазахъ всей Европы? —отвѣчать не очень трудно: вы будете похожи на человѣка, покорнаго моей волѣ (soumis à ma volonté), исполнившаго мое желаніе и то, о чемъ я убѣдительнѣйше просила васъ. Впрочемъ, вся Европа знаетъ и не съ сегодняшняго дня привыкла видѣть, что принцы, вамъ подобные, поступаютъ не по прихоти, но согласно требованіямъ приличія и обстоятельствамъ, которыя, въ свою очередь, не всегда зависятъ отъ насъ, а подчиняются требованіямъ даннаго случая. Думаю, что этого за глаза достаточно, даже болѣе нежели достаточно, для цѣлой Европы» [1].

Бумажная война между императрицею и цесаревичемъ, начавшаяся въ сентябрѣ 1787 года, кончилась письмомъ Павла Петровича изъ Гатчины отъ 24-го января 1788 года. Цесаревичъ писалъ:

taire, pour voir une campagne. Ce désir présentement vous le nommez devoir, quoique assurément il n'y a aucune sorte de devoir à cela pour vous. Vous m'avez demandé, depuis le mois de septembre, deux fois de vous permettre ce voyage: la première, je vous l'ai déconseillé; la seconde j'y ai consenti, parce que je n'y voyais aucun empêchement. Présentement la thèse change. Je rends très parfaitement justice à la trempe de l'âme de la grande duchesse, mais je n'en suis pas moins persuadée, que l'effort, qu'elle est dans le cas de faire sur elle-même, ne puisse devenir défavorable et n'expose la vie d'un troisième, et cela pour quelle raison de gaieté de coeur, sans aucune nécessité; pareil doute existant, il deviendrait inhumain et cruel de n'y pas avoir égard. Pour moi il est de mon devoir, et je me trouve dans la nécessité de vous prier très instamment de vous désister de ce voyage dans le moment présent, et d'en renvoyer l'époque à quelques mois d'ici, c'est à dire après les couches de ma chère fille, dont j'ignore le terme, et si elles auront lieu en été ou en hiver». «Русская Старина» 1873 года, т. 8-й, стр. 869—870. (Письмо Екатерины отъ 17-го января 1788 года).

26-го января 1788 года императрица сообщила Потемкину: «Великая княгиня брюхата и въ маѣ родитъ, и онъ до ея родинъ не поѣдетъ уже». Сборникъ И. Р. И. О., т. 27-й, стр. 469.

[1] «Votre lettre, mon cher fils, du 18 janvier, et l'empreinte de son contenu portent le sceau que je désire; je ne puis que vous en marquer mon contentement. Pour ce qui regarde le retard de votre voyage, et la demande que vous me faites à ce sujet: de quoi vous avez l'air aux yeux de toute l'Europe? il ne sera pas bien difficile d'y répondre: vous aurez celui de vous être soumis à ma volonté, d'avoir fait ce que j'avais désiré, et ce dont je vous ai prié instamment; toute l'Europe sait du reste et est accoutumée, non pas d'aujourd'hui, à voir que des princes, comme vous, ne se conduisent point par fantaisie, mais selon qu'il est convenable, et que les circonstances l'admettent, et ces circonstances ne dépendent pas toujours de nous, mais se règlent selon l'exigence du cas; je crois qu'en voilà beaucoup plus qu'il n'en faut à l'Europe entière. Adieu, je vous embrasse et salue ma chère». («Русская Старина» 1873 года, т. 8-й, стр. 871—872).

«Дражайшая матушка! Съ прискорбіемъ отношусь къ положительному повелѣнію вашего величества, препятствующему моему отъѣзду, несмотря на всѣ мои доводы. Трудно мнѣ будетъ полагаться на неопредѣленную надежду, вами мнѣ подаваемую въ такомъ дѣлѣ, которое не долженъ считать прихотью съ моей стороны въ виду собственнаго же вашего одобренія и согласія, будучи къ тому же уполномоченъ въ немъ даннымъ мнѣ примѣромъ моихъ современниковъ и равныхъ мнѣ. Послѣ всего совершившагося я долженъ покориться волѣ вашего величества, но никогда не буду въ состояніи заглушить чувствъ, меня одушевляющихъ, въ которыхъ мы не властны, ибо эти чувства основываются на чести и убѣжденіи, столько же непоколебимыхъ, сколько и тѣ чувства, съ которыми есмь, дражайшая матушка», и пр. [1].

Образъ дѣйствій Екатерины въ вопросѣ, послѣдовательный ходъ котораго мы выше представили въ общихъ чертахъ, до сихъ поръ подвергается различной оцѣнкѣ. Казалось бы, однако, что теперь, когда мы уже имѣемъ передъ собою болѣе чѣмъ столѣтнюю историческую перспективу, можно справедливѣе относиться къ намѣреніямъ Екатерины, имѣвшимъ цѣлью удержать цесаревича отъ поѣздки въ армію, дѣйствовавшую противъ турокъ. Принимая во вниманіе характеръ и взгляды цесаревича, достаточно обрисовавшіеся въ ту пору, а также чувства глубокой ненависти, питаемыя имъ къ Потемкину, слѣдуетъ признать, что императрицѣ трудно было относиться иначе къ желаніямъ своего сына, чѣмъ она это сдѣлала въ данномъ случаѣ. «Voilà un embarras de plus pour vous que je serais enchantée de vous épargner», писала Екатерина къ Потемкину [2], и въ этихъ немногихъ словахъ отразилась истинная подкладка всего дѣла. Военныя операціи, начавшіяся въ 1788 году противъ турокъ, не отличались особеннымъ блескомъ и рѣшительностью успѣховъ, появленіе же цесаревича на театрѣ военныхъ дѣйствій, конечно, не поправило бы дѣла; напротивъ того, оно вызвало бы только

Gatchina, ce 24 janvier 1888.

[1] Ma bien chère mère, je ne puis voir qu'avec douleur l'ordre positif de votre majesté qui met empêchement à mon départ malgré toutes mes représentations. Il me sera difficile de compter sur l'espérance vague qu'elle me donne dans une affaire que je nê dois point croire être une fantaisie de ma part, par l'approbation et le consentement qu'elle y a donné et autorisé par l'exemple de mes contemporains et mes égaux; après tout ce qui vient d'arriver, je dois me soumettre à la volonté de votre majesté, mais je ne pourrai jamais étouffer les sentiments qui m'animent, qui ne se commandent point, étant fondés sur l'honneur et la conviction aussi peu ébranlable que les sentiments avec lesquels je suis, ma bien chère mère—Paul.

Ma femme se met aux pieds de votre majesté. («Русская Старина» 1873 года т. 8-й, стр. 872).

[2] Сборникъ И. Р. И. О., т. 27-й, стр. 466. (Изъ письма Екатерины отъ 11-го января 1788 года).

къ жизни различныя замѣшательства и интриги, которыя отнюдь не содѣйствовали бы къ упроченію славы русскаго оружія. Екатерина это отлично понимала, и потому понятно, что она всѣми силами старалась не создавать для своихъ полководцевъ новыхъ затрудненій.

Въ то время, когда послѣ повелѣній императрицы отъ 21-го декабря отъѣздъ цесаревича въ армію казался безповоротно рѣшеннымъ, Павелъ Петровичъ занялся составленіемъ духовнаго завѣщанія и различныхъ письменныхъ наставленій супругѣ и дѣтямъ на случай своей кончины. Цесаревичъ, на самомъ себѣ испытавшій все неудобство, проистекавшее отъ отсутствія закона о порядкѣ престолонаслѣдія, твердо рѣшился положить предѣлъ подобному неопредѣленному положенію дѣлъ; для достиженія этой цѣли Павелъ Петровичъ нашелъ необходимымъ, чтобы великая княгиня Марія Ѳеодоровна отстранила отъ себя всякую мысль о восшествіи на престолъ послѣ его смерти, предоставивъ престолъ старшему своему сыну. Съ согласія великой княгини, они совмѣстно подписали актъ, составленный въ этомъ смыслѣ и установлявшій порядокъ престолонаслѣдія на самыхъ незыблемыхъ основахъ. Впослѣдствіи этотъ актъ, подписанный цесаревичемъ и великой княгиней 4-го января 1783 года, обнародованъ былъ въ день коронаціи императора Павла I-го и преобразился въ основной законъ о престолонаслѣдіи, по праву первородства въ мужской линіи царствующаго дома: «Дабы государство не было безъ наслѣдника. Дабы наслѣдникъ былъ назначенъ всегда закономъ самимъ. Дабы не было ни малѣйшаго сомнѣнія, кому наслѣдовать. Дабы сохранить право родовъ въ наслѣдствіи, не нарушая права естественнаго, и избѣжать затрудненій при переходѣ изъ рода въ родъ».

По странной случайности, въ то самое время, когда цесаревичъ задумалъ устанавливать основанія для будущаго закона о порядкѣ престолонаслѣдія, Екатерина занималась совершенно противоположными мыслями; она намѣревалась совершенно отстранить сына отъ наслѣдованія престола и замѣнить его великимъ княземъ Александромъ Павловичемъ. Такимъ образомъ обѣ враждовавшія между собою стороны тайно работали надъ рѣшеніемъ одного и того же вопроса, но въ разномъ смыслѣ [1].

[1] Отношенія между матерью и сыномъ принимали съ каждымъ днемъ все менѣе дружественный характеръ. Какъ и можно было ожидать, таврическое путешествіе императрицы возбудило со стороны цесаревича однѣ насмѣшки; онъ видѣлъ въ пріемѣ, учиненномъ Потемкинымъ, при встрѣчѣ Екатерины, одни театральные эффекты и говорилъ князю де-Линь: «Vous avez tous bien flatté ma mère, en faisant semblant de voir ce qui n'existe pas, des armées, des flottes, des villes non bâties et des colonies de cent lieues en poste, qui courraient après vous autres». Павелъ Петровичъ никогда не понялъ, или не хотѣлъ понять, какое великое дѣло совершено было для Россіи Екатериною и Потемкинымъ пріобрѣтеніемъ Крыма; для него распространеніе нашихъ южныхъ пре-

Дневникъ Храповицкаго сообщаетъ намъ краткія данныя о томъ, въ какое время императрица приступила къ историческому изученію занимавшаго ее вопроса. По возвращеніи изъ таврическаго путешествія, 20-го августа 1787 года, пишетъ Храповицкій, «читать мнѣ изволила пасажъ изъ «Правды воли монаршей». Тутъ, или въ манифестѣ Екатерины I, сказано, что причиною несчастія царевича Алексѣя Петровича было ложное мнѣніе, будто старшему сыну принадлежитъ престолъ». Нѣсколькими днями позже Храповицкій снова возвращается къ этому предмету и отмѣчаетъ: «Спрошены указы о наслѣдникахъ, къ престолу назначенныхъ, со временъ Екатерины I, и въ изъясненіи оказанъ родъ неудовольствія» [1].

Къ какимъ заключеніямъ привело Екатерину историческое изученіе мѣропріятій Петра Великаго, можно видѣть изъ собственноручной замѣтки императрицы слѣдующаго содержанія:

«Признаться должно, что несчастливъ тотъ родитель, который себя видитъ принужденнымъ для спасенія общаго дѣла отрѣшить своего отродія. Тутъ уже совокупляется или совокуплена есть власть самодержавная и родительская. И такъ, я почитаю, что премудрый государь Петръ I, несомнѣнно, величайшія имѣлъ причины отрѣшить своего неблагодарнаго, непослушнаго и неспособнаго сына. Сей наполненъ былъ противъ него ненавистью, злобою, ехидною завистью; изыскивалъ въ отцовскихъ дѣлахъ и поступкахъ въ корзинѣ добра пылинки худаго, слушалъ ласкателей, отдалялъ отъ ушей своихъ истину, и ничѣмъ на него не можно было такъ угодить, какъ понося и говоря худо о преславномъ его родителѣ. Онъ же самъ былъ лѣнтяй, малодушенъ, двоякъ, нетвердъ, суровъ, робокъ, пьянъ, горячъ, упрямъ, ханжа, невѣжда, весьма посредственнаго ума и слабаго здоровья».

Независимо отъ этой замѣтки, мысль Екатерины еще яснѣе выразилась въ другихъ собственноручныхъ набросках, касающихся греческаго проекта. Екатерина писала:

«Буде успѣхи войны подали бы способы и случай Россіи къ совершенному выгнанію врага имени Христова изъ предѣловъ европейскихъ, то Россія, за таковую всему христіанству и роду человѣческому заслугу, выговариваетъ себѣ возстановленіе, на развалинахъ варварской державы, древней греческой имперіи. Россія обѣщаетъ оную имперію въ совершенной независимости оставить, вручить и отдать младшему россійскому великому князю Константину Павловичу, который тогда имѣетъ дать обѣщаніе—да не учинитъ ни въ какомъ случаѣ наслѣд-

дѣловъ казалось ненужнымъ и безцѣльнымъ завоеваніемъ. Не трудно представить себѣ, насколько подобныя политическія воззрѣнія наслѣдника должны были огорчать и тревожить Екатерину, заставляя ее трепетать за будущее.

[1] Дневникъ Храповицкаго, стр. 46 и 47.

ственное или иное притязаніе на всероссійское наслѣдіе, равномѣрно и братъ его на греческое».

Всѣ эти записки ясно свидѣтельствуютъ, что въ эпоху второй турецкой войны императрица Екатерина уже окончательно остановилась на мысли, что польза государства требуетъ устраненія отъ престолонаслѣдія цесаревича Павла Петровича и замѣны его великимъ княземъ Александромъ Павловичемъ. Къ тому же, здѣсь слѣдуетъ замѣтить, что юридическая обстановка этого вопроса въ разсматриваемую эпоху вполнѣ благопріятствовала намѣреніямъ императрицы и облегчала ей привести въ исполненіе задуманный переворотъ. Въ то время не существовало закона, который въ точности устанавливалъ бы порядокъ престолонаслѣдія, между тѣмъ какъ законъ Петра Великаго 1722 года сохранялъ еще полную силу. А по этому закону правительствующіе государи россійскаго престола имѣли право назначать своимъ преемникомъ кого имъ будетъ угодно, по собственному благоусмотрѣнію, не стѣсняясь стариннымъ правомъ первородства, а въ случаѣ, если назначенный уже наслѣдникомъ окажется неспособнымъ, отрѣшить могли его отъ престола.

Цесаревичъ, съ своей стороны, ясно сознавалъ грозившую правамъ его опасность, которая не осталась для него скрытою. Доказательствомъ тому служитъ одно мѣсто въ завѣщательномъ письмѣ на имя великой княгини Маріи Θеодоровны, отъ 4-го января 1788 года, въ которомъ предусматривалась возможность существованія какого-либо секретнаго распоряженія Екатерины насчетъ престолонаслѣдія. Цесаревичъ писалъ: «Воображая возможность происшествій, могущихъ случиться въ мое отсутствіе, ничего для меня горестнѣе, а для отечества чувствительнѣе себѣ представить не могу, какъ если бы вышнимъ Провидѣніемъ суждено было въ самое сіе время лишиться мнѣ матери, а ему государыни. Таковое происшествіе было бы истинное на насъ посѣщеніе Божіе». Затѣмъ Павелъ Петровичъ переходитъ къ мѣрамъ, которыя поручаетъ принять Маріи Θеодоровнѣ, уже какъ правительницѣ, на сей несчастный случай, и въ заключеніе пишетъ: «Тебѣ, любезная жена, препоручаю особенно въ самый моментъ предполагаемаго несчастія, отъ котораго удали насъ Боже, весь собственный кабинетъ и бумаги государынины, собравъ при себѣ въ одно мѣсто, запечатать государственною печатью, приставить къ нимъ надежную стражу и сказать волю мою, чтобъ наложенныя печати оставались въ цѣлости до моего возвращенія. Буде бы въ какомъ-нибудь правительствѣ или въ рукахъ частнаго какого человѣка остались мнѣ неизвѣстныя, какія бы то ни было повелѣнія, указы или распоряженія, въ свѣтъ не изданные, онымъ до моего возвращенія остаться не только безъ всякаго и малѣйшаго дѣйствія, но и въ той же непроницаемой тайнѣ, въ какой по тотъ часъ

сохранялись. Со всякимъ же тѣмъ, кто отважится нарушить или подастъ на себя справедливое подозрѣніе въ готовности преступить сію волю мою, имѣешь поступить по обстоятельствамъ, какъ съ сущимъ или какъ съ подозрѣваемымъ государственнымъ злодѣемъ, предоставляя конечное судьбы его рѣшеніе самому мнѣ по моемъ возвращеніи».

Яснѣе и опредѣленнѣе, кажется, трудно выразиться, чѣмъ это сдѣлано было наслѣдникомъ въ ожиданіи извѣстныхъ случайностей. Если въ 1788 году совершилось бы несчастіе, возможность котораго предусматривалась въ приведенной нами выдержкѣ, то письменная, посмертная воля Екатерины, въ случаѣ существованія подобной бумаги въ то время, осталась бы, несомнѣнно, одною мертвою буквою. Вступленіе на престолъ цесаревича совершилось бы настолько же безпрепятственно, какъ въ 1796 году, хотя тогда обстоятельства благопріятствовали Павлу Петровичу въ меньшей степени.

Но сверхъ государственныхъ распоряженій, заключавшихся въ завѣщательныхъ письмахъ цесаревича, нельзя умолчать о другой сторонѣ ихъ—чисто душевной, семейной. Приведемъ здѣсь нѣкоторыя относящіяся до сего выдержки.

«Тебѣ самой извѣстно, сколь я тебя любилъ и привязанъ былъ» писалъ цесаревичъ, обращаясь къ Маріи Ѳеодоровнѣ. «Твоя чистѣйшая душа предъ Богомъ и человѣки стоила не только сего, но почтенія отъ меня и отъ всѣхъ. Ты мнѣ была первою отрадою и подавала лучшіе совѣты. Симъ признаніемъ долженъ предъ всѣмъ свѣтомъ о твоемъ благоразуміи. Привязанность къ дѣтямъ залогомъ привязанности и любви ко мнѣ была. Однимъ словомъ, не могу довольно тебѣ благодарности за все сіе сказать, равномѣрно и за терпѣніе твое, съ которымъ сносила состояніе свое, ради меня и по человѣчеству случающіяся въ жизни нашей скуки и прискорбія, о которыхъ прошу у тебя прощенія, и за все сіе обязанъ тебѣ слѣдующими совѣтами. Будь тверда въ Законѣ, который ты воспріяла, и старайся о соблюденіи непорочности его въ государствѣ. Не безпокой совѣсти ни чьей. Государство почитаетъ тебя своею, ты сіе заслуживаешь и ты его почитай отечествомъ. Люби его и споспѣшествуй благу его. Я преподаю тебѣ средства къ тому. Ты прочти мои бумаги и въ нихъ найдешь то, чего я отъ тебя желаю и отъ дѣтей своихъ, и по тому исполняй. Здѣсь предстоитъ награжденіе добродѣтелей твоихъ наибольшее, слава, которую ты пріобрѣтешь, дѣлая то для отечества, что тебѣ остается, и на которое намѣреніе ты съ таковою рѣшимостію и охотою приступила. Благоразуміе твое тебя наставитъ на путь правый, и Богъ благословитъ твои добрыя намѣренія. Старайся о благѣ прямомъ всѣхъ и каждаго. Дѣтей воспитай въ страхѣ Божіи, какъ началѣ премудрости, въ добронравіи, какъ основаніи всѣхъ добродѣтелей. Старайся о ученіи ихъ наукамъ, потребнымъ къ ихъ званію, какъ о

томъ, что, преподавая знанія, открываешь разсудокъ. ......Укрѣпи ихъ въ намѣреніи моемъ о наслѣдствѣ и законѣ онаго, ...старайся имъ внушить, что человѣкъ всякой долженъ подчинять себя разсудку, а особливо такой, которой Богомъ призванъ подчинять страсти другихъ и управлять людьми и цѣлымъ государствомъ и народомъ. Такимъ только себя подчиненіемъ можетъ удержать другихъ воономъ, а особливо своихъ собственныхъ потомковъ, подавая имъ примѣръ, а свою же совѣсть успокоить».

Нельзя не признать, что въ приведенныхъ строкахъ письма цесаревича передъ нами снова воскресаетъ все рѣже появляющійся привлекательный образъ того, въ сущности, мало знакомаго «prince adorable», который всю жизнь провелъ во внутренней борьбѣ съ заслонявшимъ его «despote implacable». Побѣда выпала окончательно на долю послѣдняго, и съ этимъ наименованіемъ имя Павла Петровича перешло къ потомству и закрѣплено въ исторіи. Жизнь его вмѣстѣ съ тѣмъ свидѣтельствуетъ и о томъ, какъ цѣлый рядъ роковыхъ событій, не зависѣвшихъ отъ его воли, постепенно подготовлялъ неудержимую ничѣмъ зловѣщую развязку, къ которой онъ, порою даже сознательно, приближался съ каждымъ днемъ своей нерадостной жизни. Такова была печальная участь искупительной жертвы злого дѣла 1741 года.

II.

Непреклонная воля императрицы Екатерины принудила цесаревича смиренно ожидать предстоявшаго новаго приращенія своей семьи. Событіе это совершилось 10-го мая 1788 года: родилась великая княжна Екатерина Павловна. Жизнь Маріи Ѳеодоровны на этотъ разъ «висѣла на ниткѣ», и она спасеніемъ своимъ была обязана присутствію духа императрицы. «Votre Majesté ne manque jamais de résolution», сказалъ Екатеринѣ Моренгеймъ [1].

Князю Потемкину императрица писала:

«Изъ письма твоего отъ 19-го мая вижу, что ты получилъ мое извѣщеніе о рожденіи моей внуки Екатерины; при семъ случаѣ родители ея оказались противу прежняго ко мнѣ гораздо ласковѣе, понеже почитаютъ нѣкоторымъ образомъ, что я матери спасла животъ, ибо жизнь ея была два часа съ половиною въ немалой опасности, отъ единаго ласкательства и трусости окружающихъ ея врачей, и видя сіе, ко времени и кстати удалось мнѣ дать добрый совѣтъ, чѣмъ дѣло благополучно кончилось, и теперь она здорова, а онъ сбирается къ вамъ въ армію, на

[1] Дневникъ Храповицкаго, стр. 81.—Моренгеймъ въ мѣсяцесловѣ на 1786 годъ значится профессоромъ акушерства при С.-Петербургскомъ воспитательномъ домѣ.

что я согласилась, и думаетъ отселѣ выѣхать двадцатаго іюня, то-есть, послѣ шести недѣль черезъ день, буде шведскія дѣла его не задержатъ; буде же полоумный король шведской начнетъ войну съ нами, то великій князь останется здѣсь»[1].

Такъ и случилось; политическія событія направили цесаревича не на югъ, но на сѣверъ, въ Финляндію. Густавъ III, безъ всякаго къ тому повода, внезапно объявилъ войну Россіи, въ то самое время, когда всѣ силы ея обращены были противъ Турціи, и Петербургъ былъ почти беззащитенъ. Но, къ счастію, король шведскій не дождался ухода русскаго флота изъ Финскаго залива въ Средиземное море, и это обстоятельство рѣшило дѣло въ нашу пользу.

«Король шведскій себѣ сковалъ латы, кирассу, броссары (наручни), и квиссары (набедренники), и шишакъ съ преужасными перьями»,—писала Екатерина князю Потемкину. — «Выѣхавши изъ Стокгольма, говорилъ дамамъ, что онъ надѣется имъ дать завтракъ въ Петергофѣ. Своимъ войскамъ въ Финляндіи и шведамъ велѣлъ сказать, что онъ намѣренъ превосходить дѣлами и помрачать Густава-Адольфа и окончить предпріятія Карла XII. Послѣднее сбыться можетъ, понеже сей началъ разореніе Швеціи; также увѣрялъ онъ шведовъ, что онъ меня принудитъ сложить корону. Сего вѣроломнаго государя поступки похожи на сумасшествіе.... мы отъ роду не слыхали жалобы отъ него, и теперь не вѣдаю, за что раззлился; теперь Богъ будетъ между нами судьею..... Трудно сіе время для меня, это правда; но что дѣлать? Надѣюсь въ короткое время получить великое умноженіе, понеже отовсюду везутъ людей и вещей... Rira bien qui rira le dernier; la justice, la raison et la vérité sont de notre côté»[2].

Выборъ лица для командованія войсками, наскоро собранными для дѣйствій противъ шведовъ, былъ не легкій, такъ какъ лучшіе генералы находились на югѣ. Екатерина довѣрила эту трудную задачу графу Валентину Платоновичу Мусину-Пушкину; но императрицѣ пришлось вскорѣ

[1] Сборникъ И. Р. И. О., т. 27-й, стр. 492 (письмо Екатерины отъ 27-го мая 1788 года). Гарновскій писалъ, 29-го мая 1788 года, что Екатерина сказала цесаревичу: «vous êtes le maître de partir quand vous voulez». («Русская Старина» 1876 года, т. 16-й, стр. 12). Гримму императрица писала 28-го мая: «Vous savez déjà, je crois, que le 10 de ce mois la grande duchesse est accouchée, Dieu merci, d'une quatrième fille dont elle est au désespoir; pour consoler la mère, je lui ai donné mon nom». Сборникъ И. Р. И. О., т. 23-й, стр. 449.

[2] Письма Екатерины къ князю Потемкину отъ 26-го іюня и 3-го іюля 1788 года. Сборникъ И. Р. И. О., т. 27-й, стр. 503 и 504. Въ письмѣ къ Гримму отъ 8-го іюля 1788 года Екатерина сообщила еще слѣдующую подробность: «Imaginez-vous qu'on dit qu'il se vante de venir ici à Pétersbourg, qu'il y fera renverser la statue équestre de Pierre I et qu'à sa place il ordonnera de faire placer la sienne». Сборникъ И. Р. И. О., т. 23-й, стр. 455.

убѣдиться, что онъ плохой полководецъ. «Сей мѣшокъ нерѣшимый мнѣ весьма надоѣлъ», «en un mot c'est une bête», «однимъ словомъ, не способенъ къ предводительству»,—вотъ въ какихъ выраженіяхъ Екатерина отзывалась о графѣ Мусинѣ-Пушкинѣ во время шведской войны.

Отсутствіе войскъ на сѣверѣ имперіи побудило даже привлечь къ войнѣ противъ шведовъ гатчинскія войска цесаревича, состоявшія въ то время изъ одного баталіона (въ пятиротномъ составѣ), которымъ начальствовалъ баронъ Штейнверъ. Эти злосчастныя войска послужили поводомъ къ новому неудовольствію цесаревича противъ императрицы. По свидѣтельству Гарновскаго: «Баталіонъ морской, находившійся въ Павловскѣ, велѣно отдать во флотъ. Просили, чтобъ оной употребленъ былъ въ дѣло на сухомъ пути, и чтобъ позволено было представить его государынѣ въ Царскомъ Селѣ, но отказано. Какая досада! Стараніями графа Александра Матвѣевича (Мамонова) велѣно, однако же, людей сего баталіона такъ употребить, чтобъ его опять, со временемъ, собрать можно было» [1].

Вполнѣ понятно, что Екатеринѣ не могло представить особеннаго удовольствія увидѣть передъ собою «батушкину армію», и потому она не исполнила просьбы цесаревича. Напротивъ того, къ кирасирскому полку наслѣдника она отнеслась съ величайшимъ вниманіемъ. 25-го іюня полкъ, имѣя во главѣ цесаревича, прошелъ церемоніальнымъ маршемъ мимо Царскосельскаго дворца, на балконѣ котораго находилась императрица съ великою княгинею и молодыми князьями. Послѣ смотра пожалована была полку тысяча рублей, офицеры жалованы были къ рукѣ, а штабъ-офицеры приглашены къ обѣденному столу. «Тутъ прослезилась великая княгиня, и примѣтное смущеніе сокрывала ея императорское величество», пишетъ Храповицкій [2].

Цесаревичъ крайне огорчился нежеланіемъ императрицы видѣть его гатчинскія войска. Этимъ обстоятельствомъ воспользовался Штейнверъ, чтобы выставить передъ великимъ княземъ виновникомъ всего случившагося графа Мусина-Пушкина, и своими внушеніями съ самаго начала кампаніи разстроилъ добрыя между ними отношенія.

30-го іюня, по подписаніи манифеста о войнѣ съ Швеціею въ Царскомъ Селѣ, императрица переѣхала на жительство въ городъ, «чтобъ людей ободрить, хотя и духи не упали», писала Екатерина Потемкину. Въ Зимнемъ дворцѣ она простилась съ цесаревичемъ. «Плакали», пишетъ Храповицкій. Великій князь ночевалъ на Каменномъ острову и 1-го іюля поѣхалъ въ Выборгъ. Прощаніе съ Маріей Ѳеодоровною было потрясающее; объ этомъ свидѣтельствуетъ письмо цесаревича, наскоро

[1] «Русская Старина» 1876 года, т. 16-й, стр. 21—22.

[2] Дневникъ, стр. 96.

набросанное карандашемъ для великой княгини съ дороги, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Каменнаго острова:

«Мое дорогое сердце, мой другъ, я ничего не могу сказать вамъ, вы видѣли мое горе, мои слезы; всю мою жизнь я такой въ отношеніи къ тебѣ. Пока я живъ, я не забуду того, чѣмъ обязанъ вамъ. Во имя Бога, отдайтесь Тому, кто хранитъ насъ; пусть Онъ будетъ вашимъ утѣшеніемъ, вашимъ защитникомъ во всемъ. Прощайте!

«Павелъ» [1].

Великаго князя при отправленіи его въ армію сопровождали испытанный другъ его и великой княгини Ѳ. Ѳ. Вадковскій, баронъ Штейнверъ, капитанъ Кушелевъ и лейбъ-медикъ Блокъ. Камердинеромъ при цесаревичѣ находился тогда столь извѣстный впослѣдствіи Иванъ Павловичъ Кутайсовъ. Сверхъ поименованныхъ лицъ, съ разрѣшенія императрицы, прибылъ еще волонтеромъ къ великому князю, нѣсколько позже, восемнадцатилѣтній сынъ графа Петра Ивановича Панина; это былъ графъ Никита Петровичъ Панинъ, которому также суждено было играть въ царствованіе Павла I выдающуюся роль, вызвавшую впослѣдствіи многоразличную оцѣнку [2].

Пріѣздъ цесаревича въ армію сопровождался немедленною ссорою съ графомъ Мусинымъ-Пушкинымъ; водворившійся въ главной квартирѣ разладъ поддерживался Штейнверомъ, находившимъ, кромѣ того, обильную пищу для критики, сравнивая состояніе наскоро собранныхъ въ Финляндіи войскъ съ порядками, принятыми въ гатчинскихъ войскахъ. Марія Ѳеодоровна, извѣщенная объ этомъ положеніи дѣлъ, встревожилась не на шутку возможными послѣдствіями начавшейся ссоры, и писала Вадковскому 11-го іюля:

[1] «Mon cher coeur, mon amie, je ne puis vous rien dire, vous avez vu mon chagrin, mes larmes, toute ma vie je suis ainsi vis à vis de toi. Je n'oublierai de la vie les obligations que je vous ai. Au nom de Dieu remettez vous a Celui qui nous garde, qu'il soit votre consolation, votre gardien en tout. Adieu.

«Paul».

На оборотѣ написано: «Великой княгинѣ.—Изъ Драннщкова».

Марія Ѳеодоровна написала слѣдующее объясненіе къ приведенному письму цесаревича: «Billet que le cher grand duc m'écrivit à quelques verstes de Cammenostrof, après notre cruel congé et qu'il m'envoya par des marchands qui lui avaient offert des fruits; il ne m'a plus quitté dès lors, et en le relisant, il me fait toujours répandre des larmes».

[2] Генералъ-квартирмейстеромъ арміи, которою командовалъ графъ Мусинъ-Пушкинъ, назначенъ былъ Богданъ Ѳедоровичъ Кноррингъ. Въ статьѣ Бернгарди «Kriegsscenen aus den Zeiten der Kaiserin Katherina II» (Vermischte Schriften, Berlin, 1879, B. I.), составленной на основаніи неизданныхъ доселѣ записокъ В. Ѳ. Кнорринга, читаемъ: «Knorring hatte aber von der Kaiserin insgeheim den gemessenen Befehl erhalten, dem Grossfürsten nie irgend etwas von den wirklich beabsichtigten Operationen mitzutheilen» (p. 119).

«Нужна вся моя увѣренность въ вашей честности, добрый мой Вадковскій, для того, чтобы заговорить съ вами о предметѣ, искренно меня огорчающемъ. Я вижу по всему, что пишетъ мнѣ мой мужъ, что онъ недоволенъ графомъ Пушкинымъ, и что онъ противъ него раздраженъ (aigri). Я этимъ опечалена, ибо убѣждена въ томъ, что если даже графъ Пушкинъ погрѣшилъ въ своемъ образѣ дѣйствій, его сердце въ томъ не участвовало. Умоляю васъ во имя вашей привязанности къ моему мужу употребить всѣ усилія, всѣ старанія для того, чтобы смягчить его (l'adoucir). Постарайтесь все повернуть въ хорошую сторону и добейтесь отъ великаго князя, чтобы онъ вникъ въ провинности Пушкина, и онъ тогда, я въ томъ увѣрена, увидитъ, что онѣ лишь кажущіяся, и что его проступки касаются только формы. Опасаюсь, признаюсь въ этомъ, чтобъ не было кого-нибудь, кто бы раздражалъ моего мужа противъ Пушкина, и, зная вашу скромность, скажу вамъ даже, что мнѣ сдается, что это Штейнверъ. Ради Бога, если вы считаете мое предположеніе основательнымъ, и если мой мужъ заговоритъ съ вами о своихъ неудовольствіяхъ противъ Пушкина, постарайтесь направить разговоръ такимъ образомъ, чтобы вы могли умолять его не довѣряться внушеніямъ Штейнвера противъ Пушкина, ибо я сама была свидѣтельницею тому, что Штейнверъ позволилъ себѣ говорить противъ него, за что я разгнѣвалась и сдѣлала Штейнверу упреки. Вы даже можете на меня сослаться и сказать, что я вамъ это разсказала. Дѣло въ томъ, что, когда произошла исторія съ баталіономъ, Штейнверъ въ моемъ присутствіи попытался возбудить въ моемъ мужѣ подозрѣніе, будто Пушкинъ подалъ поводъ къ подобному обороту дѣла; тогда я спросила Штейнвера весьма гнѣвнымъ тономъ: «Какъ смѣете вы говорить такія вещи, когда мнѣ извѣстно противное?». По этимъ даннымъ вы согласитесь, что я въ полномъ правѣ предполагать, что г. Штейнверъ держится все тѣхъ же правилъ, тѣмъ болѣе, что мой мужъ первые дни былъ очень доволенъ графомъ Пушкинымъ и измѣнилъ свое мнѣніе лишь по прибытіи Штейнвера. Ради Бога, добрый мой Вадковскій, дѣйствуйте съ осторожностію и усердіемъ. Я опасаюсь отъ этой ссоры самыхъ прискорбныхъ послѣдствій, и нужно употребить всѣ средства, чтобы изгладить въ сердцѣ великаго князя подозрѣнія, питаемыя имъ противъ человѣка, который сама честность, хотя образъ его дѣйствій и бываетъ неправиленъ (il faut tout employer pour effacer du coeur du grand duc les soupçons qu'il a contre cet homme qui quoique manquant de procédé est l'honnêteté même). Это письмо только для васъ, и вы должны дѣлать видъ, что дѣйствуете по собственному убѣжденію, какъ вы мнѣ это свято обѣщали въ Павловскѣ, гдѣ, къ несчастію, я предвидѣла то, что случилось. Съ нетерпѣніемъ жду отъ васъ вѣстей и льщу себя надеждою, что вы будете передавать мнѣ ихъ съ той правдивостію и честностію, которыя

мнѣ извѣстны. Все то, что я вамъ сказала, доказываетъ вамъ степень моего уваженія» [1].

Если цесаревичъ началъ свое пребываніе въ арміи со ссоры съ графомъ Мусинымъ-Пушкинымъ, то легко себѣ представить, что произошло бы при появленіи наслѣдника среди войскъ, предводительствуемыхъ княземъ Потемкинымъ-Таврическимъ. Не даромъ императрица отклоняла отъ себя, по мѣрѣ возможности, подобное испытаніе. Съ другой стороны, приведенное нами письмо свидѣтельствуетъ, что Марія Ѳеодоровна вынуждена была продолжать, по отношенію къ цесаревичу, свою гатчинскую охранительную тактику, осторожное примѣненіе которой, въ виду болѣзненнаго самолюбія Павла Петровича, поддерживало до нѣкоторой степени миръ и правильное теченіе жизни при великокняжескомъ дворѣ. Тяжелый опытъ привелъ Марію Ѳеодоровну къ усвоенію подобнаго образа дѣйствій, и она пользовалась для этой цѣли разными близкими ко двору ея лицами. Этимъ путемъ иной разъ удавалось спасать цесаревича отъ послѣдствій дурныхъ внушеній, порывовъ гнѣва, доходившихъ нерѣдко до бѣшенства, и напрасной подозрительности.

Императрица оставалась въ Петербургѣ, изнемогая отъ необычайной жары, достигавшей лѣтомъ 1788 года до 39½ градусовъ на солнцѣ, и терпя, по ея выраженію, «духоту еще по шведскимъ дѣламъ». 6-го іюля дѣла приняли наконецъ благопріятный оборотъ: произошло Гогландское сраженіе, въ которомъ адмиралъ Грейгъ разбилъ шведскій флотъ, который отошелъ къ Свеаборгу. Искусство и храбрость Грейга спасли въ этотъ день Петербургъ и разстроили весь планъ кампаніи Густава III, основанный на увѣренности въ полномъ превосходствѣ своего военнаго положенія. Вскорѣ самонадѣянный потомокъ Карла XII испыталъ на сухомъ пути не меньшее разочарованіе; готовясь овладѣть Фридрихсгамомъ, онъ былъ остановленъ неповиновеніемъ собственныхъ войскъ. 25-го іюля шведы исчезли изъ-подъ крѣпости, къ немалому удивленію и радости осажденныхъ. Образовалась Аньяльская конфедерація.

«Аспекты наши гораздо обратились къ лучшему».—«Можно будетъ фуфлыгѣ богатырю подстричь крылья, чтобъ впредь леталъ пониже», писала успокоенная Екатерина Потемкину.

Неожиданнымъ образомъ Густавъ очутился въ оборонительномъ положеніи; но графъ Мусинъ-Пушкинъ, къ несчастію, не сумѣлъ воспользоваться благопріятными обстоятельствами, и потому походъ 1788 года, на сухомъ пути, кончился только тѣмъ, что шведы очистили всю занятую ими территорію русской Финляндіи. Неудивительно, что цесаревичъ, находясь въ распоряженіи полководца, названнаго Екатериною мѣшкомъ нерѣшимымъ, не нашелъ случая къ боевымъ отличіямъ. Па-

[1] «Осьмнадцатый вѣкъ». Москва, 1869. Книга 3-я, стр. 412—413.

Копія.

УКАЗЪ ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА САМОДЕРЖЦА ВСЕРОССІЙСКАГО, изъ Правительствующаго Сената, Государственной Военной Коллегіи. По указу ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА Правительствующій Сенатъ слушавъ вѣденіе Святѣйшаго Правительствующаго Сѵнода, въ которомъ прописавъ Имянной ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА Высочайшій указъ, объявленной ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА Духовникомъ, Московскаго Благовѣщенскаго Собора Протопресвитеромъ, Сѵнодальнымъ Членомъ и Кавалеромъ Исидоромъ, о помѣщеніи въ принятый ЕГО ИМПЕРАТОРСКИМЪ ВЕЛИЧЕСТВОМЪ титулъ Великаго Магистра Ордена Святаго Іоанна Іерусалимскаго, послѣ рѣчи *Магистра, Державнаго,* увѣдомилъ, что онъ опредѣлилъ, конфирмованной ЕГО ИМПЕРАТОРСКИМЪ ВЕЛИЧЕСТВОМЪ Декабря въ 16-й день прошлаго 1798 года полнаго Высочайшаго ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА титула формы со внесеніемъ въ нее и означенной рѣчи *Державнаго,* для возношенія въ церьковно-служеніяхъ напечатавъ вновь, разослать во всѣ подчиненныя себѣ мѣста,
No. 2008
а таковой же формы сообщилъ и Сенату Экземпляры. Приказали: во исполненіе сего Высочайшаго ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА повелѣнія включить въ разосланный предъ симъ изъ Сената Экземпляръ полнаго Титула ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА послѣ рѣчи *Великій Магистръ* и слово *Державнаго,* и напечатавъ оной вновь, разослать для свѣденія и должнаго въ потребномъ случаѣ исполненія во всѣ присудственныя мѣста и Губернскія Правленія при указахъ; въ слѣдствіе чего онаго титула прилагается при семъ двадцать пять Экземпляровъ. Февраля 23 дня 1799 года.

На подлинномъ подписали:

Оберъ-Секретарь Петръ Титовъ.

Секретарь Илья Өедоровъ.

Регистраторъ Петръ Кудлай.

По 1-му департаменту.

УКАЗЪ СЕНАТА ПО ПОВОДУ НОВАГО ТИТУЛА ИМПЕРАТОРА ПАВЛА ПЕРВАГО.

велъ Петровичъ находился только разъ подъ огнемъ непріятеля, 22-го августа, во время рекогносцировки шведской укрѣпленной позиціи въ Гекфорсѣ.

Въ сентябрѣ, герцогъ Карлъ Зюдерманландскій сталъ настоятельно добиваться свиданія съ цесаревичемъ, который уклонился отъ приглашенія, сообщивъ переписку императрицѣ. По мнѣнію нѣкоторыхъ, это обстоятельство способствовало скорѣйшему возвращенію цесаревича въ Петербургъ, которое состоялось 18-го сентября, послѣ того какъ шведы очистили Гекфорсъ.

Если же судить по офиціальнымъ бумагамъ, то отъѣздъ цесаревича изъ арміи не представляется ничѣмъ особеннымъ и преждевременнымъ, потому что 16-го сентября Екатерина писала графу Мусину-Пушкину: «Если вы находите, что по суровости настоящаго времени войска наши требуютъ отдохновенія, дозволяемъ ввести оныя въ кантониръ-квартиры». Кампанія 1788 года на сухомъ пути въ Финляндіи была, безъ всякаго сомнѣнія, окончена. Въ это время датчане, на основаніи трактата, заключеннаго въ 1773 году съ Россіею, вторглись въ Швецію; но диверсія эта не принесла намъ никакой пользы, возбудивъ только собою шведскій патріотизмъ, а затѣмъ Англія и Пруссія принудили датчанъ заключить перемиріе и отказаться отъ своихъ обязательствъ по отношенію къ Россіи.

На морѣ успѣхи наши также пріостановились въ виду болѣзни адмирала Грейга, который вслѣдъ за тѣмъ скончался 15-го октября, къ величайшей горести императрицы. Храповицкій записалъ въ своемъ дневникѣ по этому поводу: «Чувствительная прискорбность и слезы: C'est une grande perte, c'est une perte pour l'État» [1]. Благодаря этому прискорбному обстоятельству, шведскому флоту, запертому въ Свеаборгѣ, удалось въ ноябрѣ мѣсяцѣ, пробиваясь черезъ ледъ, возвратиться въ Карлскрону.

6-го декабря князь Потемкинъ овладѣлъ наконецъ штурмомъ Очаковымъ, такъ что тяжелый 1788 годъ кончился, все-таки, довольно благополучно для русскаго оружія. Что же касается шведскихъ дѣлъ, то Екатерина справедливо замѣтила: «у всѣхъ тряслись губы; моя твердость все спасла».—«Не всѣ головы способны быть на моемъ мѣстѣ» [2].

[1] Дневникъ Храповицкаго, стр. 175.

[2] Дневникъ Храповицкаго, стр. 175 и 277. Въ откровенной бесѣдѣ съ Храповицкимъ, 21-го октября 1788 года, Екатерина отозвалась: «Со всѣми помирюсь, но никогда не прощу королямъ шведскому и прусскому: первому возвратила земли императрица Елисавета, а второму я. Изъ сего выйдетъ, что они того лишатся» (стр. 178). Предсказаніе императрицы отчасти исполнилось: въ 1807 году Пруссіи угрожала совершенная гибель, а сынъ Густава III лишился Финляндіи въ 1808 году.

Въ слѣдующемъ 1789 году, война на сѣверѣ и на югѣ Россіи продолжалась. Цесаревичъ, конечно, желалъ снова отправиться въ армію, предназначенную для дѣйствій въ Финляндіи, и пытался получить на то разрѣшеніе императрицы, обратившись къ ней съ слѣдующимъ письмомъ:

«Въ виду предстоящаго открытія кампаніи и желая сообразоваться вполнѣ съ волею вашего императорскаго величества, я осмѣливаюсь просить приказаній вашего императорскаго величества относительно меня, чтобы я могъ, соображаясь съ ними, принять соотвѣтственныя мѣры. Пользуюсь настоящимъ случаемъ, чтобы возобновить выраженіе моихъ чувствъ уваженія и привязанности, съ которыми остаюсь и всю жизнь буду пребывать» и пр. [1].

Екатерина отвѣчала рѣшительнымъ отказомъ, въ которомъ замѣтнымъ образомъ проглядывалъ ироническій оттѣнокъ, задѣвавшій нѣсколько великую княгиню Марію Θеодоровну. Императрица писала 11-го апрѣля 1789 года:

«Вотъ, мой дорогой сынъ, мнѣніе, котораго вы спрашиваете относительно предстоящей кампаніи; она будетъ оборонительная, малой войной, и еще скучнѣе прошлогодней; вотъ почему, по совѣсти, могу вамъ только посовѣтовать, чтобы вы, вмѣсто того, чтобы вызывать слезы и печаль, раздѣляли бы въ средѣ вашей дорогой и прекрасной семьи радость отъ успѣховъ, которыми Всемогущему, какъ я надѣюсь, угодно будетъ благословить наше правое дѣло. Прощайте! Обнимаю васъ отъ всего сердца, тронутая вашимъ образомъ дѣйствій» [2].

Весною 1789 года, военныя дѣйствія противъ Швеціи возобновились съ перемѣннымъ счастіемъ на сухомъ пути и на морѣ. Графъ Мусинъ-Пушкинъ сохранилъ за собою командованіе финляндскою арміею.

[1] «La campagne allant s'ouvrir et désirant entièrement de me conformer à la volonté de votre majesté impériale, je prends la liberté de demander à votre majesté impériale ses ordres par rapport à moi, pour pouvoir prendre mes arrangements en conséquence. Je saisis cette occasion pour lui renouveler l'hommage des sentiments du respect et de l'attachement, avec lesquels je suis et serai toute ma vie» etc. Сборникъ И. Р. И. О., т. 15-й, стр. 156.

[2] «Voici, mon cher fils, l'avis que vous me demandez au sujet de la campagne prochaine; elle sera défensive, guerre de postes, et un peu plus ennuyeuse que celle de l'année passée; c'est pourquoi je ne puis en conscience vous conseiller autrement, qu'au lieu d'exciter des pleurs et des regrets amers, de partager au sein de votre chère et charmante famille la joie des succès dont il plaira au Tout-Puissant, comme j'ose l'espérer, de bénir la justice de notre cause. Adieu! je vous embrasse de tout mon coeur et suis très sensible à vos procédés». Сборникъ И. Р. И. О., т. 15-й, стр. 156.

Намекъ на Марію Θеодоровну, встрѣчающійся въ письмѣ Екатерины, можно объяснить тѣмъ, что въ 1788 году, черезъ мѣсяцъ послѣ отъѣзда цесаревича въ армію, великая княгиня уже 31-го іюля просила у императрицы разрѣшенія на свиданіе съ мужемъ въ Выборгѣ, на что послѣдовалъ отказъ.

Густавъ III воспользовался временемъ до открытія новой кампаніи, чтобы привести въ покорность собственныхъ подданныхъ и усмирить собранный имъ сеймъ, доставившій королю средства для продолженія войны. Петербургъ казался Екатеринѣ такъ мало обезпеченнымъ отъ нападенія непріятеля, что у нея явилась мысль росписать городъ на кварталы и поручить его оборону вооруженнымъ жителямъ. Дѣйствія на морѣ ознаменованы были побѣдою, одержанною 13-го августа принцемъ Нассау-Зигеномъ при Роченсальмѣ (Свенскзундѣ), но на сухомъ пути императрица не дождалась перехода русскихъ войскъ за Кюмень. Хотя Екатерина и писала: «Мнѣ лучше нравится дефензива, нежели офензива; да, сверхъ того, входъ въ Финляндію финнамъ будетъ въ тягость, а теперь они насъ менажируютъ». Но затѣмъ императрица прибавила: «Остаться въ дефензивѣ, дондеже за вѣрно полагать можно будетъ, что офензива полезнѣе для насъ» [1]. Когда же исполнителемъ подобныхъ мыслей являлся полководецъ въ родѣ графа Мусина-Пушкина, можно было быть спокойнымъ, что «офензива» никогда не покажется полезнѣе. Такъ и случилось. Поэтому, когда повелѣно было войскамъ занять зимнія квартиры, Екатерина имѣла полное основаніе сказать: «Прошлый годъ былъ тяжелъ, въ нынѣшнемъ досадна только инакція Пушкина». Хотя императрица не желала обидѣть графа Мусина-Пушкина, «понеже я ему персонально обязана», но терпѣніе государыни все-таки истощилось, и въ 1790 году командованіе войсками, дѣйствовавшими въ Финляндіи, поручено было барону Игельстрому, подъ главнымъ начальствомъ графа Ивана Петровича Салтыкова.

Наступилъ третій годъ войны со шведами; политическій горизонтъ становился все мрачнѣе. 9-го (20-го) февраля скончался другъ и союзникъ Екатерины, императоръ Іосифъ II [2], а съ воцареніемъ брата его Леопольда политика австрійскаго двора получила другое направленіе [3]. Затѣмъ враждебность Пруссіи стала угрожать Россіи еще третьей

[1] Дневникъ Храповицкаго, стр. 267.

[2] «Кромѣ союза, il m'est attaché personellement», сказала Екатерина Храповицкому (стр. 277). Если императрица была огорчена смертію Іосифа II, то не меньшее горе испытала одновременно Марія Ѳеодоровна. Двумя днями ранѣе императора, 7-го (18-го) февраля, скончалась эрцъ-герцогиня Елисавета, жена эрцъ-герцога Франца и сестра великой княгини.

[3] Насколько Екатерина дорожила австрійскимъ союзомъ, можно видѣть изъ письма ея къ Потемкину отъ 18-го октября 1789: «Каковы Цесарцы бы ни были и какова ни есть отъ нихъ тягость, но оная будетъ несравненно менѣе всегда, нежели прусская, которая совокупленно сопряжена со всѣмъ съ тѣмъ, что въ свѣтѣ можетъ только быть придумано поноснаго и несноснаго: mon cher ami, je parle d'expérience, j'ai vu ce joug malheureusement de fort près, et j'ai sauté de joie, vous en êtes témoin, lorsque j'ai aperçu seulement une petite lueur pour en pouvoir sortir». Сборникъ И. Р. И. О т. 42-й, стр. 42.

войною [1]. Но то, чего не могли доставить морскія побѣды, одержанныя нами въ 1790 году, достигнуто было несчастнымъ сраженіемъ при Свенскзундѣ (28-го и 29-го іюня), въ которомъ принцъ Нассау-Зигенъ претерпѣлъ страшное пораженіе. Пользуясь одержанной побѣдой, Густавъ III нашелъ для себя возможнымъ заговорить о мирѣ. Начались переговоры, и 3-го (14-го) августа подписанъ былъ въ Верелѣ миръ между Швеціею и Россіею, заключенный, какъ радостно оттѣнила Екатерина въ письмѣ къ Гримму, «sans intervention aucunière». Храповицкій же записалъ: «тѣмъ болѣе довольны, что ни англичане, ни пруссаки, сего не знаютъ; on les a joués» [2].

Верельскимъ договоромъ Густавъ III не пріобрѣлъ никакого земельнаго расширенія; граница между Россіею и Швеціею осталась прежняя. Единственный успѣхъ, достигнутый королемъ послѣ трехлѣтней борьбы, заключался въ томъ, что Россія какъ бы косвенно отказалась отъ принадлежавшаго ей дотолѣ права охраненія прежняго образа правленія въ Швеціи, измѣненнаго королемъ въ 1772 году. Вообще, принимая во вниманіе общее положеніе политическихъ дѣлъ въ Европѣ, Екатерина могла остаться вполнѣ удовлетворенною конечнымъ исходомъ войны со Швеціею, начавшейся столь некстати для ея политическихъ плановъ. Настроеніе императрицы вполнѣ выразилось въ перепискѣ съ княземъ Потемкинымъ; Екатерина писала своему другу сердечному: «Одну лапу мы изъ грязи вытащили, какъ вытащишь другую, то пропоемъ аллилуія.... что ты сей миръ принялъ съ великою радостію, о семъ нимало не сумнѣваюсь, зная усердіе твое и любовь ко мнѣ и къ общему дѣлу. Ласкательно изъ твоихъ устъ слышать, что ты оный приписуешь моей неустрашимой твердости [3]: какъ инако быть императрицѣ всероссійской, имѣя шестнадцать тысячъ верстъ за спиною и видя добрую волю и рвеніе народное къ сей войнѣ» [4].

1 «Какъ въ родахъ, ожидаю разрѣшенія о мирѣ или тройной войнѣ», записалъ Храповицкій, 12-го января 1790 года, слова императрицы.

2 Дневникъ Храповицкаго, стр. 343.

3 «Здравствуй, матушка, всемилостивѣйшая государыня, съ плодомъ неустрашимой твоей твердости», такъ началъ Потемкинъ письмо къ императрицѣ Екатеринѣ.

4 Сборникъ И. Р. И. О., т. 42-й, стр. 101 и 103. Потемкинъ былъ правъ, приписавъ благополучный исходъ нагрянувшихъ на Россію политическихъ затрудненій твердости Екатерины. Дѣйствительно, императрица никогда не отступала въ тѣхъ случаяхъ, когда государственные интересы требовали съ ея стороны именно непреклонной твердости, и ей удалось отстоять честь и цѣлость Россіи. Стоитъ припомнить, что, когда въ 1788 году начались шведскія вооруженія, а враждебное къ намъ настроеніе Пруссіи и Англіи не подлежало уже сомнѣнію, Потемкинъ совѣтовалъ императрицѣ возвратить туркамъ Крымъ. Екатерина отвѣчала князю: «На оставленіе Крыма, воля твоя, согласиться не могу; объ немъ идетъ война, и есть ли сіе гнѣздо оставить, тогда и Севасто-

Вскорѣ Потемкинъ могъ сообщить императрицѣ извѣстіе, оживившее надежду на заключеніе мира съ Оттоманскою Портою: 11-го декабря 1790 года Суворовъ овладѣлъ штурмомъ крѣпостью Измаиломъ. Но вожделѣнный миръ подписанъ былъ въ Яссахъ только черезъ годъ, 29-го декабря 1791 года. Князю Потемкину не было суждено дожить до умиротворенія востока; онъ скончался въ томъ же году 5-го октября [1]. По Ясскому миру граница имперіи была продвинута до Днѣстра; Крымскій полуостровъ остался за Россіею.

Борьба съ Турціею еще не закончилась миромъ, когда провозглашеніе польской конституціи 3-го мая 1791 года вызвало со стороны Екатерины новое вооруженное вмѣшательство въ дѣла Рѣчи Посполитой [2]. Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ потрясающія событія слѣдовали одно за другимъ съ поразительною быстротою [3]. Въ 1793 году совершился второй раздѣлъ Польши, 4-го ноября 1794 года Суворовъ штурмовалъ Прагу и занялъ Варшаву, а затѣмъ 5-го января 1795 года подписанъ былъ договоръ о третьемъ раздѣлѣ; Польша перестала существовать. Въ видѣ эпилога послѣдовало еще 15-го апрѣля 1795 года присоединеніе къ имперіи Курляндіи. Послѣднимъ пріобрѣтеніемъ завершился циклъ екатерининскихъ завоеваній.

поль и всѣ труды и заведенія пропадутъ, и паки возстановятся набѣги татарскіе на внутреннія провинціи.... ради Бога, не пущайся на сіи мысли, кои мнѣ понять трудно, и мнѣ кажутся неудобными, понеже лишаютъ насъ многихъ пріобрѣтенныхъ миромъ и войною выгодъ и пользы. Когда кто сидитъ на конѣ, тогда сойдетъ ли съ онаго, чтобы держаться за хвостъ». (Сборникъ И. Р. И. О., т. 27-й, стр. 491. Письмо Екатерины отъ 27-го мая 1788 года).

По заключеніи мира Екатерина сказала: «Я правила всѣмъ, какъ командующій генералъ, и много было заботъ». Храповицкій напомнилъ о намѣреніи итти съ резервомъ къ Осиновой рощѣ. «Да», замѣтила императрица, «буде бы нужда потребовала, то въ послѣднемъ батальонъ-каре сама бы голову положила» (Храповицкій, стр. 345).

[1] Непримиримый противникъ Потемкина и персональный оскорбитель Екатерины, графъ Петръ Ивановичъ Панинъ, умеръ ранѣе свѣтлѣйшаго, а именно—16-го апрѣля 1789 года. Храповицкій записалъ 23-го апрѣля: «принято равнодушно» (стр. 278).

[2] 29-го апрѣля 1791 года, Екатерина писала Гримму: «Nous ne plierons pas devant le diable même. Tiens souffre-douleur, je vous le promets». (Сборникъ И. Р. И. О., т. 23-й, стр. 519). Императрица высказалась противъ уничтоженія liberum veto и заступилась за этотъ, какъ она его называла, «palladium польской свободы». Екатерина жаловалась Гримму, что «поляки стерли съ лица земли моего стараго союзника и друга, польскую республику (ils ont fait disparaître du monde mon ancienne amie et alliée, la république de Pologne)». Сборникъ И. Р. И. О., т. 23-й, стр. 567. (Письмо Екатерины отъ 9-го мая 1792 года).

[3] Въ 1792 году Густавъ III смертельно раненъ былъ въ маскарадѣ выстрѣломъ Анкарстрема. Въ томъ же году скончался императоръ Леопольдъ II, а въ слѣдующемъ 1793 году Людовикъ XVI кончилъ жизнь на эшафотѣ.

Подобное видоизмѣненіе карты Европы, сопровождавшееся исчезновеніемъ на ней цѣлаго королевства, совершилось сравнительно довольно легко, благодаря другому событію всемірно-исторической важности, взволновавшему въ его основахъ весь Западъ: это была французская революція. Она оставила также глубокій слѣдъ въ мысляхъ и въ будущихъ начинаніяхъ цесаревича Павла Петровича.

Князь Ѳ. Н. Голицынъ пишетъ, что въ Россіи все было спокойно: «хотя большая часть Европы отъ французскаго переворота всколебалась, у насъ непримѣтно было никакой наклонности къ перемѣнамъ. Государыня спокойно царствовала, не страшилась якобинцевъ и ихъ пагубоносныхъ правилъ» [1].

Одинъ изъ дѣятелей екатерининскаго вѣка замѣтилъ: «Я такой невѣрующій Ѳома, что, противъ всѣхъ и общихъ пугливыхъ мнѣній, не боюсь, чтобъ въ нашъ вѣкъ на холодный сѣверъ переваливалась умственная горячка».

Такъ разсуждали люди, близко знавшіе и понимавшіе Россію.

---

[1] «Русскій Архивъ» 1874 года, стр. 1311.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

I.

Послѣ возвращенія цесаревича изъ финляндскаго похода онъ оставался попрежнему въ сторонѣ отъ дѣлъ, продолжая быть пассивнымъ свидѣтелемъ всего совершавшагося вокругъ него; онъ все болѣе сталъ уединяться въ своихъ загородныхъ дворцахъ въ Павловскѣ и Гатчинѣ. Въ это время Павелъ Петровичъ обратилъ свою дѣятельность главнымъ образомъ на дальнѣйшее развитіе созданныхъ имъ гатчинскихъ войскъ, пришедшихъ въ нѣкоторое разстройство по случаю привлеченія ихъ къ участію въ шведской войнѣ. Вслѣдствіе этого, цесаревичъ окончательно погрузился въ мелочи военнаго дѣла, признавая все болѣе подобное занятіе важнѣйшимъ для государя занятіемъ.

Въ 1790 году, по заключеніи Верельскаго мира, великому князю снова удалось сформировать существовавшія ранѣе шведскаго похода пять ротъ, а въ послѣдующіе годы гатчинскія войска постепенно разрослись настолько, что въ 1796 году они состояли уже изъ шести баталіоновъ пѣхоты, егерской роты, четырехъ кавалерійскихъ полковъ (жандармскаго, драгунскаго, гусарскаго и казачьяго) и изъ пѣшей и конной артиллеріи при двѣнадцати орудіяхъ. Всего въ этихъ войскахъ числилось 2.399 человѣкъ (въ томъ числѣ 19 штабъ и 109 оберъ-офицеровъ) [1]. Съ этими войсками, по выраженію Ф. В. Ростопчина, цесаревичъ думалъ изобразить собою покойнаго прусскаго короля.

[1] Сверхъ полевой артиллеріи заведена была еще помѣстная артиллерія (въ Павловскѣ 20 орудій, а въ Гатчинѣ 26 орудій). Къ артиллерійскому богатству цесаревича нужно еще присоединить одну двухпудовую мортиру. Въ Павловскѣ сооружена была крѣпость, а въ гатчинскихъ прудахъ заведена флотилія.

Одинъ изъ очевидцевъ всѣхъ этихъ чудесъ, созданныхъ Павломъ Петровичемъ, оставилъ въ своихъ запискахъ слѣдующія разсужденія о гатчинскихъ войскахъ:

«Тактика прусская и покрой ихъ военной одежды составляли душу сего воинства; служба вся полагалась въ присаленной головѣ, сколь можно больше, коротенькой трости, непомѣрной величинѣ шляпѣ, натянутыхъ сапогахъ выше колѣна и перчаткахъ, закрывающихъ локти. Въѣзжая въ Гатчину, казалось, въѣзжаешь въ прусское владѣніе. При разводахъ его высочество наблюдалъ точно тотъ же порядокъ, какой наблюдался въ Потсдамѣ во времена Фридриха II. Здѣсь можно было замѣтить повторенія нѣкоторыхъ анекдотовъ сего прусскаго короля, съ нѣкоторыми прибавленіями, которыя сему государю никогда бы въ мысль не вошли, напримѣръ: Фридрихъ II во время Семилѣтней войны одному изъ полковъ въ наказаніе оказанной имъ робости велѣлъ отпороть тесьму съ ихъ шляпъ. Подражатель гатчинской одному изъ своихъ баталіоновъ за неточное выполненіе его воли велѣлъ сорвать петлицы съ ихъ рукавовъ и провесть въ примѣръ другимъ черезъ кухню въ ихъ жилища. Запальчивость наслѣдникова оказывалась при всѣхъ ученіяхъ: за ничто офицеровъ сажалъ подъ стражу, лишалъ чиновъ, помѣщая въ рядовые, и потомъ толикая жъ малость приводила ихъ опять въ милость. — Всякой день можно было наслышаться новыхъ анекдотовъ въ Петербургѣ о дворѣ Гатчинскомъ». Современникъ, въ заключеніе своей характеристики гатчинскихъ порядковъ, объясняетъ существованіе войскъ цесаревича тѣмъ, что «толикія проказы позволялись наслѣднику ради того, чтобы онъ былъ чѣмъ нибудь занятъ и не помышлялъ бы о правленіи государствомъ, по его мнѣнію, по всѣмъ правамъ ему принадлежащемъ, чего н ѣ к о т о р ы е изъ россіянъ желали, невѣдая сами ради чего. Новость, обыкновенно прельщающая, была единственнымъ ихъ въ семъ случаѣ предметомъ. —Тихое правленіе Великой Екатерины становилось въ тягость; многіе желали бури, дабы испытать крѣпость своихъ кораблей. — Сія новость впослѣдствіи Россіи дорого стоила и отбила охоту отъ новыхъ перемѣнъ, всякой сѣтовалъ о старомъ» [1].

Императрица должна была слышать пальбу, сопровождавшую маневры войскъ цесаревича, когда они производились близъ Царскаго Села; но она безмолвствовала и не нарушала военныхъ забавъ сына, нисколько не опасаясь какого-либо «дѣйства» съ его стороны. Екатерина только жаловалась, что цесаревичъ ни свѣтъ ни заря производитъ экзерцицію и продолжаетъ почти во весь день; «разстучалъ мнѣ го-

[1] Жизнь А. С. Пишчевича, имъ самимъ описанная. 1764—1805. Москва, 1885. Стр. 215 и 216.

лову своею пальбою», прибавила государыня [1]. Затѣмъ, сколько намъ извѣстно, со стороны императрицы послѣдовало только одно посягательство противъ существованія гатчинскихъ войскъ, а именно въ 1794 г., но и эта попытка пріостановить дальнѣйшее развитіе незаконной вооруженной силы не привела къ желаемой цѣли. Дозволенное разъ зло продолжало существовать, и цесаревичъ безпрепятственно предавался своимъ воинскимъ потѣхамъ, усмотрѣвъ въ вмѣшательствѣ императрицы въ это дѣло лишь новую шикану, замѣтивъ впрочемъ, что это его не удивляетъ, «поелику привыкъ къ шиканамъ» [2]. Въ арміи и въ народѣ гатчинцы возбуждали однѣ насмѣшки и сравненіе съ ненавистными и многимъ еще памятными голштинцами Петра III. Между тѣмъ, какъ мы уже замѣтили выше, это вовсе не была игра въ солдаты, какъ многіе ошибочно тогда думали: Павелъ Петровичъ видѣлъ, напротивъ того, въ гатчинскихъ войскахъ вѣрный залогъ будущаго возрожденія россійской арміи, нуждавшейся, по его мнѣнію, въ коренномъ преобразованіи въ гатчинскомъ духѣ.

Скрытымъ заступникомъ гатчинскихъ войскъ слѣдуетъ признать графа Николая Ивановича Салтыкова [3], занимавшаго мѣсто вице-президента военной коллегіи. Онъ умѣлъ удерживать Екатерину отъ рѣшительныхъ мѣропріятій, направленныхъ противъ гатчинскаго воинства, и за это впослѣдствіи, въ царствованіе Павла I, награжденъ былъ чиномъ фельдмаршала [4]. Насколько иной разъ императрица разгнѣвана была гатчинскими затѣями, можно судить по сохранившейся запискѣ

[1] По замѣчанію графа Сегюра, императрица, чуждая недовѣрія, спокойно жила въ Царскомъ Селѣ подъ охраною лишь одной роты своей гвардіи. То же самое повторяетъ князь Чарторыжскій въ своихъ запискахъ:

«Catherine connaissait trop bien le manque de courage personnel de son fils, le ridicule de ses troupes, le peu de faveur qu'elles avaient dans le public et dans le reste de l'armée, pour se donner la peine de les craindre. Elle dormait donc en paix sous la garde d'une seule compagnie de grenadiers, tandis que Paul manoeuvrait avec sa petite armée à une demi-lieue de là. L'impératrice Elisabeth en fit de même à Peterhof avec Pierre III qui résidait à Oranienbaum, entouré d'un corps de Holsteinois dévonés; elle connaissait également l'extrême pusillanimité de son successeur». (Mémoires du prince Adam Czartoryski, t. 1, p. 109—110).

[2] См. въ сочиненіи «Императоръ Александръ Первый. Его жизнь и царствованіе», т. I-й, стр. 266: Записка по поводу гатчинскихъ войскъ 1794 года, подъ заглавіемъ: «Особенныя моего благотворителя отношенія къ императрицѣ Екатеринѣ и къ ея наслѣднику великому князю Павлу Петровичу».

[3] При заключеніи мира со Швеціею въ 1790 году Николай Ивановичъ Салтыковъ получилъ графское достоинство.

[4] По этому поводу цесаревичъ Константинъ Павловичъ писалъ императору Николаю 22-го января (3-го февраля) 1827 года, что «le cher Nicolai Iwanowitch a su si bien éluder l'effet, qu'à l'avénement de feu mon père cela lui a valu le grade de feld-maréchal».

30

ея къ графу Н. И. Салтыкову. «По городу носился слухъ, — писала Екатерина, — что великій князь къ морскому баталіону не токмо прибавляетъ нѣсколько сотъ, но что онъ еще формируетъ на острову полкъ гусаръ и нѣсколько полковъ казаковъ. Всѣ сіи слухи въ народѣ подаютъ причину къ различнымъ толкамъ, и буде ребячества пресѣчь можно, то бы что скорѣе, то лучше, а сказать бы, что въ Гатчинѣ въ куклы играть можно безъ излишнихъ толковъ, но въ близости города все подвержено различнымъ толкованіямъ, а полезныхъ нѣтъ ни одной. Тутъ первое, что батушкина армія представляется».

Здѣсь нельзя не сказать также нѣсколько словъ и о личномъ составѣ гатчинскихъ войскъ. Онъ былъ не завидный. Одинъ изъ современниковъ отзывается о гатчинскихъ офицерахъ цесаревича, этихъ будущихъ опричникахъ Павловскаго царствованія, слѣдующимъ нелестнымъ образомъ: «Это были, по большей части, люди грубые, совсѣмъ не образованные, соръ нашей арміи; выгнанные изъ полковъ за дурное поведеніе, пьянство или трусость, эти люди находили убѣжище въ гатчинскихъ баталіонахъ и тамъ, добровольно обратясь въ машины, безъ всякаго неудовольствія переносили всякій день отъ наслѣдника брань, а, можетъ быть, иногда и побои [1]. Между сими подлыми людьми были и чрезвычайно злые. Изъ гатчинскихъ болотъ своихъ они смотрѣли съ завистью на счастливцевъ, кои смѣло и гордо шли по дорогѣ почестей. Когда, наконецъ, счастіе имъ также улыбнулось, они закипѣли местію: разъѣзжая по полкамъ, вездѣ искали жертвъ, дѣлали непріятности всѣмъ, кто отличался богатствомъ, пріятною наружностію или воспитаніемъ, а потомъ на нихъ доносили» [2].

Другой современникъ оставилъ намъ такую же неблагопріятную характеристику личнаго состава корпуса офицеровъ гатчинскихъ войскъ. Онъ пишетъ: «Гатчинскіе офицеры были бродяги, выгнанные за разныя гнусности изъ арміи, которые, не имѣя пристанища, рады были все пе-

[1] Въ собственноручныхъ замѣткахъ цесаревича сохранились строки, которыя свидѣтельствуютъ, что когда-то онъ сочувствовалъ болѣе гуманнымъ взглядамъ въ дѣлѣ воспитанія войскъ. Цесаревичъ писалъ: «Въ солдатѣ первое качество сила и здоровье, какъ говоритъ Монтескіу въ примѣчаніяхъ своихъ въ сочиненіи Considérations sur les causes de la grandeur des Romains et de leur décadence, и такъ великое дѣло есть здоровіе ихъ оберегать, и всякой начальникъ, который изнуряетъ солдатъ разными образы, муча, бія или инако, отвѣчаетъ предъ Богомъ за убійство и повиненъ за то суду Божію: законъ же Его говоритъ: «око за око и зубъ за зубъ», да при томъ и виненъ противъ государства, губя по-пустому безвинныхъ людей».

Какою горькою ироніею звучатъ эти прекрасныя слова, если вспомнить, какъ мало соотвѣтствовала имъ впослѣдствіи дѣйствительность, и какое пророческое значеніе они пріобрѣли въ 1801 году.

[2] Записки Ф. Ф. Вигеля. Часть 1-я. Стр. 90.

реносить изъ-за куска хлѣба. Гатчинская армія не помѣщала ни одного офицера, который бы помышлялъ о чести—имъ нерѣдко придаютъ охоту къ службѣ палкой» [1].

Изъ этой среды болѣе всѣхъ пріобрѣлъ впослѣдствіи извѣстность своею лютостію, бывшій прусскій гусаръ, Θедоръ Ивановичъ Линденеръ. При воцареніи Павелъ Петровичъ произвелъ его въ генералъ-майоры и назначилъ инспекторомъ кавалеріи. Долго помнили его имя въ кавалерійскихъ полкахъ; онъ сотнями считалъ людей, коихъ удалось ему погубить въ царствованіе Павла I. Ростопчинъ отозвался о Линденерѣ въ 1794 году со свойственною ему нерѣдко безпощадною правдивостью: «Пошлая личность, надутая самолюбіемъ (plat personnage, bouffi d'amour prорre),—пишетъ Ростопчинъ,—выдвинутая впередъ минутною прихотью великаго князя. Этотъ человѣкъ очень опасенъ, будучи подозрителенъ и недовѣрчивъ, тогда какъ властелинъ легковѣренъ и вспыльчивъ». Вообще, по мнѣнію Ростопчина, цесаревичъ окруженъ былъ людьми, изъ которыхъ наиболѣе честный заслуживалъ быть колесованнымъ безъ суда [2].

Другой выдающійся герой этой своеобразной гатчинской школы самовластія и раболѣпства былъ Алексѣй Андреевичъ Аракчеевъ. Прибывъ, 4-го сентября 1792 года, въ Гатчину въ чинѣ капитана, двадцати-четырехъ лѣтъ, Аракчеевъ, произведенный въ полковники 25-го іюня 1796 года, занималъ въ то время у цесаревича мѣсто инспектора пѣхоты, начальствовалъ артиллеріею, исправлялъ должность гатчинскаго губернатора и управлялъ военнымъ департаментомъ, учрежденнымъ въ Гатчинѣ въ 1794 году. Неутомимый и ретивый Аракчеевъ не даромъ выдвинулся такъ быстро. Находясь въ Гатчинѣ, онъ производилъ ученія, продолжавшіяся по двѣнадцати часовъ въ день,

[1] Жизнь Пишчевича. Стр. 216.

Матвѣй Ивановичъ Муравьевъ-Апостолъ въ своихъ разсказахъ приводитъ слѣдующій примѣръ невѣжества гатчинскаго офицера, встрѣченнаго его отцомъ въ бытность министромъ-резидентомъ въ Гамбургѣ. Одинъ изъ нихъ, отправлявшійся въ 1799 г. въ голландскую экспедицію, просилъ Муравьева, чтобы онъ его представилъ Гамбургскому королю, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобъ дано было знать на съѣзжей, что крѣпостной человѣкъ его, котораго онъ прибилъ, бѣжалъ. Когда Муравьевъ сказалъ, что въ Гамбургѣ нѣтъ ни короля, ни съѣзжей, гатчинецъ воскликнулъ: «хорошъ городъ, въ которомъ нѣтъ ни короля, ни съѣзжей!».

По глубоко вкоренившемуся тогда въ арміи мнѣнію, гатчинцы не были большими любителями порохового дыма. Изъ нихъ впослѣдствіи только одинъ Капцевичъ заслужилъ извѣстность храбраго генерала. Лучшимъ и неподражаемымъ представителемъ этого нарождавшагося тогда своеобразнаго офицерскаго типа является, конечно, неустрашимый на плацпарадахъ А. А. Аракчеевъ.

[2] «Entouré par des gens, dont le plus honnête peut être roué sans être jugé». Архивъ князя Воронцова, книга 8-я, стр. 92—94.

не сходя при этомъ съ поля. Современникъ тогда письменно выразился о немъ: «jamais poète pindarique ne fut plus impérieusement tourmenté de son Apollon, que cet homme n'est obsédé de son démon martial» [1]. Аракчеевъ возмужалъ среди людей отверженныхъ, презираемыхъ, покорныхъ, хотя и завистливыхъ и недовольныхъ, среди этой малой гвардіи, которая съ воцареніемъ ея повелителя должна была осрамить, измучить и унизить настоящую старую гвардію.

Саблуковъ въ своихъ запискахъ, называя Аракчеева «Symbole de terreur» Павловскаго и Александровскаго царствованій, рисуетъ слѣдующимъ образомъ портретъ его: «По наружности онъ походилъ на большую обезьяну въ мундирѣ (un grand singe en uniforme). Онъ былъ высокъ ростомъ, худощавъ и жилистъ; въ его складѣ не было ничего стройнаго, такъ какъ онъ былъ очень сутуловатъ и имѣлъ длинную тонкую шею, на которой можно было изучить анатомію жилъ и мышецъ. Сверхъ того, онъ страннымъ образомъ морщилъ подбородокъ. У него были большія мясистыя уши, толстая безобразная голова, всегда наклоненная въ сторону. Цвѣтъ лица его былъ нечистъ, щеки впалыя, носъ широкій и угловатый, ноздри вздутыя, ротъ огромный, лобъ нависшій. Наконецъ, у него были впалые сѣрые глаза, и все выраженіе его лица представляло странную смѣсь ума и лукавства. Будучи сыномъ сельскаго дворянина, онъ былъ принятъ кадетомъ въ кадетскій корпусъ, гдѣ онъ настолько отличился своими способностями и своимъ прилежаніемъ, что вскорѣ былъ произведенъ въ офицеры и назначенъ преподавателемъ геометріи; но онъ оказался такимъ тираномъ въ обращеніи съ кадетами, что вскорѣ былъ переведенъ въ артиллерійскій полкъ», а затѣмъ попалъ въ Гатчину [2].

Что же касается цесаревича, то онъ былъ постоянно не въ духѣ и, къ тому же, съ головою, наполненною призраками (continuellement de mauvaise humeur et la tête pleine de visions) [3]. Особенности характера и образа мыслей Павла Петровича обрисовались, впрочемъ, съ 1789 года съ такою ясностью и отчетливостью, что отзывы о немъ не только рус-

[1] Masson: Mémoires secrets sur la Russie, t. I, p. 236. Тотъ же современникъ пишетъ, что Аракчеевъ былъ «d'une brutalité révoltante. — Ses fureurs et ses coups de baton ont déjà coûté la vie à plus d'un malheureux soldat, sous les yeux même de Paul».

Свѣдѣнія о графѣ Алексѣѣ Андреевичѣ Аракчеевѣ, собранныя Василіемъ Ратчемъ: «Военный Сборникъ» 1861 и 1864 гг. Къ сожалѣнію, Ратчъ изложеніе жизни Аракчеева довелъ только до 1798 года.

[2] Sabloukoff: La mort de Paul I. «Revue moderne» 1865, p. 534, и «Русскій Архивъ» 1869 года, стр. 1897—1898. (Изъ записокъ Н. А. Саблукова).

[3] Архивъ князя Воронцова, книга 8-я, стр. 93. (Письмо Ф. В. Ростопчина къ графу С. Р. Воронцову отъ 28-го мая 1794 года).

скихъ современниковъ, близко знакомыхъ съ гатчинскимъ дворомъ, но даже и встрѣчавшихся съ великимъ княземъ иностранцевъ нисколько не расходятся между собою. Приведемъ здѣсь въ дополненіе ко всему выше сказанному замѣчательно мѣткую характеристику цесаревича, сдѣланную графомъ Сегюромъ. Послѣ перваго же знакомства съ великимъ княземъ, еще въ 1785 году, Сегюръ пришелъ къ слѣдующему заключенію, поражающему вѣрностію схваченныхъ французскимъ дипломатомъ оттѣнковъ душевнаго настроенія наслѣдника.

«Павелъ желалъ нравиться; онъ былъ образованъ, въ немъ замѣчались большая живость ума и благородная возвышенность характера.

«Но вскорѣ, и для этого не требовалось долгихъ наблюденій, во всемъ его обликѣ, въ особенности, тогда, когда онъ говорилъ о своемъ настоящемъ и будущемъ положеніи, можно было разсмотрѣть безпокойство, подвижность, недовѣрчивость, крайнюю впечатлительность, однимъ словомъ, тѣ странности, которыя явились впослѣдствіи причинами его ошибокъ, его несправедливостей и его несчастій.

«Во всякомъ другомъ положеніи, чѣмъ то, въ которомъ онъ очутился, онъ могъ бы дѣлать людей счастливыми и самъ могъ бы быть счастливъ; но для подобнаго человѣка престолъ, и, въ особенности, русскій, долженъ былъ оказаться лишь страшнымъ подводнымъ камнемъ, на который онъ могъ подняться только съ сознаніемъ, что скоро и насильно будетъ низвергнутъ съ него въ пучину.

«Склонный къ увлеченіямъ, онъ увлекался кѣмъ-либо съ странною быстротою и затѣмъ столь же легко покидалъ и забывалъ его. Исторія всѣхъ царей, низложенныхъ съ престола или убитыхъ, была для него мыслью, неотступно преслѣдовавшею его и ни на минуту не покидавшею его. Эти воспоминанія возвращались, точно привидѣніе, которое, безпрестанно преслѣдуя его, сбивало его умъ и затемняло его разумъ» [1].

[1] «Paul cherchait à plaire; il était instruit; on remarquait en lui une grande vivacité d'esprit et une noble élévation dans le caractère. Mais bientôt, et sans qu'il fût nécessaire d'une longue observation, on apercevait dans toute sa personne, et principalement lorsqu'il parlait de sa position, présente et future, une inquiétude, une mobilité, une méfiance, une susceptibilité extrême, enfin ces bizarreries qui dans la suite furent les causes de ses fautes, de ses injustices et de ses malheurs. Dans tout autre rang où ce prince se fût trouvé placé, il aurait pu faire des heureux et l'être lui-même; mais pour un tel homme, le trône, et surtout celui de la Russie, ne devait être qu'un écueil redoutable, sur lequel il ne pouvait monter sans s'attendre à en être bientôt et violemment précipité. Sujet à l'engouement, il se passionnait pour quelqu'un avec une singulière promptitude, l'abandonnant et l'oubliant ensuite avec une égale facilité. L'histoire des tous les czars détronés ou immolés était pour lui une idée fixe et toujours présente à sa pensée. Ce souvenir revenait comme un fantôme qui, l'assiégeant sans cesse, troublait les lumières de son esprit et offusquait sa raison». Ségur: Mémoires, t. 2, p. 219—220.

Осенью 1789 года, графъ Сегюръ, возвращаясь во Францію, остановился по приглашенію цесаревича въ Гатчинѣ и провелъ тамъ въ обществѣ его и великой княгини два дня. Провѣривъ, по прошествіи четырехъ лѣтъ, свои прежнія впечатлѣнія, покидавшій Россію дипломатъ дополнилъ приведенную нами характеристику Павла Петровича новыми чертами и разсужденіями, не менѣе мѣткими, не менѣе правдивыми.

«Къ сожалѣнію,—пишетъ Сегюръ,—съ большими умомъ и познаніями великій князь Павелъ соединялъ самое безпокойное, самое недовѣрчивое настроеніе духа и въ высшей степени подвижный характеръ; часто любезный до фамильярности, онъ болѣе часто былъ высокомѣренъ, деспотиченъ и суровъ; быть можетъ, никогда еще не являлся человѣкъ болѣе легкомысленный, болѣе боязливый, болѣе своенравный, однимъ словомъ, человѣкъ, менѣе способный составить счастіе другихъ или свое собственное.

«Его царствованіе доказало это: онъ совершилъ столько несправедливостей и подвергъ опалѣ или ссылкѣ такое множество людей вовсе не подъ вліяніемъ злости, а вслѣдствіе своего рода умственнаго разстройства. Онъ мучилъ всѣхъ тѣхъ, которые были къ нему близки, потому что онъ безпрестанно мучилъ самого себя. Престолъ постоянно казался ему окруженнымъ пропастями. Страхъ смутилъ его разумъ: путемъ боязни воображаемыхъ опасностей онъ создалъ дѣйствительныя опасности, потому что монархъ рано или поздно возбуждаетъ недовѣріе, выказываемое имъ самимъ, и страхъ, который онъ самъ испытываетъ.

«Въ первое же время по моемъ пріѣздѣ въ Россію великій князь проявилъ по отношенію ко мнѣ столь живую привязанность, что она походила на пристрастіе. Это расположеніе было кратковременно: онъ охладѣлъ ко мнѣ, какъ только увидѣлъ меня почтеннымъ милостями и близостью къ императрицѣ, его матери.

«Долгое время онъ не выказывалъ ни малѣйшаго желанія сблизиться со мною. Но въ моментъ моего отъѣзда новая причуда возвратила мнѣ его довѣріе. Въ теченіе нѣсколькихъ часовъ онъ говорилъ со мною почти исключительно о мнимыхъ обидахъ со стороны императрицы и князя Потемкина, о непріятныхъ сторонахъ его положенія, о страхѣ, съ которымъ относились къ нему, и о печальной участи, которую готовилъ ему дворъ, привыкшій желать и переносить лишь владычество женщинъ: печальная судьба его отца пугала его; онъ постоянно думалъ о ней; это была его господствующая мысль (idée fixe).

«Тщетно я говорилъ ему, что его предубѣжденность вводитъ его въ заблужденіе; что его мать, далеко не боясь его, постоянно предоставляла ему вести свой дворъ какъ ему угодно и даже имѣть при себѣ, въ близкомъ разстояніи отъ Царскаго Села, два баталіона съ офи-

церами, назначаемыми по его выбору, баталіоны, которые онъ дисциплинировалъ, вооружалъ и одѣвалъ по своему усмотрѣнію, тогда какъ она, не испытывая ни малѣйшаго недовѣрія, имѣла при себѣ лишь одну роту своей гвардіи.

«Если эта монархиня, государь, сказалъ я ему, не призываетъ васъ въ совѣты и не предоставляетъ вамъ никакого участія въ дѣлахъ, то позвольте замѣтить вамъ, что было бы трудно поступать иначе, разъ она знаетъ, что вы порицаете ея стремленія, ея связи, ея систему управленія и ея политическую программу. Что же касается несчастій, которыхъ вы опасаетесь въ будущемъ, то вѣрьте мнѣ, что, опасаясь ихъ, тѣмъ самымъ и вызываютъ ихъ; станьте выше ихъ, и они исчезнутъ.

«Я не убѣдилъ его въ этомъ, и путемъ всевозможныхъ обвиненій противъ министровъ и другихъ лицъ, удостоенныхъ довѣріемъ императрицы, онъ пытался доказать, что, несмотря на мое пятилѣтнее пребываніе въ Россіи, я въ высшей степени мало знаю ее» [1].

[1] «Le grand duc Paul joignait malheureusement à beaucoup d'esprit et de connaissances l'humeur la plus inquiète, la plus méfiante, et le caractere le plus mobile; souvent affable jusqu'à la familiarité, et plus souvent hautain, despotique et dur, jamais peut-être on ne vit un homme plus léger, plus craintif, plus capricieux, enfin moins capable de faire le bonheur des autres, ni le sien.

«Son règne le prouva: ce ne fut pas par méchanceté qu'il exerça tant d'injustices. et qu'il disgracia ou exila tant de personnes; c'était par une sorte de maladie d'esprit. Il tourmentait tous ceux qui l'approchaient, parce qu'il se tourmentait sans cesse luimême. Le trône lui semblait toujours environné de précipices. La peur troubla son jugement: à force de craindre des périls imaginaires, il en fit naître de réels; car un monarque inspire tôt ou tard la méfiance qu'il montre, et la terreur qu'il éprouve... Ce prince dans les premiers moments de mon arrivée en Russie m'avait témoigné une affection si vive qu'elle ressemblait à de l'engouement. Ce penchant eut peu de durée; il se refroidit, pour moi, dès qu'il me vit honoré des bontés et de l'intimité de l'impératrice sa mère. Depuis fort longtemps il ne me montrait aucun désir de me rapprocher de lui; mais à l'instant de mon départ, un nouveau caprice me valut un retour de confiance. Il m'entretint presque exclusivement, et pendant plusieurs heures, de ses prétendus griefs contre l'impératrice et contre le prince Potemkin, des désagréments de sa position, de la peur qu'on avait de lui, et du triste sort que lui préparait une cour accoutumée à ne vouloir, à ne supporter que le règne des femmes: la déplorable fin de son père l'épouvantait; il y songeait sans cesse, c'était son idée fixe.

«En vain je lui dis que ses préventions le trompaient; que sa mère, loin de le craindre, le laissait constamment tenir sa cour comme il le voulait, et garder même près de lui, à peu de distance de Czarskosélo, deux bataillons dont il nommait les officiers, et qu'il disciplinait, armait et habillait à son gré, tandis qu'elle, sans nulle défiance, elle n'avait près de sa personne qu'une seule compagnie de sa garde.

«Si cette princesse, monseigneur, lui disais-je,—ne vous appelle pas dans les conseils, et ne vous donne aucune part dans les affaires, permettez-moi de vous faire observer qu'il serait bien difficile d'agir autrement, lorsqu'elle sait que vous blâmez ses penchants,

Затѣмъ разговоръ перешелъ къ вопросу объ установленіи порядка престолонаслѣдія, во время котораго цесаревичъ не переставалъ утверждать съ особенною настойчивостью, что русскіе предпочитаютъ видѣть на престолѣ юбку вмѣсто мундира (les russes aiment mieux voir sur le trône une robe qu'un uniforme) [1].

Не легко было навести цесаревича на другія мысли или вселить въ немъ взгляды, не согласные съ его давнишними предубѣжденіями. Еще въ 1765 году Порошинъ имѣлъ случай не разъ замѣтить, что «его высочество имѣетъ за собою недостаточекъ, всѣмъ такимъ людямъ свойственной, кои болѣе привыкли видѣть хотѣнія свои исполненными, нежели къ отказамъ и терпѣнію. Все хочется, чтобъ по-нашему. А нельзя сказать, чтобъ всѣ до одного желанія наши таковы были, на которыя бы благоразуміе и объ общей пользѣ попеченіе всегда соглашаться дозволяло» [2]. Припомнимъ также, что въ 1781 году князь Репнинъ тщетно предостерегалъ цесаревича отъ гибельныхъ послѣдствій свойственнаго ему безпокойства характера, которое приводитъ къ тому, что дѣлаетъ людей подозрительными (inquiétude du caractère qui nous

ses liaisons, son système d'administration et sa conduite politique. Quant aux malheurs que vous craignez pour l'avenir, croyez-moi, c'est en les redoutant qu'on les appelle; élevez-vous au dessus d'eux, ils disparaitront.

«Je ne le persuadai pas et, par toutes sortes de récriminations contre les ministres et les autres personnes honorés de la confiance de l'impératrice, il s'efforcait de prouver que, malgré mon séjour de cinq années en Russie, je ne la connaissais que très imparfaitemant». Ségur: Mémoires, t. 3 p. 455—459.

Замѣтимъ здѣсь, что французскій повѣренный въ дѣлахъ Жене (Genet), остававшійся въ Петербургѣ послѣ отъѣзда графа Сегюра до полнаго дипломатическаго разрыва Россіи съ республиканскою Франціею, писалъ въ 1791 году Монморэну о цесаревичѣ, что онъ будетъ со временемъ «le plus inquiet de tous les tyrans». (Rambaud: Recueil des instructions. Russie. T. 2., p. 515).

[1] Князь де-Линь пишетъ о цесаревичѣ Павлѣ Петровичѣ: «Capable de travail, changeant trop souvent d'avis et de favoris pour avoir un favori, un conseiller ou une maitresse; prompt, ardent, inconséquent, il sera peut-être à craindre un jour. Son esprit est faux, son coeur droit, son jugement est un coup de hasard. Il est méfiant, susceptible, aimable en société, intraitable en affaires, passionné pour l'équité, mais emporté par sa fougue, qui ne lui permet pas de distinguer la vérité.... Malheur à ses amis, ses alliés et ses sujets! D'ailleurs, il est extrêmement mobile, mais, pendant le peu de temps qu'il veut une chose dans son intérieur, ou qu'il aime, ou qu'il hait, c'est avec violence et entêtement. Il déteste sa nation, et m'en a dit à Gatchina des choses que je ne puis répéter».

[2] Записки Порошина. Стр. 218. (Запись отъ 3-го января 1765 года). Павелъ Петровичъ сохранилъ и въ зрѣломъ возрастѣ всѣ индивидуальныя черты своихъ мнѣній и поступковъ, обнаруженныя имъ уже съ первыхъ годовъ самосознанія; поэтому слова Порошина о своемъ воспитанникѣ: «все хочется, чтобъ по-нашему», не потеряли своего значенія съ годами, а, напротивъ того, получили роковой смыслъ послѣ 6-го ноября 1796 года.

Сергей Кузмичь увѣдомте меня какихъ по 1е число вышли бунчуковыхъ и войсковыхъ въ какую инспекцію и на какое число отпущены и какихъ куда еще отпустить слѣдуетъ. Вашъ благосклонный

Павелъ.

ПИСЬМО ИМПЕРАТОРА ПАВЛА КЪ СЕРГѢЮ КУЗМИЧУ ВЯЗМИТИНОВУ

mène à devenir soupçonneux). По роковой неизбѣжности, эта черта характера Павла Петровича съ каждымъ годомъ получала все большее преобладаніе надъ мимолетными проблесками чего-то другого, лучшаго, безспорно проявлявшагося при различныхъ случаяхъ. Укажемъ здѣсь на главнѣйшія причины, которыя способствовали къ упроченію подозрительности въ характерѣ цесаревича, со всѣми ея дурными послѣдствіями, отражавшимися на пылкости его впечатлительнаго, нервнаго темперамента. Это были: французская революція, массонская исторія, семейный разладъ и возможность назначенія великаго князя Александра Павловича наслѣдникомъ престола. Совокупное вліяніе всѣхъ поименованныхъ обстоятельствъ привело также къ окончательному безповоротному разладу между императрицею и цесаревичемъ [1].

Для характеристики установившихся тогда отношеній между Екатериною и наслѣдникомъ достаточно привести собственноручное письмо Екатерины къ графу В. П. Мусину-Пушкину отъ 14-го сентября 1793 года.

«Графъ Валентинъ Платоновичъ. При семъ прилагаю копію съ письма Кушелева къ здѣшнему губернатору, въ которомъ онъ говоритъ, что цесаревичъ указать изволилъ отдать болѣе NВ половина Александровской площади, какъ по присланному отъ него же къ губернатору плану явствуетъ, какимъ-то купцамъ. Приказаніе само по себя сумазбродное и приказаніе само по себя послѣдней дерзости. Позовите Кушелева къ себя и скажите ему моимъ именемъ, что есть-ли еще разъ онъ дерзнетъ подобное писаніе куда ни есть послать, то я его сошлю, гдѣ воронъ костей его не сыщетъ [2]; а великому князю скажите, чтобъ онъ впередъ мимо васъ никакихъ приказаній по прошеніямъ ничьихъ не посылалъ.

«Екатерина.

14 Сент. 1793.

«Освѣдомитесь напередъ, заподлинно ли то писанно по приказанью великаго князя» [3].

[1] Разладъ поддерживался еще и другими событіями, имѣвшими второстепенное значеніе. Къ числу таковыхъ слѣдуетъ отнести фаворъ Платона Александровича Зубова, начавшійся послѣ удаленія въ 1789 году отъ двора графа А. М. Мамонова, къ которому благоволилъ цесаревичъ. Возвышеніе Зубова заставило вскорѣ великаго князя сожалѣть о Потемкинѣ и даже временно сойтись съ нимъ въ чувствахъ неудовольствія противъ новаго фаворита.

[2] Григорій Григорьевичъ Кушелевъ, впослѣдствіи адмиралъ и графъ (род. въ 1754 г., умеръ въ 1833 г.), въ чинѣ капитана 1-го ранга управлялъ маленькими судами, находившимися на Гатчинскомъ озерѣ.

[3] Письмо это впервые напечатано нами въ сочиненіи: «Императоръ Александръ I. Его жизнь и царствованіе», т. 1-й, стр. 103; оно получено нами отъ В. А. Бильбасова.

Упомянутая въ письмѣ Александровская площадь въ то время находилась въ Рождественской части и занимала открытое пустое мѣсто между частнымъ рынкомъ,

Не менѣе характерны двѣ записки императрицы къ графу Н. П. Салтыкову.

«Пріѣзжалъ отъ великаго князя адмиралтейскій курьеръ»,— писала Екатерина,— «и, отдавъ письмо, минуты черезъ пять велѣлъ доложить паки, будутъ ли приказанія. Я велѣла сказать, чтобъ онъ себя почиталъ счастливымъ ждать въ моей передней. Я чаю, онъ тамъ доложить не смѣетъ въ подобномъ случаѣ. Зовутъ его Терентій Малковъ. Скажите сему дураку, чтобъ онъ зналъ, что къ императрицѣ менѣе приступать можно, нежели къ коллежскимъ членамъ».

Слѣдующая записка уже прямо относится къ цесаревичу, по поводу уклоненія его отъ офиціальныхъ встрѣчъ съ императрицею.

«Великій князь прислалъ сказать», писала Екатерина, «что у него лихорадка, и что онъ въ постели лежитъ. Я бы желала знать, что о семъ докторы говорятъ. Буде знаете, прошу мнѣ сказать».

При всемъ томъ, несмотря на натянутыя отношенія, существовавшія между большимъ и малымъ дворами, въ личной перепискѣ цесаревича съ императрицею, а также въ личной перепискѣ съ нею Маріи Ѳеодоровны, попрежнему расточались нѣжныя чувства. Если при оцѣнкѣ семейныхъ отношеній того времени руководствоваться встрѣчающимися въ ней душевными изліяніями, можно получить совершенно ложный взглядъ на дѣйствительный характеръ этихъ отношеній. Такъ, напримѣръ, 27-го августа 1791 года цесаревичъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ благодарилъ императрицу послѣ посѣщенія ею Павловска:

«Счастіе видѣть васъ у себя, то, какъ вы пріѣхали сюда, ваша доброта охватили меня, наполнили довольствомъ, удовлетвореніемъ. Я проливалъ слезы чувствительности, и всѣ окружавшіе меня предметы, казалось, отражали на мнѣ то, что я испытывалъ; однимъ словомъ, вы сдѣлали меня очень счастливымъ. Чтобы сдѣлать мое довольство еще болѣе полнымъ, я желаю узнать, что вчерашняя поѣздка ничѣмъ не обезпокоила ваше величество» [1].

Мытнымъ дворомъ и телѣжными лавками. «Описаніе Россійско-Императорскаго столичнаго города Санкт-Петербурга. Георги. С.-Петербургъ. 1794». Съ нѣмецкаго переводъ П. Безака съ посвященіемъ Екатеринѣ II. Стр. 127. На нѣмецкомъ языкѣ сочиненіе Георги появилось въ 1790 году.

[1] «Sensible au delà de ce que je puis dire, aux bontés de votre majesté impériale, je mets à ses pieds l'expression de la plus vive reconnaissance. Le bonheur de la posséder chez moi, la manière dont elle y est venue, ses bontés, m'ont pénétré, rempli de contentement, de satisfaction. J'ai versé des larmes de sensibilité, et tous les objets qui m'environnaient semblaient réfléchir sur moi ce que j'éprouvais, en un mot vous m'avez rendu bien heureux. Pour rendre mon contentement plus complet je désire d'apprendre, que la course d'hier n'aie point incommodé votre majesté». (Изъ письма цесаревича къ императрицѣ отъ 27-го августа 1791 года изъ Павловска).

Лирическія изліянія Маріи Θеодоровны не менѣе замѣчательны. По случаю предстоявшаго заключенія Ясскаго мира, великая княгиня писала императрицѣ изъ Гатчины 1-го октября 1791 года:

«Я постоянно повторяю вамъ въ моихъ письмахъ одно и то же, дражайшая матушка, но это происходитъ отъ того, что мнѣ всегда приходится выражать вамъ одно и то же чувство—чувство нѣжнѣйшаго уваженія, самой неизмѣнной привязанности; и такъ какъ я нахожу столько удовлетворенія въ томъ, что питаю эти чувства у себя въ сердцѣ, то мнѣ пріятно льстить себя надеждою, что вы, дражайшая матушка, милостиво примите почтительное проявленіе этихъ чувствъ. Я переписала одно мѣсто изъ письма моей матери, полученнаго съ прошлою почтою; оно докажетъ вамъ, дражайшая матушка, что уважать васъ, любить васъ, лелѣять васъ—составляетъ сокровенную задачу всей семьи. Вотъ какъ выражается матушка: «Да будетъ на вѣки благословенъ Господь за возстановленіе мира; какое счастіе, какое блаженство и какая безподобная душа—наша мать и великая императрица! Я сіяю отъ удовольствія, когда говорю о ней, и насколько я достойна сожалѣнія, что не смѣю сказать ей—я люблю васъ отъ всего моего сердца». Что же касается меня лично, пользующейся счастіемъ быть вашей дочерью, дражайшая матушка, то я рѣшаюсь взять на себя смѣлость сказать и тысячу разъ повторить вамъ, что я отъ всего сердца люблю васъ» [1].

[1] Ma bien chère et bonne mère.

Je vous répète toujours la même chose dans mes lettres, ma bien chère mère, mais c'est que j'ai toujours le même sentiment à vous y exprimer: celui du plus tendre respect, du plus inviolable attachement, et comme je trouve tant de satisfaction à nourrir ces sentiments dans mon âme, j'aime encore à me flatter que vous daignez, ma très chère mère, en recevoir l'hommage avec bonté. J'ai copié un passage d'une lettre de ma mère que j'ai reçue la poste passée, il vous prouvera, ma très chère mère, que vous respecter, vous aimer, vous chérir, fait la profession de foi de la famille. Voilà comme maman s'exprime: «Dieu soit loué à jamais du retour de la paix, quel bonheur, quelle félicité et quelle âme sublime que notre mère et grande impératrice; je suis rayonnante de plaisir quand je parle d'elle, et que je me trouve à plaindre de n'oser lui dire, je vous aime de tout mon coeur». Pour moi, ma bien chère mère, qui jouit du bonheur d'être votre fille j'ose m'émanciper à vous dire et à vous répéter mille fois que je vous aime de tout mon coeur. Mon mari est à vos pieds, ma bien chère mère, nous osons vous demander des nouvelles de votre santé et je finis ces lignes en vous conjurant d'avoir toujours quelque bonté pour celle qui a l'honneur de se nommer, ma bien chère et bonne mère, votre très humble et bien obéissante servante et fille Marie.

Въ дополненіе къ этому письму приведемъ еще выдержку изъ письма Маріи Θеодоровны къ императрицѣ отъ 8-го сентября 1792 года изъ Гатчины: «Chaque séjour de Gatschina nous fait sentir davantage le prix du don que vous avez daigné en faire à mon mari, car à chaque fois il plait davantage... Voilà, ma très chère mère, comme le mot de vos bienfaits vient toujours se mêler à toutes nos jouissances; daignez y ajouter toujours celui d'une reconnaissance et agréez-en l'hommage renouvellé par ces lignes».

*

Дѣйствительная картина семейныхъ отношеній широко расходится съ приведеннымъ здѣсь письменнымъ изъявленіемъ нѣжнѣйшихъ чувствъ. При каждомъ удобномъ случаѣ Екатерина не менѣе цесаревича радовалась, когда необходимость не заставляла ихъ встрѣчаться и проводить время вмѣстѣ. Вызванное подобнымъ случаемъ настроеніе Екатерины нашло себѣ отчетливое выраженіе въ письмахъ ея къ Гримму; общество любимыхъ внуковъ и внучекъ, при отсутствіи такъ называемой «schwere Bagage», доставляло императрицѣ истинное удовольствіе. Такъ, напримѣръ, она писала 6-го апрѣля 1795 года:

«Я отправляюсь одѣться, чтобы имѣть возможность присутствовать сегодня вечеромъ на одномъ любительскомъ концертѣ; тамъ будутъ играть на скрипкѣ великій князь Александръ и графъ Платонъ Зубовъ. Великая княгиня Елисавета [1] и великія княжны Александра и Елена будутъ пѣть, Марія, которой девять лѣтъ отъ роду, и которая уже окончила у Сарти генералъ-басъ, такъ какъ она отличается необыкновенною любовью къ музыкѣ, будетъ акомпанировать на клавикордахъ. Сарти говоритъ, что она надѣлена большимъ талантомъ къ музыкѣ, и что вообще она проявляетъ во всемъ большой умъ и способность и будетъ разумной дѣвицей. По словамъ генеральши Ливенъ, она любитъ читать и проводитъ за чтеніемъ по нѣсколько часовъ въ день; при всемъ томъ, она очень веселая и оживленная и танцуетъ, какъ ангелъ. Вообще это довольно милая семья. Тяжелый багажъ двинулся въ Гатчину три дня тому назадъ. Баста. Когда кошки нѣтъ дома, то мыши пляшутъ по столамъ и чувствуютъ себя счастливыми и довольными» [2].

Однажды, еще въ семидесятыхъ годахъ, Екатерина въ письмѣ къ цесаревичу высказала слѣдующія мысли:

«Мнѣ показалось, что вы сегодня были огорчены, или не въ духѣ; мнѣ было бы больно, если бы вы были огорчены; если же вы были не

[1] Супруга великаго князя Александра Павловича, вступившаго въ бракъ 28-го сентября 1793 года, о чемъ будетъ сказано ниже.

[2] «Ich gehe um mir anzuziehen, damit ich heute Abend bey einem Amateurenconcert assistiren kann, da wird der Grossfürst Alexander und der Graf Platon Subow Violin spielen. Die Grossfürstinnen Elisabeth, Alexandra und Helena singen; die Maria, welche 9 Jahr alt ist und den General-Bass schon mit Sarti geendigt hat, da sie einen extraordinairen Trieb zur Musik hat, wird auf dem Klavier accompagniren. Sarti sagt dass sie ein Genie zur Musik besitzt, und überdem sehr klug und geschickt in allem sich zeigt und eine weise Jungfer seyn wird. Sie liebt zu lesen und liest viele Stunden den Tag, nach dem aussagen der Generalin Lieven; sie ist auch dabey sehr lustig und aufgeräumt, und tanzt wie ein Engel. Uberhaupt, es ist eine ziemlich hübsche Familie. Die schwere Bagage ist nach Gatschina seit drey Tage abgegangen. Basta. Wenn die Katze nicht zu Hause ist, so tanzen Mäuse über die Tische und sind glücklich und vergnügt». Сборникъ И. Р. И. О., т. 23-й, стр. 621—622.

въ духѣ, то предоставляю вамъ самимъ разсудить, насколько я могу придавать этому значеніе» [1].

Въ черновомъ наброскѣ того же самого письма Екатерина выразилась болѣе рѣзкимъ образомъ, несомнѣнно обнаруживъ въ немъ свой настоящій взглядъ на существовавшія между нею и сыномъ отношенія; она писала:

«Мнѣ показалось, что вы сегодня были огорчены, или не въ духѣ; и то и другое опечалило бы меня, какъ мать; но признаюсь, что на ваше дурное расположеніе духа я мало обращу вниманія, и какъ мать, и какъ императрица» [2].

Приведенныя здѣсь слова Екатерины не утратили своего значенія и для позднѣйшаго времени, а тѣмъ болѣе и для конца царствованія императрицы, когда взаимныя отношенія матери и сына обострились до послѣдней степени.

Одинъ изъ пажей того времени оставилъ намъ слѣдующую картину тогдашняго двора:

«Всѣмъ извѣстно, какъ старики и старухи безобразны, но императрицы лице было такъ привлекательно, улыбка такая очаровательная, осанка такая важная, что вселяетъ любовь и такое уваженіе, какое мудрено видѣть. Она любила великаго князя Александра Павловича до неизъяснимости, и въ правду—было за что любить: кротость, красота, доброта, ласковость составляли черты его прекраснаго лица. Великій князь Константинъ Павловичъ былъ рѣзвѣе, предпріимчивѣе, похожъ былъ чрезвычайно на Павла Петровича и, слѣдовательно, не красавецъ, но всегда былъ стройный молодецъ. Царское семейство состояло изъ сихъ двухъ великихъ князей и изъ великихъ княженъ: Александры Павловны—портретъ живой Александра I, Елены Павловны—также очаровательной, прекрасной, и Маріи Павловны—если не такой красавицы, но столько привлекательной, доброй, что на нее смотрѣли, какъ на ангела. Императрица, когда лѣтомъ жила въ Царскомъ Селѣ, то все семейство царское жило съ нею, а государь Павелъ Петровичъ жилъ съ супругою въ Павловскомъ. Видъ его былъ строгій, недовольный (и было чѣмъ). Онъ пріѣзжалъ съ почтеніемъ разъ въ недѣлю въ назначенные дни. Пріѣздъ его вселялъ почтеніе и страхъ, когда впрочемъ страхъ

1 «Il m'a paru que vous étiez ou affligé ou boudeur, pendant la journée; pour de l'affliction, j'en ressentirais de la peine, pour de la bouderie, je vous remets à vous même à juger du cas que j'en puis faire». Сборникъ И. Р. И. О., т. 42-й, стр. 356.

2 «Il m'a paru que vous étiez ou affligé ou boudeur pendant la journée; l'un et l'autre me ferait de la peine comme mère; pour de la bouderie, je vous avoue que je m'en soucierai pas beaucoup, et comme mère et comme impératrice». Сборникъ И. Р. И. О., т. 42-й, стр. 355.

не имѣлъ никогда мѣста при императрицѣ, но для Павла Петровича все въ струнку. Мы хотя и птенцы еще были, и намъ политика не была извѣстна, однакоже ожидаемое прибытіе заставляло насъ держать, какъ нынѣ говорятъ, руки по швамъ. Должность пажей состояла еще—двери отворять; слѣдовательно, мы были первые видимы, и вы можете судить, какъ мы оправлялись, боялись и цѣпенѣли» [1].

Одинъ изъ самыхъ преданныхъ Павлу Петровичу людей, Ф. В. Ростопчинъ, писалъ въ 1793 году: «Невозможно безъ содроганія и жалости видѣть все, что дѣлаетъ великій князь-отецъ, онъ какъ будто бы изобрѣтаетъ способы внушить къ себѣ нелюбовь. Онъ задался мыслью, что ему оказываютъ неуваженіе и хотятъ пренебрегать имъ. Исходя отсюда, онъ привязывается ко всему и наказываетъ безъ разбора... По середамъ у него бываютъ маневры, и каждый день онъ присутствуетъ при разводѣ, а также при экзекуціяхъ, когда онѣ случаются. Малѣйшее опозданіе, малѣйшее противорѣчіе выводитъ его изъ себя, и онъ воспаляется гнѣвомъ. Замѣчательно то, что онъ никогда не сознаетъ своихъ ошибокъ и продолжаетъ сердиться на тѣхъ, кого обидѣлъ. Онъ дѣлаетъ выговоры всѣмъ» [2].

II.

Взгляды цесаревича на французскую революцію не согласовались съ убѣжденіями и намѣреніями Екатерины; въ этомъ вопросѣ, какъ и во всемъ остальномъ, они въ своихъ воззрѣніяхъ совершенно расходились между собою.

Нѣтъ сомнѣнія, что Екатерина искренно ненавидѣла французскую революцію со всѣми ея послѣдствіями; поэтому изъ послѣднихъ лѣтъ ея

[1] Памятники новой русской исторіи.—С.-Петербургъ. 1873, т. 3-й, стр. 5. (Молодость А. А. Башилова. Записки о временахъ Екатерины II и Павла I).

[2] «On ne peut voir sans pitié et sans horreur tout ce que fait le grand-duc père: on dirait qu'il invente des moyens pour se faire haïr et détester. Il s'est mis en tête qu'on le méprise et qu'on cherche à lui manquer; partant de là, il s'accroche à tout et punit sans distinction... Il a tous les mercredis des manoeuvres, assiste à la parade chaque jour et aux exécutions, quand elles ont lieu. Le moindre retard, la moindre contradiction le mettent hors des gonds, et il s'emporte. Ce qu'il y a de singulier, c'est qu'il ne répare jamais sa faute et continue à se fâcher contre celui à qui il manque. Il reprimande tout le monde». Архивъ князя Воронцова. Книга 8-я, стр. 76. (Письмо Ф. В. Ростопчина къ графу С. Р. Воронцову отъ 6-го іюля 1793 года изъ С.-Петербурга).

Для объясненія раздражительности цесаревича, Ростопчинъ приводитъ слѣдующій доводъ: «Quand on est grand-duc de Russie, que l'on a 41 ans et que l'on est traité en polisson par ses sujets futurs, il est permis de sécher sur pied, et c'est ce qui lui arrive», стр. 105. (Письмо Ростопчина отъ 20-го августа 1795 года).

царствованія можно привести не одинъ примѣръ несомнѣннаго вліянія французскихъ событій на нѣкоторыя мѣропріятія того времени. Но, тѣмъ не менѣе, императрица не впадала въ крайности и никогда не теряла изъ виду интересовъ Россіи. Въ сущности, Екатерина менѣе интересовалась французскою революціею, чѣмъ турецкими, шведскими и польскими дѣлами. Для нея выгоды Россіи, но не Европы, всегда и вездѣ стояли на первомъ планѣ; этимъ направленіемъ политическая система ея царствованія рѣзко отличается отъ водворившейся позднѣе политики, въ которой романтика заступила мѣсто екатерининскаго государственнаго эгоизма. Вмѣстѣ съ тѣмъ императрица нисколько не опасалась, подобно многимъ изъ ея современниковъ, что революціонная болѣзнь, охватившая Западную Европу, заразитъ Россію. Пользуясь какъ нельзя лучше обстоятельствами, сопровождавшими переворотъ, совершившійся во Франціи, Екатерина старалась занять Австрію и Пруссію и втравить ихъ въ войну съ республикою, чтобы этимъ путемъ предписывать обѣимъ державамъ свою волю. Громко заявляя свое сочувствіе коалиціи, она выступила противъ Польши и принялась громить «la jacobinière de Varsovie».

Въ разговорѣ Екатерины съ Храповицкимъ, записанномъ имъ 14-го декабря 1791 года, лучше всего отразились ея истинныя цѣли и намѣренія.

Екатерина сказала своему секретарю: «Je me casse la tête, чтобъ подвинуть вѣнскій и берлинскій дворы въ дѣла французскія». Храповицкій замѣтилъ: «Elles ne sont pas trop actives». Императрица возразила: «Нѣтъ, прусскій бы пошелъ, но останавливается вѣнскій». Затѣмъ Храповицкій продолжаетъ свой разсказъ: «Написали записку къ вице-канцлеру (графу Остерману): «Они меня не понимаютъ; ai-je tort? Il y a des raisons qu'on ne peut pas dire; je veux les engager dans les affaires, pour avoir les coudées franches. У меня много предпріятій неоконченныхъ, и надобно, чтобъ они были заняты и мнѣ не мѣшали» [1].

Въ результатѣ екатерининской политики оказалось, что къ 1796 г. предѣлы имперіи были отодвинуты до Нѣмана, Днѣстра и Чернаго моря.

Преслѣдованіе подобныхъ реальныхъ цѣлей не мѣшало, однако, Екатеринѣ вести переговоры о субсидіяхъ, о союзѣ и о поддержкѣ коалиціи русскими войсками. Но когда иностранные дипломаты касались осуществленія послѣдняго предположенія, Екатерина говорила: «Que voulez-vous, la peau est plus près que la chemise» [2]. Гримму же Екатерина

[1] Дневникъ Храповицкаго, стр. 386.

Въ собственноручныхъ наброскахъ Екатерины встрѣчается слѣдующая замѣтка: «Колико можно вѣнскій, прусскій и шведскій дворы вводить во французскія дѣла».

[2] Graf Thürheim: Von den Sevennen bis zur Newa. Wien. 1879.

писала въ 1793 году: «Si je dois être de la partie, ce ne sera pas dans le chemin des sottises que je m'embarquerai» [1]. Благодаря подобнымъ взглядамъ, въ царствованіе императрицы ни одинъ русскій солдатъ не перешелъ границу для спасенія Европы и защиты чуждыхъ намъ интересовъ. Если же воинственные помыслы продолжали еще занимать Екатерину на закатѣ дней, то они не направлялись въ сторону Рейна или Италіи, но на Востокъ. Началась война съ Персіею.

Все это подвергалось со стороны цесаревича самой безпощадной критикѣ; мысли его витали въ совершенно иной сферѣ.

Однажды Павелъ Петровичъ читалъ газеты въ кабинетѣ императрицы и выходилъ изъ себя:

— Что они все тамъ толкуютъ!—воскликнулъ онъ.—Я тотчасъ все бы прекратилъ пушками.

Екатерина отвѣтила сыну:

«Vous êtes une bête féroce, или ты не понимаешь, что пушки не могутъ воевать съ идеями? Если ты такъ будешь царствовать, то не долго продлится твое царствованіе» [2].

Но дѣло не ограничивалось однѣми вспышками гнѣва. Къ сожалѣнію, со времени начала французской революціи, весь складъ понятій, мыслей и чувствъ цесаревича получилъ особенный, еще болѣе рѣзкій противъ прежняго оттѣнокъ нетерпимости и самаго крайняго деспотизма; наслѣдникъ сокрушался ужасами, сопровождавшими революцію, и не замѣчалъ или не хотѣлъ замѣчать причинъ, вызвавшихъ столь печальныя явленія. Разсуждая о сихъ несчастіяхъ, великій князь все относилъ къ слабости въ правленіи короля французскаго. Нахлынувшіе же въ Россію съ той поры эмигранты окончательно сбили съ толку цесаревича; онъ, не стѣсняясь, сталъ говорить о необходимости править желѣзною лозою. «Каждый день,—пишетъ Ростопчинъ,—только и слышно, что о насильствахъ, о мелочныхъ придиркахъ, которыхъ постыдился бы всякій частный человѣкъ. Онъ ежеминутно воображаетъ, что хотятъ ему досадить, что намѣрены осуждать его дѣйствія» [3]... «Великій князь всюду видитъ вѣтви революціи. Онъ всюду находитъ якобинцевъ» [4].

[1] Сборникъ И. Р. И. О., т. 23-й, стр. 585. (Письмо Екатерины отъ 28-го іюня 1793 года).

[2] Изъ записокъ Маріи Сергѣевны Мухановой, записавшей разсказы отца ея, оберъ-шталмейстера Сергѣя Ильича Муханова.

[3] «On n'entend parler tous les jours que des actes de violence, de ces petitesses qui feraient rougir un particulier. Il croit à chaque moment qu'on lui manquera, qu'on a le dessein de fronder ses actions». Архивъ князя Воронцова, книга 8-я, стр. 67. (Письмо Ф. В. Ростопчина къ графу С. Р. Воронцову отъ 14-го апрѣля 1793 года изъ С.-Петербурга).

[4] «Le grand-duc croit voir partout les branches de la révolution. Il trouve des Jacobins partout et l'autre jour quatre pauvres officiers de ses bataillons ont été mis

Сыновьямъ своимъ Павелъ Петровичъ говорилъ, при полученіи извѣстія о какихъ либо новыхъ ужасахъ, совершившихся во Франціи: «Вы видите, мои дѣти, что съ людьми слѣдуетъ обращаться, какъ съ собаками» [1].

Марія Ѳеодоровна не могла умѣрить всѣ эти печальныя явленія; она сама жила подъ тяжелымъ гнетомъ совершившихся на западѣ событій, лишившихъ ея родителей родного крова: Монбельяръ былъ занятъ республиканскими войсками и присоединенъ къ Франціи. Несчастья, постигшія французскую королевскую семью, не менѣе возмущали чувствительное сердце великой княгини, не позабывшей радушнаго гостепріимства версальскаго двора 1782 года. Такимъ образомъ раздраженный Павелъ Петровичъ едва ли могъ найти себѣ успокоеніе въ бесѣдахъ съ своею супругою. Въ довершеніе всѣхъ тревогъ, требовались еще деньги, какъ для поддержанія заграничныхъ родственниковъ, такъ и для возраставшихъ все болѣе и болѣе въ своей численности гатчинскихъ войскъ; а для удовлетворенія подобныхъ нуждъ нельзя было разсчитывать на щедрость Екатерины; оставался одинъ исходъ, — прибѣгать къ обременительнымъ займамъ. Стеченіе столь многихъ удручающихъ обстоятельствъ должно было усугубить душевную печаль и усилить раздраженіе и неудовольствіе среди великокняжеской семьи.

Не менѣе французской революціи должно было волновать и раздражать цесаревича дѣло Новикова, возникшее въ 1792 году, и связанная съ нимъ массонская исторія. Все это дѣло, равно какъ и сношенія Павла Петровича съ массонами, еще далеко не выяснены и не изслѣдованы окончательно. Замѣтимъ здѣсь, что въ собственноручныхъ вопросныхъ пунктахъ Екатерины Новикову семь изъ нихъ имѣютъ политическій характеръ и относятся главнымъ образомъ къ Пруссіи, и все это въ такое время, «когда берлинскій дворъ оказывалъ Россіи явное недоброхотство». Это обстоятельство должно было играть немаловажную роль въ Новиковскомъ процессѣ, такъ какъ пруссофильство цесаревича въ достаточной мѣрѣ извѣстно было императрицѣ; разборъ политической подкладки въ этомъ запутанномъ дѣлѣ со временемъ несомнѣнно многое выяснитъ. Заемъ цесаревича у банкира Сутерланда, обнаруженный Екатериною одновременно съ Новиковскимъ дѣломъ, усилилъ подозрительность императрицы противъ Павла Петровича; случайность этого совпаденія при-

aux arrêts, parce que leurs queues étaient un peu courtes,—raison pour leur supposer un esprit de rebellion». Архивъ князя Воронцова, книга 8-я, стр. 93. (Письмо Ф. В. Ростопчина къ графу С. Р. Воронцову, отъ 28-го мая 1794 года изъ С.-Петербурга).

[1] «Vous voyez mes enfants qu'il faut traiter les hommes comme des chiens». Masson: Mémoires secrets, t. 2, p. 165.

дала, можетъ быть, въ глазахъ Екатерины всему дѣлу болѣе важное значеніе, чѣмъ оно въ дѣйствительности заслуживало [1].

Ко всѣмъ душевнымъ страданіямъ Павла Петровича присоединились еще семейныя невзгоды. Было время, когда цесаревичъ признавался графу Н. И. Панину, что «если бы все прочее въ жизни моей соотвѣтствовало пріятностямъ внутренней моей, то я былъ бы совершенно счастливъ». Но и оно, какъ и все въ семъ мірѣ, оказалось непрочнымъ. «En me mariant j'ai fait voeu d'obéissance», писала однажды Марія Θеодоровна великому князю, «et jamais je n'y manquerai. C'est au chef de la femme à décider dans les petites choses, comme dans les grandes». Вотъ какимъ образомъ великая княгиня смотрѣла на свои обязанности; но предупредительная покорность Маріи Θеодоровны не спасла ея отъ огорченій и тяжкихъ испытаній. Рядомъ съ умѣряющимъ вліяніемъ примѣрной, любящей супруги начало постепенно выступать другое женское вліяніе, исходившее отъ фрейлины великой княгини, Екатерины Ивановны Нелидовой.

Фаворъ Нелидовой, подвергшійся несправедливымъ толкованіямъ въ дурномъ смыслѣ, вызвалъ при великокняжескомъ дворѣ образованіе двухъ партій и сопровождался расколомъ между немногими приверженцами цесаревича, въ сущности, во всемъ прочемъ одинаковаго образа мыслей. Всего болѣе пострадалъ отъ этого положенія дѣлъ графъ Никита Петровичъ Панинъ; по свойственной ему прямолинейности, онъ и въ дѣлѣ Нелидовой, какъ и нѣсколько ранѣе въ вопросѣ о собственной женитьбѣ [2], слѣдовалъ противъ теченія. Въ письмѣ къ графу С. Р. Во-

[1] Массоны возлагали вообще большія надежды на воцареніе цесаревича. Въ московскомъ изданіи 1784 года, «Магазинъ свободно-каменьщической», встрѣчаются слѣдующіе стихи, обращенные къ Павлу Петровичу:

«Съ тобой да воцарятся
Блаженство, правда, миръ,
Безъ страха да явятся
Предъ трономъ нищъ и сиръ;
Украшенный вѣнцомъ,
Ты будешь всѣмъ отцомъ!»

Въ писаніяхъ массоновъ не былъ также позабытъ графъ Н. И. Панинъ, который «въ храмъ дружбы сердце царско ввелъ».

Въ дѣлѣ Новикова встрѣчаются имена ближайшихъ друзей цесаревича: князя Репнина, князя А. Б. Куракина, который «употребленъ былъ инструментомъ къ приведенію великаго князя въ братство», Плещеева. По воцареніи Павла I бумаги Новикова были взяты въ кабинетъ императора.

[2] Графъ Никита Петровичъ Панинъ женился въ 1789 году на графинѣ Софіи Владиміровнѣ Орловой, дочери графа Владиміра Григорьевича Орлова. Свадьба эта вызвала въ свое время разные толки, что объясняется господствовавшимъ дотолѣ политическимъ антагонизмомъ между семействами Орловыхъ и Паниныхъ.

ронцову, графъ Никита Петровичъ подробно разсказалъ, какимъ образомъ разыгралась постигшая его тогда со стороны цесаревича опала. Это случилось въ 1791 году, въ августѣ мѣсяцѣ. Великій князь потребовалъ отъ графа Панина: «respect pour la Nélidoff, mépris pour la grande-duchesse». Выразивъ на такое предложеніе отказъ, Никита Петровичъ услышалъ грозныя слова: «Le chemin que vous tenez, monsieur, ne peut vous conduire qu' à la fenêtre ou à la porte». Графъ Панинъ удалился, и императрица Екатерина пожаловала его въ церемоніймейстеры.

Благодаря остроумію и блеску разговора Нелидовой, отличавшимъ ее среди тоскливаго гатчинскаго общества, она, несмотря на полное отсутствіе красоты, сумѣла завоевать себѣ безграничную дружбу цесаревича. Платоническое ухаживаніе Павла Петровича сопровождалось изгнаніемъ всѣхъ сторонниковъ великой княгини. Наконецъ Марія Өеодоровна утратила свойственныя ей спокойствіе и невозмутимое терпѣніе, обнаруженныя ею по отношенію ко всѣмъ нескончаемымъ причудамъ великаго князя. Дошло до того, что она потеряла голову и, увлекаясь внѣшними признаками, раздутыми ревнивымъ воображеніемъ, писала передъ рожденіемъ великой княжны Ольги (11-го іюля 1792 года) своему испытанному другу С. И. Плещееву:

«Вы будете смѣяться надъ моею мыслію, но мнѣ кажется, что при каждыхъ моихъ родахъ Нелидова, зная, какъ они бываютъ у меня трудны, и что они могутъ быть для меня гибельны, всякій разъ надѣется, что она сдѣлается въ слѣдъ затѣмъ второй m-me де-Ментенонъ. Поэтому, другъ мой, приготовьтесь почтительно цѣловать у нея руку и особенно займитесь вашей физіономіей, чтобы она не нашла въ этомъ почтеніи насмѣшки или злобы. Я думаю, что вы будете смѣяться надъ моимъ предсказаніемъ, которое, впрочемъ, вовсе не такъ глупо» [1].

Но этого было мало; семейный разладъ обострился до того, что Марія Өеодоровна рѣшилась даже повѣдать свои горести императрицѣ и жаловаться на мужа и на «méchante personne», то-есть, на Нелидову. Екатерина, какъ разсказываютъ, подвела великую княгиню къ зеркалу и замѣтила: «Посмотри, какая ты красавица, а соперница твоя petit monstre; перестань кручиниться и будь увѣрена въ своихъ прелестяхъ» [2].

[1] Е. С. Шумигорскій: Императрица Марія Өеодоровна. Ея біографія. С.-Петербургъ. 1892, т. 1-й, стр. 372—373. Къ сожалѣнію, авторъ не приводитъ французскаго подлинника письма Маріи Өеодоровны къ Плещееву. Тотъ же авторъ посвятилъ Е. И. Нелидовой (1758—1839) отдѣльную монографію. (С.-Петербургъ. 1898. Очеркъ изъ исторіи императора Павла).

[2] «Русскій Архивъ» 1878 года, книга 1-я, стр. 308. (Изъ записокъ Маріи Сергѣевны Мухановой).

Дѣло кончилось, однако, тѣмъ, что Е. И. Нелидова, по собственному желанію и съ разрѣшенія императрицы, удалилась въ Смольный монастырь, гдѣ она нѣкогда воспитывалась. Это событіе совершилось въ 1793 году. Тѣмъ не менѣе Нелидова, по настоятельному приглашенію цесаревича, изрѣдка являлась при великокняжескомъ дворѣ въ качествѣ гостьи и нисколько не утратила своего вліянія.

Исторія съ Нелидовой сопровождалась еще однимъ печальнымъ явленіемъ; съ этого времени сталъ выдвигаться и пріобрѣтать значеніе бывшій турченокъ, сначала великокняжескій брадобрей, а затѣмъ и камердинеръ, Иванъ Павловичъ Кутайсовъ; онъ вскорѣ съ изумительнымъ талантомъ научился пользоваться слабостями Павла Петровича для своего личнаго возвышенія, послужившаго въ ущербъ славѣ довѣрчиваго благодѣтеля.

Среди полнаго разгара семейныхъ недоразумѣній состоялось обрученіе, а затѣмъ бракосочетаніе великаго князя Александра Павловича съ великой княжной Елисаветой Алексѣевной, рожденной принцессой Баденской и племянницей покойной великой княгини Наталіи Алексѣевны. Событіе это къ неизъяснимой радости императрицы совершилось 28-го сентября 1793 года.

Между тѣмъ подъ вліяніемъ обстоятельствъ, вкратцѣ нами изложенныхъ, разсудокъ цесаревича все болѣе затемнялся; слова и дѣйствія его носили на себѣ отпечатокъ полнѣйшей несдержанности, а гнѣвъ противъ державной матери дошелъ до того, что первоначально онъ отказывался присутствовать при бракосочетаніи сына. Обычная политика Маріи Θеодоровны, клонившаяся къ тому, чтобы по возможности спасать цесаревича отъ необдуманныхъ рѣшеній вопреки ему самому, оказывалась безсильною; опасаясь ужасающихъ послѣдствій полнаго семейнаго разрыва, великая княгиня обратилась, черезъ посредство Плещеева, къ содѣйствію Е. И. Нелидовой. При ея помощи удалось убѣдить цесаревича пріѣхать изъ Гатчины въ Петербургъ на бракосочетаніе своего старшаго сына.

Но семейный миръ не водворился и послѣ появленія цесаревича въ Зимнемъ дворцѣ. Павелъ Петровичъ нерадостно встрѣтилъ брачное торжество сына, пріобрѣтавшаго со вступленіемъ въ супружество еще большую противъ прежняго самостоятельность и значеніе. Теперь Александръ, болѣе чѣмъ когда-либо, олицетворялъ въ глазахъ отца опаснаго политическаго соперника. Мрачное настроеніе, овладѣвшее въ послѣднее время въ усиленной степени цесаревичемъ, вызвано было главнымъ образомъ соображеніями, находившимися въ тѣсной связи съ вопросомъ объ измѣненіи порядка престолонаслѣдія, задуманномъ Екатериною, къ разсмотрѣнію котораго мы теперь и обратимся.

III.

Возможность измѣненія порядка престолонаслѣдія въ пользу великаго князя Александра Павловича волновала цесаревича болѣе всѣхъ прочихъ обрушившихся на него въ ту пору заботъ и огорченій; мысль утратить престолъ окончательно лишала Павла Петровича всякой способности спокойно обсуждать какое бы то ни было дѣло. Какія же были намѣренія Екатерины въ вопросѣ, имѣвшемъ столь важное значеніе для будущаго благополучія Россіи?

Императрица отлично сознавала, кого она имѣетъ передъ собой въ качествѣ признаннаго наслѣдника россійскаго престола [1], а между тѣмъ измѣнить или поправить зло, создавшееся роковыми событіями 1762 года, выходило изъ сферы ея могущества. Такимъ образомъ, проклятіе злого дѣла 1741 года снова давало себя чувствовать; оно порождало новое злое дѣло, и для спасенія имперіи отъ неизбѣжныхъ пагубныхъ послѣдствій, сопряженныхъ съ воцареніемъ Павла Петровича, оставался одинъ спасительный выходъ: назначеніе новаго наслѣдника.

Наличность многочисленнаго потомства Павла Петровича въ корнѣ измѣнила существовавшее ранѣе положеніе дѣла [2]. Династическія опасенія Екатерины исчезли навсегда, а вмѣстѣ съ тѣмъ окончилась и политическая роль цесаревича. Отнынѣ замысловатый доселѣ вопросъ въ значительной степени упростился, и Екатерина могла спокойно заняться обсужденіемъ мѣръ для замѣны наслѣдника другимъ болѣе подходящимъ лицемъ. Къ невыразимому удовольствію императрицы, она съ 1777 года обрадована была появленіемъ миловиднаго образа этого же-

[1] Еще въ 1780 году Екатерина замѣтила послѣ одной бесѣды съ цесаревичемъ: «Вижу, въ какія руки попадетъ имперія послѣ моей смерти. Изъ насъ сдѣлаютъ провинцію, зависящую отъ воли Пруссіи». Hermann: Geschichte des russischen Staates. Gotha. 1860. B. 6, p. 451.

Въ томъ же году Екатерина выразила мысль: «Мнѣ больно было бы, если бы моя смерть, подобно смерти императрицы Елисаветы, послужила знакомъ измѣненія всей системы русской политики». Raumer. Beiträge zur neueren Geschichte. Europa vom Ende des siebenjährigen bis zum Ende des amerikanischen Krieges. Leipzig. 1839. B. 3, p. 476—477.

[2] Прошли тѣ времена, когда Бретэль имѣлъ полное основаніе писать изъ Москвы 28-го октября 1762 года, во время болѣзни цесаревича: «Il est certain que jamais enfant ne pût être plus précieux à sa mère». В. А. Бильбасовъ: Исторія Екатерины II, т. 2-й, стр. 568.

ланнаго ею, нетерпѣливо поджидавшагося преемника въ лицѣ великаго князя Александра Павловича [1].

Обстоятельства благопріятствовали перевороту, намѣченному Екатериною. Въ то время не существовало закона, который въ точности установлялъ бы порядокъ престолонаслѣдія. Напротивъ того, законъ Петра Великаго 1722 года сохранялъ еще полную силу, а по этому закону правительствующіе государи россійскаго престола имѣли право назначать своимъ преемникомъ кого имъ будетъ угодно, по собственному благоусмотрѣнію, не стѣсняясь стариннымъ правомъ первородства, а въ случаѣ, если назначенный уже наслѣдникомъ окажется неспособнымъ, отрѣшить могли его отъ престола.

Съ другой стороны, цесаревичъ дѣлалъ все, что только возможно, для оправданія въ глазахъ Россіи намѣреній Екатерины по отношенію къ престолонаслѣдію.

Выше уже было упомянуто, что по возвращеніи изъ таврическаго путешествія Екатерина стала изучать правду воли монаршей. Но затѣмъ, когда на рукахъ Екатерины оказались двѣ войны, мысли императрицы отвлечены были силою обстоятельствъ къ рѣшенію другихъ вопросовъ. Послѣ второй турецкой войны намѣренія Екатерины относительно устраненія отъ престола цесаревича Павла Петровича не составляли уже тайны для близкихъ ей лицъ и получали съ каждымъ годомъ болѣе опредѣленный характеръ. Существованіе этихъ намѣреній отразилось въ откровенной перепискѣ императрицы съ своимъ довѣреннымъ «Souffre douleur». 1-го сентября 1791 года, Екатерина, высказывая въ письмѣ къ Гримму свои предположенія относительно послѣдствій французской революціи, писала: «но это будетъ не въ мое время и, надѣюсь, не во время господина Александра» [2]. Наконецъ, 14-го августа 1792 года, Екатерина признала уже возможнымъ сообщить Гримму такія разсужденія, которыя представляли намѣренія ея относительно будущности Александра, какъ окончательно рѣшенное дѣло. «Послушайте, къ чему торопиться съ коронаціей?» писала Екатерина. «Всему есть время, по словамъ Соломона. Сперва мой Александръ женится, а тамъ, со временемъ, и будетъ коронованъ со всевозможными церемоніями, торжествами и народными празднествами. Все будетъ блестяще, величественно и великолѣпно.

[1] Вскорѣ послѣ того, какъ родился великій князь Александръ, Екатерина уже смотрѣла на него, какъ на будущаго вѣнценосца, и называла его въ перепискѣ съ Гриммомъ «porteur de couronne en herbe». Сборникъ И. Р. И. О., т. 23-й, стр. 130. (Письмо Екатерины отъ 28-го марта 1779 года къ Гримму).

[2] «Si la révolution française prend en Europe, il viendra un autre Gengis ou Tamerlan la mettre à la raison; voilà son sort, soyez en assuré, mais ce ne sera pas de mon temps, ni, j'espère, de celui de M. Alexandre». Сборникъ И. Р. И. О., т. 23-й, стр. 555.

О, какъ онъ самъ будетъ счастливъ, и какъ съ нимъ будутъ счастливы другіе!» [1].

Дѣйствительно, въ 1793 году состоялось бракосочетаніе великаго князя Александра Павловича, а въ 1794 году императрица обратилась къ рѣшительному средству для осуществленія задуманнаго переворота. Екатерина объявила Совѣту намѣреніе «устранить сына своего Павла отъ престола, ссылаясь на его нравъ и неспособность[2]. Весь Совѣтъ готовъ былъ покориться сему намѣренію; остановилъ его графъ Валентинъ Платоновичъ Мусинъ-Пушкинъ, сказавъ, что нравъ и инстинкты наслѣдника, когда онъ сдѣлается императоромъ, могутъ перемѣниться, и замѣчаніе сіе остановило намѣреніе Екатерины объявить наслѣдникомъ внука своего Александра» [3].

Въ запискахъ А. С. Пишчевича встрѣчается разсказъ объ этомъ засѣданіи въ нѣсколько иной формѣ, а роль графа Мусина-Пушкина приписана Безбородкѣ: «Въ Совѣтѣ, въ которомъ сія мудрая монархиня удостоила изъяснить свою мысль, всѣ взяли ея сторону, кромѣ графа Александра Безбородко, осмѣлившагося предложить вопреки ея намѣренію всѣ худыя слѣдствія таковаго предпріятія для отечества, привыкшаго почитать наслѣдникомъ съ столь давнихъ лѣтъ ея сына. Екатерина уважила сіе его справедливое мнѣніе и оставила безъ выполненія свое намѣреніе. Безбородкѣ впослѣдствіи за сіе было очень хорошо, а царство Русское извѣдало желѣзную лозу» [4].

Напрасно нѣкоторые, можетъ быть, думали, что противодѣйствіе, встрѣченное Екатериною въ Совѣтѣ, остановило ее въ дальнѣйшемъ преслѣдованіи намѣченной цѣли. «На этомъ свѣтѣ», писала однажды импе-

1 «Ecoutez, je n'aime pas les couronnements en poste; Salomon a dit: Alles hat seine Zeit. Mon Alexandre sera marié, et avec le temps couronné avec toutes les cérémonies, toutes les solennités et toutes les fêtes publiques possibles: il en passera par là avec splendeur, magnificence et grandeur; oh, qu'il sera heureux et qu'on sera heureux avec lui! Outre cela il est d'une modestie extrême, et rien n'est affecté: tout est naturel, oh, l'excellent sujet dont tout le monde raffole et dont vraiment on peut raffoler! Das ist unser Herzblatt». Сборникъ И. Р. И. О., т. 23-й, стр. 574.

2 Ея императорскаго величества Совѣтъ состоялъ тогда изъ слѣдующихъ сановниковъ: графа К. Г. Разумовскаго, графа П. А. Румянцова-Задунайскаго, графа П. Г. Чернышева, графа Н. И. Салтыкова, графа И. А. Остермана, графа В. П. Мусина-Пушкина, графа А. Р. Воронцова, графа А. А. Безбородко, С. О. Стрекалова, А. Н. Самойлова и П. В. Завадовскаго.

3 Изъ рукописи Дмитрія Павловича Рунича подъ заглавіемъ: «Жалоны къ современнымъ запискамъ», при чемъ рукою Рунича написано: «Слышалъ отъ Вейдемейера, отецъ котораго Иванъ Андреевичъ былъ тогда производителемъ дѣлъ въ Совѣтѣ». Въ росписи чиновныхъ особъ 1793 года Вейдемейеръ значится: «при Совѣтѣ у исправленія дѣлъ».

4 Жизнь А. С. Пишчевича, стр. 216—217.

ратрица, «препятствія созданы для того, чтобы достойные люди ихъ отстраняли и тѣмъ умножали свою славу; вотъ назначеніе препятствій» [1]. Руководствуясь подобнымъ воззрѣніемъ, Екатерина осталась себѣ вѣрна и въ этомъ столь близкомъ ея сердцу дѣлѣ, продолжая изыскивать новые пути для осуществленія своихъ намѣреній. «Нужно быть твердымъ въ своихъ рѣшеніяхъ», выражалась Екатерина въ началѣ своего политическаго поприща, «только слабоумные нерѣшительны» [2].

Не подлежитъ сомнѣнію, что Екатерина справилась бы съ сопротивленіемъ, встрѣченнымъ со стороны государственныхъ сановниковъ въ затронутомъ вопросѣ; сильные и многочисленные приверженцы императрицы не замедлили бы поддержать ее въ борьбѣ съ сыномъ, разъ настала бы рѣшительная минута. Но этимъ не исчерпывалось уничтоженіе предстоявшихъ въ задуманномъ дѣлѣ препятствій. Нужно было еще заручиться согласіемъ великаго князя Александра Павловича на совершеніе предположеннаго государственнаго переворота, не возмущая его сыновнихъ чувствъ; полученіе же этого столь необходимаго согласія составляло едва ли не самую трудную часть задачи, взятой на себя Екатериною. Зная любовь и довѣріе, съ которыми Александръ относился къ Лагарпу, императрица еще ранѣе приведенныхъ нами разговоровъ въ Совѣтѣ рѣшилась попробовать, возможно ли заручиться содѣйствіемъ вліятельнаго наставника своего внука въ столь щекотливомъ дѣлѣ. Дѣйствительно, слѣдуетъ признать, что Лагарпъ былъ единственный человѣкъ, который могъ бы взять на себя подобное порученіе и разрѣшить его, можетъ быть, даже съ полнымъ успѣхомъ при томъ, конечно, условіи, если бы онъ сочувствовалъ намѣреніямъ императрицы.

1 «Vainquez tous les obstacles et moquez-vous du reste; les obstacles dans ce monde sont faits pour être écartés par les gens de mérite: ils augmentent leur réputation; voilà le lot des obstacles». Сборникъ И. Р. И. О., т. 17-й, стр. 84. (Письмо Екатерины къ Фальконету отъ 17-го сентября 1769 года). «Je suis maitresse chez moi, je défie qui ce soit, monsieur, d'aller contre mes ordres», сказала Екатерина въ 1791 году графу Стедингу («Revue d'histoire diplomatique» 1887: «Une négociation à la cour de Catherine II).

2 Въ депешѣ Бретэля отъ 28-го октября 1762 года изъ Москвы онъ пишетъ: «Je sais depuis longtemps, et on me l'a confirmé depuis mon retour, que ses maximes sont qu'il faut être ferme dans ses résolutions, qu'il vaut mieux mal faire que de changer d'avis, et surtout qu'il n'y a que les sots qui soient indécis». Бильбасовъ: Исторія Екатерины II, т. 2-й, стр. 570—571.

Въ 1791 году, въ письмѣ къ Сенаку де-Мельяну, Екатерина признавалась, что, несмотря на всю гибкость своей натуры, она умѣла быть упрямой или настойчивой, когда это казалось ей необходимымъ. (Malgré ma fléxibilité naturelle j'ai su être opiniâtre ou ferme, comme on voudra, quand il m'a paru que cela a été nécessaire). Сборникъ И. Р. И. О., т. 42-й, стр. 166.

Офицеровъ сего полка [illegible] въ терпен-
ной у себя въ шляпахъ, [illegible].

Павелъ.

Записка императора Павла къ генералъ-маіору Антону Антоновичу Скалону, шефу Драгунскаго Скалона (Сибирскаго) полка.

Три недѣли спустя послѣ бракосочетанія великаго князя Александра Павловича, 18-го октября 1793 года, Екатерина призвала къ себѣ Лагарпа, чтобы сообщить ему о своихъ намѣреніяхъ и съ его помощію приготовить внука къ мысли о будущемъ его возвышеніи. Но честный, неподкупный республиканецъ не былъ расположенъ разыграть роль, предназначенную ему, какъ онъ пишетъ, въ дѣлѣ избавленія Россіи отъ новаго Тиверія; мало того, онъ былъ даже возмущенъ до глубины души предстоявшею насильственною мѣрою. Практическимъ политикомъ Лагарпъ никогда не былъ, а потому онъ остался лишь добродѣтельнымъ человѣкомъ въ той трагической обстановкѣ, среди которой судьба призывала его къ дѣятельному участію.

Обратимся къ собственному разсказу Лагарпа объ этомъ замѣчательномъ эпизодѣ его жизни.

«Съ конца 1793 года», пишетъ Лагарпъ, «шла рѣчь о лишеніи престолонаслѣдія великаго князя Павла Петровича, возбудившаго всеобщую ненависть, и о возведеніи на престолъ, по кончинѣ государыни, старшаго внука ея Александра. Злые совѣтники овладѣли умомъ Павла и наполнили душу его подозрѣніями. Онъ имѣлъ несчастіе довѣриться французскимъ эмигрантамъ, которые представляли врагами его всѣхъ тѣхъ, чей здравый смыслъ цѣнилъ по достоинству ихъ сумасбродныя притязанія. Во главѣ злонамѣренной лиги находились бывшій французскій посланникъ въ Константинополѣ Шуазель Гуфье, графъ Эстергази и принцъ Нассау-Зигенъ. Совѣтники Екатерины полагали, что мнѣ пріятно будетъ видѣть устраненіе человѣка, котораго сами же они называли заклятымъ врагомъ либеральныхъ идей, и отъ котораго я лично не могъ ожидать ничего хорошаго. Такъ какъ меня считали въ то время ярымъ республиканцемъ, проникнутымъ самыми опасными началами, то составители заговора надѣялись, взявшись ловко за дѣло, вовлечь меня въ предпріятіе, имѣвшее цѣлью избавить Россію отъ новаго Тиверія. Цѣль, по ихъ мнѣнію, оправдывала средства. Втягивая меня въ свои сѣти, зачинщики весьма удобно могли, въ случаѣ надобности, взвалить всю бѣду на меня. Если бы тайна открылась, вся отвѣтственность пала бы на беззащитнаго иностранца, лишеннаго довѣрія и ославленнаго буйнымъ якобинцемъ, и—кто знаетъ?—быть можетъ, съ воцареніемъ Павла, я былъ бы осужденъ на изгнаніе и пытку за участіе въ заговорѣ, отъ котораго я уклонился съ ужасомъ и негодованіемъ. Главная трудность состояла въ томъ, чтобы приготовить къ катастрофѣ великаго князя Александра. Я одинъ могъ имѣть на него желаемое вліяніе, и потому необходимо было или заручиться мною или удалить меня. Екатерина, зная довѣріе и любовь ко мнѣ своего внука, желала меня испытать. Она неожиданно потребовала меня къ себѣ 18-го октября 1793 года. Графъ Салтыковъ, очевидно, посвященный въ тайну, былъ

33

озадаченъ вопросомъ моимъ о цѣли приглашенія и отвѣчалъ мнѣ: «я желалъ бы, чтобы сама государыня объяснила вамъ, въ чемъ дѣло». Разговоръ мой съ императрицею продолжался два часа; говорили о разныхъ разностяхъ, и время отъ времени, какъ бы мимоходомъ, государыня касалась будущности Россіи и не опустила ничего, чтобы дать мнѣ понять, не высказываясь прямо, настоящую цѣль свиданія. Догадавшись, въ чемъ дѣло, я употребилъ всѣ усилія, чтобы воспрепятствовать государынѣ открыть мнѣ задуманный планъ и вмѣстѣ съ тѣмъ отклонить отъ нея всякое подозрѣніе въ томъ, что я проникъ въ ея тайну. Къ счастію, мнѣ удалось и то и другое. Но два часа, проведенные въ этой нравственной пыткѣ, принадлежатъ къ числу самыхъ тяжелыхъ къ моей жизни, и воспоминаніе о нихъ отравляло все остальное пребываніе мое въ Россіи. Хотя совѣщаніе окончилось самымъ любезнымъ образомъ, однако же, опасаясь дальнѣйшихъ объясненій, изъ которыхъ я не могъ бы никоимъ образомъ выпутаться такъ же счастливо, я болѣе чѣмъ когда-либо сосредоточился въ самомъ себѣ, осудивъ себя на строгое уединеніе [1]. Екатерина два раза укоряла меня за это; но видя, что я упорствую и являюсь ко двору только для занятій со своими учениками, убѣдилась, что я вовсе не расположенъ къ той роли, которую мнѣ предназначали» [2].

Лагарпъ не ограничился однако этимъ пассивнымъ сопротивленіемъ намѣреніямъ императрицы и уклоненіемъ отъ всякаго вмѣшательства въ вопросъ о престолонаслѣдіи. Напротивъ того, онъ употребилъ даже всѣ усилія, чтобы поселить добрыя отношенія между цесаревичемъ и его сыновьями. «Онъ словно умышленно отталкивалъ ихъ своими грубыми выходками»,—пишетъ Лагарпъ,—«дѣти жаловались на отца, и мнѣ стоило большого труда истолковывать поведеніе его съ выгодной стороны и сохранить въ нихъ сыновнюю привязанность. Несмотря на приписываемый мнѣ карбонаризмъ, я былъ возмущенъ до глубины души предстоявшею насильственною мѣрою и ломалъ себѣ голову, какимъ бы образомъ предостеречь Павла, постоянно окруженнаго шпіонами и злонамѣренными друзьями. Одно неосторожное слово, вырвавшееся у него, могло бы повлечь за собою самыя гибельныя послѣдствія».

Когда Екатерина убѣдилась въ достаточной мѣрѣ, что Лагарпъ не только не намѣренъ содѣйствовать, но даже обнаруживаетъ склонность противодѣйствовать своимъ нравственнымъ вліяніемъ на Александра ея

[1] Въ каморъ-фурьерскомъ журналѣ за 1793 годъ имя Лагарпа встрѣчается только два раза: 1-го марта, въ числѣ приглашенныхъ въ Эрмитажъ, и 23-го августа, когда «кавалеръ великаго князя Лагарпъ» значится въ числѣ находившихся за обѣдомъ въ большой галлереѣ Зимняго дворца на 40 кувертахъ. Послѣ разговора съ Екатериною имя Лагарпа болѣе не упоминается въ журналѣ.

[2] М. И. Сухомлиновъ: Фридрихъ Цезарь Лагарпъ. С.-Петербургъ. 1871, стр. 51.

намѣренію назначить его наслѣдникомъ и отстранить отъ престола Павла,—она не задумалась прибѣгнуть къ рѣшительной мѣрѣ, уволивъ Лагарпа отъ занятій съ внукомъ, отпустить его за границу. Это и была истинная причина внезапнаго и преждевременнаго удаленія Лагарпа изъ Россіи, а вовсе не свойственный ему либеральный образъ мыслей, на который нерѣдко встрѣчаются указанія въ исторической литературѣ [1].

Великій князь, хотя и не очень прилежно, но, тѣмъ не менѣе, продолжалъ и по вступленіи въ бракъ предначертанныя императрицею занятія съ любимымъ наставникомъ [2]. 23-го октября 1794 года, во время одной изъ лекцій, графъ Салтыковъ внезапно вызвалъ къ себѣ Лагарпа и объявилъ ему волю государыни, что такъ какъ Александръ Павловичъ вступилъ въ бракъ, а Константинъ Павловичъ опредѣленъ въ военную службу, то занятія съ великими князьями должны прекратиться съ концомъ текущаго года [3]. Александръ, по возвращеніи Лагарпа, тотчасъ догадался, въ чемъ дѣло, и обратился къ своему наставнику или, лучше сказать, другу, желавшему скрыть испытанное огорченіе, со словами: «не думайте, чтобъ я не замѣчалъ, что уже давно замышляютъ противъ васъ что-то недоброе; насъ хотятъ разлучить, потому что знаютъ всю мою привязанность, все мое довѣріе къ вамъ». Говоря это, великій князь бросился обнимать Лагарпа, обливаясь слезами.

1 Екатерина сказала однажды Лагарпу, когда его обвиняли въ якобинизмѣ: Monsieur, soyez jacobin, républicain, tout ce que vous voudrez: je vous crois honnête homme, cela me suffit. Restez auprès de mes petits-fils, conservez toute ma confiance, et donnez leur vos soins avec votre zèle accoutumé». Masson: Mémoires secrets. T. 2, p. 157.

2 Въ письмѣ къ графу Салтыкову, отъ 24-го іюля 1794 года, Лагарпъ по поводу занятій съ великимъ княземъ Александромъ Павловичемъ писалъ: «Je suis fâché de devoir dire à votre excellence que les occupations de S. A. I., monseigneur le Grand Duc Alexandre, avec moi se réduisent à peu près à rien. Tout se fait si tard dans sa maison, qu' il reste bien rarement une demie heure pour continuer ce que j'aurais désiré terminer avec lui, non sous le titre rebutant de leçon, mais sous celui d'une conversation dont nous aurions mutuellement fait les frais. Quant aux lectures de l'après-midi, quoique très rares, elles opèrent sur monseigneur comme une dose d'opium; il s'endort profondément dès le commencement et ne s'éveille guère avant la fin; que votre excellence juge par là, si je puis trouver beaucoup de plaisir à une semblable occupation, et si je languis de remettre à quelque autre un office pour lequel il suffit de savoir manier un éventail de manière à produire dans l'air une agitation qui provoque le sommeil... Devenu de la sorte à peu près inutile et désirant prévenir le moment où je pourrais être à charge, c'est avec la plus vive impatience que je soupire après le moment où mes fonctions cessant de nom, comme elles ont déjà cessé de fait, je pourrai sortir d'une nullité qui me fatigue, et me rapprocher des miens qui de jour en jour ont plus besoin de moi».

3 Въ примѣчаніи (Note) на черновомъ отпускѣ или копіи письма Лагарпа къ графу Салтыкову отъ 16-го сентября 1894 года, по поводу занятій великаго князя Константина Павловича, сказано: «Enfin le 23 octobre suivant, monsieur le comte me déclara que sa majesté impériale jugeait désormais mes leçons inutiles et m'accordait un congé».

Возвѣщенное увольненіе не заставило себя долго ждать. 31-го января 1795 года послѣдовалъ на имя графа Салтыкова рескриптъ, по которому Лагарпъ произведенъ былъ въ полковники, уволенъ отъ службы и награжденъ пенсіею, а на проѣздъ повелѣно было выдать ему тысячу червонныхъ.

Но Лагарпъ не рѣшился покинуть Россію, не добившись свиданія съ цесаревичемъ; для достиженія этой цѣли ему пришлось преодолѣть немало затрудненій, такъ какъ Павелъ Петровичъ былъ сильно вооруженъ противъ Лагарпа, считая его якобинцемъ, и около трехъ лѣтъ не говорилъ съ нимъ, отворачиваясь отъ него при встрѣчахъ. Упоминая о немъ въ разговорахъ съ дѣтьми, цесаревичъ спрашивалъ: «Avez-vous toujours ce jacobin auprès de vous?» [1]. Большаго труда стоило Лагарпу отсрочить свой отъѣздъ на нѣсколько мѣсяцевъ, главнымъ образомъ, подъ предлогомъ семейныхъ обстоятельствъ. Наконецъ, ему удалось достигнуть желаемаго. Получивъ дозволеніе явиться къ цесаревичу, жившему тогда въ Гатчинѣ, Лагарпъ отправился въ ту же ночь въ путь и рано утромъ былъ уже въ дворцовой пріемной. Это случилось 27-го апрѣля 1795 года, въ день рожденія великаго князя Константина Павловича. Цесаревичу чрезвычайно понравилась быстрота, съ которою Лагарпъ воспользовался полученнымъ разрѣшеніемъ, и потому онъ принялъ его весьма привѣтливо, удостоивъ въ кабинетѣ разговоромъ, продолжавшимся два часа. Не открывая цесаревичу своихъ предположеній, онъ успѣлъ убѣдить его, тѣмъ не менѣе, въ необходимости измѣнить обращеніе съ дѣтьми и постарался разсѣять сомнѣнія, которыя поселили въ немъ относительно привязанности къ нему сыновей. Лагарпъ торжественно заклиналъ Павла имѣть къ молодымъ великимъ князьямъ полное довѣріе, сдѣлаться другомъ ихъ и всегда обращаться къ нимъ прямо, а отнюдь не черезъ третье лицо. Цесаревичъ благосклонно выслушалъ наставленія Лагарпа, обнялъ его и съ сердечнымъ изліяніемъ благодарилъ за добрые совѣты, которымъ обѣщалъ слѣдовать. Въ этотъ день назначенъ былъ въ Гатчинѣ балъ, и Павелъ Петровичъ пригласилъ его на этотъ вечеръ; великая княгиня Марія Ѳеодоровна, изъявивъ желаніе пройти съ нимъ полонезъ, поставила гостя въ непріятное положеніе, потому что съ нимъ не было перчатокъ. Цесаревичъ вывелъ его изъ затруднительнаго положенія, предложивъ ему свои. Лагарпъ хранилъ ихъ до своей смерти, какъ воспоминаніе о памятномъ для него днѣ, въ который примирился съ нимъ его давній недоброжелатель [2].

[1] Masson: Mémoires secrets. T. 2, p. 192.

[2] Въ настоящее время эти перчатки хранятся въ государственномъ архивѣ (Разрядъ V, № 251). Къ нимъ приложена собственноручная записка Лагарпа, напечатанная нами въ сочиненіи: «Императоръ Александръ I. Его жизнь и царствованіе», т. 1-й, стр. 270.

9-го мая 1795 года, Лагарпъ покинулъ окончательно Петербургъ, чтобы поселиться въ Швейцаріи, и надолго разстался со своимъ воспитанникомъ, оставивъ Александра среди двора, который онъ ненавидѣлъ, и предназначеннаго къ положенію, одна мысль о коемъ заставляла его содрогаться. Эти мысли Александръ высказалъ въ письмѣ къ Лагарпу, когда вопросъ объ его увольненіи былъ окончательно рѣшенъ, и приближалась уже минута разлуки [1].

Такимъ образомъ совершилось удаленіе Лагарпа, но цѣль, преслѣдуемая императрицею, не была достигнута этимъ рѣшительнымъ шагомъ. Екатерина не оцѣнила по достоинству того сопротивленія, которое предстояло ей встрѣтить лично со стороны великаго князя Александра Павловича при осуществленіи ею своихъ плановъ; она не могла себѣ представить, до какой степени чувства и политическіе взгляды любимаго внука расходились съ ея намѣреніями и надеждами. Въ дѣйствительности оказывалось, что она не только не могла разсчитывать на согласіе внука принять помимо отца то бремя, которое она ему готовила, но что любимецъ ея мечталъ даже о томъ, чтобы совершенно отказаться отъ носимаго имъ званія и жить частнымъ человѣкомъ въ мирѣ и спокойствіи въ Швейцаріи или на берегахъ Рейна! Свойственная Екатеринѣ проницательность не оправдала себя въ данномъ случаѣ; неотразимое вліяніе времени, конечно, оказало свое дѣйствіе и на творца переворота 1762 года. Нести бремя правленія въ продолженіе тридцати трехъ лѣтъ представляетъ, безъ сомнѣнія, подвигъ, который не дается даромъ и долженъ оставлять глубокій слѣдъ даже на избранныхъ личностяхъ, къ коимъ принадлежитъ Екатерина. Поэтому неудивительно, что, наконецъ, прежняя рѣшительность стала отсутствовать, что явились колебанія по мѣрѣ приближенія окончательной развязки; къ тому же, и невѣрная оцѣнка обстановки также давала себѣ чувствовать. Сама Екатерина признавалась еще въ 1789 году Храповицкому: «Старѣе ли я стала, что не могу найти ресурсовъ, или другая причина нынѣшнимъ затрудненіямъ» [2]. Для той же мысли П. В. Завадовскій нашелъ подходящее выраженіе, когда писалъ 27-го января 1792 года графу С. Р. Воронцову:

«Давно ты выѣхалъ изъ Россіи. Перемѣна людей перемѣняетъ образъ мыслей и теченія дѣлъ. А главное, что солнце на закатѣ: не тотъ свѣтъ имѣетъ, которымъ дѣйствуетъ при востокѣ и во время полдня» [3].

[1] «Vous connaissez assez l'intérêt que je prends à vous et à tout ce qui vous regarde; je n'ai pas besoin de vous le répéter ici, vous sentirez donc, mon cher ami; quelle peine je dois éprouver, en même temps, de penser que je dois me séparer bientôt de vous, surtout restant seul dans cette cour que j'abhore, destiné à une condition dont la seule idée me fait frémir».

(Государственный архивъ. Разрядъ V, N. 190. — Рукою Лагарпа написано: «Année 1795. Janvier. Sans date précise).

[2] Дневникъ Храповицкаго, стр. 284.

[3] Архивъ князя Воронцова, книга 12-я стр. 75.

IV.

Заблужденіе, въ которое впала императрица при оцѣнкѣ вообще характера и душевныхъ стремленій великаго князя Александра Павловича, проявилось еще и въ другомъ отношеніи. Екатерина, повидимому, не подозрѣвала, какой глубокій вредъ успѣла уже причинить гатчинская кордегардія этому ангелу въ человѣческомъ образѣ, какъ она называла нѣжно любимаго внука [1].

Гатчинскіе порядки причинили Александру непоправимое зло; они привили ему увлеченіе фронтомъ, «мелкостями» военной службы, солдатской выправкой, однимъ словомъ, экзерцирмейстерство, парадоманію [2]. Усмотрѣвъ въ порядкахъ, заведенныхъ отцемъ, существенную сторону военнаго дѣла, Александръ, свыкнувшись съ подобнымъ взглядомъ, перещеголялъ впослѣдствіи въ этомъ искусствѣ даже своего брата Константина и довелъ въ свое царствованіе выправку до небывалаго совершенства. Кромѣ того, Александръ сблизился въ Гатчинѣ съ людьми, которые при другихъ порядкахъ остались бы для него вѣчно чуждыми. Къ числу послѣднихъ принадлежалъ Алексѣй Андреевичъ Аракчеевъ; сближеніе великаго князя съ этимъ выдающимся представителемъ гатчинскаго капральства дорого обошлось впослѣдствіи Россіи.

Съ каждымъ годомъ Александръ Павловичъ съ братомъ все болѣе привлекались цесаревичемъ къ экзерциціямъ гатчинскихъ войскъ, олицетворявшихъ собою какъ бы государство въ государствѣ, а Екатерина безмолвствовала, точно не замѣчая этого страннаго явленія. Здѣсь, среди войскъ, созданныхъ ихъ родителемъ, великіе князья учились уму-разуму, какъ они выражались, «по-нашему, по-гатчински». Каждый изъ нихъ командовалъ баталіономъ своего имени. Съ 1795 года Александръ долженъ былъ ѣздить въ Павловскъ вмѣсто одного раза въ недѣлю по

[1] Екатерина въ разговорѣ съ Фаукнеромъ (W. Fawkner) въ 1791 году распространялась въ похвалахъ своему старшему внуку, котораго она страстно любила: «Sie nannte ihn einen Engel in menschlicher Gestalt» и выражала убѣжденіе, что онъ вполнѣ заслуживаетъ этихъ похвалъ. Hermann: Geschichte des Russischen Staates.—Ergänzungs-Band. Gotha. 1866, p. 112.

[2] Князь Адамъ Чарторижскій въ своихъ запискахъ замѣчаетъ слѣдующее по поводу гатчинскихъ войскъ: «Les minuties du service militaire et l'habitude d'y attacher une extrême importance faussèrent l'esprit du grand duc Alexandre: il y prit un goût dont il ne put se guérir... Il fut atteint pendant tout son règne de la paradomanie, maladie épidémique des princes, qui fit perdre à Alexandre un temps précieux lorsqu'il fut sur le trône et l'empêcha pendant sa jeunesse de travailler utilement et d'acquérir des connaissances indispensables». Mémoires du prince Adam Czartoryski. Paris. 1887. T. I p. 108—109.

четыре раза и заниматься тамъ маневрами, ученіями и парадами. Въ слѣдующемъ затѣмъ году фронтовыя экзерциціи получили еще большее развитіе и окончательно отодвинули на задній планъ всѣ другія, болѣе разумныя занятія. Въ 6 часовъ утра Александръ Павловичъ долженъ былъ ежедневно ѣздить въ Павловскъ и оставаться тамъ до перваго часу; часто онъ отправлялся туда даже послѣ обѣда, не исключая воскресныхъ и праздничныхъ дней, съ тою разницею, что въ эти дни великій князь возвращался въ Царское Село къ обѣднѣ. Подобную же служебную практику продѣлывалъ и Константинъ Павловичъ.

Съ видимымъ удовольствіемъ Александръ писалъ Лагарпу, по наступленіи осени и возвращеніи двора въ Петербургъ: «нынѣшнее лѣто я могу дѣйствительно сказать, что я служилъ (cet été, je peux vraiment dire que j'ai servi)» [1].

Служба при гатчинскихъ войскахъ причинила великому князю Александру Павловичу еще другое, также непоправимое зло; какъ-то ему пришлось стоять близъ батареи, и гулъ аракчеевскихъ пушекъ такъ подѣйствовалъ на Александра, что онъ почти совершенно оглохъ на лѣвое ухо.

Но независимо отъ военныхъ упражненій, сближавшихъ Александра съ отцомъ, установившееся между ними довѣріе, столь желанное для добродѣтельнаго Лагарпа и старательно имъ подготовленное, усугубило еще другое существовавшее уже ранѣе зло: Александръ окончательно научился во всемъ осуждать Екатерину и порицать основныя начала ея политики, какъ внутренней, такъ и внѣшней; вмѣстѣ съ тѣмъ, Павелъ Петровичъ вселялъ также въ сына одушевлявшія его чувства ненависти и недоброжелательства ко всѣмъ Екатерининскимъ дѣятелямъ. Замѣчательно, что гатчинское міровоззрѣніе уживалось въ головѣ Александра съ самымъ крайнимъ мечтательнымъ либерализмомъ, приводившимъ даже въ изумленіе князя Адама Чарторижскаго и, конечно, не имѣвшимъ ничего общаго со взглядами цесаревича на необходимость водворенія системы управленія при помощи желѣзной лозы!

Убѣжденія и взгляды Александра съ достаточною ясностью обрисовались въ извѣстномъ письмѣ его къ Виктору Павловичу Кочубею, отъ 10-го мая 1796 года, и въ бесѣдахъ съ княземъ Адамомъ Чарторижскимъ.

Кочубею великій князь писалъ между прочимъ: «Я сознаю, что вовсе не гожусь для того званія, которое занимаю теперь, и еще менѣе для предназначеннаго мнѣ въ будущемъ, отъ котораго я далъ себѣ клятву отказаться тѣмъ или другимъ способомъ (je ne me sens pas du tout fait pour la place que j'occupe dans ce moment et encore moins

[1] Письмо великаго князя Александра Павловича къ Лагарпу отъ 13-го октября 1796 года изъ Зимняго дворца. (Государственный архивъ. Разрядъ V. № 190).

pour celle qui m'est destinée un jour et à laquelle je me suis juré de renoncer, soit d'une manière, soit de l'autre)». Отголосокъ же Павловскихъ воззрѣній на современное ему положеніе дѣлъ встрѣчается въ словахъ: «Въ нашихъ дѣлахъ господствуетъ неимовѣрный безпорядокъ; грабятъ со всѣхъ сторонъ; всѣ части управляются дурно; порядокъ, кажется, изгнанъ отовсюду, а имперія стремится лишь къ расширенію своихъ предѣловъ. (Nos affaires sont dans un désordre incroyable; on pille de tous côtés; tous les départements sont mal administrés; l'ordre semble être banni de partout et l'empire ne fait qu'accroître ses domaines)».

Вотъ къ какому трагическому исходу привели всѣ просвѣщенныя попеченія, вся безграничная любовь и заботливость Екатерины о своемъ внукѣ, котораго она готовила себѣ въ преемники. Ненормальная семейная обстановка вызвала полное крушеніе всѣхъ ея надеждъ; оказалось, что Александръ не желалъ быть продолжателемъ ея великихъ дѣлъ и во многомъ сталъ на точку зрѣнія Павла Петровича. Такимъ образомъ, результатъ получился совершенно обратный тому, на который разсчитывала императрица. Внезапная кончина Екатерины избавила ее, однако, отъ огорченія испытать на закатѣ дней подобное, ни съ чѣмъ несравнимое разочарованіе.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

I.

Не довольствуясь раннеи женитьбою своего старшаго внука, Екатерина поспѣшила пріискать невѣсту и великому князю Константину Павловичу. Съ этою цѣлью, осенью 1795 года, по приглашенію императрицы, прибыла въ Петербургъ Саксенъ-Кобургская принцесса Августа съ тремя дочерьми, принцессами Антуанетой, Софіей и Юліей, а въ слѣдующемъ году, 15-го (26-го) февраля 1796 года, Константинъ Павловичъ вступилъ въ супружество съ пятнадцатилѣтнею принцессою Юліею, нареченною Анною Ѳеодоровною.

«Теперь у меня жениховъ больше нѣтъ», писала Екатерина Гримму послѣ свадьбы Константина Павловича, «но зато остается пять дѣвицъ, изъ которыхъ младшей только годъ, но старшей пора замужъ. Жениховъ имъ придется поискать днемъ съ фонаремъ. Безобразныхъ мы исключимъ, дураковъ тоже; бѣдность же не порокъ. Но внутреннее содержаніе должно соотвѣтствовать очень красивой наружности. Если попадетъ такой товаръ на рынкѣ, сообщайте мнѣ о находкѣ» [1].

На обратномъ пути въ Германію, еще до свадьбы дочери, принцесса Саксенъ-Кобургская остановилась въ Гатчинѣ, по приглашенію

[1] «A présent je n'ai plus de promis à marier; il ne me reste que cinq demoiselles, dont la cadette n'a qu'un an, mais l'aînée est une fille à marier. Celle là et la seconde sont belles comme le jour, et tout en elles répond à cette beauté: elles sont ravissantes toutes les deux, de l'avis de tout le monde. Il leur faut chercher des épouseurs la lanterne à la main. Les laids seront exclus, de même que les sots; pauvreté n'est pas un vice. Mais l'intérieur doit répondre à un très bel extérieur: si vous trouvez de cette besogne-là au marché, il faut m'en annoncer l'emplette». Сборникъ И. Р. И. О., т. 23-й, стр. 669. (Письмо Екатерины къ Гримму отъ 18-го февраля 1796 года).

цесаревича. Это было въ ноябрѣ 1795 года. Въ письмахъ къ мужу принцесса описывала слѣдующимъ образомъ впечатлѣніе, произведенное не нее гатчинскимъ дворомъ.

«Мы были очень любезно приняты», писала принцесса, «но здѣсь я очутилась въ атмосферѣ, совсѣмъ не похожей на петербургскую. Вмѣсто непринужденности (aisance), господствующей при императорскомъ дворѣ, я нашла здѣсь стѣсненіе (gêne); все было натянуто и безмолвно. Великій князь, который, впрочемъ, очень уменъ и можетъ быть пріятнымъ въ обхожденіи, если онъ того желаетъ, отличается непонятными странностями, между прочимъ, дурачествомъ устраивать все вокругъ себя на старо-прусскій ладъ. Въ его владѣніяхъ тотчасъ встрѣчаются шлагбаумы, окрашенные въ черный, красный и бѣлый цвѣтъ, какъ это имѣетъ мѣсто въ Пруссіи; при шлагбаумахъ находятся часовые, которые опрашиваютъ проѣзжающихъ, подобно пруссакамъ. Всего хуже то, что эти солдаты русскіе, переодѣтые въ пруссаковъ; эти прекрасные на видъ русскіе, наряженные въ мундиры временъ короля Фридриха-Вильгельма I, изуродованы этой допотопной формой. Русскій долженъ оставаться русскимъ. Онъ самъ это сознаетъ, и каждый находитъ, что онъ въ своей одеждѣ, въ короткомъ кафтанѣ съ волосами, остриженными въ кружокъ, несравненно красивѣе, чѣмъ съ косою и въ мундирѣ, въ которомъ онъ въ стѣсненномъ и несчастномъ видѣ представляется въ Гатчинѣ. Офицеры имѣютъ видъ, точно они срисованы изъ стараго альбома. За исключеніемъ языка, они во всемъ прочемъ вовсе не похожи на русскихъ. Нельзя сказать, чтобы эта метаморфоза была умно придумана. Мнѣ было больно видѣть эту перемѣну, потому что я чрезвычайно люблю этотъ народъ» [1].

Эти строки безпристрастнаго иностраннаго наблюдателя какъ нельзя болѣе драгоцѣнны для характеристики злополучныхъ гатчинскихъ порядковъ. Что бы сказала умная принцесса, если бы ровно черезъ годъ она увидѣла гатчинскій маскарадъ распространеннымъ на всю Россію, а вмѣстѣ съ тѣмъ принужденность и безмолвіе, отличавшія дворъ цесаревича, ставшими удѣломъ и закономъ для всей имперіи!

25-го іюня 1796 года, произошло другое радостное для императрицы семейное событіе. Въ три и три четверти часа утра великая княгиня Марія Θеодоровна разрѣшилась въ Царскомъ Селѣ отъ бремени сыномъ. Наконецъ, Екатерина дождалась нетерпѣливо ожидавшагося ею столько лѣтъ третьяго внука. Новорожденному дано было имя Николай.

[1] «Eine deutsche Fürstin am Hofe der Kaiserin Katharina II»: Belletristisch-literarische Beilage der Hamburger Nachrichten. 1897, №№ 17, 18 und 19.

Сокращенное извлеченіе изъ этихъ писемъ было напечатано въ «Русскомъ Архивѣ» 1869 года, подъ заглавіемъ: «Письма германской принцессы о русскомъ дворѣ» 1795 года. Стр. 1088—1102.

Императрица не замедлила тотчасъ же сообщить Гримму о своей новой семейной радости.

«Сегодня въ три часа утра», писала Екатерина, «мамаша родила громаднаго мальчика, котораго назвали Николаемъ. Голосъ у него басъ, и кричитъ онъ удивительно; длиною онъ аршинъ безъ двухъ вершковъ, а руки немного поменьше моихъ. Въ жизнь свою въ первый разъ вижу такого рыцаря... Если онъ будетъ продолжать, какъ началъ, то братья окажутся карликами передъ этимъ колоссомъ» [1].

2-го іюля императрица извѣщала Гримма, что «въ воскресенье будутъ крестить рыцаря Николая, здоровье котораго превосходно. (Le chevalier Nicolas sera baptisé dimanche, et il se porte à merveille)». Къ этимъ свѣдѣніямъ Екатерина присовокупила 5-го іюля, то-есть, менѣе чѣмъ черезъ двѣ недѣли послѣ рожденія внука, еще слѣдующія подробности о первыхъ дняхъ жизни великаго князя:

«Рыцарь Николай уже три дня кушаетъ кашку, потому что безпрестанно проситъ ѣсть. Я полагаю, что никогда еще осьмидневный ребенокъ не пользовался такимъ угощеніемъ; это неслыханное дѣло. У нянекъ просто руки опускаются отъ удивленія; если такъ будетъ продолжаться, придется по прошествіи шести недѣль отнять его отъ груди. Онъ смотритъ на всѣхъ во всѣ глаза (il toise tout le monde), голову держитъ прямо и поворачиваетъ не хуже моего» [2].

Обрядъ крещенія новорожденнаго великаго князя происходилъ 6-го іюля въ церкви Царскосельскаго дворца. Воспріемниками отъ купели назначены были: великій князь Александръ Павловичъ и великая княжна Александра Павловна; послѣдняя должна была заступить мѣсто императрицы Екатерины, которая по нездоровью не могла присутствовать при крещеніи внука и провела только нѣкоторое время на хорахъ.

Въ тотъ же день императрица и цесаревичъ Павелъ Петровичъ принимали поздравленіе отъ всего двора, послѣ чего былъ парадный обѣдъ, а вечеромъ балъ.

[1] «Monsieur le souffre-douleur est averti que maman est accouchée ce matin à trois heures d'un énorme garçon, auquel on a conféré le nom de Nicolas. Il a une voix de basse avec laquelle il crie d'une manière étonnante; il est de la longueur d'une archine moins deux verchoks, et ses mains sont presque aussi grandes que les miennes; de ma vie je n'ai vu un chevalier pareil... S'il continue comme il débute, ses frères seront des nains à côté de ce colosse». Сборникъ И. Р. И. О., т. 23-й, стр. 679. (Письмо Екатерины къ Гримму отъ 25-го іюня 1796 года).

[2] «Le chevalier Nicolas depuis trois jours mange déjà de la bouillie, parce qu'il veut manger à tout moment; je pense que jamais enfant de huit jours n'a fait pareil repas; c'est inoui. Les bras en tombent à toutes les bonnes; si cela continue, je pense qu'on le sevrera à six semaines. Il toise tout le monde, et tient et remue sa tête comme moi». Сборникъ И. Р. И. О., т. 23-й, стр. 681. (Письмо Екатерины къ Гримму отъ 5-го іюля 1796 года).

Цесаревичъ послѣ крещенія своего сына тотчасъ уѣхалъ въ Павловскъ. Великая княгиня Марія Ѳеодоровна оставалась въ Царскомъ Селѣ до 3-го (14-го) августа, а затѣмъ также переселилась въ Павловскъ. Новорожденный же великій князь Николай Павловичъ остался, по заведенному обычаю, на попеченіи у бабушки, которая почти каждый день навѣщала его.

Рожденіе «рыцаря Николая» сопровождалось событіемъ, которое доказываетъ, съ какою настойчивостью императрица, по обыкновенію своему, преслѣдовала разъ намѣченную цѣль: отстранить цесаревича Павла Петровича отъ престола. Но средство, избранное ею въ разсматриваемомъ случаѣ, не можетъ быть названо удачнымъ, а скорѣе нужно удивляться, какимъ образомъ Екатерина обратилась къ этой странной мысли. Пользуясь отсутствіемъ Павла Петровича, императрица передала великой княгинѣ бумагу, въ которой предлагала Маріи Ѳеодоровнѣ потребовать отъ цесаревича отреченія отъ своихъ правъ на престолъ въ пользу великаго князя Александра Павловича; вмѣстѣ съ тѣмъ императрица настаивала на томъ, чтобы Марія Ѳеодоровна скрѣпила своею подписью эту бумагу, какъ удостовѣреніе согласія съ ея стороны на ожидаемый актъ отреченія. Великая княгиня нисколько не раздѣляла мнѣнія Екатерины о необходимости предположеннаго ею устраненія цесаревича отъ наслѣдованія престола и потому отказалась, съ чувствомъ искренняго негодованія, подписать требуемую бумагу. Гнѣвъ свой на непокорную невѣстку Екатерина выразила при прощаніи 3-го (14-го) августа, когда великая княгиня, принявъ сорокадневную молитву, уѣзжала въ Павловскъ. Императрица ограничилась тѣмъ, что спросила Марію Ѳеодоровну: «comment vous portez-vous, madame la grande-duchesse?». Великая княгиня, послѣ всего случившагося, оставила Царское Село подъ самыми тягостными впечатлѣніями, но рѣшилась скрыть отъ цесаревича требованіе, съ которымъ обращалась къ ней державная мать его. Впослѣдствіи, уже послѣ кончины императрицы, Павелъ Петровичъ нашелъ этотъ документъ въ бумагахъ матери и былъ сильно разгнѣванъ уже однимъ тѣмъ обстоятельствомъ, что великая княгиня могла быть спрошена Екатериною въ подобномъ дѣлѣ. Это открытіе повліяло на добрыя отношенія Павла къ его супругѣ и причинило ей тяжкія испытанія [1].

На этомъ пока остановилось это замысловатое дѣло. Вскорѣ послѣдовали, однако, событія, которыя побудили императрицу вступить въ личныя объясненія по этому вопросу съ великимъ княземъ Александромъ Павловичемъ.

[1] Императоръ Александръ. Его жизнь и царствованіе, т. 1-й, стр. 278. (Собственноручная замѣтка королевы нидерландской Анны Павловны, относящаяся къ событіямъ 1796 года).

II.

Лѣтомъ 1796 года, императрица Екатерина ранѣе обыкновеннаго разсталась съ Царскимъ Селомъ и возвратилась въ Петербургъ. Особыя обстоятельства были тому причиною.

13-го (24-го) августа, прибылъ въ столицу давно желанный гость, молодой шведскій король Густавъ IV, подъ именемъ графа Гаги. Короля сопровождалъ его дядя-регентъ, герцогъ Карлъ Зюдерманландскій, подъ именемъ графа Вазы. Среди нескончаемыхъ празднествъ, баловъ, вечеровъ всякаго рода, велись переговоры, начавшіеся еще ранѣе, по поводу брака короля съ великой княжной Александрой Павловною. Казалось, что всѣ препятствія и недоумѣнія были, наконецъ, улажены, и 11-го (22-го) сентября должно было послѣдовать въ Зимнемъ дворцѣ обрученіе, хотя офиціально дворъ приглашался только къ балу. Но въ послѣднюю минуту вѣроисповѣдный вопросъ и неожиданное упрямство Густава IV разстроили соглашеніе, къ которому настойчиво стремилась Екатерина. Въ назначенное время дворъ собрался, и приглашенные пребывали въ тягостномъ ожиданіи грядущихъ событій; но король, къ удивленію осаждавшихъ его дипломатовъ, отказался явиться, требуя исключенія изъ брачнаго договора статьи о сохраненіи великой княжной православія. Когда же князю Зубову пришлось наконецъ доложить императрицѣ, что назначенное обрученіе должно быть отложено, она не могла выговорить ни слова: Екатерина почувствовала первый легкій припадокъ паралича Оскорбленіе, нанесенное въ этотъ день ея самолюбію молодымъ королемъ, которому она оказывала столько вниманія и участія, отразилось пагубнымъ образомъ на здоровьѣ шестидесяти-семилѣтней государыни. На другой день Екатерина признавалась, что ночь съ 27-го на 28-е іюня 1762 года ничто въ сравненіи съ тою, которую она провела послѣ несостоявшейся помолвки.

Переговоры о бракѣ, тѣмъ не менѣе, продолжались, но не привели къ желаемому соглашенію. 20-го сентября графъ Гага выѣхалъ изъ Петербурга [1]. Цесаревичъ еще ранѣе, 12-го сентября, отправился въ Гатчину, простившись на этотъ разъ съ матерью навсегда.

[1] Въ письмѣ Маріи Ѳеодоровны къ императрицѣ отъ 20-го сентября 1796 года изъ Гатчины сказано: «Quant à la conduite du roi, je l'envisage comme celle d'un enfant superstitieux et imbu de bigotterie, inspiré peut-être dans son éducation et soutenu selon l'apparence dans ces moments par ses alentours». Екатерина отвѣчала въ тотъ же день: «Si le roi de Suède est un enfant bigot et superstitieux, il faut y ajouter encore qu'il est entêté et opiniâtre à l'excès et que par la il croit ressembler à Charles XII».

Между тѣмъ мысли Екатерины снова обратились къ ускоренію рѣшенія возбужденнаго ею вопроса относительно измѣненія порядка престолонаслѣдія.

Оправившись нѣсколько отъ огорченія, испытаннаго 11-го сентября, Екатерина имѣла разговоръ съ великимъ княземъ Александромъ, въ которомъ она выяснила внуку всю государственную необходимость задуманнаго ею переворота; есть основаніе къ предположенію, что бесѣда императрицы съ Александромъ Павловичемъ имѣла мѣсто 16-го сентября [1]. Спрашивается: какимъ образомъ отнесся великій князь къ сообщеніямъ своей бабки? На это даетъ отвѣтъ письмо Александра Павловича къ императрицѣ отъ 24-го сентября, уцѣлѣвшее въ бумагахъ князя Зубова, который, конечно, былъ посвященъ во всѣ тайны этого дѣла.

«Ваше императорское величество», писалъ Александръ, «я никогда не буду въ состояніи достаточно выразить свою благодарность за то довѣріе, которымъ ваше величество соблаговолили почтить меня, и за ту доброту, съ которой изволили дать собственноручное поясненіе къ остальнымъ бумагамъ. Я надѣюсь, что ваше величество, судя по усердію моему заслужить неоцѣненное благоволеніе ваше, убѣдитесь, что я вполнѣ чувствую все значеніе оказанной милости. Дѣйствительно, даже своею кровью я не въ состояніи отплатить за все то, что вы соблаговолили уже и еще желаете сдѣлать для меня. Эти бумаги съ полною очевидностью подтверждаютъ всѣ соображенія, которыя вашему величеству благоугодно было недавно сообщить мнѣ, и которыя, если мнѣ позволено будетъ высказать это, какъ нельзя болѣе справедливы. Еще разъ повергая къ стопамъ вашего императорскаго величества чувства моей живѣйшей благодарности, осмѣливаюсь быть съ глубочайшимъ благоговѣніемъ и самою неизмѣнною преданностью,

«Вашего императорскаго величества всенижайшій, всепокорнѣйшій подданный и внукъ

«Александръ» [2].

[1] Въ камеръ-фурьерскомъ журналѣ записано: «16-го сентября, во вторникъ, по полудни, во второмъ часу, въ апартаментахъ у ея императорскаго величества быть соизволилъ его императорское высочество, государь великій князь Александръ Павловичъ нѣсколько времени и возвратился въ свои покои».

[2] «Votre majesté impériale. Jamais je ne pourrai exprimer ma reconnaissance pour la confiance dont votre majesté a bien voulu m'honorer et la bonté qu'elle a daigné avoir de faire de sa main un écrit servant d'intelligence aux autres papiers.

«J'espère que votre majesté verra, par mon zèle à mériter ses précieuses bontés, que j'en sens tout le prix. Je ne pourrais, il est vrai, jamais assez payer, même de mon sang, tout ce qu'elle a daigné et veut bien encore faire pour moi. Ces papiers confirment évidemment toutes les réflexions que votre majesté a bien voulu me communiquer tantôt et qui, s'il m'est permis de le dire, ne peuvent être plus justes. C'est en mettant encore

Несмотря на ясно выраженное въ этомъ письмѣ одобреніе предположеній, заявленныхъ императрицею, позволительно, однако, сомнѣваться въ искренности согласія, высказаннаго здѣсь Александромъ. Это былъ, повидимому, только политическій маневръ, къ которому прибѣгнулъ великій князь съ цѣлью выиграть время, чтобы не огорчить императрицу выясненіемъ истинныхъ своихъ чувствъ въ то время, когда здоровье государыни подверглось сильному испытанію, и дни ея были уже, такъ сказать, сочтены. Въ переговорахъ по дѣлу о престолонаслѣдіи Александръ проявилъ вполнѣ лишь обычную свою уклончивость, которую Екатерина подмѣтила въ немъ еще съ дѣтства. Невольно припоминаются при этомъ случаѣ наблюденія, сообщенныя ею Гримму въ 1790 году: «Если я заговорю съ нимъ о чемъ-нибудь дѣльномъ, онъ весь вниманіе, слушаетъ и отвѣчаетъ со спокойной готовностью; если я заставлю его играть въ жмурки, онъ играетъ. Однимъ словомъ», писала Екатерина, «этотъ мальчикъ соединяетъ въ себѣ много противорѣчій» [1]. Послѣднему качеству Александра суждено было проявиться какъ разъ въ дѣлѣ, особенно дорогомъ сердцу Екатерины; къ счастью для нея, она и не подозрѣвала существованія того противодѣйствія, которое готовила ея намѣреніямъ уклончивость любимаго внука.

Съ одной стороны, Александръ твердо рѣшился сохранить за отцомъ право наслѣдства, а съ другой—онъ жаждалъ только мира и спокойствія, стремился къ уединенной жизни и желалъ для себя лишь избавленія отъ предназначеннаго ему высокаго положенія, одна мысль о коемъ, какъ онъ выражался, приводила его въ содроганіе.

При тѣхъ взглядахъ, какими руководствовался Александръ въ эту эпоху, конечно, нельзя было быть участникомъ въ государственномъ переворотѣ.

Но, тѣмъ не менѣе, несмотря на существованіе подобныхъ взглядовъ, нельзя утверждать, что, если бы Провидѣніе продлило еще на нѣкоторое время жизнь Екатерины, намѣренія императрицы относительно отстраненія цесаревича отъ престола все-таки не осуществились бы въ желаемомъ ею смыслѣ. Подобное предположеніе можно основывать на

une fois aux pieds de votre majesté impériale les sentiments de ma plus vive reconnaissance que je prends la liberté d'être avec le respect le plus profond et l'attachement le plus inviolable

de votre majesté impériale le très humble et très soumis sujet et petit fils.

Alexandre.

[1] «Si je lui parle sérieusement, il y est, écoute et répond avec une égale complaisance; si je le fais jouer à colin-maillard, il s'y livre. En un mot, ce garçon là est la réunion de quantité de contradictions». Сборникъ П. Р. И. О., т. 23-й, стр. 498. (Изъ письма Екатерины къ Гримму отъ 18-го сентября 1790 года).

примѣрѣ, взятомъ изъ позднѣйшаго времени. Вѣроятно, въ моментъ рѣшительныхъ со стороны Екатерины дѣйствій разыгралось бы нѣчто, сходное съ положеніемъ, занятымъ Александромъ по отношенію къ затрудненіямъ, встрѣченнымъ имъ впослѣдствіи на жизненномъ поприщѣ, когда на сдѣланныя ему по поводу особыхъ обстоятельствъ заявленія онъ отвѣчалъ сначала молчаніемъ, вздохами, а кончилъ тѣмъ, что вынужденъ былъ условно на все согласиться. Поэтому и въ 1796 году обстоятельства могли поставить Александра именно въ трагическое положеніе быть вынужденнымъ дѣйствовать въ смыслѣ заявленія, сдѣланнаго императрицѣ въ письмѣ отъ 24-го сентября.

Въ то время, когда Екатерина вступила въ непосредственные переговоры съ Александромъ по дѣлу о престолонаслѣдіи, отъ нея осталось, однако, скрытымъ, что, въ довершеніе всѣхъ затрудненій, эти переговоры совпали со сближеніемъ великаго князя съ отцомъ. А. Я. Протасовъ съ успѣхомъ довершилъ дѣло, которому положилъ начало Лагарпъ; совершившееся сближеніе побудило даже Павла Петровича и Марію Ѳеодоровну благодарить Протасова, что онъ «возвратилъ имъ сына» [1]. Принимая во вниманіе это обстоятельство, можно даже предположить, что Александръ простеръ свое несочувствіе намѣреніямъ Екатерины до того, что сообщилъ о переговорахъ съ императрицею если не цесаревичу, то уже навѣрное матери, и съ ея вѣдома написалъ письмо отъ 24-го сентября. Объ этомъ свидѣтельствуетъ письмо Маріи Ѳеодоровны къ сыну, въ которомъ встрѣчаются слѣдующія строки: «Tenez-vous-en au nom de Dieu au plan arrêté, du courage et de la fermeté, mon enfant. Dieu n'abondonne jamais l'innocence et la vertu». Въ заключеніе прибавлены обычныя въ подобныхъ случаяхъ наставленія: «Brûlez mes billets, je brûle les vôtres» [2].

[1] «Ils m'ont tous deux remercié pour leur avoir rendu leur fils», писалъ А. Я. Протасовъ графу А. Р. Воронцову изъ Москвы 11-го ноября 1796 года. (Архивъ князя Воронцова, книга 15-я, стр. 91). Замѣтимъ здѣсь, что Протасовъ въ началѣ августа 1796 года разстался съ дворомъ и поѣхалъ въ пожалованныя ему деревни.

«Le père prend toujours plus d'ascendant sur les fils», замѣтилъ Протасовъ еще въ письмѣ отъ 24-го января 1796 года къ графу А. Р. Воронцову (стр. 72).

[2] «Je ne pourrai vous voir que ce soir tard; ainsi, mon enfant, dites par quelques mots ce qui vous arrive de nouveau. Tenez-vous-en au nom de Dieu au plan arrêté, du courage et de la fermeté, mon enfant. Dieu n'abandonne jamais l'innocence et la vertu Berthaume vous enverra ceci de chez lui, comme une lettre qui vous est arrivée de la Grävenitz, et vous, [répondez-moi en mettant sur le couvert de l'adresse, à madame de Grävenitz, et envoyez-la à Berthaume chez lui: brûlez mes billets, je brûle les vôtres».

Упомянутый въ этомъ письмѣ Бертомъ былъ довѣренный камердинеръ Маріи Ѳеодоровны. 9-го ноября 1796 года Бертомъ пожалованъ былъ императоромъ Павломъ въ камерфурьеры. Г-жа Гревеницъ, рожденная княжна Воронецкая, была прежде фрейлиной великой княгини. «Настоящее жестоко, но будущее внушаетъ мнѣ чрезвычайный ужасъ, потому

Всемилостивѣйшій Государь!

Облагодетельствованный тобою Великій Государь дерзаетъ облегчать предъ тобою благодареніемъ преисполненную душу свою. Пасть къ стопамъ твоимъ, и вручать судьбу свою твоему священному волѣ, уже Государь съ ободряющимъ сердце твое, по добродѣтельному сердцу твоему.

Совершенное изнеможеніе силъ моихъ разстроенное здоровье что несмотря на всѣ усилія отъ безпредѣльнаго усердія происходящіе Кончились, слабость Духа и свободы моего бытія противъ воли моей, и къ пущему сему сокрушенію моему воспрещаютъ усиливаться

по желанию опасаюсь что не в точную
въ полном ожидании Государя и
благотворителя моего упущениемъ
чего либо от важнаго для Государства
должностию мне въ таковомъ растроенномъ
и физическомъ и моральномъ положении
противу понимания пользу дела твоих,
и славу твою собственной пользе, и
честолюбию моему. не могу не предпочесть
первых и не прошу тебя! Великий
Государь! отдай душа моя Достойнейшим
которые бы лучше меня исполнили священ-
ную волю твою, ко благу общему а
тела уволь от всех дел, дабы я по-
правил здоровье, разделы воспоминания,

собравъ мысли устрою Голову, и укрепи Духъ
мой, вовремя съ какого либо полезного, посвя-
тить тебе все дни жизни моей да и
самую жизнь мою

Прости Государь державнейшей

что собою занимаю драгоценные часы твои
отечеству. Благоволение твое цены пре-
вышше всехъ благъ на свете ищу сохранить
оное, и чувствую что поправлю во уничтожении
не смотря на все усилия усердия и благо-
дарности удобив. угрожаютъ оное, причиняю
предъ тобою недостатки мои, и можно
тебе доставить мне необходимое успоко-
ение, сохрани мне благость твою,
увовь меня благоволениемъ да н

предъ Царьскимъ святиломъ, и въ уединеніи
моемъ предъ всемогущимъ Богомъ,
благодарностью преисполненная
душа моя, возхвалитъ и возвеличитъ
великодушіе, милосердіе, и все кроткія
знаки добродетели чувствительнаго
сердца твоего упадая къ священ=
=нымъ стопамъ твоимъ съ трудо
чашимъ благоговеніемъ до конца дней
моихъ пребуду

Всемилостивейшій Государь

Вашего Императорскаго Величества

3го декабря
1796го года
С. Петербургъ.

вернейшій подданный
Князь Платонъ Зубовъ

ПИСЬМО КНЯЗЯ ПЛАТОНА АЛЕКСАНДРОВИЧА ЗУБОВА КЪ ИМПЕРАТОРУ ПАВЛУ.

Но, какъ бы то ни было, одно только достовѣрно, что Александръ не сочувствовалъ планамъ Екатерины, и что мечты, занимавшія въ то время умъ великаго князя, увлекали его на совершенно иной путь, чѣмъ тотъ, который предначертала и готовила державная бабка своему любимцу. Одно лицо слышало отъ него по этому поводу слѣдующія достопамятныя слова: «Если вѣрно, что хотятъ посягнуть на права отца моего, то я сумѣю уклониться отъ такой несправедливости. Мы съ женою спасемся въ Америку, будемъ тамъ свободны и счастливы, и про насъ больше не услышатъ». Трогательное изліяніе молодой и чистой души!— замѣчаетъ авторъ тѣхъ же записокъ, приводя слова Александра [1].

Между тѣмъ Екатерина, увѣренная въ согласіи внука на новый порядокъ престолонаслѣдія, готовилась всенародно объявить свое рѣшеніе. Тайна изъ Зимняго дворца давно уже проникла въ общество, и не трудно было отгадать, кого Екатерина желала видѣть своимъ преемникомъ. «Проникали тайну Екатерины II», пишетъ современникъ, «желавшей отдѣлить отъ престола сына своего, котораго она лучше знала, нежели тѣ, которые его желали видѣть на ея мѣстѣ. Мысль ея была, описавъ всѣ качества настоящаго наслѣдника, отрѣшить его, а внуку своему Александру вручить кормило царства» [2]. Въ Петербургѣ начали распространяться слухи, что 24-го ноября, въ день тезоименитства императрицы, а по другимъ извѣстіямъ, 1-го января 1797 года, послѣдуютъ

что, если мужа моего постигнетъ несчастіе, то не онъ одинъ подвергнется ему, но и я вмѣстѣ съ нимъ», писала Марія Ѳеодоровна своему другу Плещееву и въ этихъ немногихъ словахъ обрисовала весь трагизмъ собственнаго положенія, какъ супруги и матери. Письмо къ Плещееву напечатано Е. С. Шумигорскимъ въ первомъ томѣ біографіи императрицы Маріи Ѳеодоровны, но, къ сожалѣнію, безъ французскаго текста его.

Не даромъ Марія Ѳеодоровна выражалась еще въ 1793 году объ Александрѣ: «C'est l'enfant de mon coeur, qui ne me laisse à désirer que la faveur du Ciel, de le conserver tel qu'il est». (Stark: Fürstliche Personen des Hauses Würtemberg.—Stuttgart. 1876. Приведено въ сочиненіи Д. Ѳ. Кобеко: Цесаревичъ Павелъ Петровичъ. Изданіе третье. С.-Петербургъ. 1887. Стр. 417). Надежды, возлагаемыя ею на сына, вполнѣ оправдались въ 1796 году.

1 «J'ai connu quelqu'un qui lui entendit prononcer ces paroles mémorables: «S'il était vrai qu'on voulût porter atteinte aux droits de mon père, je saurai me soustraire à cet acte d'injustice; je me sauverai avec ma femme en Amérique, nous y serons libres et heureux, et l'on n'entendra plus parler de nous». Touchante explosion d'une âme jeune et pure, que ne promettiez-vous pas pour le bonheur de la Russie». Mémoires de la comtesse Edling. Moscou. 1888, p. 35—36.

Отголосокъ тревожнаго состоянія духа великаго князя Александра въ эту эпоху можно найти въ письмѣ его къ Лагарпу, отъ 13-го октября 1796 года, въ которомъ онъ говоритъ: «Вспоминайте иногда о другѣ, который могъ бы быть счастливѣе. (Pensez quelquefois à un ami qui pourrait être plus heureux. Ne vous imaginez pas au reste que j'aie des vexations; je n'ai qu'à me louer surtout de mon père et de ma mère)».

2 Жизнь А. С. Пишчевича, стр. 216.

важныя перемѣны; ожидали манифеста о назначеніи великаго князя Александра Павловича наслѣдникомъ престола. Сохранилось преданіе, что бумаги по этому предмету были подписаны важнѣйшими государственными сановниками; называли: Безбородко, Суворова, Румянцова-Задунайскаго, Зубова, митрополита Гавріила и другихъ. О Павлѣ Петровичѣ говорили, что онъ будетъ удаленъ въ замокъ Лоде. Всѣ эти таинственныя бумаги исчезли, не оставивъ никакого слѣда. Толковали также о какой-то духовной императрицы, будто бы хранившейся и въ синодѣ, и въ сенатѣ; но если она дѣйствительно существовала, то и эта предосторожность не достигла цѣли. Случилось въ 1796 году то же, что и въ 1825 году, когда произнесены были въ государственномъ совѣтѣ слова: «les morts n'ont point de volonté».

Намѣренія великой государыни, преслѣдовавшей въ этомъ дѣлѣ одну цѣль—благо Россіи, не были приведены въ исполненіе. Провидѣніе разсудило иначе, и на имперію обрушились страшныя испытанія. Что же касается великаго князя Александра Павловича, то на этотъ разъ милостивая судьба избавила его отъ печальной необходимости выбирать между государственною пользою и сыновнимъ чувствомъ.

III.

Въ воскресенье, 2-го ноября, императрица Екатерина въ послѣдній разъ появилась на выходѣ. «Можно было бы сказать», пишетъ графиня В. Н. Головина, «что она вышла, чтобы проститься со своими подданными. (On eut dit qu'elle venait dire adieu à ses sujets). Всѣ были поражены впечатлѣніемъ, которое она произвела въ тотъ день». Послѣ обѣдни императрица довольно долго оставалась въ тронной залѣ, гдѣ г-жа Лебрэнъ выставила только что оконченный ею портретъ великой княгини Елисаветы во весь ростъ. Екатерина долго разсматривала этотъ портретъ и говорила о немъ съ лицами, приглашенными къ обѣду. Затѣмъ состоялся большой обѣдъ, какъ это было принято по воскресеньямъ. Среди приглашенныхъ находились великіе князья Александръ и Константинъ, а также и ихъ супруги. Тогда они въ послѣдній разъ увидѣли свою державную бабушку, такъ какъ вечеромъ получили приказаніе не являться къ ней. 3-го и 4-го ноября императрица не выходила изъ внутреннихъ апартаментовъ [1].

[1] 5-го (16-го) ноября 1796 года Ф. В. Ростопчинъ писалъ графу С. Р. Воронцову: «La santé va mal; on ne marche plus; on a l'esprit frappé d'un orage qui a eu lieu les derniers jours de septembre, événement singulier pour ce pays, et qui n'a eu lieu que

Утромъ 5-го (16-го) ноября, въ среду, великій князь Александръ Павловичъ по обыкновенію гулялъ по набережной и встрѣтилъ дорогою князя Константина Чарторижскаго. Близь дома, занимаемаго Чарторижскими, къ нимъ присоединился князь Адамъ, и они втроемъ бесѣдовали на улицѣ, когда явился скороходъ, сообщившій великому князю, что графъ Салтыковъ требуетъ его немедленно къ себѣ. Александръ поспѣшилъ въ Зимній дворецъ, ничего не подозрѣвая о причинѣ этого вызова. Оказалось, что императрица Екатерина была смертельно поражена апоплексическимъ ударомъ и находилась въ безчувственномъ состояніи. Произошло кровоизліяніе въ мозгъ. «Пришелъ конецъ всему, и ей, и нашему благополучію», сказалъ одинъ изъ очевидцевъ происшествія графинѣ Головиной. Къ счастію для Павла Петровича, императрица лишилась языка навсегда [1].

l'année de la mort de l'impératrice Elisabeth. On reste chez soi». Архивъ князя Воронцова, книга 8-я, стр. 155. Письмо это писано было утромъ того самого дня, когда смертельный ударъ внезапно постигъ Екатерину.

Въ 1789 году (27-го января) Екатерина сказала Храповицкому: «Я увѣрена, что, имѣя 60 лѣтъ, проживу еще двадцать съ нѣсколькими годами». Въ томъ же году Екатерина вторично возвратилась къ этой мысли и снова назвала ту же цифру. Храповицкій записалъ 22-го сентября 1789 года, въ день коронованія императрицы: «Поздравилъ съ праздникомъ, желая, чтобъ царствовали 60 лѣтъ. «Нѣтъ, буду безъ ума и памяти; проживу еще лѣтъ двадцать». (Дневникъ Храповицкаго, стр. 246 и 309). Надежды, возлагавшіяся Екатериною на свое долголѣтіе, не оправдались.

[1] По поводу событія 5-го ноября 1796 года А. Т. Болотовъ пишетъ: «Можетъ быть, все сіе случилось еще къ лучшему, и что Провидѣніе и Промыслъ Божескій восхотѣлъ оказать тѣмъ особливую ко всѣмъ россіянамъ милость, что устроилъ и расположилъ конецъ сей великой монархини точно симъ, а не инымъ образомъ. Ежели бъ имѣла она обыкновенное жизни своей окончаніе и не столь скоропостижное, а съ предшествовавшею напередъ и нѣсколько недѣль, или хотя дней, продолжающеюся болѣзнію, если бы пресѣченіе жизни не было столь дружное, а медлительное, съ употребленіемъ до самаго конца жизни всѣхъ чувствъ, всего разума, памяти и языка,—то почему знать?—можетъ быть, произошло бы что-нибудь, при семъ концѣ жизни, такое, что произвело бы въ государствѣ печальныя и бѣдственныя какія-нибудь послѣдствія, или бы какія несогласія и безпокойства, непріятныя всѣмъ россіянамъ. Носившаяся до того молва, якобы не намѣрена она была оставить престолъ свой своему сыну, а въ наслѣдники по себѣ назначала своего внука,—подавало поводъ многимъ опасаться, чтобъ чего-нибудь подобнаго при кончинѣ государыни не воспослѣдовало. И всѣ содрогались отъ одного и помышленія о томъ. Но судьба всѣ сіи сомнительства и опасенія вдругъ и единымъ разомъ разрушила и уничтожила, сдѣлавъ чрезъ скоропостижную и непредвидѣнную кончину императрицы то, что на престолъ ея вступилъ, безъ всякаго помѣшательства и оспаривания, законный и самый тотъ наслѣдникъ, который и по родству, и по закону, и по всѣмъ правамъ, долженъ быть таковымъ, и который къ сему еще отъ рожденія своего былъ назначенъ». А. Т. Болотовъ: «Памятникъ претекшихъ временъ или краткія историческія записки о бывшихъ происшествіяхъ и носившихся въ народѣ слухахъ». Москва. 1875, стр. 164.

*

Всѣ старанія докторовъ привести въ чувство императрицу оказались тщетными; комнатная прислуга не была въ силахъ поднять тѣло на кровать, и оно лежало въ спальной комнатѣ на полу на сафьянномъ матрасѣ.

Велико было смятеніе между довѣренными царедворцами; въ виду извѣстной имъ воли императрицы предстояло рѣшить вопросъ, какой принять образъ дѣйствій въ случаѣ наступленія непредвидѣнной случайности. Произошла минута колебанія. По словамъ Ф. В. Ростопчина, первый, который предложилъ и нашелъ нужнымъ увѣдомить цесаревича о случившемся, былъ графъ Алексѣй Григорьевичъ Орловъ-Чесменскій [1]. Рѣшено было отправить въ Гатчину брата князя Зубова, графа Николая Александровича Зубова.

Зная характеръ графа Н. И. Салтыкова, неудивительно, что онъ простеръ свойственную ему предусмотрительность до того, что не дозволилъ даже Александру Павловичу посѣтить и взглянуть на умиравшую императрицу. Онъ позволилъ ему пройти къ Екатеринѣ только въ пятомъ часу по полудни, разсчитывая, что приближается уже время возможнаго прибытія наслѣдника въ Петербургъ. Опасенія графа Салтыкова были напрасны. Великій князь Александръ Павловичъ былъ далекъ отъ мысли воспользоваться положеніемъ дѣлъ, чтобы учинить какое-либо дѣйство противъ правъ своего отца на престолъ. Напротивъ того, онъ призвалъ къ себѣ Ф. В. Ростопчина и, по возвращеніи изъ спальни императрицы, убѣдительно просилъ его ѣхать къ цесаревичу для скорѣйшаго извѣщенія о безнадежномъ положеніи императрицы, прибавивъ, какъ пишетъ Ростопчинъ, «что хотя графъ Николай Зубовъ и поѣхалъ въ Гатчину, но я лучше отъ его имени могу разсказать о семъ несчастномъ происшествіи» [2].

Не лишены также интереса записанные Болотовымъ слухи 1796 года по поводу вопроса о престолонаслѣдіи. Онъ пишетъ: «Слухи о несогласіи въ Петербургѣ: что великій князь Александръ Павловичъ формально и почти на колѣняхъ отъ наслѣдства отказался, и что императрица на него за то гнѣвается и назначаетъ въ наслѣдники Константина и для того его и женитъ. А Александръ сдѣлался любимцемъ цесаревича» (стр. 21).

Марта 11-го. «Молва, уже нѣсколько разъ до сего бывшая и всегда оказывавшаяся пустою и неосновательною, а именно, что императрица будетъ въ Москву, для сложенія своей короны и отданія оной наслѣднику, ею назначенному, возобновилась опять, около сего времени; но, по всѣмъ обстоятельствамъ, была такая же пустая и неосновательная, какъ и прежде. И Богу извѣстно, съ чего это люди брали и разглашали» (стр. 87).

[1] Въ состоявшемся тогда частномъ совѣщаніи нѣкоторыхъ сановниковъ принимали участіе: князь Зубовъ, графъ Зубовъ, графъ Безбородко, графъ Николай Ивановичъ Салтыковъ, генералъ-прокуроръ Самойловъ, графъ Орловъ-Чесменскій и митрополитъ Гавріилъ.

[2] Ф. В. Ростопчинъ: «Послѣдній день жизни императрицы Екатерины II и первый день царствованія императора Павла I-го». Архивъ князя Воронцова, книга 8-я, стр. 162.

Доѣхавъ домой на извозчикѣ, Ростопчинъ велѣлъ запрячь маленькія сани въ три лошади и черезъ часъ прискакалъ въ Софію. «Тогда уже было шесть часовъ по полудни», пишетъ Ростопчинъ.

Между тѣмъ какъ все это случилось въ Петербургѣ, цесаревичъ проводилъ въ Гатчинѣ день 5-го ноября обычнымъ образомъ. Утромъ въ 8 часовъ Павелъ Петровичъ катался въ саняхъ, затѣмъ въ половинѣ одиннадцатаго часа вышелъ на плацъ передъ дворцомъ, куда пришелъ баталіонъ его высочества, и прошелъ съ нимъ въ манежъ, гдѣ произведено было ученіе и вахтпарадъ. Въ первомъ часу ихъ высочества со свитою отправились на гатчинскую мельницу къ обѣденному столу.

Таинственное и чудесное играли роль въ жизни цесаревича, и онъ любилъ на этомъ останавливаться. Такъ случилось и въ достопамятный для Павла Петровича день 5-го ноября. «Предъ обѣдомъ, когда собрались дежурные и прочія особы, общество гатчинское составлявшія, великій князь и великая княгиня разсказывали Плещееву, Кушелеву, графу Віельгорскому и камергеру Бибикову, случившееся съ ними тою ночью. Наслѣдникъ чувствовалъ во снѣ, что нѣкая невидимая и сверхъестественная сила возносила его къ небу. Онъ часто отъ этого просыпался, потомъ засыпалъ и опять былъ разбуженъ повтореніемъ того же самаго сновидѣнія; наконецъ, примѣтивъ, что великая княгиня не почивала, сообщилъ ей о своемъ сновидѣніи и узналъ, къ взаимному ихъ удивленію, что и она то же самое видѣла во снѣ и тѣмъ же самымъ была нѣсколько разъ разбужена.

«По окончаніи обѣденнаго стола, когда наслѣдникъ со свитою возвращался въ Гатчино, а именно въ началѣ третьяго часа, прискакалъ къ нему навстрѣчу одинъ изъ его гусаровъ, съ донесеніемъ, что пріѣхалъ въ Гатчино шталмейстеръ графъ Зубовъ съ какимъ-то весьма важнымъ извѣстіемъ [1]. Наслѣдникъ приказалъ скорѣе ѣхать и не могъ никакъ вообразить себѣ истинной причины появленія графа Зубова въ Гатчинѣ. Останавливался болѣе онъ на той мысли, что, можетъ быть, король шведскій рѣшился требовать въ замужество великую княжну Александру Павловну, и что государыня его о томъ извѣщаетъ.

[1] Въ разсказахъ, записанныхъ со словъ генерала Котлубицкаго, между цесаревичемъ и прискакавшимъ гусаромъ, произошелъ слѣдующій разговоръ. Наслѣдникъ спросилъ его (гусары всѣ вообще были изъ малороссіянъ): «Що тамъ таке?» Посланный отвѣчалъ: «Зубовъ пріихавъ, ваше высочество».—«А богацько ихъ» (много ли ихъ)?—спросилъ Павелъ. Гусаръ, вѣроятно, часто слыша русскую пословицу: одинъ, какъ перстъ, и не понимая ея, отвѣчалъ: «одинъ, якъ песъ, ваше высочество».—«Ну, съ однимъ можно справиться»,—отвѣчалъ наслѣдникъ; потомъ снялъ шляпу и перекрестился. («Русскій Архивъ» 1866 года, стр. 1309).

«По пріѣздѣ наслѣдника въ гатчинскій дворецъ, графъ Зубовъ былъ позванъ къ нему въ кабинетъ и объявилъ о случившемся съ императрицею, разсказавъ всѣ подробности. Послѣ сего наслѣдникъ приказалъ наискорѣе запрячь лошадей въ карету и, сѣвъ въ оную съ супругою, отправился въ Петербургъ, а графъ Зубовъ поскакалъ напередъ въ Софію для заготовленія лошадей» [1].

Такъ пишетъ хорошо освѣдомленный Ф. В. Ростопчинъ. Но существуютъ и другіе разсказы, менѣе достовѣрные, нѣкоторые эпизоды изъ которыхъ заслуживаютъ, однако, вниманія. Къ числу таковыхъ относится разсказъ о томъ, что Павелъ Петровичъ, узнавъ о прибытіи въ Гатчину графа Зубова, обратился къ великой княгинѣ со словами: «Ma chère, nous sommes perdus». Онъ думалъ, что Зубовъ пріѣхалъ арестовать его и отвезти въ замокъ Лоде, о чемъ давно ходили слухи. Когда же онъ узналъ настоящую причину появленія его въ Гатчинѣ, цесаревичъ испыталъ страшное душевное потрясеніе; внезапный переходъ отъ страха къ противоположному чувству, къ удовлетворенію видѣть себя наконецъ самодержцемъ, подѣйствовалъ пагубнымъ образомъ на нервы и самый мозгъ цесаревича. «Словомъ былъ внѣ отъ печали или отъ радости—Богъ вѣсть»,—пишетъ современникъ. Кутайсовъ выразилъ впослѣдствіи Я. И. де-Санглену сожалѣніе, что не пустилъ великому князю немедленно кровь.

Въ Софіи цесаревичъ встрѣтилъ Ф. В. Ростопчина, посланнаго къ нему великимъ княземъ Александромъ.—«Ah, c'est vous, mon cher Rostopchin»,—сказалъ ему Павелъ Петровичъ и затѣмъ, разспросивъ подробно о происшествіи этого дня, приказалъ ему слѣдовать за собою. «J'aime à vous voir avec moi», прибавилъ наслѣдникъ. Ростопчинъ поскакалъ за каретою. Дорогою цесаревичъ безпрерывно встрѣчалъ посланныхъ изъ Петербурга разными лицами курьеровъ, которые составили предлинную свиту саней.

Ростопчинъ пишетъ: «Не было ни одной души изъ тѣхъ, кои, дѣйствительно или мнительно имѣя какія-либо сношенія съ окружавшими

[1] Ф. В. Ростопчинъ: «Послѣдній день», стр. 160—161.

Въ камерфурьерскомъ журналѣ сказано, что въ Гатчину прибыли: «нарочито присланные сперва офицеръ, а потомъ шталмейстеръ графъ Зубовъ, съ донесеніемъ его императорскому высочеству о случившейся внезапно ея императорскому величеству сильной болѣзни. Почему безъ малѣйшаго упущенія времени ихъ императорскія высочества соизволили изъ Гатчины отсутствовать въ С.-Петербургъ, ровно въ четыре часа по полудни».

Спрашивается: кто былъ офицеръ, прибывшій въ Гатчину даже ранѣе Зубова? По всей вѣроятности, это былъ гонецъ, посланный предусмотрительнымъ и вѣрнопреданнымъ графомъ Н. И. Салтыковымъ. Объ этомъ офицерѣ Ростопчинъ совершенно не упоминаетъ.

наслѣдника, не отправили бы нарочнаго въ Гатчину съ извѣстіемъ: между прочимъ, одинъ изъ придворныхъ поваровъ и рыбный подрядчикъ наняли курьера и послали. Проѣхавъ Чесменскій дворецъ, наслѣдникъ вышелъ изъ кареты. Я привлекъ его вниманіе на красоту ночи. Она была самая тихая и свѣтлая; холода было не болѣе 3°, луна то показывалась изъ-за облаковъ, то опять скрывалась. Стихіи, какъ бы въ ожиданіи важной перемѣны, пребывали въ молчаніи, и царствовала глубокая тишина. Говоря о погодѣ, я увидѣлъ, что наслѣдникъ устремилъ взглядъ свой на луну, и, при полномъ ея сіяніи, могъ я замѣтить, что глаза его наполнялись слезами, и даже текли слезы по лицу. Съ моей стороны, преисполненъ бывъ важности сего дня, преданъ будучи сердцемъ и душою тому, кто восходилъ на тронъ россійскій, любя отечество и представляя себѣ сильно всѣ послѣдствія, всю важность перваго шага, всякое онаго вліяніе на чувства преисполненнаго здоровьемъ, пылкостью и необычайнымъ воображеніемъ самовластнаго монарха, отвыкшаго владѣть собою, я не могъ воздержаться отъ повелительнаго движенія и, забывъ разстояніе между нимъ и мною, схватя его за руку, сказалъ: «Ah, monseigneur, quel moment pour vous». На это онъ отвѣчалъ, пожавъ крѣпко мою руку: «Attendez, mon cher, attendez. J'ai vécu quarante deux ans. Dieu m'a soutenu; peut-être donnera-t-il la force et la raison pour supporter l'état auquel il me destine. Espérons tout de Sa bonté».

Вечеромъ около девяти часовъ цесаревичъ съ великою княгинею Маріею Ѳеодоровною прибыли въ Зимній дворецъ, наполненный людьми всякаго званія, объятыми страхомъ и любопытствомъ и ожидавшими съ трепетомъ кончины Екатерины. У всѣхъ была дума на умѣ, какъ замѣчаетъ современникъ и очевидецъ, что теперь настанетъ пора, когда и подышать свободно не удастся [1]. Великіе князья Александръ и Константинъ встрѣтили родителя въ мундирахъ своихъ гатчинскихъ баталіоновъ. По словамъ Ростопчина, «пріемъ, ему сдѣланный, былъ уже въ лицѣ государя, а не наслѣдника». Хотя Екатерина еще дышала, но уже чувствовалась близость новой злополучной эры!

Цесаревичъ тотчасъ посѣтилъ умиравшую императрицу. Камеръ-фурьерскій журналъ впадаетъ по этому случаю въ несвойственный ему лиризмъ, и мы читаемъ: «Очи высочайшихъ особъ видѣли наипоразительнѣйшее зрѣлище. Его императорское высочество свою мать нашелъ въ страданіи болѣзни, лишенную всѣхъ чувствъ. Кого сіе не тронетъ? Сыновняя горячность и чувствительность не возмогла вынести сей болѣзненной скорби, возродила чувства, темныя сѣтованія, ихъ высочества пали предъ лицемъ ея, лобызали руки! Трогательно сіе поражало

[1] Записки Александра Михайловича Тургенева.

чувства у всѣхъ окружающихъ. Кто возможетъ объяснить горестное соболѣзнованіе его императорскаго высочества и ея императорскаго высочества о грозящей потери толь драгоцѣнной для ихъ особы».

Ростопчинъ объ этой раздирающей сценѣ ничего не говоритъ, а пишетъ только: «Поговоря нѣсколько съ медиками и разспрося о всѣхъ подробностяхъ происшедшаго, онъ пошелъ съ супругою въ угольный кабинетъ и туда призывалъ тѣхъ, съ коими хотѣлъ разговаривать, или коимъ что-либо приказывалъ».

Ихъ высочества всю ночь провели безвыходно во внутреннихъ покояхъ императрицы.

И такъ, цесаревичъ не призналъ для себя предосудительнымъ расположиться въ угольномъ кабинетѣ, прилегавшемъ къ спальнѣ Екатерины, такъ что всѣ, кого онъ призывалъ къ себѣ, должны были проходить, направляясь въ кабинетъ и обратно, мимо тѣла еще дышавшей императрицы. Графиня Головина, рѣзко осуждая въ своихъ запискахъ подобное неуваженіе цесаревича къ особѣ государыни и матери, взволновавшее всѣхъ, пишетъ: «Cette profanation de la majesté souveraine, cette irréligion qui en aurait été une à l'égard du dernier des humains, choqua tout le monde».

Въ этомъ же угольномъ кабинетѣ цесаревичъ принималъ Аракчеева, прискакавшаго, по его приказанію, вслѣдъ за нимъ изъ Гатчины. «Смотри, Алексѣй Андреевичъ», сказалъ ему Павелъ, «служи мнѣ вѣрно, какъ и прежде». Затѣмъ, призвавъ великаго князя Александра Павловича и, послѣ лестнаго отзыва объ Аракчеевѣ, сложивъ ихъ руки, онъ прибавилъ: «Будьте друзьями и помогайте мнѣ». Александръ, видя воротникъ Аракчеева забрызганнымъ грязью отъ скорой ѣзды и узнавъ, что онъ выѣхалъ изъ Гатчины въ одномъ мундирѣ, не имѣя съ собою никакихъ вещей, повелъ его къ себѣ и далъ ему собственную рубашку [1].

Впослѣдствіи Аракчеевъ разсказывалъ, что Павелъ Петровичъ поручилъ ему имѣть надъ Александромъ наблюденіе, какъ за бабушкинымъ баловнемъ, дабы доносить ему обо всемъ; вмѣстѣ съ тѣмъ Алексѣй Андреевичъ утверждалъ, что онъ при семъ случаѣ докладывалъ, чтобы государь избралъ для этого дѣла кого-нибудь другого, онъ же для такого дѣла признаетъ себя неспособнымъ и не можетъ быть орудіемъ несогласія между отцомъ и сыномъ [2]. Но какъ бы то ни было, съ этого рокового часа грубая и тусклая фигура Аракчеева получаетъ историче-

[1] Эта рубашка хранилась Аракчеевымъ въ Грузинѣ, какъ святыня, въ сафьянномъ футлярѣ, и въ ней, согласно завѣщанію Алексѣя Андреевича, черезъ 38 лѣтъ по полученіи этого дара, онъ былъ похороненъ.

[2] «Историческій Вѣстникъ» 1894 года: «Разсказы графа А. А. Аракчеева П. Р. Мартосу».

Всемилостивейший Государь

Ваше Императорское Величество с высокоторжественным днем Рождения всеподданнейше поздравляю.

Сего числа приехал ко мне Коллежской Советник Николев. Великий Монарх. сжальтесь: умилосердитесь над бедным Стариком! простите ежели в чем согрешил

Повергая себя к Освященнейшим Стопам

Вашего Императорского Величества

Ч: 20.го Сентября 1797. Году
Боровичския деревни.

Всеподданнейший
Гр. А. Суворов-Рымникской

ПИСЬМО СУВОРОВА КЪ ИМПЕРАТОРУ ПАВЛУ.

ское значеніе и навсегда заслоняетъ собою свѣтлую личность Александра.

Между тѣмъ толпа въ пріемныхъ Зимняго дворца увеличивалась все болѣе и болѣе. Начали появляться гатчинцы въ своихъ уродливыхъ мундирахъ; они бѣгали, суетились и толкали придворныхъ, которые спрашивали себя съ удивленіемъ, что это за остроготы (ostrogots), для которыхъ вдругъ широко раскрывались двери во внутренніе покои, тогда какъ прежде ихъ не видывали даже въ переднихъ [1].

На разсвѣтѣ 6-го ноября, цесаревичъ вошелъ въ спальню императрицы и спросилъ докторовъ, имѣютъ ли они надежду; получивъ отъ нихъ отрицательный отвѣтъ, Павелъ Петровичъ почувствовалъ себя наконецъ самодержцемъ [2]. Императрица еще дышала, а между тѣмъ началась уже расправа за 1762 годъ; оберъ-гофмаршалу князю Барятинскому велѣно было ѣхать домой, а должность его была поручена графу Николаю Петровичу Шереметеву. Ростопчину цесаревичъ сказалъ: «Знай, что я назначаю тебя генералъ-адъютантомъ, но не такимъ, чтобы гулять только по дворцу съ тростью, а для того, чтобы ты правилъ военною частію». «Потомъ», какъ пишетъ Ростопчинъ, «съ четверть часа онъ разговаривалъ съ камеръ-пажемъ Нелидовымъ, вѣроятно, о теткѣ его Катеринѣ Ивановнѣ, которая столь важную роль играла до восшествія императора Павла на престолъ; она уже восемь мѣсяцевъ жила въ Смольномъ монастырѣ, поссорившись съ великою княгинею въ Гатчинѣ».

Ростопчинъ воспользовался милостивымъ расположеніемъ къ нему цесаревича, чтобы замолвить доброе слово о графѣ Безбородко. Павелъ

[1] «Mémoires de la comtesse Golovine». Въ тѣхъ же запискахъ сказано, что, когда великая княгиня Елисавета Алексѣевна впервые увидѣла въ Зимнемъ дворцѣ великихъ князей въ уродливыхъ гатчинскихъ мундирахъ, она разразилась слезами; ей показалось, что она изъ тихаго, радостнаго убѣжища была внезапно перенесена въ настоящій смирительный домъ (maison de force). Предчувствіе великой княгини ея не обмануло; вскорѣ вся Россія преобразилась въ смирительный домъ, и это послѣ царствованія, которое, по выраженію современника, отличалось снисходительностью ко всему, что не было прямымъ преступленіемъ.

[2] Ростопчинъ пишетъ, что послѣ разспроса докторовъ, утромъ 6-го ноября, цесаревичъ «приказалъ позвать преосвященнаго Гавріила съ духовенствомъ читать глухую исповѣдь и причастить императрицу святыхъ таинъ, что и было исполнено».

Въ камерфурьерскомъ журналѣ встрѣчается совершенно другое указаніе; въ немъ говорится, что 5-го ноября, еще до прибытія цесаревича, въ двѣнадцатомъ часу, «ея величество отъ духовника исповѣдана, а потомъ пріобщена святыхъ таинъ, и послѣ преосвященнымъ Гавріиломъ, митрополитомъ новгородскимъ и с.-петербургскимъ, съ членами синода и прочимъ знатнымъ духовенствомъ, особорована святымъ іелеемъ». 6-го же ноября сказано только, что «митрополитомъ отправлено Всевышнему богомоліе и канонъ при исходѣ души».

Петровичъ повелѣлъ передать ему, что, не имѣя противъ него неудовольствія, проситъ его забыть все прошедшее и что онъ разсчитываетъ на его усердіе, зная дарованія и способности его къ дѣламъ. Затѣмъ, призвавъ къ себѣ Безбородко, приказалъ ему заготовить указъ о восшествіи на престолъ и послѣ неоднократнаго разговора съ нимъ сказалъ Ростопчину: «Этотъ человѣкъ для меня даръ Божій; спасибо тебѣ, что ты меня съ нимъ помирилъ».

Вѣроятно, при посредствѣ графа Безбородко, посвященнаго Екатериною въ дѣло объ отстраненіи Павла Петровича отъ престола, всѣ таинственныя бумаги, касавшіяся этого переворота, перешли 6-го ноября въ руки наслѣдника и были сожжены. Все это совершилось еще до кончины императрицы [1]. По нѣкоторымъ свѣдѣніямъ, князь Зубовъ игралъ также роль при передачѣ этихъ бумагъ цесаревичу, указавъ мѣсто, гдѣ онѣ хранились. Во всякомъ случаѣ вполнѣ достовѣрно, что еще при жизни Екатерины цесаревичъ приказалъ собрать и запечатать бумаги, находившіяся въ кабинетѣ, и, какъ отмѣчено въ камерфурьерскомъ журналѣ, «самъ начавъ собирать оныя прежде всѣхъ».

Между тѣмъ крѣпкій организмъ Екатерины продолжалъ бороться со смертью; замѣчались еще признаки жизни, но ежеминутно приходилось ожидать ея кончины. «Болѣзнь ея величества не оставляла нисколько», повѣствуетъ камерфурьерскій журналъ, «страданіе продолжалось безпрерывно: воздыханіе утробы, хрипѣніе, по временамъ изверженіе изъ гортани темной мокроты, не открывая очей печали, почти внѣ чувствъ, что рождало во всѣхъ уныніе, и отъ господъ медиковъ надежды къ возвращенію здоровья было не видно; все оное, очевидно, представляло невозвратимую потерю... По прошествіи времени полудня до пяти часовъ, болѣзнь ея величества не уменьшалась нимало, сіе предвѣщало близкую кончину, почему преосвященнымъ Гавріиломъ митрополитомъ отправлено всевышнему богомоліе и канонъ при исходѣ души. Но кто минуетъ неизбѣжность смерти по сей невременности? И наша благочестивѣйшая великая государыня императрица Екатерина Алексѣевна, самодержица Всероссійская, бывъ объята страданіемъ вышеписанной болѣзни, черезъ продолженіе 36-ти часовъ, безъ всякой перемѣны, имѣя отъ рожденія 67 лѣтъ 6 мѣсяцевъ и 15 дней, наконецъ, 6-го (17-го) ноября въ четвертокъ, по полудни, въ три четверти десятаго

[1] Существуетъ преданіе, что, когда Павелъ съ графомъ Безбородко совмѣстно разбирали бумаги Екатерины, графъ указалъ цесаревичу на пакетъ, перевязанный черною лентою. Павелъ вопросительно взглянулъ на Безбородко, который молча указалъ на топившійся каминъ. Этимъ объясняется отчасти источникъ тѣхъ щедрыхъ наградъ, которыя посыпались вскорѣ на графа Безбородко.

часа, къ сѣтованію всея Россіи, въ сей временной жизни скончалась» [1]. Среди присутствовавшихъ въ комнатѣ раздались «вопль, плачъ и сѣтованіе, которое и окончилось отданіемъ послѣдняго долга, цѣлованіемъ всемилостивѣйшей матери вселюбезнѣйшимъ ея сыномъ, государемъ наслѣдникомъ, его супругою и дѣтьми его. Потомъ находящіяся въ опочивальной знатныя особы, вице-канцлеръ графъ Остерманъ, графъ Безбородко оберъ-гофмейстеръ, графъ Самойловъ генералъ-прокуроръ, потомъ также и по командѣ служащія у покойной государыни камеръ-юнгферы, дѣвицы и камердинеры приносили его императорскому высочеству государю наслѣднику великому князю Павлу Петровичу и его супругѣ всеподданническое поздравленіе съ принятіемъ императорскаго сана».

Послѣ столь продолжительной агоніи, исказившей черты лица Екатерины, смерть возвратила имъ ихъ обычный видъ. По свидѣтельству Ростопчина, «пріятность и величество возвратились опять въ черты лица ея и представили еще царицу, которая славою своего царствованія наполнила всю вселенную.—Слезы и рыданія не простирались далѣе той комнаты, въ которой лежало тѣло государыни. Прочія наполнены были людьми знатными и чиновными, которые во всѣхъ происшествіяхъ, и счастливыхъ, и несчастныхъ, заняты единственно сами собой, а сія минута для нихъ всѣхъ была тѣмъ, что страшный судъ для грѣшныхъ. Графъ Самойловъ, вышедши въ дежурную комнату, натурально съ глупымъ и важнымъ лицомъ, которое онъ тщетно вынуждалъ изъявлять сожалѣніе, сказалъ: «Милостивые государи! императрица Екатерина скончалась, а государь Павелъ Петровичъ изволилъ взойти на всероссійскій престолъ». Тутъ нѣкоторые бросились обнимать Самойлова и всѣхъ предстоящихъ, поздравляя съ императоромъ... Такимъ образомъ кончился послѣдній день жизни императрицы Екатерины. Сколь ни велики были ея дѣла, а смерть ея слабо дѣйствовала надъ чувствами людей [2].

[1] Массонъ сообщаетъ одну подробность кончины Екатерины, которая не встрѣчается въ разсказахъ другихъ современниковъ. Онъ пишетъ: «Vers les dix heures du soir, elle parut se ranimer tout à coup, et commença à râler horriblement... Enfin Catherine poussa un cri lamentable, qui fut entendu dans les appartements voisins, et rendit le dernier soupir après une agonie de trente-sept heures. Pendant ce temps, elle ne donna aucun signe de souffrance, qu'un instant avant d'expirer; et sa mort parut aussi heureuse que son règne l'avait été». (Mémoires secrets, t. 1, p. 68). Если этотъ крикъ дѣйствительно послѣдовалъ, то въ немъ отразилось проклятіе злого дѣла 1741 года, со всѣми его трагическими послѣдствіями, коснувшимися Екатерины болѣе, чѣмъ всѣхъ ближайшихъ преемниковъ несчастно-рожденнаго Іоанна III. Наступила минута неизбѣжнаго конечнаго расчета за попранное право, за совершенное насиліе. Опустившаяся на мгновеніе занавѣсь снова поднялась, и передъ изумленными зрителями началъ разыгрываться послѣдній, заключительный актъ потрясающей трагедіи.

[2] Слова Ростопчина могутъ быть отнесены, конечно, только къ нѣкоторой части лицъ собравшихся 6-го ноября въ Зимнемъ дворцѣ.

Казалось, все было въ положеніи путешественника, сбившагося съ дороги, но всякой надѣялся попасть на нее скоро. Всѣ, любя перемѣну, думали найти въ ней выгоды, и всякой, закрывъ глаза и зажавъ уши, пускался безъ души разыгрывать снова безумную лотерею безумнаго счастія».

А. С. Шишковъ посвятилъ Екатеринѣ въ своихъ запискахъ слѣдующія строки:

«Россійское солнце погасло! Екатерина великая—тѣломъ во гробѣ, душою въ небесахъ! Павелъ Первый воцарился. Никто не ожидалъ сей внезапной перемѣны. Кроткое и славное Екатеринино царствованіе, тридцать четыре года продолжавшееся, такъ всѣхъ усыпило, что, казалось, оно, какъ бы какому благому и безсмертному божеству порученное, никогда не кончится. Страшная вѣсть о смерти ея, не предупрежденная никакою угрожающею опасностью, вдругъ разнеслася и поразила сперва столицу, а потомъ и всю обширную Россію» [1].

Кончина Екатерины произвела большое впечатлѣніе на народъ. «Гласъ народа—гласъ Божій. По смерти Екатерины народу «жить похужѣло», хотя и при ней у этого народа, по его же свидѣтельству, «босоты да наготы изнавѣшаны шесты, а холоду да голоду амбары стоятъ»; по смерти Екатерины «всему царству почежелѣло», такъ какъ съ нею закончился періодъ государственныхъ реформъ, закончился надолго, вплоть до императора Александра II, продолжавшаго славный трудъ Петра I и Екатерины II» [2].

Наступилъ краткій, но незабвенный по жестокости періодъ четырехлѣтняго царствованія императора Павла.

---

[1] Записки, мнѣнія и переписка адмирала А. С. Шишкова.—Берлинъ. 1870, т. 1-й, стр. 9. Очевидецъ Массонъ пишетъ: «Les principaux habitants de la ville étaient dans un muet effroi. La crainte et la haine générale qu'avait inspirée le grand duc semblaient réveiller en ce moment l'amour et les regrets qu'on devait à Catherine». Mémoires secrets, t. 1, p. 71. Саблуковъ, служившій въ то время въ конной гвардіи, пишетъ: «Нѣтъ словъ, чтобы описать скорбь, испытанную и выраженную каждымъ офицеромъ и рядовымъ конной гвардіи при прочтеніи намъ манифеста. Весь полкъ буквально былъ въ слезахъ; многіе рыдали, словно лишились ближайшаго родственника или лучшаго друга. Мнѣ говорили, что то же самое происходило во всѣхъ прочихъ полкахъ, и что подобнымъ образомъ выразилась всеобщая печаль и въ приходскихъ церквахъ». «Русскій Архивъ» 1869 года, стр. 1885. (Изъ записокъ Н. А. Саблукова). «Отжили мы добрые дни.—Кому дадутъ покой?»—говорили въ народѣ, когда распространилась вѣсть о кончинѣ Екатерины. Народное предчувствіе не обмануло́сь.

[2] В. А. Бильбасовъ: Памяти императрицы Екатерины II. «Русская Старина» 1896 года, т. 83-й, стр. 280.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

I.

Не теряя ни одной минуты, императоръ Павелъ, призвавъ къ себѣ митрополита Гавріила, объявилъ ему о кончинѣ императрицы Екатерины и повелѣлъ, чтобы въ церкви было все приготовлено къ принесенію присяги. Въ это время императрица Марія Ѳеодоровна дѣятельно и съ полнымъ присутствіемъ духа (une grande liberté d'esprit), какъ пишетъ графиня Головина, занялась одѣваніемъ усопшей государыни и уборкой ея комнаты. Тѣло было положено на кровать, поставленную посреди комнаты, и покрыто золотымъ глазетомъ; затѣмъ началось чтеніе Святаго Евангелія.

Выходъ послѣдовалъ въ четверть двѣнадцатаго часа въ собраніе, гдѣ находились всѣ чины государства, которые приносили всеподданническое поздравленіе ихъ величествамъ, послѣ чего шествіе направилось въ придворную церковь. Здѣсь, по повелѣнію государя, генералъ-прокуроръ графъ Самойловъ прочелъ манифестъ о кончинѣ императрицы Екатерины и о вступленіи на наслѣдственный прародительскій престолъ императора Павла Петровича. «Наслѣдникомъ объявленъ былъ государь цесаревичъ великій князь Александръ Павловичъ» [1]. По прочтеніи

[1] См. въ приложеніяхъ манифестъ о вступленіи на престолъ императора Павла I. Въ немъ, подобно тому, какъ въ манифестѣ при воцареніи Петра III, ничего не упомянуто о наслѣдникѣ, но въ клятвенномъ обѣщаніи сказано было: «Обѣщаюсь и клянусь Всемогущимъ Богомъ предъ Святымъ Его Евангеліемъ въ томъ, что хощу и долженъ его императорскому величеству.... и его императорскаго величества любезнѣйшему сыну государю цесаревичу и великому князю Александру Павловичу, законному всероссійскаго престола наслѣднику, вѣрно и нелицемѣрно служить».

манифеста началась присяга, къ которой первая приступила императрица Марія Θеодоровна; поцѣловавъ крестъ и Святое Евангеліе, она «пришла на свое императорское мѣсто, нѣжно обнявъ вселюбезнѣйшаго своего супруга и государя, облобызавъ его три раза, цѣлуя въ уста и очи; потомъ чинили оную по порядку государь наслѣдникъ съ его супругою, великій князь Константинъ Павловичъ съ его супругою, великія княжны Александра Павловна, Елена Павловна, Марія Павловна и Екатерина Павловна; отъ присяги къ государю императору подходили ихъ высочества съ колѣнопреклоненіемъ и лобызали десницу вселюбезнѣйшаго своего родителя; потомъ преосвященный Гавріилъ и все духовенство и всѣ предстоящія знатныя особы, находившіяся въ то время въ церкви, чинили присягу» [1].

Послѣ провозглашенія многолѣтія императору Павлу Петровичу все духовенство приносило поздравленіе съ восшествіемъ на престолъ и было жаловано къ рукѣ. Церемонія окончилась только въ два часа по полуночи, а затѣмъ ихъ величества прослѣдовали къ тѣлу покойной государыни, гдѣ отслужена была митрополитомъ Гавріиломъ панихида.

Возвратившись въ собственные покои, императоръ, пока раздѣвался, призвалъ къ себѣ Ростопчина и сказалъ: «Ты усталъ, и мнѣ совѣстно; но потрудись, пожалуйста, съѣзди съ Архаровымъ къ графу Орлову и приведи его къ присягѣ. Его не было во дворцѣ, а я не хочу, чтобы онъ забывалъ 28-е іюня. Завтра скажи мнѣ, какъ у васъ дѣло сдѣлается».

Въ этихъ немногихъ словахъ, сказанныхъ Ростопчину, открывался основной мотивъ новаго царствованія: возмездіе за 1762 годъ. Ничто не было забыто, и съ каждымъ днемъ тяжелыя воспоминанія давно забытыхъ темныхъ дѣлъ умышленно выводились на свѣтъ Божій, причемъ сынъ являлся какъ бы судьею отношеній, существовавшихъ между его отцомъ и матерью.

Ростопчинъ вмѣстѣ съ Николаемъ Петровичемъ Архаровымъ отправились на Васильевскій островъ, гдѣ жилъ графъ А. Г. Орловъ. Онъ былъ уже нездоровъ, когда находился во дворцѣ въ печальный день 5-го ноября, и, не имѣя силъ оставаться въ немъ долѣе, поѣхалъ домой черезъ нѣсколько часовъ по пріѣздѣ наслѣдника изъ Гатчины и легъ въ постель. Разбудили старика; онъ всталъ и, узнавъ о кончинѣ императрицы, поднялъ вверхъ глаза, наполненные слезъ, и сказалъ: «Господи! Помяни ее въ царствіи Твоемъ! Вѣчная ей память!» Потомъ, продолжая плакать, пишетъ Ростопчинъ, «онъ говорилъ съ огорченіемъ насчетъ того, какъ могъ государь усомниться въ его вѣрности; говорилъ, что, служа матери его и отечеству, онъ служилъ и наслѣднику престола, и

[1] «Камерфурьерскій журналъ» 1796 года.

что ему, какъ императору, присягаетъ съ тѣмъ же чувствомъ, какъ присягалъ и наслѣднику императрицы Екатерины. Все это онъ заключилъ предложеніемъ итти въ церковь. Архаровъ тотчасъ показалъ на это свою готовность, но я, взявъ уже тогда на себя первое дѣйствующее лице, просилъ графа, чтобы онъ въ церковь не ходилъ, а что я привезъ присягу, къ которой рукоприкладства его достаточно будетъ.

«Нѣтъ, милостивый государь»,—отвѣчалъ мнѣ графъ:—«я буду и хочу присягать государю предъ образомъ Божіимъ». И, снявъ самъ образъ со стѣны, держа зажженную свѣчу въ рукѣ, читалъ твердымъ голосомъ присягу и, по окончаніи, приложилъ къ ней руку; а за симъ, поклонясь ему, мы оба пошли вонъ».

Не смотря на трудное положеніе графа Орлова, говоритъ въ заключеніе Ростопчинъ, «я не примѣтилъ въ немъ ни малѣйшаго движенія трусости или подлости».

Въ эту же ночь, когда присягалъ графъ Орловъ, князь Петръ Михайловичъ Волконскій встрѣтилъ у воротъ Зимняго дворца наслѣдника, который въ сопровожденіи Аракчеева, Капцевича и Апрѣлева разставлялъ новыя пестрыя будки и часовыхъ [1]. Начались занятія «по-нашему, по-гатчински», но уже не въ видѣ пріятнаго развлеченія; вскорѣ императоръ поручилъ «бабушкину баловню» столько дѣла, что тотъ не имѣлъ почти минуты покоя. Но, къ несчастью, дѣла были такого рода, что Александру приходилось терять все время на исполненіе обязанностей унтеръ-офицера (des devoirs de bas-officiers), и въ такихъ именно выраженіяхъ онъ оцѣнилъ свою дѣятельность, начавшуюся для него съ наступленіемъ царствованія императора Павла [2].

На другое утро, 7-го ноября, императоръ началъ обычное гатчинское препровожденіе времени, перенесенное теперь въ Петербургъ. Въ девятомъ часу Павелъ Петровичъ совершилъ первый верховой выѣздъ по городу въ сопровожденіи цесаревича Александра Павловича, а затѣмъ, въ одиннадцатомъ, присутствовалъ при первомъ вахтъ-парадѣ или разводѣ [3]. Съ этого дня вахтъ-парадъ пріобрѣлъ значеніе важнаго

[1] Разсказы свѣтлѣйшаго князя П. М. Волконскаго, записанные съ его словъ А. В. Висковатовымъ. «Русская Старина» 1876 года, т. 16-й, стр. 179.

[2] Письмо великаго князя Александра Павловича къ Лагарпу отъ 27-го сентября 1797 года изъ Гатчины. («Государственный Архивъ». Разрядъ V. № 190).

[3] Вотъ какъ Массонъ рисуетъ начавшіеся ежедневно вахтъ-парады: «C'est là qu'en simple uniforme verd foncé, en grosses bottes, en grand chapeau, il passe les matinées à exercer la garde: c'est là qu'il donne ses ordres, qu'il reçoit les rapports, qu'il publie les grâces, les récompenses et les punitions, et que tout officier doit lui être présenté. Entouré de ses fils et de ses aides de camp, trépignant pour se rechauffer, la tête nue et chauve, le nez au vent, une main derrière le dos, et de l'autre levant et baissant sa canne en mesure, et criant raz, dwa; raz, dwa; un, deux; un, deux, il met sa

государственнаго дѣла и сдѣлался на многіе годы непремѣннымъ ежедневнымъ занятіемъ русскихъ самодержцевъ. По свидѣтельству очевидца, Саблукова: «Явились новыя лица, новые сановники. И какъ они были одѣты, о Боже! Несмотря на все наше горе по случаю кончины императрицы, мы отъ смѣха держались за бока при видѣ этого маскарада. Великіе князья Александръ и Константинъ явились въ своихъ новыхъ мундирахъ; они напоминали собою старые портреты нѣмецкихъ офицеровъ, вышедшихъ изъ своихъ рамокъ» [1].

Начиная съ перваго дня царствованія Павла Петровича, государь ежедневно отдавалъ при паролѣ наслѣднику приказы, содержаніе которыхъ причиняло многимъ нечаянныя радости, но еще чаще незаслуженную печаль. Приказы подписывались цесаревичемъ и скрѣплялись Аракчеевымъ; такой порядокъ продолжался до отъѣзда двора на коронацію въ мартѣ мѣсяцѣ 1797 года.

Отнынѣ «гатчинскій капралъ», по отзыву Ростопчина, взялся смирить высокомѣріе Екатерининскихъ вельможъ. При первомъ же разводѣ грубые пріемы его обнаружились въ полномъ блескѣ; гвардейцамъ ранѣе прочихъ пришлось ознакомиться со всѣми прелестями его цвѣтистой рѣчи, услышавъ изъ устъ его поощреніе, выраженное гнусливымъ голосомъ въ грозныхъ словахъ: «что же вы, ракаліи, не маршируете! Впередъ, маршъ!». Недоразумѣніе произошло отъ ожиданія команды «ступай», замѣненной, согласно гатчинскому уставу, иностраннымъ словомъ «маршъ», пока еще чуждымъ слуху екатерининскихъ солдатъ.

Съ какими чувствами Аракчеевъ относился къ екатерининскимъ преданіямъ, можно судить по слѣдующему случаю, происшедшему во время инспектированія имъ, по порученію императора Павла, Екатеринославскаго полка: Аракчеевъ назвалъ знамена этого полка, прославившагося въ войнахъ прошлаго царствованія, екатерининскими юбками!!! Легко себѣ представить, съ какимъ негодованіемъ должны были слушать офицеры вѣка Екатерины подобныя оскорбительныя изреченія, произнесенныя громогласно человѣкомъ, не бывавшимъ никогда на войнѣ и заявившимъ свою неустрашимость и усердіе единственно на плацпарадахъ.

Первый высочайшій приказъ, отданный при паролѣ его императорскому высочеству Александру Павловичу 7-го ноября, состоялъ изъ слѣдующихъ десяти статей:

gloire à braver sans fourrure quinze ou vingt degrés de froid. Bientôt le militaire n'osa plus se montrer en pelisses; et les vieux généraux tourmentés par la toux, la goutte et les rhumatismes, furent obligés de faire cercle autour de Paul, habillés comme lui». (Masson: Mémoires secrets. T. I, p. 197).

[1] Sabloukoff: «La mort de Paul I».—«Revue moderne» 1865, p. 528.

«1-е. Пароль Полтава.

«2-е. Его императорское величество императоръ Павелъ принимаетъ на себя шефа и полковника всѣхъ гвардіи полковъ.

«3-е. Его императорское высочество великій князь Александръ Павловичъ въ Семеновскій полкъ полковникомъ.

«4-е. Его императорское высочество великій князь Константинъ Павловичъ въ Измайловскій полкъ полковникомъ.

«5-е. Его императорское высочество великій князь Николай Павловичъ въ конную гвардію полковникомъ.

«6-е. Полковникъ Аракчеевъ комендантомъ въ городѣ.

«7-е. Адъютанты при его императорскомъ величествѣ императорѣ Павлѣ Петровичѣ назначаются: генералъ-майоръ Плещеевъ, генералъ-майоръ Шуваловъ, бригадиръ Ростопчинъ, полковникъ Кушелевъ, майоръ Котлубицкой и камеръ-пажъ Нелидовъ, который и жалуется въ майоры.

«8-е. Полковникъ Аракчеевъ въ Преображенскій полкъ штабомъ.

«9-е. Подполковнику Кологривову быть въ эскадронѣ гусаръ, какъ въ лейбъ, такъ и въ его полку и казаками, что и будетъ составлять полкъ, прочее-жъ поступать по уставу.

«10-е. Господамъ генераламъ другого мундира не носить, кромѣ того корпуса, которому принадлежатъ; вообще, чтобъ офицеры не носили ни въ какомъ случаѣ иного одѣянія, какъ мундиры».

Вотъ буквально содержаніе перваго приказа, могущаго служить образцомъ и для всѣхъ послѣдовавшихъ за нимъ повелѣній.

8-го ноября, графъ Н. И. Салтыковъ пожалованъ былъ фельдмаршаломъ; бригадиръ Ростопчинъ, полковники Кушелевъ, Аракчеевъ и Обольяниновъ въ генералъ-маіоры, подполковникъ Кологривовъ въ полковники. Повелѣно было также въ этотъ день, «чтобы всѣ отпускные гвардіи офицеры непремѣнно явились въ свои полки въ срокъ по узаконенію. Всѣ офицеры, не исправляющіе должности, такъ какъ камергеры, камеръюнкеры, выключаются изъ полковъ вонъ».

9-го ноября, генералъ князь Репнинъ пожалованъ былъ въ фельдмаршалы. «Адъютантъ его императорскаго величества императора Нелидовъ производился въ подполковники» [1]. Въ томъ же приказѣ объявлено было: «Его императорское величество императоръ сохраняетъ званіе генералъ-адмирала во флотѣ».

Въ приказѣ 10-го ноября явился оттолосокъ и какъ бы подтвержденіе повелѣнія Петра III-го въ словахъ: «желающіе въ отставку

[1] Нелидову, бывшему при воцареніи Павла еще камеръ-пажемъ, особенно посчастливилось. 1-го января 1797 года онъ былъ произведенъ въ полковники, затѣмъ въ томъ же году получилъ чинъ генералъ-маіора; анненскую ленту и званіе генералъ-адъютанта. Всѣ заслуги его исчерпывались тѣмъ, что онъ былъ ближайшій родственникъ Е. И. Нелидовой.

гвардіи офицеры, по указу о вольности дворянства, выслужившіе годъ, отставляются съ повышеніемъ одного чина, а не выслужа году, тѣмъ же чиномъ».

11-го ноября награжденъ былъ покровитель Аракчеева, генералъ-поручикъ Мелиссино, пожалованіемъ въ генералъ-аншефы.

Приказъ 12-го ноября ознаменованъ былъ крайне оригинальнымъ повелѣніемъ: «Его императорское величество императоръ всемилостивѣйше пожаловалъ графа Чернышева въ фельдмаршалы по флоту, которому, однако, не быть генералъ-адмираломъ».

Щедрыя милости одновременно посыпались и внѣ военнаго міра, въ гражданскомъ и даже въ духовномъ вѣдомствахъ. Графъ Безбородко произведенъ былъ въ первый классъ, вице-канцлеръ графъ Остерманъ пожалованъ въ канцлеры, а князь Александръ Борисовичъ Куракинъ вице-канцлеромъ; сверхъ сего, онъ еще награжденъ былъ орденомъ св. Андрея Первозваннаго и получилъ 150.000 рублей на уплату долговъ. Тотъ же орденъ получили также графъ Николай Зубовъ (посланный въ Гатчину 5-го ноября), адмиралъ И. Л. Голенищевъ-Кутузовъ, митрополитъ Гавріилъ и генералъ-поручикъ Николай Петровичъ Архаровъ, который на другой день пожалованъ былъ въ генералъ-аншефы. Генералы Ростопчинъ и Аракчеевъ, сверхъ поименованныхъ наградъ, получили еще аннинскую ленту, а Аракчеевъ и знаменитую впослѣдствіи Грузинскую вотчину. 4-го декабря 1796 года, князь Алексѣй Борисовичъ Куракинъ былъ назначенъ генералъ-прокуроромъ и присутствующимъ въ совѣтѣ его величества; 19-го декабря, онъ былъ пожалованъ кавалеромъ ордена св. Александра Невскаго и вслѣдъ затѣмъ назначенъ министромъ удѣловъ. Вообще это былъ, по выраженію современника, не только дождь, но ливень всякихъ милостей и пожалованій. Что же касается орденовъ, то императоръ «не раздавалъ, а разметывалъ ихъ». Но, къ сожалѣнію, все совершалось зря, подъ вліяніемъ минутнаго вдохновенія или руководствуясь мимолетною прихотью.

Камердинеръ Кутайсовъ не былъ позабытъ императоромъ Павломъ. 8-го ноября, послѣдовало повелѣніе, въ которомъ сказано: «Высочайше пожалованъ камердинеръ Иванъ Кутайсовъ въ разсужденіи долговременной и усердной его службы въ гардеробмейстеры пятаго класса съ жалованіемъ по 1.500 рублей на годъ изъ придворной конторы». Затѣмъ, 16-го декабря 1796 года, эта милость сопровождалась новымъ повелѣніемъ: «За купленный у купца Николая Щербакова каменный домъ, состоящій въ первой Адмиралтейской части, высочайше повелѣно заплатить изъ кабинета условленную цѣну сто десять тысячъ рублей, а домъ этотъ отдать гардеробмейстеру Ивану Кутайсову, которому оный домъ пожалованъ въ собственность».

Радостно встрѣтилъ императоръ Павелъ 10-е ноября. Въ этотъ день Гатчинскія войска, вызванныя въ Петербургъ, вступили въ столицу. По утру, въ половинѣ восьмого часа, государь въ сопровожденіи наслѣдника и свиты выѣхалъ верхомъ на встрѣчу поджидаемыхъ войскъ за Обуховскій мостъ и во главѣ ихъ возвратился къ Зимнему дворцу. Когда войска вошли въ алиніеманъ на Дворцовой площади, императоръ сказалъ имъ: «Благодарю васъ, мои друзья, за вѣрную ко мнѣ вашу службу, и, въ награду за оную, вы поступаете въ гвардію, а господа офицеры чинъ въ чинъ» [1].

Впечатлѣніе, произведенное среди гвардіи этимъ повелѣніемъ, было потрясающее: «Съ какою радостію великіе князья увидѣлись съ своими сослуживцами, и съ какою печалью мы должны были считать ихъ своими товарищами», повѣствуетъ тогдашній измайловскій гвардеецъ Е. Ѳ. Комаровскій. «Иначе и быть не могло, ибо сіи новые наши товарищи были не только безъ всякаго воспитанія, но многіе изъ нихъ самаго развратнаго поведенія; нѣкоторые даже ходили по кабакамъ, такъ что гвардейскіе наши солдаты гнушались быть у нихъ подъ командою».

Не лучше отзывается о гатчинскихъ пришлецахъ Н. А. Саблуковъ. «Что за офицеры!» пишетъ онъ. «Какія странныя лица! Какія манеры! И какъ странно они говорили! Всѣ они были малороссы. Легко представить себѣ впечатлѣніе, произведенное всѣмъ этимъ на общество, состоящее изъ ста тридцати двухъ офицеровъ, принадлежащихъ къ лучшему русскому дворянству. Всѣ новые порядки и новые мундиры подверглись свободному разбору и почти всеобщему осужденію. Но мы вскорѣ убѣдились, что о каждомъ словѣ, произнесенномъ нами, доносилось куда слѣдуетъ. Какая перемѣна для полка, который до тѣхъ поръ славился своимъ высокимъ тономъ, согласіемъ и единодушіемъ».

Приведемъ еще свидѣтельство третьяго современника Л. Н. Энгельгардта; онъ пишетъ: «Дико было видѣть гатчинскихъ офицеровъ вмѣстѣ съ старыми гвардейскими: эти были изъ лучшаго русскаго дворянства, болѣе придворные, нежели фрунтовые офицеры; а тѣ, кромѣ фрунта, ничего не знали; безъ малѣйшаго воспитанія, и были почти оборышъ изъ арміи; ибо какъ они не могли быть употреблены въ войнѣ и, кромѣ переходовъ изъ Гатчины въ Павловскъ и изъ Павловска въ Гатчину, никуда не перемѣщались, потому мало и было охотниковъ служить въ гатчинскихъ войскахъ. Однакожъ нѣсколько было изъ нихъ и благонравныхъ людей, хотя безъ особливаго воспитанія, но имѣющихъ здравый разсудокъ и къ добру склонное расположеніе» [2].

[1] Записки графа Е. Ѳ. Комаровскаго. «Историческій Вѣстникъ» 1897 года, т. 69-й, стр. 343.

[2] Записки Льва Николаевича Энгельгардта (1766—1836).—Москва, 1867, стр. 197.

Образъ жизни гвардейскихъ офицеровъ совершенно измѣнился. По словамъ очевидца, «при императрицѣ мы думали только о томъ, чтобъ ѣздить въ театры, въ общества, ходили во фракахъ, а теперь съ утра до вечера на полковомъ дворѣ, и учили насъ всѣхъ, какъ рекрутъ».

Но павловскія военныя преобразованія касались не одной внѣшности войскъ: они шли глубже. Насколько же преобразованія отличались странными свойствами, можно усмотрѣть уже изъ того, что унтеръ-офицерамъ даны были алебарды вмѣсто ружей. Подобное плацпарадное усовершенствованіе дѣлало сразу безполезными для боя до 100 человѣкъ въ полку!

Высшимъ чинамъ арміи, не исключая и фельдмаршаловъ, также пришлось учиться и знакомиться съ тайнами гатчинской экзерциціи. Введеніе стараго прусскаго военнаго устава, сопровождалось новыми требованіями по службѣ, такъ что старые генералы оказались настолько же несвѣдующими, какъ и вновь произведенные прапорщики. Не только трудно было исполнять новыя служебныя требованія, но нерѣдко и понять ихъ. Для просвѣщенія невѣждъ въ Зимнемъ дворцѣ устроенъ былъ тактическій классъ, за которымъ надзиралъ генералъ-маіоръ Аракчеевъ, а преподавалъ уроки подполковникъ Каннабихъ [1]. Хотя по приказу отъ 15-го декабря классъ устроенъ былъ для штабъ и оберъ-офицеровъ, но, изъ желанія угодить государю, отчасти же по необходимости, изъ чувства самосохраненія, лекціи посѣщались генералами и даже фельдмаршаломъ княземъ Репнинымъ. А. П. Ермоловъ разсказывалъ по поводу этихъ лекцій: «чтобы вѣрнѣе изобразить нелѣпость читателя и читаемаго, я здѣсь приведу нѣсколько словъ изъ нихъ. «Э, когда командуютъ: повзводно направо, офицеръ говоритъ коротково; Э, когда командуютъ: повзводно налѣво, то просто налѣво! Офицеръ, который тутъ стоялъ, такъ эспадонъ держалъ и такъ маршировалъ; и только всего и больше ничего» и т. д. [2].

Вотъ какою премудростью угощали побѣдителя при Мачинѣ; неудивительно, если она насъ черезъ десять лѣтъ привела къ Аустерлицу.

[1] И. Я. Каннабихъ былъ саксенъ-веймарскій дворянинъ, кончилъ курсъ въ Геттингенскомъ университетѣ и впослѣдствіи командовалъ л.-гв. артиллерійскимъ баталіономъ. Онъ былъ весьма искусенъ въ верховой ѣздѣ и особенно въ выѣздкѣ лошадей. Въ званіи аудитора кирасирскаго наслѣдника полка, Каннабихъ исполнялъ берейторскую должность въ полку и съ 1789 года обучалъ гатчинскую конную артиллерію. (Свѣдѣнія объ артиллеріи гатчинскихъ войскъ, С.-Петербургъ, 1851 г., стр. 21). А. С. Шишковъ пишетъ, что Каннабихъ былъ фехтовальнымъ учителемъ въ морскомъ кадетскомъ корпусѣ до поступленія на службу въ гатчинскія войска къ цесаревичу.

[2] Разсказы А. П. Ермолова. «Чтенія», 1863 года.

II.

Князь П. А. Вяземскій справедливо замѣтилъ: «Все царствованіе Павла, вѣроятно, излишне очернено. Довольно и того, что было, но партіи не довольствуются истиною». Весь смыслъ этой оцѣнки правленія преемника Екатерины заключается, конечно, въ словахъ: «довольно и того, что было», черное же остается чернымъ въ самой объективной исторіи.

Новое царствованіе съ первыхъ же дней сдѣлалось отрицаніемъ предыдущаго; роскошный, пышный дворъ императрицы преобразился въ огромную кордегардію. Отъ появленія гатчинскихъ любимцевъ въ Зимнемъ дворцѣ, по мѣткому выраженію Державина, «тотчасъ все пріяло другой видъ, загремѣли шпоры, ботфорты, тесаки, и, будто по завоеваніи города, ворвались въ покои вездѣ военные люди съ великимъ шумомъ» [1].

А. С. Шишковъ, въ свою очередь, свидѣтельствуетъ, что въ одинъ часъ все такъ перемѣнилось, что, казалось, насталъ иной вѣкъ, иная жизнь, иное бытіе. «Я вошелъ въ залу»,—читаемъ мы въ его запискахъ,—«и столько же пораженъ былъ удивленіемъ, сколько удрученъ печалью. Перемѣна сія была такъ велика, что не иначе показалась мнѣ, какъ бы непріятельскимъ нашествіемъ. Дворецъ наполненъ былъ множества разнаго рода людей, стоявшихъ неподвижно, съ изображенными на лицахъ скорбію и безпокойствомъ. Весь прежній блескъ, вся величавость двора исчезла. Вездѣ въ немъ и вокругъ его появлялись солдаты съ ружьями. Знаменитѣйшія особы, первостепенные чиновники, управлявшіе государственными дѣлами, стояли, какъ бы лишенные уже должностей своихъ и званій, съ поникнутою головою, не примѣтны въ толпѣ народной. Люди малыхъ чиновъ, о которыхъ день тому назадъ никто не помышлялъ, никто почти не зналъ ихъ,—бѣгали, повелѣвали, учреждали. Удивленный, смущенный отъ всего того, что глазамъ моимъ представлялось, возвратился я домой съ печальными мыслями и сокрушеннымъ сердцемъ» [2].

Другой современникъ, князь Ѳ. Н. Голицынъ, пишетъ: «Все чрезъ сутки приняло совсѣмъ новый видъ: перемѣна мундировъ въ полкахъ

[1] Записки Державина (1753—1812) въ собраніи его сочиненій, т. 6-й, стр. 701. По свидѣтельству Массона: «Le palais eut un moment l'apparence d'une place enlevée d'assaut par des troupes étrangères; tant celles qui commencèrent a y faire la garde différaient, par le ton et le costume, de celles qu'on y avait vues la veille». (Masson: Mémoires secrets. T. 1, p. 197).

[2] Записки А. С. Шишкова, стр. 9—10.

гвардіи, вахтпарады, новыя правила въ военномъ ученіи; однимъ словомъ, кто бы за недѣлю до того уѣхалъ, по возвращеніи ничего бы не узналъ. Дворецъ какъ будто обратился весь въ казармы: внутренніе бекеты, безпрестанно входящіе и выходящіе офицеры съ повелѣніями, съ приказами, особливо, по утру. Стукъ ихъ сапоговъ, шпоръ и тростей, все сіе представляло совсѣмъ новую картину, къ которой мы не привыкли. Тутъ уже тотчасъ было примѣтно, сколь государь страстно любилъ все военное, а особливо точность и аккуратность въ движеніяхъ, слѣдуя отчасти правиламъ Фредерика, короля прусскаго... Сей быстрый переходъ изъ кроткаго и милосердаго въ столь строгое правленіе привелъ россіянъ въ ужасъ и негодованіе. Для меня непонятнымъ сдѣлалось, отчего государь возымѣлъ къ своему народу такую недовѣрчивость.... Приписываютъ однакожъ бѣдственной судьбѣ, постигшей Лудовика XVI и его семейство, строгіе поступки государя съ его подданными» [1].

Ѳ. П. Лубяновскій, пріѣхавшій въ Петербургъ на третій день царствованія Павла, сообщаетъ въ своихъ запискахъ впечатлѣніе, которое произвели на него перемѣны, совершившіяся въ столицѣ:

«Царь самъ за работою съ ранней зари, съ шести часовъ утра [2]! Генералъ-прокуроръ, въ домѣ котораго жилъ князь (Н. В. Репнинъ) и я при немъ, каждый день отправлялся съ докладами во дворецъ въ $5^1/_2$ часовъ утра. Приходя съ порученіемъ отъ князя къ графу Н. П. Салтыкову, въ исходѣ шестого часа утра, не одинъ разъ я находилъ уже его не въ томъ, въ другомъ комитетѣ подъ предсѣдательствомъ цесаревича наслѣдника. Міръ живетъ примѣромъ государя. Въ канцеляріяхъ, въ департаментахъ, въ коллегіяхъ, вездѣ въ столицѣ свѣчи горѣли съ пяти часовъ утра; съ той же поры въ вице-канцлерскомъ домѣ, что былъ противъ Зимняго дворца, всѣ люстры и всѣ камины пылали. Сенаторы съ восьми часовъ утра сидѣли за краснымъ столомъ. Возрожденіе по военной части было еще явственнѣе—съ головы началось. Сѣдые съ георгіевскими звѣздами военачальники учились маршировать, равняться, салютовать эспантономъ.... Нельзя было не замѣтить съ перваго шага въ столицѣ, какъ дрожь, и не отъ стужи только, словно эпидемія, всѣхъ равно пронимала» [3].

П. И. Дмитріевъ представляетъ въ своихъ запискахъ слѣдующую картину новаго царствованія: «Восшествіе на престолъ преемника Ека-

[1] Записки князя Ѳ. П. Голицына. «Русскій Архивъ» 1874 года, стр. 1306 и 1307.

[2] Еще въ 1764 году Порошинъ замѣтилъ, что «его высочества система была, что надобно ложиться ранѣе и вставать ранѣе». Сдѣлавшись императоромъ, Павелъ Петровичъ остался вѣренъ усвоенной имъ издавна привычкѣ.

[3] Воспоминанія Ѳедора Петровича Лубяновскаго (1777—1834).—Москва, 1872, стр. 91 и 93—94.

терины послѣдуемо было крутыми переворотами во всѣхъ частяхъ государственнаго управленія: намѣстничества раздробились на губерніи; учрежденіе, изданное для управленія оныхъ, измѣнилось; директоры экономіи упразднены; нѣкоторые изъ уѣздныхъ городовъ превращены въ посады; вмѣсто древнихъ, греческихъ или славянскихъ названій, данныхъ при князѣ Потемкинѣ-Таврическомъ многимъ городамъ въ Крыму и Екатеринославской губерніи, возвращены имена прежнія, татарскія, или русскія простонародныя: Эвпаторисъ, Севастополисъ, Григоріополисъ стали называться опять Кизикерменемъ, Козловымъ и пр. Всѣ воинскія и гражданскія постановленія сего недавно столь могущественнаго вельможи отброшены... Въ войскахъ введены были новый уставъ, новые чины, новый образъ ученія, даже новыя командныя слова, составленныя изъ французскихъ реченій съ русскимъ склоненіемъ [1], и новые, наконецъ, мундиры и обувь по образцу старинному, еще временъ голстинскихъ герцоговъ» [2].

Вступивъ на престолъ съ предубѣжденіемъ противъ всѣхъ екатерининскихъ порядковъ, Павелъ Петровичъ, дѣйствительно, съ поразительною поспѣшностью принялся за подвигъ «исцѣленія» Россіи: гатчинское управленіе должно было послужить образцомъ для управленія Россійскою имперіею. Немедленно всѣ пружины государственнаго строя были вывернуты, столкнуты со всѣхъ мѣстъ, и Россія вскорѣ приведена въ хаотическое состояніе.

Прежде всего была объявлена безпощадная война круглымъ шляпамъ, отложнымъ воротникамъ, фракамъ, жилетамъ, сапогамъ съ отворотами, панталонамъ. Всѣмъ предписывалось употребленіе пудры для волосъ, косичекъ, башмаковъ; волосы слѣдовало зачесывать назадъ, а отнюдь не на лобъ; ѣдущимъ и пѣшеходамъ велѣно было останавливаться на улицахъ при встрѣчѣ съ императорскою фамиліею; сидящіе въ экипажахъ должны были выходить для поклона. Утромъ 8-го ноября усердная полиція успѣла уже обнародовать всѣ эти правила.

Это новое своего рода осадное положеніе, обрушившееся сразу на удивленное, ничего не подозрѣвавшее городское населеніе, сопровождалось въ Петербургѣ безчисленнымъ множествомъ траги-комическихъ сценъ. Полиція у всякаго идущаго по улицѣ въ круглой шляпѣ срывала ее съ головы; той же участи подвергались и другія части костюма. «Необыкновенность сія», пишетъ Шишковъ, «производила вмѣстѣ и смѣхъ, и роптаніе».

А. М. Тургеневъ входитъ въ большія подробности относительно войны «жестокой, безпощадной», объявленной «злѣйшимъ врагамъ госу-

[1] «Вмѣсто къ ружью: вонъ! вмѣсто ступай: маршъ! вмѣсто заряжай: шаржируй!»

[2] Взглядъ на мою жизнь. Записки дѣйствительнаго тайнаго совѣтника Ивана Ивановича Дмитріева. Москва, 1866 г., ч. 2-я, стр. 147—148.

дарства Русскаго—круглымъ шляпамъ, фракамъ и жилетамъ». Тургеневъ, какъ очевидецъ, разсказываетъ слѣдующее: «Человѣкъ двѣсти полицейскихъ солдатъ и драгунъ, раздѣленныхъ на три или четыре партіи, бѣгали по улицамъ и, во исполненіе повелѣнія, срывали съ проходящихъ круглыя шляпы и истребляли ихъ до основанія; у фраковъ обрѣзывали отложные воротники, жилеты рвали по произволу и благоусмотрѣнію начальника партіи, капрала или унтеръ-офицера полицейскаго. Кампанія быстро и побѣдоносно кончена: въ 12 часовъ утромъ не видали уже на улицахъ круглыхъ шляпъ, фраки и жилеты приведены въ несостояніе дѣйствовать, и тысяча жителей Петрополя брели въ дома ихъ жительства съ непокровенными главами и въ раздранномъ одѣяніи, полунагіе» [1].

Другимъ бичемъ наступившей новой эры явилась уродливая и неудобная форма для русскаго воинства. Съ какими муками сопряженъ былъ солдатскій туалетъ по гатчинскому обряду, можно судить по неподражаемому описанію, оставленному унтеръ-офицеромъ Коннаго полка, назначеннымъ ординарцемъ къ государю въ одинъ изъ первыхъ дней царствованія Павла Петровича. Онъ пишетъ:

«Въ пять часовъ утра я былъ уже на ротномъ дворѣ; двое гатчинскихъ костюмеровъ, знатоковъ въ высшей степени искусства обдѣлывать на головѣ волоса по утвержденной формѣ и пригонять амуницію по уставу, были уже готовы; они мгновенно завладѣли моею головою, чтобы оболванить ее по утвержденной формѣ, и началась потѣха. Меня посадили на скамью по срединѣ комнаты, обстригли спереди волосы подъ гребенку, потомъ одинъ изъ костюмеровъ, немного менѣе сажени ростомъ, началъ мнѣ переднюю часть головы натирать мелко истолченнымъ мѣломъ; если Богъ благословитъ мнѣ и еще 73 года жить на семъ свѣтѣ [2], я этой продѣлки не забуду! Минутъ пять и много шесть усерднаго тренія головы моей костюмеромъ привели меня въ такое состояніе, что я испугался, полагалъ, что мнѣ приключилась какая-либо немощь: глаза мои видѣли комнату, всѣхъ и все въ ней находившееся вертящимися. Милліоны искръ летали во всемъ пространствѣ, слезы текли изъ глазъ ручьемъ. Я попросилъ дежурнаго вахмистра остановить на нѣсколько минутъ дѣйствіе г. костюмера, дать отдыхъ несчастной головѣ моей. Просьба моя была уважена, и г. профессоръ оболваненія головъ по формѣ благоволилъ объявить вахтмейстеру, что сухой продѣлки на головѣ довольно, теперь только надобно смочить да

[1] Записки Александра Михайловича Тургенева. «Русская Старина» 1885 года, т. 47-й, стр. 381.

[2] А. М. Тургеневъ родился въ 1772 году (26-го октября) и началъ писать свои записки въ 1848 году (26-го октября).

ЕКАТЕРИНА ИВАНОВНА НЕЛИДОВА (въ 1776 г).

Съ портрета, находящагося въ Петергофскомъ дворцѣ.

засушить; я вздрогнулъ, услышавъ приговоръ костюмера о головѣ моей. Начинается мокрая операція. Чтобы не вымочить на мнѣ бѣлья, меня, вмѣсто пудроманта, окутали рогожнымъ кулемъ; костюмеръ сталъ противъ меня ровно въ разрѣзѣ на двѣ половины лица и, набравъ въ ротъ артельнаго квасу, началъ изъ устъ своихъ, какъ изъ пожарной трубы, опрыскивать черепозданіе мое; едва онъ увлажилъ по шву головы, другой костюмеръ началъ обильно сыпать пуховкою на голову муку во всѣхъ направленіяхъ; по окончаніи сей операціи, прочесали мнѣ голову гребнемъ и приказали сидѣть смирно, не ворочать головы, дать время образоваться на головѣ клестеръ-корѣ; сзади въ волоса привязали мнѣ желѣзный, длиною восемь вершковъ, прутъ для образованія косы по формѣ, букли придѣлали мнѣ войлочныя, огромной натуры, посредствомъ согнутой дугою проволоки, которая огибала черепъ головы и, опираясь на немъ, держала войлочные фалконеты съ обѣихъ сторонъ, на высотѣ половины уха. Къ девяти часамъ утра составившаяся изъ муки кора затвердѣла на черепѣ головы моей, какъ изверженная лава волкана, и я подъ симъ покровомъ могъ безущербно выстоять подъ дождемъ, снѣгомъ нѣсколько часовъ, какъ мраморная статуя, поставленная въ саду. Принялись за облаченіе тѣла моего и украсили меня не яко невѣсту, но яко чучело, поставляемое въ огородахъ для пуганія воронъ. Увидавъ себя въ зеркалѣ, я не могъ понять, для чего преобразовали меня изъ вида человѣческаго въ уродливый огороднаго чучелы».

По вступленіи новаго караула въ Зимній дворецъ, къ ординарцу подбѣжалъ Аракчеевъ и сказалъ: «ступай за мной, ракалія, являться къ государю». Павелъ Петровичъ милостиво обошелся съ ординарцемъ и, потрепавъ его по плечу, сказалъ: «эта одежда и Богу угодна, и вамъ хороша» [1].

Другой современникъ, описывая послѣдовавшее съ нимъ «несчастное и уродливое преобразованіе», говоритъ: «прекрасные наши мундиры, украшающіе и открывающіе человѣка во всей природной его стройности, замѣнили какимъ-то нескладнымъ мѣшкомъ, дѣлающимъ и самаго прекраснаго мужчину безобразнымъ привидѣніемъ; оный состоялъ изъ темнозеленаго толстаго мундира съ лацканами, отложнымъ воротникомъ и разрѣзными обшлагами кирпичнаго цвѣта и бѣлыми пуговицами; длиннаго камзола и короткаго нижняго платья самаго желтаго цвѣта. Головы наши спереди остригли подъ гребенку, облили вонючимъ саломъ [2]; къ вискамъ привѣсили огромныя пукли, аршинную косу прикрутили вплоть къ затылку и осыпали мукою; шляпу дали съ широ-

[1] «Русская Старина» 1885 года. Т. 48-й, стр. 384—386.

[2] Изъ этого описанія видно, что нѣкоторые костюмеры замѣняли мѣлъ и квасъ растопленнымъ саломъ, какъ болѣе дешевымъ средствомъ.

кимъ городами серебрянымъ галуномъ, такою же большою петлицею и съ чернымъ бантомъ; но эта шляпа была чудесной формы и едва прикрывала наши головы; фланелевый черный галстукъ въ два пальца шириною перетягивалъ наши шеи до самой невозможности; ноги наши обули въ курносые смазные башмаки и стянули за колѣнами черными суконными штиблетами съ красными вдоль всей ноги пуговицами; вмѣсто булатной, висящей при бедрѣ сабли, наносящей врагу страхъ, воткнули въ фалды наши по желѣзной спичкѣ, удобной только перегонять мышей изъ житницы въ житницу, а не защищать жизнь свою; всѣ золотыя блестящія вещи, какъ-то, эксельбантъ, эполетъ, шарфъ и темлякъ замѣнены серебряными съ шелкомъ; руки наши облекли кожаными желтыми перчатками съ угловатыми большими и толстыми крагенами и вооружили короткими увѣсистыми палками. Въ такомъ карикатурномъ нарядѣ я не могъ равнодушно видѣть себя въ зеркалѣ и отъ добраго сердца захохоталъ, несмотря на головную боль, происходящую отъ стянутія волосъ, вонючаго сала и отъ крѣпко стянутой галстукомъ шеи» [1].

Въ такомъ видѣ явился къ императору Павлу, въ кабинетѣ Зимняго дворца, одинъ изъ будущихъ сподвижниковъ Суворова, капитанъ Московскаго гренадерскаго полка Грязевъ, присланный изъ Вильны для ознакомленія со всѣми нововведеніями. Государь, окинувъ Грязева глазами съ головы до ногъ, поворачивалъ его направо и налѣво кругомъ и съ восхищеніемъ восклицалъ: «прекрасно! прекрасно!» [2].

По замѣчанію Шишкова: «Наставшая вдругъ, послѣ долговременно продолжавшагося, тихаго и кроткаго царствованія, крутая, строгая, необычайная перемѣна приводила всѣхъ въ нѣкоторый родъ печали и унынія. Все пошло на прусскую стать: мундиры, большіе сапоги, длинныя перчатки, высокія треугольныя шляпы, усы, косы, пукли, ордонансъ-гаузы, экзерциръ-гаузы, шлагбаумы (имена доселѣ неизвѣстныя) и даже крашеніе, какъ въ Берлинѣ, пестрою краскою мостовъ, будокъ и проч. Сіе уничижительное подражаніе пруссакамъ напоминало забытыя времена Петра III. Къ сему присовокуплялись еще и другія нѣкоторыя тревоги, какъ-то, ежедневное въ городѣ безпокойство, причиняемое

[1] А. С. Пишчевичъ разсказываетъ, что, поступивъ на службу къ А. Х. Обольянинову, назначенному генералъ-провіантмейстеромъ, онъ услышалъ отъ своего начальника совѣтъ: «ради Бога переодѣньтесь скорѣе по новому образцу». Затѣмъ, продолжаетъ Пишчевичъ: «когда я стараніемъ моего портного и сапожника былъ превращенъ въ прусскую обезьяну, то поспѣшилъ я своимъ видомъ обрадовать господина Обольянинова, который меня вовсе не узналъ въ сей гаерской одеждѣ, только она перемѣняла человѣка». (Жизнь А. С. Пишчевича, стр. 234 и 235).

[2] Записки Грязева, сподвижника Суворова въ 1799 году. «Русскій Вѣстникъ» 1890 года. Стр. 254—255.

частыми выѣздами императора, требовавшаго, чтобы всѣ мужчины и женщины при встрѣчѣ съ нимъ останавливались и выходили изъ своихъ повозокъ или каретъ. Отъ сего происходили многія иногда смѣшныя, иногда жалкія приключенія. Всѣ сіи новости подавали поводъ къ разнымъ пересказамъ, шопотамъ и толкамъ, сопровождаемымъ огорчительными или насмѣшливыми улыбками» [1].

Всѣ эти перемѣны въ войскахъ, поражавшія современниковъ своею уродливостью и непрактичностью, возбуждаютъ удивленіе и сто лѣтъ спустя, тѣмъ болѣе, что существовавшее при Екатеринѣ II обмундированіе, введенное Потемкинымъ, было просто, удобно, соображено съ національными особенностями и нравилось войскамъ. Даже наблюдательные иностранцы не скупились на похвалы по поводу состоянія русской арміи въ моментъ кончины Екатерины; безпристрастные цѣнители и знатоки военнаго дѣла не могли не сочувствовать мнѣнію Потемкина, что «туалетъ солдатской долженъ быть таковъ, что всталъ, то готовъ». Эта цѣль и была достигнута имъ блистательнымъ образомъ [2]. Какъ выше уже было за-

[1] Записки А. С. Шишкова, стр. 12—13.

[2] Представляя императрицѣ Екатеринѣ въ 1783 году мнѣніе объ обмундированіи войскъ, князь Потемкинъ между прочимъ писалъ: «Въ Россію, когда вводилось регулярство, вошли офицеры иностранные, съ педантствомъ тогдашняго времени; а наши, не зная прямой цѣны вещамъ военнаго снаряда, почли все священнымъ и какъ будто таинственнымъ. Имъ казалось, что регулярство состоитъ въ косахъ, шляпахъ, клапанахъ, обшлагахъ, ружейныхъ пріемахъ и проч. Занимая же себя таковою дрянью, и до сего еще времени не знаютъ хорошо самыхъ важныхъ вещей, какъ-то: марширования, разныхъ построеній и оборотовъ. А что касается до исправности ружья, тутъ полированіе и лощеніе предпочтено добротѣ: стрѣлять же почти не умѣютъ. Словомъ, одежда войскъ нашихъ и амуниція таковы, что придумать почти нельзя лучше къ угнетенію солдата, тѣмъ паче, что онъ, взятъ будучи изъ крестьянъ, въ тридцать почти лѣтъ возраста узнаетъ узкіе сапоги, множество подвязокъ, тѣсное нижнее платье и пропасть вещей, вѣкъ сокращающихъ. Красота одежды военной состоитъ въ равенствѣ и въ соотвѣтствіи вещей съ ихъ употребленіемъ; платье чтобы было солдату одеждою, а не въ тягость. Всякое щегольство должно уничтожить, ибо оно есть плодъ роскоши, требуетъ много времени, иждивенія и слугъ, чего у солдата быть не можетъ.... Завивать, пудриться, плесть косы, солдатское ли сіе дѣло? У нихъ камердинеровъ нѣтъ. На что же пукли? Всякъ долженъ согласиться, что полезнѣе голову мыть и чесать, нежели отягощать пудрою, саломъ, мукою, шпильками, косами. Туалетъ солдатской долженъ быть таковъ, что всталъ, то готовъ. Если бъ можно было счесть, сколько выдано въ полкахъ за щегольство палокъ, и сколько храбрыхъ душъ пошло отъ сего на тотъ свѣтъ! Простительно ли, чтобы стражъ цѣлости отечества удрученъ былъ прихотьми, происходящими отъ вертопраховъ, а часто и отъ безразсудныхъ?»

Представивъ свое мнѣніе на высочайшую апробацію, Потемкинъ въ заключеніе еще сказалъ: «могу увѣрить ваше императорское величество, и самое время покажетъ, что таковое ваше попеченіе будетъ вѣчнымъ свидѣтельствомъ материнскаго вашего милосердія. Армія россійская, извлеченная изъ муки, не престанетъ возносить молитвы.

мѣчено, Екатерининское обмундированіе солдатъ состояло изъ кафтана на подобіе куртки и суконныхъ шароваръ; головной уборъ заключался въ легкой каскѣ; волоса острижены были въ кружокъ. Всѣ эти удобства должны были уступить мѣсто допотопной прусской одеждѣ и не подходящему снаряженію; началось истинное мученіе русскаго солдата, въ разныхъ видахъ продолжавшееся болѣе пятидесяти лѣтъ [1].

Въ моментъ кончины Екатерины и воцаренія Павла, Петербургъ, послѣ Парижа и Лондона, былъ самою оживленною, самою изящною европейскою столицей, пишетъ другой современникъ. «По внѣшнему блеску, роскоши и хорошему вкусу въ частной жизни ничто не могло превзойти Петербурга 1796 года; таково было, по крайней мѣрѣ, мнѣніе иностранцевъ, посѣщавшихъ во множествѣ Россію и затягивавшихъ мѣсяцъ за мѣсяцемъ свое пребываніе въ ней, чтобы пользоваться веселіемъ, гостепріимствомъ и удобствами, которыя Екатерина имѣла искусство распространить по всей имперіи. Почти невѣроятна внезапная перемѣна, совершившаяся по прошествіи нѣсколькихъ дней во внѣшности города. Благодаря вышеупомянутымъ полицейскимъ мѣропріятіямъ, приводившимся въ исполненіе съ крайнею суровостью, метаморфоза совершилась весьма быстро. Петербургъ пересталъ быть похожимъ на современный городъ и принялъ скучный видъ нѣмецкаго города за два или за три столѣтія тому назадъ. Къ несчастію, перемѣна заключалась не въ одной внѣшности; измѣнились не только экипажи, одежда, шляпы, сапоги, но измѣнился также духъ жителей. Деспотизмъ, обрушившійся

Солдатъ будетъ здоровѣе и, лишась щегольскихъ оковъ, конечно, поворотливѣе и храбрѣе».

Всѣ эти благія реформы Потемкина, свидѣтельствующія о вѣрномъ пониманіи имъ военнаго дѣла, были вырваны съ корнемъ водворившимися въ 1796 году фридриховскими порядками.

[1] Массонъ пишетъ: «De tous les changements imprévus, et non préparé, qu'il a faits, ceux qu'il opéra dans les armées sont les plus impolitiques et les plus considérables. L'armée russe, par la beauté, la simplicité et la commodité de son habillement, adopté au climat et au génie du pays, offrait un modèle à suivre. Aussi le soldat se croyait-il, non sans quelque fondement, bien supérieur à ses voisins. Paul a eu la sottise de lui ôter cet orgueil national, en lui faisant imiter servilement les allemands du siècle passé, que les russes croyaient avoir laissés bien loin derrière eux. Paul en a agi comme un pédant qui pour punir un écolier présomptueux d'avoir appris trop vite à lire, le remet à l'a, b, c»

Военныя реформы Павла вызвали еще другое зло, дотолѣ почти неизвѣстное въ русской арміи,—дезертирство: «Avant le règne de Paul, la désertion était presque inconnue aux russes. Ils désertent aujourd'hui par pelotons et arrivent en Prusse, où l'on en forme des régiments entiers. Je demandais à quelques uns pourquoi ils désertaient. Comment, monsieur! dirent-ils: on nous fait exercer du matin au soir, sans nous donner à manger; l'on nous a pris nos habits, et l'on nous roue de coups». (Masson: Mémoires secrets, t. I, pp. 211, 242).

на все и коснувшійся самыхъ незначащихъ сторонъ обыденной жизни, далъ почувствовать себя тѣмъ болѣе болѣзненно, что онъ проявился послѣ цѣлаго періода полной личной свободы».

Всѣ эти мысли высказаны Н. А. Саблуковымъ въ своихъ запискахъ, и отзывъ его, какъ современника и очевидца, а вмѣстѣ съ тѣмъ человѣка, вполнѣ преданнаго Павлу Петровичу и никогда ему не измѣнявшаго, представляетъ особенную цѣну.

Другой современникъ этой эпохи, И. М. Муравьевъ-Апостолъ, утверждалъ, обращаясь къ своимъ сыновьямъ, что они никогда не поймутъ громаднаго переворота, совершившагося въ Россіи со вступленіемъ императора Павла на престолъ,—переворота, столь рѣзкаго, что его не поймутъ потомки. Наступившую тогда новую эпоху въ русской исторіи называли гдѣ какъ требовалось: «торжественно и громогласно — возрожденіемъ; въ пріятельской бесѣдѣ, осторожно, въ полголоса — царствомъ власти, силы и страха; втайнѣ, между четырехъ глазъ — затменіемъ свыше» [1].—«Вообще сказать можно, былъ хаосъ совершенный»,—замѣтилъ графъ А. Р. Воронцовъ [2].

Въ такой простой, въ такой наивной формѣ, какъ при Павлѣ, самовластіе еще ни разу не являлось въ Россіи. Это былъ своего рода бредъ или, какъ выразился графъ Воронцовъ, хаосъ. Всякая идея политическаго прогресса была отстранена. «Одно понятіе: самодержавіе, одно желаніе: самодержавіе неограниченное, — были двигателями всѣхъ дѣйствій Павла. Въ его царствованіе Россія обратилась почти въ Турцію»,—вотъ какъ отзывается объ этихъ печальныхъ дняхъ баронъ Модестъ Андреевичъ Корфъ въ неизданной главѣ его біографіи графа Сперанскаго [3].

Однажды, по разсказу Алексѣя Ѳедоровича Львова, автора народнаго гимна «Боже, царя храни», кто-то осмѣлился возражать императору Павлу, по поводу одного принятаго имъ рѣшенія, и упомянулъ о законѣ. «Здѣсь вашъ законъ!»—крикнулъ государь, ударивъ себя въ грудь. Въ этихъ немногихъ словахъ выразился весь смыслъ правительственной системы, усвоенной себѣ преемникомъ Екатерины II-й [4]. Очевидецъ этой печальной эпохи, князь Ѳ. Н. Голицынъ, вполнѣ подтверждаетъ подобный отзывъ и пишетъ, что Павелъ Петровичъ былъ

[1] Воспоминанія Ѳ. П. Лубяновскаго, стр. 91.

[2] Архивъ князя Воронцова. Книга 29-я. Стр. 460. (Записка графа А. Р. Воронцова о Россіи въ началѣ нынѣшняго вѣка, представленная императору Александру I въ ноябрѣ 1801 года).

[3] Н. Шильдеръ: «Императоръ Александръ I. Его жизнь и царствованіе», т. 1, стр. 146.

[4] «Императоръ Александръ I», т. 1, стр. 244.

«горячъ въ первомъ движенiи до изступленiя. Личное самовластiе въ непремѣнномъ исполненiи самымъ скорымъ образомъ его воли, хотя бы какiя дурныя слѣдствiя отъ того ни произошли, было главный его порокъ. Онъ не столько полагался на законы, сколько на собственное свое произволенiе. Если что приказалъ министру, сей не смѣй ему на ту минуту ни малѣйшаго дѣлать представленiя» [1].

Если въ столицѣ въ скоромъ времени распространилось среди населенiя чувство страха и ужаса, то въ провинцiи, по крайней мѣрѣ, въ мыслящихъ кружкахъ, радость по поводу воцаренiя императора Павла была не продолжительна, если и допустить мгновенное проявленiе подобнаго чувства. Одинъ изъ современниковъ, находившiйся въ то время во внутреннихъ губернiяхъ Россiи, сообщаетъ о своихъ впечатлѣнiяхъ, относящихся къ концу 1796 года, слѣдующее замѣчанiе: «Разговоръ былъ о происшествiяхъ того времени: смерть Екатерины и царствованiе Павла I, похожее уже при его началѣ на желѣзное, были у всѣхъ на языкѣ, которое, однакожъ, не меньше надлежитъ хвалить, ибо ежедневныя скаканья установленныхъ симъ государемъ въ Россiи фельдъегерей поселили страхъ во всѣ души; сихъ гонцовъ должность была увозить въ Сибирь и другiя заточенiя тѣхъ, на которыхъ упадалъ гнѣвъ Павла I» [2].

Тотъ же современникъ сопровождаетъ свой разсказъ заключительнымъ разсужденiемъ о возможныхъ послѣдствiяхъ въ будущемъ водворившагося въ Россiи гатчинскаго режима. «Молю Бога», пишетъ этотъ безпритязательный наблюдатель, «чтобы отечество славилось толико при помощи переодѣтыхъ пруссаковъ, колико оно въ подсолнечной гремѣло отъ непобѣдимой руки законодательницы русской, которая въ душѣ всякаго честнаго россiянина пребудетъ навѣки. Дай Богъ, чтобы гатчинская сволочь породила болѣе неустрашимости въ нашихъ воинахъ, нежели которою они себя прославили, но не дай Богъ, чтобъ стражъ отечества имѣлъ ихъ душу и заразился бы ихъ образомъ мыслей. Казалось бы, что долгъ государя, какъ отца, не огорчать насъ, вручившихъ ему нашу участь, которые суть его защита, которыми онъ живетъ, и безъ которыхъ наивеличайшiй властелинъ есть ноль. Казалось бы, что ежели мы уже и хуже гатчинскихъ офицеровъ, то прежде выгона нашего изъ службы должно было испытать, не способны ли мы на что-нибудь, ибо въ отечествѣ всякаго рода люди потребны. Ежели властелинъ и сего не вѣдаетъ, то горе его народу» [3].

Стало несносно служить, а въ особенности военнымъ и болѣе всего въ Петербургѣ, или тамъ, гдѣ появлялся Павелъ. Каждое утро, отъ гене-

1 «Русскiй Архивъ» 1874 года, стр. 1308.

2 Жизнь А. С. Пишчевича, стр. 226—227.

3 Ibid., стр. 236.

рала до прапорщика, всѣ отправлялись на неизбѣжный вахтъ-парадъ, какъ на лобное мѣсто. Никто не зналъ, что его тамъ ожидаетъ: быстрое возвышеніе, ссылка въ Сибирь, заточеніе въ крѣпости, позорное выключеніе изъ службы, или даже тѣлесное наказаніе. «За малые проступки», пишетъ князь Ѳ. Н. Голицынъ, «слѣдовали оскорбительныя и почти честь трогающія наказанія, безпрерывные аресты или посаженіе въ крѣпость гвардіи офицеровъ. Все сіе покажется невѣроятнымъ въ предыдущія времена и нашему потомству. Сдѣлаемъ здѣсь одно разсужденіе. Дабы сему странному и несовмѣстному обхожденію происходить, надлежало, чтобы государь имѣлъ какъ будто нарочно въ характерѣ противоположности и большую недовѣрчивость, чтобы любилъ безпрестанныя перемѣны и чтобы считалъ нужнымъ и полезнымъ вперять въ людяхъ какой-то необыкновенный страхъ. Но всему есть мѣра, и самое въ семъ случаѣ главное правило состоитъ, чтобъ, принявъ за основаніе своихъ поступокъ свойства и усердіе поддапныхъ, на нихъ установить образъ своего правленія... Всѣ сіи уничижительныя, несоразмѣрныя и необыкновенныя мѣры отвратили дворянство совершенно отъ службы. Упалъ духъ, сдѣлалось роптаніе» [1].

Дѣйствительно строгая, но вмѣстѣ съ тѣмъ нелѣпая дисциплина, постоянное ученіе, нескончаемыя взысканія и наказанія, переходившія всякіе предѣлы, заставили дворянъ толпами бѣжать изъ военной службы, которая въ мирное время представляла тысячу разъ болѣе опасностей, чѣмъ самая лютая война или самый кровопролитный штурмъ. «Въ предупрежденіе «такого самовольства дворянъ», императоръ Павелъ запретилъ имъ начинать службу иначе, какъ въ военномъ званіи; исключеніе сдѣлано было только для коллегіи иностранныхъ дѣлъ» [2]. Достаточно пробѣжать одни военные приказы наступившаго

[1] «Русскій Архивъ» 1874 года, стр. 1310—1313. Л. Н. Энгельгардтъ пишетъ: «Строгость касательно войскъ была чрезмѣрна. За бездѣлицу исключались изъ службы, заточались въ крѣпость и ссылались въ Сибирь; аресты считались за ничто, бывало по нѣсколько генераловъ, вдругъ арестованныхъ на гауптвахтѣ. Гражданскимъ чиновникамъ и частнымъ лицамъ было не легче». Записки, стр. 198.

«Paul, dès les premiers jours de son avénement au trône, manifesta sa haine et son mépris pour sa mère. Il se dépêcha de casser ou plutôt détruire tout ce qu'elle avait fait, et les meilleures mesures furent remplacées par des actes arbitraires ou fantastiques. Les nominations aux places et les déplacements se succédaient si rapidement, que l'on avait à peine annoncé dans les gazettes la personne nommée à tel ou autre emploi, qu'elle était déjà renvoyée. L'on ne savait à qui s'adresser. Les exils et les détentions laissaient à peine quelques familles qui n'avaient pas à pleurer un de leurs membres. La terreur était le sentiment général, qui, en faisant naître le soupçon, détruisait la confiance que les liens du sang devaient produire. Abasourdi, craintif, l'on connut alors le sentiment d'apathie, stupeur fatale pour la première des vertus—l'amour de la patrie». Mémoires de la princesse Dashkow». (Архивъ князя Воронцова, книга 21-я, р. 322—323).

[2] Ег. Ковалевскій. Графъ Блудовъ и его время. С.-Петербургъ, 1866, стр. 17.

грознаго четырехлѣтія, чтобы понять мысли и ощущенія современниковъ, со всѣми ихъ послѣдствіями.

Не довольствуясь доносами, получавшимися тогда правительствомъ въ небывалыхъ до того размѣрахъ, императоръ Павелъ открылъ для безнаказаннаго препровожденія подобныхъ бумагъ еще новыя двери. Въ Зимнемъ дворцѣ установленъ былъ снаружи ящикъ для жалобъ и доносовъ; преслѣдуемая цѣль была, можетъ быть, и благая, чтобы такимъ путемъ доставить обиженному и слабому средство для защиты и оправданія. Но зло, сопровождавшее водвореніе этого новаго лѣкарства для излѣченія общественныхъ недуговъ, превышало возможную отъ него пользу. Благодаря личнымъ особенностямъ характера воцарившагося тогда государя, ему представился удобный случай увеличить огромное число уже существовавшихъ быстрыхъ, необдуманныхъ и безапелляціонныхъ рѣшеній еще новыми образцами въ подобномъ же родѣ, вызвавшими, безъ сомнѣнія, не разъ непоправимое горе. Впрочемъ, злосчастный ящикъ просуществовалъ не долго; вскорѣ въ немъ стали появляться пасквили, каррикатуры, вслѣдствіе чего это средство, придуманное Павломъ для импровизированнаго правосудія, было упразднено.

Павловскія преобразованія не сопровождались однимъ стѣсненіемъ въ одеждѣ и даже въ домашней жизни бѣдныхъ россіянъ, но они коснулись въ корнѣ и самыхъ существенныхъ сторонъ государственной жизни имперіи. Возстановленъ былъ литовскій статутъ въ присоединенныхъ отъ Польши губерніяхъ; введенъ снова въ употребленіе польскій языкъ въ сношеніяхъ съ этими губерніями; возстановлены въ Прибалтійскомъ краѣ и въ Выборгской губерніи старинные уставы; изъяты нѣкоторыя области изъ-подъ дѣйствія общихъ законовъ имперіи. Слѣдуетъ также упомянуть о нѣкоторыхъ распоряженіяхъ, касавшихся хотя и однихъ названій, но не лишенныхъ внутренняго смысла. Такъ, напримѣръ, въ ноябрѣ 1797 года повелѣно было Севастополь именовать его старымъ названіемъ Ахтіара!! Всѣ эти преобразованія или, лучше сказать, ломка установившагося разумнаго екатерининскаго государственнаго строя оставили глубокій слѣдъ въ послѣдовавшей жизни Россіи; они вызвали въ будущемъ немало печальныхъ явленій, которыя никогда бы не имѣли мѣста, если бы послѣ Екатерины не явился на престолѣ недоброжелатель ея тридцати-четырехлѣтняго правленія, стремившійся къ тому же явить себя преобразователемъ. Во всякомъ случаѣ, Россія вовсе не нуждалась въ исцѣленіи ея государственной организаціи мѣропріятіями въ духѣ павловскихъ нововведеній.

Такимъ образомъ оказывается, что манифестъ Петра III о вольности дворянства постигла въ царствованіе Павла не лучшая участь, чѣмъ та, которая постигла узаконенія Екатерины II.

Заключимъ характеристику этой безотрадной эпохи картиной, рисуемой однимъ русскимъ писателемъ: «Часы пробили двѣнадцать, и вмѣсто нелѣпости жирной масляницы наступаетъ суровый постъ. Дворецъ превращается въ кордегардію, вездѣ дребезжитъ барабанъ, вездѣ бьютъ палкой, бьютъ кнутомъ, тройки летятъ въ Сибирь, императоръ марширируетъ, учитъ эспантономъ, все безумно, безчеловѣчно, неблагородно; своеволіе на верху, il n'y a de grand que celui à qui je parle et pendant que je lui parle—рабство, дисциплина, молчаніе, рундъ и приказы».

III.

По поступкамъ, ознаменовавшимъ собою первые шаги новаго императора, можно было готовиться къ необычайнымъ событіямъ. Но Павелъ сумѣлъ удивить даже своихъ приверженцевъ утонченными проявленіями злобы противъ установившагося въ 1762 году порядка.

Павелъ рѣшился воздать царскія почести бреннымъ останкамъ своего родителя, покоившимся уже тридцать четыре года и четыре мѣсяца въ Благовѣщенской церкви Александро-Невскаго монастыря. Гробъ былъ вынутъ изъ могилы и поставленъ посреди той же самой церкви [1]. Трудно установить, въ какой день совершилось это событіе; камеръ-фурьерскій журналъ объ этомъ умалчиваетъ, а, къ тому же, нѣкоторые важнѣйшіе листы этой хроники, относящіеся до событій 1796 года, совершенно утрачены. Можетъ быть, оно имѣло мѣсто 8-го ноября, потому что на другой день государь повелѣлъ уже отслужить о своемъ родителѣ панихиду въ придворной церкви Зимняго дворца и въ то же время далъ князю Юсупову, оберъ-церемоніймейстеру Валуеву и дѣйствительному статскому совѣтнику Карадыкину указъ, въ которомъ написалъ:

«По случаю кончины нашей государыни императрицы Екатерины Алексѣевны, для пренесенія изъ Свято-Троицкаго Александро-Невскаго монастыря въ соборную Петропавловскую церковь тѣла любезнѣйшаго

[1] Нѣкоторые современники этого событія усматривали въ почестяхъ, возданныхъ праху Петра III, политическую мысль со стороны Павла Петровича; желаніе его будто бы заключалось въ томъ, чтобы всенародно признать отцемъ того, который при жизни не хотѣлъ признавать его своимъ наслѣдникомъ. Если Павелъ Петровичъ намѣревался подобнымъ способомъ, доведеннымъ однако до оскорбленія праха своей матери, достигнуть указанной цѣли, то всякіе неблагопріятные толки, если таковые дѣйствительно существовали, можно было пресѣчь несравненно легче инымъ способомъ: стоило бы начать царствовать по духу и по сердцу своей матери, и возможные нелѣпые толки умолкли бы сразу.

родителя нашего, блаженныя памяти государя императора Петра Ѳеодоровича, для погребенія тѣла ея императорскаго величества въ той же соборной церкви и для наложенія единовременнаго траура, учредили мы печальную комиссію, въ которую назначивъ васъ къ присутствію, все вышеписанное распорядить съ подобающимъ уваженіемъ къ особамъ государскимъ и, составя образцы, тому сообразные, намъ представить».

Затѣмъ послѣдовало объявленіе, «какимъ порядкомъ по ихъ императорскимъ величествамъ блаженной и вѣчной славы достойной памяти великомъ государѣ императорѣ Петрѣ Ѳеодоровичѣ и великой государынѣ императрицѣ Елисаветѣ Алексѣевнѣ трауръ во весь годъ на четыре квартала быть имѣетъ, начиная отъ 25-го ноября».

Изумленные россіяне могли подумать, что Петръ III-й и Екатерина II-я скончались одновременно въ одинъ и тотъ же день. Однимъ почеркомъ пера тридцать четыре года русской исторіи были какъ бы вычеркнуты изъ лѣтописей, и царствованіе Павла I-го являлось законнымъ продолженіемъ правленія его родителя!

Дальнѣйшій оффиціальный ходъ этого загробнаго апоѳеоза Петра III-го былъ слѣдующій.

Въ лѣтописи Александро-Невской лавры написано [1]:

«1796 года ноября 19-го числа, повелѣніемъ благочестивѣйшаго, самодержавнѣйшаго, великаго государя нашего императора Павла Петровича, вынуто тѣло въ Невскомъ монастырѣ погребеннаго, покойнаго благочестивѣйшаго государя императора Петра Ѳеодоровича, и въ новый сдѣланный великолѣпный гробъ, обитый золотымъ глазетомъ, съ гербами императорскими, въ приличныхъ мѣстахъ съ гасами серебряными, съ старымъ гробомъ, тѣло его положено [2]. Въ тотъ день, въ семь часовъ по полудни, изволили прибыть въ Невскій монастырь его императорское величество, ея величество и ихъ высочества, въ нижнюю Благовѣщенскую церковь, гдѣ стояло тѣло, и, по прибытіи ихъ, открытъ былъ гробъ; къ тѣлу покойнаго государя изволили прикладываться его императорское величество, ея величество и ихъ высочества, и потомъ закрыто было». Послѣ этой церемоніи отпѣта была панихида.

То же самое повторилось 20-го ноября въ пять часовъ пополудни. При гробѣ, начиная съ 19-го числа началось чтеніе Святого Евангелія, и учреждено дежурство изъ особъ первыхъ четырехъ классовъ.

[1] «Русскій Архивъ» 1871 года, стр. 2066—2072.

[2] Въ лѣтописи Александро-Невской лавры повѣствованіе о вторичномъ погребеніи Петра III начинается съ 19-го ноября, и ничего не упомянуто о первомъ посѣщеніи лавры императоромъ Павломъ, когда онъ повелѣлъ вскрыть могилу своего отца; это событіе мы выше отнесли къ 8-му ноября. Затѣмъ прошло нѣкоторое время, которое потребно было для изготовленія великолѣпнаго гроба и другихъ необходимыхъ приготовленій для предстоявшихъ торжественныхъ церемоній уже въ присутствіи всего двора.

25-го ноября, императоръ Павелъ, въ сопровожденіи только ихъ высочествъ и придворнаго штата, снова прибылъ въ церковь въ десять часовъ утра; въ этотъ день государь короновалъ прахъ Петра III. Дѣло происходило слѣдующимъ образомъ: «Императоръ вошелъ въ царскія врата, взялъ съ престола пріуготовленную корону, возложилъ на себя и потомъ, подойдя къ останкамъ родителя своего, снялъ съ главы своей корону и при возглашеніи вѣчной памяти положилъ ее на гробъ въ Бозѣ почившаго императора [1].

Въ тотъ же самый день, во второмъ часу пополудни, императрица Марія Θеодоровна возложила корону на главу покойной государыни, тѣло которой съ 15-го ноября перенесено было изъ почивальной въ тронную комнату на парадную кровать [2].

Вечеромъ (25-го ноября), въ седьмомъ часу, тѣло императрицы Екатерины положено было въ гробъ и съ церемоніею перенесено изъ тронной въ большую галерею, гдѣ обыкновенно давались балы [3]; здѣсь устроенъ былъ великолѣпный castrum doloris, который имѣлъ форму ротонды съ приподнятымъ куполомъ.

1-го декабря, герольды возвѣстили всенародно о предстоявшемъ на другой день перенесеніи тѣла императора Петра III изъ Невскаго монастыря въ Зимній дворецъ. Въ четыре часа государь ѣздилъ «церемоніально въ Невскій монастырь для отвезенія туда всѣхъ императорскихъ регалій, какъ-то: короны и орденовъ, всѣ, сколько россійскій дворъ имѣетъ». Такимъ образомъ, вокругъ гроба Петра III и въ этотъ день и на другой день, во время церемоніальнаго шествія, появились ордена, въ его царствованіе еще не существовавшіе и учрежденные императрицею Екатериною, какъ-то: св. Георгія и св. Владиміра!

2-го декабря, всѣ полки гвардіи и бывшіе въ столицѣ армейскіе полки построены были отъ Зимняго дворца до Невскаго монастыря, и удивленнымъ петербургскимъ жителямъ представилось зрѣлище, которое еще недавно не приснилось бы самому смѣлому воображенію: изъ монастыря, при сильномъ морозѣ, двинулась въ одиннадцать часовъ утра печальная процессія съ останками Петра III, а за гробомъ шествовали пѣш-

[1] Лефортъ: Исторія царствованія государыни императрицы Екатерины II. Москва 1837, часть 1-я, стр. 97.

[2] Въ тотъ день, когда переносили тѣло императрицы Екатерины въ тронную залу, присутствовавшая при этой церемоніи графиня Головина зарыдала, и плачъ ея перешелъ въ невольные крики (mes sanglots devinrent des cris involontaires). Аракчеевъ, пишетъ графиня въ своихъ запискахъ, «ce personnage tiré de la fange par l'Empereur et devenu le factotum de ses rigoureuses sévérités, me poussa avec violence en me disant de me taire». Графиня называетъ этотъ поступокъ, по меньшей мѣрѣ, неприличнымъ (indécent).

[3] Это нынѣшній Николаевскій залъ Зимняго дворца.

комъ въ глубокомъ трауръ ихъ величества и ихъ высочества. Въ шествіи участвовалъ также и графъ А. Г. Орловъ-Чесменскій; ему повелѣно было нести императорскую корону [1]! Погребальное шествіе Петра III представляло и другую любопытную сторону; въ числѣ знаменъ несены были также гербы областей, присоединенныхъ къ Россіи Екатериною II, какъ-то, знамя Таврическаго герба, Подольскаго, Волынскаго, Литовскаго, Самогитскаго, Семигальскаго и Курляндскаго. По прибытіи процессіи къ Зимнему дворцу, гробъ Петра былъ внесенъ въ залу и поставленъ на катафалкѣ рядомъ съ гробомъ императрицы Екатерины!!! «Cette insulte même que la tombe ne peut éloigner, ce sacrilège d'un fils envers sa mère, déchirait le coeur», пишетъ графиня Головина.

5-го декабря оба гроба одновременно перевезены были въ Петропавловскій соборъ. Въ процессіи колесница съ гробомъ императрицы слѣдовала впереди, а за нею двигалась колесница съ гробомъ императора, за которымъ шествовали ихъ величества и ихъ высочества. На лицѣ у императора замѣтно было больше гнѣва, нежели печали; онъ на всѣхъ глядѣлъ свысока. Императрица Марія Θеодоровна плакала. «On enterre la Russie», замѣтилъ англійскій дипломатъ, присутствовавшій на этой печальной церемоніи [2].

По окончаніи отпѣванія и «поклоненія особамъ любезныхъ родителей», императоръ сложилъ съ себя печальную мантію и въ сопровожденіи великихъ князей отправился верхомъ въ Милліонную для «осма-

[1] Замѣтимъ здѣсь, что по камеръ-фурьерскому журналу представленъ былъ и жалованъ къ рукѣ, въ числѣ другихъ лицъ, 7-го декабря, генералъ графъ Орловъ. Кромѣ того, графъ А. Г. Орловъ обѣдалъ за высочайшимъ столомъ 28-го ноября и 30-го ноября.

[2] Полное собраніе сочиненій князя П. А. Вяземскаго, т. 8-й, стр. 23-я. (Старая записная книжка).

Массонъ приводитъ въ своихъ запискахъ слѣдующіе стихи по поводу кончины Екатерины:

«L'aigle puissant du nord, frappé dans sa carrière,
Se rabat sur la terre:
Il erre dans la nuit; son astre s'est éteint».
(Masson: Mémoires secrets, t. I, p. 244).

Совершенно иначе разсуждалъ представитель прусскаго короля. Говоря о повелѣніи перенести въ крѣпость тѣло Петра III-го, прусскій посланникъ Тауенцинъ прибавляетъ: «C'est un coup terrible que l'Empereur porte à la feue impératrice et une forte leçon pour ses successeurs. Le public se livre à une joie et un contentement incroyable (??!). La règne de l'immortelle Catherine, dépouillé du fantôme de gloire et de grandeur qui l'entourait, ne laisse véritablement qu'un empire malheureux et un gouvernement vicieux dans toutes les branches». Читая эти злостныя строки, направленныя противъ Екатерины II-й, можно только сказать, что было бы еще удивительнѣе, если бы онѣ не появились изъ-подъ пера дипломата, помнившаго невыгодныя для его отечества начинанія почившей императрицы.

триванія войскъ, поставленныхъ въ парадъ». Затѣмъ, въ заключеніе все-таки состоялся неизмѣнный вахтъ-парадъ, а за нимъ послѣдовало еще обычное отданіе приказа. Измѣненіе въ обычномъ препровожденіи времени выразилось только тѣмъ, что «обѣденное кушанье ихъ императорскія величества имѣть соизволили во внутреннихъ комнатахъ въ двухъ персонахъ» [1].

Съ 5-го по 18-е декабря народъ всякаго званія допускаемъ былъ на поклоненіе въ крѣпость безпрепятственно. Наконецъ, 18-го декабря, останки Петра III и Екатерины II были преданы землѣ, послѣ панихиды, въ присутствіи ихъ величествъ и всей императорской фамиліи.

Замѣтимъ здѣсь, что уже въ приказѣ отъ 6-го декабря сказано было: «Генералъ-фельдцейхмейстеръ князь Зубовъ увольняется въ отставку, а генералу отъ артиллеріи Мелиссину командовать оною частію безъ названія фельдцейхмейстеромъ» [2].

По словамъ Вигеля, «явно преслѣдуя память матери своей, новый императоръ съ особенною торжественностью поклонялся праху отца. Извлекая его изъ могилы, вѣнчая во гробѣ, онъ только воскресилъ неуваженіе къ сему давно забытому государю. Какъ святой Реми завоевателю Клодвигу, казалось, онъ говорилъ русскому народу: жги, что ты боготворилъ, и боготвори, что ты жогъ. Минерва въ баснословіи не имѣла матери, а сыну Минервы можно было бы забыть, что онъ имѣлъ отца» [3].

Тревожно и грустно взиралъ Александръ на эту церемонію двойныхъ похоронъ. Мечтатель юноша съ романтическими идеями, одушевленный какою-то неопредѣленною филантропіею, сознательно уклонившійся отъ политической роли, предназначенной ему Екатериною, очутился, подавленный ужасомъ, у подножія трона — безсильнымъ помочь и лишеннымъ возможности отойти! Наступаетъ трагическая пора его истинно нерадостной жизни, и вскорѣ неумолимый рокъ потребуетъ отъ него выбора между государственной пользой и сыновнимъ чувствомъ.

Событіе двойныхъ похоронъ воспѣто было неизвѣстнымъ поэтомъ на страницахъ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей» 1796 года (9-го декабря, № 99) подъ заглавіемъ: «Надпись къ императорскимъ гробамъ».

[1] Камеръ-фурьерскій журналъ 1796 года (5-го декабря).

[2] Очевидно, что императоръ Павелъ отложилъ увольненіе князя Зубова до выноса тѣла Екатерины II изъ Зимняго дворца въ Петропавловскую церковь. Нельзя при этомъ не замѣтить, что 24-го ноября послѣдовалъ слѣдующій приказъ: «назначаются по артиллеріи инспекторы: генералъ-фельдцейхмейстеръ князь Зубовъ и артиллерійскій генералъ-отъ-инфантеріи Мелиссино». Паденіе Зубова сопровождалось также удаленіемъ графа Аркадія Ивановича Моркова. 17-го ноября Морковъ отставленъ былъ отъ службы, и повелѣно ему выѣхать изъ столицы въ свои деревни.

[3] Записки Ф. Ф. Вигеля. Москва. 1891, часть 1-я, стр. 75.

«Два гро́ба и сердца́, судьбою разлучены,
Соединяетъ сынъ, примѣрный изъ царей!
Падъ къ императорскимъ стопамъ его священнымъ,
Россія чтитъ примѣръ любви сыновней сей;
И зря въ чувствительномъ порфирородномъ сынѣ
Чувствительна царя, отечества отца,
Чего лишилася въ Петрѣ, Екатеринѣ,
То въ Павлѣ возвратя, благодаритъ Творца».

Но панегиристы подвига, совершеннаго «порфиророднымъ сыномъ», не удовольствовались прославленіемъ его въ приведенныхъ нами виршахъ; рѣзецъ художника также принялся за возвеличеніе памяти Петра III. Появился рядъ аллегорическихъ картинъ.

Въ одной изъ нихъ представлена внутренность храма; на возвышеніи стоитъ гробъ; поднятую гробовую крышку поддерживаетъ съ одной стороны монахъ, съ другой женщина въ царскомъ вѣнцѣ (Россія или богиня, олицетворяющая правду); въ правой рукѣ у нея скипетръ, а въ лѣвой свѣтильникъ, освѣщающій дивное зрѣлище: изъ гроба поднимается до половины Петръ III, протягивающій руку императору Павлу. Подлѣ монаха стоитъ женщина, изображающая правосудіе, и держитъ въ одной рукѣ вѣсы, склоняющіеся къ Петру III, а въ другой корону надъ его головой. Павелъ Петровичъ, имѣя въ правой рукѣ своей руку отца, оборотился и другою рукою указываетъ на Петра вельможамъ, которые выражаютъ радость и одобреніе; позади этой группы царедворцевъ графъ А. Г. Орловъ-Чесменскій въ ужасѣ какъ бы отстраняется отъ видѣнія. Отъ гроба сползаютъ змѣи. Передъ гробомъ два крестьянина, изъ коихъ одинъ на колѣняхъ, а другой, распростертый, лежитъ на полу; эта группа должна, вѣроятно, изображать признательный и обрадованный зрѣлищемъ россійскій народъ. Внѣ церкви виднѣется лагерь, передъ которымъ выстроены гвардейскія войска въ гатчинскомъ нарядѣ; надъ ними летятъ богиня славы съ лавровымъ вѣнкомъ въ одной рукѣ и съ горящимъ факеломъ въ другой и два голубя съ миртовыми вѣнками. Затѣмъ молнія, сверкающая въ темныхъ облакахъ, ударяетъ въ дерево, стоящее на горѣ и разбиваетъ его до корня. На горизонтѣ виднѣется восходящее солнце. Подъ гравюрою написано: «Exhumation de Pierre III le 8 Novembre 1796. Dédié et présenté à Sa Majesté Paul I empereur de toutes les Russies. Par son très humble et très dévoué serviteur N. Ancelin» [1].

Изобрѣтательная фантазія Николая Анселина создала еще другую картину, въ которой представлено принятіе Петромъ Великимъ въ Ели-

[1] Д. А. Ровинскій: Подробный словарь русскихъ гравированныхъ портретовъ. С.-Петербургъ, 1888, т. 3-й, стр. 1470. (Se vend à St.-Pétersbourg chez Rapey. Rue de l'Amirauté, au coin de la grande Morskoé. Maison du Cap. Chmite»).

сейскихъ поляхъ Петра III. Изданная тогда же гравюра съ этой картины также посвящена была императору Павлу. Здѣсь изображены на лѣвой сторонѣ адъ: въ пещерѣ, за которой клубится пламя, сидятъ обнявшіеся Плутонъ и Прозерпина; внизу парки, церберъ на цѣпи и три гіэны. Харонъ отчаливаетъ, чтобы ѣхать назадъ черезъ Стиксъ; онъ перевезъ въ адъ трехъ лицъ, изъ которыхъ одинъ лежитъ распростертымъ, другой палъ на колѣни, какъ бы умоляя о продленіи жизни, а третій сѣлъ и ломаетъ себѣ руки. Это должны быть: графъ А. Орловъ, князь Барятинскій и Пассекъ; фуріи сѣкутъ ихъ пуками змѣй. Правая сторона картины представляетъ за рѣкою Елисейскія поля; тамъ Павелъ ведетъ за руку Петра III, который въ коронѣ, порфирѣ и со скипетромъ; позади ихъ женщина въ саванѣ: это должна быть Екатерина II, а близъ нихъ—богиня правосудія съ вѣсами въ одной рукѣ и съ опущеннымъ мечемъ въ другой; по правой сторонѣ зрители этой сцены: императрица Марія Θеодоровна, ведущая за руку ребенка, великіе князья Александръ и Константинъ и великія княжны. Всѣхъ этихъ зрителей ведутъ пляшущій амуръ и какая-то женщина. Петра III беретъ за руку спустившаяся на облакѣ женщина въ шлемѣ, вѣроятно, Россія, и указываетъ на Петра Великаго, который съ облаковъ протягиваетъ обѣ руки, призывая къ себѣ Петра III. Надъ послѣднимъ летитъ богиня славы съ лавровымъ вѣнкомъ и съ пламенникомъ; около Петра Великаго на облакахъ Марсъ и Юнона, выше ихъ, на облакахъ же, храмъ славы, а на крышѣ его орелъ; въ храмѣ богиня славы какъ бы вѣщаетъ міру о подвигахъ Петра III. Затѣмъ, въ облакахъ, изображены боги Олимпа; въ воздухѣ летятъ трубящая Слава и Меркурій. Внизу картины между деревьями представленъ еще сидящій историкъ, который повѣствуетъ о событіяхъ міра; его слушаетъ народъ, а еще далѣе изображены крестьяне съ орудіями работъ и женщина съ лирой. Внизу картины, въ особомъ медальонѣ, представлены крестьяне, сѣющіе и убирающіе хлѣбъ свидѣтельствующіе о трудолюбіи и благоденствіи народа.

Наконецъ, появилась еще третья аллегорическая гравюра Валькера, сдѣланная съ картины Луизы Перонъ Лабруе (Louise Peron la Brouë). Подъ гравюрой, также посвященной Павлу I, имѣется объясненіе содержанія представленной аллегоріи на русскомъ и французскомъ языкахъ:

«Сыновнее благочестіе «символъ императорскаго обѣта» держитъ два медальона, изображающіе Петра III и Екатерину II, и идетъ вставить ихъ въ пирамиду, долженствующую служить памятникомъ дѣянія. Императоръ лобызаетъ урнъ, въ которомъ хранится прахъ Петра III и Екатерины II. Онъ сопровождаемъ мудростію, которая несетъ скипетръ и корону, спутствуетъ ему правосудіе и побѣда; посреди ихъ находится россійскій геній. Соединенные народы созерцаютъ явленію. Исторія вноситъ его въ лѣтопись, время въ теченіи своемъ подъимаетъ завѣсы, и

попускаетъ узрѣть внутренность храма незабвенія, въ коемъ лежитъ открытая книга, въ ней написано Павелъ I. На лицѣ жертвенника видна выпуклость, изображающая Петра I и Петра III, встрѣчающихъ Екатерину II въ Елисейскихъ поляхъ»[1].

Императоръ Павелъ не забылъ привлечь къ загробному апоѳеозу Петра III живыхъ приверженцевъ своего отца: Гудовича, барона Унгернъ-Штернберга и другихъ. Они были осыпаны милостями со стороны признательнаго государя.

Потребовавъ къ себѣ барона Унгерна, императоръ обратился къ нему съ вопросомъ:

— Слышали вы, что я дѣлаю для моего отца?

— Да, государь, я узналъ объ этомъ съ удивленіемъ.

— Какъ съ удивленіемъ, — замѣтилъ Павелъ Петровичъ,—развѣ я не исполняю долгъ свой? Смотрите,—продолжалъ онъ, обращаясь къ портрету Петра III, находившемуся уже въ кабинетѣ:—я хочу, чтобы онъ былъ свидѣтелемъ моей благодарности къ друзьямъ его[2].

Сказавъ это, государь обнялъ стараго генерала и надѣлъ на него ленту св. Александра Невскаго. Почтенный старецъ, не ожидавшій этой милости, вышелъ изъ кабинета, проливая слезы. Императоръ поручилъ барону Унгерну наблюдать за порядкомъ у гроба Петра III.

Наградивъ приверженцевъ отца, Павелъ Петровичъ съ тѣмъ большею суровостью отнесся къ участникамъ переворота 1762 года; немилость его коснулась даже женщины, княгини Екатерины Романовны Дашковой, и онъ не замедлилъ поступить съ нею жестокимъ образомъ.

Еще въ 1793 году, въ минуту неудовольствія по поводу Княжнинской исторіи, императрица Екатерина сказала княгинѣ Дашковой: «Если съ моей стороны преступленіе занимать то мѣсто, на которомъ я нахожусь, такъ какъ я сознаю, что я не имѣла на него ни правъ по рожденію, ни какихъ-либо другихъ,—то и вы раздѣляете со мной это преступленіе. (Si c'est un crime d'être à la place où je suis, car j'avoue que je n'y avais ni le droit de naissance, ni d'autres, eh bien, ce crime vous le partagez avec moi)». Павелъ Петровичъ какъ бы вдохновился этими словами Екатерины и 1-го декабря 1796 года послалъ московскому главнокомандующему М. М. Измайлову слѣдующій рескриптъ: «Объявите княгинѣ Дашковой, чтобъ она, напамятовавъ происшествія, случившіяся въ 1762 году, выѣхала изъ Москвы въ дальныя свои деревни. Пребываемъ вамъ благосклонны. Павелъ.

[1] Гравюра Валькера воспроизведена въ сочиненіи: «Императоръ Александръ I. Его жизнь и царствованіе», т. 1-й, стр. 141.

[2] Masson: Mémoires secrets, t. 1, pp. 189—190.

Княгиня Анна Петровна Гагарина.

Съ портрета того времени, принадлежащаго князю П. А. Голицыну.

А. И. Вильборгъ, СПБ. Мыш. 2.

«Извольте смотрѣть, чтобъ ѣхала немедленно» [1].

Дашкова, несмотря на болѣзненное состояніе, на третій день по полученіи повелѣнія выѣхала изъ Москвы въ свое Троицкое имѣніе. Но этимъ не ограничились постигшія ее невзгоды. Вскорѣ послѣдовало новое повелѣніе, по которому больная княгиня вынуждена была 26-го декабря, во время сильнѣйшей стужи, отправиться въ кибиткѣ въ одну изъ деревень ея сына, лежавшую въ сѣверной части Новгородской губерніи, и тамъ ожидать дальнѣйшихъ распоряженій.

По достиженіи мѣста своей ссылки, Дашкова, за неимѣніемъ помѣщичьяго дома въ этой заброшенной деревнѣ, поселилась въ простой избѣ вмѣстѣ съ прислугою. По совѣту князя Репнина, опальная княгиня обратилась къ императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ съ просьбою ходатайствовать у государя, чтобы ей было дозволено возвратиться въ Троицкое. При содѣйствіи Е. И. Нелидовой, императрицѣ удалось наконецъ добиться дарованія ни въ чемъ неповинной княгинѣ Дашковой высочайшаго разрѣшенія возвратиться въ Троицкое.

Болѣе виновный въ переворотѣ 1762 года, со всѣми его послѣдствіями, графъ А. Г. Орловъ-Чесменскій испыталъ менѣе непріятностей; послѣ нравственной пытки, наложенной на него въ день 2-го декабря, ему разрѣшено было отправиться за границу, гдѣ онъ спокойно прожилъ до воцаренія императора Александра. Находясь въ 1798 году въ Карлсбадѣ, графъ Орловъ съ необыкновенною пышностью отпраздновалъ 29-е іюня, день тезоименитства государя. На празднествѣ присутствовалъ А. С. Шишковъ, который въ своихъ запискахъ пишетъ: «Праздникъ былъ великолѣпный. Поутру собралось здѣшнее общество стрѣлковъ (давно уже избравшее графа Орлова своей главою) для стрѣлянія въ цѣль, съ расписанными за мѣткость наградами. Всѣ русскіе приглашены были къ обѣденному столу [2]. Послѣ обѣда—театръ, гдѣ въ аллегорическомъ балетѣ выставленъ былъ бюстъ императора Павла Перваго, которому геніи, при увѣнчиваніи онаго лаврами, пѣли въ честь разные стихи, напечатанные и раздаваемые всѣмъ зрителямъ. Ввечеру—блестящій балъ съ разными потчиваніями и ужиномъ, за которымъ, при питіи шампанскаго за здравіе императора, палили изъ пушекъ, нарочно для сего выписанныхъ и привезенныхъ. Домъ и прилежащая къ нему роща были богатою рукою освѣщены огнями, и, наконецъ, сожженъ прекраснѣйшій фейерверкъ. Я очень былъ радъ сему празднику, доставившему мнѣ случай сдѣлать, съ приложеніемъ пѣтыхъ сти-

[1] Собственноручная приписка императора Павла. Тотчасъ послѣ воцаренія его княгиня Дашкова была отрѣшена отъ всѣхъ занимаемыхъ ею должностей.

[2] Изъ русскихъ, кромѣ А. С. Шишкова, въ Карлсбадѣ находились еще князь Зубовъ, графъ Ильинскій, Н. Н. Новосильцевъ и другіе.

ховъ, подробное донесеніе, которое имѣло такой успѣхъ, что государь императоръ, невзирая на великую свою къ графу Орлову немилость, написалъ къ нему благодарное письмо» [1].

Дѣйствительно, императоръ Павелъ, по случаю Карлсбадскаго празднества, писалъ Орлову:

«Графъ Алексѣй Григорьевичъ! Узнавъ о празднествѣ, сдѣланномъ вами по случаю прошедшаго дня моихъ именинъ, и судя изъ онаго, что вы хотѣли дать мнѣ лично знать о вашей ко мнѣ преданности, я изъявляю вамъ мою благодарность, яко о дѣлѣ, персонально ко мнѣ относящемся, пребывая вамъ впрочемъ благосклоннымъ. Павелъ».

Отмѣченная нами уже не разъ постоянная непослѣдовательность въ дѣйствіяхъ Павла Петровича подтверждается вновь блистательнымъ образомъ и въ этомъ только что приведенномъ случаѣ.

Вообще, среди систематическаго преслѣдованія всего связаннаго съ воспоминаніями о екатерининскомъ царствованіи, которое какъ бы вычеркивалось изъ скрижалей исторіи, особенно поражаютъ два примѣра явнаго, какъ бы полнаго забвенія прошлаго: Петру Васильевичу Завадовскому, бывшему когда-то фаворитомъ Екатерины II, пожаловано было графское достоинство, а проживавшему въ Ревелѣ Алексѣю Григорьевичу Бобринскому повелѣно было прибыть въ Петербургъ [2]. Здѣсь на Бобринскаго посыпались щедрыя и неожиданныя милости; 12-го ноября, ему пожаловано было графское достоинство, подаренъ домъ, утверждены за нимъ имѣнія, назначенныя Екатериною; затѣмъ послѣдовало назначеніе его шефомъ 4-го эскадрона конной гвардіи, награжденіе Аннинской лентой, производство въ генералъ-маіоры и т. д. Наконецъ на пріемѣ во дворцѣ императоръ Павелъ, выведя графа Алексѣя Григорьевича впередъ, представилъ его присутствовавшимъ, какъ своего брата [3].

Все это можетъ казаться сновидѣніемъ, при сравненіи съ другими событіями, сопровождавшими собою воцареніе государя. Но, начиная съ 6-го ноября 1796 года, по странной прихоти судьбы, на придворной и на политической сценахъ происходитъ небывалое представленіе; примирительныя вѣянія, великодушные порывы, идутъ рука объ руку съ бичеваніемъ намѣченныхъ заранѣе жертвъ, какъ отдѣльныхъ личностей, такъ и цѣлыхъ учрежденій. Благодаря подобному стеченію изумительныхъ противоположностей, новая эра является передъ нами въ видѣ сплошного, тяжелаго кошмара, напоминающаго порою, по выраженію современника, «зады Іоанна Грознаго».

[1] Записки А. С. Шишкова, стр. 55—56.

[2] Въ 1790 году Алексѣй Григорьевичъ Бобринскій изъ ротмистровъ конной гвардіи уволенъ былъ отъ службы, по собственному прошенію, съ чиномъ бригадира.

[3] «Русскій Архивъ» 1899 года, книга 1-я, стр. 242.

Непослѣдовательность можно также видѣть при разсмотрѣніи отношеній государя къ князю Зубову. Сначала ему оказано было нѣкоторое вниманіе и даже состраданіе къ его горю; затѣмъ, стали проявляться даже признаки милости. Между прочимъ, по случаю выселенія князя Зубова изъ дворца, для него купленъ былъ домъ и снабженъ всѣмъ необходимымъ [1]. Павелъ Петровичъ посѣтилъ его въ сопровожденіи императрицы, при чемъ при встрѣчѣ съ княземъ Зубовымъ произнесъ достопамятныя слова: «Кто старое помянетъ, тому глазъ вонъ». Когда подали шампанское, государь сказалъ: «Сколько здѣсь капель, столько желаю тебѣ всего добраго», и, обращаясь къ императрицѣ, сказалъ: «Выпей все до капли». И, выпивши самъ, разбилъ бокалъ. Платонъ Александровичъ припалъ къ стопамъ государя и былъ поднятъ съ повтореніемъ словъ: «Я тебѣ сказалъ, кто старое помянетъ, тому глазъ вонъ». Потомъ подали самоваръ. Государь сказалъ Маріи Ѳеодоровнѣ: «Разлей чай, у него вѣдь нѣтъ хозяйки» [2].

Послѣ этой встрѣчи казалось, что прошлое забыто въ порывѣ необычайнаго великодушія. Но нѣтъ! 6-го декабря отдается приказъ: «генералъ-фельдцейхмейстеръ князь Зубовъ увольняется въ отставку», а за симъ посыпались денежныя взысканія по поводу разныхъ недочетовъ, оказавшихся или приписанныхъ князю Зубову по дѣламъ, ввѣреннымъ ему покойной императрицей. Наконецъ, въ заключеніе, князю Платону Александровичу разрѣшенъ былъ отъѣздъ за границу [3].

По странной случайности, путешествіе князя Зубова отозвалось роковымъ образомъ на судьбѣ будущаго знаменитаго дѣятеля павловскаго царствованія, барона Петра Алексѣевича фонъ-деръ-Палена. Въ моментъ проѣзда князя Зубова черезъ Ригу, здѣсь ожидали прибытія польскаго короля Станислава-Августа, отправлявшагося въ Петербургъ, и, по повелѣнію государя, ему приготовлена была торжественная встрѣча. Въ назначенный день разставлена была на улицахъ стража изъ городскихъ жителей (Bürger Companien) и приготовленъ былъ большой обѣдъ въ домѣ Черныхъ Головъ (auf dem Hause der Schwarzen Häupter). Король въ этотъ день не прибылъ, а вмѣсто него въѣхалъ въ городъ князь Зубовъ. Собранные для почетной встрѣчи короля бюргеры отдали Зубову честь, какъ русскому генералу, а часть обѣда, приготовленнаго

[1] 17-го ноября 1796 года: «Высочайше повелѣно за купленный у тайнаго совѣтника Мятлева и всемилостивѣйше пожалованный генералъ-фельдцейхмейстеру графу (князю) Зубову домъ, въ Канатной улицѣ состоящій, заплатить изъ кабинета сто тысячъ рублей». (Приложеніе къ камеръ-фурьерскому журналу 1796 года).

[2] Разсказы генерала Котлубицкаго о временахъ императора Павла I. «Русскій Архивъ» 1866 года, стр. 1313.

[3] По именному указу 3-го февраля 1797 года, князь Зубовъ уволенъ былъ за границу, съ дозволеніемъ заѣхать въ литовскія свои деревни.

для короля, послужила для угощенія князя. Обо всемъ этомъ посланъ былъ доносъ къ государю [1]. Послѣдствія его не заставили себя ждать. 26-го февраля 1797 года, императоръ подписалъ на имя Палена рескриптъ довольно оригинальнаго содержанія:

«Господинъ генералъ-лейтенантъ Паленъ. Съ удивленіемъ увѣдомился я обо всѣхъ подлостяхъ, вами оказанныхъ въ проѣздъ князя Зубова черезъ Ригу; изъ сего и дѣлаю я сродное о свойствѣ вашемъ заключеніе, по коему и поведеніе мое противъ васъ соразмѣрно будетъ. Сіе письмо можете показать генералъ-лейтенанту Бенкендорфу» [2].

Въ тотъ же день послѣдовалъ приказъ, по которому генералъ-лейтенантъ фонъ-деръ-Паленъ «за почести и встрѣчи, дѣлаемыя партикулярнымъ людямъ, какъ то при проѣздѣ князя Зубова, и за отлучку безъ увольненія въ Митаву для провожанія его же, выключенъ изъ службы».

Нельзя не обратить вниманія еще и на то обстоятельство, что когда отданъ былъ столь несправедливый приказъ о баронѣ Паленѣ, въ Петербургѣ происходила закладка новаго дворца, которому суждено было впослѣдствіи играть столь важную роль въ жизни этого временно опальнаго генерала.

Вскорѣ послѣ воцаренія императора Павла, одинъ солдатъ, стоявшій у Лѣтняго дворца на часахъ, объявилъ о случившемся ему чудесномъ видѣніи Архангела Михаила. Это необычайное происшествіе доведено было до свѣдѣнія государя, послѣ чего въ день вахтъ-парада, 20-го ноября 1796 года, послѣдовало соотвѣтствующее распоряженіе; въ приказѣ, отданномъ при паролѣ, сказано было: «бывшій Лѣтній дворецъ называть Михайловскимъ дворцемъ». Вмѣстѣ съ тѣмъ Павелъ Петровичъ рѣшился построить на мѣстѣ дворца, въ которомъ онъ родился, новое великолѣпное сооруженіе, которое должно было затмить собою Зимній

[1] Seume: Zwey Briefe über die neuesten Veränderungen in Russland.—Zürich, 1797, p. 74.

[2] Христофоръ Ивановичъ Бенкендорфъ занималъ въ то время мѣсто военнаго губернатора въ Ригѣ; онъ былъ женатъ на Аннѣ-Юліанѣ Шиллингъ фонъ-Канштадтъ, подругѣ дѣтства императрицы Маріи Ѳеодоровны. По случаю происшествій съ княземъ Зубовымъ, генералъ Бенкендорфъ получилъ 26-го февраля высочайшій выговоръ въ особомъ рескриптѣ: «Извѣстясь обо всемъ, происшедшемъ въ Ригѣ въ проѣздъ князя Зубова, удивляюсь, какъ вы могли допустить все сіе сдѣлать, и, видя изъ сего слабость исправленія должности вашей, дѣлаю вамъ за сіе выговоръ». Рижскому губернатору, барону Кампенгаузену, императоръ Павелъ писалъ того же 26-го февраля: «Съ удивленіемъ извѣстился я о встрѣчѣ и другихъ почестяхъ, сдѣланныхъ мѣщанствомъ рижскимъ князю Зубову при проѣздѣ его чрезъ Ригу. Какъ подобныя почести никому изъ приватныхъ людей не принадлежатъ, то я и требую отъ васъ отвѣта, для чего вы допустили дѣлать оныя мѣщанство, въ поступкѣ коего видится одна лишь подлость, что вы имъ и объявите».

дворецъ, ненавистный ему уже по одному воспоминанію, что здѣсь жила и царствовала тридцать четыре года Екатерина II. Лѣтній дворецъ былъ сломанъ, и 26-го февраля 1797 года императоръ Павелъ на томъ же самомъ мѣстѣ торжественно заложилъ первый камень будущаго Михайловскаго замка»[1].

Еще въ ноябрѣ 1796 года повелѣно было употребить всѣ возможные способы, чтобы помянутый замокъ въ теченіе будущаго 1797 года могъ быть вчернѣ отдѣланъ.

Графиня Головина пишетъ, что во время работъ, при устройствѣ фундамента этого дворца, найденъ былъ камень съ именемъ «несчастно рожденнаго» императора Іоанна III[2]. Такимъ образомъ это роковое имя явилось какъ бы на стражѣ зарождавшагося новаго злого дѣла. «На этомъ мѣстѣ я родился, здѣсь хочу и умереть», сказалъ императоръ Павелъ въ 1801 году, когда онъ поселился въ отстроенномъ уже Михайловскомъ замкѣ: желаніе его исполнилось съ буквальною точностью.

Остается отмѣтить еще одно повелѣніе императора Павла, находившееся въ связи съ воспоминаніями о переворотѣ 1762 года. Послѣдовалъ указъ сенату отъ 26-го января 1797 года, въ которомъ изображено: «Находящіеся въ печатныхъ 1762 года указныхъ книгахъ по порядку нумераціи листы въ форматѣ четвертки съ третьяго на десять по двадцать первой и въ форматѣ осьмушки съ седьмаго на десять по тридесятой, повелѣваемъ во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ бы оныя книги ни находились, означенные листы изъ нихъ выдравъ, доставить безъ промедленія къ нашему генералъ-прокурору, о чемъ имѣетъ сенатъ учинить свое распоряженіе и куда слѣдуетъ предписать о точномъ и самоспѣшнѣйшемъ исполненіи сей нашей воли».

По полученіи генералъ-прокуроромъ Александромъ Андреевичемъ Беклешовымъ выдранныхъ листовъ манифеста Екатерины II, онъ донесъ, 2-го августа 1799 года, императору Павлу[3], что «вслѣдствіе таковой высокомонаршей воли, по предписанію сената доставлены тако-

[1] При закладкѣ замка былъ положенъ мраморный камень съ высѣченною надписью: «Въ лѣто отъ Рождества Христова 1797 года, мѣсяца февраля въ 26-й день, въ началѣ царствованія государя императора и всея Россіи самодержца Павла Перваго, положено основаніе сему зданію Михайловскаго замка его императорскимъ величествомъ и супругою его государынею императрицею Маріею Өеодоровною».

[2] «En creusant le fondement de ce palais on trouva une pierre sur laquelle était gravé le nom du malheureux Ivan». (Mémoires de la comtesse Golovine).

[3] Пока по всей Россіи исполняли предписанное указомъ 26-го января 1762 года, тогдашній генералъ-прокуроръ князь Алексѣй Борисовичъ Куракинъ былъ замѣненъ 8-го августа 1798 Петромъ Васильевичемъ Лопухинымъ, который, въ свою очередь, будучи уже свѣтлѣйшимъ княземъ, уступилъ мѣсто 7-го іюля 1799 года А. А. Беклешову.

вые листы изъ всѣхъ губерній и прочихъ присутственныхъ мѣстъ, также отъ многихъ частныхъ людей». Затѣмъ генералъ-прокуроръ испрашивалъ дальнѣйшаго высочайшаго повелѣнія относительно доставленныхъ ему выдранныхъ листовъ манифеста. Полученное имъ указаніе заключалось въ слѣдующемъ распоряженіи: «Въ тайной экспедиціи сжечь оныя, оставивъ два экземпляра для справки»[1].

Дѣйствительно, послѣ пышныхъ похоронъ Петра III и коронованія «бывшаго императора», неудобно было оставлять въ указныхъ книгахъ обстоятельный манифестъ Екатерины II отъ 6-го іюля 1762 года, въ которомъ безпощаднымъ образомъ осуждены были всѣ дѣйствія кратковременнаго царствованія Петра Ѳеодоровича и помѣщенъ былъ актъ отреченія, въ которомъ онъ признавалъ «тягость и бремя» правленія не соотвѣтственными съ своими силами.

IV.

Между тѣмъ перемѣны продолжали итти съ неимовѣрною быстротой, онѣ совершались не годами, не мѣсяцами, а часами. Всякій могъ почитать себя ежеминутно наканунѣ гибели или быстраго возвышенія. «Блескъ и померцаніе вмигъ—къ восходу и къ заходу текутъ наши свѣтила съ равною скоростью», говоритъ современникъ.

Болѣе тридцати-четырехлѣтнее царствованіе Екатерины пріучило русскихъ почитать себя въ Европѣ. «Вдругъ», пишетъ очевидецъ совершившагося переворота, «мы переброшены въ самую глубину Азіи и должны трепетать передъ восточнымъ владыкой, одѣтымъ однако же въ мундиръ прусскаго покроя, съ претензіями на новѣйшую французскую любезность и рыцарскій духъ среднихъ вѣковъ: Версаль, Іерусалимъ и Берлинъ были его девизомъ, и такимъ образомъ всю строгость военной дисциплины и феодальное самоуправленіе умѣлъ онъ соединить въ себѣ съ необузданною властію ханскою и прихотливымъ деспотизмомъ французскаго дореволюціоннаго правительства»[2].

Императоръ Павелъ, ни въ чемъ не раздѣлявшій воззрѣній своей матери, былъ, конечно, всегдашнимъ противникомъ раздѣловъ польскихъ областей. Поэтому, послѣ своего воцаренія, онъ немедленно вспомнилъ о польскихъ плѣнныхъ, содержавшихся съ 1794 года въ

[1] Государственный Архивъ, разрядъ III, № 23. (Дѣло по поводу повелѣнія императора Павла объ уничтоженіи манифестовъ императрицы Екатерины II о восшествіи ея на престолъ).

[2] Записки Ф. Ф. Вигеля, часть 1-я, стр. 77.

Петербургѣ, и рѣшилъ даровать имъ свободу, распространивъ затѣмъ эту милость и на прочихъ сосланныхъ Екатериною поляковъ.

Въ воскресенье 16-го (27-го) ноября 1796 года, государь, въ сопровожденіи наслѣдника цесаревича, пріѣхалъ въ Мраморный дворецъ, въ нижнемъ этажѣ котораго содержался подъ строгимъ присмотромъ раненый, плѣнный Костюшко [1]. Павелъ сказалъ Костюшкѣ, что давно сожалѣлъ о его участи, но не могъ ничего для него сдѣлать, теперь же можетъ вознаградить плѣнника за перенесенныя имъ продолжительныя страданія. «Вы свободны», прибавилъ императоръ, «я самъ желалъ принести вамъ эту утѣшительную вѣсть. (Vous êtes libre, je voulais moi-même vous apporter cette bonne nouvelle)». Костюшко былъ до того взволнованъ, что не могъ выговорить ни слова. Императоръ, тронутый, а, можетъ быть, польщенный его замѣшательствомъ, заговорилъ съ нимъ ласково, сѣлъ подлѣ него, постарался успокоить его и возбудить довѣріе; наконецъ Костюшко нашелъ слова для выраженія своей признательности и, вспомнивъ о своихъ соотечественникахъ, спросилъ, будутъ ли освобождены и другіе польскіе плѣнные. «Они будутъ также освобождены», отвѣтилъ государь, «хотя въ моемъ Совѣтѣ многіе высказались противъ освобожденія Потоцкаго и Нѣмцевича; находятъ ихъ слишкомъ опасными». «Хотите вы», прибавилъ онъ, «дать мнѣ ваше слово и принять на себя ручательство за ихъ хорошое поведеніе?». Костюшко отвѣтилъ, что за Нѣмцевича онъ ручается, а относительно Потоцкаго не можетъ принять на себя какое либо обязательство, не переговоривъ съ нимъ предварительно. Павелъ Петровичъ остался очень доволенъ этою осторожностью Костюшки, которая ручалась за искренность его намѣреній, и разрѣшилъ ему ѣхать къ Потоцкому, когда только онъ того пожелаетъ. Затѣмъ Костюшко просилъ государя позволить ему удалиться въ Америку. Императоръ изъявилъ ему свое согласіе и обѣщалъ даровать генералу средства для осуществленія этого путешествія. Великій князь Александръ былъ настолько растроганъ болѣзненнымъ и печальнымъ видомъ Костюшки, что прощаясь обнялъ его нѣсколько разъ со слезами на глазахъ [2].

[1] Дворецъ, служившій пребываніемъ Костюшкѣ, въ нѣкоторыхъ разсказахъ обратился въ темницу. Нѣмцевичъ, котораго никто не станетъ подозрѣвать въ симпатіи къ Россіи, называетъ въ своихъ запискахъ мѣсто заключенія Костюшки «palais d'Orlow». Между тѣмъ на нѣкоторыхъ гравюрахъ, увѣковѣчившихъ посѣщеніе императоромъ Павломъ польскаго узника, изображена мрачная темница, не имѣющая ничего общаго съ бывшимъ дворцомъ князя Г. Г. Орлова. Надъ входомъ этого дворца еще красовалась надпись: «зданіе благодарности».

[2] Julien Ursin Niemcewicz: Notes sur ma captivité à St.-Pétersbourg en 1794, 1795 et 1796.—Paris, 1843, pp. 180—182.

По другимъ свѣдѣніямъ Павелъ сказалъ еще польскому генералу: «Такому храб-

При посѣщеніи Потоцкаго, императоръ выказалъ свойственныя ему остроуміе и очаровательную любезность. «Я знаю», сказалъ онъ Потоцкому, «что вы много страдали, что васъ долго оскорбляли и преслѣдовали; но въ послѣднее царствованіе всѣ честные люди подвергались подобной участи, и я первый (Je sais que vous avez beaucoup souffert, que vous avez été longtemps maltraité, persécuté; mais sous le dernier règne tous les honnêtes gens l'étaient, moi le premier). Мои министры рѣшительно воспротивились вашему освобожденію; я одинъ былъ противнаго мнѣнія, и я не знаю, какимъ образомъ оно взяло верхъ. Вообще эти господа очень желали вести меня за носъ; но, къ несчастію для нихъ, у меня его нѣтъ». И, сказавъ это, онъ провелъ рукою вдоль по лицу, которая скользила, какъ по ровной поверхности. «Вы свободны», продолжалъ онъ, «но обѣщайте мнѣ оставаться спокойнымъ. Разсудокъ долженъ указать вамъ на эту необходимость. Новыя попытки могутъ только навлечь на васъ новыя несчастія. Я всегда былъ противъ раздѣла Польши, признавая его дѣломъ настолько же несправедливымъ, какъ и неполитическимъ; но теперь это—совершившійся фактъ [1]. Для возстановленія Польши необходимо содѣйствіе и согласіе со стороны трехъ державъ на возвращеніе отобранныхъ частей: но представляется ли вѣроятнымъ, чтобы Австрія и въ особенности король прусскій отдали свои доли? Не могу же я одинъ отдать принадлежащую мнѣ часть и ослабить себя въ то самое время, когда они усилились? Это невозможно. Развѣ я одинъ обязанъ объявить имъ войну, чтобы ихъ къ тому принудить? Это представляется еще менѣе возможнымъ. Имперія моя крайне нуждается въ мирѣ. И такъ, вы видите, что вамъ слѣдуетъ подчиниться обстоятельствамъ и оставаться спокойными (Promettez moi de vous tenir tranquille. La raison même doit vous en faire voir la nécessité. De nouvelles tentatives ne pourraient que vous attirer de nouveaux malheurs. J'ai toujours été opposé au partage de la Pologne: c'était un acte aussi injuste qu'impolitique, mais il est consommé. Pour rétablir votre pays, il faudrait le concours

рому воину неприлично быть безъ шпаги, возьмите мою». Государь вынулъ ее изъ портупеи и подалъ глубоко тронутому Костюшкѣ.—«Призываю Бога въ свидѣтели что пожалованной мнѣ шпаги русскаго царя я никогда не обнажу противъ русскихъ», произнесъ Костюшко, преклоняясь передъ императоромъ. Костюшко честно сдержалъ данный имъ обѣтъ, и по воцареніи Александра I ни въ 1806, ни даже въ 1812 году онъ не послѣдовалъ за Наполеономъ въ Польшу.

[1] Тѣ же мысли императоръ Павелъ высказалъ князю Станиславу Понятовскому, племяннику бывшаго короля польскаго Станислава-Августа: «Vous savez combien j'aime la Pologne et que je ferai tout pour la rétablir, mais je trouve les choses si complète ment achevées, qui cela m'est devenu impossible». Souvenirs du prince Stanislas Poniatowski. «Revue d'histoire diplomatique», 1895, p. 523.

le consentement des trois puissances, à restituer ce qu'elles ont pris: y a-t-il la moindre probabilité que l'Autriche, et surtout le roi de Prusse, rendent leurs parts? Dois-je tout seul rendre la mienne, m'affaiblir, tandis qu'ils se sont renforcés? Impossible. Dois-je tout seul leur faire la guerre pour les y contraindre? Encore moins. Mon empire n'a que trop besoin de la paix. Vous voyez donc qu'il faut vous soumettre aux circonstances, et rester tranquille). Потоцкій, тронутый откровенною и милостивою рѣчью государя, далъ ему съ полнымъ чистосердечіемъ требуемое обѣщаніе [1].

Въ началѣ декабря, всѣ плѣнные поляки покинули Петербургъ. Костюшко направился черезъ Швецію и Англію въ Америку, послѣ прощальной аудіенціи у императора въ Зимнемъ дворцѣ. Государь пожаловалъ Костюшкѣ тысячу душъ, но по прошенію его этотъ даръ замѣнили деньгами, вслѣдствіе чего, 23-го ноября 1796 года, повелѣно было выдать ему 60.000 рублей изъ кабинета [2].

29-го ноября 1796 года, объявлена была, въ указѣ сенату, амнистія всѣмъ вообще полякамъ: «подпавшимъ подъ наказаніе, заточеніе и ссылку, по случаю бывшихъ въ Польшѣ замѣшательствъ». Императоръ повелѣвалъ «всѣхъ таковыхъ освободить и отпустить въ прежнія ихъ жилища; а заграничныхъ, буде пожелаютъ, и за границу. О исполненіи сего нашъ сенатъ имѣетъ учинить немедленно надлежащія распоряженія, предписавъ куда слѣдуетъ, чтобъ со стороны губернскихъ правленій и другихъ земскихъ начальствъ взяты были мѣры къ наблюденію, дабы сіи освобождаемые оставалися спокойно и вели себя добропорядочно, не входя ни въ какія вредныя сношенія, подъ опасеніемъ тягчайшаго наказанія».

Вниманіе, оказанное императоромъ Павломъ польскимъ дѣятелямъ, распространилось и на развѣнчаннаго короля польскаго Станислава-Августа, проживавшаго въ Гроднѣ со времени раздѣла Рѣчи Посполитой. Государь пригласилъ его къ себѣ въ Петербургъ. 27-го февраля 1797 года, король прибылъ въ парадной каретѣ въ назначенный для его пребыванія Мраморный дворецъ, гдѣ высокаго гостя ожидалъ императоръ Павелъ и великіе князья Александръ и Константинъ [3]. Государь окружилъ безземельнаго короля царскими почестями и относился къ нему съ самымъ изысканнымъ вниманіемъ [4].

[1] Niemcevicz: Notes, p. 183—184.

[2] Расходы императора Павла І-го въ первыя три недѣли его царствованія. «Русская Старина» 1873 года, т. 8-й, стр. 99. Въ этомъ же спискѣ расходовъ записано: 1641 р. 30 к. за купленныя для генералъ-поручика Костюшки разныя вещи, одежду и карету.

[3] Для лѣтняго пребыванія короля предназначенъ былъ Каменноостровскій дворецъ.

[4] Саксонскій посланникъ Фелькерзамъ, въ депешѣ отъ 28-го ноября 1796 года, пишетъ: «Comme l'empereur envisage le partage de la Pologne très impolitique de la

Оказавъ милости плѣннымъ полякамъ, воцарившійся государь не позабылъ также и двухъ русскихъ знаменитыхъ политическихъ заключенныхъ. 23-го ноября 1796 года, состоялся слѣдующій рескриптъ на имя генералъ-прокурора графа Самойлова:

«Графъ Александръ Николаевичъ! Всемилостивѣйше повелѣваемъ находящагося въ Илимскѣ на житьѣ Александра Радищева оттуда освободить, а жить ему въ своихъ деревняхъ, предписавъ начальнику губерніи, гдѣ онъ пребываніе имѣть будетъ, чтобы наблюдаемо было за его поведеніемъ и перепискою.

«Павелъ».

Отсюда видно, что выѣздъ изъ деревни, а слѣдовательно пребываніе въ столицахъ, были, однако, воспрещены автору «Путешествія изъ Петербурга въ Москву»; этимъ правомъ Радищевъ воспользовался только въ слѣдующее царствованіе [1].

Затѣмъ освобожденъ былъ изъ Шлиссельбургской крѣпости Новиковъ и принятъ императоромъ 5-го декабря, послѣ полудня въ пять часовъ, въ самый день выноса тѣла императрицы Екатерины въ Петропавловскій соборъ. По словамъ Николая Ивановича, государь встрѣтилъ его «весьма милостиво и такъ, что описать не можетъ». Дѣйствительно, по пріѣздѣ въ Петербургъ, прямо изъ Шлиссельбурга, Новиковъ представлялся императору обросшимъ бородою; на вопросъ государя, чего онъ хочетъ за все имъ претерпѣнное,—Новиковъ отвѣчалъ просьбою объ освобожденіи всѣхъ заключенныхъ по его дѣлу, что и было повелѣно исполнить. Николаю Ивановичу разрѣшено было отправиться къ семейству въ подмосковную деревню [2].

Императоръ Павелъ вызвалъ также изъ Москвы массона Ивана Владиміровича Лопухина, подвергавшагося въ 1792 году допросамъ и разнымъ непріятностямъ по дѣлу Новикова. «4-го декабря (1796 года)

part de la Russie, ce prince ne cache pas son sentiment sur cet événement. Il a même dit à Stanislas Poniatovski qu'il avait toujours désapprouvé et regardé comme très injuste tout ce qui s'était fait en Pologne, et que, si les choses n'étaient pas allées aussi loin et que les autres puissances ne fussent pas mêlées, il rétablirait volontier ce royaume. Le prince Repnine, dont les sentiments sont très religieux et tiennent du martinisme, doit le fortifier dans cette idée, et l'empereur a invité par une lettre en latin le roi de Pologne à venir ici; dans cette lettre il se sert de l'expression: tu es rex».

[1] Радищевъ по освобожденіи изъ Илимска поселился въ с. Нѣмцовѣ, въ двухъ верстахъ отъ Малоярославца.

[2] Впослѣдствіи Новиковъ былъ вторично призванъ къ императору, но Николай Ивановичъ не былъ царедворцемъ. Когда государь показалъ ему крестъ св. Іоанна Іерусалимскаго, то онъ сказалъ: «Мы, государь, лучше этого можемъ учредить». Слова эти были приняты съ неудовольствіемъ. Придворные интриганы, воспользовавшись этимъ обстоятельствомъ, оттерли его отъ государя.

предсталъ я предъ Павла Перваго», пишетъ Лопухинъ. «Онъ такъ милостиво меня принялъ и такой имѣлъ даръ приласкать, когда хотѣлъ, что ни съ кѣмъ всю мою жизнь не былъ я такъ свободенъ при первомъ свиданіи, какъ съ симъ грознымъ императоромъ». 5-го декабря государь пожаловалъ Лопухина въ дѣйствительные статскіе совѣтники и назначилъ состоять при себѣ секретаремъ. Вечеромъ того же дня государь призвалъ къ себѣ Лопухина и приказалъ ему объявить генералъ-прокурору волю его объ освобожденіи всѣхъ безъ изъятія заточенныхъ въ тайной экспедиціи, кромѣ повредившихся въ умѣ. «О сихъ послѣднихъ приказалъ государь усугубить попеченіе къ возможному излѣченію, для освобожденія также ихъ по выздоровленіи», пишетъ Лопухинъ. «И вообще приказалъ онъ по сей экспедиціи принять мѣры къ лучшему и сколько можно спокойнѣйшему содержанію арестантовъ. Я обнималъ колѣна государя, дававшаго сіе повелѣніе, точно, кажется, по одному чувствованію любви къ человѣчеству.—Я увѣренъ, что при рѣдкомъ государѣ больше, какъ при Павлѣ I, можно было бы сдѣлать добра для государства, если бъ окружавшіе его руководствовались усердіемъ къ отечеству, а не выгодами собственной корысти» [1].

Вскорѣ Лопухину пришлось нѣсколько разочароваться въ своихъ похвалахъ; правдолюбіе его и частые споры съ государемъ кончились тѣмъ, что 20-го января 1797 года Лопухинъ пожалованъ былъ тайнымъ совѣтникомъ и назначенъ сенаторомъ въ 5-й московскій департаментъ, въ которомъ производились уголовныя дѣла. Лопухинъ продолжалъ и здѣсь проводить свои человѣколюбивыя воззрѣнія, которыя принимаемы были, скрѣпя сердце, сенаторами считавшими его «за тайное око государево» въ московскомъ сенатѣ [2].

Но если были оказаны милости, вызванныя особыми соображеніями, то явленія обратнаго рода оставались, все-таки, преобладающими. «Корабль не грузится, а выгружается способными людьми», справедливо отмѣтилъ наблюдательный современникъ [3].

[1] Записки Ивана Владиміровича Лопухина были изданы три раза: 1) въ Лондонѣ въ 1860 году Искандеромъ, 2) въ «Чтеніяхъ общ. ист. и др.» 1860 года, книги 2 и 3, 3) въ «Русскомъ Архивѣ» 1884 года, книга 1-я.

[2] Въ числѣ освобожденныхъ императоромъ Павломъ лицъ находился прорицатель Авель, содержавшійся въ Шлиссельбургской крѣпости, за предсказаніе кончины императрицы Екатерины. Вскорѣ Авель снова началъ пророчествовать и предсказалъ скорую кончину государя; тогда повелѣно было заключить Авеля въ Петропавловскую крѣпость, изъ которой освобожденіе его послѣдовало уже по воцареніи Александра I.

[3] Архивъ князя Воронцова, книга 12-я, стр. 242. (Письмо графа П. В. Завадовскаго къ графу А. Р. Воронцову отъ 25-го декабря 1799 года).

Въ четыре года и четыре мѣсяца своего царствованія императоръ Павелъ уволилъ, отставилъ и выкинулъ изъ службы 7 фельдмаршаловъ, болѣе 300 генераловъ и свыше 2.000 штабъ и оберъ-офицеровъ. Вдумываясь въ цѣлесообразность подобныхъ

Печальнымъ примѣромъ подобной «выгрузки» служитъ Суворовъ. Можно было предвидѣть отрицательное отношеніе нашего великаго полководца къ нововведеніямъ Павла Петровича; обмундированіе и обученіе войскъ, содержаніе ихъ и дисциплина -все противорѣчило практическому опыту фельдмаршала. Екатерина имѣетъ уже по одному тому право на безсмертіе, что она не только не препятствовала, но даже способствовала развитію величайшаго русскаго военнаго генія [1]. Теперь случилось обратное: громкія заслуги, оказанныя въ прошлое царствованіе, не имѣли въ глазахъ Павла никакого значенія; онѣ какъ бы не существовали, или, что еще хуже, подвергались рѣзкому охужденію. Такъ, напримѣръ, по поводу прагскаго штурма государь написалъ, что онъ не почитаетъ его «дѣйствіемъ военнымъ, а единственно закланіемъ жидовъ». Весьма естественно, что на Суворова стали смотрѣть, какъ на зауряднаго, а порою даже вреднаго генерала, нарушающаго стройность и порядокъ непогрѣшимаго гатчинскаго ратнаго строя.

«Я лучше прусскаго покойнаго великаго короля, я, милостію Божіею, батальи не проигрывалъ.—Русскіе прусскихъ всегда бивали, что жъ тутъ перенять... это де невозможно. А прежде того я буду въ сырой землѣ», говорилъ Суворовъ.

Хвостову же «вождь вождей» писалъ: «Нѣтъ вшивѣе пруссаковъ, лаузеръ или вшивень назывался ихъ плащъ; въ шильтгаузѣ и возлѣ будки безъ заразы не пройдешь, а головною ихъ вонью вамъ подарятъ обморокъ. Мы отъ гадины были чисты, и первая докука нынѣ солдатъ—штиблеты: гной ногамъ... опытъ военнаго искусства (новый уставъ) найденъ въ углу развалинъ древняго замка, на пергаментѣ, изъѣденномъ мышами, свидѣтельствованъ Штенверомъ и Линденеромъ и переведенъ на нѣмо-россійскій языкъ» [2]. Суворовъ находилъ, что екатеринин-

мѣропріятій, не слѣдуетъ для надлежащей ихъ оцѣнки забывать, что численность русской арміи въ то время не превосходила 400.000 человѣкъ. Массонъ пишетъ: «Les premières impressions de crainte et de joie s'étant amorties dans le coeur de Paul, il fit succéder les punitions et les disgrâces avec autant de rapidité et de profusion qu'il avait répandu les bienfaits». (Masson: Mémoires secrets, t. 1, p. 198).

[1] Поэтъ сказалъ:

«Denn wer den Besten seiner Zeit genug
Gethan, der hat gelebt für alle Zeiten».

Schiller: Wallenstein. Prolog.

[2] Къ 29-му ноября 1796 года отпечатаны были: 1) Воинскій уставъ о полевой пѣхотной службѣ (П. С. З., т. 24-й, № 17.588), 2) Правила о службѣ кавалерійской (П. С. З., т. 24-й, № 17.589), 3) Воинскій уставъ о полевой кавалерійской службѣ (П. С. З., т. 24-й. № 17.590) и 4) Высочайше утвержденные штаты полковъ кирасирскихъ, драгунскихъ, гусарскихъ, гренадерскихъ, мушкатерскихъ, егерскихъ и мушкатерскихъ баталіоновъ съ росписью полевымъ его императорскаго величества войскамъ (П. С. З., книга штатовъ), 29-го ноября въ предложеніи, данномъ военной коллегіи отъ президента оной графа Салтыкова, сказано, чтобы разослать «по всѣмъ воинскимъ командамъ экзем-

ская система военнаго управленія больше приноровлена была къ особенностямъ Россіи, чѣмъ павловскія реформы, которыя хотѣли водворить среди русской національной арміи наемническія особенности арміи прусской; по его мнѣнію, Россія—не Пруссія, и русскому государю не достанетъ зрѣнія за всѣмъ самому усмотрѣть. Получивъ палочки для образцовъ и мѣры солдатскихъ косъ и буклей, Суворовъ отозвался: «Пудра не порохъ, букли не пушки, коса не тесакъ, я не нѣмецъ—природный русакъ». Къ тому же фельдмаршалъ осмѣлился находить, что «разводы скучные, шагъ уменьшаютъ въ $^3/_4$, и такъ на непріятеля вмѣсто 40—30 верстъ».

Проповѣдуя подобную ересь противъ гатчинской непогрѣшимости, Суворовъ сознательно готовился къ печальной развязкѣ, которая не заставила себя долго ждать. У фельдмаршала не было недостатка въ недоброжелателяхъ, которые воспользовались прекраснымъ случаемъ, чтобы погубить «упрямаго чудака». 6-го февраля 1797 года отданъ былъ послѣ вахтъ-парада слѣдующій приказъ, похоронившій собою представителя русской военной славы:

«Фельдмаршалъ графъ Суворовъ, отнесясь его императорскому величеству, что, такъ какъ войны нѣтъ, и ему дѣлать нечего, то за подобный отзывъ отставляется отъ службы» [1].

Суворовъ, разставшись съ арміею, разсчитывалъ поселиться въ своемъ Кобринскомъ имѣніи и сдѣлаться пахаремъ; но старика не замедлили лишить и этого послѣдняго утѣшенія. 22-го апрѣля коллежскій ассесоръ Николевъ предъявилъ Суворову въ Кобринѣ высочайшее повелѣніе немедленно привезти его въ боровицкія деревни и препоручить городничему, «а въ случаѣ надобности требовать помощи отъ всякаго начальства». 5-го мая 1797 года Суворовъ былъ доставленъ въ свою родовую вотчину, село Кончанское, Боровицкаго уѣзда, Новгородской губерніи.

Другой русскій герой Екатерининскаго вѣка, графъ Румянцовъ-Задунайскій, былъ счастливѣе Суворова. Смерть избавила его отъ могу-

пляры тѣхъ уставовъ и штатовъ», а затѣмъ во исполненіе высочайшей воли предписать, «дабы съ полученія оныхъ къ приведенію войскъ въ новое положеніе, тотчасъ приступили и во всемъ при устроеніи ихъ тѣми уставами руководствовались». П. С. Лебедевъ въ статьѣ: «Преобразователи русской арміи въ царствованіе императора Павла Петровича 1796—1801» («Русская Старина» 1877 года, т. 18-й), подробно разобралъ пагубныя послѣдствія для русской арміи павловскихъ нововведеній.

[1] Суворовъ при отставкѣ даже лишенъ былъ военнаго мундира на основаніи приказа отъ 7-го декабря 1796 года, который гласилъ: «Всѣмъ отставнымъ, которые отставлены послѣ четвертаго сего декабря, не носить никакихъ военныхъ мундировъ, а его императорское величество предоставляетъ себѣ жаловать оное преимущество при отставкѣ, смотря на заслугу и поведеніе, кому позволить носить мундиръ».

щихъ случиться огорченій; фельдмаршалъ скончался 8-го декабря 1796 года [1].

«Нравственная атмосфера сдѣлалась тяжелою до удушливости», пишетъ біографъ генералиссимуса Суворова, «въ ней не могли долго жить люди, сознававшіе въ себѣ духовную природу и не считавшіе себя за манекеновъ» [2].

Еще разъ повторилось дословно то, что замѣчено было нашимъ историкомъ С. М. Соловьевымъ по поводу воцаренія Петра III. «Большинство встрѣтило мрачно новое царствованіе», пишетъ Соловьевъ, «знали характеръ новаго государя и не ждали ничего хорошаго». Но между обоими царствованіями все-таки замѣчается огромная разница, и, при сравненіи ихъ между собою, вѣсы отнюдь не склоняются въ пользу сына. Мрачное предчувствіе большинства не признали даже нужнымъ умѣрить такими мѣропріятіями, которыя въ 1762 году освѣтили нѣкоторымъ блескомъ первыя недѣли новаго царствованія, вызвавъ къ жизни, хотя и не надолго, примирительныя вѣянія. Ничего подобнаго не случилось въ 1796 году. Павелъ Петровичъ, напротивъ того, поставилъ себѣ какъ бы преднамѣренною задачею вызвать своими дѣйствіями однѣ «дурныя импрессіи», когда-то подмѣченныя самимъ цесаревичемъ въ правленіи своего отца.

Для подтвержденія высказанной мысли достаточно указать здѣсь на отмѣну одной существеннѣйшей статьи екатерининской жалованной дворянству грамоты, приведенную въ исполненіе вскорѣ послѣ воцаренія Павла I. На докладѣ сената отъ 2-го января 1797 года по поводу одного уголовнаго дѣла, рѣшеннаго согласно статьѣ дворянской грамоты 1785 г., въ которой сказано: «Тѣлесное наказаніе да не коснется до благороднаго»,—императоръ положилъ, 3-го января 1797 года, собственноручную резолюцію: «Какъ скоро снято дворянство, то уже и привилегія до него не касается. По чему и впредь поступать». На основаніи приведеннаго указа, провинившихся по уголовнымъ дѣламъ дворянъ начали, сверхъ лишенія дворянства, присуждать къ наказанію кнутомъ съ вырѣзаніемъ ноздрей, заклейменію и ссылкѣ въ тяжкую работу.

Несмотря на столь назидательное и явное возвращеніе къ прежнимъ, забытымъ уже, варварскимъ временамъ, нѣсколько отодвинутымъ на задній планъ заботами Екатерины, въ русской исторіографіи сдѣлано было въ послѣднее время удивительное открытіе, которое грозитъ при-

[1] Въ приказѣ отъ 21-го декабря 1796 года повелѣно было: «Налагается тридневной военной трауръ по кончинѣ фельдмаршала графа Румянцова-Задунайскаго, начиная съ завтрашняго числа».

[2] А. Петрушевскій: Генералиссимусъ князь Суворовъ.—С.-Петербургъ, 1884, т. 2-й, стр. 332.

дать нѣкоторый ореолъ даже указу 3-го января 1797 года; оказывается, что найдена руководящая мысль кратковременнаго царствованія Павла Петровича: она заключается въ уничтоженіи сословныхъ привилегій и въ водвореніи правды и законности въ государствѣ. Неяснымъ остается только вопросъ, почему для достиженія этой благой цѣли потребовалось произвести уравненіе сословій не въ хорошемъ, а въ дурномъ смыслѣ, то-есть, отчего не старались къ правамъ дворянскаго сословія приблизить права или отсутствіе правъ прочихъ сословій, а наоборотъ? Въ сущности, дѣло сводилось къ такому пріему: чтобы итти впередъ, нужно повернуть назадъ. Но какъ бы то ни было, во всякомъ случаѣ, слѣдуетъ признать, что приписываемый императору Павлу первый шагъ къ какому-то уравненію сословій исполненъ былъ довольно своеобразнымъ способомъ, который по прошествіи ста лѣтъ производитъ такія же «дурныя импрессіи», какъ и на современниковъ 1797 года.

V.

Вѣроятно, подмѣченное въ Павлѣ Петровичѣ стремленіе къ уравненію сословій побудило его повелѣть, чтобы крестьяне присягали ему наравнѣ съ прочими сословіями имперіи. Но эта опрометчивая мѣра едва не стоила Россіи страшнаго кровопролитія и потрясенія государственныхъ основъ. Среди крестьянъ распространилась молва, что присяга для того происходитъ, «чтобы впредь не быть за помѣщиками». Начались повсемѣстные толки о томъ, что новый государь освободилъ крестьянъ, но помѣщики и власти скрываютъ это отъ народа. Вспыхнули безпорядки, и для усмиренія ихъ власти вынуждены были прибѣгнуть къ содѣйствію войскъ. Наконецъ, правительству пришлось обратиться къ чрезвычайнымъ мѣрамъ въ виду полученія съ разныхъ сторонъ тревожныхъ извѣстій о крестьянскомъ движеніи [1]. 20-го января 1797 года, императоръ Павелъ назначилъ фельдмаршала князя Репнина для усмиренія взбунтовавшихся крестьянъ [2], а 29-го января обнародованъ былъ манифестъ о должномъ послушаніи крестьянъ своимъ помѣщикамъ и объ

[1] Первое извѣстіе о начавшемся мятежѣ было получено въ Петербургѣ 22-го декабря 1796 года, а именно о бунтѣ крестьянъ въ Олонецкой губерніи. (Де-Пуле: Крестьянское движеніе при императорѣ Павлѣ Петровичѣ. «Русскій Архивъ» 1869 года).

[2] Когда скончалась Екатерина, князь Репнинъ въ чинѣ генералъ-аншефа занималъ мѣсто генералъ-губернатора въ Литвѣ, а также въ Лифляндіи и Эстляндіи, командуя вмѣстѣ съ тѣмъ расположенными въ нихъ войсками. Въ виду волненій, начавшихся въ сѣверныхъ губерніяхъ, князь Репнинъ отправился изъ Петербурга сперва въ Вологду, а затѣмъ черезъ Москву въ Орелъ и Калугу.

обязанности губернскихъ начальствъ подвергать ослушниковъ законному наказанію. Содержаніе этого манифеста было слѣдующее:

«Съ самаго вступленія нашего на прародительскій нашъ императорскій престолъ, предположили мы за правило наблюдать и точно взыскивать, дабы каждый изъ вѣрноподданнаго намъ народа обращался въ предѣлахъ, званію и состоянію его преднаписанныхъ, исполняя его обязанность и удаляяся всему тому противнаго, яко разрушающаго порядокъ и спокойствіе въ обществѣ. Нынѣ увѣдомляемся, что въ нѣкоторыхъ губерніяхъ крестьяне, помѣщикамъ принадлежащіе, выходятъ изъ должнаго имъ послушанія, возмечтавъ, будто бы они имѣютъ учиниться свободными, и простираютъ упрямство и буйство до такой степени, что и самымъ прещеніямъ и увѣщаніямъ отъ начальствъ и властей, нами постановленныхъ, не внемлютъ. Соболѣзнуя милосердо о таковыхъ развращающихся съ пути истиннаго и полагая тутъ виною болѣе заблужденіе внемлющихъ лживымъ внушеніямъ и огласкамъ, отъ людей праздныхъ по легкомыслію или же и корыстнымъ видамъ разсѣваемымъ, восхотѣли мы, предварительно всякимъ усильнымъ мѣрамъ, къ укрощенію буйства подобнаго, влекущимъ обыкновенно за собою самыя бѣдственныя и разорительныя для нѣкоторыхъ послѣдованія, употребить средства кроткія и человѣколюбивыя: по чему монаршимъ и отеческимъ гласомъ нашимъ взываемъ всѣхъ и каждаго, да обратятся къ должному законамъ и власти повиновенію, вѣдая, что Законъ Божій поучаетъ повиноваться властямъ предержащимъ, изъ коихъ нѣтъ ни единой, которая бы не отъ Бога поставлена была. Повелѣваемъ, чтобъ всѣ помѣщикамъ принадлежащіе крестьяне, спокойно пребывая въ прежнемъ ихъ званіи, были послушны помѣщикамъ своимъ въ оброкахъ, работахъ и, словомъ, всякаго рода крестьянскихъ повинностяхъ, подъ опасеніемъ за преслушаніе и своевольство неизбѣжнаго по строгости законной наказанія. Всякое правительство, власть и начальство, наблюдая за тишиною и устройствомъ въ вѣдѣніи, ему ввѣренномъ, долженствуетъ въ противномъ случаѣ подавать руку помощи и крестьянъ, кои дерзнутъ чинить ослушаніе и буйство, подвергать законному сужденію и наказанію. Духовные, наипаче же священники приходскіе, имѣютъ обязанность предостерегать прихожанъ своихъ противу ложныхъ и вредныхъ разглашеній и утверждать въ благонравіи и повиновеніи господамъ своимъ, памятуя, что небреженіе ихъ о словесномъ стадѣ, имъ ввѣренномъ, какъ въ мірѣ семъ взыщется начальствомъ ихъ, такъ въ будущемъ вѣкѣ должны будутъ дать отвѣтъ предъ страшнымъ судомъ Божіимъ во вредѣ, отъ небреженія ихъ произойти могущемъ. Сей указъ нашъ прочитайте во всѣхъ церквахъ всенародно».

Манифестъ не вразумилъ крестьянъ, разсчитывавшихъ получить свободу. Самое кровопролитное дѣло по этому мятежу имѣло мѣсто

Графъ Иванъ Павловичъ Кутайсовъ.

Съ акварельнаго портрета, принадлежащаго Е. И. Всеволожской.

А. И. Вильборгъ, СПБ. Мин. 2.

13-го февраля 1797 года, въ Орловской губерніи, въ селѣ Брасовѣ; крестьяне, не имѣя огнестрѣльнаго оружія, оборонялись цѣпами и дубинами, но дѣйствовали съ такимъ упорствомъ, что, по выраженію князя Репнина, силою пришлось начать ихъ покореніе. Сдѣлано было 33 пушечныхъ выстрѣла и израсходовано 600 патроновъ, при чемъ сгорѣли 16 крестьянскихъ домовъ. Убито въ дѣлѣ 20 крестьянъ, ранено 70 человѣкъ. Послѣ двухчасового дѣла крестьяне пали наконецъ на колѣни и стали просить помилованія, покоряясь законной власти.

15-го февраля князь Репнинъ писалъ орловскому губернатору:

«Благоволите, ваше превосходительство, во извѣстіе всѣмъ обывателямъ Орловской губерніи, вамъ ввѣренной, приказать объявить, что села Брасова съ деревнями крестьяне г. генералъ-лейтенанта Апраксина, за ихъ упорное неповиновеніе правительству, отъ высочайшей власти установленному, и ихъ помѣщику, не внемля даже высочайшему манифесту его императорскаго величества, отъ 29-го января сего 1797 года, и за ихъ упорственное сопротивленіе войскамъ его императорскаго величества, наказаны силою оружія и преданы, яко изверги, злодѣи и преступники, огню и мечу; что тѣла ихъ, справедливо погибшихъ отъ ихъ богопротивнаго преступленія, недостойныя погребенія общаго съ вѣрными подданными, зарыты въ особую яму, съ надписью, для всегдашняго омерзительнаго презрѣнія всѣмъ вѣрнымъ подданнымъ, что «тутъ лежатъ преступники противъ Бога, государя и помѣщика, справедливо наказанные огнемъ и мечемъ, по закону Божію и государеву», и, наконецъ, что домъ ихъ начинщика и перваго начальника въ семъ богомерзкомъ преступленіи, деревни Ивановской крестьянина, Емельяна Чернодырова, истребленъ до основанія, такъ что и остатковъ онаго не видно. Дабы всѣ, о томъ бывъ извѣстны, въ подобныя пагубныя злодѣянія не впадали».

Письмо князя Репнина воспроизводитъ, безъ всякихъ прикрасъ, печальную картину всего случившагося 13-го февраля; фельдмаршалъ вынужденъ былъ творить не судъ, а одну кровавую расправу, и она была жестокая, но имѣвшаяся въ виду цѣль была вполнѣ достигнута. Страхъ, возбужденный суровостью наказанія, подѣйствовалъ такимъ отрезвляющимъ образомъ, что бунтъ сразу прервался; князь Репнинъ нашелъ даже возможнымъ вывести черезъ четыре дня войска, расположившіяся въ бунтовавшей мѣстности.

Насколько орловскіе безпорядки тревожили императора Павла, можно судить по наградамъ, даннымъ за успѣшное окончаніе Брасовской баталіи; князю Горчакову дана была Аннинская лента, а полкъ его получилъ высочайшую благодарность. Менѣе посчастливилось генералу Линдеперу: ему отъ крестьянъ крѣпко досталось по спинѣ дубиной, а при паролѣ государь повелѣлъ объявить его полку строгій выговоръ.

Мятежъ среди сельскаго населенія всего сильнѣе разыгрался въ Орловской, а затѣмъ въ Тульской и Калужской губерніяхъ. Какъ значится въ офиціальной перепискѣ того времени, безпорядки сводились къ «глупымъ подражаніямъ» однихъ крестьянъ другимъ, «безъ заговоровъ вообще»; все же дѣло вызвано было единственно «глупыми слухами». Въ заключеніе возникшаго недоразумѣнія, пошли въ ходъ легкія казни, безъ дальнихъ судовъ: плети, батоги, и постепенно все утихло [1].

2-го марта, фельдмаршалъ князь Репнинъ прибылъ въ Москву и оттуда на другой день выѣхалъ въ Петербургъ для личнаго доклада о всемъ происшедшемъ государю. Непослушаніе крестьянъ можно было считать пресѣченнымъ, и законный порядокъ возстановленнымъ.

Крестьянскія волненія отразились до нѣкоторой степени и въ Петербургѣ. А. Т. Болотовъ записалъ слѣдующій, относящійся къ этимъ событіямъ, случай:

«Затѣяли было и господскіе лакеи просить на господъ своихъ и, собравшись нѣсколько человѣкъ ватагою, сочинили челобитную и, пришедъ вмѣстѣ, подали жалобу сію государю, при разводѣ находившемуся. Въ оной, очернивъ возможнѣйшимъ образомъ своихъ господъ и возведя на нихъ тысячи золъ, просили они, чтобъ онъ освободилъ ихъ отъ тиранства своихъ помѣщиковъ, говоря прямо, что они не хотятъ быть въ услуженіи ихъ, а желаютъ лучше служить ему. Государь тотчасъ проникнулъ, какія страшныя, опасныя и бѣдственныя послѣдствія могутъ произойти, если ему удовольствовать ихъ просьбу и сквозь пальцы просмотрѣть, или еще одобрить ихъ дерзновеніе, а потому поступилъ и въ семъ случаѣ такъ, какъ отъ самаго премудраго монарха требовать и ожидать бы можно было. Онъ, прочитавъ просьбу и обозрѣвъ окружающихъ его, подозвалъ къ себѣ одного изъ полицейскихъ и приказалъ, взявъ сихъ людей и отведя на рынокъ, публично наказать нещаднымъ образомъ плетьми и столько, сколько похотятъ сами ихъ помѣщики. И, не удовольствуясь симъ, на самой ихъ просьбѣ написалъ: дерзновенныхъ сихъ, въ страхъ другимъ и дабы никто другой не отваживался утруждать его такими недѣльными просьбами, наказать публично нещаднымъ образомъ плетьми.—

[1] Одинъ вице-губернаторъ усмирилъ крестьянъ «своебычливымъ» способомъ. Когда крестьяне у одной помѣщицы разбѣжались, то онъ «пересѣкъ кнутьемъ женъ ихъ и средняго возраста дѣтей», а затѣмъ сжегъ особо стоящую клѣть; но, прибавилъ вице-губернаторъ во всеподданнѣйшемъ донесеніи, «изъ-за сего никого изъ скрывающихся не явилось».

Среди печальныхъ явленій, сопровождавшихъ крестьянскія волненія, замѣчается еще одна особенность: это дѣятельное участіе въ мятежахъ сельскаго духовенства. Въ офиціальныхъ бумагахъ нерѣдко упоминается о «развратителяхъ крестьянъ».

Симъ единымъ разомъ погасилъ онъ искру, которая могла бы развесть страшный пожаръ, и прогналъ у всѣхъ слугъ и рабовъ (желаніе) просить на господъ своихъ. Поступкомъ же симъ пріобрѣлъ себѣ всеобщую похвалу и благодарность отъ всего дворянства. Всѣ сіи не могли довольно восхвалить его за сіе и желали, чтобъ онъ и впредь былъ толико же благоразсудительнымъ и мудрымъ» [1].

Не менѣе замѣчательный случай, по тому же поводу, произошелъ съ Иваномъ Ивановичемъ Дмитріевымъ, служившимъ въ Семеновскомъ полку. Получивъ очереднымъ порядкомъ чинъ капитана гвардіи, поэтъ нашъ уже мечталъ о вожделѣнной отставкѣ, когда послѣдовала кончина императрицы Екатерины; находясь въ то время въ отпуску, онъ тотчасъ поскакалъ въ Петербургъ. Дѣла его устроились какъ нельзя лучше; 17-го декабря Дмитріевъ уволенъ былъ въ отставку съ чиномъ полковника и съ ношеніемъ мундира [2].

«Доволенъ будучи столь удачнымъ началомъ», пишетъ Дмитріевъ въ своихъ запискахъ [3], «я расположился еще нѣсколько дней просидѣть дома, а потомъ представиться императору Павлу и принести ему благодарность мою на вахтъ-парадѣ; но представленіе мое случилось прежде, и, притомъ, необыкновеннымъ образомъ.

«Въ самый день Рождества Спасителя, поутру, я лежалъ на кровати и читалъ книгу. Растворяется дверь, и входитъ ко мнѣ полицмейстеръ Чулковъ, спрашиваетъ меня, я ли отставной полковникъ Дмитріевъ. Получа подтвержденіе, приглашаетъ меня къ императору, и какъ можно скорѣе. Я тотчасъ обновляю новый мундиръ и выхожу съ Чулковымъ изъ моихъ комнатъ. Въ сѣняхъ вижу приставленнаго къ наружнымъ дверямъ часового. Я сказалъ только моимъ служителямъ, слѣдовавшимъ за мною: «скажите братьямъ». Одинъ изъ нихъ былъ двоюродный мой братъ И. П. Бекетовъ, Семеновскаго полка капитанъ, нанимавшій въ одномъ домѣ со мною средній этажъ; а другой родной, Семеновскій же сержантъ. Выйдя изъ воротъ, мы садимся въ полицмейстерскую карету и скачемъ ко дворцу. Останавливаемся на углу адмиралтейства, противъ перваго дворцоваго подъѣзда. Полицмейстеръ, выскоча изъ кареты, сказалъ мнѣ, что онъ скоро возвратится, и пошелъ во дворецъ.

[1] А. Т. Болотовъ: Памятникъ претекшихъ времянъ или краткія историческія записки о бывшихъ происшествіяхъ и носившихся въ народѣ слухахъ.—Москва, 1875. (Часть 2-я, стр. 16. Любопытныя и достопамятныя дѣянія и анекдоты государя императора Павла Перваго).

[2] Въ приказѣ отъ 17-го декабря объявлено было: «Семеновскаго полку капитанъ Дмитріевъ 1-й уволенъ въ отставку съ награжденіемъ чина полковника и со всемилостивѣйшимъ позволеніемъ носить мундиръ».

[3] Взглядъ на мою жизнь, часть 2-я, стр. 124—131.

«Между тѣмъ какъ на дворцовой площади продолжался вахтъ-парадъ, зрѣлище для меня новое, я въ одномъ мундирѣ, въ тонкомъ канифасномъ галстукѣ, дрожалъ въ каретѣ отъ жестокаго мороза и ломалъ себѣ голову, чтобъ отгадать причину столь внезапнаго и необыкновеннаго происшествія. Однакожъ, невольно видѣлъ всю гвардію, отъ офицера до рядового, въ новомъ убранствѣ или, лучше сказать, въ томъ образѣ, въ какомъ она въ Семилѣтнюю войну находилась.

«Наконецъ полицмейстеръ показался въ подъѣздѣ, махнулъ платкомъ, и карета подъѣхала. Вышедъ изъ оной, встрѣчаюсь я съ сослуживцемъ моимъ, штабсъ-капитаномъ В. П. Лихачевымъ, отставленнымъ со мною въ одно время и жившимъ, какъ и я, въ Гороховой улицѣ. По пріѣздѣ моемъ въ Петербургъ, мы еще въ первый разъ увидѣлись[1]. Полицмейстеръ ставитъ насъ рядомъ и приглашаетъ насъ слѣдовать за нимъ вверхъ по лѣстницѣ.

«Доселѣ я довольно бодрствовалъ, ибо забылъ о праздникѣ и думалъ, что проведутъ насъ пустыми комнатами, мимо часовыхъ, прямо въ кабинетъ къ государю, но съ первымъ шагомъ во внутренніе покои я пораженъ былъ неожиданною картиною: вижу въ нихъ весь городъ, всѣхъ военныхъ и статскихъ чиновниковъ, первоклассныхъ вельможъ, придворныхъ обоего пола, во всемъ блескѣ великолѣпнаго ихъ наряда, и вдоль анфилады—самого государя! Окруженный военнымъ генералитетомъ и офицерами, онъ ожидалъ насъ въ той комнатѣ, гдѣ отдавались пароль и императорскіе приказы. При входѣ нашемъ въ нее, онъ указываетъ намъ мѣсто противъ себя, потомъ, обратясь къ генералитету, объявляетъ ему, что неизвѣстный человѣкъ оставилъ у будочника письмо на императорское имя, извѣщающее, будто полковникъ Дмитріевъ и штабсъ-капитанъ Лихачевъ умышляютъ на жизнь его. «Слушайте», продолжалъ онъ и началъ читать письмо, которое лежало у него въ шляпѣ. По прочтеніи онаго государь сказалъ: «Имя не подписано; но я поручилъ военному губернатору (Николаю Петровичу Архарову) отыскать доносителя. Между тѣмъ»,—продолжалъ онъ, обратясь къ намъ,—«я отдаю васъ ему на руки. Хотя мнѣ и пріятно думать, что это клевета, но со всѣмъ тѣмъ я не могу оставить такого случая безъ уваженія. Впрочемъ»,—прибавилъ онъ, говоря уже на общее лицо,—«я самъ знаю, что государь такой же человѣкъ, какъ и всѣ; что и онъ можетъ имѣть и слабость, и пороки; но я такъ еще мало царствую, что едва ли могъ успѣть сдѣлать кому-либо какое зло, хотя бы и хотѣлъ того». Помолчавъ немного, заключилъ сими словами: «Если же хотѣть, чтобъ меня

[1] Въ приказѣ отъ 14-го декабря 1796 года сказано: «Его императорское величество всемилостивѣйше позволяетъ отставному поручику Семеновскаго полку Лихачеву первому носить мундиръ».

только не было, то надобно же кому-нибудь быть на моемъ мѣстѣ, а дѣти мои еще такъ молоды!» При семъ словѣ великіе князья бросились цѣловать его руки. Все восколебалось и зашумѣло: генералы и офицеры напирали и отступали, какъ приливъ и отливъ, и цѣловали императора, кто въ руку, кто въ плечо, кто ловилъ поцѣловать полу [1].

«Когда же все утихло и пришло въ прежній порядокъ, императоръ откланялся. Архаровъ кивнулъ намъ головой, чтобы мы шли за нимъ. Въ передней комнатѣ сдалъ насъ полицмейстеру, который и привезъ насъ въ домъ военнаго губернатора».

Одинъ изъ очевидцевъ этого умилительнаго зрѣлища сообщаетъ въ своихъ запискахъ еще одну дополнительную подробность. Государь пошелъ къ императрицѣ и съ восторгомъ сказалъ ей: «Теперь я увѣренъ, что крѣпко сижу на престолѣ; я сейчасъ получилъ новую присягу!»—а затѣмъ разсказалъ ей всѣ подробности того, что происходило въ приказной комнатѣ [2].

Казалось довольно труднымъ найти виновника столь наглой клеветы, но дѣло попало въ хорошія руки; опытный въ полицейскихъ передрягахъ, лукавый Николай Петровичъ Архаровъ скоро добрался до виновника поднявшейся тревоги.

«На другой день извѣстились мы», пишетъ И. И. Дмитріевъ, «что доносчикъ или клеветникъ нашъ отысканъ, и вотъ какимъ образомъ: военный губернаторъ, отъ природы смѣтливаго ума и опытный въ полицейскихъ дѣлахъ, приказалъ немедленно забрать и пересмотрѣть всѣ бумаги, какія найдутся у нашихъ служителей, не забывъ перешарить и все ихъ платье: въ ту же минуту найдено было въ сюртучномъ карманѣ одного изъ слугъ письмо, заготовленное имъ въ деревню къ отцу

[1] Графъ Е. Ѳ. Комаровскій въ своихъ запискахъ передаетъ случившееся въ день 25-го декабря 1796 года въ слѣдующихъ краткихъ словахъ: «Государь, обращаясь ко всѣмъ, бывшимъ въ приказной комнатѣ, сказалъ: «Неужели я имѣю между вами, господа, измѣнниковъ?» Тогда мгновенно всѣ вдругъ закричали: «нѣтъ, государь!» и бросились цѣловать его руки. Императоръ симъ общимъ порывомъ изъявленія вѣрности былъ тронутъ до слезъ».

А. С. Шишковъ передаетъ другую подробность этого событія. Онъ пишетъ: «Императоръ, держа сіе письмо въ рукахъ, вышелъ въ собраніе офицеровъ, приказалъ прочитать его и со слезами промолвилъ: «Господа! долженъ ли я сему вѣрить?»—Всѣ, видя его плачуща, зарыдали и кинулись къ нему цѣловать его одежду и обнимать колѣна съ такимъ жаркимъ усердіемъ и стремленіемъ, что изодрали на немъ мундиръ. На другой день государь императоръ вышелъ на вахтъ-парадъ въ томъ же самомъ разодранномъ платьѣ, безъ всякой поправки онаго, и, обратясь къ офицерамъ, сказалъ: «Я съ удовольствіемъ сохраню и буду носить тотъ мундиръ, который вы на мнѣ изодрали!» (Записки, стр. 23).

[2] Записки графа Е. Ѳ. Комаровскаго. «Историческій Вѣстникъ» 1897 года, т. 69-й, стр. 345.

и матери. Онъ увѣдомляетъ о разнесшемся слухѣ, будто всѣмъ крѣпостнымъ дарована будетъ свобода, и заключаетъ письмо свое тѣмъ, что если это не состоится, то онъ надѣется получить вольность и другою дорогою. Этотъ слуга, не старѣе двадцати лѣтъ, принадлежалъ брату Лихачева, Семеновскаго полка подпоручику [1].

«На третій или четвертый день нашего задержанія, часу въ десятомъ пополудни, были позваны мы къ военному губернатору. Онъ привѣтствовалъ насъ надеждою скораго освобожденія. Хотя подозрѣваемый въ доносѣ, прибавилъ онъ, еще не признается, но изобличается въ томъ роднымъ своимъ братомъ: онъ засталъ его дописывающимъ на листѣ бумаги императорскій титулъ; изобличается также и рабочею женщиною, при которой старшій братъ, ударя младшаго, отталкивалъ его отъ стола, чтобъ не мѣшалъ ему писать; наконецъ, военный губернаторъ объявилъ намъ, что государь приказалъ доносителя, несмотря на его запирательство, предать суду уголовной палаты, а насъ увѣрить, что мы не болѣе двухъ или трехъ дней будемъ продержаны».

Освобожденіе оклеветанныхъ офицеровъ послѣдовало, однако, еще ранѣе. Въ тотъ же день имъ повелѣно было пріѣхать во дворецъ до окончанія вахтъ-парада.

«Императоръ принялъ насъ въ прежней комнатѣ и также посреди генералитета и офицерства», пишетъ Дмитріевъ. «Онъ глядѣлъ на насъ весело и, давъ намъ занять мѣсто, сказалъ собранію: «Съ удовольствіемъ объявляю вамъ, что г. полковникъ Дмитріевъ и штабсъ-капитанъ Лихачевъ нашлись, какъ я ожидалъ, совершенно невинными; клевета обнаружена, и виновный преданъ суду. Подойдите,—продолжалъ, обратясь къ намъ,—и поцѣлуемся». Мы подошли къ рукѣ, а онъ поцѣловалъ насъ въ щеку. «Его я не знаю»,—промолвилъ онъ, указывая на Лихачева,—«а твое имя давно мною затверждено. Кажется, безъ ошибки могу сказать, сколько разъ ты былъ въ адмиралтействѣ на караулѣ. Бывало, когда ни получу рапортъ: все Дмитріевъ или Лецано» [2].

[1] Не къ нему ли относится приказъ отъ 17-го декабря 1796 года: «Семеновскаго полку, изъ поручиковъ въ капитанъ-поручики Лихачева 2-го». Можетъ быть, И. И. Дмитріевъ ошибся въ поименованіи чиновъ обоихъ братьевъ Лихачевыхъ, перваго и второго. Можетъ быть, это объясняется тѣмъ, что И. И. Дмитріевъ писалъ свои записки, какъ онъ самъ говоритъ, «слишкомъ шестидесяти лѣтъ».

[2] М. А. Дмитріевъ въ сочиненіи: «Мелочи изъ запаса моей памяти», Москва, 1869 (стр. 136), сообщаетъ еще слѣдующія подробности, руководствуясь разсказомъ И. И. Дмитріева о вторичномъ представленіи его и Лихачева государю: «Павелъ встрѣтилъ ихъ съ распростертыми объятіями. Такъ какъ Дмитріевъ шелъ впереди, то его перваго обнялъ Павелъ, не допустивъ его стать на одно колѣно, по тогдашнему этикету. Въ то время Лихачевъ успѣлъ уже стать какъ слѣдовало. Государь, увидя его бросился поднимать его и сказалъ громко: «Встаньте, сударь, а не то подумаютъ, что я васъ прощаю».

«Я долженъ объяснить это тѣмъ, что младшіе субальтернъ-офицеры наряжались въ большой караулъ во дворецъ подъ начальствомъ капитана; а намъ, какъ старшимъ субальтернъ-офицерамъ, доставалось всегда въ адмиралтейство, куда посылался одинъ офицеръ, слѣдовательно, самъ былъ начальникомъ.

«Потомъ императоръ пригласилъ насъ къ обѣденному столу и отправился со всею свитою въ дворцовую церковь для слушанія литургіи.

«Такимъ образомъ кончилось сіе чрезвычайное для меня происшествіе. Скажемъ нѣсколько словъ о послѣдствіяхъ онаго: сколько я ни пораженъ былъ въ ту минуту, когда внезапно увидѣлъ себя выставленнымъ на позорище всей столицы, но ни тогда, ни послѣ не возставала во мнѣ мысль къ обвиненію государя; напротивъ того, я находилъ еще въ таковомъ поступкѣ его что-то рыцарское, откровенное, и даже нѣкоторое вниманіе къ гражданамъ. Безъ сомнѣнія, онъ хотѣлъ показать, что не хочетъ ни въ какомъ случаѣ дѣйствовать, подобно азіатскому деспоту, скрытно и самовластно. Онъ хотѣлъ, чтобы всѣ знали причину, за что взятъ подъ стражу сочленъ ихъ, и равно причину его освобожденія. По крайней мѣрѣ, такъ я о томъ заключалъ, и отъ того-то, можетъ быть, и сохранилъ всю твердость духа въ минуту моего испытанія»[1].

Приведенный нами случай изъ жизни И. И. Дмитріева рисуетъ какъ нельзя лучше обстановку разсматриваемой эпохи и правительственные пріемы ея, а потому мы и остановились на болѣе обстоятельномъ изложеніи этого событія, руководствуясь разсказами нѣсколькихъ очевидцевъ.

VI.

Не подлежитъ сомнѣнію, что печальныя явленія, сопровождавшія воцареніе императора Павла, приняли бы несравненно болѣе жестокій характеръ, «дурныя импрессіи» были бы еще сильнѣе, если въ столь важный историческій моментъ не явилось бы умиротворяющее начало; оно олицетворилось въ образѣ Екатерины Ивановны Нелидовой, этого добраго генія душевно страждавшаго ея друга.

[1] И. И. Дмитріевъ сдѣлался предметомъ всеобщаго любопытства, и начались догадки, чѣмъ онъ будетъ вознагражденъ за претерпѣнную тревогу. Менѣе скромный человѣкъ, чѣмъ Дмитріевъ, извлекъ бы изъ подобнаго положенія огромныя для себя выгоды; онъ же удовольствовался тѣмъ, что попросилъ опредѣлиться въ гражданскую службу, и вскорѣ получилъ два мѣста: товарища министра въ департаментѣ удѣльныхъ имѣній и оберъ-прокурора при одномъ изъ департаментовъ сената. Такимъ образомъ странная случайность бросила поэта на юридическое поприще.

6-е ноября 1796 года застало Нелидову въ Смольномъ монастырѣ. Вскорѣ состоялось полное примиреніе Нелидовой со своимъ вѣнценоснымъ другомъ, а, что всего важнѣе, заключенъ былъ дружественный союзъ Екатериной Ивановной съ императрицей Маріей Θеодоровной; союзъ между ними имѣлъ цѣлью оберегать государя отъ послѣдствій присущихъ ему неразумныхъ увлеченій и необдуманныхъ распоряженій. Это счастливое событіе совершилось 12-го ноября 1796 года, послѣ того, какъ Марія Θеодоровна назначена была «начальствовать воспитательнымъ обществомъ благородныхъ дѣвицъ». На первыхъ же порахъ обнаружилось благодѣтельное вліяніе Нелидовой въ одномъ, не лишенномъ государственнаго значенія, дѣлѣ. Павелъ Петровичъ, по чувству нерасположенія ко всѣмъ твореніямъ Екатерины, намѣревался уничтожить орденъ св. Георгія и потому не желалъ праздновать день 26-го ноября. Тогда Нелидова написала государю письмо, въ которомъ умоляла его отказаться отъ этого пагубнаго рѣшенія. Императоръ внялъ мольбамъ друга его славы (l'amie de votre gloire), какъ она называла себя, орденскій праздникъ не былъ отмѣненъ, и 26-го ноября, по окончаніи литургіи, государю отъ присутствовавшихъ на собраніи кавалеровъ принесено было поздравленіе, и жалованы были къ рукѣ.

Изумленные царедворцы вскорѣ убѣдились въ существованіи благотворнаго вліянія, умѣрявшаго вспышки неразумнаго гнѣва и вдохновлявшаго на возможно лучшій выборъ приближенныхъ лицъ. По словамъ князя Лобанова, «въ продолженіе года и шести мѣсяцевъ этого царствованія Нелидова сохранила свое вліяніе на причудливый и измѣнчивый нравъ императора (pendant une année et demie de ce règne elle conserva son pouvoir sur le caractère bizarre et mobile de l'Empereur). Но важнѣе всего, что вслѣдствіе неограниченнаго довѣрія къ ней Павла она пользовалась большимъ и благотворнымъ вліяніемъ на дѣла, дѣйствуя въ полномъ согласіи съ императрицею. Двое братьевъ Куракиныхъ (князья Александръ и Алексѣй), Буксгевденъ, Нелидовъ, Плещеевъ находились въ тѣсной связи между собою, образуя при дворѣ особую партію. Слѣдуетъ припомнить, что во многихъ случаяхъ Нелидова пользовалась своимъ вліяніемъ для спасенія невинныхъ жертвъ отъ вспышекъ гнѣва Павла; иной разъ случалось ей оказывать покровительство самой императрицѣ [1]; опасеніе прогнѣвить государя никогда ея не останавливало. Конечно, она не могла предотвратить всѣ безумныя мѣры (mesures extravagantes), но ей удавалось отклонить нѣкоторыя

[1] Une fois à dîner Paul, s'étant emporté contre l'impératrice, lui ordonna de quitter la table; quand l'impératrice se leva, mademoiselle Nélidow se leva aussi et la suivit, malgré les nstances de Paul pour la retenir.—«Restez, mademoiselle».—«Sire, je connais mon devoir».

изъ нихъ. Словомъ, Нелидова, въ первую половину царствованія Павла, была предметомъ его почитанія и владыкой двора (l'objet de son culte et l'arbitre de la cour). Такъ какъ не представлялось возможнымъ хвалить красоту ея, то, въ угоду императору, восхищались ея умѣніемъ танцовать, прелестью и миловидностью всѣхъ ея движеній, и, несмотря на то, что ей минуло 40 лѣтъ, она не заставляла себя долго упрашивать и важно выступала въ какомъ-нибудь гавотѣ или менуетѣ. Она любила зеленый цвѣтъ, и въ угоду ей придворные пѣвчіе получили зеленую одежду. Она одна откровенно объяснялась съ государемъ, иногда обращалась съ нимъ сурово, до такой степени, что однажды кинула въ него свой башмакъ, не возбуждая противъ себя гнѣва Павла; Саблуковъ разсказываетъ подобную сцену, которой ему случилось быть очевидцемъ [1]. Отъ нея, конечно, зависѣло воспользоваться своимъ положеніемъ, чтобы извлечь для себя и для близкихъ ей лицъ большія выгоды, какъ это многіе дѣлали до нея и послѣ нея; но ея безкорыстіе не было никогда поколеблено, и ей случалось много разъ отвергать или умалять милости, коими хотѣла осыпать ее щедрость Павла».

А. С. Шишковъ пишетъ, что «сія благонравная и почтенная дѣвица» умѣла пріобрѣсти надъ императоромъ необычайную власть и часто отвращала его отъ предосудительныхъ поступковъ. «Мнѣ случилось однажды на балѣ, въ день большого праздества видѣть, что государь чрезвычайно разсердился на гофмаршала (графа Шереметева) и приказалъ его позвать къ себѣ, безъ сомнѣнія, съ тѣмъ, чтобъ сдѣлать ему великую непріятность. Катерина Ивановна стояла въ это время подлѣ него, а я—за ними. Она, не говоря ни слова и даже не смотря на него, заложила руку свою за спину и дернула его за платье: «нельзя воздержаться!»—Она опять его дернула. Между тѣмъ гофмар-

1 «Un jour que j'étais de garde au palais (à Gatchina), je fus témoin d'une scène assez drôle. J'ai déjà dit que la salle de garde des officiers de cavalerie était attenante au cabinet de l'empereur. La salle des officiers avait une grande antichambre où se tenait la garde, et de cette antichambre un corridor long et étroit conduisait dans l'intérieur du palais; une sentinelle y était placée pour appeler aux armes quand l'empereur arrivait par là. Tout à coup j'entendis la sentinelle crier: «Gardes, aux armes!» Je me précipitai hors de ma chambre et les hommes avaient à peine eu le temps de prendre leurs carabines et moi de tirer mon épée, quand la porte du corridor s'ouvrit, et l'empereur, en souliers, en bas de soie, avec son épée et son chapeau, sortit en courant: au même instant un soulier de femme, avec un talon très élevé, vola au-dessus de sa tête et le toucha presque. L'empereur traversa l'antichambre pour passer dans son cabinet, et mademoiselle Nelidoff vint tranquillement reprendre son soulier dans le corridor, le mit à son pied et retourna dans l'appartement d'où elle venait. Le lendemain on me relevait de garde, l'empereur s'approcha de moi et me dit tout bas: «Mon cher, nous avons eu du grabuge hier».—«Oui, Sire», répondis-je. Cet incident m'amusa beaucoup». Sablonkoff: «La mort de Paul 1-er». (Revue moderne, 1866, pp. 107—108).

шалъ приходить, и хотя Павелъ изъявилъ ему свое негодованіе, но гораздо кротчайшимъ образомъ, нежели какъ по первому гнѣвному виду его ожидать надлежало.

«О, если бы при царяхъ, а особливо строптивыхъ и пылкихъ, всѣ были Катерины Ивановны!» —прибавляетъ къ своему разсказу Шишковъ [1].

«Ради Бога, государь, будьте снисходительны, удерживайте при себѣ, какъ можно долѣе, способныя головы (au nom de Dieu, Sire, mettez y de l'indulgence, conservez-les le plus longtemps possible, les bonnes têtes)».—«Будьте добры, будьте собою, ибо истинное ваше расположеніе—доброта (soyez bon, soyez vous, car vos véritables dispositions sont la bonté)»,—вотъ совѣты, которыми переполнена переписка Нелидовой съ императоромъ Павломъ.

VII.

Печальное событіе 6-го ноября 1796 года должно было въ значительной степени отразиться и на внѣшней политикѣ Россіи; преобразовательный водоворотъ, ознаменовавшій собою наступившую эпоху павловскаго возрожденія Россіи, исказилъ въ конецъ и эту отрасль государственнаго управленія. Новая политика русскаго двора въ дѣйствительности вовсе не имѣла въ виду насущныхъ потребностей имперіи; она преслѣдовала только одну цѣль: громогласно заявить и распространить убѣжденіе, что новое царствованіе представляетъ собою отрицаніе предшествовавшаго. Все, сдѣланное Екатериною въ дипломатической сферѣ для упроченія славы и величія имперіи, было надолго сдано въ архивъ; но этого было мало: на екатерининскую политику стали смотрѣть и затѣмъ продолжали смотрѣть въ теченіе многихъ и многихъ десятилѣтій, какъ на заблужденіе и тяжкій грѣхъ царствованія великой императрицы [2]. Вотъ какъ сильно отозвался въ русской жизни павловскій погромъ.

По волѣ преемника Екатерины, политическая система имперіи Россійской должна была изъ соображенной на видахъ пріобрѣтеній

[1] А. С. Шишковъ: Записки, стр. 31—32.

[2] Для лучшаго уясненія этого вопроса достаточно припомнить, что было высказано въ 1838 году барономъ Бруновымъ въ сочиненіи: «Aperçu des transactions politiques du cabinet de Russie», написанномъ для цесаревича Александра Николаевича. Политика императрицы Екатерины осуждена была въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «les moyens choisis par l'impératrice Catherine pour l'exécution de ses plans, sont loin de s'accorder avec ce caractère de droiture et de loyauté qui fait aujourd'hui la règle invariable de notre politique». Къ сожалѣнію, несомнѣнное безкорыстіе и прямодушіе русской политики привели къ крымскому погрому, источникъ котораго слѣдуетъ искать въ началахъ, установившихся въ Россіи послѣ 6-го ноября 1796 года.

обратиться въ удаленную совершенно отъ всякаго желанія завоеванія. На этомъ основаніи казалось, что новый государь намѣренъ со всѣми державами сохранить миръ и доброе согласіе, отказываясь въ дальнѣйшемъ будущемъ отъ всякихъ военныхъ предпріятій. Выказанное императоромъ Павломъ миролюбіе не замедлило отразиться на двухъ мѣропріятіяхъ новаго царствованія. Ко всеобщей радости, назначенный еще Екатериною рекрутскій наборъ былъ отмѣненъ, и затѣмъ послѣдовало мгновенное прекращеніе войны съ Персіею. Войска, дѣйствовавшія на восточномъ берегу Каспійскаго моря, подъ предводительствомъ графа Валеріана Александровича Зубова, были немедленно отозваны въ Россію, но неслыханнымъ образомъ, помимо ихъ непосредственнаго начальника, брошеннаго на произволъ судьбы среди непріятельскаго края и оставленнаго безъ всякаго увѣдомленія. Все достигнутое во время похода въ Закавказьи было брошено безъ разбора, безъ толка, жертвуя всѣми пріобрѣтенными уже выгодами и руководствуясь однимъ только соображеніемъ: уничтожить съ корнемъ послѣднее, къ сожалѣнію, недоконченное предпріятіе Екатерины.

Громко возвѣщенная миролюбивая, на первыхъ порахъ, политика Павла Петровича не лишена была также и ахиллесовой пяты, открывшей вскорѣ дверь къ спасенію Европы цѣною русской крови, но безъ всякой для имперіи пользы, а именно: правительство заявило намѣреніе, оставаясь въ твердой связи со своими союзниками, «противиться всевозможными мѣрами неистовой французской республикѣ, угрожающей всю Европу совершеннымъ истребленіемъ закона, правъ и благонравія». Подобная оговорка воспрепятствовала императору Павлу даровать въ дѣйствительности любезнымъ подданнымъ то пренужное и желаемое отдохновеніе послѣ безпрерывныхъ военныхъ тревогъ, продолжавшихся сорокъ лѣтъ, начиная съ 1756 года, о которомъ было заявлено преемникомъ Екатерины въ циркулярной нотѣ канцлера графа Остермана. Австрія и Англія приложили немедленно всѣ свои старанія къ тому, чтобы втянуть Россію въ войну противъ французскаго «богомерзкаго правленія» и выманить наконецъ русскую армію за границу.

Эта завѣтная цѣль, тщетно преслѣдуемая монархическою Европою при жизни Екатерины, оказалась болѣе осуществимою при ея миролюбивомъ преемникѣ. Во время переговоровъ, начавшихся на этой почвѣ, Пруссія успѣла занять совершенно особое положеніе, которое вызвало со стороны императора Павла сильнѣйшій гнѣвъ и неудовольствіе противъ столь близкой его сердцу монархіи Фридриха Великаго.

Пруссія, не чувствуя ни малѣйшаго призванія сражаться изъ-за отвлеченныхъ началъ съ революціонными идеями, олицетворяемыми французскою республикою, рѣшилась вступить на болѣе практическій

и выгодный для нея путь. Руководствуясь подобными мыслями, берлинскій кабинетъ задумалъ воспользоваться европейскими неустройствами, чтобы довершить округленіе своихъ владѣній безъ особыхъ, съ своей стороны, пожертвованій и усилій. Для этой цѣли Фридрихъ-Вильгельмъ II, положивъ начало соглашенію съ Франціею Базельскимъ миромъ 5-го апрѣля 1795 года, заключилъ съ республикою берлинскій договоръ 5-го августа 1796 года; эти договоры обусловили нейтралитетъ Пруссіи, обезпечивъ за нею въ будущемъ значительное расширеніе территоріи. Соглашеніе, состоявшееся съ французскою республикою, оставалось тайною для Павла Петровича и для прусскихъ дипломатовъ въ Петербургѣ; когда же, наконецъ, Фридрихъ-Вильгельмъ счелъ своевременнымъ сообщить государю секретные пункты договора своего съ Франціею объ уступкѣ ей лѣваго берега Рейна и о предстоявшемъ вознагражденіи Пруссіи духовными германскими владѣніями, то эти «confidences tardives» вызвали полное охлажденіе Павла Петровича къ своему другу. Въ пылу гнѣва, возбужденнаго столь явнымъ посягательствомъ на цѣлость священной римской имперіи, государь не постѣснился сообщить довѣренную ему тайну берлинскаго кабинета присланному Австріею чрезвычайному послу, графу Дитрихштейну. Въ дипломатическихъ сферахъ образъ дѣйствій императора Павла вызвалъ великое смущеніе, оставившее глубокій слѣдъ во взаимныхъ отношеніяхъ державъ.

Зловѣщимъ предзнаменованіемъ полнаго искаженія русской политики и вступленія ея на невѣдомые пути, преисполненные чистѣйшей романтики, служила также конвенція, заключенная 4-го января 1797 года съ Мальтійскимъ орденомъ, по которой императоръ Павелъ принималъ орденъ подъ свое покровительство и устанавливалъ его въ Россіи. Въ силу этой конвенціи, Польское великое пріорство превращено было въ великое пріорство Россійское, состоявшее изъ пріорства и 10 командорствъ (кромѣ многихъ родовыхъ), а доходы, которые орденъ получалъ изъ Польши, были болѣе чѣмъ удвоены. Отмѣченное уже выше дѣтское сочувствіе цесаревича рыцарскимъ традиціямъ Мальтійскаго ордена воскресло съ неудержимою силою въ самодержавномъ императорѣ и привело вскорѣ къ невиданной доселѣ въ исторіи политической фантасмагоріи.

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

I.

Императоръ Павелъ чрезвычайно спѣшилъ своимъ коронованіемъ; вѣроятно, онъ вспомнилъ совѣтъ Фридриха Великаго, нѣкогда данный Петру III, не откладывать это священнодѣйствіе, какъ средство болѣе упрочить себя на престолѣ,—совѣтъ, однако, недостаточно оцѣненный его другомъ и почитателемъ. Поэтому императоръ не постѣснился даже выбрать для этого торжества самое неблагопріятное время года: весеннюю распутицу. Въ день окончательнаго погребенія Екатерины II и Петра III, 18-го декабря 1796 года, Павелъ возвѣстилъ въ манифестѣ вѣрноподданнымъ, что коронованіе «въ апрѣлѣ наступающаго 1797 года совершится имѣетъ».

Въ началѣ января, гвардейскіе полки начали выступать въ походъ въ Москву. 1-го марта императоръ Павелъ переѣхалъ изъ Петербурга въ Павловскъ и оттуда 10-го марта отправился съ императрицею въ Москву[1]. На другой день за государемъ послѣдовалъ цесаревичъ Александръ Павловичъ, а за нимъ и прочіе члены императорской фамиліи, за исключеніемъ великаго князя Николая Павловича и великой княжны Анны Павловны, которые остались въ Петербургѣ. Король польскій также приглашенъ былъ присутствовать при московскихъ торжествахъ. 15-го марта, императоръ Павелъ прибылъ въ Петровскій дворецъ, гдѣ прожилъ до Вербной субботы.

Здѣсь его встрѣтилъ митрополитъ Платонъ, не исполнившій съ надлежащею быстротою повелѣнія явиться въ Петербургъ и тѣмъ воз-

[1] Н. П. Архаровъ долженъ былъ отправиться въ Москву, и должность его, какъ военнаго губернатора Петербурга, была временно поручена генералъ-лейтенанту графу Ѳ. Ѳ. Буксгевдену.

будившій противъ себя гнѣвъ монарха, своего бывшаго ученика. Сверхъ сего, митрополитъ осмѣлился писать государю противъ жалованія орденами духовныхъ особъ. Разгнѣванный императоръ послалъ тогда Платону, 30-го ноября 1796 года, слѣдующія рѣзкія строки. «Съ удивленіемъ вижу я отлагательство и медленность пріѣзда вашего въ здѣшнюю столицу, а еще съ большимъ неудовольствіемъ непристойный отзывъ вашъ, въ послѣднемъ ко мнѣ письмѣ сдѣланный. Признаюсь, что сколь по долгу вѣрноподданнаго, столь наипаче по дружбѣ моей къ вамъ, ожидалъ я, что вы волю мою исполнить поспѣшите; но когда усматриваю противное тому, и когда вы, въ самыхъ первыхъ дняхъ царствованія моего, позволили себѣ шагъ и непристойный, и высокомѣрный, то и я убѣждаюсь стать противу васъ на другой уже ногѣ, приличной достоинству государя вашего» [1]. Привѣтственная рѣчь митрополита хотя и тронула сердце Павла, но различіе взглядовъ ихъ по поводу дарованія свѣтскихъ отличій россійскому духовенству никогда не изгладилось [2].

28-го марта, въ Вербную субботу, послѣдовалъ по церемоніалу торжественный переѣздъ императора Павла изъ Петровскаго въ Слобод-

[1] «Русскій Архивъ» 1887 года, книга 2-я, стр. 274. Въ первомъ же разговорѣ императора Павла съ П. В. Лопухинымъ государь выражалъ свой гнѣвъ на Платона за то, что митрополитъ не поспѣшилъ къ нему пріѣхать, слѣдуя призыву «не только отмѣнно милостивому, но, можно сказать, дружескому», и, сверхъ сего, какъ пишетъ Лопухинъ, «представлялъ противъ начатаго императоромъ жалованья духовнымъ особамъ знаковъ орденовъ кавалерскихъ. При чемъ государь спрашивалъ меня: какъ я думаю объ этомъ жалованьѣ? Я ему отвѣчалъ, что истинной церкви христіанской такія почести, самолюбіе питающія, конечно, неприличны. Но, пріемля правленіе церкви нынѣ больше учрежденіемъ политическимъ, не безполезно, по мнѣнію моему, употребляться могутъ такія отличія для награды и поощренія онаго членовъ, коихъ весьма не можно въ прямомъ смыслѣ почитать истинно духовными; l'habit ne fait pas le moine, прибавилъ я.—«Правда твоя», сказалъ государь. Я старался оправдывать Платона, сколько могъ; а государь сильно обвинялъ его, и съ нѣкоторымъ огнемъ неудовольствія даже противъ меня, при всемъ несказанно милостивомъ со мною обращеніи. Однако, я смѣло продолжалъ и имѣлъ счастіе много помочь къ умилостивленію государя. Кончилось тѣмъ, что онъ изволилъ мнѣ сказать: «Ну, видно, ты прямо любишь Платона; и если такъ, какъ ты говоришь, то мы съ нимъ помиримся».

Первое письмо императора Павла къ Платону отъ 7-го ноября 1796 года можно было дѣйствительно назвать дружескимъ. Павелъ писалъ: «Вамъ первому симъ извѣщаю, что матери моей не стало вчера ввечеру. Пріѣзжайте ко мнѣ, распорядя по эпархіи своей. Всегда вѣрной другъ и благосклонной Павелъ».

[2] Послѣ встрѣчи въ Петровскомъ дворцѣ императоръ Павелъ писалъ Платону: «Ваше преосвященство обыкновеннымъ своимъ образомъ тронули сердце мое. Вы ему помѣшали было отдаться чувству его. Отъ васъ зависитъ самихъ, пріѣхавъ завтра ко мнѣ, кончить то, чѣмъ благодарность показать вамъ могу, чѣмъ предъ собою и свѣтомъ долженъ». Благодарность заключалась въ орденѣ св. Андрея Первозваннаго, который Платонъ вынужденъ былъ возложить на себя.

скій дворецъ, бывшій домъ графа Безбородки, которому въ этотъ же день пожалованъ былъ портретъ государя на голубой лентѣ. Погода не благопріятствовала торжеству; улицы еще покрыты были снѣгомъ. Морозъ былъ настолько чувствителенъ, что многихъ изъ придворныхъ чиновъ, ѣхавшихъ согласно церемоніалу верхомъ, приходилось снимать съ лошадей совершенно окоченѣвшими. Впереди кортежа скакали верховые и приказывали снимать шапки и перчатки. Императоръ ѣхалъ одинъ, а нѣсколько позади его слѣдовали великіе князья Александръ и Константинъ. Государь почти постоянно держалъ въ рукѣ шляпу, чтобы привѣтствовать ею толпу, видимо этимъ довольную; но особенное вниманіе зрителей обращалъ на себя цесаревичъ Александръ Павловичъ, красота и привѣтливое лицо котораго всѣхъ плѣнили. Все происходило въ порядкѣ и спокойствіи, но ощущенія толпы были скорѣе похожи на любопытство, чѣмъ на дѣйствительную радость.

Ко времени пріѣзда двора, благочиніе, по новымъ правиламъ, водворенное съ 7-го ноября въ Петербургѣ, успѣло уже распространиться и на Москву, такъ что очевидецъ нашелъ возможнымъ отмѣтить: «Сей городъ увидѣлъ я, преобразованный на прусскую ногу; все здѣсь было по-нѣмецки, дабы угодить вкусу новаго царя» [1]. Вахтъ-парады производились ежедневно и не были даже отмѣнены въ послѣдніе дни страстной недѣли. Неудовольствія, выговоры, взысканія, сыпались по обыкновенію; иной разъ упоминалось также о Потемкинскомъ духѣ, замѣчаемомъ среди офицеровъ. Въ особенности жестоко доставалось въ этомъ смыслѣ Екатеринославскому кирасирскому полку, который, какъ бывшій полкъ князя Потемкина-Таврическаго, находился въ совершенной опалѣ во время всего пребыванія государя въ Москвѣ.

Коронація совершилась 5-го (16-го) апрѣля, въ день Свѣтлаго Воскресенья [2]. Священнодѣйствовали митрополиты Платонъ и Гавріилъ. Какъ на одну изъ особенностей этой коронаціи, слѣдуетъ указать на то, что, кромѣ другихъ императорскихъ регалій, Павелъ возложилъ на себя еще далматикъ, и что короновалось не одно лицо, а два: императоръ и императрица-супруга. Замѣтимъ здѣсь, что, когда императоръ хотѣлъ вступить въ царскія двери къ св. престолу для принятія св. Таинъ, имѣя у себя шпагу при бедрѣ, Платонъ остановилъ его слѣдующими словами: «Здѣсь приносится безкровная жертва; отъими, благочестивѣйшій государь, мечъ отъ бедра твоего». Павелъ повиновался словамъ архипастыря и, смиренно сложивъ съ себя оружіе, вступилъ въ святилище [3]. По совершеніи чина коронованія, императоръ Па-

[1] Жизнь А. С. Пишчевича, стр. 234.

[2] Съѣздъ въ Кремль начался въ необыкновенно ранній часъ; кавалерамъ повелѣно было съѣзжаться въ 5 часовъ пополуночи, а дамамъ въ 7 часовъ.

[3] И. М. Снегиревъ: Жизнь митрополита Платона. Часть 1-я, стр. 94.

велъ, стоя, во всеуслышаніе прочиталъ въ храмѣ фамильный актъ о престолонаслѣдіи по прямой линіи въ мужскомъ колѣнѣ, составленный имъ вмѣстѣ со своей супругой еще въ 1788 году, въ которомъ онъ, первый изъ русскихъ государей, офиціально называетъ себя главою церкви[1]. По прочтеніи акта императоръ царскими вратами вошелъ въ алтарь, положилъ его на св. престолъ въ нарочно устроенный серебряный ковчегъ и повелѣлъ хранить его тамъ на всѣ будущія времена.

Независимо отъ акта о престолонаслѣдіи, императоръ Павелъ издалъ еще въ день коронованія три узаконенія: учрежденіе объ императорской фамиліи, установленіе о россійскихъ императорскихъ орденахъ и манифестъ о трехдневной работѣ помѣщичьихъ крестьянъ въ пользу помѣщика и о непринужденіи крестьянъ къ работѣ въ воскресные дни. Кромѣ того, во время пребыванія государя въ Москвѣ, послѣдовалъ еще 29-го апрѣля всемилостивѣйшій манифестъ о прощеніи отлучившихся самовольно нижнихъ чиновъ и разнаго званія людей.

Манифестъ о льготахъ, дарованныхъ крестьянамъ, заключался въ слѣдующемъ:

«Объявляемъ всѣмъ нашимъ вѣрнымъ подданнымъ. Законъ Божій, въ десятословіи намъ преподанный, научаетъ насъ седьмой день посвящать ему; почему въ день настоящій, торжествомъ вѣры христіанской прославленный, и въ который мы удостоилися воспріять священное мира помазаніе и царское на прародительскомъ престолѣ нашемъ вѣнчаніе, почитаемъ долгомъ нашимъ предъ Творцомъ и всѣхъ благъ подателемъ подтвердить во всей имперіи нашей о точномъ и непремѣнномъ сего закона исполненіи, повелѣвая всѣмъ и каждому наблюдать, дабы никто и ни подъ какимъ видомъ не дерзалъ въ воскресные дни принуждать крестьянъ къ работамъ, тѣмъ болѣе, что для сельскихъ издѣліевъ остающіеся въ недѣлѣ шесть дней, по равному числу оныхъ въ обще раздѣляемые, какъ для крестьянъ собственно, такъ и для работъ ихъ въ пользу помѣщиковъ слѣдующихъ, при добромъ распоряженіи достаточны будутъ на удовлетвореніе всякимъ хозяйственнымъ потребностямъ».

Приведенный здѣсь манифестъ, имѣвшій въ виду несомнѣнною цѣлью облегчить крѣпостную зависимость сельскаго населенія, тѣмъ не менѣе, представляетъ собою необдуманное и скороспѣлое произведеніе, вполнѣ соотвѣтствовавшее духу тогдашняго времени; манифестъ вы-

[1] «Когда наслѣдство дойдетъ до такого поколѣнія женскаго», сказано въ актѣ, «которое царствуетъ уже на другомъ какомъ престолѣ, тогда предоставлено наслѣдующему лицу избрать вѣру и престолъ и отрещись вмѣстѣ съ наслѣдникомъ отъ другой вѣры и престола, естьли таковой престолъ связанъ съ закономъ, для того, что государи россійскіе суть главою церкви».

ГРАФЪ ПЕТРЪ АЛЕКСѢЕВИЧЪ ПАЛЕНЪ.

Съ гравюры Валькера, сдѣланной съ портрета Кюгельхена.

звалъ къ жизни множество недоумѣній и неправильныхъ толкованій. Неудовлетворительность его редакціи позволяла помѣщикамъ толковать его въ свою пользу, въ зависимости отъ мѣстныхъ условій. Въ Малороссіи существовала двухдневная барщина, а потому помѣщикамъ представился удобный случай возвысить лежавшія на крестьянахъ повинности; въ великорусскихъ же губерніяхъ склонны были усмотрѣть въ манифестѣ не повелѣніе, а совѣтъ, ни для кого не обязательный, данный землевладѣльцамъ.

Что же касается установленія о россійскихъ императорскихъ орденахъ, то въ немъ, какъ и слѣдовало ожидать, отсутствовали ордена св. Георгія и св. Владиміра. Снова Е. И. Нелидова принялась ходатайствовать у императора за сохраненіе ордена св. Георгія. Просьбы ея были уважены, и о послѣднемъ орденѣ состоялся 14-го апрѣля особый указъ такого содержанія: «Его императорское величество, во время чтенія въ Успенскомъ соборѣ статута императорскихъ государственныхъ орденовъ [1], изустно съ престола изрѣщи соизволилъ тако: А орденъ св. великомученика и побѣдоносца Георгія остается на прежнемъ своемъ основаніи, такъ, какъ и статутъ его».

Орденъ же св. Владиміра такъ и остался исключеннымъ изъ списка русскихъ орденовъ; онъ былъ возстановленъ на прежнемъ основаніи преемникомъ императора Павла.

Торжество коронаціи сопровождалось щедрою раздачею чиновъ, орденовъ и крестьянъ (болѣе 82.000 душъ) [2]. Львиная доля выпала графу Безбородкѣ. Онъ былъ возведенъ въ княжеское Россійской имперіи достоинство, съ присвоеніемъ титула свѣтлости; кромѣ того, государь пожаловалъ ему болѣе 10.000 душъ въ Орловской губерніи, съ прибавкою 30.000 десятинъ самой плодородной земли въ Воронежской губерніи. Ко всѣмъ этимъ щедротамъ прибавлялось еще 6.000 душъ на выборъ. По увольненіи же, 21-го апрѣля, отъ всѣхъ дѣлъ, по болѣзни, графа Остермана, съ полнымъ «трактаментомъ», имъ получаемымъ [3], князь Безбородко пожалованъ былъ титуломъ государственнаго канцлера.

[1] Упомянутое въ указѣ чтеніе имѣло мѣсто 13-го апрѣля 1797 года, послѣ молебствія.

[2] См. въ приложеніяхъ списокъ наградамъ, пожалованнымъ въ день коронованія Павла I, 5-го апрѣля 1797 года, составленный княземъ Лобановымъ-Ростовскимъ.

Послѣ коронованія и прибытія ихъ величествъ въ Грановитую палату читано было о всемилостивѣйшихъ наградахъ, при чемъ императоръ «изволилъ надѣвать жалованныя ордена собственною своею высочайшею особою, а тѣ, коихъ оными изволилъ жаловать, принимали, каждый подходя къ рукѣ его величества, съ колѣнопреклоненіемъ». (Камеръ-фурьерскій журналъ 1797 года). Только послѣ этой церемоніи началась трапеза, по установленному чину.

[3] Кромѣ того, графу Остерману былъ подаренъ серебряный сервизъ, находившійся у него по званію канцлера.

Въ генералъ-фельдмаршалы произведены были три генерала: графъ Эльмптъ (ему же пожалованъ былъ орденъ св. апостола Андрея), графъ Мусинъ-Пушкинъ (ему же пожалованы были 4.000 душъ) и Каменскій; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ возведенъ былъ въ графское Россійской имперіи достоинство. Ростопчинъ пожалованъ былъ Александровскимъ кавалеромъ; Аракчеевъ получилъ тотъ же орденъ и, сверхъ того, пожалованъ былъ барономъ, а гардеробмейстеръ Кутайсовъ назначенъ былъ оберъ-гардеробмейстеромъ 4-го класса.

Щедрая раздача крестьянъ оцѣнена была современниками весьма различно. А. С. Шишковъ пишетъ въ своихъ запискахъ: «Причиною сей раздачи деревень, сказываютъ, былъ больше страхъ, нежели щедрота. Павелъ Первый, напуганный, можетъ быть, примѣромъ Пугачева, думалъ раздачею казенныхъ крестьянъ дворянамъ уменьшить опасность отъ народныхъ смятеній. Сія, можно сказать, несчастная боязнь часто тревожила сердце сего монарха и была причиною тѣхъ излишнихъ осторожностей и непомѣрныхъ строгостей, какими, муча другихъ, и самъ онъ безпрестанно мучился, и которыя, вмѣсто погашенія мнимыхъ искръ возмущенія, дѣйствительно порождали ихъ и воспламеняли» [1]. По мнѣнію Н. А. Саблукова, «Павелъ не считалъ этого способа распоряжаться государственными землями и крестьянами предосудительнымъ для общаго блага, ибо онъ полагалъ, что крестьяне гораздо счастливѣе подъ управленіемъ частныхъ владѣльцевъ, чѣмъ тѣхъ лицъ, которые обыкновенно назначаются для завѣдыванія государственными имуществами» [2]. Подобныя же мысли были лично высказаны самимъ Павломъ Петровичемъ наканунѣ своего воцаренія. «По моему, лучше бы и всѣхъ казенныхъ крестьянъ раздать помѣщикамъ», сказалъ онъ. «Живя въ Гатчинѣ, я насмотрѣлся на ихъ управленіе; помѣщики лучше заботятся о своихъ крестьянахъ, у нихъ своя отеческая полиція» [3]. Вникая въ приведенное здѣсь послѣднее мнѣніе, нельзя, однако, забывать, что дѣятельность отеческой полиціи бываетъ весьма разнообразнаго свойства, а оцѣнка ея подвержена не менѣе различнымъ толкованіямъ.

Среди милостей, ознаменовавшихъ торжество 5-го апрѣля, встрѣчаются также распоряженія, болѣе согласныя съ духомъ новой эры чѣмъ вышеупомянутыя узаконенія и щедроты. Особеннаго вниманія заслуживаетъ указъ отъ 13-го апрѣля 1797 года, подтверждавшій къ исполненію собственноручный указъ отъ 3-го января того же года, коимъ повелѣно было: «какъ скоро снято дворянство, то уже и привилегія

[1] Записки А. С. Шишкова, стр. 22.

[2] «Русскій Архивъ» 1869 года, стр. 1893.

[3] Разсказы генерала Котлубицкаго. «Русскій Архивъ» 1866 года, стр. 1309.

до него не касается. По чему и впредь поступать». Вмѣстѣ съ тѣмъ это новое, предписанное къ исполненію, воззрѣніе на уголовныя дѣла распространялось указомъ 13-го апрѣля на гильдейскихъ гражданъ, священниковъ и діаконовъ, впавшихъ въ важныя преступленія, «къ отвращенію разномыслія и сохраненію прямыхъ и единообразныхъ понятій закона». О состоявшемся новомъ указѣ его величества повелѣно было дать знать святѣйшему синоду [1]. Достойно вниманія, что этимъ указомъ отмѣнялись милости, дарованныя духовенству четыре мѣсяца тому назадъ, 9-го декабря 1796 года, самимъ же императоромъ Павломъ—новый примѣръ систематической непослѣдовательности, отличавшей его образъ дѣйствій [2].

Послѣ коронованія, совершившагося 5-го апрѣля, болѣе недѣли продолжались пріемы поздравленій со стороны духовенства, военныхъ и гражданскихъ чиновниковъ и многочисленныхъ депутацій, наводившіе скуку и страшную усталость на присутствовавшихъ. Императоръ съ императрицею принимали представлявшихся въ Грановитой палатѣ, сидя на тронѣ. Павелъ Петровичъ, однако, находилъ, что ихъ было слишкомъ мало. «L'Empereur mettait dans la représentation souveraine toute l'exagération de son caractère», пишетъ графиня В. Н. Головина. Государь съ какою-то, присущею ему, особою страстностью и мелочностью придумывалъ все новыя усовершенствованія для придворнаго этикета; по этой причинѣ празднества и даже балы дѣлались не менѣе утомительными и скучными, чѣмъ торжественныя поздравленія. Императрица же, съ своей стороны, говорила, что будто слышала отъ императрицы Екате-

[1] Еще въ 1796 году, 22-го декабря, императоръ Павелъ огорчилъ духовенство другимъ указомъ, приказавъ всѣхъ священно и церковнослужительскихъ дѣтей, «праздно живущихъ при отцахъ своихъ», для устройства состоянія ихъ съ лучшею выгодою какъ для общества, такъ и для нихъ собственно, «обратить въ военную службу, гдѣ они будутъ употреблены съ пользою, по примѣру древнихъ левитовъ, которые на защиту отечества вооружались». Редакцію этого указа слѣдуетъ признать до нѣкоторой степени не лишенною оригинальности.

[2] 9-го декабря 1796 года синодъ представилъ государю слѣдующій докладъ: «Приличившіеся въ уголовныхъ преступленіяхъ священники и діаконы, по лишеніи чиновъ ихъ, наказываются кнутомъ, наравнѣ съ преступниками изъ подлаго народа. По церковныя правила отъ двойного наказанія ихъ освобождаютъ. По высочайшимъ же граматамъ дворянству и городамъ, впадшіе въ уголовное преступленіе не только дворяне, но и купечество, тѣлесно не наказываются. Почему синодъ смѣлость пріемлетъ всеподданнѣйше просить, не благоугодно ли будетъ вашему императорскому величеству изъ высочайшаго милосердія повелѣть, чтобъ таковыхъ изъ священнаго сана, судимыхъ въ преступленіяхъ уголовныхъ, тѣлесно впредь не наказывать, а отсылать по лишеніи чиновъ въ работу вѣчно или на время, смотря по важности вины; ибо чинимое имъ наказаніе въ виду самыхъ тѣхъ прихожанъ, кои получали отъ нихъ спасительныя тайны, располагаетъ народныя мысли къ презрѣнію священнаго сана».

Резолюція: «Быть по сему». (П. С. З., т. 24, № 17.624).

рины, что во время ея коронаціи толпа, цѣловавшая ей руку, была такъ велика, что рука государыни распухла, и поэтому Марія Ѳеодоровна выражала неудовольствіе, что ея рука не пухнетъ. Оберъ-церемоніймейстеръ Петръ Степановичъ Валуевъ, желая помочь горю и сдѣлать угодное ихъ величествамъ, заставлялъ однихъ и тѣхъ же лицъ представляться подъ разными наименованіями. Церемонія удлинялась, и цѣль, предусмотрѣнная ловкимъ царедворцемъ, была достигнута.

Вообще, по замѣчанію очевидца московскихъ празднествъ, императоръ Павелъ похожъ былъ на тщеславное частное лицо, которому разрѣшили играть роль государя; онъ какъ бы спѣшилъ вдоволь насладиться своимъ новымъ положеніемъ, словно предчувствуя всю кратковременность этого удовольствія. Тщеславіе, издавна присущее Маріи Ѳеодоровнѣ, выражалось теперь въ нескрываемой ею дѣтской радости, вызванной новою ролью, выпавшею, наконецъ, на ея долю. Всѣ эти обстоятельства не ускользали отъ вниманія собравшагося общества и вызывали среди него насмѣшки. Когда не дрожали, то утѣшали себя проявленіемъ шумной веселости. Этимъ общество вознаграждало себя за постоянное чувство страха, которое внушали ему императоръ и водворенный имъ монархическій терроръ, тѣмъ болѣе чувствительный, что онъ установился послѣ долговременнаго, самаго кроткаго царствованія. Конечно, и при Екатеринѣ бывали несправедливости и проявленія немилости; но это случалось рѣдко, и, какъ замѣчаетъ современникъ, «претерпѣвали ихъ частныя лица, но не все цѣлое. Совершенства во всемъ мірѣ нѣтъ» [1].

Но теперь далеко было до совершенства. Для характеристики водворившагося тогда духа при обращеніи съ отдѣльными лицами или, лучше сказать, съ представителями извѣстной части войскъ, не пользовавшейся благоволеніемъ, приведемъ здѣсь разсказъ адъютанта злосчастнаго Екатеринославскаго кирасирскаго полка о пережитыхъ имъ въ то время тяжелыхъ минутахъ:

«Въ одинъ день, не упомню числа, но день всегда незабвенный въ моей жизни», пишетъ этотъ очевидецъ, «послѣ вахтъ-парада пошелъ дождь; всѣмъ дежурнымъ штабъ-офицерамъ и адъютантамъ для принятія пароля, который Павелъ Петровичъ самъ отдавалъ, было приказано собраться въ военную залу передъ кабинетомъ; всѣ собрались. Павелъ вышелъ изъ своего кабинета, отдалъ пароль; казалось, все шло въ надлежащемъ и подлежащемъ порядкѣ, ничто спокойствія не нарушало, и Павелъ изволилъ шествовать во внутреннія комнаты; какъ вдругъ минутъ черезъ пять двери опять отворились, гоффурьеры зашикали, и онъ вступилъ въ залу и громко сиповатымъ голосомъ повелѣлъ:

[1] Записки Л. Н. Энгельгардта, стр. 199.

— «Екатеринославскаго адъютанта сюда!

«Недалеко было меня искать — я былъ въ залѣ и сталъ передъ государемъ. Павелъ Петровичъ подошелъ ко мнѣ очень близко и началъ меня щипать; сзади его, съ правой стороны, стоялъ великій князь Александръ Павловичъ, съ блѣднымъ лицемъ, съ лѣвой стороны стоялъ Аракчеевъ; щипаніе было произведено нѣсколько разъ, отъ котораго брызгали у меня изъ глазъ слезы, какъ горохъ. Очи Павла Петровича, казалось мнѣ, блистали, какъ зажженныя свѣчки; наконецъ, онъ изволилъ повелѣвать мнѣ сими словами:

— «Скажите въ полку, а тамъ скажутъ далѣе, что я изъ васъ Потемкинскій духъ вышибу, а васъ туда зашлю, куда воронъ костей вашихъ не занесетъ.

«Привѣтствіе — не вполнѣ радостное, но изустно мнѣ оглашенное въ присутствіи 200 или 300 офицеровъ! Его величество, повторивъ высочайшее повелѣніе пять или шесть разовъ, продолжая щипаніе, изволилъ мнѣ сказать:

— «Извольте, сударь, отправиться въ полкъ!

«Съ этимъ словомъ я отставилъ правую ногу назадъ и повернулся лихо направо кругомъ; но какъ Павелъ Петровичъ стоялъ очень близко, то, при поворотѣ, я концомъ палаша весьма непріятно задѣлъ его по ногамъ. Не сумѣю объяснить теперь, не умѣлъ и тогда, что со мною или, лучше сказать, что во мнѣ въ сію минуту дѣлалось! Но милосердому Богу было угодно спасти меня въ этомъ случаѣ: я не оробѣлъ, твердо приступилъ правой ногой и пошелъ съ лѣвой ноги маршемъ по-ефрейторски. Что же слышу, что сопровождаетъ вслѣдъ меня? Государь возглашаетъ—«бравый офицеръ! славный офицеръ!» Слышать одобреніе, когда думаешь, что тебя поглотитъ земля,—это радованіе неизъяснимо, его можно только чувствовать» [1].

Къ числу любопытныхъ явленій, сопровождавшихъ московскія празднества 1797 года, принадлежитъ также слѣдующее событіе, въ которомъ отразились оригинальный характеръ и особенности взглядовъ новаго вѣнценосца. Въ день Преполовенія Пятидесятницы, 29-го апрѣля, въ Кремлѣ происходила военная церемонія, соединенная съ церковнымъ торжествомъ, во время которой императоръ Павелъ въ далматикѣ и коронѣ командовалъ войсками на парадѣ [2].

2-го мая 1797 года, послѣдовалъ указъ о принятіи императрицей Маріей Өеодоровною главнаго начальства надъ воспитательными домами въ обѣихъ столицахъ. Такимъ образомъ для благотворительности Маріи

[1] Записки А. М. Тургенева. «Русская Старина» 1885 года, т. 48-й, стр. 70—71.

[2] И. М. Снегиревъ: Жизнь московскаго митрополита Платона. Москва. 1856. (Второе изданіе). Часть 1-я, стр. 98.

Θеодоровны открылось обширное поприще, и упомянутое распоряженіе Павла Петровича привело къ тому, что имя этой государыни навѣки перейдетъ къ потомству въ лучахъ любви и сердечной признательности. Менѣе удачно было ея вмѣшательство въ политику, въ особенности, въ царствованіе Александра I, къ чему она, къ сожалѣнію, чувствовала нѣкоторое влеченіе. «Политическое вліяніе ея было положительно вредно для Россіи» [1].

Во время пребыванія двора въ Москвѣ, на горизонтѣ семейнаго счастія Маріи Θеодоровны появилось облачко, грозившее обратиться въ грозную тучу. Развязка послѣдовала только въ слѣдующемъ 1798 году. На балахъ вниманіе императора Павла привлечено было появленіемъ замѣчательной красавицы, Анны Петровны Лопухиной, дочери сенатора Петра Васильевича Лопухина. Императрица и Нелидова пришли въ нѣкоторое волненіе, но на первый разъ встрѣча съ Лопухиной не сопровождалась какими-либо послѣдствіями. Это обстоятельство не прошло, однако, не замѣченнымъ для Ивана Павловича Кутайсова, который впослѣдствіи воспользовался имъ для личнаго возвышенія. Но въ это время Кутайсовъ, благодаря своему чрезмѣрному честолюбію, едва не сдѣлался жертвою гнѣва императора Павла: спасительницею его явилась Марія Θеодоровна.

Хотя Кутайсовъ въ день коронованія своего благодѣтеля и былъ пожалованъ въ оберъ-гардеробмейстеры 4-го класса, но, считая себя обиженнымъ въ виду послѣдовавшей тогда щедрой раздачи орденовъ и имѣній, вздумалъ просить у государя еще ордена св. Анны 2-го класса. Павелъ не на шутку разгнѣвался на своего брадобрея и, вспомня старину, обработалъ его словомъ и дѣломъ, а затѣмъ выгналъ. Войдя къ императрицѣ, у которой онъ засталъ Нелидову, государь объявилъ имъ, что Кутайсовъ удаленъ за его безстыдство. Старанія Маріи Θеодоровны успокоить своего взволнованнаго супруга были напрасны; только послѣ обѣда Нелидовой удалось испросить прощеніе Кутайсову. Тотъ, въ порывѣ благодарности, бросился къ ногамъ императрицы. Годъ спустя, обѣ великодушныя заступницы Кутайсова ознакомились съ мѣрою признательности неблагодарнаго гардеробмейстера [2].

Лейбъ-медикъ Рожерсонъ, передавая графу С. Р. Воронцову свои впечатлѣнія за время пребыванія въ Москвѣ, писалъ: «Все здѣсь имѣетъ видъ, что происходитъ случайно, подъ впечатлѣніемъ минуты. Когда онъ хочетъ, не осмѣливаются дѣлать ему возраженій; на совѣтъ

[1] «Къ исторіи московскихъ учрежденій императорскаго воспитательнаго дома». Статья П. Б. въ «Русскомъ Архивѣ» 1886 года.

[2] Aus den Tagen Kaiser Pauls. Aufzeichnungen eines kurländischen Edelmanns (Baron Karl Heinrich Heyking). Leipzig. 1886, p. 46—47.

или представленіе онъ смотритъ, какъ на возмущеніе. Иногда, на слѣдующій день, императрица или, скорѣе, Нелидова (въ особенности, когда онѣ находятся вмѣстѣ) могутъ вернуться къ тому, что было, но это случается рѣдко». Затѣмъ Рожерсонъ упоминалъ еще въ письмѣ о дружеской связи императрицы съ Нелидовой и признавалъ, что послѣдняя стоитъ несравненно выше фаворитовъ и министровъ по своимъ достоинствамъ, характеру и твердости; однимъ словомъ, заключаетъ онъ, все дѣлается безъ обсужденія и не вникая въ дѣло[1].

Съ наступленіемъ павловской эпохи возрожденія, казалось страннымъ вспомнить, что еще въ недавнее время Екатерина сказала, что «ей пріятно, что дворяне себя чувствуютъ»[2]. Теперь подобныя мысли представлялись бы вредною ересью. Павлу Петровичу, напротивъ того, казалось именно желательнымъ, чтобы дворяне себя не чувствовали, и онъ поспѣшилъ нанести дворянской грамотѣ новый ударъ. 4-го мая послѣдовалъ указъ генералъ-прокурору, написанный въ дорогѣ, на другой день по оставленіи Москвы, по которому «ни отъ кого и ни въ какихъ мѣстахъ прошеній, многими подписанныхъ, не принимать». Этимъ указомъ отмѣнялось право дворянства представлять о своихъ нуждахъ губернаторамъ, сенату и императорскому величеству.

Неудивительно поэтому, что прусскій посланникъ, графъ Брюль, доносилъ своему правительству изъ Москвы 1-го мая 1797 года: «Каковы бы ни были демонстраціи жителей этого города въ пользу ихъ государя, недовольство въ немъ, однако, всеобщее; оно существуетъ даже въ провинціи и арміи. Склонность, которую русскіе проявляли постоянно къ переворотамъ, ихъ привычка быть управляемыми женщинами и безнравственность ихъ принциповъ могли бы заставлять опасаться самыхъ прискорбныхъ послѣдствій, если бы добродѣтели императрицы не стояли выше всякаго соблазна. Однако, все это зданіе, какъ бы великолѣпно оно ни было, крайне непрочно. Императоръ, желая исправить недостатки прежняго правительства, ниспровергаетъ все, вводитъ новые порядки, не нравящіеся народу, слишкомъ мало обдуманные, и осуществленіе которыхъ столь поспѣшно, что никто не можетъ хорошенько узнать ихъ, и что нечего думать, чтобы они могли продержаться. При

[1] «Tout a l'air de venir par hasard, par l'impulsion du moment. Quand il veut, on n'ose pas représenter; il considère conseil ou représentation comme rebellion. Quelquefois le lendemain, l'impératrice et plutôt mademoiselle Nélidow peuvent (surtout quand elles se trouvent ensemble) revenir sur la chose; mais cela arrive rarement... elle est à présent très liée avec l'impératrice, et il faut convenir qu'elle possède plus de qualités, plus de caractère et de fermeté que tous les autres ou favoris, ou ministres». Архивъ князя Воронцова, книга 30-я, стр. 86—87. (Письмо Рожерсона отъ 10-го іюня 1797 года).

[2] «Русскій Архивъ» 1870 года, стр. 588.

всемъ томъ императоръ занимается главнымъ образомъ лишь мелкими подробностями, церемоніями и представленіями, часто теряетъ изъ виду важное и не слушаетъ ничьихъ совѣтовъ»[1].

Всѣ эти черты новаго правленія, подмѣченныя графомъ Брюлемъ, получали съ каждымъ годомъ все болѣе преобладающее значеніе.

Императоръ Павелъ разстался съ Москвою 3-го мая и предпринялъ путешествіе по Россіи, во время котораго его сопровождали великіе князья Александръ и Константинъ. Въ свитѣ государя находился также генералъ-маіоръ баронъ Аракчеевъ[2]. На этотъ разъ осчастливлены были царскимъ посѣщеніемъ Смоленскъ, Орша, Могилевъ, Минскъ, Вильно, Гродно, Ковно, Митава, Рига и Нарва.

Въ день отъѣзда государя, императрица съ великими княгинями и великими княжнами также выѣхала изъ Москвы, направляясь въ Петербургъ.

Во время путешествія Павелъ былъ доволенъ и веселъ. Но, во время слѣдованія черезъ Смоленскую губернію, одинъ случай разгнѣвалъ государя; проѣзжая чрезъ слободу Пневу, онъ замѣтилъ множество крестьянъ, чинившихъ дорогу, а затѣмъ на мосту свѣжія подѣлки. Между тѣмъ «его величество», пишетъ Ѳ. П. Лубяновскій, «желалъ видѣть обыкновенный, вседневный бытъ народа, и за тѣмъ строго было воспрещено поправлять дороги, чинить мосты и дѣлать какія бы то ни было приготовленія для путешествія государя». Опрошенные императоромъ крестьяне сказали, что высланы для исправленія пути помѣщикомъ

[1] Императоръ Александръ I. Его жизнь и царствованіе, т. 1-й, стр. 365. «Quelles qu'aient été les démonstrations des habitants de cette ville en faveur de leur souverain, le mécontentement y est cependant général; il existe même dans les provinces et l'armée. Le penchant que les russes ont eu de tout temps pour les révolutions, leur habitude d'être gouvernés par des femmes et l'immoralité de leurs principes, pourraient faire craindre les suites les plus fâcheuses, si les vertus de l'impératrice n'étaient pas au dessus de toute séduction. Cependant tout cet édifice, quelque superbe qu'il soit, est bien précaire. L'empereur, en voulant corriger les défauts de l'ancien gouvernement culbute tout, introduit un nouveau régime qui déplait à la nation, qui est trop peu réfléchi, et dont l'exécution est tellement précipitée que personne n'apprend à le bien connaitre et qu'il n'est guère à présumer qu'il se soutienne. Avec cela l'Empereur ne s'occupe principalement que de petits détails, de cérémonies et de représentations, perd souvent de vue les grands objets et n'écoute les conseils de personne». Въ той же депешѣ графъ Брюль пишетъ, что императоръ принимаетъ совѣты только отъ князя Безбородко и иногда отъ князя Репнина. Перваго онъ признаетъ способнымъ, но «paresseux et nonchalant», а князя Репнина умнымъ, «mais le fond de son caractère est violent, mêlé de hauteur et d'opiniâtreté».

[2] Цесаревичъ Александръ Павловичъ былъ весьма обрадованъ участіемъ Аракчеева въ путешествіи и писалъ ему: «Это будетъ для меня великое утѣшеніе и загладитъ нѣкоторымъ образомъ печаль разлуки съ женою, которую мнѣ, признаюсь, жаль покинуть. Одно у меня безпокойство, это твое здоровье. Побереги себя ради меня».

Милостивый Государь мой

Петръ Хрисанфовичь!

Во исполненiе высочайшаго Его Императорскаго Величества повеленiя, объявленнаго въ почтеннѣйшемъ отношенiи вашего высокопревосходительства за № 5016, отставной штабъ-ротмистръ Бѣляевъ посаженъ въ Цухтгаузъ. Извѣщая о семъ васъ милостиваго государя моего, съ истиннымъ почтенiемъ и совершенною преданностiю имѣю честь быть,

Милостивый Государь мой

вашего высокопревосходительства

покорнѣйшiй слуга

Баронъ фонъ Дерпаленъ

№ 356
Iюня 18 дня
1800 года
Его в: пр: Обольянинову.

ПИСЬМО ГРАФА П. А. ФОНЪ-ДЕРЪ ПАЛЕНА КЪ П. Х. ОБОЛЬЯНИНОВУ.

Храповицкимъ по случаю царскаго проѣзда, и при этомъ удобномъ случаѣ жаловались на притѣсненія своего владѣльца. Прибывъ на ночлегъ, взволнованный императоръ, въ присутствіи окружавшихъ его придворныхъ и находившагося при немъ наслѣдника, сталъ громко выражать свое негодованіе за ослушаніе его повелѣніямъ. «Какъ вы думаете», сказалъ Павелъ, «Храповицкаго надо наказать въ примѣръ другимъ?» Всѣ безмолвствовали. Тогда онъ, обратясь къ наслѣднику, сказалъ: «Ваше высочество, напишите указъ, чтобы Храповицкаго разстрѣлять, и напишите, чтобы народъ зналъ, что вы дышите однимъ со мною духомъ». Александръ въ смущеніи вышелъ въ другую комнату; какъ разъ въ это самое время подъѣхала отставшая карета князя Безбородки, также сопровождавшаго государя во время путешествія. Наслѣдникъ бросился къ нему, разсказалъ въ короткихъ словахъ происшедшее и просилъ его успокоить государя. «Будьте благонадежны»,—отвѣчалъ Безбородко и вмѣстѣ съ наслѣдникомъ вошелъ къ императору.— «Ну, вотъ, Александръ Андреевичъ», — обратился Павелъ къ нему и, объяснивъ въ чемъ дѣло, прибавилъ: «Какъ вы думаете, хорошо ли я сдѣлалъ, что приказалъ Храповицкаго разстрѣлять?»—«Достодолжно и достохвально, государь», — отвѣчалъ Безбородко. Наслѣдникъ и всѣ присутствовавшіе были поражены отвѣтомъ князя. — «Вотъ видите», воскликнулъ государь, «что говоритъ умный человѣкъ; а вы чего всѣ испугались?»—Подождавъ немного, Безбородко продолжалъ: «Только, государь, Храповицкаго надо казнить по суду, чтобы всѣ знали, что ослушника повелѣнію государя караетъ законъ; слѣдовательно, нужно послать указъ Смоленской уголовной палатѣ, чтобы она пріѣхала въ полномъ своемъ составѣ на мѣсто и постановила свое опредѣленіе». Императоръ на это согласился, и тотчасъ же о томъ былъ посланъ съ фельдъегеремъ указъ палатѣ [1].

Въ такомъ видѣ дѣло записано было по разсказамъ современниковъ. Существуетъ еще другой варіантъ этой исторіи, по которому дѣло окончилось смѣхомъ по милости таракана. Ѳ. П. Лубяновскій пишетъ: «Въ Смоленской губерніи государь замѣтилъ на мосту по неубраннымъ щепамъ свѣжія подѣлки и, спросивъ, кто приказалъ чинить мостъ, о предводителѣ, отъ котораго то было приказано, велѣлъ князю Безбородкѣ написать что-то весьма не лестное. Прибыли между тѣмъ на ночлегъ. Его величество, смотря изъ окна на собравшуюся передъ квартирою толпу:—«Намъ здѣсь рады»,—сказалъ пришедшему.—«Столько ли бы еще было народа, тотъ отвѣчалъ, если бы не Безбородко».—«А что съ нимъ?» «Сѣлъ за столъ въ избѣ, въ своей квартирѣ, писать; тараканъ ему на руку;

[1] Разсказы о старинѣ: «Русскій Архивъ» 1868 года, стр. 1079.

боится, какъ огня, таракановъ [1]; выскочилъ изъ избы и, какъ шальной, съ перомъ въ рукѣ и безъ шляпы, побѣжалъ по селу, а народъ толпою за нимъ».—«Въ погоню за нимъ и сюда привести».—«Что, князь Александръ Андреевичъ, струсили? Бросьте» [2].

Можетъ быть, все дѣло происходило нѣсколько иначе. 5-го мая смоленскому военному губернатору, генералу Михаилу Михаиловичу Философову, дѣйствительно, посланъ былъ указъ слѣдующаго содержанія:

«Пріѣхавъ въ Пневу слободу, съ крайнимъ неудовольствіемъ увидѣлъ я тутъ чрезъ всю сію слободу сдѣланный, безъ всякой надобности, новый мостъ, на которой работѣ три недѣли находились какъ здѣшніе, такъ и окольныхъ деревень ямщики, упустя чрезъ то столь удобное время къ хлѣбопашеству, да и покупка лѣсу, по скорости заготовленія, обошлась имъ слишкомъ въ девятьсотъ рублей, къ немалому ихъ отягощенію. А какъ всѣ подобныя приготовленія къ моему проѣзду и всякіе по сему случаю съ крестьянъ сборы, наряды, строго были запрещены, то и повелѣваю вамъ изыскать виновныхъ, преступившихъ вышесказанное запрещеніе, и предать ихъ суду, взыскавъ съ нихъ все то, что ямщиками на сдѣланіе въ Пневой слободѣ ненужнаго мосту издержано; во ожиданіе таковаго взысканія, я приказалъ выдать имъ изъ своей казны 2.500 рублей; впрочемъ, кто именно заставилъ таковую производить работу, по пріѣздѣ моемъ въ Смоленскъ, мнѣ донесите» [3].

13-го августа 1798 года указомъ сенату повелѣно было «всякое по сему предмету производство оставить». Этимъ повелѣніемъ окончательно прекратилось дѣло по постройкѣ ненужнаго новаго моста въ Пневой слободѣ [4].

[1] Князь Безбородко, дѣйствительно, боялся таракановъ; это подтверждается записками Василія Семеновича Хвостова («Русскій Архивъ» 1870 года, стр. 590), въ которыхъ заключаются подробности объ окончаніи путешествія императора Павла 1797 года.

[2] Воспоминанія Ѳ. П. Лубяновскаго, стр. 117.

[3] Въ тотъ же день, 5-го мая 1797 года, посланъ былъ по тому же дѣлу указъ генералъ-прокурору, въ которомъ предписывалось сенату по всѣмъ губерніямъ учинить подтвержденіе, «дабы никто изъ начальствующихъ въ оныхъ, такожъ и опредѣленныхъ по уѣздамъ чиновъ, отнюдь не дерзали приказывать производить таковыхъ работъ, каковыя въ подобныхъ и другихъ случаяхъ при бывшемъ управленіи намѣстниковъ не по надобности, а единственно по прихотямъ затѣваемы были, и, къ нимъ наряжая людей, лишать ихъ необходимаго для хозяйства ихъ времени, подъ опасеніемъ не токмо взысканія съ виновныхъ цѣны, во что работа и убытки людскіе обойдутся, но и сверхъ того отрѣшенія отъ мѣста за пренебреженіе должности».

Замѣтимъ здѣсь, что въ указѣ генералъ-прокурору сказано, что мостъ обошелся крестьянамъ до тысячи рублей, а въ указѣ генералу Философову расходы оцѣнены до девятисотъ рублей.

[4] Въ указѣ 13-го августа 1798 года сказано, что государь уже при проѣздѣ черезъ Смоленскъ, въ маѣ прошедшаго года, познавъ, что къ постройкѣ ненужнаго въ

Императоръ Павелъ прибылъ въ Смоленскъ 6-го мая. Государь посѣтилъ Успенскій соборъ и затѣмъ отправился въ губернаторскій домъ, гдѣ былъ выставленъ почетный караулъ отъ московскаго гренадерскаго полка, одѣтый по новой формѣ. Когда по отданіи подобающей чести, генералъ Философовъ [1] подошелъ къ государю и трепещущими руками подалъ ему рапорты, бумаги выпали изъ рукъ почтеннаго старца ранѣе, чѣмъ государь взялъ ихъ. Философовъ наклонился поднять ихъ, но государь не допустилъ его и, удержавъ за плечо, сказалъ: «постой, старикъ, я помоложе тебя», и самъ поднялъ бумаги; все это сдѣлалось такъ быстро, что никто изъ присутствовавшихъ не успѣлъ предварить императора. «Какъ восхитительно видѣть монарха, отдающаго полную справедливость заслугамъ, лѣтамъ и достоинствамъ своего подданнаго», замѣчаетъ очевидецъ Грязевъ [2].

Вечеромъ состоялся балъ въ домѣ благороднаго собранія, и на другой день государь отправился въ дальнѣйшій путь, послѣ вахтъ-парада, имѣвшаго мѣсто въ 7 часовъ утра, изъявивъ совершенное свое удовольствіе.

При дальнѣйшемъ слѣдованіи императора Павла, историческое значеніе получило посѣщеніе имъ 8-го мая, въ сопровожденіи великихъ князей, іезуитскаго коллегіума въ Оршѣ, изъ котораго онъ вынесъ самое лучшее впечатлѣніе. Государь сказалъ при этомъ архіепископу Сестренцевичу: «Я вхожу сюда не такъ, какъ входилъ со мною въ Брюннѣ императоръ Іосифъ въ монастырь этихъ почтенныхъ особъ

Пневой слободѣ моста приступлено было «по невѣдѣнію о несоизволеніи нашемъ къ таковымъ приготовленіямъ для проѣзда нашего», всемилостивѣйше простилъ виновныхъ, «изъявивъ тогда волю нашу генералу-отъ-инфантеріи Философову, объявляемъ оную и сенату нашему, повелѣвая всякое по сему предмету производство оставить». Спрашивается: почему же производство дѣла по Пневской слободѣ продолжалось, вызвавъ новый указъ 13-го августа?

Генералъ-прокуроръ получилъ 8-го мая еще одинъ указъ по поводу исправленія дорогъ. Государь писалъ: «Изъ приложенной при семъ копіи указа моего бѣлорусскому губернатору вы увидите, что за всѣми повелѣніями и запрещеніями моими о нечиненіи никакихъ нарядовъ по случаю путешествія моего, въ Бѣлорусской губерніи выслано было множество людей на дорогу для расчищенія оной. Имѣя справедливую причину къ негодованію на такой поступокъ, я требую, чтобы для удовлетворенія обывателей, которые въ таковую ненужную работу употреблены были, у губернатора и вице-губернатора бѣлорусскихъ остановлено было у каждаго за треть жалованье, на счетъ коего выдана тѣмъ обывателямъ изъ собственной моей казны тысяча рублей».

[1] 19-го декабря 1796 года императоръ Павелъ назначилъ Философова управляющимъ гражданскою частію въ губерніяхъ Смоленской и Псковской.

[2] Записки Грязева, «Русскій Вѣстникъ» 1890 года.

Въ 1761 году Философовъ перевелъ съ французскаго: «Инструкцію короля прусскаго», и этой заслуги императоръ Павелъ никогда не забылъ. Тѣмъ не менѣе, 12-го марта 1798 года генералъ Философовъ уволенъ былъ отъ всѣхъ дѣлъ.

первое его слово, обращенное имъ къ своимъ офицерамъ, было такое: «эту комнату взять для больныхъ, а эту для госпитальной провизіи»; потомъ онъ приказалъ привести къ нему настоятеля монастыря и, когда тотъ явился, обратился къ нему съ такою рѣчью: «Когда вы удалитесь отсюда?» Я поступаю совершенно иначе, хотя я еретикъ, а Іосифъ былъ римско-католическій императоръ». Вообще государь при сношеніяхъ съ католическимъ духовенствомъ принималъ самое живое участіе въ судьбахъ латинской церкви, почитая ее самымъ твердымъ оплотомъ противъ злоупотребленій ума [1].

Вахтъ-парады и ученья, полковыя и баталіонныя, въ Вильнѣ и Гроднѣ прошли благополучно; но въ Ковнѣ шефъ таврическаго гренадерскаго полка, полуслѣпой и глухой генералъ отъ инфантеріи Якоби, представилъ государю роту, приготовленную къ разводу по-старому. Якоби былъ уволенъ отъ службы, а затѣмъ императоръ приказалъ барону Аракчееву остаться въ Ковнѣ и выучить полкъ. Шесть недѣль оставался Алексѣй Андреевичъ на берегахъ Нѣмана и съ ранней зари принимался за обученіе неучей по новому уставу.

Баронъ Аракчеевъ былъ тогда «въ полномъ разгарѣ ратнаго рвенія», замѣчаетъ Ѳ. П. Лубяновскій, остававшійся при немъ въ должности адъютанта. «Сколько строгъ и грозенъ былъ Алексѣй Андреевичъ передъ полкомъ, столько же дома былъ привѣтливъ и ласковъ. По вечерамъ офицеры приглашались на чай къ Аракчееву; на этихъ собраніяхъ генералъ благосклонно и вразумительно изъяснялъ равненіе строя, плутонги, эшелоны, пуанъ-де-вю, пуанъ д'аппюи и прочія мистеріи воинскаго устава; дозволялъ даже, и не безъ удовольствія, вопросы себѣ, отвѣчалъ терпѣливо и съ знаніемъ дѣла; самъ вопросами удостовѣрялся, хорошо ли понято, о чемъ вчера говорено. Два раза въ недѣлю Алексѣй Андреевичъ отправлялъ длинныя письма къ наслѣднику цесаревичу, а мнѣ поручалъ списывать ихъ отъ слова до слова для архива его. Каждое письмо начиналось, каждое же и оканчивалось, хотя не всегда въ однихъ и тѣхъ же выраженіямъ, изліяніемъ изъ глубины сердца одной и той же приверженности душевной, живѣйшей, вѣчно непоколебимой; а между началомъ и заключеніемъ каждое письмо наполнялось пространнымъ описаніемъ съ перваго шага невѣдѣнія во всѣхъ строевыхъ эволюціяхъ, потомъ—надежды къ исправленію при неусыпномъ трудѣ и точномъ исполненіи монаршей воли, наконецъ—вожделѣнныхъ успѣховъ и усовершенія» [2].

27-го мая императоръ Павелъ возвратился въ Гатчину и 1-го іюня переѣхалъ въ Павловскъ. Вообще государь остался доволенъ совершеннымъ путешествіемъ.

[1] М. Морошкинъ: Іезуиты въ Россіи. С.-Петербургъ, часть 1-я, стр. 281.

[2] Воспоминанія Ѳ. П. Лубяновскаго, стр. 118—122.

Возвращеніе Павла Петровича сопровождалось смѣною петербургскаго военнаго губернатора. Несмотря на искусство и беззастѣнчивость средствъ, пущенныхъ въ ходъ Архаровымъ для удержанія за собою власти, служебное поприще его прервалось неожиданнымъ для него образомъ. 15-го іюня генералъ отъ инфантеріи Николай Петровичъ Архаровъ удаленъ былъ отъ занимаемой имъ должности [1], а 17-го іюня его мѣсто занялъ генералъ-лейтенантъ графъ Буксгевденъ, которому вмѣстѣ съ тѣмъ объявлено было удовольствіе государя за хорошее правленіе въ Петербургѣ во время отсутствія двора изъ столицы. Паденію Архарова содѣйствовали императрица Марія Ѳеодоровна и Е. И. Нелидова вслѣдствіе распространенія все большаго неудовольствія среди городскаго населенія и даже въ войскахъ, не говоря уже о ропотѣ, поднявшемся во всѣхъ классахъ общества, вообще среди мыслящей Россіи. «Il n'y a que le bas peuple des villes et les paysans qui aiment leur maître.—Dieu sait à quoi tout cela aboutira», писалъ 16-го іюня прусскій посланникъ графъ Брюль [2].

Нужно было что-нибудь сдѣлать, хотя бы для нѣкотораго успокоенія общественнаго мнѣнія, и на этотъ разъ государь внялъ внушеніямъ двухъ безкорыстно преданныхъ и любившихъ его особъ. Но все это были лишь паліативныя мѣры предусмотрительнаго благоразумія, которыя не могли измѣнить безотрадность общаго положенія дѣлъ. Въ этомъ винятъ обыкновенно интриги, зависть и наушничество приближенныхъ Павла I, пишетъ біографъ Суворова. «Они, дѣйствительно, не отличались доблестями и усугубляли зло, но существовавшій въ его царствованіе порядокъ вещей нельзя приписать постороннимъ вліяніямъ. Государь былъ самъ первымъ и злѣйшимъ себѣ врагомъ; въ немъ самомъ заключались дурныя особенности тогдашняго правительства. Отвергать это и всю бѣду возла-

[1] Н. П. Архаровъ занималъ должности: петербургскаго военнаго губернатора и директора надъ водяными коммуникаціями; кромѣ того, онъ управлялъ еще губерніями Петербургскою, Новгородскою и Тверскою.

[2] «Le monarque a bien besoin de mettre en place des gens de la trempe du général Buxhoevden, car le mécontentement et surtout celui des troupes augmente de jour en jour. En ôtant aux colonels les moyens de piller, on ne leur laisse pas ceux de vivre, car il ne leur reste plus que 800 roubles d'appointement. On fatigue avec cela le soldat d'une manière inconcevable, et il est déjà si dégoûté qu'il ne soupire qu'après l'occasion de déserter. Le dégoût de la noblesse surpasse tout ce que l'on peut en dire. L'incertitude de rester en place d'un jour à l'autre et les innovations continuelles la mettent au désespoir. Il n'y a que le bas peuple des villes et les paysans qui aiment leur maître. Les officiers subalternes sont absolument à la besace. Les exercices continuels auxquels ils n'entendent rien, sont surchargés de minuties qu'on a abolies dans tous les autres services. Dieu sait à quoi tout cela aboutira».

гать на постороннія воздѣйствія и вліянія значитъ дѣлать изъ Павла верховнаго вождя, не имѣвшаго никакой самостоятельности и служившаго послушнымъ орудіемъ въ рукахъ другихъ. А этого не было» [1].

II.

На другой день по восшествіи на престолъ, императоръ Павелъ призвалъ къ себѣ адмирала Голенищева-Кутузова и сказалъ ему, что въ 1797 году намѣренъ начальствовать флотомъ и изъ Кронштадта итти въ Ревель. Въ этихъ цѣляхъ 27-го декабря 1796 года послѣдовало высочайшее повелѣніе построить сорокапушечную трехъ-мачтовую яхту, и помѣщеніе расположить такъ, чтобы императоръ съ императрицею могли на ней итти въ море. Яхту назвать «Эмануилъ», то-есть, «Съ нами Богъ», и окончить работу къ лѣту. Когда яхта была совсѣмъ готова и вооружена, государь повелѣлъ называть оную фрегатомъ.

Къ іюлю мѣсяцу на Кронштадтскомъ рейдѣ находились готовыми къ плаванію 68 кораблей и судовъ, въ ожиданіи прибытія вѣнценоснаго генералъ-адмирала.

Императоръ Павелъ, отпраздновавъ свое тезоименитство въ Павловскѣ, переѣхалъ 1-го іюля въ Петергофъ. 6-го же іюля его величество съ императрицею, великими князьями Александромъ и Константиномъ и со свитою отправились изъ петергофской гавани къ флоту въ девятомъ часу утра. По прибытіи государя на фрегатъ «Эмануилъ», стоявшій на якорѣ между Кроншлотомъ и средней гаванью, началась пушечная поздравительная пальба. Эскадръ-майоромъ при особѣ его величества былъ назначенъ А. С. Шишковъ. Предполагалось итти съ флотомъ на Ревель, но свѣжій западный вѣтеръ препятствовалъ судамъ сняться съ якоря [2].

«Во время этой стоянки», пишетъ Шишковъ, «великіе князья Александръ Павловичъ и Константинъ Павловичъ, смотря на Кронштадтъ, на корабли и на построенныя на водѣ для защиты рейда двѣ крѣпости—Кроншлотъ и цитадель, какъ на новые для нихъ предметы, любопытствовали узнать обо всемъ. Они поймали молодого на фрегатѣ мичмана и дѣлали ему разные о томъ вопросы. Я подслушалъ однажды разговоръ ихъ, и онъ показался мнѣ такъ достопримѣчателенъ, что я сохранилъ его въ моей памяти. Указывая на крѣпость, они спросили

[1] А. Петрушевскій: Генералиссимусъ князь Суворовъ, т. 2-й, стр. 324.

[2] Великія княгини Елисавета Алексѣевна и Анна Ѳеодоровна не участвовали въ этой морской прогулкѣ. 7-го іюля онѣ въ шлюпкѣ изъ Ораніенбаума прибыли на фрегатъ «Эмануилъ» и вечеромъ уѣхали обратно.

у него: въ которую изъ нихъ сажаютъ арестованныхъ офицеровъ?— Мичманъ, удивясь ихъ вопросу и какъ бы оскорбясь имъ, отвѣчалъ съ великою смѣлостью: «что?!... офицеровъ сажать подъ караулъ въ крѣпость?!... Да этого никогда не бывало, и я впервые о томъ слышу». Такъ велико было во времена Екатерины честолюбіе въ самыхъ юныхъ офицерахъ! Тотъ же мичманъ, видѣлъ я, смотрѣлъ съ насмѣшливою улыбкою, когда великіе князья съ важнымъ видомъ брали ружья и, какъ солдаты, при всѣхъ учились отрывисто и проворно дѣлать ими на караулъ, на плечо, къ ногѣ и проч.[1]—Стоянка наша на одномъ мѣстѣ, въ ожиданіи благополучнаго вѣтра, наводила намъ скуку. Д. П. Трощинскій, судя по образу мыслей Екатерины, любившей, чтобъ всѣмъ при ней было свободно и весело, вздумалъ было, для препровожденія времени, заняться карточною игрою; но едва сѣли мы играть въ вистъ, какъ сверху прислано было намъ сказать, чтобы мы отъ подобныхъ забавъ воздержались. Между тѣмъ, хотя въ совершенной праздности не предстояло никакихъ дѣлъ, однакожъ императоръ показывалъ видъ дѣятельной заботливости; онъ не только по утру и вечеру часто, но даже и во время обѣда, вставая неоднократно изъ-за стола, выходилъ на верхъ, какъ будто для какихъ-либо нужныхъ распоряженій или обозрѣній. Я сначала выходилъ всегда за нимъ; но послѣ, видя, что онъ ничего не приказываетъ, вздумалъ было однажды остаться за столомъ; но императрица, взглянувъ на меня, сдѣлала мнѣ головою знакъ, чтобъ я шелъ за нимъ. Я вскочилъ, бросился съ поспѣшностью и съ тѣхъ поръ наблюдалъ всѣ его движенія, стараясь всегда быть на верху, когда онъ выйдетъ изъ каюты. Нерѣдко, чтобъ предъ рядовыми служителями показать себя занимающимся дѣлами, по утрамъ хаживалъ онъ на бакъ и тамъ, въ тѣснотѣ, посреди шума работающихъ вокругъ него матросовъ, выслушивалъ читаемыя передъ нимъ докладныя бумаги. Можно себѣ представить, что рѣшенія по онымъ не могли съ должнымъ вниманіемъ быть обдуманы. Его величество часто удостоивалъ меня разговорами и, казалось, становился отчасу ко мнѣ благосклоннѣе... Въ другое время вышелъ онъ на верхъ и, увидя, что я держу въ рукахъ тетрадь, спросилъ у меня объ ней. Я отвѣчалъ, что это чертежи для походныхъ строевъ. Онъ сталъ ихъ разсматривать и сказалъ мнѣ:

— «А если я захочу, чтобъ корабли иначе построились, нежели здѣсь изображено?

[1] Подобная же сцена повторилась двадцать лѣтъ спустя, въ 1817 году, когда императоръ Александръ I, 24-го іюля (5-го августа), изъ Кронштадта возвращался въ Петергофъ послѣ осмотра флота. Государь взялъ ружье, далъ по ружью великимъ князьямъ Николаю и Михаилу Павловичамъ и занялся съ ними на палубѣ ружейными пріемами. В. Ф. Адлербергъ долженъ былъ командовать. Aus dem Leben des generals v. Natzmer. Berlin. 1876, t. 1, p. 268.

«Нечаянный вопросъ сей привелъ меня въ затрудненіе, ибо я припужденъ былъ отвѣчать, что этого сдѣлать невозможно.

— «Для чего невозможно? — подхватилъ онъ съ нѣкоторою досадою.

«Не зная, подлинно ли не имѣетъ онъ достаточнаго о семъ свѣдѣнія, или испытываетъ меня, сталъ я ему объяснять..... Онъ выслушалъ меня терпѣливо; но, повидимому, не вразумясь хорошенько, сердитымъ голосомъ сказалъ:

— «Что мнѣ нужды до вашихъ чертежей! Я хочу, чтобъ дѣлали то, что я велю.

«Не смѣя больше прекословить ему и не вѣдая, какъ отъ сего отдѣлаться, я приведенъ былъ въ крайнее недоумѣніе, и очень обрадовался, увидя вышедшаго въ сіе время наверхъ графа Кушелева. Я, тотчасъ указавъ на него, сказалъ:

— «Вотъ графъ Кушелевъ: не угодно ли вашему величеству у него о томъ спросить.

«Графъ, по извѣщеніи его, о чемъ идетъ дѣло, сталъ тожъ самое, что и я, говорить. Государь замолчалъ и пошелъ въ свою каюту. Чрезъ нѣсколько минутъ выходитъ оттуда одинъ изъ приближенныхъ къ нему и говоритъ намъ:

— «Что такое вы сдѣлали? Государь очень вами недоволенъ; онъ, сойдя на низъ, сказалъ: «тамъ два умника спорятъ со мною; я не пойду больше наверхъ и посмотрю, какъ они безъ меня управлять станутъ».

«Случай сей нѣсколько меня потревожилъ. Однакожъ, я недолго безпокоился: государь скоро вышелъ опять наверхъ и попрежнему разговаривалъ со мною милостиво. Я послѣ узналъ, что гнѣвъ сей укротила въ немъ Катерина Ивановна Нелидова, которая представила ему, что онъ напрасно за это сердится, потому что мы не отъ упрямства противорѣчили ему и, безъ сомнѣнія, служа долго на морѣ, должны лучше знать, какъ это бываетъ, и что можно или чего не можно сдѣлать.

«Наконецъ (8-го іюля) настал благополучный вѣтеръ. Мы снялись съ якоря и пошли въ путь. Движеніе судовъ, пушечная пальба съ крѣпостей, усыпанная народомъ пристань — привели государя въ такое восхищеніе, что онъ казался внѣ себя отъ удовольствія» [1].

Вечеромъ, не доходя Красной Горки, было приказано: всему флоту лечь по способности на якорь. 9-го іюля флотъ съ утра продолжалъ дальнѣйшее движеніе; въ четвертомъ часу, по причинѣ скрѣпчавшаго вѣтра, весь флотъ сталъ на якорь. «Послѣ полудня оный еще и болѣе скрѣпчалъ», пишетъ Шишковъ, «и произвелъ великое волненіе и качку,

[1] Записки А. С. Шишкова, т. 1-й, стр. 27—32.

причиняющую непривыкшимъ къ морю людямъ, а иногда и самымъ мореплавателямъ, сверхъ безпокойства и скуки, необыкновенную морскую болѣзнь, состоящую въ круженіи головы и безпрестанной тошнотѣ. Сильная качка фрегата не позволила день сей провести подобно прежнимъ: обѣденный столъ не былъ въ каютѣ, но нѣсколько холодныхъ блюдъ подано и разставлено было на шканцахъ, гдѣ присутствовала вся высокая императорская фамилія, вмѣстѣ со всѣми генералами, офицерами, солдатами и матросами. Вечерняго стола совсѣмъ не было. Его императорское величество съ удивительною твердостію весь сей день изволилъ препроводить на шканцахъ, избравъ для засѣданія своего мѣсто возлѣ гротъ-мачты, въ одномъ мундирѣ и безъ шляпы. По правую руку его поставленъ былъ стулъ для государыни императрицы, а по лѣвую иногда сидѣли камеръ-фрейлины Анна Степановна Протасова и Екатерина Ивановна Нелидова, а иногда другія особы, коихъ его императорское величество приглашеніемъ къ тому и разговорами своими удостоивать соизволилъ. Всѣмъ находящимся на шканцахъ солдатамъ и матросамъ государь императоръ повелѣлъ быть въ обыкновенномъ ихъ положеніи, то-есть, не взирая на его присутствіе, сидѣть и лежать, кому гдѣ случится. Ея императорское величество государыня императрица, его императорское высочество наслѣдникъ и великій князь Александръ Павловичъ не могли избавиться отъ страданія и морской болѣзни, приключаемой качкою судна. Многія обоего пола особы и даже нѣкоторые изъ гвардейскихъ солдатъ тому же подвержены были. Ночь препровождена была въ таковомъ же положеніи: его императорское величество изволилъ почивать на томъ же самомъ мѣстѣ, въ мундирѣ и въ шпагѣ, обернувъ голову свою епанчою. Для государыни императрицы и для камеръ-фрейлинъ положены были тутъ же тюфяки съ подушками. Генералы, офицеры, солдаты и матросы вокругъ ихъ между пушками лежали или на пушкахъ сидѣли: все сіе представляло видъ, достойный вѣчнаго въ памяти потомковъ нашихъ сохраненія. Слава, проповѣдывающая дѣла царей и царствъ земныхъ, можетъ быть, въ первый разъ взирала на великаго монарха и на великую супругу его, тако посреди моря вмѣстѣ со своими подданными почивающихъ? Впрочемъ, сколь ни велика была причиняемая противнымъ вѣтромъ скука, соединенная съ томленіемъ и безпокойствомъ, происходившимъ отъ сильнаго волненія и качки, однакожъ, судя по необычайной его императорскаго величества твердости и неутомимости въ понесеніи всякихъ трудовъ, сомнительно, изволилъ ли бы онъ отмѣнить намѣреніе свое путешествовать до Ревеля такъ, какъ оное съ начала предполагаемо было, еслибъ болѣзненное страданіе сопутствовавшихъ съ нимъ къ тому его не преклонило, тѣмъ паче, что желаніе его и любопытство увидѣть исправность движеній, не нынѣ токмо, но издавна уже собственнаго своего флота, частію удо-

влетворены были. И такъ въ намѣреніи его императорскаго величества положено было, что, естьли на другой день вѣтръ въ силѣ не перемѣнится, то, оставя предпріятіе, итти къ Ревелю, окончить кампанію и возвратиться въ Кронштадтъ» [1].

10-го іюля всѣ суда возвратились на Кронштадтскій рейдъ, и этотъ день государь ознаменовалъ «изліяніемъ милостей и щедротъ» по флоту. 11-го іюля императоръ Павелъ посѣтилъ морскія учрежденія въ Кронштадтѣ и 12-го іюля отбылъ въ Петергофъ.

Эскадръ-майоръ Шишковъ былъ пожалованъ въ генералъ-адъютанты по флоту, съ возложеніемъ на него ордена св. Анны второго класса.

Назначеніе генералъ-адъютантомъ крайне обрадовало Шишкова, въ особенности, послѣ обращенныхъ къ нему милостивыхъ словъ государя: «Ну! теперь ты мой домашній». Шишковъ предавался уже сладкимъ мечтамъ, вспоминая, какимъ значеніемъ пользовалось это званіе въ царствованіе Екатерины, но вскорѣ ему пришлось разочароваться въ своихъ надеждахъ самымъ жестокимъ образомъ. «На другой день спустился я съ высокой горы на низкій холмикъ», замѣчаетъ Шишковъ, описывая первое свое дежурство. «Я ѣду съ гордостію во дворецъ, думая тамъ всѣми повелѣвать. Меня зовутъ къ государю. Я вхожу къ нему. Онъ держитъ въ рукахъ записку и, отдавая мнѣ оную, говоритъ: «Справьтесь, такъ ли въ этой бумагѣ записано имя пріѣхавшаго сюда, и ежели такъ, то велите его отыскать».—Зная, что онъ не жаловалъ, когда повелѣнія его медленно исполнялись, я вышелъ отъ него съ торопливостью и спросилъ: «Кто здѣсь подъ моимъ начальствомъ?» — Мнѣ съ холодностью отвѣчаютъ: никого.—«Да какъ же? Государь приказалъ мнѣ справиться объ одномъ имени; надобно послать на шлагбаумъ;

[1] Журналъ кампаніи 1797 года, во время высочайшаго присутствія и командованія флотомъ государя императора и самодержца всероссійскаго Павла Петровича веденный на фрегатѣ «Эмануилѣ» его императорскаго величества эскадръ-майоромъ и потомъ генералъ-адъютантомъ Александромъ Шишковымъ. С.-Петербургъ. 1797. стр. 45—48. Во всеподданнѣйшемъ письмѣ, которымъ начинается «Журналъ кампаніи», Шишковъ выразился такъ: «Краткое пребываніе вашего императорскаго величества на флотѣ останется на долгіе вѣки въ умахъ и сердцахъ россійскихъ мореплавателей». Принявъ эту книгу, императоръ Павелъ, прочитавъ слова: «краткое время пребыванія», нахмурился, положилъ книгу на столъ и ушелъ изъ кабинета. А затѣмъ, встрѣтивъ Шишкова вечеромъ, Павелъ хотя и безъ гнѣва, однакоже съ нѣкоторою сухостью, сказалъ: «Вы много лишняго написали». Шишковъ по этому случаю замѣчаетъ въ своихъ запискахъ, что выраженіе о краткомъ пребываніи показалось Павлу укоризною, потому что, вознамѣрясь итти до Ревеля, дошелъ только до Красной Горки. «Не понравилось, вѣроятно, государю и описаніе бурной ночи; упоминаніе о томъ, что онъ страдалъ отъ качки, могло ему, столь дорожившему своимъ морскимъ званіемъ, показаться нѣкотораго рода посягательствомъ на его репутацію, какъ моряка».

кого-жъ я пошлю?» — Мнѣ говорятъ: поди самъ. А между тѣмъ льетъ дождикъ; улицы грязны, и шлагбаумъ отстоитъ почти на версту. Не знаю, что дѣлать: хочу самъ бѣжать, да боюсь отлучиться и опоздать. Тутъ, въ крайнемъ безпокойствѣ, проснулся я отъ моихъ мечтаній и почувствовалъ, что я не такой генералъ-адъютантъ, какіе были при Екатеринѣ. Вдругъ пришла мнѣ счастливая мысль пойти къ великому князю Константину Павловичу, который на это время названъ былъ главноуправляющимъ въ Петергофѣ [1], и объявить ему повелѣніе императора. Онъ взялъ у меня записку и сказалъ: «Я тотчасъ отыщу и самъ донесу государю». — Такимъ образомъ избавился я отъ хлопотъ, которыя привели было меня въ крайнее затрудненіе.

«На другой день выхожу я на вахтъ-парадъ въ обыкновенномъ моемъ одѣяніи. Великій князь Константинъ Павловичъ, увидя меня въ короткихъ сапожкахъ, приказываетъ мнѣ итти переодѣться въ большіе сапоги. Я отвѣчаю ему, что это наша форма; однакожъ онъ гонитъ меня и говоритъ: «Поди, поди, здѣсь не корабль».—Долго спорилъ я, но напослѣдокъ долженъ былъ повиноваться. Пошелъ, переобулся и вышелъ опять. Стоимъ, ждемъ государя. Лишь только появился онъ, какъ вижу я, что отъ него бѣжитъ посланный и говоритъ мнѣ: «Государь приказалъ вамъ сказать, что вы не по формѣ обуты. Извольте сейчасъ итти и надѣть маленькіе свои сапожки».—Я побѣжалъ и ворчалъ про себя: вотъ какими малостями можно нынѣ и выслуживаться и прослуживаться!—Форма сія весьма мнѣ надоѣдала: по утру надобно было выходить на вахтъ-парадъ въ маленькихъ сапогахъ, потомъ ѣхать верхомъ за государемъ въ большихъ и потомъ опять переобуться въ маленькіе. И это всякій Божій день».

День тезоименитства императрицы Маріи Ѳеодоровны, 22-е іюля, принесъ Шишкову новыя хлопоты и разнообразныя безпокойства. Вечеромъ назначенъ былъ во дворцѣ маскарадъ [2]. Шишковъ былъ дежурнымъ.

[1] Графъ Комаровскій въ своихъ запискахъ пишетъ, что великій князь Константинъ Павловичъ, на время пребыванія государя въ Петергофѣ, занималъ должность военнаго губернатора. Подобное наименованіе, вѣроятно, ближе къ истинѣ, чѣмъ должность главноуправляющаго, о которой говоритъ Шишковъ.

[2] Въ этотъ день роздано было билетовъ дворянскихъ.	2.357
» » » » » » купеческихъ	235
Всего	2.592

«Кавалеры и прочіе всѣ мужескаго пола были въ домино и венеціанахъ, а дамы въ приличномъ благопристойномъ платьѣ, входъ былъ по билетамъ. Въ лыскомъ же и безобразномъ видѣ и платьѣ входъ былъ непозволенъ». (Камеръ-фурьерскій журналъ 1797 года).

*

«Государь призвалъ меня къ себѣ», пишетъ Шишковъ, «и далъ мнѣ слѣдующее приказаніе: «Когда я въ маскарадѣ буду ходить, ты не отставай отъ меня; и ввечеру, при гуляньѣ по саду на линейкахъ, садись со мною на мою линейку. Когда же я уйду спать, ты оставайся до конца маскарада; и ежели онъ долго продолжится, то ты постарайся какъ-нибудь его сократить. Я велю на это время явиться къ тебѣ полковнику съ полкомъ и быть подъ твоимъ начальствомъ». Выслушавъ сіе повелѣніе, размышлялъ я, какъ бы мнѣ исполнить оное въ точности и въ чемъ-нибудь не провиниться. Маскарадъ начался. Народу пропасть. Тѣснота превеликая. Государь съ императрицею и великими князьями вышелъ изъ внутреннихъ своихъ покоевъ. Я, опасаясь, чтобъ меня какъ нибудь не оттерли, иду за ними, не уступая никому ни шагу. Они посреди комнаты остановились. Окрестъ нихъ стѣснился тотчасъ кругъ зрителей. Я стою въ семъ кругу, не спуская съ императора глазъ, чтобъ мнѣ въ ту же минуту побѣжать за нимъ, какъ скоро онъ куда пойдетъ. Чрезъ нѣсколько времени вдругъ вижу, что онъ взглянулъ на меня и движеніемъ головы далъ мнѣ знать ту сторону, куда онъ итти хочетъ. Я бросился за нимъ, ничего передъ собой не видя, съ такимъ стремленіемъ, что могъ бы легко столкнуть съ ногъ императрицу или кого изъ великихъ князей, и, невзирая на мою поспѣшность, насилу успѣлъ его догнать. Иду за нимъ. Онъ оборотясь говоритъ мнѣ:

— «Скажите этому ротозѣю (указывая на одного высокаго мужчину), что онъ дуракъ.

«Я подбѣжалъ къ нему и лишь только, къ великому удивленію его, передалъ ему царское приказаніе, какъ пустился опять вслѣдъ за государемъ; и хотя не прошло болѣе одной минуты, однакожъ языкъ и руки мои должны были крѣпко работать, чтобъ пробраться сквозь стѣснившуюся толпу. Насилу догналъ его. Онъ оборотясь спросилъ у меня: «кто такой этотъ мужчина?» — Я принужденъ былъ сказать, что не догадался спросить объ его имени. Онъ отвѣчалъ мнѣ (однакожъ, безъ гнѣва): «худо вы сдѣлали, что не спросили».

Когда Павелъ Петровичъ удалился во внутреннія покои, Шишковъ остался, какъ онъ выражается, повелителемъ маскарада. Видя, что онъ долго продолжается, и опасаясь неудовольствія государя, Шишковъ велѣлъ прекратить музыку. «Стали понемногу разъѣзжаться», пишетъ онъ, «но одна изъ залъ наполнилась людьми, которые расѣлись по стульямъ и нейдутъ вонъ. Догадываясь, что это господа и госпожи пѣшеходцы, пережидающіе шедшій въ то время дождикъ, я рѣшился напослѣдокъ велѣть погасить свѣчки, и темнота принудила ихъ опорожнить залу. По утру государь, увидя меня, спросилъ: «Чѣмъ кончился маскарадъ? Самъ собою, или ты его кончилъ?» — Я отвѣчалъ: «Отчасти

самъ собою, а отчасти погашеніемъ свѣчекъ».—Онъ разсмѣялся и сказалъ мнѣ: «Ты очень хорошо сдѣлалъ».

23-го іюля императоръ Павелъ въ первый разъ, послѣ пятимѣсячнаго отсутствія, посѣтилъ Петербургъ. Побывавъ въ Зимнемъ дворцѣ, государь поѣхалъ осматривать работы по постройкѣ Михайловскаго замка; послѣ этого, пройдя черезъ Лѣтній садъ, сѣлъ въ карету и отправился въ Таврическій дворецъ [1]. На другой день императоръ выѣхалъ въ Павловскъ, гдѣ дворъ пробылъ до 20-го августа.

«Забавы наши въ Павловскѣ были единообразны и скучны», пишетъ очевидецъ. «Послѣ обѣда обыкновенно степенными и мѣрными шагами ходили мы прогуливаться по саду. Послѣ прогулокъ, отдохнувъ нѣсколько, ежедневно собирались мы на бесѣду, весьма утомительную. Тамъ государь и государыня, съ великими князьями и княжнами, садились рядомъ и провождали время въ сухихъ разговорахъ; а мы сидѣли вокругъ комнаты, на стульяхъ, какъ бы прикованные къ нимъ истуканы, потому что ни разговаривать между собою, ни вставать съ нихъ не смѣли» [2].

Утромъ происходилъ по заведенному порядку вахтъ-парадъ, и производились разнаго рода строевыя ученія. Эти занятія сопровождались обычными непріятностями для участниковъ ихъ, а гнѣвъ и запальчивость государя выражались такими дѣйствіями, о которыхъ лѣтописцу этой ненормальной эпохи [3] приходится только сожалѣть. Въ приказахъ попрежнему наносились провинившимся неумѣстныя оскорбленія, которыя, поддерживая лишь общее неудовольствіе, не приносили никакой пользы дѣлу службы [4]. Вся эта обстановка сообщила всѣмъ какую-то нервную возбужденность, которая выразилась въ двухъ нечаянныхъ тревогахъ, имѣвшихъ мѣсто въ Павловскѣ 2-го и 4-го августа. Два раза, во время вечерней прогулки государя, среди войскъ неизвѣстно

[1] Вторичное посѣщеніе Петербурга императоромъ Павломъ имѣло мѣсто 18-го августа; подобно тому, какъ и въ предшествовавшій разъ, государь посѣтилъ постройку Михайловскаго замка, а затѣмъ, переночевавъ въ Таврическомъ дворцѣ, 19-го августа возвратился въ Павловскъ.

[2] Записки А. С. Шишкова, стр. 36—40.

[3] «Le régime militaire est strict au delà de tout ce que vous pouvez concevoir.... Officier et soldat est fatigué et harassé, et dans tout ce vaste corps il y a un mécontentement général qui donne de l'inquiétude à des êtres pensants», такъ писалъ Рожерсонъ графу С. Р. Воронцову 10-го іюня 1797 года. (Архивъ князя Воронцова, книга 30-я, стр. 90).

[4] Достаточно привести приказъ отъ 14-го августа 1797 года: «Лейбъ-гвардіи Преображенскаго полку поручикъ Шепелевъ выключается въ Елецкой мушкатерскій полкъ за незнаніе своей должности, за лѣнь и нерадѣніе, къ чему онъ привыкъ въ бытности его при князьяхъ Потемкинѣ и Зубовѣ, гдѣ вмѣсто службы обращались въ передней и въ пляскѣ».

почему раздался сигналъ къ тревогѣ, и они бросились ко дворцу. Описывая происшествіе 2-го августа въ письмѣ къ Нелидовой, императрица Марія Ѳеодоровна сообщала ей, что войска думали, что случилась «бѣда во дворцѣ. C'est une idée à laquelle il ne faut pas les accoutumer, qu'il puisse se commettre du бѣда au château». Черезъ день снова повторилось то же самое явленіе [1].

20-го августа дворъ переселился въ Гатчину. Здѣсь съ 1-го по 15-е сентября произведены были большіе маневры, къ которымъ привлечены были два фельдмаршала: князь Репнинъ и графъ Каменскій. По словамъ Шишкова, «государь по ночамъ не раздѣвался, чтобъ при нечаянномъ нападеніи быть готову къ сраженію. По утрамъ всѣ генералы и адъютанты собирались съ карандашами и записными книжками и становились вокругъ него, для записыванія отдаваемыхъ имъ приказовъ».

Другой очевидецъ, Ѳ. П. Лубяновскій, пишетъ: «Не проходило дня безъ дождя, невзирая на то, все шло превосходно. Государь оттого былъ еще довольнѣе и веселѣе. И въ мелкихъ стычкахъ и въ главныхъ битвахъ случилась лишь одна невзгода,—пыжъ изъ пушки угодилъ въ ребро фельдмаршалу Каменскому: приказано контуженнаго охранно отнести въ вагенбургъ. За послѣднимъ маневромъ и за приказомъ у развода велѣно собраться всѣмъ генераламъ и полковымъ командирамъ. Адъютанты, въ томъ числѣ и я, пріютились за начальниками. Окруженный побѣдоносными и побѣжденными вождями, императоръ, изустно повторивъ все то, что было отдано въ приказѣ, особенное всѣмъ войскамъ благоволеніе и удовольствіе, потомъ изволилъ сказать:

«Я зналъ, господа, что образованіе войскъ по уставу было не всѣмъ пріятно; ожидалъ осени, чтобы сами увидѣли, къ чему все клонилось; вы теперь видѣли плоды общихъ трудовъ въ честь и славу оружія россійскаго».

«Маневры заключились парадомъ, на которомъ, проходя мимо императрицы, никто не салютовалъ эспантономъ такъ легко, такъ искусно и ловко, какъ императоръ и главнокомандующій фельдмаршалъ (князь Репнинъ), оба по званію баталіонныхъ командировъ, въ штиблетахъ» [2].

Казалось, что императоръ доволенъ былъ войсками, но, тѣмъ не менѣе, взысканія продолжались. Особенно тяжко пришлось Преображенскому полку, въ которомъ жестокость и грубость Аракчеева приводили офицеровъ въ совершенное отчаяніе. Неудовольствіе ихъ дошло до государя, и онъ писалъ Аракчееву:

[1] См. въ приложеніяхъ два письма императрицы Маріи Ѳеодоровны къ Е. И. Нелидовой съ описаніемъ тревоги 2-го и 4-го августа 1797 года.

[2] Воспоминанія Ѳ. П. Лубяновскаго, стр. 127—128.

«Свѣдалъ я, что офицеры ваши разглашаютъ вездѣ, что они не могутъ ни въ чемъ угодить, забывая, что если бы они дѣлали, что другихъ полковъ дѣлаютъ, то бы они равно имъ угождали; то и извольте имъ сказать, что легкой способъ сіе кончить—отступиться мнѣ отъ нихъ и ихъ кинуть, предоставя имъ всегда таковыми оставаться, каковы мерзки они прежде были, что я и исполню, а буду заниматься и безъ нихъ обороною государственною» [1].

Для характеристики императора Павла можетъ служить слѣдующій случай, относящійся къ этому же времени и записанный А. С. Шишковымъ. По его свидѣтельству, «иногда напередъ знали, надъ кѣмъ хочетъ онъ подыскаться. Гнѣвъ его къ полковому начальнику часто на весь полкъ простирался. Однажды назначаетъ онъ ученіе полку одного изъ генераловъ, къ которому онъ былъ довольно благосклоненъ, но неизвѣстно почему на него прогнѣвался. Всѣ наканунѣ того дня говорили: завтра будетъ ему бѣда! Самъ генералъ этотъ былъ въ томъ увѣренъ. Полкъ собрался. Государь выходитъ гнѣвенъ: начинаетъ учить и, при первыхъ движеніяхъ, бранными и грозными словами изъявляетъ уже свои неудовольствія. Между тѣмъ, при повелѣніи заряжать ружья, генералу сему надлежало закричать: безъ патроновъ, а онъ второпяхъ, ошибкою закричалъ: съ патронами. Государь при семъ словѣ измѣнился въ лицѣ и, вмѣсто ожидаемаго гнѣва, сказалъ ему съ ласковою улыбкой: «Зачѣмъ, сударь, съ патронами? Здѣсь нѣтъ непріятелей».—Послѣ сего сдѣлался онъ кротокъ, и ученіе, къ удивленію всѣхъ, кончилось благополучно. Трудно было угадать, какія слова раздражить и какія усмирить его могутъ! Въ то же время случилось, что, при нападеніи съ пальбою на лѣсъ, мнимопротивными силами защищаемый, послалъ онъ туда офицера съ нѣкоторыми приказаніями. Офицеръ этотъ какимъ-то образомъ долго тамъ пробылъ, такъ что Павелъ въ нетерпѣніи послалъ къ нему другого спросить: для чего по сіе время не возвратился онъ съ отвѣтомъ? Офицеръ отвѣчалъ посланному: «Скажите государю, что я убитъ».—Отвѣтъ сей такъ понравился Павлу, что онъ расхохотался» [2].

IV.

Разсмотримъ теперь, какимъ образомъ цесаревичъ Александръ Павловичъ оцѣнивалъ правленіе своего отца. Эта оцѣнка всецѣло выразилась въ письмѣ Александра къ своему бывшему наставнику Ла-

1 Рескрипты и записки государя императора Павла I къ графу Аракчееву (изданіе графа А. А. Аракчеева), стр. 37.

2 Записки А. С. Шишкова, стр. 42—43.

гарпу отъ 27-го сентября 1797 года изъ Гатчины, которое долженъ былъ вручить ему одинъ изъ друзей цесаревича, Николай Николаевичъ Новосильцовъ [1].

«Вамъ извѣстны различныя злоупотребленія, царившія при покойной императрицѣ», —писалъ Александръ,—«они лишь увеличивались по мѣрѣ того, какъ ея здоровье и силы, нравственныя и физическія, стали слабѣть. Наконецъ, въ минувшемъ ноябрѣ, она покончила свое земное поприще. Я не буду распространяться о всеобщей скорби и сожалѣніяхъ, вызванныхъ ея кончиною, и которыя, къ несчастію, усиливаются теперь ежедневно. Мой отецъ по вступленіи на престолъ захотѣлъ преобразовать все рѣшительно. Его первые шаги были блестящими, но послѣдующія событія не соотвѣтствовали имъ. Все сразу перевернуто вверхъ дномъ, и потому безпорядокъ, господствовавшій въ дѣлахъ и безъ того въ слишкомъ сильной степени, лишь увеличился еще болѣе.

«Военные почти все свое время теряютъ исключительно на парадахъ. Во всемъ прочемъ рѣшительно нѣтъ никакого строго опредѣленнаго плана. Сегодня приказываютъ то, что черезъ мѣсяцъ будетъ уже отмѣнено. Доводовъ никакихъ не допускается, развѣ ужъ тогда, когда все зло совершилось. Наконецъ, чтобъ сказать однимъ словомъ—благосостояніе государства не играетъ никакой роли въ управленіи дѣлами: существуетъ только неограниченная власть, которая все творитъ шиворотъ навыворотъ. Невозможно перечислить всѣ тѣ безразсудства, которыя были совершены; прибавьте къ этому строгость, лишенную малѣйшей справедливости, большую долю пристрастія и полнѣйшую неопытность въ дѣлахъ. Выборъ исполнителей основанъ на фаворитизмѣ; достоинства здѣсь не причемъ. Однимъ словомъ, мое несчастное отечество находится въ положеніи, не поддающемся описанію. Хлѣбопашецъ обиженъ, торговля стѣснена, свобода и личное благосостояніе уничтожены. Вотъ картина современной Россіи, и судите, насколько должно страдать мое сердце. Я самъ, привлеченный ко всѣмъ мелочамъ военной службы, теряя все свое время на выполненіе обязанностей унтеръ-офицера, рѣшительно не имѣя никакой возможности отдаться

[1] Императоръ Александръ Первый. Его жизнь и царствованіе. Часть 1-я, стр. 162 и 280. Благоразумная предусмотрительность побудила цесаревича Александра Павловича отправить за границу Новосильцова, находившагося на дурномъ счету у императора Павла вслѣдствіе независимости его поведенія и тѣхъ мнѣній, которыя ему приписывали. Цесаревичъ воспользовался этою поѣздкою, чтобы довѣрить ему письмо къ Лагарпу отъ 27-го сентября 1797 года. Новосильцовъ оставался въ Англіи, пока обстоятельства въ Россіи не измѣнились къ лучшему и не отправлено было къ нему графомъ Строгоновымъ письмо со словами: «L'empereur Alexandre I règne. Revenez, revenez, revenez».

Божіею Милостію Мы Павелъ —
Первый Императоръ и Самодержецъ
Всероссійскій

и прочая и прочая и прочая

Великій Магистръ Ордена Св: Іоанна
Іерусалимскаго

и прочая и прочая и прочая

Намъ Любезновѣрному Дѣйствительному Тайному Совѣтнику Ростопчину.

Усердная Служба и Храбрость Ваши — пріобрѣтшія Наше Императорское особливое благоволеніе даютъ вамъ право къ причисленію васъ въ число Кавалеровъ знаменитаго Ордена Св Іоанна Іерусалимскаго Мы потому пожаловали васъ Кавалеромъ сего Ордена — присоединяя въ оному Командорство въ 2000 рублей ежегоднаго дохода состоящее Божію препоручая васъ сохраненію Данъ въ Санктпетербургѣ Декабря 21 дня 1798го года Царствованія Нашего въ 3е а Великаго Магистерства Нашего въ 1е

Павелъ

Графъ Литта

ГРАМОТА ИМПЕРАТОРА ПАВЛА НА ПОЖАЛОВАННЫЙ Ѳ. В. РОСТОПЧИНУ ОРДЕНЪ СВ. ІОАННА ІЕРУСАЛИМСКАГО.

занятію науками, являвшемуся моимъ любимымъ занятіемъ, я самъ сдѣлался теперь самымъ несчастнымъ человѣкомъ.

«Вамъ уже давно извѣстны мои мысли, клонившіяся къ тому, чтобы покинуть свою родину. Въ настоящее время я не предвижу ни малѣйшей возможности къ приведенію ихъ въ исполненіе, а затѣмъ и несчастное положеніе моего отечества заставило меня придать своимъ мыслямъ иное направленіе. Мнѣ думалось, что если когда-либо придетъ и мой чередъ царствовать, то вмѣсто добровольнаго изгнанія себя, я сдѣлаю несравненно лучше, посвятивъ себя задачѣ даровать странѣ свободу и тѣмъ не допустить ея сдѣлаться въ будущемъ игрушкою въ рукахъ какихъ-либо безумцевъ. Это заставило меня передумать о многомъ, и мнѣ кажется, что это было бы лучшимъ образцомъ революціи, такъ какъ она была бы произведена законною властью, которая перестала бы существовать, какъ только конституція была бы закончена, и нація имѣла бы своихъ представителей. Вотъ въ чемъ заключается моя мысль.

«Я подѣлился ею съ людьми просвѣщенными, съ своей стороны много думавшими объ этомъ. Всего-на-всего насъ только четверо, а именно: Новосильцовъ, графъ Строгановъ, молодой князь Чарторижскій, мой адъютантъ, выдающійся молодой человѣкъ [1], и я.

«Мы намѣреваемся въ теченіе настоящаго царствованія поручить перевести на русскій языкъ столько полезныхъ книгъ, сколько только окажется возможнымъ, но мы выпустимъ лишь тѣ изъ нихъ, печатаніе которыхъ можетъ быть разрѣшено, а остальныя прибережемъ для будущаго, чтобы такимъ образомъ, по мѣрѣ возможности, положить начало распространенію знанія и просвѣщенію умовъ. Но, когда же придетъ и мой чередъ, тогда нужно будетъ стараться, само собою разумѣется, постепенно, образовать народное представительство, которое, должнымъ образомъ руководимое, составило бы свободную конституцію (constitution libre), послѣ чего моя власть совершенно прекратилась бы, и я, если бы Провидѣніе благословило нашу работу, удалился бы въ какой нибудь уголокъ и жилъ бы тамъ счастливый и довольный, видя процвѣтаніе своего отечества и наслаждаясь имъ. Вотъ каковы мои мысли, мой дорогой другъ... Дай только Богъ, чтобы мы когда-либо могли достиг-

[1] Императоръ Павелъ повелѣлъ, чтобы придворные чины находились на дѣйствительной службѣ: военной или гражданской. На этомъ основаніи камеръ-юнкеры братья Чарторижскіе были переименованы въ бригадиры и назначены адъютантами къ великимъ князьямъ: князь Адамъ къ наслѣднику, а князь Константинъ—къ Константину Павловичу. Въ этомъ званіи Чарторижскіе сопровождали ихъ высочества на торжество коронаціи въ Москву. 4-го іюня 1797 года князья Чарторижскіе были произведены въ генералъ-маіоры изъ бригадировъ по пѣхотѣ, сохранивъ свои адъютантскія званія при великихъ князьяхъ.

нуть нашей цѣли даровать Россіи свободу и предохранить ее отъ поползновеній деспотизма и тираніи. Вотъ мое единственное желаніе, и я охотно посвящаю всѣ свои труды и всю свою жизнь этой цѣли, столь дорогой для меня» [1].

[1] «Vous connaissiez les différents abus qui régnaient du temps de l'impératrice défunte; ils n'ont fait qu'augmenter à mesure que sa santé et ses forces morales et corporelles faiblissaient. Enfin au mois de Novembre dernier elle a fini sa carrière. Je ne vous ferai ni les détails de l'afliction et de la désolation générale que sa mort a causé à tout le monde, et qui n'a fait malheureusement que d'augmenter journellement jusqu'ici. Mon père en montant sur le trône a voulu tout réformer. Son commencement, est vrai, était assez brillant, mais la suite n'y a pas répondu. Tout a été mis sens dessus dessous à la fois, ce qui n'a fait qu'augmenter la confusion déjà trop grande qui régnait déjà dans les affaires.

Le militaire perd presque tout son temps et cela en parades. Dans le reste il n'y a aucun plan suivi. On ordonne aujourd'hui ce qu'un mois après on contremande. On ne souffre jamais aucune représentation que quand le mal est déjà tout fait. Enfin pour trancher le terme, le bonheur de l'État n'entre pour rien dans le régissement des affaires: il n'y a qu'un pouvoir absolu qui fait tout à tort et à travers. Il serait impossible de vous énumérer toutes les démences qui ont été faites; joignez à cela une sévérité sans nulle justice, beaucoup de partialité et la plus grande inexpérience dans toutes les affaires. Le choix des employés n'est que par faveur; le mérite n'y entre pour rien. Enfin ma pauvre patrie est dans un état indéfinissable. Le cultivateur vexé, le commerce gêné, la liberté et le bien-être personnel anéantis. Voilà le tableau de la Russie, jugez ce que mon coeur doit souffrir. Moi-même employé à des minuties militaires, perdant tout mon temps à des devoirs de bas-officiers, n'ayant pas même un instant à donner à mes études, qui étaient mon occupation favorite avant le changement, je suis devenu l'être le plus malheureux.

Vous connaissiez toujours mes idées qui tendaient à m'expatrier. Dans ce moment je ne vois plus de moyen de les exécuter, et puis la position malheureuse de ma patrie m'a fait tourner mes idées d'un autre côté. J'ai pensé que si jamais le tour venait à moi de régner, au lieu de m'expatrier, je ferai beaucoup mieux de travailler à rendre mon pays libre et à le prévenir par là dans l'avenir de servir de jouet à des insensés. Cela m'a fait faire mille réflexions qui m'ont démontré que cela serait le meilleur genre de révolution étant opéré par un pouvoir légal qui cesserait de l'être aussitôt que la constitution serait achevée et que la nation aura de représentants. Voici quelle est mon idée.

Je l'ai communiquée à des personnes éclairées et qui de leur côté pensaient depuis longtemps à la même chose. En tout nous ne sommes que quatre, c'est à dire, M. Novossiltzow, le comte Strogonoff, le jeune prince Czartorisky, mon aide de camp, jeune homme rare, et moi.

Notre idée est que pendant le règne présent nous ferons traduire en langue russe autant de livres utiles qu'il est possible, dont nous ne ferons paraître que ceux dont l'impression pourra être permise, et les autres nous les réserverons pour le temps futur, pour commencer par là à répandre des lumières à éclairer les esprits autant qu'il est possible. Une fois par contre que mon tour viendra, alors il faudra travailler, peu à peu s'entend, à faire une représentation de la nation, qui dirigée fasse une constitution libre, après laquelle mon pouvoir cessera absolument, et si la Providence seconde notre travail, je me retirerai dans quelque coin et je vivrai content et heureux en voyant le bonheur de ma

Письмо отъ 27-го сентября не нуждается въ комментаріяхъ; въ этой откровенной политической исповѣди уже всецѣло выступаетъ яркій образъ друга человѣчества, того филантропическаго Александра, убѣжденія котораго впослѣдствіи нерѣдко смущали не одного практическаго государственнаго дѣятеля. Въ одномъ только отношеніи приведенныя разсужденія Александра рѣзко отличаются отъ мечтаній его въ послѣдніе годы екатерининскаго царствованія. Правленіе родителя, очерченное въ приведенномъ письмѣ съ безпощадною правдивостью, побуждаетъ его отрѣшиться отъ высказаннаго имъ нѣкогда намѣренія отказаться отъ предназначеннаго ему въ будущемъ положенія и жить частнымъ человѣкомъ на берегахъ Рейна или въ Швейцаріи. Новая обстановка, вызванная къ жизни смертію императрицы, придала мыслямъ Александра иное направленіе; отнынѣ онъ рѣшается посвятить всѣ свои силы и труды задачѣ—даровать Россіи со временемъ свободу и обезпечить ее тѣмъ въ будущемъ отъ бѣдствій, сопряженныхъ съ деспотизмомъ и тираніей, а затѣмъ уже, по совершеніи столь славнаго подвига, любоваться со стороны плодами своей дѣятельности и посѣяннымъ добромъ [1].

Хотя, по собственному признанію Александра, онъ терялъ все свое время на исполненіе обязанностей унтеръ-офицера, но если перечислить занимаемыя имъ тогда высокія должности, то списокъ ихъ выйдетъ довольно внушительнымъ. Наслѣдникъ былъ первымъ с.-петербургскимъ военнымъ губернаторомъ, полковникомъ л.-гв. Семеновскаго полка, командующимъ с.-петербургской дивизіей и инспекторомъ по кавалеріи с.-петербургской и финляндской дивизіи [2]. Затѣмъ, въ 1799 году цесаревичъ Александръ Павловичъ назначенъ былъ сенаторомъ. Полученіе этой новой должности совершилось при слѣдующей обстановкѣ. Генералъ-прокуроръ Беклешевъ получилъ въ октябрѣ (1799 г.) высочайшее повелѣніе, чтобы на другой день общее собраніе сенаторовъ было въ Гатчинѣ. Всѣ сенаторы отправились туда ночью, не зная причины собранія. Длинная и узкая комната отведена была для присутствія; большой столъ посрединѣ оставлялъ мало мѣста для про-

patrie et en jouissant. Voilà quelle est mon idée, mon cher ami...... Fasse le ciel que nous puissions une fois venir à bout de rendre la Russie libre et de la garantir des atteintes du despotisme et de la tyrannie. Voilà mon unique souhait et je sacrifie volontiers toutes mes peines et ma vie à ce but si cher pour moi».

[1] Императоръ Александръ Первый. Его жизнь и царствованіе, т. 1-й, стр. 166.

[2] Кромѣ того, наслѣдникъ былъ предсѣдателемъ коммисіи о снабженіи резиденціи припасами, распорядкомъ квартиръ и прочихъ частей, до полиціи относящихся, учрежденной 6-го іюня 1797 года. Членами этой коммисіи назначены были генералъ-прокуроръ, второй с.-петербургскій военный губернаторъ и генералъ-провіантмейстеръ Обольяниновъ.

*

хода. Въ половинѣ десятаго часа, послѣ развода, повѣщено было правительствующему сенату, что государь изволитъ итти въ общее собраніе. Сенаторы стали въ двѣ шеренги на одной сторонѣ комнаты. Императоръ вошелъ въ сопровожденіи цесаревича Александра Павловича и, подойдя къ своему креслу, представилъ присутствующимъ великаго князя, какъ сенатора, выразивъ свое повелѣніе относительно этого слѣдующими словами. «Милостивые государи! Я хочу, чтобы наслѣдникъ мой занималъ первое по мнѣ мѣсто въ сенатѣ». По занятіи великимъ княземъ мѣста по правую сторону императора, государь продолжалъ: «предметъ настоящаго собранія есть разсмотрѣніе составленнаго по моему приказанію проекта объ учрежденіи запасныхъ магазиновъ въ имперіи. Поручаю вамъ, милостивые государи, неотлагательно заняться этимъ дѣломъ, съ которымъ сопряжено благосостояніе народа, претерпѣвающаго большія бѣдствія во времена неурожая». Вслѣдъ затѣмъ государь спросилъ генералъ-прокурора: «есть ли указы къ моей подписи?»—Указы были поднесены и подписаны. Послѣ того государь поднялся съ креселъ и, когда сенаторы расположились въ прежнемъ порядкѣ на одной сторонѣ комнаты, оставилъ собраніе съ такими словами: «я оставляю васъ, милостивые государи, но надѣюсь, что вы не оставите меня и погостите съ недѣлю въ Гатчинѣ. Хозяинъ постарается, чтобы вы, среди занятій, провели время пріятно» [1].

Въ томъ же 1799 году, 1-го декабря, послѣдовало назначеніе цесаревича еще къ присутствію въ совѣтѣ. Въ этотъ день Совѣтъ, собравшись въ гатчинскомъ дворцѣ, былъ удостоенъ высочайшаго присутствія. Прибывъ вмѣстѣ съ наслѣдникомъ, императоръ Павелъ открылъ засѣданіе объявленіемъ высочайшей воли о всегдашнемъ присутствіи въ Совѣтѣ его императорскаго высочества. Выразивъ благодарность августѣйшему родителю, цесаревичъ занялъ указанное ему первое мѣсто, а вслѣдъ затѣмъ Совѣтъ, съ своей стороны, принесъ императору вѣрноподданническое благодареніе за доставленіе ему счастія имѣть въ своемъ сословіи столь высокаго сотрудника, при чемъ члены Совѣта: графъ Салтыковъ, графъ Сиверсъ, Соймоновъ, Беклешевъ, баронъ Васильевъ и князь Гагаринъ, правитель канцеляріи Совѣта и секретари онаго жалованы къ рукѣ государя. За симъ начались, въ присутствіи императора, «упражненія» Совѣта [2].

Современникъ Н. А. Саблуковъ пишетъ, что каждое утро въ семь часовъ и каждый вечеръ въ восемь Александръ подавалъ императору ра-

[1] Ивановъ: Опытъ біографій генералъ-прокуроровъ и министровъ юстиціи.—С.-Петербургъ, 1863, стр. 71.

[2] Даневскій: Исторія образованія Государственнаго Совѣта.—С.-Петербургъ, 1859, стр. 43.

портъ. «При этомъ слѣдовало отдавать отчетъ о мельчайшихъ подробностяхъ, относящихся до гарнизона, до всѣхъ карауловъ города, до конныхъ патрулей, разъѣзжавшихъ въ немъ и въ его окрестностяхъ, и за малѣйшую ошибку давался строгій выговоръ. Великій князь Александръ былъ еще молодъ, и характеръ его отличался робостью; сверхъ того, онъ былъ очень близорукъ и немного глухъ; поэтому можно себѣ представить, что занимаемая имъ должность не была синекурою и стоила ему много безсонныхъ ночей. Оба великіе князья смертельно боялись своего отца и, когда онъ смотрѣлъ сколько-нибудь сердито, блѣднѣли и дрожали, какъ осиновый листъ. Вмѣсто того, чтобы покровительствовать другимъ, какъ можно было бы ожидать съ ихъ стороны по праву рожденія и занимаемому положенію, казалось, что они искали покровительства у другихъ».

Неоцѣнимымъ и необходимымъ совѣтникомъ и оберегателемъ Александра Павловича въ сложныхъ порядкахъ тогдашней службы, усѣянной на каждомъ шагу безчисленными подводными камнями, сдѣлался А. А. Аракчеевъ. По настоятельной просьбѣ цесаревича, Аракчеевъ съ предупредительною готовностью муштровалъ «хорошенько», когда нужно, ввѣренныя Александру войска и не оставлялъ полезными совѣтами неопытнаго еще молодого командира. Но эта муштровка, спасавшая иной разъ Александра отъ гнѣвныхъ вспышекъ отца, дорого обходилась подчиненнымъ; гатчинскій капралъ, въ пылу ревностнаго исполненія служебныхъ обязанностей, предавался безъ всякаго стѣсненія разнаго рода неистовствамъ; онъ вырывалъ у солдатъ усы, билъ ихъ нещадно, грубилъ офицерамъ и награждалъ пощечинами [1].

Не легко было Александру жить и служить среди этой дикой обстановки и постоянно думать объ одномъ, какими бы средствами удовлетворить строгія требованія своего грознаго родителя. Противоположность характеровъ и образа мыслей, существовавшая между отцомъ и сыномъ, должна была привести къ взаимнымъ неудовольствіямъ; они дошли до того, что цесаревичъ въ 1797 году (вѣроятно, осенью, въ августѣ или сентябрѣ) заговорилъ объ отставкѣ и повѣрилъ эту тайну своему другу Аракчееву. Въ письмѣ, относящемся къ этому удивительному событію, мы читаемъ: «Теперь я долженъ твое желаніе исполнить и сказать тебѣ, что меня очень хорошо сегодня приняли и ничего о прошедшемъ не упоминали: еще вчерась мнѣ милостивые отзывы были чрезъ мою жену, такъ какъ, напримѣръ, чтобы я не сердился на него

[1] Засвидѣтельствовано графомъ Толемъ и Михайловскимъ-Данилевскимъ. Вигель идетъ еще далѣе и утверждаетъ, что Аракчеевъ укусилъ у одного гренадера носъ и вообще съ нижними чинами поступалъ совершенно по-собачьи, какъ разъяренный бульдогъ.

и тому подобное. Впрочемъ, сіе не перемѣняетъ моего желанія идтить въ отставку, но, къ несчастію, мудрено, чтобы оно сбылось».

Въ другомъ письмѣ, того же 1797 года, Александръ сообщаетъ Аракчееву подробности о своихъ служебныхъ мученіяхъ: «Завтра у насъ маневръ. Богъ знаетъ, какъ пойдетъ. Я сомнѣваюсь, чтобы хорошо было. Я хромой. Въ проклятой фальшивой тревогѣ помялъ опять ту ногу, которая была уже помята въ Москвѣ, и только что могу на лошади сидѣть, а ходить способу нѣтъ; и такъ я съ постели на лошадь, а съ лошади на постель».

Если отношенія цесаревича къ императору Павлу представляли мало радостныхъ сторонъ, то подобная же участь постигла и великую княгиню Елисавету Алексѣевну въ ея отношеніяхъ къ императрицѣ-матери. Когда шведскій король принялъ внезапное рѣшеніе жениться на баденской принцессѣ Фридерикѣ, сестрѣ Елисаветы Алексѣевны, гнѣвъ императрицы обрушился на ни въ чемъ неповинную великую княгиню. Марія Ѳеодоровна полагала, что ея невѣстка предналѣренно скрыла будто бы извѣстное ей уже ранѣе намѣреніе Густава IV; между тѣмъ, въ дѣйствительности, великая княгиня не знала о счастіи, предстоявшемъ ея сестрѣ.

Въ 1797 году, день своего рожденія, 20-е сентября, императоръ Павелъ ознаменовалъ тѣмъ, что приказомъ, объявленнымъ при паролѣ, баронъ фонъ-деръ-Паленъ вновь былъ принятъ на службу тѣмъ же чиномъ, то есть, генералъ-лейтенантомъ, съ состояніемъ его въ спискѣ армейскомъ съ прежнимъ старшинствомъ. Паленъ во всеподданнѣйшемъ письмѣ отъ 1-го октября выражалъ императору, что, прибывъ въ Ригу, «увѣдомился онъ о всемилостивѣйшемъ помѣщеніи его въ высочайшей службѣ, просилъ удостоить принять подобострастное приношеніе живѣйшей благодарности и купно всеподданнѣйшаго увѣренія, что онъ жизнь свою по гробъ посвящаетъ съ радостію высочайшей службѣ и для того предъ лицомъ его, государя, повергаетъ себя къ освященнымъ стопамъ его величества». Въ отвѣтъ на это письмо императоръ Павелъ рескриптомъ на имя Палена увѣдомилъ его, что съ удовольствіемъ разрѣшаетъ ему пріѣхать въ Петербургъ.

Послѣ продолжительнаго пребыванія въ Гатчинѣ, дворъ переѣхалъ 5-го ноября къ вечернему столу въ Царское Село; здѣсь на другой день, 6-го ноября, въ первую годовщину смерти императрицы Екатерины отслужена была панихида. Затѣмъ императоръ съ семействомъ отправился къ Петербургъ и поселился въ Зимнемъ дворцѣ.

Упомянутая панихида еще до отъѣзда двора изъ Гатчины послужила поводомъ къ слѣдующему оригинальному выговору, данному государемъ оберъ-церемоніймейстеру Валуеву, 29-го октября 1797 года:

«Валуевъ по обыкновенному размѣру ума своего опредѣляетъ государю сдѣлать повѣстку въ разсужденіи панахиды 5-го числа и приказываетъ праздновать восшествіе на престолъ 6-го числа, панахиду же отправлять опредѣляетъ или въ крѣпости, или въ Невскомъ монастырѣ. А какъ въ крѣпость ѣхать нельзя за рѣкою, а въ Невскомъ ни одного изъ тѣхъ тѣлъ, по коимъ пѣть слѣдуетъ панахиду, уже нѣтъ, то и пришло бы пѣть оную во дворцѣ. Императоръ будетъ пѣть панахиду про себя 6-го числа въ церквѣ того дворца, гдѣ онъ изволитъ быть, независимо отъ Валуева, съ тѣмъ дворомъ, который тогда будетъ при Его Величествѣ, каждая же церковь послѣдуетъ тому по своему обряду. Восшествіе свое на престолъ въ день смерти матери Государь почитаетъ непристойнымъ праздновать, а затѣмъ изволитъ быть тотъ день въ Царскомъ Селѣ, предоставляя замѣнить сіе празднество орденскимъ днемъ 8-го числа. Императоръ удивляется притомъ, что Валуевъ одинъ изъ всего государства помнитъ, что когда кому дѣлать. Знать, всѣ другіе ни о чемъ не пекутся. Его Величеству угодно, чтобъ вы прочли сію записку Г-ну Валуеву, призвавъ его къ себѣ. А вамъ предоставляется учредить въ слѣдствіи сей записки.

«Сія записка писана по точнымъ словамъ Императора и читана предъ Его Величествомъ.

«Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ Обресковъ».

Съ пріѣздомъ двора, жизнь въ Петербургѣ пошла обычнымъ порядкомъ; только однажды однообразіе ея прервано было 11-го декабря новою фальшивою тревогою. Войска петербургскаго гарнизона поспѣшно бросились къ Зимнему дворцу, и солдаты опять говорили, какъ и въ Павловскѣ: бѣда сдѣлалась во дворцѣ. Императоръ Павелъ, находившійся на прогулкѣ, немедленно возвратился во дворецъ и благодарилъ войска [1].

1797 годъ закончился манифестомъ, подписаннымъ 18-го декабря, объ учрежденіи государственнаго вспомогательнаго банка для дворянства. 19-го декабря, генералъ-прокуроръ, князь Алексѣй Борисовичъ Куракинъ, какъ главный виновникъ учрежденія банка, награжденъ былъ андреевскою лентою.

Менѣе милостивымъ отношеніемъ къ дворянству преисполненъ указъ отъ 15-го ноября 1797 года, данный генералъ-прокурору, въ которомъ сказано: «При наступающемъ возобновленіи выборовъ дворянскихъ, въ разныя по губерніямъ должности, возлагаемъ на васъ сообщить всѣмъ вообще начальникамъ губерній по гражданской части, дабы

[1] См. въ приложеніяхъ письмо императрицы Маріи Ѳеодоровны къ Е. И. Нелидовой отъ 12-го декабря 1797 года о третьей, начиная со 2-го августа, фальшивой тревогѣ.

дворяне, исключенные изъ воинской службы, не только сами не были ни въ какія должности избираемы и опредѣляемы, но и голосовъ отъ нихъ на выборъ другихъ не принимать». Если принять въ соображеніе, за какіе маловажные проступки офицеры выкидывались изъ службы, то нельзя не признать за приведеннымъ указомъ болѣе чѣмъ удручающій характеръ. Зло было усилено новымъ указомъ, состоявшимся уже въ слѣдующемъ году, 14-го января, по которому повелѣно было дворянъ, исключенныхъ изъ воинской службы, не принимать и на гражданскую службу.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

I.

На выходѣ, 1-го января 1798 года, императоръ Павелъ появился «въ коронѣ, въ суперверсѣ и въ императорской мантіи». Послѣ литургіи и принятія поздравленій состоялся торжественный обѣдъ въ Георгіевскомъ залѣ. Императоръ возсѣдалъ на тронѣ въ коронѣ и императорской одеждѣ. Къ обѣду приглашены были духовныя особы, члены Совѣта, особы 1-го и 2-го классовъ, статсъ-дамы, камеръ-фрейлины и фрейлины. «Для обозрѣнія сего торжества въ ономъ залѣ находились чужестранные министры, знатное дворянство, и хоры наполнены были дамами» [1].

Въ этотъ день отданъ былъ приказъ о порученіи цесаревичу Александру Павловичу новой должности, а именно: «Его императорскаго величества наслѣднику всероссійскому предсѣдательствовать въ военномъ департаментѣ. Сіе дѣлается за труды его въ благодарность».

Наступившій 1798 годъ принесъ съ собою великое множество самыхъ разнообразныхъ событій.

28-го января императоръ былъ обрадованъ рожденіемъ сына. Въ тотъ же день, при паролѣ, государь отдалъ слѣдующій приказъ: «Богъ даровалъ намъ сына, его императорское высочество, великаго князя Михаила Павловича, которому и быть генералъ-фельдцейхмейстеромъ и шефомъ гвардейскаго артиллерійскаго баталіона».

1-го февраля скончался отъ апоплексическаго удара король польскій Станиславъ-Августъ. Императоръ устроилъ ему пышныя похороны,

[1] Камеръ-фурьерскій журналъ 1798 года. Утромъ въ 9 часовъ, несмотря на предстоявшее утомительное торжество, все-таки, состоялся въ присутствіи государя разводъ.

и 25-го февраля тѣло короля было предано землѣ въ католической церкви св. Екатерины на Невскомъ проспектѣ.

Въ этомъ же мѣсяцѣ произошла попытка примиренія императора съ Суворовымъ, которому разрѣшено было пріѣхать въ Петербургъ.

Съ 5-го мая 1797 года, какъ выше упомянуто, Суворовъ былъ водворенъ въ своемъ Кончанскомъ имѣніи; здѣсь, среди новгородскихъ болотъ и лѣсовъ, «вождь вождей» изнывалъ подъ полицейскимъ надзоромъ. Наконецъ, 20-го сентября того же года, Суворовъ обратился къ Павлу Петровичу со слѣдующимъ трогательнымъ письмомъ:

«Всемилостивѣйшій государь!

«Ваше императорское величество съ высокоторжественнымъ днемъ рожденія всеподданнѣйшій поздравляю.

«Сего числа пріѣхалъ ко мнѣ коллежскій совѣтникъ Николевъ. Великій монархъ! Сжальтесь: умилосердитесь надъ бѣднымъ старикомъ. Простите, ежели въ чемъ согрѣшилъ.

«Повергая себя къ освященнѣйшимъ стопамъ вашего императорскаго величества всеподданнѣйшій

«Г. А. Суворовъ-Рымникскій».

«20-го сентября 1797 года
«Боровичскія деревни».

По полученіи этого письма, 28-го сентября, императоръ Павелъ положилъ резолюцію: «оставить безъ отвѣта». Тѣмъ не менѣе, повелѣно было генералъ-прокурору князю Куракину «растолковать Николеву, что онъ опредѣляется къ графу Суворову для надзора за нимъ неприм ѣтнымъ образомъ, слѣдовательно, сіи намѣренія имъ смотрѣть г. Николева остановить».

Но вдругъ послѣдовалъ неожиданный поворотъ къ милости. 12-го февраля 1798 года, племянникъ Суворова, флигель-адъютантъ князь Горчаковъ, получилъ въ Петербургѣ такое высочайшее повелѣніе: «Ѣхать вамъ, князь, къ графу Суворову; сказать ему отъ меня, что если было что отъ него мнѣ, я сего не помню; что можетъ онъ ѣхать сюда, гдѣ надѣюсь, не будетъ повода подавать своимъ поведеніемъ къ наималѣйшему недоразумѣнію». Въ тотъ же день генералъ-прокурору данъ указъ слѣдующаго содержанія. «Генералъ-фельдмаршалу графу Суворову-Рымникскому всемилостивѣйше дозволяя пріѣхать въ Петербургъ, находимъ пребываніе коллежскаго ассесора Николева [1] въ Боровицкихъ деревняхъ ненужнымъ».

[1] 13-го февраля 1798 года Николевъ за ревностное исполненіе порученнаго ему дѣла пожалованъ былъ въ статскіе совѣтники.

14-го февраля князь Горчаковъ явился къ дядѣ вѣстникомъ высочайшей милости. Суворовъ нисколько не обрадовался повелѣнію прибыть въ Петербургъ, признавая для себя невозможнымъ согласовать свои взгляды съ господствовавшими тогда требованіями и порядками новой эры. Тѣмъ не менѣе, нельзя было не покориться полученному повелѣнію, но, подчиняясь печальной необходимости, Суворовъ объявилъ, однако, племяннику, что старость и болѣзни вынуждаютъ его отправиться въ Петербургъ не иначе, какъ на долгихъ, проселочными дорогами.

Наконецъ, государь дождался прибытія Суворова, но состоявшееся немедленно свиданіе не привело къ умиротворенію взаимнаго неудовольствія. Павелъ Петровичъ дѣлалъ фельдмаршалу разные намеки съ цѣлью убѣдить его проситься снова на службу, но тщетно; Суворовъ же въ отвѣтъ заводилъ длинный разсказъ про Измаилъ, Прагу и всячески подвергалъ испытанію терпѣніе своего царственнаго собесѣдника. Суворовъ, конечно, не могъ принять мирной службы на немыслимыхъ по его разумѣнію началахъ и потому уклонялся отъ этой чести, прикрываясь обычными пріемами свойственнаго ему одному чудачества. Въ пріемной, въ ожиданіи аудіенціи, фельдмаршалъ, по обыкновенію, подшучивалъ надъ царедворцами, а съ оберъ-гардеробмейстеромъ Кутайсовымъ заговорилъ по-турецки. Во время вахтъ-парада дѣло пошло еще хуже: Суворовъ подсмѣивался надъ окружавшими, проявлялъ умышленное невниманіе; онъ отворачивался отъ проходившихъ взводовъ и не замѣчалъ, что государь, желая сдѣлать ему пріятное, производилъ баталіону ученіе не такъ, какъ обыкновенно, а водилъ его скорымъ шагомъ въ атаку. Наконецъ, Суворовъ сказалъ князю Горчакову: «Не могу, брюхо болитъ», и уѣхалъ до конца развода, не стѣсняясь присутствіемъ государя.

Въ слѣдующіе затѣмъ дни своего пребыванія въ Петербургѣ «Суворовъ не переставалъ «блажить», не упуская случая подшутить и осмѣять новыя правила службы, обмундированіе, снаряженіе,—не только въ отсутствіе, но и въ присутствіи государя. Садясь въ карету, онъ находилъ большое къ тому препятствіе въ прицѣпленной сзади наискось шпагѣ, которая якобы не дозволяла пролѣзть ему въ каретную дверцу, старался въ нее протискаться, но опять безуспѣшно. Цѣлыя четверть часа иногда у него уходило на усаживаніе въ экипажъ, и все это дѣлалось, по его обыкновенной манерѣ шутить, съ серіознымъ, даже озабоченнымъ видомъ, что усиливало комичность положенія и возвышало ѣдкость выходки. На разводѣ онъ дѣлалъ видъ, что не можетъ справиться со своей плоской шляпой: снимая ее, хватался за поля то одной рукой, то другой—все мимо, и наконецъ ронялъ ее къ ногамъ сумрачно смотрѣвшаго на него государя. Между проходившими церемоніальнымъ маршемъ взводами Суворовъ бѣгалъ и суетился, что считалось край-

*

нимъ нарушеніемъ порядка и строевого благочинія; при этомъ онъ выражалъ на лицѣ своемъ то удивленіе, то недоумѣніе, шепталъ что-то себѣ подъ носъ и крестился; когда же государь спросилъ однажды, что такое онъ дѣлаетъ, то Суворовъ отвѣчалъ, что̀ читаетъ молитву: «да будетъ воля Твоя». Черезъ нѣсколько дней послѣдовалъ приказъ о благочиніи на разводахъ, которымъ строго подтверждались правила порядка, нарушенныя Суворовымъ, но имя его въ приказѣ не упоминалось... Государь, передъ которымъ все трепетало и безмолвствовало, въ которомъ малѣйшее противорѣчіе не въ добрый часъ производило взрывы страшнаго гнѣва, переламывалъ себя и оказывалъ Суворову необыкновенную снисходительность и сдержанность, но вмѣстѣ съ тѣмъ недоумѣвалъ о причинахъ упорства стараго военачальника. А между тѣмъ дѣло было простое: Суворовъ жилъ для военнаго ремесла и олицетворялъ его въ издавна усвоенномъ извѣстномъ смыслѣ, отреченіе отъ котораго было для него самоотреченіемъ... Все безцѣльнѣе и скучнѣе становилось его пребываніе въ Петербургѣ; наконецъ, выбравъ время, онъ прямо попросилъ у государя дозволенія возвратиться въ деревню. Государь выслушалъ просьбу съ видимымъ неудовольствіемъ, но отвѣтилъ, что не хочетъ удерживать его противъ воли. Суворовъ поцѣловалъ императору руку, откланялся императрицѣ и въ тотъ же день выѣхалъ изъ Петербурга. Какъ ни худо было его житье въ Кончанскѣ, но зрѣлище новыхъ порядковъ и жизнь въ ихъ сферѣ оказались еще тяжеле» [1].

Такимъ рѣшеніемъ фельдмаршала Павелъ Петровичъ избавленъ былъ, наконецъ, отъ докучливаго присутствія представителя екатерининской военной славы, олицетворявшаго собою живой протестъ противъ новыхъ порядковъ, водворившихся въ Россіи.

II.

Незадолго до прибытія Суворова въ Петербургъ внезапная опала постигла барона Аракчеева.

Къ несчастію для Аракчеева, кромѣ муштрованія войскъ, ему была поручена и должность генералъ-квартирмейстера всей арміи, которая,

[1] А. Петрушевскій: «Генералиссимусъ князь Суворовъ». Т. 2-й, стр. 390—391. Въ декабрѣ 1798 года Суворовъ просилъ государя письменно позволить ему отбыть въ Нилову новгородскую пустынь, гдѣ онъ намѣревался окончить жизнь въ службѣ Богу. «Спаситель нашъ одинъ безгрѣшенъ», прибавилъ Суворовъ. «Неумышленности моей прости, милосердый государь. Всеподданнѣйшій богомолецъ, Божій рабъ». На просьбу Суворова отвѣта со стороны императора Павла не послѣдовало.

конечно, не соотвѣтствовала ни дарованіямъ, ни знаніямъ этого неподражаемаго экзерцирмейстера. Въ свѣдѣніяхъ объ Аракчеевѣ, собранныхъ В. Ратчемъ [1], усердный панегиристъ его оказался безсильнымъ сообщить что-либо похвальное о дѣятельности Алексѣя Андреевича, какъ генералъ-квартирмейстера; онъ ограничился слѣдующею характерною замѣткою: «О размѣрахъ и направленіи его дѣятельности по этому званію свѣдѣнія весьма скудны. Зная, однако, его корпусное образованіе и его службу, сомнѣваемся, чтобы дальнѣйшія разысканія указали на какую-либо самостоятельную дѣятельность, тѣмъ болѣе, что Аракчеевъ не былъ изъ числа людей, которые чтеніемъ расширяютъ свои познанія». Признавая въ немъ вѣчнаго труженика, проводившаго охотно цѣлые часы за штатами и вѣдомостями, Ратчъ полагаетъ, что Аракчеевъ былъ въ должности генералъ-квартирмейстера только исполнителемъ повелѣній государя.

По свидѣтельству графа Толя, служба офицеровъ по квартирмейстерской части подъ начальствомъ Аракчеева была «преисполнена отчаянія». Отъ семи часовъ утра до семи часовъ вечера, съ двухчасовымъ перерывомъ для обѣда, эти несчастные офицеры занимались нескончаемымъ перечерчиваніемъ старыхъ, большею частью, безполезныхъ плановъ. Аракчеевъ со свойственною ему неукротимостію и фанатическимъ тиранствомъ настаивалъ на точномъ и скоромъ исполненіи поручаемой работы; онъ былъ убѣжденъ, что если при Екатеринѣ офицеры имѣли много празднаго времени, то, занимаясь съ утра до вечера хотя и безполезною работою, подчиненные его будутъ, все-таки, отвлечены отъ вреднаго умствованія, и этимъ соблюдена будетъ польза службы.

Будучи генералъ-квартирмейстеромъ, Аракчеевъ жилъ надъ залою, въ которой производилось черченіе плановъ, и раза по два и по три въ день являлся среди офицеровъ. При малѣйшемъ поводѣ, подъ самыми ничтожными предлогами, онъ осыпалъ ихъ самою отборною бранью и разъ даже забылся до того, что молодому колонновожатому Фитингофу далъ пощечину. Въ другой разъ, въ январѣ 1798 года, гнѣвъ его разразился надъ подполковникомъ Леномъ, сподвижникомъ Суворова и Георгіевскимъ кавалеромъ; онъ обругалъ Лена самыми позорнѣйшими словами. Несчастная жертва его гнѣва, онъ, молча выслушавъ брань, возвратился домой, написалъ письмо Аракчееву и затѣмъ застрѣлился. Къ счастью, подполковникъ Ленъ былъ лично извѣстенъ государю и рекомендованъ ему графомъ Румянцевымъ-Задунайскимъ; поэтому тра-

[1] «Свѣдѣнія о графѣ Алексѣѣ Андреевичѣ Аракчеевѣ», Василія Ратча. (Военный Сборникъ 1861 и 1864 годовъ). Свѣдѣнія доведены только до 1-го февраля 1798 года, то-есть, до первой опалы Аракчеева.

гическая кончина славнаго офицера возбудила общее вниманіе и надѣлала много шуму въ городѣ. Императоръ потребовалъ письмо Лена. Около этого же времени Аракчеевъ публично осыпалъ ругательствами въ строю преображенцевъ и, обходя ряды, щедрою рукою награждалъ людей ударами своей трости. Всѣ эти служебные подвиги Аракчеева вызвали наконецъ неудовольствіе государя; на этотъ разъ Павелъ внялъ общему воплю и разстался со своимъ любимцемъ.

29-го января 1798 года, подполковникъ Ленъ былъ исключенъ изъ списка умершимъ; затѣмъ 1-го февраля баронъ Аракчеевъ былъ уволенъ въ отпускъ до излѣченія, а 2-го февраля генералъ-лейтенантъ Германъ назначенъ генералъ-квартирмейстеромъ. Аракчеевъ немедленно удалился въ Грузино. Но невзгоды, постигшія чрезмѣрно усерднаго гатчинскаго капрала, на этомъ не остановились; 18-го марта послѣдовалъ приказъ по которому генералъ-маіоръ баронъ Аракчеевъ отставлялся отъ службы, но съ награжденіемъ чиномъ генералъ-лейтенанта.

Аракчеевъ удостоился однако въ своемъ горѣ вскорѣ услышать слова утѣшенія и ободренія съ такой стороны, съ которой можно было ожидать совсѣмъ иной оцѣнки служебной дѣятельности свирѣпаго капрала. Этотъ утѣшитель, называвшій себя къ тому же «вѣрнымъ другомъ» опальнаго барона, былъ цесаревичъ Александръ Павловичъ!

7-го мая 1798 года, великій князь писалъ въ Грузино: «Душевно бы желалъ тебя увидѣть и сказать тебѣ изустно, что я такой же тебѣ вѣрный другъ, какъ и прежде. Признаюсь, однако же, что я виноватъ передъ тобою и что давно къ тебѣ не писалъ; но, ей-Богу, отъ того произошло, что я не имѣлъ минуты для сего времени, и я надѣюсь, что ты довольно меня коротко знаешь, чтобы могъ усумниться обо мнѣ.— Если ты сіе сдѣлалъ, то по чести согрѣшилъ и крайне меня обидѣлъ, но я надѣюсь, что сего не было. Прощай, другъ мой! Не забудь меня и пиши ко мнѣ, чѣмъ ты меня крайне одолжишь. Такъ же поболѣе смотри за своимъ здоровьемъ, которое, я надѣюсь, поправится; по крайней мѣрѣ, желаю онаго отъ всего сердца и остаюсь на вѣкъ твой вѣрный другъ».

Имѣя подобнаго вѣрнаго друга, Аракчеевъ могъ надѣяться, что постигшая его опала будетъ непродолжительною. Дѣйствительно, въ скоромъ времени столь усердный и преданный новымъ порядкамъ дѣятель былъ возвращенъ на службу, къ немалому горю его подчиненныхъ.

Почти одновременно съ Аракчеевымъ другой любимецъ императора Павла, Ф. В. Ростопчинъ, также временно сошелъ со служебнаго поприща. 4-го марта 1798 года, въ приказѣ, отданномъ при паролѣ, объявлено было: «Генералъ-адъютантъ Ростопчинъ по прошенію его увольняется отъ службы».

31-го марта баронъ фонъ-деръ-Паленъ произведенъ былъ въ генералы отъ кавалеріи; вскорѣ началось быстрое возвышеніе этого годъ тому назадъ столь несправедливо отставленнаго и, къ тому же, оскорбленнаго государственнаго дѣятеля. «Я похожъ на тѣ маленькія куколки, которыя хотѣли бы опрокинуть и поставить вверхъ ногами, но которыя всегда опять становятся на ноги», — сказалъ о себѣ фонъ-деръ-Паленъ [1]. Слова его получили блистательное подтвержденіе, по крайней мѣрѣ, въ царствованіе императора Павла.

III.

Послѣ рожденія великаго князя Михаила Павловича колоссальная интрига, зародившаяся еще въ 1797 году и направленная противъ императрицы и Е. И. Нелидовой, вступила въ новый, благопріятный для ея разрѣшенія фазисъ. Дѣйствующими лицами въ этой интригѣ являлись Ростопчинъ, отчасти даже Безбородко, а во главѣ ея стоялъ оберъ-гардеробмейстеръ Кутайсовъ. Отъ успѣха затѣяннаго ими дѣла всѣ поименованныя лица ожидали для себя разнообразныхъ благъ, которыя оставались для нихъ недосягаемыми, пока продолжала господствовать при дворѣ партія императрицы, руководимая Нелидовой.

Предначертанное государемъ новое путешествіе весною по Россіи, въ которое включена была и Москва, доставило задуманной интригѣ скорое и легкое торжество. Между тѣмъ, Марія Ѳеодоровна должна была, по предписанію докторовъ, спокойно провести время въ Павловскѣ. Императрица, дѣйствительно, нуждалась въ покоѣ; она только что перенесла тяжелые роды, а затѣмъ еще глубоко потрясена была потерею своихъ родителей, быстро послѣдовавшею одна за другою. Отецъ Маріи Ѳеодоровны скончался въ декабрѣ 1797 года, а мать послѣдовала за нимъ 9-го марта 1798 года. Такимъ образомъ, и съ этой стороны врагамъ императрицы улыбнулось счастіе, способствуя ихъ честолюбивымъ затѣямъ.

5-го мая императоръ Павелъ выѣхалъ изъ Павловска и черезъ Новгородъ и Тверь прослѣдовалъ въ Москву. Государя сопровождали великіе князья Александръ и Константинъ; князь Безбородко уже 2-го мая также отправился въ Москву. Что же касается оберъ-гардеробмейстера Кутайсова, то онъ, конечно, принадлежалъ къ числу спутниковъ, избранныхъ государемъ; Ростопчинъ, удаленный отъ дѣлъ, оставался въ Петербургѣ, выжидая дальнѣйшаго хода событій.

[1] Heyking: Aus den Tagen Kaiser Pauls, p. 89.

Пребываніе въ Москвѣ повлекло за собою поворотъ въ дѣлахъ въ царствованіе императора Павла; оно наложило на него до нѣкоторой степени новый отпечатокъ и послужило источникомъ злополучія для всѣхъ лицъ, окружавшихъ въ ту пору государя.

Баронъ Гейкингъ передаетъ въ своихъ запискахъ слѣдующія подробности этого событія; будучи, вѣроятно, хорошо освѣдомленнымъ, по близости своей къ Е. П. Нелидовой, онъ заслуживаетъ, безъ сомнѣнія, полнаго вниманія.

«Орудіемъ, которымъ агитаторы всегда пользуются столь же ловко, какъ и успѣшно, всегда служили дураки», пишетъ Гейкингъ. «Для привлеченія ихъ на свою сторону, агитаторы начинаютъ съ того, что сверхъ мѣры превозносятъ ихъ честность; дураки хотя внутренно и удивляются этимъ незаслуженнымъ похваламъ, но такъ какъ онѣ льстятъ ихъ тщеславію, то они беззавѣтно отдаются въ руки коварныхъ льстецовъ.

«Такимъ образомъ случилось, что Кутайсовъ вдругъ оказался образцомъ преданности своему властелину. Стали передавать примѣры его безкорыстія; стали даже приписывать ему извѣстную тонкость ума и выражать притворное удивленіе, какъ это государь не сдѣлаетъ чего-нибудь побольше для такого рѣдкаго любимца. Кутайсовъ, въ концѣ концовъ, самъ началъ вѣрить, что его друзья правы; но онъ далъ имъ понять, что императрица и фрейлина Нелидова его не любятъ и мѣшаютъ его возвышенію. Этого только и ждали: стали еще больше превозносить его и увѣрять, что отъ него самого зависило бы пріобрѣсти господство надъ Павломъ, если бы онъ доставилъ ему фаворитку по собственному выбору, которой предварительно онъ поставилъ бы свои условія. Напомнили ему о дѣвицѣ Лопухиной и внушили ему, что онъ долженъ дѣлать въ Москвѣ. Кутайсовъ обѣщалъ все исполнить, а такъ какъ ему намекнули, что и князь Безбородко тоже желалъ бы видѣть императора избавленнымъ отъ опеки императрицы, фрейлины Нелидовой и братьевъ Куракиныхъ, то онъ всецѣло примкнулъ къ этому заговору, не предвидя его результатовъ.

«Императора встрѣтили въ Москвѣ,—какъ пишетъ Гейкингъ,—восторженно, а такъ какъ сердце отъ природы у него было мягкое, то онъ былъ тронутъ этими изъявленіями преданности, восторга и любви. Бѣдный государь обладалъ любящею и чувствительною душою. И зачѣмъ это такъ случилось, что его раздражительный характеръ и болѣзненно настроенное воображеніе увлекали его постоянно на ложный путь. Преисполненный радостью, онъ сказалъ Кутайсову въ тотъ же вечеръ [1].

[1] Императоръ Павелъ прибылъ въ Москву 10-го мая, въ одиннадцать часовъ утра, и пробылъ въ первопрестольной столицѣ шесть дней. Государь проѣхалъ прямо

Бронзовый бюстъ императора Павла I.
находящійся въ Николаевской Инженерной Академіи.

А. И. Вильборгъ, СПБ. Мѣщ. 2.

— «Какъ отрадно было сегодня моему сердцу! Московскій народъ любитъ меня гораздо болѣе, чѣмъ петербургскій; мнѣ кажется, что тамъ меня гораздо болѣе боятся, чѣмъ любятъ.

— «Это меня не удивляетъ.

— «Почему же?

— «Не смѣю выразиться яснѣе.

— «Я приказываю.

— «Обѣщайте мнѣ, государь, не передавать этого ни императрицѣ ни фрейлинѣ Нелидовой.

— «Обѣщаю.

— «Государь, дѣло въ томъ, что здѣсь васъ видятъ таковымъ, каковы вы въ дѣйствительности—добрымъ, великодушнымъ и чувствительнымъ, между тѣмъ какъ въ Петербургѣ, если вы оказываете какую-либо милость, то говорятъ, что у васъ ее выпросили или императрица, или фрейлина Нелидова, или же Куракины. Такимъ образомъ оказывается, что, когда вы дѣлаете добро, то его дѣлаютъ они; если же вы караете, то это исходитъ отъ васъ.

— «Но... ты правъ... стало быть, говорятъ, что я даю управлять собою этимъ двумъ женщинамъ.

— «Такъ точно, государь.

— «Ну, мои дамы, я покажу вамъ, какъ мною управляютъ!

«Исполненный гнѣва, Павелъ подошелъ къ столу и хотѣлъ писать; но Кутайсовъ бросился къ его ногамъ и убѣдилъ его дѣйствовать съ притворствомъ по отношенію къ упомянутымъ особамъ» [1].

Императоръ Павелъ встрѣтился на балу съ Анной Петровной Лопухиной, которая неотлучно слѣдовала за нимъ и не спускала съ него глазъ; одинъ изъ присутствовавшихъ сказалъ государю: «Она, ваше величество, изъ-за васъ голову потеряла».

Современникъ пишетъ, что Кутайсовъ «былъ посланъ негоціаторомъ и полномочнымъ министромъ трактовать инициативно съ супругою Петра Васильевича (Лопухина) и мачихою Анны Петровны, Екатериною Николаевною, рожденной Шетневой, о приглашеніи Лопухина съ его фамиліею въ Петербургъ. Негоціаціи продолжались во все время маневровъ, и прелиминарные пункты были не прежде подписаны, какъ за нѣсколько минутъ до отъѣзда его величества въ Казань» [2].

въ Успенскій соборъ, а оттуда въ Слободской дворецъ, гдѣ для дворянства въ тотъ вечеръ былъ балъ.

[1] Aus den Tagen Kaiser Pauls, pp. 113—116.

[2] «On fit sentir à l'empereur qu'il était en tutelle, que ces deux femmes (l'impératrice et mademoiselle Nélidow) régnaient en son nom, que tout le monde en était convaincu. On lui présenta une personne plus jeune et plus jolie que mademoiselle Nélidow

Въ Москвѣ назначены были большіе маневры войскъ, собранныхъ подъ начальствомъ фельдмаршала графа Ивана Петровича Салтыкова. 12-го мая произведенъ былъ смотръ этимъ войскамъ, а затѣмъ начались маневры, продолжавшіеся три дня [1]. Императоръ остался доволенъ войсками и объявилъ, что «онъ за честь себѣ поставляетъ быть образователемъ и начальникомъ такого войска».

Наконецъ, на утро 16-го мая назначенъ былъ отъѣздъ государя въ дальнѣйшій путь. Переговоры, порученные Кутайсову, еще не пришли къ вожделѣнному концу, а между тѣмъ экипажи уже стояли у крыльца. Очевидецъ пишетъ: «Весь генералитетъ и всѣ штабъ и оберъ-офицеры московскаго гарнизона толпились у подъѣзда. Я, пользуясь званіемъ адъютанта фельдмаршала и качествомъ исправляющаго должность бригадъ-маіора при его величествѣ, стоялъ на вышней площадкѣ крыльца; на этой же площадкѣ ходилъ человѣкъ небольшого роста, портфель подъ мышкою, погруженный въ глубокую задумчивость; глаза сверкали у него, какъ у волка въ ночное время,—это былъ статсъ-секретарь его величества, Петръ Алексѣевичъ Обресковъ; онъ сопутствовалъ государю и долженъ былъ сидѣть въ каретѣ возлѣ царя и докладывать его величеству дѣла, въ производствѣ состоящія. Отвѣтъ рѣшительный Лопухиныхъ тревожилъ спокойствіе души Обрескова; ну, если негоціаторъ привезетъ не да, а нѣтъ! Тогда докладывать дѣла Павлу Петровичу, влюбленному страстно и прогнѣванному отказомъ, было идти по ножевому лезвію. Всѣ знали, что съ разгнѣваннымъ Павломъ Петровичемъ встрѣчаться было страшно. Минутъ черезъ десять скачетъ карета во всю конскую прыть. Обресковъ ожидаетъ сидящаго въ каретѣ со страхомъ и надеждою; остановился экипажъ, вышелъ изъ кареты Иванъ Павловичъ Кутайсовъ, вбѣжалъ на лѣстницу и съ восхищеніемъ громко сказалъ Обрескову: «все уладилъ: наша взяла», и поспѣшилъ обрадовать пріятною вѣстію. Черезъ четверть часа послѣ радостнаго извѣстія Павелъ Петровичъ шествовалъ къ экипажу въ сопровожденіи фельдмаршала. Передъ тѣмъ, какъ сѣсть въ карету, обнялъ графа Салтыкова и сказалъ: «Иванъ Петровичъ, я, сударь, совершенно вами доволенъ; благодарю васъ и никогда не забуду вашей службы и усердія»... За государемъ взлѣзъ въ карету Обресковъ и поскакали» [2].

Императоръ Павелъ направилъ свой путь на Владиміръ. Вечеромъ 16-го мая государь прибылъ въ городъ Покровъ, имѣвшій 275 жи-

et qui n'aurait pas la prétention de le gouverner; tous ces moyens réussirent». Mémoires du prince Adam Czartoryski.—Paris. 1887. T. 1, p. 177.

[1] Одинъ изъ участниковъ этихъ упражненій замѣтилъ, что маневры были скудны въ стратегіи, жалки въ тактикѣ и никуда негодны въ практикѣ.

[2] «Русская Старина», 1885 года, т. 48-й, стр. 81—82.

телей, которые встрѣтили его съ необычайнымъ восторгомъ. Въ письмѣ къ императрицѣ отъ 17-го мая, уже изъ Владиміра, Павелъ Петровичъ сообщилъ свои впечатлѣнія въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

«Je demeurais au rez-de-chaussé, et sur un coin d'un côté j'avais contre la fenêtre des dames de la noblesse, à une autre j'en avais du commun et à une troisième des paysans, des bourgeois et domestiques; tous me disaient être charmés de me voir et me parlaient de leur attachement pour moi, après quoi à chacune des fenêtres je m'entends dire par une grande quantité à l'envie: «Мы знаемъ, что ты только добра нашего желаешь и ищешь; мы всѣ знаемъ это. Право, Богъ тебя наградитъ за это». Juge de mon état, ensuite des bénédictions et des embrassements par la fenêtre; avec cela une tranquillité, une bienséance admirable et aucun préposé».

Нѣчто подобное повторилось въ Муромѣ, и государь писалъ оттуда 18-го мая императрицѣ:

«Ce n'est pas Rome que Mourom, mais je suis entouré de quelque chose de mieux, d'un peuple innombrable qui me comble d'affection Je vous écris ceci entouré de monde au rez-de-chaussé. Jugez s'il est possible d'écrire de suite... on n'a pas d'idée de ce que c'est que la Russie quand on ne l'a vue, cela passe tout».

20-го мая императоръ Павелъ прибылъ въ Нижній Новгородъ, а 24-го въ Казань. Здѣсь остановка была пятидневная вслѣдствіе назначеннаго смотра войскамъ, послѣ котораго начались маневры. Полковникъ Л. Н. Энгельгардтъ, командовавшій въ то время Уфимскимъ полкомъ, пишетъ въ своихъ запискахъ по поводу «ревю», назначеннаго въ Казани: «Всѣ шли съ трепетомъ; я болѣе ужасался, чѣмъ идя на штурмъ Праги».

Императоръ нашелъ, что Энгельгардтъ «мастеръ своего дѣла», и, узнавъ изъ разговора съ нимъ, что онъ прежде былъ адъютантомъ князя Потемкина, сказалъ: «Тьфу, въ какіе ты попалъ знатные люди; да какъ ты не сдѣлался негодяемъ, какъ всѣ, при немъ бывшіе? Видно, много въ тебѣ добраго, что ты уцѣлѣлъ и сдѣлался мнѣ хорошимъ, слугою».

Не менѣе замѣчателенъ разговоръ императора съ военнымъ губернаторомъ Ласcіемъ на балу въ дворянскомъ собраніи. Увидя его въ башмакахъ съ тростью, государь подошелъ къ нему и сказалъ: «Какъ? Ласcій въ башмакахъ и съ тростью?—Тотъ ему отвѣчалъ:

— «А какъ же?

— «Ты бы спросилъ у петербургскихъ.

— «Я ихъ не знаю.

— «Видно, ты не любишь петербургскихъ; такъ я тебѣ скажу: когда ты въ сапогахъ, знакъ, что готовъ къ должности, и тогда надобно

*

имѣть трость; а когда въ башмакахъ—знакъ, что хочешь куртизировать дамъ, тогда трость не нужна.

— «Какъ вы хотите, ваше величество, чтобы въ мои лѣта я могъ знать всѣ эти мелочи? (Comment, votre majesté, voulez vous qu'à mon âge je sache toutes ces misères).

«Государь разсмѣялся сему ирландскому отвѣту, ибо Лассій былъ ирландецъ»,—пишетъ Энгельгардтъ.

Когда императоръ готовился уже уѣхать изъ Казани, онъ обратился къ военному губернатору со слѣдующимъ вопросомъ:

— «Ну, Лассій, скажи правду, радъ ты, что я ѣду.

— «Очень.

— «Какъ?

— «До сихъ поръ вы думаете, что у насъ очень хорошо, а мы и очень не совершенны; такъ я хочу, чтобы вы уѣхали, будучи въ такомъ о насъ лестномъ мнѣніи; а ежели бы остались долѣе, тогда бы увидѣли большіе наши недостатки.

— «Правда, правда твоя,—сказалъ государь» [1].

30-го мая императоръ Павелъ выѣхалъ изъ Казани и черезъ Нижній Новгородъ и Ярославль прибылъ 8-го іюня къ Тихвину; здѣсь его поджидали императрица и Е. И. Нелидова. Дальнѣйшее совмѣстное путешествіе продолжалось черезъ Новую Ладогу и Шлиссельбургъ и закончилось 11-го іюня возвращеніемъ въ Павловскъ.

Истинное настроеніе императора Павла и значеніе лопухинской интриги не сразу обнаружились; государь до поры до времени скрывалъ свои тайныя намѣренія. Гроза разразилась только послѣ переѣзда двора 9-го іюля въ Петергофъ.

«Закулисные интриганы чувствовали, что ихъ коалиція можетъ держаться и привести къ желанной цѣли лишь въ томъ случаѣ, если должности генералъ-прокурора и петербургскаго военнаго губернатора будутъ въ ихъ рукахъ,—пишетъ Гейкингъ.—Прежде всего поэтому они стали подкапываться подъ князя Алексѣя Борисовича Куракина и генерала Буксгевдена. Кутайсовъ теперь только и зналъ, что расхваливать Палена; а такъ какъ ему извѣстны были тайные соглядатаи Павла, то онъ сумѣлъ воспользоваться ими, чтобы доводить, повидимому, самымъ естественнымъ образомъ до ушей государя многочисленныя восхваленія человѣка, которому желали дать мѣсто.

«Однажды Павелъ, находясь въ небольшомъ кружкѣ своихъ приближенныхъ, выразился такъ: «Странно! Никогда не слыхалъ я, чтобы о комъ-либо говорили такъ много хорошаго, какъ о Паленѣ. Я, значитъ, довольно ложно судилъ о немъ и долженъ эту несправедливость попра-

[1] Записки Л. Н. Энгельгардта, стр. 207—213.

вить». Предавшись такому теченію мыслей, государь все милостивѣе и милостивѣе сталъ обращаться съ Паленомъ, который вскорѣ такъ опуталъ его своими оригинальными и лицемѣрно-чистосердечными рѣчами, что сталъ ему казаться самымъ подходящимъ человѣкомъ для занятія должности, требующей вѣрнаго взгляда, ретиваго усердія и безграничнаго послушанія.

«Планъ окружить государя новыми людьми, какъ ни тщательно былъ скрываемъ, однако, не могъ ускользнуть отъ проницательности многихъ заинтересованныхъ въ дѣлѣ лицъ; наконецъ, внезапное повелѣніе Лопухину, который былъ сенаторомъ въ Москвѣ, прибыть въ Петербургъ достаточно ясно указало на близкое развитіе какого-то обширнаго проекта.

«Однажды государь такъ дурно обошелся съ вице-канцлеромъ княземъ Куракинымъ, что тотъ вслѣдствіе этого захворалъ. Императрица хотѣла было замолвить слово въ его пользу, но Павелъ очень гнѣвно отнесся къ этому. На сей разъ гроза миновала; но одна неудачная мысль императрицы ускорила развязку. Узнавъ, что Анна Петровна Лопухина должна прибыть въ Петербургъ, она имѣла неосторожность написать ей угрожающее письмо, чтобы воспрепятствовать исполненію этого плана. Письмо это пришлось тайнымъ интриганамъ какъ разъ съ руки. Оно было доставлено Павлу, который пришелъ въ неописуемый гнѣвъ. Онъ наговорилъ императрицѣ невѣроятныхъ вещей, а когда хотѣла оправдываться Нелидова, то и ея не пощадили» [1].

Первой жертвой новаго положенія дѣлъ палъ Юрій Александровичъ Нелединскій. Наканунѣ 22-го іюля «Нелединскій, проходя довольно поздно внутреннимъ коридоромъ петергофскаго дворца изъ комнатъ императрицы Маріи Θеодоровны, встрѣтился съ Павломъ Петровичемъ, шедшимъ въ сопровожденіи Кутайсова. Увидавъ Нелединскаго, Кутайсовъ сказалъ государю: «вотъ кто слѣдитъ за вами днемъ и ночью и все передаетъ императрицѣ». Легко себѣ представить, какое дѣйствіе произвели эти слова на вспыльчиваго и подозрительнаго Павла. Немедленно было приказано Нелединскому удалиться отъ двора. И такъ какъ слѣдующій день, то-есть, 22-е іюля, былъ высокоторжественный, то исполнить это было невозможно безъ огласки, а потому Юрій Александровичъ съ женою и дѣтьми долженъ былъ провести весь этотъ день въ своей квартирѣ, выходившей окнами на гулянье, съ опущенными шторами, въ заперти, не смѣлъ ни самъ выходить, ни выпускать дѣтей изъ комнаты» [2].

[1] Aus den Tagen Kaiser Pauls, p. 117—119.

[2] Хроника недавней старины. — Изъ архива князя Оболенскаго-Нелединскаго-Мелецкаго, С.-Петербургъ, 1876, стр. 42—43.

Въ день тезоименитства императрицы государь былъ въ явно дурномъ настроеніи. Е. И. Нелидова была погружена въ глубокую печаль, которую безуспѣшно старалась скрыть. Что же касается бала, то, по замѣчанію очевидца, онъ скорѣе былъ похожъ на похороны; всѣ предсказывали новую грозу.

Всѣ очерченныя нами интриги отразились самымъ плачевнымъ образомъ на состояніи духа императора Павла и вызвали полнѣйшій семейный разладъ; для государя лично подобная обстановка создавала неисчерпаемыя душевныя муки.

Графъ Комаровскій приводитъ въ своихъ запискахъ любопытный случай, относящійся къ этому времени и рисующій собою настроеніе и мысли, волновавшія императора въ ту пору. Комаровскій пишетъ:

«Въ одно воскресенье, послѣ бала, который продолжался довольно долго, когда вся императорская фамилія вошла во внутреннія комнаты, императоръ со всѣми распрощался, въ томъ числѣ и съ великимъ княземъ Константиномъ Павловичемъ. Его высочество, возвратясь къ себѣ, сказалъ мнѣ:

— «Государь меня отпустилъ, прикажи подать мнѣ кабріоль; я поѣду погулять въ нижній садъ.

«Черезъ полчаса послѣ отъѣзда великаго князя приходитъ графъ Ливенъ и спрашиваетъ у меня, гдѣ его высочество, говоря при томъ, что государь дожидаетъ его, чтобы принять рапортъ отъ караульнаго офицера. Я ему отвѣчалъ, что великій князь поѣхалъ въ садъ, и его высочество считаетъ, что государь его отпустилъ; но я тотчасъ пошлю отыскать великаго князя. Не прошло получаса, какъ графъ Ливенъ опять приходитъ и говоритъ мнѣ:

— «Скажите его высочеству, что государь на него гнѣвается, что онъ не знаетъ своей должности» [1].

«Лишь только графъ Ливенъ ушелъ, какъ посланный мой отыскалъ великаго князя, и онъ прискакалъ домой. Торопливо спрашиваетъ меня:

— «Ну, что сдѣлалось?

«Я ему пересказалъ все, что случилось въ его отсутствіе; его высочество чрезвычайно огорчился и послалъ меня узнать отъ караульнаго офицера, какъ это происходило. Караульный офицеръ мнѣ сказалъ, что государь долго не принималъ его съ рапортомъ, ожидая все великаго князя, наконецъ приказалъ ему войти и принялъ рапортъ. На другой

Ю. А. Нелединскій удалился въ деревню. Указомъ 13-го сентября 1798 года онъ былъ отставленъ отъ службы. По прошествіи двухъ лѣтъ, 25-го ноября 1800 года, Нелединскій былъ пожалованъ въ тайные совѣтники и назначенъ сенаторомъ.

[1] Должность великаго князя Константина Павловича, какъ петергофскаго военнаго губернатора, обязывала его находиться при вечернемъ рапортѣ караульнаго офицера, подаваемомъ императору.

день, рано по утру, великій князь прислалъ за мной. Я нашелъ его весьма встревоженнымъ.

— «Я не могъ всю ночь почти уснуть,—сказалъ мнѣ его высочество.

«Онъ тотчасъ рѣшился написать письмо къ государю, но оно возвращено было нераспечатаннымъ; послѣ того приходитъ Обресковъ и говоритъ его высочеству:

— «Государь знаетъ, что ваше высочество сегодня нездоровы, а потому приказалъ мнѣ подать рапортъ при разводѣ,—который великій князь принужденъ былъ ему отдать.

«Это довершило отчаяніе его высочества. Чтобы больше еще привести его въ затруднительное положеніе, императрица присылаетъ къ нему записку, въ которой приглашаетъ его съ собой прогуливаться въ колясочкѣ. Я не знаю, что онъ отвѣчалъ на записку императрицы. Ходя долго по комнатѣ взадъ и впередъ, наконецъ онъ бросился ко мнѣ на шею и сказалъ:

— «Мнѣ пришла мысль, исполни ее: поди сейчасъ къ И. П. Кутайсову, скажи ему все, что со мной случилось, скажи, въ какомъ я отчаяніи, и чтобы онъ испросилъ у государя одну милость, чтобы меня выслушать.

«Кутайсовъ былъ боленъ и жилъ подъ самымъ государевымъ кабинетомъ, что у гауптвахты; лишь только я къ нему вошелъ, какъ онъ мнѣ говоритъ:

— «Вы, вѣрно, пришли отъ великаго князя Константина Павловича? Я все знаю. Государь у меня былъ и все пересказалъ; не стыдно ли великому князю не исполнять своей обязанности и тѣмъ приводить въ гнѣвъ своего отца и государя?

«Такая встрѣча меня удивила. Я ему на сіе сказалъ:

— «Если бы его высочество былъ виноватъ, онъ не сталъ бы себя оправдывать, а великій князь прислалъ меня просить васъ, чтобы вы испросили у государя одну только милость, чтобы его выслушать.

— «Хорошо, сударь,—отвѣчалъ Кутайсовъ,—я исполню волю его высочества.

«Я пожалѣлъ великаго князя и не передалъ ему всего разговора, а сказалъ только, что Иванъ Павловичъ обѣщалъ исполнить его волю. Черезъ нѣсколько минутъ опять великій князь послалъ меня къ Кутайсову; лишь только я поравнялся съ гауптвахтой, какъ государь выходитъ отъ Кутайсова, увидя меня, прямо идетъ ко мнѣ на встрѣчу и, вертя своею тростью, грозно мнѣ сказалъ:

— «А! ты посломъ ходишь?

«Я тотчасъ сталъ на колѣна и говорю ему:

— «Государь, великій князь передъ вами невиноватъ.

«Его такъ это удивило, что онъ, взявъ меня за руку, сказалъ:

— «Встань, встань,—какъ невиноватъ? Надѣнь шляпу.

«И, взявъ меня подъ руку, пошелъ со мной по аллеѣ Верхняго сада. Я объяснилъ государю, какъ великому князю показалось, что онъ его отпустилъ, и увѣрялъ въ привязанности великаго князя къ его величеству, не только какъ къ отцу, но какъ къ государю, и что онъ вѣрнѣйшаго подданнаго, какъ великій князь, у себя не имѣетъ; что гнѣвъ государя довелъ его высочество до отчаянія.

— «Какъ, онъ точно огорченъ?—прервалъ государь.

— «Онъ такъ огорченъ,— продолжалъ я,— что если сіе состояніе продолжится, то онъ, я увѣренъ, сдѣлается больнымъ.

«Тогда государь началъ мнѣ разсказывать, какъ всѣ противъ него, то-есть, императрица и наслѣдникъ; что онъ окруженъ шпіонами; въ сію минуту прошелъ вдали парикмахерскій ученикъ; государь, показывая на него, сказалъ мнѣ: «ты видишь этого мальчишку; я не увѣренъ, чтобы и ему не велѣно тоже за мной присматривать»; что его величество полагается на привязанность одного только Константина Павловича, но наканунѣ сдѣланный имъ поступокъ заставилъ государя думать, что и онъ передался противной партіи [1]. Наконецъ, императоръ присовокупилъ:

— «Ну, если я его прощу, что, онъ этому обрадуется?

«Тутъ онъ, принявъ веселый видъ, сказалъ изъ итальянской оперы:

— «Dite lo voi per me (скажите ему за меня), что я его прощаю, чтобы онъ послалъ взять рапортъ у Обрескова и подалъ бы мнѣ оный при разводѣ, подошелъ бы, какъ обыкновенно, не показывая ни малѣй-

[1] Для характеристики отношеній, установившихся въ то время между императоромъ и его супругой, достаточно привести случай, разсказанный Гейкингомъ. Онъ пишетъ: «Графъ Віельгорскій, который по своему званію гофмаршала принужденъ былъ часто бесѣдовать съ императрицею о нѣкоторыхъ предметахъ, касающихся его должности, сталъ, на одномъ изъ придворныхъ собраній, говорить ей о чемъ-то подобномъ. Государь нахмурился и замѣтилъ великому князю Александру: «Вотъ онъ опять толкуетъ ей о пустякахъ». Великій князь бросилъ на графа взглядъ, давая ему понять чтобы онъ удалился. Віельгорскій отошелъ и приблизился къ игрокамъ въ бостонъ, сидѣвшимъ за карточнымъ столомъ, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ государя. «Вотъ, посмотрите», — сказалъ Павелъ, — «теперь онъ старается приблизиться къ намъ, чтобы подслушать, о чемъ мы говоримъ». Великій князь далъ Віельгорскому знакъ отойти; но тотъ, находясь подлѣ четырехъ игроковъ, не вообразилъ себѣ даже, что въ немъ подозрѣваютъ столь тонкій слухъ, а тѣмъ болѣе—намѣреніе подслушивать своего государя. Онъ остался на своемъ мѣстѣ, спокойно продолжая разговаривать съ игроками, чтобы доказать, что его вниманіе никуда болѣе не отвлечено». На другой день графъ Віельгорскій былъ смѣненъ и нѣсколько позже долженъ былъ выѣхать въ Вильно. (Aus den Tagen Kaiser Pauls, p. 131—132).

шей радости, чтобы никто не догадался о томъ, что между нами происходило,—и приказалъ мнѣ итти.

«Великій князь ожидалъ меня съ нетерпѣніемъ и не могъ понять, отчего я долго такъ не возвращался. Когда я ему разсказалъ, что со мной случилось, онъ сначала не хотѣлъ вѣрить, но видя, что я ему говорю именемъ государя, какъ ему поступать должно во время развода, тутъ онъ бросился ко мнѣ на шею и началъ меня цѣловать, и такъ крѣпко меня обнималъ, что я думалъ, что онъ меня задушитъ. Когда великій князь съ рапортомъ подошелъ къ государю, его величество ему сказалъ:

— «Ты имѣешь прекраснаго посланника.

«Съ тѣхъ поръ государь всякій день что-нибудь пріятное мнѣ говорилъ» [1].

Роковой шагъ въ новомъ направленіи императоръ Павелъ сдѣлалъ 28-го іюля 1798 года. Въ этотъ день генералъ отъ кавалеріи баронъ фонъ-деръ-Паленъ назначенъ былъ петербургскимъ военнымъ губернаторомъ, на мѣсто генералъ-лейтенанта графа Буксгевдена. Въ тотъ же день вице-адмиралъ Плещеевъ отставленъ былъ отъ службы.

1-го августа сенаторъ Петръ Васильевичъ Лопухинъ въ первый разъ обѣдалъ при дворѣ въ Петергофѣ, а затѣмъ, 8-го августа, когда дворъ находился въ Павловскѣ [2], послѣдовало назначеніе его генералъ-прокуроромъ. 20-го августа Лопухину подаренъ былъ домъ, бывшій Рибаса, на дворцовой набережной, а 23-го августа ему повелѣно было присутствовать въ Совѣтѣ; 6-го сентября Лопухинъ произведенъ былъ въ дѣйствительные тайные совѣтники, и въ тотъ же день жена его, Екатерина Николаевна, пожалована была въ статсъ-дамы, а дочь, Анна Петровна, въ камеръ-фрейлины. Съ этой минуты на Лопухина посыпались разнообразныя награды и отличія съ неимовѣрною, сказочною быстротою.

Императоръ Павелъ на другой день послѣ назначенія барона Палена военнымъ губернаторомъ вспомнилъ объ опальномъ баронѣ Аракчеевѣ, и 29-го іюля цесаревичъ Александръ писалъ ему въ Грузино: «Другъ мой Алексѣй Андреевичъ. Я имѣю порученіе отъ государя тебѣ

[1] Записки графа Е. Θ. Комаровскаго. «Историческій Вѣстникъ» 1897 года, т. 69-й, стр. 352—355.

[2] Дворъ въ 1798 году переѣхалъ 6-го августа изъ Петергофа въ Павловскъ. 16-го августа императоръ Павелъ изъ Павловска пріѣхалъ въ Петербургъ. Изъ Зимняго дворца государь, въ сопровожденіи великихъ князей, отправился верхомъ въ Михайловскій замокъ для обозрѣнія построекъ. Потомъ Павелъ Петровичъ присутствовалъ при вахтъ-парадѣ на Царицыномъ лугу, послѣ чего прибылъ къ обѣду въ Таврическій дворецъ. Въ тотъ же день государь съ императрицею обозрѣвалъ Воспитательный домъ; переночевавъ въ Таврическомъ дворцѣ, государь на другой день послѣ развода возвратился въ Павловскъ. 18-го августа дворъ переѣхалъ въ Гатчину.

написать, что онъ имѣетъ нужду до тебя, и чтобы ты пріѣхалъ къ нему. Я отмѣнно радуюсь сему случаю, который мнѣ причинитъ веселіе тебя видѣть, чего уже давно я желаю. Исполнивъ волю государя, не остается другого, какъ пожелать тебѣ отъ искренняго сердца здоровья и хорошаго пути. Прощай, другъ мой! Твой вѣрный другъ». 11-го августа помѣщено было въ приказѣ, что «отставной генералъ-лейтенантъ баронъ Аракчеевъ принятъ паки въ службу съ отданіемъ старшинства и опредѣленіемъ въ свиту его величества». Счастіе съ новымъ блескомъ возсіяло надъ главою Аракчеева.

Отставленный почти въ одно время съ Аракчеевымъ Ф. В. Ростопчинъ также не былъ позабытъ. 24-го августа послѣдовалъ приказъ: «Отставной генералъ-адъютантъ Ростопчинъ принятъ паки въ службу генералъ-лейтенантомъ съ отданіемъ старшинства и назначеніемъ въ свиту его величества». Окончательно новое служебное поприще Ростопчина опредѣлилось указомъ 24-го октября, по которому онъ пожалованъ былъ въ дѣйствительные тайные совѣтники съ повелѣніемъ присутствовать третьимъ въ коллегія иностранныхъ дѣлъ. Ненавистный Ростопчину вице-канцлеръ князь Александръ Борисовичъ Куракинъ уволенъ былъ отъ всѣхъ дѣлъ еще 9-го сентября 1798 года.

5-го сентября судьба графа Буксгевдена была окончательно рѣшена. Бывшій военный губернаторъ получилъ отставку, но, во вниманіе участія его въ 67-ми сраженіяхъ, ему былъ сохраненъ мундиръ. Графъ Буксгевденъ немедленно удалился въ принадлежавшій ему замокъ Лоде, въ которомъ нѣкогда умерла Зельмира; къ семейству его добровольно присоединилась Е. И. Нелидова. Опальная камеръ-фрейлина, по словамъ князя Лобанова, поняла, что ей невозможно бороться съ молодою соперницею; не желая сохранять при дворѣ положеніе второстепенное и умаленное (position secondaire et effacée), она предпочла удалиться... Паденіе Нелидовой было столь же важнымъ событіемъ, какимъ является перемѣна министерства; оно повлекло за собою смѣщеніе всѣхъ близкихъ къ ней людей или же державшихся, благодаря ея вліянію. Недруги Нелидовой могли торжествовать, нисколько не подозрѣвая, къ какому роковому исходу приведетъ все случившееся въ 1798 году... Двери всевозможнымъ новымъ интригамъ широко раскрылись, и стоявшіе въ нихъ царедворцы принялись усердно топить другъ друга. Среди этой толпы, рукоплескавшей исчезновенію Нелидовой, одинъ баронъ Петръ Алексѣевичъ фонъ-деръ-Паленъ зналъ, чего онъ хотѣлъ, зналъ, къ чему онъ стремился; остальные, обуреваемые своими мелкими эгоистическими расчетами, не вѣдали даже, что творятъ. Невольно припоминаются слова, нѣкогда сказанныя А. П. Волынскимъ: намъ, русскимъ, не надобенъ хлѣбъ: мы другъ друга ѣдимъ и отъ того сыты бываемъ.

Господствовавшій въ умахъ страхъ не мѣшалъ, какъ пишетъ И. И. Дмитріевъ, «коварнымъ царедворцамъ строить ковы другъ противъ друга, выслуживаться тайными доносами и возбуждать недовѣрчивость въ государѣ, по природѣ добромъ, щедромъ, но вспыльчивомъ. Отъ того происходили скоропостижныя паденія чиновныхъ особъ, внезапныя выселки изъ столицы даже и отставныхъ изъ знатнаго и средняго круга, уже нѣсколько лѣтъ наслаждавшихся спокойствіемъ скромной, независимой жизни» [1].

IV.

Полное торжество, увѣнчавшее собою интригу 1798 года, опредѣлило начало новаго періода въ царствованіи императора Павла Петровича. Съ этимъ періодомъ совпало и новое направленіе, приданное внѣшней политикѣ Россіи, быстро утратившей первоначальный миролюбивый характеръ. Вмѣстѣ съ тѣмъ международныя отношенія имперіи усложнились совершенно своеобразными соображеніями, вызванными появленіемъ на исторической сценѣ фантасмагоріи мальтійскаго великаго магистерства.

Генералъ Бонапартъ, отправляясь въ 1798 году въ Египетскую экспедицію, захватилъ мимоходомъ Мальту: великій магистръ Гомпешъ сдалъ французамъ, безъ всякаго сопротивленія, островъ съ укрѣпленіями, съ артиллеріею, съ кораблями, съ запасами и удалился въ Тріестъ. Сдача Мальты вызвала сильнѣйшій гнѣвъ императора Павла, какъ протектора ордена, и сопровождалась, 26-го августа, протестомъ со стороны русскаго великаго пріорства и манифестомъ «du grand prieuré de Russie». Петербургское собраніе мальтійскихъ кавалеровъ протестовало противъ сдачи Мальты и, объявивъ Гомпеша лишеннымъ гросмейстерскаго достоинства, предоставило судьбу ордена на волю его протектора императора Павла. Въ отвѣтъ на манифестъ мальтійскаго ордена послѣдовала, 10-го сентября 1798 года, декларація императора Павла, по которой онъ принималъ орденъ святого Іоанна Іерусалимскаго подъ свое верховное руководство (sous notre suprême direction).

Дворъ въ этомъ году переѣхалъ изъ Гатчины въ Петербургъ ранѣе обыкновеннаго, а именно 29-го сентября [2]; причиною тому было присутствіе

[1] Взглядъ на мою жизнь. Стр. 149—150.

[2] Въ 1798 году не было большихъ маневровъ. Въ приказѣ отъ 30-го августа государь объявилъ свое благоволеніе всей инфантеріи за «школьный маневръ». Въ томъ же приказѣ сказано было, что государь «за особенную честь и удовольствіе поставляетъ, находя всю гвардію подъ особенною своею командою въ такомъ совершен-

въ столицѣ Анны Петровны Лопухиной. 3-го октября былъ въ Зимнемъ дворцѣ балъ, на которомъ Анна Петровна ужинала въ первый разъ при дворѣ. Императоръ и великіе князья «за столъ садиться не изволили, а въ продолженіе сего времени проводить изволили обозрѣваніемъ засѣдающихъ при столѣ персонъ», сказано въ камеръ-фурьерскомъ журналѣ. По отзыву Ф. В. Ростопчина въ письмѣ къ графу С. Р. Воронцову: «C'est une passion du temps de la chevalerie, et jamais l'empereur ne la voit autrement qu'en public ou en présence de son père et de sa bellemère» [1].

Рыцарскія тенденціи Павла Петровича отразились и на дальнѣйшемъ ходѣ русской политики. Коалиціи удалось наконецъ выманить русскія войска за границу: съ 13-го по 20-е октября корпусъ Розенберга постепенно переходилъ Бугъ у Бреста, направляясь черезъ Люблинъ, Краковъ и Брюннъ на Кремсъ. Это движеніе послужило прологомъ борьбы, завязавшейся вскорѣ на поляхъ Италіи и среди Альпъ, которая со временемъ привела всю континентальную Европу въ Кремль, а нашу армію въ Парижъ. Съ этого времени за русскою арміею надолго упрочилось наименованіе дивизіи «de la grande armée de la bonne cause».

29-го ноября 1798 года, совершилось другое событіе огромной важности: императору Павлу благоугодно было принять достоинство великаго магистра державнаго ордена св. Іоанна Іерусалимскаго. Въ этотъ день состоялась въ Зимнемъ дворцѣ торжественная аудіенція депутаціи капитула ордена, которя поднесла императору корону и регаліи великомагистерскія. Государь и великіе князья Александръ и Константинъ, а также и всѣ кавалеры ордена, въ ознаменованіе присяги, воздѣвали шляпы, обнажали и уклоняли шпаги, а знаменоносецъ—орденское знамя. Въ тотъ же день появился манифестъ новаго великаго магистра, въ которомъ установлялось «новое заведеніе ордена св. Іоанна Іерусалимскаго въ пользу благороднаго дворянства имперіи Всероссійской», чтобы открыть для него новый способъ къ поощренію честолюбія на распространеніе подвиговъ, «отечеству полезныхъ и намъ угодныхъ». На это новое заведеніе повелѣно было ежегодно отпускать 216.000 рублей [2].

16-го декабря 1798 года, появился по поводу событія, совершившагося 29-го ноября, еще слѣдующій манифестъ:

ствѣ». На другой день, 31-го августа, объявленъ былъ рекрутскій наборъ съ 1-го ноября по 1 рекруту съ 500 душъ.

[1] Архивъ князя Воронцова, книга 18-я, стр. 275. (Письмо отъ 2-го ноября 1798 года).

[2] Основанія новаго заведенія наложены были въ этомъ манифестѣ въ 12-ти статьяхъ.

«По общему желанію и просьбѣ всѣхъ членовъ знаменитаго ордена св. Іоанна Іерусалимскаго, принявъ въ третьемъ году на себя званіе покровителя того ордена, не могли мы увѣдомиться безъ крайняго соболѣзнованія о малодушной и безоборонной сдачѣ укрѣпленій и всего острова Мальты французамъ, непріятельское нападеніе на сей островъ учинившимъ, при самомъ, такъ сказать, ихъ появленіи; и не могли мы почесть инако подобный поступокъ, какъ наносящій вѣчное безславіе виновникамъ онаго, оказавшимся чрезъ то недостойными почести, которая была наградою вѣрности и мужества. Въ семъ образѣ точно представлено происшествіе сіе не только кавалерами того ордена великаго пріорства россійскаго, но и другими благонамѣренными его членами. Обнародовавъ отвращеніе свое отъ толь предосудительнаго поведенія недостойныхъ быть болѣе ихъ собратіею, изъявили они свое единогласное желаніе, чтобы мы воспріяли на себя званіе великаго магистра, которому мы торжественно и удовлетворили, опредѣляя главное мѣсто пребыванія того ордена въ императорской нашей столицѣ, имѣя непремѣнное намѣреніе, чтобъ орденъ сей не токмо сохраненъ былъ при его прежнихъ установленіяхъ и преимуществахъ, но чтобъ въ почтительномъ своемъ состояніи на будущія времена споспѣшествовалъ той доброй цѣли, на которую основанъ оный былъ для пользы общей. Повелѣваемъ о таковомъ воспріятіи нами качества великаго магистра ордена св. Іоанна Іерусалимскаго опубликовать во всей имперіи нашей и оное внести, гдѣ приличествуетъ, въ титулы наши».

По поводу титула еще ранѣе, 15-го декабря 1798 года, послѣдовалъ особенный указъ сенату, въ которомъ сказано было: «Прокламаціею, учиненною предъ нами ноября въ 29-й день, принявъ мы на себя титулъ великаго магистра, издревле столь знаменитаго и почтенія достойнаго ордена святаго Іоанна Іерусалимскаго, высочайше повелѣваемъ сенату нашему включить оной въ императорскій титулъ нашъ, предоставляя синоду помѣстить оный по его благоусмотрѣнію». Впослѣдствіи, 23-го февраля 1799 года, повелѣно было къ новому титулу прибавить еще слово «державный».

Аббатъ Жоржель, прибывшій въ Петербургъ съ депутаціею по случаю избранія императора Павла великимъ магистромъ, высказываетъ въ своихъ запискахъ слѣдующее заключеніе по случаю совершившагося 29-го ноября 1798 года изумительнаго событія: «L'empereur de Russie, séparé de la communion romaine par le schisme de Photius, devenant grand-maître d'un ordre religieux et militaire, ayant le Pape pour premier supérieur, parut un phénomène aux yeux de l'Europe étonnée» [1].

[1] Georgel: Mémoires pour servir à l'histoire des événements de la fin du XVII siècle. Paris. 1818, t. 6, p. 200. То же самое повторено въ сочиненіи Жоржеля: Voyage à Saint-Pétersbourg en 1799—1800. Par l'abbé Georgel, p. 200.

Дипломаты не сразу оцѣнили послѣдствія, связанныя съ принятіемъ императоромъ Павломъ великаго магистерства; даже такой опытный дѣлецъ, какъ англійскій посолъ Витвортъ, не составлялъ въ этомъ отношеніи исключенія. Онъ нисколько не предусмотрѣлъ, къ какимъ политическимъ усложненіямъ можетъ привести этотъ новый элементъ, призванный сыграть столь рѣшительную роль въ русской политикѣ того времени. Въ 1797 году Витвортъ видѣлъ въ этомъ явленіи «un bien réel et une vertu de plus dans l'empereur, celle de maintenir et faire honneur aux anciennes institutions». Даже въ 1799 году Витвортъ писалъ еще графу С. Р. Воронцову не безъ восторга и удовольствія: «C'est à lui-à Paul Premier que les deux extrémités de l'Europe devront leur salut» [1].

Бернгарди въ своей исторіи Россіи называетъ страннымъ, причудливымъ планомъ это стремленіе Павла пересадить мальтійскій орденъ на русскую почву, чуждую культурной жизни среднихъ вѣковъ, чуждую рыцарства и рыцарскихъ идей. По остроумному объясненію русскаго дипломата позднѣйшаго времени, новый великій магистръ смотрѣлъ на это учрежденіе, какъ на послушничество (noviciat), въ которомъ дворянство всѣхъ европейскихъ государствъ должно было почерпать чувства чести и вѣрности, необходимыя ему для того, чтобы противиться воцаренію идеи равенства, которая уже готова была охватить всѣ слои общества [2].

Если принятіе русскимъ императоромъ званія великаго магистра ордена, утратившаго всякое политическое значеніе, могло удивить Европу, то она не менѣе удивлена была еще другимъ небывалымъ дотолѣ событіемъ: 23-го декабря 1798 года заключенъ былъ Россіею союзный и оборонительный договоръ съ Оттоманскою Портою. Къ крайнему изумленію правовѣрныхъ, черноморскій флотъ вступилъ въ Босфоръ и проходилъ подъ стѣнами сераля въ качествѣ союзника падишаха. Такимъ образомъ, къ европейской коалиціи, образовавшейся противъ республиканской Франціи, присоединилась также Турція, чтобы совмѣстными силами покарать державу, въ которой, какъ выразился императоръ Павелъ, «развратныя правила и буйственное воспаленіе разсудка» попрали Законъ Божій и повиновеніе установленнымъ властямъ.

А. Васильчаковъ замѣчаетъ: «Съ какою-то болѣзненною поспѣшностію самодержецъ всероссійскій, первый сынъ и даже, какъ онъ воображалъ себѣ, глава православной церкви, женатый, отецъ семейства, провозгласилъ себя гроссмейстеромъ Мальтійскаго ордена, основами котораго были безбрачіе и латинство». (Семейство Разумовскихъ, т. III, стр. 284).

[1] Архивъ князя Воронцова, книга 29-я, стр. 367 и 381.

[2] Баронъ Бруниовъ: «Aperçu des transactions politiques du cabinet de Russie». (Сборникъ И. Р. И. О., т. 31-й, стр. 234). Прочитавъ объясненіе, сдѣланное Брунновымъ, императоръ Николай Павловичъ написалъ на рукописи: «C'est la première fois que j'ai compris l'idée de mon père».

4-го февраля 1799 года императоръ Павелъ писалъ Суворову:

«Сейчасъ получилъ я, графъ Александръ Васильевичъ, извѣстіе о настоятельномъ желаніи вѣнскаго двора, чтобы вы предводительствовали арміями его въ Италіи, куда и мои корпусы Розенберга и Германа идутъ. Итакъ посему и при теперешнихъ обстоятельствахъ долгомъ почитаю не отъ своего только лица, но отъ лица и другихъ, предложить вамъ взять дѣло и команду на себя и прибыть сюда для отъѣзда въ Вѣну».

Съ этимъ письмомъ пріѣхалъ въ Кончанское, 6-го февраля, флигель-адъютантъ Толбухинъ. Сборы Суворова на этотъ разъ были непродолжительны. 7-го февраля графъ выѣхалъ изъ деревни и 9-го прибылъ въ Петербургъ; онъ былъ вновь зачисленъ на службу съ чиномъ генералъ-фельдмаршала, но безъ объявленія въ приказѣ—обстоятельство, довольно странное, на которое нельзя не обратить вниманія.

На этотъ разъ Суворовъ не причинилъ государю никакихъ преднамѣренныхъ непріятностей. «Такимъ образомъ, онъ не прикидывался недоумѣвающимъ или изумленнымъ при видѣ новыхъ порядковъ, формъ и уставовъ, не затруднялся снимать шляпу, не путался со шпагой, садясь въ карету, не производилъ никакого замѣшательства на разводѣ» [1].

Императоръ возложилъ на Суворова большой крестъ ордена святого Іоанна Іерусалимскаго, съ подобающей церемоніей, при чемъ фельдмаршалъ стоялъ на колѣняхъ.

Суворовъ встрѣтилъ въ Петербургѣ восторженный пріемъ со стороны всѣхъ слоевъ общества. Всѣ бросились къ нему на поклонъ, друзья и недруги. Въ числѣ послѣднихъ лицъ былъ и Николевъ [2]. Суворовъ назвалъ Николева «первымъ своимъ благодѣтелемъ» и велѣлъ своему Прохору посадить его «выше всѣхъ». «Прохоръ взмостилъ стулъ на диванъ, заставилъ Николева сѣсть на это дѣйствительно «высокое мѣсто», при громкомъ смѣхѣ присутствовавшихъ, и Суворовъ почтилъ своего сконфуженнаго гостя изысканными поклонами» [3].

Въ концѣ февраля Суворовъ выѣхалъ изъ Петербурга въ Вѣну.

Въ 1799 году награды продолжали сыпаться на лицъ, удостоенныхъ ближайшаго довѣрія императора Павла. Болѣе всѣхъ удостоился благоволенія государя генералъ-прокуроръ П. В. Лопухинъ. 19-го января послѣдовалъ указъ сенату, въ которомъ изображено: «Въ несомнѣнный знакъ нашего монаршаго благоволенія и въ воздаяніе вѣрности и усердія къ службѣ нашей дѣйствительнаго тайнаго совѣтника и генералъ-про-

1 Генералиссимусъ князь Суворовъ, т. 3-й, стр. 9.

2 19-го августа 1798 года Николевъ за оказанное въ службѣ усердіе пожалованъ былъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники.

3 Генералиссимусъ князь Суворовъ, т. 3-й, стр. 10.

курора Лопухина, всемилостивѣйше пожаловали мы его княземъ имперіи нашей, распространяя достоинство и титулъ сей на все потомство, отъ него, Лопухина, происходящее, мужеска и женска пола». Затѣмъ ему дарованъ былъ еще титулъ свѣтлости, староство Корсунь, портретъ государя, бриліантовые знаки ордена св. Андрея Первозваннаго и орденъ св. Іоанна Іерусалимскаго[1] большаго креста, алмазами украшеннаго; кромѣ того, позволено ему было употреблять для ливреи цвѣта, присвоенные придворной ливреѣ. И все это дано было не за заслуги, а по одному благоволенію. 7-го іюля 1799 года князь Лопухинъ по прошенію уволенъ былъ отъ всѣхъ дѣлъ и замѣненъ сенаторомъ Александромъ Андреевичемъ Беклешевымъ, пожалованнымъ вмѣстѣ съ тѣмъ кавалеромъ св. Іоанна Іерусалимскаго большаго креста.

Замѣтимъ здѣсь, что въ бытность П. В. Лопухина генералъ-прокуроромъ, 18-го ноября, изданъ былъ указъ объ избавленіи отъ тѣлеснаго наказанія людей, имѣющихъ болѣе 70-ти лѣтъ. И. И. Дмитріевъ приписываетъ паденіе князя Лопухина Кутайсову, который, «несмотря на женитьбу сына его (графа Павла Ивановича Кутайсова) на дочери князя Лопухина (Прасковіи Петровнѣ), успѣлъ низложить и своего свата. Подозрѣвали, что онъ только былъ орудіемъ другихъ недоброжелательствующихъ князю»[2].

22-го февраля 1799 года, пожаловано было графское достоинство: 1) статсъ-дамѣ Ливенъ, 2) барону фонъ-деръ-Палену[3], 3) вице-президенту адмиралтействъ-коллегіи Кушелеву, 4) Ф. В. Ростопчину. Кромѣ того, И. П. Кутайсовъ, пожалованный 6-го декабря 1798 года егермейстеромъ, получилъ 22-го февраля баронское достоинство. Эти награды не помѣшали Кутайсову 5-го мая 1799 года быть пожалованнымъ графомъ, а 9-го января 1800 года оберъ-шталмейстеромъ.

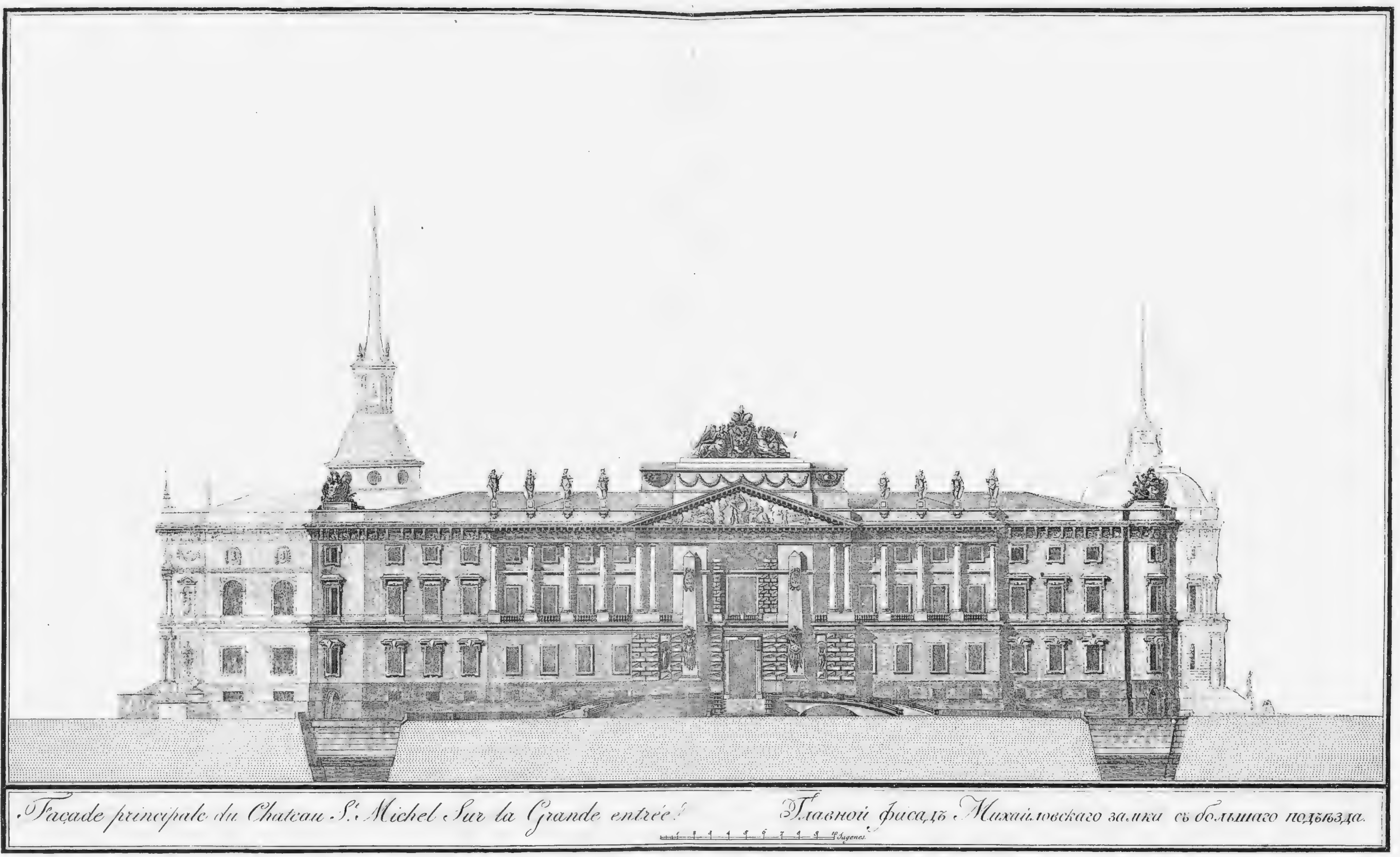
31-го мая 1799 года, на имя графа Ростопчина послѣдовалъ слѣдующій указъ: «Для приведенія въ желаемый нами порядокъ почтоваго департамента вообще, всемилостивѣйше повелѣваемъ быть главнымъ директоромъ онаго дѣйствительному тайному совѣтнику графу Ростопчину и по всѣмъ дѣламъ относиться безпосредственно къ намъ, оставляя въ прежнихъ должностяхъ». 29-го іюня 1799 года, графъ Ростопчинъ получилъ еще орденъ св. Андрея Первозваннаго, а 25-го сентября ему повелѣно было быть первымъ присутствующимъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ[4].

[1] Еще ранѣе П. В. Лопухинъ пожалованъ былъ императоромъ Павломъ кавалеромъ орденовъ св. Андрея Первозваннаго и св. Анны.

[2] Взглядъ на мою жизнь. Стр. 143.

[3] Незадолго до этой награды Паленъ получилъ 27-го ноября 1798 года орденъ св. Андрея Первозваннаго.

[4] Кромѣ того, императоръ Павелъ наградилъ также отца графа Ростопчина. 29-го апрѣля 1799 года послѣдовалъ указъ: «За вѣрность и преданность нашего дѣй-

Façade principale du Chateau S.t Michel Sur la Grande entrée!

Главной фасадъ Михайловскаго замка съ большаго подъѣзда.

Баронъ Аракчеевъ также не былъ обиженъ. Въ одинъ день съ Кутайсовымъ, 5-го мая 1799 года, ему было пожаловано графское достоинство. Сверхъ того, новый гербъ Аракчеева украсился девизомъ, собственноручно написаннымъ императоромъ Павломъ: «Безъ лести преданъ». Еще ранѣе, 4-го января 1799 года, Аракчеевъ назначенъ былъ командиромъ гвардіи артиллерійскаго баталіона и инспекторомъ всей артиллеріи, а 5-го января награжденъ орденомъ св. Іоанна Іерусалимскаго, съ командорствомъ по 1.000 рублей въ годъ [1].

Д. Б. Мертваго въ своихъ запискахъ оставилъ намъ слѣдующую характеристику Аракчеева:

«За обученіе его россійской грамотѣ и ариѳметикѣ заплачено, какъ самъ онъ сказывалъ, одна четверть ржи и двѣ четверти овса... Неусыпное прилежаніе къ должности сего человѣка, исправное исполненіе всѣхъ приказаній, а паипаче строгихъ, было способомъ къ полученію всѣхъ отличій и личныхъ милостей... Главнѣйшая же бѣда въ томъ, что онъ познавалъ науку правительствовать отъ бывшаго наслѣдника (Павла Петровича), ожесточеннаго и всю силу свою и достоинство власти основывавшаго единственно на чистомъ самовластіи.—Судя по воспитанію и ходу фортуны графа Аракчеева, слѣдуетъ заключить, что имѣетъ онъ умъ нравиться тому, кому слѣдуетъ» [2].

Но, несмотря на благоволеніе императора, въ томъ же 1799 году служебное возвышеніе Аракчеева вторично прервалось. Невзгоды, постигшія его уже разъ, въ 1798 году, конечно, не измѣнили ни характера, ни служебныхъ пріемовъ гатчинскаго капрала. Аракчеевъ попрежнему являлся придирчивымъ, жестокимъ начальникомъ, заботившимся болѣе о томъ, чтобы находить безпорядки и неисправности, нежели отдавать должное разумному усердію и истиннымъ заслугамъ подчиненныхъ; своимъ недовѣрчивымъ отношеніемъ онъ отравлялъ охоту къ службѣ и истреблялъ любовь къ ней. Не имѣя въ душѣ ни къ кому снисхожденія, онъ утомлялъ и раздражалъ государя донесеніями о мелочныхъ отступленіяхъ отъ порядка службы. Наконецъ, наговоры и жалобы, доходившіе до его державнаго покровителя, подготовили почву для вожделѣннаго избавленія русскаго воинства отъ этого гатчинскаго

ствительнаго тайнаго совѣтника графа Ростопчина еще въ знакъ нашего къ нему благоволенія всемилостивѣйше жалуемъ отца его, отставного майора Ростопчина, въ наши дѣйствительные статскіе совѣтники, увольняя его отъ всѣхъ дѣлъ».

[1] «Можно себѣ представить скотски грубаго (bis zur Bestialität rohen) Аракчеева въ качествѣ мальтійскаго рыцаря!.. Было бы почти столь же подходящимъ произвести его въ трубадуры!» пишетъ Бернгарди: Geschichte Russlands. Leipzig, 1875, t. 2, Abtheilung 2, p. 391.

[2] Записки Дмитрія Борисовича Мертваго (1760—1824). Москва, 1867. Стр. 232—234. Эти записки были напечатаны въ «Русскомъ Архивѣ» 1867 года.

бича. Предвѣстникомъ приближавшейся бури можно считать приказъ отъ 10-го сентября 1799 года, въ которомъ инспектору всей артиллеріи графу Аракчееву сдѣланъ былъ выговоръ «за несмотрѣніе за тѣмъ, что служители гарнизонныхъ артиллерійскихъ Роченсальмскихъ ротъ не были удовлетворены слѣдующимъ имъ».

Окончательная катастрофа произошла вскорѣ по собственной винѣ графа Аракчеева.

Въ артиллерійскомъ арсеналѣ хранилась старинная колесница для артиллерійскаго штандарта, обитая бархатомъ съ золотыми кистями и галуномъ. Какой-то артиллерійскій солдатъ, найдя возможность пролѣзть сквозь довольно рѣдкую чугунную рѣшетку окна, обрѣзалъ галунъ и кисти и унесъ ихъ незамѣтно отъ стоявшаго при арсенальномъ зданіи караула [1]. Въ то время ни одинъ малѣйшій случай неисправности не могъ скрыться отъ вниманія императора Павла, и графу Аракчееву, по званію инспектора всей артиллеріи, надлежало немедленно донести о покражѣ въ арсеналѣ государю. Въ настоящемъ случаѣ Аракчеевъ былъ поставленъ въ весьма затруднительное положеніе: родной братъ его, генералъ-майоръ Андрей Андреевичъ, командовалъ артиллерійскимъ баталіономъ, отъ котораго стоялъ караулъ при арсеналѣ во время случившейся покражи [2] Аракчеевъ донесъ государю, что во время происшествія караулъ былъ наряженъ отъ полка генералъ-лейтенанта Вильде. Императоръ повелѣлъ немедленно отставить Вильде отъ службы. Дѣйствительно, въ приказѣ отъ 30-го сентября сказано было: «По дѣлу о покражѣ въ Санктпетербургскомъ арсеналѣ генералъ-лейтенантъ Вильде и генералъ-майоръ Гермерсъ отставляются отъ службы». Пострадавшій невинно генералъ обратился тогда къ защитѣ графа Кутайсова и объяснилъ ему безчестный поступокъ Аракчеева. Кутайсовъ поспѣшилъ открыть императору Павлу истину. Въ тотъ самый день, 30-го сентября, вечеромъ, былъ у государя балъ въ Гатчинѣ. Аракчеевъ, ничего не подозрѣвая, явился во дворецъ, но лишь только государь его увидѣлъ, какъ послалъ чрезъ генералъ-адъютанта Котлубицкаго приказаніе ѣхать Аракчееву домой. На слѣдующее утро, 1-го октября 1799 года, послѣдовалъ высочайшій приказъ:

«Генералъ-лейтенантъ графъ Аракчеевъ 1-й за ложное донесеніе о безпорядкахъ и что въ противность устава нарядилъ дежурнымъ

[1] М. А. Богдановичъ: Исторія царствованія императора Александра I и Россіи въ его время. С.-Петербургъ, т. 2-й, стр. 50 (случай, подавшій поводъ къ удаленію Аракчеева въ царствованіе императора Павла. Изъ записокъ П. А. Тучкова).

[2] 15-го ноября 1796 года братъ Алексѣя Андреевича Аракчеева, служившій подпоручикомъ въ полевой артиллеріи, былъ переведенъ въ гвардейскую артиллерію капитаномъ.

штабъ-офицера изъ другого баталіона, а не отъ того, который стоялъ тогда въ караулѣ, отставляется отъ службы.

«Генералъ-майоръ Аракчеевъ 2-й за случившуюся покражу въ арсеналѣ во время бытности тамъ въ караулѣ его баталіона отставляется отъ службы.

«Генералъ-лейтенантъ Вильде и генералъ-майоръ Гермерсъ принимаются попрежнему въ службу, первый шефомъ въ бывшій артиллерійской Бегичева 1-го баталіонъ, а послѣдній командиромъ онаго.

«Генералъ-лейтенанту Амбразанцову быть инспекторомъ всей артиллеріи и командиромъ гвардіи артиллерійскаго баталіона» [1].

Графу Аракчееву оставалось одно—вторично удалиться въ Грузино и ожидать тамъ новаго счастливаго оборота въ своей судьбѣ; отъѣздомъ своимъ Алексѣй Андреевичъ, однако, не спѣшилъ, судя по письму къ нему цесаревича Александра Павловича отъ 15-го октября 1799 года.

«Я надѣюсь, другъ мой», писалъ Александръ изъ Гатчины, «что мнѣ нужды нѣтъ при семъ несчастномъ случаѣ возобновить увѣреніе о моей непрестанной дружбѣ; ты имѣлъ довольно опытовъ объ оной, и я увѣренъ, что ты объ ней и не сомнѣваешься. Повѣрь, что она никогда не перемѣнится. Я справлялся вездѣ о помянутомъ ложномъ донесеніи, но никто объ немъ ничего не знаетъ, и никакой бумаги такого рода ни отъ кого совсѣмъ въ государеву канцелярію не входило; а государь, призвавши Ливена, продиктовалъ ему самъ тѣ слова, которыя стоятъ въ приказѣ [2]. Если что-нибудь было, то съ побочной стороны. Но я вижу по всему дѣлу, что государь воображалъ, что покража въ арсеналѣ была сдѣлана по иностраннымъ наученіямъ. И такъ какъ воры уже сысканы, какъ уже, я думаю, тебѣ и извѣстно, то онъ ужасно удивился, что обманулся въ своихъ догадкахъ. Онъ за мною тотчасъ прислалъ и заставилъ пересказать, какъ покража сдѣлалась, послѣ чего сказалъ мнѣ: я былъ все увѣренъ, что это по иностраннымъ проискамъ. Я ему на это отвѣчалъ, что иностраннымъ мало пользы будетъ въ пяти старыхъ штандартахъ. Тѣмъ и кончилось. Про тебя же ни слова мнѣ не гово-

[1] Въ томъ же приказѣ отъ 1-го октября 1799 года читаемъ еще: «Адъютантъ его императорскаго высочества Александръ Павловича, генералъ-майоръ Апрѣлевъ, по дѣлу, по которому генералъ-лейтенантъ графъ Аракчеевъ отставленъ, отставляется отъ службы».

Апрѣлевъ пользовался покровительствомъ Аракчеева и по его выбору поступилъ въ 1793 году въ гатчинскую артиллерію, а въ 1797 году назначенъ былъ адъютантомъ къ цесаревичу.

[2] Въ это время высочайшіе приказы подписывались уже не цесаревичемъ Александромъ и Аракчеевымъ, какъ это имѣло мѣсто въ началѣ царствованія императора Павла, а генералъ-адъютантомъ графомъ Христофоромъ Андреевичемъ Ливеномъ; онъ былъ произведенъ 27-го іюня 1798 года въ генералъ-майоры и назначенъ генералъ-адъютантомъ.

рилъ, и видно, что ему сильныя внушенія на тебя сдѣланы, потому что я два раза просилъ за Апрѣлева, который и дѣла совсѣмъ съ тѣмъ не имѣлъ, но онъ ни подъ какимъ видомъ не хотѣлъ согласиться, не почему иному, кажется, какъ потому, что Апрѣлевъ отъ тебя шелъ. Прощай, другъ мой, Алексѣй Андреевичъ! не забывай меня, будь здоровъ и думай, что у тебя вѣрный во мнѣ другъ остается».

Къ несчастію для Россіи, все высказанное въ приведенномъ письмѣ было не одни слова. «Вѣрный другъ» такимъ и остался въ наступавшемъ новомъ столѣтіи, когда представилась полная возможность согласовать слова съ дѣйствіями.

V.

Въ іюнѣ 1798 года, Викторъ Павловичъ Кочубей, племянникъ князя Безбородки и другъ юности великаго князя Александра Павловича, возвратился въ Петербургъ изъ Константинополя [1]. Императоръ Павелъ принялъ его въ Павловскѣ весьма милостиво и выразилъ желаніе сблизить его съ цесаревичемъ. Приглашая затѣмъ Кочубея часто бывать у Александра, государь прибавилъ, «чтобы онъ былъ у великаго князя то, что у него князь Безбородко, и что такимъ образомъ намъ слѣдовало бы составить une espèce de quatuor» [2]. Кочубею не трудно было исполнить желаніе государя, потому что дружескія отношенія его къ наслѣднику остались въ полной силѣ, а прежнія откровенныя бесѣды могли продолжаться тѣмъ легче послѣ приведенныхъ нами словъ императора.

Въ это время князь Безбородко начиналъ уже изнемогать подъ бременемъ болѣзни, которая свела его вскорѣ въ могилу. Поэтому, по желанію канцлера, Кочубей вступилъ въ управленіе коллегіею иностранныхъ дѣлъ и служилъ ему сотрудникомъ и помощникомъ. 23-го октября 1798 года, Кочубей, послѣ увольненія князя Куракина, назначенъ былъ вице-канцлеромъ съ чиномъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника, а 4-го апрѣля 1799 года ему было пожаловано графское достоинство.

Между тѣмъ здоровье князя Безбородки продолжало внушать все большія опасенія, и 6-го апрѣля 1799 года канцлеръ скончался. Императоръ Павелъ въ это время уже видимо тяготился участіемъ въ дѣ-

[1] Кочубей еще при жизни императрицы Екатерины назначенъ былъ дѣйствительнымъ камергеромъ, а въ 1792 году чрезвычайнымъ посланникомъ и полномочнымъ министромъ въ Константинополь. По воцареніи Павла I, Кочубей пожалованъ былъ въ тайные совѣтники и награжденъ орденомъ св. Александра Невскаго.

[2] Архивъ князя Воронцова. Книга 14-я, стр. 123.

лахъ этого государственнаго ума. Разсказываютъ, что, когда государю доложили о кончинѣ канцлера, при чемъ сказано было: «Россія лишилась Безбородки», Павелъ Петровичъ съ досадою возразилъ: «У меня всѣ Безбородки». Когда же по полученіи печальнаго извѣстія императрица Марія Ѳеодоровна расплакалась, разгнѣванный государь сказалъ ей: «Allez pleurer dans votre chambre. On dirait que l'empire est perdu. Il y a bien des gens capables de le remplacer». Если эти слова и не были, можетъ быть, произнесены столь рѣзкимъ образомъ, то онѣ, во всякомъ случаѣ, въ достаточной мѣрѣ отражаютъ настроеніе и мысли, овладѣвшія въ эту эпоху умомъ императора [1].

Смерть Безбородки, конечно, поколебала положеніе, занятое при дворѣ графомъ Кочубеемъ; къ тому же, государь сталъ находить, что онъ умничаетъ [2]. Поэтому неудивительно, что 8-го августа 1799 года послѣдовалъ указъ сенату такого содержанія: «Вице-канцлера нашего, графа Кочубея, по желанію его, всемилостивѣйше увольняя отъ службы, повелѣваемъ остаться ему при исправленіи должности до пріѣзда тайнаго совѣтника графа Панина».

Графъ Никита Петровичъ Панинъ находился въ это время за границею. Скажемъ нѣсколько словъ о его службѣ съ 1796 года.

Когда воцарился Павелъ Петровичъ, графъ Панинъ былъ генералъ-майоромъ и находился въ Литвѣ подъ начальствомъ князя Репнина. Нерасположеніе къ нему съ 1791 года Павла Петровича отразилось и на дальнѣйшемъ служебномъ поприщѣ графа Панина. Онъ былъ назначенъ шефомъ Псковскаго драгунскаго полка, расположеннаго въ Кексгольмѣ. По ходатайству князя Репнина, ему удалось на-

[1] Карамзинъ писалъ о князѣ Безбородкѣ, что «онъ былъ хорошій министръ, если и не великой.—Вижу въ немъ умъ государственный, ревность, знаніе Россіи.—Жаль, что не было въ Безбородкѣ ни высокаго духа, ни чистой нравственности. Заключимъ обыкновенною поговоркою: нѣтъ совершеннаго!». (Письма Н. М. Карамзина къ И. И. Дмитріеву.—С.-Петербургъ, 1866, стр. 397).

Сперанскій о томъ же государственномъ дѣятелѣ высказалъ слѣдующее мнѣніе: «Въ Россіи въ XVIII столѣтіи было только четыре генія: Меншиковъ, Потемкинъ, Суворовъ и Безбородко, но послѣдній не имѣлъ характера». (Баронъ М. А. Корфъ: Жизнь Сперанскаго. С.-Петербургъ. 1861, т. 2-й, стр. 378).

[2] Взгляды графа Кочубея съ достаточною ясностью выражены въ письмѣ его къ графу С. Р. Воронцову отъ 19-го апрѣля 1799 года, и потому неудивительно, что Павелъ Петровичъ находилъ, что вице-канцлеръ умничаетъ: «L'administration intérieure va au plus mal», писалъ Кочубей.—«L'égoïsme le plus parfait s'est emparé de tout le monde. Chacun ne songe qu'à faire ses choux gras. On entre en place avec l'idée que l'on sera peut-être renvoyé dans trois ou quatre jours et l'on se dit: il faut que demain je me fasse donner des paysans. On est renvoyé avec des paysans, on est ensuite repris, l'on prend d'autres paysans. C'est un petit manège qui se pratique tous les jours» (Архивъ князя Воронцова, книга 18-я, стр. 203).

конецъ перейти на дипломатическое поприще: Панину повелѣно было быть третьимъ членомъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ, а въ день коронаціи Никита Петровичъ пожалованъ былъ въ тайные совѣтники. Затѣмъ, 5-го іюля 1797 года, послѣдовало назначеніе его «чрезвычайнымъ полномочнымъ и посломъ къ прусскому двору».

Задача, предстоявшая въ Берлинѣ графу Панину, была не изъ легкихъ въ виду особенныхъ отношеній, установившихся тогда между Пруссіею и Французскою республикою. 5-го (16-го) ноября 1797 года послѣдовала кончина короля Фридриха-Вильгельма II. Преемникъ его, Фридрихъ-Вильгельмъ III, продолжалъ поддерживать нейтральное положеніе, занятое Пруссіею по отношенію къ Франціи. Подобная политика нисколько не согласовалась съ намѣреніями императора Павла и, какъ было уже нами упомянуто, возбуждала съ его стороны сильнѣйшее неудовольствіе [1].

«До тѣхъ поръ», пишетъ князь Лобановъ, «пока императоръ Павелъ въ своей политикѣ оставался вѣренъ принципамъ мира и умѣренности, провозглашеннымъ имъ при вступленіи на престолъ, то, конечно, нельзя было ожидать никакого важнаго столкновенія между Россіей и Пруссіей. Даже болѣе того, въ іюлѣ 1797 года, уступая внушеніямъ Пруссіи, Павелъ почти рѣшился вступить въ переговоры съ Французскою республикою, но настойчивыя представленія кабинетовъ лондонскаго и вѣнскаго, ходатайство и убѣжденія французскихъ эмигрантовъ, которымъ императоръ оказалъ великодушное гостепріимство, быстрое распространеніе революціонныхъ идей, угрожавшее спокойствію всѣхъ европейскихъ монархій, и, наконецъ, личный горячій и неудержимый характеръ Павла придали его дѣйствіямъ совершенно противоположное направленіе. Онъ вообразилъ, что призваніе его состоитъ въ томъ, чтобы возстановить все то, что было разрушено французскою революціею, и возвести низверженныхъ ею вѣнценосцевъ опять на ихъ престолы.

«18-го (29-го) декабря 1798 года былъ заключенъ союзъ между Россіею и Англіею. Обѣ державы взаимно обязывались употребить все свое вліяніе на то, чтобы убѣдить Пруссію возстать вмѣстѣ съ ними противъ Французской республики.

[1] Когда Австрія и Пруссія обратились къ императору Павлу съ просьбою принять на себя посредничество для устройства дѣлъ германской имперіи, то для сближенія этихъ двухъ державъ между собою государь назначилъ уполномоченнымъ для предстоявшихъ въ Берлинѣ конференцій фельдмаршала князя Репнина. Это повелѣніе не могло быть пріятнымъ честолюбивому графу Панину. Конференціи начались въ маѣ 1798 года и не привели къ желаемой цѣли. Въ августѣ того же года князь Репнинъ отправился въ Вѣну. По возвращеніи въ Россію, князь Репнинъ впалъ въ немилость и былъ уволенъ отъ службы съ позволеніемъ носить общій армейскій мундиръ. Фельдмаршалъ удалился въ Москву, гдѣ умеръ 12-го мая 1801 года, въ царствованіе императора Александра I.

«Вслѣдствіе этого договора сдѣлано было берлинскому кабинету самое заманчивое предложеніе: Павелъ обязывался отдать въ распоряженіе Пруссіи, подъ начальствомъ князя Сергѣя Голицына, армію въ 40.000 человѣкъ, приведенную уже на военное положеніе, собравъ ее на границѣ Пруссіи; обѣщалъ принять живое участіе въ возстановленіи Оранскаго дома и сверхъ этого поддержать всѣми силами проектъ вознагражденія, какое Пруссія найдетъ для себя достаточнымъ. Ничто не помогло. Графъ Панинъ отъ имени Россіи и лордъ Гренвиль отъ имени Англіи понапрасну истощали всѣ доводы, чтобы склонить на свою сторону графа Гаугвица и другихъ лицъ вліятельныхъ при дворѣ. Съ самыхъ первыхъ шаговъ Панинъ и Гренвиль встрѣтили пассивное, но упорное сопротивленіе. Берлинскій кабинетъ надѣялся изъ базельскаго трактата и дополнительныхъ къ нему условій извлечь не менѣе значительныя выгоды, не рискуя разрывомъ съ Французскою республикою.

«Представители союзныхъ державъ на всѣ предложенія свои получали самые уклончивые отвѣты и никакими усиліями не могли они вывести Пруссію изъ принятаго ею нейтральнаго положенія.

«Такое упорство прусскаго кабинета было тѣмъ досаднѣе для Павла, что въ это время австро-русскія войска уже одерживали въ Италіи побѣду за побѣдой. Суворовъ повсюду разбивалъ французовъ; благодарственные молебны не прерывались въ резиденціи императора въ Павловскѣ. Минута была рѣшительная. Казалось, что содѣйствіе Пруссіи на сѣверѣ должно было окончательно рѣшить торжество союзниковъ. При такихъ обстоятельствахъ нерѣшительное, двусмысленное положеніе, принятое берлинскимъ кабинетомъ, почти до бѣшенства раздражало Павла».

Берлинскіе переговоры кончились тѣмъ, что императоръ отозвалъ Панина въ Петербургъ и писалъ ему 25-го іюля 1799 года изъ Петергофа: «Мы будемъ дѣйствовать силою оружія, а его прусское величество можетъ смотрѣть на все происходящее въ Европѣ и увѣрять себя часъ отъ часу болѣе, что вездѣ и во всемъ я безъ него могу обойтиться... Теперь вы можете продолжать лѣченіе ваше у водъ и по окончаніи его возвратитесь сюда, миссія ваша бывъ совершенно окончена» [1].

25-го сентября 1799 года, по прибытіи въ Петербургъ, графъ Панинъ вступилъ въ исправленіе обязанностей вице-канцлера, а 7-го января 1800 года назначенъ былъ вице-канцлеромъ и пожалованъ въ дѣй-

[1] Гнѣвъ императора Павла на Пруссію былъ настолько великъ, что въ тотъ же день, 25-го іюля, государь писалъ повѣренному въ дѣлахъ Сиверсу, оставшемуся въ Берлинѣ: «Послѣ происшедшаго съ графомъ Панинымъ и министерствомъ его прусскаго величества нахожу нужнымъ, чтобы миссія Берлинская, бывъ уничтожена, возвратилась сюда, что вы и исполните, взявъ съ собою весь архивъ».

ствительные тайные совѣтники. Но честолюбивый Панинъ едва ли былъ доволенъ занимаемою имъ должностію.

Первоприсутствующимъ въ коллегіи иностранныхъ дѣлъ оказался его злѣйшій врагъ, графъ Ростопчинъ, который присвоилъ вице-канцлеру совершенно пассивныя обязанности. Ростопчинская комбинація, утвержденная Павломъ, состояла въ томъ, что ни одинъ посланникъ не могъ передавать сообщеній своего правительства ни лично государю, ни первоприсутствующему въ коллегіи. Всѣ они въ своихъ переговорахъ должны были обращаться къ вице-канцлеру, который, не имѣя личнаго доклада у государя, обязанъ былъ доводить до высочайшаго свѣдѣнія представленія, сдѣланныя ему посланниками, чрезъ графа Ростопчина. Отвѣты русскаго правительства передавались такимъ же порядкомъ вице-канцлеру для сообщенія иностраннымъ представителямъ.

При подобныхъ порядкахъ графъ Панинъ имѣлъ полное основаніе говорить о себѣ, какъ о «prétendu vice-chancelier», тѣмъ болѣе, что онъ получалъ еще черезъ Ростопчина такого рода высочайшія напоминанія: «чтобъ менѣе говорилъ съ министрами, и что онъ не что иное какъ инструментъ» [1]. Слѣдовательно, графа Панина нельзя признать отвѣтственнымъ лицомъ за мѣропріятія, принятыя по внѣшнимъ сношеніямъ со времени назначенія его вице-канцлеромъ [2].

Впрочемъ, кто бы ни стоялъ въ то время во главѣ внѣшнихъ сношеній Россіи, результатъ былъ бы одинаково плачевный.

Прежде всего поперекъ всякой разумной политики стояла Мальта. Этотъ злополучный островъ внезапно пріобрѣлъ для Россіи такое значеніе, что всякая держава, которая осмѣлилась бы присвоить себѣ орденское достояніе, въ ущербъ правамъ новаго великаго магистра, могла разсчитывать на непримиримую вражду со стороны императора Павла.

Всѣ эти небывалые политическіе расчеты получили еще особенное значеніе, благодаря неустойчивости убѣжденій и намѣреній императора. Графъ С. Р. Воронцовъ справедливо замѣтилъ въ письмѣ къ Панину изъ Лондона отъ 22-го апрѣля (3-го мая) 1799 года: «Je vois que tout se fait chez nous avec une précipitation et une véhémence incroyable. Cela fait frémir, et je ne vois aucun frein à tout cela» [3].

[1] Дневникъ графа Ростопчина о словесныхъ повелѣніяхъ императора Павла I. (Государственный архивъ, разрядъ X. № 498. Запись отъ 20-го февраля 1800 года).

[2] Графъ Кочубей былъ несравненно счастливѣе графа Панина. Викторъ Павловичъ удалился въ Диканьку послѣ женитьбы на Маріи Васильевнѣ Васильчиковой, сестрѣ Иларіона Васильевича Васильчикова. Въ 1800 году графу Кочубею разрѣшено было отправиться за границу, гдѣ онъ прожилъ въ Дрезденѣ до воцаренія Александра I.

[3] Матеріалы для жизнеописанія графа Никиты Петровича Панина. С.-Петербургъ, т. 4-й, стр. 301.

Датскій посланникъ Розенкранцъ пришелъ къ такому же убѣжденію и жалуется въ своихъ депешахъ, что трудно имѣть успѣхъ при дворѣ, при которомъ «слѣпой случай, прихоть государя, дѣлаютъ невозможнымъ что-либо разсчитать, что-либо предвидѣть, и подвергаютъ насъ самымъ непріятнымъ случайностямъ (l'aveugle hasard, le caprice du souverain, rendent impossible de rien calculer, rien prévoir et nous exposent à toutes les chances les plus désagréables)». Тѣ же мысли высказываетъ Тугутъ въ своей перепискѣ; въ 1797 году онъ упоминаетъ лишь мимоходомъ о нѣсколько оригинальномъ характерѣ императора Павла (le caractère un peu original de l'empereur Paul). Но въ началѣ 1800 года онъ высказываетъ уже другія убѣжденія и пишетъ, что нельзя придавать большого значенія минутной дружбѣ, которая на другой день, можетъ быть, измѣнится въ ярость (du reste on ne peut que mettre bien peu de prix à l'amitié du moment qui le lendemain se trouvera peut-être changée en fureur)[1].

Наконецъ, самъ графъ Ростопчинъ произнесъ впослѣдствіи рѣшительный приговоръ надъ ненормальными порядками разсматриваемой эпохи и сознавался, что никакая политическая система не была мыслима при государѣ, «который все хотѣлъ дѣлать самъ, который требовалъ, чтобы повелѣнія его исполнялись немедленно, и не допускалъ никакого противорѣчія своей волѣ. Приходилось наблюдать крайнюю осторожность, ловить благопріятныя мгновенія и пользоваться добрымъ расположеніемъ его духа, чтобы достигнуть отмѣны отданнаго приказанія, разубѣдить его въ чемъ-либо и склонить его къ мнѣнію, которое казалось мнѣ тогда лучшимъ»[2].

Примѣромъ этой «véhémence», о которой сокрушался графъ Воронцовъ, можетъ служить объявленіе императоромъ Павломъ войны Испаніи. Россія узнала объ этомъ событіи изъ манифеста отъ 15-го іюля 1799 года, который вмѣстѣ съ тѣмъ является образчикомъ дипломатической фразеологіи того времени. Въ манифестѣ возвѣщалось слѣдующее:

«Воспріявъ съ союзниками нашими намѣреніе искоренить беззаконное правленіе, во Франціи существующее, возстали на оное всѣми силами. Богъ ниспослалъ благодать свою на ополченіе наше, ознаменуя до самаго сего дня всѣ подвиги наши успѣхами и побѣдами. Въ маломъ

[1] Vertrauliche Briefe des Freiherrn von Thugut, Wien, 1872, B. 2, p. 203.

[2] Архивъ князя Воронцова. Книга 8-я, стр. 287. (Письмо графа Ростопчина къ графу С. Р. Воронцову отъ 30-го іюля 1801 года: «Quant à mon système politique, je ne pouvais en avoir aucun, avec un souverain qui voulait tout faire par lui-même, qui ne supportait aucun délai à ses ordres et aucune contradiction à ses moindres volontés. Il fallait les plus grands ménagements, les instants les plus favorables et une heureuse disposition de sa part, pour faire révoquer ses ordres, lui faire changer d'opinion, ou le porter à adopter celle que l'on croyait être la meilleure».

52

числѣ державъ европейскихъ, наружно приверженныхъ, но въ самой истинѣ опасающихся послѣдствій мщенія сего издыхающаго нынѣ богомерзкаго правленія, Гишпанія обнаружила болѣе прочихъ страхъ и преданность ея ко Франціи, не содѣйствіемъ съ нею, но пріуготовленіями къ оному. Употребя тщетно всѣ способы къ открытію и показанію сей державѣ истиннаго пути къ чести и ко славѣ совокупно съ нами, но видя ея упорно пребывающею въ пагубныхъ для ея самой правилахъ и заблужденіи, изъявили мы на конецъ сей негодованіе наше, отославъ пребывающаго при дворѣ нашемъ гишпанскаго повѣреннаго въ дѣлахъ Ониса. Теперь же узнавъ, что и нашъ повѣренный въ дѣлахъ совѣтникъ Бицовъ въ положенный срокъ принужденъ былъ выѣхать изъ владѣній короля Гишпанскаго, принимая сіе за оскорбленіе величества нашего, объявляемъ ему войну, повелѣвая во всѣхъ портахъ имперіи нашей наложить секвестръ и конфисковать всѣ купеческія гишпанскія суда, въ оныхъ находящіяся, и послать всѣмъ начальникамъ сухопутныхъ и морскихъ силъ нашихъ повелѣніе поступать непріязненно вездѣ и со всѣми подданными короля Гишпанскаго».

VI.

Если счастіе улыбнулось графу Кочубею, одному изъ друзей цесаревича Александра Павловича, то къ другому близкому къ нему лицу, къ князю Адаму Чарторижскому, судьба оказалась менѣе милостивою. Среди всеобщаго вихря безпрерывныхъ перемѣщеній, которымъ подвергался въ то время служебный міръ, на всѣхъ ступеняхъ его, трудно было уцѣлѣть князю Адаму.

Бракъ великаго князя Александра Павловича оставался долгое время бездѣтнымъ. Наконецъ, 18-го мая 1799 года родилась въ Павловскѣ великая княжна Марія Александровна. Въ это время отношенія императрицы Маріи Ѳеодоровны къ великой княгинѣ Елисаветѣ Алексѣевнѣ еще болѣе обострились. Выше уже упомянуто было, какъ сильно разгнѣвалась Марія Ѳеодоровна вслѣдствіе брака сестры великой княгини со шведскимъ королемъ. Павелъ Петровичъ, въ свою очередь, гнѣвался на баденскій дворъ за трактатъ, заключенный маркграфомъ съ Французскою республикою; баденскіе принцы были лишены шефства въ русскихъ полкахъ; письма на имя великой княгини велѣно было перлюстровать. 19-го іюня 1799 года въ дневникѣ графа Ростопчина о словесныхъ приказаніяхъ императора Павла записано: «Qu'on doit notifier de la part des deux Cours impériales au margrave de Bade que s'il ne change point de conduite et ne renonce pas à la paix avec les français qu'il sera traduit au ban de l'empire».

Легко было недоброжелателямъ великой княгини Елисаветы Алексѣевны, пользуясь этими обстоятельствами, возбудить въ умѣ Павла подозрѣніе противъ невѣстки и посѣлить путемъ клеветы раздоръ въ семьѣ.

12-го августа 1799 года графъ Ростопчинъ въ дневникѣ словесныхъ приказаній пишетъ: «Гофмейстера князя Чарторижскаго [1] послать министромъ къ королю Сардинскому».

Затѣмъ Ростопчинъ продолжаетъ:

«13 août. Expédier le prince Czartoryski le plus vite possible.

«17 августа. Отправить немедленно къ его мѣсту тайнаго совѣтника Чарторижскаго.

«21 août. Au comte Kotchoubey. Permettre au prince Czartoryski de s'arrêter à Vienne, mais pas d'aller chez monsieur son père».

23-го августа 1799 года князь Адамъ Чарторижскій выѣхалъ изъ Петербурга въ Италію отыскивать странствовавшаго въ то время короля Сардинскаго, лишеннаго своего королевства.

Среди всѣхъ этихъ интригъ, не пощадившихъ даже семейнаго благополучія государя, политическія событія продолжали разыгрываться въ 1800 году въ такомъ направленіи, которое не могло способствовать къ успокоенію императора Павла, а, напротивъ того, должно было содѣйствовать развитію въ немъ все большей раздражительности. Коалиція, вызванная съ такимъ трудомъ къ жизни, распалась; готовился полный разрывъ союза Россіи съ Австріей [2] и съ Англіею. Къ довершенію же общаго недоумѣнія замѣчались признаки предстоявшаго въ близкомъ будущемъ сближенія Россіи съ Франціею.

Какими взглядами руководствовался тогда императоръ Павелъ, лучше всего видно изъ разговора его съ датскимъ посланникомъ Розенкранцомъ, который пишетъ: «Государь сказалъ, что политика его остается неизмѣнною (invariable) и связана съ справедливостью тамъ, гдѣ его величество полагаетъ видѣть справедливость; долгое время онъ былъ того мнѣнія, что она находится на сторонѣ противниковъ Франціи, правительство которой угрожало всѣмъ державамъ: теперь же въ этой странѣ въ скоромъ времени водворится король, если не по имени,

[1] Въ то время князь Адамъ Чарторижскій занималъ должность гофмейстера великой княжны Елены Павловны.

[2] Состоявшееся 19-го октября 1799 года въ Гатчинѣ бракосочетаніе великой княжны Александры Павловны съ эрцъ-герцогомъ Іосифомъ, палатиномъ венгерскимъ, не содѣйствовало прекращенію политическаго разлада, начавшагося между Австріею и Россіею; взаимное неудовольствіе продолжало только все болѣе возрастать.

Нѣсколькими днями ранѣе, 12-го октября 1799 года, отпраздновано было, въ Гатчинѣ же, еще другое бракосочетаніе, а именно великой княжны Елены Павловны съ наслѣднымъ принцемъ Мекленбургъ-Шверинскимъ.

то, по крайней мѣрѣ, по существу, что измѣняетъ положеніе дѣла; онъ бросилъ сторонниковъ этой партіи, партіи австрійской, когда обнаружилось, что справедливость не на ея сторонѣ; то же самое онъ испыталъ относительно англичанъ; онъ склоняется единственно въ сторону справедливости, а не къ тому или другому правительству, къ той или другой націи, и тѣ, которые иначе судятъ о его политикѣ, положительно ошибаются» [1].

Послѣ занятія Англіею острова Мальты императоръ Павелъ повелѣлъ наложить во всѣхъ портахъ россійскихъ амбарго на англійскіе суда и товары. Эта неожиданная для торговаго міра мѣра должна была служить отвѣтомъ на водруженіе британскаго флага во владѣніяхъ великаго магистра. Объ этомъ распоряженіи сообщено было отъ имени императора, 23-го октября 1800 года, въ декларацін ко всѣмъ дворамъ за подписью графа Ростопчина [2]. Вмѣстѣ съ тѣмъ дѣятельно продолжались переговоры, открытые съ Пруссіею, Швеціею и Даніею относительно возобновленія прежняго союза сѣвернаго вооруженнаго нейтралитета. Если вице-канцлеръ графъ Панинъ смотрѣлъ на сближеніе съ Франціею, подготовлявшееся самымъ ходомъ европейскихъ событій, съ нескрываемымъ ужасомъ и отвращеніемъ, то его счастливый и вліятельный соперникъ, графъ Ростопчинъ, смотрѣлъ на дѣло иначе; примѣняясь къ измѣнившемуся настроенію императора Павла, онъ занимался предположеніями о политическомъ переустройствѣ Европы. Планы Ростопчина, конечно, не имѣли уже ничего общаго съ рыцарскимъ, безкорыстнымъ вмѣшательствомъ въ европейскія дѣла, въ истинно мальтійскомъ духѣ, которое привело только къ упроченію чужихъ выгодъ на счетъ Россіи; напротивъ того, въ мысляхъ его замѣчается возвращеніе къ политическимъ преданіямъ екатерининскаго царствованія.

[1] «Depuis trois ans sa politique est invariable et attachée à la justice où Sa Majesté croit la trouver; qu'Elle l'avait cru voir du côté de ceux qui étaient contre la France, dont le gouvernement avait menacé tous les autres, tandis que maintenant nous sommes à la veille de voir un roi établi dans ce pays-là, si non de nom, du moins de fait, ce qui change la thèse; qu'Elle avait abandonné ce parti, celui des Autrichiens, dès qu'Elle avait decouvert que la justice n'y était plus; qu'il Lui en était allé de même avec les Anglais; qu'Elle est uniquement portée pour la justice et non pas pour tel ou tel gouvernement, telle ou telle nation; et que ceux qui jugent sa politique autrement. pourront être sûrs de se tromper».

Приводенный здѣсь разговоръ происходилъ въ Гатчинѣ 3-го сентября 1800 года,

[2] Кромѣ того, 22-го ноября 1800 года послѣдовалъ указъ коммерцъ-коллегіи: «Состоящіе на россійскихъ купцахъ долги англичанъ повелѣваемъ впредь до расчета платежемъ остановить; а имѣющіеся въ лавкахъ и магазинахъ англинскіе товары въ продажѣ запретить и описать; о исполненіи чего коммерцъ-коллегіи учинить немедленное распоряженіе общее съ президентомъ Санктпетербургскаго Ратгауза».

Послѣ наложеннаго въ сентябрѣ мѣсяцѣ амбарго на англійскія суда, императоръ Павелъ приказалъ графу Ростопчину, вслѣдствіе бывшаго по сему случаю разговора, изложить мысли о политическомъ состояніи Европы. Ростопчинъ немедленно исполнилъ волю государя и представилъ меморіалъ, не полагая нимало, какъ пишетъ графъ, что онъ произведетъ столь важную перемѣну въ политикѣ и будетъ служить основаніемъ новой системѣ. Продержавъ записку два дня, императоръ возвратилъ ее Ростопчину со слѣдующею высочайшею конфирмаціей отъ 2-го октября 1800 года: «Апробую планъ вашъ во всемъ, желаю, чтобы вы приступили къ исполненію онаго: дай Богъ, чтобъ по сему было!» [1]

Сущность записки графа Ростопчина заключалась въ предложеніи тѣснаго союза съ представителемъ мятежной, но теперь успокоенной Франціи и связаннаго съ нимъ раздѣла Турціи, которую онъ признавалъ безнадежнымъ больнымъ, коему медики не хотятъ объявить о грозящей ему опасности. Центромъ сего плана долженъ былъ быть Бонапартъ. Онъ увидитъ, какъ сказано въ меморіалѣ, и найдетъ въ предпринимаемомъ раздѣлѣ вѣрнѣйшій способъ къ униженію Великобританіи и утвержденію при общемъ мирѣ всѣхъ завоеваній, Франціей сдѣланныхъ Вмѣстѣ съ тѣмъ Ростопчинъ полагалъ привлечь къ раздѣлу Оттоманской Порты Австрію и Пруссію. Россіи онъ удѣляетъ «Романію, Булгарію и Молдавію, а по времени греки и сами подойдутъ подъ скипетръ россійскій». Послѣдняя мысль, повидимому, понравилась Павлу и побудила его написать: «А можно и подвесть». Объ Англіи и Австріи Ростопчинъ отзывается крайне несочувственно. Объ Англіи сказано между прочимъ, что она «своею завистью, пронырствомъ и богатствомъ была, есть и пребудетъ не соперница, но злодѣй Франціи»; по поводу этого разсужденія императоръ начерталъ: «Мастерски писано!» Въ томъ мѣстѣ, гдѣ Ростопчинъ жалуется на Англію за то, что она «вооружила попеременно угрозами, хитростью и деньгами всѣ державы противъ Франціи», Павелъ прибавилъ «и насъ грѣшныхъ». Объ Австріи ска-

[1] Записка графа Ростопчина напечатана въ сборникѣ: «Памятники новой русской исторіи», изданномъ В. Кашпировымъ.—С.-Петербургъ 1871; т. 1-й, стр. 102, подъ заглавіемъ: «Картина Европы въ началѣ XIX столѣтія и отношеніе къ ней Россіи». Вторично меморіалъ графа Ростопчина былъ напечатанъ (по другому списку) въ «Русскомъ Архивѣ» 1878 года, книга 1-я, стр. 103, подъ заглавіемъ: «Записка графа Ѳ. В. Ростопчина о политическихъ отношеніяхъ Россіи въ послѣдніе мѣсяцы Павловскаго царствованія». Въ другой запискѣ графа Ростопчина, напечатанной нами въ сочиненіи «Императоръ Александръ I», т. 1-й, стр. 285 (Note présentée à l'empereur Paul en 1800, après l'époque de la signature de la paix de Lunéville), рѣчь идетъ уже не о раздѣлѣ Турціи, но о совокупныхъ дѣйствіяхъ Россіи и Франціи противъ Пруссіи. Эта записка найдена была французами въ Москвѣ, въ домѣ графа Ростопчина, въ 1812 году.

зано, что и она «подала столь справедливыя причины къ негодованію» Павла и «потеряла изъ виду новѣйшую цѣль своей политики»; къ этому государь, съ своей стороны, присовокупилъ: «Чего захотѣлъ отъ слѣпой курицы!» Когда же, входя въ подробности раздѣла Турціи, Ростопчинъ предлагалъ дать Австріи Боснію, Сербію и Валахію, Павелъ написалъ: «Не много ль?». Пруссію предполагалось вознаградить присоединеніемъ земель въ сѣверной Германіи.

Въ заключеніи меморіала графа Ростопчина сказано: «Если Творецъ міра, съ давнихъ временъ хранящій подъ покровомъ своимъ царство Россійское и славу его, благословитъ и предпріятіе сіе, тогда Россія и XIX вѣкъ достойно возгордятся царствованіемъ вашего императорскаго величества, соединившаго воедино престолы Петра и Константина, двухъ великихъ государей, основателей знатнѣйшихъ имперій свѣта». Императоръ Павелъ къ этимъ словамъ приписалъ: «А меня все-таки бранить станутъ».

Между тѣмъ какъ гнѣвъ государя противъ его бывшихъ союзниковъ все болѣе возрасталъ, генералъ Бонапартъ водворилъ послѣ 18-го брюмера свою диктатуру во Франціи подъ скромнымъ званіемъ перваго консула. Весною 1800 года онъ совершилъ переходъ черезъ Альпы и одержалъ побѣду при Маренго. Австрія, лишенная поддержки Россіи, должна была покориться волѣ побѣдителя и вступила въ Люневилѣ въ переговоры съ Франціею. Тогда первый консулъ, искусно пользуясь измѣнившимся политическимъ положеніемъ Европы, задумалъ искать сближенія съ Россіею, чтобы въ лицѣ императора Павла пріобрѣсти могущественнаго союзника противъ своего главнаго и непримиримаго врага — Англіи; намѣренія Бонапарта совпали какъ нельзя лучше съ тѣми враждебными противъ лондонскаго кабинета чувствами, которыя волновали въ ту пору Павла I-го, и потому встрѣтили съ его стороны полное сочувствіе.

Первый консулъ объявилъ, что освобождаетъ и возвращаетъ императору безъ всякаго размѣна всѣхъ русскихъ плѣнныхъ, находившихся во Франціи. Государь принялъ это великодушное предложеніе съ живѣйшею радостію и отправилъ въ Парижъ генерала Спренгтпортена для пріема и вывода русскихъ плѣнныхъ [1].

[1] Въ запискахъ І. А. Эренстрема выборъ, сдѣланный императоромъ Павломъ, объясняется слѣдующимъ образомъ: Государь предложилъ графу Н. П. Панину угадать, кого изъ генераловъ онъ намѣренъ послать въ Парижъ. Графъ называлъ многихъ; но при каждомъ имени Павелъ качалъ головой и говорилъ: «Vous n'y êtes pas». Наконецъ государь сказалъ: «Вамъ не угадать, поэтому лучше я скажу вамъ: я избралъ генерала Спренгтпортена». Услыша это имя, графъ попятился, и на лицѣ его выразилось крайнее изумленіе. Императоръ засмѣялся и сказалъ: «Vous êtes étonné. N'est-il pas vrai que vous ne l'aurez jamais deviné? Vous trouvez mon choix singulier,

18-го октября 1800 года Спренгтпортенъ прибылъ въ Берлинъ и встрѣтилъ тамъ французскаго посланника Бёрнонвиля, который сказалъ ему, что въ Парижѣ всѣ затрудненія къ умиротворенію Европы могутъ быть устранены въ четверть часа времени при личномъ свиданіи съ первымъ консуломъ. Относительно Россіи и Франціи онъ во время разговора замѣтилъ, что оба государства «en tenant aux deux extrémités du globe, sont faits pour le dominer», или, какъ онъ выразился при другомъ свиданіи, «sont faits pour gouverner l'Europe».

10-го декабря Спренгтпортенъ представлялся въ Парижѣ первому консулу, который принялъ его съ особенною благосклонностью. Бонапартъ высказалъ, между прочимъ, русскому посланному, въ самыхъ положительныхъ выраженіяхъ, свое непремѣнное желаніе заключить миръ съ императоромъ, связавъ такимъ образомъ интересы обоихъ государствъ, созданныхъ по своему географическому положенію (онъ въ особенности оттѣнилъ это выраженіе) для того, чтобы жить въ тѣсной между собою связи. Вмѣстѣ съ тѣмъ Спренгтпортенъ доносилъ императору Павлу, что Бонапартъ не упустилъ случая высказаться «въ самыхъ сильныхъ выраженіяхъ о своемъ уваженіи и преклоненіи передъ священной особой вашего императорскаго величества и отличающимъ ее характеромъ величія и прямоты (dans les termes les plus expressifs son estime et sa vénération pour la personne sacrée de votre majesté impériale et le caractère de grandeur et de loyauté qui la distingue)» [1].

Послѣ этой аудіенціи Бонапартъ написалъ императору Павлу письмо, въ которомъ заявлялъ, что, какъ скоро государь пришлетъ къ нему довѣренное лицо съ необходимыми полномочіями, то черезъ двадцать четыре часа спокойствіе водворится на материкѣ и на моряхъ. Почти въ то же время, 18-го декабря, Павелъ отправилъ письмо къ первому консулу. Государь писалъ: «Я не говорю и не хочу спорить ни о правахъ человѣка, ни объ основныхъ началахъ, установленныхъ въ каждой странѣ. Постараемся возвратить міру спокойствіе и тишину, въ которыхъ онъ такъ нуждается». Въ заключеніе императоръ прибавилъ: «Мой уполномоченный, Колычевъ, отправится вслѣдъ за этимъ письмомъ» [2].

mais moi je trouve que je suis dans la règle, lorsque j'envoie un traître à un usurpateur». Statsrädet I. A. Ehrenströms efterlemnade historiska anteckningar ut gifna af Boëthius—Upsala, 1883, v. II.

Извлеченіе изъ записокъ Эренстрема было помѣщено въ «Русской Старинѣ» 1893 г.

[1] Донесенія Спренгтпортена императору Павлу 1800 и 1801 годовъ. (Военно-ученый архивъ. Отд. 1 № 231).

[2] Приведемъ здѣсь три письма императора Павла къ первому консулу Бонапарту (Архивъ министерства иностранныхъ дѣлъ). Первое и третье изъ нихъ писаны

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

Перейдемъ теперь отъ фактическаго изложенія къ анекдотической сторонѣ сближенія Россіи съ Франціею.

Де-Сангленъ повѣствуетъ въ своихъ запискахъ о томъ, что императоръ Павелъ приказалъ принести карту Европы, разложилъ ее на

собственноручно на небольшихъ листкахъ почтовой бумаги. Послѣднее изъ нихъ мы приводимъ здѣсь съ сохраненіемъ ороографіи подлинника.

I.

S.-Pétersbourg, le 18 Decembre 1800.

Monsieur le Premier Consul. Il est du devoir de ceux à qui Dieu a remis le pouvoir de gouverner les peuples, de penser et s'occuper de leur bien-être. Je vous propose à cette fin de convenir entre nous de moyens de finir et faire finir les maux qui désolent depuis onze ans l'Europe entière. Je ne parle, ni ne veux discuter ni des droits de l'homme, ni des principes des différents gouvernements que chaque pays a adopté. Cherchons à rendre le repos et le calme au monde dont il a tant besoin et qui semble être si conforme aux lois immuables de l'Eternel. Me voici prêt à vous écouter et m'entendre avec vous. Et je crois être d'autant plus fondé en droit de vous le proposer et le faire, que j'étais loin de la lutte à laquelle si même j'ai participé, ce n'a été que comme auxiliaire fidèle de ceux qui ne l'ont pas été vis-à-vis de moi. Vous connaissez déjà et scauré encore ce que je propose, ce que je désire; mais ce n'est pas tout, je vous invite à retablir avec moi la paix générale, qui si nous la voulons difficilement pourrait nous être ravie. C'est vous en dire assez pour vous faire apprécier ma façon de penser et mes sentiments. Que Dieu vous ait en sa sainte et digne garde. Paul.

Mon plénipotentiaire Kolitchof va suivre cette lettre.

II.

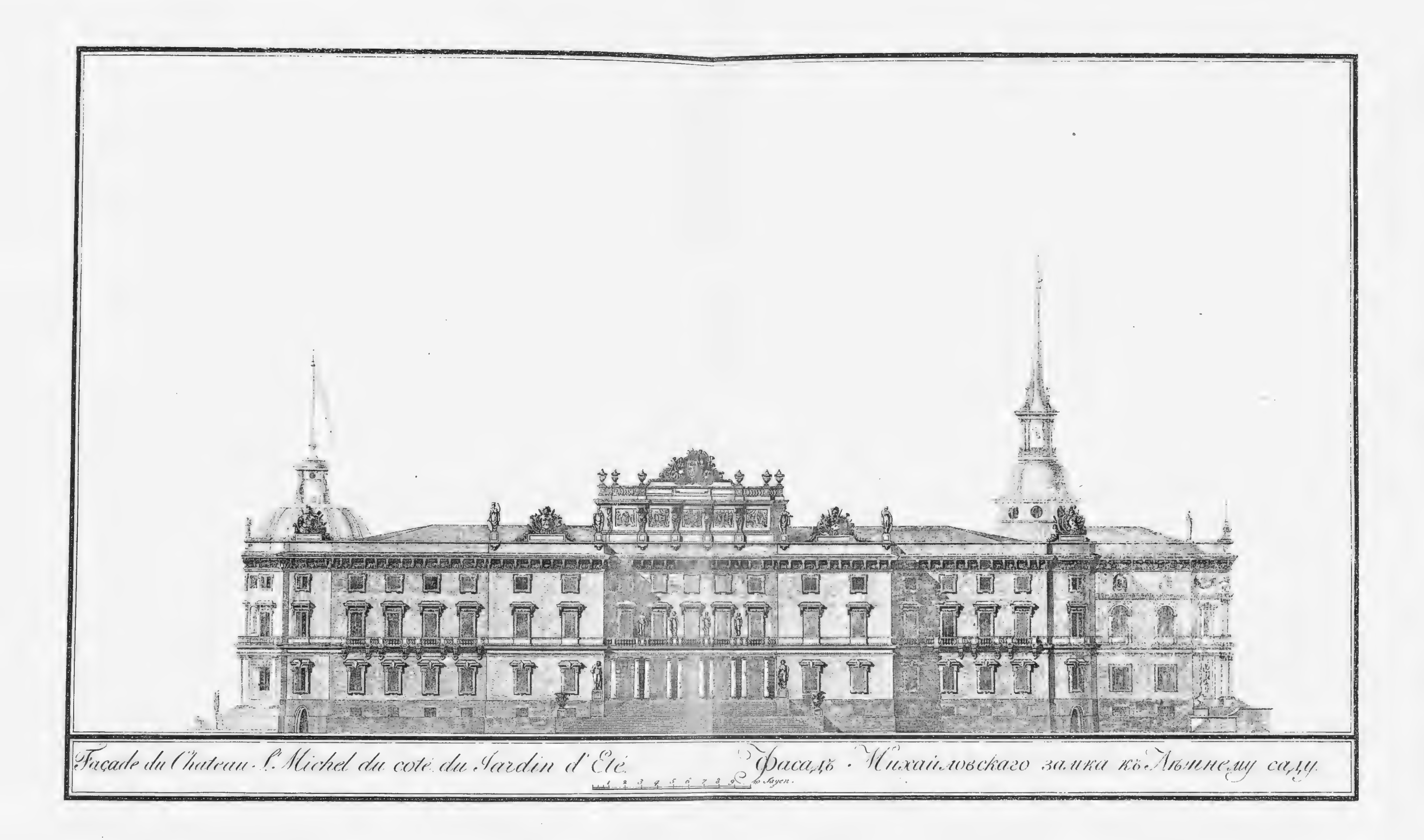
S.-Pétersbourg, du 2 Janvier 1801.

Monsieur le Premier Consul. J'ai reçu votre lettre et le rapport de mon général Sprengporten sur les communications qui lui ont été faites par le sieur Tayllerand. Mon plénipotentiaire Kolitshew partira déjà demain muni d'instructions qui vous montreront mes sentiments et répondront aux différents points de votre lettre. Je désire de mon côté la paix à l'Europe que nous pourrons certes donner. Mais je ne veux pas m'ingérer autrement, de prescrire des limites soit en Italie, soit en Allemagne pour éviter les suites que cela entrainerait. Il est sûr que deux grandes puissances qui s'entendront entr'elles, influeront d'une manière positive sur le reste de l'Europe, et je suis prêt à le faire. Sur ce je prie Dieu, monsieur le Premier Consul, qu'il vous ait en sa sainte et digne garde. Paul.

III.

S.-Pétérsbourg le 15 Janvier 1801.

Monsieur le Premier Consul. Je profite de cette occasion pour vous écrir celle ci y étant obligé par la conduite que les Anglais tiennent non seulement vis á vis de la Russie, mais vis à vis des autres puissances du Nord sur tout. Ce n'est point à mois vous indiquer ce que vous avé à faire, mais je ne puis ne pas vous proposer si il ne serait pas possible d'entreprendre ou du moins produire quelque chose sur les côtes de l'Angleterre, qui au moment où elle se voit isolée peut produire un effet à la faire repentir de son despotisme et de son arrogance. Je vous prie de prendre en considération ce que je vous propose et vous indique. Que Dieu vous ait en sa sainte et digne garde. Paul.

Façade du Chateau S.t Michel du coté du Jardin d'Eté. Фасадъ Михайловскаго замка къ Лѣтнему саду.

столѣ, согнулъ надвое, провелъ по лбу рукою и сказалъ: «только такъ мы можемъ быть друзьями». Анекдотъ ли это или несомнѣнный историческій фактъ,—рѣшить трудно. Во всякомъ случаѣ вышеприведенныя слова государя вполнѣ соотвѣтствуютъ духу тѣхъ счастливыхъ проблесковъ, которые нерѣдко въ свѣтлыя минуты составляли удѣлъ императора Павла. Но и въ дѣлѣ франко-русскаго соглашенія Павелъ не обошелся безъ обычныхъ фантастическихъ увлеченій: былъ задуманъ походъ въ Индію. Хотя о совмѣстномъ дѣйствіи русскихъ войскъ съ французскими въ этомъ направленіи мечталъ также и первый консулъ, замышляя окончательное пораженіе Англіи, и съ этою цѣлью разработалъ проектъ похода въ Индію, но императоръ Павелъ вознамѣрился рѣшить эту трудную задачу самостоятельно, при посредствѣ однихъ казаковъ.

12-го января 1801 года Павелъ отправилъ къ атаману войска Донского, генералу-отъ-кавалеріи Орлову 1-му, нѣсколько рескриптовъ [1]. Въ первомъ изъ нихъ государь писалъ:

«Англичане приготовляются сдѣлать нападеніе флотомъ и войскомъ на меня и на союзниковъ моихъ—шведовъ и датчанъ. Я и готовъ ихъ принять, но нужно ихъ самихъ атаковать и тамъ, гдѣ ударъ имъ можетъ быть чувствителенъ, и гдѣ меньше ожидаютъ. Заведеніи ихъ въ Индіи самое лучшее для сего. Отъ насъ ходу до Индіи, отъ Оренбурга, мѣсяца три, да отъ васъ туда мѣсяцъ, а всего мѣсяца четыре. Поручаю всю сію экспедицію вамъ и войску вашему, Василій Петровичъ. Соберитесь вы со онымъ и вступите въ походъ къ Оренбургу, откуда любою изъ трехъ дорогъ или и всѣми пойдите, и съ артиллеріею, прямо черезъ Бухарію и Хиву на рѣку Индусъ и на заведеніи англійскія, по ней лежащія. Войска, того края, ихъ таковаго же рода, какъ ваше, и такъ, имѣя артиллерію, вы имѣете полный авантажъ. Приготовьте все къ походу. Пошлите своихъ лазутчиковъ приготовить или осмотрѣть дороги; все богатство Индіи будетъ намъ за сію экспедицію наградою. Соберите войско къ заднимъ станицамъ и тогда увѣдомьте меня, ожидайте повелѣнія итти къ Оренбургу, куда пришедъ опять ожидайте другого — итти далѣе. Таковое предпріятіе увѣнчаетъ васъ всѣхъ славою, заслужитъ, по мѣрѣ заслуги, мое особое благоволеніе, пріобрѣтетъ богатство и торговлю и поразитъ непріятеля въ его сердцѣ. Здѣсь прилагаю карты, сколько у меня ихъ есть. Богъ васъ благослови. Есмь вашъ благосклонной

«Павелъ».

[1] Военно-ученый архивъ. Отд. 1. № 982 (пять собственноручныхъ повелѣній императора Павла къ генералу отъ кавалеріи Орлову 1-му о походѣ въ Индію 1801 г.).

«Карты мои идутъ только до Хивы и до Амударьи рѣки, а далѣе ваше уже дѣло достать свѣдѣнія до заведеній англійскихъ и до народовъ индѣйскихъ, имъ подвластныхъ.

«П.»

Въ другомъ рескриптѣ, отъ того же 12-го января, императоръ Павелъ писалъ еще Орлову:

«Индія, куда вы назначаетесь, управляется однимъ главнымъ владѣльцомъ и многими малыми. Англичане имѣютъ у нихъ свои заведенія торговыя, пріобрѣтенныя или деньгами, или оружіемъ, то и цѣль все сіе разорить и угнетенныхъ владѣльцовъ освободить и ласкою привесть Россіи въ ту же зависимость, въ какой они у англичанъ, и торгъ обратить къ намъ. Сіе вамъ въ исполненіе поручая, пребываю вамъ благосклоннымъ.

«Павелъ».

На другой день, 13-го января, на имя Орлова послѣдовалъ еще третій рескриптъ:

«Василій Петровичъ. Посылаю вамъ подробную и новую карту всей Индіи. Помните, что вамъ дѣло до англичанъ только и миръ со всѣми тѣми, кто не будетъ имъ помогать; и такъ, проходя ихъ, увѣряйте о дружбѣ Россіи и идите отъ Инда на Гангесъ, и такъ на англичанъ. Мимоходомъ утвердите Бухарію, чтобъ китайцамъ не досталась. Въ Хивѣ высвободите столько-то тысячъ нашихъ плѣнныхъ подданныхъ. Если бы нужна была пѣхота, то въ слѣдъ за вами, а не инако, прислать будетъ можно. Но лучше, кабы вы то одни собою сдѣлали. Вамъ благосклонной.

«Павелъ».

«Возьмите столько съ собою сколько можно» [1].

Генералъ Орловъ немедленно приступилъ къ исполненію высочайшаго повелѣнія «со всевозможною поспѣшностію». Въ походъ высту-

[1] «Слѣдующіе затѣмъ два рескрипта писаны были императоромъ Павломъ уже изъ Михайловскаго замка, а именно:

1) 2-го февраля 1801 года: «Господинъ генералъ отъ кавалеріи Орловъ 1, въ отвѣтъ на донесеніе ваше отъ 23-го генваря не имѣю вамъ ничего новаго сказать какъ апробую все вами представленное. Пребываю вамъ благосклоннымъ.

«Павелъ».

«О пѣхотѣ же будучи вашего мнѣнія лучше не брать».

2) 7-го февраля 1801 года: «При семъ прилагаю къ вамъ маршрутъ, какой могъ для васъ достать; онъ дополнитъ вамъ карту и объяснитъ; экспедиція весьма нужна и чѣмъ скорѣе, тѣмъ вѣрнѣе и лучше. Вамъ благосклонной.

«Павелъ».

«Симъ маршрутомъ я вамъ рукъ не связываю однако же».

пили всего 22.507 человѣкъ при 12 единорогахъ и 12 пушкахъ [1]. Всѣ полки раздѣлены были на четыре эшелона, изъ которыхъ первымъ, въ со-составѣ 13 полковъ, командовалъ генералъ-майоръ Платовъ, освобожденный для предстоявшаго похода въ Индію императоромъ Павломъ изъ Петропавловской крѣпости. 1-го марта генералъ Орловъ донесъ государю, что полки «со всѣхъ пунктовъ выступили въ походъ минувшаго февраля 27-го и 28-го чиселъ, и продолжать буду марши отъ 30 до 40 верстъ въ сутки». Но еще 28-го февраля генералъ Орловъ, въ отвѣтъ на прежнее донесеніе, получилъ рескриптъ, въ которомъ государь объявилъ войску благоволеніе за готовность и исправность къ выступленію. Вмѣстѣ съ тѣмъ его величество желалъ «счастливаго похода и успѣха съ Богомъ».

Казаки, по выступленіи съ Дона, въ концѣ февраля, при движеніи по степямъ, испытывали страшныя лишенія. Морозы, мятели и крайне дурное состояніе дорогъ затрудняли движеніе и нарушали правильность слѣдованія эшелоновъ; артиллерія едва двигалась. А по причинѣ ранняго вскрытія рѣкъ приходилось измѣнять маршрутъ, вслѣдствіе чего казаки по нѣсколько дней не получали продовольствія и фуража. Нѣкоторые командиры вынуждены были бросать лошадей. Въ мартѣ мѣсяцѣ Волга стала вскрываться, и ледъ не выдерживалъ. Часть полка Денисова провалилась и едва была спасена при помощи 300 человѣкъ крестьянъ. Тѣмъ не менѣе, несмотря на страшныя препятствія, встрѣченныя казаками при слѣдованіи, полкамъ удалось благополучно совершить переправу черезъ Волгу 18-го марта; генералъ Орловъ донесъ въ Петербургъ о переправѣ всѣхъ эшелоновъ и о дальнѣйшемъ ихъ слѣдованіи вверхъ по р. Иргизу, но вмѣстѣ съ тѣмъ сообщилъ и слѣдующее: «Изъ числа войска, въ походѣ слѣдующаго, одни, имѣя деньги, издерживали оныя на продовольствіе; другіе, заимствуя другъ у друга, задолжались; прочіе, не имѣя денегъ и не могши занять, удѣляли продовольствіе подъемнымъ отъ строевыхъ, чѣмъ однихъ привели въ усталь, а другихъ и вовсе лишились упалыми и брошенными. Таковыхъ число немалое» [2].

Изъ приведенныхъ здѣсь краткихъ указаній видно, что экспедиція была задумана сразу, безъ предварительныхъ сношеній съ азіатскими владѣтелями, безъ собранія необходимыхъ свѣдѣній о средствахъ тѣхъ

[1] 41 полкъ, двѣ роты конной артиллеріи, 500 человѣкъ калмыковъ и команда на укомплектованіе. Вообще въ походъ было взято 41.424 лошади.

[2] Изъ общаго числа 41.424 лошадей, въ походѣ бывшихъ, выбыло изъ строя 886 лошадей, изъ коихъ 564 усталыми и 322 забракованными за негодностью.

«Проектъ экспедицій въ Индію, предложенныхъ Наполеономъ императорамъ Павлу и Александру I въ 1800 и въ 1807—1808 годахъ». Баторскаго. (23-й выпускъ Сборника матеріаловъ по Азіи. С.-Петербургъ. 1886).

странъ, чрезъ которыя должны были слѣдовать казаки, безъ заготовленія продовольствія, обоза, лазаретовъ и даже безъ маршрутовъ. Если экспедиціонному отряду пришлось преодолѣть неимовѣрныя трудности при движеніи по собственной землѣ, то легко себѣ представить плачевную участь, ожидавшую несчастныхъ донцовъ при дальнѣйшемъ движеніи ихъ, въ особенности, за Оренбургомъ!

При всей очевидной нелѣпости и безвредности для британскаго могущества секретной экспедиціи въ Индію, одно извѣстіе о какихъ-то мѣропріятіяхъ, предписанныхъ съ этою цѣлью русскимъ правительствомъ, произвело въ Англіи весьма сильное впечатлѣніе и усилило до послѣдней степени среди англійскихъ государственныхъ людей ненависть къ политической системѣ императора Павла, усвоенной имъ со второй половины 1800 года.

Задумывая походъ въ Индію, императоръ Павелъ не позабылъ также предписать мѣры для обороны Соловецкаго монастыря и 31-го декабря 1800 года писалъ генералу Сухтелену: «Je vous conseille cependant pour repousser les assauts, en cas que les anglais aient la tentation d'en donner, de faire à Solowetz une bonne provision de goudron, dont on se servira bouillant contre les assaillants et de poutres pour les rouler dessus».

Среди этихъ воинственныхъ приготовленій обмѣнъ любезностей между Бонапартомъ и императоромъ Павломъ дѣятельно продолжался. 9-го (21-го) декабря 1800 года первый консулъ писалъ: «Я желаю видѣть скорый и неизмѣнный союзъ двухъ могущественнѣйшихъ націй въ мірѣ... ибо, когда Англія, императоръ Германіи и всѣ другія державы убѣдятся, что какъ воля, такъ и руки нашихъ двухъ великихъ націй стремятся къ достиженію одной цѣли, оружіе выпадетъ у нихъ изъ рукъ, и современное поколѣніе будетъ благословлять ваше императорское величество, какъ избавителя отъ ужасовъ войны и раздоровъ партій».—Императоръ Павелъ отвѣчалъ Бонапарту 2-го (14-го) января 1801 года: «Несомнѣнно, что двѣ великія державы, вошедшія въ соглашеніе между собою, повліяютъ на остальную Европу самымъ положительнымъ образомъ, и я готовъ это исполнить». Наконецъ, 15-го (27-го) января 1801 года, опасеніе предстоявшихъ враждебныхъ дѣйствій со стороны Англіи на Балтійскомъ морѣ побудило Павла сообщить первому консулу слѣдующія наставленія: «Не мнѣ указывать вамъ, что вамъ слѣдуетъ дѣлать, но я не могу не предложить, нельзя ли предпринять или, по крайней мѣрѣ, произвести что-нибудь на берегахъ Англіи; подобныя дѣйствія, произведенныя въ то время, когда она видитъ себя изолированною, могли бы заставить ее раскаяться въ своемъ деспотизмѣ и въ своемъ высокомѣріи. Прошу васъ принять въ соображеніе то, что я вамъ предлагаю и указываю».

Сближеніе Россіи съ Франціею отразилось и на судьбѣ Людовика XVIII; онъ былъ высланъ изъ Митавы, среди глубокой зимы, въ январѣ 1801 года. Сверхъ сего прекращена была еще пенсія, назначенная королю въ размѣрѣ 200.000 рублей.

Трудно сказать, насколько было прочно установившееся съ такимъ видимымъ увлеченіемъ сближеніе съ Франціею. Продолжительность его зависѣла, конечно, отъ такихъ случайностей, предусмотрѣть которыя представлялось невозможнымъ. Достаточно извѣстно, съ какою быстротою императоръ Павелъ мѣнялъ свои симпатіи и антипатіи къ лицамъ и дѣламъ; ему легко было отъ горячаго расположенія и пламенной любви къ человѣку внезапно перейти къ совершенно противоположному чувству и дойти до ожесточенной ненависти къ нему. Въ такомъ случаѣ чувство гнѣва противъ личности распространялось обыкновенно и на дѣло, представителемъ котораго являлась эта личность. Съ подобными случайностями пришлось бы, вѣроятно, познакомиться и Бонапарту при сношеніяхъ съ своимъ новымъ союзникомъ [1].

Касаясь событій этого времени, нужно отмѣтить еще одинъ первостепенной важности фактъ: усиленіе въ Россіи іезуитской пропаганды. Это обстоятельство до послѣдней степени увеличило смуту, господствовавшую среди умовъ въ высшихъ правительственныхъ сферахъ, и окончательно обострило взаимныя отношенія лицъ, преслѣдовавшихъ самыя противоположныя мысли и намѣренія. Укажемъ здѣсь вкратцѣ, какимъ образомъ состоялось это необычайное явленіе—сближеніе двора съ іезуитами. Одному изъ вліятельныхъ представителей ордена, патеру Груберу, удалось, благодаря стеченію благопріятныхъ обстоятельствъ, пріобрѣсти надъ императоромъ Павломъ настолько могущественное вліяніе, что многіе невольно призадумывались надъ возможными послѣдствіями этой новой обстановки въ придворной жизни. Одно ничтожное обстоятельство, которымъ воспользовался Груберъ со свойственнымъ ему умѣніемъ, проложило ему путь къ занятому имъ исключительному положенію: онъ вылѣчилъ императрицу Марію Θеодоровну отъ жестокой зубной боли, съ которою не могли справиться медики, и сумѣлъ приготовить императору Павлу іезуитскій шоколадъ, о которомъ съ удовольствіемъ вспоминалъ государь со времени своего заграничнаго путешествія. Съ апрѣля 1799 года Груберу безпрепятственно открыты были двери кабинета

[1] Скоропостижная кончина императора Павла избавила Бонапарта отъ подобнаго разочарованія, но до того времени всѣ распоряженія правительства клонились въ пользу Франціи. Такъ, напримѣръ, 8-го февраля 1801 года послѣдовалъ слѣдующій указъ: «Вслѣдствіе мѣръ, принятыхъ со стороны Франціи къ безопасности и охраненію россійскихъ кораблей, повелѣваемъ сношенія съ сею державою по торговлѣ разрѣшить и прежде положенныя на сіе запрещенія отмѣнить».

императора, и ему дозволено было являться къ великому магистру во всякое время и безъ всякаго доклада. Подобное отличіе, оказанное скромному іезуиту, стало извѣстнымъ Бонапарту, и онъ воспользовался такимъ драгоцѣннымъ посредникомъ для достиженія своихъ политическихъ цѣлей; между первымъ консуломъ и Груберомъ установились тайныя сношенія, которыя отразились на русской политикѣ того времени. Дружба и сближеніе между государемъ и іезуитскимъ патеромъ способствовали также развитію мальтійскихъ фантазій великаго магистра. Императоръ Павелъ воображалъ съ полною искренностью, что онъ при помощи мальтійскаго ордена спасетъ Европу отъ бѣдствій революціи и вольнодумства; умному и пронырливому іезуиту легко было работать на этой благодарной почвѣ и выставить себя безусловнымъ поборникомъ монархическаго принципа; задача его облегчалась еще тѣмъ, что большая часть мальтійскихъ кавалеровъ, наводнившихъ тогда Россію, находилась въ связи съ іезуитскимъ орденомъ. Среди этой небывалой обстановки русскаго двора возникло естественнымъ образомъ предположеніе о соединеніи церквей православной и римской, при чемъ оказалось, что великій магистръ относится къ этой мысли съ нѣкоторымъ сочувствіемъ.

Насколько это дѣло успѣло созрѣть, ясно видно изъ депеши Лизакевича изъ Рима отъ 24-го января (5-го февраля) 1801 года. Онъ доносилъ, что папа Пій VII, пригласивъ его на аудіенцію, высказалъ при этомъ случаѣ чувства преданности государю и полную готовность служить ему всѣми силами. Папа присовокупилъ, что ему весьма пріятно видѣть императора великимъ магистромъ мальтійскаго ордена, и что онъ самъ готовъ, въ случаѣ гоненія со стороны французовъ, поселиться въ Мальтѣ, когда этотъ островъ будетъ возвращенъ ордену; здѣсь онъ намѣренъ жить спокойно подъ защитою великаго магистра, русскаго императора. Затѣмъ папа сказалъ, что для такого важнаго предмета, какимъ являлся вопросъ о соединеніи церквей, онъ самъ готовъ пріѣхать въ Петербургъ и изустно трактовать съ государемъ, коего характеръ основанъ на истинѣ, правосудіи и вѣрности. Папа называлъ во время разговора императора Павла другомъ человѣчества и безкорыстнымъ защитникомъ и покровителемъ гонимыхъ и угнетенныхъ. Широкимъ планамъ Пія VII не суждено было осуществиться; тщательно воздвигнутое зданіе потерпѣло полное крушеніе 11-го марта 1801 года.

Если политическая система Россійской имперіи подверглась въ короткое время безпрерывнымъ колебаніямъ, то личный составъ сановниковъ, управлявшихъ внѣшними сношеніями, испыталъ не меньше перемѣнъ. Паденіе вице-канцлера графа Панина со времени сближенія Россіи съ Франціею сдѣлалось неизбѣжнымъ. Императоръ Павелъ выразился о немъ: «Je sais qu'il ne manque pas de talents, mais il a trois

défauts capitaux: il est pédant, systématique et méthodique». Къ этой характеристикѣ государь еще прибавилъ: «C'est un romain» [1]. Послѣ этого неудивительно, что 15-го ноября 1800 года графу Панину повелѣно было присутствовать въ сенатѣ, а тайному совѣтнику Колычеву, пожалованному въ дѣйствительные тайные совѣтники, исправлять должность вице-канцлера [2]. Но немилость, постигшая графа Панина, не ограничилась новымъ назначеніемъ. 17-го декабря 1800 года сенаторъ графъ Панинъ былъ отставленъ отъ службы, а вслѣдъ затѣмъ ему повелѣно было оставить немедленно Петербургъ и ѣхать въ свою деревню Дугино. Но такъ какъ Колычеву поручено было вести переговоры въ Парижѣ, то графъ Ростопчинъ остался во главѣ иностранной коллегіи, не имѣя соперниковъ; однако, торжество его было непродолжительно; часъ паденія этого любимца государя уже былъ близокъ, и онъ не избѣгъ участи, одинаково ожидавшей всѣхъ сановниковъ этой тревожной эпохи.

Лагарпъ, хотя и пребывалъ съ 1795 года за границею, также не избѣжалъ печальной участи испытать порывъ гнѣва императора Павла; находясь во время заграничнаго похода русскихъ войскъ во главѣ швейцарскаго правительства, не трудно было вызвать противъ себя неудовольствіе императора. Оно выразилось указомъ отъ 26-го сентября 1799 года, представленнымъ сенату въ копіи орденскимъ церемоніймейстеромъ, сенаторомъ Валуевымъ:

«Его императорское величество, принявъ съ благоволеніемъ и одобривъ представленіе его, г. оберъ-церемоніймейстера, касательно Лагарпа, кавалера ордена святого Владиміра, нынѣ президентомъ въ директоріи Швейцарской находящагося, высочайше указать изволилъ, яко недостойнаго уже быть членомъ знаменитаго общества кавалеровъ, исключить его изъ списковъ и повсюду опубликовать о семъ».

15 октября того же 1799 года, послѣдовалъ другой, не менѣе суровый указъ сенату о Лагарпѣ: «Свѣдавъ о продолженіи пенсіона, прежде опредѣленнаго Лагарпу, и который, по неистовому и развратному поведенію его, долженъ былъ быть остановленъ, повелѣваемъ всю оную сумму, считая отъ самаго того времени, когда оный Лагарпъ началъ явно участвовать въ мятежахъ Швейцаріи, взыскать, безъ исключенія, со всѣхъ чиновъ, состоящихъ въ государственныхъ нашихъ казначействахъ» [3].

[1] Архивъ князя Воронцова, книга 11-я, стр. 164—165.

[2] Степанъ Алексѣевичъ Колычевъ находился въ это время въ Вѣнѣ (онъ замѣнилъ графа А. К. Разумовскаго), но ему не суждено было занять предназначеннаго ему мѣста. Хотя 8-го января 1801 года Колычевъ и пожалованъ былъ въ дѣйствительные вице-канцлеры, но вскорѣ затѣмъ опредѣленъ министромъ въ Парижъ.

[3] 5-го (16-го) іюля 1799 года Лагарпъ написалъ императору Павлу письмо изъ Берна, въ которомъ старался побудить государя принять участіе въ судьбѣ Швейцаріи,

Не довольствуясь всѣмъ этимъ, Павелъ повелѣлъ еще генералу Римскому-Корсакову схватить Лагарпа въ Швейцаріи и съ фельдъегеремъ прислать въ Петербургъ для отправленія въ Сибирь[1]! Однако, несмотря на всѣ эти грозныя мѣропріятія, императоръ за двѣ недѣли до своей кончины спросилъ у цесаревича, не получилъ ли онъ отъ Лагарпа письма. Александръ отвѣтилъ, что, въ виду послѣдовавшаго запрещенія съ нимъ переписываться, онъ сообщилъ объ этомъ Лагарпу, который подчинился волѣ государя. Павелъ возразилъ: «C'est égal; Laharpe est un honnête homme; je n'oublierai jamais ce qu'il m'a dit la veille de son départ»[2].

Лагарпъ, въ свою очередь, несмотря на нанесенныя ему оскорбленія, продолжалъ попрежнему находить въ Павлѣ Петровичѣ много хорошихъ свойствъ и считать его человѣкомъ необыкновенно добрымъ по душѣ—«ce prince infortuné et si méconnu», какъ онъ выражался. Лагарпъ не могъ понять, какимъ образомъ такой государь могъ имѣть столько враговъ!! Въ письмѣ отъ 10-го (22-го) марта 1801 года изъ Плесси-Пике, въ окрестностяхъ Парижа, гдѣ Лагарпъ поселился, онъ просилъ императора Павла возвратить ему право на пенсію, котораго его лишили. Въ этомъ письмѣ Лагарпъ напомнилъ государю слова, которыя онъ сказалъ ему, разставаясь съ нимъ въ 1795 году въ Гатчинѣ: «Vous méritez toute ma reconnaissance; je n'oublierai point les services que vous avez rendu à nos fils; j'espère vous revoir; mais s'il en était autrement, nous nous retrouverons ailleurs». Вмѣстѣ съ тѣмъ Лагарпъ присовокупилъ, что тогда Павлу не была извѣстна причина его удаленія изъ Россіи: «victime de ma loyauté, j'étais éloigné pour n'avoir pas voulu me rendre l'instrument d'autrui».

Письмо Лагарпа не застало Павла въ живыхъ.

убѣждая его признать самостоятельность Гельветической республики. Въ этомъ же письмѣ Лагарпъ упоминаетъ также о томъ, что Павелъ весьма вѣроятно обязанъ своимъ существованіемъ (existence), подвергавшимся большой опасности въ 1793 и 1794 годахъ, его (т. е. Лагарпа) неподкупности и осторожности.

[1] По поводу этого предстоявшаго ему невольнаго путешествія Лагарпъ писалъ: «Le coeur essentiellement bon de Paul I m'était assez connu pour que l'exécution de cet ordre, eut-elle eu lieu, m'eût effrayée». Неисправимый оптимизмъ Лагарпа по отношенію къ Павлу можетъ дѣйствительно возбудить удивленіе.

[2] Когда Лагарпъ пріѣхалъ въ 1801 году въ Петербургъ, послѣ воцаренія его воспитанника, Александръ спросилъ его: «Qu'avez vous donc dit à mon père la veille de votre départ? Votre conversation l'a souvent préoccupé, et quinze jours avant sa mort elle lui revint à la mémoire». (Monnard: «Notice biographique sur le général F. C. de La Harpe».—Paris, 1838, p. 21).

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

I.

Положеніе внутреннихъ дѣлъ въ Россіи вполнѣ соотвѣтствовало запутанности внѣшнихъ сношеній имперіи въ эту эпоху; непослѣдовательность и страстные порывы неограниченно господствовали и здѣсь, сопровождаемые иногда необъяснимыми распоряженіями.

Назначенный 7-го іюля 1799 года генералъ-прокуроромъ сенаторъ Беклешовъ не долго оставался на занимаемомъ имъ мѣстѣ, всего семь мѣсяцевъ; онъ мало уважалъ требованія случайныхъ людей и часто бывалъ съ ними въ размолвкѣ. Подобная политика привела Беклешова къ тому, что 8-го февраля 1800 года онъ былъ уволенъ не только отъ занимаемой имъ должности, но и вовсе отъ службы. Его замѣнилъ генералъ-лейтенантъ Петръ Хрисанфовичъ Обольяниновъ, бывшій гатчинецъ, за которымъ вмѣстѣ съ тѣмъ оставлена была прежняя его должность генералъ-провіантмейстера. Рожерсонъ въ письмѣ къ графу С. Р. Воронцову называетъ Обольянинова «un protégé du favori», то-есть, графа Кутайсова, и прибавляетъ: «mais le maître croit que c'est lui qui l'a fait. Il lui a dit: теперь, слава Богу, у насъ есть свой» [1].

Съ появленіемъ Обольянинова въ генералъ-прокурорской должности дѣла пошли еще хуже прежняго; произволъ водворился окончательно

[1] Архивъ князя Воронцова. Книга 30-я, стр. 115. (Письмо Рожерсона отъ 28-го февраля 1800 года).

Обольяниновъ въ теченіе года былъ осыпанъ наградами. Онъ получилъ чинъ генерала-отъ-инфантеріи, большой крестъ ордена св. Іоанна Іерусалимскаго, орденъ св. Андрея, домъ (на углу Большой Морской и Почтамтской), на 120.000 рублей фарфоровыхъ и серебряныхъ сервизовъ и разныхъ рѣдкихъ вещей. Женѣ его пожалованъ былъ орденъ св. Екатерины меньшаго креста (1-го января 1801 года).

и надъ людьми, и въ дѣловыхъ рѣшеніяхъ. Генералъ-прокуроръ слѣпо исполнялъ всѣ получаемыя повелѣнія и никогда не возражалъ.

Одинъ иностранный дипломатъ, посѣтившій Петербургъ въ 1800 году, пишетъ:

«Въ Россіи отсутствуетъ теперь система въ управленіи. Воля государя олицетворяетъ всю ея политику, а надъ этой волей господствуютъ столь неудержимыя страсти, что оказывается невозможнымъ основывать на нихъ какіе-либо расчеты..... Смерть его отца произвела на него неизгладимое впечатлѣніе. Покойная императрица возбуждала въ немъ нѣчто въ родѣ ужаса. Онъ былъ охваченъ мыслью, что никогда не достигнетъ престола. Самое существованіе его представлялось ему загадкой. Нѣсколько разъ онъ высказывался по этому поводу своимъ близкимъ друзьямъ. Однажды онъ сказалъ графинѣ Розенбергъ, пользовавшейся его расположеніемъ, съ которой онъ познакомился во время своихъ путешествій: «Меня никогда не допустятъ взойти на престолъ, и я на это не разсчитываю; но если судьба возведетъ меня на него, не удивляйтесь тому, что я буду дѣлать; вы знаете мое сердце, но вы не знаете этихъ людей (намекая на русскихъ), а мнѣ извѣстно, какъ нужно обращаться съ ними» [1].

Все случившееся съ 6-го ноября 1796 года въ полной мѣрѣ подтвердило собою полную искренность и правдивость мыслей, высказанныхъ нѣкогда цесаревичемъ Павломъ Петровичемъ. Съ каждымъ днемъ современникамъ его правленія приходилось все болѣе и болѣе удивляться, а вмѣстѣ съ тѣмъ и скорбѣть о томъ, чему они осуждены были сдѣлаться свидѣтелями.

Достаточно привести здѣсь нѣкоторые указы и распоряженія того времени, чтобы объяснить тревожное состояніе умовъ всѣхъ сколько-нибудь мыслящихъ слоевъ русскаго общества.

[1] «La Russie n'a plus de système. Les volontés du souverain sont toute sa politique, et ces volontés sont dominées par des passions si violentes, qu'il est impossible de jamais calculer sur elles..... La mort de son père a fait sur lui une impression ineffaçable. Feue l'impératrice lui inspirait une sorte de terreur. Il était frappé de l'idée qu'il ne parviendrait jamais au trône. Son existence lui semblait un problème. Plusieurs fois il s'en est expliqué avec ses amis intimes; il disait un jour à une comtesse de Rosenberg qu'il a connue dans ses voyages et qu'il aimait beaucoup: «On ne me laissera jamais parvenir au trône, et je n'y compte pas; mais si le sort m'y porte, ne vous étonnez pas de ce que vous me ferez faire; vous connaissez mon coeur, mais vous ne connaissez pas ces gens-là (en parlant des russes), et je sais comme il faut les mener». Je tiens cette anecdote de comte du Haugwitz qui la tenait de madame de Rosenberg elle-même». Mémoire sur la Russie, 1800.—Это записка принадлежитъ перу де-Брè (de Bray), который прожилъ въ Россіи съ ноября 1799 года по 19-е февраля 1800 года и участвовалъ въ депутаціи, присланной отъ баварскаго пріорства Мальтійскаго ордена для изъявленія покорности императору Павлу, какъ великому магистру. Де-Брè написалъ также записку о Франціи временъ перваго консула (Mémoires sur la France en 1803), напечатанную въ «Revue de Paris» 1901 года.

27-го марта 1798 года генералъ-прокуроръ князь Куракинъ сообщилъ новороссійскому гражданскому губернатору, тайному совѣтнику Селецкому, слѣдующее секретное предписаніе:

«Извѣстно государю императору, что тѣло покойнаго князя Потемкина донынѣ еще не предано землѣ, а держится на поверхности въ особо сдѣланномъ подъ церковью погребу [1] и отъ людей бываетъ посѣщаемо, а потому, находя сіе непристойнымъ, высочайше соизволяетъ, дабы все тѣло, безъ дальнѣйшей огласки, въ самомъ же томъ погребу погребено было въ особо вырытую яму, а погребъ засыпанъ землею и изглаженъ такъ, какъ бы его никогда не бывало».

Повелѣніе, сообщенное княземъ Куракинымъ, было въ точности исполнено на мѣстѣ ночью 28-го апрѣля; хотя всѣ эти распоряженія дѣлались секретно, но они вызвали къ жизни легенду, быстро облетѣвшую Россію и проникшую даже за границу, о томъ, что будто бы тѣло князя Потемкина вынуто было изъ гроба и выброшено [2]!

Императоръ Павелъ не удовольствовался, однако, приведеннымъ распоряженіемъ; повелѣно было еще уничтожить памятникъ Потемкину, сооруженный Екатериною въ Херсонѣ [3]. Для характеристики времени

[1] Это была церковь св. Великомученицы Екатерины въ Херсонской крѣпости, начатой постройкою въ 1782 году.

[2] Въ одномъ изъ примѣчаній 1824 года къ своимъ запискамъ графъ Ланжеронъ сообщаетъ слѣдующее о погребеніи князя Потемкина: «On porta son corps à Kherson; il fut placé dans le caveau de l'église de la forteresse. L'Empereur Paul, dont les démarches et les ordres n'étaient pas toujours calculés ni par les convenances, ni par la prudence ou l'humanité, ordonna de jeter ses restes».

[3] Въ царствованіе императора Николая I сооруженъ былъ новый памятникъ князю Потемкину, открытый въ 1836 году, но уже не въ крѣпости, а въ самомъ городѣ Херсонѣ.

Къ указамъ императора Павла, направленнымъ противъ памяти князя Потемкина, слѣдуетъ отнести также указъ отъ 24-го сентября 1800 года: «Новороссійской губерніи городъ подъ названіемъ Григоріополь отнынѣ такъ не именовать, а называть его и быть ему подъ прежнимъ названіемъ того мѣста городомъ Чернымъ». Достойно вниманія, что города Чернаго никогда не существовало, какъ видно изъ указа императрицы Екатерины отъ 23-го февраля 1792 на имя екатеринославскаго губернатора слѣдующаго содержанія:

«Господинъ екатеринославскій губернаторъ Коховскій. Возложа на васъ населеніе и благоустройство земли, новопріобрѣтенной нами отъ Порты Оттоманской, за нужное находимъ особливому вашему поручить попеченію переведенныхъ на оную изъ-за Днѣстра армянъ. Покойный князь Григорій Александровичъ Потемкинъ-Таврическій назначилъ быть городу армянскому подъ именемъ «Григоріополь» у самаго Днѣстра, между долинъ Черной и Черницы, включая и обѣ оныя въ городской выгонъ. Мы, утверждая сіе назначеніе, повелѣваемъ: Первое: отвесть помянутую округу, между долинъ Черной и Черницы лежащую, со вмѣщеніемъ обѣихъ оныхъ, подъ городъ армянскій, который и именовать «Григоріополь»; второе: сдѣлать планъ сему городу и, расположа оный сообразно роду жизни и упражненію трудолюбиваго сего народа, представить его намъ.

можетъ также служить указъ, данный 28-го іюля 1798 года генералъ-прокурору:

«Изъ доклада, поднесеннаго намъ отъ генералъ-аудитора князя Шаховскаго по дѣлу Апшеронскаго мушкетерскаго полка полковника Жукова, усмотрѣли мы развратные поступки Литовской губерніи бржетскаго городничаго Пирха, который, забывъ всѣ обязанности служенія, противу узаконеніевъ нашихъ публично ходилъ въ круглой шляпѣ, во фракѣ и сею неблагопристойною одеждою ясно изображалъ развратное свое поведеніе, употребляя такъ же казенныхъ людей въ свои домашнія услуги, а по тому, выкинувъ изъ службы онаго городничаго Пирха, велѣли мы просить прощеніе при разводѣ на колѣняхъ у полковника Жукова. Вы жъ имѣсте сіе наше повелѣніе содѣлать гласнымъ со всѣми обстоятельствами развратности городничаго Пирха, дабы и всѣ прочіе такового буйства, наглости и пренебреженія должности своей позволять себѣ не дерзали».

Нельзя не упомянуть также о небываломъ, по своей обстановкѣ, столкновеніи, происшедшемъ между императоромъ Павломъ и контръ-адмираломъ Павломъ Васильевичемъ Чичаговымъ. Событіе это совершилось въ Павловскѣ въ 1799 году.

Графъ Кушелевъ, недолюбливавшій Чичагова, наговорилъ о немъ государю передъ назначенною адмиралу аудіенціей разныхъ небылицъ; между прочимъ, Кушелевъ сказалъ, что Чичаговъ намѣренъ перейти на англійскую службу. Тогда разыгралась невѣроятная сцена.

Чичаговъ, ничего не подозрѣвая, вошелъ въ кабинетъ Павла Петровича. Государь стоялъ, окруженный своими адъютантами, и по глазамъ было видно, что онъ сильно прогнѣвался.

— «Вы не хотите мнѣ служить? Вы желаете служить иностранному принцу?»—закричалъ императоръ.

Третіе: между тѣмъ преподавать армянамъ всѣ зависящія отъ васъ вспомоществованія къ водворенію ихъ тамо, произвожденію ремеслъ и открытію фабрикъ, которыя они завесть намѣрены. Архіепископъ армянскій Іосифъ можетъ вамъ въ семъ способствовать, такъ какъ онъ и прежде къ тому былъ употребляемъ. Четвертое: обо всѣхъ ихъ надобностяхъ и просьбахъ, узаконеніямъ вашимъ не противныхъ, имѣете намъ представить, стараясь, дабы не только всѣ перешедшіе въ предѣлы наши сохранены были, но чтобы и находящіеся за границею ихъ единоземцы, видя ихъ благоденствующихъ, къ нимъ присоединялись. Пятое: объ исполненіи сего и прочихъ нашихъ препорученій ожидаемъ мы частыхъ отъ васъ донесеній, пребывая къ вамъ благосклонны.

«Екатерина».

«Февраля 23 дня
«1792 году.
«Санктпетербургъ».

Въ обоихъ случаяхъ, гдѣ упоминается слово Григоріополь, оно было вписано собственноручно императрицей Екатериной.

Павелъ Васильевичъ догадался, въ чемъ дѣло, и хотѣлъ было открыть ротъ, чтобы увѣрить государя въ невозможности этого, желалъ доказать, что англійская конституція не дозволяетъ пріема на службу иностранцевъ, но императоръ затопалъ ногами и еще сильнѣе закричалъ:

— «Я знаю, что вы якобинецъ; но я разрушу всѣ ваши идеи! Уволить его въ отставку и посадить подъ арестъ!» -произнесъ онъ, обратясь къ Кушелеву и къ адъютантамъ.—«Возьмите его шпагу! Снимите съ него ордена!»

Адмиралъ выслушивалъ крики императора совершенно хладнокровно и первый снялъ съ себя регаліи, передавая ихъ адъютанту.

— «Отослать его въ деревню, съ запрещеніемъ носить военную форму; или, нѣтъ, снять ее съ него теперь же!»—продолжалъ сердиться императоръ.

Флигель-адъютанты бросились на адмирала, какъ на звѣря, и съ необыкновенною быстротою раздѣли его. Павелъ Васильевичъ не терялъ присутствія духа и, соображая, что императоръ можетъ наконецъ дойти до послѣдней степени наказанія и послать его въ Сибирь, вспомнилъ, что ему будутъ необходимы деньги, и громко, съ достоинствомъ обратился къ одному изъ флигель-адъютантовъ съ просьбою вернуть бумажникъ, оставшійся въ мундирѣ.

Это хладнокровіе до того поразило услужливыхъ адъютантовъ, что они остолбенѣли и смутились; одинъ изъ нихъ только рѣшился отвѣтить, что они доставятъ ему бумажникъ.

— «Уведите его!»—закричалъ опять императоръ.

Залы и коридоры Павловскаго дворца были переполнены генералами и офицерами, собравшимися послѣ парада, и Павелъ Васильевичъ, шествуя за Кушелевымъ, прошелъ въ одномъ бѣльѣ мимо этой массы блестящихъ царедворцевъ, поздравлявшихъ его полъ-часа тому назадъ съ милостивымъ вниманіемъ, оказаннымъ ему императоромъ на вахтъ-парадѣ [1].

Не успѣлъ Кушелевъ съ адмираломъ дойти до квартиры, какъ флигель-адъютантъ подалъ первому собственноручную записку государя, въ которой заключалось приказаніе посадить Чичагова въ Петропавловскую крѣпость. Усадивъ почти голаго адмирала въ карету, прежде всего его повезли къ графу Палену, который принялъ Павла Васильевича очень ласково и старался успокоить [2].

[1] Въ тотъ день утромъ императоръ Павелъ на вахтъ-парадѣ обошелся съ Чичаговымъ очень милостиво и далъ ему поцѣловать руку, что Павелъ Васильевичъ исполнилъ, преклонивъ колѣно.

[2] Графъ Паленъ получилъ по этому случаю слѣдующія собственноручныя строки императора Павла: «Якобинскія правила и противныя власти отзывы посылаемаго Чичагова къ вамъ принудили меня приказать запереть его въ равелинъ подъ вашимъ смотрѣніемъ».

— «Мы теперь только это и видимъ», говорилъ графъ, «сегодня васъ, а завтра, можетъ быть, и меня».

Въ крѣпости Чичаговъ заболѣлъ горячкою, чуть не умеръ. Его спасло заступничество графа Палена, увѣрившаго императора, что Чичаговъ раскаивается. 1-го іюля 1799 года государь писалъ военному губернатору: «Извольте навѣстить господина контръ-адмирала Чичагова и объявить ему мою волю, чтобы онъ избралъ любое: или служить такъ, какъ долгъ подданнической требуетъ, безъ всякихъ буйственныхъ сотребованій, и идти на посылаемой къ англійскимъ берегамъ эскадрѣ, или остаться въ равелинѣ».—Чичаговъ отдалъ предпочтеніе первому предложенію, и его повезли къ государю. На этотъ разъ Павелъ Петровичъ, прижавъ руку Чичагова къ своему сердцу, сказалъ:

— «Позабудемъ все, что произошло; не будемъ больше объ этомъ думать. А все-таки я не понимаю, какъ вы могли такъ поступить, въ особенности, съ этимъ»,—и государь указалъ на георгіевскій крестъ, висѣвшій на мундирѣ адмирала.

Павелъ Васильевичъ даже удивился словамъ императора, который не только не цѣнилъ, но даже ненавидѣлъ этотъ орденъ.

Затѣмъ государь продолжалъ:

— «Знаете ли, на что похожъ вашъ поступокъ? Это точно я бы напился пьянъ и сталъ бы танцовать въ этомъ состояніи».

Трудно было адмиралу что-либо отвѣтить на эти слова, и онъ счелъ болѣе благоразумнымъ молчать.

— «Если вы якобинецъ», продолжалъ императоръ, «то представьте себѣ, что у меня красная шапка, что я главный начальникъ всѣхъ якобинцевъ, и слушайтесь меня».

— «Я знаю», отвѣтилъ адмиралъ съ достоинствомъ, «что вы носите корону, которую нельзя сравнить съ красною шапкою, и которой, по моимъ принципамъ, слѣдуетъ повиноваться».

— «Въ такомъ случаѣ», сказалъ императоръ, «я вамъ сейчасъ дамъ порученіе и позабудемъ все, что произошло, и останемся друзьями» [1].

Чичагова отправили въ Ревель, а оттуда съ эскадрою онъ отплылъ въ Англію [2].

[1] «Русская Старина» 1883 года, т. 38-й, стр. 494—506, и «Архивъ адмирала П. В. Чичагова».—С.-Петербургъ, 1885. Выпускъ первый, стр. 16—19.

[2] Графъ Паленъ еще разъ спасъ Чичагова. Когда Павелъ началъ готовиться къ войнѣ съ Англіею, онъ вызвалъ Чичагова въ собранный по этому случаю военный совѣтъ. Государь изложилъ собранію свой планъ защиты Кронштадта. Графъ Паленъ все время поддакивалъ императору, говоря: «Sehr militärisch, ihre majestät», хотя присутствовавшіе рѣшительно не понимали мыслей его величества. На вопросъ Павла: «что же вы скажете на все это? Я вамъ позволяю говорить откровенно», Чичаговъ хотѣлъ объяснить настоящее положеніе кронштадтской обороны, но, по счастью, государь

Приведемъ еще нѣсколько примѣровъ необычайныхъ случаевъ, относящихся къ разсматриваемой эпохѣ.

8-го февраля 1800 года въ приказѣ объявленъ былъ въ примѣръ другимъ строжайшій выговоръ умершему генералу Врангелю. Этотъ приказъ выдерживаетъ сравненіе только съ приказомъ Петра III, предписавшаго, чтобы всѣ больные матросы вылѣчились!

18-го апрѣля 1800 года воспослѣдовалъ не менѣе замѣчательный указъ сенату: «Такъ какъ чрезъ вывозимыя изъ-за границы разныя книги наносится развратъ вѣры, гражданскаго закона и благонравія, то отнынѣ, впредь до указа, повелѣваемъ запретить впускъ изъ-за границы всякаго рода книгъ, на какомъ бы языкѣ оныя ни были, безъ изъятія, въ государство наше, равномѣрно и музыку» [1].

Подобный драконовскій законъ вызванъ былъ убѣжденіемъ императора Павла, что «развратныя правила и буйственное воспаленіе разсудка», разсѣянныя въ нѣкоторой части Европы, попрали «законъ Божій и повиновеніе установленнымъ властямъ» [2].

Распоряженія цензуры соотвѣтствовали указу, воспрещавшему ввозъ иностранныхъ книгъ. Достаточно прочесть письма Карамзина къ И. И. Дмитріеву, чтобы убѣдиться въ безотрадномъ положеніи бѣдной

вышелъ на минуту изъ комнаты и приказалъ себя подождать. Графъ Паленъ, пользуясь удобной минутою, шепнулъ Павлу Васильевичу: «Ради Бога, мой милый адмиралъ, образумьтесь, я чувствую ваше намѣреніе, но здѣсь можно только говорить «да» и «очень хорошо»; иначе вы рискуете навлечь на себя новыя неудовольства, безъ того, чтобы это къ чему-нибудь послужило». Чичаговъ объявилъ императору, что онъ ничего не можетъ сказать противъ и думаетъ, что если англичане войдутъ въ заливъ, то никакъ уже не выйдутъ. Когда адмиралъ удалился, то государь сказалъ про него: «онъ исправился, тюрьма ему принесла пользу».

1 Еще мальчикомъ цесаревичъ Павелъ Петровичъ сказалъ 22-го декабря 1764 года Порошину: «куды какъ книгъ-то много, ежели всѣ взять сколько ни есть ихъ; а все-таки пишутъ да пишутъ». (Записки Порошина). Воцарившись, Павелъ вступилъ въ борьбу съ книгой вообще и принялъ радикальныя мѣры для уменьшенія книгъ въ Россіи.

Указу 18-го апрѣля 1800 года предшествовалъ указъ 17-го мая 1798 года объ устройствѣ цензуры во всѣхъ портахъ и строгомъ наблюденіи столичныхъ почтамтовъ за газетами и книгами, получаемыми изъ-за границы. 5-го іюня 1800 года объявлено было высочайшее повелѣніе графу Палену «всѣ типографіи, кромѣ сенатской, академической и перваго кадетскаго корпуса запечатать, дабы въ нихъ ничего не печатать». 7-го іюля повелѣно было типографіи опять распечатать, строжайше наблюдая, однако, чтобы противозаконныхъ и запрещенныхъ книгъ, нотъ и пѣсенъ нигдѣ печатаемо не было. Замѣченная уже не разъ непослѣдовательность сказалась и въ этихъ распоряженіяхъ.

2 Эти выраженія употреблены были въ указахъ 1798 года, данныхъ губернаторамъ пограничныхъ областей о правилахъ, которыя слѣдуетъ соблюдать при пропускѣ въ Россію иностранцевъ.

русской мысли. «Цензура, какъ черный медвѣдь, стоитъ на дорогѣ; къ самымъ бездѣлицамъ придирается», писалъ Карамзинъ. «Я перевелъ нѣсколько рѣчей изъ Демосѳена.... но цензоры говорятъ, что Демосѳенъ былъ республиканецъ, и что такихъ авторовъ переводить не должно и Цицерона также, и Саллюстія также.... grand Dieu! что же выйдетъ изъ моего Пантеона?... Естьли бы экономическія обстоятельства не заставляли меня имѣть дѣло съ типографіею, то я, положивъ руку на олтарь музъ и заплакавъ горько, поклялся бы не служить имъ болѣе ни сочиненіями, ни переводами. Странное дѣло, у насъ есть академія, университетъ, а литература подъ лавкою.... Я, какъ авторъ, могу исчезнуть заживо.... вѣроятно, что цензоры при новыхъ изданіяхъ захотятъ вымарывать и поправлять, а я лучше все брошу, нежели соглашусь на такую гнусную операцію; и такимъ образомъ черезъ годъ не останется въ продажѣ, можетъ быть, ни одного изъ моихъ сочиненій. Умирая авторски, восклицаю: да здравствуетъ россійская литература [1]!»

Правосудіе страдало не менѣе литературы, а приговоры стали напоминать по жестокости самыя темныя страницы русской исторіи.

26-го апрѣля 1800 года, гвардіи поручикъ Петръ Осиповичъ Грузиновъ былъ наказанъ кнутомъ въ Старочеркасскѣ на Дону, а 5-го сентября того же года братъ его, гвардіи полковникъ Евграфъ Осиповичъ Грузиновъ, на томъ же мѣстѣ засѣченъ кнутомъ до смерти [2].

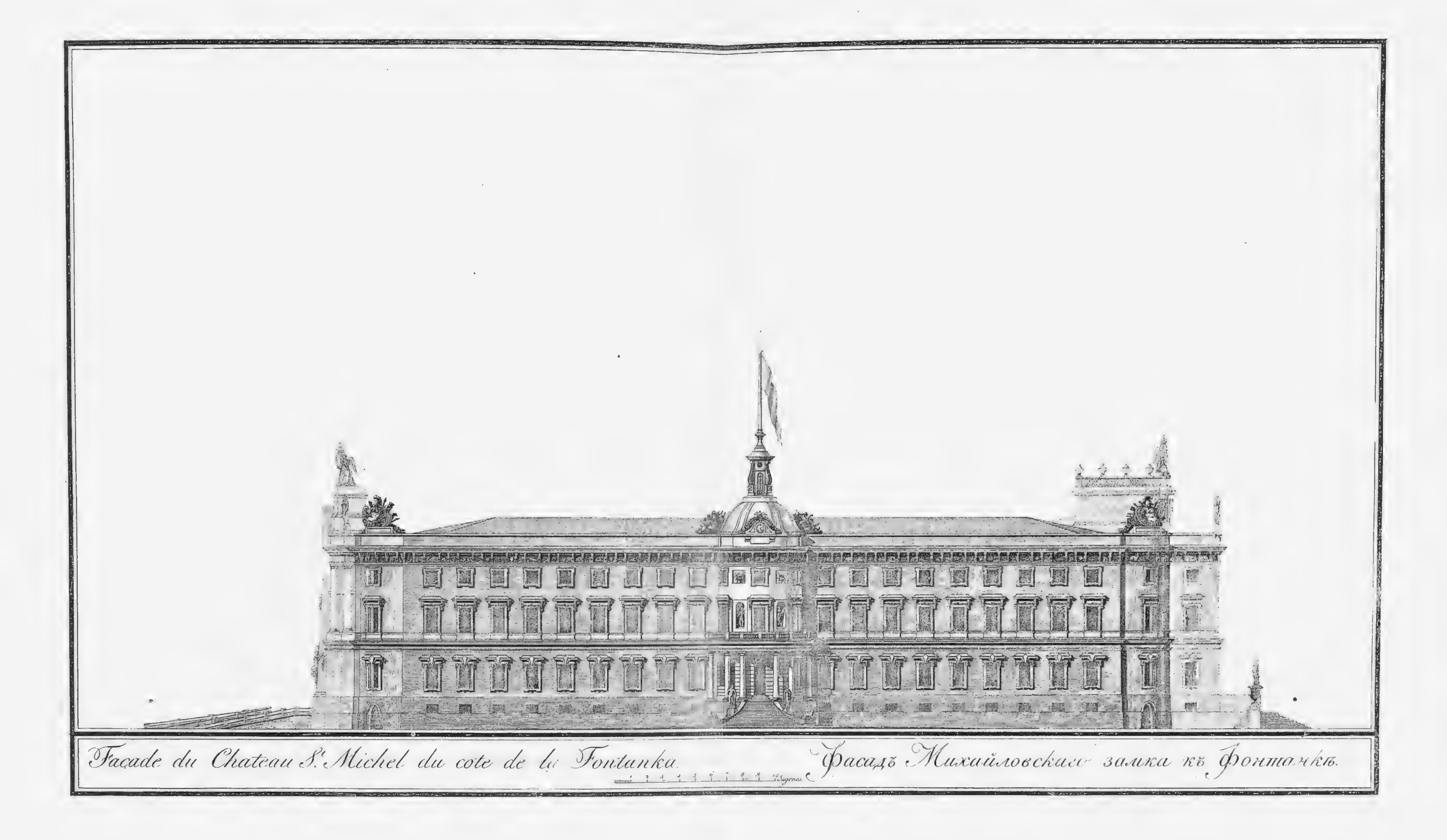
12-го мая 1800 года гарнизоннаго князя Гика полка штабсъ-капитанъ Кирпишниковъ по сентенціи военнаго суда лишенъ былъ чиновъ и дворянства и написанъ вѣчно въ рядовые, съ прогнаніемъ шпицрутеномъ сквозь тысячу человѣкъ разъ [3].

[1] Письма Н. М. Карамзина къ И. И. Дмитріеву.—С.-Петербургъ. 1866, стр. 97, 99 и 103—104.

[2] 26-го августа 1800 года послѣдовалъ указъ Сенату: «Исключеннаго изъ службы полковника Грузинова I, за измѣну противъ насъ и государства, повелѣваемъ, лиша чиновъ и дворянства, наказать нещадно кнутомъ...., а имѣніе его отписать въ казну».

Не всѣ исполнители безчеловѣчныхъ приказаній имѣли храбрость, выказанную шлиссельбургскимъ комендантомъ генераломъ Аникѣевымъ. По разсказу А. П. Ермолова, къ Аникѣеву однажды присланъ былъ французъ, котораго надлежало предварительно высѣчь кнутомъ, а потомъ заключить въ крѣпость. «Почтенный Аникѣевъ приказалъ всѣмъ выйти изъ комнаты, кромѣ француза, и сказалъ ему: «Пока я буду ударять кнутомъ объ полъ, а ты кричи, какъ можно жалостливѣе!» По приведеніи въ исполненіе этой процедуры, Аникѣевъ призвалъ подчиненныхъ, до коихъ доходили крики француза, и сказалъ имъ: «Преступникъ уже наказанъ: отведите его, куда слѣдуетъ!» (Чтенія 1863 года, стр. 215).

[3] На подлинномъ дѣлѣ написано: «лиша чиновъ и дворянства, написать вѣчно въ рядовые и прогнать шпицъ рутеномъ сквозь тысячу человѣкъ разъ. Собственною же его императорскаго величества рукою тако: «Павелъ».—А подъ нимъ: С.-Петербургъ, мая 2-го дня 1800 года. Проступокъ Кирпишникова заключался въ томъ, что онъ въ

Facade du Chateau S.t Michel du cote de la Fontanka. Фасадъ Михайловскаго замка къ Фонтанкѣ.

Наконецъ, 2-го іюня 1800 года пасторъ Зейдеръ подвергся лишенію духовнаго сана, двадцати ударамъ кнута и ссылкѣ въ Сибирь за то, что «не объявилъ о существованіи у него лезебибліотеки, но и раздавалъ изъ оной для чтенія сомнительные и уже запрещенные» [1].

Извѣстный писатель Коцебу, пріѣхавшій къ русской границѣ съ паспортомъ, выданнымъ ему по повелѣнію императора Павла, арестованъ былъ 23-го апрѣля 1800 года въ Полангенѣ и отвезенъ на житье въ Тобольскъ и затѣмъ водворенъ въ городѣ Курганѣ.

Въ приказѣ отъ 10-го августа 1800 года читаемъ: «Его императорское величество даетъ на замѣчаніе генераламъ финляндской инспекціи, что видѣли они сами, сколь далеко они и отъ того даже, чтобы быть имъ генералами посредственными, и что они пока будутъ таковы, вездѣ конечно и всѣми будутъ биты».

Довольно странно, что по поводу приказовъ императора Павла высказано было мнѣніе, не для всѣхъ понятное, что они преслѣдовали воспитательныя цѣли. Достаточно и тѣхъ немногихъ приведенныхъ нами примѣровъ, чтобы убѣдиться, что эта вновь придуманная и примѣнявшаяся неустанно къ русской жизни педагогика была довольно оригинальнаго свойства; она подаетъ, напротивъ того, поводъ къ совершенно иной оцѣнкѣ ея, не имѣющей ничего общаго съ воспитательными цѣлями.

Въ то время какъ по всей Россіи совершались столь необычайныя явленія, въ Петербургѣ медленно угасала жизнь опальнаго представителя русской военной славы. 6-го мая 1800 года скончался генералиссимусъ князь Суворовъ. 12-го мая тѣло почившаго героя перевезено было въ Невскую лавру. Громадная толпа провожала его; печаль и уныніе выражалось на всѣхъ лицахъ. По словамъ біографа Суворова, «въ числѣ поджидавшихъ печальную процессію находился и государь съ небольшой свитой, на углу Невскаго и Садовой. По приближеніи гроба, Павелъ I снялъ шляпу; въ это время за спиной его раздалось громкое рыданіе, онъ оглянулся и увидѣлъ, что генералъ-майоръ Зайцевъ, бывшій въ итальянскую войну бригадъ-майоромъ, плачетъ на взрыдъ, не въ состояніи будучи удержаться. Гроза могла грянуть, но все обо-

пьяномъ видѣ, будучи дежурнымъ, нанесъ унтеръ-офицеру побои и ругался неподобающимъ образомъ. Ранѣе того за неприлежность къ службѣ посаженъ былъ на гауптвахту на хлѣбъ и воду.

[1] Приговоръ юстицъ-коллегіи лифляндскихъ, эстляндскихъ и финляндскихъ дѣлъ былъ ранѣе суда предписанъ высочайшимъ повелѣніемъ, сообщеннымъ ей генералъ-прокуроромъ Обольяниновымъ. На основаніи этого повелѣнія коллегія должна была: «судить его яко преступника законовъ и, наказавъ тѣлесно, сослать въ Нерчинскъ въ работу».

шлось благополучно: государь не смогъ пересилить самого себя, и у него изъ глазъ капали слезы. Онъ похвалилъ Зайцева за искренность чувства; пропустивъ процессію, тихо возвратился во дворецъ, весь день былъ не веселъ, всю ночь не спалъ и безпрестанно повторялъ слово *жаль*» [1].

Суворовская кампанія не измѣнила, однако, взгляда императора Павла на превосходство введенныхъ имъ гатчинскихъ порядковъ. Однажды государь спросилъ у великаго князя Константина Павловича, по возвращеніи его, 27-го декабря 1799 года, изъ итальянской кампаніи, покойна ли теперь одежда для солдатъ во время похода? Императоръ зналъ, что во всю кампанію солдаты штиблетъ не надѣвали, а унтеръ-офицерскія алебарды всѣ изрублены были на дрова во время перехода черезъ Альпійскія горы. «Я готовъ сдѣлать всякую перемѣну въ одѣяніи, ибо удобность познается опытомъ», замѣтилъ государь. Тогда Константинъ Павловичъ рѣшился отвѣчать, что башмаки, штиблеты, а въ особенности унтеръ-офицерскія алебарды, вовсе неудобны въ походѣ. На это императоръ ему сказалъ: «Прикажи одѣть рядового и унтеръ-офицера во всей амуниціи и вооруженіи и представь мнѣ для образца? Великій князь черезъ нѣсколько дней исполнилъ волю своего родителя. Но такъ какъ вновь придуманная форма немного походила на бывшую при императрицѣ Екатеринѣ, государь съ гнѣвомъ сказалъ Константину Павловичу: «Я вижу, ты хочешь ввести потемкинскую одежду въ мою армію; чтобы они шли изъ глазъ моихъ долой!»—и вышелъ изъ комнаты, гдѣ собраны были образцовые солдаты. Великій князь увидѣлъ, но поздно, пишетъ графъ Комаровскій, что «государь хотѣлъ только вывѣдать его мысли на счетъ формы, имъ введенной, а вовсе не перемѣнить оную. Съ тѣхъ поръ началась холодность къ великому князю и ко всѣмъ бывшимъ при немъ, а потомъ гоненія на участвовавшихъ въ итальянской кампаніи» [2].

Графъ Комаровскій прибавляетъ еще къ этому разсказу замѣчаніе, что онъ слышалъ отъ наслѣдника, что «государю завидно было, что князь Суворовъ пріобрѣлъ такую славу, а не онъ самъ; отъ сего въ немъ родилась зависть и ненависть ко всѣмъ служившимъ въ сей знаменитой кампаніи».

[1] А. Петрушевскій. Генералиссимусъ князь Суворовъ, т. 3-й, стр. 372.

[2] Записки графа Е. Ѳ. Комаровскаго. «Историческій Вѣстникъ» 1897 года, т. 69-й, стр. 368.

Манифестомъ отъ 28-го октября 1799 года императоръ Павелъ наградилъ великаго князя Константина Павловича титуломъ цесаревича: «Видя съ сердечнымъ наслажденіемъ, яко государь и отецъ, каковые подвиги храбрости и примѣрнаго мужества, во все продолженіе нынѣшней кампаніи противу враговъ царствъ и вѣры, оказывалъ любезнѣйшій сынъ нашъ, его императорское высочество, великій князь Константинъ Павловичъ, во мзду и вящшее отличіе жалуемъ мы ему титулъ цесаревича».

II.

Не легко жилось въ Россіи современникамъ событій 1800 года; даже выходъ на улицу городскихъ жителей не всегда представлялся дѣломъ безопаснымъ. Непріятности, сопряженныя нерѣдко съ совершеніемъ подобнаго подвига, давали иной разъ тяжело себя чувствовать; неудивительно поэтому, что случайная встрѣча съ императоромъ вызывала, прежде всего, безотчетный паническій страхъ.

«Для означенія общаго расположенія умовъ того времени» П. И. Полетика приводитъ въ своихъ воспоминаніяхъ слѣдующій случай. «Это было въ 1799 или 1800 году. Въ одинъ день, когда я поднимался вверхъ по Почтовой улицѣ къ Малой Морской, я завидѣлъ издали ѣдущаго мнѣ на встрѣчу верхомъ императора и съ нимъ ненавистнаго Кутайсова. Таковая встрѣча была тогда для всѣхъ предметомъ страха. Желая избѣгнуть опасности, я успѣлъ заблаговременно укрыться за деревяннымъ, обветшалымъ заборомъ, который, какъ и теперь, окружалъ Исаакіевскую церковь. Когда, смотря въ щель забора, я увидѣлъ проѣзжающаго государя, то стоявшій неподалеку отъ меня инвалидъ, одинъ изъ сторожей за матеріалами, сказалъ: «Вотъ нашъ Пугачевъ ѣдетъ!» Я, обратясь къ нему, спросилъ: «Какъ ты смѣешь такъ отзываться о своемъ государѣ?» Онъ, поглядѣвъ на меня, безъ всякаго смущенія отвѣчалъ: «А что, баринъ, ты видно и самъ такъ думаешь, ибо прячешься отъ него». Отвѣчать было нечего. Я вышелъ изъ засады и продолжалъ свой путь, радуясь избавленію отъ опасной встрѣчи» [1].

Если хожденіе по улицамъ Петербурга не было вполнѣ безопасно, то что же сказать о войсковыхъ упражненіяхъ? Здѣсь надъ каждымъ изъ участниковъ въ экзерциціяхъ висѣлъ въ полномъ значеніи слова Дамокловъ мечь. Графъ Нессельроде, впослѣдствіи государственный канцлеръ и служившій въ то время въ конной гвардіи, былъ свидѣтелемъ слѣдующаго потрясающаго случая. Однажды императоръ Павелъ дѣлалъ смотръ конно-гвардейскому полку, которымъ командовалъ великій князь Константинъ Павловичъ. При въѣздѣ въ манежъ обыкновенная команда была: дирекція направо; на этотъ разъ государь скомандовалъ: дирекція налѣво. Первый и второй эскадронъ разслышали команду и исполнили волю государя, но офицеръ третьяго эскадрона, бывшій еще на площади при въѣздѣ въ манежъ, приказалъ попрежнему принять дирекцію направо. Императоръ разгнѣвался; раздались грозныя слова: «Непо-

[1] Воспоминанія Петра Ивановича Полетики. «Русскій Архивъ» 1885 года, книга 3-я, стр. 319.

*

слушаніе? снять его съ лошади, оборвать его, дать ему сто палокъ». Несчастнаго офицера, его звали Милюковъ [1], тотчасъ же стащили съ лошади и, сорвавъ съ него эполеты, увели. Никто лучше Константина Павловича не умѣлъ угадать, въ какомъ расположеніи духа императоръ, въ гнѣвномъ или милостивомъ. Нѣсколько дней спустя послѣ этого злосчастнаго смотра, великій князь входитъ въ мраморную залу Зимняго дворца, съ другой стороны показывается императоръ со всѣми признаками благопріятнаго настроенія. Великій князь, дойдя до половины залы, сталъ на колѣни и сказалъ: «Государь и родитель! Дозвольте принесть просьбу». При словѣ «государь» Павелъ остановился и, принявъ величественную осанку, отвѣтилъ: «Что, сударь, вамъ угодно?» — «Государь и родитель! Вы обѣщали мнѣ награду за Итальянскую кампанію; этой награды я еще не получилъ». — «Что вы желаете, ваше высочество?» — «Государь и родитель, удостойте принять вновь на службу того офицера, который навлекъ на себя гнѣвъ вашего величества на смотру конно-гвардейскаго полка». — «Нельзя, сударь! онъ былъ битъ палками». — «Виноватъ, государь, этого приказанія вашего я не исполнилъ». — «Благодарю, ваше высочество. Милюковъ принимается на службу и повышается двумя чинами» [2].

Если въ Петербургѣ трудно было спасти себя отъ множества случайныхъ непріятностей и стѣсненій, то въ Москвѣ жилось также не многимъ легче. А. П. Бутеневъ въ своихъ запискахъ пишетъ, что ко времени второго пріѣзда императора Павла въ Москву «популярность, которою онъ первоначально пользовался, уже очень убавилась, чуть

[1] Петръ Ивановичъ Милюковъ 6-го января 1799 года изъ штандартъ-юнкеровъ произведенъ былъ въ корнеты.

[2] «Воспоминанія о графѣ Нессельроде, сообщенныя дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ Алексѣемъ Петровичемъ Евреиновымъ» (ск. въ 1881 г.). Государственный Архивъ. Разрядъ XI, № 1152.—Графъ Нессельроде былъ въ одномъ эскадронѣ съ Милюковымъ и послѣ этого печальнаго случая почувствовалъ влеченіе перейти на службу по дипломатической части; вскорѣ онъ былъ назначенъ камергеромъ, но и это званіе онъ сохранилъ недолго. 10-го іюня 1800 года графъ Нессельроде, вмѣстѣ съ другими лицами, исключенъ былъ изъ службы за неисполненіе своихъ обязанностей. Когда при императорѣ Николаѣ I собирались справки для пожалованія знака за безпорочную службу, оказалось, что не было ни одного изъ придворныхъ чиновъ прежняго времени, сколько-нибудь значительнаго, кто бы не былъ оштрафованъ. Тогда состоялось высочайшее повелѣніе: штрафы Павловскаго времени не принимать въ расчетъ. Случай съ Милюковымъ разсказанъ также въ запискахъ А. С. Шишкова (стр. 76) съ нѣкоторыми варіантами. Такъ, напримѣръ, Шишковъ пишетъ, что государь приказалъ дать офицеру пятьсотъ ударовъ палками.

Передавая въ своемъ разсказѣ печальный случай съ Милюковымъ, Евреиновъ не сообщаетъ, какой обѣщанной награды ожидалъ еще великій князь Константинъ Павловичъ, потому что еще 28-го октября 1799 года онъ получилъ титулъ цесаревича за кампанію противу враговъ царствъ и вѣры.

не исчезла [1], не столько отъ постоянныхъ передрягъ въ сферѣ высшей (особенно военной) и отъ причудливыхъ и произвольныхъ дѣйствій (отъ которыхъ терпѣли болѣе непосредственно въ Петербургѣ, чѣмъ въ Москвѣ или провинціи), сколько отъ того, что полиція вездѣ должна была преслѣдовать фраки и круглыя шляпы, до такой степени, что даже мальчишки были принуждены носить одежду французскую, трехрогія шляпы, башмаки съ пряжками, вмѣсто курточекъ. Тогдашній военный губернаторъ Архаровъ (Иванъ Петровичъ), оберъ-полицеймейстеръ Эртель и комендантъ Шейдеманъ строжайше наблюдали за точнымъ исполненіемъ этихъ повелѣній. Появленіе этихъ лицъ въ театрѣ или на публичныхъ гуляньяхъ возбуждало тревогу; на нихъ смотрѣли, какъ на помѣху веселью на всѣхъ собраніяхъ и балахъ. Даже и на частныхъ вечерахъ, концертахъ и т. п. хозяинъ дома обязанъ былъ предупреждать полицію, которая посылала квартальнаго въ мундирѣ присутствовать на оныхъ» [2].

III.

12-го августа 1800 года на мѣсто графа Палена назначенъ былъ петербургскимъ военнымъ губернаторомъ Николай Сергѣевичъ Свѣчинъ, произведенный того же числа въ генералы отъ инфантеріи. Эта перемѣна не вызвана была опалою, которая, конечно, могла легко коснуться и графа Палена; напротивъ того, государь благоволилъ къ нему по-прежнему. Что же касается побудительныхъ причинъ, вызвавшихъ назначеніе генерала Свѣчина, то трудно выяснить пока это дѣло съ желаемою точностью.

Безкорыстное заступничество императора Павла за своихъ союзниковъ привело къ тому, что онъ окончательно съ ними поссорился и сталъ готовиться къ войнѣ. Приступлено было къ сформированію двухъ армій: одной въ Литвѣ, а другой на Волыни. Начальство надъ этими арміями предполагалось поручить графу Палену и Голенищеву-Кутузову. Императоръ, желая, вѣроятно, испытать, подъ своимъ непосредственнымъ наблюденіемъ, таланты этихъ двухъ полководцевъ, назначилъ осенью 1800 года большіе маневры въ Гатчинѣ. Однимъ корпусомъ командовалъ графъ Паленъ, другимъ Голенищевъ-Кутузовъ. Государь остался доволенъ ихъ распоряженіями и восторгался тѣмъ, что онъ имѣетъ въ своей арміи двухъ столь отличныхъ тактиковъ.

[1] Sa popularité du premier moment était déjà bien diminuée, sinon disparue.

[2] Воспоминанія Аполлинарія Петровича Бутенева. «Русскій Архивъ» 1881 года, книга 3-я, стр. 14—15.

Souvenirs de mon temps par Apollinaire Bouténeff.—St. Pétersbourg, 1895, pp. 17—18.

Благополучному исходу гатчинскихъ маневровъ много содѣйствовалъ генералъ баронъ Дибичъ [1], который, какъ бывшій адъютантъ Фридриха Великаго, уже по одному этому пользовался особеннымъ расположеніемъ императора [2]. Дибичъ направлялъ государя во время маневровъ столь искуснымъ образомъ, что скрылъ отъ его вниманія случившіеся, конечно, неизбѣжные промахи; вмѣстѣ съ тѣмъ Дибичъ на каждомъ шагу восклицалъ по-нѣмецки: «О великій Фридрихъ! Если бы ты могъ видѣть армію Павла. Она выше твоей». Этимъ кстати проявленнымъ чувствомъ восторга сердце Павла было совершенно покорено, и на участниковъ маневровъ посыпались награды.

8-го сентября, въ третій день маневровъ, императоръ Павелъ возложилъ на графа Палена орденъ святого Іоанна Іерусалимскаго большого креста, а на Голенищева-Кутузова орденъ святого Андрея Первозваннаго, а вмѣстѣ съ тѣмъ щедро наградилъ и ихъ подчиненныхъ.

Въ высочайшемъ приказѣ, послѣдовавшемъ 30-го августа 1800 года, объявлено было, что политическія обстоятельства заставляютъ его величество думать, что послѣдуетъ разрывъ въ дружбѣ съ Англіею, вслѣдствіе чего назначалась армія подъ командою графа Палена, составленная изъ пяти корпусовъ. 26-го сентября графу Палену повелѣно было управлять гражданскою частію Лифляндской, Эстляндской и Курляндской губерній; 27-го сентября онъ назначенъ былъ рижскимъ военнымъ губернаторомъ и лифляндской инспекціи инспекторомъ по кавалеріи и по инфантеріи, а 21-го октября ему вновь повелѣно было быть петербургскимъ военнымъ губернаторомъ съ сохраненіемъ прежней должности [3].

[1] Отецъ будущаго фельдмаршала графа Ивана Ивановича Дибича-Забалканскаго.

[2] Баронъ Дибичъ составилъ для императора Павла описаніе учебнаго времени и маневровъ Потсдамскаго гарнизона. Въ царствованіе императора Александра это сочиненіе Дибича напечатано было въ русскомъ переводѣ подъ заглавіемъ: «Подробное описаніе учебнаго времени и въ продолженіе онаго дѣланныхъ маневровъ Потсдамскимъ гарнизономъ въ царствованіе Фридриха Второго, по всевысочайшему повелѣнію его императорскаго величества государя императора Александра Павловича изданное генералъ-майоромъ и кавалеромъ барономъ Дибичемъ и переведенное съ нѣмецкаго на россійскій языкъ свиты его императорскаго величества по части генералъ-квартермистрской майоромъ Карбоніеръ д'Арситомъ». С.-Петербургъ. 1802.

[3] Въ высочайшемъ приказѣ отъ 13-го ноября 1800 года между прочимъ объявлено было: «по теперешнимъ обстоятельствамъ быть инспекціямъ: финляндской, с.-петербургской, лифляндской, литовской и смоленской—подъ начальствомъ генералъ отъ кавалеріи графа Палена; инспекціямъ же украинской, брестской и днѣстровской—подъ начальствомъ генерала Голенищева-Кутузова, которымъ и быть готовыми къ выступленію въ походъ по первому повелѣнію».

Затѣмъ въ высочайшемъ приказѣ отъ 14-го декабря 1800 года сказано было, что «составляются три арміи: одна подъ начальствомъ генерала отъ кавалеріи графа

Дворъ переѣхалъ въ 1800 году въ Петербургъ ранѣе, чѣмъ въ прошломъ году, и покинулъ Гатчину 1-го ноября.

Настроеніе умовъ было вообще печальное и удрученное. Пользуясь выраженіемъ, употребленнымъ въ 1788 году Екатериною по отношенію къ шведской націи, можно сказать, что и въ Россіи въ 1800 году упражнялись въ тихомъ роптаніи [1]. Повторилось то же, что замѣчено было историкомъ относительно царствованія Петра III: «Всѣ смотрятъ, видятъ, слушаютъ и таятъ злобу, опасаясь казней, страшась Сибири» [2]. Въ воздухѣ чувствовалось что-то необъяснимое, отразившееся даже въ мысляхъ императрицы Маріи Ѳеодоровны. 4-го ноября 1800 года она писала Е. И. Нелидовой:

«Je ne sais, chère Nélidof, d'où vient, mais je trouve que tout a un air de tristesse; peut-être que le manque de soleil y contribue» [3].

Осязательно для всѣхъ началъ разыгрываться заключительный актъ трилогіи, исходную точку которой мы отнесли къ 1741 году; она закончилась трагическимъ столкновеніемъ сына съ отцомъ.

Въ Петербургѣ предстояло торжество, нетерпѣливо поджидавшееся императоромъ Павломъ: освященіе Михайловскаго замка. Это монументальное зданіе было окончено въ баснословно короткій срокъ времени, менѣе чѣмъ въ четыре года. Дворецъ строился по проекту

Палена—подъ Брестъ-Литовскомъ; другая, подъ начальствомъ генерала Голенищева-Кутузова—подъ Владиміромъ на Волыни; а послѣдняя, подъ начальствомъ генералъ-фельдмаршала графа Салтыкова—2-го при Витебскѣ».

Все это осталось, однако, только на бумагѣ; графъ Паленъ не разстался съ Петербургомъ, равно какъ и генералъ Голенищевъ-Кутузовъ; что же касается фельдмаршала графа Салтыкова, то онъ не покидалъ Москвы.

7-го января 1801 года императоръ Павелъ писалъ графу Салтыкову, что онъ намѣренъ прибыть къ 6-му маю въ Москву на двѣ недѣли, «на ревю вашей и украинской инспекцій».

[1] Сборникъ И. Р. И. О., т. 27-й, стр. 525. (Письмо императрицы Екатерины къ князю Потемкину отъ 10-го октября 1788 года).

[2] В. А. Бильбасовъ: Исторія Екатерины II, т. 1-й, стр. 430.

[3] Въ началѣ 1800 года Е. И. Нелидова изъ замка Лоде снова переселилась въ Смольный монастырь, въ свое прежнее помѣщеніе. На это послѣдовало разрѣшеніе императора Павла, который по этому случаю писалъ ей 9-го января 1800 года: «Je suis vraiment sensible à l'opinion que vous avez conservé de mon coeur qui est trop vieux pour se démentir...... Ce que vous désirez, est fait».

Мрачныя предчувствія императрицы Маріи Ѳеодоровны, независимо отъ приведенныхъ нами строкъ изъ письма отъ 4-го ноября 1800 года, нашли себѣ выраженіе и въ болѣе раннемъ письмѣ, отъ 2-го мая того же года. Императрица писала: «Quant à notre train de vie, il n'est pas gai, car notre cher maitre ne l'est pas du tout; mais enfin il n'y a du moins pas de violence. Il porte dans son âme un fond de tristesse qui le mine; son appétit en souffre; il ne mange plus comme ci-devant, et le sourire est rare sur ses lèvres. Je le fixe bien souvent, et mon coeur se serre de le voir dans cet état».

В. И. Баженова[1] и окончательно выполненъ съ нѣкоторыми измѣненіями первоначальнаго проекта архитекторомъ Бренна. По примѣрной смѣтѣ, стоимость сооруженія замка (безъ внутренней отдѣлки) исчислена была въ 791.200 рублей ассигнаціями.

Торжественное освященіе Михайловскаго замка, въ день св. архистратига Михаила, происходило 8-го ноября 1800 года[2]. Шествіе изъ Зимняго дворца мимо войскъ, разставленныхъ шпалерами, и при громѣ пушекъ, началось въ три четверти десятаго часа утра. Императоръ Павелъ и великіе князья слѣдовали верхомъ, а императрица Марія Ѳеодоровна, великія княжны и придворныя дамы въ парадныхъ каретахъ.

По совершеніи обряда освященія церкви, «ихъ императорскія величества, какъ сказано въ камеръ-фурьерскомъ журналѣ 1800 года, изволили въ половинѣ 1-го часа пополудни отсутствовать во внутренніе свои покои, а ихъ высочества, кромѣ одной токмо великой княжны Маріи Павловны, возвратились изъ Михайловскаго зàмка въ Зимній дворецъ, прочія же всѣ разъѣзжались по домамъ.

«Потомъ, въ обыкновенное время, то-есть, въ часъ пополудни, ихъ императорскія величества изволили въ столовой комнатѣ кушать обѣденный столъ на 8-ми кувертахъ, а къ столу приглашены:

«Великая княжна Марія Павловна.

«Генералъ-отъ-инфантеріи Голенищевъ-Кутузовъ.

«Оберъ-гофмаршалъ Нарышкинъ.

«Оберъ-шталмейстеръ графъ Кутайсовъ.

«Генералъ-отъ-кавалеріи графъ Паленъ.

«Оберъ-камергеръ графъ Строгоновъ.

«Въ продолженіе сего стола угодно было ея императорскому величеству по случаю благополучно освятившагося его императорскаго величества Михайловскаго зàмка пить за здравіе государя императора, каковое также тогда произнести изволила и ея императорское высочество великая княжна Марія Павловна, а за нею и всѣ присутствующія за столомъ особы; послѣ чего и его императорское величество при обыкновенномъ своемъ питіи вина изволилъ принести благодарность какъ ея величеству и ея высочеству, такъ и всѣмъ вышеписаннымъ особамъ высочайшее свое благодареніе.

«Кубковъ же на случай сего пріуготовлено не было, а пили оное изъ обыкновенно употребляемыхъ граненыхъ рюмокъ, поставленныхъ передъ каждою особою.

[1] Василій Ивановичъ Баженовъ, вице-президентъ императорской академіи художествъ, р. въ 1737 году, умеръ въ 1799 году.

[2] Припомнимъ здѣсь, что закладка Михайловскаго замка происходила 26-го февраля 1797 года, передъ отъѣздомъ императора Павла въ Москву на коронацію.

«Столъ кончился въ четверть 3-го часа пополудни, послѣ котораго ихъ величества, нѣсколько присутствуя во внутреннихъ Михайловскаго зàмка покояхъ, изволили потомъ изъ онаго отсутствовать въ тридцать пять минутъ того-жъ 3-го часа:

«Государь императоръ съ оберъ-шталмейстеромъ графомъ Кутайсовымъ отъ параднаго подъѣзда въ коляскѣ.

«А государыня императрица съ великою княжною Маріею Павловною отъ малой каменной, что близь тронной ея величества, лѣстницы въ каретѣ.

«И по прибытіи въ Зимній каменный дворецъ, какъ его величество, такъ и ея величество изволили отъ обыкновенныхъ своихъ подъѣздовъ проходить во внутренніе свои покои.

«А въ вечеру на здѣшнемъ Эрмитажномъ театрѣ представлена была французская опера «Лафе Юржель», и по обыкновенномъ для оной собраніи въ томъ театрѣ ихъ императорскія величества изволили съ ихъ императорскими высочествами въ три четверти 7-го часа выходъ имѣть въ Эрмитажъ» [1].

Сырость, господствовавшая повсюду въ чертогахъ вновь отстроеннаго Михайловскаго зàмка, вынудила, однако, императора Павла отложить еще на нѣкоторое время переселеніе съ семействомъ въ новый дворецъ. Въ спальныхъ комнатахъ приступлено было къ устройству деревянной обшивки, чтобы хотя до нѣкоторой степени сдѣлать ихъ обитаемыми. Поэтому только 1-го февраля 1801 года могъ наконецъ состояться столь нетерпѣливо поджидавшійся Павломъ Петровичемъ переѣздъ изъ Зимняго дворца въ зàмокъ.

IV.

Прощеніе и вызовъ въ Петербургъ сосланнаго, какъ выше нами упомянуто, писателя Августа Коцебу совершилось такъ же внезапно, какъ и невольное путешествіе его изъ Полангена въ Сибирь. Повелѣніе объ этомъ дано было 15-го іюня [2], и по прибытіи Коцебу въ Пе-

[1] Изъ этой выдержки, приведенной нами изъ камеръ-фурьерскаго журнала, оказывается, что въ день освященія зàмка не было въ немъ бала-маскарада, какъ нѣкоторые повѣствуютъ о томъ. Этотъ балъ дѣйствительно состоялся, но только 2-го февраля 1801 года. Въ сочиненіи «Императоръ Александръ Первый» ошибочно сказано нами, что въ день освященія зàмка состоялся въ немъ вечеромъ балъ-маскарадъ.

[2] Генералъ-прокуроръ Обольяниновъ писалъ 15-го іюня 1800 года тобольскому гражданскому губернатору, что высочайше повелѣно «отправленнаго къ вашему превосходительству господина Коцебу освободить и возвратить съ посланнымъ съ симъ, съ сенатскимъ курьеромъ, снабдя его по пристойнству экипажемъ и всѣмъ потребнымъ ему для проѣзда, и, сколько на то денегъ употреблено и выдано будетъ, увѣдомить меня для возвращенія оныхъ вамъ». Коцебу выѣхалъ изъ Тобольска въ Петербургъ 11-го іюля.

56

тербургъ императоръ Павелъ назначилъ его директоромъ придворнаго нѣмецкаго театра. Въ этой новой должности Коцебу явился 16-го декабря 1800 года главнымъ дѣйствующимъ лицемъ въ дипломатической мистификаціи, придуманной, неожиданно для всѣхъ, императоромъ Павломъ.

Случилось это, по разсказу Коцебу, слѣдующимъ образомъ.

«16-го декабря въ восемь часовъ утра графъ Паленъ прислалъ ко мнѣ полицейскаго офицера съ приказаніемъ немедленно явиться къ нему. Хотя онъ избралъ вѣстникомъ этого повелѣнія не только добраго, вѣжливаго, знакомаго мнѣ молодого человѣка, и приказалъ ему передать мнѣ, что я не долженъ испугаться, что мнѣ не угрожаетъ ничего дурного, но достаточно было одного появленія посланнаго, чтобы сердце мое затрепетало, а жена должна была прибѣгнуть къ пособію лѣкарствъ.

«Когда я пріѣхалъ, графъ Паленъ сказалъ мнѣ съ улыбкою, что императоръ рѣшился разослать вызовъ или приглашеніе на турниръ ко всѣмъ государямъ Европы и ихъ министрамъ, и что онъ избралъ меня для того, чтобы изложить этотъ вызовъ и помѣстить его во всѣхъ газетахъ. Онъ присовокупилъ, что въ особенности слѣдуетъ взять на зубокъ и выставить въ смѣшномъ видѣ барона Тугута, и что генераловъ Кутузова и Палена слѣдуетъ назвать въ качествѣ секундантовъ императора (что касается мысли о секундантахъ, то она лишь за полъ-часа передъ тѣмъ была передана императоромъ графу Палену въ запискѣ, написанной карандашемъ, еще лежавшей на столѣ графа). Это странное сочиненіе должно было поспѣть въ часъ времени, и мнѣ предписывалось лично представить его императору.

«Я повиновался и черезъ часъ принесъ графу составленный мною вызовъ. Графъ, лучше меня знавшій намѣренія императора, нашелъ, что онъ недостаточно рѣзокъ. Онъ усадилъ меня за свое бюро и заставилъ меня написать другой вызовъ, который понравился ему болѣе. Мы отправились во дворецъ.

«Мы долго дожидались въ передней. Императоръ выѣхалъ верхомъ; онъ вернулся поздно. Графъ вошелъ къ нему съ моею бумагою, довольно долго оставался тамъ и вернулся не въ духѣ. Проходя мимо меня, онъ сказалъ только: «заходите опять ко мнѣ въ два часа; документъ все еще не достаточно силенъ».

«Я вернулся домой, убѣжденный, что не этимъ путемъ заслужу я милость монарха. Но не просидѣлъ я въ моей комнатѣ и получаса, какъ ко мнѣ прибѣжалъ запыхаясь камеръ-лакей императора съ приказаніемъ немедленно къ нему явиться. Я повиновался.

«Въ ту минуту, когда я входилъ въ его кабинетъ, въ которомъ были лишь онъ да графъ Паленъ, онъ всталъ отъ письменнаго стола, сдѣлалъ

мнѣ на встрѣчу шага два и сказалъ мнѣ съ поклономъ, особенно привѣтливымъ: «Г. Коцебу, прежде всего мнѣ нужно примириться съ вами».

«Я былъ сильно пораженъ столь неожиданнымъ пріемомъ. Государи, въ видѣ скипетра, держатъ въ рукахъ волшебный жезлъ, дѣлающій ихъ всемогущими; этотъ жезлъ—милосердіе. Какъ только императоръ произнесъ эти немногія слова, изъ моего сердца тотчасъ исчезло всякое недоброе чувство. Согласно этикету, я хотѣлъ опуститься на колѣна, чтобы поцѣловать у него руку; но онъ привѣтливо приподнялъ меня, поцѣловалъ меня въ лобъ и продолжалъ на прекрасномъ нѣмецкомъ языкѣ:

«Вы слишкомъ хорошо знаете свѣтъ, чтобы не слѣдить за текущими политическими событіями; вы должны знать, какую я игралъ въ нихъ роль. При этомъ я часто поступалъ глупо (ich habe mich oft dumm benommen),—продолжалъ онъ, смѣясь:—справедливость требуетъ, чтобы я за то былъ наказанъ, и въ этихъ видахъ я самъ наложилъ на себя покаяніе. Я желаю, чтобы это (указывая на бумагу, которую онъ держалъ въ рукахъ) было помѣщено въ «Гамбургской газетѣ» и въ другихъ газетахъ».

«Затѣмъ онъ дружески взялъ меня подъ руку, подвелъ къ окну и прочелъ эту бумагу, написанную имъ собственноручно на французскомъ языкѣ. Вотъ ея содержаніе отъ слова до слова, съ сохраненіемъ правописанія императора:

«On apprend de Pétersbourg que l'Empereur de Russie, voyant que les puissances de l'Europe ne pouvait s'accorder entre elle et voulant mettre fin à une guerre qui la désolait depuis onze ans, voulait proposer un lieu où il invitera tous les autres souverains de se rendre et y combattre en champ clos, ayant avec eux pour écuyer, juge de camp et héros d'armes leurs ministres les plus éclairés et les généraux les plus habiles, tels que Ms. Thugut, Pitt, Bernstorff, lui-méme se proposant de prendre avec lui les généraux de Pahlen et Kutusoff; on ne sçait si on doit y ajouter foi; toutefois la chose ne parait pas destituée de fondement, en portant l'empreinte de ce dont il a souvent été taxé» [1].

«При послѣднихъ словахъ онъ отъ души засмѣялся. Я учтиво улыбнулся.

«Чему вы смѣетесь?—спросилъ онъ два раза сряду, весьма быстро и продолжая смѣяться.

— «Тому, что ваше величество имѣете столь точныя свѣдѣнія,—отвѣчалъ я.

— «Вотъ, возьмите,—продолжалъ онъ, передавая мнѣ бумагу:—переведите это на нѣмецкій языкъ. Оставьте у себя оригиналъ и принесите мнѣ съ него копію».

[1] Насъ извѣщаютъ изъ Петербурга, что русскій императоръ, видя, что европейскія державы не могутъ согласиться между собою, и желая положить конецъ войнѣ,

«Я вышелъ и принялся за работу. Послѣднее слово: taxé, затрудняло меня. Слѣдовало ли мнѣ употребить нѣмецкое выраженіе, соотвѣтствующее слову: обвиненъ? Выраженіе это могло показаться слишкомъ сильнымъ и оскорбить императора. По зрѣломъ размышленіи, я избралъ окольный путь, и написалъ (по-нѣмецки): того, на что его часто считали способнымъ.

«Въ два часа я вернулся во дворецъ. Графъ Кутайсовъ обо мнѣ доложилъ. Меня тотчасъ ввели, и я засталъ императора одного.

«Садитесь,--сказалъ онъ мнѣ привѣтливымъ тономъ. Такъ какъ я сперва, изъ уваженія къ его сану, не повиновался, то онъ присовокупилъ тономъ болѣе строгимъ: «садитесь, говорю вамъ». Я взялъ стулъ и сѣлъ за его столъ, насупротивъ его.

«Онъ взялъ французскій оригиналъ и сказалъ мнѣ: «Прочтите мнѣ вашъ переводъ». Я сталъ медленно читать, отъ времени до времени взглядывая на него украдкою. Онъ засмѣялся, когда я дошелъ до слова: поединокъ. Впрочемъ, онъ отъ времени до времени одобрительно кивалъ головою, пока я не дошелъ до послѣдняго слова.

«Считали способнымъ»,—сказалъ онъ:—«нѣтъ, это не то. Вамъ слѣдовало въ точности передать слово taxé». Я осмѣлился ему замѣтить, что по-нѣмецки слово taxer значитъ оцѣнить товаръ, а не поступокъ. «Все это прекрасно»,—возразилъ онъ,—«но счесть способнымъ не передаетъ слова taxer».

«Тогда я отважился спросить тихимъ голосомъ, нельзя ли употребить выраженіе обвиняли.

«Прекрасно, именно такъ: обвиняли, обвиняли»,—повторилъ онъ три или четыре раза, и я написалъ, какъ онъ этого требовалъ. Онъ радушно поблагодарилъ меня за мой трудъ и отпустилъ меня, тронутаго и очарованнаго его любезнымъ пріемомъ. Всѣ видѣвшіе его вблизи засвидѣтельствуютъ, что онъ умѣлъ быть чрезвычайно привѣтливымъ, и что тогда бывало трудно, почти невозможно, противостоять его обаянію.

«На другой день онъ пожаловалъ мнѣ прекрасную табакерку, осыпанную брилліантами, цѣною приблизительно въ двѣ тысячи рублей. Не думаю, чтобы когда-либо за буквальный переводъ двухъ десятковъ строчекъ было получено столь щедрое награжденіе».

уже одиннадцать лѣтъ терзающей Европу, намѣренъ предложить мѣсто, въ которое онъ пригласитъ всѣхъ прочихъ государей прибыть и сразиться между собою на поединкѣ, имѣя при себѣ въ качествѣ приспѣшниковъ, судей поединка и герольдовъ самыхъ просвѣщенныхъ своихъ министровъ и искуснѣйшихъ генераловъ, какъ-то: гг. Тугута, Питта, Бернсторфа; при чемъ онъ самъ намѣренъ взять съ собою генераловъ Палена и Кутузова; не знаютъ, вѣрить ли этому; однако же, извѣстіе это, повидимому, не лишено основанія, ибо носитъ отпечатокъ тѣхъ свойствъ, которыя часто ему приписывали.

Въ такихъ выраженіяхъ Коцебу передаетъ этотъ случай въ сочиненіи своемъ: «Достопамятный годъ моей жизни»[1].

Въ русскихъ газетахъ, а именно: въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» (19-го февраля 1801 года, № 16) и въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» (27-го февраля 1801 года, № 17), появились статьи совершенно одинаковаго содержанія, находившіяся въ связи съ случаемъ, разсказаннымъ Коцебу, но еще болѣе затемнившія эту странную затѣю. Содержаніе ихъ было слѣдующее:

«Изъ Лондона. Января 30.

«Наконецъ открылось, что означаетъ извѣстіе, помѣщенное 30-го числа минувшаго декабря въ «Санктпетербургскихъ Вѣдомостяхъ» № 24 и 34[2]. Загадка разрѣшена. Въ россійскомъ императорскомъ кабинетѣ никакой не произошло перемѣны, и политическія дѣла остались въ прежнемъ положеніи. Статья сія, которой никто понять не могъ, извлечена изъ нѣкотораго письма, писаннаго въ Копенгагенъ бывшимъ датскимъ при россійско-императорскомъ дворѣ министромъ Розенкранцомъ. Говорятъ, якобы его императорское величество во время стола въ день Рождества Христова сказалъ: «Что весьма бы хорошо было, естьли бы государи рѣшились прекратить взаимныя ихъ несогласія, по примѣру древнихъ рыцарей, на опредѣленномъ для подвиговъ полѣ». На сей-то шуткѣ помянутый датскій министръ основалъ извѣстіе, которое онъ посылалъ въ Копенгагенъ. Остановленное на почтѣ письмо его было распечатано и представлено его величеству императору. Его величеству благоугодно было приказать напечатать въ «Санктпетербургскихъ Вѣдомостяхъ» краткую изъ онаго выписку и разослать оную ко всѣмъ своимъ министрамъ, при иностранныхъ дворахъ находящимся. Въ то жъ самое время его императорское величество приказать соизволилъ всему датскому посольству выѣхать изъ Петербурга. Въ нѣкоторыхъ письмахъ утверждаютъ, будто бы Г. Розенкранцъ предупредилъ сіе повелѣніе, и будто бы императорскіе драгуны не могли его догнать. Впрочемъ, происшествіе сіе, повидимому, никакой не произвело перемѣны въ добромъ согласіи между сими двумя дворами. Изъ Копенгагена пишутъ, что неутральный трактатъ ратификованъ его величествомъ, королемъ датскимъ, 10-го числа сего мѣсяца, т. е. спустя мѣсяцъ послѣ подписанія онаго. (Изъ англинскаго журнала)».

[1] Das merkwürdigste Jahr meines Lebens. Von August von Kotzebue. Berlin. 1802. T. 2, pp. 126—135.

[2] Здѣсь слѣдуетъ замѣтить, что такихъ нумеровъ «Вѣдомостей» не появлялось въ печати, равно какъ и извѣстія, о которомъ здѣсь упоминается. Все это одна сплошная мистификація, въ которой трудно разобраться.

V.

Благоволеніе императора Павла къ Коцебу не ограничилось приведеннымъ нами случаемъ. Государь, имѣвшій высокое понятіе о несравненныхъ художественныхъ прелестяхъ и достоинствахъ Михайловскаго замка, поручилъ Коцебу составить подробное описаніе новаго императорскаго жилища. Трудъ Коцебу остался, однако, неоконченнымъ, и сохранилось только краткое изъ него извлеченіе. Приведемъ здѣсь въ сокращенномъ видѣ этотъ очеркъ, какъ единственное современное и вмѣстѣ съ тѣмъ обстоятельное описаніе Михайловскаго замка, какимъ онъ представлялся посѣтителю въ 1801 году.

«Дворецъ этотъ»,— пишетъ Коцебу,—«занимаетъ мѣсто, на которомъ прежде стоялъ Лѣтній дворецъ, построенный Петромъ Великимъ въ 1711 году, при сліяніи Мойки съ Фонтанкою. Императрица Елисавета впослѣдствіи возобновила его; но онъ былъ деревянный и грозилъ паденіемъ. Теперь это—фениксъ, возродившійся изъ пепла.

«Садовая улица упирается въ порталъ. Восемь дорическихъ колоннъ, изъ туземнаго красноватаго мрамора, поддерживаютъ трофеи. Трое рѣшетчатыхъ воротъ открываются между четырьмя гранитными столбами. Вензель императора (въ крестѣ св. Іоанна Іерусалимскаго), орлы, вѣнки, гирлянды изъ вызолоченной бронзы украшаютъ ворота и рѣшетку. Среднія ворота раскрываются лишь для императорскаго семейства. Всѣ трое воротъ ведутъ въ аллею изъ липъ и березъ, посаженныхъ при императрицѣ Аннѣ. Налѣво отъ нея тянется экзерцир-гаузъ, направо конюшни, и она упирается въ два павильона, въ которыхъ помѣщаются чины императорскаго двора.

«Проѣхавъ по подъемному мосту черезъ ровъ укрѣпленія, въѣзжаешь на коннетабль или большую дворцовую площадь. Посреди ея, на мраморномъ пьедесталѣ, покоящемся на трехъ ступенькахъ, возвышается колоссальная бронзовая конная статуя Петра Великаго. Лошадь идетъ шагомъ, всадникъ одѣтъ по-римски, на головѣ у него лавровый вѣнокъ. Статуя эта вылита итальянцемъ, по имени Мартелли, при императрицѣ Елисаветѣ, въ 1744 году, и была забыта въ сараѣ. Благоговѣніе правнука къ прадѣду извлекло ее изъ забвенія. На передней части пьедестала начертана простая надпись:

«Прадѣду Правнукъ.

«Направо и налѣво два бронзовыхъ барельефа, изображающіе Полтавскую битву и взятіе Шлюссельбургской крѣпости.

«Вотъ мы подошли къ самому дворцу. Это обширное зданіе представляетъ совершенно правильный квадратъ. Дворецъ окруженъ со всѣхъ сторонъ рвами съ гранитными одеждами; рвы эти заимствуютъ свою воду изъ Фонтанки; черезъ нихъ переброшено въ разныхъ мѣстахъ пять подъемныхъ мостовъ.

«Подвалы и нижній этажъ выстроены изъ тесаннаго гранита, а два верхніе этажа изъ кирпича, по большей части облицованнаго мраморомъ. Остальныя части стѣнъ окрашены въ красноватый цвѣтъ, происхожденіе котораго преданіемъ, довольно достовѣрнымъ, приписывается рыцарской любезности. Говорятъ, что одна придворная дама [1] однажды явилась въ перчаткахъ этого цвѣта, и что императоръ послалъ одну изъ этихъ перчатокъ въ образецъ составителю этой краски. Надобно сознаться, однако же, что столь рѣзкій красный цвѣтъ болѣе приличенъ для пары перчатокъ, чѣмъ для дворца. Многіе жители Петербурга воспользовались этимъ случаемъ, чтобы тонкимъ образомъ польстить императору, окрасивъ въ этотъ цвѣтъ свои дома.

«Пусть представятъ себѣ первое общее впечатлѣніе, которое должна произвести на иностранца, подходящаго къ этому дворцу, уродливая масса красноватыхъ камней, окруженная рвами и подъемными мостами, вооруженная двадцатью новыми бронзовыми пушками двѣнадцатифунтоваго калибра. Пусть къ этому присоединятъ впечатлѣніе, производимое украшеніями, изъ которыхъ многія находятся въ прямомъ противорѣчіи со всѣми правилами искусства, какъ, напримѣръ, при входѣ въ главный фасадъ, два громадныхъ обелиска изъ сѣраго мрамора, доходящихъ до крыши и украшенныхъ бронзовыми вензелями императора и трофеями изъ бѣлаго мрамора; рядомъ съ этими обелисками, въ маленькихъ нишахъ, статуи (сравнительно весьма мизерныя) Діаны и Аполлона Бельведерскаго изъ бѣлаго мрамора; надъ ними іоническая колоннада, поддерживающая «Portal rustique»; выше, фронтонъ изъ паросскаго мрамора, работы братьевъ Стаджи, изображающій Исторію въ видѣ Молвы, какъ мы ее видимъ на колоннѣ Траяна. Еще выше, на аттикѣ, двѣ богини Славы, поддерживающія императорскій гербъ; и поверхъ всего желѣзная крыша, выкрашенная зеленою краскою, а на ней рядъ женскихъ статуй, увѣнчанныхъ коронами и держащими щиты съ гербами русскихъ областей; затѣмъ, на фризѣ, изъ порфировыхъ плитъ, слѣдующая надпись крупными бронзовыми буквами:

«Дому Твоему подобаетъ святыня Господня въ долготу дней [2].

[1] Княгиня Анна Петровна Гагарина, рожденная княжна Лопухина.

[2] Число буквъ этой надписи (47) соотвѣтствуетъ числу лѣтъ, прожитыхъ императоромъ Павломъ.

«И, наконецъ, надъ воротами, на черной мраморной плитѣ, слово:

«Воскресенскія.

«Пусть представятъ себѣ эту причудливую смѣсь предметовъ, которые, взятые въ отдѣльности, отличаются большими красотами, но, сопоставленные такимъ образомъ, поражаютъ, но не нравятся. Архитекторъ Бренна, завѣдывавшій всею постройкою, увѣряетъ, что эти сопоставленія были именно предписаны императоромъ, будто бы даже сочинившимъ для нихъ рисунки; но есть люди, которые въ этомъ сомнѣваются.

«Церковь выдается овальнымъ выступомъ изъ второго фасада. Она облицована сѣрымъ сибирскимъ мраморомъ и украшена барельефами, изображающими четырехъ евангелистовъ, карнизомъ изъ ангельскихъ головокъ и двумя статуями въ нишахъ, изображающими Вѣру и Упованіе. На аттикѣ мы видимъ святыхъ апостоловъ Петра и Павла, по двумъ сторонамъ креста. Надъ куполомъ церкви возвышается вызолоченный шпицъ. Онъ окруженъ четырьмя свѣтильниками изъ вызолоченной бронзы.

«Надъ воротами, находящимися недалеко отъ церкви, мы видимъ на плитѣ изъ чернаго мрамора слово:

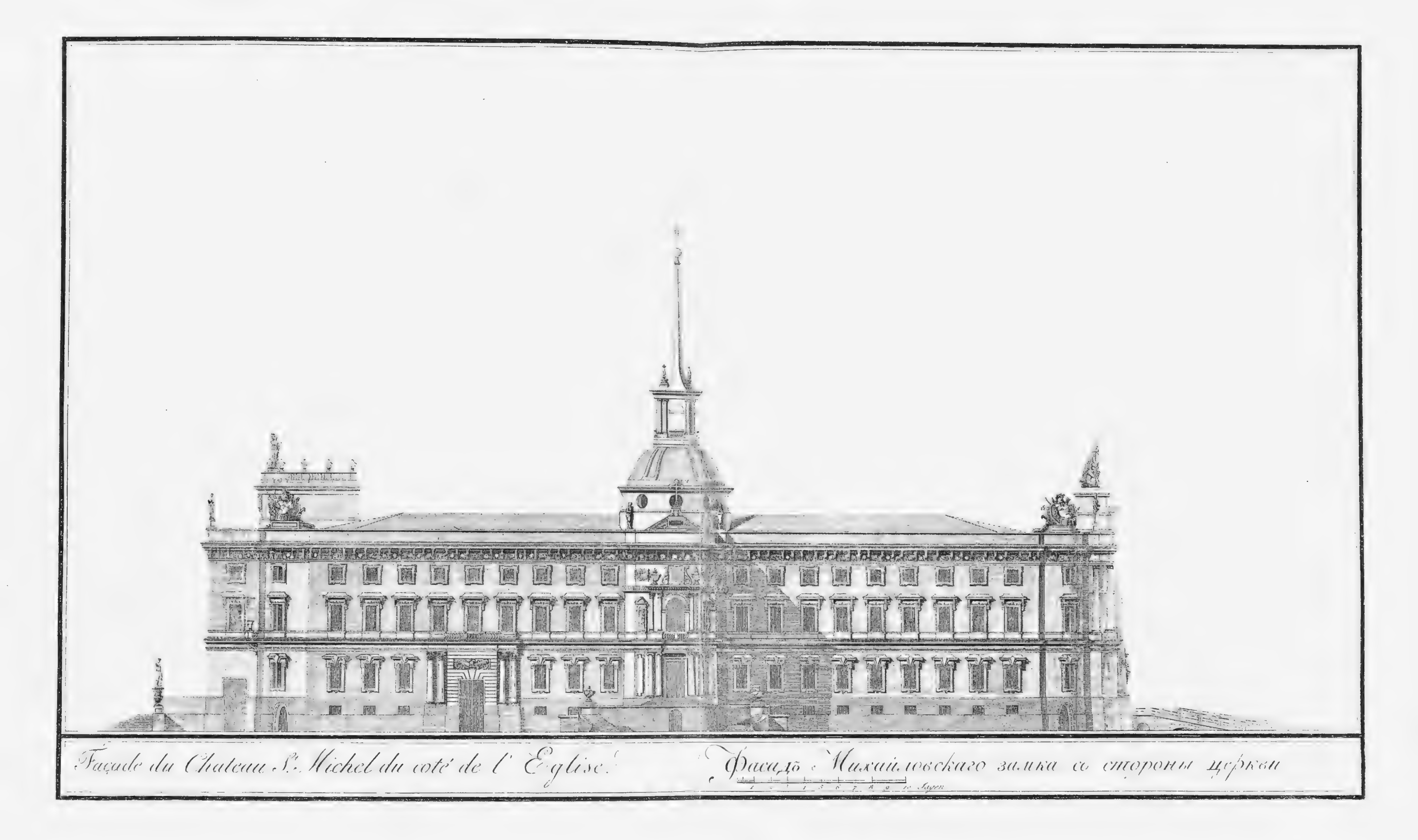
«Рождественскія.

«Я напрасно старался угадать поводъ, по которому императоръ придалъ этимъ двумъ воротамъ названіе Воскресенскихъ и Рождественскихъ.

«Перехожу къ третьему фасу. Онъ обращенъ къ Лѣтнему саду. Круглая лѣстница въ 26 ступенекъ изъ сердобскаго гранита ведетъ въ обширныя сѣни, поддерживаемыя десятью дорическими колоннами изъ красноватаго мрамора. Полъ въ нихъ изъ бѣлаго мрамора. Съ обѣихъ сторонъ, въ двухъ нишахъ, стоятъ двѣ статуи. На площадкѣ лѣстницы, по обѣ стороны, красуются великолѣпныя статуи Геркулеса и Флоры Фарнезскихъ, вылитыя изъ бронзы въ академіи художествъ въ Петербургѣ; рядомъ съ ними, на гранитныхъ консоляхъ, стоятъ двѣ бронзовыя вазы.

«Надъ колоннадою возвышается обширный балконъ, украшенный вазами и четырьмя временами года изъ бѣлаго мрамора. Аттикъ поддерживается шестью каріатидами, между коими французскій художникъ, Тибо, помѣстилъ барельефы изъ бѣлаго мрамора. Надъ крышею, какъ и на главномъ фасѣ, возвышаются статуи, изображающія русскія области.

«Четвертый фасъ украшенъ статуями Геркулеса и Флоры Фарнезскихъ,—та и другая изъ бѣлаго мрамора.

Façade du Chateau S.t Michel du coté de l'Eglise.

Фасадъ Михайловскаго замка съ стороны церкви

«Порталъ поддерживается шестью дорическими колоннами изъ краснаго мрамора, надъ которыми вызвышается аттикъ, окруженный балюстрадою и служащій бельведеромъ. Въ двухъ нишахъ стоятъ статуи Осторожности и Силы. Въ куполѣ помѣщаются дворцовые часы, и, пока императоръ остается во дворцѣ, императорскій флагъ развѣвается на башенкѣ.

«Обошедши вокругъ дворца, мы входимъ въ него съ главнаго фаса, и Воскресенскія ворота вводятъ насъ подъ перистиль, образующій продолговатый четыреугольникъ. Съ каждой стороны проѣзда, разрѣзающаго этотъ перистиль, идетъ колоннада изъ двадцати-четырехъ дорическихъ колоннъ, изъ которыхъ каждая состоитъ изъ цѣльнаго гранита; цоколи и капители изъ Рускольскаго мрамора. Посреди колоннады, между колоннами, стоятъ вазы изъ бѣлаго мрамора, а съ боку, въ нишахъ, двѣ колоссальныя статуи: Геркулеса съ палицею и Александра Великаго.

«Пройдя перистиль, вступаешь во внутренній осьмиугольный дворъ дворца, возвышающійся приблизительно на три аршина надъ уровнемъ окружающей мѣстности. Въѣзжать въ этотъ дворъ позволялось лишь членамъ императорскаго семейства и посланникамъ.

«Невозможно высчитать, какое множество разъ вензель императора повторяется снаружи дворца и внутри его. Во внутреннемъ дворѣ онъ также украшаетъ оконные промежутки. Въ осьми нишахъ помѣщаются восемь статуй, самыя жалкія произведенія, когда-либо выходившія изъ рукъ ваятеля. Онѣ должны представлять Силу, Обиліе, Побѣду Славу и т. п., но это уроды, страшилища, а не статуи; онѣ служатъ новымъ примѣромъ тому разительному сочетанію роскоши съ безвкусіемъ, которое господствуетъ въ этомъ дворцѣ.

«Четыре большія лѣстницы и двѣ другія, меньшихъ размѣровъ, ведутъ со двора во внутренность дворца и запираются большими стеклянными дверьми. Но, не проходя двора, можно было войти изъ перистиля налѣво, въ овальную залу, въ которой тридцать человѣкъ солдатъ и одинъ офицеръ изъ лейбъ-гвардейскаго полка императора (Преображенскаго) постоянно стояли на караулѣ. Этотъ караулъ постоянно смѣнялся другимъ изъ того же полка, между тѣмъ какъ въ другихъ частяхъ дворца стояли караулы изъ другихъ полковъ. Помѣщеніе этихъ тридцати караульныхъ было удачно выбрано: зала, которую они занимали, соприкасалась съ одной стороны съ концомъ перистиля, а съ другой—съ большою парадною лѣстницею, и никто не могъ пройти къ императору обыкновеннымъ путемъ, не проходя мимо этого караула.

«Гранитныя ступеньки парадной лѣстницы подымаются между двумя баллюстрадами изъ сѣраго сибирскаго мрамора и пилястрами изъ полированной бронзы. Стѣны выложены мраморами разныхъ сортовъ. Поля, оставшіяся бѣлыми, предполагалось расписать фресками. На пло-

щадкѣ стояла знаменитая Клеопатра Капитолинскаго музея — превосходная копія изъ бѣлаго мрамора. Въ боковыхъ нишахъ—статуи Осторожности и Правосудія. На верху лѣстницы стояли на часахъ два гренадера.

«Я довелъ читателя до великолѣпныхъ дверей краснаго дерева, богато украшенныхъ щитами, оружіемъ и медузиными головами изъ бронзы. Правая дверь раскрывается, и мы входимъ въ парадные аппартаменты государя.

«Въ овальной передней, въ которой съ удовольствіемъ встрѣчаемъ бюстъ Густава-Адольфа, этого славнаго короля Швеціи, и съ улыбкою смотримъ на плохой аллегорическій плафонъ, писанный русскимъ художникомъ, по имени Смуглевичемъ, мы переходимъ въ обширную залу, отдѣланную подъ желтый съ пятнами мраморъ. Въ этой залѣ висятъ шесть большихъ историческихъ картинъ, вышиною въ восемь аршинъ и шириною приблизительно въ шесть. Это: 1) Полтавская побѣда, писанная Шебуевымъ, прекрасная картина, исполненная силы и выраженія, въ которой главныя лица—Петръ Великій и Шереметевъ. 2) Покореніе Казани царемъ Иваномъ Васильевичемъ, картина, писанная Угрюмовымъ и хорошо сгруппированная. 3) Вѣнчаніе на царство Михаила Ѳеодоровича Романова, дѣда Петра Великаго, очень хорошо исполненная картина Угрюмова, заслуживающаго мѣсто между лучшими историческими живописцами своего времени. 4) Соединеніе русскаго и турецкаго флота и совмѣстное ихъ плаваніе по Босфору, событіе достопамятное, но картина Пречетникова самая посредственная; развѣ воздушная перспектива заслуживаетъ нѣкоторой похвалы. 5) Побѣда князя Димитрія Ивановича Донского надъ донскими татарами на Куликовомъ полѣ и 6) Крещеніе великаго князя Владиміра: обѣ картины англійскаго живописца Аткинсона, обладающаго блестящею кистью, но часто грѣшащаго въ рисункѣ. (Въ этой залѣ, впослѣдствіи, было окончательно выставлено тѣло императора).

«Перехожу съ моимъ читателемъ въ тронную залу. Она была убрана превосходно. Не стану говорить ни о великолѣпномъ зеленомъ бархатѣ, затканномъ золотомъ, которымъ обтянуты стѣны, ни о пышной мебели, ни о колоссальной печи въ тринадцать аршинъ, которая почти вся обложена бронзою; скажу лишь о тронѣ и о томъ, что его окружаетъ. Онъ былъ обитъ краснымъ бархатомъ, богато затканнымъ и вышитымъ золотомъ. Въ углубленіи помѣщался гербъ Россіи, окруженный гербами царствъ Казанскаго, Астраханскаго, Сибири и Великороссійскимъ. Напротивъ трона, въ нишахъ, устроенныхъ надъ дверьми, стояли античные бюсты Юлія Кесаря, Антонина, Луція Вера и т. д. Надъ ними возвышались колоссальныя фигуры Правосудія, Мира, Побѣды, Славы, а вокругъ всей залы помѣщались раскрашенные своими геральдическими цвѣтами гербы всѣхъ

областей, подвластныхъ Россійскому скипетру (въ числѣ семидесяти шести)—символы различныхъ народовъ, населяющихъ эту обширную имперію. Нужно сознаться, что эти украшенія, придуманныя самимъ монархомъ, не могли быть лучше подобраны, и что въ нихъ выразился тотъ благородный и рыцарскій духъ, которымъ онъ отличался, что бы тамъ ни говорили.

«Отмѣчу еще среди великолѣпнаго убранства этой залы зеркало, самое большое во всемъ дворцѣ. Оно цѣльное, въ немъ около шести аршинъ вышины и больше трехъ ширины, и оно было изготовлено въ Петербургѣ; далѣе три превосходныхъ стола, одинъ изъ verde antico, два другихъ изъ зеленаго восточнаго порфира. Каждый изъ этихъ столовъ былъ болѣе трехъ аршинъ длины и болѣе аршина ширины. Они поддерживались бронзовыми геніями, вышиною въ четыре фута. Громадная бронзовая люстра спускалась съ потолка, украшеннаго двумя весьма посредственными аллегорическими картинами. И на той и на другой виднѣлось знамя Мальтійскаго ордена.

«Изъ тронной залы проходишь въ галерею-арабескъ между двумя іоническими колоннами изъ восточнаго порфира, рѣдкой красоты, привезенными въ Петербургъ изъ Рима. На карнизѣ поставлены бюстъ Марка-Аврелія и большія вазы изъ краснаго сибирскаго порфира. Въ пяти нишахъ стоятъ столько же статуй, скопированныхъ въ Римѣ съ антиковъ. Архитектура этой галереи есть подражаніе знаменитымъ ложамъ Рафаэля въ Римѣ, и всѣ части ея, на подобіе ихъ, расписаны разноцвѣтными арабесками работы Пьетро Скотти, съ фигурами Вити. Однако же, работа не была еще вполнѣ окончена.

«Изъ этой галереи, черезъ высокія и широкія двери изъ зеркальныхъ стеколъ, входишь въ галерею Лаокоона, названную такъ въ честь знаменитой группы этого имени, скопированной въ Римѣ съ антика, высѣченной изъ одной глыбы мрамора безъ пятенъ и жилокъ и перевезенной въ Петербургъ безъ малѣйшаго поврежденія.

«Четыре великолѣпныхъ гобелена украшаютъ стѣны и изображаютъ Рыбную ловлю св. Петра, Іисуса, изгоняющаго изъ храма продавцевъ и покупателей, Воскресеніе Лазаря и Марію Магдалину у ногъ Спасителя. Въ нѣкоторомъ противорѣчіи съ этими изображеніями изъ Священнаго Писанія находятся двѣ миѳологическія картины, а именно Діана и Эндиміонъ, да Амуръ и Психея, кои Пацетти скопировалъ съ оригиналовъ знаменитаго Кановы.

«Двѣ картины надъ дверьми, Свиданіе Улисса съ Пенелопою и Гекторъ, прощающійся съ Андромахою, уже пострадали отъ сырости стѣнъ.

«Не стану говорить о драгоцѣнныхъ столахъ, о прекрасныхъ бархатныхъ креслахъ, о разныхъ бронзахъ парижской работы и т. д.

*

Но не слѣдовало подымать глазъ, чтобы не лишиться впечатлѣнія всѣхъ этихъ красотъ. Три большія плафонныя картины портили эту залу: средняя, изображавшая Геркулеса между сладострастіемъ и добродѣтелью, была самая сносная; налѣво — Мужество, награждаемое Достоинствомъ, а направо Правда, обнимающая Миръ, писанныя Смуглевичемъ. Слѣдуетъ замѣтить однакоже, что мысль къ этому плафону подалъ самъ императоръ, что онъ сочеталъ правду съ миромъ, мужество съ достоинствомъ; какая жалость, что исполненіе не было поручено художнику, болѣе искусному!

«Два унтеръ-офицера лейбъ-гвардіи стояли на часахъ съ эспонтонами въ рукахъ у входа въ овальную гостиную, въ которой шестнадцать коринескихъ колоннъ подъ мраморъ поддерживаютъ аттикъ; сводъ же раздѣланный кессонами, покоится на шестнадцати каріатидахъ, работы Альбани; пять аллегорическихъ барельефовъ, которые истолковать не легко, занимаютъ промежутки. Мебель въ этой гостиной была бархатная, огненнаго цвѣта, отдѣланная серебряными шнурками и кистями, что производило весьма красивый эффектъ.

«Плафонъ, работы Виги, и писанный гораздо лучше, чѣмъ предыдущіе, изображаетъ собраніе боговъ Олимпа. Юпитеръ словно плаваетъ въ морѣ свѣта, и все вмѣстѣ указываетъ на замѣчательный талантъ.

«Эта гостиная соприкасается съ большою мраморною залою. На одномъ изъ концовъ залы устроены хоры изъ бѣлаго мрамора съ балюстрадою изъ полированной бронзы, на которой стояло десять большихъ бронзовыхъ канделябровъ въ формѣ вазъ. Потолокъ былъ еще не отдѣланъ: въ Римѣ писали «Парнассъ», который предназначали для его украшенія.

«Большая ниша, поддерживаемая двумя великолѣпными іоническими колоннами изъ сибирскаго камня, раздѣляла залу на двѣ равныя части. Въ этой нишѣ устроенъ каминъ изъ бѣлаго мрамора. Въ нишахъ стояли четыре статуи, скопированныя въ Римѣ съ антиковъ, а именно: Вакхъ, Меркурій, Флора и Венера.

«Въ другомъ концѣ залы находилась обширная ниша, образуемая двумя большими іоническими колоннами; черезъ нее проходили въ круглую тронную залу.

«Шестнадцать колоссальныхъ атлантовъ поддерживали куполъ; стѣны были обтянуты краснымъ бархатомъ, затканнымъ золотомъ, и украшены вызолоченною рѣзьбою. Всѣ окна были завѣшаны тою же матеріею, за исключеніемъ одного, изъ цѣльнаго стекла, въ массивной серебряной рамѣ. Тронъ, стоявшій въ этой залѣ, отличался отъ того, который находился въ тронной, лишь количествомъ ступенекъ. У послѣдняго было восемь ступенекъ, у этого лишь три. Большая люстра и восемь канделябровъ были всѣ изъ массивнаго серебра.

«Незадолго до своей кончины императоръ велѣлъ произвести въ этой залѣ нѣкоторыя измѣненія. Красный бархатъ на стѣнахъ долженъ былъ исчезнуть и уступить мѣсто бархату желтому, съ великолѣпнымъ серебрянымъ шитьемъ. Вообще всѣ предметы и украшенія этой залы (даже тронъ) должны были быть сдѣланы изъ массивнаго серебра, и серебряныхъ дѣлъ мастерамъ уже было отпущено на этотъ предметъ сорокъ пудовъ серебра.

«Изъ этой залы открывалась дверь во внутренніе аппартаменты императрицы. Первая комната была обита коврами en haute-lice, на свѣтло-голубомъ фонѣ которыхъ были вытканы виды Павловска. Въ глубинѣ комнаты была ниша, поддерживаемая двумя великолѣпными порфировыми колоннами іоническаго ордена, а передъ нею стояла группа изъ карарскаго мрамора, изображающая Аполлона и Дафну, копія съ Бернини.

«Роскошныя двери въ кабинетъ, обремененный украшеніями и художественными предметами до такой степени, что на первый взглядъ они утомляли глаза.

«Кабинетъ этотъ соприкасается съ парадною спальней, убранною проще, и поэтому самому пріятнѣе для глаза. Комната эта очень велика. Стѣны ея отдѣланы подъ мраморъ. За балюстрадою изъ массивнаго серебра стояла кровать, украшенная богатою вызолоченною рѣзьбою, подъ свѣтло-голубымъ бархатнымъ балдахиномъ, съ серебряными кистями. Коринѳскія колонны направо и налѣво поддерживаютъ карнизъ, расписанный арабесками на золотомъ полированномъ фонѣ; между колоннами помѣщаются диваны, обтянутые голубымъ бархатомъ, и большія цѣльныя зеркала. Каминъ въ этой комнатѣ—изъ бѣлаго каррарскаго мрамора. Смыслъ аллегорическаго плафона остался для меня неяснымъ.

«Зала рядомъ съ этою парадною спальней убрана просто и служила то столовою, то концертною залою. Кромѣ двухъ каминовъ и нѣкоторыхъ вазъ изъ сибирскаго порфира, она не представляла ничего замѣчательнаго. Я, однако же, очень любилъ ее, потому что въ ней играли молодые великіе князья. Нѣсколько разъ находилъ я ихъ тутъ: это дѣти, исполненныя веселости и живости, и чрезвычайно вѣжливыя и привѣтливыя со всѣми. Материнская нѣжность распорядилась такъ, чтобы стеклянныя двери, ведущія на балконъ, до высоты около четырехъ футовъ были заложены подушками, во избѣжаніе несчастныхъ случаевъ.

«Выходя изъ этой залы налѣво и оставляя вправо внутренніе аппартаменты императрицы, мы черезъ довольно невзрачную комнату проходимъ въ ея тронную залу. Самый тронъ отличается отъ трона императора лишь меньшими размѣрами и тѣмъ, что онъ стоитъ на одной ступенькѣ. Большая ниша, поддерживаемая двумя колоссальными каріатидами, содержитъ въ себѣ великолѣпный каминъ изъ бѣлаго мра-

мора, украшенный барельефомъ, изображающимъ девять музъ. Роскошь меблировки та же, какъ и въ прочихъ комнатахъ. Плафонъ, писанный Меттенлейтеромъ, изображаетъ судъ Париса и не лишенъ достоинствъ, точно такъ же, какъ и картины надъ дверьми, работы Безсонова, воспитанника академіи художествъ въ Петербургѣ, изображающія Живопись, Ваяніе и Зодчество.

«Около тронной залы находится галерея Рафаэля: это названіе она получила отъ четырехъ великолѣпныхъ ковровъ en haute-lice, покрывающихъ почти во всю длину одну изъ четырехъ стѣнъ [1]. Это превосходныя копіи съ четырехъ извѣстныхъ картинъ Рафаэля, находящихся въ Ватиканѣ, а именно: Константинъ, держащій рѣчь своимъ войскамъ въ день битвы съ Максентіемъ; изгнаніе Геліодора изъ храма; знаменитая Аеинская школа и столь же знаменитый Парнассъ, въ которомъ Аполлонъ играетъ на скрипкѣ. Большая плафонная картина и двѣ малыя, писанныя Меттенлейтеромъ, заслуживаютъ вниманія. Средняя изображаетъ храмъ Минервы, на ступеняхъ котораго расположены Свободныя Искусства. Лицо грека, изображающаго Зодчество,—портретъ архитектора Бренна, а самого себя Меттенлейтеръ изобразилъ въ аллегорической фигурѣ Живописи. Маленькія плафонныя картины изображаютъ одна Прометея, оживляющаго человѣка, другая — Прилежаніе и Лѣность. Великолѣпныя бронзы, мраморные камины и т. п. украшаютъ также и эту галлерею.

«Ведетъ она въ залу, въ которой находится прекрасная античная статуя Вакха и другая, новѣйшая, пожалуй, столь же прекрасная, изображающая Діану, работы Гудона. Вся зала была наполнена бюстами, барельефами, саркофагами, античными вазами и т. п. весьма различной цѣнности.

«Зала эта соприкасается съ караульною комнатою, въ которой постоянно стоялъ на часахъ взводъ конногвардейцевъ. Прихожая эта украшена лишь четырьмя іоническими колоннами и плафономъ работы Смуглевича, представляющимъ Курція, довольно неловко кидающагося въ пропасть.

«Вотъ мы опять вернулись къ большой парадной лѣстницѣ, прошедши парадные аппартаменты императора и императрицы.

«Читателю, конечно, будетъ любопытно ознакомиться со внутренними аппартаментами императора и императрицы. Дверь изъ Рафаэлевской галереи вела въ аппартаментъ государя. Прихожая, весьма просто расписанная, была украшена лишь семью картинами Ванлоо, изображавшими легенды изъ жизни св. Григорія.

[1] Въ камеръ-фурьерскомъ журналѣ Рафаэлева галерея постоянно называется Готлисовой комнатой.

«Вторая комната, бѣлая, съ золотыми разводами, представляла въ поляхъ стѣнъ прекрасные ландшафты и нѣкоторые виды самого дворца. Но особеннымъ украшеніемъ служилъ сей плафонъ, работы Тьеполо, изображавшій Марка Антонія и Клеопатру. Простодушное невѣжество художника самымъ забавнымъ образомъ погрѣшило противъ костюма.

«Въ третьей комнатѣ стѣны почти совсѣмъ заняты шестью ландшафтами Мартынова, представляющими виды дворцовъ Гатчинскаго и Павловскаго. Въ шести нарядныхъ шкапахъ изъ краснаго дерева, на которыхъ стояло двадцать великолѣпныхъ вазъ изъ порфира, восточнаго алебастра и т. п., заключалась частная библіотека императора. Въ этой комнатѣ находились лейбъ или камеръ-гусары. Боковая дверь вела отсюда въ кухню, исключительно назначенную для государева стола, въ которой готовила кушанье кухарка-нѣмка. Незадолго передъ тѣмъ онъ велѣлъ устроить точно такую же кухню въ Зимнемъ дворцѣ, совершенно рядомъ со своими частными аппартаментами.

«Другая дверь вела въ маленькую комнату, назначенную для камеръ-гусаровъ и непосредственно соприкасавшуюся съ витою лѣстницею, сдѣлавшеюся впослѣдствіи знаменитою; она вела на дворъ, на которомъ стоялъ одинъ часовой.

«Изъ библіотеки была дверь въ кабинетъ и вмѣстѣ съ тѣмъ спальню императора, гдѣ онъ проводилъ время днемъ, и гдѣ онъ скончался. Множество ландшафтовъ, по бо̀льшей части, Верне, нѣкоторые же изъ нихъ Вувермана и Вандермейлена, висѣли по стѣнамъ, обложеннымъ деревомъ, окрашеннымъ въ бѣлый цвѣтъ. По серединѣ стояла маленькая походная кровать, безъ занавѣсокъ, за простыми ширмами; надъ кроватью висѣлъ ангелъ работы Гвидо Рени. Въ одномъ углу комнаты помѣщался портретъ рыцаря-знаменосца, работы Жанъ Ледюкъ, которымъ очень дорожилъ императоръ. Плохой портретъ Фридриха II и плохая гипсовая статуя, изображающая этого же короля верхомъ, помѣщенная въ углу на мраморномъ пьедесталѣ, составляли странную противоположность съ этими великолѣпными картинами.

«Письменный столъ императора былъ замѣчателенъ во многихъ отношеніяхъ. Онъ покоился на іоническихъ колоннахъ изъ слоновой кости, съ бронзовыми цоколями и капителями; рѣшетка изъ слоновой кости самой тонкой работы, украшенная маленькими вазами тоже изъ слоновой кости, окружала его.

«Еще на одной изъ стѣнъ висѣла картина, изображавшая всѣ формы обмундированія русской арміи. Умалчиваю объ остальномъ драгоцѣнномъ убранствѣ.

«Говорили и тысячу разъ повторяли, что у императора въ спальнѣ былъ трапъ и нѣсколько потаенныхъ дверей. Могу засвидѣтельствовать неточность этихъ показаній. Великолѣпный коверъ, покрывавшій полъ,

исключалъ возможность существованія ихъ; сверхъ того, печь стояла не на ножкахъ, и, слѣдовательно, подъ нею не было свободнаго пространства, какъ то увѣряли. Въ комнатѣ, правда, было двое дверей, скрытыхъ занавѣсью, но одна изъ нихъ вела въ чуланчикъ, имѣющій извѣстное назначеніе, другою запирался шкапъ, въ который складывались шпаги арестованныхъ офицеровъ. Двойныя двери, которыя изъ комнаты императора вели въ аппартаментъ императрицы, не были открыты, а были заперты ключомъ и задвижкою.

«Проходъ изъ библіотеки въ спальню также состоялъ изъ двухъ дверей, и, благодаря чрезвычайной толщинѣ стѣнъ, между этими двумя дверьми оставалось пространство, достаточное для того, чтобы могли устроить направо и налѣво двѣ другія, потаенныя, двери. Тутъ онѣ дѣйствительно были: дверь направо (если выйти изъ спальни) служила для помѣщенія знаменъ; дверь налѣво открывалась на потаенную лѣстницу, черезъ которую можно было спуститься въ аппартаменты императора, находившіеся въ нижнемъ этажѣ.

«Тутъ прежде всего встрѣчалась большая комната, отдѣланная деревомъ со вставленными въ стѣну старинными часами, устроенными въ 1714 году Динглингеромъ въ Дрезденѣ. Трое серебряныхъ стрѣлокъ указывали, кромѣ часовъ, измѣненія въ температурѣ и въ направленіи вѣтра. Эти часы прежде находились въ садовомъ домикѣ Петра Великаго.

«Затѣмъ слѣдуетъ круглый кабинетъ, также обдѣланный деревомъ, въ которомъ стояли двѣ итальянскія статуи, Весталка и женщина, совершающая жертвоприношеніе; далѣе—Аполлонъ, сдѣланный въ Петербургской академіи художествъ, великолѣпныя вазы изъ севрскаго фарфора и драгоцѣнный столъ.

Въ ближайшей комнатѣ, опять таки обдѣланной деревомъ, висѣлъ вышитый портретъ Петра Великаго, и находились великолѣпныя вазы.

«Послѣдняя комната, та, въ которой императоръ обыкновенно работалъ, была отдѣлана орѣховымъ деревомъ. Комната эта въ цѣломъ производила впечатлѣніе пріятное и спокойное. Мебель въ ней была великолѣпная. Фарфоровый дежене, Петербургской фабрики, съ видами Михайловскаго дворца, служилъ новымъ свидѣтельствомъ о пристрастіи этого монарха къ своему созданію.

«Еще два слова объ аппартаментахъ, занятыхъ императрицею. Ходъ въ нихъ былъ черезъ концертную или столовую залу, о которой была рѣчь выше. Комната, радующая взоръ своимъ изящнымъ и веселымъ видомъ [1], вела въ парадную гостиную, стѣны которой были отдѣланы сѣрымъ сибирскимъ мраморомъ, поля ляписомъ и порфиромъ, съ бордю-

[1] Въ камеръ-фурьерскомъ журналѣ она называется кавалерскою или гостиною.

рами изъ пестраго мрамора и богатыми украшеніями изъ вызолоченной бронзы. Мебель соотвѣтствовала убранству стѣнъ. Люстра изъ самаго лучшаго хрусталя стоила 20.000 рублей.

«Уборная и рабочая комната императрицы была смежна съ этою гостиною. Она была обдѣлана деревомъ; книжные шкапы и коммоды были изъ лучшаго краснаго дерева. Письменный столъ занималъ середину комнаты. На немъ видны были многочисленные слѣды частаго пользованія имъ. Меня увѣряли, что въ послѣднее время императрица сдѣлала изъ этой комнаты свою спальню, такъ какъ въ ней не было никакой сырости.

«Наконецъ, послѣдняя комната была круглый будуаръ или кабинетъ, блистающій роскошью. Свѣтло-голубой бархатъ покрывалъ стѣны. Въ особенности любовался я большою вазою изъ краснаго порфира на такомъ же пьедесталѣ, съ малахитовымъ цоколемъ и верхомъ. Паркетъ былъ покрытъ ковромъ en haute-lice.

«Этотъ кабинетъ, занимавшій уголъ дворца за спальнями императора и императрицы, дѣлалъ эти двѣ комнаты смежными. Онѣ были раздѣлены лишь стѣною. Но стѣна эта до того толста, что легко понять, почему императрица могла узнать лишь поздно о кончинѣ императора.

«Кромѣ императора и императрицы, въ этомъ этажѣ жили только великій князь Константинъ, его супруга и камеръ-фрейлина Протасова. Часы въ комнатѣ великой княгини Анны всегда поражали меня; на нихъ была надпись: L'amour réduit à la raison. Амуръ изображенъ на нихъ въ цѣпяхъ, и конецъ цѣпи держитъ Разумъ. Тутъ, подъ глазами прелестной и любезной великой княгини, наказаніе это не кажется слишкомъ суровымъ. Въ аппартаментѣ ея супруга стоитъ копія съ гермафродита изъ виллы Боргезе и съ Венеры, выходящей изъ купальни, изъ Флорентійской галереи.

«Въ нижнемъ этажѣ, кромѣ очень маленькаго театра, который даже не оконченъ, замѣчательна только церковь. Четырнадцать іоническихъ колоннъ изъ цѣльнаго сердобскаго гранита поддерживаютъ хоры. Въ самомъ верху, въ углубленіи, перспектива замыкается большою картиною (писанною, къ сожалѣнію, Смуглевичемъ), изображающею архангела Михаила, повергающаго демона въ бездну. Стыдливый художникъ, изобразившій эту группу in naturalibus, прибѣгнулъ къ странному пріему для того, чтобы не нарушить приличій. Всякій демонъ прикрываетъ какъ бы случайно, рукою или ногою, тѣ части тѣла своего сосѣда, которыя живописцу было желательно скрыть, что̀, въ сущности, выходитъ крайне неприлично. Въ куполѣ плафонъ изображаетъ Троицу, окруженную головами ангеловъ. Къ счастію для художника, живопись его до того пострадала отъ сырости, что разсмотрѣть ее почти невозможно.

58

Четыре трибуны, по обѣимъ сторонамъ алтаря, огороженныя мраморными и бронзовыми балюстрадами, были назначены для императорской фамиліи.

«Остальную часть нижняго этажа занимали великій князь Александръ и его супруга, молодой великій князь Николай Павловичъ, любимецъ императора, князь Гагаринъ, оберъ-гофмаршалъ Нарышкинъ и графъ Кутайсовъ. Чтобы не впадать въ длинноты, ограничусь описаніемъ аппартаментовъ великаго князя-наслѣдника: они были менѣе великолѣпны, но, признаюсь, нравились мнѣ болѣе, чѣмъ парадныя комнаты бель-этажа. Вмѣстѣ съ тѣмъ припоминаю съ благодарностью необыкновенную учтивость, привѣтливость и предупредительность всѣхъ лицъ, окружавшихъ великаго князя. Доброта господина согрѣла сердца всѣхъ слугъ, и каждый изъ нихъ говорилъ съ восторгомъ о благородной четѣ, при которой онъ имѣлъ счастіе состоять.

«Уборная великой княгини Елисаветы, нынѣ императрицы, была обтянута великолѣпною ліонскою матеріею. Двѣ прекрасныя колонны изъ олонецкаго мрамора, краснаго съ бѣлымъ, украшали нишу. Около ниши стояли двѣ статуи изъ каррарскаго мрамора: горюющая женщина, подпирающая голову рукою, и молодая дѣвушка, играющая съ голубемъ.

«Съ этою комнатою былъ смеженъ прелестный кабинетъ, весь въ зеркалахъ. Въ нишѣ, поддерживаемой двумя колоннами, стоялъ диванъ, обтянутый, какъ и остальная мебель, розовымъ бархатомъ; трудно описать то отрадное и успокоительное впечатлѣніе, которое производило это убранство. Письменный столъ, покрытый книгами, и фортепьяно доказывали, что не одна муза здѣсь нашла себѣ пріютъ.

«Спальная имѣла въ себѣ нѣчто величественное. Но въ ней было невозможно жить: здѣсь господствовала такая сырость, что великая княгиня не разъ отъ нея заболѣвала.

«Спальня была смежна съ залою антиковъ, въ которой стояло около пятидесяти статуй, бюстовъ, саркофаговъ и другихъ памятниковъ древности.

«Жилые аппартаменты великаго князя Александра были малы и отличались менѣе роскошью убранства, чѣмъ нѣсколькими весьма цѣнными оригиналами. Эти аппартаменты смежны съ прелестною ванною, которую оберъ-гофмаршалъ устроилъ съ большимъ вкусомъ для великой княгини. Рядомъ помѣщалась башня.

«Кромѣ этихъ жилыхъ комнатъ, у великаго князя было много парадныхъ и большая зала, раздѣленная надвое аркою, покоящеюся на іоническихъ колоннахъ изъ бѣлаго мрамора и украшенною великолѣпными оригинальными картинами, изъ коихъ одна Рубенса (Вакханка, обнимающая Фавна).

«Эта зала вела въ пріемную или тронную залу великаго князя, стѣны которой были обтянуты пурпуровымъ бархатомъ, затканнымъ серебромъ. Великій князь давалъ тутъ аудіенціи подъ балдахиномъ, но стоя, и коверъ, на которомъ онъ стоялъ, не отдѣлялся ступенькою отъ остальнаго пола.

«Въ верхнемъ этажѣ дворца жили великія княжны Марія и Екатерина и воспитательница ихъ, графиня Ливенъ. Аппартаменты ихъ были весьма просты, но изящны.

«На дворѣ была большая кордегардія, въ которой держала караулъ рота изъ полковъ лейбъ-гвардіи. Слухъ, распространившійся въ то время и нѣсколько разъ доходившій до меня, будто количество карауловъ и часовыхъ во дворцѣ было слишкомъ мало, не имѣетъ основанія. Внутренность дворца представляетъ истинный лабиринтъ темныхъ лѣстницъ и мрачныхъ коридоровъ, въ которыхъ день и ночь горятъ лампы; мнѣ нужно было болѣе двухъ недѣль, чтобы обойтись безъ провожатаго и чтобы научиться ходить одному, не заблуждаясь, по этому лабиринту.

«Ничто не могло быть вреднѣе для здоровья, какъ это жилище. Повсюду видны были слѣды разрушающей сырости, и въ залѣ, въ которой висѣли большія историческія картины, я видѣлъ своими глазами, несмотря на постоянный огонь, поддерживаемый въ двухъ каминахъ, полосы льда въ дюймъ толщиною и шириною въ нѣсколько ладоней, тянувшіяся съ верху до низу по угламъ. Въ комнатахъ императора и императрицы сырость до нѣкоторой степени была устранена тѣмъ, что стѣны были обдѣланы деревомъ; но всѣ остальные терпѣли жестоко. Дворецъ этотъ былъ крайне неудобенъ для всѣхъ тѣхъ, которымъ приходилось бывать въ немъ. Безпрестанно нужно было проходить либо по перистилю, либо по коридорамъ, въ которыхъ дулъ сквозной вѣтеръ, либо по двору. Немногимъ вельможамъ позволялось останавливаться у большого входа. Почти всѣ должны были подъѣзжать къ боковой двери и совершать длинное путешествіе вверхъ и внизъ по лѣстницамъ, прежде чѣмъ дойти до мѣста своего назначенія.

«Но императоръ былъ до того прельщенъ своимъ созданіемъ, что самое осторожное порицаніе раздражало его настолько же, насколько ему льстила самая грубая похвала. Однажды онъ встрѣтилъ на лѣстницѣ пожилую даму. «Мнѣ говорили, будто лѣстницы дворца неудобны»,—сказала она,—«но я нахожу ихъ превосходными». Императоръ пришелъ отъ этой похвалы въ такой восторгъ, что поцѣловалъ даму. Царедворцы умѣли прекрасно пользоваться этою слабостію. Они были неистощимы въ похвалахъ, и мнѣ извѣстно, что, высказавши все, что можно было придумать, они повергались на колѣни передъ бронзами и поклонялись имъ въ нѣмомъ восторгѣ.

«Императоръ лично приказалъ мнѣ и не разъ подтверждалъ мнѣ это приказаніе черезъ другихъ, чтобы я, при описаніи дворца, не упустилъ ничего, чтобы ни одна бездѣлица не ускользнула отъ моего вниманія. Такимъ образомъ, немногіе листы, помѣщенные здѣсь мною, превратились бы въ толстую книгу, которая возбуждала бы ни съ чѣмъ несравнимую скуку. Незадолго до смерти императора, я представилъ ему образецъ моей работы, который удостоился съ его стороны полнаго одобренія. Быть можетъ, существуютъ дворцы, заключающіе въ себѣ большее количество драгоцѣнныхъ предметовъ, но, безъ сомнѣнія, нѣтъ дворца, выстроеннаго въ столь короткое время, какъ Михайловскій замокъ. Онъ былъ воздвигнутъ, совершенно отдѣланъ и обитаемъ по прошествіи менѣе четырхъ лѣтъ.

«Вскорѣ послѣ кончины государя, всѣ драгоцѣнные предметы были вывезены и распредѣлены по другимъ дворцамъ, чтобы спасти ихъ отъ разрушающаго дѣйствія сырости» [1].

---

[1] Das merkwürdigste Jahr meines Lebens. T. 2, pp. 146—197.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ.

I.

Біографъ Суворова справедливо замѣтилъ:

«Царствованіе Павла Петровича было непродолжительно, но и въ этотъ короткій срокъ характерныя особенности государя успѣли развиться до проявленій истинно болѣзненныхъ. Не сдерживаемая никакой внутренней силой прихоть, или увлеченіе минуты, или упрямство, или все это въ совокупности, заступало въ Павлѣ I мѣсто серіознаго убѣжденія, а непомѣрная экзальтація раздувала всякую идею, имъ овладѣвавшую, до изумительнаго увеличенія. Впечатлительность, воспріимчивость Павла I дошли до такого развитія, что настроеніе его духа почти никогда не было спокойнымъ, и государь постоянно вращался въ крайностяхъ, доходя то до безграничнаго великодушія, то до неудержимой страсти, то, наконецъ (особенно въ послѣднее время жизни), до какой-то слѣпой ярости. Перемѣны въ немъ были безпрестанныя, неожиданныя и чрезвычайно рѣзкія; чѣмъ сильнѣе было возбужденіе, тѣмъ круче наступала реакція. Измѣнчивость эта была тѣмъ бѣдственнѣе, что каждое движеніе больной души Павла Петровича тотчасъ же переходило въ дѣло, и рѣшеніе приводилось въ исполненіе съ такою бурною стремительностью, какъ будто отсутствіе подобнаго спѣха способно было нанести прямой ущербъ авторитету верховной власти» [1].

Трудно представить болѣе вѣрную и справедливую характеристику правленія, въ которомъ, по словамъ того же біографа Суворова, «завтра не было логическимъ послѣдствіемъ сегодняшняго дня; бѣду нельзя было предвидѣть, и она налетала внезапно, безъ предваряющихъ симптомовъ».

[1] А. Петрушевскій: «Генералиссимусъ князь Суворовъ», т. 3-й, стр. 364—365.

Замѣтимъ здѣсь, что еще въ дни юности Павелъ Петровичъ, читая исторію дома Стюартовъ Юма, сдѣлалъ себѣ выписку, относящуюся къ царствованію Карла I, въ которой заключается разсужденіе о характерѣ короля, вполнѣ примѣнимое къ цесаревичу, а затѣмъ и къ императору.

Разбирая вопросъ, относящійся къ введенію Карломъ I въ 1637 г. въ Шотландіи каноновъ и литургіи, Юмъ пишетъ:

«Каждое обстоятельство, со стороны ли Англіи или Шотландіи, должно было побуждать Карла отказаться отъ предпріятія, успѣхъ котораго представлялся, по меньшей мѣрѣ, сомнительнымъ, но Карлъ остался непреклоннымъ. Во всемъ веденіи этого дѣла не видно ни малѣйшаго слѣда здраваго смысла, котораго вообще нельзя отрицать у него: наглядный примѣръ подобнаго рода характера, довольно обычнаго среди людей, въ рѣчахъ и образѣ мыслей которыхъ встрѣчаешь умъ и разсудительность, а на дѣлѣ видишь часто безразсудство и неблагоразуміе. Взглядъ на вещи является результатомъ одного пониманія, тогда какъ поведеніе зависитъ одновременно отъ пониманія, темперамента и страстей» [1].

Съ тѣхъ поръ какъ Павелъ Петровичъ, дѣлая эту выписку, нарисовалъ вмѣстѣ съ тѣмъ и собственный портретъ, прошло много времени. Павелъ воцарился и не замедлилъ привести въ исполненіе слова, нѣкогда имъ сказанныя, что если ему суждено будетъ царствовать, то не должно удивляться тому, что онъ станетъ дѣлать. Дѣйствительно, Россія, а также и Европа пришли въ полное изумленіе, а вмѣстѣ съ ними и англійскій посолъ Витвортъ. Удивленіе Витворта вскорѣ перешло въ совершенно иную оцѣнку совершавшихся вокругъ него дѣяній, такъ что 6-го (18-го) марта 1800 года онъ написалъ въ депешѣ лорду Гренвилю: «The emperor is litteraly not in his senses» [2].

[1] Chaque circonstance, soit du côté de l'Angleterre ou de l'Ecosse, devait engager Charles à se désister d'une entreprise (introduction des canons et de la liturgie) dont le succès était au moins si douteux, mais Charles fut inflexible. Dans toute la conduite de cette affaire on ne voit aucune marque du bon sens, qu'on ne peut d'ailleurs lui contester: exemple sensible de cet espèce de caractère, assez commun parmi les hommes où l'on trouve de l'esprit et du jugement dans les discours et la manière de penser, mais souvent de l'indiscrétion et de l'imprudence dans les actions. La manière, dont on voit les choses, est le résultat de l'entendement seul; et la conduite est réglée, tout à la fois, par l'entendement, le tempérament et les passions». Hume: Histoire d'Angleterre contenant la maison de Stuart. Londres. 1767. T. 5, p. 298.

[2] Почти въ одно время, въ томъ же мартѣ 1800 года, сардинскій посланникъ «chevalier Balbo» доносилъ своему правительству изъ Петербурга: «Je vous prie, monsieur, de faire bien attention à ceci et de le brûler ensuite. L'empereur de Russie est fou; néanmoins l'on pourrait en tirer un grand parti, si l'on profite des moments favorables. Mais si l'on biaise, il n'y faut plus compter du tout. D'après cela, monsieur, jugez, si l'on peut hésiter». Révélations diplomatiques sur les relations de la Sardaigne avec l'Autriche et la Russie, par le comte Joseph Greppi. Paris. 1859.

Затѣмъ Витвортъ пишетъ въ той же депешѣ, что эта истина признана приближенными Павла уже въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ. «Мнѣ самому неоднократно представлялся случай въ этомъ убѣдиться. Но съ тѣхъ поръ, какъ онъ вступилъ на престолъ, психическое разстройство его стало постепенно усиливаться и въ настоящую пору возбуждаетъ во всѣхъ сильнѣйшее безпокойство. Въ этомъ обстоятельствѣ кроется роковая причина многаго, что случилось, и та же причина вызоветъ новыя сумасбродныя выходки, которыя придется оплакивать. Императоръ не руководствуется въ своихъ поступкахъ опредѣленными правилами или убѣжденіями, но всѣ его дѣйствія исходятъ отъ каприза или разстроенной фантазіи. Слѣдовательно, нѣтъ ничего прочнаго и не можетъ быть ничего прочнаго».

Наконецъ, и великій князь Константинъ Павловичъ также высказалъ по поводу наступившихъ печальныхъ для Россіи дней слѣдующее не лишенное остроумія мнѣніе: «Mon père a déclaré la guerre au bon sens avec la ferme intention de ne jamais conclure la paix» [1].

Что же говоритъ объ этихъ явленіяхъ Рожерсонъ, близкій ко двору человѣкъ и, къ тому же, докторъ? Въ сущности, мнѣніе столь свѣдущаго въ этомъ дѣлѣ человѣка сводится къ тому, что Павелъ Петровичъ потерялъ способность правильно мыслить и различать добро отъ зла. Рожерсонъ писалъ графу С. Р. Воронцову въ 1800 году:

«Je ne peux pas finir sans exprimer mon regret pour notre maître. On ne peut pas vouloir à lui pour le mal qui s'est fait: c'est une évolution de ce tout ensemble, né tel, qui avec la passion de faire du bien, n'est pas capable de discriminer entre le bien et le mal, mais qui se laisse aller selon qu'il est dirigé par la faiblesse ou la violence des combinaisons fausses.... Le nuage s'épaissit, les mouvements disparates augmentent et deviennent plus manifestes de jour en jour... le maître devient tous les jours plus passionné, ne parlant pas, ce qui n'était pas

[1] Въ сочиненіи: «Napoléon en exil ou l'écho de Sainte Hélène, recueillies par Barry E. O'Meara, son dernier chirurgien, Paris, 1822», встрѣчается слѣдующій отзывъ Наполеона въ отвѣтъ на предложенный докторомъ вопросъ: «Je demandai à Napoléon s'il pensait que Paul avait véritablement eu l'esprit aliéné?—«Oui, sur les derniers temps, répondit Napoléon, je pense qu'il avait perdu une partie de sa raison. D'abord il était fortement prévenu contre la révolution, et toutes les personnes qui y avaient eu part; mais j'ai fini par changer son opinion et le faire revenir à des sentiments plus raisonnables». (T. 1, p. 364. Разговоръ 14-го февраля 1817 года).

Очевидецъ и современникъ, князь Иванъ Михайловичъ Долгоруковъ, упоминая о «праведномъ» негодованіи противъ поступковъ Павла Петровича, говоритъ въ заключеніе: «Простимъ ихъ слабости человѣка, омраченнаго и потерявшаго почти разсудокъ... Разсудокъ Павла былъ уже потемненъ, сердце наполнено желчи и душа гнѣва». (Капище моего сердца. Приложеніе къ «Русскому Архиву» 1890 года, стр. 256).

son ordinaire, mais ordonnant... tout est vague comme les flots de la mer»[1].

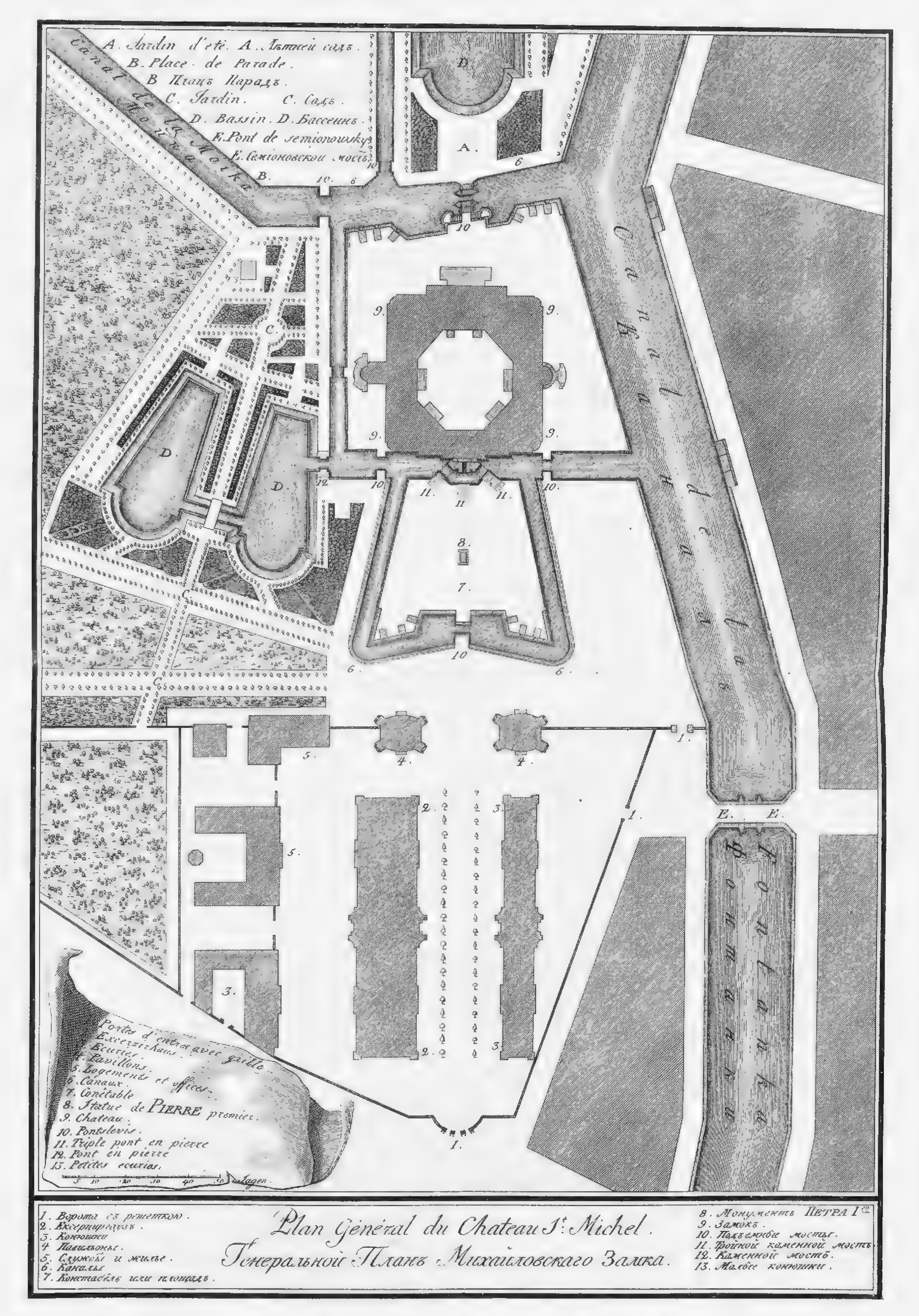
Въ заключеніе приведемъ здѣсь еще превосходную характеристику матери императора Карла V, сдѣланную однимъ французскимъ писателемъ[2]; все сказанное въ этой характеристикѣ поразительно близко подходитъ къ правительственной обстановкѣ въ Россіи въ 1800 году:

«Умственное разстройство Іоанны едва ли подлежитъ сомнѣнію. Тѣмъ не менѣе, въ данномъ случаѣ нужно остерегаться положительныхъ заключеній. Припадки, вызванные мозговымъ разстройствомъ принцессы, проявленіе мрачнаго настроенія, внезапнаго неистовства, причудливыхъ странностей, не могутъ быть оспариваемы; но въ то же время нельзя не признать, что ея умъ и сужденія не были постоянно затемнены. Она никогда не утрачивала сознанія своего положенія, своихъ правъ, ни родственныхъ чувствъ, ни способности вести разговоръ: овладѣвавшіе ею дѣйствительно ужасающіе кризисы были лишь преходящими явленіями. Одно остается безспорнымъ: это неспособность ея царствовать, такъ какъ она не обладала ни безпрерывно дѣйствующею волею, ни способностью держать себя; путаница ея идей, странность ея фантазій и ея гнѣвныхъ вспышекъ были несовмѣстимы съ ея высокимъ положеніемъ. Мрачная, страстная, подчасъ яростная, лишенная возможности направлять свою жизнь и распоряжаться въ своемъ домѣ, она, очевидно, не могла управлять дѣлами королевства. Но она не была сумасшедшею въ буквальномъ смыслѣ слова, предполагающемъ полное разстройство способностей; она пользовалась періодами полнаго спокойствія, впродолженіе которыхъ она говорила и поступала правильно; уже значительно позже, когда ея болѣзненные припадки усилились, она подвергалась галюцинаціямъ и находилась уже почти всегда въ разстроенномъ состояніи»[3].

[1] Архивъ князя Воронцова, книга 30-я, стр. 116, 121 и 124.

[2] Comte Charles de Moüy: «Jeanne la Folle».—Этотъ историческій очеркъ помѣщенъ былъ въ «Revue des deux mondes» 1898 года (15 octobre).

[3] «La maladie mentale de Jeanne n'était que trop réelle. Toutefois, il faut se garder ici d'assertions absolues. Les désordres cérébraux de la princesse, ses humeurs noires, ses violences soudaines, ses manies bizarres ne sauraient être contestées; mais en même temps on ne peut méconnaître que son intelligence et son jugement n'étaient pas constamment altérés. Jamais elle n'a perdu la connaissance de son rang, de ses droits, ni les sentiments de famille, ni la faculté de suivre un entretien: ses crises, terribles il est vrai, n'étaient que passagères. Sans doute elle était incapable de régner parce qu'elle n'avait ni volonté continue, ni esprit de conduite, et parce que la confusion de ses idées, l'étrangeté de ses fantaisies et de ses emportements étaient incompatibles avec le rang suprême: sombre, passionnée, parfois furieuse, hors d'état de diriger sa vie et d'ordonner sa maison, elle ne pouvait évidemment mener les affaires d'un royaume. Mais elle n'était pas une

Общiй планъ Михайловскаго замка въ царствованiе Императора Павла.

Съ гравированнаго плана того времени.

Въ заключеніе, приведемъ здѣсь еще слѣдующія строки изъ письма графа Воронцова, 1801 года, въ которомъ Семенъ Романовичъ представилъ какую-то аллегорическую картину по поводу современнаго положенія дѣлъ:

«Я тщетно ищу утѣшеній въ будущемъ; я не знаю, гдѣ найти ихъ. Это то же самое, какъ если бы мы, вы и я, очутились на кораблѣ, капитанъ и весь экипажъ котораго принадлежали бы къ народу, языка котораго мы не понимаемъ. У меня морская болѣзнь, и я не могу встать съ постели. Вы являетесь объявить мнѣ, что буря—сильна, и корабль погибнетъ, потому что капитанъ сошелъ съ ума, бьетъ экипажъ, который, состоя болѣе чѣмъ изъ тридцати человѣкъ, не осмѣливается противиться его выходкамъ, потому что онъ уже бросилъ одного матроса въ море, а другого—убилъ. Я увѣренъ, что корабль погибнетъ, но вы говорите, что еще есть надежда быть спасенными, потому что помощникъ капитана—молодой человѣкъ разсудительный и кроткій, къ которому экипажъ питаетъ довѣріе. Я заклинаю васъ возвратиться на палубу и внушить молодому человѣку и матросамъ, что они должны спасти корабль, который частью, какъ ровно и грузъ, принадлежитъ молодому человѣку, что ихъ 30—противъ одного, и что смѣшно бояться быть убитому этимъ безумцемъ-капитаномъ, когда черезъ нѣсколько времени всѣ и онъ самъ будемъ потоплены этимъ сумасшедшимъ. Вы отвѣчаете мнѣ, что, не зная языка, вы не можете говорить съ ними, что вы отправитесь наверхъ посмотрѣть, что происходитъ тамъ. Вы возвращаетесь ко мнѣ объявить, что опасность возростаетъ, потому что сумасшедшій попрежнему у руля, но что вы попрежнему все надѣетесь. Прощайте! Вы болѣе счастливы, чѣмъ я, мой другъ, потому что у меня нѣтъ болѣе надежды» [1],

aliénée au sens strict du mot qui implique le bouleversement total des facultés; elle avait des périodes de calme, pendant lesquelles elle parlait et agissait correctement; ce ne fut que beaucoup plus tard que, son mal s'étant aggravé, elle subit des hallucinations et fut presque constamment troublée».

1 «J'ai beau chercher des consolations dans l'avenir: je ne sais où les trouver. C'est comme si nous étions, vous et moi, sur un vaisseau, dont le capitaine et tout l'équipage sont d'une nation dont nous n'entendons pas la langue. J'ai le mal de mer et ne puis sortir de mon lit. Vous venez de m'annoncer que la tempête est violente et le vaisseau périrait, parce que le capitaine est devenu fou, battant l'équipage, qui est de plus de 30 personnes, qui n'osent s'opposer à ses extravagances, parce qu'il a déjà jeté un matelot dans la mer et a tué un autre. Je crois que le vaisseau périra; mais vous dites qu'il y a encore espérance d'être sauvés, parce que le second en commandement est un jeune homme raisonnable et doux, en qui l'équipage a confiance. Je vous conjure de retourner sur le tillac et de représenter au jeune homme et aux matelots qu'ils doivent sauver le vaisseau, dont une partie, ainsi que la cargaison, appartient au jeune homme, qu'ils sont 30 contre un et qu'il est ridicule de craindre d'être tué par ce fou de capitaine, tandis que dans peu tous et lui-même seront noyés par ce fou. Vous me répondez que, ne sachant

59

II.

Екатерина оставила Павлу Петровичу загробное предостереженіе, выраженное въ слѣдующихъ замѣчательныхъ словахъ:

«Всегда государь виноватъ, естьли подданные противъ него огорчены. Изволь мѣриться на сей аршинъ».

Павелъ Петровичъ читалъ эти строки, потому что онѣ предназначались Екатериною не только сыну, но «и всѣмъ моимъ потомкамъ» [1].

Независимо отъ этого письменнаго завѣщанія, Екатерина дала сыну и устное предостереженіе, которое приведено нами выше. Императрица сказала Павлу Петровичу: «Vous êtes une bête féroce, или ты не понимаешь, что пушки не могутъ воевать съ идеями? Если ты такъ будешь царствовать, то недолго продлится твое царствованіе».

Но Павелъ Петровичъ, слѣпо довѣряя своей власти и убѣжденный въ томъ, что ему извѣстенъ способъ, которымъ слѣдуетъ управлять русскими («ces gens-là», какъ онъ ихъ называлъ), видя общее повиновеніе и страхъ, вспомнилъ однажды слова, сказанныя ему Екатериною, и замѣтилъ: «Ну, я не знаю, кто теперь не говорю «féroce», а «bête» — я или матушка» [2].

Изъ этихъ словъ видно, какъ мало сознавалъ Павелъ Петровичъ, что можетъ крыться подъ общимъ молчаніемъ и подобострастіемъ. Екатерина иначе смотрѣла на дѣло и говорила: «я не тогда боюсь, когда ропщутъ громко, но тогда, когда молчатъ».

Дѣйствительно, россіяне безмолвствовали и, какъ пишетъ Карамзинъ, «смотрѣли на сего монарха, какъ на грозный метеоръ, считая минуты и съ нетерпѣніемъ ожидая послѣдней» [3].

Въ то время (то-есть, въ январѣ 1801 года), свидѣтельствуетъ очевидецъ, «петербургскіе жители были въ совершенномъ ужасѣ; все трепетало, и никто не зналъ, какъ окончится день. Императоръ Павелъ

pas la langue, vous ne pouvez pas leur parler, que vous irez en haut pour voir ce qui s'y passe. Vous revenez à moi pour m'annoncer que le péril augmente, parce que le fou est toujours au gouvernail, mais que vous espérez toujours. Adieu! Vous êtes plus heureux que moi, mon ami: car je n'ai plus d'espérance». (Архивъ князя Воронцова, книга 11-я, стр. 381. Письмо графа С. Р. Воронцова къ Н. Н. Новосильцеву отъ 5-го февраля 1801 года).

1 Эти разсужденія императрицы Екатерины написаны были въ 1765 году, по поводу сдѣланнаго ею разбора дѣла Артемія Петровича Волынскаго.

2 Изъ рукописи Маріи Сергѣевны Мухановой, записавшей разсказы отца ея, оберъ-шталмейстера Сергѣя Ильича Муханова.

3 О древней и новой Россіи въ ея политическомъ и гражданскомъ отношеніяхъ.

наводилъ на всѣхъ панический страхъ; все подчинено было строгимъ произвольнымъ формамъ и стѣсненію»[1].

Все прежнее общество въ столицѣ было послѣ 6-го ноября 1796 г. разсѣяно и раздѣлено; екатерининскіе вельможи были разогнаны по деревнямъ, а высшія государственныя должности, начиная съ генералъ-прокурора, почти всѣ заняты были людьми самыми ничтожными и необразованными—однимъ словомъ, цвѣтомъ гатчинскаго капральства. Установившійся тогда порядокъ управленія продолжался бы еще долго, если бы не нашелся человѣкъ, который почувствовалъ въ себѣ рѣшимость подумать о замѣнѣ его чѣмъ-либо лучшимъ. Это лице было графъ Никита Петровичъ Панинъ, котораго слѣдуетъ признать творцомъ заговора, начавшагося въ 1800 году.

Имя графа Панина рѣдко встрѣчается въ разсказахъ о событіяхъ, сопровождавшихъ воцареніе преемника императора Павла, потому что вслѣдствіе случайныхъ, независѣвшихъ отъ графа Никиты Петровича обстоятельствъ, его въ 1801 году не было въ Петербургѣ. Разсмотримъ теперь, какая доля участія принадлежитъ ему въ событіи 11-го марта.

Графъ Панинъ, занимавшій въ 1797 году мѣсто посланника въ Берлинѣ, назначенъ былъ, какъ выше упомянуто, вице-канцлеромъ 27-го сентября 1799 года. Ему тогда было 28-мь лѣтъ отъ роду (Панинъ родился 17-го апрѣля 1771 года). По прибытіи въ Петербургъ, онъ встрѣтился здѣсь съ своимъ давнишнимъ пріятелемъ, адмираломъ Рибасомъ, который въ февралѣ 1797 года переѣхалъ изъ Одессы въ столицу и не безъ труда получилъ въ слѣдующемъ году должность члена адмиралтействъ-коллегіи, управлявшаго лѣснымъ департаментомъ. Нельзя не замѣтить здѣсь, что еще въ концѣ 1797 года, когда Панинъ находился въ Берлинѣ, императрица Марія Ѳеодоровна, благоволившая тогда къ нему, предостерегала графа черезъ князя Александра Борисовича Куракина отъ знакомства съ этимъ ловкимъ и подозрительнымъ итальянцемъ. Тѣмъ не менѣе, графъ Панинъ продолжалъ поддерживать дружескія сношенія съ Рибасомъ даже тогда, когда послѣдній отставленъ былъ отъ службы въ 1800 году. Эти два человѣка, столь же различные по своимъ годамъ, какъ и по своимъ характерамъ, сошлись тѣмъ легче, что оба были крайне недовольны своимъ положеніемъ.

Повидимому, графъ Панинъ, занимавшій должность вице-канцлера, не былъ въ правѣ жаловаться на свою судьбу. Но, въ дѣйствительности, дѣло обстояло иначе. Никита Петровичъ имѣлъ вскорѣ случай убѣдиться, что занимаемое имъ мѣсто не соотвѣтствовало его ожиданіямъ. Всѣ старанія его пріобрѣсти довѣріе государя оставались тщетными.

[1] Ѳедоръ Яковлевичъ Мирковичъ. 1789 — 1866. Его жизнеописаніе, составленное по собственнымъ его запискамъ. С.-Петербургъ. 1889. Стр. 11.

Такой характеръ, какимъ отличался графъ Панинъ, не былъ способенъ слѣпо исполнять всѣ мимолетныя и часто противорѣчивыя требованія императора Павла, однимъ словомъ, быть, какъ выражался государь, «инструментомъ»; между тѣмъ это свойство, эта податливость требовались условіями тогдашней служебной обстановки. Кромѣ того, графъ Ростопчинъ, подъ начальствомъ котораго приходилось Панину работать, ревниво заслонялъ его передъ императоромъ; при каждомъ случаѣ онъ давалъ ему чувствовать превосходство своего положенія и возбуждалъ противъ него неудовольствіе императора Павла.

Въ Петербургѣ графъ Панинъ, кромѣ Рибаса, встрѣтилъ еще другого стараго знакомаго, англійскаго посла Витворта, находившагося при русскомъ дворѣ уже съ 1788 года.

Въ одной изъ депешъ Витворта къ лорду Гренвилю, отъ 26-го марта 1799 года, встрѣчается слѣдующій отзывъ посла о графѣ Панинѣ, котораго онъ, по своимъ убѣжденіямъ, признавалъ совершеннымъ англичаниномъ.

«Основываясь на десятилѣтнемъ близкомъ знакомствѣ, могу сказать, что графъ Панинъ обладаетъ всѣми качествами, которыя можно только требовать отъ человѣка, призваннаго къ занятію высшей должности», пишетъ Витвортъ. «Къ сожалѣнію, онъ никогда не былъ способенъ снискать себѣ благорасположеніе императора; но не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что его достоинства и нужда, которую въ немъ имѣютъ, доставятъ ему возможность преодолѣть всѣ затрудненія».

Дѣйствительно, блистательный умъ, европейское образованіе и обходительность съ иностранцами рѣзко выдѣляли Панина изъ среды тогдашнихъ временщиковъ; самый характеръ его, прямодушный, но холодный и надменный, долженъ былъ, по сходству своему съ британскимъ характеромъ, сблизить его съ Витвортомъ.

Понятно, что, при взаимномъ сочувствіи и довѣріи, имъ часто приходилось бесѣдовать о странностяхъ императора, такъ какъ онѣ сильно вліяли на ходъ политическихъ дѣлъ и давали справедливый поводъ выводить изъ нихъ разнаго рода заключенія. Постепенно они начали углубляться въ сравнительное историческое изученіе подходящихъ случаевъ въ исторіи другихъ государствъ.

Опасенія, которыя главнымъ образомъ озабочивали Витворта и руководили его соображеніями, очевидно, не столько касались личной безопасности каждаго изъ русскихъ подданныхъ, сколько вообще всего политическаго положенія, которое съ 1800 года начинало принимать крайне неблагопріятный для Англіи оборотъ. Витвортъ не замедлилъ предупредить свое правительство, что отнынѣ оно должно отказаться отъ всякой надежды на возвращеніе императора Павла на путь здравой и послѣдовательной политики.

Графъ Панинъ, съ своей стороны, писалъ графу С. Р. Воронцову, 9-го апрѣля 1800 года: «je vous dirai qu'il n'y a personne en Russie, dans toute la rigueur du terme, qui soit à l'abri des vexations et des injustices, que la tyrannie est à son comble»[1].

Въ задушевныхъ бесѣдахъ своихъ Витвортъ и Панинъ стѣснялись, конечно, еще менѣе, чѣмъ въ своей перепискѣ; они не могли не остановить своего вниманія на обстоятельствахъ, сопровождавшихъ въ Англіи болѣзненное состояніе Георга III. Но, увлекаясь своими историческими параллелями, Панинъ сталъ терять изъ виду коренное различіе, существовавшее между государственными учрежденіями Великобританіи и Россіи.

Болѣе подходящій къ русской обстановкѣ примѣръ можно было найти въ Даніи, въ событіяхъ 1784 года. Всѣ эти случаи наводили на единственно возможный исходъ изъ существовавшихъ тогда затрудненій: онъ заключался въ учрежденіи регентства.

Между тѣмъ, по мѣрѣ того, какъ политическія обстоятельства запутывались все болѣе и болѣе, раздраженіе императора Павла противъ Англіи дошло до того, что 27-го мая 1800 года повелѣно было Витворту выѣхать изъ Петербурга. Мрачное настроеніе графа Панина, вызванное вынужденнымъ отъѣздомъ Витворта, выразилось въ слѣдующихъ строкахъ письма Никиты Петровича къ графу С. Р. Воронцову, отъ 8-го іюня 1800 года:

«Ici rien n'a changé: l'humeur et la mélancolie du maître font les progrès les plus rapides, et c'est toujours l'humeur qui décide tout, en administration comme en politique»[2].

Тѣмъ не менѣе, Панинъ не терялъ еще надежды одержать верхъ надъ своимъ противникомъ, графомъ Ростопчинымъ, и направить политику русскаго кабинета сообразно своимъ мыслямъ и убѣжденіямъ. Съ этою цѣлью онъ составилъ въ сентябрѣ 1800 года записку о томъ, на какихъ основаніяхъ и какимъ образомъ надлежало бы совершить умиротвореніе Европы. Панинъ просилъ Ростопчина представить записку государю, но получилъ въ этомъ рѣшительный отказъ со стороны своего начальника. Размолвка, никогда между ними не прекращавшаяся, отнынѣ обратилась въ явную вражду. Эта неудавшаяся попытка сокрушила послѣднія честолюбивыя надежды Панина и окончательно натолкнула его на другой путь.

Установилось также сближеніе и произошелъ обмѣнъ мыслей между графомъ Панинымъ, Рибасомъ и графомъ Паленомъ.

Наступилъ ноябрь 1800 года. Графъ Паленъ пожелалъ тогда снова увидѣть въ Петербургѣ трехъ братьевъ Зубовыхъ, удаленныхъ въ де-

[1] Архивъ князя Воронцова, книга 11-я, стр. 112.
[2] Архивъ князя Воронцова, книга 11-я, стр. 121.

ревню, подъ надзоромъ полиціи, а также генерала Беннгсена, уволеннаго отъ службы; для достиженія этой цѣли онъ придумалъ слѣдующее средство.

«Я рѣшилъ воспользоваться одной изъ свѣтлыхъ минутъ императора», — разсказывалъ впослѣдствіи графъ Паленъ въ откровенномъ разговорѣ графу Ланжерону,—«когда ему можно было говорить что угодно, чтобы разжалобить его на счетъ участи разжалованныхъ офицеровъ: я описалъ ему жестокое положеніе этихъ несчастныхъ, выгнанныхъ изъ ихъ полковъ и высланныхъ изъ столицы, и которые, видя карьеру свою погубленною, а жизнь испорченною, умираютъ съ горя и нужды за проступки легкіе и простительные. Я зналъ порывистость Павла во всѣхъ дѣлахъ, я надѣялся заставить его сдѣлать тотчасъ же то, что я представилъ ему подъ видомъ великодушія; я бросился къ его ногамъ. Онъ былъ романическаго характера, онъ имѣлъ претензію на великодушіе. Во всемъ онъ любилъ крайности: два часа спустя послѣ нашего разговора, двадцать курьеровъ уже скакали во всѣ части имперіи, чтобы вернуть назадъ въ Петербургъ всѣхъ сосланныхъ и исключенныхъ со службы. Указъ, дарующій имъ помилованіе, былъ продиктованъ мнѣ самимъ императоромъ».

Дѣйствительно, 1-го ноября 1800 года появился слѣдующій указъ:

«По сродному намъ ко всѣмъ вѣрноподданнымъ нашимъ милосердію всемилостивѣйше дозволяемъ всѣмъ выбывшимъ изъ службы воинской въ отставку или исключеннымъ, кромѣ тѣхъ, которые по сентенціямъ военнаго суда выбыли, паки вступить въ оную, съ тѣмъ, чтобъ таковые являлись въ Санктпетербургъ для личнаго представленія намъ. Почему и повелѣваемъ сенату нашему учинить повсемѣстную объ ономъ публикацію».

На основаніи этого указа «правительствующій сенатъ приказали: о семъ всемилостивѣйшемъ его императорскаго величества повелѣніи публиковать всенародно, что симъ и исполняется».

Но императоръ Павелъ не удовольствовался этимъ повелѣніемъ, и 1-го же ноября данъ былъ еще дополнительный указъ къ приведенному выше указу, въ которомъ сказано: «Силу указа нашего, въ сей день сенату даннаго, разумѣя и о выбывшихъ отставкою и выключкою изъ статской службы, повелѣваемъ распространить и на сихъ чиновниковъ». И этотъ указъ сенатъ приказалъ публиковать всенародно.

Продолжаемъ разсказъ графа Палена:

«Тогда я обезпечилъ себѣ два важныхъ пункта: 1) заполучить Беннгсена и Зубовыхъ, необходимыхъ мнѣ, и 2) еще усилить общее ожесточеніе противъ императора: я изучилъ его нетерпѣливый нравъ, быстрые переходы его отъ одного чувства къ другому, отъ одного намѣренія къ другому, совершенно противоположному. Я былъ увѣренъ,

что первые изъ вернувшихся офицеровъ будутъ приняты хорошо, но что скоро они надоѣдятъ ему, а также и слѣдующіе за ними. Случилось то, что я предвидѣлъ: ежедневно сыпались въ Петербургъ сотни этихъ несчастныхъ, каждое утро подавали императору донесенія съ заставъ. Вскорѣ ему опротивѣла эта толпа прибывающихъ; онъ перестал принимать ихъ, затѣмъ сталъ просто гнать и нажилъ себѣ такимъ образомъ непримиримыхъ враговъ въ лицѣ этихъ несчастныхъ, снова лишенныхъ всякой надежды и осужденныхъ умирать съ голоду у воротъ Петербурга».

Для упроченія положенія Зубовыхъ при дворѣ и усыпленія возможныхъ подозрѣній придумано было особое средство, оказавшееся вполнѣ пригоднымъ для достиженія намѣченной цѣли. Ольга Александровна Жеребцова, близкій другъ удаленнаго изъ Петербурга Витворта и сестра князя Зубова, взялась за это дѣло. Она увѣрила графа Кутайсова, будто братъ ея, князь Платонъ Александровичъ, скучаетъ холостою жизнію, и что, по ея мнѣнію, дочь графа могла бы сдѣлать его совершенно счастливымъ. Надменный и тщеславный графъ Кутайсовъ повѣрилъ всему этому и началъ дѣйствовать въ пользу Зубовыхъ. 23-го ноября князь Зубовъ назначенъ былъ директоромъ сухопутнаго кадетскаго корпуса, а 10-го февраля 1801 года шефомъ того же корпуса; графъ Валеріанъ Александровичъ Зубовъ также не былъ позабытъ и занялъ мѣсто директора второго кадетскаго корпуса. Что же касается графа Николая Александровича Зубова, то онъ былъ назначенъ шефомъ Сумскаго гусарскаго полка и снова появился при дворѣ.

Такимъ образомъ, благодаря мѣропріятіямъ графа Палена, въ ноябрѣ и въ началѣ декабря начали съѣзжаться въ Петербургъ всѣ Зубовы и многія другія лица, присутствіе которыхъ въ столицѣ военнымъ губернаторомъ признавалось необходимымъ. Собранія у О. А. Жеребцовой, начавшіяся еще во время пребыванія Витворта въ Петербургѣ продолжались; ее посѣщали также и многія изъ прибывшихъ тогда въ столицу лицъ.

Между тѣмъ 15-го ноября 1800 года графу Ростопчину удалось наконецъ удалить изъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ столь ненавистнаго ему соперника, графа Никиту Петровича Панина; онъ былъ уволенъ отъ должности вице-канцлера и назначенъ сенаторомъ въ Петербургѣ.

Въ то самое время, какъ эта служебная невзгода постигла графа Панина, пріятель его Рибасъ былъ снова принятъ на службу и опредѣленъ 12-го ноября 1800 года помощникомъ вице-президента адмиралтействъ-коллегіи Голенищева-Кутузова. Болѣзнь послѣдняго доставила Рибасу случай быть нѣсколько разъ съ личными докладами у государя и обворожить его своимъ умомъ. «Sa Majesté me comble de bienveillance», писалъ Рибасъ. Но, по неожиданному велѣнію судьбы,

Рибасу не удалось, однако, воспользоваться расположеніемъ къ нему императора для достиженія какихъ бы то ни было ему одному извѣстныхъ цѣлей. 2-го декабря 1800 года Рибасъ скончался. Говорятъ, что графъ Панинъ не отходилъ отъ его смертнаго одра, опасаясь, какъ полагаютъ, какихъ-либо разоблаченій съ его стороны.

Невзгоды, постигшія графа Панина, не ограничились увольненіемъ его отъ должности вице-канцлера. 15-го декабря графъ Никита Петровичъ былъ совершенно отставленъ отъ службы, и ему повелѣно было отправиться въ деревню [1].

Такимъ образомъ графъ Паленъ остался въ Петербургѣ полновластнымъ исполнителемъ мыслей, завѣщанныхъ ему графомъ Панинымъ.

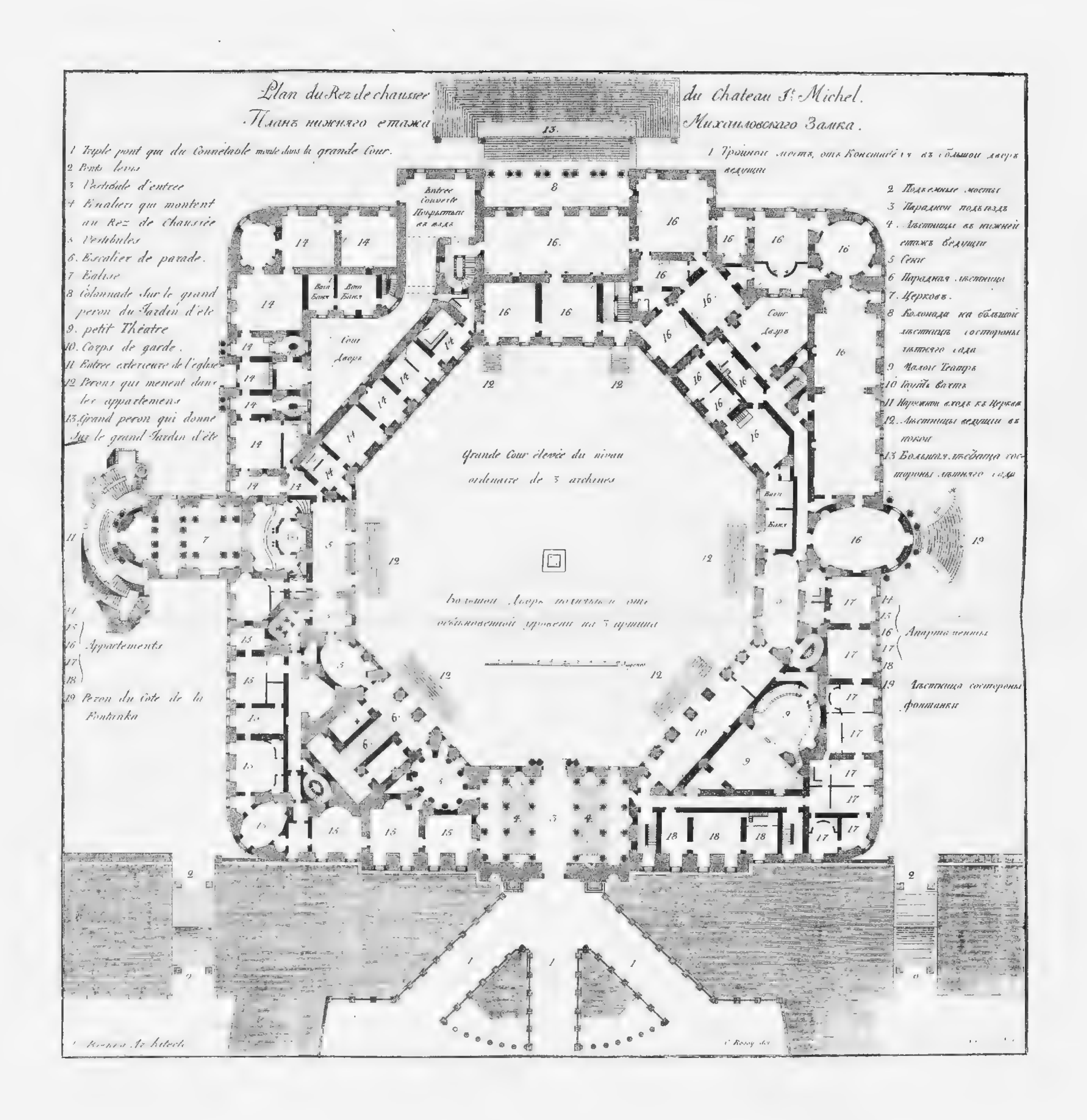
Но это обстоятельство сопровождалось важными послѣдствіями. Мысли графа Панина отнынѣ перешли изъ области, если можно такъ выразиться, умозрительной на путь болѣе практическій, соотвѣтствовавшій условіямъ русской жизни, распростившись навсегда съ неприменимыми къ нимъ англійскими государственными порядками.

Спрашивается, чего же недоставало графу Палену, и что же могло побудить его стать на точку зрѣнія недовольныхъ или обиженныхъ? Ему недоставало одной только бездѣлицы, безопасности, наравнѣ со всѣми прочими россіянами, какъ состоявшими на службѣ, такъ и жившими мирно въ сторонѣ отъ круговорота политическихъ дѣлъ. Хотя графъ Паленъ и былъ осыпанъ всѣми милостями и дарами счастія, но, тѣмъ не менѣе, надъ головою его непрестанно сверкалъ Дамокловъ мечъ. Самый радостный, самый блестящій день не представлялъ ему ручательства въ спокойной ночи; завистники его всегда бодрствовали и не пропускали ни одного случая, чтобы сдѣлать его подозрительнымъ въ глазахъ государя, а потому военный губернаторъ не могъ разсчитывать на прочность своего счастія [2].

Наконецъ, разнаго рода слухи дошли до свѣдѣнія императора Павла. Въ Петербургѣ стали говорить: «Nous sommes à la veille des plus grands événements». 9-го марта 1801 года по этому поводу между императоромъ и графомъ Паленомъ произошелъ достопримѣчательный разговоръ. Впослѣдствіи графъ Паленъ сообщилъ содержаніе его въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

[1] Впослѣдствіи, уже въ царствованіе императора Александра, графу Н. П. Панину грозила новая немилость; онъ писалъ государю 28-го мая 1801 года: «J'emporterai dans la tombe la conviction intime que j'ai servi ma patrie, en osant le premier dérouler devant vos yeux le tableau affligeant des dangers qui menaçaient de perdre l'empire».

[2] По свидѣтельству барона Гейкинга, графъ Паленъ говорилъ, что онъ изучалъ не философію, а «pfiffigologie». Это слово было имъ изобрѣтено. Цесаревичъ Константинъ Павловичъ, желая указать на опаснаго, по его мнѣнію, человѣка, выражался: «Этотъ человѣкъ изучалъ вмѣстѣ съ Паленомъ пфифигологію; надо остерегаться». (Baron Heyking. Aus Polens und Kurlands letzten Tagen.—Berlin, 1897, p. 462).

Plan du Rez de chaussée du Chateau St. Michel.
Планъ нижняго етажа Михаиловскаго Замка.
1 Triple pont qui du Connétable monte dans la grande Cour.
2 Ponts levis
3 Vestibule d'entree
4 Escaliers qui montent au Rez de Chaussée
5 Vestibules
6. Escalier de parade.
7 Eglise
8 Colonnade sur le grand peron du Jardin d'été
9. petit Théatre
10. Corps de garde.
11 Entree exterieure de l'eglise
12 Perons qui menent dans les appartemens
13. Grand peron qui donne sur le grand Jardin d'été
14
15
16 Appartements
17
18
19 Peron du coté de la Fontanka
1 Тройной мостъ, отъ Констабля къ большой дворъ ведущий
2 Подъемные мосты
3 Парадной подъездъ
4. Лестницы въ нижней етажъ ведущіи
5 Сени
6 Парадная лестница
7. Церковь.
8 Колонада на большой лестницъ состороны летняго сада
9 Малой Театръ
10 Гауптъ вахтъ
11 Наружной входъ къ Церкви
12. Лестницы ведущіи въ покои
13 Большая лестница состороны летняго сада
14
15
16 Апартаменты
17
18
19 Лестница состороны фонтанки
Entree Couverte
Покрытый въездъ
Cour
Дворъ
Bain
Баня
Grande Cour élevée du niveau ordinaire de 3 archines
Большой Дворъ поднятый отъ обыкновенной уровени на 3 аршина

«Я вошелъ къ кабинетъ императора въ семь часовъ утра, чтобы подать ему, по обыкновенію, рапортъ о состояніи столицы. Я застаю его озабоченнымъ, серіознымъ; онъ запираетъ дверь и молча смотритъ на меня въ упоръ минуты съ двѣ, и говоритъ наконецъ:

— «Графъ Паленъ! Вы были здѣсь въ 1762 году».

— «Да, ваше величество,—но что вамъ угодно сказать этимъ?»

— «Вы участвовали въ заговорѣ, лишившемъ моего отца престола?»

— «Ваше величество, я былъ свидѣтелемъ переворота, а не дѣйствующимъ лицомъ; я былъ очень молодъ, я служилъ въ низшихъ офицерскихъ чинахъ въ конномъ полку. Я ѣхалъ на лошади со своимъ полкомъ, ничего не подозрѣвая, что происходитъ [1]. Но почему, ваше величество, задаете вы мнѣ подобный вопросъ?»

— «Почему? вотъ почему: потому что хотятъ повторить 1762 годъ. (On veut renouveler 1762)».

«Я затрепеталъ при этихъ словахъ, но тотчасъ же оправился и отвѣчалъ:

— «Да, ваше величество, хотятъ! Я это знаю и участвую въ заговорѣ».

— «Какъ! вы это знаете и участвуете въ заговорѣ? Что вы мнѣ такое говорите!»

— «Сущую правду, ваше величество; я участвую въ немъ и долженъ показать видъ, что участвую, въ виду моей должности, ибо какъ могъ бы я узнать, что намѣрены они дѣлать, если бы не притворился, что хочу способствовать ихъ замысламъ? Но не безпокойтесь,—вамъ нечего бояться: я держу въ рукахъ всѣ нити заговора, и скоро все станетъ вамъ извѣстно. Не старайтесь проводить сравненій между вашими опасностями и опасностями, угрожавшими вашему отцу. Онъ былъ иностранецъ, а вы русскій; онъ ненавидѣлъ русскихъ, презиралъ ихъ и удалилъ отъ себя; а вы любите ихъ, уважаете и пользуетесь ихъ любовью; онъ не былъ коронованъ, а вы коронованы; онъ раздражилъ и даже ожесточилъ противъ себя гвардію, а вамъ она предана. Онъ преслѣдовалъ духовенство, а вы почитаете его; въ его время не было никакой полиціи въ Петербургѣ, а нынѣ она такъ усовершенствована, что не дѣлается ни шага, не говорится ни слова помимо моего вѣдома; каковы бы ни были намѣренія императрицы, она не обладаетъ ни геніальностью, ни умомъ вашей матери; у нея двадцатилѣтнія дѣти, а въ 1762 году вамъ было только семь лѣтъ».

— «Все это правда,—отвѣчалъ онъ,—но, конечно, не надо дремать. (Tout cela est vrai, mais il ne faut pas s'endormir)».

[1] Въ 1762 году баронъ фонъ-деръ-Паленъ (род. въ 1745 г.) былъ капраломъ въ конной гвардіи. 29-го февраля 1764 года, онъ былъ произведенъ въ вахмистры, а 15-го августа 1769 года въ ротмистры въ армію.

«На этомъ нашъ разговоръ и остановился» [1].

Передавая содержаніе этого разговора, графъ Паленъ упустилъ только одну подробность своихъ объясненій съ государемъ. Военный губернаторъ доложилъ еще, что онъ нуждается въ чрезвычайныхъ полномочіяхъ для предупрежденія возможныхъ случайностей. Императоръ Павелъ удовлетворилъ желанія Палена. Имѣя же въ рукахъ необходимый документъ, военный губернаторъ зналъ, какую пользу слѣдуетъ извлечь изъ него, что и было исполнено имъ съ полнымъ успѣхомъ.

Императоръ Павелъ въ свою очередь, по чувству недовѣрія къ окружавшей его средѣ, принялъ также мѣры для огражденія своей безопасности и, помимо графа Палена, вызвалъ въ Петербургъ графа Аракчеева и Линденера, на преданность которыхъ онъ могъ безусловно разсчитывать. Но это запоздалое распоряженіе не ускользнуло отъ зоркаго ока всесильнаго тогда петербургскаго военнаго губернатора; графъ Паленъ приказалъ задержать Аракчеева, когда онъ подъѣдетъ къ заставѣ. Это случилось какъ разъ вечеромъ 11-го марта.

«Сердце чисто и духъ правъ передъ тобою», написалъ впослѣдствіи графъ Аракчеевъ на памятникѣ, воздвигнутомъ своему благодѣтелю, императору Павлу, въ Грузинѣ. «Кто чистъ душею и помышленіемъ моему единственному отцу и благодѣтелю, также вѣчно будетъ преданъ и всеавгустѣйшему его семейству», писалъ графъ Аракчеевъ императрицѣ Маріи Өеодоровнѣ [2]. Неоспоримое право открыто выражать подобную мысль и гордиться этимъ правомъ доставило графу Аракчееву нѣкоторое нравственное превосходство надъ многими менѣе счастливыми, но болѣе достойными его современниками. Вмѣстѣ съ тѣмъ, окруживъ Аракчеева ореоломъ новой добродѣтели, оно проложило ему путь къ будущимъ отличіямъ и къ занятію исключительнаго положенія среди дѣятелей наступившей послѣ 11-го марта александровской эпохи [3].

[1] Графинѣ Д. Х. Ливенъ графъ Паленъ передалъ этотъ разговоръ слѣдующимъ образомъ: «Paul me demanda abruptement et en me fixant bien entre les deux yeux, si je savais qu'on conspirait contre lui, que la trame était vaste et que les personnes mêmes les plus rapprochées de lui en faisaient partie? Le regard de l'empereur était pénétrant, plein de soupçons et terrible. Mon sang se glaça dans mes veines. Je sentis un moment que la salive me manquait dans la bouche pour parler. Je ne perdis pas contenance cependant, et me mettant à rire, je dis à l'empereur. «Mais, sire, si on conspire, c'est que j'en suis. Je tiens trop les fils de toute chose pour que rien échappe à ma connaissance. Soyez tranquille, il n'y a pas de conspiration possible sans moi, j'en réponds sur ma tête». L'empereur me prit affectueusement par la main et me dit: «Je me fie à vous».—Je respirai».

[2] Изъ Парижа. Апрѣль, 1814 года.

[3] Императоръ Александръ I. Его жизнь и царствованіе. Т. 1-й, стр. 221—222.

III.

Послѣднее время пребыванія императора Павла въ Зимнемъ дворцѣ ознаменовано было двумя политическими событіями: пріѣздомъ шведскаго короля и присоединеніемъ Грузіи.

Густавъ IV прибылъ въ Петербургъ 29-го ноября 1800 года. Императоръ встрѣтилъ короля любезно и предупредительно; прошлыя неудовольствія преданы были забвенію, тѣмъ болѣе, что со Швеціею установились союзныя отношенія. Но вскорѣ между императоромъ и его гостемъ появилось облако, разразившееся грозою [1]. Во время представленія въ эрмитажномъ театрѣ, король шведскій имѣлъ неосторожность замѣтить, указывая на танцовщицъ, украшенныхъ красными шапочками, что это «des bonnets de jacobins». Разгнѣванный императоръ отвѣтилъ: «Peut-être qu'il y en a ailleurs; chez moi il ne s'en trouve pas», — и повернулся къ королю спиною. Густавъ IV позволилъ себѣ еще разныя другія неловкости по отношенію къ Павлу Петровичу и наконецъ, въ довершеніе всѣхъ бѣдъ, отказалъ пожаловать орденъ Серафимовъ графу Кутайсову, не смотря на переданное ему желаніе государя видѣть своего оберъ-шталмейстера удостоеннымъ этимъ знакомъ отличія; король выставилъ предлогомъ своего отказа то обстоятельство, что графъ Кутайсовъ не былъ еще кавалеромъ ордена св. Андрея. Немедленно повелѣно было отмѣнить всѣ приготовленія, сдѣланныя по пути обратнаго слѣдованія короля въ Финляндію; даже лицамъ русской свиты короля не позволено было сопровождать его. Вслѣдствіе этихъ распоряженій, когда 15-го декабря 1800 года Густавъ IV покинулъ Петербургъ, то онъ и весь его дворъ не имѣли бы даже пропитанія, если бы ихъ не выручилъ финскій пасторъ. Но императоръ Павелъ не удовольствовался этими распоряженіями; 17-го декабря 1800 года государь пожаловалъ орденъ св. Андрея Первозваннаго графу Кутайсову, а черезъ день, 19-го декабря, наградилъ тѣмъ же орденомъ генералъ-прокурора Обольянинова.

[1] Императрица Марія Ѳеодоровна предчувствовала печальный исходъ вторичнаго пребыванія шведскаго короля въ Петербургѣ и писала Е. И. Нелидовой 29-го ноября: «J'avoue que je ne saurais m'empêcher de me dire à moi-même que le roi aurait très bien fait de rester chez lui. Je n'augure pas bien de sa visite».

Еще ранѣе, 28-го октября 1800 года, императрица Марія Ѳеодоровна писала Нелидовой изъ Гатчины: «Imaginez-vous que le roi de Suède va arriver ici. J'avoue que mon coeur qui ne sait pas feindre, éprouve un sentiment de peine bien vif du souvenir de tout ce qui s'est passé: chaque chambre au palais d'hiver devra lui rappeler les assurances d'amour qu'il a données à ma fille. Chère Nélidof, peut-être suis-je blâmable aux yeux de la politique, mais non pas à ceux d'une mère tendre. Cette visite m'afflige».

18-го января 1801 года послѣдовалъ манифестъ, возвѣщавшій Россіи о присоединеніи грузинскаго царства къ имперіи. Содержаніе манифеста было слѣдующее:

«Съ давныхъ уже временъ грузинское царство, угнетаемое иновѣрными сосѣдами, истощало силы свои непрестаннымъ ратованіемъ въ собственную оборону, чувствуя неизбѣжныя слѣдствія войны, почти всегда несчастливой. Къ симъ присовокупились несогласія въ домѣ царскомъ, угрожающія довершить паденіе царства сего, возродя въ немъ междоусобную войну. Царь Георгій Иракліевичъ, видя приближающуюся кончину дней его, знатные чины и самъ народъ грузинскій прибѣгли нынѣ къ покрову нашему, и не предвидя иного спасенія отъ конечной гибели и покоренія врагамъ ихъ, просили чрезъ присланныхъ полномочныхъ о принятіи областей, грузинскому царству подвластныхъ, въ непосредственное подданство императорскому всероссійскому престолу. Внимая прошенію сему по сродному намъ ко всѣмъ единовѣрцамъ нашимъ милосердію и по всегдашнему нашему о пользахъ грузинскаго народа попеченію, опредѣлили мы исполнить царя Георгія Иракліевича и грузинскаго народа желаніе, и для того повелѣли, сколько для удержанія внутренняго въ землѣ устройства, столько для огражденія оной отъ внѣшнихъ нападеній ввести войска наши въ области грузинскія. И симъ объявляемъ императорскимъ нашимъ словомъ, что по присоединеніи царства грузинскаго на вѣчныя времена подъ державу нашу, не только предоставлены и въ цѣлости соблюдены будутъ намъ любезновѣрнымъ новымъ подданнымъ нашимъ царства грузинскаго и всѣхъ оному подвластныхъ областей всѣ права, преимущества и собственность, законно каждому принадлежащая; но что отъ сего времени каждое состояніе народное вышеозначенныхъ областей имѣетъ пользоваться и всѣми тѣми правами, вольностями, выгодами и преимуществами, каковыми древніе подданные Россійскіе по милости нашихъ предковъ и нашей наслаждаются подъ покровомъ нашимъ. Въ протчемъ пребудемъ удостовѣрены, что сіи новые подданные наши и ихъ потомки сохраненіемъ непоколебимой вѣрности намъ и преемникамъ нашимъ и усердіемъ къ пользѣ имперіи нашей, коей по всеблагому промыслу Всевышняго учинились они нынѣ сочленами, потщатся заслуживать монаршее благоволеніе наше» [1].

Такимъ образомъ, на востокѣ сила обстоятельствъ принудила императора Павла возвратиться къ преданіямъ екатерининскаго царствованія. Во всякомъ случаѣ, манифестъ 18-го января 1801 года не имѣетъ уже

[1] Къ манифесту приложенъ былъ новый всероссійскій императорскій титулъ по случаю присоединенія къ всероссійской имперіи грузинскаго царства. 6-го марта 1801 года данъ былъ указъ сенату объ управленіи Грузіею.

ничего общаго съ тѣми побужденіями, которыми руководствовался преемникъ Екатерины, прервавъ столь страннымъ образомъ войну съ Персіею въ 1796 году [1].

IV.

1-го февраля, въ пятницу, императоръ Павелъ переѣхалъ въ Михайловскій замокъ и навсегда разстался съ Зимнимъ дворцомъ; нетерпѣливо поджидавшееся имъ переселеніе наконецъ совершилось, наперекоръ всякимъ гигіеническимъ соображеніямъ и заявленіямъ докторовъ [2]. Цесаревичъ Александръ Павловичъ съ супругою, а также прочіе члены императорскаго семейства переѣхали и окончательно поселились въ замкѣ только черезъ нѣсколько дней. Наслѣдникъ занялъ помѣщеніе, нынѣ занимаемое въ нижнемъ этажѣ Николаевскимъ инженернымъ училищемъ; въ то время это были самые сырые аппартаменты замка. Императоръ былъ въ восхищеніи отъ своего новаго дворца, но, все-таки, несмотря на всѣ принятыя мѣры, пребываніе въ Михайловскомъ замкѣ не было безопасно для здоровья. Вездѣ въ помѣщеніяхъ замѣтны были ужасающіе слѣды сырости, которая и ко времени переѣзда императорской семьи была еще чрезмѣрно велика. Печи не могли нагрѣть и осушить воздухъ. Бархатъ, которымъ были обиты стѣны въ нѣкоторыхъ покояхъ, началъ покрываться плѣсенью; многія фрески, украшавшія стѣны, совершенно слиняли. Хотя въ большой залѣ замка постоянно поддерживался огонь въ двухъ большихъ каминахъ, но, несмотря на эту мѣру, во всѣхъ углахъ ея образовался сверху до низу слой льда. Густой туманъ наполнялъ всѣ помѣщенія замка, разрушая живопись и портя мебель.

Въ день переѣзда императора Павла въ Михайловскій замокъ не было даже вахтъ-парада. Государь поутру, въ 7 часовъ, въ сопровожденіи оберъ-шталмейстера, графа Кутайсова, прибылъ изъ Зимняго дворца въ замокъ. Императрица Марія Ѳеодоровна пріѣхала къ полдню, а затѣмъ

[1] Приведемъ здѣсь также благодѣтельный указъ; данный синоду въ Гатчинѣ, 27-го октября 1800 года: «По прошенію московскихъ старообрядцевъ объ устроеніи въ Москвѣ церкви, представленіе московскаго митрополита Платона находя сообразнымъ указу нашему въ 12 день марта 1798 года, коимъ дозволили мы, по всѣмъ епархіямъ таковое старообрядческихъ церквей устроеніе, повелѣваемъ церковь старообрядцамъ дать, и впредь дозволять устроеніе на подобномъ основаніи».

[2] «A peine ce palais redoutable fut-il achevé que Paul dévoré de craintes et de soupçons, voulut y entrer pour s'y mettre en sureté. Il s'irrita des remontrances de sa famille, de ses médecins et de ses favoris, qui lui représentaient l'insalubrité de ces murs humides, suant la chaux vive, les huiles et le vernis; il voulut s'enfermer dans son fort». Lettres d'un français à un allemand, servant de réponse à M. de Kotzebue et de supplément aux mémoires secrets sur la Russie. Par Masson.—Basele et Coblence, 1802 (an IX), p. 114—115.

состоялся обѣденный столъ, къ которому приглашены были: оберъ-камергеръ графъ Строгановъ, генералъ-отъ-инфантеріи Кутузовъ, оберъ-гофмаршалъ Нарышкинъ, оберъ-шталмейстеръ графъ Кутайсовъ, адмиралъ графъ Кушелевъ, дѣйствительный тайный совѣтникъ князь Александръ Борисовичъ Куракинъ.

«Впродолженіе стола ея императорскому величеству угодно было, по случаю воспослѣдовавшаго въ сей день переѣзда въ замокъ»,—сказано въ камеръ-фурьерскомъ журналѣ 1801 года,—«и при желаніи впредь благополучнаго въ ономъ продолженія высочайшаго его императорскаго величества присутствія, пить за здоровье его величества, каковое также произнести удостоились и всѣ бывшія при столѣ особы, а его императорское величество, при обыкновенномъ употребленіи вина, изволилъ равно сему пить за здравіе ея императорскаго величества, изъявя при томъ всѣмъ высочайшее благодареніе».

Вечеромъ, въ 7 часовъ, въ театрѣ Михайловскаго замка состоялось первое театральное представленіе; играны были французскими актерами двѣ оперы: «Ревнивый любовникъ» и «Женихи» [1].

2-го февраля назначенъ былъ въ замкѣ маскарадъ для дворянства и купечества; роздано было билетовъ 3.100, явилось масокъ всего 2.837. Гости могли любоваться роскошью и изяществомъ убранства вновь созданныхъ чертоговъ. Но, тѣмъ не менѣе, праздникъ не вполнѣ удался вслѣдствіе крайней сырости, господствовавшей въ замкѣ; въ комнатахъ во время празднества образовался густой туманъ, и, несмотря на тысячи горѣвшихъ восковыхъ свѣчей, повсюду господствовалъ полумракъ. Это обстоятельство придавало всему собранію какой-то мрачный оттѣнокъ. Императоръ Павелъ удалился во внутренніе покои въ три четверти десятаго часа; императрица же оставалась въ собраніи до первой четверти 12-го часа. Маскарадъ кончился въ два часа пополуночи, и, какъ сказано въ камеръ-фурьерскомъ журналѣ, «послѣдняя изъ онаго вышла маска—жена коллежскаго ассесора Ежединская».

Въ Михайловскомъ замкѣ цесаревичу Александру Павловичу пришлось испытать немало новыхъ огорченій и душевныхъ тревогъ.

Въ 1801 году императору Павлу благоугодно было вызвать изъ-за границы въ Россію тринадцатилѣтняго племянника императрицы Маріи Ѳеодоровны, принца Евгенія Виртембергскаго, назначеннаго еще въ 1798 году генералъ-маіоромъ и шефомъ драгунскаго полка. Воспитателемъ его былъ генералъ баронъ Дибичъ, отецъ прославившагося впослѣдствіи фельдмаршала графа Дибича-Забалканскаго. Съ перваго же

[1] Императоръ Павелъ объявилъ новый дворецъ загороднымъ и затѣмъ учредилъ почту на нѣмецкій образецъ, которая два раза въ день, при звукѣ трубы, привозила письма и рапорты.

представленія молодого принца Евгенія императору (7-го февраля) онъ завоевалъ себѣ расположеніе государя. «Savez-vous que ce petit drôle a fait ma conquête», сказалъ Павелъ императрицѣ. Съ этого дня расположеніе къ нему государя съ каждымъ днемъ возростало поражающимъ образомъ; наконецъ, оно дошло до того, что Павелъ Петровичъ объявилъ Дибичу о своемъ намѣреніи усыновить принца Евгенія, прибавивъ, что онъ владыка въ своемъ домѣ и въ государствѣ и потому возведетъ принца на такую высокую ступень, которая приведетъ всѣхъ въ изумленіе [1]. Закону о престолонаслѣдіи, установленному, какъ казалось, незыблемымъ образомъ самимъ императоромъ Павломъ, угрожало вопіющее нарушеніе.

Положеніе Александра Павловича становилось съ каждымъ днемъ все болѣе затруднительнымъ. Несмотря на покорность, вниманіе и предупредительность сына, подозрительность и недовѣріе къ нему грознаго родителя принимали все болѣе рѣзкія формы. Вообще Александръ и ранѣе жилъ съ женою очень уединенно; ему служили только преданныя императору лица. Чтобы не навлечь на себя и тѣни подозрѣнія, онъ не принималъ никого и съ вельможами и иностранными министрами разговаривалъ не иначе, какъ въ присутствіи отца, и не входилъ въ сношеніе съ лицами, стоявшими у дѣлъ [2]. Войдя однажды въ комнату наслѣдника, императоръ Павелъ нашелъ на его столѣ трагедію «Брутъ» Вольтера; она оканчивается, какъ извѣстно, словами Брута:

«Rome est libre: il suffit.
...Rendons grâces aux dieux!»

Государь призвалъ сына къ себѣ наверхъ и, показывая на указъ Петра Великаго о несчастномъ Алексѣѣ Петровичѣ, спросилъ его: знаетъ ли онъ исторію этого царевича [3]?

Народъ съ надеждою взиралъ на восходящее солнце Россіи, какъ нѣкоторые называли Александра. Уже тогда распространилась молва о благодушіи и кротости цесаревича, такъ что не успѣвалъ онъ показаться на улицѣ, какъ его встрѣчали благословеніями и пожеланіями

1 Helldorff: Aus dem Leben des Prinzen Eugen von Württemberg.—Berlin. 1861. T. 1.

2 Abbé Georgel: Voyage à St.-Pétersbourg.

3 Въ запискахъ графини Д. X. Ливенъ этотъ случай переданъ нѣсколько иначе. Графиня Ливенъ пишетъ: «Dans un accès de soupçon contre sa propre famille, contre ses propres enfants, l'empereur descendit un après dîner chez son fils, le grand duc Alexandre, où il n'allait jamais. Il voulait le surprendre. Il trouva sur sa table entre autres livres la tragédie de la mort de César. Cela lui parut décisif. Il remonta dans son appartement et prenant l'histoire de Pierre le Grand, il l'ouvrit à la page de la mort d'Alexis, et ordonna au comte Koutaisoff de porter ce livre au grand duc et de lui faire lire cette page». Это случилось, по словамъ графини Ливенъ, за пять или шесть дней до кончины императора Павла.

счастья. Извѣстно было, что Александръ всегда старался по мѣрѣ силъ облегчить участь всѣхъ, подпавшихъ подъ гнѣвъ родителя, и потому распространилась увѣренность, что царствованіе его будетъ благословенное, отеческое. Все это не могло оставаться безызвѣстнымъ Павлу, который уже давно возмущался свободомысліемъ своего старшаго сына и привыкъ видѣть въ немъ врага по политическимъ убѣжденіямъ; обоюдныя отношенія обострялись все болѣе и болѣе; отецъ и сынъ перестали понимать другъ друга.

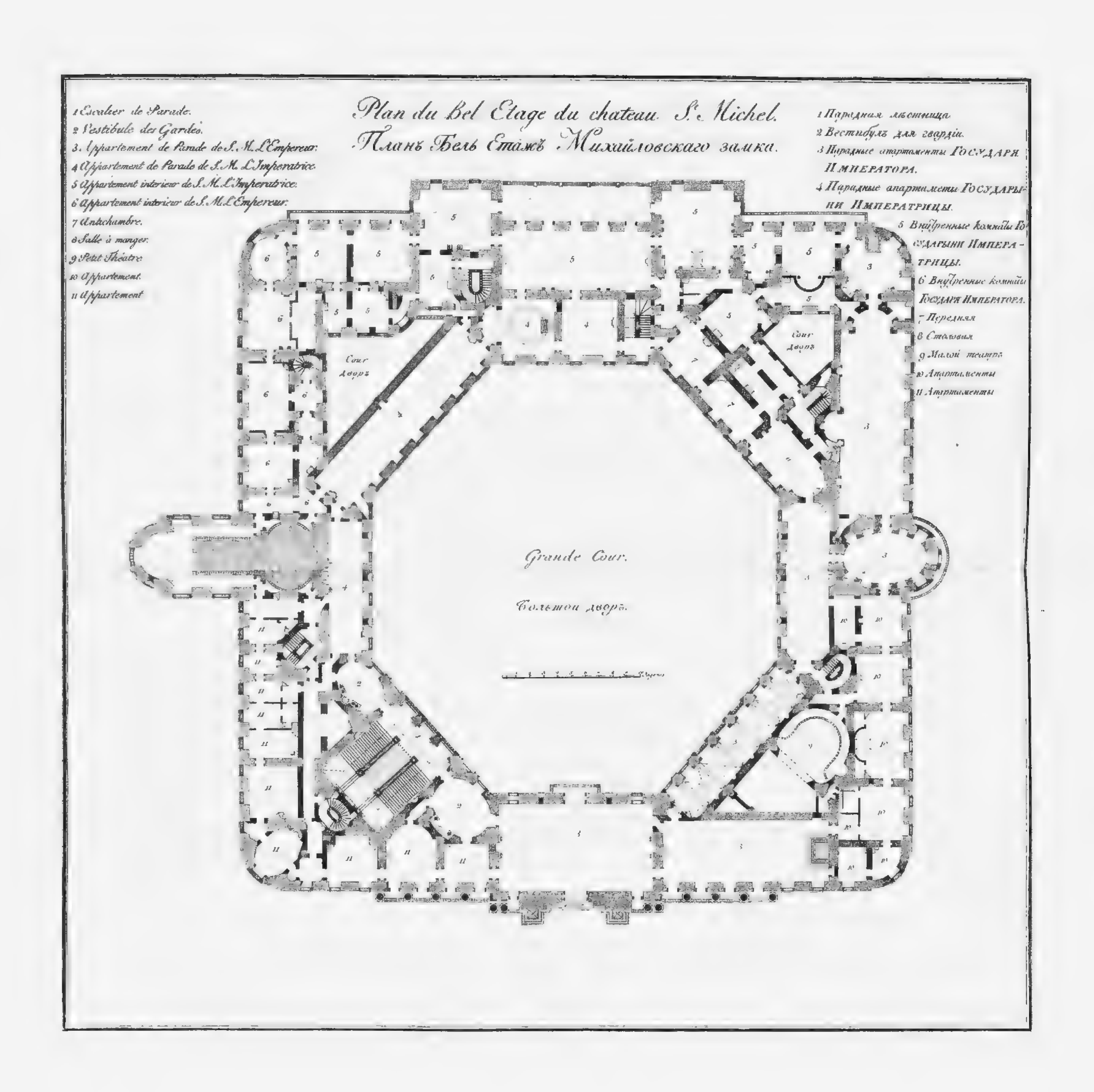
Съ каждымъ днемъ настроеніе Павла Петровича дѣлалось все болѣе мрачнымъ; подозрительность усиливалась. Никто не былъ увѣренъ, что будетъ съ нимъ на слѣдующій день. «Награда утратила свою прелесть, наказаніе — сопряженный съ нимъ стыдъ», пишетъ Карамзинъ.

Даже графъ Ростопчинъ не избѣгъ участи, одинаково угрожавшей тогда всѣмъ.

Впрочемъ, что касается графа Ростопчина, то слѣдуетъ признать, что онъ излишнимъ усердіемъ самъ вызвалъ опалу, прервавшую его блестящее служебное поприще. Случилось это слѣдующимъ образомъ.

Графъ Никита Петровичъ Панинъ, жертва ненависти графа Ростопчина, какъ выше упомянуто, сосланъ былъ въ декабрѣ 1800 года въ свое имѣніе; затѣмъ ему было разрѣшено жить въ подмосковной (Петрово-Разумовское). Но могущественному врагу Панина это показалось еще недостаточнымъ. Перехвачено было какое-то письмо изъ Москвы; оно было написано однимъ путешествовавшимъ чиновникомъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ, Петромъ Ивановичемъ Приклонскимъ, къ Ивану Матвѣевичу Муравьеву (которому впослѣдствіи разрѣшено было именоваться Муравьевымъ-Апостоломъ) и, кромѣ простыхъ извѣстій о сдѣланныхъ путешественникомъ посѣщеніяхъ, ничего другого не содержало. Только слова: «Я былъ также у нашего Цинцината въ его имѣніи», показались Ростопчину странными, и онъ вообразилъ себѣ, что письмо это писано графомъ Панинымъ, и что подъ именемъ Цинцината слѣдуетъ разумѣть фельдмаршала князя Репнина, бывшаго въ то время въ немилости. Тогда, замѣнивъ произвольно одно имя другимъ, Ростопчинъ понесъ письмо къ императору и внушилъ ему, что надъ нимъ издѣваются. Легко раздражавшійся государь немедленно написалъ московскому военному губернатору графу Салтыкову, 29-го января, 1801 года, грозное посланіе:

«Открылъ я, графъ Иванъ Петровичъ, переписку Г. Гр. Панина, въ которой титулуетъ онъ князь Репнина Цинцинатомъ, пишетъ о нѣкоторой мнимой теткѣ своей (которой у него однако же здѣсь никакой нѣтъ), которая одна только изъ всѣхъ насъ на свѣтѣ душу и сердце только и имѣетъ, и тому подобныя глупости. А какъ изъ сего я вижу, что онъ все тотъ же, то и прошу мнѣ его сократить, отославъ подалѣ,

Plan du Bel Etage du chateau S. Michel.
Планъ Бель Етажъ Михайловскаго замка.
1 Escalier de Parade.
2 Vestibule des Gardes.
3. Appartement de Parade de S. M. L'Empereur.
4 Appartement de Parade de S. M. L'Imperatrice.
5 Appartement interieur de S. M. L'Imperatrice.
6 Appartement interieur de S. M. L'Empereur.
7 Antichambre.
8 Salle à manger.
9 Petit Théatre.
10 Appartement.
11 Appartement
1 Парадная лѣстница
2 Вестибулъ для гвардіи.
3 Парадные апартаменты ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА.
4 Парадные апартаменты ГОСУДАРЫНИ ИМПЕРАТРИЦЫ.
5 Внутренные комнаты ГОСУДАРЫНИ ИМПЕРАТРИЦЫ.
6 Внутренные комнаты ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА.
7 Передняя
8 Столовая
9 Малой театръ
10 Апартаменты
11 Апартаменты
Cour
дворъ
Cour
дворъ
Grande Cour.
Большой дворъ.

да отвѣчать, чтобъ онъ впередъ ни языкомъ, ни перомъ не вралъ. Прочтите ему сіе и исполните все».

Когда графъ Панинъ отвѣчалъ чистосердечно военному губернатору, что не писалъ въ Петербургъ, то, 7-го февраля 1801 года, императоръ Павелъ послалъ графу Салтыкову по тому же поводу еще слѣдующее письмо:

«Въ улику того и тому, о чемъ и кѣмъ дѣло было, посылаю къ вамъ копіи съ перлустрированныхъ Панина писемъ, которыми извольте его уличить. И, какъ я уже далъ вамъ и безъ того надъ нимъ волю, то и поступите уже по заслугѣ и такъ, какъ со лжецомъ и обманщикомъ. Вы можете для прочтенія его къ себѣ съ надежнымъ провожатымъ на то только время привести. Впрочемъ, сіе уже ваше дѣло, и вамъ за сіе и за него и отвѣчать».

Между тѣмъ настоящій авторъ письма, узнавъ обо всемъ этомъ, поспѣшилъ на курьерскихъ въ Петербургъ, отправился къ графу Кутайсову и объявилъ ему: «Письмо это писано мною, подписано моимъ именемъ. Я слышу, что давніе мои благодѣтели подвергаются несправедливымъ подозрѣніямъ, пріѣхалъ все разъяснить. Его самаго (то-есть, Панина) назвалъ я Цинцинатомъ, не потому, чтобы хотѣлъ скрыть его имя, а потому, что, по величію своего характера, онъ, мнѣ кажется, можетъ быть сравненъ съ этимъ римляниномъ».

Почти въ то же время пришло изъ Москвы второе донесеніе, открывавшее, что дѣйствительно письмо писано рукою не Панина. Тогда императоръ обратилъ справедливый гнѣвъ на Ростопчина и сказалъ о немъ: «C'est un monstre. Il veut me faire l'instrument de sa vengeance particulière; il faut que je m'en défasse».

20-го февраля 1801 года послѣдовалъ указъ сенату: «Дѣйствительнаго тайнаго совѣтника графа Ростопчина всемилостивѣйше увольняемъ отъ всѣхъ дѣлъ по прошенію его».

Въ тотъ же день сенату были даны еще два указа, по которымъ князю Александру Борисовичу Куракину повелѣно было вступить попрежнему въ должность по званію вице-канцлера, а графу Палену присутствовать въ коллегіи иностранныхъ дѣлъ и «въ Совѣтѣ нашемъ». Кромѣ того, графу Палену поручено было, еще съ 18-го февраля, начальствовать и надъ почтовою частію. Такимъ образомъ, графъ Паленъ, оставаясь петербургскимъ военнымъ губернаторомъ, сосредоточилъ въ своихъ рукахъ всѣ нити высшаго государственнаго управленія.

Графъ Ростопчинъ, собираясь уѣхать въ свою деревню Вороново, около Москвы, имѣлъ неосторожность явиться 24-го февраля въ Михайловскій замокъ, чтобы откланяться государю. Но императоръ Павелъ нашелъ подобный поступокъ дерзкимъ и приказалъ передать графу Ростопчину, чтобы онъ немедленно выѣхалъ изъ дворца и въ тотъ же

день изъ Петербурга. Черезъ нѣсколько часовъ графъ Ѳедоръ Васильевичъ, во исполненіе высочайшей воли, не замедлилъ выѣхать въ Москву.

Что касается графа Панина, то императоръ Павелъ поспѣшилъ исправить сдѣланную имъ несправедливость: 16-го февраля 1801 года графу Никитѣ Петровичу отправлено было генералъ-прокуроромъ Обольяниновымъ увѣдомленіе, что ему высочайше разрѣшенъ въѣздъ въ обѣ столицы. Но графъ Панинъ не появлялся болѣе въ Петербургѣ въ царствованіе императора Павла; онъ прибылъ въ столицу только послѣ 12-го марта, уже по вызову императора Александра.

Тайная канцелярія была завалена дѣлами и подвергала допросамъ съ истязаніями. Генералъ-прокуроръ Обольяниновъ сталъ инквизиторомъ и вскорѣ «уподобился великому визирю».

«Время это было самое ужасное», пишетъ очевидецъ Д. Б. Мертваго, «государь былъ на многихъ въ подозрѣніи. Тайная канцелярія была занята дѣлами болѣе вотчинной; знатныхъ сановниковъ почти ежедневно отставляли отъ службы и ссылали на житье въ деревни. Государь занялся дѣлами церковными, преслѣдовалъ раскольниковъ, разбиралъ основаніе ихъ секты, многихъ брали въ тайную канцелярію, брили имъ бороды, били и отправляли на поселеніе. Словомъ, ежедневный ужасъ. Сердце болѣло, слушая шопоты, и радъ бы не знать того, что разсказываютъ» [1]. И. И. Дмитріевъ пишетъ: «Нѣсколько разъ по воскреснымъ днямъ бывалъ во дворцѣ и, несмотря на все прощеніе исключенныхъ, находилъ всѣ комнаты почти пустыми. Входъ для чиновниковъ былъ уже ограниченъ; представленіе пріѣзжихъ, откланивающихся и благодарящихъ, за исключеніемъ нѣкоторыхъ, было отставлено. Государь уже рѣдко проходилъ въ церковь чрезъ наружныя комнаты. Строгость полиціи была удвоена» [2].

Другой очевидецъ въ частномъ письмѣ сообщалъ: «и погода какая-то темная, нудная, по недѣлямъ солнца не видно; не хочется изъ дому выйти, да и не безопасно... кажется, и Богъ отъ насъ отступился» [3]. Столица приняла небывалый, своеобразный видъ; въ 9 часовъ вечера, послѣ пробитія зари, по большимъ улицамъ перекладывались рогатки, и пропускались только врачи и повивальныя бабки [4]. Вызванныя этими

[1] Записки Д. Б. Мертваго. По назначеніи П. Х. Обольянинова генералъ-прокуроромъ, онъ продолжалъ также занимать прежнюю свою должность генералъ-провіантмейстера. Д. Б. Мертваго служилъ въ провіантскомъ вѣдомствѣ.

[2] Взглядъ на мою жизнь. Стр. 150. Въ это время И. И. Дмитріевъ находился вторично въ отставкѣ, имѣя уже чинъ тайнаго совѣтника. Онъ, по домашнимъ дѣламъ, пріѣхалъ изъ Москвы въ Петербургъ въ началѣ 1801 года и возвратился обратно менѣе чѣмъ за мѣсяцъ до кончины императора Павла.

[3] Рукопись Е. Ковалевскаго: «Послѣ смерти Павла I».

[4] Воспоминанія князя А. П Оболенскаго.

мѣрами всеобщее уныніе и безпокойство и поселили во всѣхъ убѣжденіе, что такое положеніе продлиться не можетъ. Въ Москвѣ военный губернаторъ, фельдмаршалъ графъ И. П. Салтыковъ, самъ ожидая со дня на день ссылки, высказывалъ въ эти тревожные дни, не стѣсняясь, мнѣніе, что «эта кутерьма долго существовать не можетъ.»

Будущій графъ, фельдмаршалъ и князь, баронъ Фабіанъ Вильгельмовичъ Остенъ-Сакенъ, оставилъ въ своемъ дневникѣ слѣдующую характеристику положенія дѣлъ въ 1800 году: «Первою мыслью Павла всегда бываетъ наказать человѣка, а потомъ иногда онъ спрашиваетъ, за что онъ наказалъ его. Онъ не знаетъ, ни чего хочетъ, ни что дѣлаетъ; тотъ, кто ему лучше другихъ служитъ, остается больше другихъ въ проигрышѣ». Вся обстановка 1800 года привела Сакена даже къ такой пессимистической мысли, что «для благоразумнаго человѣка остается одинъ исходъ—умереть!»

Въ воскресенье 10-го марта былъ въ Михайловскомъ замкѣ французскій концертъ. Среди собравшагося двора господствовало мрачное настроеніе [1]. Императоръ обращалъ мало вниманія на пѣніе госпожи Шевалье. Великая княгиня Елисавета сидѣла молча и печально; Александръ также былъ, повидимому, озабоченъ. Императрица съ безпокойствомъ оглядывалась и, казалось, задумывалась надъ тѣмъ, какими пагубными мыслями поглощенъ ея супругъ. Государь смотрѣлъ сердито и разстроенно. Передъ выходомъ къ вечернему столу произошло слѣдующее: когда обѣ половины дверей распахнулись, Павелъ подошелъ къ близъ стоявшей императрицѣ, остановился передъ нею, насмѣшливо улыбаясь, скрестивши руки и, по своему обыкновенію, тяжело дыша, что̀ служило признакомъ сильнаго недовольства; затѣмъ онъ повторилъ тѣ же угрожающіе пріемы передъ обоими великими князьями, Александромъ и Константиномъ. Въ заключеніе онъ подошелъ къ графу Палену, съ зловѣщимъ видомъ шепнулъ ему на ухо нѣсколько словъ и поспѣшилъ къ столу. Всѣ послѣдовали за нимъ молча и съ стѣсненною грудью. Гробовая тишина царила за этой печальной трапезой, и, когда, по окончаніи ея, императрица и великіе князья хотѣли поблагодарить императора, онъ отстранилъ ихъ отъ себя съ насмѣшливой улыбкой и быстро удалился, не поклонившись. Императрица заплакала, и вся семья разошлась, глубоко взволнованная.

[1] «Paul se promenait au milieu des militaires tremblants et rangés par régiment», пишетъ въ своемъ разсказѣ Константинъ Марковичъ Полторацкій.

*

V.

Наступилъ понедѣльникъ 11-го марта 1801 года. Патеръ Груберъ, пользуясь завоеваннымъ имъ исключительнымъ положеніемъ, явился рано утромъ въ Михайловскій замокъ и направился къ кабинету государя; онъ явился по важному дѣлу, надъ которымъ долго трудился и принесъ съ собою проектъ соединенія православной церкви съ латинской. На этотъ разъ патеръ встрѣтилъ неожиданное препятствіе въ лицѣ военнаго губернатора графа фонъ-деръ-Палена, который загородилъ ему дорогу и сказалъ, что императоръ такъ занятъ государственными дѣлами, что не можетъ принять отца-іезуита; съ этими словами онъ быстро вошелъ въ кабинетъ Павла. Не желая въ этотъ день, по извѣстнымъ ему соображеніямъ, допустить іезуита до объясненій съ императоромъ, военный губернаторъ предпамѣренно буквально завалилъ Павла докладами и не давалъ ему покоя и возможности перевести духъ. Государь примѣтно начиналъ терять терпѣніе, раздражался и, наконецъ, при поднесеніи послѣдняго доклада, обратился къ Палену съ гнѣвнымъ вопросомъ: «нѣтъ ли еще чего-нибудь?» Паленъ, ловко воспользовавшись такимъ душевнымъ настроеніемъ Павла, отвѣтилъ: «все, ваше величество. Только тамъ за дверьми кабинета, кажется, отецъ Груберъ хочетъ еще утомлять васъ своимъ столь извѣстнымъ проектомъ о соединеніи русской церкви съ латинскою». Государь, уже приведенный въ раздраженное состояніе, боявшійся опоздать на разводъ, приказалъ Палену сказать патеру Груберу, чтобы онъ убрался со своимъ проектомъ [1].

Послѣ этого эпизода дневныя занятія и установившееся препровожденіе времени продолжались въ обычномъ порядкѣ.

Императоръ присутствовалъ у развода, въ которомъ, однако, противъ обыкновенія и къ общему удивленію, не принимали участія великіе князья Александръ и Константинъ. Государь былъ очень гнѣвенъ, но, тѣмъ не менѣе, никого не сдѣлалъ несчастнымъ.

Въ караулъ въ Михайловскій замокъ, на большую гауптвахту, вступили семеновцы, при которыхъ находились капитанъ Воронковъ, поручикъ Полторацкій и подпоручикъ Ивашкинъ [2]. Затѣмъ внутренній караулъ въ овальной комнатѣ, примыкавшей къ парадной лѣстницѣ,

[1] М. Морошкинъ: Іезуиты въ Россіи. С.-Петербургъ, 1870, ч. 2-я, стр. 3.

[2] Припомнимъ здѣсь, что главная гауптвахта Михайловскаго замка помѣщалась въ нижнемъ этажѣ, при входѣ черезъ Воскресенскія ворота въ главный дворъ на право, противъ парадной лѣстницы.

занимали преображенцы, съ которыми находился поручикъ Маринъ [1]. Сверхъ того, близъ покоевъ императора находился еще другой внутренній караулъ отъ Коннаго полка, подъ командою корнета Андреевскаго.

Послѣ развода графъ Паленъ приказалъ всѣмъ офицерамъ гвардіи собраться въ его квартиру. Прямо изъ экзерцицгауза офицеры отправились къ нему и ожидали графа болѣе часу. Когда военный губернаторъ возвратился изъ дворца, онъ вышелъ къ собравшимся офицерамъ и съ мрачнымъ, разстроеннымъ лицомъ довольно грозно сказалъ имъ: «Господа! Государь приказалъ вамъ объявить, что онъ службою вашею чрезвычайно недоволенъ, что онъ ежедневно и на каждомъ шагу примѣчаетъ ваше нерадѣніе, лѣность и невниманіе къ его приказаніямъ и вообще небреженіе къ исполненію вашей должности, такъ что, ежели онъ и впредь будетъ замѣчать то же, то онъ приказалъ вамъ сказать, что онъ разошлетъ васъ всѣхъ по такимъ мѣстамъ, гдѣ и костей вашихъ не сыщутъ. Извольте ѣхать по домамъ и старайтесь вести себя лучше».

Всѣ разъѣхались съ горестными лицами и уныніемъ въ сердцѣ.

Тѣмъ временемъ императоръ Павелъ въ сопровожденіи графа Кутайсова совершилъ прогулку верхомъ; въ то же самое время императрица Марія Θеодоровна имѣла верховый выѣздъ съ фрейлиною Протасовою.

Возвратившись въ Михайловскій замокъ, императоръ Павелъ сошелся на парадной лѣстницѣ съ Коцебу, который, въ своихъ воспоминаніяхъ, посвятилъ этой нечаянной встрѣчѣ слѣдующія строки:

«11-го марта въ первомъ часу, слѣдовательно, за двадцать часовъ до его кончины, я видѣлъ императора Павла въ послѣдній разъ. Онъ возвращался съ прогулки, верхомъ, вмѣстѣ съ графомъ Кутайсовымъ, и, казалось, былъ въ очень хорошемъ расположеніи духа. Я встрѣтился съ государемъ на большой лѣстницѣ, возлѣ статуи Клеопатры. Онъ, по обыкновенію, остановился и заговорилъ со мною, на этотъ разъ о статуѣ, возлѣ которой мы стояли. Онъ замѣтилъ, что это прекрасная копія, осмотрѣлъ различные виды мрамора, входившіе въ составъ ея подножія, пожелалъ узнать ихъ названія, а затѣмъ перешелъ къ исторіи этой царицы Египта. Онъ восхищался ея геройскою смертію и, повидимому, согласился съ моимъ замѣчаніемъ, что она едва ли лишила бы себя жизни, если бы Августъ не пренебрегъ ея прелестями. Наконецъ онъ спросилъ меня, подвигается ли составляемое мною описаніе дворца. Я отвѣчалъ, что оно приближается къ окончанію. Послѣ этого мы разстались, при чемъ императоръ благосклонно сказалъ мнѣ:

— «Радуюсь заранѣе удовольствію прочитать его».

[1] Сергѣй Никифоровичъ Маринъ назначенъ былъ 20-го августа 1807 года флигель-адъютантомъ; онъ умеръ въ 1813 году.

«Я слѣдилъ за нимъ глазами, пока онъ поднимался по лѣстницѣ. Дойдя до самаго верха, онъ обернулся въ мою сторону, и мы никакъ не подозрѣвали, что видимъ другъ друга въ послѣдній разъ. Статуя Клеопатры послѣ этого разговора сдѣлалась мнѣ очень памятною; я часто съ умиленіемъ останавливался передъ нею послѣ кончины государя»[1].

Къ обѣденному столу приглашены были:

Оберъ-камергеръ графъ Строгоновъ.

Генералъ-отъ-инфантеріи Кутузовъ.

Оберъ-гофмаршалъ Нарышкинъ.

Оберъ-шталмейстеръ графъ Кутайсовъ.

Адмиралъ графъ Кушелевъ.

Вице-канцлеръ князь Куракинъ.

Послѣ обѣда, въ 4 часа пополудни, императрица Марія Ѳеодоровна съ фрейлиной Протасовой поѣхала въ каретѣ въ Смольный монастырь, откуда возвратилась обратно въ 6 часовъ.

Въ продолженіе дня императоръ Павелъ посѣтилъ малолѣтняго великаго князя Николая Павловича, котораго онъ очень любилъ[2]. При этомъ свиданіи великій князь, которому уже шелъ пятый годъ, обратился къ своему родителю съ вопросомъ, отчего его называютъ Павломъ Первымъ?

— «Потому,—отвѣчалъ ему государь,—что не было другого императора, который носилъ бы это имя до меня».

— «Тогда,—продолжалъ великій князь,—меня будутъ называть Николаемъ Первымъ».

— «Если ты вступишь на престолъ», — замѣтилъ ему государь Погрузившись затѣмъ въ раздумье и устремивъ долгое время свои взоры на великаго князя, Павелъ крѣпко поцѣловалъ сына и быстро удалился изъ его комнатъ.

11-го марта императоръ Павелъ успѣлъ еще отправить въ Берлинъ курьера съ слѣдующимъ собственноручнымъ письмомъ на имя нашего посланника барона Криденера:

[1] «Das merkwürdigste Jahr meines Lebens». T. 2, p. 198—199.

[2] Въ то время, подобно тому, какъ и въ послѣднія недѣли царствованія Петра III самые невѣроятные слухи смущали жителей Петербурга. Въ числѣ этихъ слуховъ занимаетъ также мѣсто слухъ о предположеніи императора Павла объявить своимъ наслѣдникомъ великаго князя Николая Павловича. Къ этому намѣренію относили слова, будто бы сказанныя государемъ, что онъ вскорѣ помолодѣетъ на двадцать пять лѣтъ.—«Подожди еще пять дней, и ты увидишь великія дѣла!»—съ этими словами императоръ Павелъ обратился къ графу Кутайсову, намекая на какую-то предстоявшую таинственную перемѣну.

«Cha: Mich: ce 11 Mars 1801.

«Déclaré Monsieur au Roi que si il ne veut pas se désidé à occuper Hanovre vous avé à quitter la Cour dans les 24 heures.

«Paul» [1].

Другой курьеръ отправленъ былъ государемъ въ Парижъ къ Колычеву съ повелѣніемъ обратиться къ первому консулу съ приглашеніемъ вступить съ республиканскими войсками въ курфиршество Гановерское, въ виду нерѣшительности берлинскаго двора занять эту страну своими войсками.

Въ этотъ день, по особому приказанію Константина Павловича, дежурнымъ полковникомъ по Конному полку не въ очередь былъ назначенъ Н. А. Саблуковъ, эскадронъ котораго стоялъ на караулѣ въ замкѣ. Дежурство Саблукова было совершенно противно служебной рутинѣ, ибо полковнику, эскадронъ котораго стоялъ въ караулѣ, слѣдовало осматривать посты, и поэтому на него не возлагалось никакихъ иныхъ обязанностей. Подчиняясь приказанію великаго князя, Саблуковъ повелъ караулъ во дворецъ, разставилъ посты и, напомнивъ офицеру о всѣхъ нужныхъ предосторожностяхъ, возвратился затѣмъ въ казармы, чтобы исполнить должность дежурнаго полковника. Въ 8 часовъ вечера получивъ рапорты отъ дежурныхъ офицеровъ пяти эскадроновъ, Саблуковъ отправился въ замокъ подать свой рапортъ великому князю Константину, командовавшему Коннымъ полкомъ. Выходя изъ сапей у большого подъѣзда, дежурный полковникъ встрѣтилъ камеръ-лакея собственныхъ его величества аппартаментовъ, который спросилъ его, куда онъ идетъ; Саблуковъ отвѣтилъ, что идетъ къ великому князю Константину. — «Пожалуйста, не идите», сказалъ камеръ-лакей, «ибо я долженъ тотчасъ же донести о томъ государю». — «Не могу не итти», отвѣтилъ Саблуковъ, «ибо я дежурный полковникъ и долженъ явиться съ рапортомъ къ его высочеству; такъ и скажите государю». Лакей вбѣжалъ по лѣстницѣ на одну сторону замка, а Саблуковъ поднялся на другую. Продолжаемъ разсказъ словами Саблукова:

«Когда я вошелъ въ переднюю Константина, Рудковскій, его довѣренный камердинеръ, спросилъ меня съ удивленнымъ видомъ: «За-

[1] Князь Лобановъ пишетъ: «Этотъ рескриптъ находится въ архивѣ нашего посольства въ Берлинѣ, гдѣ я его списалъ (съ сохраненіемъ правописанія подлинника). На немъ нѣтъ такой приписки графа Палена о которой говоритъ Биньонъ (Bignon: Histoire de France. T. 1, p. 440): «L'Empereur ne se porte pas bien aujourd'hui». Тьеръ передаетъ эту приписку почти въ тѣхъ же выраженіяхъ, а именно: «Sa majesté impériale est indisposée aujourd'hui. Cela pourrait avoir des suites». Затѣмъ Тьеръ прибавляетъ, что генералъ Бёрнонвиль, бывшій французскимъ посланникомъ въ Берлинѣ, сообщилъ о ней своему правительству. Должно полагать, что графъ Паленъ написалъ барону Криденеру отдѣльную записку, которая не сохранилась въ архивахъ».

чѣмъ вы пришли сюда?»—Я отвѣтилъ, бросая шубу на диванъ: «Вы, кажется, здѣсь всѣ съ ума сошли: я дежурный полковникъ». Тогда онъ отперъ дверь и сказалъ: «Хорошо, войдите». Я засталъ Константина въ трехъ, четырехъ шагахъ отъ двери: онъ имѣлъ видъ очень взволнованный. Я тотчасъ отрапортовалъ ему о состояніи полка. Между тѣмъ, какъ я рапортовалъ, Александръ вышелъ изъ двери, прокрадываясь, какъ испуганный заяцъ. Въ эту минуту открылась задняя дверь, и вошелъ Павелъ in proprіa persona, въ сапогахъ и шпорахъ, съ шляпой въ рукѣ и тростью въ другой, и направился къ нашей группѣ церемоніальнымъ шагомъ, словно на парадѣ. Александръ убѣжалъ въ собственный аппартаментъ; Константинъ стоялъ пораженный, съ руками, бьющими по карманамъ, словно безоружный человѣкъ, который встрѣтился съ медвѣдемъ. Я же, повернувшись, по уставу, на каблукахъ, представилъ императору рапортъ о состояніи полка. Императоръ сказалъ: «А, ты дежурный!» очень учтиво кивнулъ мнѣ головой, повернулся и пошелъ къ двери. Когда онъ прошелъ эту дверь, Александръ открылъ свою дверь и заглянулъ въ комнату. Константинъ стоялъ неподвижно. Когда вторая дверь въ ближайшей комнатѣ громко стукнула, какъ будто ее съ силою захлопнули, доказывая, что императоръ дѣйствительно ушелъ, Александръ осторожно пробрался къ намъ.—Константинъ сказалъ: «Ну, братецъ, что скажете вы о моей идеѣ?» указывая на меня. «Я говорилъ вамъ, что онъ не испугается!» Александръ спросилъ: «Какъ?» Вы не боитесь императора?»—«Нѣтъ, ваше высочество, чего же мнѣ бояться? Я дежурный, хотя и внѣ очереди, это правда, но я исполняю свою обязанность и не боюсь никого, кромѣ великаго князя, и то потому, что онъ мой полковой командиръ, точно такъ же, какъ мои солдаты не боятся его высочества, а боятся одного меня».—«Такъ вы ничего не знаете?»—возразилъ Александръ.—«Ничего, ваше высочество, кромѣ того, что я дежурный не въ очередь».—«Я такъ приказалъ», сказалъ Константинъ.—«Къ тому же», сказалъ Александръ, «мы оба подъ арестомъ». Я засмѣялся. Великій князь сказалъ: «Отчего вы смѣетесь?»—«Оттого», отвѣтилъ я, «что вы давно желали этой чести».—«Да, но не такого ареста, какому мы подверглись теперь. Насъ обоихъ водилъ въ церковь Обольяниновъ присягать въ вѣрности».—«Меня нѣтъ надобности приводить къ присягѣ», сказалъ я, «я вѣренъ».—«Хорошо», сказалъ Константинъ, «теперь отправляйтесь домой и, смотрите, будьте осторожны».—Пока камердинеръ Рудковскій помогалъ мнѣ въ передней надѣвать шубу, Константинъ Павловичъ крикнулъ: «Рудковскій, стаканъ воды». Рудковскій налилъ, и я замѣтилъ ему, что на поверхности плаваетъ перышко. Рудковскій вынулъ его пальцемъ и, бросивъ на полъ, сказалъ: «Сегодня оно плаваетъ, а завтра потонетъ».

БОЖІЕЮ МИЛОСТІЮ

МЫ АЛЕКСАНДРЪ ПЕРВЫЙ,

ИМПЕРАТОРЪ и САМОДЕРЖЕЦЪ

ВСЕРОССІЙСКІЙ,

и прочая, и прочая, и прочая.

Объявляемъ всѣмъ вѣрнымъ подданнымъ НАШИМЪ.

Судьбамъ Вышняго угодно было прекратить жизнь любезнаго Родителя НАШЕГО Государя Императора ПАВЛА ПЕТРОВИЧА, скончавшагося скоропостижно апоплексическимъ ударомъ въ ночь съ 11-го на 12-е число сего мѣсяца МЫ воспріемля наслѣдственно Императорскій Всероссійскій Престолъ, воспріемлемъ купно и обязанность управлять Богомъ НАМЪ врученный народъ по законамъ и по сердцу въ Бозѣ почивающей Августѣйшей Бабки НАШЕЙ Государыни Императрицы ЕКАТЕРИНЫ Великія, коея память НАМЪ и всему Отечеству вѣчно пребудетъ любезна, да по Ея премудрымъ намѣреніямъ шествуя достигнемъ вознести Россію на верхъ славы и доставить ненарушимое блаженство всѣмъ вѣрнымъ подданнымъ НАШИМЪ, которыхъ чрезъ сіе призываемъ запечатлѣть вѣрность ихъ къ НАМЪ присягою предъ лицемъ всевидящаго Бога, прося Его, да подастъ НАМЪ силы къ снесенію бремени нынѣ на НАСЪ лежащаго. Данъ въ Санктпетербургѣ Марта 12-го дня 1801 года.

На подлинномъ подписано собственною ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА рукою тако:

Печатанъ въ Санктпетербургѣ при Сенатѣ Марта 12 дня 1801 года.

АЛЕКСАНДРЪ.

МАНИФЕСТЪ О ВСТУПЛЕНІИ НА ПРЕСТОЛЪ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА ПЕРВАГО.

Вечеръ 11-го марта ихъ величества провели съ ихъ высочествами, а «также и съ обыкновенно приглашающимися въ собраніе знатными особами въ гостиной комнатѣ». Императоръ Павелъ былъ особенно веселъ и находился въ совершенно иномъ настроеніи, чѣмъ на вечернемъ собраніи, имѣвшемъ мѣсто наканунѣ. Много лѣтъ тому назадъ, Павелъ Петровичъ, въ письмѣ къ Николаю Ивановичу Салтыкову, признавался, что онъ примѣтилъ за собою, что когда сей родъ веселости на него найдетъ, «всегда передъ печалью». Это было писано въ 1784 году, и подобное же явленіе повторилось, но съ худшими еще послѣдствіями, въ 1801 году[1]!

Въ обычное время состоялся вечерній столъ на девятнадцати кувертахъ. Отъ императора, начиная съ правой стороны, сидѣли:

Великій князь Александръ Павловичъ.
Великая княгиня Елисавета Алексѣевна.
Великая княжна Марія Павловна.
Статсъ-дама графиня Паленъ.
Камеръ-фрейлина Протасова.
Фрейлина Кутузова 2-я.
Генералъ-отъ-инфантеріи Кутузовъ.
Оберъ-камергеръ графъ Строгоновъ.
Оберъ-гофмаршалъ Нарышкинъ.
Оберъ-камергеръ графъ Шереметевъ.
Шталмейстеръ Мухановъ.
Фрейлина графиня Паленъ.
Сенаторъ князь Юсуповъ.
Статсъ-дама Репне.
Статсъ-дама графиня Ливенъ.
Великая княгиня Анна Ѳеодоровна.
Великій князь Константинъ Павловичъ.

Во время ужина великій князь Александръ Павловичъ былъ молчаливъ и задумчивъ; императоръ Павелъ, напротивъ того, былъ чрезвычайно веселъ и разговорчивъ. Замѣтивъ, что наслѣдникъ не въ обыкновенномъ расположеніи духа, императоръ спросилъ у него:

— «Monseigneur, qu'avez-vous aujourd'hui».

— Sire», отвѣчалъ великій князь, «je ne me sens pas tout à fait bien».

[1] Какъ уже замѣчено было, сновидѣнія и видѣнія играли роль въ жизни Павла Петровича. Поэтому неудивительно, что наканунѣ 11-го марта 1801 года онъ видѣлъ необычайный сонъ, подобно тому, какъ и въ ночь на 5-е ноября 1796 года. Павлу Петровичу снилось, что ему натягивали узкій парчевой кафтанъ и съ такимъ усиліемъ что онъ проснулся отъ боли.

— «Eh bien, consultez un médecin et soignez-vous. Il faut toujours arrêter les indispositions dès le commencement, pour empêcher de devenir des maladies sérieuses».

Великій князь ничего не отвѣчалъ, но наклонился и потупилъ глаза. Черезъ нѣсколько минутъ великій князь Александръ чихнулъ. Императоръ сказалъ ему:

— «A l'accomplissement de tous vos souhaits» .

За ужиномъ употребленъ былъ въ первый разъ новый фарфоровый приборъ, украшенный разными видами Михайловскаго замка. «Государь былъ въ чрезвычайномъ восхищеніи, многократно цѣловалъ рисунки на фарфорѣ и говорилъ, что это былъ одинъ изъ счастливѣйшихъ дней въ его жизни», разсказывалъ очевидецъ камеръ-пажъ [2].

Веселое настроеніе Павла Петровича подтверждается свидѣтельствомъ другого пажа, Бошняка, по разсказу котораго: «Государь былъ очень веселъ, чему-то много смѣялся, перешептываясь съ сидѣвшимъ съ нимъ рядомъ великимъ княземъ Александромъ Павловичемъ. Это необыкновенно веселое расположеніе духа государя обратило на себя вниманіе даже мальчиковъ-пажей, и одинъ изъ нихъ, Зайцевъ, обратясь послѣ ужина къ Бошняку, сказалъ ему: «Замѣтилъ ли ты, какъ государь шептался съ наслѣдникомъ? Точно онъ ему царство передавалъ» [3].

То же самое подтверждается разсказомъ генерала Кутузова. Вотъ что онъ говорилъ впослѣдствіи графу Ланжерону:

«Мы ужинали вмѣстѣ съ императоромъ; насъ было 19 человѣкъ за столомъ; онъ былъ очень веселъ и много шутилъ съ моею дочерью, которая въ качествѣ фрейлины присутствовала за ужиномъ и сидѣла противъ государя. Послѣ ужина онъ говорилъ со мною, и пока я отвѣчалъ ему нѣсколько словъ, онъ взглянулъ на себя въ зеркало, имѣвшее недостатокъ и дѣлавшее лица кривыми; онъ посмѣялся надъ этимъ и сказалъ мнѣ: «Посмотрите, какое смѣшное зеркало; я вижу себя въ немъ съ шеей на сторону (Voyez la drôle de glace! Je m'y vois le cou de travers)» [4].

[1] Князь Лобановъ пишетъ: «записано со словъ свидѣтеля князя Юсупова, ужинавшаго за царскимъ столомъ».

Въ «Русскомъ Архивѣ» 1869 года (стр. 627) въ разсказахъ князя Сергѣя Михайловича Голицына по поводу ужина 11-го марта читаемъ: «Великій князь Александръ чихнулъ. Павелъ всталъ и сказалъ: «Que Dieu vous bénisse, monseigneur!»

[2] Изъ воспоминаній Петра Ивановича Полетики. («Русскій Архивъ» 1885 года, книга 3-я, стр. 322). Эти подробности объ ужинѣ 11-го марта П. И. Полетика записалъ со словъ своего брата, Аполлона Полетики, бывшаго тогда камеръ-пажемъ при великомъ князѣ Константинѣ Павловичѣ и служившаго по званію своему у вечерняго стола государя.

[3] «Разсказы стараго пажа о времени Павла I».—«Русская Старина» 1882 года, т. 33-й.

[4] По разсказу князя Сергѣя Михайловича Голицына, Павелъ Петровичъ замѣ-

Ужинъ кончился въ половинѣ десятаго. Заведено было, что всѣ выходили въ другую комнату и прощались съ государемъ. Въ этотъ вечеръ Павелъ Петровичъ также вышелъ въ другую комнату, но ни съ кѣмъ не простился, а сказалъ только: «Чему быть, тому не миновать» [1].

VI.

Когда полковникъ Саблуковъ возвратился изъ Михайловскаго замка домой, было ровно девять часовъ. Обратимся теперь снова къ его разсказу: «Бросившись въ свое кресло», пишетъ Саблуковъ, «я, какъ легко себѣ представить, предался довольно тревожнымъ мыслямъ по поводу всего того, что я только что слышалъ и видѣлъ. Мои размышленія, однако же, были непродолжительны. Въ три четверти десятаго мой слуга вошелъ въ комнату и ввелъ ко мнѣ фельдъегеря. «Его величество желаетъ, чтобы вы немедленно явились во дворецъ».—«Очень хорошо», отвѣчалъ я и велѣлъ подать сани. Получить такое приказаніе черезъ фельдъегеря считалось вообще плохимъ предзнаменованіемъ и предвѣстникомъ бури. Я, однако же, не имѣлъ дурныхъ предчувствій и, немедленно отправившись къ моему караулу, спросилъ офицера Андреевскаго, все ли обстоитъ благополучно. Онъ отвѣтилъ, что все совершенно благополучно, что императоръ и императрица три раза проходили мимо караула, весьма благосклонно поклонились ему и имѣли видъ очень милостивый. Я сказалъ ему, что за мною послалъ государь, и что я не приложу ума, зачѣмъ бы это было. Андреевскій также не могъ догадаться, ибо въ теченіе дня все было въ порядкѣ. Въ четверть одиннадцатаго часовой крикнулъ «къ ружью»; караулъ выстроился. Императоръ вышелъ изъ двери кабинета въ башмакахъ и чулкахъ, ибо онъ шелъ съ ужина. Ему предшествовала любимая его собачка «Шпицъ», и слѣдовалъ за нимъ дежурный генералъ-адъютантъ Уваровъ. Собачка подбѣжала ко мнѣ и стала ласкаться, хотя прежде того никогда меня не видала. Я отстранилъ ее шляпою, но она опять кинулась ко мнѣ съ ласками, и императоръ отогналъ ее ударомъ шляпы, послѣ чего Шпицъ сѣлъ позади Павла на заднія лапки, не переставая пристально глядѣть на меня. Императоръ направился прямо ко мнѣ и сказалъ по-французски: «Vous êtes des Jacobins». Нѣсколько озадаченный этими словами, я, не подумавъ, отвѣтилъ: «Oui, Sire».—Онъ возразилъ: «Pas vous, mais le régiment». Я

тилъ: «Какія мнѣ веркала повѣсили! Куда ни посмотрю, все у меня лице кривое, все на боку».—«C'est en attendant votre majesté», отвѣчалъ князь Юсуповъ. («Русскій Архивъ» 1869 года, стр. 633).

[1] «Русскій Архивъ» 1869 года, стр. 634.

оправился и отвѣтилъ: «Passe encore pour moi, mais vous vous trompez pour le régiment».—Онъ сказалъ мнѣ тогда по-русски: «А я лучше знаю. Сводить караулъ».—Я скомандовалъ: «Направо кругомъ, маршъ!»—Корнетъ Андреевскій вывелъ караулъ и отправился съ нимъ домой. Собачка Шпицъ не шевелилась, она все время во всѣ глаза смотрѣла на меня. Затѣмъ императоръ продолжалъ говорить по-русски и повторилъ, что мы якобинцы. Я отвергъ подобное обвиненіе, утверждая, что оно не заслуженное. Онъ снова отвѣтилъ, что онъ лучше знаетъ, и прибавилъ, что онъ приказалъ вывести полкъ изъ города и расквартировать его по деревнямъ, при чемъ сказалъ мнѣ весьма милостиво: «Вашъ эскадронъ будетъ помѣщенъ въ Царскомъ Селѣ; два бригадъ-майора будутъ сопровождать полкъ до седьмой версты; распорядитесь, чтобы полкъ былъ готовъ къ выступленію въ четыре часа утра въ походной формѣ и съ поклажею». Затѣмъ, обращаясь къ двумъ лакеямъ, одѣтымъ въ гусарскую форму, но не вооруженнымъ, онъ сказалъ: «Вы оба займите этотъ постъ», указавъ на дверь, ведущую въ кабинетъ. Уваровъ все это время улыбался за спиною императора, а вѣрный Шпицъ продолжалъ серьезно глядѣть на меня. Императоръ затѣмъ поклонился мнѣ съ изысканною вѣжливостью и удалился въ кабинетъ».

Невольно вспоминается разсказъ цесаревича Павла Петровича о видѣніи Петра Великаго, и столь же невольно срываются съ устъ нашихъ слова, услышанныя имъ тогда: «Павелъ, бѣдный Павелъ!»

Ночь была холодная и дождливая. Въ главномъ караулѣ всѣ дремали. Вдругъ прибѣгаетъ лакей съ крикомъ: «спасайте!». Поручикъ Полторацкій обнажилъ шпагу и, обращаясь къ солдатамъ, воскликнулъ: «Ребята, за царя!». Всѣ бросились вслѣдъ за Полторацкимъ, перебѣжали дворъ и поднялись по парадной лѣстницѣ. Но вдругъ на верхней площадкѣ появились графъ Паленъ и генералъ Беннигсенъ. Раздалась команда: «Караулъ, стой!», а затѣмъ они услышали слова: «Государь скончался апоплексическимъ ударомъ; у насъ теперь новый императоръ, Александръ Павловичъ!»

VII.

Въ первомъ часу пополуночи съ 11-го (23-го) на 12-е (24-е) марта 1801 года графъ Паленъ явился въ Михайловскомъ замкѣ къ наслѣднику цесаревичу Александру Павловичу съ извѣстіемъ о скоропостижной кончинѣ императора Павла.

Горесть Александра Павловича была неописанная; онъ заливался слезами. Въ это самое время князь Платонъ Александровичъ Зубовъ разбудилъ цесаревича Константина Павловича и привелъ его къ воцарившемуся императору.

Только съ трудомъ графъ Паленъ уговорилъ Александра выйти къ собраннымъ въ Михайловскомъ замкѣ войскамъ. «C'est assez faire l'enfant», сказалъ Паленъ, «allez régner, venez-vous montrer aux gardes. Благополучіе милліоновъ людей зависитъ отъ вашей твердости».

Желаніе военнаго губернатора было, наконецъ, исполнено. Императоръ Александръ обратился прежде всего къ семеновскому караулу съ достопамятными словами:

«Батюшка скончался апоплексическимъ ударомъ. Все при мнѣ будетъ, какъ при бабушкѣ».

Въ отвѣтъ на эти слова раздалось «ура». Затѣмъ государь вышелъ къ войскамъ, послѣ чего въ два часа пополуночи сѣлъ въ карету съ цесаревичемъ Константиномъ Павловичемъ и отправился въ Зимній дворецъ; на запяткахъ стояли графъ Н. А. Зубовъ и генералъ-адъютантъ Уваровъ. Императрица Елисавета Алексѣевна осталась въ замкѣ утѣшать вдовствующую императрицу Марію Ѳеодоровну.

Императоръ Александръ занялъ въ Зимнемъ дворцѣ прежнія свои комнаты [1]. Сюда призванъ былъ отставленный 14-го октября 1800 года

[1] Коцебу пишетъ въ своихъ запискахъ о событіи 11-го марта, что, пріѣхавъ во дворецъ, императоръ Александръ сказалъ окружавшимъ его тогда лицамъ: «Eh bien messieurs, puisque vous vous êtes permis d'aller si loin, faites le reste; déterminez les droits et les devoirs du souverain, sans cela le trône n'aura point d'attraits pour moi».

Не менѣе замѣчателенъ разговоръ императора Александра съ генералъ-адъютантомъ графомъ Ливеномъ. Государь призвалъ его къ себѣ ночью, немедленно по прибытіи въ Зимній дворецъ. «Il trouva dans le salon d'attente le grand duc Constantin et quelques généraux. Le grand duc baigné de larmes, les généraux dans l'exaltation, l'ivresse de la délivrance. Dans l'espace d'une demi minute il apprit que l'empereur Paul était mort et qu'il venait saluer le nouvel empereur. La porte du cabinet s'ouvrit, l'empereur Alexandre demandait où est Lieven? Mon mari se précipite. L'empereur tombe à son cou en sanglottant. «Mon père, mon pauvre père!» et il répandit d'abondantes larmes Cette émotion dura quelques instants. Puis il se redressa et s'écria tout à coup: «Où sont les cosaques?»—Il n'y avait que mon mari qui sût où ils étaient. Il y avait trois mois que l'empereur Paul dans un accès de colére avait condamné toute la tribu des cosaques du Don à une extermination complète. Sous prétexte de servir la politique de Bonaparte. premier consul, pour lequel il s'était pris d'un fantasque engouement, l'empereur avait résolu d'envoyer les cosaques inquiéter la domination des anglais aux grandes Indes. Il espérait bien que la marche au milieu de l'hiver, la maladie, la guerre, le débarasserait de la race entière et l'ordre avait été donné de faire prendre la route des Indes aux hommes, femmes et enfants; mais prétexte et motif tout devait demeurer secret; personne en Russie ne devait connaître l'itinéraire, et ce fut du cabinet de l'empereur que mon mari écrivit sous sa dictée les ordres absolus et détaillés de cette émigration entière. Le courier reçut ces ordres cachetés dans le cabinet de l'empereur qui défendit sévèrement à mon mari de révéler un mot de ce qu'il venait de lui prescrire. Le tout-puissant Pahlen même l'ignorait. On sût quelque temps après par des nouvelles de province le fait extraordinaire du départ de tous les cosaques du Don. On soupçonna les motifs de l'empereur, parce qu'on connaissait sa haine pour la forme un peu constitutionnelle du gouvernement intérieur

Дмитрій Прокофьевичъ Трощинскій. Александръ кинулся къ нему на шею и сказалъ: «Будь моимъ руководителемъ!» Ему поручили тотчасъ же написать манифестъ о вступленіи на престолъ императора Александра Перваго. Манифестъ возвѣщалъ слѣдующее:

«Судьбамъ Вышняго угодно было прекратить жизнь любезнаго родителя нашего, государя императора Павла Петровича, скончавшагося скоропостижно апоплексическимъ ударомъ въ ночь съ 11-го на 12-е число сего мѣсяца. Мы, воспріемля наслѣдственно императорскій всероссійскій престолъ, воспріемлемъ купно и обязанность управлять Богомъ намъ врученный народъ по законамъ и по сердцу въ бозѣ почивающей августѣйшей бабки нашей, государыни императрицы Екатерины Великія, коея память намъ и всему отечеству вѣчно пребудетъ любезна, да, по ея премудрымъ намѣреніямъ шествуя, достигнемъ возвести Россію на верхъ славы и доставить ненарушимое блаженство всѣмъ вѣрнымъ подданнымъ нашимъ, которыхъ чрезъ сіе призываемъ запечатлѣть вѣрность ихъ къ намъ присягою предъ лицемъ всевидящаго Бога, прося Его, да подастъ намъ силы къ снесенію бремени, нынѣ на насъ лежащаго».

Этими немногими словами, вылившимися въ минуту счастливаго вдохновенія, Трощинскій воспламенилъ сердца подданныхъ искреннѣйшею любовью къ молодому императору и успокоилъ умы, встревоженные пережитыми тяжелыми днями.

Присяга новому императору и наслѣднику, «который назначенъ будетъ», совершилась повсюду утромъ въ величайшемъ порядкѣ. По учиненной отъ двора повѣсткѣ съѣхались въ десять часовъ утра въ Зимній дворецъ всѣ вообще военные и гражданскіе чины въ Большую церковь, гдѣ уже находился митрополитъ Амвросій съ членами святѣйшаго синода и придворнымъ духовенствомъ для учиненія присяги на вѣрность императору Александру Первому. Шишковъ пишетъ, что во дворцѣ «почти всѣ находившіеся при покойномъ государѣ чиновники обнимались между собою и цѣловались, словно какъ бы поздравляли другъ друга съ какимъ-либо торжественнымъ приключеніемъ.... Конецъ жизни Павловой, равно какъ и Петра Третьяго, не былъ никѣмъ или весьма немногими оплакиваемъ».

Въ числѣ лицъ, собравшихся во дворцѣ для присяги, находился также Яковъ Ивановичъ де-Сангленъ. Вспоминая въ своихъ запискахъ подробности этого дня, онъ пишетъ: «Здѣсь всѣ залы были почти на-

de la tribu, mais il fut impossible de pénétrer dans le secret de la marche de cette troupe, et depuis quelques semaines on en avait perdu toute trace.... Mon mari donna à l'empereur Alexandre tous les renseignements sur place; l'ordre du retour des cosaques fut écrit, signé et expédié». Изъ записокъ графини (впослѣдствіи княгини) Даріи Христофоровны Ливенъ, рожденной Бенкендорфъ. Это была сестра графа А. Х. Бенкендорфа, шефа жандармовъ въ царствованіе императора Николая I.

полнены военными и гражданскими чиновниками. Среди залы нѣсколько офицеровъ изъявляли радость свою, что будутъ по-старому носить фраки и круглыя шляпы. Я вошелъ во вторую залу. Здѣсь сидѣли у камина графъ Николай Александровичъ Зубовъ, передъ нимъ стоялъ князь Яшвиль. Ихъ окружали нѣкоторые изъ тѣхъ, которыхъ я наканунѣ вечеромъ видѣлъ у графа Палена [1]. Громко сказалъ Зубовъ Яшвилю: «А дѣло было жаркое». Я отвернулся, ушелъ назадъ въ первую залу и увидѣлъ стоящаго въ дверяхъ великаго князя Константина Павловича, съ лорнетомъ въ рукахъ, устремившаго взоръ на сидящихъ около камина; какъ будто про себя, но громко сказалъ онъ: «я бы всѣхъ ихъ повѣсилъ». Съ симъ словомъ воротился онъ въ первую залу, а я за нимъ» [2].

По прибытіи въ церковь цесаревича Константина Павловича, учинена была присяга обыкновеннымъ порядкомъ, и по исполненіи сего произнесены были протодіакономъ ектенія и многолѣтіе.

По окончаніи присяги, митрополитъ съ духовенствомъ проходили въ апартаменты государя для принесенія всеподданнѣйшаго поздравленія. Въ камеръ-фурьерскомъ журналѣ сказано: «Государь императоръ изволилъ неоднократно проходить парадными комнатами для принятія поздравленія отъ духовенства и всѣхъ особъ военныхъ, гражданскихъ, собравшихся въ гостиной, угловой столовой и мраморныхъ залахъ. Послѣ сего отретировался во внутренніе свои апартаменты».

Такъ повѣствуетъ офиціальный журналъ. Къ этому нужно прибавить, что среди всеобщаго ликованія всѣхъ сословій задумчивымъ и печальнымъ оставался одинъ Александръ. Смерть отца произвела на него потрясающее впечатлѣніе. На выходѣ 12-го марта поступь его и осанка изображали человѣка, удрученнаго горестью и растерзаннаго неожиданнымъ ударомъ рока. Видъ огорченнаго императора покорилъ ему сердца всѣхъ. Въ его сознаніи царская власть, которую онъ принялъ на себя столь неохотно, являлась однимъ тяжелымъ бременемъ [3].

[1] Вечеромъ 11-го марта де-Сангленъ былъ въ канцеляріи военнаго губернатора (графъ Паленъ жилъ на углу Невскаго и Большой Морской, нынѣ домъ Елисѣева) и увидѣлъ пріѣхавшихъ гостей. На вопросъ Санглена, что это значитъ, ему было сказано: «А вотъ что, подите за ними, или домой». Сангленъ отправился домой и легъ благополучно спать.—Не менѣе характерно то, что сообщаетъ Сангленъ въ своихъ запискахъ о разговорѣ съ извозчикомъ въ тотъ же вечеръ. Извозчикъ спросилъ его: «Правда ли, сударь..... какой грѣхъ?»—«Что ты, съ ума сошелъ..... ради Бога, не ври».—Извозчикъ нисколько не смутился и отвѣтилъ: «Помилуйте, сударь, у насъ на биржѣ только и твердятъ: конецъ!»

[2] Записки Я. И. де-Санглена. «Русская Старина» 1883 года, т. 37-й, стр. 3—4.

[3] Прибывшему вскорѣ послѣ того изъ-за границы князю Адаму Чарторижскому, старавшемуся утѣшить огорченнаго императора, Александръ отвѣчалъ: «Non, c'est impossible, il n'y a pas de remède à cela; je dois souffrir; comment voulez-vous que je cesse de souffrir? Cela ne peut changer». (Mémoires du prince Adam Czartoryski. T. I, p. 261).

Близкое къ Александру лицо написало на другой день послѣ восшествія его на престолъ по поводу событія 12-го марта слѣдующія справедливыя строки: «Его чувствительная душа навсегда останется растерзанною... Только мысль о возвращеніи своему отечеству утраченнаго благосостоянія можетъ поддержать его. Ничто другое не могло бы придать ему твердости. Она же необходима ему, потому что единому Богу извѣстно, въ какомъ состояніи получилъ онъ эту имперію... Все тихо и спокойно, если не говорить о почти безумной радости, охватившей всѣхъ отъ послѣдняго человѣка въ народѣ до высшихъ слоевъ общества; грустно, что это даже не должно удивлять... Я дышу свободно вмѣстѣ со всею Россіею»[1].

Эти слова любящаго его человѣка оказались пророческими. Дѣйствительно, чувствительная душа Александра навсегда оказалась растерзанною событіемъ 12-го марта, и воспоминаніе о немъ не покидало его болѣе ни въ радостныя, ни въ печальныя минуты его царствованія; оно наложило печать на всю его послѣдующую жизнь. «Всѣ непріятности и огорченія, какія мнѣ случатся въ жизни моей, я ихъ буду носить, какъ крестъ»,—сказалъ императоръ Александръ.

Вся мыслящая Россія встрепенулась при извѣстіи о воцареніи Александра. «Всѣ умы и сердца успокоились», пишетъ А. С. Шишковъ. Восторгъ былъ всеобщій и искренній и, по свидѣтельству современниковъ, выходилъ даже изъ предѣловъ благопристойности. «Общество какъ бы возрождалось къ новой жизни, очнувшись отъ терроризма человѣка, который четыре года, не вѣдая что творитъ, мучилъ Богомъ ввѣренное ему царство». На улицахъ проявлялось всюду необузданное веселіе, плакали отъ радости; люди, другъ другу вовсе незнакомые, обнимались и другъ друга поздравляли. Казалось, что наступилъ день Свѣтлаго Воскресенья. Природа какъ бы участвовала въ общей радости: до 12-го марта погода была сырая и пасмурная, съ воцареніемъ же Александра засіяло солнце надолго. Вечеромъ городъ былъ иллюминованъ, хотя никакихъ приказаній на этотъ счетъ не послѣдовало; тѣмъ не менѣе, по свидѣтельству Коцебу, иллюминація была блистательнѣе, чѣмъ обыкновенно въ большіе праздники.

Тотъ же современникъ пишетъ: «Зеленщики, продававшіе свой товаръ по домамъ, поздравляли съ перемѣною (какъ они выражались), подобно тому, какъ они поздравляютъ съ большими праздниками. Почто-

[1] «Son âme sensible en restera à jamais déchirée... Il faut à celui-ci l'idée de rendre le bien-être à sa patrie, pour le soutenir; il n'y a point d'autre motif qui puisse lui donner de la fermeté. Et il en faut, car, grand Dieu! dans quel état a-t-il reçu cet empire... Tout est calme et tranquille, si ce n'est une joie presque folle qui règne depuis le dernier du peuple jusqu'à la noblesse entière; il est bien triste que cela ne doit pas même étonner... je ne puis cependant m'empêcher d'avouer que je respire avec la Russie entière».

содержатели на московской дорогѣ отправляли курьеровъ даромъ. Но многіе спрашивали, однако, съ боязнью: «Да точно ли онъ умеръ?» Кто-то даже любопытствовалъ узнать, набальзамировано ли уже тѣло. Только когда его въ томъ увѣрили, онъ глубоко вздохнулъ и успокоился. Даже люди, которые не имѣли повода жаловаться на Павла и пользовались отъ него одними благодѣяніями, были также въ радостномъ настроеніи. «Eh bien», спросилъ мимоходомъ князь Зубовъ у генерала Клингера: «qu'est ce qu'on dit du changement?»—«Mon prince», отвѣчалъ Клингеръ, въ противность столькимъ прямодушнымъ и твердымъ правиламъ, вошедшимъ въ его сочиненія, «on dit que vous avez été un des romains». Круглыя шляпы также снова появились, и я былъ свидѣтелемъ суматохи, внезапно происшедшей въ одно утро въ пріемной графа Палена. Всѣ бросились къ окнамъ; я не могъ понять, по какой причинѣ. На улицѣ появилась первая круглая шляпа. Обыкновенно населеніе придаетъ подобнымъ мелочамъ такую цѣну, что государямъ никогда бы не слѣдовало стѣснять его въ этомъ отношеніи. Можно безъ преувеличенія сказать, что разрѣшеніе носить круглыя шляпы произвело въ Петербургѣ болѣе радости, чѣмъ уничтоженіе отвратительной тайной экспедиціи» [1].

Графъ Завадовскій въ своей перепискѣ посвятилъ оцѣнкѣ событій 12-го марта нѣсколько своеобразныхъ строкъ: «Жиды чаютъ Мессіи, но спасающій насъ обрадовалъ внезапно... благоволеніемъ судьбы вышли мы изъ темныхъ дней. Заживаютъ раны отъ муки прежней, по удостовѣренію, что отверженные кнутъ и топоръ больше не возстанутъ: ибо ангелъ со стороны кротости и милосердія царствуетъ надъ нами. Зады Іоанна Грознаго мы испытали, измѣряй потому радость общую, когда можемъ подымать духъ и сердце, когда никто не имѣетъ страха мыслить и говорить полезное и чувствовать себя... возблагословимъ время и что въ немъ, окончимъ нашъ вѣкъ» [2].

1 «La nouvelle de la mort de Paul se répandit comme une traînée de poudre pendant la nuit encore par toute la ville. Il est impossible que celui qui n'a pas été témoin oculaire de cet événement, puisse se faire une idée de la sensation et de la joie qui s'empara de l'esprit de tous les habitants de la résidence. Ils regardèrent ce jour comme celui de la délivrance de tous les malheurs dont ils avaient été accablés quatre ans passés. Chacun sentit que ce temps affreux avait cessé pour faire place à un avenir plus heureux, qu'on se promettait sous le règne d'Alexandre I. Sitôt qu'il fit jour on voyait les rues remplies de monde. Des personnes connues et non connues s'embrassèrent en se rencontrant pour se féliciter d'un bonheur si général et particulier à chaque individu.... Jamais la mort d'un souverain n'a répandue une joie si générale dans toute une nation, comparable à celle que le trépas de Paul a produite, et jamais un souverain n'a obtenu des acclamations si générales que l'avénement au trône d'Alexandre I a produites, du règne duquel la nation se promet le plus grand bonheur». Historische Vierteljahrsschrift. Leipzig. 1901. Heft 1, p. 67, 69. (Изъ письма генерала Беннигсена къ генералу Фоку).

2 Архивъ князя Воронцова. Книга 12-я, стр. 263 и 264. (Письмо графа Завадов-

Легко было начать новую эпоху, опираясь на такую вѣру, на такую радость. Всѣ съ упованіемъ взирали на юнаго государя: молодой, прекрасный собою, съ кроткимъ и задумчивымъ взглядомъ, застѣнчивый и привѣтливый, онъ, дѣйствительно, могъ очаровать всѣхъ. Россія увидѣла исполненіе пророческаго Державинскаго стиха:

«Будь на тронѣ человѣкъ».

Ужасныя мысли о тюрьмахъ, пыткахъ, казняхъ, ссылкахъ, мгновенно разсѣялись, какъ зловѣщіе призраки; ихъ замѣнила надежда на народное благосостояніе и на личную безопасность. Уповалъ и Александръ, что онъ сдѣлаетъ Россію счастливою, что онъ отдастъ ей лучшіе годы, замолитъ злое дѣло, совершенное чужими руками, а затѣмъ, благословляемый народомъ, исполнивъ завѣтныя мечты, сойдетъ съ выпавшаго на его долю блестящаго поприща и разстанется съ царскимъ вѣнцомъ, который сдѣлался для него неизсякаемымъ источникомъ скорби и сожалѣній—истиннымъ терновымъ вѣнцомъ.

Повсюду въ Россіи манифестъ 12-го марта возбудилъ такую же неподдѣльную радость, какъ и въ Петербургѣ. Неожиданная вѣсть быстро распространилась въ Москвѣ 15-го марта. «Это одно изъ тѣхъ воспоминаній», пишетъ очевидецъ, «которыхъ время никогда истребить не можетъ: нѣмая, всеобщая радость, освѣщаемая яркимъ весеннимъ солнцемъ. Всѣ обнимались, какъ въ день Свѣтлаго Воскресенія; ни слова о покойномъ, чтобы и минутно не помрачить сердечнаго веселія, которое горѣло во всѣхъ глазахъ; ни слова о прошедшемъ, все о настоящемъ и будущемъ» [1].

Л. Н. Энгельгардтъ, находившійся въ то время въ Нижнемъ Новгородѣ, пишетъ въ своихъ запискахъ, что извѣстіе о воцареніи Александра I возбудило всеобщую радость: «другъ друга поздравляли и обнимали, какъ будто Россія была угрожаема нашествіемъ варваровъ и освободилась» [2].

Разсвѣтъ полярнаго лѣтняго дня, послѣ полярной зимней ночи, великое вскрытіе водъ, пробужденіе животной и растительной жизни, внезапное появленіе цвѣтовъ, внезапное покрытіе зеленью цѣлыхъ лѣсовъ—все это слишкомъ слабое сравненіе для этой счастливѣйшей и отраднѣйшей изъ всѣхъ перемѣнъ [3].

скаго графу А. Р. Воронцову изъ Москвы, отъ 7-го апрѣля 1801 года и графу С. Р. Воронцову изъ С.-Петербурга, отъ 13-го мая 1801 года).

[1] Записки Ф. Ф. Вигеля. Часть 1-я, стр. 177.

[2] Записки Л. Н. Энгельгардта, стр. 219.

[3] Въ такихъ приблизительно выраженіяхъ Маколей привѣтствуетъ окончаніе революціоннаго террора во Франціи.

VIII.

Всѣ отрасли государственнаго управленія приведены были въ четырехлѣтнее правленіе императора Павла въ неописанный безпорядокъ. Поэтому первыя заботы новаго правительства заключались въ отмѣнѣ перемѣнъ, внесенныхъ Павломъ Петровичемъ въ учрежденія своей матери, и въ возвращеніи сословіямъ и обществамъ присвоенныхъ имъ прежде правъ, попранныхъ неограниченнымъ произволомъ, воцарившимся въ Россіи послѣ 6-го ноября 1796 года. Этотъ произволъ прервалъ стремленіе, обнаруженное законодательствомъ Екатерины, ввести въ Россіи правильную общественную организацію и начать твердое опредѣленіе правъ отдѣльныхъ сословій для ихъ гражданской самодѣятельности. Александръ, подготовленный воспитаніемъ къ принятію новыхъ общественныхъ идей, обнаружилъ явное стремленіе на мѣсто слѣпой прихоти и насилія водворить законъ и справедливость. Онъ не побоялся даже открыто высказать, что не признаетъ на землѣ справедливою власти, которая не исходитъ отъ закона; въ его глазахъ законъ являлся залогомъ блаженства всѣхъ и каждаго.

Для исполненія своихъ благихъ намѣреній государю безотлагательно нужно было обновить личный составъ главнѣйшихъ государственныхъ дѣятелей, окружавшихъ въ послѣднее время Павла Петровича. Прежде всѣхъ палъ генералъ-прокуроръ Обольяниновъ; онъ былъ немедленно принесенъ въ жертву общему негодованію.

Одинъ изъ подчиненныхъ Обольянинова посѣтилъ его 12-го марта и пишетъ объ этомъ слѣдующее [1]:

«Не доѣзжая до дома, увидѣлъ я кругомъ его войска, и потому, выйдя изъ саней, пошелъ пѣшкомъ. Черезъ дворъ и по маленькой лѣстницѣ я вошелъ въ домъ и засталъ въ столовой офицера, который, къ счастію, зналъ меня. Онъ спросилъ меня, зачѣмъ я пришелъ, и позволилъ мнѣ итти къ вчерашнему моему начальнику. Я нашелъ его въ постели съ совершенно покойнымъ лицемъ. Жена и сестра и другія женщины, живущія въ домѣ, сидѣли возлѣ. Онъ очень мнѣ обрадовался и разсказалъ о происшествіяхъ, съ нимъ случившихся.

«Въ часъ пополуночи, когда онъ еще не заснулъ, пришелъ къ нему плацъ-майоръ съ командою, объявилъ, что онъ арестованъ, но не сказалъ, по чьему повелѣнію, позволилъ ему одѣваться въ столовой, окруживъ его солдатами съ ружьями и съ примкнутыми штыками. Зная перемѣнчивый нравъ государя, Обольяниновъ думалъ, что это все про-

[1] Записки Д. Б. Мертваго, стр. 120—121.

исходитъ по его повелѣнію, несмотря на то, что только вечеромъ въ девять часовъ отъ него уѣхалъ, и государь былъ очень къ нему милостивъ. Думая о томъ, чѣмъ онъ могъ провиниться и вспоминая все то, что онъ говорилъ и дѣлалъ, онъ не понималъ причины такой сильной строгости. Когда онъ одѣлся и плацъ-майоръ приказалъ ему итти за нимъ, Обольяниновъ отдалъ ему свою шпагу, объявивъ, что, занимаясь государственными дѣлами, у него есть бумаги, заключающія въ себѣ тайну, заперъ при немъ свой кабинетъ и ключи взялъ съ собою. Его привели въ ордонансъ-гаузъ, гдѣ онъ легъ на канапе и уснулъ [1]... Когда разсвѣло, ему объявили о кончинѣ государя и дозволили возвратиться домой, гдѣ оставленъ былъ одинъ офицеръ для надзора».

16-го марта 1801 года послѣдовалъ указъ сенату: «Генералъ-отъ-инфантеріи Беклешова, уволеннаго отъ службы, принявъ паки въ оную, всемилостивѣйше повелѣваемъ ему быть нашимъ генералъ-прокуроромъ».

Освобожденіе несчастныхъ жертвъ тайной экспедиціи, въ которой роль инквизитора игралъ Обольяниновъ, было первымъ подвигомъ монарха, принявшаго скипетръ 12-го марта; нѣсколько сотъ человѣкъ увидѣли свѣтъ Божій и были возвращены обществу. Петропавловская крѣпость въ первый разъ опустѣла вдругъ — и надолго. Вмѣстѣ съ этимъ распоряженіемъ приступлено было къ обнародованію цѣлаго ряда правительственныхъ мѣръ, которыми Александръ спѣшилъ исправить вредъ, нанесенный Россіи мѣрами его родителя. Почти каждый день царскій указъ уничтожалъ какую-нибудь несправедливость, насиліе, стѣсненіе, произволъ и открывалъ путь къ свободной и плодотворной дѣятельности.

Одинъ лишь неизбѣжный вахтъ-парадъ вступилъ въ свои права 13-го марта, но безъ ужасающихъ послѣдствій, повергавшихъ ежедневно въ трепетъ участниковъ его въ продолженіе всего Павловскаго царствованія. Императоръ вышелъ къ разводу въ одиннадцать часовъ въ сопровожденіи цесаревича Константина Павловича. «Ils étaient graves, mais leur figure ne disait rien», пишетъ очевидецъ Саблуковъ. Съ этого дня императоръ Александръ и великій князь Константинъ Павловичъ являлись ежедневно къ разводу; государь казался нѣсколько болѣе обыкновеннаго робкимъ и сдержаннымъ; цесаревичъ же, избавленный отъ страха, наведеннаго на него родителемъ, былъ еще суетливѣе и шумливѣе, чѣмъ прежде.

Графъ Паленъ, подойдя къ Саблукову, сказалъ ему:

— «Je vous ai craint plus que toute la garnison».

— «Et vous avez eu raison»,—отвѣчалъ Саблуковъ.

[1] Коцебу пишетъ, что, когда Обольянинова повели въ ордонансъ-гаузъ, «дорогою онъ испыталъ нѣсколько вполнѣ заслуженныхъ оскорбленій».

Паленъ продолжалъ:

— «J'ai eu soin de vous faire renvoyer» [1].

13-го марта въ 12 часовъ императорское семейство впервые посѣтило Михайловскій замокъ [2]. Императоръ, обѣ императрицы и цесаревичъ ѣхали вмѣстѣ въ одной каретѣ; за нею слѣдовали кареты великой княгини и великихъ княженъ. По пріѣздѣ въ замокъ, остановились у большого подъѣзда и проходили парадными покоями въ почивальную комнату, гдѣ находилось тѣло императора Павла на обыкновенной кровати, которому воздавъ достодолжное поклоненіе, возвратились въ Зимній дворецъ.

17-го марта тѣло императора Павла одѣто было въ императорскую мантію и положено на парадную кровать, близъ которой на небольшомъ столѣ, покрытомъ малиновымъ бархатомъ, на подушкѣ лежала императорская золотая корона. Въ седьмомъ часу вечера, по прибытіи ихъ величествъ и «учиненіи достодолжнаго поклона покойному императору, его величество взялъ со стола приготовленную корону и возложилъ на голову покойнаго императора». Затѣмъ, по окончаніи заупокойной литіи, тѣло было перенесено генералъ-адъютантами и флигель-адъютантами изъ почивальной въ малую тронную залу почившаго императора и выставлено на паратбетѣ. 20-го марта, въ 7 часовъ вечера, тѣло покойнаго государя положено было въ гробъ и перенесено черезъ парадные покои и большую тронную залу въ военный залъ на приготовленный тамъ катафалкъ.

Послѣ перенесенія тѣла императора Павла въ малую тронную залу, народъ допущенъ былъ въ Михайловскій замокъ для прощанія. Въ первый же день посѣтили замокъ 11.118 человѣкъ; въ одинъ изъ слѣдующихъ дней эта цифра возросла до 19.600 человѣкъ.

Очевидецъ, Николай Ивановичъ Гречъ, пишетъ: «Едва войдешь въ дверь, указывали на другую съ увѣщаніемъ: извольте проходить. Я разъ десять отъ нечего дѣлать ходилъ въ Михайловскій замокъ и могъ видѣть только подошвы ботфортовъ императора и поля широкой шляпы, надвинутой ему на лобъ» [3].

[1] «Revue moderne», 1865, p. 133.

[2] 12-го марта 1801 года учреждена была печальная комиссія, въ которой повелѣно быть верховнымъ маршаломъ оберъ-церемоніймейстеру тайному совѣтнику князю Юсупову, а членами—оберъ-церемоніймейстеру графу Головкину, тайному совѣтнику Карадыкину и дѣйствительному статскому совѣтнику Чекалевскому. Комиссія должна была: «распорядить всю церемонію съ подобающимъ государской особѣ уваженіемъ». Для расходовъ по комиссіи опредѣлено было «на первый случай» отпустить 20.000 рублей.

[3] Н. И. Гречъ: Записки о моей жизни.—С.-Петербургъ, 1886. Стр. 154. Такъ какъ Гречъ не говоритъ ничего о коронѣ, то слѣдовательно нужно предположить, что онъ

23-го марта, въ Страстную субботу, тѣло императора Павла перевезено было изъ Михайловскаго замка въ Петропавловскій соборъ. Императрица Марія Ѳеодоровна сопровождала шествіе «изъ комнатъ Михайловскаго замка зрѣніемъ съ наполненными горестныхъ слезъ очами». Императоръ Александръ слѣдовалъ за гробомъ пѣшкомъ, имѣя на себѣ черную мантію и распущенную на головѣ шляпу съ флеромъ; за государемъ, нѣсколько отступя, слѣдовалъ цесаревичъ Константинъ Павловичъ съ великою княгинею Анною Ѳеодоровною. Процессія двинулась изъ Михайловскаго замка по Невскому проспекту, мимо Гостинаго двора, черезъ Исакіевскій и Тучковъ мосты въ Петропавловскую крѣпость. Погребеніе Павла Петровича, пишетъ очевидецъ А. С. Шишковъ, отнюдь не походило на погребеніе Суворова. «Тамъ видѣлъ я множество печальныхъ и плачущихъ лицъ; а здѣсь, идучи за гробомъ отъ Михайловскаго дворца (замка) черезъ Тучковъ мостъ до крѣпости, изъ многихъ тысячъ зрителей, во всю дорогу не видалъ я никого, кто бы проливалъ слезы. Казалось, всѣ смотрѣли какъ бы на нѣкое скорѣе увеселительное, нежели плачевное зрѣлище, до такой степени всѣ чувствовали тягость его правительства».

По окончаніи отпѣванія, тѣло императора Павла опущено было въ землю. Затѣмъ императоръ Александръ съ великою княгинею Анною Ѳеодоровною возвратился въ каретѣ черезъ Неву въ Зимній дворецъ.

IX.

Карамзинъ оставилъ въ запискѣ «О древней и новой Россіи» правдивую и неподражаемую характеристику правленія Павла, пронесшагося, по его словамъ, надъ Россіею подобно грозному метеору [1].

«Павелъ», пишетъ Карамзинъ, «восшелъ на престолъ въ то благопріятное для самодержавія время, когда ужасы французской революціи излѣчили Европу отъ мечтаній гражданской вольности и равенства; но что сдѣлали якобинцы въ отношеніи къ республикамъ, то Павелъ сдѣлалъ въ отношеніи къ самодержавію: заставилъ ненавидѣть злоупотребленія онаго. По жалкому заблужденію ума и вслѣдствіе многихъ личныхъ претерпѣнныхъ имъ неудовольствій, онъ хотѣлъ быть Іоанномъ IV, но россіяне уже имѣли Екатерину II, знали, что государь не менѣе подданныхъ долженъ выполнять свои святыя обязанности, коихъ

видѣлъ тѣло императора Павла, когда оно еще находилось въ опочивальнѣ. Въ то время голова была дѣйствительно накрыта шляпою.

[1] По мнѣнію современника, графа Александра Ивановича Рибопьера: «царствованіе Павла I походитъ на бурю, которая все сноситъ, все вырываетъ, все уничтожаетъ, все обезображиваетъ, ничего не преобразуя». («Русскій Архивъ» 1877 года, книга 1-я, стр. 480).

нарушеніе уничтожаетъ древній завѣтъ власти съ повиновеніемъ и низвергаетъ народъ съ степени гражданственности въ хаосъ частнаго естественнаго права. Сынъ Екатерины могъ быть строгимъ и заслужить благодарность отечества; къ неизъяснимому удивленію россіянъ, онъ началъ господствовать всеобщимъ ужасомъ, не слѣдуя никакимъ уставамъ, кромѣ своей прихоти; считалъ насъ не подданными, а рабами; казнилъ безъ вины, награждалъ безъ заслугъ, отнялъ стыдъ у казни, у награды—прелесть; унизилъ чины и ленты расточительностью въ оныхъ; легкомысленно истреблялъ долговременные плоды государственной мудрости, ненавидя въ нихъ дѣло своей матери; умертвилъ въ полкахъ нашихъ благородный духъ воинскій, воспитанный Екатериною, и замѣнилъ его духомъ капральства. Героевъ, пріученныхъ къ побѣдамъ, училъ маршировать, отвратилъ дворянъ отъ воинской службы; презирая душу, уважалъ шляпы и воротники; имѣя, какъ человѣкъ, природную склонность къ благотворенію, питался желчью зла; ежедневно вымышлялъ способы устрашать людей и самъ всѣхъ болѣе страшился; думалъ соорудить себѣ неприступный дворецъ и соорудилъ гробницу! Замѣтимъ черту, любопытную для наблюдателя: въ сіе царствованіе ужаса, по мнѣнію иноземцевъ, Россія даже не боялась и мыслить: нѣтъ, говорили и смѣло, умолкали единственно отъ скуки и частаго повторенія, вѣрили другъ другу и не обманывались. Какой-то духъ искренняго братства господствовалъ въ столицахъ; общее бѣдствіе сближало сердца, и великодушное остервенѣніе противъ злоупотребленій власти заглушало голосъ личной осторожности[1]. Вотъ дѣйствіе Екатеринина человѣколюбиваго царствованія: оно не могло быть истреблено въ четыре года Павлова и доказывало, что мы были достойны имѣть правительство мудрое, законное, основанное на справедливости.

«...Кто былъ несчастливѣе Павла? Слезы горести лились только въ нѣдрахъ его августѣйшаго семейства; тужили еще нѣкоторые имъ обла-

[1] Другой современникъ этой эпохи, Ф. Ф. Вигель, подтверждаетъ мысль, высказанную здѣсь Карамзинымъ относительно общественнаго настроенія. Онъ пишетъ, что еще при жизни Павла число недовольныхъ было такъ велико, что, несмотря на дѣятельность тайныхъ агентовъ, никто не опасался явно порицать и злословить его. «Употребляемые секретной полиціей не могли имѣть довольно времени, чтобы доносить на всѣхъ виновныхъ въ нескромности; вѣроятно, они довольствовались мщеніемъ за личности; къ тому же, они сами трепетали и ненавидѣли правительство, коему столь постыдно служили».

Въ такомъ же смыслѣ высказывается и Н. И. Гречъ. «При всей тягости ига, которое лежало на Россіи въ царствованіе Павла, нельзя сказать, чтобы онъ умѣлъ заглушить голосъ общаго мнѣнія. Приверженцы его, приближенные, хвалили всѣ дѣла его; оптимисты старались его извинять и оправдывать, ухватывались за всякое обстоятельство, самое ничтожное, чтобы возвысить его добродѣтели и прикрыть пороки, но большинство народа, масса, его ненавидѣла, и рѣдко кто скрывалъ эти чувства». «Записки о моей жизни» Н. И. Греча. С.-Петербургъ, 1886. Стр. 125.

годѣтельствованные, но какіе люди? Ихъ сожалѣніе не менѣе всеобщей радости долженствовало оскорбить душу Павлову, если она, по разлученіи съ тѣломъ, озаренная, наконецъ, свѣтомъ истины, могла воззрѣть на землю и на Россію!»

Въ заключеніе своей характеристики Карамзинъ говоритъ, что россіяне съ величайшею надеждою устремили взоръ на внука Екатерины, давшаго обѣтъ властвовать по ея сердцу [1].

Настало новое правленіе, продолжавшееся двадцать пять лѣтъ. Оно составляетъ какъ бы эпилогъ длиннаго ряда событій, связывающихъ 1741 годъ съ 1825 годомъ; оно является вмѣстѣ съ тѣмъ моментомъ конечнаго искупленія. Слова манифеста 1801 года, обѣщавшія управленіе по закону и по сердцу Екатерины, однако, не сбылись; ненависть ко всѣмъ дѣламъ и мыслямъ ея продолжала существовать, хотя и въ сокровенной формѣ. Дѣйствительно, несмотря на новизну провозглашенныхъ послѣ 12-го марта идей и правительственныхъ началъ, преемственность Павловскихъ преданій во многомъ уцѣлѣла; посѣянное зло принесло плоды. Явился Аракчеевъ, а, сверхъ того, пагубная гатчинская военная система продолжала господствовать и даже совершенствоваться. Внѣшняя политика, за исключеніемъ эпизодическихъ перерывовъ, также продолжала руководствоваться рыцарскимъ безкорыстіемъ, о которомъ мечталъ нѣкогда великій магистръ державнаго ордена св. Іоанна Іерусалимскаго. Конечно, одно не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію: Екатерина никогда не занялась бы спасеніемъ Европы и водвореніемъ военныхъ поселеній! Ко всему этому присоединялись еще тяжелыя воспоминанія, связанныя съ 11-мъ марта, подъ бременемъ которыхъ изнемогалъ императоръ Александръ въ продолженіе всей остальной своей жизни. Въ общей сложности, всѣ эти печальныя явленія привели къ 14-му декабря, а въ далекомъ будущемъ—къ крымскому погрому.

[1] Баронъ Николаи писалъ графу С. Р. Воронцову 10-го апрѣля 1801 года: «J'avais toujours reconnu en lui la combinaison la plus étrange de l'être le plus aimable et de l'être le plus violent. Son mauvais sort a fait à la fin prévaloir constamment le premier». Въ позднѣйшемъ письмѣ отъ 24-го мая 1801 года, онъ прибавилъ: «Pauvre humanité! Que tu es mise à de rudes épreuves! Et quand tu respires, c'est au crime que tu en as l'obligation». Графъ С. Р. Воронцовъ отвѣчалъ 6-го (18-го) мая 1801 года: «Ce que vous me dites sur le caractère de feu l'empereur, que c'était un mélange des qualités les plus aimables avec la plus grande violence de caractère et que ces violences ont pris à la fin le dessus, est bien vrai; mais je crois que vous devriez ajouter que ces violences sont allées toujours croissantes et ont monté au point d'aliéner son esprit; car il est visible que dans le derniers 8 à 10 mois il était dans une démence visible... Son esprit était dérangé. Aussi je n'attribue pas à son mauvais coeur les derniers temps de son règne. Je le plains plus que je ne le blâme». Архивъ князя Воронцова. Книга 22-я, стр. 108, 112 и 532. Замѣтимъ здѣсь, что указомъ 19-го февраля 1801 года имѣнія графа С. Р. Воронцова повелѣно было: «за пребываніе его въ Англіи взять въ казенный секвестръ». По вступленіи на престолъ Александра I, эта мѣра была тотчасъ же отмѣнена.

ПРИЛОЖЕНІЯ

I.

Манифестъ о рожденіи великаго князя Павла Петровича.

7-го октября 1754 года.

Объявляемъ во всенародное извѣстіе. Всемогущему Господу Богу благодареніе, Наша вселюбезнѣйшая племянница ея императорское высочество великая княгиня Екатерина Алексѣевна, отъ имѣвшаго бремени благополучно разрѣшеніе получила, и даровалъ Богъ ихъ императорскимъ высочествамъ перворожденнаго сына, а намъ внука Павла Петровича, что учинилось минувшаго сентября въ 20-й день. Того для мы всемилостивѣйше повелѣваемъ, онаго вселюбезнѣйшаго нашего внука во всѣхъ дѣлахъ государства нашего, по приличеству до сего касающихся, писать его императорское высочество великій князь Павелъ Петровичъ; и о семъ всевысочайшемъ опредѣленіи публиковать во всемъ нашемъ государствѣ, дабы вездѣ по сему исполняемо было неотмѣнно; о чемъ симъ и публикуется [1].

---

[1] Нѣсколько ранѣе, а именно 30-го сентября 1754 года, послѣдовалъ именной указъ императрицы Елисаветы Петровны синоду, о возношеніи великаго князя Павла Петровича на ектеніяхъ:

«Мы при должномъ благодареніи Господу Богу за благополучное разрѣшеніе отъ бремени нашей племянницы, ея императорскаго высочества великой княгини, и дарованіе ихъ императорскимъ высочествамъ первороднаго сына, а намъ внука Павла Петровича, что учинилось въ двадцатый день сего мѣсяца,—опредѣлили: имя его возносити во всѣхъ церковныхъ служеніяхъ по нашемъ и ихъ императорскимъ высочествамъ именахъ, благовѣрнымъ государемъ великимъ княземъ Павломъ Петровичемъ и сіе наше опредѣленіе повелѣваемъ публиковать во всѣхъ церквахъ нашего государства, дабы вездѣ по сему исполняемо было неотмѣнно».

II.

Записка Никиты Ивановича Панина о воспитаніи великаго князя Павла Петровича, 1760 года.

Всеподданнѣйшее предъявленіе слабаго понятія и мнѣнія о воспитаніи его императорскаго высочества государя великаго князя Павла Петровича.

Если-бъ благоразуміе позволяло, или бы, по крайней мѣрѣ, снести могло, принять единымъ общимъ правиломъ, не всегда и рѣдко случающіяся въ свѣтѣ происшествія, тобъ совершенно излишнимъ было всякое дальнѣйшее уваженіе о семъ драгоцѣнномъ воспитаніи: ибо нигдѣ и никогда злимство освященной крови и примѣры великихъ предковъ надежнѣйшаго къ общему благополучію плода обѣщать не могутъ, каковъ теперь ожидаютъ своимъ потомкамъ россійскія дѣти и съ ними соединенное множество разныхъ народовъ.

Отъ самаго рожденія его императорскаго высочества продолжаемое материнское объ немъ попеченіе нашей мудрой монархини доказываетъ собственное монаршеское признаніе долга ея природнаго милосердія къ отечеству, чтобъ благосостояніе нашихъ потомковъ просто не отважить прямое разумѣніе на ученіи самого Спасителя нашего о человѣческихъ стараніяхъ точно исполнить, и такъ ежели возможно сказать, быть органомъ посредства тому благополучію, которое Онъ, Всемогущій, восхотѣлъ утвердить и обнадежить россійскимъ потомкамъ подъ правосуднымъ скипетромъ ея императорскаго величества, при возобновленіи освященнаго племени россійскаго отца и возстановителя.

Изъ сего монаршескаго намѣренія видится заключить возможно, что при безпрестанныхъ къ Богу молитвахъ отъ вѣрныхъ подданныхъ, о произведеніи того, еже ея императорское величество насаждать соизволяетъ для общаго блага, теперь наиглавнѣйше потребно, чтобъ человѣческимъ стараніемъ приуготовить нѣжную душу и сердце его императорскаго высочества ко времени созрѣнія его разсудка: тогда тѣмъ съ большею чувствительностію изображаться будутъ въ дарованномъ ему отъ Бога понятіи, какъ примѣры великихъ дѣлъ его освященныхъ предковъ, такъ и тѣ безпосредственныя обученія, коими онъ всечасно научаться будетъ въ царствованіе нашей всемилостивѣйшей государыни, какое сердце, нравъ и чувствительность благой монархъ имѣетъ, какія средства онъ употребляетъ къ воздвиженію себѣ престола на сердцахъ своихъ подданныхъ! А изъ такихъ примѣровъ и обученій онъ самъ въ своемъ чувствіи откроетъ духовный и естественный законъ, которой Богъ безпосредственно предписалъ откровеніемъ священнаго писанія, и въ здравой совѣсти своимъ избраннымъ помазаннымъ, яко Его во плоти намѣстникамъ, о попеченіи народнаго благосостоянія въ сей временной жизни. Изъ чего познаетъ его императорское высо-

чество, что нѣтъ народу наивящшей отъ Бога милости, какъ поданіемъ ему государя боголюбиваго, правосуднаго и милосердаго, слѣдовательно онъ такъ, какъ любезнѣйшіе отечеству его предки, самъ же признаетъ обязуемой его предъ отечествомъ долгъ и то, что онъ вышнимъ промысломъ произведенъ въ свѣтъ въ радость своей человѣколюбивой государыни, и къ обнадеживанію насаждаемаго ея матерніскою рукою благополучія, до наиотдаленнѣйшихъ временъ Россійской имперіи.

Однимъ словомъ сказать, ничто достаточнѣе изобразить не можетъ въ чувствительности воспитываемаго, какъ монаршескія принципіи, правила и дѣла ея императорскаго величества: что добрый государь не имѣетъ и не можетъ имѣть ни истиннаго интереса, ниже истинной славы раздѣленными отъ пользы и благосостоянія ему Божескимъ призрѣніемъ подданныхъ народовъ, которые устрояютъ ему жертвенники въ сердцахъ своихъ.

Но дабы здѣсь представленные и столь много отечеству обѣщающіе способы произвели полное свое дѣйство, я, къ тому достаточнѣйшее предоставляя мнѣніямъ искуснѣйшихъ, самъ думаю по крайнимъ силамъ моего малаго смысла, что тотъ, кому ея величество сіе драгоцѣнное воспитаніе поручитъ всевысочайше соизволяетъ, долженъ съ крайнѣйшимъ прилежаніемъ, и, такъ сказать, равно съ попеченіемъ о сохраненіи здоровья его императорскаго высочества, неусыпно стараться, предостерегать и не допускать ни дѣломъ, ни словами ничего такого, ежебъ хотя мало могло развратить тѣ душевныя способности къ добродѣтелямъ, съ которыми человѣкъ на свѣтъ происходитъ; а, напротивъ, пристойными къ тому средствами, оныя такъ распространять, чтобы еще въ дѣтскихъ хотѣніяхъ у его императорскаго высочества нечувствительно произросла склонность и желаніе подражать добру и честности, претительность же къ дѣламъ, худымъ и честность повреждающимъ. Можно достигнуть до сего намѣренія порядочными по состоянію лѣтъ обученіями, наставленіями и исправленіемъ, когда только дневное время, да и самыя забавы его высочества такъ обращены будутъ, чтобы изъ каждой вещи ему происходило или что къ добру наставляющее, или хотя бы единственно что отъ худа отвращало.

Три главныя и начальныя человѣческія добродѣтели, о которыхъ здѣсь упомянуть должно, суть: чувствительное познаніе своего Творца; Его святое намѣреніе въ созданіи насъ, и нашей за то Ему посвященной должности. Первое происходитъ тогда когда уже наполнится сердце любовію и повиновеніемъ къ Нему и ко власти, отъ Него поставленной; второе—отъ сердечнаго желанія о точномъ исполненіи своего званія, для которыхъ на свѣтъ производимся; третіе отъ ревности и попеченія — учинить себя способнымъ къ исполненію долга того званія. Простое человѣческое бытіе воображаетъ понятію первыя начертанія сихъ трехъ правилъ жизни; наше же православное христіанство просвѣщаетъ оныя и отворяетъ въ сердце къ добру дорогу. Почему обученія закона есть несумнѣнно наиважнѣйшій пунктъ добраго воспитанія, — слѣдовательно, избранной къ тому наставникъ долженъ имѣть рѣчь внятную и ласковую, душу прямую и безкорыстную, разсудокъ здравый, и былъ бы чуждъ всякаго предувѣренія и суевѣрства, вещь, свойственная однимъ ложнымъ законамъ, разорительная же нашему благочестію, гдѣ вѣра съ добрыми дѣлами неразрывно сопряжена.

И такъ, по моему слабому понятію, въ настоящемъ нѣжномъ дѣтствѣ его императорскаго высочества, должно наипаче поспѣшествовать плодамъ наученія закона, огражденіемъ его добрыми нравами, нравоучительнымъ просвѣщеніемъ въ немъ произрастающихъ мыслей и разсужденій. къ чему особливо математическія понятія полезны: ибо они, очищая разсудокъ, больше пріучаютъ къ основанію правды, нежели всѣ другія основанія разума. Но дабы не уважаемою поспѣшностію не изнурить, или и не отяготить нѣжные органы его императорскаго высочества: то надлежитъ все умѣривать его лѣтами и оказывающимися сорожденными способностями, такъ чтобъ въ началѣ всѣ обученія не прямою наукою, но больше наставленіями производимы были. Тоже разумѣется и о всѣхъ другихъ, какъ о нужныхъ, такъ и о украшающихъ разумъ любопытныхъ наукахъ и знаніяхъ. Между первыми, гдѣ исторія, будучи по справедливости почитаема лучшимъ руководствомъ для тѣхъ, кои рождены къ общему благополучію, и потому она достойна особливаго мѣста въ семъ воспитаніи и начаться должна безъ упущенія времени нарочными краткими и внятными сочиненіями—предпочтительно о своемъ отечествѣ.

Что касается о добромъ наученіи собственнаго нашего языка, хотя бы Россія еще и не имѣла Ломоносовыхъ и Сумароковыхъ, тобъ, при обученіи закона, чтеніе и одной древняго писанія псалтири уже отчасти оное исполнило. Притомъ сначала малыя и легкія письменныя экзерциціи мыслей и разсужденій его императорскаго высочества тому же поспѣшествовать будутъ, а имѣющіе честь быть къ нему приставленными должны прилежно наблюдать, чтобъ его высочество не привыкалъ къ употребленію подлыхъ нарѣчeній и словъ, нижебъ поносныя и язвительныя изъ устъ его выходили.

Нашего времени обычай и множество изрядныхъ книгъ учинили въ Европѣ общимъ французскій языкъ; нѣмецкій же въ Россіи надобенъ въ разсужденіи сосѣдства завоеванныхъ провинцій; но и тому и другому, яко живымъ языкамъ, возможно въ дѣтствѣ обучать больше наслышкою разговоровъ, дабы безъ нужды не тратить дорогое время воспитанія. А когда лѣта дойдутъ до той зрѣлости, гдѣ безъ отягощенія понятія наученію грамматическихъ правилъ способны будутъ, тогда его высочество найдется въ состояніи самъ себя поправлять въ тѣхъ погрѣшностяхъ, кои почти завсегда въ разговорахъ попадаются.

Кавалерскія экзерциціи также по мѣрѣ возраста употребляемы быть должны, по натуральной же веселаго дитяти склонности къ невиннымъ забавамъ, танцамъ и рисовальному художеству надо дать первенство.

Во время, когда его императорское высочество достигнетъ помощію Божіею тѣхъ лѣтъ, въ которыя всѣмъ пристойнымъ наукамъ самъ обучаться изволитъ въ обыкновенномъ порядкѣ, тогда будетъ весьма полезно учинить особливое разсужденіе, какимъ способнѣйшимъ образомъ приступить къ прямой государственной наукѣ, то-есть: къ познанію коммерціи, казенныхъ дѣлъ, политики внутренней и внѣшней, войны морской и сухопутной, учрежденій мануфактуръ и фабрикъ и прочихъ частей, составляющихъ правленіе государства его, силу и славу монаршу.

Между тѣмъ, къ достиженію сего совершенства добраго воспитанія, нужно есть особливое стараніе возбуждать всякими мѣрами въ его императорскомъ высоче-

ствѣ полезныя къ тому склонности и вкусъ, къ чему, между прочими средствами, мнится быть и то не безполезно, когда бъ опредѣлена была нѣкоторая годовая малая сумма на собственное его высочеству собраніе книгъ, математическихъ и физическихъ инструментовъ, ружья, куперштиховъ, картинъ и прочихъ кабинетовъ, еже все, собирая помаленьку предъ его очами, можетъ нечувствительно подать ему охоту, любовь и любопытство вообще ко всѣмъ наукамъ и художествамъ. Изъ той же суммы не худо платить и тѣмъ учителямъ, кои по часамъ для поданія уроковъ призываны будутъ; сего званія люди отъ своего искусства имѣютъ промыселъ, а достаточная и добровольная заплата поощряетъ болѣе, нежели другіе способы, ихъ смыслъ и прилежаніе, отъ чего будетъ большая польза его императорскому высочеству.

Всеподданнѣйшая ревность и усердіе не дозволяютъ ничего оставить на совѣсти и, преодолѣвъ рабскую несмѣлость, заставляютъ при заключеніи сего росписанія всенижайше представить, какъ малое мое понятіе мнѣ воображаетъ, что сходственнѣе быть можетъ съ мудрымъ ея императорскаго величества намѣреніемъ о воспитаніи государя великаго князя, если всякое излишество, великолѣпіе и роскошь, искушающія молодость, отъ него отдалены и не инако ему представляться будутъ, какъ надеждою будущаго награжденія въ тѣхъ лѣтахъ, когда воспитаніе окончится, за усердное соотвѣтствованіе въ томъ всевысочайшей воли и желанію ея императорскаго величества; комнату же его высочества или дворъ сочинить такъ, чтобъ сравненно съ его природнымъ достоинствомъ чинъ, благопристойность и добронравіе были всему украшеніемъ. Время ласкателямъ довольно впередъ остается; но нѣтъ ничего излишняго въ лѣтахъ воспитанія для тѣхъ, кои вѣрою и должностію обязаны будутъ печись о добродѣтеляхъ и предостерегать пороки. Въ разсужденіи чего главнѣйшая надобность въ томъ состоитъ, чтобъ опредѣляемые въ услугу его императорскаго высочества кавалеры были всѣ благородныхъ сентиментовъ, добрыхъ нравовъ и обычаевъ; но какъ сіи два послѣднія качества рѣдко прямо открыты въ общемъ обращеніи службъ и знакомствъ: ибо ихъ дѣйство больше въ своихъ семьяхъ и между домашними, нежели на общемъ театрѣ, того ради полезнѣе бъ было для его высочества, если бы на первое время никакихъ ранговъ къ тѣмъ должностямъ присвоено не было, но довольно опредѣлить достаточное къ тому жалованье; а избранные къ сей службѣ могутъ сохранить тѣ мѣста, изъ которыхъ возмутся, и тѣмъ не меньше получать отличность входа въ кавалерскіе покои ея императорскаго величества, когда они и просто называться станутъ кавалерами его высочества.

Существо такого важнаго и деликатнаго дѣла требовало бъ и особливаго плана съ точнымъ содержаніемъ персоны его императорскаго высочества, съ росписаніемъ при немъ службъ, съ распоряженіемъ по часамъ его времени, ученія и забавъ, съ избраніемъ наукъ и для нихъ учителей. По сему основаніемъ должно быть всевысочайшее о семъ намѣреніе ея императорскаго величества въ той инструкціи, коя дана будетъ опредѣленному главнымъ къ воспитанію. При чемъ и то достойно уваженія, что разность сложеній воспитываемыхъ и происходимая почти безпрестанно по дѣтскимъ склонностямъ и лѣтамъ въ нихъ перемѣна едва ли когда ни есть могутъ дозволить точное исполненіе такова единожды предписаннаго плана, хотя бъ оной и

такимъ человѣкомъ сочиненъ быть, которой уже и прежде самъ зналъ сложеніе воспитываемаго и весь тотъ порядокъ, въ которомъ онъ воспитывается. И такъ для исправнаго исполненія всевысочайшаго материнскаго намѣренія ея императорскаго величества лучшій и кратчайшій способъ есть всемилостивѣйшее дозволеніе къ себѣ доступи со всеподданнѣйшими докладами и представленіями, ежели по обстоятельствамъ времени и случаевъ, когда что по силѣ инструкціи исправить или перемѣнить должно. Я же, приступая къ такой великой вещи, объятъ вѣрнаго раба ревностію, усердіемъ и трепетомъ, къ недостаткамъ натуральной способности и искусства, симъ больше испытываю себя собственно, нежели съ надежностію о себѣ исполняю мнѣ высокое повелѣніе. Повиновеніе воли монаршей есть мой первый законъ и счастливъ буду, еслибъ не только труды, вѣрность, раченіе и прилежаніе, но хотя бъ и животъ могъ то замѣнить и наградить, чего исполнить не найдусь въ состояніи.

III.

Инструкція обергофмейстеру при его императорскомъ высочествѣ государѣ великомъ князѣ Павлѣ Петровичѣ господину генералу-поручику, камергеру и кавалеру Никитѣ Ивановичу Панину.

По извѣстной вашей вѣрности и любви къ отечеству избрали мы васъ къ воспитанію любезнѣйшаго нашего внука, его императорскаго высочества великаго князя Павла Петровича; а по поданному отъ васъ о томъ мнѣнію, увѣрясь вяще о способности вашей къ сему важному дѣлу, опредѣлили мы васъ обергофмейстеромъ при его высочествѣ и совершенно поручили его воспитаніе попеченію вашему. Апробуя помянутое мнѣніе ваше, заблагоразсудили мы, для надежнаго учрежденія поступка вашего, объявить вамъ чрезъ сіе вкратцѣ соизволеніе наше.

1) Познаніе Бога да будетъ первый долгъ и основаніе всему наставленію. Совершеннымъ удостовѣреніемъ о сей предвѣчной истинѣ надлежитъ со младыхъ лѣтъ очистить чувства его высочества, утвердить въ нѣжномъ его сердцѣ прямое благочестіе и прочія должности, коими онъ обязанъ самому себѣ, намъ, своимъ родителямъ, отечеству и всему роду человѣческому вообще.

2) Добронравіе, снисходительное и добродѣтельное сердце паче всего нужны человѣку, котораго Богъ возвышаетъ для управленія другими, пачѣмъ же больше не возбуждаются сіи внутреннія чувствія, какъ воспоминаніемъ равенства, въ которомъ мы по человѣчеству предъ Создателемъ нашимъ состоимъ. Сіе есть истинный источникъ, изъ котораго изливаются человѣколюбіе, милосердіе, кротость, правосудіе и прочія добродѣтели, обществу полезныя. Мы повелѣваемъ вамъ оное полагать главнымъ началомъ нравоученію его высочества и безпрестанно ему о томъ толковать, дабы при всякомъ взорѣ на различныя состоянія, въ которыхъ человѣкъ бываетъ, обращаясь мыслію къ сему началу, его высочество побуждаемъ былъ къ помянутымъ добродѣтелямъ, къ благодаренію Всевышняго за милосердый объ немъ промыселъ и къ учиненію себя званія своего достойнымъ.

3) На семъ основаніи не токмо не возбраняемъ, но паче хощемъ, чтобы всякаго званія, чина и достоинства люди добраго состоянія, по усмотрѣнію вашему, допущены были до его высочества, дабы онъ чрезъ частое съ ними обхожденіе и разговоры узналъ разныя ихъ состоянія и нужды, различныя людскія мнѣнія и способности, такоже научился бы отличать добродѣтель и принимать каждаго по его чину и достоинству.

4) Примѣры больше всего утверждаютъ склонности и обычаи въ человѣкѣ. Мы увѣрены, что вы дадите собою образъ мужа добронравнаго, честнаго и добродѣтельнаго; но того не довольно: повелѣваемъ вамъ имянно крайне наблюдать, чтобъ никто въ присутствіи его высочества не дерзалъ противно тому поступать, не токмо дѣломъ, но ниже словами. А если бы кто либо отъ безразсуднаго дерзновенія въ томъ забылся или же отъ подлой трусости особливо сталъ несправедливыми похвалами, ласкательствомъ, непристойными шутками и тому подобными забавами его высочеству угождать, хотя мы того и не чаемъ: таковыхъ, сверхъ собственнаго вашего примѣра, должны вы пристойно остеречь, а иногда и не обинуясь, безъ всякаго лицепріятія, отговорить. Такимъ образомъ приводимъ мы васъ въ состояніе удалять отъ его высочества пагубныхъ ласкателей и отвращать все то, что можетъ подать поводъ къ поврежденію нрава.

5) Желая, чтобъ его высочество исполненъ былъ, если можно, равныя любви къ отечеству, какову мы къ оному сохраняемъ, поручаемъ мы оное имянно особливому попеченію вашему, яко главный видъ и намѣреніе въ воспитаніи его высочества и яко существительной долгъ, коимъ онъ ему обязанъ. А какъ человѣкъ любитъ вещь, когда онъ знаетъ ея достоинство и дорожитъ оною, когда видитъ, что польза его состоитъ въ сохраненіи оной: то надлежитъ предпочтительно предъ другими науками подать его высочеству совершенное знаніе объ Россіи, показать ему съ одной стороны изъ дѣлъ прошедшихъ и нынѣшнихъ, особливо родителя нашего времянъ, изящныя качества Россійскаго народа, неустрашимое его мужество въ войнѣ, непоколебимую его вѣрность и усердіе къ отечеству, а съ другой стороны плодородіе и почти во всемъ изобиліе пространныхъ Россійскихъ земель, и, наконецъ, надежные отечества нашего достатки и сокровища, кои оно въ нѣдрахъ своихъ сохраняетъ, такъ что нѣтъ нужды думать о награжденіи какихъ либо недостатковъ постороннею помощію, а толь меньше вымышленными человѣческою хитростію способами, но когда только употребленъ будетъ небольшой трудъ и прилежаніе, то сверхъ того продовольствованія можно еще избытками помогать другимъ народамъ. Показавъ же все сіе, истолковать притомъ его высочеству неразрѣшимыя обязательства, коими жребій его на вѣки соединенъ съ жребіемъ Россіи, и что слава его и благополучіе зависятъ единственно отъ благосостоянія и знатности его отечества.

Такія преимущества Россійскаго народа и выгоды земель, которыя онъ обитаетъ, пріобрѣли отъ всѣхъ народовъ почтеніе и знатность отечеству нашему, а у нихъ возбуждаютъ тѣмъ и зависть; въ его же высочествѣ, который по рожденію и званію своему столь сильно ему обязанъ, должны они возбудить крайнюю къ оному любовь и раченіе.

Для лучшаго достиженія сего важнаго вида повелѣваемъ нашему сенату, чтобъ онъ и всѣ присутственныя мѣста, каждое по своему вѣдомству, сообщали вамъ по требованіямъ вашимъ надлежащія къ тому извѣстія.

6) Что касается до наукъ и знаній вообще, то признаваемъ мы излишно распространиться здѣсь подробнымъ оныхъ оглавленіемъ. Надѣемся, что вы, по долговременному вашему обращенію въ дѣлахъ политическихъ, сами знаете, которыя изъ оныхъ его высочеству пристойны и нужны въ разсужденіи его рожденія и званія. Потому какъ въ томъ, такъ и въ порядкѣ, коимъ оныя преподавать должно, полагаемся на благоразумное и дознанное ваше искусство, будучи увѣрены, что вы въ томъ ничего не упустите.

7) Впрочемъ имѣете вы сочинить штатъ, сколько какихъ чиновъ и другихъ нижнихъ служителей для комнаты его высочества, по разсужденію вашему, надобно, и подать оной на апробацію нашу, означа притомъ потребную на содержаніе прочаго сумму, которую мы опредѣлить намѣрены.

8) Всѣ, кои комнату его высочества составлять будутъ, имѣютъ состоять подъ единымъ вашимъ вѣдомствомъ, и мы милостиво вамъ напоминаемъ, чтобъ между всѣми было надлежащее по мѣсту благочиніе, согласіе, почтеніе другъ другу и послушаніе одного другому, по чину своему и должности: ибо и наблюдаемый въ томъ благоучрежденный порядокъ имѣетъ служить его высочеству добрымъ примѣромъ, а вамъ въ облегченіе трудовъ и къ избѣжанію напрасныхъ непріятныхъ заботъ, безпорядкомъ умножаемыхъ.

9) Дабы не было вамъ никакого препятствія въ исправленіи съ успѣхомъ сего, положеннаго на васъ, важнаго государственнаго дѣла, въ которомъ вы одни Богу, намъ и государству отчетъ дать должны: то именное соизволеніе наше есть такое, чтобъ никто въ оное не мѣшался, а имѣете вы зависѣть единственно отъ именныхъ нашихъ повелѣній, слѣдовательно, во всѣхъ случаяхъ, если что въ дополненіе сей инструкціи потребно будетъ, доносить и докладывать намъ самимъ.

По такой великой довѣренности и власти, съ каковыми мы васъ при его высочествѣ учреждаемъ, надѣемся мы взаимно, что вы усугубите ревность и труды ваши, дабы представить его высочество во свѣтъ человѣкомъ Богу угоднымъ, нашей и родителей его любви достойнымъ, людямъ пріятнымъ и отечеству полезнымъ, на что ниспосли, Боже, милость Свою и благословеніе.

Сочиненъ въ Петергофѣ.
Іюня 24-го 1761 г.

IV.

Изъ неизданныхъ собственноручныхъ записокъ императрицы Екатерины II.

(1762 годъ).

La mort de l'Impératrice Elisabeth jeta dans l'abattement tous les Russes, mais surtout tous les bons patriotes, parce qu'on voyait dans son successeur un prince d'un caractère violent, d'un esprit borné, haïssant et méprisant les Russes, ne connaissant point son pays, incapable d'application, avare et prodigue, absolument abandonné à ses volontés et à ceux qui le flattaient servilement. Dès qu' il fut le maître, il abandonna à deux ou trois favoris ses affaires et s'adonna à toutes sortes de débauches. Il commença par ôter les terres au clergé, par introduire mille nouveautés assez inutiles, la plupart dans les troupes; il méprisa les lois; en un mot toute justice était à l'encan. Le mécontentement se glissa partout, et la mauvaise opinion qu'on avait de lui alla jusqu'à faire expliquer en mal le peu qu'il faisait d'utile. Ses projets plus ou moins digérés, étaient de commencer la guerre avec le Danemark pour le Slesvig, de changer de religion, de se séparer de son épouse, d'épouser sa maîtresse, de se lier avec le roi de Prusse, qu'il disait être son maître et auquel il prétendait avoir prêté serment de fidélité; il voulait lui donner partie de ses troupes; il ne cachait presqu' aucun de ses projets.

Depuis la mort de l'Impératrice sa tante, on faisait sous main différentes propositions à l'Impératrice Catherine, que celle-ci ne voulut jamais écouter, espérant toujours que le temps et les circonstances changeraient quelque chose à sa malheureuse situation, d'autant plus qu'elle savait à n'en point douter qu'enfin on ne pourrait point toucher à son état, vu sa personne, sans le plus grand risque. La nation était universellement attachée à elle et la regardait comme son unique espoir. Il se forma différents partis qui pensèrent à remédier aux maux de leur patrie; chacun de ces partis s'adressa à elle en particulier, les uns ne connaissant point les autres. Elle les écoutait, ne leur ôtait point toute espérance, mais les priait toujours de différer, croyant que les choses n'en viendraient point à l'extrémité et regardant tout changement de cette nature comme un malheur. Elle envisageait ses devoirs et sa réputation comme une forte digue contre l'ambition. Ce risque même qu'elle courait, lui était un nouveau lustre dont elle connaissait toute la valeur. Pierre III était une mouche continuelle sur un très beau visage. La conduite de Catherine envers la nation a toujours été sans reproche; elle n'a jamais voulu, souhaité ni désiré que le bonheur de cette nation, et toute sa vie ne sera employée qu'à procurer le bien et la félicité des Russes.

Voyant donc que les choses allaient en empirant, l'Impératrice donna à connaître aux différents partis qu'il était temps de se réunir et d'aviser aux moyens, à quoi servit admirablement une offense que son époux lui fit en public. On convint donc que, dès qu'il serait revenu de la campagne, on l'arrêterait dans sa chambre et le déclarerait inha-

bile à régner. La tête réellement lui avait tourné, et assurément dans l'empire il n'avait pas de plus violent ennemi que lui-même. Tous n'étaient pas du même avis; les uns voulaient que ce fût en faveur de son fils, les autres en faveur de sa femme.

Trois jours avant le temps marqué, les propos indiscrets d'un soldat firent arrêter le capitaine Passek, un des principaux du secret. Les trois frères Orlow, dont l'aîné était capitaine d'artillerie, se mirent d'abord en mouvement. Le Hetman, le conseiller privé Panine leur dirent que c'était trop tôt; mais eux, de leur propre mouvement, dépêchèrent leur second frère en carosse à Peterhof pour emmener l'Impératrice, qu' Alexis Orlow vint éveiller à 6 heures du matin le 28 juin v. st. Dès qu'elle eut appris que Passek était arrêté et que pour sa propre sûreté il n'y avait plus de temps à perdre, elle se leva et s'en alla en ville, à l'entrée de laquelle l'aîné Orlow et le prince Bariatinsky, l'ayant reçue, la menèrent aux casernes du régiment Izmaïlowsky, où, à son arrivée, il n'y avait que 12 hommes et un bas-officier et tout paraissait tranquille. Les soldats étaient tous avertis, mais chez eux, et, lorsqu'ils arrivèrent, ils la proclamèrent Impératrice souveraine. La joie des soldats et du peuple était inexprimable. De là on la mena au régiment de Sémionowsky; ceux-ci vinrent au-devant d'elle sautant et criant de joie. Ainsi accompagnée, elle alla à l'église de Kazan, où la garde à cheval arriva dans une fureur de joie. Arriva la compagnie de grenadiers du régiment de Préobrajensky; ceux-ci firent leurs excuses d'être venus les derniers, disant que leurs officiers avaient voulu les empêcher d'aller, que d'ailleurs ils auraient été des premiers sans faute. Après eux arriva l'artillerie et leur grand-maître Villebois.

Ainsi menée avec les acclamations d'un peuple innombrable, l'Impératrice arriva au palais d'Hiver, où le Synode, le Sénat et tous les grands étaient assemblés. On dressa le manifeste et le serment, et tout le monde la reconnut pour Souveraine. L'Impératrice assembla une espèce de conseil, composé du Hetman, du conseiller privé Panine, du prince Wolkonsky, du grand-maître de l'artillerie, de plusieurs autres, où il fut résolu d'aller avec les quatres régiments des Gardes, un régiment de cuirassiers, quatre régiments d'infanterie, à Peterhof pour se saisir de Pierre III. Dans ce conseil le prince Wolkonsky dit qu'il était dommage, qu'on n'eut point de troupes légères; à peine eut-il le temps de prononcer ces mots qu'un officier le demanda et lui dit qu'un régiment de hussards venait d'arriver dans les faubourgs.

Pendant la tenue de ce conseil, arriva le Chancelier comte Worontzow de la part de l'Empereur démis pour faire des reproches à l'Impératrice de sa fuite et lui en demander les raisons. Elle le fit entrer, et, lorsque très gravement il lui eut déduit les raisons de son envoi, elle lui répondit qu'elle lui ferait savoir sa réponse. Il s'en alla, et dans l'autre chambre tout le monde lui conseilla d'aller prêter le nouveau serment de fidelité. Il dit que, pour décharger sa conscience, il demandait d'écrire une lettre pour faire réponse de l'effet de sa mission, et puis qu'il ferait son serment, ce qu'on lui accorda. Après lui arrivèrent le prince Troubetzkoy et le feldmaréchal Alaxandre Schouvalow. Ceux-ci étaient envoyés pour retenir les deux premiers régiments des gardes, dont ils étaient chefs, et pour tuer l'Impératrice. Ils se jetèrent à ses pieds et lui contèrent leur mission, et de là s'en allèrent prêter serment.

Tout cela fini, on laissa le Grand-Duc et quelques détachements sous la direction du Sénat pour garder la ville, et l'Impératrice en uniforme des gardes (dont elle s'était fait déclarer colonel), à cheval à la tête des regiments sortit de la ville. On marcha toute la nuit, et sur le matin on arriva à un petit cloître, à deux lieues de Peterhof, où le prince Galitzine, vice-chancelier, apporta une lettre du ci-devant Empereur à l'Imperatrice, et peu après le général Izmaïlow avec une pareille mission. Voici ce qui y avait donné lieu.

L'Empereur devait venir diner le 28 d'Oranienbaum, où il demeurait, à Peterhof. Dès qu'il eut appris que l'Impératrice en était partie, il s'alarma et envoya en ville différentes personnes; mais comme les avenues étaient toutes gardées de la part de l'Impératrice, personne ne revenait. Il savait que deux régiments étaient à 30 verstes de la ville; il avait envoyé pour les faire venir pour sa défense, mais ces régiments étaient allés joindre l'Impératrice. Sur cela, le vieux feldmaréchal Münnich, le général Izmaïlow et plusieurs autres lui conseillèrent d'aller avec une douzaine de personnes ou bien à l'armée, ou bien de se jeter dans Cronstadt. Les femmes qui étaient autour de lui au nombre de trente au moins, le lui déconseillèrent sous pretexte de risque. Il les écouta et envoya à Cronstadt le général Devier que l'amiral Talysine, envoyé par l'Impératrice, désarma lorsque ce dernier arriva, de quoi l'Empereur n'eut aucun indice. Mais, ayant traîné ses irrésolutions jusqu'au soir, il se résolut enfin de s'embarquer avec les dames et le reste de sa Cour sur une galère et deux yachts et d'aller à Cronstadt, où, étant arrivé, il demanda à entrer; mais un officier de garde sur le bastion à l'entrée du port le refusa et menaça, quoiqu'en effet il n'eût pas de poudre, de tirer sur la galère de ce prince, ce qu'ayant entendu, il fit rebrousser chemin et alla débarquer à Oranienbaum, où il se coucha, et d'où le lendemain il ecrivit ces deux lettres susmentionnées, dans la première desquelles il demanda de retourner en Holstein avec sa maîtresse et ses favoris, et dans la seconde il offrait de renoncer à l'empire, ne demandant que la vie. Il avait cependant 1.500 hommes armés de troupes Holsteinoises, plus de 100 canons et quelques détachements Russes auprès de lui. L'Impératrice renvoya le général Izmaïlow [1] avec une lettre pour avoir cette renonciation. Pierre III écrivit à son aise cet acte, et puis vint avec le général Izmaïlow, sa maîtresse et son favori Goudowitch à Peterhof, où pour le préserver d'être déchiré par les soldats, on lui donna une garde sûre avec quatre officiers sous les ordres d'Alexis Orlow. Tandis qu'on préparait son départ pour Ropcha, maison de plaisance très agréable et pas le moins fortifié, les soldats se mirent à murmurer et à dire qu'il y avait trois grandes heures qu'ils n'avaient vu l'Impératrice; qu'apparement le prince Troubetzkoy faisait la paix entre cette princesse et son époux; qu'il fallait l'avertir, elle, de se défier, qu'infailliblement on la tromperait, la perdrait, et eux

[1] Izmaïlow, en venant à l'Impératrice, se jeta à ses pieds et lui dit: «Me croyez—vous honnête homme?—Elle dit: oui.—«Eh bien, répliqua-t-il, comptez que je suis à vous. Je veux, si vous vous confiez à moi, épargner à ma patrie bien du sang. Il y a du plaisir à être avec les gens d'esprit. Je vous donne ma parole, si vous me renvoyez, de vous amener Pierre ici, moi tout seul». C'est ce qu'il exécuta.

(Note de Catherine).

aussi. Dès que Catherine fut informée de ces discours, elle alla au prince Troubetzkoy, et lui dit de se mettre en carosse et d'aller à la ville, tandis qu'elle ferait le tour des troupes à pied. Dès qu'ils la virent, les cris de joie et d'allégresse recommencèrent.

On envoya Pierre III à sa destination.

A l'entrée de la nuit, on conseilla à l'Impératrice de retourner en ville, parce qu'elle n'avait dormi ni quasi mangé de deux jours; mais les troupes la prièrent de ne point les quitter, à quoi elle consentit avec plaisir, voyant leur extrême enthousiasme pour sa personne. A moitié chemin, on se reposa pendant trois heures. et. sur les 10 h. du matin, le 30 juillet v. st. 1762 l'Impératrice à cheval, à la tête des troupes et de l'artillerie. fit son entrée dans Pétersbourg aux acclamations de joie inexprimable d'un peuple innombrable. Jamais on ne peut s'imaginer de plus beau coup d'oeil. Sa cour la précédait, et les troupes avaient des branches de chêne sur leurs bonnets et chapeaux (ceux-ci à la main — ils avaient foulé aux pieds tous les habillements nouveaux que Pierre III leur avait donnés).

C'est ainsi en triomphe qu'elle arriva au palais d'Eté, où tout ce qui'il y avait de qualité ou de mise s'était rassemblé et l'attendait. Le Grand-Duc vint au-devant d'elle au milieu de la cour. Dès qu'elle le vit, l'Impératrice mit pied à terre et l'embrassa. Les acclamations ne cessaient pas. On alla à l'église, où le Te Deum fut chanté au bruit du canon. Toute la journée, les cris de joie continuèrent parmi le peuple, et il n'y eut point de désordres.

L'Impératrice s'étant couchée, s'était à peine endormie, que le capitaine Passek vint l'éveiller, la priant de se lever, parce que les fatigues. les veilles et le vin ayant échauffé les cervelles plus que de coutume, l'amour pour sa personne avait fait entrevoir des craintes pour sa sûreté au régiment d'Izmaïlowsky, et tout bonnement ils s'étaient mis en chemin pour venir la défendre. Lorsqu'on vint leur dire qu'il n'y avait rien à appréhender et qu'elle dormait, ils dirent qu'ils n'en pouvaient ni devaient sur cet article croire que leurs yeux. L'Impératrice se leva à 2 heures du matin et s'en alla au-devant d'eux. Dès qu'ils la virent. les cris de joie se firent entendre; mais avec un ton sérieux elle leur dit de s'aller coucher, de la laisser dormir et d'en croire leurs officiers à qui elle leur recommanda fortement d'obéir, ce qu'ils lui promirent en s'excusant et se faisant les uns aux autres des reproches de s'être laissé persuader à la reveiller. Ainsi ils s'en allèrent fort tranquillement à la maison. tournant souvent la tête pour la voir le plus longtemps possible, car à Pétersbourg il n'y a presque pas de nuit en été.

Les deux jours suivants les cris de joie durèrent toute la journée; mais il n'y eut ni excès ni désordres, chose très extraordinaire dans les fermentations aussi grandes.

Quelques semaines après, l'alarme pour la personne de l'Impératrice se mit de nouveau dans les troupes, et pendant quelques soirées ils se rassemblaient pour la secourir ou pour la voir. Alors elle signa un ordre afin qu'ils ne s'assemblassent plus, les assurant qu'elle veillait elle-même à sa sûreté et qu'elle n'avait point d'ennemi. Sur cet ordre ils s'entredisaient: Il faut bien que cela soit vrai pourtant, car elle n'est pas son propre ennemi pour se croire en sûreté si elle ne l'était pas. Depuis ce temps tout est dans la plus grande tranquillité.

ИМПЕРАТОРЪ ПАВЕЛЪ ПЕРВЫЙ

(Переводъ).

Кончина императрицы Елисаветы повергла въ уныніе всѣхъ русскихъ, но въ особенности всѣхъ добрыхъ патріотовъ, потому что въ ея преемникѣ видѣли государя съ необузданнымъ характеромъ, ограниченнымъ умомъ, ненавидящаго и презирающаго русскихъ, совершенно не знающаго своей страны, неспособнаго сосредоточиться, скупого и мота, исключительно преданнаго своимъ прихотямъ и прихотямъ тѣхъ, которые рабски льстили ему. Какъ только власть перешла въ его руки, онъ предоставилъ дѣла двумъ или тремъ фаворитамъ и предался всевозможному распутству. Онъ началъ тѣмъ, что отнялъ земли у духовенства, ввелъ множество довольно таки безполезныхъ новшествъ, главнымъ образомъ, въ войскахъ; онъ презиралъ законы, однимъ словомъ, правосудіе сдѣлалось предметомъ торга. Недовольство проникло всюду, и дурное мнѣніе, которое составилось о немъ, привело къ тому, что объясняли въ дурную сторону то немногое полезное, которое онъ сдѣлалъ. Его болѣе или менѣе опредѣлившимися проектами были слѣдующіе: начать войну съ Даніей изъ-за Шлезвига, перемѣнить вѣроисповѣданіе, разойтись со своею женою, жениться на своей любовницѣ, вступить въ союзъ съ королемъ прусскимъ, котораго онъ называлъ своимъ повелителемъ и которому, какъ онъ утверждалъ, онъ принесъ клятву въ вѣрности; онъ хотѣлъ предоставить ему часть своихъ войскъ; онъ не скрывалъ почти ни одного изъ своихъ проектовъ.

Со времени кончины императрицы, ея тетки, императрицѣ Екатеринѣ дѣлались тайкомъ различныя предложенія, но она никогда не хотѣла слушать ихъ, постоянно надѣясь, что время и обстоятельства измѣнятъ что либо въ ея несчастномъ положеніи, тѣмъ болѣе, что она знала съ полной увѣренностью, что въ концѣ концовъ, принимая во вниманіе ея личность, никоимъ образомъ не могутъ коснуться ея положенія, не подвергаясь величайшей опасности. Народъ былъ привязанъ къ ней и смотрѣлъ на нее, какъ на свою единственную надежду. Образовались различныя партіи, думавшія о средствахъ помочь горю своего отечества; каждая изъ этихъ партій обращалась къ ней въ отдѣльности, и однѣ изъ нихъ совершенно не знали другихъ. Она выслушивала ихъ, не отнимала отъ нихъ всей надежды, но неизмѣнно просила ихъ подождать, полагая, что дѣло не дойдетъ до крайности, и признавая всякую перемѣну подобнаго рода, какъ несчастье. Она смотрѣла на свои обязанности и на свою репутацію, какъ на сильный оплотъ противъ честолюбія. Сама опасность, которой она подвергалась, придавала ей новый блескъ, и она сознавала все значеніе его. Петръ III напоминалъ мушку, не сходящую съ очень красиваго лица. Поведеніе Екатерины по отношенію къ націи всегда было безупречно; она постоянно думала, желала и хотѣла лишь счастья этого народа, и вся ея жизнь будетъ употреблена только на то, чтобы доставить русскимъ пользу и благоденствіе.

Видя, однако, что положеніе вещей все ухудшается, императрица дала знать различнымъ партіямъ, что пора соединиться и подумать о средствахъ, чему чудесно помогла обида, публично нанесенная ей ея супругомъ. Вслѣдствіе этого порѣшили, что какъ только онъ вернется съ дачи, его арестуютъ въ его спальнѣ и объявятъ его неспособнымъ царствовать. Голова у него, дѣйствительно, пошла кругомъ, и, безспорно,

во всей имперіи у него не было болѣе сильнаго врага, чѣмъ онъ самъ. Всѣ не были одинаковаго мнѣнія: одни желали, чтобы это совершилось въ пользу его сына, другіе—въ пользу его жены.

За три дня до намѣченнаго времени нескромныя рѣчи одного солдата привели къ аресту капитана Пассека, одного изъ главныхъ участниковъ тайны. Прежде всего приступили къ дѣйствіямъ три брата Орловыхъ, старшій изъ которыхъ былъ капитаномъ артиллеріи. Гетманъ, тайный совѣтникъ Панинъ говорили имъ, что это слишкомъ рано, но они, по собственному побужденію, отправили своего второго брата въ каретѣ въ Петергофъ, чтобы привезти императрицу, разбудить которую Алексѣй Орловъ явился въ шесть часовъ утра 28-го іюня стараго стиля. Какъ только она узнала, что Пассекъ арестованъ, и что въ видахъ собственной своей безопасности нельзя терять болѣе времени, она встала и поѣхала въ городъ, при въѣздѣ въ который была встрѣчена старшимъ Орловымъ и княземъ Барятинскимъ, отправившимися вмѣстѣ съ нею въ казармы Измайловскаго полка, гдѣ, при ея прибытіи, было только 12 человѣкъ и одинъ унтеръ-офицеръ, и все казалось спокойнымъ. Всѣ солдаты были предупреждены, но находились у себя, и, когда они собрались, провозгласили ее самодержавной императрицей. Радость солдатъ и народа была неописуемая. Оттуда ее повезли въ Семеновскій полкъ; семеновцы вышли на встрѣчу къ ней, прыгая и крича отъ радости. Сопровождаемая такимъ образомъ, она отправилась въ Казанскую церковь, куда, съ проявленіемъ бурной радости, явились конногвардейцы. Пришла гренадерская рота Преображенскаго полка; эти извинялись, что явились послѣдними, говоря, что ихъ офицеры хотѣли помѣшать имъ отправиться, что иначе, конечно, они были бы изъ первыхъ. Послѣ нихъ прибыла артиллерія и ея фельдцейхмейстеръ Вильбоа.

Такимъ образомъ сопровождаемая восклицаніями безчисленной толпы, императрица прибыла въ Зимній дворецъ, гдѣ собрались Синодъ, Сенатъ и всѣ сановники. Составили манифестъ и форму клятвеннаго обѣщанія, и всѣ признали ее самодержавной императрицей. Императрица собрала нѣчто въ родѣ совѣта, составленнаго изъ гетмана, тайнаго совѣтника Панина, князя Волконскаго, генералъ-фельдцейхмейстера и нѣсколькихъ другихъ, на которомъ было рѣшено отправиться съ четырьмя гвардейскими полками, кирасирскимъ полкомъ, четырьмя полками пѣхоты въ Петергофъ, чтобы захватить Петра III. На этомъ совѣщаніи князь Волконскій высказалъ, что жаль, что нѣтъ совершенно легкой кавалеріи; едва только онъ успѣлъ произнести эти слова, какъ его вызвалъ одинъ офицеръ и сообщилъ, что полкъ гусаровъ только что вступилъ въ предмѣстье.

Во время этого совѣщанія прибылъ отъ имени низложеннаго императора канцлеръ графъ Воронцовъ, чтобы высказать императрицѣ упреки за ея бѣгство и потребовать отъ нея объясненій этого. Она приказала впустить его и, когда онъ очень серьезно изложилъ въ подробности причины своей миссіи, она сказала ему, что увѣдомитъ его о своемъ отвѣтѣ. Онъ вышелъ, а въ слѣдующей комнатѣ всѣ совѣтовали ему отправиться принести новую присягу въ вѣрности. Онъ возразилъ, что для того, чтобы очистить свою совѣсть, онъ желаетъ написать письмо, чтобы увѣдомить о результатахъ своей миссіи, а что затѣмъ онъ присягнетъ, что и было разрѣшено ему.

Послѣ него пріѣхали князь Трубецкой и фельдмаршалъ Александръ Шуваловъ. Они были посланы для того, чтобы удержать два первыхъ гвардейскихъ полка, шефами которыхъ они были, и чтобы убить императрицу. Они бросились къ ея ногамъ и передали ей о возложенномъ на нихъ порученіи, послѣ чего отправились принести присягу.

Когда все это было кончено, оставили великаго князя и нѣсколько отрядовъ, подъ вѣдѣніемъ сената, для охраны города, а императрица верхомъ, во главѣ полковъ, въ мундирѣ, полковникомъ которыхъ она объявила себя, выступила изъ города. Шли всю ночь и утромъ прибыли къ небольшому монастырю въ двухъ верстахъ отъ Петергофа, куда князь Голицынъ, вице-канцлеръ, доставилъ письмо отъ бывшаго императора къ императрицѣ, а нѣсколько времени спустя явился съ подобнымъ же порученіемъ генералъ Измайловъ. Вотъ что подало поводъ къ этому.

28-го числа императоръ долженъ былъ пріѣхать обѣдать изъ Ораніенбаума, гдѣ онъ жилъ, въ Петергофъ. Какъ только онъ узналъ, что императрица уѣхала изъ Петергофа, онъ встревожился и послалъ въ городъ различныхъ лицъ; но такъ какъ всѣ дороги у столицы, по распоряженію императрицы, охранялись, то никто изъ нихъ не вернулся. Онъ зналъ, что два полка находились въ тридцати верстахъ отъ города; онъ послалъ привести ихъ для своей защиты, но эти полки отправились примкнуть къ императрицѣ. При подобномъ положеніи дѣла старый фельдмаршалъ Минихъ, генералъ Измайловъ и нѣсколько другихъ лицъ совѣтовали ему взять съ собою человѣкъ двѣнадцать и отправиться съ ними или къ арміи, или же броситься въ Кронштадтъ. Женщины, которыхъ было около него, по крайней мѣрѣ, тридцать, отсовѣтовали ему это, указывая на опасности. Онъ послушался ихъ и послалъ въ Кронштадтъ генерала Девьера, котораго адмиралъ Талызинъ, посланный императрицей, обезоружилъ по его прибытіи, о чемъ императоръ не имѣлъ ни малѣйшихъ свѣдѣній. Но, протянувъ со своей нерѣшительностью до вечера, онъ наконецъ рѣшился сѣсть съ дамами и остатками своего двора на галеру и двѣ яхты и отправиться въ Кронштадтъ, по прибытіи куда онъ потребовалъ, чтобы его впустили; но офицеръ, дежурившій на бастіонѣ у входа въ портъ, отказалъ въ этомъ, хотя въ дѣйствительности пороха не было, пригрозилъ стрѣлять по галерѣ этого принца; услышавъ это, послѣдній приказалъ повернуть обратно и направился высадиться въ Ораніенбаумѣ, гдѣ онъ легъ спать и откуда, на слѣдующій день, написалъ упомянутыя выше два письма, въ первомъ изъ которыхъ онъ выражалъ желаніе возвратиться въ Голштинію вмѣстѣ со своей любовницей и своими фаворитами, а во второмъ предлагалъ отказаться отъ имперіи, прося лишь о сохраненіи жизни. А между тѣмъ у него было при себѣ 1.500 вооруженныхъ человѣкъ голштинскаго войска, болѣе 100 пушекъ и нѣсколько русскихъ отрядовъ. Императрица послала обратно генерала Измайлова [1] съ письмомъ, чтобы получить это отреченіе. Петръ III съ полной свободой написалъ этотъ актъ, а затѣмъ съ генераломъ Измайловымъ, своей любовницей

[1] Измайловъ, пріѣхавъ къ императрицѣ, бросился къ ея ногамъ и сказалъ: «признаете ли вы меня честнымъ человѣкомъ?» Она сказала: «да». «Тогда,—возразилъ онъ,—считайте меня вашимъ. Если вы довѣритесь мнѣ, я хочу предохранить мое

66

и своимъ фаворитомъ Гудовичемъ пріѣхалъ въ Петергофъ, гдѣ, чтобы предохранить его отъ возможности быть растерзаннымъ солдатами, къ нему приставили вѣрную охрану съ четырьмя офицерами подъ командой Алексѣя Орлова. Пока подготовляли его отъѣздъ въ Ропшу, загородный дворецъ, очень пріятный и нисколько не укрѣпленный, солдаты стали роптать и говорить, что прошло цѣлыхъ три часа, какъ они не видѣли императрицы; что, повидимому, князь Трубецкой примиряетъ ее съ ея супругомъ; что нужно предостеречь ее, чтобы она не довѣрялась этому; что, безъ всякихъ сомнѣній, ее обманули бы, погубили бы, а вмѣстѣ съ нею и ихъ. Какъ только Екатеринѣ стало извѣстно объ этихъ рѣчахъ, она направилась къ князю Трубецкому и сказала ему сѣсть въ карету и отправиться въ городъ, пока она пѣшкомъ будетъ обходить войска. Какъ только они увидѣли ее, возобновились крики радости и веселья.

Петра III отправили въ предназначенное для него мѣсто.

При наступленіи ночи, императрицѣ посовѣтовали возвратиться въ городъ, потому что въ теченіе двухъ сутокъ она не спала и почти ничего не ѣла; но войска просили не покидать ихъ, на что она съ удовольствіемъ согласилась, видя ихъ въ высшей степени восторженное отношеніе къ ней. На полъ-дорогѣ три часа отдыхали, и въ 10 часовъ утра, 30-го іюля стараго стиля 1762 года, императрица верхомъ, во главѣ войскъ и артиллеріи, совершила свой въѣздъ въ Петербургъ при невыразимо радостныхъ кликахъ безчисленной толпы народа. Никогда нельзя было бы представить себѣ болѣе чуднаго зрѣлища. Ей предшествовалъ ея дворъ, а войска украсили дубовыми вѣтками свои шапки и шляпы (послѣднія они держали въ рукахъ; они затоптали ногами всѣ новыя одѣянія, данныя имъ Петромъ III).

Такимъ-то образомъ, тріумфально, она прибыла къ Лѣтнему дворцу, гдѣ собралось и ожидало ее все, что было въ столицѣ выдающагося и лучшаго. Великій князь вышелъ къ ней на встрѣчу до середины двора. Какъ только она увидѣла его, императрица сошла съ лошади и обняла его. Клики не прекращались. Пошли въ церковь, гдѣ, при громѣ орудій, былъ отслуженъ молебенъ. Весь день крики радости не переставали раздаваться среди народа, и никакихъ безпорядковъ не было.

Когда императрица легла спать, и едва она уснула, какъ капитанъ Пассекъ пришелъ разбудить ее, прося ее встать, потому что усталость, безсонныя ночи и вино разгорячили умы сильнѣе обыкновеннаго, любовь къ ея особѣ возбудила въ Измайловскомъ полку опасенія относительно ея безопасности, и измайловцы попросту двинулись въ походъ, чтобы прійти защитить ее. Когда явились сказать имъ, что опасаться нечего, и что она спитъ, они возразили, что въ этомъ отношеніи могутъ и должны вѣрить лишь своимъ собственнымъ глазамъ. Императрица встала въ два часа ночи и вышла къ нимъ. Какъ только они увидѣли ее, раздались крики радости; но она серьезнымъ тономъ сказала имъ отправиться ложиться, дать ей воз-

отечество отъ большого пролитія крови. Чувствуешь удовольствіе отъ нахожденія въ обществѣ умныхъ людей. Я даю вамъ слово, что если вы отошлете меня, я одинъ доставлю вамъ Петра сюда». Это онъ и выполнилъ. Примѣчаніе Екатерины.

можность спать и вѣрить своимъ офицерамъ, повиноваться которымъ она настойчиво совѣтовала имъ; они обѣщали ей это, извиняясь и дѣлая упреки другъ другу за то, что дали убѣдить себя разбудить ее. Такимъ образомъ, они очень спокойно направились домой, часто поворачивая назадъ головы, чтобы какъ можно дольше видѣть ее, такъ какъ въ Петербургѣ лѣтомъ почти не бываетъ ночей.

Въ слѣдующіе два дня безпрерывно раздавались крики радости, но не было ни крайностей, ни безпорядковъ,—въ высшей степени необычайное явленіе при столь сильныхъ волненіяхъ.

Нѣсколько недѣль спустя, тревога за особу императрицы снова овладѣла войсками, и нѣсколько вечеровъ они собирались, чтобы помочь ей или увидѣть ее. Тогда она подписала приказъ о томъ, чтобы они не собирались болѣе, увѣряя ихъ, что она сама стоитъ на стражѣ своей безопасности, и что у нея совершенно нѣтъ враговъ.

По поводу этого приказа они говорили между собою: «должно думать, оно дѣйствительно вѣрно, потому что она не врагъ самой себѣ, чтобъ считать себя въ безопасности, если бы это было не такъ». Съ этого времени вездѣ водворилось полнѣйшее спокойствіе.

V.

Отдѣльныя замѣтки Екатерины II о событіяхъ 1762 года.

Le chambellan Passek disait souvent de Pierre III que ce Prince n'avait pas de plus violent ennemi que lui-même, parce qu'il ne négligeait rien de tout ce qui pouvait lui nuire.

L'écuyer Narischkine, favori de ce prince, disait pendant son vivant: «C'est le règne de la folie; tout notre temps se passe à manger, boire et faire des folies».

Il arrivait souvent que ce prince allait voir monter la garde, et là il battait les soldats ou les spectateurs, ou bien il faisait des folies, et cela souvent en présence d'une foule innombrable de monde.

Le jour de la célébration de la paix, le chambellan Stroganow reçut ordre de ne point sortir de sa maison, parce qu'il avait témoigné de la compassion pour l'Impératrice que l'Empereur avait grièvement maltraitée en public. Cet éclat fit une très grande impression dans tous les esprits, portés d'ailleurs pour cette princesse et très-aigris par la mauvaise conduite, le caractère violent et la haine de Pierre III contre la nation russe qu'il ne se donnait même pas la peine de cacher. Cette fermentation dura allant toujours en augmentant jusqu'au 27 juin. Les desseins de Pierre III n'étaient plus secrets. Ils consistaient à faire sortir les régiments des gardes et à amener en ville des troupes Hol-

steinoises, à enfermer l'Impératrice (les ordres de l'arrêter avaient déjà été donnés une fois et ensuite révoqués), à épouser sa maîtresse la comtesse Worontzow, à changer la religion et à faire mille autres changements aussi mal digérés. Le 27 au soir, fut arrêté un capitaine du régiment de Préobrajensky, nommé Passek; tout le régiment fut alarmé de cet accident, parce qu'on le savait affectionné à l'Impératrice et mis aux arrêts pour cela. Tous ceux qui étaient aussi bien intentionnés, à la tête desquels étaient les trois frères Orlow dont l'aîné était capitaine de l'artillerie, comprirent d'abord le risque que cette princesse courait si les affaires restaient dans cet état. Ils employèrent une partie de la nuit à avertir le Hetman, le prince Wolkonsky, le conseiller privé Panine, et vers le matin le capitaine Alexis Orlow alla à Peterhof pour avertir l'Impératrice des dangers qu'elle courait et pour l'amener en ville, assurés comme ils étaient qu'il lui suffirait de se montrer pour déterminer tous les esprits en sa faveur. A 6 h. du matin, l'officier ci-dessus nommé entra tout droit dans sa chambre, et la pria de se lever et de sauver la patrie en se sauvant elle-même. Après quelques débats, l'Impératrice se leva et se mit dans la voiture amenée à cet effet, accompagnée de trois officiers, d'une fille de chambre et d'un valet de chambre russes. C'est ainsi qu'elle arriva dans les casernes du régiment d'Izmaïlowsky, où tout paraissait dans la plus parfaite tranquillité, n'y ayant que 12 hommes et un bas-officier avec un tambour qui aussitôt se mit à battre l'alarme. Dans trois minutes officiers et soldats s'assemblèrent autour de l'Impératrice, après quoi on la pria de se mettre dans un carosse. Elle y entra avec l'Hetman et alla au régiment de Sémionowsky, où elle fut reçue avec des acclamations de joie inexprimable. De là elle passa à l'église de Kazan, où la garde à cheval vint au-devant d'elle avec une vraie fureur de joie; le peuple répétait les cris, et tout était en pleurs et remerciait le Ciel de leur délivrance. De là elle se rendit au palais d'Hiver, où le Sénat et le Synode étaient assemblés. Elle y fit dresser le manifeste, et le serment fut prêté, et, après, on forma un conseil, dans lequel il fut conclu de se mettre en marche pour Peterhof. L'Impératrice mit l'uniforme des gardes, et, à la tête de 14.000 h., sortit de la ville.

—

Voici la part qu'eut la princesse Daschkow à cet événement. Elle était soeur cadette de la maîtresse de Pierre III et agée de 19 ans, plus jolie que sa soeur qui était très laide. Si leurs figures ne se ressemblaient point, leurs esprits différaient encore plus. La cadette joignait à beaucoup d'esprit un grand sens. Beaucoup d'application et de lecture, beaucoup de prévention pour Catherine la lui avaient attachée de coeur, d'âme et d'esprit. Comme elle ne cachait point cet attachement et qu'elle croyait la fortune de sa patrie attachée à la personne de cette princesse, elle parlait partout en conséquence de ses sentiments, ce qui lui nuisait infiniment auprès de sa soeur et même de Pierre III. En conséquence de cette conduite qu'elle ne cachait point, plusieurs officiers, ne pouvant parler à Catherine, s'adressaient à la princesse Daschkow pour assurer l'Impératrice de leur dévouement; mais tout ceci se fit longtemps après les offres des Orlow, et même les discours et les menées de ces derniers avaient déterminé les premiers, ne connaissant pas la voie directe qu'avaient les Orlow, d'aller par la princesse Daschkow à l'Impéra-

trice, la croyant plus proche d'elle. Catherine ne nommait jamais à la princesse les Orlow pour ne point exposer leur nom, le grand zèle de la princesse et sa jeunesse faisant craindre que dans la foule de ses connaissances il ne se trouvât quelqu'un qui par surprise n'évaporat la chose. A la fin, l'Impératrice conseilla aux Orlow de faire connaissance avec la princesse afin d'être mieux en état de se lier avec les officiers susmentionnés et de voir le parti qu'ils en pourraient tirer, car, tout bien-intentionnés que ces officiers étaient, ils étaient de l'aveu même de la princesse Daschkow, moins déterminés que les Orlow qui joignaient aux plans les moyens de l'exécution. D'ailleurs tout le courage de la princesse Daschkow (car réellement elle en a beaucoup montré) n'aurait rien déterminé; elle avait plus de flatteurs que de crédit, et le caractère de sa famille donnait toujours une certaine méfiance. Enfin, la princesse, ou plutôt par elle le capitaine Passek, d'un côté, et les Orlow, de l'autre, demandèrent que Catherine leur donnât un mot d'écrit pour pouvoir convaincre leurs amis de son consentement; elle envoya par la princesse un billet conçu à peu près en ces termes: «La volonté de Dieu et du capitaine Passek soit faite! Je consens à tout ce qui peut être utile à la patrie». Et aux Orlow elle écrivit: «Regardez ce que vous dira celui qui vous montre ce billet, comme si je «vous le disais. Je consens à tout ce qui peut sauver la patrie, avec laquelle vous me «sauverez, et vous aussi». Et signa l'un et l'autre billet de son nom. Il est aisé à imaginer que ces billets furent déchirés dès qu'on en eût fait usage.

Lorsque le capitaine Passek fut arrêté, les soldats qui le gardaient lui ouvrirent les portes et les fenêtres pour qu'il s'échappât, car, disaient-ils, tu souffres pour la bonne cause. Et, quoiqu'il dût s'attendre à la question et qu'il ne pouvait prévoir ce qui arriverait, malgré que tous ceux du secret étaient convenus que, si son cas existait, aussitôt il fallait frapper le coup, cependant il eut la contenance de rester dans son enclos pour ne rien gâter, car tout le régiment se serait mis en alarme, et on aurait pu fermer la ville pour le chercher.

Quand Pierre III apprit que l'Impératrice était partie de Peterhof, il y vint la chercha partout, jusque sous le lit, interrogea tout le monde qui y était resté, mais ne put jamais se résoudre à rien. Tout ce qui l'entourait, lui donna différents conseils, dont il choisit le plus faible, se promena en long et en large dans le jardin, et puis voulut diner.

Lorsque l'Impératrice partit de Péterhof, elle perdit plus d'une demi-heure de temps en passant par les jardins, et par là elle manqua le carosse et fut reconnue dans la rue par quelques passants. Elle n'avait avec elle qu'une femme de chambre, qui ne voulut point la quitter, et son premier valet de chambre qui cherchait le carosse.

Tandis qu'elle allait avec les troupes à Péterhof, le peuple s'avisa que Pierre III pourrait venir par eau. Quelques milliers s'assemblèrent sur l'île de Basile, sur les bords

de la mer, à l'entrée de la Néva, armés de pierres et de bâtons, dans la ferme résolution de noyer tout bateau qui arriverait de la mer.

Lorsque l'amiral Talysin fut envoyé à Cronstadt, nous le comptions tous pour un homme perdu, car il n'était pas concevable que l'Empereur ne pensât à ce port et forteresse; il n'y avait qu'une lieue à faire par eau d'Oranienbaum, tandis qu'il y en avait quatre de la ville, et qu'il ne fut dépêché qu'à midi. Lorsqu'il arriva, il trouva, en effet, le général Devier avec 2.000 h. rangés sur le port. Ce dernier lui demanda ce qu'il venait faire. Il répondit: «Je viens hâter le départ de la flotte».—Et que dit et fait-on en ville?—«Rien», dit-il. — Où allez-vous à présent? — «Je m'en vais me reposer; je meurs de chaud».—L'autre le laissa aller. Il entra dans une maison, en sortit par la porte de derrière, et vint au commandant Numers, en lui disant: «Ecoute; à la ville il y a bien d'autres nouvelles qu'ici; tout a prêté serment de fidélité à l'Impératrice; je te conseille d'en faire autant. J'ai 4.000 matelots ici; tu n'a que 2.000 h. Voilà mon ordre; décide-toi». — Celui-ci répondit qu'il ferait ce qu'il voudrait. — «Eh bien, dit-il, vas désarmer le général Devier». Il s'en fut, l'appela à part, lui ôta son épée, et tout le monde prêta serment de fidélité.

Lorsque la compagnie des grenadiers du 1-er régiment des gardes arriva près de l'église de Kazan au devant de l'Impératrice, ils voulurent prendre leur poste du carosse de l'Impératrice; mais les grenadiers du régiment d'Izmaïlowsky leur dirent avec de sanglants reproches qu'ils étaient venus les derniers et qu'eux ne leur céderaient point. Ce fut un moment très dangereux, car, si les premiers s'étaient opiniatrés, les bayonettes auraient été du jeu; mais point du tout: ils dirent que la faute en était à leurs officiers qui les avaient retenus, et le plus doucement du monde ils allèrent marcher devant les chevaux de l'Impératrice.

La rage des soldats contre Pierre III était extrême. En voici un trait. Après le serment de fidélité, tandis qu'on tenait conseil, les troupes rangées autour du palais d'Hiver de bois, on leur avait permis de reprendre leurs anciens uniformes. Un des officiers s'avisa d'arracher son épaulière d'or, et la jeta à sa troupe, croyant qu'ils en feraient argent. Eux la ramassèrent avec avidité, et, ayant attrapé un chien, la lui mirent au cou. Ce chien ainsi paré, fut chassé avec de grandes huées. Ils foulaient aux pieds tout ce qui leur venait de ce prince.

Au sortir de la ville, le soir du 28, la première halte se fit à 10 verstes de la ville, dans une auberge nommée Krasnoï Kabak. Ici tout avait l'air d'un vrai parti de guerre. Les soldats étaient couchés sur le grand chemin; les officiers et nombre de gens de la ville qui suivaient par curiosité, et tout ce qui avait pu tenir dans cette maison, y était entré. Jamais jour n'avait été plus fertile en aventures. Chacun avait la sienne, et tous voulaient conter. On était extrêmement gai, et personne n'avait le moindre doute.

On aurait dit que tout était décidé, quoiqu'en vérité personne ne pouvait prévoir la fin que prendrait cette grande catastrophe. On ignorait même où était Pierre III. On devait supposer qu'il s'était jeté dans Cronstadt, mais personne n'y pensait. Catherine cependant n'était point aussi tranquille qu'elle paraissait; elle riait et badinait, parlait aux uns et aux autres d'un bout de la chambre à l'autre, et quand on lui voyait des moments de distraction, elle en rejetait la faute sur la fatigue du jour. On voulut la faire coucher. Elle se jeta un moment sur le lit; mais ne pouvant fermer l'oeil, elle se tenait coi pour ne point reveiller la princesse Daschkow, couchée auprès d'elle. Ayant par hasard tourné la tête, elle vit que la princesse avait ses grands yeux bleus ouverts et fixés sur elle, ce qui leur fit faire un grand éclat de rire de ce qu'elles se croyaient endormies et respectaient réciproquement leur sommeil. Elles allèrent rejoindre la compagnie, et peu après on se remit en marche.

Le régiment de Voronège, le 28 juin au matin, était à Krasno-Sélo, à 27 verste de Pétersbourg. L'officier allemand, envoyé de la part de Pierre III, arriva un peu avant celui de l'Impératrice pour faire marcher ce régiment à Peterhof, et ils allaient se mettre en marche ne sachant pas de quoi il s'agissait, lorsqu' arriva le colonel Olsoufiew avec un officier aux gardes pour leur faire prêter serment à Catherine. Le colonel commandant balança [1]. Un grenadier ayant lâché quelques mots qui déplurent à l'officier allemand, celui-ci tira l'épée et voulut en frapper le soldat; tous les autres alors se mirent à crier qu'il fallait aller à Petersbourg pour joindre Catherine. Ils se mirent en chemin, et, lorsque cette princesse sortait de la ville, elle les rencontra. Comme ils étaient fatigués, elle voulut les laisser en ville; mais ils s'en vinrent avec elle encore 23 verstes, et là on leur fit faire halte à une maison de campagne, appelée Strelna Muisa, parce que on se défiait un peu du colonel, et, la même nuit, lorsque tout le monde revint en ville, ce régiment y retourna aussi. Il fit donc dans 24 heures 43 verstes, ce qui fait 10 lieues et demie d'Allemagne.

Quand l'Impératrice descendit de cheval au palais d'Eté au retour de Peterhof, la presse était si grande qu'on la portait sous le bras, ce qui faisait un beau coup d'oeil. Cela avait l'air comme si elle avait été obligée de faire tout ce qui venait de se passer, ce qui réellement était vrai, car, si elle avait refusé, elle aurait couru risque de partager le sort de Pierre III; ainsi, il n'y avait pas de choix.

Lorsque l'Impératrice rentra en triomphe en ville et qu'elle se retira dans sa chambre, le capitaine Orlow tomba à ses pieds et lui dit: «Je vous vois Impératrice souveraine; ma patrie est dégagée des fers, et elle sera heureuse sous votre règne. J'ai fait mon devoir; je vous ai servie, ma patrie, et moi-même. Je n'ai qu'une grâce à vous

[1] Шефомъ этого полка былъ принцъ Гольштейнъ-Бекскій; полковникомъ Семенъ Масловъ.

demander: laissez-moi me retirer sur mes terres. Je suis né honnête homme; la Cour pourrait me corrompre; je suis jeune; la faveur me fera haïr. J'ai du bien; je serai heureux, en repos, et comblé de gloire, vous ayant donné à ma patrie».

L'Impératrice lui répondit que ce serait gâter son ouvrage que de la faire passer pour ingrate envers l'homme du monde auquel elle croyait avoir le plus d'obligation; que le vulgaire ne pourrait croire à une si grande générosité, mais bien qu'elle lui avait donné quelque sujet de mécontentement ou même qu'elle ne l'avait pas assez récompensé.

Il fallut quasi user d'autorité pour le faire rester, et il fut attristé jusqu'aux larmes du cordon rouge de St. Alexandre et de la clef de chambellan qu'elle lui donna, ce qui donne le grade de général-major.

Pour aller à Ropcha avec Pierre III, l'Impératrice nomma le capitaine Alexis Orlow, le prince Bariatinsky et trois autres officiers. Ils choisirent 100 hommes dans les différents régiments des gardes. Leurs ordres portaient de rendre à ce prince la vie aussi douce qu'ils pourraient et de lui procurer pour son amusement tout ce qu'il voudrait. L'intention était de l'envoyer de cet endroit à Schlüsselbourg et, selon les circonstances, de le faire dans quelque temps partir pour le Holstein avec ses favoris, tant sa personne était peu dangereuse.

Après la mort de l'Impératrice Elisabeth, la fille du duc de Courlande Biren, mariée au baron Czerkassow et que Pierre III avait aimée autrefois quoiqu'elle fut bossue, fit tant que cet Empereur fit revenir son père de Iaroslav, où l'Impératrice défunte l'avait confiné. A ceci aida beaucoup l'antipathie naturelle que l'Empereur avait conçue pour le prince Charles de Saxe lors du séjour de celui-ci à Pétersbourg; il en était jaloux à un point qu'il suffisait de prononcer son nom pour le mettre en colère. Il avait promis à la fille de rendre au père son duché, et bonnement il le croyait jusqu'à ce que le prince Georges de Holstein arriva, qui avec ses partisans fit changer d'avis l'Empereur et le porta à obliger Biren et ses fils à renoncer à la Courlande en faveur du prince de Holstein. Les Biren s'adressèrent dans leur détresse à l'Impératrice, qui ne pouvait autre chose sinon de les assurer que la justice de leur cause lui était connue et qu'il ne dépendait pas d'elle de les aider. Le jour de l'avénement de Catherine au trône, les Biren devaient signer cet acte de renonciation, lorsque les choses changèrent de face. Biren était relâché; l'Impératrice n'avait aucune raison de le remettre en prison; sa fille lui avait toujours été dévouée, et mille fois on avait trouvé ses droits justes. La Russie ne devait pas nourrir cette famille à ses dépens. La résolution fut donc prise de lui rendre la Courlande, et faire un duc les premiers jours de son règne ne déplaisait pas non plus à Catherine.

ИМПЕРАТОРЪ ПАВЕЛЪ ПЕРВЫЙ

(Переводъ).

Камергеръ Пассекъ часто говорилъ о Петрѣ III, что этотъ государь не имѣлъ злѣйшаго врага, чѣмъ онъ самъ, потому что онъ не пренебрегалъ ничѣмъ, что могло повредить ему.

Шталмейстеръ Нарышкинъ, фаворитъ этого государя, говорилъ при его жизни: «это — царство безумія; все наше время проходитъ за ѣдой, виномъ и дѣланіемъ сумасбродствъ».

Часто случалось, что этотъ государь отправлялся смотрѣть на смѣну караула, и тамъ онъ былъ солдатъ или зрителей или же совершалъ сумасбродства, и часто это происходило въ присутствіи несмѣтной толпы народа.

Въ день празднованія заключенія мира камергеръ Строгановъ получилъ приказаніе совершенно не выходить изъ дома, потому что онъ выказалъ участіе къ императрицѣ, которой императоръ публично нанесъ тяжелое оскорбленіе. Эта мѣра произвела сильнѣйшее впечатлѣніе на всѣ умы, расположенные, къ тому же, къ этой государынѣ и крайне ожесточенные дурнымъ поведеніемъ, несдержаннымъ характеромъ и ненавистью Петра III къ русскому народу, которую даже онъ не давалъ себѣ труда скрывать. Это броженіе, безпрерывно усиливаясь, продолжалось до 27 іюня. Намѣренія Петра III не составляли болѣе тайны. Они состояли въ томъ, чтобы вывести гвардейскіе полки и ввести въ городъ голштинскія войска, заточить императрицу (приказанія арестовать ее уже были даны одинъ разъ и затѣмъ отмѣнены), жениться на своей любовницѣ, графинѣ Воронцовой, перемѣнить религію и произвести массу другихъ перемѣнъ, столь же мало продуманныхъ. 27-го числа вечеромъ былъ арестованъ капитанъ Преображенскаго полка, по фамиліи Пассекъ; весь полкъ былъ встревоженъ этимъ происшествіемъ, такъ какъ было извѣстно, что онъ расположенъ въ пользу императрицы, и что поэтому-то его и арестовали. Всѣ тѣ, которые были проникнуты столь же хорошими намѣреніями, во главѣ которыхъ находились трое братьевъ Орловыхъ, старшій изъ которыхъ былъ капитаномъ артиллеріи, сразу поняли опасность, которой подвергалась государыня, если вещи останутся въ такомъ положеніи. Часть ночи они употребили на то, чтобы предупредить гетмана, князя Волконскаго, тайнаго совѣтника Панина, а подъ утро капитанъ Алексѣй Орловъ отправился въ Петергофъ, чтобы предупредить императрицу объ опасностяхъ, которымъ она подвергалась, и чтобы доставить ее въ городъ, такъ какъ они были увѣрены, что достаточно ей показаться, чтобы склонить всѣхъ въ свою пользу. Въ шесть часовъ утра вышеназванный офицеръ прямо вошелъ въ ея спальню и попросилъ ее встать и спасти отечество, спасая самое себя. Послѣ нѣкоторыхъ возраженій императрица встала и сѣла въ карету, приготовленную для этой цѣли, въ сопровожденіи трехъ офицеровъ и русскихъ горничной и камердинера. Такимъ-то образомъ она пріѣхала въ казармы Измайловскаго полка, гдѣ все, повидимому, пребывало въ величайшемъ спокойствіи, такъ какъ тамъ находилось только двѣнадцать человѣкъ и унтеръ-офицеръ съ барабанщикомъ, который тотчасъ же принялся бить тревогу. Черезъ три минуты вокругъ императрицы собрались офицеры и солдаты, послѣ чего ее попросили сѣсть въ карету. Она сѣла въ нее съ гетманомъ и отправилась въ

67

Семеновскій полкъ, гдѣ была принята съ кликами невыразимой радости. Оттуда она поѣхала въ Казанскую церковь, гдѣ Конный полкъ выѣхалъ къ ней на встрѣчу съ проявленіемъ по истинѣ бѣшеной радости; народъ повторялъ крики, и всѣ были въ слезахъ и благодарили небо за свое освобожденіе. Оттуда она отправилась въ Зимній дворецъ, гдѣ собрались сенатъ и синодъ. Тамъ она приказала составить манифестъ, и была принесена присяга, а затѣмъ было собрано совѣщаніе, на которомъ было рѣшено двинуться въ Петергофъ. Императрица надѣла гвардейскій мундиръ и во главѣ 14.000 человѣкъ выступила изъ города.

Вотъ въ чемъ заключается участіе, которое принимала въ этомъ событіи княгиня Дашкова. Она была младшей сестрою любовницы Петра III и 19 лѣтъ отъ роду, болѣе красивая, чѣмъ ея сестра, бывшая очень безобразной. Если между ихъ лицами не было никакого сходства, то ихъ умы разнились еще болѣе. Младшая съ большимъ умомъ соединяла большой разумъ. Много стараній и чтенія, много предупредительности по отношенію къ Екатеринѣ привязали ее къ ней сердцемъ, душею и умомъ. Такъ какъ она нисколько не скрывала этой привязанности и думала, что судьба Россіи соединена съ личностью этой государыни, то поэтому она повсюду говорила о своихъ чувствахъ, что ей несказанно вредило у ея сестры и даже у Петра III. Вслѣдствіе подобнаго поведенія, котораго она нисколько не скрывала, нѣсколько офицеровъ, не имѣя возможности говорить съ Екатериною, обращались къ княгинѣ Дашковой, чтобы увѣрить императрицу въ ихъ преданности; но все это произошло долгое время спустя послѣ предложеній Орловыхъ, и даже рѣчи и происки послѣднихъ побудили первыхъ - не знавшихъ о прямыхъ путяхъ, которыми располагали Орловы—войти въ сношеніе съ императрицей черезъ посредство княгини Дашковой, считая послѣднюю болѣе близкой къ ней. Екатерина никогда не называла княгинѣ Орловыхъ, чтобы отнюдь не рисковать ихъ именами, такъ какъ большое рвеніе княгини и ея юный возрастъ заставляли опасаться, чтобы среди массы ея знакомыхъ не нашелся кто-либо, который неожиданно не выдалъ бы всего. Въ концѣ концовъ императрица посовѣтовала Орловымъ познакомиться съ княгиней, чтобы получить большую возможность сойтись съ упомянутыми выше офицерами и посмотрѣть, какую пользу они могли бы извлечь изъ нихъ, потому что, какъ бы хорошо ни были настроены эти офицеры, по признанію самой княгини Дашковой, они были менѣе рѣшившимися, чѣмъ Орловы, съ намѣреніями соединявшіе и средства выполненія. Къ тому же, вся смѣлость княгини Дашковой (и, дѣйствительно, она много проявила ея) ни къ чему не привела бы, такъ какъ у нея было болѣе льстецовъ, чѣмъ людей, вѣрившихъ въ нее, а характеръ ея семьи постоянно возбуждалъ нѣкоторое недовѣріе. Наконецъ, княгиня или, скорѣе, черезъ ея посредство Пассекъ, съ одной стороны, и Орловы, съ другой, потребовали, чтобы Екатерина дала имъ что-либо написанное ею, чтобы такимъ образомъ они получили возможность убѣдить своихъ друзей въ ея согласіи; она послала черезъ княгиню записку, составленную приблизительно въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Да будетъ воля Господа Бога и поручика Пассека! Я согласна на все, что можетъ быть полезно отечеству». А Орловымъ она написала: «Смотрите на то, что вамъ скажетъ тотъ,

который показываетъ вамъ эту записку, такъ, какъ будто я говорю вамъ это. Я согласна на все, что можетъ спасти отечество, вмѣстѣ съ которымъ вы спасете меня, а также и себя». И ту и другую записки она подписала своимъ именемъ. Легко понять, что эти записки были разорваны, какъ только онѣ выполнили свое назначеніе.

Когда поручикъ Пассекъ былъ арестованъ, караулившіе его солдаты открыли ему двери и окна, чтобы онъ могъ бѣжать, потому что, говорили они, ты страдаешь за доброе дѣло. И, несмотря на то, что онъ долженъ былъ ожидать пытки и не могъ предвидѣть, что произойдетъ, несмотря на то, что всѣ посвященные въ тайну рѣшили, что въ случаѣ произойдетъ событіе, подобное тому, что произошло съ нимъ, то нужно тотчасъ же приступить къ дѣлу, онъ, тѣмъ не менѣе, имѣлъ рѣшимость остаться въ своемъ заточеніи, чтобы ничего не испортить, потому что цѣлый полкъ былъ бы поднятъ на ноги, и для того, чтобы искать его, могли бы запереть городъ.

Когда Петръ III узналъ, что императрица уѣхала изъ Петергофа, онъ пріѣхалъ туда, повсюду искалъ ее, даже подъ кроватью, допрашивалъ всѣхъ оставшихся, но никакъ не могъ рѣшиться на что-нибудь. Всѣ, окружавшіе его, давали ему различные совѣты, изъ которыхъ онъ выбралъ самый слабый, прогуливался взадъ и впередъ по саду, а затѣмъ выразилъ желаніе пообѣдать.

Когда императрица отправилась изъ Петергофа, она потеряла болѣе получаса времени, проходя садами, и вслѣдствіе этого не нашла карету и была узнана на улицѣ нѣкоторыми прохожими. Съ нею были лишь одна горничная, никоимъ образомъ не хотѣвшая оставить ее, и ея первый камердинеръ, искавшій карету.

Въ то время, какъ она направлялась съ войсками въ Петергофъ, народъ сообразилъ, что Петръ III можетъ пріѣхать водою. Нѣсколько тысячъ человѣкъ, вооруженныхъ камнями и палками, собрались на Васильевскомъ островѣ, на берегу моря, при входѣ въ Неву, твердо рѣшившись потопить всякое судно, которое прибыло бы съ моря.

Когда адмиралъ Талызинъ былъ посланъ въ Кронштадтъ, мы всѣ считали его погибшимъ человѣкомъ, потому что не представлялось понятнымъ, чтобы императоръ не подумалъ объ этомъ портѣ и крѣпости; до Ораніенбаума было водою только одна миля, тогда какъ до города — четыре, а онъ былъ посланъ лишь въ полдень. Когда онъ пріѣхалъ, онъ, дѣйствительно, нашелъ генерала Девьера съ 2.000 человѣкъ, выстроенныхъ на пристани. Послѣдній спросилъ его, зачѣмъ онъ пріѣхалъ. Онъ отвѣчалъ: «Я пріѣхалъ ускорить отплытіе флота». «А что говорятъ и дѣлаютъ въ городѣ?» «Ничего», отвѣчалъ онъ. «Куда вы направляетесь теперь?» «Я собираюсь отдохнуть; я умираю отъ жары». Тотъ его пропустилъ. Онъ вошелъ въ одинъ домъ, вышелъ изъ него черезъ заднюю дверь и пошелъ къ коменданту Нумерсу, которому сказалъ:

*

«Послушай, въ городѣ совершенно другія вѣсти, чѣмъ здѣсь; всѣ принесли присягу въ вѣрности императрицѣ; я совѣтую тебѣ сдѣлать то же самое. У меня здѣсь 4.000 матросовъ, у тебя лишь 2.000 человѣкъ. Вотъ мой сказъ: рѣшайся». Тотъ отвѣтилъ, что поступитъ такъ, какъ ему будетъ угодно. «Такъ вотъ,—отвѣчалъ онъ,—ступай, обезоружь генерала Девьера». Онъ пошелъ на это, отозвалъ его въ сторону, взялъ у него его шпагу, и всѣ принесли присягу въ вѣрности.

Когда гренадерская рота перваго гвардейскаго полка подошла близъ Казанской церкви на встрѣчу къ императрицѣ, они захотѣли составить непосредственную охрану экипажа императрицы, но гренадеры Измайловскаго полка возразили имъ съ горькими упреками, что они явились послѣдними, и что они никоимъ образомъ не уступятъ имъ. Это былъ очень опасный моментъ, потому что, если бы первые заупрямились, то дѣло дошло бы до штыковъ; но ничуть не бывало: они отвѣчали, что виноваты во всемъ ихъ офицеры, задержавшіе ихъ, и затѣмъ самымъ кроткимъ образомъ принялись идти передъ лошадьми императрицы.

Ярость солдатъ противъ Петра III была чрезмѣрная. Вотъ образчикъ ея. Послѣ принесенія присяги на вѣрность, пока происходило совѣщаніе, войскамъ, выстроеннымъ вокругъ Зимняго деревяннаго дворца, было разрѣшено надѣть прежнюю форму. Одинъ изъ офицеровъ вздумалъ сорвать свой золотой знакъ и бросилъ его своимъ солдатамъ, думая, что они обратятъ его въ деньги. Они же съ жадностью набросились на него и, поймавъ собаку, надѣли его ей на шею. Украшенную подобнымъ образомъ собаку гоняли съ яростнымъ гиканьемъ. Они топтали ногами все исходящее отъ этого государя, что только попадалось имъ.

По выступленіи изъ города, вечеромъ 28-го числа, первая остановка была въ 10-ти верстахъ отъ города, на постояломъ дворѣ, называемомъ Краснымъ Кабачкомъ. Здѣсь все имѣло видъ настоящей войны. Солдаты разлеглись на большой дорогѣ; офицеры и множество горожанъ, слѣдовавшихъ изъ любопытства, и все, что могло вмѣститься въ этомъ домѣ,—всѣ вошли въ него. Никогда еще день не былъ болѣе богатъ приключеніями. У каждаго было свое, и всѣ хотѣли разсказывать. Были необыкновенно веселы, и никто не чувствовалъ ни малѣйшихъ сомнѣній. Можно было бы подумать, что все уже кончено, хотя въ дѣйствительности никто не могъ предвидѣть конца, которымъ завершится эта великая катастрофа. Не знали даже, гдѣ находится Петръ III. Слѣдовало предполагать, что онъ бросился въ Кронштадтъ, но никто не думалъ объ этомъ. Однако, Екатерина не была такъ спокойна, какъ это казалось; она смѣялась и шутила, говорила съ тѣми и другими черезъ всю комнату, а когда у нея подмѣчали мгновенія разсѣянности, сваливала вину за это на утомленіе отъ пережитаго дня. Захотѣли уложить ее спать. Она было бросилась на кровать, но, не будучи въ состояніи закрыть глазъ, лежала недвижимо, чтобы не разбудить княгини Дашко-

вой, лежавшей возлѣ нея. Случайно повернувъ голову, она увидѣла, что у княгини ея большіе голубые глаза были раскрыты и устремлены на нее, что заставило ихъ обѣихъ громко расхохотаться отъ того, что обѣ онѣ считали одна другую заснувшею и взаимно оберегали сонъ одна другой. Онѣ отправились присоединиться къ остальнымъ и, нѣсколько времени спустя, снова пустились въ путь.

Утромъ 28-го іюня воронежскій полкъ былъ въ Красномъ Селѣ, въ 27-ми верстахъ отъ Петербурга. Нѣмецкій офицеръ, посланный отъ Петра III, пріѣхалъ туда нѣсколько ранѣе посланнаго императрицею, чтобы двинуть этотъ полкъ въ Петергофъ, и они готовились выступить въ путь, не зная въ чемъ дѣло, когда пріѣхалъ полковникъ Олсуфьевъ съ однимъ гвардейскимъ офицеромъ, чтобы привести ихъ къ присягѣ Екатеринѣ. Полковой командиръ колебался [1]. Одинъ гренадеръ проронилъ нѣсколько словъ, не понравившихся нѣмецкому офицеру, и тогда этотъ выхватилъ шпагу и хотѣлъ нанести ею ударъ солдату; тогда всѣ остальные стали кричать, что нужно идти въ Петербургъ, чтобы присоединиться къ Екатеринѣ. Они двинулись въ путь, и, когда государыня выступала изъ города, она встрѣтила ихъ. Такъ какъ они были утомлены, она хотѣла оставить ихъ въ городѣ, но они прошли съ нею еще 23 версты; тамъ имъ было приказано сдѣлать привалъ на дачѣ, называемой Стрѣльна Мыза, такъ какъ нѣсколько недовѣряли полковому командиру, и въ ту же ночь, когда всѣ вернулись въ городъ, этотъ полкъ тоже возвратился туда. Такимъ образомъ въ 24 часа онъ сдѣлалъ 43 версты, что составитъ 10½ нѣмецкихъ миль.

Когда императрица сходила съ лошади у Лѣтняго дворца, по возвращеніи изъ Петергофа, давка была такъ велика, что ее вели подъ руки, что представляло прекрасную картину. Это носило видъ, какъ будто она была вынуждена сдѣлать все то, что только что произошло, что, въ дѣйствительности, и было справедливо, потому что, если бы она отказалась, она подвергалась бы опасности раздѣлить участь Петра III; такимъ образомъ, не было выбора.

Когда императрица побѣдоносно возвратилась въ городъ и удалилась затѣмъ въ свою спальню, капитанъ Орловъ упалъ къ ея ногамъ и сказалъ: «Я вижу васъ императрицей самодержицей; мое отечество освобождено изъ цѣпей, и оно будетъ счастливо подъ вашимъ управленіемъ. Я исполнилъ свой долгъ; я сослужилъ службу вамъ, моему отечеству и самому себѣ. Мнѣ остается попросить васъ лишь объ одной милости: позвольте мнѣ удалиться въ мои деревни. Я родился честнымъ человѣкомъ; дворъ могъ бы испортить меня; я молодъ, милости могли бы заставить ненавидѣть меня. У меня есть состояніе, я буду счастливъ на покоѣ, покрытый славою, такъ какъ я далъ васъ моему отечеству».

[1] Шефомъ этого полка былъ принцъ Гольштейнъ-Бекскій, полковникомъ Семенъ Масловъ.

Императрица отвѣчала ему, что заставить ее прослыть неблагодарною по отношенію къ человѣку, которому она считала себя наиболѣе обязанною, значило бы испортить ея дѣло; что простой народъ не могъ бы повѣрить столь большому великодушію, но думалъ бы, что она подала ему какой-нибудь поводъ къ неудовольствію, или даже что она недостаточно вознаградила его.

Нужно было какъ бы прибѣгнуть къ воздѣйствію власти, чтобы заставить его остаться, и онъ былъ до слезъ огорченъ красной лентой св. Александра и камергерскимъ ключемъ, которые она пожаловала ему, что приносило съ собою чинъ генералъ-маіора.

Для поѣздки въ Рошу съ Петромъ III императрица назначила капитана Алексѣя Орлова, князя Барятинскаго и трехъ другихъ офицеровъ. Они выбрали 100 человѣкъ изъ различныхъ гвардейскихъ полковъ. Данныя имъ приказанія гласили сдѣлать жизнь этому государю столь пріятной, насколько они могли, и доставлять ему для его забавы все, чего онъ ни пожелаетъ. Предполагалось изъ этого мѣста перевести его въ Шлиссельбургъ, а черезъ нѣкоторое время, въ зависимости отъ обстоятельствъ, отправить его съ его фаворитами въ Гольштейнъ, до такой степени его личность представлялась мало опасной.

Послѣ смерти императрицы Елисаветы дочь герцога курляндскаго Бирона, вышедшая замужъ за барона Черкасова, и которую Петръ III любилъ когда-то, несмотря на то, что она была горбата, достигла того, что этотъ императоръ приказалъ возвратить ея отца изъ Ярославля, куда сослала его покойная императрица. Этому много способствовало естественное нерасположеніе, которое императоръ почувствовалъ къ принцу Карлу Саксонскому во время пребыванія послѣдняго въ Петербургѣ; онъ до такой степени ревниво относился къ нему, что достаточно было назвать его имя, чтобы вызвать въ немъ гнѣвъ. Онъ обѣщалъ дочери возвратить отцу герцогство и, дѣйствительно, предполагалъ поступить такъ до тѣхъ поръ, пока не пріѣхалъ принцъ Георгъ Гольштейнскій, который вмѣстѣ со своими сторонниками заставилъ императора измѣнить свое намѣреніе и склонилъ его принудить Бирона и его сыновей отказаться отъ Курляндіи въ пользу принца Гольштейнскаго. Въ своей горести Бироны обратились къ императрицѣ, которая не могла сдѣлать ничего другого, какъ увѣрить ихъ, что правота ихъ дѣла извѣстна ей, но что не отъ нея зависитъ помочь имъ. Въ день восшествія Екатерины на престолъ Бироны должны были подписать этотъ актъ отреченія, какъ вдругъ положеніе вещей измѣнилось. Биронъ былъ выпущенъ; у императрицы не было никакихъ основаній снова посадить его въ тюрьму; его дочь постоянно была предана ей, и тысячу разъ его права были признаны дѣйствительными. Россія не должна была кормить эту семью на свой счетъ. Поэтому было принято рѣшеніе возвратить ему Курляндію, а возможность создать въ первые дни своего царствованія «герцога» тоже не была непріятна Екатеринѣ.

VI.

Отзывы современниковъ о Петрѣ III.

1) Графа А. Р. Воронцова.

Графъ А. Р. Воронцовъ въ своей автобіографической запискѣ пишетъ о Петрѣ Θеодоровичѣ, въ царствованіе Елисаветы:

«Il avait donné dans la boisson et ne s'occupait que du métier de caporal avec quelques troupes du Holstein qu'on lui avait permis de faire venir de ce pays là» [1].

2) Княгини Екатерины Романовны Дашковой.

«Etre le matin général-caporal à la wacht-parade, bien dîner avec du bon vin de Bourgogne, passer la soirée avec ses bouffons et quelques femmes et faire ce que le roi de Prusse lui ordonnerait—voilà ce qui constituait la félicité de Pierre III, et c'est d'après cela que son règne qui dura sept mois, ne présenta que cette même façon de vivre journalière, qui n'inspirait certainement pas du respect. Impatient de reconquérir du roi de Danemark une petite portion de terrain qu'il croyait lui appartenir, il ne voulut pas retarder cette guerre jusqu'après son couronnement» [2].

3) Князя Щербатова.

«Взошедши сей государь на всероссійскій престолъ, безъ основательнаго разума и безъ знанія во всякихъ дѣлахъ, восхотѣлъ поднять вольнымъ обхожденіемъ воинскій чинъ. Всѣ офицеры его голстинскіе, которыхъ онъ малой корпусъ имѣлъ, и офицеры гвардіи часто имѣли честь быть при его столѣ, куда всегда и дамы приглашались. Какіе сіи были столы? Тутъ вздорные разговоры съ неумѣреннымъ питіемъ были смѣшаны, тутъ послѣ стола поставленный пуншъ и положенныя трубки, про-

[1] Архивъ князя Воронцова, книга 5-я, стр. 19. Графъ Михаилъ Ларіоновичъ Воронцовъ писалъ графу А. Р. Воронцову 7-го іюля 1762 года: «Бывшій и вчерась умершій императоръ отъ народа ненавидимъ былъ».

[2] «Архивъ князя Воронцова, книга 21-я, стр. 66. Въ своихъ запискахъ княгиня Дашкова оставила намъ не менѣе правдивую характеристику императора Павла Петровича:

«L'on peut dire avec vérité de ce malheureux empereur, qu'il était fanfaron du carporalisme prussien,—fanfaron sur la prééminence surnaturelle qu'il attachait à son rang. Poltron, soupçonneux par intervalles et rêvant constamment à des complots qu'il imaginait se fabriquer contre lui, ses actions n'étaient que des boutades inspirées par le moment. Malheureusement elles étaient trop fréquemment cruelles et violentes. On l'approchait donc avec une terreur, mais qui n'excluait pas un genre de mépris». (Стр. 355—356).

долженіе пьянства и дымъ отъ куренія табаку представляли болѣе какой-то трактиръ, нежели домъ государскій; коротко одѣтой и громко кричащій офицеръ выигрывалъ надъ прямо знающимъ свою должность. Похвала прусскому королю, тогда токмо преставшему быть нашимъ непріятелемъ, и униженіе храбрости россійскихъ войскъ составляли достоинство пріобрѣсти любленіе государево [1].

4) Андрея Тимоѳеевича Болотова.

«Съ самаго малолѣтства заразился уже онъ многими дурными свойствами и привычками и возросъ съ нарочито уже испорченнымъ нравомъ. Между сими дурными его свойствами было, по несчастію его, наиглавнѣйшимъ то, что онъ какъ-то не любилъ россіянъ и пріѣхалъ уже къ нимъ власно, какъ со врожденною къ нимъ ненавистью и презрѣніемъ; и какъ былъ онъ такъ неостороженъ, что не могъ того и сокрыть отъ окружающихъ его, то самое сіе и сдѣлало его съ самаго пріѣзда уже непріятнымъ для всѣхъ нашихъ знатнѣйшихъ вельможъ, и онъ вперилъ въ нихъ къ себѣ не столько любви, сколько страха и боязни... Всѣмъ было извѣстно, что онъ отмѣнно любилъ и почиталъ короля прусскаго. А сія любовь, соединясь съ разстройкою его нрава и вкоренившеюся глубоко въ сердцѣ его ненавистію къ россіянамъ, произвела то, что онъ при всякихъ случаяхъ хулилъ и порочилъ то, что ни дѣлала и ни предпринимала императрица и ея министры».

По вступленіи на престолъ Петръ III «сдѣлалъ во всей арміи и во всемъ военномъ штатѣ великую перемѣну и старался все учредить на ногѣ прусской. Перемѣнена была совсѣмъ прежняя экзерциція на манеръ прусской; мундиры пошиты по прусскому покрою; прежнія и наиприличнѣйшія древнія званія полковъ по городамъ уничтожены, и велѣно было имъ называться уже по фамиліямъ ихъ шефовъ» [2].

5) Графа Миниха.

«Ce prince (Pierre III) était naturellement vif, actif, prompt, infatigable, colère, emporté, impétueux. Il avait un grand goût pour le militaire; on ne lui voyait jamais d'autre habit que l'uniforme; mais c'était comme un enthousiasme qu'il voulait imiter en tout le roi de Prusse, tant pour sa personne que pour tout le militaire.... C'était encore une espèce d'enthousiasme que cette précipitation avec laquelle il voulait se mettre en marche avec l'armée russienne pour ravoir le duché de Schleswig et de faire la guerre au roi de Danemark, qu'il fallait, disait-il, réduire et envoyer au Malabar. On avait beau lui représenter, que cette expédition était périlleuse.... Il fit dire au conseil par Wolkow: qu'il

[1] «О поврежденіи нравовъ въ Россіи». Сочиненія князя М. М. Щербатова, С.-Петербургъ, 1898, т. 2-й, стр. 223.

[2] Записки А. Т. Болотова, «Русская Старина» 1871 года, т. 2-й, стр. 161—166 и 229.

ne voulait écouter aucune proposition là dessus.... Il était emporté et impétueqn jusqu'à maltraiter ses favoris, mais on n'a su lui pardonner qu'il se donnait à la débauche et qu'il n'avait aucun ménagement pour sa majesté l'impératrice, laquelle seule pouvait rendre son règne heureux et glorieux» [1].

6) Бюшинга.

Петръ III показался ему «kleingeistisch» (ограниченнымъ). Когда онъ проѣзжалъ верхомъ, то походилъ скорѣе на деревянный истуканъ, тѣмъ на человѣка. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, Бюшингъ, какъ очевидецъ воцаренія Петра III, оставилъ слѣдующую характеристику начала новаго правленія: «Mit dem Tode der Kaiserin Elisabeth hörte die sclavische Furcht vor den Hof auf; und von dem Augenblick desselben an, athmete, sprach und handelte jeder Freund des freien Wesens freier, und hatte selbst die kaiserlichen Personen darinn zu Vorgängern, vornemlich den Kaiser selbst, der nur zu laut dachte, und seinen Mund und seine Augen den treuen Spiegel seines Herzens sein liess, auch das beschwehrliche Ceremoniel hassete, und vermied. Man versprach sich nun bessere Zeiten, ohne zu bedenken, dass diese auch bessere Menschen erforderten, als wirklich vorhanden waren.—Die Furchtlosigkeit ging so weit, dass sich dem Huldigungseide viele entzogen, die etwa ein halbes Jahr hernach ganz anders dachten» [2].

Ничего подобнаго, конечно, не было записано ни однимъ современникомъ 6-го ноября 1796 года.

7) Графа Гакстгаузена (датскаго посланника).

«La vie journalière de ce prince (Pierre III) non seulement est imprudente et déréglée, mais scandaleuse et révoltante aux yeux de toute la nation, et je ne finirais jamais, si je voudrais en énumérer ici les différents traits. Il ne vit que dans la plus grande débauche et crapule et est journellement ivre» [3].

[1] Ebauche pour donner une idée de la forme du gouvernement de l'empire de Russie.—Copenhague, 1774, pp. 177, 178, 180.

[2] A. F. Büsching, eigene Lebensgeschichte.—Halle. 1789, pp. 462—463.

[3] Изъ депеши графа Гакстгаузена къ графу Берпсторфу отъ 26-го мая (6-го іюня) 1762 года.

Людовикъ XV сдѣлалъ слѣдующую оцѣнку правленія Петра III и писалъ Бретэлю 10-го сентября 1762 года: «La conduite, les procédés et les opérations de Pierre III, le silence et la patience affectée de l'impératrice, tout annonçait que ce prince ne resterait pas sur le trône».—В. А. Бильбасовъ: Исторія Екатерины II, т. 1, стр. 421.

Вольтеръ въ письмѣ къ «madame du Deffand», отъ 18-го мая 1767 года, писалъ: «Je sais bien qu'on lui reproche quelques bagatelles au sujet de son mari; mais ce sont des affaires de famille dont je ne me mêle pas, et d'ailleurs il n'est pas mal qu'on ait une faute à réparer. Cela engage à faire de grands efforts pour forcer le public à l'estime et à l'admiration, et assurément son vilain mari n'aurait fait aucune des grandes choses que ma Catherine fait tous les jours».

VII.

Собственноручная записка цесаревича Павла Петровича о гвардіи.

Гвардію нахожу весьма великою и весьма неспособною ко всякому дѣлу, не говоря о прочихъ ея неудобствахъ, которыя каждый чувствуетъ, но не станетъ о семъ говорить. Вовсе быть безъ нея нельзя, ибо какъ достоинство, обычай, такъ и привычка глазъ всѣхъ дѣлаютъ ее необходимою, ибо и въ бездѣлицахъ опасно идти противу обычая и привычки. Развѣ не чувствительнымъ образомъ... Для всего сего мысль моя о ней такова. Оставить названіе всѣхъ полковъ и мундиръ оныхъ, но довести пѣхотные три нижеслѣдующимъ образомъ до того, чтобъ подъ всякомъ не было болѣе баталіона, составленнаго изъ гренадерской и четырехъ мушкатерскихъ ротъ, и такъ сохранится симъ обычай именъ, а доходя мало-по-малу до сего, не комплектуя убылыя мѣста, такъ какъ уже однажды сіе и было, никому не будетъ сіе примѣтно. Оно имѣетъ три сорта убыли: смерть, отставка и выписываніе вонъ за наказаніе или неспособность. Сими натуральными способами чрезъ пять лѣтъ, какъ уже и было однажды между 763 и 770 годовъ, гдѣ семь лѣтъ разстоянія, легко само собою до того дойдетъ, а дабы духъ своевольный вывести изъ нее, раздающійся отъ праздной и одномѣстной жизни, то каждый годъ посылать ихъ въ разныя мѣста съ протчими на ревю, и симъ средствомъ будутъ они отъ марта мѣсяца до августа въ походѣ, въ сіи пять мѣсяцевъ не до своевольства будетъ, а остальные семь пройдутъ въ отдыханіи, да въ сборахъ. Конную же можно оставить, какъ и была, ибо оной не много, съ нѣкоторыми только перемѣнами. Офицеровъ же гвардіи производить, какъ и нынѣ, по наличныхъ, а тѣхъ, которые вновь производиться будетъ, то жаловать армейскими прапорщиками и вести армейскими чинами [1].

---

[1] «Военно-ученый Архивъ», № 325.

VIII.

О мнимомъ заговорѣ графа Никиты Ивановича Панина.

Сохранились смутныя свѣдѣнія о какомъ-то заговорѣ, затѣянномъ въ пользу цесаревича Павла Петровича, въ которомъ будто бы принимали участіе графъ Никита Ивановичъ Панинъ и довѣренные секретари его Д. И. фонъ-Визинъ и Бакунинъ. Цѣль заговора заключалась въ томъ, чтобы возвести Павла Петровича на престолъ, на извѣстныхъ условіяхъ. Объ этомъ фантастическомъ проектѣ встрѣчаются краткія свѣдѣнія въ запискахъ декабриста фонъ-Визина. Онъ пишетъ:

«Душею заговора была супруга Павла, великая княгиня Наталія Алексѣевна, тогда беременная. При графѣ Панинѣ были довѣренными Д. И. фонъ-Визинъ, редакторъ конституціоннаго акта, и Бакунинъ, оба участники въ заговорѣ [1]. Бакунинъ изъ честолюбивыхъ, своекорыстныхъ видовъ рѣшился быть предателемъ: онъ открылъ графу Г. Г. Орлову всѣ обстоятельства заговора и всѣхъ участниковъ; стало быть, это сдѣлалось извѣстнымъ и Екатеринѣ. Она позвала къ себѣ сына и гнѣвно упрекала ему его участіе въ замыслахъ противъ нея. Павелъ испугался, принесъ матери списокъ всѣхъ заговорщиковъ. Она сидѣла у камина и, взявъ списокъ, не взглянувъ даже на него, бросила бумагу въ огонь и сказала: «Я и не хочу знать, кто эти несчастные». Она знала всѣхъ по доносу измѣнника Бакунина».

Сцена выходитъ драматическая, но она не имѣетъ подъ собою реальной почвы. Связь, которую старается установить декабристъ фонъ-Визинъ между этимъ мнимымъ заговоромъ Панина и запискою его о фундаментальныхъ законахъ, также не выдерживаетъ критики; составленіе записки должно быть отнесено къ позднѣйшему времени. Затѣмъ, при разборѣ этого вопроса необходимо принять въ соображеніе, что Панинъ не пользовался особеннымъ благорасположеніемъ великой княгини Наталіи Алексѣевны; Никита Ивановичъ пересталъ даже въ это время играть первенствующую роль при дворѣ цесаревича. Наконецъ, а это всего важнѣе, личный характеръ Никиты Ивановича Панина отстранялъ всякую возможность сдѣлать изъ него заговорщика; на этомъ именно основаніи Екатерина и довѣрила Панину воспитаніе великаго князя, будучи увѣрена, что онъ не былъ въ состояніи проявить рѣшительность и дѣятельность, которыя требовались для того, чтобы произвести какое-либо дѣйство въ пользу цесаревича.

---

[1] Въ запискахъ фонъ-Визина приведены имена и другихъ заговорщиковъ: Петръ Ивановичъ Панинъ, князь Репнинъ, княгиня Е. Р. Дашкова (??), одинъ архіерей (чуть ли не митрополитъ Гавріилъ). Къ нимъ примкнули будто бы многіе изъ тогдашнихъ вельможъ и гвардейскихъ офицеровъ.

IX.

Собственноручная записка великой княгини Маріи Θеодоровны, подъ заглавіемъ:

Dates intéressantes.

Le 26 Mars n. st. (1776) ce qui fait le 15 Mars vieux style, le prince Héréditaire est venu à Monbeillard.

Le $\frac{27}{16}$ Mars je suis promise.

Le $\frac{28}{17}$ Mars il est parti.

Le $\frac{14}{3}$ Mai le premier courier du Roi est venu.

Le $\frac{27}{16}$ Juin je suis partie pour jamais de mon cher Etupe.

Le $\frac{21}{10}$ Juillet j'ai vu le Grand-Duc pour la première fois.

Le $\frac{23}{12}$ Juillet mon mariage a été déclaré.

Je suis partie de Reinsberg le $\frac{12}{1}$ d'Août.

Je suis arrivée à Carscosello le $\frac{\text{11 Septembre.}}{\text{31 d'Août.}}$

Ma profession de foi s'est faite le $\frac{14}{25}$ Septembre.

Mes promesses le $\frac{15}{26}$ Septembre,

et mes noces le $\frac{\text{26 Septembre}}{\text{7 Octobre}}$ en 1776.

X.

Projet de voyage.

1781.

Les points qu'il y à observer pour mettre en exécution le projet du voyage sont:

Nous vous prions, nos chers amis, de lire avec attention ces points, de les corriger ou d'ajouter ce que vous trouverez à propos.

I) On doit commencer à en parler non comme une demande formelle, mais comme un désir, et en montrant de l'envie de suivre l'exemple que tant de souverains viennent de donner, et surtout on doit s'appuyer sur l'Empereur, sur le désir de s'instruire. Mais pour montrer ce désir il faut le placer à propos.

Pas même cela, mais par manière de conversation et des reflexions sur l'usage qui s'introduit, que les jeunes princes voyagent pour s'instuire. Ici l'éloge du profit que l'Empereur a acquis, ne sera pas mal placé. Il est bon d'observer que tout ceci ne soit tout d'un trait et sans attendre la réplique ou la réponse qu'on pourra faire à chaque idée séparée, mais régler la conversation de manière à ne pas aller plus loin avant que l'idée précédente n'ait été tout à fait terminée.

II) On doit parler de cette envie que six semaines tout au moins après le départ de nos amis et choisir un bon jour. Si on ne mord pas à l'hameçon, il faut laisser tomber cette idée et n'y revenir que quelque temps après, mais cela toujours non comme une demande en forme, mais comme désir personnel qu'on soumet à la décision de l'Impératrice.

Ce point est bien.

III) La manière d'aller qui ne peut avoir lieu que dans le plus grand incognito pour être plus à même de remplir le but de ce voyage qui est de s'instruire.

De ceci il ne faut parler que lorsque on aura l'approbation de voyager.

IV) La suite qui doit nous accompagner reste au choix de l'Impératrice, mais toujours on peut et on doit même lui dire avec franchise et confiance qu'on désirerait qu'elle permette à tel ou tel de nous accompagner, parce qu'ayant déjà été dans les pays étrangers, ce serait une ressource infinie pour nous, mais

toutefois faut-il demander cela comme une faveur et savoir le demander d'une manière qu'on ne puisse pas le refuser.

Assurément comme une faveur, mais très légèrement et sans d'abord insister.

V) Les enfants. Il faut dire qu'on ne saurait les remettre en meilleure main qu'en celle de leur grand-mère, que c'était notre bien le plus précieux que nous lui confions, étant très certainement persuadés qu'ils ne pourraient être en meilleure garde; enfin sur cet article il faut lui dire les choses les plus amicales et les plus tendres.

Très bien.

VI) Il faut dire d'abord que nous commencerons par Vienne; à cette occasion on peut dire des choses flatteuses pour elle et pour l'Empereur.

Très bien.

VII) Au cas qu'elle veuille limiter le temps du voyage, il semble qu'il y a à objecter qu'on désirerait voir plus de pays et ne point se borner à un état seul; au reste, une fois sortis du pays, la durée de ce voyage dépendra de nous.

Comme il ne faut pas se presser à déterminer les pays qu'on veut précisement voir, de même il ne faut pas se raidir contre la volonté qu'on témoignera dans les délibérations avec vous, vû qu'étant une fois absents, on pourra plus aisément prendre une route au lieu d'une autre.

XI.

Изъ записокъ великой княгини Маріи Θеодоровны (Conversations touchant le voyage, 19 et 26 Mai 1781).

Ce 19 Mai.

On parla du vent chaud qui règne ordinairement au mois de Juin à Rome, ce qui donna lieu à une conversation générale sur l'Italie. Elle parla ensuite de l'Empereur et des voyages qu'il avait faits, en disant, qu'il avait très bien fait d'employer le temps qu'il avait eu à voyager, ce qui lui avait donné des connaissances infinies, et que certaine-

ment nous ne l'aurions pas vu tel, s'il n'avait pas autant vu; car, ajouta-t-elle, s'il avait resté dans la petite sphère où il a été, il n'aurait jamais pu acquérir autant de connaissances, parce que restant toujours chez-soi, et vis-à-vis des mêmes objets, l'esprit se rétrécit, mais au contraire dans les voyages par la comparaison de différents objets le jugement se forme, et il n'y a rien de mieux que de juger par comparaison, et cela ne peut se faire qu'en voyageant. Nous avons fort applaudi à tout ce qu'elle a dit de l'Empereur, et surtout de l'utilité qu'il avait retiré de ses voyages, et le Grand Duc a ajouté, bien heureux ceux de son état qui peuvent en faire autant, et de la manière dont il l'a fait, et il a mis dans le goût des voyages. Là dessus elle répliqua, mais les rois de Suède et de Danemarck on fait la même chose, et en Chine tous les successeurs sont obligés de parcourir les différentes provinces dans le même but que l'Empereur, et cela pour empêcher l'esprit de se rétrécir, et avoir plus d'objets de comparaison. A tout cela nous avons répondu avec la plus grande circonspection, nous souvenant que les 5 ou 6 semaines ne sont pas passés, et nous nous sommes bornés à lui faire sentir, que nous sentions et que nous prisions les avantages, qui doivent résulter dans les voyages, toujours nous appuyant sur ceux de l'Empereur.

Ce 26 de Mai.

Depuis cette conversation du 19 on ne fait que parler voyage tous les jours. Hier, elle nous a répété que l'Empereur certainement ne serait pas tel qu'il est, s'il n'avait pas tant voyagé et serait toujours resté à Vienne, et que les voyages faisaient du bien même à la santé. On a sourit en disant cela, et on nous a regardé. Le Grand-Duc a dit, que ce serait certainement un objet curieux que de voir l'Empereur à Vienne comme souverain, après l'avoir vu comme particulier ici. Elle a répondu, certainement c'est un objet curieux, et elle a sourit. Elle a ajouté encore, qu'elle savait par elle-même le bien qu'un changement de place et d'objets faisait à l'esprit, qu'on voyait autrement, et que cela rafraîchissait les idées.

XII.

Два письма князя Н. В. Репнина къ цесаревичу Павлу Петровичу 1781 года.

1.

Dougino, le 5 juillet 1781.

Monseigneur.

C'est à Orel et sur la route en revenant de là que j'ai eu l'honneur de recevoir vos № 4 et 5. Ayant vu de le dernier que le voyage de votre altesse impériale est decidé, j'en suis très sincèrement charmé, trouvant la chose bonne pour vous en tous points. Vous verrez d'autres pays, d'autres gouvernements, d'autres hommes. En vous appliquant à

les bien connaître et à les comparer, ces comparaisons vous seront d'une grande utilité pour la place qui vous est destinée. Rendre heureux le pays que vous devez gouverner un jour, est sans contredit le premier des devoirs de votre altesse impériale, et ce voyage vous procurera naturellement des facilités pour acquérir les connaissances des moyens d'y parvenir. Quant aux réflexions que vous faites, monseigneur, sur l'empressement qu'on témoigne pour ce voyage, je n'y trouve, ni n'y envisage rien du fâcheux pour vous. Quand on fait une bonne chose, il faut sans doute la faire sans précipitation qui est mauvaise en tout, mais encore, quand on n'a pas de puissantes raisons contre, il vaut mieux la faire plutôt que plus tard. Il est difficile de raisonner sur les choses qu'on ne voit pas, et c'est mon cas, mais votre altesse les voyant par e lle même, peut en juger sans prévention. Il s'agit seulement, monseigneur, en réfléchissant à tous ces objets, de se bien examiner soi-même, pour ne pas donner prise à cette prévention, qui nous est souvent suggérée par l'inquiétude du caractère qui nous mène à devenir soupçonneux. C'est votre franchise qui m'enhardit à une franchise sans borne; vous m'avez vous-même ordonné d'être tel. Vous me reprenez même dans votre № 4 sur quelques aplaudissements que je vous donne, mais ils sont vrais et il serait aussi mauvais de croire qu'on fait toujours mal, que d'imaginer qu'on agit toujours bien. Ne prenez jamais, monseigneur, pour flatterie des bonnes choses qu'il m'arrive de vous dire de vous. Je ne m'avilirai point, ni ne vous dégraderai jamais en prenant ce moyen. Quand je vous dis ou vous dirai du bien de vous-même, c'est que vous me paraîtrez tel ou que je désirerai que vous le soyez. Ce sera un hommage rendu dans l'intention de vous encourager à être toujours bon. Tout autre motif ne m'entrera jamais dans l'âme. Que votre altesse me pardonne cette longue disgression. Je reviens au chapitre du voyage.

Il serait sans doute très bon que vous eussiez quelqu'un avec vous, qui fut capable de vous faire remarquer les choses intéressantes que vous serez à même de voir, et il me serait très flatteur de vous accompagner, comme vous avez la bonté de le souhaiter, mais, monseigneur, quand vous seriez dans le cas pendant vos voyages de ne prendre conseil que de vous-même, efforcez-vous pour développer vos facultés, tâchez de vous suffire à vous-même. Ce sera une première épreuve d'une qualité nécessaire. Encore une fois (et ce n'est pas flatterie) vous avez de l'esprit; faites en usage et joignez y des réflexions suivies et mûres, qui produiront un jugement juste. Ne vous occupez dans vos voyages que de ce que vous devez y remarquer. Point de distraction sur des objets étrangers à votre plan, point d'inquiétude sur ce qui ne mérite pas d'en donner et vous réussirez à vous instruire, parce que votre esprit et votre âme seront tranquils et libres de petits soucis. Bon courage, monseigneur, tout viendra avec le temps, la patience et l'application.

Je suis enchanté que l'affaire du mariage se soit finalement arrangée. Votre altesse me cite à cette occasion le proverbe de plus heureux que sage, j'en conviens et y trouve une leçon pour l'avenir contre la précipitation.

Je vais partir dans quelques jours d'ici pour Smolensk et peut-être pour Plescoff. Je laisserai cette lettre à M-r de Panin pour la faire parvenir à votre altesse impériale par

une occasion sûre. Il se porte Dieu merci assez bien. Toute la famille est ici. Ma femme et mes enfants se mettent aux pieds de votre altesse.

J'ai l'honneur d'être avec tous les sentiments de respect le plus profond et un attachement sans borne et sans fin.

Monseigneur,

de votre altesse impériale le très humble, très obéissant et très soumis serviteur,

Nicolas prince Repnin.

P. S.

Cette lettre était faite et fermée, quand mon aide de camp Lwow est arrivé avec la lettre de votre altesse impériale sous № 6. J'y ai vu, monseigneur, que vous conduisez la grande affaire en question comme on ne peut mieux. Nous avons lu vos lettres ensemble avec M-r de Panin, avec applaudissement sur tout ce qui s'y trouve et avec une satisfaction proportionnée à notre attachement pour vous. La conversation avec Salticof sur ce que le public pourrait dire sur la grande affaire et l'opinion qu'on y a devoilé, est dans le caractère de la personne. Cela ne pouvait être autrement, parce que le caractère ne manque pas de percer en tout malgré les démonstrations infinies. C'est toujours une leçon pour apprécier la vérité foncière qui ne peut être que conforme au caractère.

Dans la distribution de votre route, monseigneur, étant aux portes de la Hollande, il me semble que c'est un pays intéressant à voir, parce que le gouvernement y étant distinctivement autre qu'ailleurs, la façon de penser des habitants, ainsi que le mauvais et le bon provenant de leur constitution y sont autres aussi, et ces objets sont une grande matière à réflexion pour la place qui vous est destinée. D'ailleurs, monseigneur, il me semble que vous pouvez faire votre voyage à peu de chose près de la manière dont vous l'avez distribué dans le temps que vous vous proposez. Je n'entre dans aucun détail pour ne pas faire des répétitions inutiles. M-r de Panin écrira à votre altesse impériale et s'étendra sur tous les objets. Je m'y rapporte donc et finis en l'assurant d'un attachement inviolable à tout jamais. Je pars demain pour ma course de Smolensk et de Plescow ne comptant revenir ici que dans 4 semaines à peu près. Ce n'est donc qu'alors que je pourrai de rechef jouir du bonheur de recevoir des nouvelles de votre altesse impériale et de lui écrire.

le 7 juillet, 1781.

2.

Dougino le 8 août 1781.

Monseigneur.

En revenant de Plescow ici pour revoir encore M-r de Panin avant son départ pour Pétersbourg, j'ai eu l'honneur de recevoir par M-r Чулихановъ le № 7 de votre altesse impériale. Je pense ainsi que vous, monseigneur, qu'il sera difficile que j'aie le bonheur de faire partie de votre suite; quant à Plescow, sûrement j'aurai celui de vous y voir et de vous accompagner par tout ce gouvernement.

Je ne dis rien à votre altesse impériale sur les différentes choses qu'elle marque tant à M-r de Panin qu'à moi, me rapportant à ce qu'il vous écrira; d'ailleurs il aura bientôt l'honneur de vous voir lui-même, comptant partir d'ici vers le 20 de ce mois, de sorte qu'au 1 ou 2 de septembre il sera à Pétersbourg.

Que Dieu vous conduise, monseigneur, dans l'entreprise de votre voyage qui peut être si utile pour vous et pour le bonheur du pays qui vous est destiné. Vous, vous y préparez avec des réflexions si justes, qu'il serait bien malheureux que vous ne reussissiez. J'ose croire le contraire et vous prie, monseigneur, d'avoir la même idée et de vous confier à vous-même. Faites seulement usage avec prudence et sagesse des facultés que Dieu vous a données.

Je serai dans les premiers jours de septembre à Plescow et vous y attendrai, monseigneur, avec tout le zèle et tout le dévouement que votre altesse impériale me connaît pour elle.

J'ai l'honneur d'être avec tous les sentiments de respect le plus profond et de l'attachement le plus inviolable,

Monseigneur,

de votre altesse impériale, le très humble, très obéissant et très soumis serviteur,

Nicolas prince Repnin.

XIII.

Характеристика цесаревича Павла Петровича, великой княгини Маріи Θеодоровны и лицъ ихъ свиты, написанная въ 1782 году императоромъ Іосифомъ II для своего брата, великаго герцога тосканскаго Леопольда [1].

Le voyage de leurs altesses impériales le grand-duc et madame la grande-duchesse est une époque certainement très intéressante et il n'est aucunement indifférent au bien-être de l'État et à quiconque pense en citoyen pour la patrie, à qui il doit son bien-être, que leurs altesses impériales soient satisfaites de toutes les démonstrations d'amitié qu'elles éprouveront dans les différents endroits où la famille se trouve établie, et où il y a des rejetons de la maison d'Autriche, afin que l'union commune de toute la famille relativement aux principes et à la façon de penser à leur égard et à celui de toute la Russie, ne leur laisse aucun doute sur la solidité et constance pour le présent et pour l'avenir de nos sentiments.

[1] Joseph II und Leopold von Toscana. Ihr Briefwechsel von 1781 bis 1790. — Herausgegeben von Arneth.—Wien. 1872, p.p. 332—339.

Le séjour que leurs altesses impériales ont fait ici à Vienne de près de sept semaines, a pris la tournure la plus avantageuse, et il paraît qu'il ne peut rester de doute sur la sincérité des sentiments d'amitié et même de confiance qui se sont établis entre moi et elles. Pour les donc considérer davantage et pour vous procurer la facilité, mon cher frère, à régler vos démarches vis-à-vis d'elles, permettez que je vous trace ici un petit tableau de ce que j'ai observé leur convenir. Vous sentez bien que ceci n'est fait que pour rester entre nous et pour vous régler en conséquence.

1°. Le grand-duc et la grande-duchesse joignent à des talents peu communs et à des connaissances assez étendues une grande volonté de voir et de s'instruire et en même temps de réussir et de plaire dans toute l'Europe honnêtement, et comme on peut compter sur leur discrétion et honnêteté, rien ne sera plus capable de les obliger que de leur faire voir sans fard et sans apprêt toutes les choses, de leur parler avec la plus grande franchise, de ne pas leur cacher les défauts qui sans cela n'échapperont point à leur sagacité, de leur faire voir les bonnes intentions que vous avez, si même elles ne se trouvent encore arrêtées par le fait; étant un peu plus méfiantes par leurs circonstances que par leur caractère, il faut éviter soigneusement tout ce qui pourrait avoir l'air de finasserie ou de comédie devant elles.

2°. Le peu de temps qu'elles passeront chez vous, ne doit point être perdu par les premières difficultés et compliments ordinaires aux nouvelles connaissances qu'on fait, mais il faut les prévenir tout de suite qu'étant informé par moi de leur façon de penser à notre égard, vous vouliez leur parler tout de suite et les traiter avec toute la confiance et amitié, comme si une longue connaissance avait déjà précédé et par conséquent mettre à profit le peu de moments que vous passeriez avec elles, à vous faire connaître par elles et à vous donner toute la satisfaction de leur connaissance et aimable compagnie.

3°. Vos discours pourront rouler sur tout ce qui bon vous semblera, et comme entre autres elles sont père et mère très sensibles et très soigneux, le point de l'éducation de vos enfants, que je sais qui vous occupe si tendrement, leur paraîtra sûrement aussi dans tous ses détails très intéressant.

4°. Comme leur vie est très réglée et que même la santé du grand-duc n'est pas aussi forte qu'on pourrait bien le désirer, les veillées et les fatigues trop continuelles doivent être soigneusement évitées, et il sera désirable qu'on s'arrange de façon que jamais avant neuf ou dix heures du matin elles doivent sortir, mais encore plus sûrement qu'entre les dix et onze heures du soir elles puissent être retirées chez elles, puisqu'elles emploient une grande partie de la matinée et même de la soirée à écrire et à s'occuper.

5°. Tous les objets vraiment beaux, soit par leur antiquité, leur curiosité naturelle, ou par la proportion ou richesse de leur construction, les intéressent infiniment; il faudra donc point les surcharger d'objets dans un jour, mais leur laisser voir en détail, en choisissant tout ce qu'il y a de plus curieux et d'intéressant.

Les établissements publics, tant de charité que d'éducation, ont été suivis avec intérêt, et comme elles tâchent de mettre à profit tout ce qu'elles voient, il ne faudra pas leur refuser, mais au contraire leur en offrir tous les détails par écrit avec toute l'exacti-

tude qu'elles pourront exiger, puisque sans cela ces choses ne sont point faites pour rester secrètes, et que de pareilles marques de confiance et de prévenance leur seront infiniment agréables par l'envie qu'on leur témoignera de contribuer autant à l'utilité qu'à l'agrément de leur voyage.

6°. Comme la connaissance des hommes les plus instruits et célèbres fait un objet principal de leur curiosité, et qu'ils ont intérêt en même temps de voir et jouir des agréments de la société la plus choisie, et celle-là pas trop nombreuse, il faudra tâcher que vous arrangiez en conséquence des dîners ou des conversations dans lesquelles leurs altesses impériales auront le plaisir d'apprendre à connaître, tant en hommes qu'en femmes, ce qu'il y a de mieux, non de naissance seulement, mais d'esprit, de connaissances, et en même temps elles auront celui de se faire connaître par l'agrément de leur conversation, amabilité et instruction des personnes les plus en état d'en juger, et en leur rendant justice, d'entraîner l'opinion générale du public pour elles.

Il faut observer que son altesse impériale le grand-duc ne sait point l'italien, et que madame la grande-duchesse, quoique le sachant, ne se soucie point de le parler; il faudra donc particulièrement tâcher de faire choix des personnes, tant pour la société que pour l'explication des objets qu'elles iront voir, qui sachent le français.

7°. Le grand-duc ne danse point; madame la grande-duchesse danse sans s'en soucier; des bals par conséquent ne sont bons pour eux qu'en autant qu'ils rassemblent toute la noblesse ou nombreuse compagnie sans gêne et en pouvant y rester que le temps qu'ils voudront, ou bien pour voir quelque beau vase de salles ou théatres bien decorés; c'est même la meilleure façon pour leur faire présenter tout le monde à la fois sans rang.

8°. Ils observent leur incognito très strictement et exactement; il ne faut même dans le discour privé ne les appeler que monsieur et madame la comtesse du Nord. Elles n'accepteront de logement, je crois, nulle part, hors qu'on leur fasse trouver quelque maison qui ait l'air d'un hôtel à louer, ou à la campagne avec vous. Elles ne dîneront ni ne souperont nulle part qu'avec les souverains du lieu et vous autres; elles n'accepteront des particuliers et ministres étrangers aucune fête, mais fréquenteront les sociétés générales et même privées, en faisant des visites chez hommes et femmes, et plus on les laissera jouir, même à la Cour, de leur incognito, mieux on fera.

9°. De la bonne musique paraît faire plaisir à leurs altesses impériales et un bon spectacle, surtout s'il n'est pas trop long, ni trop tard; mais pour la même raison susdite, par rapport à la langue italienne. le spectacle, récité italien, où il n'y a pas de chant, ne pourra guère amuser le grand-duc.

Les objets militaires et de marine feront certainement une de leurs occupations favorites, de même que ceux de commerce, d'industrie et de manufacture; il faut donc tâcher de leur procurer là dessus toutes les facilités et toutes les aisances qu'ils pourront désirer soit dans la capitale et dans les provinces.

10°. Ils ne sont pas du tout difficiles dans le manger, et généralement ils aiment en ce genre le simple, mais le bon, et les compotes de fruits leur sont particulièrement agréables; ils ne boivent que de l'eau, et madame la grande-duchesse est accoutumée aux eaux de Selz, et s'il n'y en avait point dans vos environs, une autre eau minérale

légèrement ferrugineuse et qui ne purge point, lui pourra peut-être convenir également. Ils soupent tous les deux quelque chose et n'aiment point de dîner plus tard qu'à deux heures, tout comme ils n'aiment aucune espèce de jeu.

11°. La grande-duchesse touche fort bien du clavecin; il faut tâcher de lui faire trouver un bon piano-forte dans sa chambre, et au grand-duc, qui aime beaucoup à se reconnaître dans le local, le plan et les environs, et même les plans des maisons de plaisance que vous habitez et que vous leur ferez voir, soit ou en gravure ou dessin.

Madame la grande-duchesse aime beaucoup les fleurs, et comme la maison où elle viendra chez vous, sera propre, vous aurez soin de lui faire avoir tous les jours un bouquet à porter.

12°. Il paraîtra convenable de toute façon que toute votre noblesse, dès que l'arrivée de leurs altesses impériales sera connue dans la capitale, passât à leur porte, en y laissant un billet de visite, que leurs altesses impériales rendront de même en envoyant des cartes à tout le monde; peut-être même qu'elles ne seront pas fâchées de voir quelquefois chez elles quelques personnes des deux sexes, avec lesquelles elles auront fait préalablement une connaissance plus particulière, et cela sans aucune forme de cour ou de cérémonie.

13°. Quant à la première entrevue entre vous et leurs altesses impériales, il serait à désirer que vous puissiez trouver un lieu tiers ou une campagne, ou à la dernière poste avant la ville où vous résidez, où vous vous rendriez sans cérémonie avec votre chère femme, en leur donnant là ou un petit dîner ou goûter tout à fait en famille, afin de rompre toute gêne d'étiquette pour le premier moment, puisque celui-ci passé, ils viendraient ensuite chez vous, où vous serez charmé de les recevoir comme des aimables comte et comtesse dans votre société, et de les laisser participer selon l'usage du pays et de votre cour dans votre compagnie aux agréments qui s'y trouvent, et vous pourrez également vous rendre chez elles sans accompagnement et de la façon la plus amicale, enfin les traiter en bons camarades et amis. Par conséquent:

14°. Il ne faut pas leur envoyer ni leur destiner des chambellans, ni des dames, ni de la livrée pour les servir; il ne faut pas penser à les faire complimenter dans aucun endroit où elles se rendront, ni par colléges ni par les universités. Elles n'acceptent point de défrayement ni en chevaux de poste ni en vivres; en tout cela il faut leur laisser la pleine liberté.

Pour vous dire encore un mot

15°. des personnes qui composent leur suite: les demoiselles d'honneur Barczow et Nelidoff prennent le rang sur mesdames de Soltikoff et de Benkendorff, et doivent par conséquent dans des occasions un peu voyantes passer ou être invitées avant elles. Madame de Soltikoff est très maladive et sort fort peu; madame de Benkendorf en revanche est vraiment la personne de confiance de madame la grande-duchesse, qui la suit préférablement en toute occasion, et à laquelle, pour tous les petits objets à la convenance de la grande-duchesse, il faut s'adresser. C'est une personne d'un mérite rare et digne des bontés que leurs altesses impériales lui témoignent; elle les sent sans en abuser jamais.

Le général Soltikoff est adjutant général de sa majesté l'impératrice et par conséquent dans un poste de confiance que ses services militaires et sa probité lui ont mérité.

C'est à lui qu'il faut que tout le monde s'adresse pour les détails de voyage et pour rencontrer les désirs de leurs altesses impériales; mais comme il n'est point toujours à leur propre suite et qu'il les suit d'un jour plus tard, c'est le lieutenant-colonel Benkendorff, qui est un jeune homme fort sensé, mari de madame du même nom, qui est chargé des détails et des payements du voyage, tout comme un officier de marine nommé Pleschgiew [1], les devance pour décider les logements et quartiers à chaque station.

Le prince Kourakin qui suit leurs altesses impériales par attachement personnel, qu'il leur a voué depuis plusieurs années et comme neveu du comte Panin, a par là tant de droit à la reconnaissance du grand-duc, jouit de la confiance et des bontés distinguées de leurs altesses impériales; c'est avec cela un homme aimable et qui a le ton du grand monde.

Le prince Iussupof est un jeune homme très instruit et qui a infinement profité des voyages qu'il a faits. Comme il sait parfaitement l'italien et qu'il est grand connaisseur d'antiquités, d'arts et de tableaux, il ne faudra pas manquer dans de pareilles occasions de l'inviter avec leurs altesses impériales.

M. de Wadkofsky est un très joli jeune homme.

Le médecin Krouse, vu les prérogatives de sa charge est dans le cas d'être traité d'égalité avec tous les cavaliers ci-dessus nommés et dîne par conséquent toujours avec leur altesses impériales; il faudra donc le traiter de même; c'est d'ailleurs un homme d'un talent peu commun en fait de médecine et en qui leurs altesses impériales ont la plus juste confiance, en égard à leur santé.

Le secrétaire Nicolai est un de ces hommes précieux qui sert son maître sans jamais en faire parade ou vouloir être distingué. Tout le reste de la Cour, tant en hommes qu'en femmes de chambre, le prêtre même point excepté, est si bien choisi et encore mieux tenu par leurs maîtres, qu'ils ne sentent que leurs bontés, sans jamais oublier ce qu'ils sont.

Voilà en gros ce que j'ai voulu vous faire connaître, et je sais, mon cher frère, que vous ferez cent fois mieux que je ne puis vous le dire; mais j'ai cru néanmoins devoir vous communiquer mes idées et mes reflexions sur les différents objets, en vous priant d'employer tout ce qui pourra contribuer à la satisfaction de leur altesses impériales, et à les convaincre du parfait accord qui existe en notre famille sur la façon de penser envers elles et la Russie.

---

[1] Капитанъ-лейтенантъ С. И. Плещеевъ.

XIV.

Изъ письма великаго герцога Тосканскаго Леопольда къ императору Іосифу II, отъ 5-го іюня 1782 года[1].

Le comte du Nord, que vous avez eu bien mieux occasion et temps de connaître que moi, a, outre beaucoup d'esprit, de talent et de réflexion, le talent de saisir juste les idées et les choses, et d'en voir avec promptitude toutes les faces et les circonstances. On voit dans tout ses discours qu'il souhaite le bien. Je crois qu'avec lui il faut agir ouvertement, rondement, sincèrement et avec droiture, pour ne pas le rendre méfiant et soupçonneux. Je crois qu'il sera très-actif, mais surtout il a beaucoup de nerf dans sa façon de penser. Je le crois très-ferme, résolu et décidé, lorsqu'il a pris un parti, et pas homme certainement à se laisser diriger par personne. En général, il paraît qu'il n'aime pas beaucoup les étrangers, et qu'il sera même plutôt sévère et porté pour l'ordre, la subordination sans restriction, la règle et l'exactitude. Dans ses discours il ne m'a jamais parlé de sa situation ni de l'impératrice d'aucune façon; ce qu'il ne m'a pas caché, c'est qu'il n'approuve pas tous ces grands projets et innovations qu'on fait en Russie, et qui effectivement ont plus d'apparence et de nom que de vraie solidité, et il n'y a que sur le point du projet de l'impératrice de s'agrandir aux dépens des Turcs et de refonder l'empire de Constantinople, qu'il ne m'a pas caché combien il désapprouvait ce projet et tout projet d'agrandissement d'une monarchie déjà trop vaste par elle-même, qui a besoin qu'on pense à son intérieur, et qu'on laisse de côté toutes les idées inutiles de conquête, qui ne serviraient qu'à acquérir de la gloire, sans porter d'avantages réels, au contraire ne feraient que les affaiblir toujours davantage. Sur ce point, je suis persuadé qu'il m'a parlé sincèrement. Par beaucoup d'autres discours, j'ai pu m'apercevoir que, malgré son séjour à Vienne, ni lui ni la comtesse n'étaient encore revenus des idées et impressions, que probablement la Cour de Berlin et les princes de cette maison, mais surtout le prince Henri et le prince de Prusse, auxquels tous les deux sont fort attachés, louant surtout ce dernier comme un homme qui jouera un grand rôle dans l'Europe, assurant qu'on ne connaît pas toute l'étendue de son talent, capacité et génie, enfin des impressions reçues contre notre maison, la Cour de Vienne, et surtout le cabinet, contre les idées d'agrandissement attribuées à la Cour de Vienne vers l'Italie, l'empire et vers les Turcs. Ils n'ont pu dissimuler que la partie de la Pologne, touchée en partage à la Russie, était la plus mauvaise des trois, et que celle qui nous est parvenue, est la plus belle, riche et fertile. Enfin dans une infinité de discours, quoiqu'ils se retenaient, j'ai pu m'en apercevoir sans aucun doute. Ils avaient un soupçon éternel sur leurs lettres, et le comte a toujours cru qu'on les retenait et ouvrait à Mantoue. Il l'a même dit plusieurs fois et à plusieurs personnes, quoique j'aie tâché de lui ôter tout soupçon. Ils étaient singulièrement inquiets, puisque depuis leur départ de Vienne ils n'avaient plus

[1] Ioseph II und Leopold von Toscana. Ihr Briefwechsel, p. 116—122.

reçu de lettres du comte Panin, auquel pourtant ils écrivaient toutes les postes et qu'ils n'en recevaient que rarement du prince Repnin, qui leur est également attaché. Ils se sont constamment infiniment loués de votre amitié et bonté pour eux, mais malgré tout cela je ne les crois pas entièrement revenus des idées de la Cour de Berlin, et soupçonnant encore toujours un peu.

Le séjour de Vienne à beaucoup plu à la comtesse du Nord, mais pour le comte, il ne s'est pas caché qu'il a été bien aise d'en partir, et qu'il désirerait d'être bientôt de retour chez lui... Ce que je puis vous assurer, c'est qu'ils sont informés sur Vienne, sur tous les employés civils et militaires, les généraux supérieurs, les relations de famille, personnes etc., de façon à m'avoir étonné et émerveillé bien souvent; sur les affaires, ils sont informés de même. A cette occasion, je dois vous avertir qu'un jour le comte du Nord, me parlant sur des affaires, me dit que la Cour de Vienne était bien servie à Saint-Pétersbourg par le comte de Cobenzl, qui de même que son épouse, tâchait de gagner tout le monde et de s'insinuer; mais que depuis que l'on avait trouvé Cobenzl pas véridique, même dans ses rapports à sa Cour, on ne s'y fiait plus. Il s'échauffa dans ce discours et finit par me dire, que probablement je saurais bien quels avaient été les employés à Pétersbourg qui avaient été achetés par la Cour de Vienne, que cela était vilain, mais qu'on en savait tous les détails, quand et comment et par qui cela était fait, et le jour, et les sommes qu'ils avaient reçues. Je lui protestai que certainement je n'en savais rien; il me répondit: Eh bien! je les sais moi et vous les nommerai. C'est le prince Potemkin, le secrétaire de l'impératrice Besborodko, le premier commis des affaires étrangères, Bakunin, et les deux comtes Simon et Alexandre Woronzow et m. Markoff, qui est à présent ministre en Hollande. Je vous les nomme, puisque je suis bien aise qu'on sache que je les connais, et dès que j'aurai quelque chose à ordonner, je les ferai ausruthen et les casserai et chasserai».

La comtesse m'a confirmé la même chose, et moi, comme vous pouvez bien le croire, n'ai rien répondu du tout. Le comte dit ensuite que l'impératrice voulait destiner pour Ajo de ses fils le comte Simon Woronzow, mais ils assurent qu'ils en viendraient plutôt à toutes les extrémités que de confier leurs enfants à un homme d'un pareil caractère.

J'ai cru devoir vous rapporter ce discours en entier, qui m'a paru singulier; en outre je dois vous avertir, que non seulement le comte et la comtesse tiennent un journal exact de leur voyage, mais que chacun d'eux à part marque dans un livret ou cahier qu'ils tiennent eux-mêmes, tout ce qu'on leur dit qui peut leur paraître important. Par exemple, sur des affaires relatives au mariage de mon fils futur, ils ont cherché leurs cahiers et m'ont lu: sa majesté l'empereur nous a dit telle chose, les mots mêmes, le lundi dans telle chambre, en présence de telle personne, à telle heure du matin et du soir. J'avoue que cela m'a fait, comme vous pouvez bien croire, beaucoup d'étonnement et redoubler de circonspection dans mes discours, d'autant plus qu'ils m'ont répliqué plusieurs fois qu'ils marquaient tout cela pour en faire usage avec le temps, et que, produisant ces cahiers, on ne puisse pas leur nier ui donner une tournure à ce qu'eux auront dit ou qu'on leur aura répondu. Ils m'ont assuré que déjà ils ont de pareils mé-

moires non seulement de tous leurs voyages, mais déjà de tout ce que vous leur avez dit quand vous avez été à Pétersbourg.

D'ailleurs le comte est un homme qui aime les partis décidés et les soutiendra avec fermeté, quand une fois il les aura pris. Pour le caractère de la comtesse, vous le connaîtrez mieux que moi; vous aurez sûrement été charmé de sa douceur. esprit et application, volonté de bien faire, de l'attachement qu'elle a pour son époux, et de la façon cordiale et amicale avec laquelle ils vivent ensemble exemplairement tous les deux. Elle a fait paraître ici le plus grand zéle et soin, pour que le jeûne et leurs fonctions de la semaine sainte se fassent avec la plus grande austérité et régularité, témoignant le plus grand zèle et scrupule même pour la religion grecque...

...Quant à la suite du comte du Nord, le général Soltikoff a été fort peu répandu, étant maladif. Le prince Kourakin, que je crois le plus fin de la compagnie, s'est extrêmement tenu sur ses gardes et n'a presque pas parlé, mais on voit qu'il est tout Prussien. Le colonel Pleschief, que je connaissais déjà ci-devant, de même que Nicolai, sont fort lestes tous les deux; tout le reste ne m'a pas paru grand'chose.

Voilà à peu près les observations les plus importantes que j'ai pu faire.

XV.

Привѣтствіе въ Пармѣ великаго князя Павла Петровича и великой княгини Маріи Θеодоровны въ 1782 году.

наблагополучнейши приездъ въ парму
его императорскаго высочества великаго
князя
Павла Петровича
наследника всероссійскаго купно съ
супругою, великою княгинею
Марнею Федоровною
проздравление

великой князь между темъ времяпемъ какъ ты оставя северную страну, купносъ супругою путешествуетъ, и видишъ, древнпе остатка славы, нашеи італіи, мы следуя твоему примеру, немало дивимся, непрестанной славе твоего отечества; девять сотъ летъ тому назадъ, какъ твои предкп, приплывъ къ босфору съ морскими силами, оной храброю рукою себе покорили; иные занесказанную ихъ храбрость имели отъ рымлянъ, дары и достоинства; между етими также упоминаю о томъ которой разбивъ булгарцовъ въ трацию победителемъ вошелъ.

по сколько къ тебе близке сродствомъ, столько славою протчихъ превозшедшій, твой

дедъ імператоръ
Петръ Великой

которой нетолько что разспространилъ границы своего владения, даже да каспійскаго моря, покоривъ многие провинцій, и разумные законы своимъ подданнымъ далъ; нособравъ воиска, начальниковъ избралъ, и дабы дать примеръ великодушия и храбрости самъ оное навоину водилъ, гдѣ нетолько что прибыток нои вечную славу приобрелъ; санктъ петербургъ, и протчие города, крепости, арсеналы создалъ, украсилъ, ивсемъ нужнымъ снабдилъ; науки и художества вроссію въ велъ: однимъ словомъ все что онъ самъ въ англіи, франціи, и голандіи виделъ празсудилъ быть полезнымъ для изгнания старой грубости своихъ подданныхъ основалъ; вечные тому свидетели будутъ академиа наукъ, кадетские корпусы, и протчие тому подобные установленій.

следуя сего героя стопамъ августешшая твоя мать імператрица
Екатерина
Алексѣевна

теперь царствующая, труды презирая, ничего делать неоставляетъ, какъ для славы россіискаго престола такъ и для блаженства своихъ подданныхъ; она нетолько что пославъ морские силы въ архипелагъ принудивъ дрожать, и просить миру гордую порту; написала человеколюбиемъ преисполненные законы; иустановила купечество, почитая оное запаплутчей способъ къ обогащенію своей імперій для сеи притчины приказала готовить порты, строить корабли, и все что нужно, кечастливому онаго произведенію, и къиужному опаго защищенію. покровительствуетъ науки и художества, и всие время россіа незавидуетъ никакой области ихъ совершенства; имея своихъ искусныхъ художниковъ и совершенныхъ писателей.

богъ покровитель вашего імператорскаго высочества возвратитъ васъ здравы и благополучны въ отечество ваше, где продолжая следовать стопамъ премудрой монархини; мы обитатели сеи знатной провинціи неперестанемъ петь превознося дела твои донебесъ.

Сие Проздравление вырезапо нарускомъ языке Печатано и поднесено ихъ Імператорскимъ, Высочествамъ типографщикомъ его Католическаго Величества, и префетомъ

Іваномъ Бодони ди Салюццо.

XVI.

Перехваченное письмо флигель-адъютанта Бибикова отъ 1-го апрѣля 1782 года[1].

St.-Petersburg le 1 Avril v. s. 1782.

Mon Prince.

Je vous prie de prendre sous votre protection le porteur de cette lettre, c'est mon ami intime capitaine dans mon regiment nommé Goguel et est de Monbeillard, je crois qu'il vous priera d'employer votre crédit près de Monseigneur le Grand-Duc de lui procurer la permission d'aller faire un tour dans sa patrie. Il y a dix huit ans qui n'a pas vu ses parents. Je reponds pour mon ami sur mon honneur et sur ma tête, que vous pouvez lui confier aveugleument toutes vos lettres, je reponds de sa probité, et de son attachement pour le Grand-Duc. Je ne me plains pas de votre silence, puisque je suppose que ce sont vos occupations qui me privent du plaisir d'avoir de vos nouvelles. Pour les choses intéressantes qui se passent ici, je suis sûr que mon ami-vous portera des lettres qui vous instruiront mieux qui je ne pourois le faire, tout ce que je puis vous dire, que nous sommes dans des jolis draps et qu'on'n pouroit être assez insensible quand la patrie en souffre et voir de sang froid cela seroit assez comique, mais malheureusement le coeur se brise et on voit dans toute sa noirceur la position malheureuse de tous tant que nous sommes qui pensons bien et avons encore de l'énergie dans l'âme; mon cher prince que vous êtes heureux d'être éloigné et de n'être pas à même de voir toute ces choses que de loin. Je vous avoue comme à un homme à qui j'ai toujours ouvert mon coeur que j'ai besoin de toute ma philosophie pour ne pas jeter tout au diable et aller planter mes choux, il n'y a que l'espérance de l'avenir qui me soutient encore, je crois tout rentrera dans l'ordre naturel. Au nom de Dieu revenez vite chez nous, tous tant que vous êtes nous nous apercevons que trop de votre absence. Si par hazard vous êtes curieux de savoir ma position individuelle, je vous dirai que le Borgne par excellence me fait toutes sortes des chicanes et des désagréments et pour moi je m'en f... pardonnez moi l'expression, elle est dans mon costume, je ne suis pas Dragon pour rien. Adieu, mon cher-prince, faites moi la grâce de me mettre aux pieds de leurs altesses imperiales et assurer le que je serai l'homme le plus heureux de la terre si je pouvois trouver l'occasion non par des mots, mais par des faits leurs prouver mon attachement et mon dévouement à leurs personnes. Je crains de vous ennuyer trop par mon bavardage, mais prenez ceci comme un chose qui part du coeur et que je crois me soulager quand je puis verser dans votre sein tous mes chagrins comme j'ai toujours eu l'habitude de le faire. Adieu, encore un fois amusez-vous, aimez, moi comme je vous aime revenez vite chez nous et je vous prouverai que dans toutes les circonstences de ma vie je serai toujours, mon prince, votre très humble et très obeissant serviteur. P. Bibicoff.

---

[1] Государственный Архивъ. Разрядъ VII, № 2607.

XVII.

Письмо великой княгини Маріи Өеодоровны о Неккерѣ.

Во всѣхъ вопросахъ взгляды великокняжескаго двора не сходились съ воззрѣніями императрицы Екатерины. Въ то самое время, когда государыня называла Неккера «накрахмаленнымъ фразеромъ», «une tête à l'envers» «ce faiseur de phrases empesées et dans lesquelles on voyait à chaque ligne, en grandes lettres le moi», великая княгиня Марія Өеодоровна писала цесаревичу Павлу Петровичу (въ 1784 или въ 1785 году):

«Mon cher ami, il m'est venue une idée bien biscornue, peut-être, mais telle qu'elle est, je la soumets à sa décision; je lis dans ce moment l'introduction de Necker et je t'avoue que comme depuis longtemps l'idée qu'il pourrait t'être utile me roule par la tête, son introduction m'affermit encore davantage dans cette pensée: crois tu un jour la chose faisable ou non, quant à moi je la crois difficile, mais faisable, et d'une grande utilité, car c'est un génie rare et un honnête homme, et tu en aura grandement besoin».

XVIII.

Изъ переписки императрицы Екатерины съ цесаревичемъ Павломъ Петровичемъ и съ великою книгинею Маріею Өеодоровною 1786 года и письмо великой княгини Маріи Өеодоровны къ князю Потемкину отъ 16-го декабря 1786 года.

1.

Письмо великаго князя Павла Петровича и великой княгини Маріи Өеодоровны императрицѣ Екатеринѣ II.

C'est dans plus vive affliction que nous adressons ces lignes à votre majesté impériale, venant d'apprendre qu'elle est intentionnée de se faire accompagner par nos fils dans le grand voyage qu'elle va entreprendre. Dans les premiers moments d'agitation et de douleur, que nous ressentons par cette nouvelle et trop vivement émus pour pouvoir nous exprimer de bouche, nous avons recours à la plume pour vous dire, madame, tout ce que nous éprouvons à ce sujet. L'idée d'être éloignée de votre majesté impériale pendant six mois était déjà accablante pour nous, le devoir nous a obligé de respecter votre silence, madame, sur ce voyage et de renfermer ce sentiment de douleur en nous-même, mais la nouvelle des ordres, que vous venez de donner, pour les apprêts de voyage de nos fils, a mis le comble à notre douleur, car l'idée, madame, d'être séparés de vous et d'eux est trop accablante pour nous. C'est l'expérience, qui nous en fait parler, et le souvenir de ce que nous avons

souffert pendant une absence pareille, ne nous permet pas de supporter l'idée de nous trouver de nouveau dans ce cas. Daignez lire avec bonté, avec indulgence ces lignes. Voyez y surtout, madame, l'attendrissement avec lequel nous vous les adressons, nous en appelons à votre coeur maternel, qu'il soit notre juge, et nous ne craignons plus alors d'être refusés. Nous osons vous exposer, madame, le tableau de nos peines, de nos craintes, de nos inquiétudes sur le voyage de nos enfants; celui de nos peines se présentera facilement à vos yeux, madame, en vous souvenant de l'état, dans lequel nous nous sommes trouvés au moment de notre départ pour les pays étrangers. Le moment a été tel, madame, que le souvenir du congé, que nous avons pris alors de votre majesté impériale et de nos enfants, qui n'étaient cependant alors que dans la première enfance, nous cause encore la plus vive émotion, et qu'en vérité nous ne nous sentons pas la force d'en supporter un semblable. Nos craintes, madame, portent sur la santé de nos enfants, dont l'âge tendre fait douter s'ils soutiendront les fatigues d'un long voyage, entrepris au plus fort de l'hiver, et le changement de climat, d'autant plus que nos fils n'ont pas encore passé par toutes les maladies, qu'éprouvent ordinairement les enfants; nos inquiétudes se fondent encore sur ce que ce voyage et les distractions, qui en seront une suite naturelle, ne pourront qu'arrêter les progrès de leur éducation. Voilà, madame, l'exposé fidèle et sincère de la situation de nos coeurs, et votre majesté impériale, est trop juste, trop bonne, elle a le coeur trop tendre pour ne pas avoir égard aux prières d'un père et d'une mère, qui après le respect et l'attachement, qu'ils vous portent, ne connaissent pas de sentiments plus forts, que celui de la tendresse, qui nous lie à nos enfants.

2.

Отвѣтъ императрицы Екатерины II.

Mes très chèrs enfants. Une mère qui voit ses enfants affligés, ne peut que leur conseiller de modérer leur affliction, de ne point nourrir des idées sombres et chagrinantes, de ne pas se livrer à la douleur d'une imagination agitée, et d'avoir recours aux raisons, qui peuvent adoucir de pareils chagrins et calmer les alarmes. Vos enfants sont à vous, ils sont à moi, ils sont à l'État. Dès leur plus tendre enfance je me suis fait un devoir et un plaisir d'en prendre le soin le plus tendre. Vous m'avez dit plus d'une fois de bouche et par écrit, que vous regardiez les soins, que je leur donnais comme un vrai bonheur pour vos enfants, et que c'était ce qui pouvait leur arriver de plus heureux. Je les aime tendrement. Voici comme j'ai raisonné: ce me sera une consolation, éloignée de vous, de les avoir auprès de moi. De cinq, trois restent avec vous; n'y aura-t-il, que moi seule qui serai privée sur mes vieux jours pour six mois du plaisir d'avoir quelqu'un de ma famille avec moi? Pour ce qui regarde la santé de vos fils, je suis intimement persuadée, que leur corps et leur âme se fortifiera, par ce voyage; le climat d'ici à Kiov depuis Janvier jusqu'en Avril ne diffère, que par quelques semaines de printemps de plus. Les progrès d'éducation n'en souffriront pas non plus, parce que leurs maîtres les accompagneront. Au reste je suis infiniment sensible aux sentiments de tendresse, que vous me donnez et je vous embrasse de tout mon coeur tous les deux.

3.

Письмо великаго князя Павла Петровича и великой княгини Маріи Θеодоровны императрицѣ Екатеринѣ II.

C'est avec la reconnaissance et la sensibilité les plus vives que nous avons lu la réponse, que votre majesté impériale nous a faite. Si l'idée d'une séparation nous cause des peines, il est en son pouvoir de les adoucir et de la remplacer par d'autres consolante et agréables; nous vous appartenons, madame, de plus près, que nos enfants et c'est un bonheur précieux pour nous. Prenez nous avec, madame, et nous serons près de vous et de nos fils. Quant à nos filles, elles n'ont encore besoin, que de soins physiques, et la présence de leur père et mère ne leur est pas encore immédiatement nécessaire; nous pourrions nous passer de tout et marcher à la légère pourvu que nons ne soyons éloignés ni de vous, ni de nos fils. C'est l'effusion de nos coeurs, qui nous portent en entier vers vous, ce sont les sentiments de ceux qui sont, ma bien chére mère, vos enfants.

4.

Письмо великой княгини Маріи Θеодоровны къ князю Потемкину.

S.-Pétersbourg, ce 19 Décembre 1786.

Vous m'avez assuré si souvent, mon prince, de votre attachement et du désir que vous avez de remplir mes désirs, que je vous adresse avec confiance cette lettre. La chose dont il s'agit m'intéresse si vivement que j'ai cru ne pouvoir mieux faire que de vous en parler moi-même. C'est de mes enfants qu'il s'agit, et à ce mot vous comprenezs, mon prince, toute l'étendue du service que vous nous renderiez, si vous pouviez nous sauver du chagrin de nous en voir séparés pendant les six mois que doit durer le voyage de sa majesté. Nous nous sommes adressé à elle conjointement, mon mari et moi, dès que nous avons su que nos fils devaient être du voyage, en lui représentant les danger et les inconvénients qui s'y trouvent pour eux, et la peine inexprimable que nous ferait cette séparation. Voyant que sa majesté impériale, par la réponse pleine de bouté qu'elle daigna nous faire, semblait néanmoins persister dans sa résolution, nous lui demandâmes par une seconde lettre la grâce d'être nous-même du voyage, afin de n'être séparés ni d'elle, ni de nos fils. Sa majesté se contenta par un mot de réponse de nous parler en général des embarras attachés à l'exécution de ce projet, qui de notre côté seraient bien peu considérables, puisqu'il ne nous faudrait aucune suite, et que nous sommes prêts de rester à Kiof, ou dans telle autre ville que l'impératrice choisirait, pendant la course que sa majesté fera en Crimée et dont mes fils ne doivent pas être, qui par conséquent resteraient ce temps seuls et éloignés de leur grand'mère et de leurs parents. Depuis ce temps les choses en sont restées là, et nous espérions toujours que sa majesté aurait enfin égard à nos prières et que les indispositions survenues dans ce temps à nos fils, l'un après l'autre feraient enfin changer ses résolutions à cet égard. Mais différentes circonstances, dont il est inutile de vous entretenir, nous montrant que sa majesté y persiste, et mon coeur maternel n'osant plus se livrer à aucun espoir flatteur, je ne vois que vous

mon prince, qui puissiez venir à notre secour pour appuyer auprès de l'impératrice nos représentations et nos prières. J'ai voulu vous faire tout ce détail afin de vous mettre en état de juger par ce qui s'est passé à cet égard de ce que vous croirez pouvoir faire dans cette occasion. Nous avons chargé m-r de Soltykof à différentes reprises de dire à sa majesté que connaissant ses bontés, nous ne pouvions qu'y compter et persister dans la juste espérance qu'elle daignerait avoir égard à nos prières, en laissant nos fils ici, ou en nous permettant de l'accompagner. Ce sont ces mêmes prières que je vous conjure, mon prince, de faire valoir auprès de sa majesté, et je n'ai que faire de vous dire que le succès et même les démarches que vous ferez pour l'obtenir, vous donneront un droit éternel à notre reconnaissance. C'est aux sentiments maternels qui m'ont dicté ces lignes à vous répondre des obligations que nous vous aurons de la réussite d'une chose qui nous touche de si près et qui nous tient fort à coeur. C'est avec plaisir que je vous renouvelle à cette occasion les assurances de mon estime avec laquelle je suis votre bien affectionnée.

XIX.

Депеша прусскаго посланника барона Келлера отъ 3-го (14-го) февраля 1787 года.

Je profite de cette occasion pour rendre compte à votre majesté de quelques entretiens que j'ai eus il y a quelque temps avec le grand-duc de Russie et dont j'ai fait mention dans mon avant dernier rapport. Ce prince commença la première de ces conversations en me parlant du prince Fréderic de Würtemberg, dont il me loua l'esprit, les connaissances et l'activité, en blâmant sa fierté et sa véhémence, qui dès son entrée au service de Russie avait fait prévoir qu'il ne s'y tiendrait pas. Son altesse impériale en convenant d'en avoir toujours jugé ainsi, m'avoua cependant que la manière brusque, dont on s'était défait de son beau-frère et surtout les raisons de l'Impératrice de l'éloigner l'avaient vivement chagriné: «Comment pouvait-on craindre (ce sont ses propres paroles) des mouvements en sa faveur de la part d'un prince étranger et sans amis? On devait être sûr que je ne les approuverais jamais. Ce n'est pas à moi à juger, si ce qui s'est fait il y a 24 ans était juste. Toute la nation a prêté hommage à la souveraine qui la gouverne aujourd'hui, que ces hommages fussent sincères ou nont, j'ai été témoin des formalités d'une soumission générale. Que ceux qui on agi alors interrogent leur conscience; je ne veux pas me brouiller avec la mienne! Je me suis consulté, je ne puis rien faire sans être d'accord avec elle et je préfère ce bonheur au rôle plus brillant que je pourrai jouer dans l'histoire, à laquelle j'ignore si mon nom sera transmis. Ce sont là mes sentiments; on aurait dû les connaître et ne point oublier l'occasion, où je les ai manifesté ouvertement».

Je crus alors qu'il parlait de l'attroupement qui se fit autour de lui à Moscou avec de grandes acclamations, un jour qu'il se trouvait à la tête de son régiment, mais il me dit: que toutes les fois qu'il était sorti pendant son séjour dans cette ancienne capitale, il s'était vu entouré de peuple, mais que c'était à Pétersbourg dans le Palais, qu'il avait eu occasion de rassurer l'Impératrice de Russie sur toutes les craintes qu'elle pouvait avoir à son égard.

Croyant que ce fait devait être connu par votre majesté je n'ai point témoigné une curiosité par laquelle j'aurai risqué de déplaire, mais ayant fait au grand-duc un compliment sur ses sentiments vertueux et sur la satisfaction intérieure qu'il devait ressentir en se voyant désiré, il me répondit: «c'est ce que j'ignore, je ne me fais pas d'illusion! trop de gens pêchent dans l'eau troublée et profitent des désordres de l'administration présente, dont on sait sans doute que les principes diffèrent de beaucoup des miens».

La nécessité dont le grand-duc me parla, de faire perdre à la nation l'habitude des scènes qui ne s'étaient que trop réitérées dans ce siècle, me donna lieu de placer quelques observations cosmopolites sur le manque d'un ordre de succession reglé en Russie. Sur quoi le prince me répondit: «Je compte bien suppléer un jour, mais la nature en me donnant des héritiers indiquant les moyens de rétablir l'ordre suivi avant Pierre I, je ne suis pas encore bien d'accord avec moi-même, s'il sera bon d'établir une constitution qui n'existe pas même en France, où les lois ont d'ailleurs assez de précision».

Cette remarque me confirma dans l'idée, que d'autres indices m'ont déjà donné, d'une prédilection de ce prince pour la cour et la nation française. Son altesse impériale finit par me dire:

«Je crois vous avoir parlé clair et c'est une confession de foi que je devais au ministre du souverain auquel je suis le plus attaché».

Le second entretien commença également par le prince de Würtemberg, qui selon certains avis devait avoir sollicité vainement une explication avec son beau-père en présence de votre majesté. Le grand-duc en me parlant me dit:

«Ne me taxez pas d'indiscretion; dès notre connaissance je vous ai parlé franchement et j'espère de pouvoir vous parler toujours ainsi. La princesse de Würtemberg a certainement eu des torts dans cette fâcheuse brouillerie, mais je comprends très bien que ses parents ne trouveront aucun plaisir à s'entretenir à ce sujet avec son mari. Je vous prie de ne rien écrire de ceci par la poste, puisqu'il est inutile qu'on sache les communications que je vous fais, mais saisissez toutes les occasions sûres d'assurer le roi de mon éternel attachement, et dites lui que telle chose qui m'arrive, je crois toujours pouvoir compter sur lui».

Cette expression combinée avec quelques phrases de notre premier entretien et avec le jeu de physionomie dont elle était accompagnée me fait juger que si ce prince était forcé à pourvoir à sa propre sûreté ou que la nation le reclamât par un cri général, il ne se refuserait pas aux voeux du peuple.

Ce n'est qu'à Kaminoi-Ostroff que j'ai pu avoir ces conversations suivies avec le grand-duc.

Un aide de camp du prince de Würtemberg nommé Gersdorff, arrêté peu de jours après sa disgrâce en revenant de Wibourg où le prince l'avait envoyé, est encore retenu à Schlüsselbourg. Ce jeune homme, venu de Würtemberg avec le prince, qui avait beaucoup de confiance en lui, a souvent tenu des propos inconsidérés, mais le public ne peut déviner d'autre crime que cette imprudence.

XX.

Актъ, Высочайше утвержденный въ день священной коронаціи Его Императорскаго Величества и положенный для храненія на престолѣ Успенскаго собора.

МЫ ПАВЕЛЪ, НАСЛѢДНИКЪ, ЦЕСАРЕВИЧЪ и ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ, и МЫ СУПРУГА ЕГО МАРІЯ ВЕЛИКАЯ КНЯГИНЯ.

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа.

Общимъ Нашимъ добровольнымъ и взаимнымъ согласіемъ, по зрѣломъ разсужденіи и съ спокойнымъ духомъ постановили сей Актъ Нашъ общій, которымъ по любви къ Отечеству избираемъ Наслѣдникомъ по праву естественному послѣ смерти Моей Павла, Сына Нашего большаго Александра, а по немъ все Его мужеское поколѣніе. По пресѣченіи сего мужескаго поколѣнія наслѣдство переходитъ въ родъ втораго Моего Сына, гдѣ и слѣдовать тому что сказано о поколѣніи старшаго Моего Сына и такъ далѣе естьли бы болѣе у Меня Сыновей было; что и есть первородство. По пресѣченіи послѣдняго мужескаго поколѣнія Сыновей Моихъ наслѣдство остается въ семъ родѣ, но въ женскомъ поколѣніи послѣдне-царствовавшаго, какъ въ ближайшемъ Престолу, дабы избѣгнуть затрудненій при переходѣ отъ рода въ родъ, въ которомъ слѣдовать тому же порядку предпочитая мужеское лицо женскому, однако здѣсь примѣтить надлежитъ единожды навсегда, что не теряетъ никогда права то женское лицо, отъ котораго право безпосредственно пришло. По пресѣченіи сего рода, наслѣдство переходитъ въ родъ старшаго Моего Сына въ женское поколѣніе, въ которомъ наслѣдуетъ ближняя Родственница послѣдне-царствовавшаго рода вышеупомянутаго Сына Моего, а въ недостаткѣ оной то лицо мужеское или женское которое заступаетъ ея мѣсто, наблюдая что мужеское лицо предпочитается женскому, какъ уже выше сказано; что и есть заступленіе: По пресѣченіи же сихъ родовъ наслѣдство переходитъ въ женскій родъ прочихъ Моихъ Сыновей слѣдуя тому же порядку; а потомъ въ родъ старшей Дочери Моей въ мужеское Ея поколѣніе, а по пресѣченіи онаго въ женское Ея поколѣніе, слѣдуя порядку наблюденному въ женскихъ поколѣніяхъ Сыновей Моихъ. По пресѣченіи поколѣнія мужескаго и женскаго старшей Дочери Моей наслѣд-

71

ство переходитъ къ поколѣнію мужескому, а потомъ женскому второй Дочери Моей и такъ далѣе. Здѣсь правиломъ положить должно, что меншая сестра хотя бы и сыновей имѣла неотъемлетъ права у старшей хотя бы незамужней, ибо оная могла бы вытти за-мужъ и родить дѣтей: братъ же меншій наслѣдуетъ прежде старшихъ своихъ сестеръ. Положивъ правила наслѣдства долженъ объяснить причины оныхъ. Они суть слѣдующія: Дабы Государство не было безъ наслѣдника. Дабы наслѣдникъ былъ назначенъ всегда закономъ самимъ. Дабы не было ни малѣйшаго сомнѣнія кому наслѣдовать. Дабы сохранить право родовъ въ наслѣдствіи ненарушая права естественнаго, и избѣжать затрудненій при переходѣ изъ рода въ родъ. Учредивъ такимъ образомъ наслѣдство должно дополнить сей законъ нижеслѣдующимъ. Когда наслѣдство дойдетъ до такого поколѣнія женскаго, которое царствуетъ уже на другомъ какомъ престолѣ, тогда предъоставлено наслѣдующему лицу избрать вѣру и престолъ и отрещись вмѣстѣ съ наслѣдникомъ отъ другой вѣры и престола, естьли таковой престолъ связанъ съ закономъ для того что Государи Россійскіе суть Главою церькви; а естьли отрицанія отъ вѣры не будетъ, то наслѣдовать тому лицу, которое ближе по порядку. За симъ должны обязаться свято наблюдать сей законъ о наслѣдствѣ при вступленіи и помазаніи. Естьли наслѣдовать будетъ женское лицо, и таковая особа будетъ за мужемъ или выдетъ, тогда мужа не почитать Государемъ, а отдавать однакожъ почести наравнѣ съ Супругами Государей и пользоваться прочими преимуществами таковыхъ кромѣ Титула. Женидьбы не почитать законными безъ дозволенія Государя на оные. Въ случаѣ малолѣтства наслѣдующей Особы порядокъ и безъопасность Государства и Государя требуютъ учрежденія Правительства и опеки до совершенно-лѣтія. Совершенно-лѣтіе полагается Государямъ обоего пола и наслѣдникамъ шесть-надесять лѣтъ, дабы сократить время правительства. Естьли послѣдне-царствовавшій не назначилъ Правителя и опекуна, ибо ему слѣдуетъ учинить сей выборъ для лучшей безъопасности; правительство Государства и опека персоны Государя слѣдуютъ отцу или матери, вотчимъ же и мачеха исключаются; а за недостаткомъ сихъ ближнему къ наслѣдству изъ родственниковъ совершенно-лѣтнихъ, обоего пола, малолѣтнаго. Совершенно-лѣтіе прочихъ обоего пола особъ Государскихъ фамилій полагается двадцать лѣтъ. Не способность законная препятствуетъ быть Правителемъ и опекуномъ, а имянно безуміе хотя бы временное, и вступленіе вдовыхъ во второй бракъ во время правительства и опеки. Правителю полагается совѣтъ правительства, и какъ Правитель безъ совѣта, такъ и совѣтъ безъ Правителя существовать не могутъ: совѣту же нѣтъ дѣла до опеки. Совѣту сему состоять изъ шести особъ первыхъ двухъ классовъ по выбору Правителя, которому и назначать другихъ при случающихся перемѣнахъ. Въ сей совѣтъ правительства входятъ всѣ дѣла безъ изъятія, которые подлежатъ рѣшенію самаго государя и всѣ тѣ которые какъ къ нему такъ и въ совѣтъ Его вступаютъ; Правитель же имѣетъ голосъ рѣшительный. Мужескіе особы Государской Фамиліи могутъ за сѣдать въ семъ совѣтѣ по выбору Правителя, но не прежде своего совершенно-лѣтія и не въ числѣ шести особъ составляющихъ совѣтъ. Назначеніе сего совѣта и выборъ членовъ онаго полагаются въ недостаткѣ другаго распоряженія скончавшаго Государя, ибо оному должны быть извѣстны обстоятельства и люди. Симъ

Мы должны были спокойствію Государства, которое на твердомъ законѣ о наслѣдствѣ основано, о чемъ каждый добро-мыслящій увѣренъ. Мы желаемъ чтобъ сей Актъ послужилъ доказательствомъ самымъ сильнѣйшимъ предъ всѣмъ свѣтомъ Нашей любви къ Отечеству, любви и согласія Нашего брака и любви къ дѣтямъ и потомкамъ Нашимъ. Въ знакъ и свидѣтельство чего подписали Наши имяна и приложили печати Гербовъ Нашихъ.

Подлинный Актъ подписанъ собственными Ихъ Императорскихъ Величествъ руками тако:

Павелъ. Марія.

С. Петербургъ Генваря 4. 1788 года.

На подлинномъ спискѣ подписано собственною Его Императорскаго Величества рукою тако:

Вѣрно.
Павелъ.

Печатанъ въ Москвѣ при Сенатѣ Апрѣля 5 дня 1797 года.

XXI.

О воспрещеніи представленія въ Петербургѣ «Гамлета» въ 1791 году.

(Изъ депеши Гельбига отъ 9-го (20-го) іюля 1791 года).

Die deutschen Schauspieler haben vor Kurzem ihren Abschied erhalten. Man erlaubte ihnen noch zehn Stücke zu geben, wofür sie die Einnahmen als Benefice behalten sollten. Unter Anderem wählten sie zum fünften Stück den Hamlet. Der Director, der Schauspiele Knäs Iusupow [1] machte Anfangs nicht die geringste Schwierigkeit; da er aber in der Folge den Inhalt des Stücks erfuhr, untersagte er die Vorstellung. Das unwissende deutsche Publicum wurde dadurch neugierig das Stück zu kennen, gab Geld über Geld um es zu lesen und erklärte sich dann ohne Schwierigkeit die Ursache des Verbots» [2].

---

1 Съ 1791 года управленіе театрами поручено было князю Николаю Борисовичу Юсупову.

2 Hermann: Geschichte des russischen Staates. Ergänzungs-Band (1791 — 1797). Gotha, 1866, p. 105.

XXII.

Статья Монитера (Gazette nationale, ou le Moniteur Universel, №. 115, Mardi 24 avril 1792) о Е. И. Нелидовой.

Extrait d'une lettre particulière écrite par un anglais, résident depuis plusieurs années à Pétersbourg, à un anglais de ses amis actuellement à Paris.

Pétersbourg, le 30 mars.

....Après avoir parlé dans mes lettres précédentes de tout ce qui concerne l'administration de ce pays et la politique ostensible du gouvernement russe, il est temps que je vous entretienne plus particulièrement de la famille impériale et de la politique plus mystérieuse du palais. Je commencerai par le grand-duc, dont la situation intérieure offre des détails qui deviennent chaque jour plus important à connaître.

Ce prince suit en tout point les traces de son malheureux père; et, à moins que le coeur de la grande-duchesse ne soit le temple de toutes les vertus, il éprouvera un jour le même sort que Pierre III. Il s'y attend, il le lui dit à elle-même, il l'accable de chagrins. Vous savez qu'il a pour maîtresse une demoiselle Nélidoff, l'une des demoiselles d'honneur de la grande-duchesse, mais la plus laide et la plus acariâtre des créatures; ces qualités ne sont pas propres à adoucir l'humeur du prince, qui tous les jours devient plus sombre, plus farouche, plus ombrageux. Il n'accorde sa confiance à qui que ce soit; les courtisans le haïssent. Les militaires, qui se trouvent sous ses ordres, sont rébutés du service par sa minutieuse rigidité; les gardes ne l'aiment point. En un mot, je prévois, dès qu'il montera sur le trône, que des révolutions incalculables mettront un terme à la période brillante que Catherine II a parcourue avec tant de bonheur. Ne soyez pas surpris si d'un moment à l'autre vous apprenez de ce pays la nouvelle d'un grand événement. J'y ai déjà remarqué plusieurs levains de révolution: il en existe un dans le coeur du grand-duc. Ce prince ne cache plus son mécontentement; il s'indigne de sa nullité; souvent il se brouille avec l'impératrice sa mère; il ose même se porter à des menaces contre elle. Il n'y a pas longtemps que la grande-duchesse, accablée de chagrins, les avait déposés dans le sein de sa majesté impériale; touchée de sa position l'impératrice a fait venir le grand-duc de la campagne; elle a eu avec lui un entretien, comme mère et comme souveraine; mais on assure que le prince ne lui a repondu ni comme fils, ni comme sujet· Il a parlé avec hauteur, en homme qui connaît ses droits et qui supporte avec impatience sa nullité.

En rentrant dans ses appartements, il a fait ressentir les effets de son humeur à tous ceux qui l'ont approché. Il s'est plaint d'être entouré d'espions et de traîtres; il a répété plusieurs fois qu'il voyait bien qu'on voulait lui faire éprouver le même sort qu'à son père, mais qu'il se ferait précéder dans la tombe par douze personnes qu'il regarde comme ses ennemis. Il a fait dire à madame de Benkendorf de partir sans délai de la

Russie, et, pour achever d'accabler de douleur son épouse, il a renvoyé d'auprès d'elle deux Français qui étaient à son service, l'un en qualité de lecteur, l'autre en celle de maître de dessin. Les sentiments patriotiques de ces deux étrangers lui étaient devenu suspects, et il les avait déjà repris plusieurs fois d'avoir présenté les affaires de France à la grande-duchesse sous un jour moins défavorable que celui où il se plait à les voir.

Ses enfants ne partagent point les mêmes sentiments; ils s'intéressent, au contraire, assez vivement au succès de la révolution française. Tous ceux qui sont attachés à leur éducation sont des hommes éclairés, et ils se font un devoir de ne leur rien cacher. Il est vraisemblable que ces jeunes princes feront un jour le bonheur de leur pays; mais il n'est encore qu'en perspective, et il sera bien amèrement acheté, s'il faut que l'intervalle soit rempli par le règne du grand-duc qui hait la nation et qui en est haï universellement.

Je le répète, nous touchons ici à une révolution de personnes, qui en amènera plusieurs autres à sa suite. Le grand-duc est craint de l'Impératrice, il la redoute à son tour. La mort du prince Potemkin ne l'a point rassuré sur les projets de sa majesté à son égard; et beaucoup de gens sont persuadés, que, si son caractère méfiant et soupçonneux n'avait point écarté de lui tous ceux qui auraient pu lui servir, il se serait déjà emparé du timon de l'État. Au reste, ce qu'il ne devra pas à un crime, il l'obtiendra probablement du cours naturel des événements.

La santé de l'Impératrice devient tous les jours plus chancelante; elle baisse d'une manière sensible; et cette circonstance ajoute encore à l'inquiétude des courtisans qui n'aiment point le grand-duc et qui s'attendent à des orages prochains.

XXIII.

Награды, пожалованныя въ день коронованія императора Павла I, 5-го апрѣля 1797 года.

(По списку, составленному княземъ Лобановымъ-Ростовскимъ).

Апрѣля 5-го дня 1797 года въ день священнаго коронованія и миропомазанія его императорскаго величества всемилостивѣйше пожалованы:

Генералъ-фельдмаршалу графу Салтыкову 1-му крестъ и звѣзда св. апостола Андрея, алмазами украшенные.

Генералъ-фельдмаршалу князю Репнину 6.000 душъ.

Канцлеру графу Остерману крестъ и звѣзда св. апостола Андрея, алмазами украшенные.

Дѣйствительному тайному совѣтнику 1-го класса, графу Безбородко вотчина, послѣ умершаго бригадира князя Кантемира въ казну вступившая, въ Орловской гу-

берніи и 30.000 десятинъ изъ порожнихъ казенныхъ земель въ губерніи Воронежской. Сверхъ того, ему же княжеское Всероссійской имперіи достоинство съ титуломъ свѣтлости и 6.000 душъ на его выборъ.

Статсъ-дамѣ Ливенъ 1.500 душъ.

Генералъ-отъ-инфантеріи графъ Эльмптъ въ генералъ-фельдмаршалы. Ему же орденъ св. апостола Андрея.

Генералъ-отъ-кавалеріи графъ Мусинъ-Пушкинъ въ генералъ-фельдмаршалы. Ему же 4.000 душъ.

Генералъ-отъ-инфантеріи Каменскій въ генералъ-фельдмаршалы. Ему же графское Россійской имперіи достоинство.

Оберъ-камергеру Шувалову 3.000 душъ.

Дѣйствительному тайному совѣтнику Измайлову крестъ и звѣзда св. Андрея, алмазами украшенные.

Генералу-отъ-инфантеріи князю Долгорукову крестъ и звѣзда св. Андрея, алмазами украшенные.

Оберъ-егермейстеру князю Голицыну 2.000 душъ.

Адмиралу Голенищеву-Кутузову 1.300 душъ.

Генералу-отъ-инфантеріи Каховскому графское Россійской имперіи достоинство и 2.000 душъ.

Генералъ-отъ-инфантеріи Гудовичу 2-му графское Россійской имперіи достоинство.

Адмиралу Пущину въ Минской губерніи 1.300 душъ.

Ордены св. апостола Андрея:

Оберъ-гофмейстеру Орлову.

Дѣйствительному тайному совѣтнику Стрекалову; ему же въ Малороссіи 2.580 душъ.

Генералу-отъ-кавалеріи Дерфельдену.

Оберъ-шенку князю Несвицкому.

Дѣйствительному тайному совѣтнику Черткову.

Дѣйствительному тайному совѣтнику графу Завадовскому.

Генералу графу Воронцову; ему же въ вѣчное и потомственное владѣніе, изъ купленныхъ послѣ покойнаго канцлера графа Воронцова отъ графа Скавронскаго деревень въ россійской Кареліи, половинное число душъ.

Дѣйствительному тайному совѣтнику князю Юсупову.

Генералу-отъ-инфантеріи Архарову 2.000 душъ.

Генералу-отъ-артиллеріи Мелиссино 1.000 душъ.

Дѣйствительному тайному совѣтнику вице-канцлеру князю Куракину 1-му, и тайному совѣтнику и генералъ-прокурору князю Куракину 2-му въ Псковской губерніи вотчина, послѣ покойнаго генералъ-лейтенанта Ланскаго въ казенное вѣ-

домство вступившая, называемая Вельве, да изъ казенныхъ порожнихъ земель 20.000 десятинъ въ Тамбовской губерніи.

Сверхъ того, особливо вице-канцлеру князю Куракину въ Псковской губерніи 2.863 души, да въ С.-Петербургской 1.437 душъ, а генералъ-прокурору князю Куракину чинъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника.

Роды Римскія имперіи графовъ Воронцовыхъ, графовъ Безбородко, графа Дмитріева-Мамонова, графовъ Завадовскихъ и королевства Прусскаго графа Буксгевдена внесть въ число родовъ графскихъ Россійской имперіи.

Ордены св. Александра Невскаго:

Преосвященному архіепископу ростовскому Арсенію.

Преосвященному архіепископу Евгенію.

Дѣйствительному тайному совѣтнику Волкову. Ему же 1.000 душъ.

Генералу Свистунову.

Генералъ-лейтенанту князю Долгорукову.

Генералъ-лейтенанту графу Безбородко. Ему же въ Литовской губерніи 1.349 душъ.

Генералъ-лейтенанту Архарову 2-му. Ему же 800 душъ.

Генералъ-лейтенанту Вадковскому. Ему же 1.000 душъ.

Генералъ-лейтенанту Бенкендорфу.

Гофмейстеру Загряжскому. Ему же 800 душъ.

Гофмейстеру князю Гагарину.

Шталмейстеру князю Голицыну.

Тайному совѣтнику графу Румянцову 3-му.

Тайному совѣтнику и государственному казначею Васильеву. Ему же баронское Россійской имперіи достоинство и 1.500 душъ.

Тайному совѣтнику князю Гагарину.

Генералъ-маіору Плещееву. Ему же въ Нижегородской губерніи 110 душъ и на покупку дома 30.000 рублей.

Генералъ-маіору Ростопчину. Ему же въ Орловской губерніи 473 души.

Генералъ-маіору Донаурову. Ему же на покупку дома 30.000 рублей.

Генералъ-маіору Кушелеву. Ему же въ Тамбовской губерніи 292 души, да изъ порожнихъ казенныхъ въ той же губерніи земель 15.000 десятинъ и на покупку дома 30.000 рублей.

Генералъ-маіору Аракчееву. Ему же баронское Россійской имперіи достоинство.

Генералъ-маіору Обольянинову.

Ордены св. Анны I-го класса:

Преосвященному архіепископу словенскому Никифору.

Преосвященному епископу суздальскому Виктору.

Преосвященному епископу коломенскому Аѳанасію.

Синода члену и большого Успенскаго собора протоіерею Александру.

Синода члену, духовнику, Благовѣщенскаго собора протоіерею Исидору.

Дѣйствительному тайному совѣтнику Грушецкому.

Генералъ-лейтенанту Ламбу. Ему же въ Минской губерніи 750 душъ.

Генералъ-лейтенанту Вязмитинову. Ему же въ Минской губерніи 750 душъ.

Генералъ-лейтенанту Штрандману.

Генералъ-лейтенанту Простоквашину.

Генералъ-лейтенанту князю Шаховскому. Ему же 500 душъ.

Гофмейстеру графу Головину.

Тайному совѣтнику Бибикову.

Тайному совѣтнику Квашнину-Самарину.

Тайному совѣтнику князю Долгорукову.

Тайному совѣтнику Ржевскому 2-му.

Тайному совѣтнику и коммерцъ-коллегіи президенту Соймонову. Ему же 800 душъ.

Тайному совѣтнику Кожину. Ему же 500 душъ.

Тайному совѣтнику Колокольцову.

Тайному совѣтнику князю Трубецкому 2-му.

Тайному совѣтнику Голохвастову 1-му.

Тайнову совѣтнику Храповицкому. Ему же 600 душъ.

Тайному совѣтнику и медицинской коллегіи президенту Зиновьеву.

Тайному совѣтнику князю Вяземскому 2-му.

Тайному совѣтнику Сабурову.

Тайному совѣтнику и камергеру Нарышкину.

Тайному совѣтнику Мясоѣдову.

Герцогскому виртембергскому оберъ-камергеру графу Пиклеру.

Генералъ-маіору графу Шувалову 1-му.

Генералъ-маіору Кологривову. Ему же изъ казенныхъ порожнихъ земель въ Тамбовской губерніи 15.000 десятинъ.

Генералъ-маіору Кутлубицкому.

Генералъ-маіору Баратынскому.

Генералъ-маіору Нелидову.

Дѣйствительному статскому совѣтнику Карадыкину. Ему же 600 душъ.

Дѣйствительному статскому совѣтнику Кроку. Ему же въ С.-Петербургской губерніи 600 душъ.

Дѣйствительному статскому совѣтнику барону Николаи.

Ордены св. Анны II-го класса:

Московскаго Архангельскаго собора протоіерею Петру.

Генералъ-маіору князю Шаховскому.

Генералъ-маіору Неплюеву.

Дѣйствительному статскому совѣтнику и псковскому губернатору Козлову.

Сената оберъ-прокурору Муханову.

Дѣйствительному статскому совѣтнику Львову. Ему же 600 душъ.

Статскому совѣтнику Голубцову.

Статскому совѣтнику и московскому почтдиректору Пестелю. Ему же 300 душъ.

Статскому совѣтнику Обрѣзкову. Ему же чинъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника.

Дѣйствительному тайному совѣтнику Соймонову 1.200 душъ.

Дѣйствительному тайному совѣтнику Щербатову 800 душъ.

Шталмейстеру Ребиндеру въ Лифляндіи бывшіе за нимъ по смерть 17 гаковъ. Ему же чинъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника.

Генералъ-лейтенанту Левашову 1.000 душъ.

Генералъ-лейтенанту князю Голицыну 1.000 душъ.

Генералъ-лейтенанту Беклешову 1.000 душъ.

Генералъ-лейтенанту Бердяеву въ Малой Россіи 678 душъ.

Генералъ-лейтенанту Нащокину 500 душъ

Генералъ-лейтенанту Ступишину 400 душъ.

Вице-адмиралу Мордвинову 1.000 душъ.

Гофмаршалу графу Тизенгаузену 800 душъ.

Оберъ-церемоніймейстеру Валуеву 800 душъ.

Егермейстеру Потемкину 500 душъ.

Тайному совѣтнику Тучкову 800 душъ. Ему же чинъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника.

Тайному совѣтнику Пастухову 800 душъ. Ему же чинъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника.

Его императорскаго высочества цесаревича гофмаршалу графу Толстому 600 душъ.

Тайному совѣтнику Осипову 600 душъ.

Тайному совѣтнику Протасову 800 душъ.

Тайному совѣтнику князю Вяземскому 800 душъ.

Тайному совѣтнику Мусину-Пушкину графское Россійской имперіи достоинство.

Тайному совѣтнику Московскаго университета куратору Хераскову 600 душъ

Тайному совѣтнику Саблукову 500 душъ.

Тайному совѣтнику бѣлорусскому губернатору Жегулину въ Минской губерніи 497 душъ.

Тайному совѣтнику Молчанову 400 душъ.

Тайному совѣтнику Суткову 400 душъ.

Генералъ-маіору Лецкано 400 душъ.

Генералъ-маіору Обрѣзкову 400 душъ.

Генералъ-маіору барону Ферзену 300 душъ.

Дѣйствительному статскому совѣтнику и главнаго почтоваго правленія члену Судьенкову въ Малой Россіи 597 душъ. Ему же чинъ тайнаго совѣтника.

Дѣйствительному статскому совѣтнику Алопеусу въ С.-Петербургской губерніи 600 душъ. Ему же чинъ тайнаго совѣтника.

Дѣйствительному статскому совѣтнику Трощинскому 1.200 душъ.

Дѣйствительному статскому совѣтнику и малороссійскому губернатору Бакуринскому въ Малой Россіи 431 душа.

Дѣйствительному статскому совѣтнику и межевой канцеляріи 1-му члену Волчкову 600 душъ.

Дѣйствительному статскому совѣтнику Левашеву 400 душъ.

Дѣйствительному статскому совѣтнику Смирнову 300 душъ.

Дѣйствительному статскому совѣтнику Елагину 300 душъ.

Дѣйствительному статскому совѣтнику Аксакову 300 душъ.

Дѣйствительному статскому совѣтнику Борзову 300 душъ.

Тверскому губернатору дѣйствительному статскому совѣтнику Тейльсу 300 душъ.

Дѣйствительному статскому совѣтнику Зуеву 200 душъ.

Дѣйствительному статскому совѣтнику Алексѣеву въ С.-Петербургѣ домъ казенный, каменный, извѣстный подъ именемъ вице-губернаторскаго.

Статскому совѣтнику Нелединскому-Мелецкому 800 душъ.

Статскому совѣтнику и малороссійскому почтдиректору Милорадовичу въ Малой Россіи 414 душъ.

Статскому совѣтнику и с.-петербургскому оберъ-полицмейстеру Чулкову 300 душъ.

Коммерцъ-коллегіи вице-президенту Доменскому въ Малой Россіи 288 душъ.

Статскому совѣтнику Соколовскому 250 душъ.

Статскому совѣтнику Габлицу 250 душъ.

Статскому совѣтнику и придворной конторы члену Донаурову 250 душъ.

Статскому совѣтнику, присутствующему къ кабинетѣ Борзову 200 душъ.

Статскому совѣтнику и синода оберъ-секретарю Рудановскому 200 душъ.

Статскому совѣтнику Магницкому 100 душъ.

Его императорскаго величества флигель-адъютанту полковнику Дризену 250 душъ.

Полковнику Герарду 250 душъ.

Инженеръ-подполковнику Оперману 200 душъ.

Флота капитану 1-го ранга Шишкову 250 душъ.

Маіору Вистицкому 150 душъ.

Полковнику Патрекееву 86 душъ.

Находящемуся при ея величествѣ императрицѣ коллежскому совѣтнику Полетикѣ 500 душъ.

Находящемуся въ Неаполѣ при миссіи коллежскому совѣтнику Италинскому въ Малой Россіи 322 души.

Находящемуся при генералъ-прокурорѣ коллежскому совѣтнику Пшеничному 250 душъ.

Коллежскому совѣтнику Стриттеру 200 душъ.

Коллежскому совѣтнику Лѣнивцеву 200 душъ.

Находящимся при кабинетѣ коллежскому совѣтнику Кайгородову и Протопопову, каждому по 150 душъ.

Подпоручику Киселеву 200 душъ.

Маіорамъ: Семивскому, Андрееву и Звѣреву, каждому по 120 душъ.

Надворному совѣтнику и синода секретарю Соколову 100 душъ.

Оберъ-мундшенку Эмирову 120 душъ.

Камеръ-фурьеру Назарову изъ казенныхъ порожнихъ земель въ Тамбовской губерніи 6.000 десятинъ.

Женѣ камергера Ланскаго, рожденной Виламовой, 600 душъ.

Вдовѣ генералъ-лейтенанта князя Гагарина, рожденной Плещеевой, 500 душъ.

Вдовѣ генералъ-маіора Максимовича въ Малой Россіи 293 души.

Вдовѣ коллежскаго совѣтника Молчина 300 душъ.

Умершаго генералъ-маіора Николаева тремъ дочерямъ дѣвицамъ, каждой по 100 душъ.

Вдовѣ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника барона Ассебурга, пенсіонъ по 2.000 рублей на годъ съ дополненіемъ вексельнаго курса.

Отставному генералъ-маіору Бринау полный пенсіонъ по чину его, изъ кабинета.

Статскому совѣтнику де-Лоне единовременнаго награжденія 10.000 рублей.

Надворному совѣтнику Сибургу пенсіонъ по 1.500 рублей на годъ, и сверхъ того единовременно 5.000 рублей.

Надворному совѣтнику Цитовскому и Летюхину прибавки къ ихъ нынѣшнимъ окладамъ, каждому 450 рублей.

Коллежскому ассессору Соколову таковой же прибавки 250 рублей.

Находящемуся при лондонской миссіи статскому совѣтнику Лизакевичу и священнику Смирнову, сверхъ нынѣшнихъ ихъ окладовъ, первому по 100, а послѣднему по 60 ф. стерл. на годъ.

Въ дѣйствительные тайные совѣтники:

Князь Трубецкой 1-й.
Свиньинъ.
Масловъ.
Симолинъ.
Кашталинскій.
Ржевскій 1-й.
Посолъ въ Вѣнѣ графъ Разумовскій и
фонъ-деръ-Остенъ-Сакенъ.

Въ тайные совѣтники:

Камергеръ и министръ въ Берлинѣ Колычовъ.
Камергеръ и коллегіи иностранныхъ дѣлъ членъ графъ Панинъ.

Въ дѣйствительные статскіе совѣтники:

Лейбъ-медикъ Крузъ.
Эпипусъ.
Лейбъ-медикъ Рожерсонъ.
Бывшій полоцкій совѣстный судья Храповицкій.
Министръ въ Дрезденѣ баронъ Местмахеръ.
Рижскій губернаторъ графъ Менгденъ.
Курской палаты суда и расправы предсѣдатель Шалыгинъ.
Бывшій костромской совѣстный судья Михневъ.
Находящійся въ комиссіи о сочиненіи законовъ Яковлевъ.
Сената оберъ-прокуроръ Неклюдовъ.
Повѣренный въ дѣлахъ въ Мальтѣ Псаро.
Министръ въ Лиссабонѣ графъ Рехтеренъ-де-Боргбейнингенъ.
Находящійся при московскихъ дворцовыхъ строеніяхъ князь Куракинъ.
Кіевскій губернаторъ Красно-Милашевичъ.
Министръ въ Мюнхенѣ баронъ Билеръ.
Курляндскій губернаторъ Ламздорфъ.
Выборгскій губернаторъ Ридингеръ.
Совѣтникъ правленія ассигнаціоннаго банка князь Одоевскій.
Предсѣдатель бывшей тамбовской гражданской палаты Чичеринъ.
Присутствующій въ царскосельской конторѣ Изъѣдиновъ.
Предсѣдатель бывшей брацлавской гражданской палаты графъ Ржевускій.
Бывшій тверской губернаторъ Поликарповъ.
Лейбъ-медикъ Бекъ.

Въ дѣйствительные камергеры:

Камеръ-юнкеры: Петрово-Соловово и Загряжскій.
Камеръ-юнкеръ государя цесаревича князь Голицынъ въ камергеры къ его императорскому высочеству.

Гардеробмейстеръ Кутайсовъ въ оберъ-гардеробмейстеры 4-го класса.

Въ чины генералъ-маіорскіе:

Штата провіантскаго бригадиры Резановъ и Хапыковъ.

XXIV.

Изъ писемъ императрицы Маріи Өеодоровны къ Е. И. Нелидовой о случившихся въ 1797 году трехъ тревогахъ.

1.

4 Août 1797.

......Entre nous soit dit, ma bonne amie, on ne réussit pas encore à tirer tout à fait au clair ce qui a donné lieu à l'alarme [1]. J'ai appris hier par mes fils que dans quelques régiments on s'y attendait depuis le matin, et que même des officiers ont trouvé dans l'après-diner les soldats habillés; leur en demandant la cause, ils ont répondu qu'on avait dit qu'il y aurait une alarme; les officiers les ont fait déshabiller. A vous dire le vrai, ma chère enfant, cela ne me plaît pas. Je crains qu'un étourdi n'ait voulu s'amuser. Cela fait faire des réflexions. Il ne faut pas habituer les soldats à l'idée d'alarme: il ne faut jamais que le château soit un lieu de rassemblement, car comment répondre que dans un moment pareil il ne se commette des désordres? par exemple, je sais qu'ils ont monté la montagne du côté du treillage, la bayonette au bout du fusil; s'ils n'y avaient pas d'abord vu l'empereur à cheval, ils auraient pénétré dans le jardin, par l'idée qu'il s'était commis: бѣда во дворцѣ. C'est une idée à laquelle il ne faut pas les accoutumer, qu'il puisse se commettre du бѣда au château. Il y a eu des officiers de renversés, de culbutés, deux sont blessés, quelques soldats le sont aussi. Tout cela était l'effet du zèle; mais ce sont de ces occasions qui peuvent devenir dangereuses, et je voudrais qu'il fût défendu très sévérement que, même en cas d'incendie, on ne batte jamais l'alarme qu'après en avoir reçu l'ordre immédiat de l'empereur, car sans cela, l'incendie peut servir de prétexte à des rassemblements pareils. Le bataillon de Séménovsky est venu dans le plus grand ordre; celui d'Izmaïlovsky en assez bon ordre; mais celui de Préobrajensky à la débandade. Les gardes à cheval étaient superbes; les chevaliers-gardes bien. La masse est bonne, fidèle, attachée; mais dans le nombre, qui peut répondre qu'il n'y ait des mauvais sujets? Tout ceci sont des réflexions entre vous et moi, ma bonne amie; mais elles m'occupent, car je les trouve importantes. L'empereur s'est pris à merveille, louant les troupes, leur zèle, leur attachement, et très-politiquement il n'approfondit pas trop la cause de l'alarme, mais il faut l'éviter dorénavant.

2.

Pavlovsk, ce 5 Août 1797.

Chère et bonne amie, le sujet de ma lettre ne vous amusera pas, ma chère enfant. Nous avons eu une seconde alarme hier, à la même heure. Nous nous promenions tranquillement, lorsque nous entendîmes des cris et un grand tintamare. Nous crûmes, que

[1] Рѣчь идетъ о нечаянной тревогѣ, происшедшей въ Павловскѣ 2-го августа 1797 года.

comme c'était vers la montagne, qu'on menait des pierres, mais le bruit augmentait toujours et nous entendîmes beaucoup de chariots rouler. En tournant autour du lac, nous vîmes le pont couvert de soldats d'artillerie, les cosaques et hussards courant autour du lac et s'assemblant vers le château. L'empereur et les garçons rebroussent chemin et vont vite vers le pont. Nous suivons à toute jambe.

L'empereur, d'un ton à imposer, fait rebrousser chemin dans l'instant à l'artillerie, de même aux bataillons de Pavlowsky et aux hussards. Nous étions tous là, et toutes nos physionomies exprimaient le mécontentement. Les garçons étaient courus à la place de la colonne, indiquée depuis la dernière aventure pour place d'alarme, et ils y trouvent déjà toutes les gardes. Ils les renvoient d'un ton à les faire en aller vite. Après une grosse demi-heure, tout fut rentré en place. L'empereur prit les informations nécessaires, et il se trouve que le cornet de poste avait été pris pour le signe d'alarme; deux tambours des Préobrajensky ont commencé à la battre; quelques soldats ont commencé à courir sans l'ordre de leurs officiers, mais qui ont eu la bêtise insigne de ne pas les arrêter, mais de suivre leur exemple. Les régiments de Séménovsky et d'Ismaïlow n'ont pas battu l'alarme, mais voyant courir ceux de Préobrajensky au château, ont cru devoir s'y rendre aussi. Les enfants disent que tous les trois régiments étaient rangés dans le plus grand ordre sur la place. Assurément il n'y avait aucune mauvaise intention dans tout le fait, mais l'effervescence et une bêtise atroce des officiers de Préobrajensky. Mais grâce à Dieu les ordres sont donnés pour que pareille bagarre n'arrive plus, l'empereur ayant déclaré que le premier officier qui ferait sortir et marcher la troupe sans ordre de lui, serait fait soldat à l'instant. Il a été lui-même aux casernes hier soir, et leur a dit leur fait; il a puni pour quelques heures le capitaine de la compagnie où le bruit a commencé. Les ordres pour battre l'alarme ne se donnent que par l'empereur. Ainsi, s'il plaît à Dieu, une bagarre pareille n'arrivera plus. Mais jugez que ces gens sont tellement frappés de l'idée qu'on battrait l'alarme, qu'il y en a qui ne se sont pas deshabillés de la journée, nommément les Préobrajensky. Je me flatte que la correction d'hier leur en fera passer l'idée. Je vous avoue que j'ai été bien fâchée hier et inquiète, car en vérité, personne ne concevait ce que cela voulait dire, et cela n'avait pas le sens commun. Les gardes à cheval ont fait comme les anges, ils étaient prêts, séllés et bridés, mais ils attendaient leurs chefs, or tous les chefs se promenaient avec nous. L'empereur a extrêmement payé de sa personne, et je vous jure, le voyant arrêter lui-même des hussards courant comme des perdus, le sabre à la main, le coeur m'a tourné. Nous étions tous dans cette bagarre: il fallait en imposer par la présence. Pour éviter des malheurs et que la cavalerie ne blesse les fantassins, on avait indiqué une place de rassemblement en cas d'alarme; tous se sont imaginé qu'il y en aurait. Le motif en honneur n'est pas mauvais, mais les suites peuvent l'être parce que des moments pareils font naître le désordre, la débandade et l'indiscipline. Enfin, je bénis Dieu, les ordres donnés qui préviennent la possibilité d'une pareille récidive. Hier je me sentais agitée, car j'avoue que je me suis bien effrayée à sentir un tremblement intérieur. J'ai pris tout doucement une poudre et je me porte très bien aujourd'hui. Le régiment de Préobrajensky a exercé dans ce moment comme les anges, comme pour expier leur faute. L'empereur les en a remercié,

ils ont répondu par des cris de joie et de contentement. Le soldat est bon, mais les officiers sont détestables: chaque jour il y a des clabaudages et des vilainies entre eux, voilà ce que Wadkovsky m'a dit hier. Notre cher empereur est encore à la parade.

3.

...Nous avons eu hier[1] une alarme d'incendie au moment de notre promenade. Nous étions même assez éloignés de la maison lorsque nous entendîmes battre l'alarme. Voilà mon empereur et ses deux accessites à courir à toute jambe, suivi de tous les généraux qui étaient avec nous. Nous suivîmes aussi vite que possible et envoyâmes de tous côtés pour savoir où était le feu. On vint nous dire: nulle part. L'alarme se battait cependant toujours. Alors je vous avoue que mon coeur commença à me battre et je redoublai même le pas. Tous près du château encore un envoyé vint me dire: il n'y a du feu nulle part, mais les troupes s'assemblent. Mais où est donc l'empereur? Il est ici à cheval à la porte. Je passe vite la cour et je le joignis. Je vis les troupes en nage accourant de toute part avec une physionomie animée par le zèle. Mais qu'est-ce donc? l'alarme a commencée, les uns disent aux gardes à cheval, les autres disent aux chevaliers-gardes; d'une garde cela a passé à l'autre. Voilà l'alarme générale. Les officiers courent comme des perdus, les soldats à force de courir tombent de fatigue, se relèvent et ne voyant pas la fumée disent: бѣда сдѣлалась во дворцѣ, et courent comme jamais ils n'ont couru, les gardes à cheval viennent ventre à terre, se ferment, l'artillerie avança en carrière; enfin, dans 20 minutes de temps, quoiqu'à 3 et 4 verstes de distance, tout était au château. L'empereur n'a eu que le temps de mettre ses bottes et trouve déjà son régiment à la porte. Je vous jure que c'était touchant et en vérité c'est un des moments les plus agréables que j'ai éprouvés depuis l'avénement, car je n'en ai pas vu un où l'attachement personnel pour l'empereur se soit manifesté comme dans celui-ci. Le coup d'oeil était magnifique. L'empereur les a bien remercié et leur a montré toute sa sensibilité. Alors ces bonnes gens en s'en retournant, quoique harassés, ont chanté à gorge déployée. Il se trouve qu'un cor de chasse a joué pour cri l'alarme, apparemment pour s'exercer; la première garde l'a entendu, a cru la chose sérieuse, et voilà comme le bruit c'est répandu. Si j'ai éprouvé quelque instant d'inquiétude, en vérité j'en ai été bien recompensée; non en conscience, c'est commettre un péché que de soupçonner nos bonnes gens; ils sont les seuls peut-être encore qui conservent un véritable attachement pour leur souverain. Notre cher empereur est bien, bien content, et il a tout lieu de l'être...

(Приписка рукою императора Павла).

«Tout ceci s'est passé un moment après votre départ. Je suis touché aux larmes de tout ce que l'on vous écrit. Adieu».

---

[1] 11-го декабря 1797 года въ Петербургѣ.

XXV.

Изъ разсказовъ о старинѣ князя Павла Петровича Лопухина [1], записанныхъ княземъ А. Б. Лобановымъ-Ростовскимъ въ 1869 году, послѣ посѣщенія Корсуня.

I.

Алексѣй Кипріановичъ Лопухинъ.

Лопухины принадлежатъ къ древнему россійскому дворянству. Изъ ихъ рода была первая супруга Петра Великаго, и вслѣдствіе этого родства съ царскою фамиліею Лопухины были взысканы милостями и пожалованы богатыми помѣстьями. Но счастье это продолжалось недолго. Какъ только Петръ сталъ остывать къ своей супругѣ, положеніе Лопухиныхъ при дворѣ измѣнилось, а съ удаленіемъ царицы Евдокіи они окончательно впали въ опалу: ихъ причислили къ противникамъ всѣхъ нововведеній, отобрали у нихъ жалованныя помѣстья, а нѣкоторыхъ изъ нихъ отправили въ дальніе города въ ссылку. Одинаковой участи со всѣмъ своимъ семействомъ подвергся и стольникъ Алексѣй Кипріановичъ Лопухинъ, нѣкогда весьма любимый царемъ: его сослали въ принадлежавшее ему небольшое имѣніе, по названію Красный Боръ, въ нынѣшней Псковской губерніи, въ Порховскомъ уѣздѣ.

Въ ссыльномъ указѣ сказано было, что имѣніе это оставляется ему на пропитаніе, почему Лопухинъ и считалъ себя только временнымъ владѣльцемъ Краснаго Бора. Онъ жилъ въ изгнаніи, а между тѣмъ новыя личности возвышались вокругъ Царя-Преобразователя, и между ними самое видное мѣсто занялъ бывшій блинщикъ, а въ то время уже свѣтлѣйшій князь Меншиковъ. Случилось, что Красный Боръ вдругъ очутился лежавшимъ среди пространныхъ помѣстій свѣтлѣйшаго. Этотъ клочокъ чужой земли кололъ глаза новаго вельможи, который рѣшился, во что бы то ни стало, завладѣть имъ. Для этого онъ придумалъ средство довольно простое. Такъ какъ на всѣ миролюбивыя предложенія продать эту землю Лопухинъ постоянно отзывался, что не имѣетъ на то права, и ссылался на царскій указъ, то Меншиковъ, наскучивъ подобнымъ упрямствомъ, послалъ въ Красный Боръ драгуна съ приказаніемъ немедленно привезти строптиваго Лопухина въ Петербургъ. Драгунъ явился въ Красный Боръ, взялъ Лопухина и доставилъ его въ домъ свѣтлѣйшаго на Васильевскій островъ. Когда Лопухинъ допущенъ былъ къ князю, князь снова предложилъ ему продать свое имѣніе, и снова Лопухинъ сталъ отговариваться невозможностью исполнить его желаніе. Тогда Меншиковъ, не вдаваясь въ дальнѣйшія разсужденія, почти насильно вручилъ ему мѣшокъ съ деньгами и сказалъ, что даетъ за Красный Боръ цѣну хорошую, что теперь имѣніе это имъ куплено, и что Лопухинъ не смѣетъ больше туда возвращаться. За симъ Лопухина выпроводили на улицу.

[1] Свѣтлѣйшій князь Павелъ Петровичъ Лопухинъ скончался въ Корсунѣ 23-го февраля 1873 года.

Пораженный неожиданностью и не имѣя въ столицѣ ни родныхъ, ни знакомыхъ, Лопухинъ не зналъ, куда идти, и въ раздумьѣ съ мѣшкомъ въ рукахъ присѣлъ на крыльцѣ Меншикова дома.

Пока онъ размышлялъ о своей судьбинѣ, проѣхалъ Петръ, узналъ его и остановившись спросилъ, что онъ тутъ дѣлаетъ. Лопухинъ чистосердечно разсказалъ ему свое приключеніе. Государь вышелъ изъ экипажа, взялъ Лопухина съ собою и вошелъ къ князю Меншикову. Царь шутить не любилъ; любимцу досталось порядочно; а затѣмъ, обращаясь къ Лопухину, Петръ сказалъ: «А ты отправляйся назадъ въ свое имѣніе. Деньги, которыя получилъ ты отъ князя, оставь себѣ: князь тебѣ ихъ жалуетъ за то, что побезпокоилъ тебя».

Красный Боръ до настоящаго времени принадлежитъ Лопухинымъ. Въ тамошней церкви находится ихъ семейный склепъ [1].

II.

Князь Петръ Васильевичъ Лопухинъ.

Отецъ нынѣшняго владѣльца Корсуня, князь Петръ Васильевичъ Лопухинъ, происходилъ отъ родного брата Алексѣя Кипріановича. Онъ родился въ 1744 году и скончался 6-го апрѣля 1827 года. Поступилъ на службу еще при императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ [2]. Въ то время офицеру нельзя было обойтись безъ экипажа, и, чтобы дать мнѣ понятіе о тогдашней цѣнности денегъ, князь Лопухинъ говорилъ мнѣ что отецъ его купилъ себѣ совершенно новую англійскую карету за 80 рублей.

Князь Петръ Васильевичъ хорошо помнилъ Елисаветинскія времена...

Въ царствованіе Екатерины Петръ Васильевичъ былъ генералъ-поручикомъ, имѣлъ орденъ св. Владиміра 2-й степени и правилъ съ 1793 года должность генералъ-губернатора въ Ярославскомъ и Вологодскомъ намѣстничествахъ [3], а по воцареніи Павла, 17-го декабря 1796 года, переименованъ въ тайные совѣтники и назначенъ сенаторомъ въ Москвѣ. Хотя при этой перемѣнѣ Лопухинъ получилъ Александровскую ленту (17-го декабря 1796 года), но назначеніе свое изъ генералъ-губернаторовъ въ сенаторы онъ почиталъ для себя пониженіемъ по службѣ.

Князь Павелъ Петровичъ имѣетъ глубокое уваженіе къ памяти своего отца. По его словамъ, Петръ Васильевичъ былъ человѣкъ даровитый и въ особенности отличался необыкновенною легкостью и быстротою работы. Этими качествами онъ и обратилъ на себя вниманіе императора Павла съ самаго начала его царствованія. Когда

1 Въ Порховскомъ уѣздѣ князю Лопухину принадлежатъ два имѣнія—Красный Боръ и Карачунъ.

2 Въ спискѣ воинскому департаменту значится, что въ службѣ съ 1760 года.

3 Петръ Васильевичъ Лопухинъ, генералъ-поручикъ, генералъ-губернаторъ ярославскій и вологодскій, кавалеръ ордена св. Владиміра 2-й степени, въ службѣ показанъ съ 1760 года, въ чинѣ съ 25-го марта 1791 г. (Списокъ воинскому департаменту на 1796 годъ, стр. 56).

императоръ пріѣхалъ въ Москву для коронованія (мартъ и апрѣль 1797 года), въ числѣ прочихъ сенаторовъ представлялся ему и Петръ Васильевичъ. На этомъ общемъ представленіи Павелъ разспрашивалъ каждаго о его прошедшей службѣ и, узнавъ, что въ предшествовавшее царствованіе Лопухинъ былъ намѣстникомъ въ Ярославлѣ, приказалъ ему не уѣзжать изъ дворца. Когда же представленіе кончилось, императоръ, получившій въ тотъ же день прошеніе по какому-то ярославскому дѣлу, передалъ это прошеніе Лопухину съ приказаніемъ представить себѣ по оному лично докладъ. Лопухинъ, по выѣздѣ изъ дворца, тотчасъ навелъ въ московскомъ сенатѣ всѣ нужныя справки, сообразилъ съ своими собственными воспоминаніями и, проработавъ всю ночь, успѣлъ на слѣдующій день въ 6 часовъ утра явиться во дворецъ съ готовымъ докладомъ. Павелъ былъ въ восторгѣ и отъ быстраго исполненія своей воли, и отъ самаго доклада; онъ сталъ поручать Лопухину, во время пребыванія своего въ Москвѣ, другія дѣла, и каждый разъ Лопухинъ съ тою же быстротою и аккуратностью представлялъ ему на слѣдующее утро требуемую работу. Въ изъявленіе своей признательности, императоръ пожаловалъ дочь Лопухина, Анну Петровну, въ фрейлины. Назначеніе это послѣдовало, когда императоръ Павелъ не имѣлъ случая видѣть Анну Петровну.

Въ августѣ 1798 года Петръ Васильевичъ былъ вызванъ въ Петербургъ. Хотя онъ и зналъ, что ѣдетъ на постоянное житье [1], но прибылъ въ Петербургъ одинъ, оставивъ свое семейство въ Москвѣ. Онъ желалъ сперва устроиться и купилъ на дворцовой набережной домъ, когда-то принадлежавшій Ивану Ивановичу Бецкому (нынѣ Жеребцова). Онъ былъ въ то время о двухъ балконахъ и былъ смежнымъ съ домомъ графини Скавронской, вскорѣ вышедшей замужъ за графа Литту (нынѣ домъ Лохвицкаго) [2].

Все семейство Петра Васильевича, въ томъ числѣ и Анна Петровна, переѣхало въ Петербургъ только послѣ пріобрѣтенія этого дома.

[1] Лопухинъ былъ назначенъ генералъ-прокуроромъ, на мѣсто князя Алексѣя Борисовича Куракина, 8-го августа 1798 года. Княжеское достоинство получилъ 19-го января 1799 года, а титулъ свѣтлости 22-го февраля того же года. При этомъ ему данъ княжескій гербъ съ девизомъ: «Благодать».

«Благодать» есть русскій переводъ еврейскаго слова Анна.

Почтеніе князя Лопухина къ памяти его отца весьма понятно и достойно всякаго уваженія. Я нисколько не хочу сомнѣваться въ справедливости его разсказа о представленіи въ Москвѣ; но въ то же время слѣдуетъ припомнить, что неимовѣрно быстрое возвышеніе Лопухина объясняется главнымъ образомъ покровительствомъ князя Безбородки и расположеніемъ Павла къ его дочери Аннѣ Петровнѣ.

[2] Домъ П. В. Лопухина на Дворцовой набережной былъ не купленъ имъ, а пожалованъ ему императоромъ Павломъ, какъ видно изъ слѣдующаго высочайшаго указа, хранящагося въ дѣлахъ бывшаго С.-Петербургскаго генералъ-губернаторства:

Нашему генералу-отъ-кавалеріи и санктпетербургскому военному губернатору барону фонъ-деръ-Палену.

Всемилостивѣйше пожаловавъ въ вѣчное и потомственное владѣніе нашему тайному совѣтнику и генералъ-прокурору Лопухину купленный въ казну нашу домъ вицъ-адмирала Рибаса, состоящій въ С.-Петербургѣ въ первой Адмиралтейской части,

III.

Бабушка Анна Ивановна.

Первая жена Петра Васильевича Лопухина, Прасковья Ивановна, была рожденная Левшина. Мать ея, рожденная княжна Львова, Анна Ивановна Левшина, пользовалась большимъ уваженіемъ въ обществѣ, а съ появленіемъ ея внучки, княгини Анны Петровны Гагариной, при дворѣ, замѣтно было къ ней и особенное расположеніе императора Павла. Она вездѣ была извѣстна подъ именемъ бабушки Анны Ивановны; самъ императоръ въ шутку называлъ ее этимъ именемъ. Анна Ивановна была всѣми любима за то, что умѣла пользоваться благосклонностью императора, чтобы дѣлать много добра; часто люди, ей вовсе незнакомые, были ею облагодѣтельствованы.

Анна Ивановна сохранила свое преобладающее положеніе въ семействѣ Лопухиныхъ и послѣ того, какъ Петръ Васильевичъ, лишившись первой своей жены, вступилъ, недолго спустя, въ новый бракъ; дѣти, рожденныя отъ этого второго брака, наравнѣ съ прочими, не иначе ее звали, какъ «бабушкою Анною», и обходились съ нею съ величайшею почтительностью.

Она имѣла собственный домъ на Невскомъ проспектѣ, напротивъ Малой Морской; зимою она тамъ и жила; но лѣтомъ слѣдовала за дворомъ и постоянно имѣла помѣщеніе въ загородныхъ дворцахъ во время пребыванія въ нихъ императорской фамиліи.

IV.

Княгиня Екатерина Николаевна Лопухина.

Вторая жена Петра Васильевича, мать нынѣшняго князя Лопухина, была Екатерина Николаевна Шетнева[1]. Князь Лопухинъ видимо не любилъ говорить о ней. Когда въ день моего пріѣзда онъ повелъ меня въ свой кабинетъ и сталъ называть всѣ семейные портреты, висѣвшіе на стѣнахъ, въ томъ числѣ и великолѣпный портретъ масляными красками первой жены Петра Васильевича,—меня нѣ-

однимъ фасомъ въ Милліонную, а другимъ на набережную, повелѣваемъ предписать куда слѣдуетъ объ отдачѣ ему онаго.

Пребываемъ впрочемъ вамъ благосклонный
(подп.) Павелъ.

Въ Гатчинѣ
августа 20 дня
1798.

[1] Род. въ 1763 году, умерла въ 1839 году 16-го сентября. Отецъ ея, Николай Дмитріевичъ Шетневъ, правитель Вологодскаго намѣстничества, въ службѣ съ 1756 года въ чинѣ генералъ-поручика съ 28-го іюня 1796 года (былъ при Лопухинѣ, генералъ-губернаторѣ), переименованъ въ тайные совѣтники 17 дек. 1796 года.

(По списку воинскому департаменту на 1796 годъ).

сколько удивило въ этомъ весьма полномъ собраніи отсутствіе всякаго изображенія его матери. Небольшой портретъ ея, писанный въ старости, я увидѣлъ только въ маленькой гостиной покойной княгини Лопухиной. Но я не разспрашивалъ старика, потому что угадалъ причину этой странности.

Онъ имѣлъ много непріятностей съ своею матерью.

Говорятъ, что передъ тѣмъ, чтобы выйти за Петра Васильевича, Екатерина Николаевна пользовалась расположеніемъ князя (въ то время еще графа) Безбородки, и что этому обстоятельству Лопухинъ обязанъ былъ въ значительной мѣрѣ и назначеніемъ въ ярославскіе намѣстники, и послѣдующимъ своимъ возвышеніемъ. Безбородко, оказавшій великія услуги императору Павлу при его воцареніи и вслѣдствіе этого пользовавшійся особенною его милостью, дѣйствительно, покровительствовалъ Лопухину; онъ указалъ императору Павлу на Лопухина при удаленіи князя Алексѣя Борисовича Куракина отъ должности генералъ-прокурора (8-го августа 1798 года); а по смерти Безбородко (6-го апрѣля 1799 года) Лопухинъ не удержался на своемъ мѣстѣ: 7-го іюля того же 1799 года онъ былъ уволенъ отъ всѣхъ дѣлъ.

V.

Природный характеръ императора Павла.

Князь Лопухинъ не можетъ говорить объ императорѣ Павлѣ безъ самаго трогательнаго чувства признательности. При имени Павла нерѣдко слезы навертываются на его глазахъ. Государь, по его словамъ, вовсе не былъ тѣмъ сумрачнымъ и подозрительнымъ тираномъ, какимъ его умышленно представляютъ. Напротивъ того, природныя его качества были откровенность, благородство чувствъ, необыкновенная доброта, любезность и весьма острый и мѣткій умъ. Когда онъ былъ въ хорошемъ расположеніи духа, нельзя было найти болѣе пріятнаго и блестящаго собесѣдника; никто въ этомъ отношеніи не могъ сравниться съ нимъ, не исключая императора Александра Павловича, объ умѣ и любезности котораго такъ много говорятъ.

Императоръ Павелъ любилъ шутить, понималъ шутку и не сердился, когда самъ иногда дѣлался предметомъ невинной забавы.

Какъ же,—спросилъ я князя Лопухина,—согласить то, что вы говорите о добротѣ и добродушіи императора Павла, съ другими свѣдѣніями, коими однако пренебрегать нельзя?

На это онъ отвѣтилъ мнѣ, что, дѣйствительно, государь былъ чрезвычайно раздражителенъ и не могъ иногда сдерживать себя, но что эта раздражительность происходила не отъ природнаго его характера, а была послѣдствіемъ одной попытки отравить его. Князь Лопухинъ увѣрялъ меня съ нѣкоторою торжественностью, что этотъ фактъ извѣстенъ ему изъ самаго достовѣрнаго источника.

(Изъ послѣдующихъ же моихъ разговоровъ съ нимъ я понялъ, что это сообщено было самимъ императоромъ Павломъ княгинѣ Гагариной).

Когда Павелъ былъ еще великимъ княземъ, онъ однажды внезапно заболѣлъ; по нѣкоторымъ признакамъ, докторъ, который состоялъ при немъ, угадалъ, что вели-

кому князю дали какого-то яду, и, не теряя времени, тотчасъ принялся лѣчить его противъ отравы [1]. Больной выздоровѣлъ, но никогда не оправился совершенно; съ этого времени на всю жизнь нервная его система осталась крайне разстроенною: его неукротимые порывы гнѣва были не что иное, какъ болѣзненные припадки, которые могли быть возбуждаемы самымъ ничтожнымъ обстоятельствомъ. Князь Лопухинъ былъ нѣсколько разъ свидѣтелемъ подобныхъ явленій: императоръ блѣднѣлъ, черты его лица до того измѣнялись, что трудно было его узнать, ему давило грудь, онъ выпрямлялся, закидывалъ голову назадъ, задыхался и пыхтѣлъ. Продолжительность этихъ припадковъ была не всегда одинакова. Когда онъ приходилъ въ себя и вспоминалъ, что говорилъ и дѣлалъ въ эти минуты, или когда изъ его приближенныхъ какое-нибудь благонамѣренное лицо напоминало ему объ этомъ, то не было примѣра, чтобы онъ не отмѣнялъ своего приказанія и не старался всячески загладить послѣдствія своего гнѣва.

Къ какому году должна быть отнесена эта попытка отравленія, князь Лопухинъ не могъ опредѣлить [2], но, въ подтвержденіе сказаннаго имъ, привелъ слѣдующій случай, коего онъ былъ свидѣтелемъ.

Осень 1800 года была сырая и дождливая. Несмотря на это, императоръ продолжалъ оставаться въ Гатчинѣ [3], потому что все надѣялся переѣхать прямо въ Михайловскій замокъ, постройку котораго онъ всѣми мѣрами торопилъ. Въ Гатчинѣ какъ вездѣ, государь обыкновенно присутствовалъ при смѣнѣ караула. Если стать на дворѣ Гатчинскаго дворца спиною къ главному фасу, то новый караулъ, вступая на дворъ, строился въ три шеренги у лѣваго флигеля дворца, въ то время, какъ старый караулъ дѣлалъ то же самое на противоположной сторонѣ у праваго флигеля, возлѣ гауптвахты. Государь стоялъ посреди двора и командовалъ смѣну. Когда караулъ наряжался отъ какого-нибудь кавалерійскаго полка, то нижніе чины вступали пѣшими на дворъ, а караульный офицеръ въѣзжалъ верхомъ: онъ долженъ былъ тихимъ шагомъ подъѣхать къ императору, рапортовать, что къ его императорскому величеству отъ такого-то полка въ караулъ наряженъ; за симъ онъ тѣмъ же шагомъ отъѣзжалъ отъ государя, спѣшивался и становился у праваго фланга первой шеренги своего взвода. Вступилъ караулъ отъ лейбъ-гусарскаго полка; при немъ офицеромъ былъ Тутолминъ [4], Дмитрій Ѳедоровичъ. У Тутолмина лошадь была ретивая; онъ не могъ ее сдержать и, подъѣзжая къ императору, обрызгалъ его грязью съ ногъ до головы.

[1] Лейбъ-медикъ при великомъ князѣ Павлѣ Петровичѣ, колл. сов. Иванъ Фрейгангъ?

[2] Нѣкоторыя соображенія позволяютъ допустить возможность этой попытки въ первой половинѣ 1778 года.

[3] Въ этомъ году, въ сентябрѣ мѣсяцѣ, происходили около Гатчины большіе маневры, на которыхъ государь остался крайне недоволенъ лейбъ-гусарами и конной гвардіею.

Павелъ переѣхалъ изъ Гатчины въ С.-Петербургъ въ Зимній дворецъ 1-го ноября.

[4] 29-го декабря 1796 года Тутолминъ изъ камеръ-пажей опредѣленъ поручикомъ въ лейбъ-гусарскій полкъ (приказы).

Мгновенно государь пришелъ въ крайнее раздраженіе и началъ кричать. Тутолминъ тотчасъ повернулъ назадъ; подъѣхавъ къ караулу, соскочилъ съ лошади и сталъ на свое мѣсто.

Императоръ бросился къ нему съ поднятою тростью; увидавъ это, Тутолминъ побѣжалъ между шеренгами; императоръ за нимъ; погоня длилась нѣкоторое время; наконецъ, Тутолминъ скрылся совсѣмъ. Императоръ не кончилъ развода и возвратился во дворецъ. Страшно было взглянуть на него. На слѣдующій день, отпуская караулъ, государь, какъ только увидѣлъ Тутолмина, подошелъ къ нему, положилъ руку на его плечо и ласково сказалъ ему при всѣхъ: «Благодарю тебя; ты вчера спасъ отъ бѣды и себя и меня».

Въ другой разъ, императоръ встрѣтилъ на улицѣ одного гольстейнца, служившаго офицеромъ въ одномъ изъ гвардейскихъ полковъ и лично извѣстнаго ему по своей прежней службѣ въ гатчинскихъ войскахъ; имени его князь Лопухинъ не могъ припомнить. Императоръ замѣтилъ у него какую-то неисправность въ формѣ и сталъ его бранить. Офицеръ хотѣлъ было оправдаться. Императоръ, еще болѣе раздраженный, ударилъ его своею тростью. На другой день онъ позвалъ къ себѣ этого офицера, извинился передъ нимъ, далъ ему щедрое вознагражденіе и, сверхъ того, назначилъ пенсію, но въ то же время приказалъ ему подать въ отставку и отправиться назадъ въ свое отечество, «потому,—сказалъ онъ,—что въ русской арміи не можетъ оставаться офицеръ, потерпѣвшій оскорбленіе».

Къ несчастію, продолжалъ князь Лопухинъ, были около императора люди злонамѣренные, которые пользовались его раздражительностью, а въ послѣднее время даже возбуждали ее, чтобы для своихъ цѣлей сдѣлать государя ненавистнымъ. Хотя повелѣнія о наказаніяхъ и ссылкахъ и объявлялись большею частію тайною экспедиціею, бывшею въ завѣдываніи генералъ-прокурора Обольянинова, но Обольяниновъ былъ только безпрекословнымъ исполнителемъ приказаній, которыя получалъ. Онъ не былъ подстрекателемъ.

VI.

Николая Осиповича Котлубицкаго (коего разсказы напечатаны въ «Русскомъ Архивѣ» 1866 года) князь Лопухинъ лично не зналъ, но только слышалъ о немъ, что онъ былъ человѣкъ ума весьма ограниченнаго. Будучи уже генералъ-аншефомъ, онъ все еще жаловался, что его обошли двумя чинами [1].

При императорѣ Павлѣ находился шутъ Иванушка-дурачекъ, всегда одѣтый въ смѣшной разноцвѣтный костюмъ. Онъ былъ вовсе не глупымъ человѣкомъ. Въ 1799 году, за нѣсколько дней до Петрова дня (29-го іюня), генералъ-прокуроръ имѣлъ обыкновенный свой докладъ у государя. Въ сосѣдней залѣ придворные, зная,

[1] О Котлубицкомъ Я. И. Санглenъ въ своихъ запискахъ приводитъ анекдотъ о пристройкѣ къ кордегардіи вслѣдствіе большого числа арестованныхъ офицеровъ, которымъ такъ тѣсно, что ни сѣсть ни лечь нельзя.

что генералъ-прокуроръ докладывалъ по многимъ наградным спискамъ, вели между собою оживленный разговоръ и предавались разнымъ догадкамъ о томъ, что кого ожидало къ тезоименитству императора. Такъ какъ Иванушка имѣлъ во всякое время свободный входъ въ кабинетъ государя, то кто-то изъ нихъ и попросилъ его войти туда и послушать, что тамъ говорится. Иванушка пошелъ. Чрезъ нѣсколько времени онъ возвращается; всѣ и обступили его съ вопросомъ: Ну, что?— «Да вотъ что,— сказалъ онъ: — Лопухинъ сидитъ напротивъ царя и докладываетъ: потому, посему ничего никому; а царь ему въ отвѣтъ: быть по сему».

Иванушка-дурачекъ жилъ сперва у Воина Васильевича Нащокина. Этотъ Нащокинъ извѣстенъ былъ своими жестокостями [1].

По смерти Нащокина Иванушка шатался нѣкоторое время по Москвѣ; наконецъ, былъ принятъ въ домъ Петра Васильевича Лопухина. Когда же Лопухины всѣ переѣхали въ Петербургъ, то съ ними переѣхалъ и Иванушка, и уже отъ нихъ, понравившись государю, поступилъ во дворецъ [2].

VII.

Конная гвардія.

По увѣренію князя Лопухина, пресловутой ссылки цѣлаго полка,— какъ говорятъ, Конной гвардіи,— съ плацпарада прямо въ Сибирь никогда не было: это одинъ изъ тѣхъ злонамѣренныхъ вымысловъ, коими такъ щедры насчетъ императора Павла.

Саблуковъ, служившій полковникомъ въ Конной гвардіи, также ничего не говоритъ объ этой ссылкѣ въ Сибирь, хотя и упоминаетъ о переводѣ полка въ Царское Село, гдѣ онъ простоялъ почти весь 1800 годъ.

Причину этого перевода въ Царское Село Комаровскій («Русскій Архивъ» 1867, стр. 540) объясняетъ тѣмъ, что на парадѣ, бывшемъ 6-го января 1800 года для освѣщенія знаменъ и штандартовъ, Конная гвардія, проходя церемоніальнымъ маршемъ мимо государя, такъ его прогнѣвала, что онъ приказалъ ей въ тотъ же день выступить въ Царское Село. Но здѣсь, повидимому, память измѣнила графу Комаров-

[1] Воинъ Васильевичъ Нащокинъ былъ сынъ Василія Александровича Нащокина, коего записки напечатаны въ С.-Петербургѣ въ 1842 году.

[2] Въ разсказахъ стараго пажа о времени Павла I («Русская Старина» 1882 года, т. 33-й, стр. 214) сообщены еще слѣдующія свѣдѣнія объ Иванушкѣ: «Однажды государь, выслушивая далеко не глупые отвѣты на вопросъ: «что отъ кого родится», обратился къ Иванушкѣ: «Ну, Иванушка, а отъ меня что родится?» Шутъ, нимало не оробѣвъ, бойко отвѣчалъ: «Отъ тебя, государь, родятся чины, кресты, ленты, вотчины, сибирки, палки, каторги, кнуты». Разгнѣванный этимъ отвѣтомъ, императоръ приказалъ немедленно заковать бѣднаго шута въ кандалы и наказать палками. Съ трудомъ могли его умилостивить, и все ограничилось лишь тѣмъ, что удалили дурака изъ Петербурга. Шута этого впослѣдствіи хорошо знали въ Москвѣ». Н. Ш.

скому. Слѣдуетъ замѣтить: 1) что 6-го января 1800 года вовсе не было парада. Изъ камеръ-фурьерскаго журнала видно, что 1800 года января 5-го императоръ послѣ развода въ экзерцигаузѣ дѣйствительно выѣхалъ верхомъ на плацъ передъ дворцомъ, чтобы назначить мѣсто для войскъ по случаю предстоящаго праздника слѣдующаго дня; но на слѣдующій день, 6-го января, морозу было болѣе 5-ти градусовъ, а именно 8 градусовъ, а потому войска не были разставлены передъ дворцомъ, и императоръ, какъ обыкновенно, присутствовалъ только у развода; 2) новые штандарты (съ надписью «Благодать») уже даны были Конной гвардіи за годъ передъ тѣмъ, т. е. 6-го января не 1800, а 1799 года, когда о переводѣ полка въ Царское Село и рѣчи не было, и эти штандарты употреблялись полкомъ до самаго 1808 года (Анненковъ, I, стр. 182).

VIII.

Княгиня Анна Петровна Гагарина.

Имя княгини Анны Петровны Гагариной, сестры князя Лопухина (хотя отъ другой матери), уже нѣсколько разъ встрѣчалось въ нашихъ разговорахъ, но только вскользь, и я какъ-то совѣстился допытывать старика. Предметъ былъ весьма щекотливый. Однако, благодаря тому, что князь Лопухинъ мало-по-малу увлекался воспоминаніями о своей молодости, я могъ узнать отъ него слѣдующія подробности.

Анна Петровна родилась 8-го ноября 1777 года. Любопытно, что когда она была еще ребенкомъ, ей было предсказано одною гадальщицею, что она сдѣлается знатною дамою и будетъ носить четыре ордена. Четыре ордена для женщины въ то время не было мыслимо. Но предсказаніе сбылось въ точности; въ царствованіе императора Павла Анна Петровна имѣла шифръ фрейлины, кокарду статсъ-дамы, большой крестъ св. Екатерины и знакъ Мальтійскаго ордена.

Извѣстно, что по водвореніи Мальтійскаго ордена въ Россіи въ 1798 году императоръ Павелъ раздавалъ знаки онаго и дамамъ, впрочемъ весьма немногимъ [1].

Нельзя сказать, чтобы Анна Петровна была красавицею, но и нельзя было ея не замѣтить; она поражала своими большими черными глазами и черными, какъ смоль, волосами. Волосы ея были до того черны, что имѣли синеватый отливъ.

Наклонность императора Павла къ ней проявилась вскорѣ по прибытіи ея вмѣстѣ съ семействомъ изъ Москвы въ Петербургъ (осенью 1798 года) [2]. Подъ вліяніемъ

[1] По мѣсяцеслову 1802 года только двѣ статсъ-дамы значатся кавалерами ордена св. Іоанна Іерусалимскаго: графиня Екатерина Васильевна Литта и княгиня Анна Петровна Гагарина.

[2] Пожалована въ камеръ-фрейлины 6-го сентября 1798 года.

Изъ камеръ-фурьерскаго журнала видно, что она въ первый разъ ужинала въ Зимнемъ дворцѣ на балѣ 3-го октября 1798 года. Императоръ въ этотъ день за столъ не садился (какъ сказано тамъ же), «изволилъ проводить время обозрѣніемъ засѣдающихъ при столѣ персонъ».

рыцарскаго чувства, императоръ допекивался взаимности, но княжна Анна Петровна употребляла всѣ старанія, чтобы отклонить его любовь. Когда же государь сдѣлался уже слишкомъ требовательнымъ, она рѣшила ему сказать, что не можетъ любить его, потому что сердце ея не свободно и принадлежитъ маіору князю Гагарину [1], находившемуся въ то время въ арміи Суворова въ Италіи [2].

Павелъ во всю жизнь свою имѣлъ порывы къ великодушію. Онъ тотчасъ предписалъ Суворову прислать Гагарина курьеромъ въ Петербургъ съ извѣстіемъ о первомъ счастливомъ событіи. Суворову исполнить это приказаніе было не трудно; побѣды слѣдовали за побѣдами, и 11-го іюля 1799 года Гагаринъ привезъ извѣстіе о двукратномъ пораженіи Макдональда на Треббіи [3]. Награды посыпались на счастливаго вѣстника. Но прошло еще болѣе полугода, пока императоръ рѣшился довершить свой великодушный подвигъ. Видясь ежедневно съ Анною Петровною, императоръ почиталъ ее своимъ другомъ и привыкъ въ ея обществѣ отдыхать отъ своихъ занятій.

[1] Князь Павелъ Гавриловичъ Гагаринъ, р. 1777 † 1850.

[2] Разсказъ князя Лопухина совершенно согласенъ съ разсказами и Саблукова (стр. 307) и Жоржеля (VI, 368), сочиненія которыхъ, какъ я въ томъ удостовѣрился, ему неизвѣстны. По другое преданіе о замужествѣ княжны Анны Петровны сохранилось въ семействѣ Кочубеевъ.

Отъ князя Льва Викторовича Кочубея я слышалъ слѣдующее: задумавъ выдать Лопухину замужъ, Павелъ не сразу выбралъ Гагарина; онъ сперва имѣлъ виды на Виктора Павловича Кочубея. Кочубей, предупрежденный Ростопчинымъ о намѣреніи императора, тотчасъ бросился къ Васильчиковымъ и просилъ руки ихъ дочери Маріи Васильевны, которая жила у своей тетки Наталіи Кирилловны Загряжской, рожденной графини Разумовской (Марія Васильевна была дочь Василія Семеновича Васильчикова, брата екатерининскаго фаворита отъ брака его съ графинею Анною Кирилловною Разумовскою), но при этомъ поставилъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы свадьба совершена была черезъ два дня. Васильчиковы согласились. Когда же Павелъ узналъ, что предположенія его разстроены, онъ до того разгнѣвался, что приказалъ Кочубею и его молодой женѣ немедленно поѣхать въ деревню; Кочубей отправился въ Диканьку. Проживши тамъ нѣкоторое время и бывши постоянно больнымъ по возвращеніи изъ Константинополя, онъ просился за границу для излѣченія болѣзни. Императоръ соизволилъ, но воспретилъ ему жить въ Парижѣ, Вѣнѣ, Берлинѣ и т. д. Въ этотъ перечень главнѣйшихъ городовъ Европы, по ошибкѣ или съ намѣреніемъ, не былъ включенъ Дрезденъ; туда и поѣхалъ Кочубей. Онъ прожилъ въ Дрезденѣ до самаго воцаренія императора Александра Павловича.

Это преданіе, насколько оно относится къ Аннѣ Петровнѣ Лопухиной, не подтверждается современными свидѣтельствами; до нѣкоторой степени оно даже имъ противорѣчитъ. Такъ Саблуковъ, бывшій, какъ видно изъ его «Воспоминаній», весьма частымъ посѣтителемъ дома Н. К. Загряжской, говоритъ по случаю смерти императрицы Екатерины (6-го ноября 1796 года), что въ то время Кочубей только что былъ помолвленъ на Маріи Васильевнѣ Васильчиковой. Саблуковъ не могъ бы не знать о возникшемъ будто бы впослѣдствіи предположеніи Павла женить Кочубея на княжнѣ Лопухиной, и, по всей вѣроятности, онъ не прошелъ бы этого обстоятельства молчаніемъ.

[3] 7-го, 8-го и 9-го іюня 1799 года. Милютинъ, I, 531 и слѣд. (изд. 1857 года).

Свадьба ея съ Гагаринымъ, уже произведеннымъ въ генералъ-адъютанты, все откладывалась, и только 8-го февраля 1800 года была отпразднована при дворѣ со всевозможною пышностію.

Послѣ свадьбы императоръ продолжалъ попрежнему посѣщать княгиню Гагарину; но великодушіе его постоянно истощалось, и страсть брала свое. Онъ сталъ настойчивѣе домогаться любви Анны Петровны. Она не уступала, и сопротивленіе ея часто порождало ссоры съ самодержавнымъ обожателемъ.

Одна изъ этихъ ссоръ случилась лѣтомъ 1800 года, во время пребыванія двора въ Царскомъ Селѣ. Кстати: во все царствованіе императора Павла это было едва ли не единственное его пребываніе въ любимомъ дворцѣ его матери. Дворъ оставался тутъ двѣ недѣли (съ 17-го по 31-е іюля 1800 года). Само собою разумѣется, что княгиня Гагарина находилась въ числѣ приближенныхъ лицъ, слѣдовавшихъ за дворомъ, и ей отведена была квартира въ самомъ дворцѣ. Императоръ заходилъ къ ней, по обыкновенію, весьма часто и не переставалъ твердить ей о своей любви. Однажды княгиня рѣшилась бѣжать въ Петербургъ. Не безъ препятствій удалось ей это исполнить. Придворная ея челядь, всегда чуткая къ своимъ выгодамъ и, вѣроятно, уже понимавшая желаніе государя не отпускать княгиню отъ себя, отказала ей въ придворной каретѣ. Тогда Анна Петровна рѣшилась уйти изъ дворца пѣшкомъ, чтобы отыскать какой нибудь частный экипажъ. Эта рѣшимость заставила прислугу одуматься, и, едва княгиня вышла изъ дворца, какъ ей подана была придворная карета, въ которой она и уѣхала въ Петербургъ.

Братъ ея, князь Лопухинъ, свѣдавъ, что она въ крайнемъ волненіи отправилась въ городъ, и не постигая причины столь неожиданнаго отъѣзда, пожелалъ немедленно слѣдовать за сестрою; но, будучи флигель-адъютантомъ, не могъ отлучиться безъ разрѣшенія государя. Онъ поэтому явился къ императору и просилъ позволенія поѣхать въ Петербургъ. Павелъ былъ сильно не въ духѣ и закричалъ: «Болванъ, на что тебѣ?» Лопухинъ объяснилъ, что онъ желалъ бы поскорѣе видѣть свою сестру, потому что, какъ ему сказали, она уѣхала въ Петербургъ совсѣмъ разстроенная.

Вѣсть эта, какъ громъ, поразила императора. Отвѣчая на собственную свою мысль, онъ сказалъ по-французски: «Tout cela, ce sont des exagérations!» — Однако отпустилъ Лопухина, но тутъ же рѣшилъ, что самъ повидается съ княгинею Гагариною.

Императору нужно было на другой день ѣхать въ Петербургъ, чтобы присутствовать на погребеніи великой княжны Маріи Александровны, дочери великаго князя Александра Павловича, скончавшейся 27-го іюля [1]. Императрица, вся императорская фамилія и весь дворъ должны были находиться на этой церемоніи. Случай представлялся неудобнымъ для объясненія. Тогда государь вспомнилъ, что на адмиралтейской верфи достраивался 130-ти-пушечный корабль, названный въ честь княгини Гагариной: «Благодать». Мѣсяца три тому назадъ (3-го мая) уже пробовали его спустить въ присутствіи императора и всего двора, но, неизвѣстно почему, онъ оста-

[1] Родилась 18-го мая 1799 года.

новился на фундаментѣ, и работы около него все еще продолжались. Императоръ призвалъ адмирала графа Кушелева и приказалъ ему, чтобы на другой день похоронъ, а именно 1-го августа, былъ въ адмиралтействѣ торжественный спускъ «Благодати». Кушелевъ боязливо замѣтилъ, что корабль еще не совсѣмъ готовъ; но императоръ ничего не хотѣлъ принимать во вниманіе и остался при своемъ повелѣніи.

31-го іюля вся императорская фамилія прибыла въ Петербургъ. Послѣ похоронъ императрица Марія Ѳеодоровна въ тотъ же день отправилась въ Гатчину, а императоръ остался въ Петербургѣ.

На слѣдующій день, 1-го августа, согласно отданному приказанію, происходилъ спускъ «Благодати». Княгиня Гагарина, главная виновница этого торжества, присутствовала на немъ вмѣстѣ со всѣми придворными. Въ этотъ разъ все удалось императору: «Благодать» сошла въ воду, а онъ помирился съ княгинею Гагариною. Государь пробылъ въ городѣ еще до слѣдующаго дня, 2-го августа [1]. Съ тѣхъ поръ ссоры его съ Анною Петровною прекратились.

Князь Лопухинъ, помолчавъ немного, прибавилъ, что въ то время понятія и нравы были совсѣмъ иныя, чѣмъ теперь. Ни докучливыя преслѣдованія императора, ни возвращеніе княгини Гагариной ко двору не представляли ничего особеннаго, ничего, что бы не могло случиться съ каждымъ. Князь Петръ Васильевичъ тогда уже проживалъ въ Москвѣ [2]; онъ туда снова переѣхалъ послѣ того, какъ выдалъ Анну

[1] 130-типушечный корабль «Благодать» заложенъ былъ въ С.-Петербургѣ 25-го февраля 1797 года; строился изъ дуба и сосны; долженъ былъ быть спущенъ 3-го мая 1800 года вмѣстѣ съ кораблями 74-хъ-пушечнымъ «Зачатіе св. Анны» и 72-хъ-пушечнымъ «Архистратигъ Михаилъ»; но за исключеніемъ «Зачатія св. Анны» спускъ остальныхъ двухъ кораблей не удался, и по этому случаю ходила поговорка:

Анна
Сошла плавно;
Михаилъ
Шелъ, да зацѣпилъ,
А Благодать
Велѣла подождать.

6-го августа 1813 года корабль «Благодать» для разломки былъ введенъ въ каналъ въ Кронштадтѣ, а въ 1814 году разобранъ.

Въ бумагахъ бывшаго С.-Петербургскаго генералъ-губернаторства хранится слѣдующій рескриптъ:

«Господинъ генералъ-отъ-кавалеріи графъ фонъ-деръ-Паленъ. Объявите мою благодарность городской думѣ за способствованіе купцовъ и мѣщанъ при спускѣ корабля «Благодати», и для объявленія сего сберите въ думу всѣхъ тѣхъ купцовъ и мѣщанъ, которые въ семъ способствовали.

«Пребываю вамъ благосклонный

(подп.) «Павелъ».

Августа 3-го дня
1800 года.
Г. Гатчино.

[2] Еще въ 1799 году, іюля 7-го, князь Лопухинъ по прошенію уволенъ былъ отъ всѣхъ дѣлъ.

*

Петровну замужъ и отдалъ ей, въ приданое свой домъ на Дворцовой набережной. (Каждой изъ другихъ дочерей, при замужествѣ, онъ давалъ по 200.000 рублей). Когда ему говорили о положеніи княгини Гагариной при дворѣ, онъ обыкновенно отвѣчалъ: «Пока она была въ дѣвицахъ, я по отцовской обязанности ее защищалъ; теперь она замужемъ; у нея есть защитникъ; мнѣ до нихъ дѣла никакого нѣтъ».

По смерти императора Павла, Гагаринъ назначенъ былъ посланникомъ при королѣ Сардинскомъ, имѣвшемъ въ то время пребываніе въ Римѣ [1]. Онъ отправился туда съ женою и оставался въ Италіи до 1803 года, а въ этомъ году возвратился въ Россію.

Въ 1805 году (25-го апрѣля) княгиня Анна Петровна скончалась на 28-мъ году отъ рожденія, въ чахоткѣ, послѣ родовъ [2]. Ребенокъ ея прожилъ только нѣсколько недѣль.

[1] Въ мѣсяцесловѣ на 1802 годъ князь Павелъ Гавриловичъ Гагаринъ, генералъ-маіоръ и генералъ-адъютантъ, показанъ чрезвычайнымъ посланникомъ и полномочнымъ министромъ въ Сардиніи.

[2] Княгиня Анна Петровна погребена въ Александро-Невской лаврѣ (въ С.-Петербургѣ), въ церкви св. Лазаря.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ОГЛАВЛЕНІЕ

УКАЗАТЕЛЬ ПОРТРЕТОВЪ, РИСУНКОВЪ, ФАКСИМИЛЕ И АВТОГРАФОВЪ.

Портреты.

Виды.

Планы.

Факсимиле.

Автографы.

I.

Письмо великой княгини Маріи Ѳеодоровны, написанное послѣ рожденія великаго князя Николая Павловича. (Стр. 161).

Pawlowskoe ce 10 Juillet
1796.

Je viens de recevoir ce matin Votre lettre Mademoiselle, et je m'empresse d'y répondre pour Vous assurer que j'y ai vu avec plaisir et sensibilitée les expressions de Vos sentimens pour le cher Grand Duc et pour moi, nous vous en remercions sincèrement et Vous prions d'être persuadée de tout notre empressement à Vous prouver en toute occasion les notres. Recevez encore Mademoiselle mes remercimens des félicitations que Vous m'adressez sur mon heureuse délivrance et la naissance de mon fils, qui comble mes voeux. Dieu veuille me le conserver, j'ose l'espérer de Sa bonté, car il parait être très fort, robuste et bien constitué, on le trouve beau, et j'ose avouer qu'il le parait à mes yeux. Le Grand Duc me charge expressement de Vous faire ses complimens, Madame de la Font trouve ici les miens, et Vous Mademoiselle recevez les assurances vrais que je suis et serai constament Votre bien affectionnée

Marie [1].

II.

Письмо императора Павла къ Сергѣю Кузьмичу Вязмитинову. (Стр. 241).

Сергей Кузмичь увѣдомь меня какія по сіе число вѣщи мундирныя и амуничныя въ какую инспекцію и на какое число отпущены и какія куда еще отпустить слѣдуетъ. Вашъ благосклонной

Павелъ [2].

1 Не написано ли это письмо Е. И. Нелидовой, которая въ то время жила въ Смольномъ монастырѣ? Упомянутое въ письмѣ имя госпожи де-ла-Фонъ даетъ нѣкоторое основаніе сдѣлать подобное предположеніе.

2 Изъ собранія автографовъ А. А. Титова.

III.

Записка императора Павла къ генералъ-маіору Антону Антоновичу Скалону, шефу драгунскаго Скалона (Сибирскаго) полка. (Стр. 257).

Офицера сего нашелъ я въ тронной у себя въ шляпѣ, судите сами.

Павелъ [1].

IV.

Письмо князя Платона Александровича Зубова къ императору Павлу. (Стр. 273).

Облагодетельствованны Тобою Велики Государь дерзаетъ обнажая передъ Тобою благодареніемъ преисполненную душу свою, пасть къ стопамъ Твоимъ и предать судьбу свою Твоей священной воле, учини Государь съ обожающимъ сердце Твое, по добродетельному сердцу Твоему.

Совершенное изнеможеніе силъ такъ разстроило здоровье что не смотря на все усиліи отъ безпредельнаго усердии произтекающихъ, смутность духа и слабость способностеи, противъ воли моеи, и къ пущему сокрушению моему воспрещаютъ успевать по желанію опасаюсь, что не возмогу выполнить ожиданіи Государя и благотворителя моего упущеніемъ чего либо отъ важнои для Государства должности моеи въ таковомъ разстроенномъ и физическомъ и моральномъ положеніи противупологаю пользу делъ Твоихъ и славу Твою собственнои пользе и честолюбию моему не могу не предпочесть первыхъ и не просить Тебя! велики Государь! отдаи места мои достоинеишимъ, которые бы лучше могли исполнить священную волю Твою, ко благу общему, а меня уволь отъ всехъ делъ, дабы я поправя здоровье, разсеивъ воспоминанія, собравъ мысли устроя голову и укрепя духъ мой, возмогъ съ какою либо пользою, посветить Тебе все дни жизни моеи да и самую жизнь мою.

Прости Государь дерзновение, что собою занимаю драгоценные часы твои отечеству. Благоволени Твое цѣня превыше всехъ благъ на свете ищу сохранить оное и чувствую что погаслые возможности несмотря на все усиліи усердии и благодарности удобны утратить оное, признаю предъ Тобою недостатки мои и молю Тебя достави мне необходимое успокоеніе, сохрани мне благость Твою, уволь меня съ благоволеніемъ да и предъ целымъ светомъ, и въ уединении моемъ предъ всемогущимъ Богомъ, благодарностью преисполненная душа моя, возхвалитъ и возвеличитъ великодушие милосердие и все хрестианские добродетели чувствительнаго сердца Твоего упадаю къ священнымъ стопамъ Твоимъ съ глубочайшимъ благоговеніемъ до конца днеи моихъ пребуду

всемилостивѣйшій Государь
вашего императорскаго величества
вернеишы подданны
князь Платонъ Зубовъ.

3-го декабря 1796 года.
С.-Петербургъ.

[1] Съ этой запиской провинившійся офицеръ, прямо изъ дворца, отправленъ былъ въ Сибирь, къ генералу А. А. Скалону. Автографъ императора сообщенъ намъ генералъ-лейтенантомъ Дмитріемъ Антоновичемъ Скалономъ. Къ сожалѣнію, не сохранилась фамилія офицера, подвергшагося столь строгому взысканію.

V.

Письмо Суворова къ императору Павлу. (Стр. 281).

Всемилостивѣйшій Государь

Ваше Императорское Величество съ высокоторжествѣннымъ днемъ рожденія, всѣподданнѣйше поздравляю.

Сего числа пріѣхалъ ко мнѣ коллежской совѣтникъ Николевъ. Великій Монархъ! сжальтесь: умилосердитесь надъ бѣднымъ старикомъ: Проститѣ ежели въ чемъ согрѣшилъ.

Повергая себя съ освященнѣйшимъ Стопамъ
Вашего Императорскаго Величества
всеподданнѣйшій
Г. А. Суворовъ-Рымникскій.

ч: 20 сентября 1797 году.
Боровичския деревни.

VI.

Письмо графа П. А. фонъ-деръ-Палена къ П. Х. Обольянинову. (Стр. 353).

Милостивый Государь
Петръ Хрисанфовичъ

Во исполненіе Высочайшаго Его Императорскаго Величества повелѣнія объявленнаго въ почтеннѣйшемъ отношеніи вашего высокопревосходительства за № 5016, отставной штабсъ-ротмистръ Бѣляевъ посаженъ въ цухтъ-гаузъ. Извѣщая о семъ васъ милостиваго государя моего, съ истиннымъ почтеніемъ и совершенной преданностью имѣю честь быть,

Милостивый Государь мой
вашего высокопревосходительства
Покорнѣйшій слуга
Графъ фонъ Деръ Паленъ.

№ 356
Іюня 18 дня 1800 года.
Его в: прву Обольянинову.

VII.

Грамота императора Павла Ѳ. В. Ростопчину на пожалованный ему орденъ св. Іоанна Іерусалимскаго. (Стр. 369).

Божіею милостію Мы Павелъ Первый Императоръ и Самодержецъ Всероссійскій
и прочая и прочая и прочая
Великій Магистръ ордена св. Іоанна Іерусалимскаго
и прочая и прочая и прочая.

Намъ любезновѣрному дѣйствительному тайному совѣтнику Ростопчину.

Усердная служба и храбрость ваши пріобрѣтшія Наше Императорское особливое благоволѣніе даютъ вамъ право ко причисленію васъ въ число кавалеровъ знаменитаго ордена св. Іоанна Іерусалимскаго. Мы потому пожаловали васъ кавалеромъ сего ордена, присовокупляя къ оному командорство въ 200 рублей ежегоднаго дохода состоящее, Божію препоручая васъ сохраненію. Данъ въ Санктпетербургѣ декабря 21-го дня 1798 года, царствованія Нашего въ 3-е, а великаго магистерства Нашего въ 1-е.

Павелъ.
Графъ Литта.

УКАЗАТЕЛЬ ЛИЧНЫХЪ ИМЕНЪ,

УПОМИНАЕМЫХЪ ВЪ СОЧИНЕНІИ Н. К. ШИЛЬДЕРА

«ИМПЕРАТОРЪ ПАВЕЛЪ ПЕРВЫЙ».

А.

Б.

В.

Г.

Д.

Е.

Ж.

З.

И.

I.

К.

Л.

М.

Н.

О.

П.

Р.

С.

Т.

У.

Ф.

Х.

Ч.

Ш.

Щ.

Э.

Ю.

Я.